

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 5 МАЙ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ
LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
DAVIS
Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ. Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	1
2. Къ біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ.	3
3. Страница изъ воспоминаній А. А. Спандони.	14
4. Въ неволѣ. Воспоминанія. И. С. Джабадари.	39
5. Побѣгъ Алеши Поповича. М. Ф. Фроленко	67
6. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источни-</i> <i>камъ</i>). М. К. Лемке. Окончаніе	77
7. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. М. Н. Чернышевскаго.	131
8. Къ событію 1 марта 1881 года. А. В. Тыркова.	141
9. Воспоминанія студента-солдата. Л. С.	163
10. Послѣдній день Каляева. Н. Н.	186
11. Къ исторіи «Петрашевцевъ». (<i>Сочиненіе Григорьева,</i> <i>«Солдатская Бесѣда»</i>).	191
12. Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ. П. Е. Щеголева	195
13. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни револю- ціонеровъ 1878—1881 г. О. С. Любатовичъ.	208
14. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Оконча- ніе. Н. П. Сильванскаго	248
15. Антонъ Антоновичъ Костюшко-Валюженичъ. (<i>Воспоми-</i> <i>нія</i>). О. Г.	273
16. Мартынъ Лангансъ. (<i>Изъ воспоминаній</i>). С. Ф. Русовой.	278
17. Историческая бібліографія. (П. И. Пестель. Русская Правда.—В. Акимовъ (<i>Махновецъ</i>). Очерки развитія со-	

- ціаль-демократія въ Россіи.—Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю и И. С. Тургеневъ. Порогъ.—Эмма. Романъ Швейцара). 284
18. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета 300
19. Современная Лѣтопись 304
29. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова. Обрядъ казни—37. Кара за любовь къ родинѣ. (Дѣла Сынека и Биронта 1882 г.)—63. Письмо А. А. Дельвига А. С. Пушкину—139. Посланіе М. И. Михайлову. П. Л. Лаврова—185. Бакунинскіе царевубійцы—246. Крестьянскія воспоминанія о Пестелѣ—271.

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. Н. Фигнеръ, И. П. Каляева, С. М. Кравчинскаго, А. А. Костюшко-Валюженича, М. Р. Ланганса и видъ Виллюйской тюрьмы, въ которой былъ заключенъ Чернышевскій.

**Вѣра Николаевна
ФИГНЕРЪ.**

Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова.

Въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова ¹⁾ печатается слѣдующій отрывокъ изъ затеряннаго стихотворенія поэта «Наводненіе».

«И день насталь—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы».

Это начало затеряннаго стихотворенія впервые было напечатано въ рецензій М. Н. Лонгинова на изданіе «Сочиненій Лермонтова подъ редакціей Дудышкина ²⁾». М. Н. Лонгиновъ указалъ, что текстъ этого стихотворенія онъ видѣлъ среди другихъ бумагъ Лермонтова у своего пріятеля Л. И. А. и привелъ извѣстныхъ намъ четыре стиха, которыми начиналось «Наводненіе». Въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, составленномъ въ 50-хъ годахъ извѣстнымъ любителемъ литературы и писателемъ Н. И. Второвымъ, найденъ и переданъ намъ полный списокъ стихотворенія, озаглавленнаго здѣсь «Отрывокъ» и подписаннаго «М. Лермонтовъ». Первые четыре стиха почти тождественны, а остальные—такого рода, что Лонгиновъ какъ разъ и не могъ воспроизвести ихъ въ свое время по цензурнымъ соображеніямъ. Последнимъ соображеніемъ и объясняется «затерянность» стихотворенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ приводимомъ нами списокѣ мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ стихотвореніемъ М. Ю. Лермонтова, чрезвычайно любопытнымъ для его міросозерцанія. Нельзя, конечно, поручиться за тожество списка съ оригиналомъ автора, но мало ли мы знаемъ стихотвореній только по копіямъ и спискамъ!

Вотъ это стихотвореніе:

¹⁾ См., напр., новѣйшее изданіе «Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова» подъ ред. А. И. Введенскаго (Изд. т-ва «Просвѣщеніе») Т. III, стр. 269.

²⁾ «Современникъ» 1860 г. т. 26-ой. Совр. лѣтопись, стр. 387.

Отрывокъ.

И день насталъ, и истощилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море шумно ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ: и, окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
«Не бойся, царь... мы здѣсь... Вели,
Чтобъ берега твоей земли
Стихію злую отразили,
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ гранитный городъ твой».

И гордо царь махнулъ рукою
И раздался его приказъ.
Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ-разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встаютъ, ревуть, дворецъ объемлютъ...
Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда мгновенный визгъ ядра
Лишь надъ толпою прокатился
И рой мятежныхъ разогналъ;
И тутъ-то царь затрепеталъ,
И къ царедворцамъ обратился...
Но пусть и мраченъ былъ дворецъ
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.

И гордо онъ на крышу входитъ
Столѣтнихъ, царственныхъ палатъ,
И сокрушенный взоръ возводитъ
На свой великій пышный градъ...

М. Лермонтовъ.

Изъ біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ.

I.

Речь В. Н. Фигнеръ, произнесенная ею въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ 27 января 1884 года.

Въ настоящій моментъ разсмотрѣнію суда подлежатъ мои дѣйствія, начиная съ 1879 года. Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи выразилъ удивленіе, какъ по отношенію къ ихъ качеству, такъ и по отношенію къ количеству. Но эти преступленія, какъ и всякія другія, имѣютъ свою исторію. Они находятся въ неразрывной логической связи со всей предыдущей моей жизнью. Сидя въ предварительномъ заключеніи, я часто думала, могла ли моя жизнь итти иначе, чѣмъ она шла, и могла ли она кончиться чѣмъ либо инымъ, кромѣ скамьи подсудимыхъ, и каждый разъ я отвѣчала себѣ: нѣтъ. Я начала жизнь при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. По образованію я не нуждалась въ руководителяхъ; меня не нужно было водить на помочахъ. Семья у меня была развитая и любящая, такъ что борьбы, которая такъ часто бываетъ между старыми и новыми поколѣніями, я не испытывала. Матерьяльной нужды и заботы о кускѣ хлѣба или объ экономической самостоятельности я не знала. Когда я вышла, 17 лѣтъ, изъ института, во мнѣ въ первый разъ зародилась мысль о томъ, что не всё находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ я. Смутная идея о томъ, что я принадлежу къ культурному меньшинству, возбуждала во мнѣ мысль объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на меня мое положеніе по отношенію къ остальной, некультурной, массѣ, которая живетъ изо дня въ день, погруженная въ физическій трудъ и лишенная того, что обыкновенно называется благами цивилизаціи. Въ силу этого представленія о контрастѣ между моимъ положеніемъ и положеніемъ окружающихъ, у меня явилась первая мысль о необходимости создать себѣ какую нибудь цѣль въ жизни, которая клонилась бы ко благу этихъ окружающихъ. Русская журналистика того времени и то женское движеніе, которое было въ полномъ разгарѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дали мнѣ го

товый отвѣтъ на тѣ запросы, которые у меня возникли, указавъ на дѣятельность врача какъ на такую, которая можетъ удовлетворить моимъ филантропическимъ стремленіямъ. Тогда уже была открыта женская академія въ Петербургѣ, но она уже съ самаго начала отличалась той хилостью, которою отличается и до сихъ поръ, постоянно борясь между жизнью и смертью, а такъ какъ у меня рѣшеніе было твердое и я не хотѣла сойти съ разъ принятаго пути, то я рѣшилась отправиться за границу.

И вотъ, значительно перекроивши свою жизнь, я поѣхала въ Цюрихъ и поступила въ университетъ. Заграничная жизнь представляетъ большое различіе съ русской. Тѣ явленія, которыя я тамъ встрѣтила, были для меня вполне новы. Я не была подготовлена къ нимъ тѣмъ, что раньше видѣла и что раньше знала; не была подготовлена къ правильной оцѣнкѣ всего того, что я увидѣла. Идея социализма была воспринята мною первоначально почти инстинктивно. Мнѣ казалось, что она есть не что иное, какъ расширение той самой филантропической идеи, которая у меня возникла раньше. Ученіе, которое обѣщаетъ равенство, братство и общечеловѣческое счастье, должно было подѣйствовать на меня ослѣпляющимъ образомъ. Въмѣсто какихъ нибудь тетюпанъ, у меня явилось представление о народѣ, о человечествѣ. Кромѣ того, я явилась за границу въ такой періодъ, когда только что совершившіяся событія въ Парижѣ и происходившая тогда революція въ Испаніи получили сильный отголосокъ во всемъ рабочемъ мірѣ Запада. Между прочимъ я познакомилась съ ученіемъ Интернаціонала. Я могла только впоследствии оцѣнить, что многое изъ того, что я видѣла тогда, было ничѣмъ инымъ, какъ казовымъ концомъ. Кромѣ того, я не смотрѣла на рабочее движеніе, съ которымъ я познакомилась, какъ на продуктъ западно-европейской жизни, и считала, что то же самое ученіе пригодно для всякаго времени и для всякаго мѣста.

Заграницей же, увлекшись социалистическими идеями, я вступила въ первый революціонный кружокъ, въ которомъ участвовала моя сестра Лидія. Организациія его была весьма слабая: каждый членъ могъ приступить когда угодно и какъ угодно къ своей дѣятельности. Дѣятельность же состояла въ пропагандѣ идей социализма, въ радужной надеждѣ, что народъ, въ силу своей бѣдности и неблагоприятнаго социальнаго положенія, непременно социализируется; что достаточно одного слова, чтобы онъ воспринялъ социалистическія идеи. То, что мы называли также социальной революціей, имѣло скорѣе характеръ мирнаго переворота, т. е. мы думали, что меньшинство, видя невозможность борьбы, принуждено будетъ уступить большинству, сознавшему свои интересы, такъ что о пролитіи крови не было и рѣчи.

Я оставалась заграницей четыре года. Я отличалась всегда нѣкоторымъ консерватизмомъ—въ томъ смыслѣ, что принимала свои рѣшенія не быстро, но, разъ принявши, отступала уже съ трудомъ. Весною кружокъ почти весь отправился въ Россію; я же,

какъ сказала, оставалась за границей четыре года. Моя сестра и другіе члены этого сообщества кончили свою карьеру весьма бѣдственно. Два-три мѣсяца работы на фабрикахъ кончились для нихъ двухъ и трехлѣтнимъ заключеніемъ и затѣмъ судомъ, который приговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на каторгу, а другихъ на поселеніе и на житье. Когда они находились въ тюрьмѣ, то сдѣлали мнѣ призывъ. Мнѣ предложили явиться въ Россію съ цѣлью поддержать дѣло кружка. Такъ какъ я получила достаточно медицинскихъ свѣдѣній и такъ какъ думала, что полученіе степени врача и хирурга будетъ удовлетворять только тщеславію, то я отправилась въ Россію. Тутъ мнѣ пришлось на первыхъ порахъ испытать кризисъ. Движеніе потерпѣло уже пораженіе. Тѣмъ не менѣе я все-таки нашла достаточное количество людей, которые казались мнѣ симпатичными, которымъ я довѣряла, съ которыми я сошлась и вмѣстѣ съ которыми я участвовала въ выработкѣ той программы, которая извѣстна подъ названіемъ программы народниковъ.

Я отправилась въ деревню. Программа народниковъ, какъ суду извѣстно, имѣла цѣли, конечно неразрѣшенныя закономъ, потому что выставляла своею задачею передачу всей земли въ руки крестьянской общины, но—прежде чѣмъ эта задача совершится—та роль, которую должны были играть революціонеры, живя въ народѣ, должна была заключаться въ томъ, что во всѣхъ государствахъ называется не иначе, какъ культурной дѣятельностью. Такимъ образомъ и я явилась въ деревню съ вполне революціонными задачами, но—по тому, какъ я вела себя по отношенію къ крестьянамъ, какъ я дѣйствовала,—я думала, что я не подверглась бы никакому преслѣдованію нигдѣ, кромѣ Россіи, и даже считалась бы небезполезнымъ членомъ общества.

Я поступила въ земство, какъ фельдшерица. Въ очень скоромъ времени противъ меня составила цѣлая лига, во главѣ которой стояли предводитель дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ: урядникъ, писарь и т. д. Про меня распространяли всевозможные слухи: и то, что я безпаспортная—тогда какъ я жила по собственному виду—и то, что дипломъ у меня фальшивый, и проч. Когда крестьяне не хотѣли итти на невыгодную сдѣлку съ помѣщикомъ, говорили, что виновата Филиппова, когда волостной сходъ уменьшалъ жалованье писарю, утверждали, что виновата въ этомъ фельдшерица. Производили негласныя и гласныя дознанія; пріѣзжалъ исправникъ; нѣкоторые крестьяне были арестованы; при допросѣ ихъ фигурировало мое имя; было два доноса губернатору и только благодаря тѣмъ хлопотамъ, которыя принялъ на себя предсѣдатель управы, я была оставлена въ покоѣ. Вокругъ меня образовалась полицейско-шпіонская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы притти ко мнѣ въ домъ. Вотъ эти то обстоятельства и привели меня къ вопросу: что я могу дѣлать при данныхъ условіяхъ? Я скажу откровенно: я поселилась въ деревнѣ въ такомъ воз-

расть, когда грубыхъ ошибокъ въ смыслѣ нетактичности я не могла дѣлать; въ томъ возрастѣ, когда люди дѣлаются болѣе терпимыми, болѣе внимательными къ чужимъ взглядамъ. Я хотѣла изучить почву, узнать, что думаетъ самъ крестьянинъ, чего онъ желаетъ. Я увидѣла, что противъ меня нѣтъ никакихъ фактовъ; что меня преслѣдуютъ собственно за духъ, за направленіе мое; подозрѣвали, что не можетъ быть, чтобы человекъ, нелитературный образованія, поселился въ деревнѣ безъ какихъ нибудь самыхъ ужасныхъ цѣлей. Такимъ образомъ я была лишена возможности просто физическаго сближенія съ народомъ и не могла не только дѣлать что нибудь, но даже сноситься съ нимъ по поводу самыхъ обыденныхъ цѣлей. Тогда я вдумалась, не дѣлаю ли я какихъ нибудь ошибокъ, которыхъ я могла бы, можетъ быть, избѣжать, переѣхавъ въ другую мѣстность, и повторить опытъ. Мнѣ собственно тяжело было разстаться съ тѣми планами, которые у меня были. Я четыре года училась медицинѣ, и уже свыклась съ тою мыслью, что буду дѣйствовать среди крестьянъ. Размышляя на эту тему и собирая свѣдѣнія о другихъ лицахъ, я убѣдилась вполне, что дѣло не въ моей личности и не въ условіяхъ данной деревни, а въ общихъ условіяхъ, особенно въ томъ, что въ Россіи нѣтъ политической свободы. Собственно до этого момента мои задачи были строго экономическія, онѣ не затрагивали моихъ личныхъ интересовъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось на самой себѣ испытать неудобства нашего образа правленія. Я еще нѣсколько раньше получила предложеніе отъ общества «Земли и Воли» поступить въ него и дѣйствовать среди интеллигенціи. Но, въ силу того, что я крѣпко держалась за разъ принятое рѣшеніе, я не принимала этого предложенія и держалась до послѣдней крайности; такъ что не легкомысленное отношеніе, а горькая необходимость заставила меня отказаться отъ первоначальнаго взгляда и вступить на другой путь.

Въ то время начали появляться отдѣльные мнѣнія, что элементъ политическій долженъ играть извѣстную роль въ задачахъ революціонной партіи. Въ обществѣ «Земли и Воли» образовались двѣ категоріи лицъ, которыя тянули въ разныя стороны. Когда я покончила съ деревней, я заявила обществу «Земли и Воли», что въ настоящее время я считаю себя свободною. Въ это время мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или сдѣлать шагъ назадъ, ѣхать за границу и сдѣлаться докторомъ, но уже не для крестьянъ, а для лицъ богатыхъ—чего я не хотѣла—или—что я и предпочла—употребить энергію и силы на то, чтобы сломить то препятствіе, о которое разбились мои желанія. Когда я поступила въ это общество, то было получено приглашеніе на Воронежскій съѣздъ, на которомъ партія еще не раздѣлилась, но только болѣе или менѣе опредѣленно было высказано, кто чего держится. Одни говорили, что надо дѣйствовать попрежнему, т. е. жить въ деревнѣ и организовать возстаніе среди народа въ какой

нибудь опредѣленной мѣстности; другіе говорили, что надо жить въ городахъ и направить свою дѣятельность противъ правительственной власти.

Изъ Воронежа я поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ общество «Земли и Воли» распалось и мнѣ было сдѣлано предложеніе сдѣлаться агентомъ Исполнительнаго Комитета, на что я и изъявила свое согласіе. Моя предыдущая жизнь привела меня къ тому убѣжденію, что единственный путь, которымъ данный порядокъ можетъ быть измѣненъ, есть путь насильственный. Мирнымъ путемъ я итти не могла. Печать, какъ извѣстно, у насъ не свободна, такъ что думать о распространеніи идей посредствомъ печатнаго слова невозможно. Если бы какой нибудь органъ общества показалъ мнѣ какой либо другой путь, кромѣ насилія, быть можетъ я бы его выбрала, по крайней мѣрѣ, попробовала бы. Но я не видѣла протеста ни въ земствѣ, ни въ судѣ, ни въ какихъ либо корпораціяхъ, ни воздѣйствія литературы на какія бы то ни было измѣненія въ той жизни, въ которой мы живемъ, такъ что я считала, что единственный выходъ изъ того положенія, въ которомъ мы находимся, заключается въ насильственной дѣятельности. Разъ принявши это положеніе, я уже пошла этимъ путемъ до конца. Я всегда требовала отъ личности, какъ отъ другихъ, такъ конечно и отъ себя, послѣдовательности и согласія слова съ дѣломъ и мнѣ казалось, что разъ я теоретически признала, что только насильственнымъ путемъ можно что-нибудь сдѣлать, то я обязана принимать непосредственное участіе въ тѣхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ приняты той организаціей, къ которой я примкнула. Къ этому меня принуждало очень многое. Я не могла бы съ спокойной совѣстью предлагать другимъ участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бы я сама не участвовала въ нихъ, и только участіе давало мнѣ право обращаться съ различными предложеніями къ другимъ лицамъ. Собственно организація предпочитала употреблять меня на другія цѣли, на пропаганду среди интеллигенціи, но я хотѣла и требовала себѣ другой роли. Я знала, что и судъ всегда обратитъ вниманіе на то, принимала ли я непосредственное участіе въ дѣлѣ; что и общественное мнѣніе, которое имѣетъ возможность свободно у насъ выражаться, обрушивается всегда съ наибольшею силою на тѣхъ, кто принималъ непосредственное участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; такъ что я считала просто подлостью толкать другихъ на тотъ путь, на который сама бы не шла. Вотъ объясненіе той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной и которая выразилась въ тѣхъ дѣйствіяхъ, одно перечисленіе которыхъ показалось бы суду циничнымъ, если бы они не вытекали изъ такихъ мотивовъ, которые, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не безчестны.

Въ программѣ, по которой я дѣйствовала, самой существенной стороною, которая имѣла для меня наибольшее значеніе, было

уничтоженіе абсолютистическаго образа правленія. Собственно я не придаю практическаго значенія тому, будетъ ли у насъ республика или конституціонная монархія. Я думаю, что можно мечтать и о республикѣ, но что воплотится въ жизнь та форма, къ которой общество окажется подготовленнымъ; такъ что этотъ вопросъ не имѣетъ для меня особеннаго значенія. Я считаю самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ, чтобы явились такія условія, среди которыхъ возможно развитіе своихъ силъ и приложеніе ихъ на пользу общества, и мнѣ кажется, что при нашихъ порядкахъ такихъ условій не существуетъ.

Вотъ все, что я хотѣла сказать суду.

II.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу В. Н. Фигнеръ-Филипповой противъ нея были выдвинуты слѣдующія обвиненія.

«Дознаніями, произведенными по поводу покушеній на жизнь государя Александра II и злодѣйскаго преступленія 1-го марта, а равно по другимъ тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, совершеннымъ террористической фракціей, было установлено, что во всѣхъ этихъ злодѣяніяхъ принимала участіе Фигнеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдующими дознаніями было установлено, что она въ оставшейся группѣ террористовъ заняла первенствующее положеніе. Принятыми мѣрами 10 февраля 1883 г. она была задержана въ Харьковѣ, гдѣ проживала по подложному виду на имя ученицы Харьковскаго земскаго повивальнаго училища Маріи Дмитріевны Боровченко въ домѣ Хорвата по Дмитріевскому переулку. Привлеченная къ отвѣтственности, Фигнеръ объяснила, что выйдя въ 1870 г. замужъ за судебного слѣдователя Казанскаго окружнаго суда, въ 1872 г. отправилась въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Живя въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Бернѣ, ознакомившись съ социалистическимъ ученіемъ, рѣшила въ 1875 г. возвратиться въ Россію и заняться пропагандою социальныхъ идей. Достигнувъ въ 1876 г. развода съ мужемъ, всецѣло предалась дѣлу социализма и съ этого времени судьба ея тѣсно связывается съ революционнымъ движеніемъ въ Россіи во всѣхъ фазахъ его проявленія. Поселившись первоначально въ Петербургѣ, сблизилась съ революционными кружками и въ 1876 г. приняла участіе въ демонстраціи, устроенной социальнореволюціонной партией возлѣ Казанскаго собора. Къ этому времени относится ея знакомство съ Баранниковымъ, Зунделевичемъ, Лизогубомъ, Оболевичемъ и Осинскимъ. Въ 1877 г. отправилась изъ Петербурга въ Самарскую губернію, гдѣ поселилась въ с. Студенцахъ, занявъ должность фельдшерицы. Живя въ Самарской губ., познакомилась съ А. Соловьевымъ и Квятковскимъ, прибывшими туда ранѣе для цѣлей пропаганды. Изъ Самарской губ., гдѣ прожила нѣсколько мѣсяцевъ, скрылась

вслѣдствіе того, что въ это время послѣдовало заарестованіе дѣвицы Чепуриной, у которой были отобраны письма, указывавшія на принадлежность Фигнеръ къ социальнo-революціонной партіи. Проживъ затѣмъ нѣкоторое время въ Воронежѣ, къ началу 1878 г. возвратилась обратно въ Петербургъ и, въ мартѣ того же года, отправилась въ Саратовскую губ., гдѣ находилось много другихъ революціонныхъ дѣятелей, поселилась въ дер. Вязмино, Петровскаго уѣзда, съ сестрою своею Евгеніей и, занимая должность фельдшерицы, обучала крестьянскихъ дѣтей. Въ д. Вязмино видѣла А. Соловьева, который, прибывъ туда въ концѣ 78 г., передавалъ ей о своемъ намѣреніи совершить царевубійство. Послѣ покушенія со стороны Соловьева, послѣдовавшаго 2 апр. 79 г., выбыла въ Тамбовъ, а затѣмъ лѣтомъ того же года участвовала на социалистическомъ съѣздѣ въ Воронежѣ. Осенью того же года прибыла въ Петербургъ, гдѣ поселившись вмѣстѣ съ Квятковскимъ, жила сперва въ Лѣсномъ подѣ именемъ Елпатовской, а затѣмъ въ Лештуковомъ переулкѣ, подѣ именемъ Лихаревой. Живя въ Петербургѣ принимала участіе въ обсужденіи плановъ задуманнаго царевубійства, выразившихся въ покушеніяхъ 18 ноября 79 г. въ г. Александровскѣ и 19-го того же нояб. въ Москвѣ, а равно въ обсужденіи плановъ царевубійства, приготовленія къ которому были сдѣланы въ томъ же году въ г. Одессѣ. Рѣшившись принять активное участіе въ совершеніи сего преступленія, отправилась въ Одессу, куда привезла съ собою динамитъ, нужный для взрыва. Въ Одессѣ, проживая совмѣстнѣ съ Кибальчицемъ, именовавшимъ себя Иваницкимъ, какъ его супруга, хранила въ своей квартирѣ всѣ необходимыя принадлежности для задуманнаго взрыва императорскаго поѣзда на Одесской ж. д. Съ этой же цѣлью доставила своему единомышленнику Фроленко мѣсто будочника на томъ участкѣ ж. д., гдѣ предполагалось взорвать поѣздъ. Затѣмъ въ мартѣ 80 г., проживая въ г. Одессѣ, имѣла свиданіе съ Саблинымъ и С. Перовской и совмѣстно съ ними обсуждала планъ новаго покушенія на царевубійство, которое предположено было совершить во время слѣдованія въ этомъ году императора Александра II черезъ г. Одессу на южный берегъ Крыма, причемъ для осуществленія задуманнаго преступленія дала 900 руб. Такъ какъ задуманное преступленіе было оставлено вслѣдствіе полученнаго приказанія со стороны Комитета прекратить сдѣланныя приготовленія, то она, въ іюлѣ 80 г., возвратилась въ Петербургъ. Здѣсь принимала дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и организаціи рабочихъ кружковъ, а затѣмъ, поселившись съ Исеевымъ, подѣ именемъ супруговъ Кохановскихъ, въ д. № 25/76 по Вовнесенскому проспекту, приняла участіе въ обсужденіи вновь задуманнаго плана царевубійства, и по ея инициативѣ хозяиномъ сырной лавки, въ д. Менгдена, по Малой Садовой, былъ избранъ Юрій Богдановичъ и ею же былъ изготовленъ ему подложный видъ на имя Кубозева. Такъ какъ 28 февр. 81 г. рѣшено было

произвести 1-го марта покушение на жизнь Александра II, дѣйствуя метательными снарядами, то въ изготовленіи снарядовъ, въ ея и Исаева квартирѣ, приняла дѣятельное участіе. Послѣ злодѣянія 1-го марта, оставалась въ Петербургѣ до мая 81 г., затѣмъ до октября того же года проживала на югѣ Россіи, а въ этомъ мѣсяцѣ, отправившись въ Москву, возбудила въ средѣ своихъ единомышленниковъ вопросъ о необходимости убійства Стрѣльникова, какъ лица препятствовавшего своей дѣятельностью успѣшности пропаганды на югѣ. По принятіи ея предложенія, отправилась изъ Москвы въ г. Одессу, гдѣ проживая подъ именемъ Елены Колосовой, занялась изученіемъ образа жизни генерала Стрѣльникова. Когда же затѣмъ въ Одессу для совершенія сего убійства, прибылъ Халтуринъ, то, передавъ ему собранныя свѣдѣнія, снабдила его деньгами для покупки лошади и на другіе расходы, предстояшіе при приведеніи въ исполненіе задуманнаго убійства.

Независимо отъ признанія Фигнеръ, виновность ея въ принадлежности къ террористической фракціи русской соціально-революціонной партіи, а равно участіе ея въ тѣхъ отдѣльных преступленіяхъ, которыя совершены были этой партіей, подтверждаются слѣдующими данными: 1) Показаніями казненнаго государственнаго преступника Квятковскаго и осужденной Евгеніи Фигнеръ удостовѣряется, что В. Фигнеръ съ августа 79 г. и до конца сентября того же года жила совмѣстно съ Квятковскимъ подъ именемъ Лихаревой. 2) Показаніемъ умершаго Гольденберга удостовѣряется, что В. Фигнеръ принимала участіе: а) на Липецкомъ съѣздѣ, гдѣ была избрана членомъ Исполнительнаго Комитета; б) въ приготовленіи къ задуманному посягательству на жизнь императора Александра II, для чего предполагалось произвести взрывъ поѣзда на Одесской ж. д. при возвращеніи государя въ 79 г. изъ Крыма и, что съ этой цѣлю, проживая въ Одессѣ съ остальными участниками: Фроленко, Лебедевой, Колодкевичемъ, Меркуловымъ и Кибальчицемъ, именуясь супругою послѣдняго Иваницкой, хранила въ своей квартирѣ необходимые предметы для взрыва, а равно способствовала Фроленко, подъ именемъ Александрова, поступить сторожемъ на Одесской ж. д. Показаніе Гольденберга, относительно участія Фигнеръ въ предоставленіи государственному преступнику Фроленко мѣста, находить себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ начальника дистанціи той же дороги Изигельскаго. 3) Показаніемъ Меркулова удостовѣряется, что Фигнеръ принимала участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію покушенія на жизнь государя, каковое преступленіе возматѣрено было произвести весною 80 г. въ Одессѣ. По словамъ Меркулова, весною 80 г., находясь въ Одессѣ, встрѣтилъ тамъ Перовскую и Саблина, отъ которыхъ узналъ, что они открыли мелочную лавочку по Итальянской улицѣ и что изъ этого помѣщенія намѣреваются произвести покушеніе. При посѣщеніи упомянутой лавки, въ д. № 47, встрѣчался тамъ съ Зла-

топольскимъ, Исаевымъ и Филипповой. 4) Участіе Фигнеръ въ злодѣяніи 1 марта 81 г. устанавливается слѣдующими данными казненнымъ Рысаковымъ, показаніями, что, бывая въ конспиративной квартирѣ Саблина по Телѣжной улицѣ, въ которой производились приготовленія къ злодѣянію 1 марта, видѣлъ тамъ Фигнеръ, при чемъ видѣлъ ее тамъ 1 марта, а затѣмъ того же числа встрѣтилъ ее возлѣ дома Менгденъ, гдѣ помѣщалась лавка Кобозева. Осмотромъ домовой книги и показаніемъ дворника Михаила Гурьянова установлено, что Фигнеръ съ февраля и по 5 апрѣля 81 г. проживала, съ принимавшимъ участіе въ злодѣяніи 1 марта, Исаевымъ поди именемъ супруги его Кохановской по Вознесенскому проспекту. Въ квартирѣ этой при обыскѣ найдены были: мѣдная трубка длиною около $\frac{1}{4}$ арш., ножницы для рѣзки листового желѣза, желѣзное точило и 22 склянки. 5) Участіе В. Фигнеръ въ убійствѣ Стрѣльникова удостоверяется показаніемъ Петрова и Халтурина. Такъ Петровъ показалъ, что въ декабрѣ 81 г., встрѣчаясь въ Одессѣ съ В. Фигнеръ, именовавшейся тогда Еленой Ивановой, узналъ отъ нея, что террористическая партія рѣшила убить Стрѣльникова и что вообще сформированъ террористическій отрядъ, назначеніе котораго—уничтоженіе наиболѣе вредныхъ для партіи правительственныхъ агентовъ. Казненный же за участіе въ убійствѣ Стрѣльникова Халтуринъ показалъ, что проживавшая въ Одессѣ Фигнеръ, какъ представительница партіи Народной Воли, имѣла ближайшее отношеніе ко всѣмъ приготовленіямъ, предпринятымъ съ цѣлью совершенія названнаго убійства. 6) Участіе Фигнеръ въ пропагандѣ соціально-революціонныхъ идей въ средѣ офицеровъ и въ устройствѣ подпольной типографіи въ Одессѣ, удостоверяется нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла. (Слѣдуетъ перечень обвиненій противъ Ашенбреннера, Похитонова и др.).

На основаніи вышеизложеннаго

Дворянка Филиппова - Фигнеръ, Чемофанова, Волкенштейнъ, Немоловскій, Суровцевъ, Спандони-Басманджи, Чуйковъ, Ивановъ, уволенные отъ службы: Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Тихановичъ, Ювачевъ обвиняются въ принадлежности къ террористической фракціи русской соціально-революціонной партіи, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, ради чего фракція, наименовавшая себя «партіей Народной Воли», совершила рядъ преступныхъ посягательствъ на священную особу въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, завершившихся страшнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 г., повлекшимъ за собою безвременную кончину возлюбленнаго монарха, благодѣтеля Россіи императора Александра Николаевича, а равно совершила рядъ убійствъ и посягательствъ на высшихъ государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ, и другихъ преступленій, повлекшихъ за собой нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Преступленіе

это предусмотрено 249 ст. Улож. о нак. угол. и испр. Кроме того, Филиппова, еще в томъ: 1) что, зная о намѣреніи казненнаго нынѣ государственнаго преступника Соловьева совершить посягательство на жизнь въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, принимала участіе въ обсужденіи задуманнаго Соловьевымъ плана для приведенія своего преступнаго умысла въ исполненіе, не донесла о семъ подлежащимъ властямъ, чѣмъ и дала возможность Соловьеву привести свой злодѣйскій умыселъ въ исполненіе 2-го апрѣля 1879 г., 2) что, зная о намѣреніи террористической фракціи совершить посягательство на жизнь священной особы въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, приняла участіе въ обсужденіи способовъ къ совершенію сего преступленія и, не донеся о задуманномъ злодѣяніи, дала возможность членамъ фракціи произвести взрывъ полотна на Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г., во время слѣдованія императорскаго поѣзда; 3) что принимала участіе въ обсужденіи плана для преступнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое посягательство было приведено въ исполненіе закладкою динамита подъ полотно ж. д. возлѣ г. Александровска и, если взрыва не послѣдовало 18 ноября 1879 г., во время слѣдованія по сему пути императорскаго поѣзда, то лишь по обстоятельствамъ не зависѣвшимъ отъ злоумышленниковъ, ибо ими независимо отъ закладки динамита подъ полотно дороги, сомкнута была гальваническая цѣпь для производства взрыва во время слѣдованія поѣзда; 4) что принимала участіе не только въ обсужденіи задуманнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое злодѣяніе фракція намѣревалась привести въ исполненіе возлѣ г. Одессы во время слѣдованія весною 80 г. императора въ Крымъ, но приняла и активное участіе въ приведеніи сего злодѣянія въ исполненіе, выразившееся въ томъ, что доставила въ Одессу динамитъ и др. принадлежности для устройства задуманнаго взрыва на Одесской ж. д., а также и въ томъ, что способствовала государственному преступнику Фроленко получить мѣсто сторожа на участкѣ желѣзной дороги, прилежащемъ къ г. Одессѣ, съ тою цѣлю, чтобы представить какъ ему, Фроленко, такъ и другимъ членамъ фракціи, прибывшимъ въ г. Одессу для сего злодѣянія, болѣе легкій способъ къ устройству взрыва подъ полотномъ желѣзной дороги во время слѣдованія императорскаго поѣзда по участку дороги, находившемуся въ вѣдѣніи Фроленко; 5) что узнавъ отъ прибывшихъ въ г. Одессу казненной государственной преступницы Перовской и лишившаго себя жизни государственнаго преступника Николая Саблина о намѣреніи ихъ произвести здѣсь посягательство осенью 80 г. на жизнь государя, она приняла участіе какъ въ обсужденіи плана для совершенія сего злодѣянія, такъ равно въ работахъ, сдѣланныхъ для устройства подкопа изъ лавки, нанятой въ д. № 47 по Итальянской улицѣ, съ цѣлю

совершенія взрыва во время слѣдованія императорскаго экипажа отъ пристани къ станціи желѣзной дороги; 6) что въ началѣ 81 г. принимала участіе въ обсужденіи плана для совершенія посягательства на жизнь императора и, когда было рѣшено нанять лавку въ д. Менгдена съ цѣлью проведенія изъ нея подкопа подъ Малую Садовую улицу для устройства взрыва при слѣдованіи государя императора, то она предложила избрать хозяиномъ лавки Богдановича, а по принятіи ея предложенія, изготовила для него подложный видъ на имя Кобозева, а затѣмъ, бывая въ упомянутой лавкѣ, имѣла надлежащіе свѣдѣнія о ходѣ работъ; 7) что когда возникло сомнѣніе въ возможности произвести взрывъ на Малой Садовой улицѣ и, вслѣдствіе сего, рѣшено было 28 февраля 81 г. террористической фракціей совершить 1-го марта посягательство на жизнь государя посредствомъ метательныхъ снарядовъ, то она, тоже 28 февраля и въ ночь съ этого числа на 1-е марта, въ квартирѣ, занятой ею и государственнымъ преступникомъ Исаевымъ, дозволила не только изготовлять метательные снаряды, но и сама приняла въ изготовленіи ихъ участіе совмѣстно съ Исаевымъ, Сухановымъ и другими злоумышленниками, каковыми снарядами и было совершено злодѣяніе 1-го марта, имѣвшее послѣдствіемъ мученическую кончину царя Освободителя императора Александра Николаевича; 8) что видя въ энергичной дѣятельности генерала Стрѣльникова противодѣйствіе распространенію соціально-революціоннаго движенія на югъ Россіи, предложила террористической фракціи лишить жизни генерала Стрѣльникова, а затѣмъ, по принятіи ея предложенія, отправилась въ Одессу, гдѣ, съ цѣлью успешнаго выполненія задуманнаго преступленія, собрала свѣдѣнія объ образѣ жизни Стрѣльникова, передала таковыя свѣдѣнія назначенному для совершенія убійства казненному преступнику Халтурину и снабдила его деньгами на предстояшіе расходы по приведенію въ исполненіе плана убійства. Преступныя дѣянія рассмотрѣнныя 152 ст. 241 и 1454 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. (издан. 2-е).

Признанная виновной во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, В. Н. Фигнеръ была приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе, замѣненной ей *de jure* безсрочной каторгой, а *de facto* двадцатилѣтнимъ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ.

Страница изъ воспоминаній¹⁾.

Процессъ по дѣлу о 1-мъ марта 1881 года былъ послѣднимъ изъ процессовъ о «Народной Волѣ», отчеты о которыхъ появлялись въ газетахъ. Слѣдующій за нимъ процессъ (по дѣлу о 1-мъ же марта), состоявшійся въ февралѣ 1882 г., уже былъ безъ отчета: въ газетахъ появились лишь отрывки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. То же съ процессомъ о 17 лицахъ въ апрѣлѣ 1883 года. По дѣлу о 14 лицахъ въ 1884 году, или о процессѣ В. Н. Фигнеръ, въ газетахъ не было даже и обвинительнаго акта, а приговоръ былъ напечатанъ, но какъ дальше будетъ видно, *не въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ на судѣ*. Съ дальнѣйшими процессами въ 1887, 1889 и 1890 г.г. было то же. По дѣлу о Софьѣ Гинзбургъ, Фрейфельдъ и др. уже ровно ничего не было въ печати, и въ Россіи объ этомъ дѣлѣ узнали только изъ иностранныхъ газетъ.

Процессъ о 14 народовольцахъ (В. Фигнеръ и др.) въ сентябрѣ 1884 г. особенно интересенъ потому, что онъ является первымъ результатомъ дѣятельности С. П. Дегаева на необыкновенномъ поприщѣ, совмѣщавшемъ въ одномъ лицѣ революціонера, предателя и агента начальника охраннаго отдѣленія, Судейкина. Всѣ подсудимые этого процесса преданы Дегаевымъ сейчасъ же вслѣдъ за сдѣлкой, въ которую вступилъ Дегаевъ съ Судейкинымъ. Всѣ обвиненія противъ нихъ построены на оговорѣ и показаніяхъ Дегаева, а между тѣмъ ни въ обвинительномъ актѣ, ни во всемъ дѣлѣ, ни въ приговорѣ о показаніяхъ Дегаева не упоминается совсѣмъ! Это потому, что Дегаевъ былъ не просто оговорщикомъ и предателемъ, какъ Гольденбергъ или Меркуловъ, а нѣчто болѣе сложное. И хотя въ моментъ составленія обвинительнаго акта, хода процесса въ сентябрѣ 1884 г. Дегаевъ вновь сталъ «тяжкимъ государственнымъ преступникомъ», за поимку котораго обѣщалось 10.000 руб., и шесть его карточекъ афишировались по всей Россіи, тѣмъ не менѣе выставленіе его открыто на процессѣ, какъ предателя, считалось неудобнымъ, п. ч. это повело бы къ раскрытію и другой стороны его дѣятельности: въ качествѣ провокатора и агента охраннаго

¹⁾ Статья эта принадлежитъ А. А. Спандони-Басманджи, осужденному, въ каторжныя работы по дѣлу В. Н. Фигнеръ и др. въ 1884 году.

Ред.

отдѣленія. Неудобство же разглашенія официально, на судѣ о столь почтенной репутаціи Дегаева состояло въ томъ, по мнѣнію спрошеннаго мной на судѣ объ этомъ Спасовича, что правительство еще надѣялось на выдачу Дегаева изъ-за границы, какъ преступника, участвовавшаго въ убійствѣ Судейкина, между тѣмъ дѣло было-бы безнадежнымъ при официально признанныхъ данныхъ о его провокаторской дѣятельности въ теченіе полугода слишкомъ. Такимъ образомъ, все время на судѣ не было рѣчи о главномъ героѣ дѣла; не было рѣчи и объ его показаніяхъ. Былъ, впрочемъ, одинъ эпизодъ. Послѣ опроса судомъ о свидѣтеляхъ, защитникъ В. Н. Фигнеръ прис. пов. Леонтьевъ 2-й заявляетъ о требованіи его клиентки о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля шт.-капитана въ отставкѣ С. П. Дегаева. Предсѣдатель суда (военно-окружнаго) отвѣчалъ, что показанія свидѣтеля Дегаева будутъ прочтены. Дѣло въ томъ, что на судѣ почти не фигурировали живые свидѣтели. Изъ такихъ могли давать показанія лично на судѣ лишь живущіе въ предѣлахъ 100-верстной окружности Петербурга. Показанія же остальныхъ просто читались. Дѣятельность же всѣхъ подсудимыхъ имѣла мѣсто на югѣ по преимуществу, и всѣ они свезены изъ Харькова (В. Фигнеръ, Ивановъ и др.), изъ Одессы и пр. Поэтому на судѣ было 2—3 живыхъ свидѣтеля—дворники домовъ, гдѣ жила В. Фигнеръ въ 1881 году.—Когда наступило чтеніе показаній свидѣтелей, было прочтено одно только показаніе Дегаева, данное имъ сейчасъ же послѣ ареста при типографіи въ Одессѣ и въ сущности не имѣвшее никакого отношенія къ дѣлу. Тогда В. Н. Фигнеръ дѣлаетъ заявленіе о томъ, что она имѣла въ виду не прочитанное показаніе, а другія его показанія. При этомъ она рассказала, что уже въ февралѣ 1884 г. (т. е. на 2-мъ году нашего заключенія и производства дѣла) ее призвали на допросъ при торжественной обстановкѣ цѣлой комиссіей съ жандармскимъ генераломъ во главѣ и предъявили цѣлую тетрадь показаній, написанную рукой Дегаева. Но ей не дали читать всю тетрадь, а лишь нѣкоторыя мѣста изъ нея. Мѣста же отмѣченныя синимъ карандашомъ охранялись отъ прочтенія. В. Фигнеръ заявила, что не будетъ говорить ничего по поводу этихъ показаній, п. ч., очевидно, что если нельзя читать все, то это—не просто оговоръ сообщиняемаго, а донесеніе агента. На этомъ допросѣ и былъ законченъ. Послѣ этого разказа Фигнеръ встаетъ поочередно и мы, остальные подсудимые, и заявляемъ о томъ, что въ то же число февраля вызывали и насъ всѣхъ и такъ же все читать не давали. На предсѣдателя суда эти заявленія производятъ нѣкоторое впечатлѣніе неожиданности, и онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ заявляетъ, что и суду объ этихъ показаніяхъ ничего не извѣстно. Вспоминаю при этомъ, какъ мой сосѣдъ по скамьѣ подсудимыхъ слѣва, баронъ А. П. Штромбергъ (лейтенантъ флота, приговоренный къ смертной казни и казненный), при возбужденіи В. Н. Фигнеръ вопроса объ этихъ показаніяхъ сталъ толкать меня и

выражать недоумѣніе, зачѣмъ поднимаетъ Фигнеръ вопросъ объ показаніяхъ, отсутствіе которыхъ намъ выгодно. Это было невѣрно: никакой выгоды не было для подсудимыхъ отъ отсутствія дегаевскихъ показаній. Штромбергъ, вообще, всѣ пять дней на судѣ былъ очень оптимистически настроенъ. Онъ былъ очень далекъ отъ мысли, что его ожидало. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ на судѣ, что мы оба съ нимъ уже опытные люди по путешествію въ Вост. Сибирь. (Я за 3½ года до суда былъ возвращенъ изъ ссылки, а онъ былъ привезенъ для суда изъ ссылки по оговору Дегаева. Сосланъ же онъ былъ въ 1881 году въ Верхоленскъ Иркутской губ., за отсутствіемъ серьезныхъ противъ него обвиненій). Онъ готовился теперь съ большимъ умѣніемъ экипироваться для путешествія «тахиш на поселеніе», какъ онъ думалъ, «а то и на житье». Въ скучные моменты процесса очень много мы съ нимъ болтали и смѣялись, за что не разъ получали отъ предсѣдателя нотации.

Отсутствіе въ дѣлѣ показаній Дегаева ни мало не ослабило обвиненія для большинства подсудимыхъ. Судъ нашелъ возможнымъ и безъ ихъ помощи восьмерымъ изъ 14 вынести смертный приговоръ, а остальныхъ отправить въ долгосрочную каторгу. Для В. Н. Фигнеръ дегаевскія показанія не могли прибавить ничего къ тому, что имѣлось противъ нея въ показаніяхъ Гольденберга и Меркулова по дѣламъ 1879—1881 г.г., гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ все бывшее при Дегаевѣ въ 1882 г. Къ тому же, какъ это видно изъ обвинительнаго акта и какъ вѣрно сказалъ защитникъ Фигнеръ, «она сдѣлала все, что возможно, для собственнаго самообвиненія». Если бы Рогачевъ и Похитоновъ держались системы не давать, вообще, никакихъ показаній, то, м. б., противъ нихъ въ дѣлѣ было-бы меньше обвиненій очень серьезнаго характера, добытыхъ, конечно, съ помощью Дегаева. Но все же едва-ли это повліяло-бы на приговоръ. Они признали все предъявленное имъ, изъ показаній Дегаева почерпнутое, хотя имъ, м. б., и не указано было, что объ этомъ говоритъ Дегаевъ. Дѣло въ томъ, что до исчезновенія Дегаева уже послѣ убійства Судейкина на дознаніи никогда прокуратура и жандармерія не обнаруживали, что оговариваетъ Дегаевъ. Они всегда имѣли что-либо подставное, на что ссылались. Приходилось самому заключить, что кто-то оговариваетъ или въ исключительныхъ случаяхъ прямо догадываться, что именно Дегаевъ оговорилъ, а не кто-либо иной. Пока Дегаевъ еще былъ агентомъ Судейкина, было естественно всячески беречь его и стараться, чтобы на волю не проникли извѣстія, что онъ оговариваетъ, п. ч. при такихъ извѣстіяхъ могла обнаружиться передъ революціонной публикой вся махинація. Потому-то, напр. въ мартѣ 83 г., когда пошли массовые аресты среди офицеровъ въ Кронштадтѣ и по всей Россіи и когда это естественно вызывало недоумѣніе въ офицерской средѣ,—искусно пускались слухи, что предастъ Рогачевъ! На волю ничего и не проникало уже просто

потому, что всё сидѣли почти 2 года въ Трубецкомъ бастионѣ, въ Петропавловкѣ, откуда на волю ничего не могло проникнуть. Рогачевъ на судѣ больше для товарищей, я думаю, говорилъ о томъ, какъ онъ былъ побужденъ къ тому, чтобы признать все ему предъявленное обвиненіе. Онъ былъ такъ озадаченъ, такъ сказать, ошарашенъ внезапностью, съ какой ему раскрываютъ все, что про него знаютъ, такъ этимъ былъ пораженъ, что впалъ въ ошибку, сознавшись, подтвердивъ все это. Онъ ссылался, помнится, еще на то дѣйствіе, которое оказало заключеніе въ казематъ крѣпости,—на то, что онъ сталъ чувствовать себя душевно скверно, но я думаю, что крѣпость тутъ не при чемъ. Объясняется все проще. Принимая во вниманіе, что Рогачевъ впервые предсталъ предъ столь аномальнымъ слѣдствіемъ, какъ жандармское дознаніе съ одной стороны; имѣя въ виду съ другой стороны, что «слѣдователи» были такъ хорошо вооружены, досконально освѣдомлены изъ первоисточника,—можно понять, что Рогачевъ былъ такъ подавленъ, что не имѣя на готовѣ предрѣшеннаго плана вообще, не давая никакихъ показаній—ни да, ни нѣтъ,—прямо опѣшилъ и призналъ все. А изъ обвинительнаго акта видно, чѣмъ это все было, особенно для офицера. Изъ акта же видно, что Рогачевъ, признавая, что все предъявленное ему—вѣрно, въ то же время подтверждаетъ, что Желябовъ познакомилъ его съ *Штромбергомъ*; что при сформированіи центральной военной группы въ нее вошли онъ, Сухановъ, *Штромбергъ*. Когда читаешь обвинительный актъ, не зная закулисной стороны, которую я раскрываю, можно, даже должно прийти къ выводу, что единственное обвиненіе противъ Штромберга, которое ему предъявлялось по обвинительному акту,—что онъ былъ членомъ центральной военной группы,—почерпнуто изъ показаній Рогачева. Больше того, получается впечатлѣніе, что Рогачевъ оговорилъ Штромберга, что только на основаніи этого оговора привезли изъ Верхолеска Штромберга и судятъ только за то, что онъ былъ членомъ центр. военной группы. На самомъ же дѣлѣ о Штромбергѣ, какъ это, такъ и многое другое, *о чемъ нѣтъ ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ 30 т. т. дѣла, ни въ приговорѣ въ окончательной формѣ* (мотивированномъ), *врученномъ намъ послѣ суда*, узнаю отъ Дегаева, который, однако, не долженъ нигдѣ фигурировать. Поэтому Штромберга привлекаютъ къ суду на основаніи единственнаго косвеннаго указанія въ признаніи всего Рогачевымъ. Судятъ, обвиняя *только* въ принадлежности къ центральной военной группѣ. На судѣ только объ этомъ рѣчь. На дознаніи Штромбергъ отказывался отъ показаній. Только за одно это, т. е. за то, что онъ состоялъ членомъ центральной военной группы, его осуждаютъ и приговариваютъ къ смертной казни. На судѣ меня это не поразило особенно, и. ч. я слышалъ неоднократныя мотивировки особенной суровости въ отношеніи офицеровъ, нарушившихъ долгъ присяги; слышалъ какъ судъ, при всемъ желаніи снисходительнѣе отнестись

къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ, достойнымъ этого, благодаря боевымъ заслугамъ (Апенбреннеръ за штурмъ Ходжента и Самарканда и др. дѣла и Похитоновъ за 4 Плевны имѣли по нѣсколько орденовъ съ мечами) не можетъ все же не помнить о нарушении долга присяги и т. д. Наконецъ, всѣ 14 обвинялись по 249 ст., по которой полагалась смертная казнь, что судъ и находилъ «самымъ справедливымъ» для всѣхъ (подлинныя слова въ приговорѣ), но принимая-де во вниманіе, что шестеро не принимали непосредственнаго участія въ террористическомъ покушеніи, онъ отказался отъ «самаго справедливаго!» Во время чтенія намъ приговора въ окончательной формѣ Похитоновъ сообщаетъ въ разговорѣ Штромбергу, что его отецъ подалъ прошеніе о помилованіи, и при этомъ спросилъ его: «ну, а ты какъ?» Штромбергъ отвѣчаетъ смѣясь: «я неграмотный!» И тутъ онъ былъ очень весело настроенъ, повидимому, нисколько не вѣрилъ, что его дѣйствительно казнятъ. Я въ свою очередь былъ убѣжденъ, что, если кого-либо «помилюють», то въ первую голову его. Черезъ 3 дня послѣ этого истекалъ срокъ для кассациі. По этому поводу въ предварилкѣ въ камерѣ у меня бывалъ общій у насъ съ Штромбергомъ защитникъ, прис. пов. Макалинскій, котораго запирали со мной въ камерѣ, гдѣ онъ всячески меня упрашивалъ написать чрезъ него записку Штромбергу и просить его подать прошеніе о «помилованіи». Я отказывался отъ этого, увѣряя Макалинскаго, что его и безъ того помилюють, п. ч. противъ него единственное обвиненіе ничѣмъ основательнымъ не доказанное и т. д. Макалинскій мнѣ говорилъ, что его Штромбергъ и слушать не хочетъ. 4-го октября насъ всѣхъ перевезли опять въ крѣпость, гдѣ мы уже сидѣли на т. наз. «каторжномъ положеніи». Сосѣдомъ моимъ былъ Похитоновъ, съ которымъ я перестукивался. За это время къ нему заходили съ объявленіемъ о помилованіи, о чемъ онъ мнѣ простучалъ. Ни о комъ больше я не зналъ до 18 октября, когда совершенно неожиданно меня перевезли вновь въ предварилку, гдѣ мнѣ сообщили, что я пойду въ Сибирь, на Кару. Тамъ-то я узналъ сейчасъ же, кто былъ казненъ 10 октября. Если я съ трудомъ теперь могу бы передать, каковы были мои удивленіе и огорченіе особенно при извѣстіи о Штромбергѣ, то еще меньше я могу сказать, какія чувства меня охватили и взволновали, когда еще чрезъ нѣсколько дней я прочелъ въ газетахъ приговоръ по нашему дѣлу!! Онъ былъ вѣренъ и вполне соответствовалъ тому, какой былъ врученъ намъ, въ отношеніи всѣхъ осужденныхъ, *кромя Штромберга*. Въ приговорѣ газетномъ—вмѣсто одного обвиненія противъ него: въ принадлежности къ центральной военной группѣ было еще цѣлыхъ три пункта обвиненій, о которыхъ ни въ актѣ, ни въ дѣлѣ, ни на судѣ, ни въ приговорѣ не упоминалось даже полусловомъ! Эти три пункта были слѣдующіе: 1) Принималъ участіе въ напечатаніи прокламаціи о событіи 1 марта 1881 года. 2) Послѣ ареста Желябова обсуждалъ совмѣстно съ Перовской

планъ освобожденія изъ-подъ стражи Желябова при перевозѣ послѣдняго изъ крѣпости въ предварилку и 3) Въ день 1 марта принималъ участіе. вмѣстѣ съ другими въ очищеніи квартиры Фигнеръ и Исаева на Вознесенскомъ проспектѣ отъ остатковъ динамита и типографіи.—Эти, такъ сказать, «посмертныя обвиненія» противъ Штромберта не могли быть предъявлены на судѣ; ихъ нечѣмъ было абсолютно подкрѣпить при невозможности указаній на Дегаева. И, такимъ образомъ, Штромбергъ умеръ, не зная за что его казнили, а узнали объ этомъ читатели газетъ, ровно ничего не знавшіе о томъ, что предъявлялось Штромбергу на процессѣ. Очевидно, что даже по тогдашнимъ временамъ и обстоятельствамъ мотивировка казни за одну лишь принадлежность къ центральной военной организаціи почиталась недостаточной, и вотъ, департаментъ полиціи счелъ необходимымъ дать свою сверхъ-судебную мотивировку....

Такимъ образомъ, Штромбергу совсѣмъ не помогло отсутствіе показаній Дегаева въ актахъ дѣлопроизводства. Почти то же можно сказать въ отношеніи и остальныхъ подсудимыхъ, хотя нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые вообще отказались отъ дачи показаній и противъ которыхъ инымъ путемъ удалось раздобыть матеріалъ менѣе тяжеловѣсный, чѣмъ имѣвшійся въ отношеніи ихъ въ показаніяхъ Дегаева, м. б., послужило нѣкоторымъ облегченіемъ это отсутствіе показаній Дегаева на судѣ. Къ такимъ принадлежалъ и я. По обвинительному акту и на судѣ вообще, мнѣ предъявлялось, кромѣ общаго всѣмъ обвиненія въ принадлежности къ «Нар. Волѣ», что подводилось подъ 249 ст., только лишь одно обвиненіе: участіе въ устройствѣ въ Одессѣ типографіи «Н. В.», въ которой былъ ваять Дегаевъ съ женой, Суровцевъ и Калюжные. Это обвиненіе подкрѣплялось показаніями Л. Дегаевой, которая, конечно, оговаривала самымъ добросовѣстнымъ манеромъ, и Калюжной, которую одесскій жандармскій полковникъ Катанскій вынудилъ подтвердить въ отношеніи меня и Суровцева то, что сказала Дегаева про наше участіе въ типографіи. Катанскому было очень легко обойти такую молодую и совсѣмъ неопытную дѣвушку, какъ Калюжная, при такихъ экстренно выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, зная отъ Дегаева всю подноготную до мельчайшихъ подробностей. Калюжная, вскорѣ выпущенная на поруки, не была оставлена Катанскимъ въ покоѣ. Онъ дѣлалъ попытки эксплуатировать ее, какъ провокатора, словомъ, хотѣлъ имѣть въ ея лицѣ маленькаго Дегаева для себя. Нѣсколько позже, когда обнаружилась вся махинація съ дегаевщиной, Калюжная, желая очиститься отъ той грязи, въ которую ее втолкали, покушалась на жизнь Катанскаго, за что была въ 1884 году осуждена на 20 лѣтъ каторги.

Въ 1889 году она покончила самоубійствомъ, отравившись вмѣстѣ съ М. Ковалевской и Н. Смирницкой послѣ тѣлеснаго наказанія надъ Н. Сигидой.—Полковникъ Катанскій вообще стремился стать болѣе или менѣе великимъ человѣкомъ въ своихъ

*

сферахъ и въ приѣмахъ своихъ подражалъ Судейкину, не обладая вовсе специфическимъ талантомъ послѣдняго. Приѣхавъ на службу въ Одессу незадолго до ареста Дегаева, онъ сталъ особенно усердно дѣлать обыски, никчемные аресты и т. д. Словомъ, сильно старался. Въ это время въ одесской тюрьмѣ среди заключенныхъ началась голодовка. Мѣстная центральная группа по этому поводу распространила по городу въ большомъ количествѣ прокламацію о голодномъ бунтѣ въ тюрьмѣ, очень сильно написанную и производившую сенсацію въ городѣ. Прокламація была гектографированная. О типографіи центральной въ Одессѣ мѣстной группѣ не было извѣстно. Усиленные обыски и розыски, пущенные въ ходъ Катанскимъ по поводу этой прокламаціи, повели къ случайному открытію Дегаевской типографіи. Кромѣ того, какъ раньше мнѣ передавали Дегаевъ и Суровцевъ, тяжесть корзины съ шрифтомъ, втаскивавшихся ими съ помощью дворника, возбудила подозрѣнія. 18 декабря. 82 г. Дегаевъ, словомъ, былъ арестованъ. До меня дошли слухи на другой день о какомъ-то арестѣ въ городѣ. Это, въ связи съ неприходомъ на свиданіе въ одинъ день Дегаева, а въ другой Суровцева, должно было окончательно меня убѣдить въ вѣрности слуховъ. Помню, что на второй день кто-то изъ своихъ мнѣ сообщилъ, что будто-бы взята какая-то типографія. Но когда не хочешь чему-либо повѣрять, то не вѣришь и очевидности. И вотъ, я вечеромъ 20-го декабря подхожу къ дому, гдѣ была типографія, и не вижу условленнаго знака въ окнѣ 3-го этажа для свободнаго входа. Въ окнахъ была сплошная темнота. Я ушелъ прочь... И чрезъ полчаса опять пришелъ, поднялся на 3 этажъ, позвонилъ и долго стоялъ между двумя дверьми у звонка. Была могильная тишина и я, повернувшись уходить, зналъ, что засада меня теперь возьметъ. Но меня никто не взялъ. Засады не было. За мной слѣжки не было. Уѣхать сейчасъ я не рѣшилъ, п. ч. надо было устранять спасеніе многихъ пудовъ шрифта и др. принадлежностей для второй типографіи, уже направленныхъ въ Одессу. Это мнѣ уже при помощи мѣстныхъ людей удалось сдѣлать; но прошло много времени, за которое происходили такіа событія, какъ отказъ Дегаева разговаривать съ такимъ «солдафономъ», какъ Катанскій; требованіе Дегаева вызвать Судейкина, приѣздъ послѣдняго въ Одессу и... *entente cordiale* между Дегаевымъ и Судейкинымъ—это уже было приблизительно въ первыхъ числахъ января. Въ эти же дни я впервые ощутилъ слѣженіе за собой во время свиданія на улицѣ, въ толпѣ гуляющихъ, съ Стратановичемъ, офицеромъ изъ мѣстнаго кружка военной организаціи. Я немедленно прекратилъ сношенія съ офицерами и всякія другія и старался выѣхать въ Харьковъ. Это мнѣ не удалось. Можетъ быть, я не сумѣлъ это ловко сдѣлать; можетъ быть у меня были преувеличенныя опасенія, какъ-бы не привезти за собой въ Харьковъ къ Фигнеръ мушара. Я медлилъ, колебался, и 10 января тотъ самый типъ, котораго я впервые замѣтилъ при свиданіи съ Стратановичемъ,

схватилъ меня днемъ на улицѣ; и при помощи, какъ бы изъ подъ земли явившихся на его свистъ, жандармовъ я былъ отвезенъ предъ очи Катанскаго, который на первыхъ порахъ счелъ необходимымъ сдипломатничать и для отвода, повидимому, глазъ сообщилъ мнѣ, что я арестованъ по дѣлу о распространеніи прокламацій о голодовкѣ. Затѣмъ меня посадили въ одиночкѣ рядомъ съ Дегаевымъ, съ которымъ мнѣ и пришлось дня 4 перестукиваться! Само собой понятно, что тогда я не имѣлъ понятія о томъ, что произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ. Несомнѣнно, что меня посадили рядомъ преднамѣренно. Послѣ отъѣзда Дегаева я уже въ его камерѣ сидѣлъ мѣсяца 2 $\frac{1}{3}$ до отвоза меня въ крѣпость совершенно изолированный, не имѣвъ возможности переговариваться ни стукомъ, ни иначе. О, яко-бы, побѣгѣ Дегаева 14 января возлѣ одесскаго вокзала я узналъ уже весной, когда меня перевозили въ Петербургъ. Изъ разговоровъ его со мной кое-что интересно. Между прочимъ онъ мнѣ сообщилъ, что онъ выдалъ себя за убійцу жандармскаго офицера Гейкинга! На первыхъ порахъ у меня мелькнула мысль, что у него въ головѣ что-то неладно стало: до такой степени было для меня дико то, что онъ мнѣ сообщилъ. На мой вопросъ, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, онъ отвѣтилъ, что это для того, чтобы его повезли въ кіевскую тюрьму, откуда онъ думалъ бѣжать при помощи офицера въ караулѣ, подобно тому, какъ бѣжалъ въ августѣ 82 г. изъ кіевской тюрьмы Василій Ивановъ при помощи офицера Тихановича. Объ этомъ побѣгѣ онъ зналъ; зналъ также и о томъ, что Тихановичъ, какъ и др. офицеры изъ кіевской военной организаціи предлагали повтореніе такого освобожденія; что никто изъ кіевлянъ въ тюрьмѣ этимъ не хотѣлъ воспользоваться, т. к. серьезно обвиняемыхъ тамъ тогда не было. Вл. Бычковъ бѣжалъ въ декабрѣ безъ помощи офицера. Я сталъ ему доказывать всю нелѣпость выдачи себя за убійцу Гейкинга, который былъ убитъ въ маѣ 1878 г., т. е. почти за 5 лѣтъ; убѣждалъ его, что хотя до того времени убійца Гейкинга дѣйствительно и былъ неизвѣстенъ полиціи, но ему не повѣрятъ; тутъ же на мѣстѣ добудутъ доказательства противнаго и въ Кіевъ даже не повезутъ. Онъ упорно настаивалъ, добиваясь у меня свѣдѣній о кіевскихъ офицерахъ, дѣлахъ, адресахъ и т. д. Дѣло въ томъ, что онъ въ Кіевѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не зналъ; я же жилъ до августа 82 г. въ Кіевѣ больше года; зналъ всѣ дѣла тамъ и велъ съ Тихановичемъ дѣло побѣга В. Иванова. Просто чисто случайно мнѣ не пришлось указать ему ничего особеннаго по Кіеву: я, повѣривъ, что онъ говорилъ правду, и допустивъ, что, можетъ быть, онъ добьется перевода въ Кіевъ, указалъ, чтобы онъ изъ тюрьмы чрезъ одну изъ женъ, приходящихъ на свиданія, вступилъ въ переписку съ Росси, о которомъ онъ и безъ того зналъ. Любопытно, что этотъ разговоръ у насъ происходилъ 11 января, т. е. за 3 дня до искусственнаго побѣга, который имѣлъ мѣсто въ Одессѣ 14 января. Каждый

день въ эти 4 дня его уводили изъ камеры (кроме прогулки) на полчаса и больше. На мой вопросъ, куда онъ ходитъ, онъ мнѣ говорилъ, что его допрашиваютъ ежедневно. Однажды, онъ съ допроса принесъ новость: офицеръ Антоновъ, арестованный въ Тифлисѣ, оговариваетъ все и вся, и ему, Дегаеву, предъявляется теперь обвиненіе въ томъ, что онъ былъ «агентомъ исполнительнаго комитета». Это его сильно смущало и онъ выражалъ большія опасенія, что его казнятъ; поэтому, ему надо непременно бѣжать. Сталъ спрашивать о явкѣ къ Фигнеръ въ Харьковѣ. Такъ какъ явка оставалась старая, которую онъ знаетъ, то я и тутъ ему новаго ничего не сообщилъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ и явился по извѣстному ему адресу къ Фигнеръ!.. О его побѣгѣ я узналъ потомъ. 14-го онъ исчезъ и я остался безъ собесѣдника, если не считать таковымъ Катанскаго, который не прочь былъ вести и частныя бесѣды послѣ неудачъ на допросахъ. Въ Одессѣ за 3 мѣсяца мнѣ былъ сдѣланъ лишь одинъ допросъ въ присутствіи прокурора, на которомъ я очень кратко заявилъ, что отказываюсь отъ показаній. Я былъ представленъ самому себѣ, и когда только, почему-то, на 12-й день разрѣшили книги, я весь въ нихъ погрузился и ждалъ у моря погоды. Но вотъ, однажды, Катанскій присоединился ко мнѣ въ большомъ залѣ казармы во время прогулки и сталъ бесѣдовать. Скоро онъ перешелъ на тему о томъ, что я напрасно-де не показываю, что-де это хуже и т. п. Я на это ему указывалъ, чтобъ онъ не забывалъ, что я не младенецъ, что я уже привлекался къ дѣлу Чубарова и Лизогуба и потому не вполне несвѣдушчъ на предметъ того, что можетъ со мной быть и т. д. Тогда онъ мнѣ сталъ говорить: «помилуйте, мы все знаемъ; вы бывали въ типографіи, вы помогали ее устраиать и пр. Объ этомъ показываютъ Суровцевъ, Калюжная.» Это меня взорвало, но я ему спокойно сказалъ, чтобъ онъ далъ мнѣ очныя ставки съ Суровцевымъ и Калюжной. Онъ говоритъ, что это нельзя, но онъ можетъ показать мнѣ собственныя ихъ подписи на показаніяхъ. Я отвѣтилъ, что я ихъ почерковъ не знаю, а, вотъ, очныя ставки, это-де дѣло вѣрное. Тогда, молъ, я и отпираться не стану!—Онъ на это воскликнулъ: «такъ вы *такъ* въ нихъ увѣрены?» Я отвѣтилъ, что я увѣренъ, что противъ меня никто не показываетъ, и такъ какъ срокъ прогулки кончился, ушелъ въ камеру.

Послѣ этого, мѣсяца полтора я его не видѣлъ. Я какъ-то справился объ немъ. Нужно было, чтобъ онъ процензуировалъ книги, которыя я хотѣлъ купить. Меня вызвали къ нему. Послѣ разговоровъ о тюремныхъ условіяхъ, здоровья и т. п. онъ прямо спросилъ, не намѣренъ ли я теперь что по дѣлу сказать. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, а вотъ-де списокъ книгъ разрѣшите. Онъ отставилъ списокъ и началъ: «Вотъ я былъ въ Петербургѣ... видѣлъ. Вѣру Фигнеръ... (при этомъ смотритъ на меня во всѣ глаза). Что онъ замѣтилъ на мнѣ, не знаю, но онъ продолжалъ: «въ Харьковѣ арестованы такіе-то»—называетъ при этомъ все из-

вѣстныхъ мнѣ имена. Мнѣ было очень не по себѣ и я хотѣлъ этому положить конецъ и уйти, но съ другой стороны любопытство, о чемъ онъ еще скажетъ,—приковывало къ мѣсту. Онъ продолжалъ: «да, знаете, Вѣра Николаевна... это... дьяволъ, а не женщина»... Тутъ я не выдержалъ, раздраженно проговорилъ:— «Вы можете кому-нибудь другому передавать о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ»,—и сталъ уходить. Тогда онъ, беря списокъ книгъ, говоритъ: «успокойтесь, подождите, я просмотрю книги.»—Въ числѣ книгъ въ списокъ былъ 4-ый т. Н. К. Михайловскаго. Тутъ Катанскій что-то пробормоталъ: «а! Михайловъ: «Ассоціаци.» Знаю, знаю!»—и улыбается.—Я на это язвительно говорю:—«есть Михайловъ: «Ассоціаци» и есть Михайловскій!» На что онъ, саркастически улыбаясь, сказалъ:—«Знаю! Какъ-же? Знаю! Михайловскій—тотъ самый, который пріѣзжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ!»¹⁾ Я, прямо сраженный этими словами, дольше, чѣмъ нужно было, молчалъ, а потомъ сказалъ: «меня относительно Михайловскаго теперь интересуеть только вопросъ, разрѣшаете-ли вы купить книгу». Онъ подписалъ списокъ, а я, подавленный всѣми этими извѣстіями, пошелъ въ камеру, спѣша разобраться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что этими словами о пріѣздѣ Михайловскаго къ Фигнеръ Катанскій обнаружилъ мнѣ ясно, что *Дегаевъ оговариваетъ*. Съ этой минуты это для меня стало несомнѣннымъ фактомъ. Объ этомъ пріѣздѣ Михайловскаго¹⁾ къ Фигнеръ около 15 октября 82 г. изъ находившихся въ Россіи знало случайно только три человека: Вѣра Николаевна, я и Дегаевъ. Ясно, что я долженъ былъ прийти къ полной увѣренности послѣ словъ Катанскаго, что Дегаевъ и объ этомъ сказалъ. Тогда мнѣ стала ясной и высылка Михайловскаго изъ Петербурга въ началѣ 1883 года въ Лугу. Конечно, покой мой былъ этимъ нарушенъ. Но я еще не успѣлъ ничего сообразить послѣ этого, какъ внезапно меня перевозятъ въ Петербургъ. Со стороны Катанскаго было, собственно говоря, большой неосторожностью сказать мнѣ объ этомъ, и это у него вырвалось нечаянно, я думаю. Но вотъ меня перевозятъ въ другую тюрьму, до отправки въ крѣпость, и тамъ я узнаю о побѣгѣ Дегаева 14 января. Узнаю такія подробности о томъ, какъ его перевозили къ вокзалу на открытомъ извозчикѣ съ 2 жандармами, которымъ, будто-бы, онъ засыпалъ глаза нюхательнымъ табакомъ, и бѣжалъ, скрывшись въ лабиринтахъ строившагося вокзала. Я зналъ, что *такъ* въ Одессѣ никогда не возили къ вокзалу; зналъ, что Дегаевъ, сидя, какъ и я, въ 5 № казармъ, никакимъ образомъ не могъ запасться нюхательнымъ табакомъ. Все это мнѣ казалось страннымъ, вызывало во мнѣ какія-то подозрѣнія... Повезли меня изъ Одессы до Кіева при такихъ не-

¹⁾ О дѣли пріѣзда и о всемъ дѣлѣ, связанномъ съ этимъ пріѣздомъ Михайловскаго, сказано самимъ Михайловскимъ. Послѣ смерти Михайловскаго разсказъ этотъ появился въ „Революціонной Россіи“ въ 1905 году. (Разсказъ Михайловскаго, разувѣтается, далеко не исчерпываетъ этого дѣла. О немъ мы надѣемся дать со временемъ обстоятельныя свѣдѣнія. *Ред.*)

обыкновенно уже строгихъ условіяхъ,—сопровождало 4 жандарма до Кіева; отъ станціи до станціи еще 5-ый,—что комедія бросалась въ глаза. Это должно было показывать, что побѣгъ Дегаева такъ напугалъ, что теперь-де приняты страшныя мѣры. За Кіевомъ всѣ эти штуки были оставлены! Въ Кіевѣ я ночевалъ случайно не въ участкѣ, а въ тюрьмѣ, гдѣ узнать о массѣ арестовъ среди офицеровъ всюду въ Россіи, объ арестѣ Тихановича и др. въ Кіевѣ. Затѣмъ уже ѣхалъ, ничего не узнавая. Встрѣтился въ Орлѣ съ шт.-капитаномъ Крайскимъ, везомымъ тоже изъ Одессы въ Петербургъ въ одномъ поѣздѣ со мной, но въ разныхъ вагонахъ. Мы дѣлали видъ, что не знакомы другъ съ другомъ. Еще мы съ нимъ встрѣтились въ московскомъ жандармскомъ управленіи, куда насъ завозили для перемѣны жандармовъ и до слѣдующаго поѣзда, и, наконецъ, въ департаментѣ полиціи предъ отвозомъ уже прямо въ крѣпость. Тутъ цѣлый часъ мы сидѣли на одномъ и томъ же диванѣ, имѣя рядомъ съ собою своихъ жандармовъ, на виду массы людей, въ ожиданіи назначенія офицеровъ для отвоза въ крѣпость.

Вотъ, такимъ-то образомъ, я пріѣхалъ въ крѣпость съ страшнымъ сумбуромъ въ головѣ относительно происходящаго, въ связи съ Дегаевымъ. Что онъ оговаривалъ, у меня не оставалось никакихъ уже сомнѣній. Я былъ увѣренъ, что аресты офицеровъ въ Кронштадтѣ, Одессѣ, Тихановича въ Кіевѣ—его дѣло. Но кромѣ полной увѣренности въ его предательствѣ, въ томъ, что онъ выдаетъ, я, несмотря на странность побѣга, фиктивность котораго прямо мною была почти угадана,—все же не могъ прійти къ опредѣленному какому-нибудь выводу. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ, что меня позовутъ на допросъ. Но имѣя свѣдѣнія изъ Одессы, что я не даю показаній, очевидно съ этимъ не спѣшили. Я просидѣлъ въ крѣпости 4 мѣсяца, какъ бы совсѣмъ забытый. Повидимому это было педагогической мѣрой, въ нѣкоторомъ родѣ. Все это время я проникался стильностью режима въ Трубецкомъ равелинѣ. На первыхъ же порахъ, въслѣдствіе внезапности отъѣзда изъ Одессы, въ крѣпости мнѣ пришлось бѣдовать безъ табаку, безъ чаю и т. д., такъ какъ я пріѣхалъ безъ денегъ. И на первыхъ же порахъ я получилъ дисциплинарное возмездіе. Я былъ сразу посаженъ во второмъ этажѣ рядомъ съ только что тогда (въ началѣ апрѣля 1883 г.) приговореннымъ къ смертной казни, Теллаловымъ. Объ этомъ я узналъ сейчасъ же, начавши перестукиваніе съ нимъ. Узналъ отъ него о всемъ процессѣ¹⁾! Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, переговариваясь съ нимъ, все время, особенно ночью, я былъ въ постоянной тревогѣ, что вотъ придутъ его брать на казнь. И вотъ, однажды, въ 3 часа утра, заслышавъ какой-то шумъ въ корридорѣ, я вскочилъ и подбѣжалъ къ стѣнкѣ Теллалова стучать. Отвѣтъ, что онъ тутъ, я получилъ, но... меня въ

¹⁾ Процессъ 17 лицъ: Юрій Богдановичъ, Буцевичъ, Корба, С. Златопольскій и др.

глазѣкъ усмотрѣли и чрезъ какія нибудь 10 минутъ входятъ съ стереотипнымъ: «Пожалуйте!» Повели меня въ нижній этажъ, помѣстивши такъ, что я не имѣлъ сосѣдей для перестукиванія. Кромѣ того, возмездіе дополнилось лишеніемъ прогулки вплоть до 15 мая, дня коронаціи, когда я былъ «помилованъ» и отведенъ вновь на 2-ой этажъ. Только въ іюнѣ я узналъ отъ новаго сосѣда, что Теллаловъ и 5 его товарищей были «помилованы» только по окончаніи коронаціи... Сосѣдей по общему дѣлу у меня все не было, и я ничего новаго не могъ узнать. Перестукиваться, хотя съ рискомъ получать возмездіе въ видѣ лишенія книгъ, прогулки вплоть до карцера, можно было, но мнѣ не удавалось устраивать цѣпь разговорѣ отъ одного заключеннаго къ другому и дальше. Это потому, что попадались такіе, которые не умѣли стучать; иные учились этому искусству; иные не хотѣли просто стучать; наконецъ, часто разсаживали такъ, что не бывало сосѣдей. За 19 мѣсяцевъ пребыванія въ крѣпости до суда и послѣ него я мѣсяцевъ 8 не могъ бесѣдовать, а стало быть и узнавать что бы то ни было. Помнится, какъ я сильно хотѣлъ того или другого изъ товарищей по дѣлу имѣть сосѣдомъ. Особенно мнѣ хотѣлось знать что и какъ Тихановичъ. Эта жертва предательства меня въ особенности занимала: меня прямо угнетала мысль, что Дегаевъ погубилъ и этого человѣка. А. П. Тихановичъ не былъ вполне партіоннымъ человѣкомъ еще за полгода до катастрофы. Въ качествѣ офицера одного изъ полковъ въ Кіевѣ онъ бывалъ въ караулѣ и въ тюрьмѣ. Бывая и въ политическомъ отдѣленіи тюрьмы, онъ интересовался политическими, не имѣя, конечно, возможности познакомиться даже. Вообще, это былъ офицеръ интеллигентный съ радикальнымъ отѣнкомъ; вращался среди интеллигентной молодежи и въ самое послѣднее время сталъ искать связей съ революціонерами. Я жилъ тогда въ Кіевѣ, зналъ нѣсколькихъ офицеровъ, въ средѣ которыхъ начали возникать планы объ организаціи кружка и о присоединеніи къ военной организаціи «Нар. Воли», но среди нихъ не было Тихановича. Однажды, приблизительно въ маѣ 82 г. ко мнѣ обратилась одна курсистка и стала говорить о Тихановичѣ, вообще, а потомъ вскорѣ прямо сказала, что Тихановичъ, прослышавъ о кіевской организаціи Нар. Воли, желаетъ съ кѣмъ-либо познакомиться по дѣлу. Послѣ разныхъ переговоровъ, изъ которыхъ видно стало, что Тихановичъ желаетъ непосредственно видѣться со мной, я видѣлся съ нимъ и на первомъ же свиданіи узналъ нѣчто чрезвычайное: онъ прямо мнѣ заявилъ, что въ качествѣ начальника караула въ тюрьмѣ онъ очень легко и безъ всякаго для себя риска можетъ освободить политическаго заключеннаго. Я возражалъ, не вѣря, чтобъ не было риска; указывалъ, что въ Кіевѣ нѣтъ столь сильно обвиняемыхъ, чтобъ при неудачѣ стоило такъ сильно отвѣчать, ему офицеру, вѣдь, предстоитъ несомнѣнный смертный приговоръ. Онъ настаивалъ на полной увѣренности въ отсутствіи риска и тутъ

же сказалъ, что желаетъ освободить, именно, Вас. Гр. Иванова, тогда привлеченнаго къ дѣлу въ Кіевѣ. На мой вопросъ, почему, именно, Иванова, а не другого кого, онъ отвѣтилъ, что, конечно, если находятъ нужнымъ кого-либо другого, то онъ ничего противъ не имѣетъ, но лично онъ хотѣлъ бы Иванова освободить, п. ч. Ивановъ очень ему понравился... въ тюрьмѣ! Я общалъ ему сообщить обо всемъ Иванову, такъ какъ, вѣдь, въ сущности мы не знаемъ, желаетъ-ли Ивановъ бѣжать. Онъ согласился ждать.—Дѣло В. Иванова было не очень серьезнымъ. Его обвиняли въ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Были улики, т. к. его оговорилъ, если не ошибаюсь, рабочій Петлецькій. Ивановъ былъ арестованъ въ то время, когда на всемъ югѣ прямо свирѣпствовалъ генералъ Стрѣльниковъ, назначенный осенью 81 года чѣмъ-то вродѣ главнаго слѣдователя по политическимъ дѣламъ. Пока живъ былъ Стрѣльниковъ, дѣло Иванова могло принять и худой оборотъ. Стрѣльниковъ сильно не взлюбилъ Иванова за недачу показаній и за то, должно быть, что Ивановъ не очень испугался грознаго генерала, пускавшаго въ ходъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, и съ Ивановымъ такіе, напр., приемы застраиванія, какъ картинное изображеніе, какъ Ивановъ будетъ на висѣлицѣ высовывать языкъ и хрипѣть! При этомъ Стрѣльниковъ самъ высовывалъ языкъ и хрипѣлъ!! Бывали случаи, когда при такомъ драматическомъ искусствѣ генерала дамы, родственницы заключенныхъ, падали въ обморокъ, но съ Ивановымъ этого не было. Не больше успѣха имѣли и архитектурные способы, къ коимъ прибѣгалъ для разнообразія Стрѣльниковъ, приказывая воздвигать эшафотъ передъ окномъ камеры Иванова!—Но послѣ смерти Стрѣльникова¹⁾ выяснилось, что дѣло Иванова закончится въ административномъ порядкѣ, и ему грозила ссылка въ Вост. Сибирь на 5 лѣтъ.—Какъ я и ожидалъ, Ивановъ отвѣтилъ, что не хочетъ подвергать Тихановича риску быть повѣшеннымъ изъ-за того, что ему придется идти въ Сибирь, откуда онъ сумѣетъ бѣжать безъ этого. Тихановичъ продолжалъ упорно настаивать на томъ, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, что дѣло будетъ обдѣлано такъ, что несомнѣнно все останется, что называется, «шито-крыто». Онъ прибавилъ, чтобъ я предоставилъ ему лично списаться съ Ивановымъ, убѣдить Иванова въ полной гарантіи и т. п. Кончилось тѣмъ, что Ивановъ согласился, и былъ выработанъ слѣдующій планъ. Съ помощью ключа, сдѣланнаго рабочимъ изъ организаціи по слѣпку замка камеры Иванова, доставленному Тихановичемъ, этотъ послѣдній въ назначенный день, находясь въ тюрьмѣ въ караулѣ, отворить камеру Иванова, а затѣмъ отворить и ворота тюрьмы. Надзиратель корридорный Ивановымъ долженъ быть угощенъ чаемъ съ примѣсью такой дозы морфія, что обязательно

¹⁾ Убитъ 18-го марта 82 г. въ Одессѣ Желваковымъ при помощи Ст. Халтурина. Оба были казнены 22 марта 82 же года.

заснетъ. Надзиратель же во дворѣ долженъ былъ быть отвлеченъ Тихановичемъ, и въ моментъ прохода Иванова между корпусомъ и воротами долженъ былъ, по приказанію Тих—ча, пойти въ отдаленный уголъ тюремнаго двора узнать, почему-де тамъ шумъ. Часовыхъ солдатъ внутри тюремной ограды не полагалось. Внѣшнихъ часовыхъ Тихановичъ издавна приучилъ къ тому, что выходилъ за ворота ночью и посылалъ часового, который у воротъ, дойти до угла для провѣрки, не спить-ли другой часовой по другую сторону. Также приучилъ своего фельдфебеля къ тому, что ночью ключи отъ воротъ держалъ у себя, не отдавая ихъ фельдфебелю; его караулъ привыкъ и къ тому, что Тихановичъ по ночамъ обходилъ дворъ тюрьмы.

Когда все было готово въ послѣднихъ числахъ іюня, была сдѣлана попытка, но неудачно: ключъ былъ плохо сдѣланъ и не подошелъ! Я почти всю ночь даромъ простоялъ на условленномъ мѣстѣ для встрѣчи Иванова, а на другой день, когда видѣлся съ Тихановичемъ, онъ рвалъ и металъ, ругая нашихъ рабочихъ, которые не умѣютъ сдѣлать ключъ и т. д. Отъ Иванова же пришла ужасная записка, въ которой онъ отрекался отъ всего, говоря о томъ, что онъ испытывалъ, слыша, какъ долго и шумно возился Тихановичъ съ замкомъ, забывъ о надзирателѣ, хотя и спавшемъ крѣпко подъ дѣйствіемъ морфія, но тѣмъ не менѣе представлявшемъ страшную опасность! Пошли новыя препирательства съ Тихановичемъ, который теперь еще больше во что бы то ни стало хотѣлъ это повторить и новымъ ключемъ. Ивановъ ни о чемъ и слушать не хотѣлъ. Послѣ долгихъ убѣжденій Тихановича, онъ, наконецъ, согласился, но поставилъ свои условія: изъ камеры онъ выйдетъ собственными усиліями, проломавъ въ печи проходъ, а въ ворота его выпуститъ Тихановичъ. И послѣдній, и я не вѣрили этому и думали, что Ивановъ хочетъ просто отдѣлаться. Но онъ просилъ, чтобъ ему прислали большой ножъ, которымъ онъ будетъ орудовать надъ кирпичами въ печкѣ. Ножъ этотъ Тихановичъ зарылъ во дворикъ политическихъ, въ которомъ Ивановъ прогуливался въ одиночествѣ. Ему было запиской сообщено, гдѣ онъ долженъ найти ножъ, который онъ и извлекъ. Камера Иванова находилась въ углу корридора. Дверцы печки были не на самой стѣнѣ корридора, т. е. не на поверхности стѣны, а вродѣ, какъ въ нишѣ. Такимъ образомъ, проломъ вокругъ дверецъ не могъ быть виднымъ въ корридорѣ. Это было благоприятнымъ условіемъ. Новая попытка была назначена на ночь съ 16 на 17 августа, день дежурства караула Тихановича. На этотъ разъ морфію понадобилось больше, такъ какъ кромѣ надзирателя, какъ въ прошлый разъ, нужно было напоить чаемъ офицера, дежурнаго по всѣмъ карауламъ, который, благодаря близости къ лагерю тюрьмы, избралъ ее мѣстомъ для ночевки. Для большей вѣрности Тихановичъ оставшія чай отдалъ и фельдфебелю. Ивановъ же сталъ ломать у себя въ камерѣ печь и къ 2 часамъ ночи добрался до дверецъ, которыя вынулъ съ мѣста, а выйдя потомъ

поставилъ на мѣсто. Раньше этого онъ погасилъ огонь въ камерѣ, что должно было служить знакомъ для Тихановича. Ночной сторожъ во дворѣ, какъ оказалось, спалъ. Ивановъ прошелъ мимо него къ будкѣ, стоявшей между двумя воротами, одѣлъ приготовленный костюмъ, встрѣтился съ Тихановичемъ, который предъ этимъ отдалилъ фасаднаго часового за воротами,—и вышелъ. Черезъ полчаса мы горячо обнимались на берегу Днѣпра. При этомъ Ивановъ мнѣ показывалъ, и хохоталъ, бѣлье окрашенное кровью и разодранные немного бока. Дѣло въ томъ, что въ отверстіи, очень узкомъ, въ печкѣ ему пришлось изгибаться чуть-ли не подъ прямымъ угломъ. Когда утромъ установили исчезновеніе Иванова, въ тюрьму явилась жандармерія, прокуроръ и пр. Сразу рѣшили, что проломъ въ печкѣ сдѣланъ для отвода глазъ; заставили 15-лѣтняго арестанта пролѣзть въ отверстіе; это парню не удалось сдѣлать. Стали производить слѣдствіе. Карауль, солдаты и фельдфебель показали, что ничего не замѣтили, что всю ночь все было спокойно и нормально. Нашелся уголовный арестантъ, который подъ присягой показалъ, что видѣлъ, какъ надзиратель ночной, выводилъ Иванова въ красной рубахѣ (?) за ворота. Этотъ надзиратель за свою жестокость былъ ненавидимъ уголовными. По случаю при обыскѣ у этого надзирателя находятъ крупную сумму денегъ. Подозрѣніе пало на него и другихъ двухъ надзирателей. Ихъ, неизвѣстно ужъ, на основаніи какихъ юридическихъ данныхъ, судятъ въ ноябрѣ военнымъ судомъ, который выноситъ обвинительный приговоръ за заранѣе предумышленный планъ освободить Иванова и осуждаетъ двоихъ изъ нихъ къ пяти годамъ каторги!! третьяго же оправдалъ. Тихановичъ оказался больше нежели правъ, что все останется про него шито-крыто. Но такой оборотъ дѣла, какъ осужденіе невинныхъ надзирателей, былъ такъ неожиданъ, что Тихановичъ на первыхъ порахъ чуть не надѣлалъ глупостей. Онъ потерялъ покой. Его мучила судьба надзирателей, и стоило большихъ усилій отвадить его отъ бывшаго у него намѣренія заявиться и сознаться. Ивановъ въ свою очередь очень волновался и хотѣлъ выступить въ газетахъ съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что надзиратели невинновы. Но газеты, помѣстившія противъ Иванова и революціонеровъ разносныя статьи, не пожелали или не могли помѣстить письмо Иванова. Въ мартѣ 83 г., когда арестованъ былъ Тихановичъ, осужденные надзиратели были уже въ Одессѣ, откуда должны были въ мартѣ же быть отправленными на Сахалинъ. Но послѣ ареста Тихановича состоялось высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ надъ ними приговора, и ихъ оправдали. Тихановичъ же, конечно, все про себя призналъ. Меня поразило это предательство Дегаева потому, что это дѣло было какъ бы отдѣльнымъ эпизодомъ, внѣ связи со всѣми дѣлами, о которыхъ Дегаевъ, разъ начавши говорить, съ трудомъ могъ умолчать. Объ этомъ дѣлѣ, казалось, онъ могъ-бы умолчать, не нарушая, такъ сказать, цѣльности открытій, которыя онъ дѣлалъ. Да онъ по этому поводу въ подроб-

ности и не входилъ. О моемъ, напр., прикосновеніи къ этому дѣлу ровно ничего не стало извѣстнымъ. Кромѣ того, вообще были нѣкоторые случаи, когда Дегаевъ кое о чемъ или кое о комъ прямо таки не сообщалъ. Извѣстны случаи, когда онъ того или другого, котораго онъ не хотѣлъ назвать, заставлялъ уѣхать за-границу. Такъ было по слухамъ, не знаю ужъ насколько достовѣрнымъ, съ Карауловымъ, Чернявской. На судѣ Тихановичъ подтверждалъ все въ томъ видѣ, какъ дѣло изложено въ обвинительномъ актѣ, несмотря на массу неточностей, которыя имѣются въ немъ. Словомъ, Тихановичъ совсѣмъ не защищался, держась безукоризненно, несмотря на то, что во время суда уже былъ психически больнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ по «помилованію» былъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и окончилъ дни свои.

Только во второй половинѣ іюля, на пятомъ мѣсяцѣ, я впервые былъ вывезенъ изъ крѣпости на допросъ. На этотъ разъ мнѣ прочитали, безъ ссылокъ на источникъ, рассказъ о томъ, какъ въ декабрѣ 82 г. я съ Дегаевымъ въ Одессѣ на квартирѣ М. Ю. Апенбреннера имѣли бесѣду съ вызванными изъ Николаева двумя офицерами съ цѣлью предложенія имъ отъ имени организациі выступить изъ военной организациі и взять на себя спеціальныя дѣла. Въ рассказѣ были изложены подробно всѣ переговоры и все происходившее на собраніи. Я, уже зная, что Дегаевъ и не о такихъ вещахъ говорить, не могъ приписать сообщеніе объ этомъ собраніи кому-либо другому, кромѣ него. Къ тому же въ освѣщеніи многихъ сторонъ этихъ переговоровъ я могъ узнать, именно, Дегаева, такъ какъ по поводу одного изъ этихъ офицеровъ, не проявлявшаго особеннаго желанія согласиться на предложеніе, у меня съ Дегаевымъ возникли нѣкоторые пререканія. Онъ стоялъ на необходимости не стѣсняться и обязывать въ такихъ случаяхъ, основываясь на всей строгости устава военной организациі, не допускавшаго неподчиненія...

По окончаніи чтенія меня спросили, что я имѣю на это сказать. Я отвѣтилъ, что ничего. Меня отвезли вновь въ крѣпость, гдѣ до февраля 84 г. я опять пребывалъ безвыѣздно. Впрочемъ, кажется, въ этотъ періодъ, однажды, прокатился въ фотографію на Моховую улицу, гдѣ еще разъ сняли съ меня карточку. Не смотря на все однообразіе сидѣнія въ крѣпости, эти поѣздки не были пріятнымъ развлеченіемъ. Приходилось сидѣть въ тѣсной каретѣ съ 2 жандармами и офицеромъ, при закрытыхъ окнахъ и опущенныхъ шторахъ. Одинъ изъ жандармовъ укладывалъ свои ноги такъ между дверью кареты и моими ногами, что я, однажды, спросилъ офицера, требуется ли по инструкціи, чтобы жандармъ мнѣ все время давилъ на ноги. Тотъ обругалъ жандарма за недостатокъ деликатности, которую онъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ при такихъ благихъ цѣляхъ проявить не могъ. Офицеръ же, очевидно, для противовѣса жандармскому запаху извлекалъ свой платокъ, пропитанный одуряющими духами. Эта духота, жара дѣлали поѣздку въ каретѣ очень мало пріятной; я

всегда былъ воля и раздраженъ и не поощрялъ офицера въ его словоохотливости. Въ февралѣ 84 г., наконецъ, призвали на допросъ въ такъ называемое «зданіе комиссіи» возлѣ Трубецкого равелина. Въ большомъ залѣ со сводами, недалеко отъ клѣтокъ для свиданій, засѣдала большая группа «слѣдователей», прокуроровъ съ генераломъ Середой во главѣ. На этотъ разъ дѣло носило торжественный характеръ. Мнѣ пришлось въ клѣткѣ для свиданій переждать. Я слышалъ, какъ увели кого-то изъ зала, повидимому, судя по походкѣ, даму. Потомъ ввели меня въ залъ. Мнѣ предъявили сначала одну бумагу, подписанную Дегаевымъ. Это было его первое показаніе въ Одессѣ. Спросили, дегаевскіе-ли это почеркъ и подпись. Я сказалъ, что почерка Дегаева не знаю, а подпись вижу. Тогда, предъявивъ мнѣ цѣлую тетрадку, спросили, не нахожу-ли я, что тетрадка написана той же рукой, что и та бумага за подписью Дегаева. Я сказалъ, что, дѣйствительно, почеркъ одинъ и тотъ же. Тогда мнѣ сказали, что будутъ читать изъ тетрадки относящееся ко мнѣ. Началось чтеніе о моемъ первомъ знакомствѣ съ Дегаевымъ въ Харьковѣ, на такой-то улицѣ, у того-то на квартирѣ, о всѣхъ разговорахъ бывшихъ при этомъ и т. д., и т. д. Читали порядочно времени, желая показать больше даже, чѣмъ достаточно, что Дегаевъ сказалъ рѣшительно обо всемъ. Я слушалъ очень внимательно. Но вотъ, при перелистываніи читавшимъ для отысканія новыхъ мѣстъ, до меня имѣющихъ отношеніе, генераль остановилъ чтеніе и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «ну, что вы имѣете на это сказать?» Я отвѣчалъ, что на это сказать ничего не имѣю. Онъ воскликнулъ громко: «Какъ? даже теперь?» Я отвѣтилъ, что не вижу причинъ, почему, именно, теперь я могу имѣть сказать больше, нежели раньше. Добржинскій тутъ началъ мнѣ что-то говорить, но генераль говорить офицеру, меня сопровождающему: «увести». И меня уводятъ назадъ. Это былъ послѣдній вызовъ. Съ февраля по сентябрь, когда врученъ былъ обвинительный актъ, больше никуда не вызывали. Въ мартѣ у меня оказался новый сосѣдъ, молодой Степуринъ (офицеръ), братъ того тоже офицера Степурина, который покончилъ съ собою въ 84 г. въ предварилкѣ. Послѣ большихъ трудовъ, понесенныхъ мною для обученія его перестукиванію, я былъ сильно вознагражденъ: онъ мнѣ сообщилъ такую массу новаго обо всемъ, что происходило въ 83 году въ связи съ Дегаевымъ, объ убійствѣ Судейкина и т. д., что только тогда мнѣ все стало яснымъ и всѣ недоумѣнія окончились. Прошло послѣ того еще пять мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Половина этого времени у меня была занята леченіемъ отъ цынги. Мѣсяца полтора я не могъ ходить, не могъ разогнуть одну ногу, на которой долго была громадная опухоль съ язвой. Лечили меня съ нѣкоторымъ усердіемъ, которое цѣликомъ, впрочемъ, выражалось въ томъ, что мнѣ разрѣшено было на свой счетъ улучшить пищу, при чемъ брали съ меня 1 р. за цыпленка и т. п. Каждый день посѣщать врачъ, извѣстный Вильмсъ. Все же эти заботы для крѣпости были

необычны и потомъ я ихъ объяснилъ тѣмъ, что нужно было, чтобъ я къ сентябрю былъ здоровъ для суда. Оригинальную полемику мнѣ пришлось вести съ Вильмсомъ съ одной стороны и съ Лѣсникомъ (смотрителемъ бастіона) съ другой. Впервые осмотрѣвъ ногу со скорбутомъ, Вильмсъ при Лѣсникѣ изволилъ воскликнуть: «это удивительно! 20 лѣтъ служу въ крѣпости, и это первый случай цынги!» Я ему на это отвѣтилъ: «Вы, должно быть, это же говорили и Ширяеву, умершему въ рavelинѣ отъ цынги, и теперь говорите то же въ такихъ-то и такихъ-то номерахъ бастіона больнымъ цынгой!» Вильмсъ опѣшилъ, но Лѣсникъ, побагровѣвъ отъ подозрѣнія, что я какимъ-то манеромъ узналъ такія конспираціи, накинулся на меня: «Вы какъ можете знать что въ такихъ-то номерахъ?!» Видно было, что я попалъ въ самую точку! Я ему сказалъ: «успокойтесь! въ корридорѣ на окнахъ противъ такихъ-то номеровъ стоятъ бутылки съ желѣзомъ, такія же, какую вы поставили на окнѣ противъ моей двери вчера!» Когда я сталъ выходить на прогулку при помощи жандармовъ, ковыляя на одной ногѣ, я больше не видѣлъ бутылей на окнахъ въ корридорѣ. Съ Лѣсникомъ пришлось препираться еще. Вильмсъ велѣлъ, чтобъ я гулялъ по часу, чтобъ скорѣе распрямить ногу и, вообще, выздоровѣть. Я заявилъ, что, гуляя по часу, я лишу другихъ прогулки обычной въ 10 минутъ. Это вызвало цѣлую бурю, потому что я объяснилъ, что знаю, что всего дня не хватаетъ для обычной прогулки всѣхъ при данномъ количествѣ заключенныхъ. Зналъ же я объ этомъ весьма просто: когда не хватало времени для прогулки всѣхъ, то приходилось гулять не каждый день подрядъ. Но полковникъ Лѣсникъ опять проявилъ плохую сообразительность и пришелъ въ ужасъ: мнѣ извѣстны такія ужасныя тайны! Онъ сталъ кричать, что не можетъ же онъ мнѣ доказывать, что я могу часъ гулять, показываніемъ списковъ: «за это, вѣдь, я подъ судъ пойду!!» Кончилось тѣмъ, что я согласился гулять по полчаса, когда узналъ по стуку, что 3 августа весь нижній этажъ каторжанъ былъ увезенъ. Выйдя на прогулку, я видѣлъ, дѣйствительно, внизу всѣ двери казематовъ растворенными. Уже послѣ суда въ Москвѣ я узналъ, что 3 августа, изъ Трубецкого рavelина перевезли каторжанъ въ Шлиссельбургъ.

Къ началу сентября, когда я сталъ уже свободно ходить, и язва на ногѣ закрылась, я былъ обращенъ въ «первобытное состояніе», т. е. меня лишили молока и всѣхъ другихъ привилегій дынготнаго. 11-го же сентября вызвали для врученія обвинительнаго акта и объявленія о томъ, что судъ будетъ 24 сентября. На вопросъ объ защитникѣ изъ присяжныхъ повѣренныхъ я сказалъ, что такового имѣть желаю.

Вернувшись въ камеру, я съ любопытствомъ сталъ читать обвинительный актъ. Не могу передать о томъ, какъ я былъ удивленъ, увидѣвъ, что о показаніяхъ Дегаева въ актѣ нѣтъ ни слова, и что я обвиняюсь только въ устройствѣ типографіи! На

другой день въ крѣпость ко мнѣ пришелъ мой защитникъ, прис. пов. Макалинскій, съ которымъ я, наединѣ, видѣлся въ «зданіи комиссій». Когда онъ узналъ отъ меня обо всемъ, онъ также крайне удивился тому, что въ актѣ отсутствуютъ обвиненія по показаніямъ Дегаева, и взялся рассмотреть все томы дѣла (ихъ оказалось 30 т.т.), чтобы убѣдиться, что ихъ и тамъ нѣтъ. На второмъ свиданіи въ крѣпости онъ мнѣ сообщилъ, что и во всѣхъ томахъ дѣла о Дегаевскихъ показаніяхъ нѣтъ ничего. Тогда онъ сталъ мнѣ говорить, что мнѣ предстоитъ лишь поселеніе; что онъ будетъ доказывать непримѣнимость 249 ст. улож. о нак.; хотѣлъ, чтобы я все и на судѣ отрицалъ. Я съ этимъ не согласился и сказалъ, что я рѣшилъ, разъ ужъ попалъ подъ военный судъ, держаться другой системы: признать и принадлежность къ Народной Волѣ, и все обвиненія въ предѣлахъ обвинительнаго акта съ опроверженіемъ, конечно, лишь того вздора, который тамъ имѣется въ видѣ свѣдѣній неточныхъ, вродѣ того, что я получалъ прифтъ на свое имя и т. п. Послѣ долгихъ споровъ Макалинскій съ этимъ долженъ былъ примириться, а также съ моимъ протестомъ противъ того, чтобы онъ, какъ того желалъ, говорилъ на ту тему, что, молъ, я разъ былъ уже невинно сосланъ, что это де молъ меня озлобило, и что этимъ, молъ, объясняется моя принадлежность къ партіи! Все наши соглашенія были обоими нами выполнены на судѣ точно, и Макалинскій въ отношеніи меня, да и въ отношеніи Штромберга, говорилъ лишь о томъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для примѣненія къ намъ 249 ст. за принадлежность къ партіи. Не все защитники вели себя такъ солидарно съ желаніями подсудимыхъ.

22 сентября меня перевели изъ крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, а 24-го начались засѣданія суда, состояшаго, кромѣ предсѣдателя и судьи, изъ четырехъ гвардейскихъ полковниковъ разныхъ родовъ оружія. Кромѣ уже указанныхъ эпизодовъ, на судебномъ слѣдствіи не было ничего болѣе любопытнаго. Монотонно-скучно читались секретаремъ многочисленныя показанія свидѣтелей, которые показывали, что въ предъявленной имъ карточкѣ такого-то они, молъ, узнаютъ посѣщавшаго такого-то и другія столь-же цѣнныя данныя. Подсудимые облегчали дѣло, очень мало опровергая и не препираясь. Рѣчь прокурора была также не изъ завзятыхъ; взывалъ онъ, конечно, къ смертной казни, но особенной свирѣпости имъ не было проявлено. Были выпады сомнительнаго качества, какъ, напр., сказанное имъ о В. Н. Фигнеръ. Дескать удивляться надо, какъ такая женщина, какъ Фигнеръ, дворянскаго происхожденія, съ образованіемъ и т. п. «могла жаждать крови!» Или укоръ по моему адресу, что я проявилъ въ отношеніи правительства «неблагодарность!» Правительство меня возвратило изъ первой ссылки, а я, молъ, опять сталъ участвовать въ революціонномъ движеніи.

Изъ защитниковъ говорилъ первымъ прис. пов. Леонтьевъ 2-ой. Его рѣчь была и необыкновенно кратка, и необыкновенно сильна.

Это не защитительная рѣчь. Онъ началъ съ того, что ему, какъ защитнику, сказать нечего. Его клиентка сдѣлала все возможное для самообвиненія, сказавши о себѣ все наиболѣе тяжелое. Затѣмъ, переходя къ характеристикѣ личности Фигнеръ, онъ, по поводу словъ прокурора о «жаждѣ крови», сказалъ, что она принадлежитъ къ натурамъ, которыя «такъ страстно любятъ правду, что во имя этой любви къ правдѣ, во имя осуществленія идеаловъ правды не могутъ остановиться и предъ необходимостью пролитія крови. Что до приговора, который ожидаетъ Фигнеръ, то я долженъ заявить, что она не ждетъ и не желаетъ «ни милости, ни снисхожденія».

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣнiе, какъ на гвардейскихъ судей, такъ и на многочисленныхъ слушателей изъ «публики», довольно своеобразной: она состояла исключительно изъ чиновъ прокуратуры, департамента полиціи, главнаго тюремнаго управления и т. д. Временами появлялись министры: Набоковъ (юстиціи) и Д. Толстой (внутр. дѣлъ).

Рѣчи другихъ защитниковъ не представляли ничего особенно любопытнаго.

У Н. Д. Похитонова былъ защитникомъ Мазаракій 2-ой по назначенію. По желанію же отца его выступилъ въ качествѣ защитника также и прис. пов. Добровольскій. Этотъ добровольный защитникъ доставилъ Похитонову нѣсколько неприятныхъ минутъ. Онъ началъ съ дифирамбической характеристики отца Похитонова, генерала. Воздавъ хвалу его превосходительству Данилу Даниловичу, защитникъ сталъ передавать суду очень подробно о своемъ удивленіи и ужасѣ, когда онъ узналъ, что, вотъ, сынъ почтеннѣйшаго Данилы Даниловича принадлежитъ къ революціонной организаціи! До сихъ поръ онъ только вызывалъ смѣхъ у подсудимыхъ. Но вотъ, онъ перешелъ къ характеристикѣ партіи и ея дѣятелей. Тутъ онъ, видимо, совершенно незнакомый съ тѣмъ, о чемъ сталъ говорить, счелъ нужнымъ для защиты и обѣленія своего кліента по возможности сильнѣе очернить партійныхъ дѣятелей. Онъ сталъ доказывать, что нельзя вѣрить показанію Желябова о военной организаціи: «Желябовъ, г.г. судьи, хвастанъ и говоритъ неправду». Но судьямъ дальше не довелось дослушать Добровольскаго, ибо Похитоновъ, возмущенный всей рѣчью его, вызывавшей и смѣхъ, и негодованіе товарищей, тутъ нашелъ нужнымъ потребовать, чтобъ Добровольскій прекратилъ свою защиту; тотъ недоумѣвалъ, почему Похитоновъ отказывается отъ нея?..

Выдающійся, хотя и специфическій интересъ — представляла рѣчь Спасовича, защитника Чемодановой. Спасовичъ болѣе другихъ принадлежалъ къ тому типу защитниковъ, которые для воздѣйствія на судъ, для оправданія подсудимаго-клиента не прочь этого кліента представить суду въ болѣе или менѣе раздѣланномъ подъ орѣхъ видѣ. И если не всегда отъ такого приѣма подсудимому чувствовалось хорошо, то часто Спасовичъ получалъ резуль-

таты блестящіе! Особенно удачнымъ оказался такой его приемъ при защитѣ Л. Чемодановой. Какъ видно изъ данныхъ обвинительнаго акта, Чемодановой предъявлялось обвиненіе въ принадлежности къ партіи «Нар. Воли», что подтверждалось ея собственнымъ признаніемъ еще 3 марта 81 г., когда она была арестована при обыскѣ на квартирѣ Желябова и Перовской въ отсутствіи уже послѣднихъ. Далѣе послѣ побѣга изъ ссылки въ 83 г. Чемоданова была арестована въ Харьковѣ въ типографіи. При такихъ данныхъ обвиненія трудно было ожидать добрыхъ результатовъ отъ той тактики на судѣ, которую повелъ г. Спасовичъ. Все время на судѣ шла рѣчь объ абсолютной непартійности Чемодановой. Всѣ данныя въ рукахъ обвиненія являлись, такъ сказать, стеченіемъ массы случайностей, которые де и привели къ привлеченію Чемодановой къ дѣлу. Она же совершенно не партійный человекъ. Самое трудное, однако, было отразить такой доводъ прокурора, какъ собственное признаніе Чемодановой въ 81 году, что она членъ партіи «Нар. Воли».

Тутъ-то и выступилъ Спасовичъ во всеоружіи своего ораторскаго таланта. Началось съ историческаго очерка революціоннаго движенія съ начала 70-хъ годовъ. Говорилось объ этомъ толково, со знаніемъ дѣла и, главное, долго. Гипнотизація гвардейскихъ полковниковъ шла успѣшно. Мнѣ впервые приходилось слушать г. Спасовича и, можетъ быть, впервые тогда видѣлъ я, что людей можно убѣждать, что черное — бѣло или обратно! Наступилъ, наконецъ, рассказъ о 1-мъ марта 81 г. Удивительно сильная картина происходившаго въ Петербургѣ тогда. Характеристика допросовъ въ тѣ дни, какъ допросовъ инквизиціи. Детальное разсмотрѣніе психическаго состоянія человека, захватываемаго въ эти дни на квартирѣ самихъ Желябова и Перовской. Словомъ, Чемоданова, вдругъ, неожиданно предстала предъ инквизиторами и ихъ вопросами. Она переживаетъ нѣчто экстра-ординарное; у нея мелькаетъ мысль: «пропадай все!» а затѣмъ признаніе: «Да! я членъ партіи «Нар. Воли»! Далѣе, сейчасъ же характеристика личности Чемодановой, какъ личности, какой хотите, только не могущей принадлежать къ партіи. Эта характеристика заканчивается восклицаніемъ: «г.г. судьи! посмотрите на эту Чемоданову!» (При этомъ распростертыя руки по направленію къ Чемодановой, пожатіе плечами и выразительно-презрительный взоръ!) — «*Эта* Чемоданова — членъ партіи Нар. Воли!??» Пауза, во время коей г.г. судьи взираютъ на *эту* Чемоданову и тутъ же приходятъ къ полному убѣжденію, что она не можетъ принадлежать къ партіи «Нар. Воли»!

Дѣйствительно, судъ въ приговорѣ нашель, что Чемоданова не принадлежитъ къ партіи «Нар. Воли», а къ другой, стремящейся къ ниспроверженію строя въ отдаленномъ будущемъ!.. Это нужно думать потому такъ судъ рѣшилъ, что въ рѣчи Спасовича говорилось не мало и о «Черномъ Передѣлѣ», вообще.

Тѣмъ не менѣе Л. Чемоданова была приговорена судомъ къ 4-мъ годамъ каторги, и лишь по конфирмаціи получилось поселеніе.

Нѣкоторые изъ подсудимыхъ отказались совсѣмъ отъ защитниковъ. Къ такимъ принадлежали В. Ивановъ, В. Чуйковъ и Л. Волкенштейнъ. Но они и сами не защищались: ихъ отношеніе къ суду было или вполне индифферентное, или же отрицательное. Признавши вначалѣ принадлежность къ партіи, они далѣе уже не участвовали въ процессѣ.

Послѣднее слово подсудимымъ хотя и было дано, но только одна В. Н. Фигнеръ счумѣла заставить себя выслушать. Какъ судьи, такъ и «публика» слушали съ необыкновеннымъ вниманіемъ, и предсѣдатель, насколько помню, ни разу не остановилъ. Всѣ попытки другихъ, особенно военныхъ, какъ Похитонова и Штромберга, были неудачны. Похитоновъ сталъ говорить о томъ, что онъ видѣлъ въ Болгаріи во время войны, и едва коснулся въ рѣчи порядковъ въ арміи, малозаконныхъ дѣйствій начальства, былъ прерванъ съ требованіемъ не говорить на эту тему; но когда онъ перешелъ на новую тему о томъ, что мы, освободивъ Болгарію, дали ей конституціонное устройство, а сами обрѣтаемся подъ сѣнію самодержавія, то немедленно окончательно былъ лишень слова. Штромбергъ началъ о томъ, что крестьянская реформа была поведена не такъ, какъ было нужно... Предсѣдатель и это нашелъ преступнымъ и лишилъ и его слова. Послѣ этихъ неудачъ остальные подсудимые предпочли молчаніе.

На пятый день засѣданія суда, 28-го сентября вечеромъ былъ прочтенъ приговоръ: 8 подсудимыхъ, въ томъ числѣ В. Фигнеръ и Л. Волкенштейнъ — смертная казнь; 2 — безсрочная каторга; 1—20 лѣтъ каторги; 2—15 л. и 1—4 г. каторги.

Поразилъ своей суровостью и неожиданностью приговоръ въ отношеніи Людмилы Александровны Волкенштейнъ. Она только въ августѣ 83 г. пріѣхала изъ-за границы, гдѣ жила съ 1879 года. Пріѣхала она, какъ о томъ заявила, для вступленія въ «Нар. В.», но въ октябрѣ уже 83 же г. была арестована, не успѣвъ ни въ чемъ проявить себя. Тѣмъ не менѣе ей предъявлено было обвиненіе въ принадлежности къ «Нар. Волѣ». Обвиняли ее кромѣ того въ томъ, что она въ 79 году жила вмѣстѣ съ Зубковскимъ на конспиративной квартирѣ, въ которой скрывался послѣ убійства Харьковскаго губернатора, Крапоткина, Гольденбергъ (9 февраля 1879 г.). Зубковскій, судившійся въ 80 году также военнымъ судомъ въ Петербургѣ по процессу «Народной Воли» о 16 лицахъ, былъ присужденъ къ 20-ти-лѣтней каторгѣ. Такимъ образомъ оставалось неяснымъ, почему Л. Волкенштейнъ чрезъ 5 почти лѣтъ послѣ Зубковскаго по однородному совсѣмъ дѣлу была приговорена къ смертной казни. Впослѣдствіи и до сего времени я не имѣлъ случая узнать достовѣрно, не было-ли и въ дѣлѣ Л. Волкенштейнъ закулисной стороны въ видѣ связи съ «дегаевщиной».

1-го октября вечеромъ же пришлось еще послѣдній разъ пройти гуськомъ по лабиринтамъ, соединяющимъ домъ предварительнаго заключенія съ окружнымъ судомъ, для выслушанія при-

*

говора въ окончательной формѣ. Но юридическія тонкости насъ не интересовали, и мы всѣ, зная, что видимся послѣдній разъ, спѣшили наговориться. В. Н. Фигнеръ, получившая съ воли на свиданіи букетъ цвѣтовъ, дала ближайшему сосѣду отдѣльные цвѣты для передачи дальше всѣмъ товарищамъ. Всѣ получили по цвѣтку. При этомъ Рогачевъ по разсѣянности, должно быть, открыто подносилъ цвѣтокъ къ лицу. Онъ стоялъ на верхней скамьѣ и, какъ очень высокій, этимъ обратилъ на себя вниманіе: цвѣтокъ былъ усмотрѣнъ и, вотъ, среди «публики», стоявшей напротивъ, произошелъ переполохъ. Уже на другой день въ предварилкѣ я узналъ отъ самого начальника дома, Дорофьева, о томъ, какой жестокой нагоняй онъ получилъ отъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Онъ допустилъ «цвѣты въ тюрьму, гдѣ 8 человѣкъ приговоренныхъ къ смерти!». «Вѣдь они могли отравиться!» Тѣмъ не менѣе въ предварилкѣ три дня я сохранялъ цвѣтокъ удачно. Но я зналъ, что, когда перевезутъ вновь въ крѣпость, мнѣ никакъ не удастся припрятать его. Однако, когда повезли въ крѣпость, я спряталъ цвѣтокъ въ своихъ длинныхъ волосахъ, откуда онъ торжественно былъ извлеченъ при расчесываніи жандармомъ волосъ при обыскѣ въ казематѣ. На другой день, впрочемъ, я лишился и волосъ, въ которыхъ запрятывалъ цвѣтокъ.... Тогда же была прочтена «инструкція для временнаго пребыванія въ Трубецкомъ равелинѣ на положеніи каторжной центральной тюрьмы». Эта инструкція лишала, кромѣ духовно-нравственныхъ, свиданій, переписки, расходованія собственныхъ денегъ, а, стало быть, чаю, сахару, табаку и какого бы то ни было улучшенія пищи. Она предусматривала бритье головы, кандалы, кусокъ войлоку на полу вмѣсто койки; за дисциплинарный проступокъ тѣлесное наказаніе до нѣсколькихъ тысячъ, чуть-ли, не шпицрутеновъ и т. д. Въ ней же говорилось, что на такомъ положеніи осужденный просидитъ $\frac{1}{3}$ всего срока. Въ числѣ другого было и обязательное обращеніе всего персонала бастиона на «ты». Я выслушалъ эту «инструкцію» и крѣпко приготовился сидѣть такъ 5 лѣтъ, ибо былъ осужденъ на 15 лѣтъ. На этомъ «положеніи» я немедленно сталъ болѣть еще сильнѣе, нежели раньше, и на 7-й день этого режима не былъ въ состояніи уже что-либо ѣсть. Приходилъ Вильмсъ и на этотъ разъ ограничивался тѣмъ, что заявлялъ мнѣ о томъ, что пищевой режимъ этотъ для меня убійствененъ, и также о томъ, что онъ теперь не можетъ ничего подѣлать. Я спросилъ его, зачѣмъ же онъ ходитъ.—«А для того, чтобъ... Вотъ, давать хининъ!!»—отвѣтилъ онъ. Прошло 2 недѣли, и по ночамъ я слышалъ частыя пріѣзды кареты. Очевидно увозили многихъ. Еще дня черезъ два исчезъ ночью мой сосѣдъ Похитоновъ. Въ слѣдующую ночь вывели и меня, но въ предварилку, гдѣ я изъ товарищей по процессу засталъ только Чуйкова и Чемоданову. Про остальныхъ я узналъ позже, что ихъ увезли въ Шлиссельбургъ....

А. Спандони.

Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова ¹⁾).

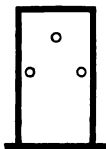
Секретно.

Обрядъ казни.

Записка.

По которой нужно приуготовить нѣкоторыя вещи для извѣстнаго дѣла; и о прочемъ того касающемся.

Деревянной столбъ длиною повѣрхъ земли 2-арш. 12-ть вершковъ, въ землѣ одинъ аршинъ. Позади онаго отъ ямы должно въ колотить два кольца; отъ земли два аршина, и одно съ верхъ ихъ выше 6-ть вершковъ. Фигура.

Позади онаго въ двухъ аршинахъ должна быть вырыта яма въ землѣ глубиною какъ рокутъ для могилы, а шириною чтобы тѣла шести человекъ могло помѣститься.

Нужно завтра по утру въ 9-ть часовъ ко мнѣ явится одному чиновнику, которой мнѣ покажетъ назначаемое Господиномъ начальникомъ мѣсто Екзекуции, а я тамъ назначу гдѣ ставить столбъ и рыть яму.

¹⁾ Печатаемый документъ относится къ „обряду казни“, исполненной надъ товарищами декабриста И. И. Сухинова по такъ наз. „Зарентуйскому заговору“. По прибытїи на каторгу послѣ замѣны ему смертной казни зарентуйскими рудниками, Сухиновъ (см. т. I сбор. Богучарскаго „Госуд. прест. въ Россїи“. Изд. „Дон. Рѣчи“ стр. 64—67) задумалъ поднятъ возстанїе въ Сибири, начавши его съ зарентуйскаго рудника. Заговоръ былъ открытъ въ то время, когда въ немъ приняли уже участїе сотни лицъ. Шестеро изъ нихъ были приговорены къ разстрѣлянію. Наканунѣ казни Сухиновъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ, а остальные 5 приговоренныхъ—Бочаровъ, Голиковъ, Бондаревъ, Птицынъ и Непомнящїй,—были разстрѣляны на слѣдующїй день. „Записка“ печатается нами съ сохраненїемъ не только „стиля“, но и орфографїи.

Ред.

Нужно построить смѣртныхъ шесть рубахъ бѣлаго холста, длиною чтобы не доходили земли четверть аршина, и столько широки, чтобы можно ихъ надѣвать съ верхъ всѣй одѣжды.—А такъ же шесть бѣлыхъ холщевыхъ платковъ для завязыванія глазъ.

И шесть веревокъ крепкихъ двухъ саженныхъ.

Во время езекуціи должно быть 6-ть человекъ ссыльныхъ, которые будутъ тѣла отвязывать, бросать ихъ въ яму, и зарывать.

Военной командѣ должно приготовить 100 боевыхъ патроновъ: дабы вѣсу пороху въ патронѣ не было больше двухъ золотниковъ—какъ на карабинѣ такъ и на ружье. Должно поручить господину поручику Рикю осмотреть ружьи съ коихъ пятнадцать человекъ будутъ стрелять; поверить патроны по калибрамъ, дабы при зарѣжаніи не было конфузиіи есть ли патронъ невойдетъ въ дуло.

Военная команда для Езекуціи можетъ быть одѣта въ шинеляхъ, а повѣрхъ оныхъ аммуниціа.

Арестанты которые есть въ оковахъ должны быть въ оныхъ приведены на мѣсто—а тамъ для наказанія будутъ по одному расковываться, для чего нужно чтобы тамъ были майстеровыя съ инструментомъ.

Въ день назначенный для Езекуціи, нужно нарядить трехъ чиновниковъ, и четвертаго старшимъ;—ибо въ трехъ мѣстахъ разнымъ орудіемъ будутъ наказываться арестанты, хотя недалеко одни отъ другихъ.

Для Ексекуціи нужно хотя 20-ть человекъ служителей конныхъ, въ оруженныхъ ружьями заряженными, или луками и пиками, кои заступятъ цепь въ мѣсто жандармовъ.

Всѣ время до дня Езекуціи особливо въ последнюю ночь, должно усугубить надзоръ за арестантами, и если можно прибавить караула—ибо они узнавши о приготовленіяхъ готовы решиться опять на что либо отчаянное.

(рукою *Лепарскаю*) О всѣмъ пояснѣннымъ покорнейше прошу Господина Начальника Нерчинскихъ заводовъ и кавалѣра не оставить кому слѣдуетъ приказать.

29-го ноября

1828-го года.

Генераль Маіоръ *Лепарскій*.

ВЪ НЕВОЛѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Въ неволѣ»—разсказъ изъ жизни политическаго осужденнаго въ предварительной и каторжной одиночной тюрьмѣ, написанъ авторомъ его *Н. С. Джабадари* 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1886 году). Въ надеждѣ помѣстить этотъ разсказъ въ какомъ либо изъ существовавшихъ въ то время легальныхъ журналовъ, авторъ придалъ ему безличную беллетристическую форму; но несмотря на такую форму, разсказъ этотъ нигдѣ не могъ быть помѣщенъ. Это и понятно; все, что рисуется тамъ, и потрясающія подробности каторжнаго быта, и бесѣды съ тюремщиками, не плодъ художественнаго воображенія автора, а реальная правда, настоящая правда жизни. Мы помѣщаемъ на нашихъ страницахъ этотъ разсказъ, какъ одну изъ характернѣйшихъ картинъ того Былого, которое такъ дорого намъ во всей его исторической правдѣ.

Три первыя главы этого разсказа относятся къ пребыванію автора въ С.-Петербур. Домѣ Предвар. Заключ., куда, послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія въ московскихъ тюрьмахъ и Петропавловской крѣпости, онъ былъ привезенъ, въ февралѣ 1877 года передъ судомъ надъ нимъ (онъ осужденъ по процессу 50-ти) и оставался почти до отправки его въ каторжную тюрьму. Короткое пребываніе въ Литовскомъ Замкѣ передъ отправкой въ каторжную тюрьму опущено авторомъ; оно ничѣмъ яркимъ не отпечатлѣлось въ его воспоминаніи. Конецъ III-й главы рисуетъ отправку автора изъ Петербурга и его путь по желѣзной дорогѣ до Харькова, откуда на почтовыхъ онъ былъ доставленъ въ Ново-Бѣлгородскую (Печенѣжскую) тюрьму. Всѣ остальныя главы относятся уже къ пребыванію его въ этой центральной каторжной Новобѣлгородской тюрьмѣ, куда онъ прибылъ 17-го октября 1877 года, а вывезенъ почти умирающимъ въ ноябрѣ 1880 года. Въ послѣднихъ строкахъ разсказа, на вопросъ ямщика, не на волю ли его везутъ, онъ отвѣчаетъ: «Да, на волю, на поселеніе»—но и эта «воля поселенія» оказалась для него несбы-

точной; его обманули и везли на вторичную каторгу на Кару, хотя по закону, считая 7 мѣсяцевъ за годъ, его срокъ одиночнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ въ то время былъ имъ оконченъ (авторъ осужденъ на 5 лѣтъ каторги на заводахъ).

Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ — цирюльникъ, совершившій обрядъ бритья головы и заковки въ кандалы — отставной солдатъ Гуцъ; старшій, намѣревавшійся стрѣлять въ автора за попытку перекинуться словомъ съ товарищемъ заключеннымъ, Сиряковымъ — унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ; второй старшій дѣлавшій подъ козырекъ голодающимъ — Чернякъ, смотритель за вѣдывавшій тюрьмой — Грацилевскій.

Одновременно съ авторомъ въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ содержались слѣдующіе политическіе осужденные: 1) Кордашевъ, 2) Здановичъ, 3) Циціановъ, 4) Сиряковъ, 5) Дьяковъ, 6) Герасимовъ, 7) Петръ Алексѣевъ, 8) Ревницкій, 9) Кравченко, 10) Быдаринъ, 11) Боголюбовъ, 12) Долгушинъ, 13) Дмоховскій, 14) Виташевскій, 15) Кленовъ, 16) Свитычъ, 17) Мышкинъ, 18) Поповъ, 19) Плотниковъ, 20) Герасимовъ, 21) Александровъ, 22) Осиповъ, 23) Іоновъ. Въ другой тюрьмѣ (Андреевской) были заключены: 24) Коваликъ, 25) Войноральскій, 26) Муравскій, 27) Сажинъ, 28) Дмитрій Рогачевъ.

Ред.

ГЛАВА I.

Въ одной изъ тѣсныхъ одиночныхъ келій Петербургскаго дома предварительнаго заключенія въ ночь съ 5 на 6 апрѣля 1877 года, молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, шагаль съ монотоннымъ однообразіемъ маятника вдоль своей узкой клѣтки. По временамъ, когда чуткій слухъ его тревожили какіе нибудь звуки, гулко отдавашіеся среди царившей кругомъ тишины, онъ останавливался, точно чего-то ожидая, и нервно взглядывалъ на сторожевое оконце въ двери, смотрѣвшее на него холодно и безстрастно своимъ стекляннымъ глазомъ. Но минута протекала за минутой, эхо взбудившихъ его звуковъ замирало, и онъ опять принимался ходить прежними, длинными, мѣрными шагами. Чего онъ ждалъ, о чемъ онъ думалъ? Не роились-ли въ его головѣ фантастическіе планы бѣгства, мечты избавиться отъ тягостной неволи? Вѣдь въ это утро онъ только-что выслушалъ приговоръ, осуждавшій его на долгіе годы каторги! Нѣтъ, какъ это ни странно, но не о волѣ думалъ онъ. Инстинктъ свободы, жажда жизни, все это какъ бы заснуло въ немъ, подавленное суровой критикой пережитого. Въ яркихъ образахъ вставали передъ нимъ картины прошлаго. Всегда правдивый и строгій къ самому себѣ, онъ ясно видѣлъ теперь свои ошибки. Угаръ борьбы прошелъ, и тотъ червь анализа, который точилъ его подчасъ въ минуты раздумья

на волю, всецѣло вступилъ теперь въ свои права и завладѣлъ его мыслью и чувствомъ. Не принадлежа по природѣ къ типу авантюристовъ, онъ не могъ уже ринуться вновь на прежнюю дорогу, довольствуясь лишь внѣшнимъ обаяніемъ борьбы. Онъ чувствовалъ, что ему нужно снова много передумать, много взвѣснить, чтобы вступить опять твердой ногой въ жизнь. Сложная машина жизни казалась ему какимъ то безстрастнымъ *regrettium mobile*, которое захватываетъ своимъ гигантскимъ колесомъ человѣческія существованія, не давая имъ вздоха. Чтобы не быть безслѣдно затертымъ въ этомъ роковомъ круговращеніи, думалось ему, мало вступить въ жизнь одушевленнымъ однимъ только непосредственнымъ чувствомъ добра, нужно вооружиться покрѣпче оружіемъ анализа и опыта. Вотъ почему перспектива долгой тюрьмы не страшила его; только тамъ, казалось ему, онъ найдеть тотъ покой, ту школу мысли, какой не могла дать ему жизнь, рано зацѣпивъ его въ свой роковой круговоротъ. Ему хотѣлось одуматься, глубже анализировать основы жизни; а тамъ—на волю, подъ игомъ дикихъ, грубо-импонирующихъ фактовъ дѣйствительности, становишься рабомъ своего возмущеннаго чувства, тамъ умъ и логика смолкаетъ и жизнь человѣка молодого и чистаго становится сплошной картиной рефлексивныхъ судорогъ минутнаго протеста. Итакъ, онъ не рвался на волю, каторга не пугала его, а какъ бы манила.

Такъ размышляя, долго бродилъ онъ по камерѣ, не замѣчая какъ течетъ время; въ немъ зрѣла рѣшимость порвать надолго всѣ связи съ міромъ живыхъ, въ надеждѣ воскреснуть вновь болѣе могучимъ и сильнымъ. Въ этой борьбѣ съ самимъ собой нервы его дошли до высшей степени напряженія; малѣйшій шумъ извнѣ, святотатственно нарушавшій могильную тишину его тюрьмы, волновалъ его, словно онъ инстинктивно боялся, какъ бы отголоски міра живыхъ случайно не ворвались въ его одинокую келью и не породили въ немъ мучительно бесплодной бури подавленныхъ инстинктовъ жизни, которые онъ заставилъ молчать силой своей воли.

Вотъ гдѣ-то въ отдаленіи часы пробили два; усталый узникъ остановился и глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ, сбросившій съ плечъ тяжелую ношу. Въ эту минуту въ корридорѣ послышались осторожные шаги надзирателя, приближавшіеся по видимому къ его номеру. Заключенный насторожился и весь превратился въ слухъ. Черезъ секунду щелкнулъ замокъ, дверная форточка открылась и тихій голосъ произнесъ знакомый ему пароль: «*roug le sapeur—rien de sacré!*»

Въ одинъ прыжокъ онъ очутился у форточки и взволнованнымъ шопотомъ спросилъ:

— Что новаго?

— Вотъ вамъ письмо, Илья Семеновичъ, сказалъ саперъ-тюремщикъ, передавая ему свертокъ, свитой въ маленькую трубочку.— Просили отвѣта.

— Спасибо, прошепталъ Илья, беря письмо.

— Но какъ отвѣтить, черезъ Васъ же?

— Странный вопросъ; вѣдь я—саперъ, а вы знаете, что pour le sapeur—rien de sacré; приготовьте къ 6 часамъ утра, а пока прощайте, разговаривать больше нельзя.

Форточка беззвучно закрылась, и тихіе шаги надзирателя скоро замерли въ отдаленіи.

Илья остался съ письмомъ въ рукѣ. Нѣсколько секундъ, точно въ какомъ-то оступѣніи, смотрѣлъ онъ на этотъ маленькій свертокъ; затѣмъ машинально присѣлъ къ желѣзному столику, привинченному къ стѣнѣ его кельи, и дрожащими руками начал срывать заклеенную обертку. Сердце его стучало, пальцы не слушались, и ему пришлось не мало потерять времени, прежде чѣмъ удалось высвободить и расправить письмо. Онъ прочелъ тамъ слѣдующее:

«Дорогой другъ! Сегодняшній день положилъ конецъ всѣмъ моимъ смутнымъ надеждамъ; ты осужденъ на каторгу; это одна изъ ужаснѣйшихъ формъ неволи, какую только въ силахъ придумать жестокое воображеніе человѣка. Не мнѣ убѣждать тебя въ этомъ, ты долженъ знать это лучше кого другого. Подумай—что станется съ тобой? Человѣческія силы не безпредѣльны; зачѣмъ же губить ихъ, идя на встрѣчу страданью, когда эти силы такъ нужны здѣсь намъ, твоимъ друзьямъ. Твой долгъ избавиться отъ каторги, если на это есть малѣйшая возможность. Я не затѣмъ говорю тебѣ это, чтобы бесплодно питать въ тебѣ мучительную жажду свободы; нѣтъ, я знаю, что тюрьма твоя крѣпка, что стѣны ея давятъ какъ крыша гроба... Быть можетъ, насилуя свою природу, ты примирился уже съ своей долей и похоронилъ надежду, но я—никогда. У меня есть еще средство спасти тебя. Моя мать, любя меня, обѣщаетъ употребить все свое вліяніе, чтобы спасти тебя отъ предстоящей каторжной тюрьмы; но хлопотать за чужого ей нельзя, и ты долженъ прежде сдѣлаться моимъ мужемъ. Да, моимъ мужемъ... Какой борьбы стоило мнѣ написать эти два слова, но ты поймешь чистоту моихъ намѣреній и не осудишь меня. Ты поймешь также, что здѣсь о жертвѣ съ моей стороны не можетъ быть и рѣчи; бракъ не свяжетъ ни мою, ни твою жизнь тѣми цѣпами, которыя нерѣдко бывають тяжеле тюремныхъ цѣпей. Ты найдешь во мнѣ сестру, любящаго друга и только. Подумай же и согласись; я прошу тебя объ этомъ не ради тебя или себя, а ради спасенія въ лицѣ твоемъ тѣхъ силъ, которыя нужны общему дѣлу... Насъ сошлютъ тогда, какъ семейныхъ, въ Сибирь... Я вѣрю—широкій просторъ сибирскихъ степей станетъ колыбелью нашей свободы, и съ первымъ лучемъ весенняго солнца мы проберемся въ Россію, чтобы вновь жить и бороться. Твоя Лиза».

Прочтя это письмо, Илья грустно поникъ головой. Ему припомнилось нѣсколько мимолетныхъ сценъ, которымъ онъ не придавалъ никакого значенія въ своихъ товарищескихъ отно-

шеніяхъ къ Лизѣ, но которыя теперь, рядомъ съ письмомъ, выступали ярче. Зачѣмъ предлагаетъ она ему такой безумный выходъ? Что онъ ей скажетъ, какъ убѣдить ее въ томъ, чего не пойметъ логика чувства. Ахъ, Лиза, Лиза, шептали его губы,—зачѣмъ ты это сдѣлала...

Въ изнеможеніи опустилъ онъ свою усталую голову на холодную доску металлическаго стола и долго просидѣлъ такъ, будто замеръ въ оцѣпенѣніи. Когда онъ приподнялся, блѣдный свѣтъ рано занимавшагося весенняго дня, пробиваясь сквозь тускляя стекла тюремнаго окна, напомнилъ ему, что въ 6 часовъ придуть за отвѣтомъ, и онъ торопливо принялся писать, какъ бы спѣша исполнить тяжелую, но неизбѣжную работу; онъ писалъ слѣдующее:

«Милый другъ! Выслушай меня хладнокровно. Несправедливо требовать отъ меня невозможнаго. Правда, остатокъ моихъ силъ принадлежитъ тому дѣлу, во имя котораго я боролся, но слѣдуетъ ли изъ этого, что друзья нуждаются теперь именно въ этомъ остаткѣ силъ. Ты глубоко ошибаешься. Не все то хорошо сегодня, что было хорошо и неизбѣжно вчера. Пройденный путь меня уже не удовлетворяетъ, другого же болѣе цѣлесообразнаго пути еще никто не указалъ, а будущее темно. Ужели честно учить другихъ тому, во что уже не вѣришь самъ? Раньше я совѣтовалъ идти и самъ шелъ въ народъ. Руководствуясь теоретическими построениями, я мечталъ найти въ немъ не только тѣ нравственныя добродѣтели, отсутствіемъ которыхъ такъ тяготила меня наша интеллигентная среда, но и зачаточныя формы болѣе справедливаго экономическаго и гражданскаго строя. Эти народныя формы уже сами по себѣ, казалось мнѣ, дѣлаютъ доступными народному сознанію наивысшіе идеалы, выработанныя съ такимъ трудомъ вѣковой жизнью культурнаго человѣчества и стоившіе ему не мало крови, страданій и слезъ. Любя родной народъ, мы хотѣли сократить мучительныя потуги нарождающагося будущаго однимъ героическимъ усиліемъ. Это намъ не удалось, да и не могло удался. Питомцы отвлеченнаго мышленія, дѣти страны, политическая жизнь которой, замкнутая въ тайникахъ канцеляріи, не служитъ регуляторомъ теоретическихъ построеній, мы не могли поступать иначе; нагляднаго жизненнаго опыта у насъ не существовало, а ужасы дѣйствительности заставляли содрогаться и толкали на борьбу. И мы шли. Но увы, тяжелый опытъ скоро убѣдилъ многихъ, что обездоленной массѣ народа, поработанной тягостями мелкой жизненной борьбы, некогда культивировать высокія чувства. Сознаніе—цвѣтокъ досуга,—мало доступно ей, и жизнью ея руководить больше инстинктъ и привычка. Какой борьбы съ собой, какихъ душевныхъ мукъ стоило мнѣ придти къ этому выводу, но покрывало упало съ моихъ глазъ и, какъ бы я ни куталъ теперь въ него мою измученную голову, я не въ силахъ вернуть прежней иллюзіи. Теперь я вижу, что и народъ, и тотъ культурный слой, который насъ вынянчилъ,

нуждается во всестороннемъ взаимодействіи и развитіи, но какъ приступить практически теперь къ этой трудной задачѣ, я еще не знаю. Въ этомъ незнаніи все мое несчастье и вся причина того, что мнѣ легче жить на каторгѣ, чѣмъ на волѣ. Тужить нечего, другіе, способные воспользоваться уроками нашего опыта, сами найдутъ новый, болѣе основательный, болѣе удачный путь. А мнѣ, мнѣ лучше отправиться на каторгу, которая пройдетъ, быть можетъ, не безъ пользы для меня и нашей общей задачи... Твой Илья».

Дописывая послѣднія строки, Илья и не замѣтилъ, что форточка въ двери уже отворена и знакомые сѣрые глаза страннаго тюремщика нѣсколько секундъ слѣдятъ за нимъ, какъ бы не рѣшаясь нарушить его работу.

— Доброе утро!—произнесъ саперъ, когда Илья положилъ перо.—Ну, что, готово?

Илья вздрогнулъ отъ неожиданности, но, узнавъ товарища, торопливо свернулъ письмо и, заклеивъ его, передалъ саперу.

— Прикажете принести отвѣтъ? спросилъ аккуратный саперъ.

— Да... впрочемъ нѣтъ... отвѣта не должно быть; ну, да тамъ увидите, смѣшался Илья.

Отъ усталости ли, или отъ неулегшагося еще вліянія этой безсонной ночи, но голосъ Ильи какъ-то неестественно дрогнулъ, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Саперъ это замѣтилъ и началъ успокаивать его, какъ умѣлъ.

— Вы, Илья Степановичъ, прилегли бы, голубчикъ, говорилъ онъ,—въ послѣднее время вы что-то совсѣмъ не спите. Вы думаете—молоды, такъ и все ни почемъ; нѣтъ, силушки-то пригодятся и послѣ; а такъ-то и заболѣть не долго. Ну, до свиданія, закончилъ онъ и осторожно заперъ фортку.

Оставшись одинъ, Илья почувствовалъ какую-то истому во всемъ тѣлѣ. Въ отяжелѣвшей головѣ его несвязно всплывали какіе-то отрывки мыслей, безслѣдно уносясь куда-то, какъ поблекшіе листья, встревоженные недавно пронесшейся бурей. Въ камерѣ его было давно уже свѣтло. Мягкіе лучи утреннаго солнца робко проникали сквозь рѣшетку окна, какъ бы боясь нарушить своимъ тепломъ и живнью строгое уединеніе узника. Безсознательно поддаваясь нѣжной ласкѣ этихъ лучей, Илья опустилъ висящую на цѣпи тяжелую желѣзную оконную раму и жадно сталъ вдыхать утренній воздухъ. Свѣжій вѣтерокъ, развѣвая пряди его густыхъ темныхъ волосъ, освѣжилъ мало по малу его горѣвшую голову. Истомленное молодое лицо оживилось легкой краской румянца, и вся его высокая фигура, казавшаяся за часъ передъ тѣмъ какъ бы разбитой тяжелой болѣзнью, теперь выпрямилась, точно выросла. И когда смѣнившійся надзиратель вошелъ въ его камеру съ кипяткомъ для утренняго чая, въ чертахъ Ильи трудно было подмѣтить слѣды пережитаго волненія; онъ былъ спокоенъ, только между бровями пролегла новая суровая складка.

Наскоро согрѣвшись стаканомъ теплаго чая, онъ легъ на кро-

вать и вскорѣ заснулъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спать только молодые люди.

ГЛАВА II.

Монотонно и повидимому спокойно текла жизнь Ильи послѣ описанной ночи. Усидчивымъ умственнымъ трудомъ и педантической правильностью въ занятіяхъ привыкалъ онъ дисциплинировать себя.

Такъ наступила Пасха. Торжественный звонъ колоколовъ пасхальной ночи засталъ его за чтеніемъ объемистаго тома Канта. Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ потрясали стѣны его тюрьмы, а своеобразный гулъ живой праздничной толпы врывается съ улицы, какъ бы смѣясь и негодуя на эти желѣзныя рѣшетки и двери, дерзко воздвигнутыя на пути весильному потоку жизни, не признающему преградъ, созданныхъ хитроумной рукой человека. Волнуемый этимъ напоромъ жизни, Илья раздражался. Пересиливая себя, онъ старался продолжать еще за минуту такъ интересовавшее его чтеніе, но ровныя, спокойныя строки философа какъ бы застигались какой-то дымкой; черныя буквы принимали неясныя очертанія, слагались въ какіе-то фантастическіе образы, уносившіе его далеко, далеко. Сердясь на себя, Илья съ раздраженіемъ отодвинулъ книгу и чуть было не сронилъ стоявшій на столѣ стаканъ съ маленькимъ букетомъ фіалокъ, присланный ему товарищемъ - студентомъ вмѣстѣ съ небольшою пасхой къ празднику.— Меня раздражаетъ запахъ цвѣтовъ; какъ я раньше не обратилъ на это вниманіе, вслухъ подумалъ онъ и взялъ букетъ намѣреваясь его бросить. Но что-то задержало его. Держа цвѣты въ рукѣ, онъ началъ ходить по камерѣ, вдыхая время отъ времени ихъ ароматъ; а звонъ колоколовъ бурной волной попрежнему переливался въ воздухъ, трепетно замирая подъ сводами тюрьмы; въ корридорѣ слышалось необычное движеніе; шумъ шаговъ, полусдержанный шопотъ, щелканье замковъ отворяемыхъ камеръ. Дошла очередь до Ильи; ему подали тонкую восковую свѣчу и предложили отправиться въ тюремную церковь. Илья съ минуту колебался, но потомъ, вспомнивъ, что работа все равно не клеится, согласился. Пройдя длинный рядъ галлерей, онъ очутился наконецъ въ церкви. Бѣдно убранная, но ярко освѣщенная церковь выглядела празднично и весело; что-то отрадное, давно позабытое шевельнулось въ душѣ Ильи, когда онъ вошелъ туда, осторожно ступая по гладкому асфальту вслѣдъ за надзирателемъ. Но когда даже здѣсь, въ церкви, его заперли одного въ тѣсный досчатый чуланчикъ съ единственнымъ небольшимъ отверстіемъ, сквозь рѣшетку котораго съ трудомъ можно было видѣть только алтарь, мягкое настроеніе его пропало и онъ едва удержался, чтобы не постучать сейчасъ же въ дверь и не потребовать увести себя назадъ въ камеру. Эта клѣтка въ церкви казалась ему какой-то насмѣшкой надъ его чувствомъ; горькая обида сжала ему сердце,

и онъ стоялъ безучастный, холодный въ своемъ темномъ чуланѣ. Грянулъ хоръ хорошо организованныхъ тюремныхъ пѣвчихъ, торжественная пѣсня, какъ рыданіе, выливалась изъ груди пѣвцовъ, выдавая своеобразнымъ тембромъ ихъ безсознательно накипѣвшія слезы неволи. Илья слушалъ замирая. Ему вспомнилось другое время, другой праздникъ. Теплая весенняя ночь; старинная каменная деревенская церковь пылаетъ огнями, рельефно вырисовываясь на фонѣ молодой зелени. Строгіе лики святыхъ, убранные живыми цвѣтами, величаво-спокойно смотрятъ на него, тогда еще мальчика, какъ бы благословляя. Кругомъ благоговѣйно тихо толпится въ праздничныхъ нарядахъ народъ, устилая пороги алтаря душистыми весенними цвѣтами. Начинается служба; хоръ свѣжихъ южныхъ голосовъ поетъ торжественные гимны, волнуя душу мальчика предчувствіемъ какой-то великой радости. Да, сегодня онъ, поруганный, осмѣянный и оскорбленный Богъ, воскреснетъ всесильный, разливая кругомъ счастье и жизнь,—такъ говорила ему мать, бесѣдуя въ длинные зимніе вечера. И вотъ этотъ день насталъ; радость захватываетъ дыханіе, и судорожно сжимаетъ грудь ребенка. Онъ смотритъ кругомъ, ему кажется, что всѣ радуются одной съ нимъ радостью и эти благоухающіе цвѣты, и эти деревья, тихо раскачивающія свои вѣтви надъ сводчатой дверью храма...

Хоръ замолкъ; изъ алтаря глухо доносились неясныя слова священника. Илья провелъ рукой по лбу, какъ бы просыпаясь отъ забытья и въ темнотѣ нечаянно задѣлъ локтемъ досчатую стѣну своего тѣснаго чулана. Иллюзія мгновенно исчезла; ему опять стало обидно и больно, словно чья-то грубая рука сдавила ему сердце, осквернивъ заветныя воспоминанія свѣтлаго дѣтства. Стѣны чулана давили его, онъ задыхался, голова кружилась отъ недостатка воздуха, и онъ прислонился къ стѣнѣ въ безсильной тоскѣ ища опоры.

Заутреня кончилась, усталый и блѣдный вернулся Илья въ свою камеру. Невесело прошелъ для него праздникъ. Какая-то грусть помимо воли сосала ему грудь; вспоминалась семья, любимыя лица, далекая милая родина. Какъ тамъ свѣтло, какъ тамъ привольно, думалось ему, и до галлюцинаціи ярко рисовались родныя поля и лѣсъ, устланный мягкой весенней зеленью и опьянявшій ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ. Въ эти минуты за одинъ мигъ свободы онъ отдалъ бы, казалось, полживни, лишь бы дали ему окунуться въ это море свѣтлой зелени и тамъ, на груди матери - земли выплакать свое горе, свои муки борьбы и сомнѣнья...

...Бѣдный поблекшій букетъ фіалокъ, который едва не выбросилъ онъ вчера, сталъ ему теперь дорогъ, точно въ этихъ скромныхъ цвѣтахъ совмѣщались для него и родина и весна и молодая греза, все, все, что было дорого и чего не суждено ему увидѣть.

Скорѣ бы на каторгу, твердилъ онъ себѣ, точно ища исхода

въ новомъ страданіи. Но дни протекали за днями, а Илья по прежнему сидѣлъ все въ той же тюрьмѣ, въ ожиданіи утвержденія приговора.

Тоска по родинѣ и волѣ однако мало-по-малу улеглась, и онъ спокойно и бодро продолжалъ свои занятія, весь погружившись въ міръ идей, полный своеобразной прелести и жизни.

Въ одно жаркое іюльское утро, только что окончивъ какую-то книгу, онъ забрался на окно, намѣреваясь подышать воздухомъ и пораздумать о прочитанномъ. Едва онъ успѣлъ опустить раму, какъ отшатнулся, пораженный дикою сценой, происходившей во дворѣ для прогулокъ. Какой-то желчный, худой, незнакомый Ильѣ генераль ¹⁾, весь красный отъ злости, кричалъ на одного изъ осужденныхъ ²⁾, возмущенный тѣмъ, что тотъ не догадался поклониться ему, случайно встрѣтившись съ нимъ во дворѣ для прогулокъ.—«А, такъ ты не хочешь мнѣ кланяться, ты не знаешь кто я?»—хриплѣлъ генераль, наступая на осужденнаго и сбивая съ него шапку... Весь нѣмой отъ изумленія и оскорбленія, тотъ стоялъ передъ нимъ съ широко раскрытыми, остановившимися глазами, парализованный какимъ-то столбнякомъ. Это бозмолвіе жертвы еще болѣе бѣсило генерала и, придя въ неистовство, онъ дико заревѣлъ собравшимся надзирателямъ: «Розогъ!»

Толпа тюремщиковъ, какъ стая послушныхъ собакъ, бросилась на жертву и потащила ее въ тюрьму.

Илья, какъ сраженный пулей, пошатнулся. Не онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этой дикою позорной сцены, ее видѣли почти все заключенные. Минута оцѣпенѣнія прошла, стоишь сотни головъ потрясъ всю тюрьму; что-то ужасное, потрясающее, не поддающееся описанію, поднялось въ этой за часъ передъ тѣмъ безмолвной могилѣ.

Какъ разъяренные тигры метались заключенные въ своихъ клѣткахъ, силясь разбить чѣмъ попало желѣзныя двери, вышибая голыми руками форточки, рана себя и не замѣчая струящейся крови... А въ корридорѣ между тѣмъ позорное дѣло совершилось и палачи, ужаснувшись дѣла рукъ своихъ, разбѣжались, долго скрываясь гдѣ-то, пока вызванная ими буря потрясала тюрьму...

Весь оборванный, съ пораненными руками и румянцемъ еще не остывшаго гнѣва и стыда на лицѣ, стоялъ Илья въ своей камерѣ вечеромъ этого ужаснаго дня. Что дѣлать, какъ смыть съ себя этотъ позоръ, нанесенный ему въ лицѣ товарища,—эта мысль гвоздемъ сверлила его мозгъ. Онъ тяжело переводилъ дыханіе; все, что можно было разрушить, валялось въ дребезгахъ кругомъ; обезсиленный своей бесплодной борьбой, онъ опустился среди этихъ осколковъ на полъ, прильнулъ горячей головой къ

¹⁾ Генераль Тряповъ.

²⁾ Боголюбовъ (Емельяновъ).

холодному асфальту и жгучія горькія слезы отчаянія палили его вѣки, крупными каплями падая на камень...

Долго метался онъ въ безысходной тоскѣ на своей *каменной* постели, пока всеисцѣляющій сонъ не смежилъ его воспаленныхъ глазъ. Этотъ сонъ былъ тяжелый и долгій. Раннее лѣтнее солнце давно уже взошло, безстрастно сіяя надъ картиной разрушенія, царившей въ тюрмѣ. По галлереймъ давно уже шмыгали надзиратели, а тюрьма точно объята кошмаромъ, безмолвствовала. Да, спите дольше, дольше спите, лучше бы вамъ не просыпаться, несчастные! Яркій свѣтъ дня, который съ отрадой встрѣчаютъ другіе, для васъ будетъ мукой, онъ напомнитъ вамъ ужасъ поруганія и ваше безсиліе...

Когда Илья открылъ отяжелѣвшія вѣки, передъ нимъ стоялъ надзиратель, требуя, чтобъ онъ перешелъ въ другой, неразрушенный номеръ. Илья машинально повиновался и пришелъ нѣсколько въ себя, только когда за нимъ шумно захлопнули двери.

Номеръ, куда его заперли, былъ пустой; всѣ его книги и вещи остались въ старомъ, но онъ не замѣчалъ этого. Онъ находился въ какомъ-то оупѣніи. Присѣвъ на край *железной* кровати, онъ долго оставался неподвижнымъ, бессильно опустивъ усталыя руки на колѣни. Вчерашняя мысль продолжала сверлять его мозгъ; внѣ ея онъ ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ.—Ха, ха, жалкій нравственный и умственный калѣва!—горько смѣялся онъ надъ собою. «Я позорно сгубилъ свои силы; я идеальничалъ, я былъ нелѣпо наивенъ, неся народу слова любви и правды, тому народу, надъ которымъ ежечасно совершаются поруганія, подобныя вчерашнему. Развѣ любовь и справедливость могутъ быть доступны поруганной душѣ человѣка? Нѣтъ, въ такой душѣ царитъ только страхъ и дикая злоба. Я увлекался гордыми задачами народовъ, личность которыхъ уже свободна отъ дикаго поруганія. А у насъ, а мы?... Я не зналъ до сихъ поръ страха, ненависть и злоба были чужды моей душѣ, хотя я и много страдалъ. А теперь?—ужасъ сжимаетъ сердце, внутри клокочетъ ненависть. Да, ты, поруганный, многострадальный народъ, у котораго отнято все, даже человѣческое достоинство, какъ долженъ былъ ты смѣяться надо мной, взрослымъ ребенкомъ, когда я звалъ тебя бороться за туманные идеалы въ то время, какъ ни тебѣ, ни мнѣ нечѣмъ защитить своей личности—этого послѣдняго достоянья людского!..

ГЛАВА III.

Мрачно и безучастно влачилъ Илья свое существованіе послѣ этого рокового дня. Онъ надолго забросилъ книги, довольствуясь только тайной бесѣдой съ товарищами по заключенію, дѣля съ ними накопившія муки и изрѣдка оживляясь только короткими записками съ воли, отвѣчавшими повидимому его настроенію.

День за днемъ хоронилъ онъ безъ сожалѣнія, не оглядываясь

назадъ, точно молодая жизнь его теперь казалась ему томительной агоніей.

Въ сумерки одного пасмурнаго, осенняго дня къ нему неожиданно вошелъ какой-то незнакомый господинъ, отрекомендовавшійся чиновникомъ губернскаго правленія.

— Соберите ваши вещи, сказалъ онъ, для отсылки кому нибудь изъ вашихъ родственниковъ на волѣ, иначе ихъ продадутъ съ аукціона, а вырученные деньги вмѣстѣ съ тѣми деньгами, которыя быть можетъ у васъ есть въ конторѣ тюрьмы, препроводятъ въ N-ское губернскаго правленіе. Сегодня васъ отправляютъ на каторгу.

Проговоривъ эти слова, чиновникъ сухо поклонился и вышелъ.

Немного времени потратилъ Илья на свои сборы; кромѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ книгъ, двухъ-трехъ перемѣнъ бѣлья, да скромной пары платья у него ничего не было. Связавъ все это наскоро въ узелъ и написавъ на листкѣ бумаги адресъ знакомаго студента, изрѣдка посѣщавшаго его въ тюрьмѣ до суда, Илья сталъ ждать. Видя, что его никто еще не тревожитъ, онъ взялъ карандашъ и торопливой рукой нацарапалъ на стѣнѣ нѣсколько словъ прощальнаго привѣта товарищамъ по заключенію.

Скоро однако дверь камеры отворилась, и его пригласили въ контору, гдѣ онъ предсталъ передъ цѣлой комиссіей чиновниковъ съ гладко приглаженными бакенбардами и печатью безстрастной апатіи на лицѣ. Сцены, подобныя сегодняшнимъ, слишкомъ часто проходили передъ ихъ глазами, чтобъ не превратить ихъ въ живыхъ манекеновъ.

— Раздѣньтесь, сказалъ, обращаясь къ Ильѣ, одинъ изъ чиновниковъ, приземистый брюнетъ съ обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ рѣдкими щетинистыми бакенбардами, придававшими его фізіономіи что-то грубо отталкивающее.

Илья изумленно оглянулся на присутствующихъ, какъ бы безмолвно спрашивая, неужели у этихъ людей до того исчезла послѣдняя искра стыдливости, что видъ обнаженнаго человѣческаго тѣла не оскорбляетъ ихъ и не возбуждаетъ безразличности къ самимъ себѣ и своему ремеслу. Но испытующій взглядъ его встрѣтилъ только циничную улыбку однихъ и безстрастно тупую фізіономію другихъ.

— Я, кажется, не передъ комиссіей врачей, иронически замѣтилъ Илья въ отвѣтъ на предложеніе раздѣться; и если дѣло въ томъ, чтобы я смѣнилъ свое платье на арестантское, то это удобнѣе было бы сдѣлать въ камерѣ, а не въ вашемъ почтенномъ присутствіи...

— Ну, батенька, хихикнулъ приземистый брюнетъ, вы не молодая дѣвица, да и съ тѣми мы не церемонимся, а ужъ съ вами то и Богъ велѣлъ. Намъ нужно осмотрѣть, вѣтъ ли у васъ какихъ примѣтъ на тѣлѣ.

При этихъ словахъ Илья почувствовалъ какую-то гадливость.

Ему вспомнились циничныя сцены провинціальныхъ остроговъ въ средѣ уголовныхъ арестантовъ, гдѣ самой пикантной насмѣшкой надъ начальствомъ считается циничный жестъ обнаженнаго арестантскаго тѣла, и только теперь онъ понялъ, что воспитываетъ въ нихъ этотъ цинизмъ. Ему стало до омерзения противно и больно. Онъ вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но оглянувшись еще разъ, махнулъ рукой и, стиснувъ зубы, сталъ спокойно сбрасывать одежду.

Холодный, неподвижно суровый стоялъ онъ, пока члены комиссіи оглядывали его со всѣхъ сторонъ, какъ животное или раба, выводимаго на рынокъ; а сердце его неудержимо билось, точно хотѣло вырваться изъ груди и краской крови своей прикрыть его наготу.

Но вотъ процедура осмотра кончилась; ему дали казенное бѣлье, суконные штаны и халатъ. Онъ съ трудомъ натянулъ короткую, узкую, грубую рубаху, которая тѣсно сжимала ему грудь и плечи и хомутомъ сжала горло; остальное бѣлье, вѣнецъ тюремной экономіи, оказалось настолько не по росту, что онъ принужденъ былъ сунуть его обратно въ мѣшокъ и одѣтъ колючее арестантское сукно прямо на голое тѣло. Впрочемъ, въ сравненіи со всѣмъ уже испытаннымъ, неудобство это было такимъ пустякомъ, что онъ въ эту минуту даже и не замѣтилъ его.

Едва онъ накиннулъ на плечи халатъ, какъ, словно изъ подъ земли, возлѣ него выросли два бравыхъ жандарма и, пригласивъ его слѣдовать за собой, усадили въ стоявшую во дворѣ тюрьмы извозничью карету. Проходя черезъ дворъ, онъ обвелъ грустнымъ, прощальнымъ взоромъ чернѣвшія въ сумеркахъ рѣшетчатыя окна тюрьмы. По шуму подъѣхавшей кареты заключенные догадались, что кого-то увозятъ, и крикнули ему свое послѣднее прощаніе. Никто не сказалъ «до свиданія», онъ замѣтилъ это и тоска еще сильнѣе сжала грудь. Жандармы поспѣшили запереть двери кареты и она помчалась, грузно прыгая по каменной мостовой.

Все время пути по шумнымъ, блестящимъ огнями улицамъ большого города, Илья провелъ точно въ какомъ-то забытьи. Тамъ и сямъ пробѣгали передъ нимъ знакомые дома и выѣски, воскресавшіе въ его памяти другіе, болѣе свѣтлые дни, но, промелькнувъ мимо, уносили съ собой и эти воспоминанія, словно топя ихъ въ круговоротѣ уличнаго движенія, шумѣвшаго позади его одинокой кареты.

Вотъ наконецъ и знакомое зданіе вокзала желѣзной дороги. Но карета остановилась не у подѣзда, а какими-то закоулками пробралась черезъ лабиринтъ желѣзнодорожныхъ построекъ и высадила его прямо у вагона, одиноко стоявшаго на рельсахъ. гдѣ-то далеко отъ подѣзда.

Раздался звонокъ, вагонъ прицѣпили и поѣздъ помчался, унося съ собой Илью.

Примоستившись на деревянной скамьѣ вагона, Илья лежалъ всю ночь съ открытыми глазами. Сонъ какъ-то не шелъ; ему

было холодно, неловко и жестко въ непривычномъ нарядѣ, но онъ лежалъ не шевелясь, боясь привлечь назойливое вниманіе жандармовъ, присутствіе которыхъ раздражало его и не давало ни на чемъ сосредоточиться его мысли. Въ эту ночь онъ неразъ съ какимъ-то чувствомъ отрады вспоминалъ свою тѣсную одинокую келью, гдѣ по крайней мѣрѣ онъ былъ наединѣ съ самимъ собой, а эти живыя ширмы, сковывали его больше толстыхъ тюремныхъ стѣнъ. Жандармы мѣшали ему свободно двигаться, свободно думать, глядя на него своими полусонными, остановившимися глазами. На душѣ его было какъ-то холодно, тоскливо и непривѣтливо, какъ холодна и непривѣтлива была эта осенняя ночь, объявшаая своей непроницаемой целеной этотъ поѣздъ, уносившій его куда-то далеко, далеко, въ такую же непроглядную мглу.

Но вотъ мѣрное покачиваніе поѣзда повидимому усыпило жандармовъ; одинъ изъ нихъ прильнулъ въ уголь вагона и повременамъ даже всхрапываетъ; другой, безпомощно свѣсивъ сонную голову на грудь, покачивается изъ стороны въ сторону, какъ бы въ тактъ колыхавшемуся вагону. Наблюдая эту картину ночного безмолвія, Илья почувствовалъ наплывъ какого-то давно невѣдомаго чувства; его охватила неудержимая жажда свободы, свобода хотя бы на одинъ часъ, на одинъ мигъ... Кругомъ ни души, дверь вагона близко, стоитъ только, думаетъ Илья, прокрасться къ ней, неслышно отворить ее и броситься на всемъ ходу поѣзда въ эту черную мглу осенней ночи и я спасенъ. Осторожно, беззвучно подымается онъ со скамьи, нѣсколько секундъ ждетъ, притаивъ дыханіе и глядя въ упоръ на жандармовъ; они продолжаютъ спать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ другой, спасеніе близко; но ручка двери чуть слышно жалобно взвизгнула подъ его пальцами и дремавшій жандармъ встрепенулся, какъ бы разбуженный электрическимъ ударомъ. Илья застылъ въ своей позѣ и на вопросительно-грубый жестъ жандарма отвѣтилъ упавшимъ голосомъ: «я хотѣлъ выйти».

Послѣ внушительнаго наставленія, что безъ спросу выходить нельзя, жандармы успокоились, но ужъ не позволяли себѣ дремать.

Илья снова улегся на скамейку, ему стало еще тяжелѣе, еще омерзительнѣе; лучъ надежды, вспыхнувшій какъ метеоръ минуту тому назадъ, теперь потухъ, оставивъ за собой въ его душѣ еще сильнѣе сгустившійся мракъ...

ГЛАВА IV.

На четвертые сутки, часовъ въ десять утра наши путники подкатили на почтовой тройкѣ къ воротамъ тюрьмы для каторжныхъ, расположенной въ пустынной равнинѣ, прикрытой бѣлосѣнной целеной только что выпавшаго пераго снѣга.

Ямщикъ не успѣлъ еще осадить лошадей, какъ старшій жан-

дармъ выпрыгнулъ на ходу изъ повозки и, подойдя къ подворотному, лѣнливо кутавшемуся въ свою длинную баранью шубу, что-то конфиденціально шепнулъ ему. Подворотный пріосанился и громко крикнулъ: «караульнаго!»

Черезъ нѣсколько минутъ низенькая калитка отворилась, и караульный впустилъ въ ограду Илью съ его двумя провожатыми. Пройдя мимо громаднaго зданія, высившагося въ центрѣ тюремнаго двора и подавлявшаго своими размѣрами, они свернули налѣво и скоро очутились въ узкомъ корпусѣ «одиночекъ». Въ корридорѣ ихъ встрѣтилъ старшій тюремный надзиратель въ полицейскомъ мундирѣ, мужчина гигантскаго роста и съ револьверомъ за поясомъ.

— Куда ты прешь!—кликнулъ онъ громкимъ окрикомъ старшаго жандарма. — Тащи его въ баню! Порядокъ не знаешь, что-ли?!

Въ жандармахъ заговорилъ гоноръ.

— Какая тамъ баня, намъ некогда съ тобой разговаривать; тащи сюда твоего зрителя, пушай онъ принимаетъ... вотъ господина,—сказалъ съ важнымъ видомъ жандармъ, указывая на Илью.

Этотъ тонъ нѣсколько осадилъ гиганта и онъ отвѣтилъ нехотя:

— Ладно, придетъ; ему уже дадено знать... И какъ это люди никакого порядка не уважаютъ,—жаловался онъ,—сколько народу перевозили къ намъ, а все не знаютъ, что первымъ дѣломъ арстанта надобно въ баню вести, а еще жандармы!—продолжалъ онъ ворчать, шагая въ волненіи по корридору.

Вошелъ зритель, человекъ тоже крупныхъ размѣровъ, по манерамъ своимъ и внѣшнему виду напоминавшій заурядный типъ уѣзднаго исправника.

— Я тебѣ что говорилъ?—набросился онъ на гиганта.—Ты смотри, у меня вѣдь живо—соберешь вещи и за ворота!

— Ваше высокоблагородіе, это все они,—оправдывался жалобнымъ голосомъ гигантъ,—ничего съ ними не подѣлаешь, говорятъ—тащи зрителя!..

— Какъ тащи?! — величественно обернулся зритель къ старшему жандарму.

Жандармъ не потерялся и съ явнымъ сознаніемъ собственного преимущества намекнулъ по жандармски, на какія-то высшія соображенія, которыя требуютъ, чтобъ его не задерживали, а потому—заклучилъ онъ,—сначала надо принять «господина» (жандармъ продолжалъ величать Илью господиномъ, явно для того, чтобы опять таки показать свое превосходство надъ тюремной администраціей) и выдать намъ росписку, а потомъ:

— Хотите ведите ихъ въ баню, хотите выпускайте на волю—это дѣло не наше-съ.

Во все время этого пререканія властей, Илья стоялъ посреди корридора въ полномъ недоумѣніи.

— Отвести его въ баню, обрить и заковать!—скомандовалъ наконецъ смотритель младшему надзирателю.

Когда Илья повернулся къ выходу, жандармы подошли къ нему и предложили на прощанье два большихъ бѣлыхъ хлѣба, оставшихся изъ ихъ путевого запаса, и четверку табаку.

— На что мнѣ все это?—сказалъ имъ изумленный Илья.

— Примите, господинъ, пожалуйста, вы намъ сдѣлаете большое одолженіе; вѣдь вы здѣсь уже никогда не увидите булки, такъ на первое время удовольствуетесь этимъ; все же легче будетъ, ежели, къ примѣру, не сразу привыкать къ арестантскому хлѣбу; ну, будьте такіе добрые, примите, окажите намъ такую милость,—упрашивали они, видя его нерѣшительность.

Это неожиданное, но сердечное предложеніе глубоко тронуло Илью и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ принялъ это первое въ жизни подаеніе только ради того, чтобы не оскорбить ихъ можетъ быть минутнаго, но все же искренняго человѣческаго чувства сожалѣнія къ его тяжелой долѣ. Этотъ человѣческій порывъ жандармовъ убѣдилъ его въ эту минуту, что и подѣ красными эксельбантами бьется подѣ-часъ человѣческое сердце.

Злосчастная баня, послужившая поводомъ къ столь шумному пререканію властей, находилась тутъ же неподалеку отъ корпуса одиночекъ.

Сопровождавшій Илью младшій надзиратель былъ съ виду предобродушный старый хохоль изъ отставныхъ солдатъ. Не успѣли они отойти и двухъ шаговъ, какъ онъ вступилъ уже въ бесѣду съ Ильей.

— И какіе же, право, грубіяны эти жандары!—молвилъ онъ.— То есть вовсе не уважаютъ нашего брата, все на своемъ хотять поставить, какъ настоящіе енаралы. А господинъ смотритель у насъ строгій, любить, чтобы порядокъ былъ, и, Боже сохрани, чтобы арестанту *вы* сказать, сейчасъ тебя за ворота. Вотъ ты, братику, не обижайся, ежели я тебѣ буду *ты* говорить, а ты долженъ говорить мнѣ *вы*—такой приказъ есть, братику, отъ самаго дилектура. Что же подѣлаешь? Намъ и самимъ не любо, да надо покориться, такая ужъ видно на то воля Божья...

Илья разсѣяннo слушалъ словоохотливаго старика. Они вошли въ баню.

— Вотъ, братику, это — наша баня, пояснялъ тотъ; только вода-то въ чанѣ не тепленька, я бани-то понче не топилъ; не успѣлъ, братику, баню истопить, а ты такъ, холодненькой по-мойся.

— Ну, братъ, какъ же въ холодной-то банѣ мыться; теперь вѣдь не лѣто; да не только мыться, я и раздѣваться здѣсь не буду,—запротестовалъ Илья.

— Что ты, что ты, братику, такъ нельзя, панъ смотритель на меня осерчаетъ; какъ узнаеть, что ты не мылся, онъ меня со свѣту сживеть; ты ужъ, братику, меня-то пожалѣй,—упрашивалъ онъ въ своемъ наивномъ эгоизмѣ.

— Чудакъ ты, право,—усмѣхнулся Илья,—вѣдь смотритель приказалъ тебѣ свести меня въ теплую баню, а ты привелъ меня въ холодную; себя жалѣй, но меня-то зачѣмъ гнать въ холодную баню.

— Ну, знаешь, братику, что: ты не мойся, но скажи пану, что мылся, а то сохрани Богъ, что со мной будетъ. Только ты ужь какъ нибудь здѣсь же смѣни бѣлье и платье; вотъ я тебѣ принесъ и то и другое; форменное, все съ иголки—новое.

Дѣлать было нечего, Илья переодѣлся въ холодной банѣ и порядкомъ озябъ.

— Ну, теперь садись, братику, я тебя побрею; для бритья-то я припасъ тепленькой воды,—привралъ для утѣшенія хохоль.

Илья сѣлъ; онъ уже давно зналъ, что ему придется вынести этотъ унижительный туалетъ, и старался заранѣе примирить себя съ нимъ. Но когда холодная, тупая бритва коснулась его головы и на колѣни упала первая прядь его длинныхъ волосъ, въ сердцѣ его точно что-то порвалось и онъ едва удержался, чтобы не отбросить прочь болтливаго цирюльника.

Между тѣмъ хохоль, не замѣчая волненія своего пациента, продолжалъ свое дѣло и по привычкѣ болталъ.

— А ты, братику, изъ образованныхъ?—допрашивалъ онъ и, не получивъ отвѣта, продолжалъ не смущаясь:

— Плохо у насъ этимъ образованнымъ; они посидятъ, посидятъ въ одиночкѣ, ну, ума у нихъ много, а разговаривать не съ кѣмъ—возьмутъ этакъ что нибудь себѣ въ умъ и давай съ самими собой разговаривать; такъ и путаются бѣдняги. Простыми то не въ примѣръ лучше; они вотъ и съ нашимъ братомъ—мужикомъ покалякаютъ и легче имъ станетъ, а образованному-то вѣдь умнаго подавай, а гдѣ его возьмешь?

Болтая такимъ образомъ, хохоль уже выбрилъ полъ-головы.

— Ну, вотъ, братику, и готово!—воскликнулъ онъ,—теперь я тебѣ бороду и усы побрею, и съ безсердечіемъ привычнаго ремесла схватилъ Илью за усы, не дожидаясь отвѣта.

Это было уже слишкомъ; Илья этого не ожидалъ; кровь бросилась ему въ голову и онъ съ силой оттолкнулъ отъ себя цирюльника. Хохоль растерялся, но, быстро собравшись съ духомъ, опять подошелъ къ свосму пациенту и сталъ уговаривать его дрожащимъ голосомъ:

— Ты не сердись на меня, братику, такіе ужь у насъ порядки, чтобы значить совсѣмъ чистенькому быть; на все вѣдь Богъ и Его воля!

Эти нелѣпныя слова почему-то разсмѣшили Илью и онъ сталъ неудержимо хохотать, но смѣхъ его звучалъ чѣмъ-то страннымъ и горькимъ.

— Чортъ съ тобой, сбривай хоть и брови,—сказалъ онъ наконецъ.

Хохоль не сталъ дожидаться дальнѣйшаго разрѣшенія и быстро оборудовалъ свое дѣло.

Когда все было кончено, Илья поднялся со скамьи и машинально провел рукой по обнаженной половине головы: холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу и горькая насмѣшливая улыбка искривила посинѣвшія губы.

— Ну, братику, теперь пойдѣмъ въ кузницу; тамъ ты выберешь себѣ кандалы,—радушно пригласилъ его хохоль.

Въ кузницѣ ихъ встрѣтилъ высокій съ мрачнымъ, осунувшимся лицомъ арестантъ, исполнявшій обязанность кузнеца. Его обнаженная, закоптѣлая грудь и руки съ отвисшими крупными мышцами, напоминали остатки когда-то богатырскихъ формъ.

Понявъ безъ словъ въ чемъ дѣло, кузнецъ схватилъ первую попавшуюся пару тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ и, надѣвъ ихъ на ноги Илья, началъ съ какимъ-то остервенѣніемъ бить молотомъ по заклепкамъ, рискуя ежеминутно размозжить ему ноги. Илья молча смотрѣлъ на эту непонятную ярость и ему больно стало за его искалѣченную озлобленную душу.

Обритаго и закованнаго Илью отвели наконецъ въ корпусъ одиночекъ и посадили въ камеру № 7.

ГЛАВА V.

Новая комера Илья была продолговатой комнатою аршина въ 4 длиной и арш. 5 высотой. Небольшое окно съ массивной желѣзной рѣшеткой было расположено высоко, подъ самымъ потолкомъ; а для большей защиты отъ свѣта, нижнія стекла его были щедро вымазаны густой лиловой краской, вслѣдствіе чего въ камерѣ господствовалъ какой-то блѣдносиній полумракъ, какъ вуаль застилавшій зрѣніе; только отойдя къ самой двери, сквозь два верхнихъ, незамазанныхъ стекла, можно было видѣть узкій клочекъ далекаго неба, но и то въ какомъ-то туманѣ. Убранство камеры было самое суровое. Узкая деревянная кровать, пригвожденная къ правой стѣнѣ, спускалась только на ночь, а днемъ къ услугамъ узника оставался лишь небольшой деревянный столикъ и такая же табуретка, неподвижно утвержденная возлѣ противоположной стѣны. На столѣ красовалась солонка и деревянная шайка съ водой.

Измученный дальней дорогой и тяжелой процедурой туалета сегодняшняго утра, Илья опустилъ кровать, намѣреваясь отдохнуть; но вмѣсто постели онъ нашелъ только деревянную доску, прилаженную въ изголовьи, а подъ нею узкую, свернутую въ трубку холщовую постилку, назначеніе которой трудно было опредѣлить сразу, потому что она не могла служить ни тюфякомъ, ни одѣяломъ, ни даже простыней. Такъ, какой-то небольшой лоскутъ грубаго холста, длиной въ два аршина. Очевидно предполагалось, что каторжникъ долженъ согрѣвать себя въ этой деревянной постели только своей внутренней теплотой, если по счастью у него окажется достаточный запасъ ея.

Дѣлать было нечего; Илья попытался лечь, но когда въ за-

думчивости онъ занесъ было ногу на кровать, цѣпь рванулась и неприятно загремѣла, грузно опускаясь на доски; этотъ звукъ рѣзнулъ его по сердцу. Онъ наклонился, чтобы поддержать цѣпи рукой и осторожно уложить ихъ на кровать, не давая звенѣть, какъ вдругъ кто-то съ шумомъ опустилъ два желѣзныхъ болта, запиравшихъ снаружи форточку и, откинувъ дверцу, крикнулъ Ильѣ:

— На тебѣ, получай!

— Что тамъ такое? спросилъ Илья и согнувшись подошелъ къ форткѣ, держа цѣпи въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ ремешокъ, которымъ ты подвяжешь себѣ цѣпи за это среднее кольцо, чтобы онѣ не волочились, а концами вокрутъ пояса завяжи. Вотъ и кожаные подкандалники, которые ты приладишь на ноги подъ самые кандалы, чтобы обручи не рѣзали ногу, вотъ тутъ—указывая пальцемъ, объяснялъ старшій надзиратель.—Да, ты видно въ жизнь свою не носилъ кандаловъ, насмѣшливо замѣтилъ онъ, глядя, съ какимъ растеряннымъ видомъ разсматривалъ Илья эти странные приспособленія.

— Нѣтъ, не приходилось...

— Ну, такъ вотъ носи на счастье!... Эй ты, крикнулъ онъ затѣмъ младшему надзирателю, тащи сюда «бочокъ».

— Вотъ тебѣ хлѣбъ, продолжалъ онъ, 2¹/₂ фунта—суточная порція; а тутъ—бочокъ со щами. Какъ поѣшь, постучи, чтобы прибрали остатокъ хлѣба и посуду.

— Нѣтъ, мнѣ есть не хочется, сказалъ Илья, отходя отъ фортки.

— Что ты, какъ не хочешь! Вѣдь ты съ самаго города поди ничего не ѣлъ, а за 50-то верстъ на перекладныхъ небось изрядно растрясло. На, ѣшь, не церемонься, вѣдь это твое, казна тебѣ отпускаетъ, съ покровительственной ироніей утешалъ старшій.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что не хочу, раздражительно отвѣтилъ Илья.

— Ну, ты мнѣ не *тыкай!* По положенію ты долженъ вѣжливо обращаться со мной. Я—твой господинъ, понимаешь; за грубость свою—отвѣчать будешь.

— Ахъ, уйди ты отъ меня, нетерпѣливо отвѣчалъ Илья, начиная уже не на шутку раздражаться.

— погоди, доложимъ смотрителю, злобно прошипѣлъ старшій. Не хочешь добромъ, проберутъ тебя почище, будешь у меня мягокъ, какъ воскъ—и форточка шумно захопнула.

Оставшись одинъ послѣ этой нелѣпой сцены, Илья съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся опять умащиваться на своей голй кровати. Изъ кузницы его привели въ одномъ бѣльѣ, такъ какъ кандалы мѣшали надѣть суконные штаны, которые нужно было предварительно распоротъ по внутреннимъ швамъ, чтобы приспособить такимъ образомъ къ ношенію кандаловъ, а это лежало повидимому на обязанности самихъ заключенныхъ. Илья слишкомъ усталъ, чтобъ приняться за эту работу, а потому, ло-

жась на кровать, онъ принужденъ былъ только сверху прикрыть ноги штанами; свернутую же холщевую постилку положилъ въ изголовье, чтобы защитить отъ холода бритую часть головы; а верхнюю часть тѣла должна была согрѣвать, какъ могла, короткая сукодная куртка, нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами.

На дворѣ стоялъ холодный, пасмурный день съ завывающимъ вѣтромъ. Въ плохо отопляемой камерѣ — холодно, сыро и неуютно. Илья жметса отъ стужи, подбираетъ подъ себя ноги и старается поплотнѣе прильнуть къ своему жесткому деревянному ложу, чувствуя непреодолимую потребность отдохнуть и забыться сномъ. Мало по малу онъ начинаетъ нѣсколько согрѣваться; холодныя цѣпи, воспринявъ теплоту тѣла, уже не леденятъ ноги; обнаженная правая половина головы, крѣпко прильнувъ къ постилкѣ, перестаетъ напоминать о себѣ и не возбуждаетъ, какъ прежде, холодную дрожь во всемъ тѣлѣ. Ему тепло, ему отраднo. Онъ сладко дремлетъ, забывъ обо всемъ. Но вотъ скорченные члены, уставъ лежать въ неестественномъ положеніи, бессознательно распрямляются, цѣпи сдвигаются съ прежняго нагрѣтаго мѣста, дремлящая голова перестаетъ съ прежнимъ усиленіемъ прилегать къ постилкѣ, и опять холодъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ и пробуждаетъ его изъ дремоты. Въ отчаяніи онъ снова жметса, стараясь придать своему тѣлу наименьшій объемъ, и проклинаетъ въ душѣ дикую фантазію людей, изобрѣвшихъ эту безчеловѣчную пытку. Да, вотъ она въ чемъ идея наказанія, думаетъ онъ. Это — организованная мечь сильнаго, мечь, являющаяся сама себѣ цѣлью! Кому полезны, кому нужны мои муки? Тюрьма и безъ этого крѣпка, зачѣмъ же эти кандалы, терзающіе мое тѣло; зачѣмъ этотъ холодъ и голыя доски? Вѣдь я и безъ того не въ силахъ разбить замыкающіе меня замки, рѣшетки и двери. Ради чего же всѣ эти истязанія безоружнаго? Ахъ люди, люди, зачѣмъ они ожесточаютъ мою душу, еще такъ недавно полную однимъ чувствомъ добра. Зачѣмъ въ награду за слово правды, которое я имъ несъ, они поселяютъ въ моей душѣ возмущенье и злобу! Зачѣмъ, зачѣмъ!.. гнѣвно твердитъ онъ.

Но мало по малу, когда порывъ гнѣва началъ утихать, онъ сталъ находить даже какую-то своеобразную отраду въ своемъ страданіи. Ему казалось, что пройти этотъ скорбный путь необходимо, что, пройдя его, онъ воспитаетъ въ себѣ ту особую нравственную силу, которая закаляется только въ страданіи. Совѣсть его чиста, онъ исполнилъ свой долгъ, какъ умѣлъ, и готовъ гордо встрѣтить свою долю. Мысль эта ниспослала тихій миръ въ его измученную душу и онъ забылся наконецъ сномъ.

Стемпло; дежурный зажегъ жестяныя лампы и началъ устанавливать ихъ по одиночкѣ въ особое отверстіе, продѣланное для этой цѣли со стороны корридора, высоко надъ дверью каждой камеры. Прилаживая лампу номера 7-го, долго возился, поворачивая ее то вправо, то влѣво, стараясь ярче освѣтить лицо спавшаго Ильи, чтобы лучше разглядѣть его. При этихъ манипуляціяхъ пучокъ

яркихъ лучей, отбрасываемыхъ блестящимъ рефлекторомъ лампы, то падалъ на лицо Ильи, то убѣгалъ на стѣну, оставляя его въ тѣни. Эти быстрыя смѣны свѣта и тѣни дѣйствовали раздражающимъ образомъ на глаза спящаго, вызывая легкую отраженную судорогу въ мышцахъ его лица, аналогичную той, какая происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ электрическаго тока. Сонъ Ильи сдѣлался безпокоенъ, онъ началъ метаться—еще двѣ, три такія судороги и онъ проснулся бы совсѣмъ, если бы дежурный, наскучивъ вертѣть лампу, не прекратилъ своихъ опытовъ. Установившійся однообразный свѣтъ подѣйствовалъ успокоительно на спящаго и подъ яркими лучами лампы онъ продолжалъ спать по прежнему спокойно. Но не прошло и получаса, какъ въ корридорѣ раздался громкій голосъ старшаго:

— На мѣсто, смотритель идетъ!

Надзиратели вытянулись и стали торопливо оправлять свою аммуницію.

— Отворяй № 7, приказалъ смотритель.

Ему уже успѣли довести о стычкѣ Ильи съ надзирателемъ, и онъ явился теперь, величественно неся ему свои громы и намѣреваясь преподать урокъ чинопочитанія и рабскаго послушанія. Онъ думаетъ коротко отчеканить свое обычное наставленіе: «Разъ попалъ сюда, ты въ моей полной власти; будешь слушаться всѣхъ, начиная съ меня и кончая послѣднимъ надзирателемъ, тебѣ будетъ сносно житься, но Боже избави, если уклонишься отъ повиновенія: возьму тебя за волосы и съ затылка до пятокъ сдеру съ тебя шкуру, до смерти заморю!»

Подожли къ двери № 7; старшій привычной рукой вложилъ ключъ въ десятифунтовый замокъ, быстро отперъ его и только-что было взялся за ручку, чтобъ открыть дверь, какъ смотритель, точно чего-то спохватившись, остановилъ его и, подойдя ближе, посмотрѣлъ въ наблюдательное оконце.

— Спать онъ что-ли? спросилъ онъ старшаго.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Да съ чего же у васъ вышло-то это; въ чемъ онъ тебѣ не повиновался?

— Все *тыкаетъ*, ваше высокоблагородіе.

— А ты ему объяснилъ, кто ты и кто онъ?

— Какъ же, ваше высокоблагородіе, я ему говорю—я твой баринъ, ты мнѣ долженъ повиноваться, а онъ...

— Дуракъ ты! раздраженно крикнулъ смотритель.—ты начальникъ, начальникъ! болванъ ты этакій, выдумаль—баринъ!
— А что же онъ-то тебѣ сказалъ?

— Онъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, сказалъ «поди прочь»...

— Что же, онъ злой?

— Должно полагать, ваше высокоблагородіе. Такъ-то онъ ничего себѣ на видъ, будто спокойный, а говоритъ не робѣя; словомъ, говоритъ какъ обнокновенно, а все видно хочетъ сказать: наплевать мнѣ на тебя и на твоего смотрителя. Это, ваше вы-

сокоблагородіе, значить, нехотя со мной разговариваетъ, поясняя старшій.

— А, наплевать! отворяй! крикнулъ смотритель.

Дверь съ шумомъ распахнулась. Илья хотя уже не спалъ, но не совсѣмъ еще очнулся и продолжалъ лежать, не раскрывая глазъ. Старшій бросился будить его.

— Слышь, вставай! господинъ смотритель изволили придти!

Илья спресонокъ забылъ, гдѣ онъ находится; вѣдь это былъ еще первый сонъ его на каторгѣ. Онъ медленно приподнялся, хотѣлъ спустить ноги, но кандалы зазвенѣли, перепутались и не позволяли высвободить ногъ. Илья раздумчиво смотрѣлъ на эти цѣпи, точно недоумѣвая, откуда онѣ могли взяться и, сидя на койкѣ, сталъ машинально распутывать ихъ.

Его задумчивое лицо, его старанія въ полудремотѣ выпутаться изъ цѣпей—все это какъ то невольно смягчило смотрителя, за минуту нетерпѣливо стоявшаго передъ нимъ и готоваго обрушиться на него цѣлымъ потокомъ угрозъ и брани.

— Отчего ты не устроилъ ему кандалы, какъ слѣдуетъ? видишь какъ онъ запутался? строго обратился смотритель къ старшему.

Этотъ громкій вопросъ привелъ въ себя Илью; онъ поднялъ голову и, вглядываясь въ смотрителя, сказалъ:

— Здравствуйте, я васъ не узналъ...

Начальникъ окончательно растерялся. Онъ не ожидалъ такой простой встрѣчи; въ манерѣ и голосѣ Ильи, при всей своей предубѣжденности, онъ не могъ подмѣтить ни заносчивости, ни пренебреженія, ни злости. Правда, Илья все еще продолжалъ сидѣть на кровати, распутывая свои кандалы, но съ этимъ нужно было примириться; смотритель хорошо понималъ, что цѣпи не позволяютъ узнику свободно встать на ноги, пока не будутъ распутаны. Однако начальникъ все же досадовалъ въ душѣ, что засталъ его въ такомъ положеніи, когда неудобно держать воспитательную рѣчь въ строго каторжномъ духѣ. Колеблясь между желаніемъ дать острастку и голосомъ такта, свойственнаго чиновнику дипломату, онъ ничего не нашелся сказать въ отвѣтъ на простое привѣтствіе Ильи, какъ высококомѣрно произнести солдатское «здорово».

— Выйди, приказалъ онъ старшему, и тотъ послѣшилъ удалиться, притворивъ за собой дверь.

— Почему не устроить кандалы, какъ слѣдуетъ; вѣдь на это есть особая приспособленія, при помощи которыхъ они не будутъ путаться и тереть ноги? наставительно произнесъ смотритель, оставшись наединѣ съ Ильей.

— Да, я знаю, это надо будетъ устроить, сказалъ Илья. Мнѣ уже выцали эти приспособленія, да я еще не успѣлъ приладить ихъ; успѣется послѣ.

Разговоръ какъ-то не клеился. Смотритель не находилъ предлога приступить къ наставленію, хотя бы въ мягкой формѣ.

До сихъ поръ онъ стоялъ все время въ фуражкѣ, но пройдясь взадъ и впередъ по камерѣ, онъ снялъ ее и, присѣвъ на скамейку, спросилъ Илью, чтобы какъ-нибудь выдти изъ неловкаго молчанія:

— Что же, читать вѣрно хочется?

— Да, хотѣлось бы, только мнѣ не позволили взять съ собой ни одной книги; а тутъ—я не знаю, есть ли какія нибудь книги?

— Есть—духовнаго содержанія, душеспасительныя; вообще здѣсь можно читать только по религіозной части; книги же философскія и научныя совсѣмъ воспрещены; романовъ, разумѣется, также нельзя читать, они вѣдь кровь молодую волнуютъ, ухмыльнулся смотритель.

— А газеты и журналы, конечно, тоже воспрещены? спросилъ Илья.

— Объ нихъ и говорить нечего; здѣсь строго воспрещено даже на словахъ сообщать какія бы то ни было общественныя новости. Какъ же это возможно?! Тогда одиночное заключеніе потеряло бы всякій смыслъ и значеніе. Новости волнуютъ, а тутъ надо вести себя спокойно, а главное повиноваться. Вотъ долъ всякаго арестанта наставительно добавилъ смотритель.

— То есть какъ же это повиноваться и въ чемъ? Все разумное или неизбѣжное можетъ быть исполнено и безъ всякой необходимости повиноваться, а просто въ силу сознанія необходимости.

При этихъ словахъ смотритель нахмурилъ брови, чуя съ застенной радостью, что давно-жданная минута настала. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, надѣлъ фуражку (присутствіе скромнаго деревяннаго образа, висѣвшаго по правиламъ въ углу камеры, вѣроятно, слишкомъ мало импонировало, чтобы напомнить о себѣ и заставить его повиноваться обязательному русскому обычаю не покрывать головы въ томъ помѣщеніи, гдѣ есть икона) и патетически жестикулируя, смотритель сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Если старшій надзиратель или даже младшій требуетъ, чтобы съ нимъ обращались вѣжливо, какъ съ начальникомъ, если онъ требуетъ, чтобы ему говорили *вы*, когда онъ самъ опять-таки какъ прямой начальникъ говоритъ *ты*,—надо непремѣнно повиноваться, иначе всякое ослушаніе, какъ бы легко оно ни было, влечетъ за собой строгое наказаніе.

— Этого я что-то не пойму, спокойно отвѣтилъ Илья; чтобы требовать вѣжливости къ себѣ, нужно прежде всего самому быть вѣжливымъ и внушать такимъ образомъ уваженіе къ своей личности; это необходимо даже съ точки зрѣнія самой строгой дисциплины—грубость уважать нельзя, а гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ нѣтъ истинной дисциплины. Такое требованіе со стороны надзирателей тѣмъ болѣе странно, когда вы, главный начальникъ тюрьмы, сами считаете необходимымъ обращаться со мной на *вы* (Илья не за-

мѣтилъ, что чиновникъ-дипломатъ избѣгалъ мѣстоименій и строилъ фразы безлично).

— Я — другое дѣло, совсѣмъ другое дѣло-сь, проговорилъ нѣсколько смущенный смотритель. Это — моя добрая воля, я щажу-сь, но когда мнѣ понадобится—и я потребую этого...

— Ну конечно, вы можете многого захотѣть и многого потребовать, но вамъ могутъ и отказать въ удовлетвореніи вашего *личнаго* желанія. Въ васъ я обязанъ видѣть только исполнителя закона и подчиняться только законнымъ вашимъ требованіямъ, а отнюдь не личной прихоти. Законъ же обязываетъ и васъ обращаться вѣжливо съ заключенными.

Смотритель кусалъ губы, сознавая правоту Ильи и всю шаткость своего положенія въ роли начальника - самодура. Чтобы выйти изъ этой неловкости, ему хотѣлось по привычкѣ топнуть ногой и крикнуть: «молчать, не разсуждать», но эта *ultima ratio* какъ-то не подоспѣла во время, а главное спокойная твердость заключеннаго недостаточно шекотала, чтобы естественно вызвать этотъ обычный рефлексъ. Онъ счелъ за лучшее удалиться и, повернувшись къ двери, сказалъ, не глядя на Илью:

— Надѣюсь, въ другой разъ этого не повторится!... и вышелъ.

Ужели, спрашивалъ себя возмущенный Илья, оставшись наединѣ, ужели удастся имъ довести меня до такого самоуниженія, чтобы я сталъ величать грубыхъ тюремныхъ холоповъ, а самъ выслушивалъ бы ихъ грубое *ты*? Конечно, они имѣютъ полную фактическую возможность обращаться со мною на *ты*, но никакими усиліями и пытками не принудятъ меня говорить имъ *вы*, чего собственноглавнымъ образомъ они и добиваются: У меня отнято все: свобода, счастье, молодость, можетъ быть отнять скоро и жизнь, но самоуваженія—никогда! Какая цѣль, какой смыслъ этого дикаго правила, изобрѣннаго вопреки закону чьей-то досужей фантазіей? Или можетъ быть они хотятъ подчеркнуть, что я безоруженъ, а они сильны? но я и безъ того слишкомъ хорошо ощущаю это ежечасно, ежеминутно, при каждомъ своемъ движеніи, при каждомъ вздохѣ. Неужели же грубостью и насиліемъ надъ моей нравственной личностью, они думаютъ вселить во мнѣ уваженіе и почтеніе къ нимъ, какъ распорядителямъ моей жизни и смерти? Нѣтъ, эта грубость вызоветъ не почтеніе, а презрѣніе въ каждомъ, въ комъ сколько-нибудь развито нравственное чувство. А можетъ быть такимъ обращеніемъ они думаютъ показать, что презираютъ во мнѣ безправнаго, осужденнаго; но истинное презрѣніе бываетъ холодно и просто, а ихъ мелкія усилія, ихъ ревность указываетъ только на недостатокъ самоуваженія ихъ къ самимъ себѣ. Они стремятся подогрѣть это самоуваженіе, поддерживая глухую хроническую борьбу изо дня въ день, и будятъ протестъ, чтобы имѣть возможность подавить его. За отсутствіемъ силы нравственной, они жаждутъ наслаждаться сознаніемъ своей силы физической, хотя эту послѣднюю никто не думаетъ отрицать у нихъ. Педагогическихъ задачъ предположить здѣсь также

нельзя, даже въ отношеніи къ общей категоріи осужденныхъ, съ которыми, впрочемъ, они обращаются гораздо проще; а тѣмъ болѣе въ отношеніи къ той категоріи, къ которой принадлежу я; да и вообще мысль о педагогин, воплощенной въ увѣсистомъ кулакѣ безграмотнаго отставнаго солдата и краснорѣчиво выражаемой богатымъ лексикономъ крѣпкихъ словъ съ перечисленіемъ родственниковъ по женской линіи, у любого самаго наивнаго человѣка вызоветъ только улыбку... Жизнь, жизнь, сколько въ ней глубокихъ противорѣчій! Какъ живы еще въ людяхъ инстинкты ихъ зоологическихъ прародителей—*grattez le russe, vous y trouverez un barbare*, сказалъ бы европеецъ, если бы ему позволили хотя бы однимъ глазомъ заглянуть въ нашу тюрьму, устроенную съ виду по новѣйшимъ европейскимъ образцамъ, но жизнь которой складывается на самобытный русскій манеръ. Жестокая жизнь, жестокіе нравы!..

Такъ думалъ Илья, бродя по своей каторжной клѣткѣ. За время долгихъ лѣтъ предварительнаго заключенія онъ успѣлъ свыкнуться съ одиночествомъ, хотя не безъ борьбы и не безъ мукъ. Онъ привыкъ жить наединѣ съ собой, со своими мыслями и эта привычка спасала его до сихъ поръ отъ самоубійства или безумія. И хотя эта жестокая тюремная жизнь до того притупила его нервы, что трудно, казалось ему, изобрѣсти что-нибудь новое, что бы могло его потрясти, однако случались минуты, когда онъ съ тоской задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ же я продолжаю существовать, зачѣмъ я выношу всѣ эти униженія и пытки? Правда, я молодъ, я почти еще не жилъ; мнѣ не было и 21-го года, когда двери тюрьмы закрылись впервые за мною; я хочу жить и работать, я не удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ до сихъ поръ, но неужели же все, что судила мнѣ жизнь впереди—это воплотить въ себѣ культъ страданія? Ахъ этотъ ужасный, жестокій культъ; онъ и безъ того вѣдренъ въ плоть и мозгъ нашего народа его жестокой исторіей! Обидно и больно; того ли я хотѣлъ, къ тому ли я стремился!.. Вступая на избранный путь, я зналъ конечно, что наградой мнѣ будетъ страданіе, и ждалъ его какъ неизбѣжно, но обидно то, что жизнь перевернула мою задачу и, подаривъ мнѣ полную чашу мукъ, не дала сдѣлать ничего положительнаго; изъ защитника людскаго счастья и добра она превратила меня въ какого-то апостола страданія! Да, видно въ колыбель нашу фея жизни кладетъ не цвѣтущую вѣтвь, чреватую плодами, а сухой сучковатый жезлъ анахорета!..

И. Джабадари.

Окончаніе слѣдуетъ.

Карѣ за любовь къ родинѣ.

(Дѣла Сынека и Биронта—1862 г.).

Въ концѣ 1861 г. были отданы въ военную службу, за пѣніе національныхъ польскихъ гимновъ въ костелахъ, жители города Люблина Левъ Сынекъ и Іосифъ Биронтъ, отправленные затѣмъ на службу въ отдѣльный сибирскій корпусъ. Въ іюль 1862 г. Сынеку и Биронту было разрѣшено возвратиться на родину, и они были освобождены отъ военной службы. Между тѣмъ при слѣдованіи ихъ въ Сибирь, они были осмотрѣны въ г. Пензѣ, и у нихъ были обнаружены дневники преступнаго содержанія.

„Любезная родина,—писалъ Сынекъ,—клянусь тебѣ, что бы ни случилось въ моей жизни, хотя бы пришлось перенести жесточайшія пытки, никогда не измѣню тебѣ, всегда буду помнить, что я—полякъ, родившійся въ польской землѣ, и что для тебя обязанъ перенести все. Ужасно, сколько приходится терпѣть человѣку, но ничего, все это ради отечества, все за любезный, бѣдный угнетенный народъ. Быть можетъ, страданія столькихъ сыновъ его принесутъ пользу родинѣ, ибо я не вѣрю, чтобы все это прошло даромъ; сегодня или завтра, но оно не будетъ забыто и будетъ одною изъ главныхъ причинъ, вызывающихъ народъ окончательно освободиться изъ этихъ кузнечныхъ клещей. Ссылаютъ меня въ Сибирь и думаютъ, что, удаляя изъ отечества въ столь отдаленное изгнаніе, устрашаютъ меня, измѣняютъ мой образъ мыслей и ослабѣтъ любовь къ отечеству. Глупая надежда! Я для него готовъ перенести всякія пытки и мученія. Царь! давай мнѣ больше страданій, я съ улыбкой на устахъ, хладнокровно перенесу ихъ, и ты не увидишь никогда въ моемъ лицѣ ни сожалѣнія, ни униженія. Скорѣе увидишь меня на носилкахъ мертваго, нежели покоряющимся тебѣ. О, родина! будь увѣрена, что столькія страданія, понесенныя твоими дѣтьми, не пропадутъ даромъ, что они принесутъ пользу; сегодня или завтра ты должна возстать и быть счастливою. Развѣ край нашъ проклятъ и суждено ему быть всегда подъ игомъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Твои дѣти не дозволяютъ этого. Будешь ты, я твердо надѣюсь, любезная Польша, свободна и счастлива. Я увѣренъ, что народъ нашъ не пожалѣетъ своей крови, дастъ ея напитокъ врагамъ своимъ, а польскую землю освободитъ отъ ига; тогда намъ можно будетъ дѣлать, что угодно, для пользы родной страны. Такъ, наша Польша возстанетъ, взойдетъ звѣзда и для нея, она изгонитъ враговъ

своихъ и разорветъ позорную цѣпь. Вѣрьте этому, поляки, и не теряйте надежды, будьте только единодушны въ своихъ желаніяхъ, и смерть сомкнетъ глаза нашей неволѣ. Тяжко и грустно въ изгнаніи, мысль о Польшѣ терзаетъ мнѣ сердце, но до самой кончины изъ устъ моихъ будутъ изливаться проклятья на моихъ враговъ, ибо никакія пытки и мученія не заставятъ меня молчать, и всюду, гдѣ нужно будетъ, я отправлюсь помогать и смотрѣть, какъ поляки будутъ сокрушать въ конецъ русскіе кандалы. Какъ убійственно изгнаніе изъ родины, а еще болѣе препровожденіе по этапамъ, болѣе десяти мѣсяцевъ, съ разбойниками и преступниками, о которыхъ вы не имѣли даже понятія, это—неописанное мученіе, это—нравственная пытка. О, русское правительство, столько на тебѣ проклятій, жалобъ и слезъ, что не знаю, будешь ли ты въ состояніи смыть ихъ съ себя“.

Въ дневникѣ же Сынека записаны стихи Искандера:

„А русскій царь съ кнутомъ—
Какъ русскій попъ съ крестомъ;
Имъ онъ бьетъ, имъ онъ жметъ.
А руссаки, какъ дураки,
Розиня ротъ, во весь народъ,
Крччатъ: ура, насъ бить пора“.

Наконецъ, тамъ же помѣщены и стихи Рылѣва:

„Кто брошень въ дальніе снѣга,
За дѣло чести и отчизны,
Тому сносиѣ укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага“.

Военный судъ приговорилъ Сынека къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ возможнымъ ограничить это наказаніе однимъ годомъ. Докладъ былъ Высочайше утвержденъ 8 мая 1863 г.

Въ дневникѣ же Биронта было изложено:

„Царь все думаетъ, что я слуга его и исполнитель его воли. Пусть будетъ такъ, но я, среди грязи и униженія, происходящаго отъ его наказаній, проложу себѣ дорогу къ высокимъ подвигамъ; и кто скажетъ, что это дурно?“ Описывая свое выступленіе изъ Люблина, Биронтъ выражался: „мракъ покрывалъ еще городъ тишина изрѣдка прерывалась рыданіями собравшагося народа, который, сочувствуя нашей злой долѣ, собрался, чтобы еще разъ съ нами проститься. Рыданія эти всего лучше изображали гнетъ Россіи надъ нами; сестры, матери, друзья, старавшіеся къ намъ приблизиться, представляли нашъ народъ съ его лучшими желаніями, а окружавшій насъ казачій конвой изображалъ Россію, препятствующую Польшѣ развиваться тѣмъ путемъ, по которому идетъ нынѣ весь міръ“.

Подъ 28 мая Биронтъ заноситъ въ свой дневникъ: „въ г. Корочѣ, Курской губерніи, мы пробыли сегодня до 11 часовъ утра; приходилъ къ намъ священникъ совершать молебствіе для арестантовъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я вступилъ въ разговоръ съ священникомъ.“

стараясь представить всё варварскіе поступки, какіе правительство совершило въ Варшавѣ. Преимущественно старался я дѣйствовать на него со стороны религіозной, и дѣйствительно мнѣ удалось достигнуть желаемой цѣли, потому что я успѣлъ возбудить въ немъ совершенное негодованіе противъ такихъ беззаконій. Дай Богъ, чтобы то, что я посѣялъ въ сердцѣ этого священника, какъ можно скорѣе разрослось по всей Россіи“.

На слѣдующій день Биронтъ писалъ: „конвоировавшій насъ прапорщикъ Мальцевъ оказался человѣкомъ весьма умнымъ и понимающимъ движеніе вѣка; съ нимъ то, въ продолженіе дороги, я имѣлъ удовольствіе разговаривать, и постояннымъ почти предметомъ нашихъ бесѣдъ были послѣднія событія въ Польшѣ. Мальцевъ далъ мнѣ прочесть Войнаровскаго—поэму знаменитаго русскаго автора Рылѣва, который былъ также сосланъ въ Сибирь¹⁾. Весьма пріятно мнѣ было встрѣтить въ русскомъ—сознаніе цѣли этой поэмы, а вмѣстѣ и мысли, что тогда только и его отечество можетъ быть счастливо, когда освободится отъ тиранскаго ига царей. Дай Богъ, чтобы всё въ Россіи скорѣе это сознали. какъ уже прозрѣли его нѣкоторыя личности; тогда могла бы осуществиться идея Мицкевича о соединеніи славянъ въ одинъ великій свободный народъ. О, родная моя земля, какъ тоскую я по тебѣ; быть можетъ, не увижу болѣе твоихъ обильныхъ полей, ни твоей прекрасной Вислы. Какъ ужасно быть изгнанныкомъ изъ своей родины и мучиться мыслью, что, можетъ быть, уже ее болѣе не увижу. Но неужели мнѣ назначенъ судьбою такой ужасный удѣлъ? Подобныя страданія могутъ ли искупиться собственнымъ моимъ счастьемъ. Нѣтъ, никогда, только когда вся Польша будетъ независима и свободна. О, Боже! для чего не исторгнешь ты ее изъ подъ ига тирановъ?“

Наконецъ, 14 іюня Биронтъ писалъ: „нѣсколько дней ничего не пишу, на меня напала какая то апатія, такъ что я не въ состояніи написать даже двухъ словъ. Одна мысль, что, быть можетъ, не придется болѣе видѣть родной земли, убиваетъ во мнѣ силы физическія и нравственныя; я страдаю ужасно и, когда будетъ конецъ страданіямъ, не знаю,—развѣ въ могилѣ. Если ужъ такъ суждено, то пусть бы скорѣе явилась смерть и положила бы конецъ моимъ мученіямъ, но жестокая судьба и въ этомъ мнѣ отказывается. О, русскій Царь, какъ ты ошибаешься, когда думаешь, что мученія, хотя бы самыя ужасныя, въ состояніи перемѣнить поляка! Не вѣрь этому: полякъ подлымъ невольникомъ быть не можетъ и, не смотря на то, что его все болѣе угнетаешь, онъ никогда не забудетъ своей достославной исторіи и того, чѣмъ обязанъ своей отчизнѣ; всегда будетъ громко упрекать тебя за твои притѣсненія и за то, что, какъ самый подлый воръ, ты безнаказанно взялъ его землю. Клянусь тебѣ, Царь, мстить,

¹⁾ Здѣсь грубая ошибка: Рылѣвъ въ числѣ пятерыхъ декабристовъ былъ казненъ въ 1826 г. на гласисѣ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ.

мстить и мстить, постараюсь исполнить свою присягу при первомъ удобномъ случаѣ".

Судъ приговорилъ Биронта къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ лишить Биронта дворянства и всѣхъ правъ состоянія (Биронтъ происходилъ изъ дворянъ) и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было Высочайше утверждено 8 мая 1863 г.

Побѣгъ Алеша Поповича.

Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей. Призвали отпущенныхъ. Въ числѣ прочихъ былъ взятъ и нашъ «Алеша Поповичъ», какъ называли мы Виктора Костюрина. Онъ былъ артиллеристъ. Служба эта ему нравилась. Война рисовалась ему въ картинахъ дѣятельности, въ подвигахъ, походахъ, и онъ съ большою охотой вступалъ въ службу. Нѣсколько разъ, кажется, ходилъ даже на ученіе. Вдругъ вспоминають, что онъ привлекается къ политическому процессу (процессъ 193). «Вамъ, говорятъ ему, нельзя служить».—Почему, отчего?—Алеша и принялся хлопотать, чтобъ его все-таки взяли на войну...

Его и взяли, но только не на войну, а въ жандармскія казармы; при нихъ находились камеры заключенія, туда и посадили его.

Въ г. Елисаветградѣ былъ нѣкто Краевъ; занимался адвокатурой. У него бывали многіе изъ кievскихъ бунтарей. Онъ угощалъ ихъ чаемъ, ѣдой, слушалъ разговоры, но дѣлъ ихъ не зналъ. Ему не сообщали даже нелегальныхъ фамилій, ограничиваясь лишь именами да кличками. Если что онъ и узнавалъ, то только изъ теоретическихъ споровъ, при обсужденіи общихъ вопросовъ, изъ отдѣльныхъ фразъ въ разговорахъ. Какъ оказалось, это его не удовлетворяло, и онъ, въ своихъ письмахъ къ какому-то родичу, выставлялъ себя не просто гостепріимнымъ хозяиномъ, а человѣкомъ, находящимся въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонерами, знающимъ и ихъ дѣла.

Все это имѣло мѣсто лѣтомъ 1876 г. Въ томъ же году произошла исторія съ Гориновичемъ въ Одессѣ¹⁾. Такъ какъ Гориновичъ передъ этимъ былъ въ Елисаветградѣ, что стало извѣстно, то въ немъ и начались обыски, аресты. Во время суматохи попались и письма Краева. Его забрали, принялись допрашивать. Сталъ онъ завѣрять, что ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ; ему показали его письма. Сталъ онъ всю правду выкладывать, что дѣлалъ, кто бывалъ, какъ кого звали,—недостаточно: по однимъ именамъ и кличкамъ нельзя отыскать лю-

¹⁾ Покушеніе на его жизнь, совершенное Дейчемъ. Гориновичъ не былъ убитъ, но страшно изуродованъ сѣрной кислотой, которой было облито все его лицо.

Ред.

дей. Быть не можетъ, чтобы вамъ ничего больше не было извѣстно! говорятъ Краеву и садятъ его въ Одесскую тюрьму. Еврей, безъ денегъ, безъ близкихъ родныхъ, онъ очутился тутъ въ ужасномъ положеніи,—измучился, изнервничился—до послѣдней степени. А жанамъ и на руку, скажи, дай намъ хоть какую-нибудь зацѣпку, чтобы можно было отыскать тѣхъ, кого угощали вы, и мы васъ выпустимъ,—говорятъ ему. Мы сами видимъ, что вы не виноваты, что попали, какъ куръ во щи, но намъ необходимо заполучить хоть одного изъ той компаніи, тогда васъ и выпустимъ, а пока—сидите. И его продолжали морить, хотя онъ давно выложилъ имъ все, что зналъ. Въ числѣ прочихъ указаній онъ сказалъ, что у него бывалъ и Алѣша, артиллеристъ, отбывавшій раньше воинскую повинность. Артиллеристовъ много, и по одному этому трудно было добраться до настоящаго виновника. Но вотъ начинаются приготовленія къ войнѣ. Пересматриваются списки. Алѣша, оказывается, привлекается къ политическому процессу, онъ военный и артиллеристъ. Такихъ лицъ меньше, и у жандармовъ явилась мысль свести Алѣшу съ Краевымъ. И вотъ берутъ его и ведутъ. Входитъ онъ, навстрѣчу ему поднимается сѣро-зеленоватая, изможденная тѣнь, кого-то напоминаящая, и порывисто бросается впередъ. Алѣшинька, здравствуйте! выкрикиваетъ она.—Я васъ не знаю! рѣзко, сурово говоритъ Алѣша. Голубчикъ, спасите! Скажите, что знаете! Посмотрите, что со мной сдѣлали!.. Скажите имъ, что я ничего не знаю! взмолился бѣдняга... Алѣша, глянувъ еще разъ внимательнѣй, узналъ. Жалость охватила его...

Да, я знаю его! Да, я бывалъ у него! Онъ ничего одѣлахъ не знаетъ! и т. д. заговорилъ Алѣша... Кончилось тѣмъ, что Краева скоро выпустили, а Алѣшу засадили въ жандармскія казармы. Молодой, здоровый, полный энергіи и желанія двигаться, работать, освобождать братушекъ, вообще, дѣйствовать, и вдругъ въ четырехъ стѣнахъ очутиться... Неудивительно, что человѣкъ невзвидѣлъ свѣта, забился, какъ звѣрь въ клеткѣ: Бѣжать! во что бы то ни стало бѣжать и скорѣй! вотъ то, на что направились всѣ его мысли, всѣ чувства. Въ Одессѣ у него были друзья, товарищи, знакомые. Они помогутъ, надо лишь дать имъ знать, сообщить свое желаніе. Это удастся. Попко и я приглашаемся Жуковымъ (псевдонимъ) къ нему на квартиру, онъ передаетъ о полученіи писемъ отъ Алѣши, спрашиваетъ, согласимся ли мы помогать побѣгу, и у насъ начинаются разсужденія на эту тему. Самъ Жуковъ личнаго участія по семейнымъ дѣламъ принимать не можетъ, но общается содѣйствовать деньгами и головой. Въ первый разъ остановились было на верховыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ и разошлись, чтобъ осмотрѣть для этого мѣстность. Попко, какъ казакъ, ничего не находилъ въ этомъ планѣ неудобноисполнимымъ; у меня же свѣжа еще была неудача съ покупкой верховыхъ лошадей, для увоза Волховскаго въ Москвѣ. Вышло тамъ какъ-то такъ, что при толкахъ о верховомъ увозѣ

я пошутить, совершенно не думая критиковать этот планъ, очутившись въ Москвѣ случайно на минуту, и въ освобожденіи не принималъ участія: я на другой же день уѣзжалъ. Но вотъ проходитъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Я опять въ Москвѣ. Вдругъ мнѣ предлагаетъ Воронковъ придти на конную площадь смотрѣть, какъ онъ будетъ продавать лошадей. Какихъ? Почему?! спрашиваю. Верховыхъ! Верховой планъ забракованъ: неудобствъ много нашли. Поэтому рѣшено продать, и скорѣй: дорого содержаніе. Въ Воскресенье я отправился на конную и при мнѣ забездѣнокъ Воронковъ продалъ пару хорошихъ лошадокъ. Все это еще стояло живо въ памяти, все это пугало меня и я не особенно увлекался этимъ планомъ, откладывая окончательное рѣшеніе до обслѣдованія мѣстъ вокругъ казармъ. Необходимо было и съ Алешей сговориться. Попко занялся сношеніями, я сталъ кружить вблизи казармъ. Онѣ находились внѣ главнаго города, тамъ, гдѣ начиналась слободка. За казармами недалеко шли брошенныя каменоломни. Смотрю планъ: узкій переулокъ дальше казармъ упирался въ ямы и рытвины. На повозкѣ и верхами проѣхать трудно: была лишь пѣшеходная тропа.

Къ казармамъ съ одной стороны примыкалъ заброшенный садъ изъ акацій. Заборы въ немъ полуразобраны. Лазить можно, но перескочить верхомъ сомнительно. Позади жандармскихъ казармъ помѣщались казачьи казармы. Туда можно было попасть изъ сосѣдняго двора. Заборъ невысокъ. Сосѣдній дворъ принадлежалъ городу. Тамъ помѣщался обозъ для очистки нечистотъ. Ворота этого двора постоянно стояли открытыми. Вотъ то, что выяснилось изъ обзора окрестностей казармъ. Для верховаго ухода тутъ мало было удобствъ. Передали Алешѣ. Тотъ малость спокойнѣе сталъ, не такъ рвался. Принялись обсуждать новые планы, а главное, еще не было ясно, какъ онъ выйдетъ изъ камеры, со двора казармъ: прогулокъ вначалѣ не было. Дѣло затянулось. Къ тому же у меня въ это время начиналась подготовка къ экзаменамъ. Я надумалъ добыть себѣ настоящій народнаго учителя паспортъ и стать учителемъ. Для этого, добывъ метрику и свидѣтельство объ окончаніи уѣзднаго училища, отправляюсь къ попечителю Одесскаго округа, подаю прошеніе и мнѣ велятъ явиться въ 3-ю Одесскую гимназію для экзамена въ извѣстное время. Оно наступало, и надо было малость подзаняться, и я засѣлъ за учебникъ. Между тѣмъ Алеша, затихшій на время и согласившійся выжидать благоприятныхъ обстоятельствъ, неожиданно забилъ тревогу: написалъ Жукову, что онъ готовъ, хоть на «урѣ», готовъ на все, лишь бы дѣйствовать, а не сидѣть, сложа руки. Жуковъ встревожился, призвалъ насъ съ Попкой. Стали обсуждать, какіе могутъ быть случаи. Дошли до того, что вся помѣха окажется въ часовомъ. Придется устранять! замѣчаемъ мы съ Попкой. Какъ, вы и передъ кровью не остановитесь?! спрашиваетъ Жуковъ. — Но какъ же быть?! разсуждаемъ мы. Положимъ, Алёша полѣзетъ на стѣну, или

станетъ садиться на лошадей, а тутъ откуда нибудь вынырнетъ жандармъ и станетъ его тащить за ноги... Ну, нѣтъ, я несогласенъ, дѣлайте какъ знаете, а только я вамъ не товарищъ въ этомъ дѣлѣ! заявилъ намъ Жуковъ. Собственно еще не было и такого плана, и лишь Алѣша, разсуждая въ своемъ письмѣ, очень рѣшительно выражался. Это-то и напугало, вѣрно, Жукова. Какъ бы то ни было, но теперь мы и совѣщаться не стали ходить къ нему. Алѣша же, изливъ ему свою душу, самъ скоро увидалъ, что тутъ и «уру» не поможетъ, а потому опять успокоился, сталъ ждать и высматривать. У меня начались экзамены и въ то же время вышли всѣ деньги. Иду къ Жукову, прошу добыть рублей 50... Вамъ на дѣло? или на житье? спрашиваетъ онъ. У меня есть деньги, но мнѣ нужно: сильно больна жена. Если на дѣло, то добуду, если же на житье,—нѣтъ! добавилъ онъ. Меня нѣсколько удивило такое разграниченіе дѣла отъ житья, точно можно было вести дѣло, какъ-то не живя, но я не сталъ спорить потому, что сейчасъ дѣйствительно не предвидѣлось ни найма лошадей, ни покупокъ какихъ либо, а деньги нужны были мнѣ на житье. Это я ему и сказалъ.—Въ такомъ случаѣ я не могу вамъ дать! говоритъ Жуковъ и мы расходимся. Мнѣ до сихъ поръ непонятнымъ осталось такое отношеніе. Онъ зналъ, что личныхъ доходовъ у меня нѣтъ, онъ зналъ, что дѣло не брошено,—ведутся сношенія, выжидается случай, что жить нужно для этого, и все-таки умъ за разумъ у него зашелъ. Пришлось перехватить немного у другихъ и продолжать экзамены. Неожиданно прѣзжаетъ изъ Кіева Аня М... привозитъ двѣсти рублей на освобожденіе и живую струю свѣжаго человека. Къ тому же и Алѣша, получивъ теперь прогулку и осмотрѣвшись окончательно, отказался отъ верховыхъ лошадей, и мы остановились на экипажѣ.

Въ Одессѣ былъ татарсаль. Содержалъ его французъ. У него въ манежѣ учились верховой ѣздѣ и брали верховыхъ лошадей кататься. Надо было узнать, нѣтъ ли у него экипажа съ лошадьми, которыхъ онъ отдавалъ бы тоже на часы кататься. Беру я свои документы, иду въ татарсаль, спрашиваю; конюха въ недоумѣніи, но выходить самъ хозяинъ, и дѣло рѣшается къ общему удовольствію.

У него есть кабриолетъ и пара пони; онъ ихъ и велитъ запрячь, когда я приду. Отлично! На другой день являюсь, говорю, чтобы запрягли лошадей. Отдаю свои документы въ залогъ. Мнѣ вывели пару рыжеватыхъ, стройныхъ на тонкихъ точеныхъ ножкахъ лошадокъ, похожихъ скорѣй на большихъ козъ, а не на лошадей, имъ подъ ростъ и кабриолетъ выкатили. Только дѣтей катать, а не убѣгать на нихъ изъ тюрьмы. Спрашиваю, нѣтъ ли экипажа больше,—другого не оказалось. Довольствуюсь малымъ. Сажусь и ѣду на квартиру, гдѣ ожидала Аня. Тамъ встречаю дочурку Волховской, только что привезенную изъ-за границы. Беремъ ее съ собой и катимъ. Наши козочки быстро засеменяли

ножками, для катанья по городу выходило недурно, но рѣшено было всё-таки просить у француза другихъ лошадей. Катанье не понравилось чѣмъ-то и Волховской: она расплакалась и ее пришлось отвезти домой. Сами же мы отправились въ татерсаль. Французъ, увидавъ Аню, молодую, красивую, хорошо одѣтую, сразу согласился дать лучшую, болѣе быструю лошадь, возвратилъ мнѣ документы, извинялся, что нѣтъ только у него большого кабриолета. Мы помирились и съ малымъ. Ушли. Пропустивъ дня два-три, я снова двинулся въ татерсаль. Теперь заложили настоящую лошадь изъ французскихъ скаковыхъ: жидковата и она мнѣ показалась. Поѣхалъ, взялъ Аню, и сталъ пробовать. Разъ пустилъ во всю, другой; беретъ хорошо, но быстро умаривается. Не подходитъ и эта!.. Тамъ я видалъ у нихъ рысака, придется его просить! говорю Анѣ. Та соглашается. На этомъ и останавливаемся, а пока, чтобъ дать французу заработать, рѣшаемъ прокатиться за городъ, на дачи.

Быль чудный весенній день; ѣхали мимо дачъ; кругомъ сады, между деревьевъ въ глубинѣ видны дачи; вддали темно синѣло море. Лошадь мѣрно-лѣниво повязкивала подковами. Свѣтъ, тепло, воздухъ—все располагало къ нѣгѣ, мечтамъ, излияніямъ, души. Задумались мы и умолкли на время. Аня, какъ болѣе подвижной и живой человѣкъ, очнулась первая. Ей вдругъ захотѣлось выяснитъ мое отношеніе къ ней, услышать отъ меня то, въ чемъ она и другіе подозрѣвали меня, подтрунивали даже за глаза.—«Почему это ко мнѣ относятся такъ враждебно въ Одессѣ?» начала она съ вопроса. Принимаюсь было за разъясненіе (такая враждебность, если и существовала, не имѣла никакой основы). Аня скоро перебиваетъ меня и ставитъ уже прямо вопросъ: «а какъ я?»—Мнѣ она нравилась; мнѣ оставалось теперь лишь произнести громко слово... Но я, передернувъ возжами, хватилъ заснувшую лошадь кнутомъ, и мы молча понеслись къ морю. Романъ кончился, не начавшись. Все это произошло неожиданно, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго рѣшенія, непонятно для меня самого. Впослѣдствіи не разъ я пытался выяснитъ себѣ причину своего поведенія—и всегда затруднялся. Тутъ перепуталось вмѣстѣ и то, что на бракъ я смотрѣлъ серьезно, и то, что Аню считалъ женой товарища, и то, что я совсѣмъ былъ непривыченъ изяснять свои чувства. Словомъ, романъ не состоялся и объ немъ больше не было и не будетъ рѣчи. Въ татерсалѣ хозяинъ согласился и на рысака, общаясь его подковать. Подходила Пасха, на ней мы хотѣли рысака пробовать. Алѣша не торопилъ насъ. Я закончилъ въ субботу на шестой недѣлѣ всѣ экзамены и мнѣ велѣно было явиться послѣ Пасхи, чтобъ дать пробный урокъ, а тогда выдадутъ и свидѣтельство на учителя, было сказано. Наступаетъ страшная недѣля. Весна манитъ въ поля, на просторъ. Алѣша прислалъ письмо, гдѣ категорически заявилъ, что 25-го марта онъ сдѣлаетъ попытку выскочить, во что бы то ни стало. Просилъ быть съ лошадью. О всѣхъ нашихъ пробахъ онъ, ко-

нечно, зналъ, зналъ и про рысака. Что его намъ дадутъ, мы не сомнѣвались, поэтому отвѣтили, что лошадь будетъ и что ему дадутъ знать, когда она подѣдетъ, а именно, пройдетъ дама въ заброшенномъ саду и махнетъ платкомъ. Затѣмъ, такъ какъ выскочить можно и чрезъ дворъ казачьихъ казармъ, то Дробязгинъ ¹⁾ возьметъ извозчика и будетъ ждать на другой улицѣ, а у казармъ жановъ, значить, рысакъ остановится. Сообщили Алѣшѣ адреса квартиръ. Словомъ, всѣ мелочи разработали отлично и только насчетъ рысака никому не пришло въ голову сходить, узнать, дадутъ ли его. Французъ былъ такъ любезенъ, такъ разсыпался передъ Аней, что сомнѣваться въ его словахъ трудно было, и никто не усумнился.

Подходить вечеръ 24-го марта. Я жилъ не далеко отъ татерсали, но на всякій случай, чтобъ не случилось неожиданнаго обыска и ареста, ушелъ къ одному поднадзорному ночевать. У него было безопаснѣй. Онъ занимался химіей и всё остальное критиковалъ. Критиковалъ онъ и всякія освобожденія. Узнавъ о нашемъ, не разъ подтрунивалъ. Я пересталъ и говорить, отмалчивался, когда онъ спрашивалъ, въ какомъ положеніи дѣло. Поэтому и теперь, придя ночевать, я ничего ему не сказалъ: еще начнетъ отговаривать, смѣяться, разстроить, а тутъ нужно полное спокойствіе. Самъ онъ какъ-то ничего не замѣтилъ, а послѣ сердился, что ему не сказали. А между тѣмъ, казалось, легко могъ бы догадаться: утромъ 25-го марта я у него переодѣлся во все чистое бѣлье, на случай провала; вообще одѣлся по праздничному, точно къ обѣднѣ, и отправился на квартиру, гдѣ собрались всѣ участники. Тутъ повторили роли, условились насчетъ времени еще разъ и часовъ въ 10-ть съ небольшимъ я двинулся въ татерсаль и прямо на конюшню. Прошу конюховъ заложить мнѣ рысака; тѣ переминаются, переглядываются... Рысакъ дурно подковали, нога опухла, будутъ перековывать! какъ-то неуверенно заговорилъ одинъ. Показалось подозрительнымъ. Иду къ хозяину. Онъ повторяетъ то же самое, обѣщаетъ приготовить къ Пасхѣ и предлагаетъ взять другую. Я съ неохотой соглашаюсь. Смотрю, выводятъ большую рыжую, лохматую (съ длиннымъ волосомъ) водовозку англійской породы... Куда же она годится?! съ укоромъ вопросительно обращаюсь къ французу и кучерамъ... Да вамъ лучшей нельзя и отпускать! слышу тихое, но ясное, про-себя кучеровъ... Прошлый разъ вы испортили мнѣ лошадь! добавляетъ громко хозяинъ. Дѣйствительно, заходя на конюшню, я замѣтилъ, что лошадь, на которой мы катались, стояла особо на толстомъ словъ конскаго навоза. Признакъ отека ногъ. Ее, вѣрно, хорошо не выводили и поставили на мѣсто. Что тутъ дѣлать?! Отложить до Пасхи! но Алѣша ждетъ сегодня. Предупредить невозможно, знаками не скажешь; можетъ не такъ понять и можетъ выско-

¹⁾ Повѣшенъ въ Одессѣ вмѣстѣ съ Малинкой и Майданскимъ 7 декабря 1879 года.

чить, а лошади и неokaжется. Э, была не была! лучше водозка, чѣмъ ничего! Лошадь по виду, все-таки, сильная. Закладывайте! говорю. 25-го марта Благовѣщеніе. Люди въ церковь ушли. Проулокъ, гдѣ жандармскія казармы, и безъ того малолюдный, теперь былъ совершенно пустъ; одинъ лишь часовой у воротъ казармъ нарушалъ эту мертвенность. Становлюсь у открытыхъ воротъ обознаго двора. Прошла дама, сдѣлала Алѣшѣ знакъ, что лошадь ждетъ. Я насторожился, приготовился. Проходитъ минута, другая... четверть... Нѣтъ Алѣши! Мнѣ кажется, что я стою давно-давно, что прошли не минуты, а часы. Лошадь, пригрѣтая солнцемъ и довольная покоемъ, не то дремлетъ, не то думу какую думаетъ. Пытаюсь опредѣлить свои чувствованія и ничего не нахожу кромѣ скуки ожиданія. Вдругъ свади раздается отчаянный крикъ. Костюринъ воспользовался тѣмъ, что калитка была отворена, а часовой разговаривалъ съ женщиной какой-то. Костюринъ гулялъ по двору, вдоль дома и, увидѣвъ, что калитка полуотворена, выскочилъ. Оглядываюсь. Алѣша съ развѣвающимся пальто на одномъ плечѣ летитъ во всю ко мнѣ, за нимъ жанъ, какъ-то широко-широко разставляя ноги. Шинель, ясно, мѣшаетъ ему, и онъ отсталъ. Но тутъ неожиданно мертвая улица вдругъ ожила: крикъ жана точно воскресилъ мертвецовъ. Люди появились и свади, и спереди, кончилась обѣдня и шли по домамъ чрезъ каменоломню на слободку.

Одинъ бросился наперерѣзъ Алѣшѣ. Тотъ уже садится, слышитъ, тянугъ пальто; онъ крѣпко прижимаетъ его одной рукой къ краю кобриолета, другой хватается за возжу. Лошадь, малость вздремнувшая, видя передъ собой людей, не сразу двинулась. Алѣша, возбужденный бѣгомъ, въ нетерпѣніи хватается за возжи, но не за обѣ, а за одну. Лошадь дѣлаетъ поворотъ налѣво и упирается почти въ стѣну. Я набрасываюсь на Алѣшу, отнимаю возжу, направляю по улицѣ, и лошадь, напуганная всѣми передергиваніями, собираетъ всѣ силы, вытягивается и бросается съ неуправляемой силой впередъ. Публика пугается, разступается; мой длинный бѣлый хлыстъ-кнутъ держитъ и дальше ее на разстояніи. Парень, схватившійся за пальто, вмѣстѣ съ пальто очутился на землѣ: онъ таки вырвалъ его. Мы понеслись. Передаю Алѣшѣ кистень, указываю на приготовленное пальто, фуражку и самъ весь отдаюсь мысли, куда же направить бѣгъ. Переулокъ промелькнулъ моментально. Выѣхали на Портофранкскую улицу. Она огибааетъ городъ и отъ нея начинаются улицы его. Прямо противъ насъ идетъ одна такая большая, а лѣвѣй два узкихъ переулка. Направляю въ первый узкій переулокъ. Тамъ квартира дамы, дававшей знаки Алѣшѣ. Стоило, не возбудивъ вниманія, вскочить въ переулокъ и всему дѣлу конецъ.

О погонѣ со стороны жановъ не могло быть и рѣчи: прошли минуты. Сначала все шло хорошо: большую часть Портофранкской, а она довольно широка, уже проѣхали; но вотъ въ улличкахъ при началѣ появился, остановился одинъ, другой и весь переулокъ

заполнился любопытными. Посмотрѣлъ въ начало другого переулка — тамъ тоже. Поворачиваю, держу на средину улицы Портофранкской, гдѣ только и была хорошо укатанная дорога, прочія части улицы представляли засохшія глубокія колеи бывшей грязи. Всякъ искалъ тогда сухого мѣста и всю улицу надрѣзали глубокими бороздами. Когда мы повернули, пришлось ѣхать напрямикъ, не разбирая мѣста. Вдругъ—трахъ! и колеса подозрительно задребезжали. Сломалось! но что? Задерживаю лошадь, пускаю шагомъ, колеса вращаются. Ура! Ыдемъ быстрѣй и скоро въѣзжаемъ на укатанную дорогу. Припустили. Новая зацѣпка! Навстрѣчу идетъ обозъ съ военными вещами: красный флачекъ на первомъ возу и сбоку у возовъ солдаты съ пашкой на-голо. Пропустятъ или задержатъ? является вопросъ. Подъѣзжаемъ; намъ навстрѣчу выбѣгаетъ возчикъ и перетягиваетъ кнутомъ. Солдатъ первой подводы поблѣднѣлъ, подтянулся, выпрямился, но дорогу не загородилъ и мы поѣхали вдоль обоза. Онъ насъ еще спрятали и отъ любопытныхъ. Явилась передышка. Осматриваюсь и только теперь понимаю, почему на насъ обратили и обращаютъ вниманіе. Алеша машетъ бѣлымъ кистенемъ, а кистень-то въ крови весь. На бѣломъ же красное ясно выступаетъ, но ему, смотрящему впередъ, этого не видно. Когда у него вырвали пальто, то съ нимъ сорвали и часть кожи. Этого онъ не замѣтилъ, а кровь лилась и испачкала кистень. Кистень спрятали, руку платкомъ обернули. Вообще, благодаря обозу, привели себя въ порядокъ. Скоро снова начиналась улица въ городъ. За угломъ стоялъ городовой; что творится на Портофранкской, не видѣлъ онъ и пропустилъ насъ. Одинъ кварталъ, другой—не видно погони; на третьемъ оглядываюсь и вижу, какъ проворонившій насъ городовой пустился бѣжать въ нашу сторону. Мы поворачиваемъ направо и направляемся къ базару. Тутъ весь конецъ улицы, прилегающій къ базару, запруженъ воловьими вовами. Дороги нѣтъ. По тротуару ¹⁾ собираюсь ѣхать дальше, но, какъ только сталъ близиться къ вовамъ, они, быстро раздвигаясь, образовали проходъ, дорогу, замыкаясь за нами сей же часъ. Вотъ и базаръ. Онъ расположенъ вокругъ церкви. Дорога идетъ кругомъ. Это окончательно загораживаетъ насъ отъ погони. Мы дѣлаемъ дугу, выѣздъ и здѣсь запруженъ, но панель невысока. Мы черезъ нее. Тутъ Алеша встаетъ и уходитъ пѣшкомъ. Въ ближайшей улицѣ попадается ему одно-конная каретка и онъ ѣдетъ на квартиру Ани. Я же отправляюсь въ татарсаль сдавать лошадь; ѣду трускомъ, чтобъ лошадь остыла. Принимать вышелъ самъ хозяинъ. Расплачиваюсь. Иду къ сидѣнью взять вещи. Для Алеши мы купили шинель докторскую и фуражку. Рядиться онъ не захотѣлъ, и все это оставилъ на сидѣнью. Подхожу, поднимаю свертокъ и, о ужасъ!

¹⁾ Въ Одессѣ мѣстами очень широкій тротуаръ. При чемъ узкая часть его выложена гладкимъ, широкимъ камнемъ, а широкая крѣпкимъ раковиннымъ известнякомъ—довольно неровнымъ. М. Ф.

подъ сверткомъ лежитъ окровавленный кистень. Французъ увидалъ, подошелъ, быстро взялъ кистень и съ словами: а это что?! обращается ко мнѣ. Что ему отвѣтить?! Неожиданность на мигъ огорошила меня, но тутъ самъ французъ и помогъ: онъ замахнулся, поднялъ кверху.—Гимнастика! шары для гимнастики! выпаливаю спѣша.—А, гимнастика, понимаю, понимаю—обрадовался мой французъ и продѣлалъ нѣсколько круговъ. Нашъ кистень состоялъ изъ двухъ большихъ карточъ, соединенныхъ толстой бичевой; все это было обшито въ бѣлую замшу и походило на гимнастическую гирю. Еще сейчасъ я хорошо не помню, былъ ли и револьверъ съ нами, — кажись, да; тогда и онъ на сидѣннѣ долженъ былъ лежать. Къ этому, брали лошадь для дамы, а на сидѣннѣ мужское пальто, кистень въ крови, револьверъ. Странно! Но мой французъ, увлекшись гимнастикой, на остальное мало обратилъ вниманія. Я забралъ все, взялъ у него кистень и скорѣй домой. Мы условились собраться на квартирѣ Ани только черезъ часъ послѣ событія. Времени оставалось довольно. Дай-ка лягу и сосну! такъ ждять скучно, рѣшаю я и ложусь. Легъ, закрываю глаза. До сихъ поръ нервы молчали; никакого особеннаго волненія въ себѣ я не замѣчалъ; голова, воля работали безъ всякой излишней торопливости, но тутъ, точно прорвалась плотина. Мысли, случайности, люди, возы, — все только что пережитое цѣлой волной нахлынуло, охватило, привело въ такое состояніе, что я скорѣй пальто на плечи и бѣжать на улицу. Въ комнатѣ стало душно, нехватало воздуха. Вышелъ, выбралъ самый отдаленный путь, зашелъ въ концѣ въ трактиръ и только тутъ, вспотѣвъ отъ чая, пришелъ въ себя, совершенно опять успокоился. Отправляюсь на квартиру Ани, по дорогѣ захожу въ винную лавку, требую хорошаго хереса; о немъ я имѣлъ понятіе лишь по названію. Вкуса не зналъ. Мнѣ подають и говорятъ, что цѣна ему 1 р. Малая цѣна смущаетъ меня. А нѣтъ ли лучше?! спрашиваю. Торговецъ молча беретъ съ другой полки другую бутылку, подаетъ мнѣ и требуетъ 1 р. 25.; лучше нѣтъ, заявляя. Беру, приношу на квартиру. Тамъ всѣ въ сборѣ и сначала, конечно, началось цѣлованье, потомъ предлагаю распить мою бутылку. Откупориваемъ, наливаемъ, пробуемъ и съ проклятьемъ всѣ выплевываемъ: дрянъ ужасная. Разговоръ не вяжется. На всѣхъ сказывается утомленіе отъ пережитаго. Изъ квартиры въ проулкѣ, куда мы направились вначалѣ, видна была вся наша скачка на Портофранкской и тамъ смотрѣли ее. Всѣмъ захотѣлось отдохнуть и мы разошлись. Я возвратился домой, легъ и сей же часъ уснулъ, какъ убитый. Проснулся вечеромъ, но мнѣ кажется утро, бывшее забылось; начинаю соображать, что сегодня придется дѣлать для освобожденія. Глаза останавливаются на докторскомъ пальто. Проходить маментъ, и память, проснувшись, вдругъ вернула, напомнила, что дѣло уже сдѣлано, что больше нечего загадывать. Меня охватываетъ тоска, жалость отъ какой-то утраты, пустоты жизни. Было дѣло, была задача и разомъ ничего.

Все вновь надо начинать, опять новую задачу искать. Найдешь и снова заживешь. Только тогда и живетъ человекъ, только тогда и счастливъ, пока есть у него цѣль, пока стремится онъ осуществить какую нибудь задачу....

Слухи и случай небольшой:

По Одессѣ очень скоро разошлась молва объ увозѣ. Но передавали, что подѣхала тройка и на ней-то и укатили.

На Пасху захожу я какъ-то въ трактиръ чаю напитокъ. Пью. Недалеко отъ меня одинъ изъ пьющихъ тоже чай—нѣтъ, нѣтъ да и посмотреть на меня, потомъ съ половыми заговорилъ и опять на меня. Мнѣ подозрительнымъ показалось; подзываю полового, начинаю расчитываться... Здравствуйте; что же это вы не приходите за лошадьми кататься? раздается около меня голосъ одного изъ кучеровъ татарсала. Я его не узналъ, а онъ-то меня сразу призналъ. Это онъ-то и посматривалъ на меня. Барыня до гостямъ занята! отвѣчаю, спѣшу расплатиться и скорѣй наутекъ. Осталось неизвѣстнымъ, знали ли кучера, что на ихъ лошади былъ увезенъ Алеша, или нѣтъ. Мнѣ передавали, что на нашу водовозку, когда ее проваживали, наскочила погоня. Взяли ее, стали показывать очевидцамъ, но тѣ, будто, не признали, а тутъ пошли толки о тройкѣ и т. д. Что тутъ правда, что выдумка—трудно разобрать, да мы и не добивались знать. Черезъ двѣ-три недѣли мы съ Алешей, взявъ перекладныхъ, двинули въ Херсонъ. Тамъ недалеко было имѣнье, въ которомъ онъ и остался на время.

М. Фроленко.

20 декабря 1905 года.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго

(по неизданнымъ источникамъ)

(окончаніе).

III.

Сенатъ еще прежде полученія подробнаго показанія Чернышевскаго призналъ необходимымъ прежде всего сличить почеркъ карандашной записки съ почеркомъ Н. Г. 19 іюня были призваны секретари сената, которые, разумѣется, совѣмъ не должны были обладать какими бы то ни было специальными знаніями. Двое изъ нихъ категорически высказались, что записку писалъ Чернышевскій, измѣняя при этомъ почеркъ, остальные шестеро признали несходство почерковъ въ общемъ характерѣ, но сходство въ 12-ти буквахъ изъ 25. Сенатъ, въ свою очередь, опредѣлилъ, что «и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка есть совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки, съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1 іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ».

Врядъ ли можно было сдѣлать такое нелѣпое опредѣленіе, потому что почеркъ Чернышевскаго, всетаки, всегда былъ и остался одинъ и тотъ же. Но, такъ или иначе, а указаніе на подлинность записки было теперь уже окончательно. Остававшаяся раньше надежда, что, можетъ быть, хоть сенатъ дастъ себѣ трудъ смѣло выговорить правду, пала...

Разумѣется, въ виду этого сенатъ не призналъ возможнымъ освободить Чернышевскаго на поруки... Къстати скажу, что въ серединѣ іюня ему были высочайше разрѣшены свиданія съ А. Н. Пыпинымъ и Е. Н. Пыпиною.

Прошла недѣля, и вдругъ 2 іюля Замятнинъ присылаетъ оберъ-прокурору очень пространную «Записку о литературной дѣятельности Чернышевскаго». Мало того, министръ юстиціи, человѣкъ, которому должно бы подавать примѣръ безусловной законностью своихъ дѣйствій, рѣшается прибавить при этомъ,

что посылаетъ записку «къ совокупному разсмотрѣнію съ дѣломъ»...

Замятину прислалъ ее предсѣдатель слѣдственной комиссіи—кн. Голицынъ. А отъ кого получилъ ее онъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только догадываться объ авторѣ. По однимъ рассказамъ, это пресловутый Илья Арсеньевъ, литераторъ, бывшій на гастроляхъ въ III Отдѣленіи и потому прозванный «Искрой»—Арсеньевымъ III-мъ. По другимъ—это самъ Всеволодъ Костомаровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ г. Рейнгардту служившій въ III Отдѣленіи подполковникъ З. Но принимая во вниманіе весь тотъ вздоръ, который рассказывалъ этотъ подполковникъ и который изложенъ на стр. 463—464 въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за 1905 годъ¹⁾, врядъ ли можно повѣрить и тому, что авторъ Костомаровъ. Правда, мы уже читали въ его письмѣ къ Соколову объщаніе познакомить его съ литературною дѣятельностью Чернышевскаго, читали объ этомъ и въ допросѣ, но, насколько мнѣ знакомъ стиль и способъ изложенія костомаровскихъ статей и арсеньевскихъ, я склоненъ приписывать «Записку» Арсеньеву.

Она настолько любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, что, разу-мѣется, должна быть приведена полностью.

«Двѣ теоріи, заключающія въ себѣ разрушительные элементы разложенія, угрожаютъ опасности нашей общественной жизни при самомъ началѣ ея благотворнаго развитія. Первая теорія—матеріальный фатализмъ, отрицающій индивидуальную нравственную свободу человѣка, есть извращенное ученіе нравственной философіи; другая—соціализмъ, неисходно переходящій въ коммунизмъ, ставитъ себя въ основаніе новой политико-общественной экономіи.

«По ученію первой теоріи, человѣческія дѣянія совершаются не отъ свободной рѣшимости разумнаго человѣка, не вслѣдствіе выбора его совѣсти между добромъ и зломъ, а опредѣляются и творятся *исключительно* неодолимою силою среды, въ коей живетъ человѣкъ, неотклонимымъ могуществомъ природы, географической организаціи человѣка и происходящихъ оттуда обычаевъ и учрежденій. Такимъ ученіемъ уничтожается нравственная *вмѣляемость* человѣческихъ дѣяній. Если нѣтъ въ человѣкѣ свободной нравственной воли и дѣятельности, тогда нѣтъ грѣха, нѣтъ преступленія, нѣтъ стыда, всѣ дѣянія безразличны, тогда не за что человѣка хвалить и хулить, награждать и наказывать. Награжденный для этого класса людей—смѣшонъ; пре-

¹⁾ Совершенно непонятно, какъ это г. Рейнгардтъ рѣшается утверждать, что самъ Николай Гавриловичъ вполнѣ подтвердилъ рассказъ подполковника. Я категорически утверждаю, что этого не могло быть. Г. Рейнгардтъ, вѣроятно, забылъ, о чемъ онъ говорилъ съ Чернышевскимъ. Нельзя было подтвердить такую ужасную околесицу.

ступникъ есть только *жертва общества*, а законное преслѣдованіе злодѣя есть только бѣда.

«Этотъ матеріалистическій фатализмъ есть результатъ того ученія, которое отрицаетъ духовную природу въ человѣкѣ и отвергаетъ бытіе Божіе. Оно исходитъ изъ тѣхъ основныхъ мыслей, что какъ *животныя*, такъ и *растенія наравнѣ*, т. е. не различаясь между собой, *тождественны* по природѣ и *единны* по составу своему и жизни, суть скопленіе разнородныхъ ячеекъ; что вообще *жизнь* есть не что иное, какъ химическій процессъ ячеекъ, разнообразно разлагающихся и слагающихся между собою и окружающею ихъ средою; что такой процессъ и актъ размноженія и есть единственное допускаемое разумомъ *бессмертіе вещества*; что высшій организмъ въ природѣ, съ такимъ же процессомъ химическимъ, но искусно снабженный раздѣльными органами для cadaго отправленія, есть *человѣкъ*—произведеніе веществъ природныхъ, въ коемъ инстинктъ называется *разумомъ*.

«Изложенная теорія, распространившись отдѣльно, безъ связи со второю, была бы способна произвести въ государствѣ увеличеніе числа преступленій; но это ученіе въ своемъ примѣненіи введено въ другую теорію, которая направлена *прямо* противъ всего благоустроеннаго общества,—на его силы, труды, богатство и учрежденія, короче сказать—введено въ социализмъ и коммунизмъ. Социализмъ, переходящій въ коммунизмъ, есть ученіе о необходимости распредѣленія матеріальнаго богатства, т. е. раздѣленіе его между всѣми лицами народонаселенія не на юридическихъ основаніяхъ, отсталыхъ, какъ говоритъ эта школа, общественныхъ учреждений, а на прогрессивныхъ *соображеніяхъ* новыхъ экономистовъ, *съ созданіемъ другихъ* (коммунистическихъ) *формъ правленія*. Эти двѣ теоріи составляютъ въ наше время зерно будущихъ общественно-правительственныхъ переворотовъ въ Европѣ. Сторонники ихъ не заговорщики, а проповѣдники революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ *совершаются* революціи, говорятъ они, не стоитъ заниматься заговорами. Эти слова характеристичны. Стоитъ ли прибѣгать къ такому опасному средству, когда есть возможность, отвергая, по теоріи нигилизма, стыдъ, преступленіе, грѣхъ и указывая, по теоріи коммунизма, на готовые чужіе капиталы и цѣнности, спокойно, сидя за письменнымъ столомъ, проповѣдовать массѣ народа: богатства распредѣлены не такъ! они распредѣлены вредно для общества! кто живетъ на проценты, прибыль, ренту, тотъ *похищаетъ достояніе общества*; надобно сообщая раздѣлить цѣнности арифметически, такъ, чтобы *изъ дѣлителя* былъ *цифра населенія*, *дѣлительное—цифра цѣнностей*, а выйдетъ *частное*—это частное есть *количество цѣнностей*, *принадлежащихъ каждому лицу*.

«Изъ нашихъ періодическихъ изданій «Современникъ» въ послѣдніе годы явился проводникомъ обѣихъ указанныхъ теорій

въ статьяхъ Чернышевскаго, обзоръ которыхъ составляетъ предметъ настоящей записки.

А. Матеріальный фатализмъ.

«Для социалистовъ и коммунистовъ воля человѣческая разумно-свободная, опирающаяся въ выборѣ дѣяній на совѣсти, или сознаніи добра и зла, дѣлала всегда, какъ само собою разумѣется, много хлопотъ. Съ одной стороны, вводимая ими совершенная зависимость отъ общества по имѣнію и управленію, необходимая руководителю природы требуетъ, конечно, сильной дозы самоотверженія, нигилизма. Тутъ для привлеченія себѣ адептовъ пропагандисты коммунизма прибѣгаютъ въ теоріи матеріальнаго фатализма, животнаго инстинкта, несправедливо называемаго разумомъ, къ отверженію духовности и матеріализму. Но, съ другой стороны, всетаки, возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же будущій коммунистъ безъ свободной воли уживается въ утопической коммунѣ? Чѣмъ будетъ онъ руководствоваться, чтобъ безобидно поставить себя относительно своихъ, собратьевъ? Тутъ даютъ ему иные нѣкоторую волю, на примѣръ, на выборъ труда, на разумное соревнованіе, на общее содѣйствіе. Доза этой свободы такъ мала, что Бокль, всетаки, прямо отвергаетъ свободную волю, но Чернышевскій, желая обольстить *индивидуальною самостоятельностью въ коммунизмъ*, высказалъ мысль, что *люди существенно всѣ одинаковы!* («Атеней» 1858 г., май и іюнь). Коммунисты приобрѣли себѣ драгоценную находку въ томъ положеніи, что *каждый человекъ — какъ всѣ люди, что въ каждомъ точно то же, что въ другомъ*. Это положеніе позволяетъ вывести изъ него тѣ же слѣдствія, какъ изъ матеріалистическаго фатализма. Такъ, изъ развитія означенной мысли оказывается: 1) что этотъ фатализмъ тождественности есть *матеріальный*, естественный (тамъ же, стр. 76), 2) что человекъ, лишенный свободы нравственной, лишается и вмѣненія (стр. 78) и 3) что вины въ человекѣ нѣтъ, а есть бѣда (стр. 79).

«Стѣсненіе индивидуальной свободы въ коммунизмѣ сознають всѣ наблюдатели коммунистическихъ тенденцій.

«Чернышевскій въ одномъ мѣстѣ самъ напоминаетъ объ этомъ («Совр.» 1860 г. № 1, Современное обозр., стр. 60), но опроверженія на это замѣчаніе не изустилъ нигдѣ, а только рассказалъ далѣе, какимъ путемъ въ помѣстныхъ спорахъ онъ съ торжествомъ опровергалъ своихъ противниковъ.

«Замѣчательна еще одна сторона въ ученіи Чернышевскаго. Онъ иногда проповѣдуетъ высокія истины, на примѣръ, *человекъ обязанъ искать истины, поступать честно*, общество обязано стремиться къ водворенію *справедливости, правды, законности*. Но такіе принципы, *предписывающіе что нибудь дѣлать*, имѣють у Чернышевскаго два значенія: одно значеніе ихъ только *общее*, теоретическое, *неопредѣленное*: истины ихъ, взятыя *въ частно-*

сти, могутъ терять свой всеобщій характеръ, свой неизмѣнный типъ; другое значеніе ихъ *частное*, въ сферѣ практической, а не въ теоріи, въ сферѣ дѣйствія, а не мысли; тутъ коль скоро общая мысль переходитъ въ примѣненіи своемъ въ практику, и уже указанъ способъ ея исполненія, она можетъ измѣнить первообразному своему характеру всеобщности, потерять свою безисключительную примѣняемость. Такъ, самое общее положеніе— *поступай честно* при опредѣленіи способа промѣненія, можетъ допускать *нѣкоторыя* исключенія. А всякое другое правило допускаетъ еще *больше исключеній*. Неопредѣленность общихъ принциповъ даже такова, что они дозволяютъ (подъ перомъ Чернышевскаго) различныя для себя выраженія; такъ: *поступай честно* (по его мнѣнію) равносильно принципу: *поступай согласно съ природой*, или: обязанность поступать честно, по природѣ, неразлучна съ организмомъ человѣка.

Итакъ, въ частности въ приложеніи къ практикѣ общіе принципы подвержены измѣненію; напр., *честность вообще* требуетъ истины, но *въ частности честность почти всегда* (не абсолютно, а только *почти* всегда) требуетъ соблюденія истины; *иногда она требуетъ нарушенія истины*. Случай, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ, они относятся къ жизни дѣйствія.

В. Соціализмъ и коммунизмъ.

Ученіе о матеріальномъ фатализмѣ, не составлявшее главной стороны тенденцій Чернышевскаго, далеко не полно развито въ его сочиненіяхъ; напротивъ, теоріи социализма и коммунизма изложены весьма подробно: имъ съ скрытными ихъ слѣдствіями, въ 1860 г., Чернышевскій посвящалъ все свое время.

Главнымъ источникомъ для уразумѣнія автора служатъ три его произведенія, помѣщенные въ «Современникѣ»; изъ нихъ два содержатъ теоретическую сторону ученія, третье— сторону историческую или примѣнительную.

1. «*Капиталъ и трудъ*»—большая статья («Совр.» 1860. Янв.), написанная по поводу сочиненія профессора Горлова («Начала политической экономіи»), содержитъ почти цѣлую теорію социализма и коммунизма въ сокращеніи.

2. Переводъ политической экономіи англійскаго ученаго Милля, весьма приближающагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ Прудону, сдѣланный Чернышевскимъ и снабженный его примѣчаніями,—является почти во всѣхъ книжкахъ «Современника» 1860 года и переходитъ въ 1861 годъ. Переводчикъ своими примѣчаніями и толкованіями, присоединенными къ переводу, стремится Милля передѣлать въ Прудона. Этого перевода и объясненія содержатъ цѣлую систему ученія, проповѣдуемаго Чернышевскимъ.

3. Для распространенія этого ученія въ томъ же 1860 г. написана весьма рѣзкая для правительства и достаточныхъ клас-

совъ статья подъ заглавіемъ *Іюльская монархія*, въ которой выставлены тенденціи какъ французскихъ, такъ и всякихъ либераловъ, демократовъ, возникновеніе социализма и бунты работниковъ, правительство Луи-Филиппа, пренебрегавшее низшими классами, выставлено въ самомъ черномъ свѣтѣ и на этомъ основаніи выведена несостоятельность династіи іюльской. Статья написана вслѣдствіе выхода мемуаровъ Гизо, но авторъ самъ говоритъ, что онъ не держался этой книги, изданіе которой служило для него только предлогомъ для изложенія фактовъ съ точки зрѣнія діаметрально противоположной Гизо, и по другимъ источникамъ (Луи-Бланъ).

«Основаніе всей теоріи коммунизма состоитъ въ томъ, что *трудъ есть единственный производитель цѣнностей*. Давать участіе въ производствѣ *капиталу*—однѣ фразы («Трудъ и капиталъ», «Совр.» 1860 г. январь, стр. 38).

«Отсюда слѣдуетъ:

1. Что потребленіе произведенныхъ цѣнностей по праву не принадлежитъ никому другому, какъ *работнику*, такъ какъ *капиталисты* не трудятся.

2. Судя по теперешнему положенію вещей, нужно другое распределеніе богатства. Да и вообще всякое потребленіе имѣетъ основою *распределеніе* (стр. 19 той же статьи).

3. Поэтому богатство—излишекъ цѣнностей—непроизводительно, вредно: оно произошло въ обиду работнику. «Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 рубля, отнимаетъ у общества пудъ говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 руб. серебромъ, отнимаетъ у кого нибудь теплую шубу» (стр. 43 и 44).

4. Богатые составляютъ *лигу*. Рабочій классъ еще не понимаетъ этого. «Среднее сословіе уже дѣйствуетъ на исторической сценѣ, а главная масса еще не принималась *за дѣло*: ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности» («Совр.» 1861 г. май, стр. 115). Масса убѣждена, что роскошь и воровство одинаково непроизводительны, вредны; роскошь ихъ обкрадываетъ, убавляетъ отъ ихъ заработковъ.

5. Распределеніе путемъ *переворотовъ* должно совершиться въ томъ смыслѣ, что часть каждаго члена общества по возможности будетъ близка къ средней цифрѣ, полученной изъ отношенія массы цѣнностей къ числу народонаселенія (стр. 18 и 50).

6. Осуществленію этого идеала мѣшаетъ *лига*: она вся основана на существованіи *факта* (не закона) *собственности и обычая наследства* (стр. 36).

7. Должны быть даны новыя учрежденія, имѣющія цѣлью перевести цѣнности только въ руки лицъ, вносящихъ въ общество *трудъ*, *лишивъ* цѣнностей лицъ, которымъ принадлежатъ капиталы, потому что а) капиталисты располагаютъ только силами другихъ лицъ, которымъ поэтому принадлежатъ цѣнности однимъ по праву, б) трудящійся не долженъ имѣть болѣе того,

что самъ произвелъ, а капиталисты захватываютъ цѣнности произведенныя другими (воровство) (стр. 51).

8. Средства, представляемые теоріею для осуществленія этого состоянія, вѣскольکو походи на предпріятіе изъ среды общества такихъ подвиговъ, какіе совершилъ американецъ Вокеръ, или какіе совершало парижское общество *des amis du peuple*, которое располагало такимъ могуществомъ, что вооружало батальонъ и отправляло на помощь Бельгіи противъ Голландіи.

9. При настоящемъ положеніи общества въ Европѣ, эта теорія лежитъ въ основаніи дѣятельности — въ *Англии*: у работниковъ, это видно изъ союзовъ ихъ или стачекъ, обнаруживающихся въ колоссальныхъ отказахъ отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы, въ *Франціи* у учениковъ Прудона и Сень-Симона; въ *Россіи* у раскольниковъ и отчасти въ общинномъ землевладѣніи.

«Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ одной изъ статей Чернышевскаго («Капиталъ и трудъ») начертанъ подробный планъ коммунистическаго устройства общества, основаннаго какъ бы для образца. Этотъ планъ въ своемъ изложеніи обставленъ, естественно, весьма благовидно и благонамѣренно, скрываясь подъ формою обыкновеннаго товарищества для совокупной четырьмя или пятьюстами семействъ эксплуатаціи земледѣльческихъ продуктовъ съ устройствомъ мастерскихъ общихъ и для другихъ производствъ, съ согласія правительства; даже при его пособіи. Планъ назначенъ для государства которое хотя не поименовано, но которое очень нетрудно угадать по приведеннымъ тутъ же признакамъ: 1) оно даетъ десятками милліоновъ займы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, 2) тратитъ десятки милліоновъ на разныя великолѣпныя постройки, 3) богато полями и другими угодіями, 4) признакъ, что въ немъ для помѣщенія товарищества трудящихся находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ, конечно, не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ теперь государствъ, но совершенно подходитъ къ Франціи 1793—1799 годовъ. Припомнивъ утопію въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» о распространеніи подобныхъ коммунъ, принявъ въ соображеніе первые три признака, подходящіе теперь къ Россіи, четвертый вѣроятно (въ мысли автора) *имѣющій подходить*, нельзя не убѣдиться, что планъ имѣетъ въ виду дать новый видъ нашему отечеству.

«Распространители идей коммунизма выказали огромные таланты, когда они не только развили ученіе, но и дали приемы уничтожать все существующее, все устроенное на религіи, нравственности, законахъ, обычаяхъ. Методы эти могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: а) или для обойденія цензурнаго устава или б) для наведенія мыслей юныхъ адептовъ коммунизма

*

на новыя коммунистическія начала, для сообщенія имъ опредѣленныхъ формъ и приемовъ въ борьбѣ при столкновеніи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Тутъ придуманы два метода: одинъ *отрицательный*, уничтожительный, разрушительный, а другой *гипотетическій* или способъ сужденія *по предположенію*.

«Что касается методы для обойденія цензуры, которая, впрочемъ, въ 1860 году была очень слаба, то приемы были отчасти общіе: ослабленіе мысли, смягченіе, ограниченіе чрезъ прибавленіе словъ: *иногда, нѣкоторый, иной*; сваливанье всего дѣла на западныхъ народовъ, это все дѣлалось и трактовалось такъ, что ясно было, что идетъ дѣло о принципахъ и истинахъ всеобщихъ.

«Спеціальныя приемы Чернышевскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ главную цѣль сужденій и умоваключеній онъ вставляетъ обыкновенно слова и фразы изъ обыденной жизни, изъ свѣдѣній пошлыхъ, впрочемъ, нѣсколько идущихъ къ дѣлу, и въ слѣдъ затѣмъ опять продолжаетъ главную свою мысль и опять прерываетъ подобною болтовнею и пошлыми рѣчами. О Чернышевскомъ нельзя сказать того, что обыкновенно говорится о газетахъ: читать надъ строками. У него должно читать буквально между строками, отдѣленными одна отъ другой пустою болтовней. Это его главный преобладающій тонъ. Колоритъ рѣзкій стертъ съ мысли перерывами, очевидно, нелѣпыми, но онъ стертъ, какъ сказано, грубо, и послушная фаланга читателей поневолѣ вчитывается, размышляетъ, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль. Надобно полагать, что ключъ къ этому секрету открывался иногда словесно, иногда самъ авторъ въ важныхъ мѣстахъ совѣтовалъ вникнуть въ дѣло, которое, впрочемъ, само за себя говорило. б) Другой приемъ, свойственный Чернышевскому, есть буффонство и глумленіе. Вездѣ, гдѣ онъ начинаетъ буффонить, за этимъ глумленіемъ непосредственно слѣдуетъ самое рѣзкое мѣсто. в) Иногда онъ торжественно заявляетъ, что о томъ-то и о томъ-то онъ говорить не будетъ и не дорожить этимъ: въ одномъ мѣстѣ онъ плюетъ на коммунизмъ, но читайте дальше, дальше онъ говорить! Подъ конецъ коммунизмъ оживленный является необходимымъ исходомъ для настоящаго порядка! г) Иногда мысль выставляется у него въ свѣтѣ весьма неблагоприятномъ, но за то сряду жестоко опровергаются ея противники. д) Наконецъ, онъ никогда не пропуститъ случая доказать свою мысль какимъ нибудь существующимъ учрежденіемъ или обычаемъ, которое отчасти напоминаетъ его мысль или имѣетъ нѣкоторое къ ней отношеніе. Такъ, въ правѣ государства отчуждать отъ частнаго лица недвижимую собственность, нужную для какой нибудь важной общественной надобности или предпріятія, Чернышевскій видитъ начало коммунизма, распоряжающагося посредствомъ своихъ представителей общественнымъ достояніемъ.

«*Отрицательный* способъ связанъ не только со всею системою коммунизма, но и со всѣмъ логическимъ и метафизическимъ строемъ уже и духовной дѣятельности человѣка. Онъ есть ужас-

ное изобрѣтеніе разрушительнаго стремленія нашего времени. Понятіе объ этомъ способѣ дано Чернышевскимъ въ «Современникѣ» 1860 года за апрѣль и май, въ критикѣ книги Лаврова.

«Извѣстно, что школа матеріализма отвергаетъ всякое духовное начало: нѣтъ въ человѣкѣ души, нѣтъ воли, нѣтъ свободы, нѣтъ добра и зла, нѣтъ вмѣненія. «Наблюденіемъ физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка» (349 стр. «Совр.», май). Никакого дуализма въ человѣкѣ не видно; еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую, духовную натуру, то эта натура обнаружилась бы гдѣ нибудь.

«Короче: души нѣтъ, одна животная натура въ насъ!

«Для уразумѣнія всей важности методы отрицанія надлежитъ сообразить слѣдующее: такъ какъ доселѣ и вѣра, и совѣсть, и философія учили противному, т. е. что въ одномъ человѣкѣ соединены двѣ природы: духовная и тѣлесная, то естественно, что отъ *принятія* и въ обществѣ человѣческомъ *духовнаго начала* какъ въ мысли, такъ и въ практикѣ есть въ обществѣ множество сторонъ и учрежденій *духовныхъ* или, по крайней мѣрѣ, основанныхъ на *духѣ*; такія стороны духовныя есть въ сферахъ семейной, гражданской, государственной, религіозной; эти духовныя стороны, выражаемыя часто какъ аксіомы, принимаются, вѣрятся, возвышаютъ человѣка до неба и Творца.

«Новая школа не принимаетъ духовности; слѣдовательно, должно отринуть, отказать въ бытіи, уничтожить въ обществѣ и ученіи все, основанное на духовности во всѣхъ сферахъ: въ семьѣ, въ гражданствѣ, въ государствѣ, въ добродѣтели, въ наукѣ, въ вѣрѣ,—да тогда всего этого и не будетъ, не будетъ и святости, и семьи, и права, и власти, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ самоотверженія и соединенія религіознаго съ Богомъ. Даже нѣтъ и мысли, потому что, по этой философіи, *мыслятъ и собаки*. Таковъ отрицательный методъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи отреченія отъ духа и отъ невидимой идеи провести это отреченіе черезъ всѣ сферы, въ какія только можетъ поставить себя человѣкъ по своей всесторонней природѣ!

«На чемъ основываетъ эта школа свое отверженіе отъ духа? На началѣ самомъ дѣтскомъ, именно, что духа никто не видитъ, отъ духа никто ничего не слышалъ! «Въ эту минуту вы, читатель, увѣрены, что когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете потому, во-первыхъ, что не видите его глазами, не слышите его рыканія. Есть у васъ второе ручательство: это фактъ, что вы живы. Еслибъ въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ и проч.

«Принявъ въ основаніе этотъ нигилизмъ, матеріализмъ, фатализмъ жизненный, авторъ научаетъ, какъ должно отвергать все духовное. Этотъ отрицательный методъ иначе называется: *заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго*.

Извѣстнымъ здѣсь называются истины наукъ матеріальныхъ, или математическихъ, имѣющихъ назначеніемъ приложеніе къ матеріальнымъ величинамъ. Неизвѣстное—это духовный міръ. Дѣлать заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго значить судить о мірѣ духовномъ съ точки зрѣнія наукъ матеріальныхъ и все духовное, какъ сказано, отвергать, низводя все въ сферу матеріализма.

«Такимъ образомъ въ излагаемомъ ученіи вмѣсто свободной воли поставлена необходимость причинности. Отвергнувъ свободу и хотѣніе, послѣдователи этого ученія уже не допускаютъ различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ. Для этой школы нѣтъ добродѣтели. Жена плачетъ о потерѣ мужа, мать плачетъ о смерти дитяти: это отголосокъ эгоизма (стр. 33).

«Какъ видъ, какъ подробность въ приложеніи методы отрицательной является метода *гипотетическая*, или *предположительная*.

«Въ работѣ отрицанія, конечно, школа Чернышевскаго встрѣтила цѣлый живой міръ: восточный и западный, прошедшій и настоящій, вѣрящій въ духовность и благоустройство. Особенно законы, ограждавшіе и ограждающіе собственность и наслѣдство, повсюдны. Для этой специальной борьбы съ собственностью, для убѣжденія людей въ необходимости новаго *распределенія* изобрѣтенъ новый приемъ — *гипотетическій*, или предположительный.

«Особенность его есть слѣдующая:

«Обыкновенно политико-экономы для своихъ выводовъ пользуются статистическими данными. Но фактъ статистическій есть произведеніе исторіи, онъ сотворился жизнью народа при господствѣ извѣстной вѣры, законовъ, правленія, обычаевъ. Поэтому, принявши статистическое данное, авторъ долженъ былъ принять и фактъ историческій и его всякаго дѣятеля.

«Но этого-то наши экономисты и не согласны дѣлать по закону отрицанія. Для сего, чтобъ провести свою мысль, они учатъ, что фактовъ статистическихъ принимать не нужно, а нужно предположить извѣстное состояніе людей на основаніи мысли (фантазіи) автора. Такъ, они предполагаютъ (внѣ существующаго міра) извѣстное мѣсто съ такимъ-то народонаселеніемъ, мужскимъ, и съ такимъ-то количествомъ рабочихъ силъ, времени, и выводятъ потомъ, конечно, тѣ же результаты, какіе сначала уже были въ ихъ мысли и которые они какъ будто бы вывели на основаніи *предположительныхъ данныхъ*. «Ваши статистическія данныя, говорятъ они, не суть данныя чистыя, одною причиною произведенныя, а произведены они многими причинами, а наши *предположительныя* данныя суть данныя чистыя, вѣрныя, стоитъ ихъ только увеличивать или уменьшать». На это можно отвѣтить, что это-то и доказываетъ *фантастичность* данныхъ вашихъ: значить въ жизни дѣйствуютъ многіе фак-

торы, *вдруг* и *постоянно*, и отклоняться отъ нихъ мы права не имѣемъ.

«Этимъ гипотетическимъ методомъ Чернышевскій пользовался постоянно въ своихъ замѣчаніяхъ на политическую экономію Милля и съ помощью его выводилъ свои результаты, которымъ не доставало одной реальной дѣйствительности.

«Подобная литературная дѣятельность Чернышевскаго принесла горькіе плоды. Проповѣдуемое имъ вредное ученіе было усвоено неопытною молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить ихъ на дѣлѣ путемъ опасной пропаганды и прибѣгла для этого къ тайной печати. Въ подметныхъ прокламаціяхъ высказываются тѣ же самыя политико-экономическія ученія, которыя развилъ Чернышевскій, съ тою лишь разницею, что въ прокламаціяхъ они не прикрыты ученою діалектикой, а являются въ безыскусственной формѣ и осязательной нелѣпности. Тѣ самыя политико-экономы старой школы (Бастіа, Рошеръ, Рау), на которыхъ съ ожесточеніемъ нападалъ Чернышевскій въ своихъ сочиненіяхъ, составляютъ предметъ рѣзкихъ и грубыхъ нападокъ для авторовъ подметныхъ листковъ. Наконецъ, насильственные средства къ осуществленію новыхъ порядковъ указываются въ прокламаціяхъ съ беззастѣнчивою откровенностью такія же, на какія Чернышевскій, стѣсненный условіями цензуры, могъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ только намекать болѣе или менѣе ясно. Словомъ сказать, прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его—подробный къ нимъ комментарий».

Вотъ какой «документъ» сенату приходилось принимать во вниманіе, и подѣ какимъ заранѣе приготовленнымъ угломъ разсматривать Чернышевскаго. Ни Замятнину, ни сенату, ни правительству вообще, конечно, не было совѣстно вмѣнять человѣку въ преступленіе статьи, разрѣшенныя правительственной же цензурой. То ли дѣлалось въ нашихъ застѣнкахъ самодержавія...

Но неловкость, всетаки, ощущалась: на другой же день полученія этой «записки» сенатъ опредѣлилъ не вносить ни ее, ни «Записку изъ частныхъ свѣдѣній» въ свое опредѣленіе...

Итакъ двумя документами III Отдѣленіе уже козырнуло.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Еще подлогъ.

I.

Потому ли, что оно не было вполне увѣрено въ сенаторахъ,— хотя, кажется, никто изъ нихъ не обнаружилъ непокорства и ослушанія,—потому ли, что чувствовало шаткость своихъ обвиненій въ глазахъ общества, которому, несмотря на тайну, многое, правда, иногда въ весьма извращенномъ видѣ, было тогда всетаки извѣстно,—по чему ли другому, но III Отдѣленіе рѣшило козырнуть еще разъ, твердо помня правило опытныхъ игроковъ: козырь игры не портить... ■

18 іюля Замятнинъ сообщил оберъ-прокурору, что 12-го числа Потаповъ прислалъ кн. Голицыну, а послѣдній направилъ къ нему—очень важное письмо Чернышевскаго къ какому-то Алексѣю Николаевичу, повидимому, къ литератору Плещееву, полученное отъ В. Костомарова... Недаромъ же у невѣдомаго благопріятеля были документы, которые онъ хранилъ какъ зеницу ока... Теперь де вотъ одинъ изъ нихъ и появился.

Привожу этотъ третій козырь III Отдѣленія съ подлинника, а не съ копія, при немъ приложенной.

Вотъ что было написано на изорванномъ, протертомъ и подмоченномъ листѣ почтовой бумаги обыкновеннаго формата:

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть Вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ, но—кто виновать? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда, тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостью ничѣмъ неоправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но, всетаки, энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе Вы все-таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ

Do Tjhi Spyer

288

Akeret, Hwababes

Modem Joms Be aenyabequiba, gya
 rad rana za dunnobu. Steniger gotymen
 razanrye ha wa. Eda nat zaasthouka
 s n cam, rent. romo yaso, d' a chomaga
 wa bet, npany. hura. apedijoposawon.
 puerayn hent. m...
 Klu yank, d' sp...
 whu nuaorga...
~~was~~ Suti In jagedynterich. - chodofpa,
 nuidh nempat. pemo; n' d' m...
 ya nempat...
 roya. togup, n...
 godhu ot juro tanayor, yakti egypt
 matogutama n...
 d' ythe nome Sute tempore. R...
 p...
 rab, ...
 d' ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Dobra... doh...
 na...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...

Васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной и рассказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія *свое сочиненіе* (?). Старайтесь заглушить эти слухи, это будетъ Вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, Сул. и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

«Что касается до К. то на него, кажется, можно положиться; хотя, конечно, и съ нимъ нельзя черезчуръ откровенничать, не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ Вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу Вамъ теперь о *литературныхъ* дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для Васъ небезынтересныхъ. По обыкновенію слѣшу или лучше сказать слѣшать К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у Васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ бесплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

«Совсѣмъ нѣкогда. Жму Вашу руку. Вашъ *Н. Черныш.*

«Скоро буду писать черезъ К.».

Подпись была недокончена. Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна каждому, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно, и не требовалось ея, точно, сенать только и ждалъ письма¹⁾...

24 іюля Чернышевскій былъ призванъ въ сенать и первоприсутствовавшій, Карніолинъ-Пинскій, началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: «*Oculis, non manibus!*...»²⁾.

Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого

¹⁾ Относительно этого письма въ печати сообщалось не мало взлору. Такъ, напримѣръ, г. Якунинъ писалъ: „Чернышевскій указалъ презусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтового листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: поддѣльнымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ письмомъ 1863 годъ, а водяные знаки удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году“ (см. „Новое Время“ 1904 г., № 10321). Категорически утверждаю, что здѣсь все съ перваго слова невѣрно и никакихъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ нѣтъ. Сызъ Пашеева сообщалъ, что по первой экспертизѣ письмо было найдено подложнымъ, а по второй подлиннымъ (см. „Новое Время“ № 10304). И это невѣрно. Любопытно, что Костомаровъ и здѣсь не сумѣлъ остаться грамотнымъ и хотѣ этимъ поддѣлаться подъ Чернышевскаго: его выдаетъ съ головой слово „нѣкогда“ на второй отъ конца строкѣ...

²⁾ Смотрите, но не троньте. Сообщено самимъ Н. Г. А. Н. Пышину.

письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать Чернышевскій, то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

Приванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: «по сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою». Имена этихъ секретарей пусть будутъ вѣдомы потомству: Ординъ, Варгасовъ, Григоровскій, Малышевъ, Бѣляевъ, Елпатьевскій и Тришатный... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно...

На другой день, 31 іюля, съ Костомарова былъ снятъ допросъ.

Среди массы повтореній, ошибокъ и противорѣчій съ прежними его показаніями особенно заслуживаютъ упоминанія такія, напримеръ, какъ, что онъ уже въ первое свиданіе съ Чернышевскимъ, при Михайловѣ, говорилъ ему о неудовлетворительности редакціи воззванія къ барскимъ крестьянкамъ и предложилъ свои поправки; что онъ наотрѣвъ отказался взять это воззваніе; что когда онъ узналъ, что Сороко получилъ отъ Чернышевскаго прокламацію, то «сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ предупредить Чернышевскаго и другихъ». Затѣмъ Костомаровъ рассказалъ: «Чернышевскому повезъ я письмо отъ Плещеева. Чернышевскій былъ очень встревоженъ, но утѣшалъ и меня и себя тѣмъ, что если эта болтовня дойдетъ до правительства, то онъ, Чернышевскій, отъ всего отопрется, потому что уликъ на него никакихъ нѣтъ. Я спѣшилъ въ тотъ же день уѣхать въ Москву, рѣшившись перенять работу отъ Сулина и потомъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, прекратить ее совсѣмъ. Въ этотъ пріѣздъ я получилъ отъ Чернышевскаго письмо къ Плещееву, которое онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета. Я его куда то затерялъ дорогой, такъ и сказалъ я Чернышевскому. А послѣ, когда я нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, оно уже было и измочено и изорвано—однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Плещееву мнѣ было уже совѣстно,— да оно уже и не имѣло бы смысла».

На слѣдующемъ допросѣ онъ заявилъ: «Съ Плещеевымъ я познакомился по поводу издаваемого мною сборника: «Поэты всѣхъ временъ и народовъ». Послѣ изданія перваго выпуска этой книги я пріѣхалъ въ Петербургъ къ г. Плещееву просить его участвовать въ слѣдующихъ; къ Чернышевскому онъ меня рекомендовалъ, какъ автора нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», за которыя мнѣ слѣдовало получить деньги. Объ отношеніяхъ г. Плещеева къ Чернышевскому мнѣ вичего неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно и то, имѣлъ ли намѣреніе г. Плещеевъ печатать какія либо прокламаціи, какъ видно изъ письма г. Чернышевскаго къ Плещееву. Когда Чернышевскій передалъ мнѣ письмо къ Пле-

щеву, я былъ уже знакомъ съ нимъ, чрезъ Михайлова, хотя и имѣлъ рекомендательное письмо отъ Плещеева. Переговоры же о печатаніи начались прежде всего черезъ Михайлова, и когда я пріѣхалъ къ Чернышевскому, я нашелъ его уже предупрежденнымъ и знакомымъ съ моею прежнею дѣятельностью по тайному книгопечатанію. Г. Плещееву извѣстно было то, что я участвовалъ въ печатаніи книги «Разборъ книги барона Корфа: Императоръ Николай и 14 декабря».

Достаточно вспомнить всѣ прежнія показанія Костомарова и сравнить ихъ съ этими, чтобы увидѣть, какъ наглъ былъ этотъ человекъ, какъ нахально онъ лгалъ, прекрасно зная, что съ него не спросится, что его не станутъ провѣрять и уличать во лжи...

Разумѣется, надо было показать видъ, что бывший нѣкогда петрашевцемъ Плещеевъ, дѣйствительно, могъ заслуживать такого письма Чернышевскаго и потому въ III Отдѣленіи очень быстро «стало извѣстно», что у мирнаго тогда Алексѣя Николаевича видѣли нѣсколько номеровъ революціоннаго листка «Мысли и Дѣла»¹⁾ и типографскій шрифтъ; этого мало—«извѣстно», что онъ одинъ изъ дѣятелей общества «Земля и Воля»... Сдѣлали весьма грозный и внезапный обыскъ, очень серьезно осмотрѣли квартиру Плещеева и... ровно ничего не нашли... Обо всемъ этомъ въ первыхъ числахъ августа было доложено государю и сообщено сенату для свѣдѣнія.

Послѣдній продолжилъ комедію, признавъ необходимымъ вытребовать Плещеева въ Петербургъ для допроса.

Между тѣмъ, 13 августа Чернышевскій былъ привезенъ въ сенатъ для чтенія составленной о немъ записки и для рукоприкладства.

Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ Николай Гавриловичъ, открывъ первый же листъ своего многотомнаго дѣла!.. Только тутъ онъ началъ понимать, чтó дѣлалось для его обвиненія... Только тутъ онъ сталъ угадывать свое близкое будущее...

На другой же день онъ отправилъ коменданту запечатанный пакетъ съ надписью: «Въ Правительствующій Сенатъ отъ отставнаго титул. совѣтника Чернышевскаго. Образецъ черновой литературной работы Чернышевскаго, содержащій въ себѣ пятнадцать полулистовъ и одинъ полулистъ пояснительной замѣтки (писанной 14 августа 1863). Для облегченія работы гг. дѣлопроизводителей по разбору фактовъ дѣла о Чернышевскомъ. 14—VIII».

А вотъ и указанная пояснительная замѣтка.

«Въ той части записки по дѣлу Чернышевскаго, которую Чернышевскій прочелъ 13 августа, очень много говорится о литературной дѣятельности Чернышевскаго, о личныхъ свойствахъ его характера, особенно о его самолюбіи. Эти соображенія подтверждаются авторами бумагъ, ихъ содержащихъ, посредствомъ извлеченій изъ черновыхъ бумагъ и семейныхъ писемъ Чернышевскаго.

¹⁾ Развѣ издавался такой листокъ? Сколько намъ извѣстно, было выпущено только объявленіе объ его изданіи и дальше объявленія, дѣло не пошло. *Ред.*

«Чернышевскій находить полезнымъ для разъясненія представить вложенный здѣсь образецъ черновой его работы, заключающей на 15 листахъ его нумераціи, дѣланной его рукою нынѣ поутру, 14 августа.

«Это нужно для облегченія разбора дѣла о Чернышевскомъ— въ его ли пользу, или нѣтъ, онъ предоставляетъ рѣшить Пр. С.

Отставной титул. сов. *Н. Чернышевскій*.

«14 августа 1863 г.

«Р. С. Онъ проситъ гг. дѣлопроизводителей просматривать листы по порядку нумераціи, дѣланной имъ 14 августа,—читать всего сплошь не стоитъ, по его мнѣнію, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотръ.

«Но если гг. дѣлопроизводители будутъ читать внимательно, сплошь, то тѣмъ лучше для разъясненія дѣла. Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій*. 14 августа 1863.

«Чернышевскій предполагаетъ, что легче всего понять эти странныя работы, если предположить, что это матеріаль для будущихъ романовъ, именно для такихъ частей романовъ, въ которыхъ изображается состояніе очень сильнаго юмористическаго настроенія, доходящаго почти до истеричности. Но, конечно, онъ не въ правѣ требовать, чтобы гг. дѣлопроизводители ему вѣрили на слово. Отставной тит. сов. *Николай Чернышевскій*».

Что же это за 15 полулистовъ? Это, дѣйствительно, черновые наброски нѣкоторыхъ произведеній, сдѣланные, очевидно, въ крѣпости. Я не привожу ихъ, какъ неидущіе къ дѣлу. Мнѣ кажется только, что, посылая ихъ въ сенатъ, Чернышевскій, въ сущности, издѣвался надъ нимъ, желая подчеркнуть способность своихъ судей копаться въ душѣ обвиняемаго и строить обвиненіе на матеріалѣ совершенно непригодномъ... Если такъ, то зарядъ его пропалъ даромъ: въ сенатѣ не поняли присылки...

Черезъ недѣлю Н. Г. вручилъ оберъ-секретарю слѣдующую записку:

«Прочитавъ на листахъ черновой (дополнительной) записки по моему дѣлу изложеніе результатовъ сличенія почерка письма къ Алексію Николаевичу, которое я называю непринадлежащимъ мнѣ, съ моими подлинными письмами или бумагами, я осмѣливаюсь просить Пр. Сенатъ разрѣшить мнѣ, если то не противно закону, «прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою для распознаванія почерковъ средствъ, какія могутъ быть допущены по закону» (мое дополнительное показаніе). Изъ нихъ первое требуетъ, чтобы мнѣ самому дана была возможность сличить отвергаемое мною письмо съ (А бумагами, несомнѣнно писанными почеркомъ г. В. Костомарова и В.) бумагами, писанными мною, которыя были принимаемы за основаніе для сличенія моего почерка съ почеркомъ письма.

«Итакъ, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ, если не противно закону, дать мнѣ на разсмотрѣніе эти бумаги. При разсмотрѣніи отвергаемаго мною письма и бумагъ почерка г. Костомарова нахожу полезнымъ пользоваться сильною лупою, уве-

личивающею въ 10—12 разъ; прошу у Пр. С. или приказанія доставить ее мнѣ или разрѣшенія мнѣ приобрести ее. 20 августа 1863. Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій*».

Разумѣется, увидя, что Чернышевскій сразу попалъ въ цѣль, указавъ на Костомарова, сенатъ призналъ «такое домогательство Чернышевскаго незаконнымъ», ибо «сличеніе почерка руки его сдѣлано секретарями, а затѣмъ присутствіемъ сената, на точномъ основаніи закона съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ; того же, чтобы самому подсудимому дозволено было дѣлать сличеніе своего почерка съ актомъ, имъ отвергаемымъ, или употреблять для сличенія сего лупу, въ законахъ постановленія нѣтъ»..

Н. Г. стойчески выслушалъ и это рѣшеніе, которое показывало уже съ полной ясностью, чѣмъ кончится все дѣло...

2 сентября онъ заявилъ сенату, что во время чтенія дѣла комендантъ лишилъ его всякихъ свиданій, между тѣмъ, скоро должна пріѣхать Ольга Сократовна, и потому онъ проситъ о разрѣшеніи видѣться съ нею. Свиданіе было дано.

II.

Плещеевъ еще не опрошенъ, онъ даже не пріѣхалъ еще и въ Петербургъ, а ужъ Чернышевскій прочелъ все свое дѣло и сенатскую о себѣ записку и заявилъ о желаніи присутствовать при слушаніи ея въ присутствіи сената...

25 сентября онъ кончилъ эту работу и заключилъ ее послѣдними своими обращеніями къ правосудію. Врядъ ли Н. Г. вѣрилъ въ ихъ успѣшность. Вѣрнѣе онъ просто дѣйствовалъ по принципу: всѣми возможными способами обнаружить тотъ поразительный произволъ, который творился около него въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Человѣкъ съ сильно развитымъ сознаніемъ исторической отвѣтственности (припомните, напимѣрь, его указаніе, почему онъ не уничтожилъ письмо Герцена и Огарева), Чернышевскій, очевидно, думалъ и о томъ, что когда нибудь придетъ время вынести все это на судъ общества... И онъ не ошибся—оно пришло...

25-мъ сентября датированы три его документа.

Первый—рукоприкладство. Это очень цѣнный документъ по ясности, краткости и неотразимости статей закона, приводимыхъ въ отвѣтъ на произволъ сената и комиссіи.

«Прошу Пр. С. обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельство:

1. Я былъ арестованъ по подозрѣнію въ намѣреніи эмигрировать, но не только намѣреніе эмигрировать, и самое эмигрированіе не составляетъ преступленія; преступленіемъ становится

уже только послушаніе приказанію возвратиться. Св. зак. т. XV кн. I ст. 368 (также 367, 369, 370).

2. Мои письма къ Его Величеству и г. Генераль-Губернатору, писанныя въ ноябрѣ, не внесены въ дѣло.

3. Картонные лоскутки мнимаго шифра прошу сравнить съ дѣйствительнымъ ключемъ шифра, въ которомъ нумерація буквъ различна, между тѣмъ, какъ на лоскуткахъ одинакова.

4. Письмо г. Костомарова къ Соколову имѣетъ всѣ признаки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго разказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно есть лицо выдуманное.

5. У г. Всеволода Костомарова 5 марта не было уликъ противъ меня, а 7-го марта явилась въ рукахъ лицъ, обыскивавшихъ его, записка карандашомъ, приписываемая мнѣ.

6. Письмо о разговорѣ г. Яковлева въ смиренномъ домѣ подтверждено официальными актами и рѣшеніемъ комиссіи, Высочайше одобреннымъ.

7. Въ дополнительномъ показаніи моемъ Пр. С. я вызвался подтвердить приводимые мною факты. Въ дѣлѣ есть уже подтвержденія большей части ихъ.

8. Слова мои о вліяніи неосновательныхъ слуховъ обо мнѣ на начатіе и веденіе процесса противъ меня подтверждаются тѣмъ, что подобными слухами наполнено дѣло.

9. Слова мои объ истинной причинѣ раздраженія г. Костомарова противъ меня дѣлаются несомнѣнными послѣ того, какъ самъ г. Костомаровъ ясно намекаетъ на нее и отказывается пояснить свои слова.

10. Солидный характеръ г. Плещеева, извѣстный сотнямъ лицъ, несомнѣстенъ съ отношеніями, въ которыя ставитъ его ко мнѣ «письмо къ Алексѣю Николаевичу». Живость этого письма, конечно, уже раскрыта и официальными мѣрами по поводу этого письма, подвергавшими г. Плещеева неприятностямъ.

11. Въ «письмѣ къ Алексѣю Николаевичу» слово некогда (нѣтъ времени) написано *нѣкогда* (когда-то, когда либо).

12. Это письмо есть подлогъ, — фактъ подобнаго рода нуждается въ точнѣйшихъ средствахъ изслѣдованія истины, о которыхъ говорю я въ бумагѣ, поданной мною Пр. С. по поводу акта сличенія почерка этого письма.

13. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» противорѣчитъ словамъ г. Костомарова передъ его появленіемъ, что у него, г. Костомарова, уже не остается уликъ противъ меня.

14. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» заставило дѣлать новыя выдумки, противорѣчащія прежнимъ его показаніямъ и его письму къ Соколову; все его показаніе 31 іюля проникнуто подробностями, несомнѣстными съ его прежнимъ изложеніемъ его мнимыхъ тайныхъ сношеній съ мною: вотъ нѣкоторыя черты несомнѣстности:

*Показанія г. Костомарова
31 іюля.*

Въ первый свой прїѣздъ въ Петербургъ имѣлъ онъ рекомендательное письмо ко мнѣ отъ Плещеева.

Первая редакція прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ при первомъ чтеніи ея у меня не повривалась г. Костомарову.

Итакъ, г. Костомаровъ тутъ же, въ первое свиданіе со мною, при первомъ чтеніи въ моемъ кабинетѣ, потребовалъ измѣненія редакціи; я не согласился; г. Костомаровъ отказался печатать. Онъ не помнитъ, видѣлся со мною еще разъ для продолженія переговоровъ: одно или два свиданія мои съ нимъ были заняты ими, но онъ и я лично вели переговоры.

Всѣ эти чтенія и переговоры—выдумка г. Костомарова.

Во время своихъ занятій тайнымъ печатаніемъ (нѣсколько мѣсяцевъ) г. Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ «очень часто», «раза два въ мѣсяцъ».

Узнавъ, что рукопись прокламаціи въ Москвѣ, г. Костомаровъ «сейчасъ же» поѣхалъ въ Петербургъ предупредить меня; въ эту поѣздку онъ получилъ отъ меня «письмо къ Алексѣю Николаевичу».

«По всему этому прошу Пр. С. повелѣть освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ; и примѣнить статьи 183, 390, 392, 404, 475, 1206, 1209 и 1288 св. зак. т. XV кн. I къ лицамъ, которыя, по изслѣдованію, окажутся виновными въ нарушеніяхъ закона по моему процессу. Отставной титул. совѣтникъ *Н. Чернышевскій*».

Прежнія слова г. Костомарова.

Онъ, уже познакомившись съ Михайловымъ, «не зналъ, какъ устроить знакомство» со мною, и только Михайловъ познакомилъ его. О рекомендательномъ письмѣ ни слова; явно, его не было.

При этомъ первомъ чтеніи г. Костомаровъ былъ въ такомъ восхищеніи, что даже не могъ говорить, и потому Михайловъ увезъ его.

Требованіе измѣнить редакцію прокламаціи явилось у г. Костомарова только при второмъ ея чтеніи (у Михайлова): только тутъ, на другой день послѣ перваго чтенія; переговоры со мною велъ исключительно Михайловъ, ѣздя для этого ко мнѣ одинъ, безъ г. Костомарова, и г. Костомаровъ знаетъ объ этихъ переговорахъ только по разсказу Михайлова.

Онъ до своего арестованія ѣздилъ въ Петербургъ, «кажется» ему, только два раза.

Узнавъ, что рукопись въ Москвѣ, онъ занялся приготовленіями къ печатанію и печатаніемъ ея, а извѣстилъ меня письмомъ о томъ, за чѣмъ, по показанію 31 іюля, самъ ѣздилъ въ Петербургъ.

Второй документъ отъ 25 сентября—прошеніе, только по формѣ, якобы на высочайшее имя, а по тогдашнимъ правиламъ, посылаемое въ сенатъ, который или удовлетворялъ ихъ, или отвергалъ. Государю Чернышевскій написалъ первый и послѣдній разъ 22 ноября 1862 года...

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій! Просить отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1. Мой процессъ веденъ такъ, что рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ имѣеть для Правительства важность, далеко превышающую рѣшеніе того, какова будетъ моя личная судьба.

2. Потому, сказавъ это, я исполняю долгъ русскаго подданаго, прося Правительствующій Сенатъ или принять во вниманіе политическую сторону фактовъ, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, или принять тѣ мѣры, какія повелѣваются закономъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому всеподданнѣйше прошу,

Дабы повелѣно было разсмотрѣть политическое значеніе фактовъ, совершившихся по моему процессу. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. Сентября 25 дня 1863 года.

Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената».

Что подразумѣвалъ Чернышевскій подъ «политической стороной» своего процесса, для насъ, незнакомыхъ съ письмами его къ государю и кв. Суворову, въ которыхъ имъ развита была именно эта точка зрѣнія, недостаточно ясно.

Третій документъ—пространное прошеніе, опять той же формы и слѣдовательно тоже обращенное, въ сущности, къ сенату. Въ немъ Чернышевскій послѣдній разъ разобралъ падавшія на него обвиненія и больше ужъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ сенатомъ, ни съ кѣмънибудь другимъ...

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій! Просить отст. тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По прочтеніи моего дѣла для сдѣланія рукоприкладства, я нахожу средства въ значительной степени пояснить обстоятельства моего процесса на основаніи данныхъ, которыя представляются бумагами, заключающимися въ этомъ дѣлѣ. То, что

можно было по закону ввести въ форму рукоприкладства, я изложилъ въ немъ; поясненія, не вошедшія въ рукоприкладство, излагаю въ этой моей просьбѣ.

2.

По изложенію обстоятельствъ моего арестованія надобно заключать, что самый фактъ ареста былъ произведенъ по распоряженію еще не уполномоченному Высочайшею волею Государя Императора, которому было доложено объ арестованіи меня, какъ о фактѣ уже совершившемся, только для испрошенія Высочайшей воли по вопросу о томъ, въ какомъ мѣстѣ заключенія содержать лицо, уже арестованное. Я теперь сужусь по обвиненію въ политическомъ преступленіи: слѣдственно, самый характеръ процесса моего обязываетъ меня выставять на обсужденіе подлежащихъ правительственныхъ учрежденій политическую сторону моего процесса. Она важна для интересовъ самого Правительства. Не зная, какъ не юристъ, въ правѣли Пр. Сенатъ принять во вниманіе эту (политическую) сторону дѣла, я излагаю ее въ отдѣльной просьбѣ, для того, чтобы настоящая моя просьба не погрѣшала по формѣ, если просьба къ Пр. С. о принятіи во вниманіе политической стороны дѣла есть погрѣшность противъ формы.

3.

Фактомъ моего арестованія Правительство и одинъ изъ его органовъ—Высоч. учрежд. слѣдств. комиссія—съ одной стороны, а съ другой, одинъ изъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, именно я, были поставлены въ такое отношеніе: арестованъ человекъ, противъ котораго нѣтъ обвиненій, это положеніе имѣло первымъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе Св. зак. т. XV кн. I статьи 475. Допросъ мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ спустя только уже около четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего арестованія, и только на этомъ допросѣ была высказана причина моего арестованія ¹⁾.

4.

Время шло, надобно же было представить въ Высоч. учрежд. комиссію что либо подъ именемъ уликъ или обвиненій противъ меня. И вотъ явились на вниманіе комиссіи разныя бумаги изъ числа найденныхъ у меня. Изъ чтенія моего процесса я увидѣлъ, что не было обращено никакого вниманія на особенности положенія журналиста и потому выставлены были, какъ факты подозрительные, по своей странности, такія обстоятельства, которыя необходимо связаны съ профессіею журналиста.

¹⁾ Опускаю здѣсь, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ, указанія въ скобкахъ на сравнимый подлиннаго дѣла или сенатской записки.

листа. Со мною было то самое, какъ если бы, нашедши въ лабораторіи химика-химическіе реактивы, стали удивляться этому, и строить на этомъ юридическія дѣйствія противъ него. Потому вижу теперь необходимость изложить нѣкоторыя особенности профессіи журналиста.

5.

Первая изъ нихъ та (непріятная для людей нѣжнаго темперамента и) безразличная для журналистовъ, привыкшихъ къ своему положенію, продѣлка оскорбленныхъ имъ литературныхъ или сословныхъ самолюбій, что журналистъ нерѣдко получаетъ пасквили противъ себя. Такихъ пасквилей не мало въ моихъ бумагахъ. Выбраны были тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ политическую брань на меня. Эти пасквили введены въ дѣло въ нарушение св. зак. т. XV ч. II ст. 53.

6.

Ясно, что письмо гг. Герцена и Огарева прислано было ко мнѣ, какъ пасквиль или подметное письмо. Ясно, что оно однакоже теперь уже не можетъ быть принято во вниманіе, потому что изъ него уже извлечены комиссіею многіе вопросы Чернышевскому. Поэтому я уже имѣю право сослаться на него.

Поясню, при этомъ, что я обязанъ былъ, какъ литераторъ, сохранить у себя этотъ документъ: онъ важенъ для исторіи литературы, и всякій ученый, занимающійся ею, скажетъ, что я поступилъ бы недобросовѣстно, если бы или уничтожилъ его, или передалъ въ какой-нибудь архивъ официальнаго мѣста, не открытый для ученыхъ, занимающихся исторіею литературы.

Это письмо показываетъ непріязненность моихъ отношеній къ гг. Герцену и Огареву; оно явно выставляетъ, что подозрѣніе въ моемъ намѣреніи эмигрировать для сотрудничества съ Герценомъ было неосновательно. Оно показываетъ также, что на самомъ дѣлѣ я поступалъ противоположно ложнымъ слухамъ обо мнѣ, о которыхъ буду говорить ниже.

7.

Также я уже имѣю право сослаться на другой пасквиль противъ меня, когда онъ введенъ въ дѣло. Это—анонимное письмо ко мнѣ. Я прошу обратить въ немъ вниманіе на слова безыменнаго автора ко мнѣ: «Вспомните, въ какую цѣну вы оцѣнили наши имѣнія». Они показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злосамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ-землевладельцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Видя, что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ (напримѣръ, требуются всевозможныя цифры выкупа по расчету дохода въ 70 или 80 р. сер. съ тягла, съ капитализаціею изъ 5%,—около 600 р. сер. за ревизскую душу),

я считалъ полезнымъ противодействовать этому наивозможно сильнымъ отстаиваніемъ низкихъ цифръ, чтобы правительство имѣло возможность остановиться на умѣренныхъ, возможныхъ величинахъ выкупа.

8.

Это письмо введено въ дѣло; оно послужило однимъ изъ источниковъ для письма г. В. Костомарова къ г. Соколову. Тамъ и здѣсь подозрѣнія на меня выводятся изъ того, что я социалистъ. Въ печатной литературной полемикѣ мои литературные противники дѣйствительно называли меня социалистомъ; называли также Кромвелемъ, Бонапарте и проч. Я не имѣю ровно ничего противъ употребленія этихъ или какихъ бы то ни было другихъ укоризненныхъ или обвинительныхъ прозваній противъ меня въ литературной полемикѣ. Я надѣюсь, что огромное большинство литераторовъ, полемизирующихъ противъ меня, и большинство разсудительныхъ читателей понимает истинное значеніе рѣзкихъ выраженій въ полемикѣ: они служатъ приправою, безъ которой споръ казался бы скученъ публикѣ. Это риторическія фигуры: метафоры, метониміи, гиперболы. Но я не ждалъ, чтобы полемическій терминъ моихъ противниковъ былъ введенъ въ слѣдственное дѣло противъ меня въ юридическомъ смыслѣ. Я твердо убежденъ, что огромное большинство ихъ вознегодовало бы на этотъ фактъ, если бы узнало о немъ.

Въ юридическомъ смыслѣ слова,—въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе, терминъ «социалистъ» противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Обширнѣйшимъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика Рикардо; Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смигу, чѣмъ Рошеръ. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, обширнѣйшее по объему,—ислѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я принимаю его и стараюсь развить Мальтусову формулу. Этотъ принципъ—пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита.

Я не социалистъ въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ слова, по очень простой причинѣ; я не охотникъ защищать старыя теоріи противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы социалистовъ и несоциалистовъ, такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распаденія науки также фактъ минувшаго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе остальные люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору; но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученныя убѣжденія,—предметъ чуждый юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло.

9.

Въ дѣло введено мое письмо къ женѣ. О политической сторонѣ этого факта не говорю здѣсь: она излагается мною въ другой просьбѣ моей. Письмо это дало тему, также вошедшую въ письмо г. В. Костомарова къ Соколову, и нѣсколько строкъ, въ которыхъ я тутъ называю себя Аристотелемъ, много разъ повторяются потомъ въ дѣлѣ, какъ уличеніе меня собственными моими устами въ непопѣрности самолюбія, и наведенія тѣмъ на мысль, что человѣкъ съ подобнымъ самолюбіемъ не можетъ не быть врагомъ общественнаго порядка.

Въ числѣ моихъ слабостей есть гордость,—качество противоположное мелкому самолюбію, хотя бы и непопѣрному,—но, все-таки, качество, имѣющее свои забавныя стороны. Я люблю смѣяться надъ своими слабостями. Всѣ мои статьи, всѣ мои письма къ людямъ близкимъ наполнены моимъ иронизированіемъ надъ собою. Можетъ быть, это также недостатокъ. Но до него нѣтъ дѣла уголовному слѣдствію. Иронія не предметъ XV тома свода законовъ. Между тѣмъ я нашелъ въ дѣлѣ фактъ, о которомъ говорю.

Дѣйствительно ли я человѣкъ непопѣрнаго самолюбія? Пусть прочтутъ серьезныя страницы моихъ статей. Въ нихъ я называю—даже въ нашей бѣдной русской современной литературѣ,—нѣскольکو людей, которыхъ ставлю выше себя по учено-публицистической дѣятельности. Пусть обратятся съ вопросомъ къ людямъ, знающимъ меня близко,—такой ли я человѣкъ, который бы тяготилъ кого нибудь своимъ самолюбіемъ. Пусть же употребятъ серьезныя, достойныя средства къ разъясненію психологическаго вопроса, который не подлежитъ суду по XV тому свода законовъ, но который я вижу введеннымъ въ дѣло для осужденія меня по этому тому.

Но, нарушая границы между біографическимъ любопытствомъ и юридическими обязанностями, не захотѣли даже принять серьезныхъ средствъ къ открытію истины, а сдѣлано гораздо проще: дали юридическій смыслъ ироническому отрывку.

Мое письмо къ женѣ, приводимое въ дѣлѣ, состоитъ изъ двухъ частей: въ одной я говорю о себѣ такъ, что посмѣется надъ этою частью письма всякій,—и я смѣялся, когда писалъ ее,—смѣялся надъ собою, преувеличивая до нелѣпности ту сторону моихъ ученыхъ предположеній, которая забѣгаетъ въ будущее: я излагаю планъ такихъ ученыхъ работъ, для исполненія которыхъ нужно нѣсколько сотъ лѣтъ работать день и ночь, работъ, которыхъ не въ состояніи исполнить никто на свѣтѣ; въ этой части письма я называю себя продолжателемъ Аристотеля. Въ другой половинѣ письма о дѣйствительныхъ дѣлахъ я просто говорю моей женѣ, что она, по моему мнѣнію, можетъ лучше меня разсудить, потому что умнѣе меня. Ясно, что первая половина письма—мое иронизированіе надъ самимъ собой.

Но не умѣли или не могли обратить вниманіе на такой простой способъ понять, въ чемъ тутъ вся вещь.

10.

Но при всѣхъ этихъ вещахъ, всетаки, не было ни уликъ, ни даже такихъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основать серьезное слѣдствіе противъ меня. Высочайше учрежденная комиссія видѣла это. Желая дать ей путь выйти изъ положенія, въ которое она была поставлена фактомъ моего арестованія, я написалъ послѣ перваго моего допроса письма къ Его Величеству и къ г. Генераль-губернатору. Этихъ писемъ нѣтъ въ дѣлѣ. Почему ихъ нѣтъ въ немъ, я говорю въ другой моей просьбѣ.

11.

Комиссія видѣла недостаточность подозрѣній, возводившихся на меня бумагами, бывшими въ ея рукахъ во время перваго допроса (30 октября). Потому послѣ этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника съ картонными лоскутками, которые въ бумагѣ, передающей ихъ комиссіи, названы «указателями шифра», которымъ писаны тетради моего дневника, хотя въ это время уже было удостовѣреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что дневникъ мой писанъ не шифромъ.

12.

Политическую сторону введенія въ дѣло вещей, подобныхъ моему дневнику, я разясняю въ другой моей просьбѣ. Здѣсь я оставляю политическую сторону вопроса безъ разсмотрѣнія.

Способъ сокращеннаго писанія подобнаго моему, употребленному въ дневникѣ, употребляется, въ большей или меньшей удачности сокращенія, почти всѣми студентами университетовъ, записывающими лекціи. Это служить замѣною стенографіи, а не тайнымъ письмомъ. Я съ дѣтства писалъ очень много и еще въ семинаріи записывалъ такимъ образомъ лекціи, и тетради этого періода, еще дѣтскаго, находятся въ моихъ бумагахъ. Въ университетѣ привычка развилась у меня. Изъ того періода въ моихъ бумагахъ есть между прочимъ весь «Герой нашего времени» Лермонтова, переписанный такимъ способомъ. И послѣ я точно также писалъ почти все, что писалъ для себя (напримѣръ, въ дѣлѣ черновые списки съ моихъ писемъ къ профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущихъ справокъ). Все это было въ рукахъ и передъ глазами лицъ, разбравшихъ мои бумаги. И всетаки дневникъ мой выдается за написанный шифромъ, даже послѣ увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ писанъ не шифромъ.

Что такое этотъ дневникъ? Министерство иностранныхъ дѣлъ нашло, что не слѣдуетъ понимать его въ смыслѣ обыкновеннаго днев-

ника. Въ бумагѣ, присланной въ комиссію, это мнѣніе министерства передается словами: «можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Я не знаю, до какой степени точно переданъ этотъ отзывъ министерства въ этой бумагѣ; подлиннаго отзыва министерства нѣтъ въ дѣлѣ.

Разбиравшимъ бумаги мои должно было бы знать, что они разбираютъ бумаги литератора. При разборѣ бумагъ они могли бы замѣтить, что имъ попадаются повѣсти, писанныя моею рукою. Если бы они потрудились замѣтить эти два обстоятельства, мнѣ не пришлось бы утруждать Пр. Сенатъ объясненіемъ факта, которому не слѣдовало бы попадать въ дѣло.

Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ немолодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Если бы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Годвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стариковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которыя внушаются массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни. Мною написаны груды такихъ матеріаловъ—и брошены; довольно написать, хранить незачѣмъ,—цѣль: утвержденіе въ памяти—уже достигнута. Но я не могъ уничтожить нѣкоторыхъ моихъ черновыхъ работъ, потому что онѣ были писаны на однихъ листахъ съ вещами, которыя я считалъ интересными для меня. Тетради внесенныя въ дѣло именно таковы: среди матеріаловъ для будущихъ романовъ набросаны кое какія отмѣтки изъ моей дѣйствительной жизни (напримѣръ, списокъ дней, когда я въ первый разъ говорилъ съ моею невѣстою, когда она дала мнѣ слово).

Надобно объяснить, что у меня, какъ почти у всѣхъ беллетристовъ, порядокъ возникновенія романа таковъ: берется фактъ, отдается на волю фантазіи, она играетъ съ нимъ—это самый важный періодъ такъ называемаго «поэтическаго творчества». Итакъ тутъ въ моемъ дневникѣ вольная игра моей фантазіи надъ фактами. Я ставлю себя и другихъ въ разныя положенія и фантастически развиваю эти вымышленныя мною сцены.

Что же я вижу здѣсь въ дѣлѣ? Берутъ одну изъ этихъ сценъ и даютъ ей юридическое значеніе. На этомъ основанъ весь ходъ моего процесса до передачи его въ Пр. С.

Сцена состоитъ въ томъ, что какое то «я» говоритъ дѣвушкѣ, что можетъ со дня на день ждать ареста, и если его будутъ долго держать, то выскажетъ свои мнѣнія, послѣ чего уже не будетъ освобожденъ.

Въ тѣхъ же тетрадяхъ есть многія другія «я». Одно изъ этихъ «я» бьютъ палкою при его невѣстѣ. Можно удостовѣриться

справкою, что ни тогда, ни вообще когда либо со мною, Чернышевскимъ, ни при его невѣстѣ, ни безъ невѣсты не случилось ничего такого.

Я могу объяснить, изъ какихъ фактовъ взята мною, какъ литераторомъ, сцена, вошедшая въ дѣло съ такимъ важнымъ вліяніемъ на него. Это прикрашенный идеализаціею случай изъ жизни Иоганна Кинкеля (извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, о которомъ тогда много писали въ газетахъ), приспособленный мною, какъ романистомъ, къ разсказу, незадолго передъ тѣмъ слышанному мною отъ Николая Ивановича Костомарова ¹⁾ (не имѣющаго ничего общаго съ г. В. Костомаровымъ)—онъ былъ арестованъ въ то время, какъ собирался жениться (за пять лѣтъ передъ тѣмъ).

Два очень простыя соображенія могли бы показать, что сцена, созданная мною, литераторомъ, для будущаго романа, не могла относиться къ моей дѣйствительной жизни: 1) у меня, Чернышевскаго, не было тогда не только друзей, даже близкихъ знакомыхъ между важными людьми; въ этой сценѣ дѣйствуетъ человекъ, имѣющій за себя сильныхъ въ правительствѣ друзей. 2) тогда (весною 1853) не было въ Россіи, не только въ Саратовѣ, гдѣ я жилъ уже два года, даже въ столицахъ, никакой политической жизни, не только тайныхъ обществъ. Это фактъ, принадлежащій исторіи.

13.

Въ другой моей просьбѣ я поясняю отношеніе между предположеніемъ, основаннымъ на этой сценѣ, и фактами моего процесса, здѣсь я только скажу, что дѣйствительно я, Чернышевскій, поступилъ такъ, что оказалась разность между нимъ и романическимъ лицомъ, слова котораго были ему приписаны. Но въ дѣлѣ нѣтъ первыхъ записокъ моихъ по этому обстоятельству и нѣтъ письма написаннаго мною съ цѣлью открыть комиссіи истинное положеніе дѣла. Письмо это имѣетъ форму отвѣта моей женѣ на ея вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ мое дѣло. Я не знаю, было ли оно доложено комиссіи.

14.

Итакъ, по связи между предыдущими фактами, объясняемой мною въ другой просьбѣ, въ началѣ марта въ комиссію были, наконецъ, доставлены—только уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ моего арестованія—такіе документы, которые она могла принять за основанія для начатія процесса противъ меня.

15.

Первый изъ этихъ документовъ—письмо къ Соколову. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30,000 буквъ;

¹⁾ Профессора русской исторіи.

оно занимаетъ въ выпискѣ 117 страницъ. Требуется значить время, чтобы переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. В. Костомарова г. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть бѣловой списокъ.

Изготовленіе чернового подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его на бѣло. Литературная отдѣлка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно.

Г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Тулу 5 числа марта по утру. Въ тотъ же день, 5 марта, письмо было уже найдено у него г. Чулковымъ. На мѣстѣ выставлено «Тула, 5 марта», но оно не могло быть ни изготовлено, ни даже только набѣло переписано въ Тулѣ. Оно заготовлено раньше, это очевидно по расчету физической невозможности противнаго. Итакъ, гдѣ же оно изготовлено? 1 марта г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Москву и у него былъ посѣтитель, г. Яковлевъ; посѣщеніе г. Яковлева было продолжительно, какъ видно, изъ важности предмета ихъ совѣщанія и изъ того, что г. Костомаровъ и г. Чулковъ должны были убѣждать г. Яковлева. 2-го числа г. Костомаровъ былъ уже боленъ, или долженъ былъ держать себя, какъ больной, это продолжалось до самаго его выѣзда въ Москвы; онъ не могъ въ эти три дня много заниматься письменною работою; и кромѣ того, у него въ это время бывало много посѣтителей. Человѣкъ опытный въ литературныхъ работахъ видитъ, что и въ Москвѣ не могло найтись достаточно времени у г. Костомарова,—что онъ взялъ съ собою свою работу (или не свою, а только передѣланную имъ съ другой, черной работы), когда поѣхалъ изъ Петербурга (28 февраля).

Сличеніе этой работы съ письмомъ Герцена обо мнѣ, найденнымъ у меня, съ пасквилемъ на меня, найденнымъ у меня, съ ироническою частью моего письма къ женѣ обнаруживаетъ, что «письмо къ Соколову» есть литературная работа, половина которой основана на этихъ документахъ, что они были подъ глазами у составителя «письма къ Соколову» во время его работы.

Это очевидно для человѣка, имѣющаго опытность въ разборахъ подобнаго рода вопросовъ (въ критической техникѣ), точно также, какъ и слѣдующее: «письмо къ Соколову» есть произведеніе вымысла, чуть ли на цѣлая «эпопея», по шутливому выраженію самого г. Костомарова; въ ученомъ и истинномъ юридическомъ смыслѣ это, конечно, не «эпопея», въ частности, но «произведеніе вымысла». Какъ всякое произведеніе вымысла, оно пропитано подробностями, не выдерживающими юридическихъ вопросовъ: «кто», «когда» и «гдѣ».

Г. Костомаровъ приписалъ этому произведенію вымысла юридическое значеніе (онъ готовъ подтвердить присягою подробности письма, которыя можно будетъ ввести въ дѣло; это письмо есть «откровенная бесѣда» съ «старымъ другомъ»). Комиссія по занялась изслѣдованіемъ той стороны письма, которую я выста-

вляю; но и на тѣ малочисленные «кто», «гдѣ», «когда», которые предлагались ему по поводу «письма къ Соколову», г. Костомаровъ часто долженъ былъ отвѣчать, какъ всякій авторъ вымышленнаго произведенія сталъ бы отвѣчать на юридическіе вопросы о подробностяхъ его вымысла—«не умѣю объяснить», «не знаю». Изъ этихъ случаевъ самый любопытный—г. Костомаровъ не знаетъ даже, какое званіе имѣетъ лицо, которое онъ называетъ своимъ старымъ задушевымъ другомъ: «чинъ и званіе г. Соколова неизвѣстны мнѣ» — говоритъ г. Костомаровъ,— ясно, что даже этотъ другъ есть поэтической вымыселъ.

Я скажу, откуда, по всей вѣроятности, ваята фамилія для этого вымышленнаго лица. «Соколовъ» упоминается въ письмѣ г. Плещеева, которое находилось при г. Костомаровѣ въ Тулѣ (штемпель письма г. Плещеева—4 іюня 1861 г.). Но по этому письму этотъ дѣйствительный г. Соколовъ вовсе не «старый задушевный другъ» г. Костомарова. Подобное заимствованіе фамилій для замышляемыхъ лицъ—очень обыкновенная вещь.

Комиссія не обратила вниманія даже на то, что если бы этотъ г. Соколовъ, вымышленный повѣренный тайнъ г. Костомарова, не былъ лицо вымышленное, то не было бы ни малѣйшаго затрудненія отыскать его, хотя бы г. Костомаровъ не зналъ или не захотѣлъ указать его адреса: у него очень много примѣтъ, съ которыми трудно человѣку затеряться въ толпѣ.

Точно также г. Костомаровъ не помнитъ цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, но если бы эта рукопись была читана при немъ два раза и служила предметомъ споровъ, то нельзя было бы не замѣтить ему ея формата и цвѣта.

«Точно также онъ не знаетъ личностей, которыя—«стали жертвами» моего агитаторства и о которыхъ столько рассуждаетъ въ письмѣ къ Соколову; «я вовсе не имѣлъ въ виду какія либо личности», принужденъ онъ сказать на вопросъ: кто они? Ясно, что эти личности—реторическая фигура, называющаяся «просопопеею». Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что это «авторы журнальныхъ статей», или въ другой разъ, что это «молодые люди, которые агитировали», какъ ему «кажется» подъ моимъ «вліяніемъ»,—но это ему только «кажется», это только его «личный взглядъ», непогрѣшимость котораго . . . не намѣренъ упорно отстаивать; онъ принужденъ даже сказать, что у меня не было своего «кружка», и называетъ это свое выраженіе «неосмотрительнымъ». Онъ никого не знаетъ, кромѣ себя, кто сталъ бы агитаторомъ по моему вліянію, а самъ онъ занялся тайнымъ печатаніемъ до знакомства со мною. Ясно, что все это выдумка: и мое агитаторское вліяніе на г. В. Костомарова, и чтеніе первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, и эта первоначальная редакція.

16.

Но показаніе, вопросы для котораго можно было извлечь

изъ письма къ Соколову, не могло опираться ни на какія доказательства (самъ г. Костомаровъ на допросѣ сказалъ, что только поэтому и удерживался до той поры отъ показаній противъ меня). Явилась въ комиссію записка, писанная карандашомъ. Она найдена вслѣдствіе того, что нашлось письмо къ Соколову,—нашлось именно при обыскѣ г. Костомарова въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи. Находка эта противорѣчитъ «откровенной бесѣдѣ» г. Костомарова со «старымъ другомъ» г. Соколовымъ, въ которой за три-четыре дня предъ тѣмъ онъ говорилъ, что не имѣетъ письменныхъ уликъ противъ меня («были», но онъ что-то «сдѣлалъ» съ ними). Что онъ сдѣлалъ съ ними? Почему не имѣлъ ихъ 5 марта въ Тулѣ? потому что «сжегъ», говорить въ одномъ мѣстѣ объ одномъ документѣ, который будто бы былъ у него; въ другомъ мѣстѣ отказывается объяснить, что сдѣлалъ съ ними; въ третьемъ мѣстѣ вставлено въ дѣлѣ шифрованное письмо, которое онъ дешифрируетъ и которое излагаетъ, что письма противъ меня отданы на сохраненіе лицу, имени и адреса котораго онъ самъ (г. Костомаровъ) не знаетъ.

Истина очень проста: все это—выдумка. Никогда никакихъ письменныхъ уликъ противъ меня не имѣлъ г. Костомаровъ. Записка карандашомъ не моя, прошу строжайше разсмотрѣть ее. Степень технической точности ея разсматриванія свидѣтельствуется тѣмъ, что подпись ея прочтена за букву Ч., между тѣмъ, какъ это буква С. Разсматривавшіе были вовлечены въ оплошность тѣмъ, что не знали, какимъ образомъ ведется дѣло противъ меня, и потому были чужды предположенія обмана въ документахъ, предъявляемыхъ противъ меня.

17.

Но лица, вводившія въ такой обманъ, натурально, ждали, что обманъ этотъ, можетъ, какъ нибудь и не удастся. Потому записка карандашомъ казалась имъ недостаточна, и явился противъ меня, сверхъ улики, и уличитель, г. Яковлевъ. Послѣ того, какъ онъ за свое показаніе противъ меня отправленъ на жительство и подѣ надзоръ полиція въ Архангельскую губернію, я считалъ бы излишнимъ разсматривать его показанія противъ меня; однакоже, скажу нѣсколько словъ.

Г. Чулковъ извѣстился о своемъ отъѣздѣ черезъ Москву съ г. Костомаровымъ только 27 февраля, 28-го они выѣхали; на другой день,—въ первый же день ихъ пріѣзда въ Москву, г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ пріѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня. Г. Чулковъ свидѣтельствуется, что г. Яковлевъ «уже оказалъ ему услугу»; г. В. Костомаровъ тоже говоритъ, что г. Яковлевъ оказалъ ему «весьма важную услугу» и что онъ, г. Костомаровъ, «подарилъ» г. Яковлеву «свое пальто».

Г. Яковлевъ, отправившись доносить на меня, по дорогѣ пьетъ и буйствуетъ, какъ самъ говоритъ. Итакъ, у него есть средства пить до буйства, когда онъ «оказываетъ услугу».

Онъ даже «неоднократно за дурные поступки былъ въ приводахъ», по дѣламъ московскаго мѣщанскаго общества.

Слова, которыя влагаешь мнѣ въ уста г. Яковлевъ,—заглавіе и начало прокламаціи—неужели я помнилъ ее наизусть? Неужели не выражался бы въ разговорѣ короче и проще? Многосложныя письменныя заглавія не употребляются въ разговорѣ и какая надобность была декламировать начало прокламаціи? Вѣдь это не стихи, а проза; такъ не бываетъ.

На вопросъ, почему медлилъ показаніемъ противъ меня, г. Яковлевъ отвѣчалъ, что только въ февралѣ узналъ о характерѣ процесса г. Костомарова, а между тѣмъ, онъ видѣлся съ г. Костомаровымъ въ ноябрѣ 1862, когда уже было и Высочайше утверждено мнѣніе госуд. совѣта по дѣлу г. Костомарова.

При предъявленіи меня г. Яковлеву была нарушена форма, по которой слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ показывать обвинителю нѣсколько человѣкъ—явно опасались, что г. Яковлевъ не сумѣетъ выбрать, кто изъ нихъ Я.

Кромѣ всего этого, весь ходъ дѣла поясняется словами самого г. Яковлева, приводимыми въ письмѣ, по которому г. Яковлевъ наказанъ за этотъ свой поступокъ. Этимъ рѣшеніемъ явно признана справедливость этого письма, при томъ подробности разговора, передаваемого этимъ письмомъ, подтверждаются документами, находящимися въ дѣлѣ, которые не могли быть извѣстны писавшимъ письму.

По запискѣ г. Чулкова отъ 1 марта, желаніе г. Яковлева доносить на меня было извѣстно со 2 или 3 марта, но только 3 апрѣля комиссія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшились ввести комиссію въ эту ошибку.

Рапортъ г. Чулкова, объясняющій его выраженіе, что «г. Яковлевъ оказалъ ему услугу», поданъ уже по рѣшеніи комиссіи испросить и по испрошеніи Высочайшаго повелѣнія передать мое дѣло въ Пр. С.; на этомъ рапортѣ число и мѣсяцъ подачи его подскоблены (подскоблена ли цифра 7, не могу навѣрное разсмотрѣть безъ лупы; имя мѣсяца «мая» очень явно написано по подскобленному) ¹⁾.

18.

Въ дополнительномъ показаніи моемъ въ Пр. С. я вызывался подтвердить подробными доказательствами тѣ факты этого показанія, которые покажутся еще нуждающимися въ подтвержденіи. Въ запискѣ и въ дѣлѣ я уже нашелъ подтвержденія для большей части фактовъ, приводимыхъ мною. Приведу лишь немногіе, для примѣра.

¹⁾ Дѣйствительно, характерно, что свое посленіе Чулковъ далъ только *послѣ* передачи дѣла въ сенатъ; но подскобленные мѣсяцъ и число ровно ничего не говорятъ, и что хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ сказать Чернышевскій,—ниѣ не понятно.

Я говорю въ показаніи, что на мое арестованіе и веденіе дѣла противъ меня имѣли вліяніе ложные слухи.

Ихъ примѣры въ выпискѣ: листы 9—13 безыменное письмо, о которомъ я говорилъ выше; оно основывается на живыхъ слухахъ о моемъ участіи въ столкновеніяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; когда и въ какомъ духѣ я вмѣшался въ эти дѣла, видно по документамъ ¹⁾. Ихъ объясненіе, если нужно оно, докажетъ: 1. что я познакомился съ гг. студентами, имѣвшими вліяніе на товарищей своихъ, только уже послѣ манифестаціи въ Думѣ; 2. познакомился съ цѣлью быть посредникомъ между ними и княземъ Щербатовымъ (Г. А.), благородно начавшимъ тогда хлопотать о предотвращеніи дальнѣйшихъ столкновеній; 3. что когда я такимъ образомъ познакомился съ молодыми людьми, которыхъ прежде считалъ,—какъ и другіе считали,—поднимавшими безпорядки, то, къ удивленію моему, получилъ документы, доказывавшіе, что безпорядки поднимаются дѣйствіемъ опрометчивости лицъ, гораздо старшихъ ихъ лѣтами и почтенныхъ по положенію въ обществѣ,—не злонамѣренностью, а только безразсудною опрометчивостью этихъ лицъ,—и доказательства были такъ неоспоримы, что самый яростный изъ обвинявшихъ въ печати злонамѣренность студентовъ увидѣлъ себя принужденнымъ подписать и подписалъ актъ, говорящій, что въ безпорядкахъ виноваты не студенты, а другія лица ²⁾; 4. что я находилъ нужнымъ для предотвращенія безпорядковъ то самое, что находили тогда нужнымъ г. министръ народнаго просвѣщенія и князь Щербатовъ, бывшій попечитель СПетербургскаго округа, и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Прошу сравнить съ этимъ «Записку изъ частныхъ свѣдѣній».

Другіе примѣры слуховъ, столь же неосновательныхъ и столь же вредныхъ мнѣ, отгѣчу на ³⁾. Въ дѣлѣ я нахожу свѣдѣнія и мнимые документы, еще болѣе неосновательнымъ образомъ введенные въ процессъ противъ меня. Въ дѣло внесены: статья г. Мечникова, присланная для напечатанія въ «Современникѣ», «Записка изъ частныхъ свѣдѣній»—документъ, который будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей процедуры для будущаго ея историка и часть котораго однако же вошла въ окончательный докладъ комиссіи обо мнѣ. Двѣ статьи г. Шехановскаго, присланныя мнѣ для передачи г. министру народнаго просвѣщенія и, съ его частнаго одобренія, напечатанныя въ «Современникѣ»; дневникъ мой; письмо г. Чацкина о тайнахъ женщины, имѣвшей мужа. Объ ужасномъ вредѣ для правительства отъ введенія (въ дѣла политическаго характера) документовъ такого рода я говорю въ моей другой просьбѣ.

Я говорю, что ложное истолкованіе моихъ сборовъ къ отъѣзду

¹⁾ Т. е. по перепискѣ съ проф. Андреевскимъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о диспутѣ съ Ф. Ф. Эвальдомъ на его квартирѣ, кончившемся полнымъ пораженіемъ очень сконфуженнаго казеннаго педагога.

³⁾ Указано нѣсколько страницъ въ выноскѣ.

въ Саратовъ было основаніемъ рѣшенія арестовать меня по поводу письма г. Герцена, и въ доказательство ссылаюсь на слова, въ которыхъ былъ переданъ этотъ слухъ мнѣ однимъ изъ гг. членовъ комиссіи. Я нашелъ въ дѣлѣ указанія, по которымъ теперь могу даже пояснить, какъ произошло это извращеніе факта, подобное вещамъ, прочитаннымъ мною въ «запискѣ изъ частныхъ свѣдѣній».

Находя въ дѣлѣ приводимые съ юридическимъ значеніемъ неожиданные мною психологическія свѣдѣнія обо мнѣ и выводъ изъ этого, что я непременно, уже по устройству моей души, долженъ быть заговорщикомъ, я принужденъ объяснить, что психологическія изслѣдованія, хотя бы даже и обо мнѣ, требуютъ специальной ученой подготовки, которая, напримѣръ, показала бы господамъ изслѣдовавшимъ, что человѣкъ, иронизирующій надъ своими недостатками, не способенъ рѣзать людей для удовлетворенія слабостямъ своимъ, если бы и имѣлъ ихъ; и что приписываемая ему въ преступленіе слабость (самолюбіе, тщеславіе) прямо противоположна качеству, которое, если и есть недостатокъ, то уже вовсе не уголовный, качеству гордости, которая, какъ извѣстно изъ психологіи, только даетъ отпоръ дерзкимъ нахамъ, а безъ того внушаетъ человѣку держать себя очень спокойно. Такія объясненія принужденъ я дѣлать въ моемъ процессѣ—это фактъ.

Итакъ я долженъ пояснить, что я извѣстенъ всѣмъ моимъ знакомымъ за человѣка очень уживчиваго и мягкаго и, напримѣръ, работать вмѣстѣ съ Герценомъ не могъ бы не по неуживчивости моего самолюбія, а потому, что я человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, которыя неодинаковы съ убѣжденіями г. Герцена. Я не хочу этимъ сказать, его или мой образъ мыслей лучше въ юридическомъ отношеніи—закону нѣтъ дѣла до образа мыслей, каковъ бы онъ ни былъ—я хочу только сказать, что я человѣкъ болѣе поздней философской школы, чѣмъ г. Герценъ. Я никакъ не ждалъ, что увижу необходимость дѣлать эти ученые замѣчанія въ моемъ процессѣ.

19.

Я говорю, что всѣ слова въ письмѣ г. Герцена, которыя послужили поводомъ къ моему арестованію, загадочны для меня. Теперь, взглянувъ на самое письмо, я нахожу это мѣсто и сопровождающія строки вещью еще болѣе загадочною. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Письмо уже спрашиваетъ, печатать ли объявленіе о моемъ соредакторствѣ съ Герценомъ — или даже уже положительно говорить, что объявленіе объ этомъ печатается. Такія вещи не печатаются до выѣзда редактора изъ Россіи. Эта приписка требуетъ очень внимательнаго изслѣдованія, если еще не объяснена самими фактами, которые остаются мнѣ неизвѣстны.

20.

Я говорю, что г. Костомаровъ очень давно распускалъ слухи, которые были оставлены безъ вниманія по убѣжденію

другихъ въ неудобствѣ пользоваться его готовностью дѣлать политически-уголовныя показанія. Теперь, видя что дѣло противъ меня начато серьезнымъ образомъ на основаніи письма г. Костомарова къ Соколову, я приведу одинъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не мнѣ одному. Есть другая болѣе ранняя редакція того же произведенія; списокъ ея былъ у меня подъ глазами очень задолго до моего ареста, и я не имѣю средствъ знать, уничтоженъ ли подлинный списокъ, писанный рукой г. Костомарова. Въ той редакціи дѣло излагается столь же вымысленнымъ образомъ, но въ духѣ не томъ и съ другими фактами (также невѣрными). Въ этомъ произведеніи я играю гораздо меньшую роль, чѣмъ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества: г. Костомаровъ утверждалъ тамъ, что его подвергали жестокимъ истязаніямъ, и ими принудили дѣлать показанія (Духъ произведенія былъ тотъ самый, какой вылился изъ души г. Костомарова потомъ).

Я говорю, каковы были мои дѣйствительныя отношенія къ г. Костомарову; они доказываются письмами моими къ нему, находящимися въ дѣлѣ — я стараюсь помочь г. Костомарову, какъ человѣку небогатому. Въ одномъ изъ писемъ я стараюсь устроить отъѣздъ его гувернеромъ за границу, — неужели я хлопоталъ бы объ этомъ, еслибы онъ былъ моимъ агентомъ по тайному печатанію въ Москвѣ? Я говорю, что г. Костомаровъ былъ раздраженъ противъ меня ошибкой въ надеждѣ на мою помощь денежную послѣ его арестованія. Онъ самъ говоритъ, что у него со мною были «столкновенія», которыя прямо относятся къ его личнымъ интересамъ, и отказывается пояснить это. О своемъ ожесточеніи прогивъ меня онъ много разъ говоритъ въ письмѣ къ Соколову и приписываетъ его, кромѣ «личныхъ столкновеній», разности со мною въ политическихъ тенденціяхъ; изъ того, что онъ говоритъ по этому предмету, видно, что онъ самъ никогда не имѣлъ отчетливаго образа мыслей.

Я говорю, что памятный мнѣ по постороннему обстоятельству вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго и что поэтому г. Костомаровъ плохо запомнилъ его, — и онъ самъ свидѣтельствуешь, что не помнитъ ни моихъ гостей, ни ихъ и своего разговора со мною.

21.

Факты, которые совершились по разсмотрѣнію записки и письма, выдаваемыхъ за мои, — я говорю объ актахъ сличенія почерковъ, — показываютъ, что безъ помощи техническихъ знаній и пособій труды для изслѣдованія истины по техническимъ вопросамъ безуспѣшны.

22.

Я говорилъ, что еслибы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ г. Костомаровымъ, то нашелъ бы неудобнымъ посѣщать

его во время моей поѣздки въ Москву по цензурнымъ дѣламъ; это повело къ тому, что г. Костомаровъ выдумалъ особую мою поѣздку въ Москву — поѣздку, предшествовавшую поѣздкѣ по цензурнымъ дѣламъ. Этой поѣздки не было. А во время ея-то именно г. Костомаровъ и выставляетъ меня видѣвшимся шрифтъ. Я не выѣзжалъ изъ Петербурга ни на одинъ день въ 1860 г. и до самой поѣздки моей по цензурнымъ дѣламъ въ 1861 г. Я не могъ бы укрыть своего отсутствія изъ Петербурга, хотя бы на одинъ день, потому что у меня ежедневно бывали наборщики и разсылные типографіи «Современника» за полученіемъ статей и корректуръ по журналу. Мой отъѣздъ хотя на одинъ день былъ бы замѣченъ десятками людей, работавшихъ въ типографіи г. Вульфа.

23.

Въ показаніи г. Костомарова Пр. С. обстоятельства его второй поѣздки въ Петербургъ изложены имъ такъ, что мнѣ не оставалось бы времени узнать, что онъ не уѣхалъ въ Москву и что я еще могу найти его въ Петербургѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня поутру съ мыслями ѣхать въ Москву въ то же утро. А въ эту поѣздку происходила, по его прежнимъ показаніямъ, диктовка въ Знаменской гостинницѣ.

24.

Къ листу 370 выписки считаю нелишнимъ замѣтить, что теперь съ мѣсяць я опять гуляю по саду. Но опять только по гигиеническимъ надобностямъ.

25.

Просмотрѣвъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, я вижу, что авторъ ея еще не имѣлъ извѣстій и о безденскомъ дѣлѣ, не только о томъ, что мужики весною 1861 г. вообще неохотно шли на уставныя грамоты. Всякій публицистъ найдетъ нелѣпнымъ хлопотать въ августѣ 1861 о печатаніи такого устарѣлаго произведенія. Единственнымъ предлогомъ для моихъ придуманныхъ имъ просьбъ объ этомъ г. Костомаровъ придумалъ, что наборъ былъ тогда еще цѣль. А по свѣдѣніямъ изъ дѣла о г. Костомаровѣ и словамъ его самого, шрифтъ былъ уничтоженъ, не только наборъ разрушенъ, задолго до того времени.

Считаю долгомъ оговорить описку, сдѣланную мною: проѣздъ мой черезъ Москву былъ не 17 или 19-го, а 7 или 8 августа.

26.

Для объясненія того, какъ и зачѣмъ возникло «письмо къ Алексѣю Николаевичу», считаю долгомъ просить Пр. С. обратить вниманіе на то обстоятельство, что мое дополнительное объясненіе Пр. С. отъ 1 июня прошло черезъ нѣсколько рукъ прежде, чѣмъ поступило въ Пр. С.

27.

Г. Костомаровъ говоритъ, что письмо это было найдено имъ за подкладкою сакъ-воляжа еще до ареста, но на прежнихъ показаніяхъ онъ говорилъ что у него уже не остается уликъ послѣ представленія записки карандашомъ, единственной улики; ясно, что письмо къ Алексѣю Николаевичу явилось у него въ рукахъ уже послѣ того.

28.

Когда явилось это письмо, г. Костомаровъ уже забылъ, что самъ говорилъ въ комиссіи: «Плещевъ (Алексѣй Николаевичъ) не имѣлъ и предположенія, что я (Костомаровъ) занимаюсь тайнымъ печатаніемъ, и самъ не занимался ничѣмъ подобнымъ». Слова г. Костомарова сами по себѣ не были бы надежнымъ заявленіемъ факта; но этотъ фактъ съ несомнѣнностью извѣстенъ всѣмъ сотнямъ людей, знающимъ г. Плещева, и, вѣроятно, уже обнаруженъ официальными мѣрами, которыя повлекло за собою появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу».

Я утверждаю, что это письмо подлогъ и смѣю навѣрное ручаться въ слѣдующемъ: самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласить это.

Появленіе письма къ Алексѣю Николаевичу и надобность объяснить это были обстоятельствами, которыхъ не предвидѣлъ г. Костомаровъ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и въ письмѣ къ Соколову. Потому показаніе его 31 іюля не сходится съ ними. Кромѣ чертъ разногласія, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, легко найти десятки другихъ. Еслибы нужно было, я готовъ сдѣлать это. Не дѣлаю этого здѣсь, чтобы не удлинить моей просьбы.

А посему Всеподданнѣйше прошу

Дабы повелѣно было освободить меня отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которыя незаконными дѣйствіями причинили мнѣ денежные убытки, освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ съ сохраненіемъ мнѣ права жить гдѣ мнѣ будетъ нужно по моимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и обѣихъ столицахъ,

и примѣнить приводимыя мною въ рукоприкладствѣ статьи свода законовъ къ лицамъ, которыя по изслѣдованіи окажутся виновными въ ихъ нарушеніи. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій руку приложилъ. 25 сентября 1863 г.

Къ подацію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената».

*

Итакъ, въ этомъ послѣднемъ своемъ протестѣ Чернышевскій совершенно ясно далъ понять, что прекрасно понимаетъ, кому обязанъ всѣмъ дѣломъ... III Отдѣленіе было поставлено на надлежащее мѣсто и, надо правду сказать, понятно, почему оно не могло помириться иначе, какъ на каторгѣ своего обличителя...

Сенатъ заслушалъ всѣ эти три документа и опредѣлилъ внести ихъ въ записку. На этомъ онъ считалъ роль свою выполненной... Впрочемъ, нѣтъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: запросилъ кн. Суворова о письмахъ Чернышевскаго къ нему и государю въ ноябрѣ 1862 г. Но князь отвѣтилъ, что ничего не получилъ, и написалъ въ III Отдѣленіе, прося его доставить оба письма въ сенатъ, если они тамъ и «если къ передачѣ ихъ не встрѣчается препятствій»... Тамъ рѣшили отвѣтить незнаніемъ... Такъ письма и канули въ воду...

III.

Наконецъ, 30 сентября Плещеевъ явился въ сенатъ, далъ подписку прибыть на допросъ 2 октября и преспокойно удалился въ свой номеръ Знаменской гостиницы. Его, этого важнаго государственнаго преступника, не только не отправили немедленно въ одиночный казематъ крѣпости, но даже не подвергнули особому надзору. Что-то совершенно непонятное... Можетъ быть, его спасло видное положеніе по службѣ? Нѣтъ, онъ былъ самымъ обыкновеннымъ коллежскимъ регистраторомъ... Можетъ быть, вниманіе было оказано въ виду его литературной дѣятельности? Но вопросъ этотъ въ Россіи просто нелѣпъ... Почему же? Вѣдь онъ былъ такимъ явнымъ соучастникомъ Чернышевскаго... Да просто потому, что мирный, тихій и спокойный Алексѣй Николаевичъ былъ совершенно не нуженъ; знали, что онъ и не могъ получить такого письма... Конечно, еслибы правительство хотѣло номинально считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно было бы продолжить комедію и, арестовавъ Плещеева, заслать его потомъ въ дальнюю Сибирь,—но вѣдь это былъ уже сентябрь 1863 года,—время, когда реакція торжествовала во всю, жандармы правили Россіей, а Муравьевъ вѣшалъ всѣхъ кого хотѣлъ... Печать была загнана въ подземелье, Катковъ ловилъ сотнями «нигилистовъ», а правительство... правительство воображало себя не иначе, какъ плантаторомъ, поsteгивавшихъ черныхъ рабовъ...

2 октября Плещеевъ далъ такія показанія:

«Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ, такъ какъ онъ принималъ значительное участіе въ редакціи «Современника». Я не упрекалъ никогда Чернышевскаго въ излишнемъ довѣрїи кому бы то ни было и не знаю никакихъ дѣлъ съ Чернышевскимъ, въ которыхъ бы онъ не долженъ былъ быть довѣрчивъ. Участія никакого не могъ принимать, такъ какъ мнѣ совершенно не-

извѣстно, какія именно это дѣла и были ли такія дѣла. Ни о какомъ станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія. Никогда не слышалъ, чтобы Сулинъ хвастался чѣмъ-нибудь подобнымъ (т. е. знакомствомъ съ Чернышевскимъ—*М. Л.*) да и трудно было бы мнѣ слышать, такъ какъ я знакомства съ Сулинымъ никогда не водилъ. Ни о сочиненіи, данномъ будто бы Сулину, ни о тайномъ печатаніи имъ чего бы то ни было, никогда я не слышалъ. Костомарова я никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ, но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, года два тому назадъ, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ кому то изъ редакторовъ «Современника» (какъ о хорошемъ пореводчикѣ, знающемъ языки и могущемъ принести пользу журналу), но только не къ г. Чернышевскому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣломъ жувала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего неизвѣстно. Общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никогда никакого не имѣлъ. Все это письмо для меня совершенно непонятно: не знаю никакого Л., никакихъ офицеровъ и не понимаю даже, что значить—«23 въ Понизовьи». Никакой работы нигдѣмъ возлагаемо на меня не было. Болѣе объяснить ничего не имѣю».

Когда же Плещееву предъявили подложное письмо, якобы къ нему адресованное, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Н. Г., но потомъ сбивается и становится не похожимъ.

14 октября Чернышевскому дали еще одну очную ставку съ Костомаровымъ. Послѣдній, очевидно, совсѣмъ не считалъ нужнымъ помнить свои прежнія показанія: на этотъ разъ онъ снова плелъ какую-то околесицу. Теперь онъ утверждалъ, что о передачѣ Чернышевскимъ Сороко прокламаціи онъ узналъ со стороны, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Сороко въ Москву, и былъ увѣдомленъ о такихъ же слухахъ Плещеевымъ, который тогда тотчасъ же извѣстилъ о нихъ Чернышевскаго, а онъ, Костомаровъ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ получилъ письмо къ Плещееву и предложилъ взять работу у Сороко на себя. Что касается диктованія въ этотъ разъ прокламаціи къ раскольникамъ, то, можетъ быть, оно происходило и въ другой разъ, и т. д... Чернышевскій снова опровергалъ всю эту путаницу.

Очная ставка Костомарова съ Плещеевымъ тоже не дала ничего: первый плелъ всякій вздоръ, второй даже не понималъ его...

Видя полную свою ненадобность сенату и III Отдѣленію, Плещеевъ просилъ отпустить его въ Москву, въ чемъ и не встрѣтилъ препятствія. Для виду съ него была взята лишь росписка о немедленной явкѣ по первому вызову.

28, 2, 30 и 31 октября происходило слушаніе сенатской записки, на которомъ присутствовалъ и Н. Г. Затѣмъ весь ноябрь

составлялось опредѣленіе, переписывалось, посылалось, вѣроятно негласно, въ III Отдѣленіе и только 2 декабря было подписано сенаторами. Черезъ мѣсяцъ министръ юстиціи вернулъ его съ указаніями необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. 7 февраля 1864 г. ему была послана новая редакція.

Въ это время учитель гимназій, литераторъ Дмитрій Щегловъ просилъ или свиданія съ Чернышевскимъ по личному своему дѣлу или пересылки ему объ этомъ письма. Было разрѣшено второе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Чернышевскій больше не опасенъ.

I.

Опредѣленіе сената настолько характерно, настолько ярко, какъ иллюстрація чудовищнаго произвола и наглости, что я приведу его полностью. И его необходимо прочесть безъ пропусковъ: только при этомъ условіи читатель пойметъ, что это за документъ, если помнить самъ все дѣло.

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ». Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и социалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала, а одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состоятъ въ слѣдующемъ:

Управляющій III Отд. собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получилъ безыменное письмо о Чернышевскомъ, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, «этого коновода юношей, хитраго социалиста». Онъ самъ сказалъ, что настолько уменъ, что его никогда не уличать. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого зловреднаго человѣка. Всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральныя, отдалились отъ него. «Ежели не удалите Чернышевскаго», пишетъ авторъ письма, «быть бѣдѣ, будетъ кровь. Эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ—отчаянныя головы, эта «Молодая Россія» высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, а сколько невинной крови за нихъ прольется?! Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—вездѣ есть

комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. «Николая Гавриловича (имя и отчество Чернышевскаго) отправьте, куда хотите, поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія».

Въ концѣ іюня мѣсяца 1862 года получено было въ III отдѣленіи увѣдомленіе, что изъ Лондона въ Петербургъ ѣдетъ коллежскій секретарь Ветошниковъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденцію отъ пропагандистовъ. При арестованіи Ветошникова, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ его распространять пропаганду въ Россіи, а въ концѣ письма приписка: «Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены издавать «Современникъ» съ Чернышевскимъ».

По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля былъ арестованъ, и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ Думѣ, по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ разсмотрѣнія, беспокоить по этому дѣлу никого не будутъ. Переписка Чернышевскаго съ профессоромъ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. Письмо И. Б., по почерку Ивана Бортыкова, въ которомъ замѣчательны слова: «Москва занята теперь тверскими происшествіями, говорятъ, революція будетъ». Письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно кому адресованное, со многими выскоченными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго, не вовлекать юношество въ литературный союзъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую нибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскую или иной Уралосибирскій трактъ. Анонимное письмо къ Чернышевскому, въ коемъ называютъ его пропагандистомъ, социалистомъ, Маратомъ, желающимъ ниспровергнуть существующій порядокъ и учредить демократію и затѣмъ угрожаютъ ему самому гибелью. Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, наконецъ, двѣ тетрадки, написанныя съ сокращеніемъ словъ, слоговъ и буквъ. Тетрадки эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ тому періоду времени, когда онъ не состоялъ еще въ брачномъ союзѣ, а былъ женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: «Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль.

У меня ничего не найдутъ, но друзья у меня весьма сильны¹⁾. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣсть, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда едвали уже выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей».

Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября написалъ женѣ своей письмо, въ коемъ говоритъ, между прочимъ: «Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами». Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять «Энциклопедію знанія и жизни», онъ пишетъ: «Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель».

Между тѣмъ во время производства изысканій по дѣлу Чернышевскаго, отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій и по высочайшему повелѣнію разжалованный въ рядовые съ назначеніемъ на службу въ кавказскій линейный баталіонъ, при препровожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандармскимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тулѣ заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо къ нѣкоему Соколову въ С.-Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Письмо это заключаетъ въ себѣ подробный рассказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій вмѣстѣ съ бывшимъ литераторомъ, нынѣ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ сочинилъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, а полковникъ Шелгуновъ воззваніе къ солдатамъ, и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороко, съ коимъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Описывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который со-вратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, что «израильтянинъ былъ такъ не практиченъ, что, распатавъ столбы зданія, втемяшился въ самую середину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ (т. е. Чернышевскій) разсуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: «чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошло другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ. Коли развалить—хорошо, я займусь постройкой новаго, а не развалить, надорвутся, такъ мнѣ-то что? Я то всячески цѣль останусь». Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что

¹⁾ А на самомъ дѣлѣ было написано: „... но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя“. Изъ „подозрѣнія“ („дѣрья“) сдѣлали „друзья“.

напрасно онъ будетъ укорять его за то, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства увязить Чернышевскаго на свое мѣсто, что онъ самъ видѣлъ эти письма, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія Къ барскимъ крестьянамъ относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говорить въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предалъ себя. Онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чернышевскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненное Чернышевскимъ воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ, и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Чернышевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, взывающихъ къ рѣзнѣ, какъ Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько; какъ Шелгуновъ сочинилъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, въ Знаменской гостинницѣ воззваніе къ раскольникамъ, которое онъ впоследствии уничтожилъ.

По распоряженію III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашемъ слѣдующаго содержанія: «В. Д. Въмѣсто срочно-обяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня)—наберите вездѣ «врем. обяз.», какъ это называется въ положеніи, Вашъ Ч.» Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для печатанія воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ. Но по предьявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената нашли, что, хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ числа 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же пр. сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

Воззваніе, къ барскимъ крестьянамъ, въ сочиненіи коего Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго и экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова, будучи писано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратное толкованіе Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи Положенія они будутъ еще

въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся; затѣмъ объясняется крестьянамъ, въ чемъ именно состоитъ воля; приводятся въ примѣръ Франція, Англія, Швейцарія, Америка, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи приглашаетъ барскихъ крестьянъ готовиться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются «срочно-обязанные», каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій запиской исправить при напечатаніи.

Кромѣ сего жандармскій капитанъ Чулковъ донесъ генералъ-майору Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣни его, прежде пріѣзда въ Тулу, еще въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, и предложилъ Яковлеву подтвердить это письменно, на что Яковлевъ и согласился. Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него пріѣзжавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго. Разъ, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующій разговоръ: Чернышевскій говорилъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла». Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго ихъ смысла, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ слышанный имъ разговоръ довести до свѣдѣнія правительства.

На предложенные Костомарову Высочайше учрежденною слѣдственной комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Генералъ-майоръ Потаповъ препроводилъ въ Высоч. учр. слѣдств. комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора докладную записку, содержащуюся въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Черны-

шевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за пьянство и буйство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полиціймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеизъясненные проступки въ смирительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороко въ Петербургъ, они на данные имъ вопросы отвѣтили: Сороко, что хотя онъ и пріѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но «воззванія къ барскимъ крестьянамъ» Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сороко подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики его. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго утвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуеть.

Редакторъ журнала «Современникъ», Некрасовъ, представилъ генераль-маіору Потапову, полученное имъ по почтѣ изъ Москвы письмо, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на тверской станціи выпилъ и забуянилъ, за это общество посадило его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздилъ къ генералу Потапову, Яковлевъ отвѣчалъ: «Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, надняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція № 18. Явившись туда, и былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, будешь хорошо награжденъ». «А Костомаровъ не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?» спросили они. «Говорили, что долженъ дать въ III Отдѣленіи показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!» Я не знаю, что значать эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ ли Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли, напримѣръ, освободить изъ рабочаго дома?» «Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію». «Я уже подаль Потапову отсюда прошеніе», сказалъ Яковлевъ, «меня скоро потребуютъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!» «Мы сказали, что лучше сказать правду.

Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположеніямъ, что Чернышевскій, дѣйствительно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда». Все это заставило пишущихъ обратиться съ просьбою къ Некрасову, прося представить письмо это куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою. Подписали: Гольцъ-Миллеръ, Ильенко, Новиковъ, Сулинъ и Яценко.

Комиссія положила: вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хъ мѣсячнаго срока, на который онъ присужденъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее соизволеніе, каковое и послѣдовало. Полковникъ Шелгуновъ противъ возводимыхъ на него Костомаровымъ обвиненій не сознался, утвердивъ заирательство свое и на очной съ Костомаровымъ ставкѣ. Литераторъ Михайловъ, бывший губернской секретарь, судившійся въ сенатѣ за распространеніе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію» и сосланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и Къ барскимъ крестьянамъ, и Къ солдатамъ, изъ которыхъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій Сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отд. 5-го департ. сената, т. е. за распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію», или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззваній Къ барскимъ крестьянамъ и солдатамъ. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: судить Михайлова за распространеніе прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, г. оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ, полученное въ III отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно Плещееву). Письмо это слѣд. содержанія: (Дальше приводится полностью уже извѣстное читателямъ письмо—М. Л.)

Письмо сіе предъявлено было въ присутствіи сената Чернышевскому, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ и о содержаніи онаго отозвался невѣдѣніемъ. Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано письмо сіе, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемыя, писаны одною и тою же рукою. Присутствіе 1-го отдѣленія 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей сената правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената и подтвердивъ прежнія объясненія свои, касательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его куда-то затерялъ, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояза, но какъ оно бывъ измочено и разорвано (письмо это дѣйствительно получено въ сенатѣ разорванное и со слѣдами подмочки), то отдать его Плещееву ему было совѣстно. Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, вводимыхъ на него обвиненіяхъ, ни на вопросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной съ Костомаровымъ ставкѣ—не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ комиссіи онъ сказалъ: «Я поспѣдью, умру, но не перемѣню своего показанія». Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснилъ тѣмъ, что покровительствовалъ только ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался предъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали для сего лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и формы, въ домогательствѣ его отказалъ. Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго чрезъ Костомарова, подъ заглавіемъ: «Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ».

Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, потомъ

причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1858 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что на подсудимаго Чернышевскаго ввоздятся три слѣдующія обвиненія:

1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ токмо приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое по словамъ его получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что дѣйствительно Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. тома XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснишаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто «срочно-обязанные»—«временно-обязанные» (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно, написано «срочно-обяз.» и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе къ барскимъ крестьянамъ; г) показаніе бывшаго подъ судомъ

въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившего объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія Къ барскимъ крестьянамъ; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смиренномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденнымъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смиренняго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе онаго.

3. Приготовленіе къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2, ст. 326 и т. X, ч. 2, ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкому Алексѣю Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308, т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности приобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи Къ барскимъ крестьянамъ, которое они взяли напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Позизовѣ).

Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I, т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу

правительства. Но принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени подлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», своею литературною дѣятельностію имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему Сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его заpirationству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

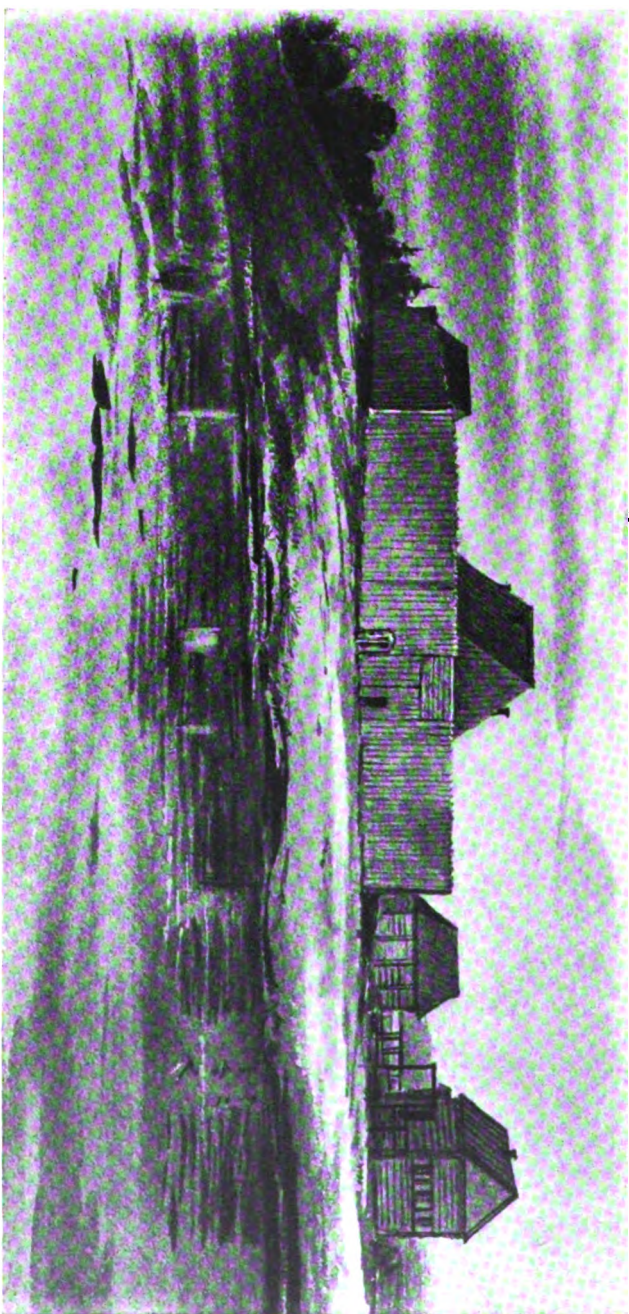
Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Рѣшеніе это, на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV свод. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ.

II.

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля въ такомъ видѣ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». 26 апрѣля Замятнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ...

Виллюйская тюрьма.
Въ ней жилъ Н. Г. Чернышевскій.

Русское общество понесло страшную потерю... Изъ его передовыхъ рядовъ былъ вырванъ самый видный вождь... И любопытно, что потерю эту чувствовали не только единомышленники Чернышевскаго, но даже его враги. Напримѣръ, тотъ самый Никитенко, который то и дѣло называлъ его «краснокожимъ либераломъ» и «насадителемъ смуты», передавъ вкратцѣ приговоръ, записалъ: «Изъ рукъ вонъ это печально!»... Разумѣется, умныхъ людей, независимо отъ ихъ направленія, не могло не поразить, а сколько нибудь честныхъ—не возмутить упоминаніе въ приговорѣ статей «Современника», своевременно разрѣшенныхъ цензурой. Это обстоятельство было причиной болѣе или менѣе широкаго общественнаго негодованія...

Очень интересна другая запись Никитенка: «Я спрашивалъ у сенатора Любоцинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда кн. Долгорукой показалъ имъ какія то бумаги изъ III Отдѣленія,—и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна.... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ» ¹⁾).

Въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ даже никакихъ намековъ на упомянутый Никитенкомъ документъ. Нѣтъ объ этомъ ничего и въ дѣлѣ государственнаго совѣта ²⁾. Но это еще не доказательства противнаго. Такіе документы не вносятся въ тощія и очень глухія «дѣла» государственнаго совѣта, а помѣщаются при журналахъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ не выдаютъ. Думаю только, что рассказъ Никитенка не совсѣмъ вѣренъ: врядъ ли въ государственномъ совѣтѣ могло произойти разногласіе съ опредѣленіемъ сената, которое, какъ было безызвѣстно членамъ, вполне одобрялось правительствомъ... А, впрочемъ, все могло быть.

19 мая, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади была совершена надъ Чернышевскимъ отвратительная комедія такъ называемой «гражданской казни»... ³⁾).

¹⁾ „Записки и дневникъ“, изд. Пирожкова, II. 181.

²⁾ Дѣло по журналу № 37, по архиву № 13.611.

³⁾ Подробности ея повѣе и вѣрнѣе всѣхъ описаны Гейнсомъ (Вильямомъ Фреємъ) на стр. 460—462 февральской книжки „Русской Старины“ за 1905 годъ. Затѣмъ о томъ же см. рассказы г. Вѣйскаго (стр. 99—100 июньской книжки „Русскаго Богатства“ за 1905 г.), г. Кокосова (стр. 159—162 послѣдней книжки того же журнала за 1905 г.), А. С. Суворина въ его книгѣ „Всякіе“, сожженной въ шестидесятыхъ годахъ и написанной имъ подъ псевдонимомъ Бобровскій (стр. 186—187); укажу кстати, что вообще въ этой книгѣ, писанной г. Суворинымъ добраго стараго времени, Чернышевскій выставленъ съ весьма симпатичной стороны подъ именемъ Самарскаго, а Всеволодъ Костомаровъ,—въ весьма отрицательномъ, подъ именемъ Тълмарова. Наконецъ, есть нѣсколько строкъ и въ книгѣ г. Скальковскаго—

При кликахъ: «прощай, Чернышевскій!», «до свиданія!» карета, везшая Н. Г., скрылась изъ глазъ многолюдной толпы...

Когда зимой того же года гр. А. К. Толстой, пользуясь сосѣдствомъ съ государемъ на придворной охотѣ и отвѣчая на его вопросъ о новостяхъ въ литературномъ мѣрѣ, сказалъ, что «русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго», Александръ II «не далъ Толстому даже окончить его фразы... «Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ»—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена»... ¹⁾.

Мих. Лемке.

„Наши государственные и общественные дѣятели“. При этомъ любопытно, что всѣ, кромѣ Гейнса, называютъ разныя и невѣрные числа, утверждая иногда, что хорошо ихъ помнятъ.

¹⁾ „Новое Время“ 1904 г. № 10321.

Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго.

Въ мартовской книжкѣ «Былого», въ статьѣ М. К. Лемке «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго», упоминается между прочимъ эпизодъ посылки моимъ отцомъ изъ крѣпости письма князю Суворову, которое, однако, не дошло по назначенію. Судьба этого письма и понынѣ остается невыясненною.

Считаю умѣстнымъ подѣлиться по этому поводу имѣющимися у меня свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архива князя Суворова, бывшаго въ то время Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ.

Письмомъ отъ 2 февраля 1863 г. князь Суворовъ, до котораго частнымъ образомъ дошли слухи о томъ, что отецъ мой обращался къ нему съ какимъ-то письмомъ, не дошедшимъ до него, запросилъ по этому поводу коменданта крѣпости, Сорокина.

Привожу подлинный текстъ существенной части этого запроса.

«... Считаю долгомъ заявить Вашему Превосходительству, что адресуемая на мое имя письма я обыкновенно распечатываю и прочитываю самъ и никому еще не давалъ права вскрывать и читать подобныя письма прежде меня; поэтому и письмо литератора Чернышевскаго слѣдовало доставить ко мнѣ не распечатаннымъ.

С.-Петербургская крѣпость, находящаяся въ губерніи и Столицѣ, Высочайше ввѣренныхъ моему управленію, состоитъ и въ моемъ вѣдѣніи, какъ здѣшняго Военнаго Генераль-Губернатора; посему, если Ваше Превосходительство имѣете особую инструкцію, на основаніи которой письма, адресованныя на имя Князя Суворова, отъ лицъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, должны быть передаваемы не мнѣ, а кому либо другому, въ такомъ случаѣ Вамъ слѣдовало, прежде чѣмъ разрѣшить Г. Чернышевскому писать ко мнѣ, довести о такомъ намѣреніи его до моего свѣдѣнія, и тогда я испросилъ бы предварительно у Государя Императора разрѣшеніе, могу ли принять письмо отъ этого арестованнаго. Если бы Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, въ такомъ случаѣ литератору Чернышевскому не представлялось бы и повода писать вышеупомянутое письмо. Дозволять же ему писать ко мнѣ, не предваривши, что письмо

его не можетъ быть доставлено по адресу, по моему убѣжденію, значить злоупотреблять моимъ именемъ, потому что Чернышевскій, получивши такое предупрежденіе, безъ сомнѣнія отказался бы отъ намѣренія обращаться ко мнѣ съ письмомъ....»

На сдѣланный ему запросъ Сорокинъ отвѣчалъ, что Алексѣевскій равелинъ съ 3 іюля 1826 г. состоитъ въ вѣдѣніи III Отдѣленія, что всѣ письма арестованныхъ въ этомъ равелинѣ всегда передавались секретно въ III Отдѣленіе и что «на томъ же основаніи было поступлено и съ письмомъ содержащагося въ Алексѣевскомъ равелинѣ Чернышевскаго, адресованнымъ на имя Вашей Свѣтлости».

Привожу за одно еще нѣсколько дополнительныхъ данныхъ къ дѣлу моего отца, заимствованныхъ изъ подлинныхъ документовъ, касающихся послѣднихъ дней пребыванія моего отца въ Петербургѣ передъ ссылкойю.

Записка князя Суворова къ князю Долгорукову (начальнику III Отдѣленія) отъ 4 мая 1864 г.

«Высочайше утвержденнымъ 21 февраля сего года мнѣніемъ Комитета Гг. Министровъ преступники всѣхъ категорій изъ привилегированныхъ классовъ, ссылаемые по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, должны быть отправлены на подводахъ порядкомъ, указаннымъ въ 510 и 511 ст. XV т. Св. Зак. о ссыльныхъ, т. е. они препровождаются этапнымъ порядкомъ, но не съ прочими ссыльными, особыми партіями и безъ употребленія оковъ и наручей.

Нынѣ состоялея приговоръ о судимомъ за политическое преступленіе дворянинѣ Николаѣ Чернышевскомъ, который имѣеть быть отправленъ въ каторжную работу.

По особо уважительнымъ причинамъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, я полагалъ бы Чернышевскаго отправить не этапнымъ порядкомъ, но на почтовыхъ съ двумя жандармами ¹⁾, примѣняясь къ правиламъ Высочайше утвержденнымъ 10 января 1854 года.

При этомъ, согласно вышеприведенному Высочайше утвержденному мнѣнію Комитета Гг. Министровъ и ст. 96, 170, 171 и 224 XIV т. Св. Зак. уст. о содер. подъ страж. и улож. о наказ. примѣч. къ ст. 19, я полагалъ бы отправить Чернышевскаго безъ оковъ и наручей, такъ какъ и Губернское Правленіе при отправленіи этапнымъ порядкомъ лицъ привилегированныхъ сословій, осужденныхъ въ каторжную работу, не налагаетъ оковъ и наручей; а также не исполнять надъ ними обряда, указаннаго въ 541 ст. 2 кн. 15 т. Св. Зак. (о выставленіи къ позорному столбу), ибо Чернышевскій по приговору Правительствующаго Сената не присужденъ къ политической смерти».

На эту записку послѣдоваль 5 мая 1864 г. слѣдующій отвѣтъ:

1. Высочайше утвержденнымъ 21 февраля 1864 г. положе-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

ніемъ Комитета Гг. Министровъ (Собр. узак. 1864 г. № 26 стр. 217) дозволено всѣмъ арестантамъ привилегированныхъ сословій, ссылаемыхъ въ Сибирь, какъ по политическимъ причинамъ, такъ и за общія преступленія, отправляться на почтовыхъ лошадяхъ, буде они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ этому достаточныя собственныя средства, причемъ соблюдаются правила Высочайше постановленныя 10 января 1854 г. (которыя Министерству Юстиціи неизвѣстны).

2. По точному смыслу 170, 171, 224 ст. XIV т. уст. содер. подъ стражею и ст. 96 т. XIV уст. о ссыльн., дворяне и чиновники, при препровожденіи въ Сибирь, не должны быть заключаемы въ оковы и идуть только подъ строгимъ надзоромъ.

3. Установленный въ 541 ст. II кн. XV т. Св. Зак. угол. обрядъ (переламываніе шпаги и выставленіе на эшафотъ къ позорному столбу), по точному смыслу сей статьи, долженъ быть исполняемъ надъ всѣми безъ исключенія лицами, осужденными въ каторжныя работы (а не надъ тѣми только, кто по ст. 75 улож. о нак. (Св. Зак. т. XV) приговоренъ къ политической смерти).

При этомъ было приложено циркулярное отношеніе Министерства Юстиціи г. Губернскимъ, Областнымъ и прочимъ мѣстъ Прокурорамъ отъ 21 мая 1863 г. за № 10849 о точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ о неналоженіи оковъ на нѣкоторыхъ ссыльныхъ, какъ то малолѣтнихъ, женщинъ и тѣхъ, кои до осужденія были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ управлявшій канцелярією князя Суворова, Четыркинъ, обратился 5 мая 1864 г. къ коменданту крѣпости, Сорокину, съ слѣдующимъ письмомъ:

«Приговоръ Правительствующаго Сената отставному Титулярному Совѣтнику Чернышевскому уже объявленъ и объ исполненіи онаго Ваше Превосходительство изволите получить вслѣдъ за симъ официальное сообщеніе, предварительное же сего сообщенія, по порученію Князя Александра Аркадіевича, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, когда Чернышевскій будетъ переведенъ изъ Равелина въ обыкновенный казематъ крѣпости и не встрѣтится ли завтрашній день, т. е. 6 мая какихъ либо препятствій къ свиданію его съ сыномъ и близкими родными».

На письмо это 6 мая, былъ полученъ отъ Сорокина отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«По установленному порядку, вообще переводъ изъ Алексѣевского равелина рѣшенныхъ преступниковъ въ обыкновенный казематъ, или на главную крѣпостную гауптвахту, исполняется или наканунѣ того дня, въ который опредѣлено произвести публично въ исполненіе конфирмацію, или же наканунѣ отправленія по назначенію, если публичнаго объявленія не назначено. Свиданіе допустится въ теченіи дня не въ мѣстѣ заключенія, а въ особой комнатѣ, въ присутствіи кого либо изъ чиновъ Комен-

дантскаго Управленія. По пробитіи вечерней зари (наканунѣ отправления) осужденному стригутъ волосы на головѣ и брѣютъ бороду и усы, а при самомъ отправленіи одѣваютъ въ казенное платье и сдаютъ конвойнымъ для слѣдованія по назначенію на почтовыхъ лошадахъ».

По выясненіи вопроса о наложеніи оковъ и о совершеніи обряда публичной казни, князь Суворовъ, 6 мая 1864 г. за № 1264, сообщилъ С.-Петербургской Управѣ Благочинія о состоявшемся Высочайшемъ утвержденіи мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Чернышевскомъ и предложилъ 2-му Департаменту Управы Благочинія сдѣлать безотлагательно зависящее по сему предмету распоряженіе, съ тѣмъ чтобы при исполненіи надъ нимъ приговора былъ соблюденъ обрядъ, установленный 541 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.),

«Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что для публичнаго объявленія приговора Чернышевскій имѣеть быть переведенъ наканунѣ дня исполненія изъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ онъ нынѣ содержится, въ С.-Петербургскій тюремный замокъ. Распоряженіе это возложено мною на Генераль-маіора Чебыкина, которому поручено по исполненіи надъ Чернышевскимъ приговора препроводить его обратно въ С.-Петербургскую крѣпость, откуда уже онъ долженъ быть отправленъ по назначенію на почтовыхъ въ сопровожденіи 2 жандармовъ. Необходимыя для отправления Чернышевскаго въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ деньги будутъ доставлены въ Департаментъ особо»...

Одновременно съ этимъ того же числа за № 1266 былъ увѣдомленъ о томъ же и генераль-маіоръ Чебыкинъ.

Передъ отправленіемъ отца изъ Петербурга дядя мой, А. Н. Пыпинъ, обратился къ Управляющему Канцелярію кн. Суворова, Четыркину и къ самому князю Суворову съ нижеслѣдующими письмами отъ 6 мая 1864 г. о разрѣшеніи послѣдняго свиданія:

Къ Четыркину:

Ваше Превосходительство!

На случай, когда воспослѣдуетъ отъ князя Суворова разрѣшеніе видѣться съ Ч. для его родственниковъ, сообщаю Вамъ имена ихъ и мѣсто жительства.

Александръ Ник.
Сергѣй Ник.
Евгенія Ник.
Полина Ник.

Пыпины

—въ Кабинетской ул., на углу Ивановской, д. Матушевича, кв. № 14.

Иванъ Григорьевичъ

Терсинскій,—оберъ-секретарь при Святейшемъ Синодѣ.

—на Васильевскомъ островѣ по 8-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, въ Синодальномъ домѣ подлѣ Благовѣщенья.

Кромѣ того, покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемое при семъ письмо Его Свѣтлости.

Честь имѣю быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пыпинъ.

Къ князю Суворову:

Ваша Свѣтлость!

Имѣю честь представить Вашей Свѣтлости имена тѣхъ постороннихъ лицъ, которыя желали бы имѣть разрѣшеніе видѣться съ Ч. передъ его отъѣздомъ, и списокъ которыхъ Вы изволили у меня спрашивать.

Николай Алексѣев. *Некрасовъ* (на Литейной, въ д. Краевского).

1) Максимъ Алексѣев. *Антоновичъ* (въ Басковой ул., близъ Бассейной, д. Даммера).

2) Григорій Захар. *Елистеѣвъ* (на Васильевскомъ островѣ, на углу 1-й линіи и Большого проспекта, въ д. церкви Св. Екатерины).

Докторъ Петръ Ив. *Боковъ* (въ Эртелевомъ пер., домъ Ханыкова).

Имена родственниковъ Ч. я уже сообщилъ г. Четыркину, вмѣстѣ съ означеніемъ ихъ мѣста жительства.

Честь имѣю быть

Вашей Свѣтлости

покорный слуга

Александръ Пыпинъ.

6 мая 1864 г.

На обоихъ письмахъ имѣется резолюція князя Суворова «Согласенъ».

Независимо отъ этихъ писемъ, И. Г. Терсинскій 8 мая подалъ самъ отдѣльно заявленіе о желаніи свиданія «съ родственникомъ своимъ Чернышевскимъ»³⁾.

О допущеніи свиданія съ И. Г. Терсинскимъ, П. И. Боковымъ, Г. З. Елистеѣвымъ, Н. А. Некрасовымъ и М. А. Антоновичемъ князь Суворовъ сообщилъ обычнымъ порядкомъ Коменданту 9, 13 и 19 мая, причемъ въ бумагахъ отъ 19 мая 1864 г. за № 1363 имѣется приписка: «Въ случаѣ же если будетъ просить свиданія съ Чернышевскимъ родственница его Михаэлисъ⁴⁾, то ей въ томъ разрѣшенія покорнѣйше прошу не давать».

1) Прибавлено, очевидно уже въ канцеляріи: «Кол. Секр.»

2) Прибавлено: «Надв. Совѣт.»

3) И. Г. Терсинскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, Л. Н. Котляревской, умершей въ началѣ пятидесятихъ годовъ, къ которой отецъ былъ очень привязанъ. Мать Л. Н. Котляревской вторымъ бракомъ была замужемъ за Н. Д. Пыпнымъ.

4) Михаэлисъ не была нашею родственницею.

Дальше я скажу нѣсколько словъ и о судьбѣ Михаэлисъ, напрасно добывавшейся свиданія съ моимъ отцомъ.

Имѣлось въ виду отправить моего отца изъ Петербурга, 19 мая, что видно изъ слѣдующей резолюціи кн. Суворова, положенной имъ на представленіи С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера отъ 17 мая 1864 г. о времени отправленія Чернышевскаго въ Тобольскъ—въ день ли объявленія приговора или послѣ, и котораго именно числа: «Отправить во Вторникъ т. е. 19 мая. Сегодня сдѣлать всѣ распоряженія».

19 мая было объявленіе приговора, слѣдовательно предполагалось отправить въ тотъ же день, но отправка не состоялась, и на другой день, 20 мая за № 1373, кн. Суворовъ обратился къ графу Гейдену съ слѣдующею запискою:

«С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Его Сіятельству Графу Ѳедору Логгивичу, имѣеть честь покорнѣйше просить командировать по особо уважительнымъ причинамъ одного изъ фельдъегерей для сопровожденія политическаго арестанта Николая Чернышевскаго до станціи Выстовой по Шлиссельбургскому тракту, которому и приказать прибыть къ Коменданту С.-Петербургской крѣпости въ 9 часовъ пополудни».

20 мая 1864 г. за № 103 Комендантъ донесъ кн. Суворову, что Чернышевскій «сего числа въ 10 часовъ пополудни отправленъ въ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ съ назначенными для сего жандармами». На дорогу было отпущено казною въ распоряженіе сопровождавшаго отца жандармскаго вахмистра, Іоны Ильина, 513 р. 16³/₄ к., изъ которыхъ Ильинымъ потомъ было возвращено 1 р. 90 к. какъ не израсходованные.

Во время совершенія надъ моимъ отцомъ обряда публичной казни произошелъ «возмутительный» съ полицейской точки зрѣнія инцидентъ: изъ толпы на эстраду кто то бросилъ.... букетъ цвѣтовъ!

Вотъ какъ описываетъ этотъ случай С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ (Генераль-Лейтенантъ Анненковъ) въ своемъ донесеніи князю Суворову:

«Сего числа при публичномъ объявленіи на Мытнинской площади приговора бывшему Титулярному Совѣтнику Чернышевскому, всѣми зрителями, которыхъ было довольно значительное число, соблюдена была совершенная тишина и никакого случая безпорядка не было.—Я долженъ обратить при этомъ вниманіе Вашей Свѣтлости на то, что въ самое то время, когда Чернышевскій шелъ къ эстрадѣ, изъ толпы, въ довольно дальнемъ разстояніи отъ него, былъ кинутъ букетъ, упавшій тутъ же впереди зрителей, стоявшихъ шаговъ за 20-ть за линіею войскъ. Женщина, бросившая букетъ, была подмѣчена однимъ изъ передѣтыхъ городовыхъ и въ ту же минуту Надзирателемъ Агафоновымъ отправлена въ домъ Оберъ-Полицеймейстера. Все это было сдѣлано такъ скоро и осторожно, что мало кто замѣтилъ

эту сцену. Женщина эта оказалась дѣвица Михаэлисъ. Я имѣю еще свѣдѣніе, что на возвратномъ пути, когда экипажъ, въ которомъ былъ Чернышевскій, проѣхалъ всю длину 4-й улицы (на Пескахъ) и подѣхалъ къ Лиговкѣ, нѣсколько извозничьихъ экипажей съ сѣдоками, въ числѣ которыхъ были и женщины, догнали кортежъ и намѣревались ѣхать около его; но такъ какъ экипажъ былъ конвоированъ жандармами, то они должны были отстать и разѣхаться».

Поэтический порывъ юнаго сердца не могъ остаться безъ наказанія: 25 мая 1864 г. за № 3468 С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ обращается къ князю Суворову съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Имѣю честь донести, что извѣстная Вашей Свѣтлости изъ докладной записки моей, отъ 21 Мая, дочь Статскаго Совѣтника Марія Михаэлисъ въ прилагаемой при семь подпискѣ обязалась выѣхать изъ С.-Петербурга и проживать у родителей своихъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Подоль. Обязавъ мать дѣвицы Михаэлисъ, жену Статскаго Совѣтника, Евгенію Михаэлисъ, не позволять дочери своей отлучаться изъ указанной выше деревни безъ разрѣшенія Начальства, я тѣмъ не менѣе однакожъ нахожу нужнымъ покорно просить Вашу Свѣтлость, не изволите ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за поведеніемъ дѣвицы Михаэлисъ и неотлучкою ея изъ деревни Подоль надзора мѣстной полиціи. Къ этой мѣрѣ побуждаетъ меня характеръ дѣвицы Михаэлисъ, отличающійся необдуманностью и вреднымъ направленіемъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что по дѣлу о надзорѣ за дѣвицею Михаэлисъ я не обращался къ ея отцу по случаю крайне болѣзненнаго его положенія.

Подписки дѣвицы Михаэлисъ и ея матери имѣю честь при семь представить».

Подписка дѣвицы Михаэлисъ была выдана слѣдующаго содержанія:

«Я, ниже подписавшаяся, обязуюсь жить у моихъ родителей, Шлиссельбургскаго уѣзда, въ деревнѣ Подоль, впредь до разрѣшенія Генераль-Губернатора. Дочь Статскаго Совѣтника Марія Михаэлисъ».

24-ое мая 1864 года.

Соотвѣтственная подписка была выдана и матерью дѣвицы Михаэлисъ.

Судьба М. Михаэлисъ этимъ не кончается. За ней учреждается полицейскій надзоръ за неотлучкою изъ деревни и 31 мая 1864 г. за № 1464 князь Суворовъ предписываетъ Петербургскому Оберъ-Полицеймейстеру «наблюдати, чтобы въ случаѣ прибытія Михаэлисъ въ С.-Петербургъ было немедленно мнѣ донесено».

Въ деревнѣ Подоль М. Михаэлисъ оставалась почти около года, въ теченіе котораго только одинъ разъ, въ началѣ ноября 1864 г., ей было разрѣшено «прибыть въ Петербургъ на однѣ

сутки, обязавъ ее подпискою о своевременномъ возвращеніи къ мѣсту настоящаго ея жительства».

Затѣмъ, по прошенію ея матери въ мартѣ 1865 г. ей было разрѣшено отправиться въ окрестности Петербурга въ семейство служившаго по лѣсной части штабсъ-капитана Ник. Степ. Львова, взявшаго ее на поруки.

Частная жизнь М. Михаэлисъ протекала, повидимому, въ такомъ спокойствіи, что даже у Петербургскаго Губернатора, какъ это видно изъ представленія его князю Суворову отъ 28 марта 1865 г. за № 129, явилось сомнѣніе, слѣдуетъ ли продолжать за ней полицейскій надзоръ и воспрепятствовать отлучки въ Петербургъ. Отвѣтъ князя Суворова былъ однако отрицательный. Точно также отрицательно отнесся онъ и къ просьбѣ матери Михаэлисъ о разрѣшеніи уѣхать ей съ дочерью за границу, и только уже въ концѣ 1865 года князь Суворовъ, по новому ходатайству матери Михаэлисъ, призналъ возможнымъ «разрѣшить повсемѣстное жительство и освободить отъ полицейскаго надзора дочь статскаго совѣтника Марію Михаэлисъ», о чемъ 17 ноября 1865 г. и были увѣдомлены Петербургскій Губернаторъ и Оберъ-Полицеймейстеръ.

Мих. Чернышевскій.

Письмо А. А. Дельвига къ А. С. Пушкину.

«Здравія желаю Александру милому и поздравляю съ новымъ годомъ. Цыганы твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдутъ отъ него и будутъ печататься. Рылѣевой я изъ своего долга заплатилъ 600 р. Въ остаткѣ у меня осталось 1.600 р., которые при появленіи цвѣтовъ сполна заплатятся. За 19-е Октября благодарю тебя съ лицейскими скотами и братцами вмѣстѣ. Пиши ради Бога ко мнѣ, ты ни на одно письмо мое не отвѣчаешь. Странно для меня, какъ ты не отвѣчалъ на послѣднее. Оно заключало другое письмо, которое если не тронуло тебя, то ты не поэтъ, а камень. Осипова тебѣ кланяется, я съ ней часто говорю о тебѣ и вмѣстѣ грустимъ. Нынче буду обѣдать у вашихъ провожать Льва Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Кернъ, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты слышу хочешь жениться, благословляю—только сюда привози свою жену, познакомиться съ моею. Прощай. Дельвигъ».

Дельвигъ представилъ „Цыганъ“ вмѣстѣ съ четырьмя другими пьесами Пушкина графу Бенкендорфу 23 февраля 1827 года. „А. С. Пушкинъ — писалъ Дельвигъ Бенкендорфу — убѣдительноше просить Ваше Превосходительство скорѣе рѣшить достойны ли они и могутъ ли быть пропущены“. Такъ говорилъ Дельвигъ о „Цыганахъ“, уже пропущенныхъ. 4 марта Бенкендорфъ возвратилъ рукописи Дельвигу при слѣдующемъ письмѣ: „Возвращая при семъ доставленныя Вами ко мнѣ сочиненія А. С. Пушкина, долгомъ считаю присовокупить, что я отвѣтъ мой отправилъ прямо къ Александру Сергѣевичу. Сколько меня ни удивило посредничество Ваше въ семъ дѣлѣ, но мнѣ пріятно Васъ увѣрить въ чувствахъ почтенія, съ коими честь имѣю быть и т. д.“¹⁾. Эти данныя позволяютъ датировать письмо Дельвига. Оно написано въ 1827 году, не раньше 23 февраля и не позже 4 марта.

П. А. Плетневъ, завѣдывавшій изданіемъ „Стихотвореній Александра Пушкина“ (вышли изъ цензуры 9 октября 1826 года), сообщалъ 21 января 1826 года своему довѣрителю о томъ, что изъ имѣвшихся въ его распоряженіи денегъ поэта Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000 рублей²⁾. Въ самомъ концѣ января или началѣ февраля 1826 года Пушкинъ писалъ Дельвигу: „ты взялъ 2000 у меня и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде великаго поста они находились опять у Плетнева“³⁾. А въ мартѣ или апрѣлѣ того же года Пушкинъ

¹⁾ „Дѣло Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ“, см. „Всемирный Вѣстникъ“ 1906, янв. стр. 42 и 44.

²⁾ П. А. Плетневъ. Сочиненія и переписка, т. 3-й, стр. 334.

³⁾ Сочиненія Пушкина, Ред. П. А. Ефремова 1904, т. 7, стр. 248.

наказывалъ Плетневу: „деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига“¹⁾. Дельвигъ 7 апрѣля отвѣчалъ Пушкину: „Деньги твои я взялъ, какъ хорошій министръ финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты. Я купилъ у Баратынскаго „Эду“ и его сочиненія, и „Эда“, продаваясь въ скоромъ времени погасить мой долгъ“²⁾. А въ письмѣ къ Вяземскаго къ Пушкину отъ 12 іюня 1826 года Дельвигъ сдѣлалъ приписку 14 іюня и относительно денегъ сообщалъ своему другу: „Отъ „Эды“ деньги скоро накопятся Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь“³⁾.

Но деньги накопились не такъ скоро. 18 января 1827 года Плетневъ, давая Пушкину хозяйственный отчетъ по его дѣламъ, указывалъ, что отъ Дельвига онъ не получилъ еще данныхъ ему въ долгъ изъ денегъ поэта 2200 рублей⁴⁾. Значитъ, кромѣ 2000, Дельвигъ успѣлъ взять или взялъ раньше еще 200 рублей.

Но Пушкинъ уже придумалъ назначеніе части своихъ денегъ. 13 іюля 1826 года былъ казненъ Кондратій Фодоровичъ Рылѣевъ, и Пушкинъ пожелалъ помочь его женѣ. Въ *недошедшемъ до насъ и неполученномъ Плетневымъ письмѣ* Пушкинъ просилъ его выдать вдовѣ Рылѣева 600 рублей; потомъ онъ напомнилъ объ этомъ *въ письмѣ, не дошедшемъ до насъ*. 2 января 1827 года, Плетневъ писалъ Пушкину: „о выдачѣ 600 рублей вдовѣ Кондрат. никогда ты мнѣ не писалъ и только въ первый разъ я это вижу въ послѣднемъ твоемъ письмѣ. Слѣд. эта статья не числится у меня ни въ расходѣ, ни въ долгу“⁵⁾. Когда Плетневъ отправилъ Пушкину это письмо, онъ получилъ отъ него новое *посланіе, опять таки до насъ не дошедшее*, въ которомъ поэтъ запрашивилъ его, почему не вручены деньги Н. О. Рылѣевой. 18 января 1827 года Плетневъ долженъ былъ сообщить Пушкину: „Въ послѣднемъ къ тебѣ письмѣ своемъ отъ 2 января 1827 года (котораго, кажется, еще ты не получилъ) я объяснилъ, почему не могъ ни въ Псковъ послать 2000 рублей, ни доставить 600 рублей вдовѣ Кондр.“⁶⁾. Въ этомъ письмѣ Плетневъ сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ суммъ Пушкина и выслалъ ему всѣ бывшія у него на рукахъ деньги. Тогда Пушкинъ, *въ письмѣ, до насъ не дошедшемъ*, просилъ Дельвига вручить 600 рублей Н. О. Рылѣевой. Дельвигъ исполнилъ просьбу поэта и уплатилъ деньги. Такимъ образомъ поэтъ удовлетворилъ доброму движенію своей души⁷⁾.

1) Ibid., стр. 249.

2) Дельвигъ. Сочиненія. Ред. В. В. Майкова. Спб. 1903, стр. 158.

3) Ibid., стр. 160.

4) Плетневъ, т. 3-й. стр. 344.

5) Ibid., стр. 343.

6) Ibid., стр. 344.

7) Возможно предположеніе, что Пушкинъ уплачивалъ свой долгъ Рылѣеву. Но Рылѣевъ во время заключенія сообщилъ своей женѣ точныя свѣдѣнія, кто ему долженъ и кому онъ (См. Сочиненія Рылѣева. Ред. Мазасва). О Пушкинѣ онъ не упоминаетъ.

Къ событію 1 марта 1881 года.

Мои воспоминанія о томъ времени и людяхъ, о которыхъ я пишу эту короткую замѣтку, крайне бѣдны. Отдаленность времени и нервная болѣзнь, которая бросила меня въ пастъ Казанской больницы для душевно-больныхъ, сгладили черты прошлаго. Къ этому надо прибавить, что я, какъ неофитъ, зналъ очень мало о дѣлахъ партіи, и мнѣ былъ открытъ только небольшой уголокъ, имѣвшій непосредственное отношеніе къ роли, которая была мнѣ предоставлена въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ взрыву 1 марта. Главныхъ дѣйствующихъ лицъ я встрѣчалъ хотя и часто, но очень трудно узнать что нибудь о чловѣкѣ, обмѣниваясь съ нимъ короткими фразами во время разныхъ конспиративныхъ свиданій. Я могъ только кое что улавливать изъ ихъ настроеній. Во всякомъ случаѣ, если тогда впечатлѣніе отъ каждаго изъ нихъ было полнѣе, то, какъ я уже сказалъ, теперь память не позволяетъ мнѣ воспроизвести прошлое во всей его ясности.

Что касается причины, которая заставила меня примкнуть къ движенію, то я долженъ сказать, что, признавая основное положеніе партіи—требованіе измѣненія политическаго строя, я не считалъ для себя возможнымъ оставаться на полдорогѣ. Никакихъ промежуточныхъ станцій для меня не существовало. Самыи терроръ былъ мнѣ, да и не одному мнѣ, не по характеру, но легче было принять на себя эту тяжесть, чѣмъ оставаться сочувствующимъ зрителемъ борьбы, въ состояніи неопредѣленнаго Weltschmerzen'a.

Борьба шла не только за общія права, но и за право своей личности, своего я. Защищали свободу совѣсти и разума, свободу активной любви къ природѣ и людямъ противъ грубой, жестокой силы, которой не было дѣла до этихъ возвышающихъ душу принциповъ. Ихъ торжество рисовало въ будущемъ правильное, здоровое развитіе чловѣка и обезпечивало ему полную жизнь. Эти принципы стали живыми силами въ самыхъ передовыхъ и развитыхъ изъ народовольцевъ. Они вынашивались путемъ идейной работы надъ собой въ періодъ, предшествующій тому моменту, когда народовольцы стали на вполне практическую дорогу поли-

тической дѣятельности. Вся страстность и упорство борьбы объясняются, помимо темперамента, опредѣленностью и прочностью формы, въ которую отлился духовный обликъ этихъ дѣятелей.

Но эти отвлеченныя начала служили только свѣточами, освѣщавшими весь убѣгавшій въ даль будущаго желательный путь развитію родины и всего человѣчества. Для дѣятельности лица нужны еще непосредственные толчки дѣйствительности, точно также какъ программа партіи должна представлять изъ себя нѣчто болѣе реальное, близкое вопросамъ дня, задѣвающее насущные интересы разныхъ слоевъ населенія. Первый вопросъ можетъ быть подробно выясненъ біографіями этихъ лицъ. Но у всѣхъ нихъ есть общее въ ходѣ развитія ихъ, какъ опредѣленныхъ дѣятелей, въ томъ, что всѣ народовольцы—я говорю о центрѣ—состояли изъ народниковъ, пережившихъ періодъ хожденія въ народъ.

Это время характеризуется несомнѣнно идеализаціей народа, надеждой на сравнительную легкость перехода къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній. Но ближайшее знакомство съ трудящейся массой замѣнило отвлеченный терминъ «народъ» болѣе конкретнымъ представленіемъ, дало живую картину безысходности положенія этой массы. Рядомъ съ этимъ репрессіи правительства обнаружили во всей наготѣ его истинныя намѣренія, весь объемъ и силу его власти. Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ острѣе ставился вопросъ объ обязательствѣ передъ народомъ во всемъ его цѣломъ, складывались характеры, зрѣла политическая мысль. Стали постепенно раздаваться отдѣльные голоса въ пользу чисто политической борьбы, прорывались единичные террористическіе факты. Но только въ серединѣ 1879 года мысль о необходимости начать эту борьбу вполне оцѣлила и была признана цѣлой группой лицъ, положившей основаніе новой организаціи, имѣвшей въ своемъ центрѣ т. н. Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли.

Нова была не самая идея политической борьбы, а именно признаніе необходимости партіей, которая одна только могла придать ей силу и яркость, обратить слово въ дѣло, опредѣлить собой цѣлое революціонное теченіе. Комитетъ издалъ свою программу и первымъ требованіемъ выставилъ въ ней созывъ Учредительнаго Собранія. Дополненіемъ къ этой программѣ служило извѣстное письмо Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 года.

Народовольцы не предрѣшали формы правленія; они только хотѣли, чтобы воля народа нашла свое осуществленіе. Въ той же программѣ они выдвинули вопросъ о правѣ крестьянъ на землю, правѣ рабочихъ на легальную борьбу за улучшеніе своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія и, само собой, правѣ лицъ и обществъ на то, что называется политической свободой. По мнѣнію Комитета исполненіе этихъ требованій являлось бы пер-

вымъ и непремѣннымъ шагомъ на пути дальнѣйшаго, уже свободнаго развитія Россіи.

Въ этой программѣ не было ничего утопичнаго. Она захватывала всѣ коренные интересы населенія; все самое существенное изъ назрѣвшихъ вопросовъ историческаго момента находило въ ней свое мѣсто.

Но какъ было осуществить требованіе созыва Учредительнаго Собранія? Я думаю, что взглядъ партіи въ различные моменты ея дѣятельности и взгляды отдѣльныхъ лицъ на этотъ вопросъ мѣнялись и были различны. Возможность возстанія, бунта, возникающаго самостоятельно или подготовленнаго партіей, входила въ соображенія Исполнительнаго Комитета. Комитетъ долженъ былъ установить свою точку зрѣнія на обѣ эти возможности и яснить себѣ собственную роль при той и другой комбинаціи событий. Но была еще третья возможность—это сломить правительство и заставить его пойти на уступки исключительно силами партіи въ расчетѣ, конечно, на приливъ свѣжихъ силъ и на расширеніе организаціи.

Чуть ли не весной 80 г. Александръ Михайловъ пригласилъ человѣкъ двухъ-трехъ, въ томъ числѣ и меня, на совѣщаніе, на которомъ обсуждался именно этотъ вопросъ, возможно ли ожидать возстанія, въ какой формѣ оно можетъ проявиться. Изъ всѣхъ разговоровъ я вынесъ убѣжденіе, что возможность возстанія представлялась весьма проблематичной и, если и рисовалась, то въ очень смутныхъ очертаніяхъ. Не существовало никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы ожидать возникновенія такого событія. По крайней мѣрѣ въ концѣ 80 г. и началѣ 81 г. Исполнительный Комитетъ, какъ мнѣ казалось, склонялся къ послѣднему предположенію, а именно надеждѣ на свои силы.

Съ самаго своего возникновенія партія Н. В. сосредоточила свою дѣятельность въ городахъ, гдѣ группировались самыя чуткія и самыя развитыя части населенія. Здѣсь же находились представители высшей администраціи. Средствами расширенія силъ и вліянія на общество и рабочихъ были пропаганда и агитація. Одновременно съ этимъ должна была идти организація всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Средствомъ борьбы съ правительствомъ партія избрала терроръ.

Психологически терроръ былъ актомъ принципиальной и личной ненависти, актомъ гнѣва, накопленнаго годами въ сердцѣ народа. Можно съ полнымъ правомъ говорить: народа. Стоитъ перечислить главныхъ дѣйствующихъ лицъ той трагедіи, которая пронеслась ураганомъ надъ Россіей. Они составляли собраніе представителей всѣхъ классовъ населенія. Все это были люди дѣйствительно дѣла, стоявшіе прочно на ногахъ, соединявшіе въ себѣ талантъ, знаніе и волю. Наконецъ, въ ихъ рядахъ стояла женщина. Всѣ они рѣшились во что бы то ни стало добиться свѣта, отсутствіе котораго душило Россію. Они знали, что ихъ стремленія отвѣчаютъ кореннымъ потребностямъ обще-

ства и надѣялись путемъ агитаціи, собственнымъ примѣромъ приподнять общее настроеніе. Они надѣялись, что партія не умретъ. Желябовъ сказалъ какъ-то: «чего намъ бояться?—не станетъ насъ, найдутся на наше мѣсто другіе».

Какъ система, терроръ былъ оружіемъ, которымъ партія дѣйствовала противъ правительства и въ то же время агитировала общество. Такимъ путемъ пробивалась брешь въ застывшихъ формахъ, связывавшихъ мысль въ ея преклоненіи передъ авторитетомъ самодержавной власти, и идеей возмездія и смерти, равныхъ для всѣхъ, уравнивались всѣ состоянія. Въ этой постановкѣ вопроса есть нѣчто прямо-таки страшное, тѣмъ не менѣе такое положеніе существовало.

Правительство было ошеломлено и напугано, и настолько, что, какъ потомъ оказалась, готовило проектъ конституціи.

Народовольцы, какъ активная партія, оказались одиноки. Еще слишкомъ пассивное въ то время общество не откликнулось на ихъ призывъ къ активному протесту. Они просуществовали до тѣхъ поръ, пока были живы главныя силы. Такія организаціи, въ отношеніи своего состава, какъ Исполнительный Комитетъ, вырабатываются нелегко и нелегко пополняются. Но пока на защиту народныхъ правъ выступаютъ одни только тайныя общества, побѣды ожидать трудно. Имъ однимъ не выдержать на своихъ плечахъ всей тяжести борьбы. Еще до 1 марта партія потерпѣла крупныя потери въ лицѣ Александра Михайлова, Коллѣвича, Морозова, Желябова и др. Послѣ 1 марта рядомъ послѣдовательныхъ арестовъ центръ ея былъ совершенно разбитъ. На мѣсто выбывшихъ «не приходили другіе», какъ думалъ Желябовъ.

Дѣятельность Народовольцевъ я бы назвалъ моментомъ борьбы за идею права, за которымъ долженъ былъ наступить слѣдующій за нимъ моментъ борьбы за самое право, который мы и переживаемъ въ настоящее время.

Политика правительства послѣ 1 марта известна всѣмъ. Оно поняло опасность и ея источникъ: передъ нимъ стоялъ страшный для него призракъ Мысли, возставшей съ оружіемъ въ рукахъ.

* * *

Мое знакомство съ народовольцами началось въ концѣ 79 года. Связи съ обществомъ, въ Петербургѣ, на сколько мнѣ известно, были ограничены. Ближе всего они стояли къ учащейся молодежи. Въ этой средѣ мнѣ, какъ студенту, и можно было только съ ними познакомиться. Большая часть революціонной молодежи была захвачена тогда народовольческимъ теченіемъ. Черный Передѣлъ представлялъ собою скорѣе партію теоретиковъ, которая не могла дать сейчасъ же никакого дѣла. Пропаганда социализма среди крестьянъ на почвѣ ихъ туманныхъ представлений, почти мечтаній объ общемъ передѣлѣ и правѣ на землю не могла дать никакого практическаго результата, особенно взвѣ-

сивъ отношеніе между нѣсколькими десятками, даже сотнями дѣятелей и тѣми миллионами, къ которымъ предстояло обратиться съ рѣчью, и вдобавокъ—при отсутствіи свободы слова. Лучше могла бы быть поставлена пропаганда среди рабочихъ. Но главное-то—политика, борьба съ правительствомъ отодвигалась Чернопередѣльцами куда-то на очень отдаленный планъ. Между тѣмъ правительство всѣмъ своимъ режимомъ не только закрывало передъ нами перспективы честной, открытой общественной дѣятельности, но своими жестокостями—казнями, учрежденіемъ генераль-губернаторствъ—слишкомъ задѣвало, раздражало и вызывало желаніе дать ему немедленный отпоръ. И тѣ, у кого душа болѣла, невольно шли къ народовольцамъ. На эти элементы ихъ примѣръ дѣйствовалъ очень рѣшительно. Я не говорю о вліяніи того или другого лица. Я не могъ бы, напр., сказать, кто именно на меня вліялъ. Вліяли духъ партіи и вся атмосфера жизни. Народовольцы слишкомъ ярко выдѣлялись на общемъ фонѣ равнодушія или добрыхъ намѣреній. Въ ихъ устахъ весь перечень хорошихъ словъ: служеніе народу, любовь къ правдѣ и т. д. получали могучую силу живыхъ двигателей. Въ этомъ причина ихъ личнаго вліянія на молодежь, не знающую компромиссовъ, ищущую исхода своему непосредственному чувству общественности.

Я уже говорилъ, что при условіи конспиративныхъ знакомствъ съ людьми ихъ личныя черты не такъ-то легко открываются. Нужно стоять ближе къ дѣлу, чѣмъ это было со мной, и дольше работать вмѣстѣ, чтобы уяснить себѣ характеръ и особенности міровоззрѣнія cadaго.

Тѣ, кого я зналъ, были люди трезвые, уравновѣшенные. Въ нихъ не было ни экзальтаціи, ни преувеличенныхъ надеждъ, но они считали своимъ долгомъ вести свою работу, не отступая.

Самымъ нервнымъ былъ Исаевъ. Въ немъ была, можетъ быть, доля излишней возбудимости. Александръ Михайловъ весь былъ поглощенъ своимъ дѣломъ и любилъ его. Казалось, онъ не чувствовалъ ни тяготы, ни напряженія, а шелъ свободной, увѣренной поступью, какъ человѣкъ, вполне знающій, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Этимъ объясняется его всегдашняя ясность настроенія духа. Сомнѣваюсь, чтобы онъ зналъ моменты острыхъ сомнѣній и колебаній. Такіе люди останавливаются, выбираютъ, а затѣмъ идутъ, не сворачивая съ разъ намѣченнаго пути. Изъ всѣхъ, кого я зналъ, я не замѣчалъ ни въ комъ такой ненависти, какая была у Михайлова и кака я еще скрывалась въ Перовской. Послѣдній разъ я встрѣтился съ Михайловымъ незадолго до его ареста. Приготовленія къ катастрофѣ 1 марта уже начались. Заговорили объ Александрѣ II и о томъ, что духовенство старается по своему объяснить причину неудачныхъ покушеній. Михайловъ сжалъ кулакъ и, опустивъ его мѣрныхъ движеніемъ на столъ, сказалъ: «теперь мы, кажется, съ нимъ покончимъ». Въ тонѣ голоса и въ глазахъ, метнувшихъ искры, вылилась вся сила его воли и без-

поворотность въ рѣшеніяхъ. Такимъ я видѣлъ Михайлова первый и единственный разъ.

Та же ненависть, но съ другимъ оттѣнкомъ, болѣе обличающимъ женщину, была и въ Перовской, но она не выказывала ея такъ явно. Это чувство замѣтно было по ея движеніямъ, по тому вниманію, съ какими она слѣдила за выѣздами государя. Въ Михайловѣ это было сильное, ровное чувство мужчины, въ Перовской—болѣе тонкое, острое, глубокое и въ то же время порывистое чувство женщины. Она точно мстила Александру II за то, что онъ оторвалъ ее отъ ея спокойной, мирной работы пропагандистики.

Я слышалъ о Колодкевичѣ, какъ о человѣкѣ тоже большой нравственной силы, но самъ видѣлъ его раза два. Я встрѣтилъ его первый разъ у его старыхъ знакомыхъ, людей повидимому прежней формаціи, отъ которыхъ пахло не то идеализмомъ народничества, не то еще чѣмъ-то болѣе раннимъ. Колодкевичъ былъ молчаливъ и сумраченъ, съ виду даже суровъ. Хозяйка завела почему-то рѣчь о Рудинѣ и задала вопросъ, возможны ли въ настоящее время Рудины и какова была бы ихъ роль. Этотъ вопросъ, обращенный къ Колодкевичу, звучалъ очень странно. Онъ не сталъ ей даже отвѣчать на него, а указалъ рукой на одного изъ присутствовавшихъ: спросите, молъ, его. Вѣроятно, подумалъ: экъ, куда хватила. Колодкевичъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе человѣка въ высшей степени благороднаго, съ характеромъ и если суроваго, то только по отношенію къ себѣ.

Изъ моихъ воспоминаній о Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ приведу небольшой эпизодъ встрѣчи съ ней въ день акта въ Университетѣ, когда министру народнаго просвѣщенія Сабурову было нанесено оскорбленіе. Идя по Невскому, по направленію къ Университету, я встрѣтилъ Фигнеръ.—«Что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь вамъ давно надо быть въ Университетѣ».—Я сказалъ, что мнѣ эта исторія не нравится, и потому не тороплюсь...—«Не нравится?..» бросила она мнѣ рѣшительно и кратко, повернулась и побѣжала дальше. У нея всегда былъ бодрый, смѣлый видъ; гордость женщины соединялись въ ней съ гордостью бойца; движенія были быстры и рѣшительны. Она обладала при этомъ такимъ звучнымъ, музыкальнымъ разговорнымъ контральто, что ея рѣчь лилась, какъ музыка. Такого голоса я никогда не слышалъ. Низкіе, грудные тоны его сообщали характеръ особеннаго мужества и глубины всему ея существу. Все вмѣстѣ взятое было удивительно красиво.

Баранниковъ былъ человѣкъ совсѣмъ особаго типа. Красивый брונетъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ отливомъ въ глазахъ, какой бываетъ у южанъ, росту выше средняго, гибкій и стройный, онъ любилъ жизнь, но такую, которая давала бы ему сильныя ощущенія. Когда у него въ карманѣ оказывались прокламаціи или вообще какія нибудь подпольныя изданія, онъ старался отъ нихъ поскорѣе отдѣлаться и просилъ другихъ заняться ихъ распространеніемъ. Это дѣло казалось ему слишкомъ скуч-

нымъ. Зато готовъ онъ былъ быть вездѣ, гдѣ чуялась опасность. Къ опасности онъ относился очень просто, какъ къ самой обычной вещи, нисколько не рисуясь своимъ пренебреженіемъ къ ней. Храбрость и отвага составляли его природенныя качества. Такие люди не могутъ выдерживать тюрьмы, и, когда его арестовали, предсказывали, что онъ умретъ безъ свободы.

Взаимныя отношенія членовъ центральной организаціи не могли, конечно, быть плохими. Всѣ они давно и хорошо знали другъ друга. Трудность осуществленія той задачи, которую они себѣ поставили, и способы борьбы требовали дружныхъ отношеній. Мелкимъ счетамъ не могло быть мѣста. Наконецъ, нравственный подъемъ духа былъ таковъ, что все мелкое само собой исчезало и подавлялось. Всѣхъ соединяло чувство духовнаго братства. Всѣ—мужчины и женщины были между собой на ты.

Мое знакомство съ радикальнымъ студенчествомъ и съ нѣкоторыми членами партіи, не помню теперь, съ которыми, перешло въ извѣстныя дѣловыя отношенія. Я началъ оказывать партіи разныя мелкія услуги. Осенью 80 г. я принялъ участіе въ серьезномъ дѣлѣ, именно въ подготовительныхъ работахъ къ взрыву 1-го марта.

Однажды, въ началѣ ноября 80 г., ко мнѣ зашелъ Л. Тихомировъ и предложилъ принять участіе въ наблюденіяхъ за выѣздами царя. Наблюденіями должны были заняться нѣсколько человекъ. Тихомировъ предполагалъ пригласить кромѣ меня Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина. Партія, по его словамъ, одобрила этотъ выборъ, и дѣло было за нашимъ согласіемъ. Мы всѣ трое согласились. Очень скоро было назначено засѣданіе наблюдательнаго отряда, т. е. кружка лицъ, которые должны были наблюдать за выѣздами царя. На этомъ засѣданіи присутствовали Тихомировъ, Перовская, Гриневицкій, Рысаковъ, Оловенникова, Тычининъ, я и еще студентъ Петербургскаго Университета С., оставшійся неоткрытымъ. Рысаковъ былъ для нѣкоторыхъ изъ насъ человекомъ новымъ. Его познакомили съ нами подъ кличкой «Николай».

Фамиліи Оловенниковой и Тычинина скоро стали извѣстны Рысакову, такъ какъ въ ихъ квартирахъ преимущественно происходили наши собранія. Меня Рысаковъ зналъ или, скорѣе, долженъ былъ знать тоже подъ какой-то кличкой. Но какъ-то разъ Перовская по ошибкѣ назвала меня моимъ настоящимъ именемъ, и Рысаковъ это замѣтилъ.

На первомъ засѣданіи Рысаковъ велъ себя странно: нервничать, смѣялся совершенно не кстати. Видно было, что ему не по себѣ, что онъ волнуется. Я обратилъ вниманіе Перовской на его состояніе, но она отвѣтила, что это вполне вѣрный человекъ, что за него ручается Тарасъ (Желябовъ). Потомъ Рысаковъ велъ себя спокойнѣе, такъ что рѣчь о немъ больше не заходила.

Нашъ отрядъ долженъ былъ опредѣлить, въ какое время, по какимъ улицамъ и насколько правильно царь совершаетъ свои

*

выѣзды и поѣздки по городу. Наблюденія рѣшено было вести каждый день двумъ лицамъ, по установленному напередъ распisanію. Каждый изъ двухъ долженъ былъ наблюдать до извѣстнаго часа, послѣ чего на смѣну ему выходилъ бы его товарищъ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система царъ съ постоянной смѣнной очереди и порядка имѣла въ виду замаскировать наблюденія.—Тихомировъ на дальнѣйшихъ засѣданіяхъ не бывалъ. На нѣсколькихъ присутствовалъ Желябовъ. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, на основаніи нашихъ словъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о всей обстановкѣ выѣздовъ.—Засѣданія отряда происходили разъ въ недѣлю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюденій. Первое время наблюдать было трудно, т. к. не было еще извѣстно, когда государь выѣзжаетъ, поэтому приходилось дольше слѣдить за дворцомъ. Но скоро мы опредѣлили время и обычное направленіе поѣздокъ. Обыкновенно царъ выѣзжалъ изъ дворца около половины второго и направлялся въ Лѣтній садъ. Онъ ѣздилъ въ каретѣ, окруженный шестью всадниками изъ конвоя Е. В., на великолѣпныхъ лошадяхъ, очень быстро. Двое изъ этихъ всадниковъ прикрывали собой дверцы кареты. Изъ Лѣтняго сада онъ или возвращался прямо во дворецъ, что бывало рѣдко, или заѣзжалъ куда нибудь, безъ соблюденія правильности. Таковъ былъ маршрутъ по буднямъ. По воскресеньямъ государь ѣздилъ въ Михайловскій манежъ на разводъ. Путь его лежалъ обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выѣздовъ соблюдалось съ пунктуальной точностью. Первый изъ насъ наблюдалъ обыкновенно отъ дворца до Лѣтняго сада или манежа, второй — отъ Лѣтняго сада или манежа до возвращенія государя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана изъ какихъ-то штатскихъ, вѣроятно, сыщиковъ.

Перовская не только отбирала отъ насъ свѣдѣнія, но и сама участвовала съ нами въ наблюденія. Изъ манежа царъ возвращался домой мимо Михайловскаго театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая замѣтила, что на поворотѣ отъ Михайловскаго театра на Екатерининскій каналъ кучеръ задерживаетъ лошадей, и карета ѣдетъ почти шагомъ. Рассказывая намъ объ этомъ на ближайшемъ засѣданіи, она прибавила: «вотъ удобное мѣсто!»—Для меня ея замѣчаніе стало понятно только въ день 1 марта. Планъ нападенія не всѣмъ былъ извѣстенъ, такъ какъ по требованію конспираціи въ него не посвящали тѣхъ, кому не зачѣмъ было о немъ знать.

Наблюденія продолжались безъ перерыва приблизительно до двадцатыхъ чиселъ февраля. Они послужили основаніемъ для опредѣленія мѣста закладки мины и нападенія метальщиковъ.

По плану Исполнительнаго Комитета покушеніе на государя должно было произойти или изъ лавки Кобозева на Малой Садовой путемъ взрыва мины, заложеной подъ мостовую, или ручными бомбами. Мѣстомъ для нападенія былъ намѣченъ именно тотъ сво-

ротъ на Екатерининскій каналъ, на который Перовская обратила вниманіе. Метальщики должны были выйти на Екатерининскій каналъ къ извѣстному часу и появиться въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. самая очередь метанія бомбъ была приблизительно намѣчена заранее. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ одинъ изъ метальщиковъ, Емельяновъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ первый разъ уже въ Московской пересыльной тюрьмѣ. Онъ же говорилъ, что первую бомбу долженъ былъ, согласно очереди, бросить Тимофей Михайловъ, а Рысакова предполагали поставить на послѣднее мѣсто, т. е., какъ говорилъ Емельяновъ, ему хотѣли дать понюхать пороху. Вспоминаю теперь, что Перовская указывала еще на «пустынную» Екатерининскаго канала. Здѣсь, слѣдовательно, представлялось меньше всего шансовъ задѣть взрывомъ прохожихъ.

Въ самый день 1-го марта Перовская назначила мнѣ свиданіе въ маленькой кофейной, на Владимірской улицѣ, близъ Невскаго чуть ли не извѣстной теперь подъ именемъ «Капернаузмъ». Свиданіе было назначено въ началѣ четвертаго часа. Не помню почему, но въ этотъ день я прислушивался къ улицѣ. Вѣроятно, былъ сдѣланъ кѣмъ-нибудь намекъ, что именно въ этотъ день нужно ждать развязки. Къ назначенному часу я шелъ на свиданіе издалека, отъ Таврическаго сада. Въ тѣхъ краяхъ еще ничего не было извѣстно о томъ, что творится на Екатерининскомъ каналѣ. Но на Итальянской, недалеко отъ Литейной, я встрѣтилъ офицера, мчавшагося, чуть не стоя, на извозикѣ. Онъ громко и возбужденно кричалъ, обращаясь къ проходившей публикѣ. Я не могъ разобратъ, что онъ кричалъ, но видно было, что человѣкъ чѣмъ-то сильно потрясенъ. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло. Придя въ кофейную, я прошелъ въ маленькую заднюю комнату, въ которой и раньше встрѣчался съ Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я засталъ въ ней студента С., члена наблюдательнаго отряда. Онъ тоже ждалъ Перовскую. Вскорѣ дверь открылась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ея лицу нельзя было замѣтить волненія, хотя она пришла прямо съ мѣста катастрофы. Какъ всегда она была серьезно-сосредоточена, съ отъѣнкомъ грусти. Мы сѣли за одинъ столикъ и хотя были одни въ этой полутемной комнатѣ, но соблюдали осторожность. Первыми ея словами было: «кажется, удачно;—если не убить, то тяжело раненъ». На мой вопросъ: «какъ, кто это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «бросили бомбы: сперва Николай, потомъ Котикъ (Гриневицкій). Николай арестованъ; Котикъ, кажется, убить».

Разговоръ шелъ короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. Въ такіе моменты испытываешь только зародыши чувствъ и глушишь ихъ въ самомъ зачаткѣ. Меня душили подступавшія къ горлу слезы, но я сдерживался, такъ какъ во всякую минуту могъ кто-нибудь войти и обратить вниманіе на нашу группу. Студентъ С., очень скрытный и сдержанный человѣкъ, не проронилъ за все время ни слова.

Перовская передала мнѣ потомъ маленькую подробность о Гриневицкомъ. Прежде чѣмъ отправиться на каналъ, она, Рысаковъ и Гриневицкій сидѣли въ кондитерской Андреева, помѣщавшейся на Невскомъ противъ Гостиного двора, въ подвальномъ этажѣ, и ждали момента, когда пора будетъ выходить. Одинъ только Гриневицкій могъ спокойно съѣсть поданную ему порцію. Изъ кондитерской они пошли врозь и опять встрѣтились уже на каналѣ. Тамъ, проходя мимо Перовской, уже по направленію къ роковому мѣсту, онъ тихонько улыбнулся ей чуть замѣтной улыбкой. Онъ не проявилъ ни тѣни страха или волненія и шелъ на смерть съ совершенно спокойной душой.

По словамъ Емельянова, Тимофей Михайловъ долженъ былъ бросить первую бомбу, но онъ будто бы почувствовалъ себя не въ силахъ это сдѣлать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до мѣста. Вслѣдствіе этого номера метальщиковъ перепутались, и около кареты государя первымъ очутился Рысаковъ.

Про себя Емельяновъ рассказывалъ, что за нѣсколько дней до 1-го марта онъ изучалъ расположеніе и внутреннее устройство плавучихъ прачешенъ-купаленъ на Екатер. каналѣ. Онъ говорилъ, что если бы ему пришлось бросить бомбу и его захотѣли бы арестовать, онъ постарался бы скрыться въ одной изъ купаленъ, забаррикадироваться и защищаться до послѣдней возможности, такъ какъ не намѣренъ былъ добровольно отдаваться въ руки жандармовъ. Когда Гриневицкій упалъ, онъ подскочилъ къ нему, желая узнать, живъ ли онъ и нельзя ли его спасти изъ суматохъ, но было уже поздно. Тогда Емельяновъ подошелъ къ царю и помогъ уложить его въ сани.

Послѣ 1-го марта я видѣлся часто съ Перовской. 27-го февраля былъ арестованъ Желябовъ, лично близкій ей человекъ. Сама она, какъ говорили, была больна всѣ эти дни и съ трудомъ ходила. Она переживала цѣлый рядъ крупныхъ потрясеній и личныхъ и общественныхъ, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на видъ, глубоко хороня въ себѣ свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли съ ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщеніе о событіяхъ дня: «новая телеграмма о злодѣйскомъ покушеніи»... и т. д. Около нихъ собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себѣ телеграмму. Въ ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябовъ заявилъ, что онъ организаторъ дѣла 1 марта. До сихъ поръ можно еще было надѣяться, что Желябовъ не будетъ привлеченъ къ суду по этому дѣлу. Хотя правительство и знало, что онъ играетъ крупную роль въ дѣлахъ партіи, но для обвиненія по дѣлу 1-го марта у него не могло еще быть уликъ противъ Желябова. Изъ телеграммы было ясно, что участь Желябова рѣшена.

Даже въ этотъ моментъ, полный страшной для нея неожиданности, Перовская не измѣнила себѣ. Она только задумчиво опу-

стила голову, замедлила шагъ и замолчала. Она шла, не выпускающая изъ нерѣшительно-опущенной руки телеграммы, съ которой она какъ будто не хотѣла разстаться. Я тоже молчалъ, боялся заговорить, зная, что она любитъ Желябова. Она первая нарушила молчаніе. На мое замѣчаніе: «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «вѣрно такъ нужно было.»—Не знаю, въ этотъ ли день или раньше у нея явилась мысль спасти Желябова. Намѣреніе, разумѣется, несбыточное, но въ Перовской говорила страсть, и, какъ человѣкъ, не привыкшій опускать руки, она хотѣла испробовать всѣ средства. Она искала лазейки въ Окружной Судъ, гдѣ должно было происходить засѣданіе суда. Мы искали свободной квартиры около III отдѣленія на Пантелеймоновской. Тутъ она имѣла въ виду устроить наблюдательный пунктъ и, вѣроятно, при выѣздѣ Желябова изъ воротъ зданія III отдѣленія надѣялась организованнѣмъ нападеніемъ освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигдѣ ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,—она все равно стала бы дѣлать по своему. Въ этихъ поискахъ и суетѣ она хотъ немного забывалась. Поэтому я безпрекословно исполнялъ всѣ ея порученія, ходилъ съ ней всюду, куда она меня вела.

Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она дѣйствительно потеряла всякое благоразуміе. Ее уговаривали уѣхать изъ Петербурга, скрыться куда нибудь на время. Она никого не хотѣла слушать. Она вилась, какъ вьется птица надъ головою коршуна, который отнял у нея птенца, пока сама не попала ему въ когти.

Гельфманъ, арестованную въ Телѣжной улицѣ, въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы, я видѣлъ чуть ли не наканунѣ ареста, во всякомъ случаѣ уже послѣ катастрофы 1-го марта. Обыкновенно веселая и привѣтливая, она была пасмурна, разстроена, мало говорила. Я встрѣтилъ ее у знакомыхъ курсистокъ, у которыхъ скопилась нелегальная литература. Полиція обыскивала тогда цѣлые дома, особенно населенные студенчествомъ. Онѣ боялись обыска и хотѣли сбыть куда нибудь эту литературу. Гельфманъ взяла себѣ весь свертокъ со словами: «ну, у меня этого добра такъ много, что мнѣ все равно».—Мы вышли съ ней вмѣстѣ и скоро разошлись. При прощаньи она крѣпко пожала мнѣ руку и съ тяжелымъ чувствомъ сказала: «прощайте!—увидимся ли?».

Я не зналъ, что у нея въ квартирѣ бомбы, и не понималъ, почему она волнуется больше другихъ. Помимо этого она готовилась, какъ потомъ обнаружилось, сдѣлаться матерью, и въ ней зарождалось совсѣмъ новое для нея чувство, которое заставляло ее беспокоиться за себя. При арестѣ ей пришлось быть свидетельницей сцены нервнаго, торопливаго самоубійства Саблина. На судѣ она вела себя съ достоинствомъ, какъ говорилось въ заграничныхъ отчетахъ. Но она не выдержала потери ребенка.

Я слышала, что къ ней въ камеру, въ домъ предварительнаго заключенія, вошли неожиданно жандармы, взяли ребенка и унесли. Вскорѣ послѣ этого она умерла.

Всякій, кто зналъ Гесю, скажетъ, что роль террористки была совсѣмъ не по ней. Не потому, чтобы терроръ требовалъ какой-то свирѣпости, которой вовсе не было и въ другихъ, но всетаки такихъ простыхъ, самоотверженныхъ и добрыхъ людей, какой была Геся, эта шапка должна слишкомъ давить.

Саблинъ застрѣлился, несомѣнно не желая, а, можетъ быть, боясь той нравственной пытки, которая его ожидала втеченіе всей процедуры слѣдствія, суда и казни. Слишкомъ мягкой, впечатлительный, не только по натурѣ, но, кажется, и на самомъ дѣлѣ художникъ, онъ, вѣроятно, не надѣялся на свои нервы. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ у знакомыхъ раза два-три, куда онъ заходилъ просто поболтать за стаканомъ чаю. Человѣкъ неглупый, талантливый, остроумный, онъ, казалось, не особенно обращалъ вниманіе на свои способности. Или время и условія его жизни были таковы, чтобы ему невозможно было ихъ культивировать. На немъ лежала печать свободной профессіи. Я думаю, что только недостатокъ въ людяхъ могъ его заставить взять на себя роль хозяина квартиры, гдѣ были бомбы. Исполнительный Комитетъ съ своей стороны, вѣроятно, руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что Геся Гельфманъ и Саблинъ не подвергались непосредственной опасности въ качествѣ хозяевъ квартиры, которую могли открыть только благодаря оговору.

Послѣ 1 марта Исполнительный Комитетъ выпустилъ рядъ прокламацій къ крестьянамъ, рабочимъ, обществу. Было организовано цѣлое бюро, располагавшее грудой адресовъ, по которымъ оно рассылало эти прокламаціи во всѣ концы и закоулки Россіи. Въ самомъ Петербургѣ прокламаціи расклеивались на улицахъ: въ центральныхъ кварталахъ—съ обращеніемъ къ обществу, въ рабочихъ—къ рабочимъ.

Въ этомъ бюро работала и Перовская. Какъ-то она приходитъ и рассказываетъ о настроеніи рабочихъ, съ которыми она вела сношенія. Рабочіе ей говорили: «что намъ теперь дѣлать? Веди насъ, куда хочешь».—Перовская была, можетъ быть, и довольна ихъ обращеніемъ, но была поставлена въ большое затрудненіе. Что имъ было въ самомъ дѣлѣ отвѣтить?..

Не могу не привести еще одного эпизода изъ университетской жизни.—Со дня университетскаго акта, когда министру Сабурову было нанесено оскорбленіе студентомъ Подбѣльскимъ, отношенія между правыми и лѣвыми стали очень натянуты. Эта исторія была дѣломъ центральнаго университетскаго кружка, организованнаго въ началѣ 1881 г. Кружокъ былъ основанъ по мысли Исполнительнаго Комитета, долженъ былъ объединить революціонное студенчество и служить звеномъ между этимъ послѣднимъ и центромъ. Я не вошелъ въ кружокъ, такъ что о его

внутренней жизни ничего не знаю, но предполагаю, что Комитет хотѣлъ дать возможность этому кружку заявить о себѣ какимъ нибудь крупнымъ для него фактомъ. Такъ какъ въ предѣлахъ студенческихъ интересовъ всегда важное значеніе имѣлъ вопросъ объ измѣненіи устава, то это требованіе и было изложено въ произнесенной съ хоръ студентомъ Коганъ-Бернштейномъ рѣчи и брошенной имъ оттуда же пачкѣ прокламацій. Въ это же время внизу, въ залѣ, студентъ Подбѣльскій подошелъ къ министру и ударилъ его ¹⁾).

Враждебныя чувства правыхъ и лѣвыхъ поддерживались усиленіями правыхъ. Они образовали свой тайный кружокъ съ цѣлью наблюденія за лѣвыми. Фактъ 1 марта еще болѣе обострилъ отношенія. Консерваторы вели себя вызывающе, часто нахально. Одинъ изъ нихъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ не только слѣдить и дѣлится своими впечатлѣніями съ единомышленниками, но идетъ дальше и сносится съ жандармами. Общее настроеніе было такое возбужденное, что кому-то пришла мысль убить этого студента, какъ шпиона. Раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, былъ составленъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ студентовъ, на которомъ предстояло рѣшить вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ его убивать. Къ счастью для Университета нашлись голоса противъ убійства, и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Сообщаю объ этомъ фактѣ, какъ принимавшій участіе въ обсужденіи вопроса. Центральный университетскій кружокъ; долженъ прибавить, къ этому послѣднему дѣлу никакого отношенія не имѣлъ.

Въ ночь съ 13 на 14 марта арестовали Оловенникову, Тычина и меня, каждого на своей квартирѣ. Аресты производились по указанію Рысакова, но мы объ этомъ не подозрѣвали. У меня обыскъ былъ произведенъ жандармскимъ офицеромъ и полиціей въ присутствіи товарища прокурора окр. суда Дейтриха, теперь члена государственнаго совѣта, бывшаго дѣятеля въ Финляндіи. Обыскъ производился только въ моей комнатѣ (я жилъ со своими родными). Рылись до 4 ч. утра и ничего не нашли. Жандармскій офицеръ, все время холодно-сдержанный, уѣзжая, сказалъ: «завтра увидимся», подчеркивая каждое слово и сверкнувъ глазами очень свирѣпо. Не знаю, каковъ этотъ господинъ былъ въ дѣйствительности, но если глаза вѣрно отражали его душу, это было мое первое знакомство съ человѣкомъ-звѣремъ.— Меня отвезли въ домъ предварительнаго заключенія. Утромъ позвали на допросъ въ самомъ Домѣ. Допросъ былъ по пустому дѣлу о гектографѣ, но это пустое дѣло навело на мой слѣдъ. Рысаковъ зналъ только мое имя и могъ дать показаніе о какомъ-то Аркадіѣ, студентѣ Петербургскаго Университета. Совпаденіе

¹⁾ П. П. Подбѣльскій убить во время якутской драмы 22 марта 1889 г. Л. М. Коганъ-Бернштейнъ, раненый въ это же время двумя пулями, былъ приговоренъ къ смертной казни, *примененъ на кровати* на эшафотъ и повѣшенъ въ августѣ того же 1889 года въ Якутскѣ. *Ред.*

именъ въ показаніяхъ по обоимъ этимъ дѣламъ дало поводъ заподозрить тождественность лица. Были у нихъ и еще кое-какія указанія, предполагаю, агентурныя, но полученные уже послѣ показанія Рысакова.

Часа въ 2 дня меня опять вызвали изъ камеры и на этотъ разъ повезли въ департаментъ полиціи. Въ департаментъ меня ввели въ небольшую комнату, выходящую своимъ единственнымъ окномъ во дворъ, и оставили въ ней одного. Стоя у окна, я увидѣлъ Рысакова, шедшаго по двору изъ тюремнаго помѣщенія при Департаментѣ подъ конвоемъ четырехъ жандармовъ съ пашками на-голо. Немного спустя ко мнѣ вошелъ жандармскій офицеръ и ехидно-вѣжливо предложилъ: «пожалуйте». Меня ввели въ длинную комнату, въ концѣ которой за большимъ столомъ стояло и сидѣло человѣкъ 8—10. Плева занималъ предсѣдательское мѣсто. Жандармскій офицеръ, почему-то надѣвшій синія очки (потомъ я видѣлъ его безъ очковъ), шелъ передо мной въ полуоборотъ къ столу, почти даже задомъ къ нему, близко наклоняясь надъ моимъ лицомъ и заглядывая очень загадочно и вопросительно мнѣ въ глаза. Вся эта комедія была очень смѣшна, но тутъ же было и нѣчто другое, отъ чего меня обдало холодомъ. По сю сторону стола сидѣлъ Рысаковъ и при моемъ появленіи повернулся ко мнѣ лицомъ. Когда его еще вели по двору, мнѣ удало уловить его настроеніе. Онъ шелъ какими-то равнодушными, точно не своими шагами, переводя глаза съ предмета на предметъ, съ мучительнымъ безразличіемъ человѣка, для котораго всѣ счеты съ жизнью кончены; однимъ словомъ, имѣлъ такой видъ, какой могутъ имѣть люди, когда ихъ ведутъ на казнь. Но когда мнѣ пришлось остановиться въ какихъ нибудь двухъ шагахъ отъ него, и когда глаза наши встрѣтились, тутъ только я увидѣлъ весь ужасъ его состоянія. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, въ глазахъ отражалась страшная тоска по жизни, которая отъ него убѣгала. Мнѣ показалось, что онъ уже чувствуетъ веревку на шеѣ.—Мы молча смотрѣли другъ на друга, а сидѣвшіе и стоявшіе наблюдали за нами. Чтобы покончить, разрѣшить чѣмъ нибудь это напряженное молчаніе, я сказалъ: «этотъ человѣкъ мнѣ незнакомъ». Тогда жандармъ въ синихъ очкахъ увелъ меня обратно въ комнату. Вся сцена очной ставки продолжалась самое большее минуту, полторы. Ждать мнѣ пришлось очень не долго. Меня повели опять, но уже на допросъ и предъявили показаніе Рысакова, въ которомъ онъ подробно излагалъ все, что относилось къ участию въ дѣлѣ моему, Оловенниковой и Тычинина.

Первые допросы велъ Плева при участіи Добржинскаго и жандармской власти. Плева велъ себя очень важно, но корректно. Онъ не любилъ произносить лишнихъ словъ. Въ его холодной замкнутости таилась несомнѣнная сила воли и честолюбивые замыслы создать себѣ карьеру. Въ немъ было гораздо больше такта и меньше гибкости, чѣмъ въ Добржинскомъ. Послѣдній

былъ мельче, обладалъ маньшимъ чувствомъ своего достоинства, Плеве никогда не позволилъ бы себѣ такой экспансивности, какую допустилъ Добржинскій, когда я наконецъ призналъ обвиненія, направленные противъ меня лично, правильными. Добржинскій вскопчилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ, потирая себѣ руки отъ радости. Успокоившись, онъ сѣлъ около меня и поздравилъ: Г. Тырковъ, «ну теперь, ваша пѣсенка спѣта».

Рысаковъ оговорилъ всѣхъ, кого зналъ, за исключеніемъ студента С., о которомъ почему то умолчалъ. Прокуратура общала ему помилованіе и выудила изъ него все, что было можно. Несмотря на оговоръ, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство къ нему. Его состояніе, о которомъ я говорилъ, исключало возможность предъявлять къ нему какое либо нравственное требованіе. Нападая на центральное лицо въ государствѣ, онъ сосредоточивалъ на себѣ слишкомъ много вниманія; слишкомъ многіе могли бы его спросить, почему онъ это сдѣлалъ, за что онъ хотѣлъ убить, и у. него не нашлось бы на это по совѣсти отвѣта. Революціоннаго прошлаго у него не было, т. е. онъ не прошелъ тѣхъ фазисовъ психологическаго развитія, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идейной подготовки, и въ характерѣ не хватало дерзости. Это былъ еще совѣзмъ юный, добродушный и жизнерадостный провинціалъ. Вчера—еще просто мальчикъ въ самомъ разгарѣ, если можно такъ выразиться, своей непосредственности, сегодня—цареубійца. И цареубійца непосредственный, самъ бросившій первую бомбу. Онъ видѣлъ кровь постороннихъ людей, пострадавшихъ отъ его снаряда; на его глазахъ разорвалась вторая бомба, поразившая государя и Гриневицкаго. Онъ видѣлъ толпу, сбѣгавшуюся къ мѣсту катастрофы, у которой былъ въ глазахъ ужасъ передъ совершившимся и негодованіе къ нему, Рысакову. Когда онъ очутился въ рукахъ слѣдственной власти, она впиалась въ него своими умѣлыми когтями, не давая ему времени опомниться, разобраться хоть сколько нибудь въ той сложной сѣти опеломляющихъ и противорѣчивыхъ чувствъ, которыя должны были всплыть совершенно неожиданно для него самого. Не только онъ былъ испуганъ собственнымъ поступкомъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ, но онъ, я думаю, не могъ даже дать себѣ хорошенько отчета, какъ все это съ нимъ произошло. На судѣ, мнѣ помнится, онъ говорилъ, что онъ совѣзмъ не террористъ, а мирный дѣятель. Этимъ заявленіемъ, наивнымъ съ перваго взгляда, онъ не отрицалъ, конечно, факта метанія бомбы, а отгонялъ отъ себя и отъ другихъ мысль, что онъ можетъ вообще убивать людей. Такимъ образомъ не одинъ только животный инстинктъ самосохраненія, а болѣе сложный комплексъ чувствъ душили его съ такой силой, что лишили его всякаго самообладанія и бросили цѣликомъ во власть чужой воли.

Рысаковъ былъ, какъ говорили, способный юноша, хорошо зналъ математику. Память у него была очень точная и, вѣроятно,

развитое воображеніе. Въ немъ ходила какая-то скрытая, не развернувшаяся еще силушка (къ его преземимистой, широкоплечей фигурѣ съ большой головой это слово вполне применимо), но вся бѣда въ томъ, что ему слишкомъ рано дали такую ответственную роль.

Когда и какъ опредѣлилась его роль, я не знаю. Если предложеніе выступить метальщикомъ было сдѣлано при немъ или прямо ему въ упоръ, очень можетъ быть, что, участвуя еще раньше въ наблюдательномъ отрядѣ, онъ не захотѣлъ показаться трусомъ въ глазахъ Желябова или передъ самимъ собою и принялъ предложеніе.

Я остановился на Рысаковѣ потому, что для всякаго посторонняго человѣка его поведеніе должно показаться слишкомъ двусмысленнымъ. Такихъ людей клеймятъ ужаснымъ словомъ «предатель», и этимъ исчерпываются всѣ счеты съ ними. Мнѣ хотѣлось показать, какую страшную пытку испыталъ Рысаковъ прежде, чѣмъ началъ говорить, и что, суммируя всѣ обстоятельства, онъ заслуживаетъ только жалость, а не презрѣніе.

Вторая очная ставка мнѣ была дана съ Перовской. По правдѣ сказать, не понимаю до сихъ поръ цѣли этой ставки, т. к. Перовская никакихъ показаній противъ кого либо не давала, а я въ то время еще отрицалъ показаніе Рысакова. Расчетъ слѣдователей могъ быть только одинъ—уловить игру физиономій. У нихъ вырабатывается особенная наблюдательность и умѣнье играть на неожиданностяхъ. Съ меня снимали допросъ Добржинскій и жандармскій офицеръ въ синихъ очкахъ, кажется, по фамиліи Ивановъ. Они сидѣли другъ противъ друга за однимъ столомъ со мной, мѣшали перекрестные вопросы по дѣлу съ веселой болтовней о разныхъ разностяхъ, стараясь придать характеръ полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я съ своей стороны, зная уже показаніе Рысакова, все время сидѣлъ насторожѣ. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается ко мнѣ: «Г. Тырковъ, потрудитесь обернуться». — Оборачиваюсь—передо мной стоитъ Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за послѣдніе дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: «не знакомъ». Ее увели.—Дверь, черезъ которую ввели Перовскую, открывалась безшумно и вела въ коридоръ, устланный ковромъ. Вѣроятно не со мной однимъ продѣлывался этотъ фокусъ, рассчитанный на эффектъ неожиданнаго появленія за спиной человѣка, шагъ котораго нельзя было впередъ слышать.

Прокуратура и жандармы относились съ особенной ненавистью къ Перовской и Желябову. О Кибальчичѣ они отзывались сдержанно, безъ малѣйшаго раздраженія, уклоняясь даже отъ разговора о немъ. Онъ былъ слишкомъ философъ. Онъ велъ себя, какъ человѣкъ, стоящій внѣ партійныхъ страстей, руководствующійся въ своей программѣ общественной дѣятельности исключительно научнымъ анализомъ современности. Такое безстрастіе,

такое подчинение себя объективным выводам действовали успокоительно и примиряли с ним его противниковъ. Я слышалъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, отъ жандармовъ, что, когда его арестовали, онъ сейчасъ же принялся за свои чертежи и чертилъ, пока ему не принесли бумаги, прямо на стѣнѣ камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо рѣдкое, бросавшееся въ глаза спокойствіе на судѣ и въ теченіе всѣхъ послѣднихъ дней его жизни было результатомъ не столько подавляющей въ себѣ волненіе силы воли, сколько силы обобщающей мысли, принимающей всѣ причины и слѣдствія, какъ нѣчто неизбѣжное. Онъ какъ будто и себя самого и свою судьбу ставилъ въ рядъ той же неизбѣжной цѣпи явленій. Одинъ изъ самыхъ серьезно-образованныхъ людей въ партіи, онъ стоялъ въ ней, какъ мнѣ казалось, особнякомъ. Правда, я ни разу не видѣлъ его вмѣстѣ съ другими главарями-народовольцами, т. ч. мнѣ трудно судить о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ онъ стоялъ внѣ конспиративной сутолоки съ ея безконечными свиданіями, толкучкой на т. наз. радикальскихъ квартирахъ, гдѣ можно было всегда застать «радикалье» всѣхъ оттѣнковъ. Я видѣлся съ нимъ только у себя и больше нигдѣ его не встрѣчалъ. Наше знакомство носило чисто частный характеръ, не было связано ни съ какими партійными интересами. Я зналъ, что онъ помѣщаетъ рецензіи по философіи и общественнымъ наукамъ. Разъ какъ-то онъ показывалъ мнѣ свою статью объ общинѣ, гдѣ онъ, помнится, доказывалъ значеніе общины, какъ формы, заключающей зародыши высшихъ экономическихъ отношеній. Его отношеніе къ дѣламъ партіи мнѣ было совсѣмъ неизвѣстно, т. ч. я даже спросилъ Гесю Гельфманъ о немъ. Она мнѣ сказала: «о, онъ у насъ техникъ». Разговоры наши велись на общія темы. Все это я говорю по тому, что пропаганда, агитація, однимъ словомъ, возня съ отдѣльными лицами была, какъ мнѣ кажется, внѣ сферы его интересовъ. Смутно помнится, что онъ переживалъ тяжелый кризисъ, стоялъ на распутьи. Не отъ него я это слышалъ, а отъ другихъ. Можетъ быть, послѣ этого кризиса, понявъ, какъ важно каждому человѣку самому опредѣлять свою дорогу, онъ не хотѣлъ никому внушать своихъ настроеній своимъ личнымъ, непосредственнымъ вліяніемъ, а, можетъ быть, просто онъ былъ поглощенъ другимъ. Только разъ за все время знакомства, уже зимой 81 г., онъ заговорилъ со мной о дѣлахъ партіи, именно о денежныхъ ея затрудненіяхъ. Въ Петербургѣ былъ тогда наѣдомъ Орловскій или Тульскій помѣщикъ, нѣкто Филатовъ, теперь уже покойный. Размѣра его средствъ я не зналъ, но слышалъ, что средства были. Это былъ въ высшей степени нервный, при этомъ совершенно сумасбродный человѣкъ. Я предложилъ тѣмъ не менѣе Кибальчичу попытать счастья получить у Филатова денегъ. Мы назначили общее свиданіе, но Филатовъ денегъ не далъ. Кибальчичъ потомъ сказалъ мнѣ: «развѣ можно съ такимъ

дуракомъ дѣло имѣть?!»—Въ обращеніи у него была простота умнаго, развитога человѣка, больше занятаго своими мыслями и общими интересами, чѣмъ собой и самолюбивыми мелкими сче-тами. У него была своеобразная привычка щурить глаза и при-стально смотрѣть куда-то въ сторону, точно тамъ мерцала какая-то отдаленная точка, на которой онъ концентрировалъ свою мысль. Въ обыденной жизни онъ былъ, по всей вѣроятности, непрактиченъ, такъ какъ та же Гельфманъ рассказывала мнѣ про него анекдотъ такого рода. Собралось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Кибальчичъ, и всѣ были очень голодны. Кибальчичъ вызвался принести что нибудь поѣсть и принесъ... крас-ной смородины. Гельфманъ хохотала до слезъ и все повторяла: «кра—сной смородины!»—Помню, ему нравилась мысль, выска-занная въ прокламаціи по поводу чуть ли не Соловьевскаго покушенія. Тамъ говорилось, что Россія обратилась бы въ стоя-чее болото, если бы въ ней не появились люди, съ такимъ само-отверженіемъ заявляющіе свой протестъ, что иначе для нея на-ступила бы нравственная смерть.

Послѣдній разъ я видѣлъ его послѣ 1 марта. Мы встрѣтились на улицѣ, но долго оставаться вмѣстѣ находили неудобнымъ. Я спросилъ его о разрушительномъ дѣйствиіи мины на Садовой улицѣ, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарахъ и въ домахъ. Онъ далъ мнѣ такое же объясненіе, какое давалъ на судѣ, т. е. по его расчету сила взрыва не могла распро-страниться на тротуары.—При прощаньи онъ задалъ мнѣ такой вопросъ: «замѣтили ли вы, что наши женщины жесточе насъ, мужчинъ?» Не помню, что я ему отвѣтилъ;—мы распрощались съ нимъ... и уже навсегда.

Въ противоположность Кибальчичу Желябовъ олицетворялъ собою боевое, наступательное настроеніе партіи. Его имя стало одно время нарицательнымъ, стало синонимомъ крайняго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ разрушительнаго направле-нія. Исключительность момента и обстановки, при которой онъ предсталъ передъ обществомъ, и нѣкоторыя его личныя черты могли, пожалуй, напугать воображеніе публики. Это мнѣніе о Желябовѣ, раздугое еще извѣстной частью прессы, невѣрно уже потому, что Исполнительный Комитетъ въ своихъ дѣйствіяхъ строго держался мѣры, отлично понимая, какой скользкій путь представляетъ изъ себя терроръ. Я самъ слышалъ отъ Тихоми-рова, что, по его мнѣнію, Исполнительный Комитетъ долженъ со-стоять изъ людей высоконравственныхъ, въ чемъ, разумѣется, и могла только заключаться гарантія этой мѣры.

Желябовъ былъ высокаго роста, брונетъ, съ довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, неболь-шими, но живыми, умными глазами. Хорошій ораторъ, живой, дѣя-тельный, вѣроятно, предприимчивый, съ умѣньемъ бить на эффектъ, когда онъ считалъ это нужнымъ—изъ расчета надѣлать шуму, за-ставить людей говорить и думать. На видѣнной мной гравюрѣ,

изображающей процессъ 1 марта, Желябовъ сидитъ, облокотившись на что-то, въ полуоборотъ къ суду, внимательно слушая, подавшись корпусомъ впередъ. Въ этой позѣ, знакомой мнѣ и раньше, сказывались напряженный, живой интересъ, нетерпѣніе, готовность напасть или отразить ударъ. Его сфера была улица, люди. Онъ отлично зналъ, что имѣеть на нихъ вліяніе, и это сознаніе должно было удовлетворять его чувству, вѣроятно, развитого самолюбія. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя въ рамки партійной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себѣ окружающихъ и искала большаго простора для своей дѣятельности, но должна была, если только дѣйствительно существовали эти агрессивныя стремленія, встрѣчать, въ средѣ организаціи, отпоръ со стороны людей не менѣе сильныхъ, а, можетъ быть, болѣе глубокихъ, чѣмъ онъ. Въ его глазахъ я замѣчалъ иногда не то радость успѣха, не то чувство прилива и расцвѣта силъ. При первой моей мимолетней встрѣчѣ съ нимъ онъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Онъ передавалъ чуть ли не свои воспоминанія, вынесенныя имъ съ юга. Я слышалъ только нѣсколько конечныхъ фразъ, но мнѣ хотѣлось бы тогда слушать его безъ конца, такой интересъ возбудилъ онъ во мнѣ и собой и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, которое онъ придавалъ и природѣ и людямъ въ своемъ разсказѣ. Конечно, самое важное было бы вспомнить, что именно онъ говорилъ; но я отмѣчаю этотъ фактъ потому, что только даровитые, оригинальные люди способны такъ сразу захватывать слушателя.— Его дѣятельность была весьма разнообразна. Онъ выступалъ на диспутахъ, происходившихъ между Народовольцами и Чернопредѣльцами; велъ, кажется, дѣло съ рабочими; принималъ участіе въ дѣлахъ центрального Университетскаго кружка и даже помогалъ составленію самой прокламаціи, брошенной Бернштейномъ. Я случайно присутствовалъ, какъ посторонній чловѣкъ, при составленіи этой прокламаціи. Желябовъ велъ себя совершенно какъ равный съ равными, какъ товарищъ. Несмотря на его тактъ, въ немъ была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится впередъ и толкаетъ передъ собой другихъ.

Объ ихъ казни я узналъ не скоро, такъ какъ родные скрывали отъ меня этотъ фактъ. Но въ тюрьмѣ пронесся смутный слухъ о ней. Уголовные, разносившіе намъ пищу и кипятокъ, какъ-то шепнули мнѣ: «сегодня двухъ казнили». Уже долго спустя одинъ солдатъ-жандармъ, дежурившій при осужденныхъ по дѣлу 1 марта, передалъ мнѣ кое что о послѣднихъ минутахъ ихъ жизни.

Всѣ они содержались въ домѣ предв. заключенія, мужчины—въ нижнемъ этажѣ, въ одиночкахъ. Ночь передъ казнью одинъ Кибальчичъ провелъ спокойно—спалъ, какъ всегда. Всѣ другіе не спали. Желябовъ ходилъ возбужденно по камерѣ. Когда Перовскую вывели во дворъ, гдѣ ее уже ждала поворная колесница, она поблѣднѣла и зашаталась. Но ее поддержалъ Михайловъ словами: «что ты,

что ты, Соня?—опомнись». Этотъ окликъ привелъ ее въ себя: она справилась съ минутной слабостью и твердо вошла на колесницу.

Мнѣ остается еще сказать о двухъ лицахъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 1 марта, именно объ Елизаветѣ Николаевнѣ Оловенниковой и Петрѣ Васильевичѣ Тычининѣ.

Оловенникова принадлежала къ семьѣ, въ которой уже были свои революціонныя традиціи. Ея старшая сестра Марья Николаевна, бывшая замужемъ за Баранниковымъ (погибшимъ въ Алексѣевскомъ раявельинѣ), играла въ то время роль въ партіи и жила на положеніи нелегальной. Знакомство Елизаветы Николаевны съ революціонерами благодаря одному этому обстоятельству было довольно близко. Она бывала и раньше арестована, но аресты кончались для нея ничѣмъ. Еще у себя въ Орлѣ, можетъ быть, еще гимназисткой, она участвовала въ какихъ-то кружкахъ революціоннаго характера, т. ч. къ народолюбцамъ она подошла постепенно. Сидя въ крѣпости и думая о ней, я былъ убѣжденъ, что ей не выдержать заключенія. Въ ея душѣ было столько заботливой ласки, нѣжности и прочной и глубокой привязанности ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ее связывала судьба, что этой могилы и предстоявшей намъ вѣчной разлуки съ міромъ живыхъ людей ей было не перенести. При этихъ нравственныхъ особенностяхъ, которыя усиливаютъ тяжесть заключенія и разрушаютъ человѣка физически, заставляя его слишкомъ интенсивно испытывать тоску заключенія, она обладала непрочной нервной организаціей. Она дѣйствительно сошла съ ума и потомъ долго находилась въ Казанской больницѣ.

Мнѣ пришлось встрѣтить ее въ окружномъ судѣ, куда мы оба были вызваны для освидѣтельствованія въ комиссіи, состоявшей изъ врачей-психіатровъ. Она узнала меня сразу и все повторяла: «ахъ, Аркадій! дай мнѣ яду, дай мнѣ яду,—я такъ мучаюсь». Ее мучили галлюцинаціи и, вѣроятно, тяжелыя болѣзненные ощущенія.

Петра Тычинина я тоже встрѣтилъ случайно въ домѣ предварительнаго заключенія. Надзиратели очень заботились о томъ, чтобы мы никогда не встрѣчались другъ съ другомъ, но такъ какъ народу сидѣло много—однихъ выводили на прогулку, другихъ на свиданіе и т. д., то иногда происходили неожиданныя встрѣчи. Такъ произошло и съ нами. Тычининъ былъ переведенъ сюда изъ крѣпости въ виду его душевнаго расстройства. Что это былъ за человѣкъ, я даже приблизительно не могу сказать. Онъ тоже меня узналъ и страшно обрадовался, точно онъ увидалъ давно желаннаго, своего, близкаго человѣка. Онъ бросился мнѣ на шею, нервно прижалъ къ себѣ и сказалъ, показывая себѣ на лобъ: «я немножко боленъ. Ну, да это ничего, пройдетъ... Будемъ еще жить и работать вмѣстѣ».—Опѣшившіе было надзиратели пришли въ себя и развели насъ.

По моимъ расчетамъ вскорѣ послѣ этого Тычининъ умеръ. Одни говорили, что онъ бросился съ четвертой галлерей дома П. З., другіе—

что онъ влѣзъ на раковину подъ водопроводнымъ краномъ, желая заглянуть въ окно. Схватившись за желѣзную тяжелую, оконную раму, онъ увлекъ ее за собой, потерявъ равновѣсіе, и упалъ вмѣстѣ съ ней на асфальтовый полъ камеры. Рама ударила его по головѣ и убила на мѣстѣ.

Всѣхъ насъ должны были судить на т. наз. процессѣ 20-ти, но меня и Оловенникову исключили изъ числа подсудимыхъ по болѣзни. Потомъ меня могли бы судить и одного или же присоединить къ другой группѣ, но почему-то со мной поступили иначе: меня сослали въ Сибирь, административнымъ порядкомъ безъ срока, а потомъ, по коронаціонному манифесту, изданному при вступленіи на престолъ Николая II, замѣнили безсрочную ссылку двадцатилѣтней.

А. Тырковъ.

Отъ редакціи. Въ виду историческаго значенія тѣхъ событій, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ высокоинтересныхъ воспоминаніяхъ А. В. Тырковъ, мы, прежде напечатанія этихъ воспоминаній, посылали ихъ въ корректуру къ нѣсколькимъ компетентнымъ лицамъ съ просьбою снабдить ихъ своими примѣчаніями.

Вотъ что отвѣтила намъ на нашу просьбу, между прочимъ, А. П. Прибылева-Корба:

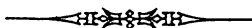
1) «Сущность дѣла съ министромъ Сабуровымъ состоитъ въ томъ, что группа народовольцевъ, которые вели сношенія отъ имени Партіи съ университетомъ, находила настроеніе петербургскаго студенчества слишкомъ пассивнымъ. Желая возбудить въ немъ революціонный духъ, эти лица предложили студентамъ университета протестовать противъ новыхъ правилъ, вводимыхъ Сабуровымъ. Организуя нападеніе на послѣдняго, Исполнительный Комитетъ имѣлъ въ виду приучить студентовъ къ активной борьбѣ противъ университетскаго режима, который воплощалъ въ себя всю мудрость политики Д. А. Толстого».

2) «Привлеченіе Рысакова къ дѣлу 1 марта состоялось при такихъ обстоятельствахъ: осенью 1880 года Исполнительному Комитету было сообщено, что студентъ горнаго института Рысаковъ предлагаетъ свои услуги для совершенія террористическаго акта. Узнавъ, что этому студенту 19 лѣтъ, Исполнительный Комитетъ былъ склоненъ вовсе не вступать съ нимъ въ переговоры, но такъ какъ лица, говорившія отъ имени Рысакова, настаивали на томъ, чтобы Комитетъ воспользовался предложеніемъ Рысакова для цѣлей партіи, то рѣшено было подвергнуть его испытанію. За нравственныя качества Рысакова ручались его знакомые, но было необходимо убѣдиться въ его мужествѣ и стойкости. Однако, это испытаніе вовсе не должно было влечь за собою неминуемо

террористическую дѣятельность Рысакова. Комитету важно было выяснитъ лишь степень довѣрія, которую заслуживалъ Рысаковъ. Испытаніе было организовано такъ: Въ октябрѣ 80 г. въ Петербургѣ получились новыя принадлежности для большой типографіи «Народной Воли», пересылались большой валъ, шрифтъ и еще какіе то тяжелые предметы. Этотъ грузъ былъ отправленъ изъ провинціи по двумъ жел. дор. накладнымъ. Получка груза, конечно, представляла нѣкоторую опасность: ящики могли разбиться дорогой, могло случиться что нибудь и другое въ этомъ родѣ. Рысакову поручили получить грузъ по одной накладной. Ему было указано, по какимъ улицамъ онъ долженъ ѣхать съ ломовымъ извозчикомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ вокзала, на мосту, его ждало лицо, посланное Комитетомъ. Лицо это должно было смѣнить Рысакова для дальнѣйшаго препровожденія ящиковъ. Рысаковъ оказался мужественнымъ и точнымъ. Въ назначенное время онъ уже былъ на мосту. Къ нему подошелъ чело-вѣкъ, котораго онъ отрекомендовалъ въ качествѣ брата, который и поѣдетъ съ нимъ дальше. Нѣсколько дней спустя Рысакову дали вторую накладную, и на этотъ разъ довѣрили ему доставить грузъ на квартиру Люстига (судился по процессу 20-ти). И на этотъ разъ онъ выполнилъ порученіе превосходно. Такъ какъ Рысаковъ продолжалъ свои сношенія съ Комите-томъ, съ цѣлью исполнять его порученія, то его привлекли къ участию въ «наблюдательномъ отрядѣ», о чемъ говоритъ Тырковъ въ своей интересной и правдивой статьѣ. Приближалась развязка: чѣмъ ближе подходило время къ 1 марта, тѣмъ болѣе событія ускоряли свой ходъ, а на роль 3-го метальщика не было вполне испытаннаго человѣка. Молодость Рысакова по прежнему составляла громадное препятствіе къ привлеченію его къ дѣлу, но сила вещей одержала верхъ надъ всѣми соображеніями».

Другое компетентное лицо, къ которому мы посылали корректуру статьи А. В. Тыркова, сообщило намъ, что характеристика, данная Тырковымъ Н. В. Саблину, не соответствуетъ дѣйствительности. «Онъ (Саблинъ), — пишетъ что лицо — положительно требовалъ, чтобы ему дали бомбу, но Исполнительный Комитетъ не согласился на это, желая сберечь его».

Наконецъ, сдѣлаемъ еще одно примѣчаніе отъ себя: не знаемъ правда ли это, но мы слышали, что на роль метальщика А. И. Желябову предлагалъ свои услуги Н. А. Желваковъ, но Желябовъ отклонилъ это предложеніе именно въ виду того, что, высоко цѣняя Желвакова, считалъ нужнымъ сохранить его для дѣйствій въ будущемъ еще болѣе рѣшительныхъ и быть можетъ въ обстановкѣ еще менѣе благоприятной. Послѣдующей судьбой своей Желваковъ доказалъ, что Желябовъ нисколько не ошибался въ своемъ высокомъ о немъ мнѣніи.

Воспоминанія студента-солдата.

«Званіе солдата—почетное званье.
Солдаты защищаютъ престолъ—
отечество отъ враговъ внутрен-
нихъ и вѣншихъ».

(Изъ уроковъ солдатской
«словесности»).

Въ февралѣ 1901 года мнѣ на практикѣ пришлось позна-
комиться съ знаменитыми «временными правилами 29 іюля 1899 г.»
о сдачѣ студентовъ въ солдаты за безпорядки. Ровно 5 лѣтъ
прошло уже съ тѣхъ поръ; пять лѣтъ—цѣлая вѣчность; многое исчезло
уже изъ памяти безвозвратно, многое ужъ не такъ волнуешь, какъ
прежде, и тѣмъ не менѣе хочется увѣковѣчить по крайней мѣрѣ
то, что еще не совсѣмъ забыто и что сумѣло оставить по себѣ
невыгладимый слѣдъ.

Теперь, когда близится ликвидація «старого порядка» и скоро
придетъ «настоящій день», тотъ долго жданный день, когда судъ
освобожденнаго народа властно призоветъ къ отвѣту палачей
свободы,—теперь мнѣ кажется не лишнимъ вписать въ обвини-
тельный актъ умирающаго режима еще одну страничку: о сдачѣ
студентовъ въ солдаты. Литература совсѣмъ не касалась этого
факта, хотя онъ и не прошелъ незамѣченнымъ.

I.

Безпорядки 1901-го г. въ Петербургскомъ Университетѣ
были отголоскомъ кievскихъ безпорядковъ. Въ Киевскомъ Уни-
верситетѣ впервые примѣнены были тогда «временныя правила»,
и около 200 человекъ сданы были въ солдаты на разные сроки.
(отъ 1—3 лѣтъ). Не безпорядки сами по себѣ, а именно сдача въ
солдаты и вызвала движеніе въ Петербургскомъ Университетѣ.
Студенчество глухо волновалось. Началась агитація за выра-
женіе протеста въ той или другой формѣ. Форма должна была
выработаться на сходкахъ, и сходки состоялись въ послѣднихъ
числахъ января. На первой сходкѣ вопросъ не былъ рѣшенъ
окончательно, потому что на ней было слишкомъ мало студен-

товъ. Вторая сходка должна была считаться рѣшительной при всякомъ числѣ участниковъ.

Какъ ни возмутителенъ былъ фактъ сдачи кievлянъ въ солдаты, онъ не могъ сплотить всего студенчества для дружнаго протеста. Немного нашлось охотниковъ раздѣлить судьбу кievскихъ товарищей. Было ясно, что правительство не задумается отдать въ солдаты и петербургскихъ студентовъ, если начнутся «беспорядки». Попечитель учебнаго округа—г. Сонинъ извѣщалъ студентовъ, что правительство намѣрено карать на основаніи высочайше утвержденныхъ 29 іюля 1899 г. «временныхъ правилъ». Въ длинномъ корридорѣ Университета красовались объявленія, за подписью г. Сонины, призывавшія къ порядку и обѣщавшія въ то же самое время и бараній рогъ, и ежевые рукавицы. Чѣмъ сильнѣе было броженіе—тѣмъ грознѣе становился тонъ этихъ объявленій и послѣ рѣшительной сходки, на которой присутствовало около 300 студентовъ, сходки, конечно, нелегальной (дѣло произошло въ 1901 году), г. Сонинъ увѣдомилъ студентовъ, что по распоряженію министра народнаго просвѣщенія—Боголѣпова составлено уже «особое совѣщаніе для примѣненія временныхъ правилъ» и, такъ какъ сходка большинствомъ голосовъ рѣшила путемъ обструкціи прекратить занятія въ Университетѣ, г. попечитель призывалъ «благоразумную» часть студенчества воздержаться отъ участія въ беспорядкахъ и «дать дружный отпоръ кучкѣ насильниковъ, которая будетъ пытаться терроризовать студенчество». Ихъ—этихъ насильниковъ, говорилъ Сонинъ, «можно поистинѣ назвать сверхъ-студентами».

Обструкція, рѣшенная сходкой, была единственнымъ средствомъ прекратить занятія, но въ виду того, что она прошла на сходкѣ небольшимъ большинствомъ, да и сама сходка была совсѣмъ не многочисленна—можно было заранѣе предсказать, что она не достигнетъ цѣли и будетъ обречена на неудачу. Тѣмъ не менѣе обструкція началась. Обструкціонистовъ оказалось не болѣе 50 человекъ. Первый день обструкціи былъ сравнительно удаченъ: удалось «сорвать» нѣсколько лекцій. На второй день дѣло шло уже плохо, потому что часть обструкціонистовъ была арестована и препровождена въ часть. И, наконецъ, 3-й день прошелъ совершенно неудачно. Насъ—обструкціонистовъ было всего 12 человекъ и, сдѣлавъ безплодную попытку остановить чтеніе лекцій въ 2-хъ аудиторіяхъ—мы прекратили обструкцію. Дѣло было проиграно.

Я принималъ участіе въ обструкціи только въ послѣдній день, а на завтра былъ вытребованъ въ охранный отдѣленіе, гдѣ у меня отобрали входной билетъ въ Университетъ и объявили, что я преданъ суду «особаго совѣщанія по примѣненію временныхъ правилъ» за мое участіе въ университетскихъ беспорядкахъ, и что о времени и мѣстѣ суда я буду извѣщенъ особо.

Въ охраннымъ отдѣленіи я встрѣтилъ еще нѣсколько товарищей, которые вытребованы были по тому же самому дѣлу.

II.

Прошло 3—4 дня и я получил повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ канцелярію попечителя учебнаго округа на судъ «особаго совѣщанія». Ваявъ извозчика, я отправился вечеромъ въ канцелярію попечителя.

Шель, если не ошибаюсь, второй или третій день суда. Въ первый день судили товарищей, арестованныхъ въ самомъ началѣ обструкціи и сидѣвшихъ въ части. Ихъ привозили изъ участка, а потомъ препровождали обратно.

Въ большой комнатѣ, отведенной специально для подсудимыхъ, набралось около 20 студентовъ Университета. На нѣкоторыхъ лицахъ было написано волненіе; нѣкоторые оставались совершенно спокойными. Здѣсь началось наше первое знакомство другъ съ другомъ. Разговаривать особенно не хотѣлось.

Таинственная дверь скрывала отъ насъ синедрионъ, собравшійся уже почти въ полномъ составѣ. Въ одной изъ комнатъ, какъ мы узнали впоследствии, заперты были педеля Университета; особая комната отведена была и для субъ-инспекторовъ. И тѣ и другіе должны были «уличать» и лжесвидѣтельствовать, если бы подсудимые стали отрицать свое участіе въ безпорядкѣ. Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія таинственная дверь открылась, и судъ вызвалъ одного изъ товарищей. Я ждалъ очереди. Наконецъ, очередь моя настала, и я вошелъ въ комнату засѣданія суда, вошелъ и осмотрѣлся.

Въ срединѣ—предсѣдатель суда—попечитель учебнаго округа г. Сонинъ, онъ же и судебный слѣдователь, потомъ ректоръ Университета проф. Гольмстенъ, военный судья—генералъ Никифоровъ, нач. отд. деп. полиціи—Янкулю, чиновникъ мин. юстиціи Максимовичъ, профессора: Платоновъ, Дювернуа, бар. Розенъ, Шевяковъ. Участіе профессоровъ въ отдачѣ студентовъ въ солдаты должно быть особенно отмѣчено. Неизгладимое пятно въ исторіи петербургской профессуры оставлено профессорами Гольмстеномъ, Платоновымъ, Дювернуа, барономъ Розеномъ и Шевяковымъ. За отдѣльнымъ столикомъ секретарь Университета записываетъ показанія и составляетъ протоколы засѣданія. Удостоверивъ личность, предсѣдатель начинаетъ допросъ.

Допросъ тянется не долго: 1) былъ ли на сходкѣ, 2) за что голосовалъ, 3) ходилъ ли по аудиторіямъ. Я ограничиваюсь краткими отвѣтами на предложенные вопросы и подписываю протоколъ своихъ показаній.

Мнѣ хотѣлось въ показаніяхъ рассказать Сонину о томъ впечатлѣніи, которое производили на меня (да и на другихъ товарищей, должно быть, тоже) его объявленія, и я заявляю на судѣ, что послѣ прочтенія возмутительныхъ прокламацій попечителя учебнаго округа во мнѣ уже не было колебаній, присоединяться ли къ товарищамъ. Господинъ Сонинъ рѣзкимъ, раздражитель-

нымъ тономъ просить секретаря у—та занести въ протоколъ, что его объявленія я нахожу и называю «возмутительными». Одинъ изъ профессоровъ-судей (не помню ужъ теперь, кто именно) задаетъ мнѣ вопросъ: «ну, а скажите, если бы не было объявленій отъ попечителя учебнаго округа, стали бы вы ходить по аудиторіямъ?»

Зачѣмъ профессору нужно было задать этотъ вопросъ — не знаю. Быть можетъ, ему представилось, что я хочу выгородить себя или указать на «смягчающія обстоятельства».

— «Конечно, сталъ бы», отвѣчаю я.

— «Больше ничего» — говоритъ профессоръ.

Военный генералъ освѣдомляется, къ какому участку по отбыванію воинской повинности я приписанъ, и предсѣдатель предлагаетъ мнѣ удалиться.

Приблизительно въ такомъ же духѣ допрашивались на судѣ и остальные товарищи.

Теперь нѣсколько словъ по поводу выраженія «ходить по аудиторіямъ». Почти всѣ товарищи (а въ томъ числѣ и я) говорили на судѣ не о томъ, что мы проводили обструкцію, а что мы ходили по аудиторіямъ, чтобы сказать профессорамъ, какъ стыдно читать лекціи въ такое время, и чтобы спросить ихъ, какого на этотъ счетъ мнѣнія придерживаются они. Когда я сказалъ это Сонину, онъ спросилъ меня: «зачѣмъ же вамъ было ходить къ проф. Маркову — вѣдь онъ же математикъ». — «Что же изъ этого?» отвѣтилъ я.

Господинъ Сонинъ находилъ, очевидно, что математику не полагается имѣть никакихъ мнѣній и больше всего приличествуетъ быть предсѣдателемъ позорнаго суда (Сонинъ — самъ профессор математики). Нужно сказать, что это былъ поистинѣ «шемякинъ судъ». Г. Предсѣдатель предлагалъ нѣкоторымъ товарищамъ выразить раскаяніе во всемъ содѣянномъ и рисовалъ заманчивыя перспективы возвращенія домой. «Въ нашей власти», говорилъ онъ, «отдать васъ въ солдаты, въ нашей власти отпустить васъ домой». Онъ не стѣснялся говорить, что «здѣсь судятъ по впечатлѣнію». Остальные судьи ограничивались молчаливымъ одобреніемъ. Потомъ, когда появились уже приговоры, мы поняли, что значить «судить по впечатлѣнію»: достаточно было имѣть бороду и угрюмый видъ, дерзко отвѣчать на задаваемые вопросы, чтобы получить крайній срокъ полагавшагося наказанія — 3 года солдатской службы. Двое или трое были «оправданы». Кто знаетъ? Быть можетъ, они «раскаялись» и этой цѣной купили себѣ прощеніе.

Въ день суда приговоры объявлены намъ не были. Товарищи, арестованные раньше — снова препровождены были въ часть, бывшіе же на свободѣ отправились по домамъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Курьезнымъ образомъ избѣжалъ горькой участи быть сданнымъ въ солдаты одинъ товарищъ-обструкціонистъ. Когда полиція искала

и арестовывала обструкціонистовъ, онъ нѣсколько дней не былъ у себя на квартирѣ, и повѣстки съ приглашеніемъ на судъ вручить ему не могли. Судъ уже закончился, «особое совѣщаніе» было распущено, и приговоры состоялись, когда онъ явился къ Сонину и предложилъ судить его одинаково со всѣми товарищами; онъ заявилъ при этомъ, что въ обструкціи участвовалъ совершенно сознательно.

— Не собирать же снова ради васъ одного «особаго совѣщанія» сказалъ, выслушавъ его, Сонинъ. Такъ и не пришлось ему служить на «почетной» службѣ.

III.

Нѣсколько дней послѣ суда провелъ я дома въ ожиданіи своей участи. Наконецъ, 6-го февраля раннимъ утромъ я былъ пробужденъ околоточнымъ надзирателемъ, который и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Въ дорогѣ я долго соображалъ, куда меня везутъ, пока не остановился передъ Нарвской частью.

Въ канцеляріи участка записали мою фамилію, а потомъ провели на верхъ въ «арестантскія» камеры. Я пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ. Въ камерѣ на нарахъ лежалъ пока только одинъ товарищъ-студентъ. Но вскорѣ начали подвозить и другихъ товарищей. Часамъ къ 10 всѣ приговоренные къ солдатской службѣ были уже доставлены въ участокъ. Не доставало только одного товарища, котораго привезли къ вечеру, схвативъ его на улицѣ при выходѣ изъ студенческой столовой. Насъ оказалось всего 28 человекъ. Хотя официально приговоръ объявленъ намъ не былъ, но каждый изъ насъ зналъ уже, на сколько лѣтъ онъ осужденъ, потому что наканунѣ въ Университетѣ вывѣшено было объявленіе съ обозначеніемъ срока службы.

Шумно, весело... Въ нашемъ распоряженіи 2 большихъ камеры. Публика изъ «общества» не скужится на приношенія—передаютъ яблоки, конфекты, съѣстные припасы... Начиваются свиданья съ родными. Одного за другимъ вызываютъ въ нижнее помѣщеніе участка. Скоро все это надоѣдаетъ и утомляетъ, и мы хотимъ скорѣе выяснить свое положеніе. Впереди полная и томительная неизвѣстность. Одно только можно знать, что ничего хорошаго тамъ нѣтъ. Проходитъ день, другой... Въ участокъ является начальникъ охраннаго отдѣленія Пирамидовъ и проситъ сказать, кому нужны полушубки и желтые сапоги. «Какіе полушубки, какіе сапоги, зачѣмъ?» спрашиваемъ мы его съ удивленіемъ, и Пирамидовъ поясняетъ, что желтые сапоги и полушубки полагаются новобранцамъ при отправленіи въ дорогу.—«Но вѣдь намъ же еще не объявляли приговора?»—«Это ничего не значитъ—вы всѣ приговорены къ сдачѣ въ солдаты и если не хотите оставаться безъ сапоговъ и полушубковъ—заявляйте объ этомъ сейчасъ»—и Пирамидовъ удаляется.

Отъ сапоговъ мы отказываемся и требуемъ прокурора судеб-

ной палаты. Послѣ долгихъ объясненій съ тюремной администраціей намъ удается вызвать товарища прокурора. Мы пробуемъ объяснить ему, что держать насъ въ части и не сообщать причины ареста — незаконно, требуемъ, чтобы намъ официально объявили приговоръ суда. Товарищъ прокурора общается заняться нашимъ дѣломъ безотлагательно. Еще два дня ждемъ мы отвѣта и подаемъ уже письменное коллективное заявленіе, что мы объявляемъ голодовку до тѣхъ поръ, пока намъ не скажутъ, что съ нами намѣрены дѣлать, и пока не объявятъ приговора.

Депутація подаетъ это заявленіе Пирамидову, и мы начинаемъ голодать, отказываемся отъ всѣхъ передачъ, которыя приносятъ намъ, отказываемся отъ роскошныхъ обѣдовъ, которые давались намъ по распоряженію свыше.

Голодовка оказалась сильно дѣйствующимъ средствомъ, и въ ночь на 11 февраля мы узнали все, что хотѣли, но не такъ, какъ хотѣли... Около полуночи дверь въ арестантское отдѣленіе участка отворилась, и въ корридоръ ввалилась цѣлая ватага разныхъ «чиновъ» во главѣ съ воинскимъ начальникомъ. Грубо—по солдатски воинскій начальникъ крикнулъ всѣмъ намъ «чтобы черезъ 40 минутъ всѣ мы были готовы въ дорогу». Всѣ мы, быстро одѣвшись, выпли въ корридоръ объясняться съ новымъ начальствомъ, всѣ были возмущены солдатскимъ обращеніемъ и повелительнымъ тономъ.

— «Мы не поѣдемъ», заявляетъ воинскому начальнику одинъ изъ товарищей.

— «Кто это сказалъ: не поѣдемъ?» кричитъ воинскій начальникъ.

— «Сказалъ это я», спокойно отвѣчаетъ ему товарищъ; «но со мной согласны всѣ товарищи».

Ошеломленный неповиновеніемъ, воинскій начальникъ представляетъ намъ на размышленіе 10 минутъ и заявляетъ, что по истеченіи ихъ, онъ будетъ дѣйствовать силой съ помощью команды, которую онъ съ собой привелъ. Послѣ нѣкотораго размышленія мы рѣшаемъ подчиниться и начинаемъ собирать вещи. Черезъ 10 минутъ снова появляется воинскій начальникъ, прочитываетъ намъ въ корридорѣ «приговоръ», т. е. сообщаетъ, кто на какой срокъ сданъ въ солдаты.

Сквозь строй казаковъ проходимъ мы во дворъ участка. Здѣсь насъ ожидаютъ уже подводы: 2-ое большихъ пожарныхъ саней и карета. Въ однѣ пожарныя сани укладываютъ наши вещи, въ другія помѣщаютъ насъ, отправляемыхъ въ городъ N, а въ карету усаживаютъ 4-хъ товарищей, назначенныхъ въ Ямбургъ и получившихъ въ наказаніе по 3 года службы. Карета сейчасъ же выѣзжаетъ на Царскосельскій вокзалъ. Наши сани окружаются плотнымъ кольцомъ казаковъ въ 3 ряда; гикаетъ казачій офицеръ, и мы несемъ на Варшавскій вокзалъ по безлюднымъ, пустыннымъ улицамъ: ихъ «очистили» къ нашему проѣзду. Въ напутствіе намъ воинскій начальникъ кричитъ: «На вокзалѣ ждетъ г. воен-

ный министр; обращаясь къ нему, называйте его: «Ваше Высочество»...

IV.

Вокзалъ... Въ двѣ шеренги стоятъ солдаты; между ними узкій проходъ, какъ дорожка. Она идетъ къ подъѣзду вокзала, проходитъ черезъ весь вокзалъ, идетъ по платформѣ къ самымъ дверцамъ вагона. Вылѣзши изъ саней, прямо идешь по дорожкѣ въ самый вагонъ. Для студентовъ специально приготовлено 2 вагона 3-го класса. Въ обоихъ вагонахъ отдѣленія у дверей заняты конвоемъ; въ средину проходимъ мы. Конвоируетъ насъ еще казачій офицеръ.

Едва мы успѣваемъ занять мѣста, какъ въ нашъ вагонъ входитъ военный министръ Куропаткинъ и обращается къ намъ съ маленькой рѣчью. Онъ говоритъ, что не будетъ касаться вопроса, за что насъ сдали въ солдаты, что хочетъ только познакомить насъ, хотя бы бѣгло, съ такъ называемой воинской дисциплиной.

— «Если вы ударите офицера», говоритъ онъ: «васъ разстрѣляютъ, если вы сдѣлаете то-то—съ вами сдѣлаютъ то-то», говорить, что наше положеніе теперь не изъ завидныхъ и совѣтуетъ вооружиться, во-первыхъ, терпѣніемъ, а во-вторыхъ, молитесь Богу, чтобы онъ помогъ намъ благополучно закончить службу. Затѣмъ г. Куропаткинъ обращается къ намъ съ довольно характернымъ вопросомъ: «Кто у васъ старшій?»—«У насъ нѣтъ старшихъ», отвѣчаемъ мы ему. Онъ проситъ насъ выбрать когонибудь нашимъ представителемъ. Выбираемъ. Куропаткинъ обращается къ выбранному представителю съ вопросомъ: «скажите—вы не будете дорогой устраивать демонстрацій?» Получивъ отвѣтъ, что демонстрацій устраивать мы не будемъ (хороши демонстраціи, когда со всѣхъ сторонъ приставлены штыки), онъ приказываетъ оставить по одному солдату у каждой дверцы и удалить остальной конвой.—«Я распорядился приготовить для васъ въ Гатчинѣ завтракъ», говоритъ Куропаткинъ и, пожелавъ намъ всего лучшаго, удаляется. Онъ проходитъ во второй вагонъ. Тамъ та же сцена. Впрочемъ, тамъ генералъ Куропаткинъ сказалъ товарищамъ, что въ особо экстраординарныхъ случаяхъ онъ разрѣшаетъ обращаться письменно къ нему, какъ къ военному министру.

V.

Отъ Петербурга до города N., куда мы были назначены, часовъ 8 ѣзды. Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга военная власть города N. были увѣдомлены телеграммой о прибытіи студентовъ, сданныхъ въ солдаты, а потому на вокзалѣ мы встрѣтили офицеровъ разныхъ полковъ, расположенныхъ въ N. По ходатайству конвоировавшаго насъ офицера намъ разрѣшили напиться чаю на вокзалѣ, потомъ всѣхъ насъ распредѣлили по полкамъ по 8 человекъ въ каждый полкъ (въ г. N. стоитъ 3 полка)

и въ сопровожденіи унтеръ-офицеровъ направилъ въ казармы. Мнѣ и еще 7 товарищамъ выпалъ на долю тяжкій жребій—насъ назначили въ—скій полкъ, славящійся невѣжествомъ офицеровъ, ихъ башибузукскими замашками, особой военной выправкой и... командиромъ полка.

Мы распрощались другъ съ другомъ и отправились по своимъ полкамъ начинать новую жизнь.

Въ канцеляріи—скаго полка намъ сдѣлали переключку и распредѣлили по ротамъ. Въ каждую роту былъ назначенъ одинъ студентъ. Потомъ въ канцелярію вытребовали фельдфебелей всѣхъ ротъ и они отвели насъ по мѣстамъ. Я назначенъ былъ въ 1-ую роту.

VI.

Въ сопровожденіи фельдфебеля я въ студенческомъ пальто и тужуркѣ вхожу въ помѣщеніе 1-ой роты—въ казарму. Впервые въ своей жизни переступаю я порогъ солдатской казармы.

До сихъ поръ съ этимъ словомъ связывалось въ моемъ представленіи что то гнетущее, непріятное. Дѣйствительность превосходитъ однако всѣ ожиданія. Въ казармѣ полумракъ; темно, непривѣтливо. Небѣлены, грязныя, бревенчатыя стѣны смотрять какъ то угрюмо и словно хотять сказать: «оставь всякія надежды входящій сюда».

Всѣ вещи, вся немудреная обстановка казармы расположены въ строго опредѣленномъ порядкѣ, какъ будто и они заражены дисциплиной и боятся нарушить этотъ установленный порядокъ. Подъ потолкомъ на деревянныхъ балкахъ и стѣнахъ развѣшены длинныя, длинныя картонныя ленты съ крупными надписями. Что это?

«Пуля дура, штыкъ—молодецъ», гласить одна изъ нихъ...

«Коли штыкомъ скоро; помни, что на него другой просится».

«Нѣтъ патроновъ — коли штыкомъ, штыкъ сломался — бей прикладомъ, прикладъ сломался—кусай зубами». Все это афоризмы знаменитаго Суворова...

У стѣнъ стоятъ стойки со вложенными въ нихъ винтовками. Отъ одного до другого конца казармы тянется длинный рядъ коекъ, одинаково застланныхъ. Между рядами коекъ проходъ шага въ два. Въ воздухѣ виситъ брань, ругань.

Мой студенческій костюмъ сразу привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе солдатъ. Одни встаютъ и вытягиваются какъ передъ начальствомъ, другіе удивленно смотрять. Провожаемый сотней любопытныхъ глазъ, я слѣдую за фельдфебелемъ.—«Вотъ ваша койка», говоритъ фельдфебель. Я останавливаюсь и занимаю свое мѣсто. Солдаты одинъ за другимъ подходятъ и смотрять. Чѣмъ дальше—тѣмъ смѣлѣе становятся они. Я вижу, какъ они располагаются кругомъ на койкахъ. Всѣ смотрять внимательно, но никто не предлагаетъ никакихъ вопросовъ. Я скромно потупляю глаза и чувствую, какъ чужіе взгляды прямо таки жгутъ меня. Нако-

нецъ фельдфебель, видя мое смущеніе, кричитъ, чтобы всѣ разошлись и что здѣсь «глазѣтъ нечего»...—«Какъ вы сюда попали?» спрашиваетъ наконецъ меня одинъ солдатикъ-полякъ.

— «За безпорядки».—«А, вотъ оно что»... Онъ сочувственно спрашиваетъ меня объ университетскомъ движеніи, говоритъ, что плохо и тяжело придется мнѣ теперь.—«А впрочемъ, сами увидите», говоритъ онъ. И я дѣйствительно увидѣлъ самъ...

Черезъ 2 часа у меня былъ уже совершенно другой видъ: форму съ меня сняли, мои кудри обрѣзали, надѣли на меня сапоги, которые были по крайней мѣрѣ вдвое больше моей ноги, надѣли солдатскій мундиръ, и я слился съ общей массой и пересталъ обращать на себя вниманіе своихъ сослуживцевъ. Изъ разспросовъ солдата-поляка (онъ оказался полуинтеллигентнымъ человѣкомъ) я выяснилъ себѣ офицерскій составъ полка и въ частности нашей роты. Въ тотъ же день я и лично познакомился со своимъ начальствомъ.

Ротный командиръ—капитанъ Шарманкинъ ¹⁾, потребовалъ къ себѣ студента. Онъ распросилъ меня, кто я, какого факультета и т. д., при чемъ тщательнo избѣгалъ обращаться ко мнѣ съ какииъ либо мѣстоименіемъ.

Съ отчаяннымъ настроеніемъ всматривался я въ новую жизнь. Въ двухъ шагахъ отъ меня, въ помѣщеніи второй роты находился товарищъ—студентъ, который, вѣроятно, чувствовалъ себя тоже не особенно хорошо. Но видѣться съ нимъ было нельзя. Намъ почему то воспретили свиданія другъ съ другомъ.

VII.

На второй день начинается уже настоящая солдатская жизнь. Рано утромъ вмѣстѣ съ другими солдатами поднялся и я. Рота ждала офицеровъ, которые должны начать ученье. До прихода офицеровъ солдаты одѣвались и подъ командой фельдфебеля дѣлали гимнастику.

Въ 8 часовъ появляются и офицеры: командиръ роты и два молодыхъ офицера—подпоручикъ и поручикъ.—«Смирно!» кричитъ при ихъ входѣ фельдфебель. Рота вытягивается въ струнку.—«Здорово, ребята!» обращается къ солдатамъ ротный командиръ и 100 голосовъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ужаса, кричатъ: «Здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!» Начинается ученье. Солдаты изучаютъ ружейные приемы. Два-три часа съ маленькими передышками берутъ они «на плечо», «на к'рауль», «на руку» и т. д. Смотрѣтъ скучно, томительно. Рота замерла—ни одного звука. Машинально выполняютъ они приказы. Это уже не люди, а автоматы. Каждый старается точно и быстро выполнить то, что ему приказано.

Гулко раздается команда офицера. Команда—сразу за ней звякаютъ ружья, и приемъ готовъ. Офицеры дѣлаютъ замѣчанія.

¹⁾ Эта и другія фамиліи вымышлены.

У того «недовернуть» носокъ, у друго́го тотъ же носокъ «перевернуть» и т. д. и т. д.

Я стою въ сторонкѣ и жду, что будетъ дальше. Молодые офицеры смотрятъ на меня какъ на диковиннаго звѣря. Ко мнѣ подходит капитанъ Шарманкинъ.—«Здравствуйте», говоритъ онъ.—«Здравствуйте», отвѣчаю я ему. Выбравъ одного унтеръ-офицера, ротный командиръ назначаетъ мнѣ его въ учителя и объясняетъ, что учиться я буду отдѣльно отъ роты, потому что рота уже кое что знаетъ, а я только что пріѣхалъ и еще профанъ. Мнѣ выдаютъ винтовку, и начинается мой первый урокъ. Ружьемъ владѣть совершенно не умѣю, и ученье дается сначала съ нѣкоторыми трудностями.

Наконецъ, ученье кончается; офицеры уходятъ. Но оказывается, что еще не совсѣмъ конецъ. Это была лишь практическая часть; теперь начинается теорія или «словесность», какъ она почему то называется. Въ роли преподавателей и лекторовъ выступаютъ уже унтеръ-офицеры. Рота разбивается на небольшіе кружки, и въ разныхъ концахъ казармы начинаются уроки «словесности».

Меня учатъ опять отдѣльно. Унтеръ, мой учитель, показываетъ мнѣ учебникъ и начинаетъ оттуда читать, а меня проситъ внимательно слушать.—«Что такое солдатъ?» читаетъ онъ по учебнику, и дальше: «Солдатъ есть слуга царя и отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ».—«Ну, повтори», говоритъ онъ мнѣ: «что такое солдатъ?» Я повторяю, а мой учитель смотритъ внимательно въ учебникъ.—«Не такъ», говоритъ онъ, замѣтивъ, что слова въ моемъ отвѣтѣ расположены не въ такомъ порядкѣ, какъ въ учебникѣ. Затѣмъ онъ знакомитъ меня со всѣмъ царствующимъ домомъ, при чемъ каждую «особу» этого дома величаетъ полнымъ титуломъ и меня заставляеть дѣлать то же самое: знакомитъ съ начальствомъ: командиромъ полка, батальона, бригады, дивизіи, корпуса. Я долженъ запоминать ихъ имена и пр.—«А ну-ка, кто у тебя начальникъ дивизіи?» провѣряетъ онъ мои познанія. Для облегченія изученія всей этой премудрости онъ указываетъ мнѣ на стѣну, гдѣ на листѣ бумаги поименованы всѣ «чины» и «особы», и рекомендуетъ почаще читать этотъ листъ. Курьезный у меня учитель—настоящая *simplicitas*—онъ даже не понимаетъ, что грамотъ я уже обученъ давно и что изучать «словесность» могу уже безъ его помощи и безъ особыхъ затрудненій. Я улыбаюсь его замѣчаніямъ, а онъ совершенно серьезенъ. Только черезъ нѣсколько дней онъ понялъ свое положеніе и смущенно заявилъ мнѣ, что отъ дальнѣйшаго преподаванія онъ отказывается и проситъ меня самого заняться по книгѣ. Вечеромъ опять занятія—опять ружейные приемы, потомъ ужинъ, молитва, и утомленные «нижніе чины» укладываются спать.

Каждый день въ казармѣ похожъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Скучно и монотонно тянется время. Муштровка, полуголодное существованіе и тяжелый, тяжелый сонъ, цѣлая

масса оскорблений, оскорблений, глубоко и сильно задѣвающихъ человѣческую личность, и желѣзная дисциплина съ драконовскими законами, отнимающими всякую возможность самозащиты—вотъ стѣрый, убійственный фонъ казармы. Развращенное до мозга костей безпрекословнымъ повиновениемъ, глубоко невѣжественное офицерство считаетъ большимъ удовольствіемъ оскорблять и унижать беззащитныхъ людей. И какъ грубъ и невѣжествененъ самый объектъ для надѣвательства (громадное большинство солдатъ — сыны русской забитой и темной деревни), такъ грубы способы и средства глумленія надъ нимъ. Не дѣйствуетъ ругань—пускается въ ходъ рукоприкладство. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ «господа офицеры» били по лицу солдатъ. Сначала меня стѣснялись, а потомъ ничего—привыкли.

Мы — студенты составили самый подходящий элементъ для надѣвательствъ. Какъ у интеллигентныхъ людей, сознание собственного достоинства развито у насъ было сильнѣе и къ оскорбленіямъ мы были чувствительнѣе. Съ нами можно было обойтись и безъ рукоприкладства, тѣмъ паче, что воинскій уставъ даетъ такую широкую возможность глумиться надъ личностью и оправдываетъ рѣшительно все. Стоя на почвѣ этого устава, можно довести челоуѣка до сумасшествія или «преступленія» (съ точки зрѣнія этого же устава). И тогда уже нѣтъ пощады....

Уже на слѣдующій день я ясно понималъ, что мою личность здѣсь будутъ попирать ногами. Ротный командиръ — капитанъ Шарманкинъ—подошелъ ко мнѣ, какъ и прежде, но здоровался уже не такъ.

— «Здравствуй!» крикнулъ онъ мнѣ зычнымъ голосомъ. Этотъ «зычный» голосъ въ—скомъ полку цѣнился дороже всего на свѣтѣ. Командиръ полка, полковникъ Вавиловъ, невѣжественный бурбонъ, любилъ, когда солдаты и офицеры полка кричали громко—«по молодецки».

— «Здравствуйте», отвѣтилъ я. — «Я тебѣ не Вы, а Ваше Высокоблагородіе, и не здравствуйте, а здравія желаю. Отвѣчай какъ слѣдуетъ—по уставу», отвѣтилъ мнѣ капитанъ. Съ тѣхъ поръ каждый день онъ буквально издѣвался надо мной, когда утромъ приходилъ въ казарму. Онъ останавливался противъ меня, закладывая руки въ карманы и «здоровался», а когда я отвѣчалъ «по уставу», онъ заставлялъ меня кричать громче.—«Здравствуй», говорилъ онъ мнѣ. Я отвѣчалъ по уставу, а онъ заставлялъ меня кричать громче. — «Здравствуй», повторялъ онъ. Я отвѣчалъ по прежнему.—«Я тебѣ сказалъ—громче. Здравствуй!»...

Такъ пользовался капитанъ Шарманкинъ своей властью, властью ротнаго командира....

Живетъ въ 1-ой ротѣ—скаго полка мрачная легенда о капитанѣ Шарманкинѣ. Гнусное, возмутительное преступленіе приписываетъ она ему, но мракъ неизвѣстности окутываетъ темное дѣло.

VIII.

Прошла недѣля, и полковникъ Вавиловъ, командиръ полка, устроилъ смотръ студентамъ. Намъ въ первый разъ пришлось предстать передъ его очи. Онъ обратился къ намъ съ маленькой, но вразумительной рѣчью.

— «Вы теперь солдаты. Не думайте, что вы будете пользоваться у меня какими нибудь льготами. Если вы думаете, что вамъ по образованію полагаются эти льготы — вы жестоко ошибаетесь. Я считаю васъ недоучками. Большинство изъ васъ первокурсники, значить и рѣчи не можете быть объ образованіи. (Самъ полковникъ едва ли кончилъ гимназію). Да въ моемъ полку и лица съ высшимъ образованіемъ никакими льготами не пользуются. Я буду требовать отъ васъ больше, чѣмъ отъ простого солдата. По моему — въ мѣсяцъ вы можете сдѣлать то, для чего простому солдату нуженъ былъ бы годъ. Время отъ времени я буду смотрѣть, чему вы научились. Помните, —скій солдатъ привыкъ высоко держать голову—этого я буду требовать и отъ васъ».

Полковникъ сдержалъ свое слово. За мѣсяцъ нашей службы въ городѣ N. онъ устроилъ намъ 5 смотровъ. Онъ, дѣйствительно, «требоваль», требоваль грубо—по солдатски...

Многое пришлось пережить за это время, а вавиловскіе смотры и до сихъ поръ еще заставляють вспоминать о себѣ съ содроганіемъ, и до сихъ поръ свѣжа еще въ моей памяти воммутительнѣйшая сцена, разыгравшаяся на одномъ изъ этихъ смотровъ.

Полковникъ заставляль насъ по одиночкѣ дѣлать ружейные приемы. Въ числѣ этихъ приемовъ есть одинъ, который называется «на изготовку». Ружье вскидывается на руки, для того, чтобы потомъ взять его на прицѣль. Держать долго ружье въ такомъ положеніи, держать твердо—такъ, чтобы не дрожали руки—довольно трудно. Одинъ изъ товарищей по командѣ полковника продѣлывалъ ружейные приемы. Онъ взялъ «на изготовку» и, ожидая новой команды, держалъ ружье нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Сначала держалъ твердо, а потомъ руки начали дрожать.

— «Держи крѣпче!» крикнулъ полковникъ.—«Я не могу—усталъ», отвѣтилъ ему товарищъ. Полковникъ обратился тогда къ его учителю—унтеръ-офицеру и спросилъ его: «скажи, братецъ, въ казармѣ онъ хорошо дѣлаетъ гимнастику?» — «Такъ точно, хорошо, Ваше Высокоблагородіе». Тогда полковникъ Вавиловъ, подойдя къ товарищу, выхватилъ у него изъ рукъ винтовку, толкнулъ его въ спину и сказалъ: «Я думалъ, что ты—солдатъ. а ты, оказывается, негодяй. Подъ арестъ его», распорядился полковникъ. Товарища схватили и увели; насъ полковникъ приказалъ распустить по ротамъ и распорядился назначить намъ въ учителя прѣстныхъ солдатъ вмѣсто унтеръ-офицеровъ, находя,

что брать «уроки» у унтеръ-офицероръ для насъ слишкомъ большая честь. Онъ думалъ, что этимъ онъ можетъ насъ оскорбить. Пострадавшій товарищъ писалъ потомъ письмо военному министру, но что вышло изъ этого письма—не знаю.

Послѣ каждаго смотра полковникъ Вавиловъ въ приказахъ по полку констатировалъ успѣхи или неуспѣхи студентовъ.

Жить въ казармѣ приходилось очень плохо. Среди общества знакомствъ у насъ сначала не было, но они скоро завелись, и по праздникамъ мы стали отдыхать душой отъ казарменной атмосферы. Добиться отпусковъ было чрезвычайно трудно, да мы бы и не добились, если бы на полковника Вавилова не повлияла одна дама съ положеніемъ въ обществѣ. Только благодаря ея просьбамъ Вавиловъ согласился увольнять насъ въ городъ. Ходили мы въ сопровожденіи специально назначенныхъ «дядекъ». Эти «дядьки» провожали насъ въ отпускъ, ждали тамъ и потомъ доставляли насъ снова въ казармы. Какъ ни томительна была процедура получения отпускного билета—провести нѣсколько часовъ внѣ казармы было такъ заманчиво, что мы, не задумываясь, продѣлывали ее до конца. Въ отпускѣ мы узнавали новости, читали газеты. Мы узнали тамъ, что вскорѣ послѣ сдачи насъ въ солдаты рукой Карповича убитъ былъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Полковникъ Вавиловъ говорилъ намъ потомъ на одномъ изъ своихъ смотровъ: «Я считалъ васъ хорошими солдатами, оказывается, что среди васъ есть злобствующій элементъ». Онъ разумѣлъ Карповича, и такъ какъ Карповичъ солдатомъ не былъ, то, очевидно, полковникъ Вавиловъ всѣхъ студентовъ склоненъ былъ считать солдатами.

IX.

Съ солдатами-сослуживцами мнѣ мало удалось сойтись. Служба въ —скомъ полку была слишкомъ непродолжительна—всего мѣсяць. Когда насъ сдавали въ солдаты, то предвидѣли возможность пропаганды въ войскахъ, а потому предполагали переводить изъ одного полка въ другой, чтобы не дать намъ возможности близко познакомиться и сойтись съ нижними чинами.

Солдаты—это темное, забитое стадо, несущее свой крестъ съ удивительнымъ смиреніемъ и покорностью. Мнѣ ни разу не пришлось видѣть возмущенія и протеста, хотя причинъ для нихъ было болѣе, чѣмъ достаточно: удерживаетъ страхъ наказанія, съ одной стороны, и дисциплина съ другой. Она притупляетъ и обезличиваетъ. Мнѣ не приходилось слышать въ своей ротѣ хоть мало-мальски критическаго отношенія къ распоряженіямъ «начальства». На мой вопросъ: «стали ли бы вы стрѣлять въ народъ, если бы васъ заставили. Должны же, вѣдь, вы понять, что народъ борется за лучшую долю и счастье»—мнѣ отвѣчали:

«начальство заставило бы, такъ и стрѣлять бы стали. Что же сдѣлаешь». И они, дѣйствительно, стрѣляли въ томъ же году по обуховскимъ рабочимъ. Мы въ это время были уже въ другихъ полкахъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, когда кончится этотъ проклятый мѣсяцъ, когда я переѣду въ какое нибудь другое мѣсто, гдѣ, можетъ быть, будетъ такъ же плохо, но ужъ, конечно, не хуже. А дни шли такъ убійственно медленно. Жить становилось все хуже и хуже. Начальство низшаго типа—унтеръ-офицеры и фельдфебель становилось все грубѣе и грубѣе: оно брало примѣръ съ офицеровъ, которые и сами были сознательно грубы и поощрялись къ тому же полковникомъ Вавиловымъ. Особенно плохо стало жить послѣ того, какъ къ намъ пріѣхалъ ревизоръ по распоряженію командующаго петербургскимъ военнымъ округомъ. Незадолго до пріѣзда этого ревизора намъ разрѣшили видѣться другъ съ другомъ и вмѣстѣ обѣдать...

• Я обѣдалъ однажды съ товарищемъ въ помѣщеніи его роты, какъ вдругъ за мной прибѣжалъ солдатикъ первой роты и сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе, скорѣе шелъ въ свою роту, что тамъ меня ждутъ. Я отправился. Въ ротѣ я засталъ уже ревизора—казацкаго генерала. Съ нимъ вмѣстѣ былъ полковникъ Вавиловъ и офицеры полка. Генераль стоялъ около моей койки и ждалъ меня. Я подошелъ къ нему и остановился.—«Ты какого факультета?» спросилъ онъ меня.—«Физико-математическаго».—«Это твоя койка?» и генераль, ткнувъ пальцемъ въ мою постель, поднялъ одѣяло.—«Моя», отвѣчала я.—«А гдѣ ты былъ сейчасъ?» спросилъ генераль. Я сказалъ, что былъ въ другой ротѣ.—«Зачѣмъ?»—«Обѣдалъ».—«Какъ обѣдалъ?» Я объяснилъ генералу, что обѣдаю съ товарищемъ вмѣстѣ, что беру обѣдъ за свой счетъ изъ офицерскаго собранія съ разрѣшенія батальоннаго командира. Генераль нахмурился: онъ остался недоволенъ. Онъ осматривалъ въ тотъ день всѣхъ студентовъ и въ приказѣ по полку заявилъ, «что со студентами здѣсь миндальничаютъ». Буквально такъ и выразился генераль.

Руки полковника Вавилова были развязаны. Онъ пересталъ «миндальничать». Намъ снова запретили видѣться другъ съ другомъ, запретили брать обѣды и въ обращеніи уже совѣмъ перестали стѣсняться. Къ счастью, кончался уже мѣсяцъ, и мы скоро разстались съ городомъ N. Приближалось 11 марта. Наканунѣ отправки изъ N насъ—всѣхъ студентовъ, служившихъ въ N—скихъ полкахъ собрали въ одну казарму, и бригадный командиръ—большой генераль устроилъ намъ послѣдній смотръ, а 11 марта утромъ студентовъ изъ всѣхъ полковъ привезли къ воинскому начальнику. Мы снова были всѣ вмѣстѣ и могли дѣлиться впечатлѣніями службы другъ съ другомъ.

Х.

Въ городѣ N. кромѣ нашего —скаго полка стояли еще два полка. Товарищамъ, служившимъ въ нихъ жилось, оказывается, нѣсколько лучше чѣмъ намъ: нѣсколько лучше былъ составъ офицеровъ. Случаи грубаго издѣвательства были, правда, и тамъ, но ихъ было гораздо меньше.

Одинъ изъ такихъ случаевъ въ K—мъ полку едва не окончился трагически. Товарищъ—студентъ, оскорбленный унтеръ-офицеромъ, ударилъ его по физиономіи въ присутствіи всѣхъ солдатъ. Сначала товарища хотѣли судить, грозили каторгой, но въ концѣ концовъ дѣло обошлось сравнительно благополучно: его посадили подѣ усиленный арестъ на одну недѣлю. Радостно встрѣтились мы другъ съ другомъ и странно было видѣть недавнихъ товарищей по «alma mater» настоящими солдатами. Впрочемъ, не всѣ были настоящими солдатами. Былъ среди насъ одинъ «солдатъ безъ ружья»; онъ не могъ держать въ рукахъ ружья, потому что раньше половина тѣла у него была разбита параличемъ и онъ плохо владѣлъ правой рукой и ногой. Ему и не выдавали ружья. Каждое утро «дядька» одѣвалъ его, а вечеромъ помогалъ ему раздѣваться. Его сдали въ солдаты на точномъ основаніи «временныхъ правилъ». Въ нихъ были предусмотрѣны случаи болѣзни, несовершеннолѣтія, льготнаго семейнаго положенія и сказано, что ни одинъ изъ этихъ случаевъ не можетъ избавить отъ солдатской службы.

Воинскій начальникъ, города N. объявилъ намъ, кто въ какой городъ назначенъ и мы отправились въ путь. Недолго намъ пришлось пробыть вмѣстѣ. Чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ больше рѣдѣли наши ряды, потому что на узловыхъ станціяхъ нѣкоторые товарищи разставались съ нами. Я былъ назначенъ въ городъ S. вмѣстѣ съ другими 4 товарищами. Въ дорогѣ отъ N. до S. пришлось перенести много неприятностей. Въ каждомъ городишкѣ, гдѣ только былъ воинскій начальникъ—мы останавливались и отправлялись въ управленіе воинскаго начальника подѣ конвоемъ. Здѣсь насъ зачѣмъ то каждый разъ пересчитывали и препровождали дальше. Наконецъ, мы прибыли въ г. S., прибыли ночью. Былъ уже мартъ, но снѣгъ еще не стаялъ совсѣмъ. Я помню эту отвратительную ночь. Съ вокзала по слякоти подѣ тоскливый вой вѣтра отправились мы въ управленіе воинскаго начальника. Тревожить его ночью сначала не хотѣли и отправили насъ ночевать на «перегонный пунктъ». Ничего хуже и отвратительнѣе этихъ перегонныхъ пунктовъ нельзя себѣ представить. Грязное помѣщеніе, застланное нарами съ одного конца до другого. На нарахъ въ повалку спать солдаты, куда либо ѣдущіе: одни кончили службу и возвращаются домой, другіе ѣдутъ домой

по болѣзни. Спать почти невозможно: душно, грязно и мириады насѣкомыхъ. Съ ужасомъ думали мы о предстоящей ночевкѣ на перегонномъ пунктѣ. Къ счастью, ночевать здѣсь не пришлось. Часа черезъ два насъ отправили въ S—скій полкъ (туда назначили 3 студентовъ). Мы пробѣжали черезъ весь спящій городъ и добрались до казармъ S—каго полка. Въ полковой канцеляріи какой то писарь расписался въ нашемъ полученіи, и насъ направили ночевать въ «околодокъ», т. е. въ пріемный покой.

Утромъ, когда мы, сидя въ околодкѣ, пили чай, пришелъ офицеръ, завѣдующій околодкомъ. Онъ оказался чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, познакомился съ нами, рассказалъ намъ о порядкахъ S—каго полка, повнакомилъ съ составомъ офицеровъ, т. е. сообщилъ, въ какой ротѣ командиры звѣри и въ какой болѣе или менѣе порядочные люди.

Мы были, такимъ образомъ, заранѣе ознакомлены со всѣмъ, что насъ такъ интересовало, когда насъ потребовали къ командиру полка. Командиръ полка, полковникъ Веди, былъ когда то студентомъ Горнаго института, былъ намъ, значить, до нѣкоторой степени collega. Онъ оказался едва ли не грубѣе полковника Вавилова.

Мы втроемъ вошли въ его кабинетъ. Полковникъ сидѣлъ въ креслѣ, повернувшись къ намъ спиной. Онъ не сразу обернулся, когда мы вошли, а продолжалъ что то писать. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ намъ и, обращаясь къ каждому отдѣльно на «ты», задалъ нѣсколько пустячныхъ вопросовъ. Потомъ онъ взялъ со стола мѣлъ, подошелъ сначала ко мнѣ и въ раздумьи остановился. — «Куда бы тебя назначить?» спросилъ онъ самого себя. — «Въ 5-ую роту», и онъ написалъ мнѣ мѣломъ на моей груди цифру 5. Потомъ онъ подошелъ къ слѣдующему товарищу и, уже не говоря ни слова, написалъ ему на груди какую то цифру. Съ третьимъ товарищемъ онъ продѣлалъ то же самое. — «А теперь вы можете идти», сказалъ онъ, и мы разошлись по тѣмъ ротамъ, цифры которыхъ были на насъ написаны.

Въ 5-ой ротѣ встрѣтилъ меня прежде всего фельдфебель. Его фигура до сихъ поръ свѣжа въ моей памяти. Это буквально одинъ изъ типовъ сахалинскихъ каторжниковъ, описанныхъ Дорошевичемъ. Много уголовныхъ преступленій лежитъ на немъ, но ни за одно не привлекался онъ къ суду; онъ всегда умѣлъ выйти чистымъ изъ грязныхъ исторій и схоронить концы преступления. Когда то онъ служилъ околодочнымъ надзирателемъ въ Москвѣ, но на полицейской службѣ проворовался и пошелъ въ службу военную, гдѣ и устроился очень хорошо. Должность фельдфебеля имѣеть, въ сущности, гораздо большее значеніе для роты, чѣмъ должность ротнаго командира. Послѣдній приходитъ въ роту только на ученье, между тѣмъ какъ фельдфебель всегда въ ротѣ. Онъ здѣсь полный хозяинъ. Онъ пользуется довольно обширной властью, можетъ наказывать солдатъ и даже отправлять ихъ

подъ арестъ на однѣ сутки. Онъ можетъ бить солдатъ, сколько ему угодно, онъ можетъ и миловать, и «милуетъ» онъ, конечно, не даромъ. Изъ мизернаго солдатскаго жалованья (20 коп. въ мѣсяцъ) онъ беретъ себѣ больше половины, онъ крадетъ солдатскую пищу, которая и безъ того уже ниже всякой критики. Однимъ словомъ фельдфебелю «живется недурно».

Фельдфебель 5-ой роты S—каго полка довелъ нѣсколькихъ солдатъ до могилы — побоями. За это онъ тоже не привлекался къ отвѣтственности. Служить онъ уже давно, и изъ одного поколѣнія солдатъ въ другое передаются всѣ грязныя и темныя дѣлишки, которыя онъ когда либо сдѣлалъ. Къ такому то типу попалъ я въ подчиненіе. Онъ встрѣтилъ меня по начальнически, прочиталъ нотацію за то, что я участвовалъ въ студенческихъ беспорядкахъ. — «Вотъ вы теперь и несете наказаніе», сказалъ онъ.

Въ тотъ же день я познакомился и со своимъ высшимъ начальствомъ—командиромъ роты—капитаномъ Петровичемъ. Это единственный офицеръ, о которомъ я вспоминаю безъ злобы, а иногда и съ любовью.

Искушенный горькимъ опытомъ службы въ S—скомъ полку, я ожидалъ и здѣсь встрѣтить нѣчто вродѣ капитана Шарманкина. Ничего подобнаго не случилось. Въ тотъ день, когда я переступилъ порогъ 5-ой роты S—каго полка, солдатамъ выдавалось жалованье. Пришелъ ротный командиръ и попросилъ меня къ себѣ въ канцелярію роты. Я пошелъ, скрѣпя сердце. Ротный командиръ встрѣтилъ меня въ дверяхъ.

«Иванъ Ивановичъ Петровичъ», сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку. Я отрекомендовался ему въ свою очередь. «Надѣюсь», сказалъ мнѣ Петровичъ, «что мы съ вами будемъ жить дружно, что вы будете мнѣ полезны въ канцелярской работѣ. Я думаю, что вы не откажетесь помочь мнѣ, когда будетъ нужно». Я сказалъ, что не откажусь, и сразу же принялся за канцелярскую работу: сталъ выписывать жалованье солдатамъ. Петровичъ приказалъ поставить мнѣ кровать въ ротной канцелярії и просилъ заходить къ нему, когда будетъ скучно. Во всю мою службу въ S—скомъ полку (а я пробылъ въ немъ 3¹/₂ мѣсяца) капитанъ Петровичъ относился ко мнѣ одинаково хорошо, деликатно, мягко и вѣжливо. Младшіе офицеры роты оказались похожими на ротнаго командира. Это были еще совсѣмъ юнцы, недавно слѣзшіе со школьной скамьи и почему то не утратившіе еще человѣческаго образа и подобія... Мнѣ улыбнулось счастье. Полковой командиръ лишилъ меня, правда, скоро вѣшнихъ удобствъ—приказалъ помѣстить меня въ общей казармѣ, но это было уже полъ-горя, самое главное — человѣческое обращеніе—было на лицо.

3¹/₂ мѣсяца прослужилъ я въ S—скомъ полку. И здѣсь каждый день, какъ двѣ капли воды, походилъ одинъ на другой. И здѣсь пришлось почувствовать нѣсколько разъ, что такое ди-

*

сциплина и военная служба. Волей-неволей приходилось имѣть дѣло не только со своими офицерами, но и съ высшимъ начальствомъ. (На смотрахъ, напримѣръ). А высшее начальство, вродѣ батальоннаго командира и командира полка, обращалось съ нами до крайности грубо. Человѣческій языкъ ему вообще рѣдко доступенъ. Я думаю, что грубость «начальства» имѣла еще одну довольно вѣскую причину. Оно хотѣло засвидѣтельствовать свои «вѣрноподданническія чувства», унижая «крамольниковъ» и издѣваясь надъ ними. Говорятъ, въ каждомъ полку получалась цѣлая масса всякихъ секретныхъ циркуляровъ, разъясняющихъ, какъ нужно обращаться со студентами, какой тактики по отношенію къ нимъ придерживаться. Но всѣ эти циркуляры были до крайности сбивчивы и могли вносить только путаницу. Офицеры, мягкіе по своей природѣ, сохранившіе еще душу въ этой бездушной обстановкѣ, вродѣ капитана Петровича, не считались съ циркулярами и вели себя такъ, какъ подсказывало имъ чувство человѣчности. Капитанъ Петровичъ предложилъ мнѣ напримѣръ (совершенно вопреки смыслу секретныхъ инструкцій), быть ротнымъ учителемъ—обучать грамотѣ безграмотныхъ солдатъ. Это было, конечно, совершенно противузаконно, потому что циркуляры предписывали строго слѣдить за тѣмъ, какъ бы мы не вошли съ сношенія съ солдатами, не сошлись бы съ ними близко и не занялись бы «преступной пропагандой» въ стѣнахъ казармы.

Я съ радостью принялъ предложеніе ротнаго командира, набралъ въ ротѣ безграмотныхъ, желающихъ учиться, и началъ съ ними заниматься. Къ сожалѣнію, занятія мои продолжались не долго, потому что предложеніе ротнаго командира было вѣскольکو запоздалымъ: былъ уже апрѣль мѣсяць и недѣли черезъ полторы полкъ выступилъ въ лагерь. Тамъ мнѣ не пришлось уже заниматься: лагерная служба слишкомъ утомляетъ солдатъ и имъ ужъ не до занятій. А потомъ мы скоро были «помилованы», и наша служба кончилась.

Когда я предложилъ безграмотнымъ солдатамъ заниматься со мной, они были чрезвычайно обрадованы и охотно соглашались учиться. Они мечтали вернуться изъ солдатской службы по крайней мѣрѣ хоть грамотными.

Дѣло школьнаго обученія солдатъ въ полкахъ поставлено невозможно плохо. Ротныя школы существуютъ только на бумагѣ, а офицеры-учителя или совсѣмъ не приходятъ заниматься, или же ведутъ дѣло небрежно, спустя рукава. Имъ важна только бумажная отчетность. Время отъ времени назначается контроль надъ занятіями въ ротной школѣ. Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ тѣхъ довольно оригинальныхъ, но не хитрыхъ приѣмовъ, посредствомъ которыхъ ротные учителя-офицеры обманываютъ контролеровъ и умѣютъ представлять дѣло «въ лучшемъ видѣ». Я видѣлъ, какъ наканунѣ контрольнаго экзамена (его устраивалъ командиръ батальона) офицеръ-учитель подобралъ въ

ротѣ нѣсколькихъ грамотныхъ солдатъ, солдатъ, учившихся еще до прихода на службу въ сельскихъ школахъ и съ которыми онъ самъ никогда не занимался, и какъ онъ выдалъ ихъ потомъ за учениковъ ротной школы. Я видѣлъ, какъ онъ спѣшно записывалъ въ журналъ предметы своихъ мнимыхъ занятій. На завтра устроенъ былъ экзаменъ, и экзаменаторъ остался доволенъ хорошей постановкой учебнаго дѣла въ ротѣ.

Такъ обстоитъ дѣло школьнаго обученія въ полкахъ. Да трудно себѣ и представить, чтобы оно обстояло иначе. Вѣдь между солдатами и офицерами нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Солдаты—это забитое стадо; офицеры—все что угодно, только не учителя.

XI.

Незадолго до выступленія полка въ лагерь—во второй половинѣ апрѣля въ S—комъ полку происходилъ инспекторскій смотръ, въ результатѣ котораго намъ—студентамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы.

Инспекторскіе смотры происходятъ одинъ разъ въ годъ. Въ качествѣ инспектора выступаетъ командиръ дивизіи. Во время этого смотра единственный разъ въ году каждый солдатъ имѣетъ право лично и непосредственно принести жалобу «Его Высокопревосходительству». Впрочемъ, предварительно передъ смотромъ онъ обязанъ заявить черезъ унтеръ-офицера своему начальству, что на инспекторскомъ смотрѣ онъ будетъ жаловаться, долженъ сказать и на что будетъ онъ жаловаться.

Своимъ правомъ приносить жалобы начальнику дивизіи солдаты почти никогда не пользуются. Вѣдь «до Бога высоко, а до царя далеко», разсуждаютъ обыкновенно солдаты. Жалоба, если даже она справедлива и достигаетъ своей цѣли—весьма невыгодна для солдата. Начальство всегда сумѣетъ отомстить дерзкому жалобщику, стоя на совершенно законной почвѣ. И, зная это, солдаты обыкновенно молчатъ, молчатъ и терпятъ. А когда инспекторъ предлагаетъ вопросъ: «всѣмъ ли довольны, братцы, вѣтъ ли у кого какихъ жалобъ?» рота кричитъ: «такъ точно, Ваше Высокопревосходительство, всѣмъ довольны и никакихъ жалобъ вѣтъ». Такимъ образомъ, инспекторскій смотръ превращается буквально въ комедію. Официальные вопросы, официальные отвѣты. За то показная сторона на инспекторскихъ смотрахъ прямо блестяща. Я опишу тотъ смотръ въ S—комъ полку, который для насъ—студентовъ такъ много значилъ.

Наканунѣ смотра во всемъ полку происходитъ чистка. Въ ротахъ наводится порядокъ, солдаты чистятъ свою аммуницію. Блестятъ пуговицы, блестятъ пряжки на кушакахъ. Въ день же смотра раннимъ утромъ начинаются другія приготовленія. Изъ солдатскихъ сундуковъ вынимаются всѣ вещи и раскладываются по койкамъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Этотъ порядокъ

указанъ на особыхъ таблицахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ казармы. Тамъ указано, на примѣръ, гдѣ должны лежать сапоги, куда они должны быть обращены носками и какое разстояние между носками должно быть сдѣлано. Для каждой вещи назначено свое мѣсто. Расположивъ, какъ полагается, все свое имущество, солдаты начинаютъ одѣваться: одѣваютъ чистыя рубахи и полную боевую форму. Затѣмъ они выстраиваются въ ротъ и ждутъ генерала...

Пятая рота S—каго полка уже готова и замерла въ ожиданіи—«смирно!» кричитъ дежурный у дверей солдатъ и слышно, какъ пролетитъ муха. Дверь открывается и показывается блестящая группа офицеровъ: впереди начальникъ дивизіи со свитой; его сопровождаютъ командиръ полка и офицеры. Какъ только все они переступаютъ порогъ казармы, командиръ полка—полковникъ Веди, почтительно докладываетъ генералу: «это, Ваше Высокопревосходительство, студентъ» и показываетъ на меня пальцемъ.—«Ага! хорошо!» говоритъ генераль, и смотрѣть начинается. Поздоровавшись съ ротой и опросивъ претензіи, начальникъ дивизіи подходитъ ко мнѣ, кладетъ на мое плечо руку и спрашиваетъ: «скажите, вы какого университета?»—«Петербургскаго», говорю я.—«А факультета?»—«Физико-математическаго».—«Какъ онъ ведетъ себя?» спрашиваетъ генераль моего ротнаго командира.—«Отлично, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«А гдѣ вы его помѣстили?»—«Вотъ его койка, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«Значитъ, вмѣстѣ съ другими солдатами? Это неудобно. Полковникъ, почему вы его здѣсь помѣстили?» спрашиваетъ генераль командира полка.—«Въ ротной канцеляріи очень тѣсно, Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ, «и я приказалъ помѣстить его въ общей казармѣ».—«Нѣтъ, это неудобно, устройте его отдѣльно».—«Слушаю-сь, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ.

Начальникъ дивизіи обращается ко всемъ офицерамъ: «Господа офицеры! Помните, что это передъ вами не солдатъ, а студентъ; его прислали сюда не для того, чтобы вы учили его муштровкѣ: онъ просто отбываетъ административное наказаніе. Помните, господа офицеры, что онъ кончитъ службу и снова вернется въ университетъ»...

Смотрѣть кончился. (Въ другихъ ротахъ начальникъ дивизіи обошелся съ товарищами такъ же).

Рѣчь къ «господамъ офицерамъ» значила для насъ чрезвычайно много. Со дня инспекторскаго смотра началась, можно сказать, новая эра солдатской жизни. Она наступила въ тотъ же самый день... Какъ только уѣхалъ начальникъ дивизіи—въ мой ротъ собралось нѣсколько офицеровъ. На радостяхъ заказали они себѣ самоваръ и къ моему крайнему удивленію послали офицера-депутата приглашать меня на чашку чаю. Какъ ни отказывался я, пришлось въ концѣ концовъ идти и провести полчаса въ офицерскомъ обществѣ.

По распоряженію командира полка на завтра меня выдѣлили изъ общей казармы и помѣстили въ отдѣльной комнатѣ съ капитанармусомъ роты. Съ недѣлю прожилъ я въ отдѣльной комнатѣ и наслаждался жизнью. А потомъ мы выступили въ лагерь, гдѣ намъ разрѣшили помѣститься въ отдѣльной палаткѣ, и мы вчетверомъ (два студента и два вольноопредѣляющихся, кончившихъ уже университетъ) заняли отдѣльную палатку. Если бы не смотръ, насъ заставили бы жить въ общей солдатской палаткѣ, а жить тамъ куда хуже, чѣмъ въ ротѣ.

XII.

Когда мы выступили въ лагерь, я носилъ уже новое званіе, званіе «старослужащаго». Это въ нѣкоторомъ родѣ уже ученая степень и дается она по выдержаніи особаго экзамена, экзамена «по словесности» и по «строевой службѣ».

Объ этомъ самомъ экзаменѣ я хочу сказать теперь нѣсколько словъ. Производителю онъ такъ: въ качествѣ экзаменатора въ каждой ротѣ выступаетъ командиръ какой нибудь чужой роты; помощниками его назначаются младшіе офицеры той роты, въ которой производится экзаменъ.

Рота, одѣтая въ чистое платье, выстраивается, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ. Одного за другимъ вызываютъ солдаты къ экзаменаціонному столу.

Очередь доходить до меня.

— «А ну, прочитай молитву Господню», обращается ко мнѣ экзаменаторъ.

— «Отче нашъ, иже еси на небесехъ, да святится имя твое» и т. д.

— «Хорошо», говоритъ капитанъ и ставитъ мнѣ баллъ 5 въ той графѣ, сверху которой написано: «Молитва Господня».

— «А какъ долженъ держать себя часовой у порохового погреба?» Я отвѣчаю. Капитанъ ставитъ мнѣ по словесности баллъ 4. Затѣмъ онъ обращается къ своимъ ассистентамъ съ вопросомъ: «ну, а какъ онъ, какъ солдатъ, ничего?»

— «Это студентъ, г. капитанъ», шепчетъ ему на ухо одинъ изъ офицеровъ. Смущенный капитанъ краснѣетъ до корня волосъ и говоритъ мнѣ: «ну, вы можете идти».

Такъ получилъ я званіе «старослужащаго» солдата.

XIII.

Въ лагеряхъ намъ пришлось пробыть только 1½ мѣсяца. Здѣсь мы встрѣтились съ товарищами-солдатами Кіевскаго университета. Они служили въ г. Р., а на время лагерной службы полкъ ихъ приходилъ въ нашъ городъ. Жилось имъ, въ общемъ, лучше нашего, потому, быть можетъ, что г. Р. относится къ Кіевскому военному округу.

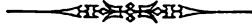
Еъ іюнѣ 1901 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ службы студентовъ, сданныхъ въ солдаты. Желающимъ продолжать службу въ счетъ обязательной воинской повинности предлагалось остаться въ полкахъ; имъ обѣщали возвратить право по образованію, т. е. дать право служить вольноопредѣляющимися.

Желающихъ остаться не нашлось, и мы возвратились по домамъ и въ у-тъ, но возвратились не всѣ.

Когда «считать мы стали раны, товарищей считать», одного не досчитались мы: товарищъ Проскуряковъ застрѣлился въ Ямбургѣ недалеко отъ казармы.

Л. С.

Мартъ 1906 г.

Посланіе Мих. Ил. Михайлову ¹⁾.

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летить бурный вѣтеръ свободно,
Несеть онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несеть вдохъ тоски всенародной...
Несеть онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому милому другу...
Несеть онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...
И шепчетъ: «Я слышалъ: въ поляхъ, въ городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Блѣднѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря.
Заблещетъ свѣтило свободы
И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникъ томъ ужъ готовятъ тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждутъ, чтобъ мгновенье прискѣло...
И шлютъ издалека сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья—
И твердую вѣру: Свобода придетъ—
И скоро... Борецъ, до свиданья!»

П. Лавровъ.

23 мая 1862 г.

¹⁾ Это стихотвореніе въ нашей печати еще не появлялось.

Прим. ред.

Послѣдній день Каляева.

Какъ всегда торчали изъ воды въ этотъ день мрачныя, угрюмыя стѣны Шлиссельбургской крѣпости. Много горя и страданій людскихъ видѣли онѣ,—эти нѣмыя, безстрастныя свидѣтельницы ужасной старины. Безпощадное время наложило однако и на нихъ свою печать разрушенія: во многихъ мѣстахъ съ нихъ уже обвалилась штукатурка, кое-гдѣ изъ расщелинъ каменныхъ плитъ, изъ которыхъ сложены стѣны, торчитъ тощая березка или рябинка, выросшія изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмечка, а во многихъ мѣстахъ стѣны покрылись уже густымъ мохомъ.

Наканунѣ описываемаго дня, рѣка бушевала вокругъ крѣпости всю ночь, шумѣо вздымала свои яростныя волны Нева. Волны пѣнились и съ силою ударялись о выложенный изъ дикаго плитняка крѣпостной валъ. Вѣтеръ стоналъ и вылъ, но стѣны крѣпости привыкли уже къ его унылымъ, душу надрывающимъ напѣвамъ, зачастую не дававшимъ ночью уснуть несчастнымъ обитателямъ таинственнаго острова, и къ шуму разъяренныхъ волнъ. Но если стѣны и привыкли къ бурямъ, то на людей, особенно нервныхъ, вой вѣтра и буря на озерѣ и на Невѣ дѣйствовала на этотъ разъ какъ-то особенно, — казалось, что и вой вѣтра, и ярость волнъ говорили о томъ, что въ крѣпости должно совершиться нѣчто ужасное даже и для этого страшнаго мѣста, полнаго мрачныхъ преданій объ ужасахъ таинственнаго былого.

На утро буря стихла и по внѣшнему виду въ крѣпости, казалось, ничто не нарушало установленнаго порядка: какъ всегда ходилъ по валу дневальный солдатъ, лѣнливо поглядывая на катящіяся, свинцовыя волны Невы, какъ всегда по случаю праздничнаго дня заблаговѣстили къ обѣднѣ въ крѣпостной церкви и также какъ обычно шла въ церкви служба, только стороннихъ прихожанъ было въ этотъ день въ церкви меньше обычного, потому что народу, прибывавшему на своихъ лодочкахъ съ праваго берега Невы, изъ расположенной напротивъ крѣпости деревни Шереметьевки, не позволяли приставать къ крѣпости, а между тѣмъ пріѣзжавшихъ въ церковь было много.

Иванъ Платоновичъ
КАЛЯЕВЪ.

(Съ карточки, снятой сейчасъ же послѣ взрыва).

потому что былъ Николинъ день, чтимый православнымъ русскимъ народомъ,—это былъ понедѣльникъ 9 мая 1905 года.

Конечно, такая строгость въ отношеніи пріѣзжавшихъ въ церковь не осталась незамѣченной, всякому, знакомому съ обычаями крѣпостной жизни, становилось ясно, что въ крѣпости кого-то ждутъ, кого по установленному правилу никто кромѣ администраціи видѣть не долженъ. Дѣйствительно, въ крѣпости ожидали прибытія изъ Петербурга, приговореннаго къ смертной казни И. Каляева, который долженъ былъ прибыть на полицейскомъ пароходѣ. Лишь только, около половины 11-го, ожидавшійся полицейскій пароходъ показался на Невѣ, всѣ жившія въ крѣпости женщины и дѣти, не бывшія въ церкви, должны были попрятаться по своимъ квартирамъ, закрыть окна и не выглядывать изъ нихъ; вездѣ были поставлены солдаты для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто изъ неприннадлежащихъ къ администраціи не приближался къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ проходить приговоренный къ смерти.

Итакъ въ весенній, ясный, хотя и свѣжій день, 9 мая 1905 г., въ 10½ часовъ утра, въ то время, какъ въ крѣпостной церкви шла обѣдня, привезли въ крѣпость Каляева и тотчасъ же провели въ комнату подъ названіемъ «мастерской», помѣщающуюся въ зданіи манежа; комната эта небольшая, въ два окна, изъ которыхъ виденъ только старый досчатый заборъ, огораживающій нѣсколько рядовъ, принадлежавшихъ обычно вахмистру строевыхъ жандармскихъ чиновъ.

Въ комнатѣ этой еще наканунѣ приготовлена была постель съ обычнымъ въ тюремныхъ камерахъ матрасомъ, подушками и одѣяломъ, были поставлены столъ, два стула, на столѣ положена бумага, перья, чернила.

Вошедшій въ эту комнату былъ оставленъ въ ней подъ надзоромъ двухъ сверхсрочныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ изъ числа тюремныхъ.

Въ 12 часовъ дня, въ часъ, когда обѣдали всѣ узники Шлиссельбургской крѣпости, Каляеву принесли съ тюремной кухни одинаковый съ заключенными обѣдъ; Каляевъ съѣлъ обѣдъ, выпилъ принесенный ему чай и затѣмъ большую часть времени своего послѣдняго дня писалъ.

День былъ хотя весенній, но довольно свѣжій, Каляевъ легъ отдохнуть на кровать, покрылся одѣяломъ; несмотря на это его внобило; тогда онъ обратился къ караулившимъ его жандармскимъ унтеръ-офицерамъ и сказалъ:

— «Не думайте, что я дрожу отъ страха, мнѣ просто холодно, и я бы попросилъ дать мнѣ второе одѣяло».

Желаніе его было немедленно исполнено, и осужденному удалось побороть свою дрожь.

Какъ уже выше упомянуто, Каляевъ почти весь день писалъ, исписалъ нѣсколько листовъ бумаги, но передъ смертью все написанное самъ тщательно зачеркнулъ, оставивъ незамазаннымъ

только известное изреченіе Петра передъ полтавской битвой: «А о Петръ въдайте, не дорога ему жизньъ, была бы счастлива Россія!» Кроме того имъ было оставлено написанное за полчаса или около того передъ казнью письмо къ матери, которое поступило въ распоряженіе коменданта для передачи по назначенію черезъ департаментъ полиціи.

Палачъ, который долженъ былъ привести приговоръ въ исполненіе, ждалъ свою жертву въ крѣпости уже съ 8 мая. Это былъ рослый дѣтина, брюнетъ, съ грубыми, крупными чертами лица, казакъ по происхожденію, зовуть его Александръ Филиппевъ. Этотъ жалкій чловѣкъ былъ приговоренъ къ смертной казни за убійство семерыхъ, кажется, людей; помилованіе было ему даровано подъ условіемъ согласія исполнять обязанности палача. За каждаго казненнаго ему сокращался срокъ каторги, замѣнившей ему смертную казнь, кроме того за каждаго казненнаго ему еще выдавалось денежное вознагражденіе. Въ маѣ 1905 года онъ еще отбывалъ срокъ своей каторги, а потому былъ привезенъ въ крѣпость подъ конвоемъ на полицейскомъ пароходѣ, а уже въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ развѣзжалъ свободно безъ конвоя и не на полицейскомъ, а на пассажирскихъ пароходахъ, такъ какъ къ этому времени онъ уже окончилъ срокъ своей каторги, благодаря большому числу повѣщенныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи за это лѣто политическихъ. Въ Шлиссельбургской крѣпости, въ ожиданіи жертвы своего ремесла, онъ проводилъ время въ куреньи табаку и въ питьѣ водки.

Часовъ около 7—8 вечера начался съѣздъ сословныхъ представителей, приглашенныхъ комендантомъ для присутствованія при совершеніи казни. Приѣхалъ изъ города Шлиссельбургскій голова Прохоровъ, на котораго необходимость присутствованія при смертной казни дѣйствовала повидимому удручающимъ образомъ; приѣхали помощникъ исправника Преображенскій, купцы Поповъ и Шапинъ и акцизный чиновникъ Латкинъ.

Въ 8 часовъ приѣхали изъ Петербурга товарищъ прокурора и секретарь петерб. окружного суда.

Въ 9 ч. вечера прокуроръ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы прошелъ въ комнату къ осужденному и объявилъ ему, что въ эту ночь т. е. съ 9 на 10 мая приговоръ будетъ надъ нимъ приведенъ въ исполненіе. Товарищъ прокурора волновался, и по всей вѣроятности потому такъ рано объявилъ Каляеву объ ожидавшей его въ эту ночь смерти, такъ что ожидать казни Каляеву пришлось болѣе 4-хъ часовъ. Каляевъ выслушалъ вѣсть, объ ожидавшей его черезъ нѣсколько часовъ смерти, спокойно. Желая, чтобы при его казни присутствовалъ его защитникъ, Каляевъ все спрашивалъ, не приѣхалъ ли онъ, но, хотя присяжный повѣренный Ждановъ и приѣхалъ въ крѣпость, прося разрѣшить ему свиданіе съ Каляевымъ, свиданіе ему разрѣшено не было.

Часовъ около 10 прошелъ къ Каляеву крѣпостной священ-

никъ Флоринскій. Каляевъ сказалъ ему, что хотя онъ вѣрующій человекъ, но обрядовъ не признаетъ, и добавилъ, что онъ уже совершенно приготовилъ себя къ смерти и въ жизни со всѣмъ покончилъ; въ пришедшемъ же къ нему священникѣ чувствуетъ добраго человека, а потому, закончилъ Каляевъ, дайте мнѣ вась, какъ добраго человека, поцѣловать. Они поцѣловались, и священникъ вышелъ отъ Каляева. Вскорѣ послѣ ухода священника Каляевъ написалъ матери письмо:

Дорогая, незабвенная моя мать!

Итакъ, я умираю. Я счастливъ за себя, что съ полнымъ самообладаніемъ могу отнестись къ моему концу. Пусть же ваше горе, дорогіе мои,—вы всѣ, мать, братья и сестры,—потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

Прощайте. Привѣтъ всѣмъ, кто меня зналъ и помнить.

Завѣщаю вамъ: храните въ чистотѣ имя нашего отца.

Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ вами.

Вашъ И. Каляевъ.

Совершенно подготовивъ себя къ смерти, Каляевъ послѣ полуночи просилъ не задерживать приведенія приговора въ исполненіе, а совершить казнь поскорѣе; но нужно было ждать разсвѣта.

Въ то время какъ Каляевъ переживалъ часы полные трагизма и ужаса, на дворѣ крѣпости за зданіемъ манежа, вовлѣ входа въ солдатскую баню, устанавливали и забивали послѣдніе гвозди въ наскоро построенный помостъ, на которомъ возвышалась два столба съ перекладиной. Удары топора при вколачиваніи гвоздей гулко разносились среди мертвой тишины какъ бы вымершей крѣпости. Женщинъ не было видно, и только изрѣдка проходилъ солдатъ или тюремный унтеръ-офицеръ. Смерть уже была въ стѣнахъ крѣпости, а за ними текла обычная жизнь: съ рѣки неслись пѣсни, изъ Шереметьевки доносился лай собакъ и звуки гармоники, безконечно тянувшей унылое, всѣмъ надоѣвшее «вчего мнѣ на свѣтѣ не надо». Сочетаніе звуковъ топора, строявшаго висѣлицу, гармоники и пѣсенъ было ужасно, становилось жутко, хотѣлось бѣжать...

Все было уже готово, приближалось время казни. На дворѣ свѣтало. Наконецъ разсвѣло настолько, что можно уже было читать на дворѣ безъ огня.

Былъ второй часъ ночи... Въ комнату, гдѣ сидѣлъ Каляевъ, вошелъ смотритель тюрьмы въ сопровожденіи наряженнаго въ все красное палача. На палачѣ были одѣты ярко-красные кумачевые шаровары, такіе же рубаха и колпакъ на головѣ, опоясанъ онъ былъ веревкой, за которую заткнута была нагайка.

Палачъ подойдя къ Каляеву завязалъ ему назадъ руки, послѣ чего Каляевъ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы вы-

шелъ на дворъ, гдѣ была устроена висѣлица, за ними слѣдовалъ палачъ.

На дворѣ уже находились всѣ приглашенные представители сословій, администрація крѣпости, команда солдатъ и всѣ свободные отъ службы тюремные унтеръ-офицеры. Каляевъ взошелъ на эшафотъ. Онъ былъ безъ пальто, во всемъ черномъ и черной же фетровой шляпѣ.

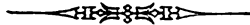
Стоя неподвижно на помостѣ эшафота онъ выслушалъ прочитанный помощникомъ секретаря приговоръ, послѣ окончанія котораго къ эшафоту приблизился священникъ съ крестомъ въ рукѣ, но Каляевъ сказалъ ему: «Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно покончилъ съ жизнью и приготовился къ смерти». Священникъ ушелъ...

Къ осужденному подошелъ палачъ, накинулъ на него саванъ, закрывшій его съ головой, помогъ подняться на табуретъ, такъ какъ безъ посторонней помощи сдѣлать это было невозможно, — накинулъ на шею петлю и отбросилъ ногой табуретъ. Ноги Каляева потеряли опору, и тѣло его повисло въ воздухѣ. Почти никто не могъ смотрѣть на повѣшеннаго, остававшагося въ петлѣ 30 минутъ. Всѣ безмолвно стояли вонлѣ эшафота. По прошествіи 30 минутъ палачъ вынулъ тѣло Каляева изъ петли и положилъ его на эшафотъ, къ которому подошелъ находившійся по близости крѣпостной врачъ, обнажилъ покойному грудь, выслушалъ сердце, пощупалъ пульсъ, но это было уже конечно ненужной формальностью, ибо Каляевъ былъ мертвъ...

Тѣло его тотчасъ же уложили въ деревянный ящикъ, и солдаты свесли и закопали его за крѣпостной стѣной, между валомъ, окаймляющимъ крѣпость со стороны озера, и Королевской башней. Здѣсь же похоронены всѣ казненные въ крѣпости въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Проводить тѣло пошли очень немногіе, но все же указать могилу Каляева всегда смогутъ жившіе въ это время въ крѣпости.

N. N.

Къ исторіи «Петрашевцевъ».

(Сочиненіе Григорьева „Солдатская Бесѣда“).

Въ извѣстномъ дѣлѣ Петрашевцевъ принимало участіе, какъ извѣстно, немало лицъ, причастныхъ къ литературѣ.

Между прочимъ, у поручика л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка Григорьева было обнаружено написанное имъ произведеніе „Солдатская Бесѣда“.

Вотъ буквальное содержаніе этого произведенія.

„Жестокій морозъ трещалъ на улицѣ: знатные баре, да богатые купцы-самоварники, кутая въ шубы носы, что изъ лука стрѣла, летали на рысакахъ; подувая въ кулаки, бѣдняки коченѣя бѣжали опрометью во-своеси; Ванька даже, останова клячу, забѣжалъ въ харчевню погрѣться; даже собака, завывая, просилась въ конуру къ дворнику, а часовой-горемыка былъ только что поставленъ на смѣну и, побрякивая, бѣгалъ по платформѣ сѣнной гауптвахты. Ружья были убраны, и солдатики, собравшись въ кружокъ, дружно усѣлись у печи въ караульномъ домѣ. Рядовой Ивановъ только что кончилъ сказку объ Иванѣ Царевичѣ и начиналъ уже новую о царѣ Махмудѣ и о Миритрисѣ Киробитевнѣ, какъ дверь отворилась настежь, и нелегкая внесла кварташку съ двумя бутарями; они привели двухъ морскихъ солдатъ. Офицеръ велѣлъ принять, скатали крючки и вышли.

„За что васъ, сердечные?“ спросилъ кто-то изъ караульныхъ. Но сердечные были зѣло налимонившись, и со страху языкъ у нихъ прилипъ къ небу.

„А вотъ старикъ вамъ расскажетъ, онъ шелъ за ними слѣдомъ“, сказалъ рядовой Карнашевъ, ведя за собою нищаго.

„Кто велѣлъ впустить, знаешь, что запрещено“, закричалъ старшій унтеръ-офицеръ, „э, ты, мазурикъ, пошелъ вонъ“.

„Мало-ли что не велятъ“, проворчалъ сквозь зубы добрый Карнашевъ.

„Не троньте его, Егоръ Семеновичъ“, сказалъ младшій унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ Михайловъ, умница и христіанская душа. „Вы видите, что онъ и старъ, и дряхлъ, и боленъ, и въ рубищахъ“.

Старшій унтеръ-офицеръ Егоръ Семеновъ больно боялся черта да и человѣкъ-то былъ не злой, былъ служака, но не собака. Онъ остано-

вилъ старика. „Да никакъ ты нашъ братъ, служба?“ вскрикнулъ онъ, увидѣвъ у нищаго на груди георгіевскую ленту.

„Точно такъ, сударь; я отставной солдатъ л. гв. Семеновскаго полка“.

„Да какъ тебя отъ холода скоробило“, сказалъ кто-то.

„И отъ голоду“ отвѣчалъ онъ. „Вотъ сутки, какъ не ѣлъ, животы подвело и схватываетъ“.

„На, выпей“, сказалъ Семеновъ, подавая ему шкаликъ; „халева не возьмемъ“.

Тутъ кто далъ ему хлѣбца, кто щецъ; пригрѣли, приголубили старика, а у того и языкъ развязался.

„Разскажи-ка намъ, дѣдушка, сказку, да съ присказкой, или просто про свою службу. Чай, много походовъ сломалъ?“

„Да, чай, и палокъ на тебѣ много сломано“, прибавилъ балагуръ Крючковъ.

„Помене, чѣмъ на тебѣ“, отвѣчалъ старикъ съ сердцемъ. „Наше время было получше, не то, что ваше. Ну, слушайте же, началъ онъ, запустивъ щепотку въ тавлинку Крючкова. Я—сдаточный изъ крѣпостныхъ. Мальчишкой я былъ сорви-голова, и росъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ сталъ я себя помнить, то насъ продали другому барину изъ нѣмцевъ. Вотъ ужъ былъ злодѣй-то, съ живыхъ кожу драть. Облѣвли мы, разорились въ конецъ, а то прежде, нешто, про себя жила, да и на бѣду я попалъ въ солдаты. Вотъ какъ это было. Баринъ нашъ былъ нехристъ и съ нами не церемонился. Бывало пріѣдутъ къ нему гости кутить, пошлетъ на деревню, и ведутъ ему штукъ пять ц . . . къ даже малолѣтнихъ,—такой окаянный! Обидно было. Жаловались поначальству. Ну, да знаешь, вѣдь онъ—свой братъ имъ-то, начальству: выпорютъ бывало тебя же, да и конецъ дѣлу. Была у меня сестричка, красавица-дѣвка, самъ я ее вынаничилъ и любилъ больно. Выросла она да и приглянись нашему-то барину-антихристу. Вотъ былъ я разъ въ ближнемъ селѣ на базарѣ. Пріѣхалъ домой, шастъ въ избу. Смотрю, что за диво? Отецъ—какъ шальной, мать—воетъ. Что, молъ, такое? а гдѣ Машутка? Смотрю, а она, моя голубушка, прильнула ничкомъ въ уголокъ да такъ и заливается. Что, молъ, Маша, аль побили? а она, сердечная, молчитъ и все жметса, въ уголокъ жметса, да сама такъ и дрожить. Я къ матери; мать-то и говоритъ мнѣ: не побили, говоритъ, а по приказу, говорятъ дворовые къ барину, говоритъ, водили. Меня такъ и ошелохнуло. Какъ я выплелся изъ избы, какъ былъ въ кабакъ, такъ потомъ до полусмерти окаяннаго нѣмца—не помню. Очнулся я ужъ въ кандалахъ. Меня сдали зъ рекруты. Другіе—выли, я—нѣтъ; авось, молъ, за царемъ служба не пропадетъ. Служилъ я честно; получилъ Георгій; это было въ 1813 году. Былъ я въ чужихъ земляхъ, и подъ Туркой, и въ Польшѣ, а лучше, какъ у француза, не видалъ. Вотъ такъ ужъ заливчатскій народецъ, амбиція большая. Полобили они меня, звали у нихъ остаться, да нѣтъ, какъ то все на родину тянетъ. А ужъ у нихъ не житье-ли? Нѣтъ тамъ графовъ или господъ: всѣ равны. Говорятъ, послѣ и у нихъ стало, было, жутко. Король, слышь, больно деньги моталъ, богачей любилъ, а бѣдныхъ обижалъ. Да вотъ въ прошломъ году какъ поднялся

народъ да солдаты, изъ булыжника въ городѣ сдѣлали завалы, да и пошла потѣха—битва страшная. Да куда-ты, король съ господами едва удрасть. Теперь они не хотятъ царей и управляютъ, какъ мы же въ деревнѣ—міромъ сообща и выборнымъ. Тотъ ужъ ни мѣшать, ни грабить не смѣетъ, а то самого по усамъ. Рекрутства тамъ мало, берутъ малаго лѣтъ двадцати, прослужитъ три года—и домой, какъ будто на заработкахъ былъ; палкамъ и помину нѣтъ,—амбиція огромная. Жалованье и пища хорошая. Служба престо шутка; палокъ солдаты и не знаютъ, и Боже упаси! и не тронь его! палашемъ, аль просто въ зубы,—такъ огрызнется, что и своихъ не узнаешь; одно только и есть наказаніе, что подь арестъ, какъ офицеры у насъ; и офицеровъ-то солдаты выбираютъ среди себя. Тамъ всѣ служатъ, до одинаго: и баринъ, и купецъ, и нашъ братъ-мужикъ. Вотъ такъ раздолье! Но все я не остался. Думаю, авось и дома не оставятъ. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали, какъ собаку паршивую! Ъда дрянъ, жалованья-грошъ—собачья жизнь. Сами знаете, кто изъ начальства хороша, того долой. Протянулъ я двадцать лѣтъ, выпустили по билету. Пришелъ домой, отецъ и мать умерли, сестра тоже исчахла, домъ отдали другому. Сталъ было я наниматься, да на сборы затаскали. Тутъ вышла отставка. Пришелъ сюда, сталъ мебель таскать, одряхлѣлъ, и вотъ теперь безъ крова и пищи, и замерзъ бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрѣли. Ходить, просить, кто сжалятся. Богадѣлень нѣтъ. Обидно, ребяташки. Видно мы нужны, пока есть силы, а тамъ, какъ браковку—въ оврагъ собакамъ на сѣденье. Служилъ я честно, а вотъ теперь руку протягиваешь подь угломъ. А сколько насъ такихъ! За все солдатство обидно... Съ каждымъ годомъ служба все тяжелѣе, а все колбасники проклятые, все захватили, да и мучать православныхъ. Есть у насъ люди именитые, вотъ, на примѣръ, Московскій Митрополитъ Филаретъ, генераль Ермоловъ, что нѣмцамъ солоно пришелся, и другіе, ну, да о нихъ что говорить, одни—въ немилости, а другіе въ Сибири, кормильцы наши, защитники. Нѣтъ, братцы, знать царь-то нашъ не больно православныхъ русскихъ любить, что все нѣмцевъ къ себѣ беретъ; куда ни оглянешься, анъ все нѣмцы: и бригадные нѣмцы, да и полковые командиры—нѣмцы, да и полковники то все нѣмцы, а ужъ если и выберется изъ нихъ русскій, такъ ужъ и знай, что съ нѣмцами все якшался, оттого и попалъ въ знать, что грабить нашего брата больно наловчился; вѣдь сколько они, душегубцы, съ полка-то получаютъ: видимо-невидимо, а все чье добро? Извѣстно, что солдатамъ-то вѣдь и шей хорошихъ не дадутъ, а сами, смотри, на какихъ рыскахъ развѣзжаютъ; ахъ, они мерзавцы; ну, да погоди еще, и святое писаніе гласить: первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми. Вотъ французы, небось, у себя такъ и устроили, да и другіе-то тоже. Только у насъ, да у поганыхъ австрійскъ иначе. Дивны дѣла Твои, Господи! Ну чѣмъ же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашей доля пришлась! Видно, правду отцы говорятъ: На Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ахъ, кабы согласіе, да воля,—задалъ-бы я нѣмцамъ нашимъ Кузькину, мать! проплясали бы они у насъ трепака подь россейскую балалаечку. Насъ больше, чего бояться чудо-богатырямъ, залихватскимъ, разудалымъ, добрымъ мо-

лодцамъ, удалымъ братцамъ солдатикамъ? умереть, такъ умереть, лишь не дать въ обиду богачамъ да нехристямъ своихъ кровныхъ и свою волюшку“.

Старикъ замолчалъ и опустилъ грустно голову. Дрова въ печи догорѣли. Было темно, и не видѣлъ честный старина-служивый, какъ слезы текли по щекамъ солдатъ и по каплѣ упали на амуницію. Горько, обидно стало. „Ахъ, кабы согласіе, да воля!“—и тутъ, какъ во снѣ представилось каждому изъ нихъ и родная деревня, и старикъ-отецъ съ матерью, и жена и малютки-сиротиночки, и воля, дорогая волюшка.

„Ну, а за что-же солдатъ-то морскихъ посадили?“ спросилъ Крючковъ.

„А за то, отвѣчалъ старикъ, что съ морозу зашли въ штофную, что у Калинкина моста. Только что мальчуга сталъ имъ наливать да подносить, пашть царь, да и ну тузить солдатъ-то; тѣ было, барахтаться, да увидѣли, что офицеръ, и струсилъ, а мальчуга-то и кричитъ: „Ну ваше-ли дѣло. Ваше Благородіе, говоритъ, здѣсь статья?“ Онъ давай да и мальчугу. А они вишь его никто не узнали. Велѣлъ лавку запечатать, да торговцы съ Министромъ отстоятъ, они вѣдь крѣпко за своихъ стоятъ. Народу то што, народу то! что на балаганахъ на Святой собралось тогда.

„Тѣфуты пропасть, и залить-то съ горя не велятъ“, крикнулъ Крючковъ (а онъ заливалъ часто, то съ горя, то съ радости). „Вишь, по кабакамъ шатается, не за кражею, а за солдатами гоняется. Его-ли дѣло! А поди ты, тоже кричитъ: здорово, ребята! Не поздоровится братъ, отъ твоего „Здорово!“ Знаемъ мы тебя давно!“

Вдругъ звонокъ: день, день, день...

Вонъ! живо, Михаилъ ѣдетъ!

Вишь... въ какую погоду понесла нелегкая, проворчали солдатика и бросились на платформу.

Горемыка старикъ поплелся за ними“.

При слѣдствіи Григорьевъ показалъ относительно своего сочиненія, что оно было имъ написано „во время болѣзненнаго припадка желчи, по неудовольствію на иноземцевъ, на ихъ вліяніе и обиды полкового начальника;“ первая же часть сочиненія „вылилась отъ негодованія на развратныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе жалости къ отставнымъ солдатамъ“.

Григорьевъ „за участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержанія, подъ заглавіемъ „Солдатская Бесѣда“, которая имѣетъ цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повиновеніе начальству“, былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, замѣненному ему затѣмъ ссылкой въ каторжныя работы въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ ¹⁾.

¹⁾ См. Госуд. преступл. въ Россіи, подъ ред. Богучарскаго, т. I. Изд. „Дон. Рѣчь“ стр. 105—106.

Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ.

Намъ приходилось не разъ отмѣчать ту выдающуюся роль, которую игралъ въ процессѣ декабристовъ самъ Николай Первый. Предусматривая и вникая во всѣ подробности слѣдствія, царь являлся первымъ слѣдователемъ: въ кабинетѣ своего дворца онъ лично или черезъ своихъ генераль-адъютантовъ допросилъ почти всѣхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Но онъ былъ для декабристовъ не только слѣдователемъ, но и предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Снявъ допросъ, Николай Первый отсылалъ арестованнаго въ крѣпость, въ распоряженіе тогдашняго ея коменданта генераль-адъютанта Сукина, съ собственноручной запиской на почтовой бумагѣ или даже просто на клочкѣ. Генераль Сукинъ благоговѣнно хранилъ эти автографы Императора до конца дней своихъ, а послѣ его смерти, эти документы, какъ имѣющіе государственное значеніе, были отобраны правительствомъ и поступили на храненіе въ Государственный Архивъ. Этими запискамъ или «Высочайшимъ собственноручнымъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, поступившимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина» самимъ же генераломъ былъ составленъ «реестръ». Въ реестрѣ выписанъ точный текстъ каждой записки, указанъ день, часъ и порядокъ полученія. Этотъ реестръ, съ сохраненіемъ графъ мы и предлагаемъ вниманію читателей.

«Реестръ» свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ Николай обладалъ недюжинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; она опредѣляетъ и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма немногіе присылались съ лаконичнымъ указаніемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай Первый «содержать хорошо». Степень выше—«содержать строго, но хорошо»; еще выше—«содержать подъ строгимъ арестомъ»; дальше—«строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень—«содержать наистрожайше». Вѣрный Су-

кинъ понималъ, конечно, отгѣнки этихъ выраженій и дѣйствоваль сообразно съ Высочайшими приказаніями. Мы не можемъ судить, каковы были въ дѣйствительности формы содержанія въ крѣпости, но одна записка можетъ до нѣкоторой степени дать о нихъ представленіе. «Свистунова содержать строго, но *снабжа вѣстьмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ*».

Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе «строгое, строжайшее или наистрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставитъ заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая — «присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиноватъ». Вторая — «присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя».

Но всѣ, тѣ или иныя, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вящаго устрашенія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы могли извлечь слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣнію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣтъ соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножныя, и 18 апрѣля—ручныя кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-ый. Затѣмъ, Пушкинъ 1-ый, закованный за упорное заpiresательство въ ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титуплярный совѣтникъ Семеновъ, за упорное заперательство при допросахъ, въ то время какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣеть быть содержимъ на хлѣбъ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щенингъ-Ростовскій, Бестужевъ Михаилъ и крѣпостной человекъ Кюхельбекера Семень Балашовъ.

Мы не упоминали еще о подпоручикѣ Андреевичѣ 2-омъ, закованномъ въ ручныя желѣза 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатлѣніе, и 25 апрѣля онъ написалъ слѣдующее безсвязное письмо въ Комитетъ. Это письмо не требуетъ никакихъ разъясненій и ярко свидѣтельствуетъ о вліяніи кандаловъ на психику заключенныхъ. Письмо воспроизводимъ буквально.

Въ Высочайше учрежденный комитетъ!

Движимый горестью и удрученіемъ связывающихъ меня желѣзъ! Кои заслужилъ я чрезъ мои преступныя дѣянія, осмѣливаюсь просить вторично, правосудныхъ членовъ Высочайше учрежденнаго комитета; видя мое печальное страданіе, уважьте сію униженную просьбу; и если есть возможность облегчите участь мою; хотя снятіемъ желѣзъ, съ коими я почти три мѣсяца, каждую минуту не разлученъ, кои днемъ и ночью мнѣ не даютъ покою.— Кажется я довольно уже наказанъ за мою легкомысленность. Милосердый Богъ принялъ мое раскаяніе, Онъ разрѣшилъ меня отъ моихъ согрѣшеній; послѣдуйте Его Святой стяжею, окажите снисхожденіе къ сей моей просьбѣ. Ахъ! я почти тотъ день и тотъ часъ, въ который свершится сіе благо.

Отдѣленъ будучи отъ родныхъ и ближнихъ; въ странѣ столь отъ нихъ далекой, въ печали, въ горести, въ желѣзахъ, какую я могу питать въ душѣ моей отраду? Въ семъ убѣжищѣ печальномъ, мрачномъ; въ бездѣйствіи безъ всякой пользы проходятъ дни мои унылы; умиляется жизнь моя; юность моя протекаетъ безутѣшно и постепенно истребляютъ дарованія мои, коими природа меня одарила.

Что будетъ со мною, когда всего сего лишусь; какая кому въ то время будетъ отъ меня польза; бѣдность! она одна со мною неразлучна; но кому я оною сдѣлать могу какую услугу. Ахъ! умоляю Васъ именемъ Всевышняго разрѣшите мои столь тягостныя узы, узы, коихъ я во всю жизнь мою имѣть не полагалъ. Онъ разлучаютъ меня съ матерью, коей положеніе и при мнѣ было горестное, но теперъ увеличилось; дряхлость лѣтъ ея, а мое несчастіе,

могутъ ли ей дать какую отраду? Онѣ разлучать меня съ семью братьями, кои вѣжно меня любили. — Ахъ! могутъ ли они быть спокойны? и такъ сіи плачевныя желѣзы не меня одного печалятъ и тяготятъ; но разлучая меня съ родными лишаютъ и ихъ спокойствія долгимъ моимъ отсутствіемъ и въ совершенной невѣстности.

Я повторяю предъ вами правосудніи члены мою просьбу и готовъ повергнуться къ стопамъ великодушнаго Монарха, чтобы умолить Его о состраданіи къ моему бѣдственному положенію. — Въ доказательство истиннаго моего раскаянія въ моихъ заблужденіяхъ я бы весь листъ свой, на коемъ пишу, оросилъ бы слезами, но горестъ изсушила ихъ. — Наконецъ если я уже не заслуживаю отъ васъ никакого призрѣнія, то троньтесь печалію моихъ родныхъ, которые вѣроятно льютъ слезы о моемъ несчастномъ положеніи! — Они и я будемъ вѣчно возсылать молитвы свои къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ.

Подпоручикъ Андреевичъ 2-ой.

25 апрѣля это письмо было прочитано въ Комитетѣ, а 27 апрѣля, «въ уваженіе замѣченнаго въ немъ Комитетомъ раскаянія, и откровенности въ показаніяхъ» Андреевичъ былъ раскованъ.

П. Щеголевъ.

РЕЕСТРЪ

Высочайшимъ собственноручнымъ Е. И. В. повелѣніямъ, послѣдовавшимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина.

№	Когда получены.		Мѣсяць декабрь 1825 года.
	Число.	Ч а с ъ.	
1	14	въ 11 час. пополудни.	Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю васъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и б. Семеновскій который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости Л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825-го въ $\frac{3}{4}$ 10-го часа.
2	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рылѣва посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственно ручно мнѣ приносить ежедневно.
3	15	въ 3 час. по полуночи.	Присылаемаго Горскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, безъ всякаго сообщенія, дать ему бумагу если попроситъ мнѣ писать.
4	—	въ 4 час. по полуночи.	Присылаемаго Кожевникова посадить на гауптвахту не связывая рукъ подъ строгимъ арестомъ и безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ ни было.
5	—	въ 7 час. по полуночи.	Присылаемаго Ш. К. Карниловича посадить на гауптвахту отдѣльно отъ другихъ безъ всякихъ сообщеній съ кѣмъ бы ни было. 15-го декабря 1825-го.
6	—	въ 8 час. по полуночи.	Присланнаго Вишневаго содержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, не давая сообщаться съ другими. (на пакетѣ написано: «нужное»).
7	—	въ исходѣ 8-го часа по полуночи.	Въ отъѣзду прежняго приказанія Вишневаго, Бодиско и Арбузова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ порознь. (На пакетѣ собственною Его Величества рукою написано: «нужное»).
8	—	въ 9 час. по полуночи.	Присылаемаго при семь Кохельбеккера посадить въ Алексѣевскій рavelинъ и строжайше за нимъ наблюдать.
9	—	въ 9 час. по полуночи.	Присылаемаго Вестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ.
10	—	въ $\frac{3}{4}$ 10-го час. по полуночи.	Трубецкого при семь присылаемаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никуда не выходить и ни съ кѣмъ не вѣдѣться.

11	15	въ 10 час. по полуночи.	Присылаемаго Сомова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
12	—	во 2-й четверти 11 час. по полуночи.	Якубовича посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
13	—	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Пущина отправить на гауптвахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 час. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сообщенія — не мѣшаетъ усилить наблюденіе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемаго при семъ Бестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
16	—	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго посадить тоже въ Алексѣевскій рavelинъ и содержать наистрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейтенанта Арбузова, кто былъ съ нимъ во фракѣ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14-го числа.
18	—	въ половинѣ 3-го час. по полудни.	Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться.
19	—	въ половинѣ 9-го час.	Присылаемаго при семъ сего Николая Бестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строгій арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пущина къ поручику л.-гв. коннопионернаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыхъ книгъ, ко мнѣ безопасно можешь пріѣхать, я почти оправданъ, доносъ какихъ то подлецовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастьи, на гауптвахтѣ Петропавловской площади, весь твой Пущинъ. 16-го декабря 1825-го. На ономъ письмѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Узнать непременно чрезъ кого Пущинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
21	17	въ половинѣ 3-го час. по полуночи.	Чиновника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго.
22	—	въ половинѣ 3-го час. по полудни.	Присылаемыхъ при семъ Пущина и Одуевского посадить въ Алексѣевскій рavelинъ.
23	—	въ половинѣ 7-го час. по полудни.	Присланныхъ при семъ подпоручиковъ к. Вадбольскаго, Кожевникова и Фока посадить на гауптвахтѣ въ крѣпость.
24	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго при семъ Чижова посадить особо на гауптвахту.
25	—	въ началѣ 12-го час. по полудни.	Бестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣть заковать въ ручныя желѣза. Бестужева посадить такъ же въ Алексѣевскій рavelинъ.

26	18	въ половинѣ 10-го час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго со- держанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ. но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога, Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣ- роятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочеть на мое лицо или кому хочеть.
28	22	во 2 час. по полудни.	Записка отъ генераль-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изво- лилъ:
			По Высочайшему повелѣнію, при семъ посы- лаются письмо г-ну Каховскому и человѣкъ г-на Рылѣва. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходительства, послѣ чего, истребовавъ отвѣтъ онаго доставить сюда; также и человѣка <i>возвратить обратно</i> .
29	22	во 2-й четвер- ти 5-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ ш. в. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22-го декабря 1825-го.
30	23	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго при семъ Свистунова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, давъ бумагу и содержа строго, но снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ.
31	23	въ 8 час. по полудни.	Присылаемаго Оржитскаго содержать подѣ стро- гимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23-го де- кабря 1825.
32	24	въ половинѣ 12-го час. утра.	Присылаемаго в. Голицына посадить на гаупт- вахту, содержа строго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825-го.
33	26	въ 1-й четвер- ти 5-го час. по полудни.	Присылаемаго Муравьева посадить по удобности подѣ строжайшій арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣдней четверти 5-го час. по по- лудни.	Присылаемаго при семъ Свинына посадить подѣ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочеть.
35	—	въ 1-й четвер- ти 6-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ П. Кологривова поса- дись на гауптвахту подѣ строгій арестъ. С.-Петер- бургъ 26 декабря 1825-го.
36	27	въ половинѣ 2 час. по по- лудни.	Присылаемаго Ринкевича посадить подѣ строгій арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петер- бургъ 27-го декабря 1825.
37	27	въ 3-ей чет- верти 8-го час. по полудни.	Присылаемаго графа Чернышева посадить на гауптвахту содержа хорошо. С.-Петербургъ 27 де- кабря 1825-го.
38	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Кра- снокутскаго помѣститъ у себя на квартирѣ офи- церской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаться, а за нимъ имѣть при- смотръ. С.-Петербургъ 27-го декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1-й четвер- ти 9-го час.	Присылаемаго при семъ генераль-маіора Орлова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, выведя Гор- скаго или кого другого и содержа хорошо. С.-Пе- тербургъ 29 декабря 1825-го.

40	29	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Васильчикова посадить по удобности, давъ писать, что хочетъ и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825-го.
41	29	во 2 час. по полудни.	Прошу, Александръ Яковлевичъ, позволить Орлову Михайлѣ видѣться у васъ съ Алексѣемъ Орловымъ. 29-го декабря 1825-го.
42	—	въ половинѣ 4-го час. по полудни.	Горожанскаго посадить, куда удобно подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 29-го декабря 1825-го.
43	—	въ исходѣ 4-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ Батенкова содержать строжайше, давъ писать, что хочетъ; такъ какъ онъ больной и раненый, то облегчить его положеніе по возможности. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
44	—	по полудни въ исходѣ 2-го час.	Присылаемаго л.-гв. Егерскаго полка у.-о. Ильина, заковавъ, содержать строго подѣ арестомъ отдѣльно отъ другихъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
45	30	въ 4 час. по полудни.	Генераль-маіору Орлову дать видѣться съ братомъ Алексѣемъ и перевести на офицерскую квартиру, давъ свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости.
46	31	во 2 час. по полудни.	Письмо доставить Муравьеву. 30-го декабря 1825. Генераль-адъютанту Бенкендорфу поручено мной снять допросъ съ г. Орлова, допустить сдѣлать наданіе. С.-Петербургъ 31-го декабря 1825-го.

Копія съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣній на имя мое послѣдовавшихъ съ 14-го по 31-е декабря 1825-го года всего сорокъ шесть, отмѣченные противъ каждаго мною свѣрно.

Генераль-адъютантъ *Сукимъ*.

1-го января 1826 года.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ январь 1826 года.
	Число.	Ч а с ь.	
47	1	въ 8 час. по полудни.	Графа Якова Булгари посадить подѣ строжайшій арестъ по усмотрѣнію вашему. С.-Петербургъ 1-го января 1826.
48	2	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго полковника Митькова посадить по усмотрѣнію подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 2-го января 1826.
49	—	по полудни въ 5 час. въ исходѣ.	Присылаемаго Поливанова содержать подѣ арестомъ. С.-П. 2 го янв. 1826.
50	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемаго Калошина посадить подѣ строгій арестъ, гдѣ удобно. Равно и присылаемаго Семенова содержать на гауптвахтѣ, гдѣ удобно, но строго содержа. С.-П. 2-го января 1826.

51	—	по полудни въ 12 час.	Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «отдать можно Муравьеву».
			При семь вложенное письмо въ тотъ же часъ отдано Муравьеву мною ген.-ад. Сукинымъ.
52	3	по полудни въ 3 часа.	Присылаемаго Палицына содержать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-Петер. 3-го января 1826.
53	—	въ 4 час. по полудни.	Присылаемаго при семь Лорера содержать подъ строжайшимъ арестомъ. С.-П. 3-го января 1826.
54	—	по полудни въ 12 час.	Цестеля помѣститъ въ Алексѣвскій рavelинъ, выведя для того Каховскаго или другого изъ менѣе важныхъ. С.-П. 3-го янв. 1826.
55	4	по полуночи въ 12 час.	Присылаемаго Толстого содержать подъ строгимъ арестомъ. С.-П. 4 января 1826.
56	6	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго Штейнгеля посадить по усмотрѣнiю подъ строгій арестъ. С.-П. 6-го января 1826.
57	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Крюкова держать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-П. 1826-го 6-го января.
58	6	по полудни въ 11 час. въ исходѣ.	Присылаемаго Титова посадить подъ арестъ по усмотрѣнiю. С.-П. 6-го января 1826.
59	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго Г. Пушкина содержать подъ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-П. 6-го января 1826.
60	7	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Швейковскаго посадить и содержать строго. С.-П. 1826 года 7 января.
61	—	по полудни въ исходѣ 11-го час.	Присылаемаго Юшневскаго содержать подъ строжайшимъ арестомъ, давъ писать, что хочеть. С.-П. 7-го января 1826.
62	8	въ половинѣ 8-го час. по полудни.	Присылаемыхъ Муравьева и фонъ-Вольскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго, давъ писать, что хотять. С.-П. 8-го января 1826.
63	—	по полудни въ 9 час.	Присылаемаго П. Нарышкина посадить по усмотрѣнiю гдѣ удобнѣе. С.-П. 8-го января 1826.
64	8	въ началѣ 11-го час. вечера.	Присылаемаго Лихарева посадить по усмотрѣнiю, давъ писать, что хочеть. С.-П. 8-го января 1826.
65	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Спирро Булгари посадить, гдѣ лучше; ибо по всему кажется невиновать, но смотрѣть строго. С.-П. 9-го января 1826.
66	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго поручика Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиновать. С.-П. 9-го января 1826.
67	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго ш.-капитана Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго и хорошо. С.-П. 9-го января 1826.
68	10	во 2 час. по полудни.	Возвращаемаго Спиридона Булгари, принявъ, заковать и содержать строго.
			Присылаемаго Николая Булгари посадить по усмотрѣнiю; содержа хорошо. С.-П. 10-го января 1826.
69	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Хотяинцева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го января 1826.
70	11	по полудни во 2 час.	Полковника Тиенгаузена посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнiю С.-П. 11-го января 1826.
71	—	въ 4 час. по полудни.	Присылаемаго Кашкина содержать строго по усмотрѣнiю. С.-П. 11-го января 1826.

72	—	по полудни въ половинѣ 9-го час.	Присылаемого ш.-к. Муханова содержать подъ строжайшимъ арестомъ и помѣстить по усмотрѣнію. С.-П. 11-го января 1826.
73	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемыхъ Аврашова и Бурцова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 11-го января 1826.
74	12	во 2 час. по полудни.	Присылаемого Поджіо содержать подъ строжайшимъ арестомъ, гдѣ удобнѣе. С.-П. 12-го января 1826.
75	—	въ 5 час. по полудни.	Присылаемого г.-маіора фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строго и не давать видѣться ни съ кѣмъ. С.-П. 12-го января 1826.
76	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемыхъ к. Шишкова и Г. Данваса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли. С.-П. 12-го января 1826.
77	13	по полудни въ 4 час.	Присылаемого Фохта посадить, гдѣ получше; и такъ какъ онъ боленъ, послать ему лѣкаря и буде точно боленъ отправить въ госпиталь. С.-П. 13-го января 1826.
78	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 10-го час.	Присылаемого Сабурова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13-го января 1826.
79	14	по полудни въ 5 час.	Присылаемого Якушкина заковать въ ножны и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя. С.-П. 14-го января 1826.
80	—	по полудни въ исходѣ 8-го час.	Присылаемого Муравьева отставного полк. посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 14-го января 1826.
81	—	на полудни въ 10 час.	Присылаемого Леспона посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 14-го января 1826.
82	15	въ 1 час. по полуночи.	Присылаемого к. Сергѣя Волковскаго посадить или въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, или гдѣ удобнѣе; но такъ, чтобы и о приводѣ его было неизвѣстно. С.-П. 14-го января 1826-го.
83	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 3-го час.	Присылаемого Басаргина и Вольфа посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826-го.
84	15	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемого к. Барятинскаго посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826.
85	16	по полудни въ началѣ 8-го час.	Присылаемого Пушкина 1-го заковать въ ручныя желѣза и посадить и содержать строго. С.-П. 16-го января 1826.
86	—	въ началѣ 9-го час. по полудни.	Присылаемого Пушкина 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16-го января 1826.
87	17	по полудни въ половинѣ 4-го час.	Присылаемого Фролова посадить по усмотрѣнію. С.-П. 17-го января 1826.
88	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Присылаемого Муравьева отставного п. полковника посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 17-го января 1826.
89	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Содержащагося Артамона Муравьева прислать съ г.-а. Левашовымъ ко мнѣ. С.-П. 17-го января 1826.
90	18	въ половинѣ 1-го час. по полуночи.	Присылаемого злодѣя Муравьева Артамона заковать и содержать какъ настрже. С.-П. 17-го января 1826.

91	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ п. полков. Миклашевскаго, полк. фонъ-дербъ-Бригена, порут. 6. Черкасова, капит. Пыхачева и капит. Исленьева посадить по усмотрѣнiю, содержа хорошо. С.-П. 18-го января 1826.
92	19	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Исленьева держать на гауптвахтѣ впрעדъ до приказанiя. С.-П. 19 января 1826.
93	—	по полудни въ 4 час. въ начатѣ.	Присылаемаго Загорѣцкаго посадить и содержать строго. С.-П. 19-го января 1826.
94	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рюмина посадить по усмотрѣнiю и содержать, какъ наистроже.
95	19	въ 3 час. по полудни.	Дать писать, что хочеть. С.-П. 19-го января 1826. Собственною его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «Письмо отдать отставному подполковнику Муравьеву-Апостоу».
96	20	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго фонъ-Визина отставнаго п. полковника посадить и содержать строго по усмотрѣнiю. С.-П. 20-го января 1826.
97	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Непенина и Капниста содержать хорошо, помѣста по усмотрѣнiю. С.-П. 20-го января.
98	21	во 2 час. по полуночи.	Присылаемаго Сергѣя Муравьева посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнiю; онъ раненъ и слабъ, лучше будетъ его посадить въ Алексѣевскiй рavelинъ и снабдить всѣмъ нужнымъ; лѣкарю велѣть его сейчасъ осмотрѣть и ежедневно дѣлать должный осмотръ и перевязку. С.-П. 20-го января 1826-го.
99	21	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ Кривцова, Поджю 2-го, Раевскаго, Янтальцова и Плещеева посадить и содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
100	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Давыдова посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
101	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго г. Олизара содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
102	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Борисова 2-го содержать строго и хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
103	22	въ 3 час. по полудни.	Присылаемыхъ Заикина и Аврамова посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 22-го января 1826.
104	24	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго Горскина содержать по усмотрѣнiю хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
105	—	по полудни во 2 час.	Присылаемаго жида Давыдку содержать по усмотрѣнiю хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
106	25	въ 1 час. по полуночи.	Присылаемаго к. Оболенскаго 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
107	—	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Лядуховскаго посадить по усмотрѣнiю и держать строго. Полков. Рутга посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 25-го января 1826.
108	—	въ 3-ей четверти 4-го час. по полудни.	Присылаемаго Плещеева 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
109	26	по полуночи во 2 час.	Можно Ключельбекера расковать. С.-П. 26-го января 1826.
110	26	—	Генералу Раевскому дозволяю видѣться въ нашемъ присутствiи съ г. Орловымъ и съ Лихаревымъ и Поджю 2. но врозь и съ обыкновенною осторожностью. С.-П. 26-го января 1826.

111	—	въ 2 час. по полудни.	Присылаемыхъ Ивашева и Жидкова содержать хорошо и посадить по усмотрѣнію. С.-П. 26-го января 1826.
112	—	въ половинѣ 11-го час. по полудни.	Присылаемаго Кюхельбекера посадить и содержать по прежнему. С.-П. 26-го января 1826.
113	27	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Зыкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
114	—	въ первой четверти 12 го час. по полудни.	Присылаемаго <i>графа Яблоновскаго</i> посадить, буде возможно въ Алексѣевскій рavelинъ или гдѣ лучше и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
115	28	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Романова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 28-го января 1826-го.
116	29	по полудни въ 8 час.	Присылаемаго Мошинскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826-го.
117	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго <i>Ватковскаго 2-го</i> посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
118	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Искритскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
119	30 января	—	При возвращенномъ письмѣ Одоевскаго на особой бумагѣ карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Изъ письма Одоевского увидите, что онъ что то хочетъ объявить. Пусть напишетъ, а видѣтъ его мнѣ некогда». Объявлено генераль - адъютантомъ Сукинымъ тогда-же 30-го января по полудни въ 1-мъ часу.
120	31	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго П. Фанемберга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 31-го января 1826.
121	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго п. п. Норова посадить по усмотрѣнію и заковать, содержать наистрожайше. С.-П. 31-го января 1826.
122	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Присылаемаго Врангеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.
123	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Тютчева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.
№		Когда получены.	Мѣсяць февраль 1826 года.
		Число. Ч а с ь.	
124	1	въ 7 час. по полудни.	Присылаемаго Анненкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
125	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Бертеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 1-го февраля 1826.
126	—	по полудни въ 10 часу.	Присылаемаго Нащекина посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 1-го февраля 1826.
127	2	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Спиридова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 2-го февраля 1826.
128	—	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго Паскевича посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 2-го февраля 1826-го.

129	3	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Горбачевского посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.
130	—	въ исходѣ 11-го час. по полудни.	Присылаемаго Андрiевича посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.
131	—	въ исходѣ 12-го час. по полудни.	Присылаемаго Лукашевича посадить, гдѣ лучше, и содержать хорошо. С.-П. 3-го февраля 1826-го.
132	4	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Веденяпина посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826.
133	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Везчаснаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826-го.
134	1826 февраля 6	въ 10 час.	Карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: письмо вручить можно г. Гаевскому; можно дозволить видѣть тѣ же лица. кои въ первый разъ видѣлъ. Получ. 6-го февраля 1826-го въ 10 часовъ. Кончилось свиданiе въ 11 часовъ.
135	7	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Пестова посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 7-го февраля 1826.
136	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Кирѣева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго.
137	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Торновскаго посадить и содержать хорошо. С.-П. 10-го февраля 1826.
138	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Громницкаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.
139	9	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго Лисовскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.
140	11	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Андрiевича 2-го посадить, гдѣ удобно, и содержать строго. С.-П. 11-го февраля 1826.
141	13	по полудни въ 9 час.	Присылаемаго Комара посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 13-го февраля 1826.
142	14	въ началѣ 1-го час. по полудни.	Присылаемаго Франка посадить по усмотрѣнiю, держа строго. С.-П. 14-го февраля 1826.
143	—	по полудни въ 3 1/2-го час.	Присылаемаго Юшневскаго 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 14-го февраля 1826-го.
144	15	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго п. и. Арсеньева посадить и содержать хорошо. С.-П. 15-го февраля 1826.
145	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Красносельскаго 1-го посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
146	16	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ двухъ Красносельскихъ и Веденяпина 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 16-го февраля 1826.
147	18	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Фролова 2-го и Фурмана посадить и содержать строго. С.-П. 18-го февраля 1826.
148	19	по полудни въ 10 час.	Присылаемыхъ Черноглазова, Тиханова и Мозгина посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 19-го февраля 1826.
149	21	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Перетца посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 20 февраля 1826.
150	22	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Шимкова, Мозгалевского и Шахарева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 22 февраля 1826.

Копiи съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣнiевъ на имя мое послѣдовавшихъ съ 1-го января по 1-е февраля 1826 года по сему описанiю начиная съ № 47-го по 150 № и съ онымъ включительно всего сто четыре, отмѣченныя противу каждаго мною «вѣрно».

Генераль-адъютантъ *Сумкинъ*.

6-го августа 1826 года.

Далекое и Недавнее.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свои «воспоминанія» я начала писать въ самую глухую пору русской жизни, когда трудно было рассчитывать, чтобъ онѣ появились въ печати при моей жизни, поэтому я писала такъ, какъ пишутъ только для себя, какъ бесѣдуютъ только съ очень, очень близкими друзьями, безъ недомолвокъ, не умалчивая о фактахъ, не сковывая ни мысли, ни чувства. Теперь по предложенію журнала «Былое» я отдаю эти строки въ печать. Часть этой рукописи была написана въ концѣ 1895 года, т. е. десять лѣтъ назадъ; остальное я закончила уже теперь въ 1906 году ¹⁾. Я пыталась было моимъ воспоминаніямъ придать болѣе правильную, строгую форму, но увидала, что это значило бы лишить давно написанное всей свѣжести только что пережитыхъ впечатлѣній, испытанныхъ настроеній не воссоздать, разъ они легли въ извѣстной формѣ на бумагу—измѣнить форму, значить стереть ихъ, поэтому я оставила написанное со всеми его недостатками, но и со всей его искренностью, которая, надѣюсь, искупитъ многое. Воспоминанія охватываютъ 1878—81 годы, т. е. одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ періодовъ русскаго революціоннаго движенія. Это далекое еще живетъ въ недавнемъ и потому близко всемъ. Ошибки прошлаго не менѣе поучительны, какъ и положительныя стороны его, а потому я старалась отмѣчать факты прошлаго во всей ихъ жизненной правдѣ... Эти факты такъ переплелись съ моей личной судьбой, что мнѣ невольно пришлось говорить и о себѣ, но и въ области личнаго я беру только то, что создаетъ дальнѣйшіе факты и дѣяствія...

¹⁾ Окончаніе написанной рукописи попало въ время обыска у моего мужа Н. С. Джабадари въ 1896-мъ году и пропало.

Сергѣй Михайловичъ
КРАВЧИНСКІЙ (СТЕПНЯКЪ).

Далекое и Недавнее.

Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—81 г. г.

(Посвящается памяти С. М. Кравчинскаго).

Смерть Сергѣя Кравчинскаго. «Смерть русскаго преступника»-- такъ озаглавлено коротенькое извѣстіе изъ англійскихъ газетъ, которое сегодня (29 декабря 1895 г.) невольно бросилось мнѣ въ глаза, когда я по привычкѣ просматривала газету «Кавказъ». Какое-то предчувствіе сжало мнѣ сердце, я нетерпѣливо стала искать имя... да, вотъ оно переименованное, но давно знакомое имя человѣка, бывшаго когда-то однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей и память о которомъ остается и до сихъ поръ однимъ изъ отраднѣйшихъ воспоминаній далекой молодости. Степнякъ Крачковскій, такъ называетъ его газета, — Сергѣй Кравчинскій, мой старый другъ и братъ, неужели это ты... Страшно, мучительно страшно вѣрить, что какая-то слѣпая случайность порвала навсегда твои узы съ землей, съ этой неблагоприятной землей, которая при всемъ просторѣ ея была для насъ только тюрьмой. Газета называетъ тебя преступникомъ за то, что ты когда то убилъ одного человѣка, забывая, что этотъ человѣкъ убивалъ медленной пыткой тысячи людей, изъ коихъ многіе были твоими друзьями. Да, съ христіанской точки зрѣнія убійство преступно, но оно одинаково преступно и для власть имущихъ; убійство за убійство, смерть за смерть, вотъ пока завѣтъ правящихъ — но когда сердце человѣка, простого гражданина не облеченнаго властью, возмущается цѣпью легальныхъ убійствъ и мститъ кровью за кровь, ему кричатъ — «преступникъ». Вотъ эпитафія близорукой толпы надъ твоей безвременной могилой — горе побѣжденному, для толпы онъ всегда преступникъ. Но тебя, заклеяннаго этимъ именемъ самодовольной толпы, я знала какъ человѣка добраго, самоотверженнаго и прекраснаго.

Одаренный необыкновенными способностями, горячей душой и пылкой фантазіей, ты могъ скорѣе, чѣмъ другіе въ этой толпѣ, занять крупное мѣсто, идя по торной дорогѣ; но еще очень молодымъ офицеромъ, ты съ презрѣніемъ сбросилъ мундиръ, забывая все его привилегіи, о которыхъ всегда хорошо помнятъ остальные честолюбцы и политическіе интриганы. Не власти надъ людьми искалъ ты, она передъ тобой сама собой открылась, ты жаждалъ жертвоприношенія, подвига, настоящаго христіанскаго подвига въ защиту малыхъ сихъ. Въ вопросахъ вѣры ты былъ теоретически скептикомъ, но вѣра безсознательно жила въ твоей душѣ, управляла твоимъ чувствомъ и жизнью. Не свое я помѣстилъ ты на алтарь низверженнаго божества, какъ это дѣлаютъ истинные скептики и невѣрующіе, а человѣ-

чество въ его высшемъ идеальнѣйшемъ представленіи; этому бо-
жеству, этой мечтѣ ты принесъ въ жертву всего себя, всѣ свои
силы, всю свою жизнь. Ты не ждалъ награды ни въ земной, ни
въ загробной жизни, ты жаждалъ лишь раздробить хоть одно
звено тѣхъ цѣпей, которыя сковывали и сковываютъ твое
божество, а для себя ты мирился со всѣмъ, даже съ цѣпями ка-
торжника и эшафотомъ. Въ этомъ сказался цѣлый забытый то-
бою, подлинный рядъ предковъ, воспитанныхъ въ завѣтахъ Хри-
ста: вочеловѣчившееся божество, искупающее страданьемъ грѣхи
міра—вотъ тотъ идеаль, которому бессознательно подражалъ ты,
и если, подобно апостолу Петру, ты обнажилъ мечъ, когда «слуги
міра» терзали твое божество, когда на твоихъ глазахъ вѣшали
мужчинъ и въ тюремныхъ застѣнкахъ подвергали позорнымъ на-
силіямъ женщинъ, кто можетъ бросить за это камень въ тебя.
Не за свои страданья, не за свои оскорбленія мстилъ ты, судьба
спасала тебя отъ нихъ, но «за други своя»...

А какимъ хорошимъ вѣрнымъ другомъ былъ ты, это я испы-
тала сама. Никогда не изгладится изъ моей памяти наша пер-
вая встрѣча. Это было въ первыхъ числахъ августа, того при-
снопамятнаго 1878 года, когда грома Плевненскихъ пушекъ за-
глушилъ вдругъ одинъ слабый звукъ выстрѣла Вѣры Засуличъ,
и съ кровью нашихъ солдатъ, сложившихъ головы на Балканахъ,
съ кровью первыхъ политическихъ казней на югѣ (казнь Ко-
вальскаго) смѣшалась кровь главы домашнихъ опричниковъ,
кровь генерала Мезенцева. Я тогда только что вырвалась изъ Си-
бирскаго плѣна—бѣжала изъ ссылки куда глаза глядятъ, лишь
бы избавиться отъ позорной неволи, гдѣ я, въ то время молодая
дѣвушка, очутилась вдругъ одна одинешенька въ положеніи без-
правной рабыни. Какъ я добралась до Петербурга въ такое
смутное время, мнѣ и самой кажется невѣроятнымъ, помню
только, что, ступивъ свободной ногой на камни Петербургской
мостовой, я впервые задала себѣ вопросъ—куда же я дѣнусь.
Въ карманѣ у меня оставалось всего на всего нѣсколько копѣекъ,
и въ рукахъ никакого багажа и ни одного адреса, куда я могла
бы пойти. Такъ стояла я въ раздумьи на дебаркадерѣ желѣзной
дороги и не замѣчала, что на вокзалѣ и на улицахъ происходило
какое то необыкновенное движеніе. Толпа какъ-то глухо волно-
валась. «Убить, наповаль убить», донеслось до меня... я подняла
голову и въ недоумѣніи оглянулась; въ это время ко мнѣ при-
близилась какая то пожилая женщина, одѣтая по мѣщански и
засматривая мнѣ въ лицо, слащавымъ голосомъ стала спраши-
вать, гдѣ я думаю остановиться и есть ли у меня родные; я
отвѣчала, что родныхъ у меня нѣтъ и я не знаю еще гдѣ оста-
новлюсь, потому что не знаю города. Женщина еще разъ огля-
дѣла меня и вкрадчиво предложила остановиться у нея въ но-
мерахъ—номера-де дешевые и хорошіе. Взглядъ и обращеніе этой
женщины мнѣ не понравились, но я такъ была безпріютна, что
съ радостью согласилась на ея предложеніе, видя въ немъ спа-

сеніе, быть можетъ, посланное мнѣ судьбой. Дорогой, бесѣдуя о томъ, какъ нынче трудно жить въ столицѣ, она сообщила мнѣ между прочимъ, что сегодня утромъ какой то злоумышленникъ убилъ на улицѣ шефа жандармовъ. Я вздрогнула, это еще больше осложняло мое положеніе—ища убійцу, могутъ случайно поймать и меня.

И такъ, я очутилась въ Петербургѣ 4-го августа, какъ разъ въ день убійства Мезенцева... Найду ли я кого нибудь изъ своихъ бывшихъ товарищей, вотъ вопросъ, который поглощалъ въ то время все мое существо. Хозяйка тѣмъ временемъ ввела меня въ грязный полутемный номеръ и подала самоваръ, а на послѣднія 5 коп. я купила хлѣба. Чаю у меня не было и, запивъ хлѣбъ горячей водой, я вышла бродить по Петербургу. Цѣлыхъ три дня бродила я по этому дѣйствительно незнакомому мнѣ въ то время городу и все безуспѣшно; хлѣбъ мой давно уже вышелъ, и я буквально голодала, еле волоча ноги. Хозяйка была слишкомъ опытна и сразу замѣтила мое положеніе, но продолжала быть любезной; сама даже заварила раза два чай и принесла булку; но только что я успѣла утолить голодъ, какъ ко мнѣ зашелъ корридорный и довольно нахально предложилъ мнѣ познакомиться съ какими-то молодыми людьми, проживающими тамъ же въ номерахъ. Я въ первую минуту остолбѣла, до того я была далека отъ мысли, что я женщина, что мною могутъ интересоваться, какъ молодой дѣвушкой; я помнила въ себѣ только безпріютнаго бѣглеца и больше ничего.

Придя въ себя, я кое какъ выпроводила корридорнаго и, накинувъ поспѣшно платокъ на голову, выбѣжала на улицу. На этотъ разъ счастье улыбнулось мнѣ, я застала наконецъ дома пріѣхавшаго съ дачи присяжнаго повѣреннаго Бардовскаго, съ которымъ, я знала, была знакома Вѣра Фигнеръ (Филиппова), старый товарищъ мнѣ по студенческому кружку въ Цюрихѣ и сестра осужденной вмѣстѣ со мной по процессу 50-ти Лидіи Фигнеръ. Дѣйствительно Бардовскій зналъ Вѣру Фигнеръ, но она жила въ то время въ Самарѣ; здѣсь же въ Петербургѣ онъ указалъ мнѣ Софію Лешернъ, освобожденную по процессу 193-хъ и живущую въ городѣ (въ 1879 году С. Лешернъ была арестована въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Осинскимъ и осуждена къ смертной казни, но затѣмъ помилована и сослана на Кару на вѣчную кааторгу, гдѣ и умерла послѣ одной изъ тюремныхъ голодовокъ).

Присяжный повѣренный Бардовскій. Добрый, порывистый и симпатичный, Бардовскій хоть и не зналъ меня совсѣмъ и только въ качествѣ защитника Субботиныхъ видѣлъ меня на процессѣ, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ свое гостепріимство, но я, сердечно поблагодаривъ его, отказалась, чувствуя какую-то нравственную щепетильность подвергать опасности совершенно посторонняго человѣка, хотя и выказавшаго на судѣ замѣчательную сердечность и симпатію къ намъ. Такъ, я помню во время защитительной рѣчи онъ до того взволновался,

что судъ долженъ былъ прервать на нѣсколько минутъ засѣданіе, чтобы дать ему успокоиться; это воспоминаніе и направило меня безотчетно къ нему, но воспользоваться его гостепріимствомъ я не рѣшилась. Эта моя осторожность его однако не спасла,— 25 іюля 1879 г. онъ былъ арестованъ и очень скоро впалъ въ душевную болѣзнь. Арестъ слишкомъ потрясъ его, потому что вѣроятно былъ для него совсѣмъ неожиданъ. Его обвиняли въ укрывательствѣ меня—это былъ ложный доносъ, основанный вѣроятно на неосторожномъ разказѣ его гдѣ нибудь о моемъ посѣщеніи. Это воспоминаніе о гибели человѣка прекраснаго и добраго, но посторонняго революціонному движенію, всегда лежало тяжелымъ камнемъ у меня на сердцѣ. Но въ ту минуту я не могла предвидѣть такой трагической развязки, иначе мнѣ не мила бы стала моя свобода...

Софья Лешернъ. Получивши отъ Бардовскаго адресъ Софьи Лешернъ, я чувствовала себя спасенной; хотя лично ее никогда до тѣхъ поръ не знала, но насъ сроднили общія невзгоды и тюрьма. Какъ на крыльяхъ полетѣла я къ ней и застала ее дома. Она приняла меня сердечно, будто давножданную сестру, посовѣтовала мнѣ сейчасъ же выбратъся изъ моихъ меблированныхъ комнатъ и предложила временный пріютъ у себя. Пріютъ этотъ была скромная комнатка Александры Малиновской, молодой дѣвушки художницы, гостившей въ то время гдѣ-то на дачѣ и временно передавшей ключъ отъ своего жилища Софьѣ Лешернъ.

Здѣсь въ этой комнаткѣ близъ Забалканскаго проспекта въ Измайловскомъ полку, въ тотъ же вечеръ собралось человѣкъ 15-ть совсѣмъ еще незнакомаго мнѣ народа, но которыхъ влекла туда общность борьбы, надеждъ и страданья. Какъ мало изъ нихъ осталось теперь въ живыхъ!...

Сергій Кравчинскій въ Петербургѣ. Тутъ-то впервые я встрѣтила моего названнаго брата Сергѣя Кравчинскаго... Несмотря на крайнюю опасность, съ которой сопряжено было каждое появленіе его на улицѣ, онъ пришелъ привѣтствовать меня въ этотъ первый день моей свободы; быть можетъ онъ безсознательно былъ суевѣренъ, какъ многіе стоявшіе лицомъ къ лицу со смертью, и мое появленіе въ Петербургѣ въ день 4-го августа, этотъ первый въ то время побѣгъ изъ Сибири, казался ему счастливымъ предзнаменованіемъ близкой свободы для всѣхъ... Да, мы были въ то время еще молоды, мы не разучились еще вѣрить и мечтать...

Было уже нѣсколько человѣкъ въ сборѣ, когда онъ вошелъ въ комнату; его крупная мужественная фигура и оригинальная голова неволью привлекла мое вниманіе; онъ былъ одѣтъ джентельменомъ, въ рукахъ держалъ высокій цилиндръ, а наполеоновская бородка придавала ему видъ иностранца. Въ комнатѣ кромѣ меня еще были двѣ, три женщины, но онъ прямо подо-

шелъ ко мнѣ и свободнымъ товарищескимъ жестомъ протянулъ мнѣ руку.

«Я знаю васъ заочно, сказалъ онъ мнѣ, быть можетъ и вы слышали также обо мнѣ» и назвалъ себя.

«Да», отвѣчала я и подумала, какъ же не слышать имени одного изъ первыхъ пионеровъ «хожденія въ народъ», слышшаго какъ крупный ораторъ и талантливый человѣкъ. Онъ былъ старше меня и по возрасту и по дѣятельности въ народѣ, и я смотрѣла на него какъ на старшаго товарища. Несмотря на то, что въ молодости я была крайне застѣнчива и очень трудно сближалась съ людьми, между нами какъ-то сразу завязалась свободная, простая, искренняя бесѣда, сразу сдѣлавшая насъ друзьями. Бесѣдуя съ нимъ, я свободно всматривалась въ его открытое, смѣлое, оригинальное лицо, неправильныя ломанныя линіи котораго словно красили его своимъ уродствомъ. Да, онъ былъ и красавецъ и уродъ. Мягкіе, коротко подстриженные темнорусые волосы, крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой прекрасный открытый лобъ необыкновенной бѣлизны; широкія, короткія темныя брови раздѣлены было двумя глубокими вертикальными складками надъ переносьемъ, придававшими лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными свѣжими губами порой раскрывался въ широкую добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой; каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью; онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ. Вообще въ этомъ на видъ здоровомъ, могучемъ, порой почти шумно веселомъ человѣкѣ, при внимательномъ наблюденіи, можно было подмѣтить симптомы пережитаго глубокаго нервнаго потрясенія, вѣщныя слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполне.

Валерьянъ Осинскій. Нашъ оживленный разговоръ мало по малу привлекъ къ намъ еще нѣкоторыхъ. Всѣхъ ярче врѣзалась въ моей памяти фигура Валерьяна Осинскаго. Высокій, стройный блондинъ съ благородными правильными чертами лица, съ красивыми глазами, вспыхивающими иногда энтузіазмомъ молодости, онъ напоминалъ молодого офицера, еще не бывшаго въ серьезномъ огнѣ, но мечтающаго о крупномъ боѣ. Впрочемъ онъ не былъ уже новичкомъ и побывалъ если не въ бдѣ, то въ серьезныхъ рекогносцировкахъ. Какъ истинный рыцарь, или лучше сказать какъ большая часть нашихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, онъ началъ свою дѣятельность съ преклоненія передъ страданьемъ. Первый шагъ, познакомившій его, впрочемъ не надолго, съ тюрьмой, была попытка проникнуть въ залу суда во время нашего процесса 50-ти, гдѣ онъ жаждалъ увидѣть, главнымъ образомъ, какъ онъ создался мнѣ, насъ, «московскихъ амазонокъ», выросшихъ въ барскихъ хоромахъ, накусившихъ всѣхъ прелестей свободного умственнаго труда въ европейскихъ уни-

верситетахъ и затѣмъ, съ такой отважной простотой, перешагнувшихъ порогъ грязнаго вертепа Московскихъ фабрикъ, какъ простыя работницы. Въ ту минуту, когда подошелъ къ намъ Осинскій, мы говорили съ С. Кравчинскимъ о биографіи безвременно покончившей съ жизнью Бети Каминской, биографіи незадолго передъ тѣмъ напечатанной въ заграничномъ журналѣ «Община» и написанной въ тюрьмѣ совмѣстно мною и Бардиной. Кравчинскій спрашивалъ меня, работавшую на одной фабрикѣ съ Каминской, дѣйствительно ли тѣ нѣсколько мрачныя впечатлѣнія, которыя сквозятъ въ описаніи ея пребыванія на фабрикѣ, суть впечатлѣнія, окрашенныя индивидуальностью Каминской, или же они у меня общія съ нею. Я отвѣчала утвердительно, и у насъ зашелъ горячій споръ о народѣ. Кравчинскій, несмотря на свой прошлый опытъ пропаганды въ народѣ, опытъ столь же сравнительно малопродуктивный, какъ и всѣ бывшіе до и послѣ него, опытъ кончившійся арестомъ въ деревнѣ и спасеніемъ бѣгствомъ, остался всетаки большимъ энтузіастомъ и вѣрилъ, что придетъ время и быть можетъ скоро придетъ, когда русскій народъ пойметъ насъ и станетъ грудью за свою свободу, а пока мы должны расчистить для него путь борьбою съ правительствомъ, не оставляя однако дѣла пропаганды.

«Вы, сказалъ мнѣ Кравчинскій, говорите, что увлечь за нами массу трудно, что она втеченіе всей своей исторіи отступала, избѣгая внутренней борьбы, бѣжала въ горвыя степи, въ Сибирскую тайгу—а что вы скажете о Чигиринскомъ дѣлѣ?»

О Чигиринскомъ дѣлѣ, я о немъ ничего не знала; оно произошло въ мою бытность въ Сибири, и Кравчинскій съ увлеченіемъ рассказалъ мнѣ попытку Стефановича и Дейча, выдавъ себя за царскаго комиссара, организовать возстаніе въ Чигиринѣ. Это самозванство не понравилось мнѣ, оно было опасно тѣмъ, что какъ бы еще болѣе усиливало легенду о «царѣ заступникѣ», хотя практически оно скорѣе могло привести къ результату, т. е. къ возстанію противъ властей, чѣмъ наша искренняя открытая пропаганда. Всѣ они чувствовали однако, какъ и я, что съ идеаломъ *peuple souverain* съ идеаломъ могучаго и гордаго народа, сознающаго свое право и опирающагося на свою только силу, волей неволей нужно пока проститься; и какъ бы для того, чтобъ развѣять грусть, набѣжавшую на наши лица, за минуту оживленныхъ споромъ, Осинскій сталъ съ увлеченіемъ рассказывать исторію побѣга Стефановича и Дейча изъ Кіевской тюрьмы, побѣга, въ которомъ, какъ я узнала потомъ, онъ принималъ очень дѣятельное участіе.

Александръ Михайловъ. Затѣмъ разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ; отъ Чигиринскаго дѣла перешли къ рассказу о попыткахъ сближенія съ народомъ на почвѣ легально-культурной, попыткахъ лишенныхъ уже всякаго слѣда революціонной поэзіи, попыткахъ граничащихъ съ простымъ занятіемъ той или другой профессіей, а Александръ Михайловъ, носившій прозвище

дворника, повѣдалъ намъ подробности своего оригинальнаго хожденія къ сектантамъ, гдѣ онъ цѣлый годъ принужденъ былъ выдерживать искусъ строгаго поста и молитвъ по лѣстовкамъ, въ надеждѣ приобрѣсти довѣріе къ себѣ; онъ не рекомендовалъ этотъ путь; слишкомъ много компромисовъ въ совѣсть приходится дѣлать, но эти компромисы никогда не въ силахъ сыграть роль истинной вѣры. Вечеръ закончился подробнымъ разсказомъ событія 4-го августа. День моей встрѣчи съ Кравчинскимъ былъ днемъ похоронъ Мезенцева; я разсказала, какъ идя къ Бардовскому, жившему на углу Гагаринской, я встрѣтила похоронный картежъ и чуть не была увлечена потокомъ толпы въ ряды его провожавшихъ. Мнѣ не говорили еще въ то время, кто нанесъ Мезенцеву смертельный ударъ, мнѣ вѣрзалось только въ память, съ какой особой настойчивостью Кравчинскій старался остановить мое вниманіе на томъ, что убійца встрѣтилъ врага лицомъ къ лицу, одинъ противъ двухъ, и нанесъ ударъ спереди, а не сзади.

Адрианъ Михайловъ. Тутъ же припоминаю небольшую, но коренастую фигуру Адриана Михайлова, оживившагося, когда рѣчь зашла о Мезенцевѣ, и не говоря о своемъ участіи въ дѣлѣ, любовно описывавшаго «Варвара», того полумиѳическаго коня, который два года тому назадъ вынесъ изъ подъ пуль часовыхъ бѣжавшаго Кропоткина, а теперь спасъ своимъ легкимъ бѣгомъ Мезенцевскаго мстителя.

Такъ переходя отъ событія къ событію, отъ воспоминанія къ воспоминанію, мы засидѣлись далеко за полночь, и если бы кто нибудь изъ мирныхъ петербуржцевъ заглянулъ случайно въ эту комнату, тѣсно набитую народомъ, то, судя по внѣшности, онъ никакъ не подумалъ бы, что передъ нимъ кучка самыхъ крупныхъ заговорщиковъ,—такъ мало въ ихъ нарядѣ, въ ихъ жестахъ, въ ихъ сдержанныхъ рѣчахъ, такъ мало было въ нихъ той шаблонной распушенности и рѣзкости, которую привыкли у насъ называть *нигилизмомъ*, царившимъ правда въ студенческихъ кругахъ 60-хъ годовъ, но совершенно исчезнувшимъ въ 70-хъ, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ центрахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу серьезныхъ революціонеровъ. Столь же мало было въ нихъ общаго и съ типомъ Базарова, по поводу котораго Тургеневъ впервые создалъ терминъ *нигилистъ*, терминъ опошленный потомъ толпой. Нѣтъ, не дѣти и не братья Базарова сошлись здѣсь на бесѣду, не братья того Базарова, который презиралъ народъ уже со студенческой скамьи, потому что привыкъ трезво смотрѣть на него еще съ колыбели, нѣтъ, а скорѣй дѣти Кирсановыхъ, выросшія въ атмосферѣ мечтательнаго идеализма, дѣти Кирсановыхъ, получившія, впрочемъ, откуда-то притокъ свѣжей молодой крови, быть можетъ крови какой нибудь Феннички... Здѣсь не было ни одного, который, подобно Базарову, поклонялся бы культу своего я; нѣтъ, они искали высшей нравственной санкціи «правъ человѣка» въ народѣ и не найдя ея въ реальномъ

русскомъ человѣкѣ, въ этомъ скопищѣ именуемомъ народомъ, они обнажили мечъ, мстя за искаженіе человѣческой природы въ лицѣ народа-раба, выдвигавшаго правда время отъ времени могучія фигуры, но въ цѣломъ спавшаго тяжелымъ летаргическимъ сномъ. Идеализація вначалѣ и оскорбленное чувство потомъ, вотъ вся психологія «героическаго» періода нашей революціонной исторіи.

Николай Морозовъ. Во второй половинѣ 1878 г. было еще не мало энтузіастовъ, какъ напимѣръ Осинскій и Морозовъ, которые, если не вѣрили уже въ наше немедленное единеніе съ народомъ, то, по крайней мѣрѣ, считали возможнымъ путемъ дезорганизаціи правительства партизанской террористической борьбой, снять тяжелую гирю съ чашки вѣсовъ, препятствующую народу сдѣлать свободный выборъ между нами и властью. Объ Осинскомъ я уже говорила, съ Морозовымъ же я познакомилась нѣсколько дней спустя. Онъ только что пріѣхалъ тогда изъ провинціи, гдѣ онъ оставался нѣкоторое время послѣ освобожденія по процессу 193-хъ. Морозова привелъ къ намъ Сергій Кравчинскій, съ которымъ за это время я успѣла еще болѣе сблизиться и который откомендовалъ его мнѣ, какъ своего стараго товарища по кружку (Чайковскаго) и лучшаго друга. У насъ, т. е. у С. Лешернъ и у меня, опять собралось въ тотъ день нѣсколько человѣкъ, былъ Сабуровъ, Ольга Натансонъ, Колѣнкина (ближайшій другъ Вѣры Засуличъ) и нѣкоторые изъ бывшихъ раньше.

Сабуровъ (Оболъшевъ), средняго роста лѣтъ тридцати съ довольно большою темнорусой бородой и карими глазами, былъ мало разговорчивъ и производилъ впечатлѣніе серьезнаго дѣловитаго чиновника; я такъ и не успѣла близко узнать его, потому что мѣсяца два спустя онъ былъ арестованъ одновременно съ О. Натансонъ, Булановымъ и другими. Онъ никогда не вдался въ теоретическіе разговоры или воспоминанія прошлаго, но у него особо замѣтнаго прошлаго кажется и не было въ то время; его настоящая фамилія еще ни разу не попадала раньше на глаза полиціи, вотъ почему, не смотря на всѣ усилія, правительство такъ и вынуждено было осудить его подъ фиктивнымъ именемъ Сабурова. Но изъ разсказовъ О. Натансонъ, съ которой я жила нѣкоторое время передъ ея арестомъ на одной квартирѣ (въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка), я узнала, что онъ былъ очень дѣятельнымъ человѣкомъ въ качествѣ члена организаціи «Земли и Воли».

Организація «Земли и Воли». Нужно замѣтить, что всѣ поименованныя мною лица или были уже, или сдѣлались вскорѣ членами названной организаціи (Колѣнкина и Малиновская напимѣръ передъ самымъ арестомъ ихъ ¹⁾). Организація эта явилась естественной группировкой силъ, уцѣлѣвшихъ послѣ про-

¹⁾ Я вошла въ эту организацію также не задолго до моего отъѣзда за границу.

цессовъ 50-ти, 193-хъ и другихъ болѣе мелкихъ; она образовалась не сразу, начало ея относится къ зимѣ 76—77 гг., т. е. къ тому времени, когда молодежь зачитывалась программой революціонной дѣятельности и судебнымъ отчетомъ процесса 50-ти, или, какъ тогда называли, «московского процесса», по мѣсту главнаго дѣйствія (московскія фабрики), а не по мѣсту разбора дѣла (процессъ 50-ти разбирался въ особомъ присутствіи Сената въ Петербургѣ съ 21-го февраля по 14 марта 1877 года). Впрочемъ, еще раньше, въ 1876 г., слѣдовательно до начала замѣтнаго подъема революціоннаго духа, сказавшагося въ 1877 году, образовалась небольшая «группа», носившая въ общемъ революціонномъ кругу прозвище «троглодитовъ», за ихъ часто аффектированную конспиративность, благодаря которой даже лица вполне легальныя проживали по подложнымъ паспортамъ, скрывая свои жилища даже отъ ближайшихъ товарищей. Правда, изъ этой компаніи и до сихъ поръ остался нетронутымъ съ десятокъ людей, но не благодаря конечно пріемамъ троглодитовъ, прятавшихся въ пещерахъ, а благодаря способу дѣятельности въ народѣ, принятому ими; большая часть ихъ, получившая скоро названіе деревенщиковъ, расселилась въ провинціи, занимая мѣста фельдшеровъ, волостныхъ писарей, акушеровъ, артельныхъ мастеровыхъ - т. п., сближаясь съ народомъ на почвѣ культурно-профессиональной; эта дѣятельность могла имѣть и имѣла лишь самое косвенное отношеніе къ подготавливавшейся борьбѣ съ правительствомъ на жизнь и смерть. Предчувствіе этой борьбы сказалось уже не только въ напечатанной въ то время программѣ революціонной дѣятельности процесса 50-ти, но и въ первомъ въ революціонной исторіи протестующемъ выстрѣлѣ князя Циціанова, стрѣлявшаго въ 1875 году при арестѣ въ своихъ насильниковъ-жандармовъ и осужденнаго на каторгу въ 1877 г. по процессу 50-ти (князь Циціановъ послѣ многолѣтняго одиночнаго заключенія въ центральной Харьковской тюрьмѣ и затѣмъ на Карѣ погибъ отъ тяжелой душевной болѣзни въ Сибири). Дальнѣйшимъ еще болѣе мощнымъ провозвѣстникомъ этой борьбы явился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, вызванный позорнымъ насиліемъ надъ Боголюбовымъ. Въ названномъ обществѣ троглодитовъ Вѣра Засуличъ не принимала въ то время никакого участія; она совершила свое историческое дѣло помимо помощи и даже вѣдома его, опираясь лишь на дружескую поддержку Колѣнкиной. Вообще, послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 года, или какъ ее называютъ, казанской демонстраціи, происшедшей, какъ говорили, по инициативѣ этого кружка, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Плехановъ, благополучно избѣжавшій ареста, несмотря на произнесенную имъ рѣчь на площади, въ то время какъ многіе изъ молодежи, пришедшіе просто на панихиду (по Чернышевскомъ) и ничего не знавшіе о замыслахъ этого кружка, поплатились долготѣней каторгой и ссылкой, однимъ словомъ послѣ казанской демонстраціи, кружокъ этотъ

съ нечаевскими традиціями потерялъ на время престижъ въ революціонномъ мірѣ и лишь обновленный во второй половинѣ 1878 года путемъ сближенія съ южанами съ одной стороны и освободившимися членами другихъ старыхъ кружковъ, или уцѣлѣвшими послѣ двухъ названныхъ большихъ процессовъ (50-ти и 193), только послѣ обновленія этими новыми, болѣе опытными членами, организація «Земли и Воли» получила серьезное значеніе и, несмотря на крупные осенніе (1878 г.) аресты, смогла даже приступить къ изданію своего литературнаго органа—газеты «Земля и Воля». Но этотъ наплывъ новыхъ крупныхъ элементовъ вскорѣ совсѣмъ измѣнилъ окраску кружка троглодитовъ. Уже съ начала 1878 года въ революціонномъ кругу стало употребляться имя «Исполнительнаго Комитета» на 'листочкахъ помѣченныхъ печатью, изображавшей топоръ, кинжалъ и револьверъ; эти листки, выпускавшіеся, по словамъ Осинскаго, южанами и употреблявшіеся въ качествѣ предупрежденія, посылаемаго жертвамъ готовящагося мщенія, я видѣла осенью 1878 г. въ рукахъ Сергѣя Кравчинскаго и на мой вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ этотъ Исполнительный Комитетъ, или это только внѣшній знакъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«Какъ сказать, онъ существуетъ и нѣтъ; это не есть нѣчто неподвижное, сформированное; но онъ всегда существуетъ, когда какой нибудь фактъ призываетъ революціонеровъ къ мщенію».

Самыми ревностными проповѣдниками идеи партизанской революціонной борьбы были однако не С. Кравчинскій, какъ можно было предполагать, а Осинскій и Морозовъ; хотя я и говорила уже объ Осинскомъ, но я не могу еще не отмѣтить здѣсь маленькой подробности. Приблизительно черезъ три, четыре дня послѣ моей первой встрѣчи съ нимъ, вдругъ онъ вбѣгаетъ къ намъ (въ квартиру Малиновской) и, ни слова не говоря, показываетъ газету: «Что такое?» изумленно спрашиваемъ мы, я и, какъ помнится, М. Колѣнкина:—«А вотъ что!» сказалъ онъ и такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, въ пальто и шапкѣ, читаетъ намъ правительственное распоряженіе о преданіи отнынѣ военному суду всѣхъ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Окончивъ чтеніе, онъ какъ бы совершенно забываетъ о нашемъ присутствіи и долго стоитъ въ глубокой задумчивости, наклонясь надъ газетой и расправляя ее рукой на столѣ. Что пронеслось въ ту минуту въ его воображенія? Быть можетъ ему рисовалась мрачная картина казни, какъ смутное предчувствіе рока... и дѣйствительно, онъ первый палъ жертвой этого новаго закона. Вскорѣ онъ уѣхалъ на югъ и весной 1879 года, послѣ оказаннаго сопротивленія, былъ арестованъ и затѣмъ казненъ...

Николай Морозовъ. Морозова, другого яркаго приверженца террористической борьбы я узнала позже. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 23-хъ—24-хъ, выше средняго роста, съ задумчивыми большими глазами и очень нѣжными миниатюрными чертами лица; на его худой, тонкой фигурѣ лежалъ отпечатокъ гѣ-

лесной недоразвитости, какъ будто тюрьма, въ которой онъ провель болѣе трехъ лѣтъ въ пору ранней молодости, помѣшала достигъ здоровой возмужалости; слабый, высокаго тембра голосъ его еще усиливаль иллюзію молодого деревца, возросшаго вдали отъ свѣжаго воздуха и простора полей. Сынъ крупнаго Ярославскаго помѣщика, Николай Морозовъ провель уединенное дѣтство въ деревнѣ и рано былъ отданъ въ одну изъ Московскихъ гимназій; тамъ семья товарищей стала скоро его единственной семьей. Но и здѣсь въ стѣнахъ учебнаго заведенія его не покидала любовь къ природѣ, и часто лѣтомъ, въ дни досуга, онъ совершалъ далекія прогулки, знакомясь съ флорой и геологическими особенностями окрестностей Москвы; прогулки эти не только дали матеріалъ для нѣсколькихъ юношескихъ естественно-научныхъ изслѣдованій, представленныхъ имъ въ Московскій университетъ, но способствовали также развитію въ немъ поэтической созерцательности, проявившейся рано въ рядѣ юношескихъ стихотвореній. Настроенія, переживаемыя въ то время учащейся молодежью, мало гармонировали съ его созерцательной натурой, но товарищеское чувство и пылкая отзывчивая душа влекли его къ борьбѣ. Онъ отвергъ безъ оглядки тѣ привилегіи, за которыя такъ цѣпляются люди ничтожныя, и бросилъ гимназію передъ самымъ полученіемъ диплома, чтобъ уйти съ головой въ волны вазрѣвавшаго въ то время движенія. Облекшись въ сермягу и лапти, онъ исколесилъ почти всю Великороссію, бѣсѣдуя съ народомъ и раздавая имъ революціонныя книжки. Юношеская неопытность и увлекающаяся натура заставили его забыть всѣ предосторожности, и какъ то разъ въ одной деревнѣ онъ былъ схваченъ и выданъ властямъ самими крестьянами. Узнавъ объ его арестѣ, отецъ отрекся отъ него, постороннимъ же всякій доступъ въ тюрьму былъ воспрещенъ и вотъ, брошенный и забытый всѣми, томился онъ долгіе годы, пока наконецъ судъ не отпустилъ его изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи. Въ тюрьмѣ, болѣя отъ тоски и лишеній, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ бываль прикованъ къ больничной койкѣ и тутъ, лежа въ полумракѣ арестантскаго лазарета, слагалъ онъ свои грустные стихи, ставшіе впоследствии однимъ изъ любимыхъ напѣвовъ тюремной лирики. Стихотворенія Морозова, вмѣстѣ съ стихотвореніями Саблина, Синегуба и нѣкоторыхъ другихъ вышли впоследствии въ особомъ велегальномъ сборникѣ подъ названіемъ «Изъ за рѣшетки» и остались нынѣ единственнымъ почти литературнымъ памятникомъ психологіи революціоннаго движенія того времени. Сколько думъ, сколько чувствъ пережито было имъ въ тиши одиночнаго каземата. Кто послѣ этого можетъ удивляться, если оплакивая кровавыми слезами исчезнувшую иллюзію народной революціи, онъ сталъ обоготвлять партизанскую борьбу съ правительствомъ—терроръ!.. Да, онъ былъ апостоломъ террора, проповѣдникомъ вооруженной борьбы съ правительствомъ одинъ на одинъ. Его богатая фантазія создавала самыя причудливыя

планы этой борьбы, планы, граничившіе иногда съ поэтическимъ вымысломъ; самъ онъ худой, тоненькій и слабый, ходилъ въ то время весь обвѣшанный оружіемъ, и можно только удивляться, какъ какая нибудь пустая случайность не сгубила его; но судьба хранила его до времени, несмотря на то, что онъ не разъ нарывался нечаянно на обыскъ или попадалъ на квартиру, гдѣ только что произошли аресты и оставлена была засада; быть можетъ самообладаніе и открытая простота его наружности и рѣчи спасали его.

Въ тотъ вечеръ какъ я впервые встрѣтила Морозова, онъ былъ по обыкновенію обвѣшанъ оружіемъ, подъ тяжестью котораго онъ почти сгибался. Онъ пришелъ къ намъ вмѣстѣ съ С. Кравчинскимъ, который отрекомендовалъ его «нашимъ молодымъ поэтомъ»—рекомендація, отъ которой Морозовъ зардѣлся какъ дѣвушка. Въ первыя минуты встрѣчи онъ сидѣлъ молча, обводя присутствующихъ своими задумчивыми глазами; онъ показался мнѣ очень юнымъ и я невольно обращалась съ нимъ почти покровительственно; какъ ни странно, но это сблизило насъ; мало-по-малу онъ разговорился и своимъ мягкимъ полу-дѣтскимъ голоскомъ сталъ дѣлиться со мною впечатлѣніями деревни и тюрьмы. Это была общая, родная намъ тема, и мы не замѣтили какъ сблизились. Сближенію нашему содѣйствовало и то, что какъ Кравчинскій такъ и Морозовъ завѣдывали редакціей «Земли и Воли», и въ моемъ лицѣ имъ хотѣлось кажется привлечь къ этому дѣлу и женскій элементъ; намъ много приходилось поэтому бесѣдовать на теоретическія темы. Программа начинавшагося изданія не была еще теоретически оформлена; она не представляла чего нибудь устойчиваго, а впечатлѣвала въ себѣ всю непосредственность живыхъ впечатлѣній и темпераментовъ; въ этомъ заключалось и ея достоинство и недостатокъ. Но мнѣ недолго приходилось принимать участіе въ редакціонныхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ то время на квартирѣ Кравчинскаго, гдѣ онъ, помню, читалъ въ рукописи мнѣ и Морозову свою передовую статью для «Земли и Воли», статью, гдѣ подчеркивая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго неудачно сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сантиментальное сравненіе было потомъ имъ выброшено вслѣдствіе нашего дружескаго протеста, какъ, если и вѣрное по мысли, то неудачное по формѣ. Едва успѣтъ выйти первый номеръ, какъ Кравчинскій, а затѣмъ и я должны были выѣхать за границу, такъ какъ и его и меня хотя по разнымъ причинамъ, полиція усиленно разыскивала. На смѣну Кравчинскаго уже послѣ насъ пріѣхалъ Левъ Тихомировъ, вызванный по письму Перовской, и дальнѣйшіе номера «Земли и Воли» велись уже только Морозовымъ, Плехановымъ, Тихомировымъ и Клеменцемъ при участіи нѣкоторыхъ постороннихъ и къ революціонному движенію почти непричастныхъ лицъ.

Георгій Плехановъ. По отъѣздѣ С. Кравчинскаго, какъ въ

кругу литературномъ, такъ и вообще въ кругу дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ землевольцевъ, началъ вскорѣ сказываться расколъ: представителями двухъ крайнихъ полюсовъ явились Морозовъ съ одной стороны и Плехановъ съ другой, Тихомировъ представлялъ собой центръ. Плеханова я почти не знала, я видѣла его разъ или два мелькомъ; одинъ разъ, помню отчетливо, это было на многолюдномъ собраніи землевольцевъ не задолго передъ моимъ отъѣздомъ; тамъ же я впервые видѣла и Трошанскаго¹⁾, вскорѣ затѣмъ арестованнаго. Плехановъ не появлялся ни разу у Малиновской все время, пока я тамъ жила, я не встрѣчала его также и въ домѣ Сивкова, куда потомъ переехала она вмѣстѣ съ Колѣнкиной, и гдѣ я нѣкоторое время жила съ ними; его не видѣла я также и въ квартирѣ Ольги Натансонъ, гдѣ жила я передъ отъѣздомъ за границу. Быть можетъ его и не было въ то время въ Петербургѣ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ.

Дмитрій Клеменцъ. Заговоривъ о землевольцахъ, я не могу умолчать о Клеменцѣ, вернувшемся осенью 1878 года изъ за границы и принявшемъ участіе въ газетѣ «Земля и Воля». Это былъ, подобно Морозову, старый и близкій другъ Кравчинскаго; обладая юмористическимъ складомъ ума, онъ былъ замѣчательно интереснымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ рассказчикомъ; народной рѣчью онъ владѣлъ въ совершенствѣ и подчасъ можно было заслушаться его бесѣды; его перу принадлежатъ, на ряду съ Саблинымъ, лучшія юмористическія и народническія стихотворенія въ революціонной литературѣ; это былъ человѣкъ по принципу отвергавшій организаціонныя узы, сковывающія индивидуальность и не смотря на то, что по приѣздѣ онъ сблизился съ «Землей и Волей», это не мѣшало ему саркастически отзываться объ этой организаціи и, насколько помнится, кличку «троглодитовъ» я впервые услышала отъ него, кажется, онъ и былъ ея творцомъ. Къ сожалѣнію, очень скоро, уже въ январѣ 1879 года революціонная семья потеряла его, онъ былъ арестованъ и административно сосланъ въ Сибирь. Итакъ, съ отъѣздомъ Кравчинскаго въ «Землѣ и Волѣ» начали возникать споры и недоразумѣнія все болѣе и болѣе обострившіе отношенія. Особенно крупнымъ яблокомъ раздора послужилъ вопросъ о царубійствѣ, поднятый частнымъ обращеніемъ Соловьева къ нѣкоторымъ болѣе красно настроеннымъ членамъ «Земли и Воли». Плехановъ рѣзко возсталъ противъ намѣренія Соловьева и заявилъ объ этомъ товарищамъ. Тѣмъ не менѣе Соловьевъ, лишенный почти всякаго содѣйствія, исполнилъ свое намѣреніе и попался за это головой. Не одинъ Плехановъ былъ противникомъ царубійства; многие революціонеры-народники раздѣляли его взглядъ, находя вообще, что каждый террористическій актъ, затрудняя дѣятельность въ народѣ, ничего кромѣ вреда не

¹⁾ Умеръ въ Сибирь.

приносить партіи. Такъ смотрѣли главнымъ образомъ тѣ, которые заняты были въ то время попытками революціонизировать народъ посредствомъ сближенія съ нимъ на культурной почвѣ, т. е. иначе говоря большинство старыхъ членовъ «Земли и Воли», — деревенщики, вошедшіе въ нее еще въ 1876—1877 гг. Удаленные отъ революціоннаго центра разстояніемъ и трудностью общеній, они не могли слѣдить за эволюціей общаго революціоннаго чувства, а наплывъ новыхъ элементовъ, которымъ они гостепріимно отворили двери своей организаціи, элементовъ уже ранѣе имѣвшихъ опытъ пропаганды въ народѣ и вынесшихъ изъ нея отрицательныя впечатлѣнія, наплывъ этихъ элементовъ послужилъ своего рода ферментомъ, подготовившимъ будущій расколъ организаціи «Земли и Воли», раздѣлившейся, годъ спустя, на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Софья Перовская. Какъ трудно было революціонерамъ-пропагандистамъ 70-хъ годовъ отрѣшиться отъ привычныхъ надеждъ, взлелѣянныхъ на почвѣ идеализаціи народа, какъ трудно было имъ перейти къ одинокой титанической борьбѣ съ властью, отрывавшей ихъ отъ народа, лучшимъ примѣромъ можетъ служить Софья Перовская.

Когда я встрѣтила ее впервые въ 1878 году, она была ярая народница. Я никогда не забуду этой первой встрѣчи. Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ моего приѣзда въ Петербургъ, часовъ въ 12 дня, на квартиру Малиновской вошла какая-то очень скромно одѣтая молодая дѣвушка; ея маленькое круглое личико съ большимъ лбомъ ребенка невольно поражало взглядъ, рельефно выдѣляясь на фонѣ простого чернаго платья, окаймленное широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ. Оно дышало молодостью и жизнью. Это была Софья Перовская. Она назвала себя и съ открытой простотой давняго знакомства поздоровалась съ нами, хотя я и бывшая тамъ Колѣвкина знали ее раньше только заочно. Она была видимо чѣмъ-то пріятно взволнована; мы обступили ее и вся запыхавшаяся еще отъ быстрой ходьбы, она рассказала намъ, какъ сегодня ночью на вокзалѣ въ Новгородѣ ей удалось бѣжать, перешагнувъ черезъ своихъ спящихъ конвойныхъ; выждавъ въ придорожныхъ заросляхъ прихода Петербургскаго поѣзда, она вскочила въ него безъ билета и утромъ была уже у одной своей старой подруги, откуда ее и направили къ намъ. При всей простотѣ этого разсказа, меня охватывала невольная дрожь, когда она описывала, какъ, задумавъ бѣжать и лежа укрытая на диванѣ въ дамской, она слѣдила за жандармами, расположившимися у порога на ночь; какъ въ началѣ при каждомъ звонкѣ, или шумѣ проходящаго поѣзда, жандармы вздрагивали и тревожно оглядывали ее, но убѣдившись, наконецъ, что она крѣпко спитъ, и сами заснули спокойнымъ сномъ; мало по малу звонки и шумъ поѣзда перестали будить ихъ и они больше не просыпались. Тогда она тихо, тихо встала, расположила свою одежду на диванѣ такъ, какъ будто она продолжала прикрывать

ея спящую фигуру, а сама, накинувъ платокъ на голову, снявъ обувь, легкая какъ тѣнь, перешагнула черезъ спящую стражу и невѣдомъ незамѣченная вышла на платформу, перебралась черезъ пути и спряталась въ прилежавшихъ кустахъ, ожидая поѣзда. Ей пришлось ждать цѣлый часъ и какой часъ! каждая минута его равнялась цѣлому году: малѣйшій шорохъ, лай ночной собаки, шелестъ листьевъ, все заставляло трепетать... Но вотъ давно жданный поѣздъ медленно вырисовался вдаль и, наконецъ, всталъ передъ нею—она была спасена... Теперь, забывъ всѣ муки пережитого томленія, она, радостная и свободная, дышала полною грудью въ кругу родныхъ ей по духу товарищей.

Вѣсть о бѣгствѣ Перовской быстро разнеслась по Петербургу; черезъ нѣсколько часовъ къ намъ, т. е. въ квартиру Малиновской, куда съ утра приходила Колѣвникова и гдѣ ночевала я, пришелъ Кравчинскій. Старый товарищъ Перовской по кружку Чайковского, онъ спѣшилъ сюда видѣть ее. Въ отношеніи Кравчинскаго къ этой дѣвушкѣ-полуробенку—такой она казалась съ виду—сказывалось столько глубокаго уваженія и какого-то какъ бы сдерживаемаго поклоненія, не нарушавшаго однако товарищескаго тона ихъ отношеній, что невольно останавливало на себѣ вниманіе. «Это замѣчательная женщина, говаривалъ онъ мнѣ потомъ, ей суждено совершить что нибудь очень крупное». Во время этой встрѣчи ихъ разговоръ сосредоточился на вѣстяхъ о центральной каторжной Харьковской тюрьмѣ. Кравчинскій принесъ съ собою и показалъ Перовской вышедшую вскорѣ послѣ убійства Мезенцева брошюру «За живо погребенные», составленную подъ редакціей Кравчинскаго по даннымъ, присланнымъ заключенными изъ Харьковской центральной тюрьмы¹⁾. Въ этой брошюрѣ съ убійственной реальностью описывались униженія и страданія, переживаемыя заключенными, и я видѣла какъ отуманилось лицо Перовской, за минуту такое радостное, когда Сергѣй сталъ перечитывать намъ нѣкоторые страницы. Въ Харьковской центральной тюрьмѣ сидѣли въ то время Мышкинъ сынъ народа и мощный революціонный ораторъ, къ которому она относилась почти съ поклоненіемъ; тамъ были и другіе ея товарищи по процессу 193-хъ, тамъ сидѣли также и осужденные по процессу 50-ти, самому суровому по числу приговоренныхъ въ то время на каторгу. Это чтеніе волновало насъ всѣхъ. Перовская уже раньше жила въ Харьковѣ, освобожденная по процессу 193-хъ, и теперь она опять рвалась туда, ближе къ этимъ страдальцамъ, въ надеждѣ устроить имъ побѣгъ или хотя бы поддерживать съ ними сношенія. Указанія Кравчинскаго на то, что страданія эти не остались безнаказанными, что Мезенцевъ искупилъ ихъ собственной смертью, не утѣшали ее; она рѣшила сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, не смотря на просьбы

¹⁾ Эта брошюра была написана Долгушинымъ; можетъ быть, при печатаніи она и подвергалась редактированію членовъ редакціи „Земли и Воли“.

нѣкоторыхъ друзей не спѣшить и пожить еще въ Петербургѣ, потому что побѣгъ изъ центральной Харьковской тюрьмы дѣло почти невозможное. Но Перовская еще вся была проникнута вѣрой въ возможность помочь имъ. Уступая просьбѣ товарищей, она прожила однако въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, помогая сближенію своихъ старыхъ товарищей съ организаціей «Земли и Воли»; такъ, она старалась сблизить съ нею Зубка, пригласивъ его какъ-то на квартиру Малиновской, но тотъ ѣхалъ въ Сибирь къ своей невѣстѣ и не остался; она написала также Льву Тихомирову, жившему въ то время вдали отъ революціонныхъ дѣлъ въ Ставрополь у родныхъ. Тихомировъ отозвался на ея призывъ, поддержанный другими товарищами, и впослѣдствіи, по отъѣздѣ Кравчинскаго, занялъ его мѣсто въ редакціи «Земли и Воли».

Устроивъ самыя необходимыя дѣла, Перовская собралась ѣхать. Кравчинскій, чтобъ чѣмъ нибудь ознаменовать прощаніе съ ней, вадумалъ собрать насъ всѣхъ болѣе близкихъ на оперномъ представленіи и взялъ литерную ложу. Давали «Пророка» Мейербера—оперу очень любимую въ революціонномъ кругу. Вообще революціонеры въ театры обыкновенно не ходили, но Сергѣю Кравчинскому всегда какъ то нравилось пытаться судьбу. Такъ, зная какъ усиленно искали тогда меня, онъ любилъ бывало пройтись со мною подъ руку по самымъ люднымъ улицамъ Петербурга и потомъ весело потиралъ руки, какъ послѣ удачной рекогносцировки. Тогда въ Петербургѣ, не смотря на облавы домовъ, арестовъ въ организаціи еще не было и всѣ поддались его отважной фантазіи. Насъ было въ ложѣ человекъ 11, все народъ очень нелегальный, тутъ былъ Адр. Михайловъ. Ал. Михайловъ, Морозовъ, Кравчинскій, Перовская, Колѣнкина, Баранниковъ, я, Оболюшевъ, Ольга Натансонъ и еще кто то. Мы собрались туда небольшими группами и просидѣли весь вечеръ подъ обаяніемъ музыки, наслаждаясь ощущеніемъ опасности, которая имѣетъ обыкновенно такую неизъяснимую прелесть въ молодости. Въ антрактахъ мы шутили и смѣялись на эту тему и говорили, сколько бы дало правительство за удовольствіе захватить сразу все это гнѣздо «злоумышленниковъ», но правительство меньше всего конечно могло искать насъ здѣсь. Тѣмъ не менѣе опасность висѣла уже надъ многими головами. Но на этотъ разъ судьба еще хранила Перовскую; на другой день она уѣхала въ Харьковъ и вернулась въ Петербургъ только черезъ годъ, въ концѣ лѣта 1879 года, когда узнала, что организаціи З. и В. грозитъ расколъ и что революціонное народничество грозитъ исчезнуть, какъ практическая задача минуты. Но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Перовской въ Петербургѣ произошли массовые аресты среди членовъ организаціи. Арестованы были Адр. Михайловъ, Сабуровъ (Оболюшевъ), Колѣнкина, Ольга Натансонъ, Малиновская и другіе, и только благодаря счастливой случайности многимъ удалось спастись: такъ, Морозовъ едва не попалъ

въ западню, устроенную полиціей въ квартирѣ Буланова, къ счастью были сумерки, и когда на его звонокъ вышелъ городской, онъ успѣлъ скрыться за выступъ стѣны. На квартирѣ Малиновской въ домѣ Сивкова, куда она переѣхала вмѣстѣ съ Колѣнкиной и гдѣ нѣсколько дней жила Перовская и я, могли попасться еще больше народа. Правда, надзоръ полиціи былъ замѣченъ, и квартира Малиновской временно объявлена была подъ карантинъ, но какъ разъ наканунѣ ареста Малиновская объявила, что полиція оставила ее въ покоѣ, что вѣроятно мы ошиблись и въ знакъ снятія карантина просила насъ притти къ ней на именинный пирогъ. Притти должны были многіе и въ томъ числѣ Сергѣй Кравчинскій. По счастью, когда Морозовъ, благополучно избавившись отъ засады на квартирѣ Буланова, пришелъ ко мнѣ въ 4-ю роту Измайловскаго полка, гдѣ я временно жила вмѣстѣ съ Ольгой Натансонъ, къ намъ зашелъ безъ звонка какой то незнакомый мнѣ молодой человекъ въ золотыхъ очкахъ и что то шепотомъ сообщилъ Морозову.

Это былъ А. Штанге, родственникъ О. Натансонъ, который пришелъ предупредить ее, что сегодня въ ночь въ домѣ Сивкова, гдѣ и онъ жилъ, произошелъ по разсказу прислуги серьезный обыскъ въ квартирѣ какихъ то двухъ женщинъ, было оказано вооруженное сопротивленіе одною изъ нихъ и обѣ были арестованы, а на квартирѣ оставлена въ засадѣ полиція. Сомнѣнія не могло быть, обыскъ былъ у Малиновской и стрѣляла, конечно, Колѣнкина, всегда носившая съ собой револьверъ и рѣшившаяся не отдавать своей свободы безъ сопротивленія. Выстрѣлъ Колѣнкиной могъ имѣть еще и то значеніе, что у Малиновской, занимавшейся приготовленіемъ необходимыхъ для конспиративныхъ цѣлей паспортныхъ печатей, могли быть важные образцы или подлинныя чьи нибудь чужіе документы, арестъ которыхъ могъ сгубить не мало лицъ и, оказывая сопротивленіе, она давала время Малиновской уничтожить ихъ. Штанге тревожно спрашивалъ объ О. Натансонъ, она весь день не появлялась, всѣ признаки были за то, что она арестована. Я жила у нея безъ прописки, и мнѣ въ тотъ же вечеръ пришлось оставить ея квартиру, которую можетъ быть ей полезно было открыть полиціи. Морозовъ пошелъ предупредить Кравчинскаго и другихъ объ арестѣ Малиновской, а мнѣ пришлось спѣшно искать другого убѣжища. Настоящаго чужого паспорта для меня тоже еще подыскать не удавалось, а съ фальшивымъ, въ это время усиленной травли, прописываться было очень опасно; обо всѣхъ вновь прописываемыхъ паспортахъ полиція дѣлала справки по телеграфу въ мѣстахъ выдачи документа, и самый арестъ квартиры Буланова и Колѣнкиной можно было объяснить только справками и выяснившейся подложностью паспортовъ.

Съ этого времени началось для меня довольно тяжелое и утомительное скитаніе по Петербургу, котораго раньше я не знала и гдѣ легально никогда не жила. Приходилось ночевать

то у тѣхъ, то у другихъ добрыхъ людей, правда оказывавшихъ мнѣ всегда самое радушное гостепрѣимство, но складъ жизни которыхъ, регулируемый той или другой профессіей, былъ со-вѣтъ не тотъ, къ какому мы привыкли въ нашей такъ сказать походной жизни. Меня тяготила также отчасти забота о томъ, что мое присутствіе подвергало нѣкоторому риску этихъ незнакомыхъ мнѣ людей, гостепрѣимство которыхъ было частью данью личнаго расположенія къ тѣмъ, кто приводилъ меня къ нимъ. частью молчаливымъ сочувствіемъ тому дѣлу, которому мы служили. Какъ бы то ни было, я до сихъ поръ съ глубокой благодарностью вспоминаю супруговъ Б—хъ, А—хъ, К—о, у которыхъ я провела по нѣскольку дней, и присяжныхъ повѣренныхъ Ольхина и Е. Корша; послѣднихъ двухъ я знала раньше, какъ защитниковъ по процессу 50-ти. Всего дольше я прожила у Е. Корша, оказывавшаго и раньше нѣкоторыя услуги организаціи «Земли» и Воли», а весною 1878 года содѣйствовавшаго В. П. Засуличъ, въ моментъ освобожденія ея изъ тюрьмы, удачно укрыться отъ преслѣдованія полиціи. Во время замѣшательства, вызваннаго выстрѣломъ Сидорацкаго, Е. Коршъ усадилъ В. Засуличъ въ экипажъ, который и умчалъ ее вонъ изъ толпы. Эта свобода куплена была однако не даромъ: молодой 17-ти-лѣтній Сидорацкій, недавно выпущенный по процессу 50-ти, палъ искупительной жертвой; одинъ изъ жандармовъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Е. Коршъ, издававшій въ то время газету «Сѣверный Вѣстникъ», напечаталъ также извѣстное письмо Вѣры Засуличъ, за которое и была закрыта его газета. Впрочемъ, онъ жаловался, что Петербургскіе собратья такъ доѣзжали его, что онъ и безъ того вынужденъ былъ закрыть ее. Я безъ чувства благодарности не могу не вспомнить и его жену, а также свояченицу, приходившихся близкими родственницами Смецкой—моего товарища по Цюрихскому университету; она была одной изъ видныхъ послѣдовательницъ Бакунина.

Любовь Смецкая, попавъ уже въ 1880-хъ годахъ въ ссылку въ Сибирь, вышла замужъ за бывшаго тогда въ ссылкѣ, а впоследствии получившаго извѣстность польскаго писателя Шиманскаго; по возвращеніи въ Россію Смецкая скоро сошла съ ума и умерла въ пріютѣ для душевно больныхъ, оставивъ по себѣ только одного сына; такъ и затерялась въ общемъ движеніи эта крупная сила почти безъ слѣда.

Присяжный повѣренный Ольхинъ. Довольно продолжительное время (съ недѣлю) провела я также у Ольхина, съ которымъ бесѣды были продолжительнѣе и носили уже нѣкоторый дѣловой характеръ. Тамъ бывали Кравчинскій, Морозовъ, Ал. Михайловъ, а раньше О. Натансанъ, Оболѣшевъ и другіе. Ольхинъ часто заводилъ рѣчь о земскихъ планахъ систематическихъ петицій къ правительству, о введеніи конституціоннаго представительства на Руси. Онъ говорилъ, что въ земскихъ сферахъ подумываютъ объ устройствѣ общеземскихъ съѣздовъ, но что

большинство земствъ такъ задавлено администраціей, что рассчитывать на единство дѣйствій невозможно. Напротивъ, мысль объ изданіи подпольнаго земскаго органа здѣсь въ Россіи, подобно тому какъ издается «Земля и Воля», считается многими земцами гораздо болѣе полезной и осуществимой; они просятъ только содѣйствія революціонной партіи въ дѣлѣ печатанія такого земскаго органа. Объ этомъ Ольхинъ и раньше бесѣдовалъ съ другими революціонерами, но какъ тогда, такъ и теперь ему неизмѣнно отвѣчали: «партія поможетъ вамъ перевезти шрифтъ изъ-за границы, поможетъ совѣтомъ какъ устроить типографію, считая смѣлую земскую борьбу полезной для общихъ цѣлей свободы, но самими держать тайную типографію для земской подпольной газеты партія согласится не можетъ; у нея слишкомъ много своихъ прямыхъ задачъ; но если земцы серьезно хотятъ внести лепту въ дѣло русской свободы, они должны умѣть, если придется, и серьезно пострадать за нее». На этомъ переговоры и оборвались.

Въ 1878 году революціонной партіи и вообще было не до земцевъ; благодаря усиленной охранѣ, правительство продолжало выхватывать все новыя и новыя жертвы изъ рядовъ партіи. Почти каждый день ей приходилось все болѣе и болѣе смыкать свои ряды. Друзья стали беспокоиться за Сергѣя Кравчинскаго: правда, уже кажется съ сентября онъ жилъ свободно по прекрасному настоящему паспорту; въ его квартирѣ у пяти угловъ не только происходили редакціонныя собранія «Земли и Воли», но къ нему захаживали иногда его ближайшіе друзья; но всѣ знали, что не сегодня, завтра какая нибудь роковая случайность можетъ стоить ему головы. Всѣхъ больше оберегалъ его старый товарищъ Д. Клеменць. Онъ упрямо настаивалъ, чтобъ Сергѣй уѣхалъ за границу, устроилъ все необходимое для этого и въ одинъ холодный ноябрьскій день С. Кравчинскій покинулъ Петербургъ, не предчувствуя быть можетъ, что больше никогда не суждено ему вернуться на родину и что не обнять ему больше многихъ, многихъ изъ его лучшихъ старыхъ друзей.

Мнѣ лично еще пришлось, однако, не разъ встрѣтиться съ нимъ на общемъ жизненномъ пути. Послѣ отъѣзда Кравчинскаго я не долго оставалась въ Петербургѣ; я была утомлена моимъ безпріютнымъ скитаніемъ, а подходящаго настоящаго паспорта не находилось, по которому я могла бы свободно жить. Чаше другихъ меня посѣщали у Е. Корша Н. Морозовъ и Ал. Михайловъ, который передъ арестами проэктировалъ было для меня роль пропагандистки въ молодежи, но теперь, послѣ короткаго дѣловаго обсужденія моего положенія, мы увидѣли, что при настоящихъ полицейскихъ условіяхъ пропагандой въ молодежи сколько нибудь продуктивно можетъ заниматься только лицо по возможности легальное, иначе оно само погибнетъ и повлечетъ за собой новыя безплодныя жертвы въ молодежи. Послѣ этого разговора, посоветовавшись еще съ нѣкоторыми товарищами, я

*

рѣшила уѣхать временно за границу, пока пройдетъ первый пылъ правительственнаго преслѣдованія. Морозовъ и Ал. Михайловъ совѣтовали мнѣ, пользуясь свободнымъ временемъ за границей, написать исторію дѣятельности нашей революціонной организаціи (лицъ, судившихся по процессу 50-ти) и женскаго студенческаго кружка, изъ котораго вышли женщины нашего процесса. Написать эту исторію просилъ меня также еще раньше и С. Кравчинскій. Такимъ образомъ, время пребыванія за границей я надѣялась провести не безъ пользы.

II.

Протившись съ моими новыми товарищами, такъ скоро ставшими мнѣ не менѣе родными, чѣмъ тѣ, которыхъ я еще такъ недавно потеряла, съ которыми я дѣлила общую работу, общія опасности, а затѣмъ тюрьму, осужденіе и ссылку, я наскоро собралась за границу. Мнѣ предстояло перебираться черезъ границу безъ паспорта при помощи евреевъ-контрабандистовъ. Такая переправа такъ вообще рискована и трудна, въ особенности для женщины, что я не могу умолчать о ней.

На Варшавскій вокзалъ меня проводилъ Н. А. Морозовъ, обѣщавшій аккуратно писать, а до Вильно ѣхала со мною студентка Фани Личкусъ, бывшая уже, какъ я потомъ узнала, женой С. М. Кравчинскаго. Это была симпатичная молодая дѣвушка, очень недурная собой. Она обладала хорошимъ сердцемъ и незаурядной дѣловитостью. Не смотря на свои двадцать три, двадцать четыре года, она умѣло устроила переправу, поручила меня вѣрнымъ контрабандистамъ и сама дождалась въ Вильно, или кажется даже въ Вилковишкахъ, пока меня не переправятъ благополучно.

Путешествіе съ контрабандистомъ. Я отдалась довѣрчиво и безропотно въ руки простого еврея съ традиціонными рыжими пейсами, которому меня поручила Фани. Онъ ѣхалъ со мною въ одномъ вагонѣ 3-го класса, переполненномъ еврейской бѣднотой. Крикъ многочисленныхъ дѣтей, визгъ измученныхъ растрепанныхъ женщинъ, гулъ гортанной непонятной мнѣ рѣчи, хлопотливая суета мушинъ, терпѣливо устраивавшихъ свои мечущіяся въ волненіи семьи, все это кружило мнѣ голову въ атмосферѣ плохо отапливаемаго грязнаго вагона, наполненнаго какимъ-то прѣлымъ запахомъ сушеной рыбы и лука, остатки которыхъ въ изобиліи покрывали полъ. Подъ вечеръ мы доѣхали до Вилковишекъ, гдѣ я вышла изъ вагона вмѣстѣ съ моимъ провожатымъ, который, ни слова не говоря, взялъ въ руки мой чемоданчикъ и сдѣлалъ знакъ, чтобъ я слѣдовала за нимъ; были уже сумерки короткаго зимняго дня. Спустившись съ крыльца станціи, мы подошли къ громаднымъ размѣровъ высокой телѣгѣ, какой я

раньше не встрѣчала (это былъ еврейскій фургоны); поперекъ этой телѣги было положено четыре или пять голыхъ досокъ для сидѣнья; поспѣшно, на перебой толкая другъ друга, карабкались по ступицамъ колесъ мущины и женщины, спѣша занять мѣста; надъ всей этой тѣсной группой людей стоялъ тотъ же своеобразный гомонъ голосовъ, какой провожалъ меня всю дорогу и который своей необычностью волновалъ меня. Только впоследствии на Востокѣ, на Каспійскомъ и Черноморскомъ побережьѣ, я встрѣчала ту же стихійную, непривычно волнующую громкую нескладную музыку толпы. Подъ гулъ этой крикливо-хриплой пугавшей меня музыки я кое какъ забила въ телѣгу на первое попавшееся самое неудобное мѣсто, и мы тронулись въ путь. На козлахъ съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ сидѣлъ молодой еврей въ грязномъ засаленномъ холщевомъ на ватѣ лапсердакѣ и погонялъ двухъ большихъ, но плохо кормленныхъ лошадей, которые съ трудомъ тащили насъ, человекъ по меньшей мѣрѣ, казался мнѣ, пятнадцать. Дорога была шоссевая, кругомъ разстилались поля, покрытыя снѣгомъ, кое гдѣ вырисовывались въ ночной мглѣ жалкія деревушки съ соломенными крышами и покачнувшимися заборами. Время отъ времени мы останавливались у какой нибудь придорожной корчмы, куда сбрасывались какіе-то узлы, иногда послѣ длинныхъ крикливыхъ переговоровъ высаживались люди и мы ѣхали дальше, окутанные глубокой ночной мглой—куда я не знала. Поздно ночью остановились мы, наконецъ, еще у какой-то, казалось, одиноко стоявшей въ полѣ корчмы, окна которой мигали издали своими тусклыми огнями; мой спутникъ слѣзъ съ фургона, сказалъ что-то по еврейски вышедшей на стукъ колесъ пожилой, довольно тучной еврейкѣ, покрытой большимъ платкомъ, лохмотья котораго свободно развѣивалъ ночной вѣтеръ. Она отвѣтила кивкомъ головы и мой спутникъ, схвативъ мой чемоданчикъ, живо посадилъ меня изъ фургона, потянувшася дальше развозить послѣднихъ пассажировъ.

Ночь въ корчмѣ контрабандистовъ. Когда я переступила порогъ и вошла въ сѣни, мнѣ навстрѣчу изъ полуотворенной двери налѣво вырвался такой громкій гулъ пьяныхъ голосовъ съ громкой отчетливой руганью на родномъ мнѣ русскомъ языкѣ, что сердце мое застучало такъ, какъ не стучало оно даже въ тотъ ночной часъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я пробиралась въ Сибири одна одишелька по спящимъ улицамъ маленькаго городишка, чтобы спрятаться въ пустынномъ придорожномъ лѣсу, гдѣ съ тревогой и надеждой поджидала до разсвѣта человекъ, присланнаго за мной товарищемъ Геллеромъ изъ Тюмени, чтобы отсюда бѣжать дальше въ Россію. Правда, здѣсь въ этой корчмѣ мнѣ предлагали кровь, я не рисковала здѣсь встрѣтить ни лѣсного авѣря, ни озвѣрѣвшаго бродяги, какъ въ Сибирскомъ лѣсу, но на меня пахнуло изъ-подъ этой гостепріимной кровли такимъ смрадомъ пьянаго вертепа, что сердце мое, пережившее не одну

тревогу, стучало и стучало, не слушаясь воли. Еврейка хозяйка, не обращая вниманія на мое невольное содроганіе, провела меня дальше въ сѣни и, закрывъ дверь налѣво, гдѣ бушевала пьяная ватага, провела меня въ маленькую холодную каморку направо, которая почти вся была занята высокой заваленной пуховиками кроватью подъ грязнымъ ситцевымъ пологомъ, да простой некрашенной скѣмьей, стоявшей въ углу. Хозяйка ломанымъ русскимъ языкомъ предложила мнѣ раздѣться и лечь въ постель, на что я сначала упрямо не соглашалась, но потомъ, когда она сказала мнѣ, что въ сосѣдней комнатѣ кутятъ пограничные солдаты, которые легко могутъ зайти сюда и увидѣть меня, и что мнѣ непременно нужно укрыться въ постели, упрямствовать было невозможно; я завернулась въ грязные пуховики, какъ была въ одеждѣ, и провела укасную безсонную ночь. Въ мою оставшуюся незапертой каморку нѣсколько разъ входили, о чемъ-то шептались, опять выходили; въ углу на скѣмьѣ кто-то громко храпѣлъ, а рядомъ, до разсвѣта, длилась пьяная оргія; я слышала возмутительную ругань, визгъ женскихъ голосовъ, покрывавшихъ звуки заунывной еврейской пѣсни, напѣваемой обрывающимся пьянымъ молодымъ но уже надтреснутымъ женскимъ голосомъ, вибрирующія дѣтскія нотки котораго порою до слезъ волновали душу. Насталъ наконецъ разсвѣтъ, оргія стихла. Вѣроятно, или всѣ заснули, или разбрелись. Черезъ скважину полога я могла видѣть уголь окна, выходившаго на грязный загроможденный всякой рухлядью дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ. Я поняла, что я заперта, что у меня нѣтъ другого выхода, какъ черезъ общую дверь, и я стала покорно ждать. Давно утратила я дѣтскую привычку молиться, но тутъ молитвенное настроеніе, давно позабытое, помимо воли охватило душу. Я чувствовала себя безпомощной щепкой, брошенной въ волны грознаго моря жизни: моя свобода, моя честь, моя судьба были въ рукахъ этихъ бѣдныхъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ ночными оргіями. Я знала, что какіе-нибудь три, пять рублей, которые обѣщала Фани за мой переходъ границы, были жалкимъ ничто, и я молила укрѣпить совѣсть этихъ людей — въ ней была моя единственная защита...

Переправа черезъ границу. Когда разсвѣтъ смѣнился яснымъ днемъ, ко мнѣ вошла вчерашняя еврейка-хозяйка; она принесла мнѣ подержанный шерстяной клѣтчатый платокъ, посоветовала спрятать мѣховую шапочку, бывшую на мнѣ, и, покрывъ меня этимъ платкомъ, вывела изъ корчмы.—Сейчасъ на часахъ стоитъ знакомый солдатъ, сказала она, и перейти границу можно. Не смотря на предстоящую новую опасность при переходѣ границы, я счастливо вздохнула, выйдя на просторъ и на свѣжій воздухъ. Я тутъ только узнала, что корчма расположена близъ мѣстечка или заштатнаго города Владиславова. Мы шли съ еврейкой рядомъ мѣрнымъ спокойнымъ шагомъ къ рѣчкѣ, черезъ которую виднѣлся неширокій деревянный мостъ; впереди шель вчерашній

мой спутникъ и несъ чемоданъ; я сама видѣла, какъ онъ перешелъ съ моимъ чемоданомъ по ту сторону рѣки и вошелъ тутъ же близко въ приличнаго вида каменный домъ, гдѣ и оставилъ мои вещи. Домъ этотъ оказался гостинницей пограничнаго нѣмецкаго мѣстечка, откуда идутъ omnibusы къ одной изъ ближайшихъ желѣзно-дорожныхъ станцій дороги на Берлинъ. Мы съ еврейкой, подойдя къ мосту, почему то перешли не сейчасъ; ей что то, очевидно условное, сказалъ солдатъ, и мы должны были опять вернуться и чего-то выждать. Это меня волновало. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, показавшихся мнѣ вѣчностью, мы вторично подошли къ мосту и на этотъ разъ безпрепятственно перешли на нѣмецкую сторону. Солдатъ пытливо обвелъ меня взглядомъ, но ничего не сказалъ; я открыто смотрѣла на него и онъ очевидно ничего не нашелъ подозрительнаго, ни въ моемъ лицѣ, ни въ фигурѣ и молча пропустилъ меня. На нѣмецкой сторонѣ стражи не было, и я безпрепятственно прошла въ гостинницу, гдѣ уже находились мои вещи. Еврею, несшему мой багажъ и поджидавшему меня тамъ, я дала немного мелочи (меня предупреджали, что щедрость при переправѣ черезъ границу опасна), за которую онъ благодарно снялъ шапку и оставилъ меня одну. Оказалось, что помимо меня было уже заказано мнѣ мѣсто въ omnibusѣ, отходящемъ на станцію къ вечеру, а пока мнѣ предложили занять номеръ.

Въ пограничной нѣмецкой деревенской гостинницѣ. Какой контрастъ между грязью корчмы, гдѣ я провела ночь и которая, казалось, со временъ Григорія Отрепьева не убиралась и не чистилась, какъ бы сберегая «пыль вѣковъ» на своихъ почернѣвшихъ стѣнахъ, и этой нѣмецкой деревенской гостинницей! Въ маленькой комнаткѣ, которую мнѣ отвели во второмъ этажѣ, было тихо и уютно; стѣны были крашены правда простой дешевой масляной краской, но очевидно каждую субботу мылись; кровать и умывальникъ также не заставляли желать ничего лучшаго. Небольшое чисто протертое окошко выходило на рѣчку; вдали въ синевѣ зимняго тумана видѣлась родная земля, несчастная, изстрадавшаяся, подневольная. Я долго глядѣла въ эту убѣгающую синеву сливавшася на горизонтѣ неба и снѣжнаго поля и меня какъ-то уже не радовала моя свобода...

Стукъ въ дверь вывелъ меня изъ раздумья. Мнѣ сообщили, что omnibusъ уже готовъ и ждетъ меня, и предложили что нибудь закусить на дорогу. Я съѣла бутербродъ и поспѣшно вышла. Передъ крыльцомъ стояла прекрасная вѣнская двухмѣстная каретка съ кучеромъ и почталыономъ на козлахъ. Я оказалась единственнымъ пассажиромъ этой каретки omnibusа; мое одиночество не пугало меня, напротивъ, я почувствовала себя прекрасно. Сидя удобно на мягкомъ бархатномъ сидѣньи, я задремала, тревоги прошлой ночи и этого дня утомили меня. Поздно ночью я подъѣхала къ одной изъ станцій желѣзнодорожной линіи Эйдкуненъ-Берлинъ и, взявъ билетъ 3-го класса до Женевы, покатила прямо

въ Швейцарію, гдѣ еще такъ недавно я проводила свѣтлые годы моего студенчества, гдѣ у меня было такъ много товарищей и друзей и гдѣ теперь я могла остаться совсѣмъ одинокой.

Пріѣздъ въ Женеву. Поездъ пришелъ въ Женеву часовъ въ 8 утра; я оставила на вокзалѣ вещи на сохраненіе и, несмотря на ранній часъ, отправилась въ русскую бібліотеку, адресъ которой я узнала у одного изъ группы носильщиковъ, поджидавшихъ обыкновенно приходящіе поезда. Я знала складъ жизни въ Швейцаріи и была увѣрена, что даже русское учрежденіе въ этотъ часъ будетъ открыто. Я не ошиблась, бібліотека была уже отперта; на столѣ лежала книга членовъ съ фамиліями и адресами.

Профессоръ Драгомановъ, редакторъ «Громады». Переглядывая эту книгу, я скоро отыскала нѣсколько знакомыхъ фамилій, въ томъ числѣ фамилію профессора Драгоманова, котораго я не много знала еще во время моего студенчества, когда онъ вмѣстѣ съ семьей своей путешествовалъ за границей и посѣтилъ Цюрихъ—центръ русской эмиграціи и студенческихъ кружковъ того времени за границей. Я была увѣрена, что Сергій Кравчинскій, если не былъ раньше знакомъ, то успѣлъ уже навѣрно теперь познакомиться съ Драгомановымъ, и что во всякомъ случаѣ черезъ него я скорѣе розыщу всѣхъ и вся, а потому сейчасъ же отправилась къ Драгоманову. По дорогѣ тамъ и сямъ я встрѣчала русскія лица—мужскія и женскія; это все были молодые, часто худые и истощенные дѣвушки и юноши, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ мѣстной упитанной студенческой молодежью, выдѣляясь бѣдностью своего наряда и какой-то не по возрасту озабоченностью взгляда. Встрѣчаясь со мною, они тоже узнавали во мнѣ свою, вѣроятно по моей слишкомъ зимней одеждѣ, и пытливо всматривались. Я отвѣчала имъ пріятливымъ взглядомъ, я знала, что рано или поздно мы должны встрѣтиться въ тѣсномъ кругу мѣстной русской колоніи. Драгоманова я застала дома; онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за литературной работой—онъ уже оставилъ тогда вмѣстѣ съ профессоромъ Зиберомъ кафедру въ Киевскомъ университетѣ и издавалъ въ Женевѣ журналъ «Громаду» на малороссійскомъ языкѣ, а также писалъ разнаго рода историческія работы. Жена его, красивая, но очень блѣдная и болѣзненная женщина, полулежала въ креслѣ столовой, куда провела меня дѣвушка—служанка, отправившаяся доложить обо мнѣ «г-ну профессору». Живой, любознательный Драгомановъ пришелъ сейчасъ же и сталъ спрашивать, что творится на Руси, о профессорскихъ кругахъ, о молодежи, о земцахъ; я старалась удовлетворить его любознательность, какъ могла, и у насъ незамѣтно пролетѣло время. Жена его была очень пріятлива, но говорила мало; она, очевидно, страдала тяжелой болѣзью, которая отнимала у нея всѣ силы. Она не могла даже присмотрѣть за своей маленькой 8-ми-мѣсячной дочкой, которой на моихъ глазахъ самъ Драгомановъ долженъ былъ перемѣнять бѣлье. Когда я встала,

чтоб проститься, Драгомановъ и жена его уговорили меня остаться обѣдать, говоря, что къ обѣду придетъ вѣроятно Сергѣй Кравчинскій и кое кто изъ сотрудниковъ «Громады», которые будутъ очень рады познакомиться со мной; а пока онъ предложилъ мнѣ перебраться къ нимъ въ пустую свободную комнату, имѣвшуюся у нихъ наверху. Я боялась стѣснить его больную жену, но она увѣряла, что будетъ рада, что присутствие мое въ домѣ поможетъ ей забыть ея нездоровье. Я согласилась. Драгомановъ самъ затопилъ каменнымъ углемъ калориферъ, чтобъ согрѣть мою комнату, и я невольно удивлялась мужеству этого человѣка, умѣвшаго мирить серьезную литературную работу съ уходомъ за больной женой и маленькимъ ребенкомъ, стараясь облегчить этимъ приготовившую обѣдъ служанку отъ всякой лишней работы. Черезъ часъ я уже устроилась въ моемъ новомъ жилищѣ, обставленномъ съ чисто русской простотой эмигрантовъ того времени: кромѣ жесткой походной кровати, небольшого некрашеннаго стола и плетенаго стула въ комнатѣ ничего не было, да мнѣ и ничего не было нужно. Небольшое оконце подъ сводчатой крышей моей мансарды выходило въ садъ, вдали виднѣлась чудная перспектива далекихъ горъ, и мягкіе переливы голубого озера радовали взоръ, заставляя забывать все мелкое, преходящее и ненужное. Только бы побольше тепла; я такъ навязалась въ нетопленныхъ европейскихъ вагонахъ, такъ ослабѣла отъ пережитыхъ волненій тюрьмы, суда и ссылки, что не могла согрѣться долго, долго, всю эту зиму.

Галицкій писатель Павликъ сотрудникъ «Громады». Устроившись и скоро переодѣвшись въ моей комнатѣ, я спустилась внизъ, въ столовую и тамъ застала уже въ сборѣ маленькое общество, расположившееся возлѣ тлѣющаго камина. Тутъ было нѣсколько молодыхъ людей, сотрудниковъ и наборщиковъ «Громады» и одинъ господинъ постарше—средняго роста брюнетъ лѣтъ тридцати пяти съ большими очень черными, какими то тусклыми глазами—это былъ Павликъ, сотрудникъ «Громады», извѣстный малороссійскій писатель галичанинъ, очень вліятельный у себя на родинѣ, какъ талантливый беллетристъ и организаторъ многочисленныхъ галицкихъ кружковъ. Онъ былъ гостемъ въ Женевѣ и собирался скоро уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ перваго знакомства, онъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать какъ быстро идетъ ростъ національнаго самосознанія въ Галиціи, благодаря воздѣйствію литературы; какъ это не нравится мѣстнымъ помѣщикамъ полякамъ, но какъ они, несмотря на всю ихъ политическую силу въ Австріи, должны мириться съ этимъ неприятнымъ для нихъ фактомъ... Когда онъ говорилъ это, его тусклые глаза загорались и я видѣла, что этотъ вопросъ—религія его жизни. Но меня, русскую, его радость умиляла, но не трогала. Я выросла въ русской деревнѣ и въ Москвѣ, центрѣ великой Руси, я привыкла съ дѣтства слышать и мечтать о чемъ то широкомъ, мировомъ, всепримиряющемъ, а тутъ я видѣла только радость побѣды въ узко мѣстной борьбѣ двухъ близкихъ отпрысковъ славян-

скаго племени, борьбѣ имѣвшей правда серьезные реальные корни въ социальномъ неравенствѣ мужика-русина, или, какъ выразился Павликъ, русскаго, увѣряя, что русины въ Галиціи называютъ себя русскими, и помѣщика поляка. Но зачѣмъ же борьбу съ этимъ социальнымъ неравенствомъ переносить на племенную почву, зачѣмъ создавать пропасть между двумя близкими народностями, которымъ въ Австріи слѣдовало бы скорѣе отстаивать свою болѣе широкую расовую (славянскую), а не узко племенную задачу, такую ничтожную передъ лицомъ всепоглощающаго германизма. Во время этой бесѣды въ столовую вошло еще нѣсколько гостей или лучше сказать обычныхъ посѣтителей Драгоманова; это были также соратники Драгоманова по «Громадѣ» все природные малороссы съ пѣвучей рѣчью и характерной гортанностью выговора. Почти одновременно съ ними вошла и старшая дочь Драгоманова, красивая дѣвочка лѣтъ 14-ти, только что вернувшаяся изъ школы. Послѣднимъ пришелъ Сергѣй Кравчинскій. Я бросилась къ нему на встрѣчу и мы обнялись, не смущаясь присутствующими и зная, что эти люди поймутъ нашу братскую радость и не перетолкуютъ ее. Скоро вошелъ Драгомановъ и всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Драгомановъ былъ веселъ и шутливъ. Я въ первый разъ слушала непринужденную бесѣду этого человѣка въ тѣсномъ семейномъ кругу; его рѣчь дышала жизнью; его широкія историческія познанія придавали бесѣдѣ глубокой, чисто философскій интересъ; но онъ не былъ человѣкомъ принудительно овладѣвающимъ словомъ; напротивъ, онъ cadaго вовлекалъ въ бесѣду.

Метранпажъ «Громады» Хома. Послѣ одного живописнаго разсказа изъ быта средневѣковой Италіи, исторіей которой Драгомановъ только что занимался въ Римѣ, онъ заставилъ своего метранпажа, по имени Хома, разсказать намъ, какъ онъ благополучно объѣздилъ Европу, побывалъ даже въ Парижѣ, нигдѣ не употребляя другого языка, кромѣ малороссійскаго. Это были рядъ комическихъ сценъ, заставлявшихъ хохотать всѣхъ присутствующихъ; Хома завершилъ свою рѣчь разсказомъ о томъ, какъ одинъ разъ въ Парижѣ, изъ ложной торопливости, онъ измѣнилъ своему родному языку и прибѣгъ къ языку французскому, но такъ неудачно, что съ тѣхъ поръ закаялся употреблять этотъ собачій языкъ, въ которомъ всѣ слова похожи одно на другое. — Судите сами, говоритъ онъ, я держу въ рукахъ горячіе сосиски, спѣшу домой, чтобъ онѣ не остыли, вспоминаю, что у меня нѣтъ горчицы, забѣгаю въ лавочку и второпяхъ говорю — «touchard!» Лавочникъ ничего не говоря почти въ шею выталкиваетъ меня; я роняю въ грязь мои бѣдныя сосиски и остаюсь безъ обѣда. Оказывается, нужно было сказать moutarde ¹⁾, а мнѣ на языкъ попало слово touchard ²⁾, которое такъ часто повторяютъ наши русскіе за границей... Драгомановъ и его Громадцы сами очевидно

¹⁾ moutarde — горчица.

²⁾ touchard — шпіонъ.

подсмѣивались надъ черезчуръ утрированнымъ украинофильствомъ, которое принимало на Руси иногда очень комическіе формы. Насколько потомъ я узнала Драгоманова, наблюдая его ближе, это *былъ* не только широко образованный и отъ природы очень умный человѣкъ, но и одаренный очень хорошимъ, очень гуманнымъ сердцемъ; я не могла читать его статей въ «Громадѣ», такъ какъ не легко понимала малороссійскій языкъ, но его бесѣды были всегда полны ума и глубокаго интереса. Правда, Сергѣй Кравчинскій, имѣвшій терпѣніе прочесть первые номера «Громады», наединѣ съ болѣе близкими, какъ чистокровный революціонеръ-соціалистъ, подсмѣивался надъ хохломанствомъ, узкая постановка идей котораго противорѣчила широкимъ задачамъ братства народовъ, лежавшимъ въ основѣ русскаго соціализма, не понимая, что Драгоманова, сжившагося со своими взглядами, не переубѣдишь; онъ падалъ въ немъ его святая святыхъ и не заводилъ бесплодныхъ споровъ.

Отношенія Драгоманова къ революціонерамъ. Но не всѣ представители русскаго соціализма смотрѣли такъ широко на право духовной свободы каждаго и черезъ нѣкоторое время, кажется въ 1881 году, Драгомановъ выступилъ со своимъ страннымъ заявленіемъ противъ русскаго соціально-революціонной партіи, которое надѣлало въ то время много шума. Меня въ то время не было въ Швейцаріи и я не знаю, какъ это произошло; его заявленія я не читала и не знаю, чѣмъ оно было вызвано, но думаю, что нѣкоторую роль въ этомъ сыграла и нетактичность нѣкоторыхъ революціонеровъ, но въ описываемое время (конецъ 78 и первая половина 79 г.) Драгомановъ очень симпатизировалъ намъ и относился къ революціоннымъ дѣятелямъ съ большимъ уваженіемъ, хотя кругъ его знакомствъ въ этой сферѣ не былъ широкъ. Такъ, не смотря на присутствіе въ это время въ Женевѣ Вѣры Засуличъ, Стефановича и Дейча, я ихъ не встрѣчала у Драгоманова и познакомилась съ нимъ нѣсколько времени спустя, кажется, просто при встрѣчѣ на улицѣ, когда въ первые дни моего приѣзда въ Женеву Сергѣй Кравчинскій былъ моимъ путеводителемъ, пока я не освоилась съ городомъ.

В. И. Засуличъ произвела на меня сразу очень симпатичное впечатлѣніе своей простотой и безыскусственностью. Она никогда не говорила о своемъ, какъ она шутила выражалась, «подвигѣ» и по натурѣ принадлежала вообще къ людямъ крайне замкнутымъ. Эта замкнутость особенно огорчала открытую натуру Сергѣя Кравчинскаго и онъ иногда съ грустью жаловался мнѣ на это. Когда В. И. бывала въ хорошемъ расположеніи духа, рѣчь ея блистала шутивными, часто мѣткими замѣчаніями, но иногда она бывала видимо тяжело настроена. «Самокритика заѣдаетъ», увѣрялъ меня Сергѣй. Онъ относился къ В. И. З. съ глубокимъ уваженіемъ, цѣнилъ ея прекрасную натуру, но находилъ, что она человѣкъ очень ограниченнаго круга привязанностей. Она была предана глубоко, безповоротно, на всю жизнь своимъ немногимъ друзьямъ, но въ

ней не было замѣтно широкаго интереса къ человѣческой душѣ вообще.

Сергій Кравчинскій заграницей. Чуткимъ отношеніемъ къ человѣческой душѣ вообще въ высокой мѣрѣ обладалъ самъ Сергій Кравчинскій и благодаря ему онъ былъ величайшимъ мастеромъ нравственнаго и идейнаго единенія въ революціонномъ мірѣ. Такъ, организація «Земли и Воли», послѣ крупныхъ осеннихъ арестовъ 1878 г., была обязана своимъ возрожденіемъ главнымъ образомъ С. Кравчинскому и Морозову, которые и придали ей тотъ новый яркій характеръ, какимъ запечатлѣлась дѣятельность этой организаціи конца 78-го и первой половины 79-го года, продолженіемъ которой является Липецкій съѣздъ, а затѣмъ потрясая весь міръ своей борьбой организація «Народной Воли» въ лицѣ ея Исполнительнаго Комитета перваго состава — «Великаго Комитета», какъ выражаются нѣкоторые... Подвергаясь ежеминутной опасности, Кравчинскій оставилъ Петербургъ только тогда, когда поставилъ окончательно на ноги газету «Земля и Воля» и берегъ ее, какъ воинъ бережетъ знамя. Сознательно цѣня нравственное единеніе, какъ величайшій цементъ революціоннаго дѣла, залогъ его преимущества и безсмертія, Кравчинскій скорѣе переоцѣнивалъ, чѣмъ недооцѣнивалъ людей и тѣмъ безсознательно подымалъ ихъ. Такъ, съ какимъ то почти священнымъ поклоненіемъ относился онъ къ изумительному опыту организаціи въ народѣ Стефановича, воскресившаго въ сущности самозванство въ концѣ XIX вѣка; обманъ возмущалъ Кравчинскаго, но изумительное знанье массы, умѣнье двигать ими восхищало его...

Намѣреніе Кравчинскаго поступить въ высшую военную школу въ Парижѣ. Быть вождемъ народнымъ было всегда мечтою самого Сергія Кравчинскаго, и въ описываемую минуту, заброшенный судьбою на чужбину, онъ мечталъ употребить свое время и свои крупнѣйшія способности на изученіе европейскаго военнаго дѣла и собирался, какъ онъ признался мнѣ по секрету, поступить подъ чужимъ именемъ въ высшую военную школу Франціи (Сенсирскую), гдѣ когда то воспиталъ свой геній Наполеонъ I-й. Но судьба немилостива къ намъ русскимъ, или лучше сказать, мы сами не бережемъ, не цѣнимъ и не умѣемъ подмѣчать во время проблески нашего генія.

Участіе въ Герцеговинскомъ и Беневентскомъ возстаніи. Суровыя обстоятельства сковали С. Кравчинскаго, размѣнивая на мелочи его крупнѣйшія боевыя силы; такъ въ 1876 году онъ дрался въ рядахъ герцеговинскихъ повстанцевъ, а затѣмъ участвовалъ въ Италіи въ возстаніи въ Беневенто. Но эти возстанія не имѣли и не могли имѣть тогда міроваго значенія и были для С. Кравчинскаго только практической школой для будущаго. Но великаго боевого будущаго дожидаться ему не пришлось. Оторванный отъ близкихъ, гордый и шепетильный, Кравчинскій принужденъ былъ зарабатывать кусокъ хлѣба въ Женевѣ тяжелымъ переводнымъ трудомъ. За годъ передъ тѣмъ онъ въ совершен-

ствѣ изучилъ итальянскій языкъ, сидя вмѣстѣ съ товарищами итальянцами въ беневентской тюрьмѣ, и овладѣлъ также языкомъ испанскимъ.

Работы Кравчинскаго. Теперь въ Женевѣ онъ взялся переводить съ испанскаго одинъ очень интересный романъ извѣстнаго испанскаго политическаго дѣятеля Каstellяра, рассчитывая помѣстить его въ журналъ «Дѣло», издатель котораго Благосвѣтовъ симпатично относился къ революціонерамъ. Сергѣй работаль со страстью безъ устали, какъ умѣеть работать только русскій. Онъ надѣялся получить сразу нѣсколько сотъ рублей и осуществить свою мечту о поступленіи въ Сенсирскую школу. Я помогала ему, пиша подъ его диктовку, что почти вдвое ускоряло дѣло. Такъ работаль онъ безъ передышки. Между тѣмъ, будь онъ менѣе щепетилень въ нравственномъ отношеніи, будь онъ только честолюбцемъ, онъ могъ бы сразу прогнѣть на всю Европу, а можетъ быть и повернуть по своему колесо исторіи. Случай къ тому давался ему прямо въ руки черезъ одного изъ товарищей.

Князь Петръ Крапоткинъ. Кромѣ перечисленныхъ мною эмигрантовъ, въ Женевѣ проживаль въ то время князь Петръ Крапоткинъ; въ описываемое время Крапоткинъ дѣлаль только первые шаги въ Европѣ и началъ издавать свою газету «Revolté». Это былъ въ то время маленькій листокъ пятисантимнаго типа, который издаваль Крапоткинъ на свои личные средства и еще съ трудомъ собираль подписчиковъ; каждый новый подписчикъ такъ его радовалъ, что какъ то разъ, я помню, онъ встрѣтилъ на улицѣ Кравчинскаго, и, забывъ поздороваться, безъ всякаго предисловія воскликнулъ:—А знаете, у «Revolté» есть уже подписчикъ въ Буэносъ-Айресѣ! Но какъ ни была ограничена подписка «Revolté», политическіе дѣятели Европы уже замѣтали князя Крапоткина. Въ самомъ дѣлѣ, Крапоткинъ работаль съ изумительной энергіей и не только отдаваль свое время «Revolté», но занималь еще у извѣстнаго коммунара—географа Реклю по географіи Россіи и успѣваль также бывать на рабочихъ собраніяхъ и говорилъ тамъ рѣчи, проповѣдуя анархическія идеи. Съ его именемъ начали мало по малу считаться.

Агенты Бисмарка и ихъ предложеніе. Разъ какъ-то Крапоткинъ конфиденціально сообщилъ Кравчинскому, а Кравчинскій по секрету повѣдалъ мнѣ:—Представьте, ко мнѣ явились агенты Бисмарка съ предложеніемъ уговорить кого-нибудь изъ крупныхъ русскихъ революціонеровъ издавать за границей большую русскую революціонную газету, на которую обѣщаютъ дать большія деньги. Сергѣй Кравчинскій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и когда Крапоткинъ, не называя Кравчинскаго, передалъ этотъ отказъ Бисмарковскому посланному, тотъ съ изумленіемъ воскликнулъ:—«удивительный народъ эти русскіе, они совсѣмъ не политики, вотъ посмотрите..... 1), тотъ не постѣснялся взять у

1) Иметь фамилія одного изъ самыхъ громкихъ политическихъ дѣятелей въ Европѣ. По понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся пока отъ ея напечатанія. *Ред.*

насъ деньги, и поглядите какъ выросла его 1)». Да, русскіе революціонеры не политики въ бисмарковскомъ вкусѣ, они не продаютъ себя и не покупаютъ другихъ. А какъ навѣрняка думалъ дѣйствовать этотъ агентъ Бисмарка! Въ то время новая эмиграція была такъ бѣдна, какъ можетъ быть бѣденъ только самый несчастный изъ пролетаріевъ во время крупнаго рабочаго кризиса. Заработки были рѣдки, присылки отъ родныхъ или друзей также рѣдки, и мы дѣлились ими по братски.

Мученическая вѣрность нравственнымъ принципамъ. Да, русскіе революціонеры и европейскіе парламентскіе дѣятели—величины несомнѣримыя. А будь у С. Кравчинскаго хорошія средства, міръ скоро заговорилъ бы о немъ; у него на это были всѣ внутреннія данныя, но темными средствами онъ пользоваться не хотѣлъ. Русскій революціонеръ стараго народническаго типа, какимъ продолжалъ быть Кравчинскій, несмотря на рѣзкую перемѣну приемовъ борьбы, нравственный принципъ ставилъ во главу угла своего политическаго credo; онъ былъ ближе къ христіанскимъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ социалистамъ Лассалевскаго времени. Бисмаркъ могъ дать деньги на русскую свободу только для того, чтобы держать ее въ рукахъ и задушить въ нужное ему время. Нѣтъ, наша свобода, вскормленная родной нищенскою сумой, дала и еще дастъ міру много нравственныхъ уроковъ, какъ бы ни старались враги поворить нынѣ ея лучшихъ бойцовъ, разсѣивая съ такимъ трудомъ спаянные кадры народные.

Да, наканунѣ крупнаго удара, готовившагося нашему правительству, Сергѣй Кравчинскій съ презрѣніемъ отвергъ предательскія услуги иностранца и дѣлилъ свое время между химическими опытами надъ какимъ-то новымъ взрывчатымъ веществомъ, матерьялы для которыхъ покупалъ на свои скудныя средства, и литературной работой надъ переводомъ испанскаго романа. Такъ работалъ онъ безъ усталы иногда часовъ по шестнадцати въ сутки и, пока я писала подъ его диктовку, онъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая дальнѣйшія фразы перевода. Дѣло шло у насъ хорошо и дружно; намъ жаль бывало потерять лишній часъ, чтобы идти пообѣдать, и Сергѣй наскоро притаскивалъ изъ сосѣдняго рабочаго ресторана большую миску супа на 20 сантимовъ и хлѣба; мы съѣдали это торопливо, часто стоя, чтобъ согрѣть оконченныя отъ холода руки и ноги.

Образъ жизни С. Кравчинскаго-эмигранта. Мы работали обыкновенно у Сергѣя, въ его комнатѣ нанятой имъ подешевле въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женевы съ узкими темными средневѣковыми улицами. Комната была обширная, съ двумя большими старинными запыленными, мелкорѣшетчатыми окнами; входъ былъ черезъ какой-то лабиринтъ сводчатыхъ корридоровъ, гдѣ всегда обдавало запахомъ мшистаго камня. Зима была очень

1) Идетъ названіе газеты того же дѣятеля.

холодная и въ комнатѣ стояла неимовѣрная стужа. Я писала завернутая съ ногъ до головы въ имѣвшійся у Сергѣя пледъ и все-таки ноги стыли, пальцы коченѣли. Сергѣй рѣдко позволялъ себѣ удовольствіе топить ржавую желѣзную печку стоявшую посреди комнаты: она требовала такъ много дровъ, дрова въ Швейцаріи были такъ дороги и намъ никогда не удавалось вдоволь нагрѣть ее—комната была слишкомъ обширна, это единственная роскошь, какую онъ себѣ позволялъ; ему нуженъ былъ просторъ; шагать взадъ и впередъ по комнатѣ было для него насущной потребностью, это облегчало работу. Въ немъ былъ и другой пережитокъ барства, онъ имѣлъ отвращеніе къ керосиновымъ лампамъ, запаха которыхъ не выносилъ, и завелъ для работы масляную лампу, что обходилось конечно дороже. Въ февралѣ наша работа, обширный испанскій романъ страницъ въ 600 была готовъ; С. Кравчинскій отправилъ его въ Россію и принялся за переводъ другого уже итальянскаго романа «Спартакъ», впоследствии напечатаннаго въ журналѣ «Дѣло» уже въ бытность редакторомъ Станюковича. Испанскій романъ такъ и остался въ то время не напечатаннымъ и нашъ трудъ пропалъ даромъ, а съ нимъ и надежда Сергѣя пробраться въ Сенсирскую школу. Этотъ планъ нарушило еще и другое обстоятельство.

Пріѣздъ жены С. Кравчинскаго. Жена Сергѣя — Фанни Личкусъ должна была стать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ матерью, и другъ его Клеменцъ, извѣщая его объ этомъ, сообщилъ, что Фанни хочетъ ѣхать къ нему за границу и что Клеменцъ съ своей стороны находить это необходимымъ и для нея и для Сергѣя. Мы стали ждать Фанни; она на нѣсколько дней запоздала, и Сергѣй тревожился; наконецъ въ концѣ февраля, а можетъ быть и въ мартѣ она пріѣхала очень измученная, несмотря на свое цвѣтущее здоровье. Ея путешествіе, какъ оказалось, далеко не было такъ удачно, какъ мое; она попала при переходѣ границы въ карантинъ, устроенный нѣмцами по случаю чумы (на рогаый скотъ), и ее недомогающую и взволнованную, подовѣвая въ контрабандѣ, продержали на германской границѣ нѣсколько дней, грозя вернуть въ Россію, и только послѣ усиленныхъ просьбъ позволили ѣхать дальше въ Европу. Почему Ф. Личкусъ, тогда вполне легальная студентка, предпочла контрабандный переходъ черезъ границу, я не знаю, но думаю, что она хотѣла сохранить свое имя политически незапятнаннымъ ея близостью къ эмигрантамъ, чтобы не отрѣзать себѣ возвращенія на родину.

По пріѣздѣ Фанни, Сергѣй нанялъ себѣ другую, болѣе веселую и свѣтлую квартирку изъ двухъ, правда очень маленькихъ комнатъ. Намъ пришлось прервать на время наши общія переводныя работы; одинъ изъ членовъ нашей колоніи эмигрантъ-вечаевецъ, очень симпатичный человекъ и хорошій товарищъ, князь Черкезовъ, уѣзжая въ Парижъ для организаціи анархической пропаганды среди парижскихъ рабочихъ, передалъ мнѣ одинъ очень хорошо оплачиваемый урокъ, отнимавшій у меня

нѣсколько часовъ въ день. Я правда продолжала ежедневно посѣщать Сергѣя и Фанни, но уже не для работы надъ переводомъ, къ которому Сергѣй охладѣлъ послѣ неудачи съ романомъ Каstellяра, а для уроковъ итальянскаго языка, которые онъ мнѣ давалъ на досугѣ. Благодаря знанію языка французскаго и отчасти латинскаго, языкъ итальянскій давался мнѣ легко. Вторую половину «Спартака», длительно печатавшагося въ «Дѣлѣ», я переводила въ 1880 г. уже одна и Сергѣй находилъ мой переводъ очень хорошимъ и точнымъ. Сергѣй старался также помочь мнѣ овладѣть живой итальянской рѣчью; такъ онъ постоянно говорилъ при мнѣ по итальянски съ посѣщавшимъ его почти ежедневно членомъ Бакунинской (романской) секціи интернаціонала, товарищемъ Сергѣя по Беневенто—Малатеста.

Это была очень симпатичный молодой человекъ, съ живой рѣчью и большими выразительными глазами. Я впрочемъ не рѣшалась еще тогда говорить по итальянски и, когда разговоръ оживлялся, онъ неизмѣнно сворачивалъ на языкъ французскій и тогда становился общимъ. Впрочемъ Фанни продолжала недомогать и рѣдко участвовала въ бесѣдѣ. Мои уроки у Сергѣя занимали недѣловые его часы, но и отдыхъ его былъ полонъ труда; такъ, слѣдя за моимъ итальянскимъ чтеніемъ и поправляя мои ошибки въ грамматическихъ формахъ, Сергѣй, не смотря на мои протесты и на протесты своей жены, стоя у камина, страпалъ обѣды, и этотъ учитель мой съ закоптѣлой сковородкой въ одной рукѣ и посудной щеткой въ другой, былъ лучшимъ, какого я когда либо знавала, а моими преподавателями были не только заурядные студенты, какъ водилось встарь, но и лучшіе профессора Москвы, преподававшіе на первыхъ женскихъ курсахъ III гимназіи. Да, хорошее это было время для меня, но я съ тоской и грустью вспоминаю его: Сергѣю съ его изумительными способностями такъ и не удалось выбиться изъ полунищенской жизни, растратившей его гигантскія силы иногда на ничтожные пустяки.

Послѣдній ударъ историческаго кинжала. Одаренный поэтической складкой, а потому временами суевѣрный, Кравчинскій рабъ, раскалывая щепки для камина, сломалъ свой историческій кинжалъ, убившій Мезенцева; это былъ итальянскій четырехгранный клинокъ длиною не болѣе 6-ти вершковъ съ цѣльной выкованной ручкой, покрытой тонкой пропаянной проволоочной сѣтью. Хрупкая сталь отъ неловкаго удара по твердому сучковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Сергѣя. Онъ, пораженный, остановился и долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ вѣтромъ.

Картина казни Пасанантэ. Я видѣла Сергѣя такимъ еще разъ: то было во время нашей совмѣстной работы надъ испанскимъ романомъ; захожу въ комнату, онъ неподвижно стоитъ надъ столомъ, я подхожу ближе, онъ шаговъ моихъ не слышитъ, заглядываю изъ за плеча и вижу на столѣ развернутый номеръ иллюстрированнаго журнала; я отшатнулась, на столѣ лежало

изображеніе казни Пасанантэ, недавно передъ тѣмъ осужденнаго въ Мадридѣ и казненнаго какой-то средневѣковой казнью посредствомъ задушенія металлическимъ ожерельемъ, зачинчиваемымъ сзади. Лицо казненнаго не было покрыто саваномъ и глядѣло съ картины во всей своей ужасающей реальности. Я молча вырвала эту картину изъ-подъ глазъ Сергѣя и онъ только тогда очнулся. Зачѣмъ смотрѣть такія вещи, сказала я.—Отчего же не смотрѣть, это надо, коротко отвѣтилъ онъ. Вообще, когда Сергѣя не душила работа, онъ нерѣдко бывалъ мраченъ; мы шли тогда куда-нибудь, чаще къ Стефановичу, Дейчу, или Вѣрѣ Засуличъ, съ которыми у насъ все-таки было несравненно больше общаго, чѣмъ съ эмигрантами другого времени, а иногда забирались далеко за городъ. Наступила весна, изъ Россіи писали намъ не всегда хорошія вѣсти. Иногда, не получая своевременно писемъ отъ Морозова, мы волновались съ Сергѣемъ.

Выстрѣлъ Соловьева. Выстрѣлъ Соловьева (2-го апрѣля), для насъ неожиданный, очень взволновалъ всѣхъ. В. И. Засуличъ три дня скрывалась въ тяжелой хандрѣ; она не оправдывала такого направленія дѣятельности; мнѣ порой казалось, что всякій подобный насильственный актъ (покушеніе на Дрентельна и проч.) особенно сильно билъ ее по нервамъ, такъ какъ она сознательно, а можетъ быть, и бессознательно приписывала себѣ первый шагъ въ этомъ направленіи дѣятельности, явно клонящейся въ сторону активной борьбы съ правительствомъ. Стефановичъ и Дейчъ, равно какъ и другіе эмигранты отнеслись къ выстрѣлу Соловьева несравненно терпимѣе и только замѣчали, что это можетъ помѣшать работѣ въ народѣ. Сергѣй Кравчинскій напротивъ говорилъ, что личный опытъ всѣхъ насъ показалъ, что и раньше сколько-нибудь широкая работа въ народѣ была невозможна, что то, что можно было сдѣлать, сдѣлано, и рабочіе сами могутъ теперь продолжать начатое дѣло пропаганды съ несравненно меньшими жертвами, чѣмъ интеллигенты, а для того чтобы широко поставить дѣятельность въ народѣ, необходимо добыть хоть minimum свободы политической, свободы слова и союзовъ, и только тогда народъ широкой волной примкнетъ къ социалистическому знамени.

Сборы въ Россію Стефановича, Дейча, Вѣры Засуличъ и мои. Мы всѣ чувствовали, что назрѣваетъ крупный историческій моментъ, изъ Россіи сообщали, что настроеніе крѣпнетъ, кадры дѣйствующей группы расширяются, звали насъ и обѣщали прислать за нами хорошаго мастера пограничной переправы. Стефановичъ, Дейчъ, Вѣра Засуличъ и я рѣшили ѣхать въ Россію, и чтобы замести слѣды передъ шпионами, сняли маленькій домикъ въ горахъ надъ Montreux, въ Les Avants, куда и переѣхали всѣ и, кромѣ насъ, А. Эпштейнъ, Сергѣй и его жена Фанни. Вскорѣ Фанни должна была уѣхать въ Бернъ, такъ какъ ей нужна была хорошая медицинская помощь. Сергѣй видимо волновался и разрывался на части; съ одной стороны ему хотѣлось провести по-

слѣдніе дни съ нами, его друзьями, которыхъ ему быть можетъ не суждено было встрѣтить, съ другой, въ Бернѣ была его жена, готовившаяся со дня на день стать матерью. Мы всѣ, люди не семейные, не могли вполнѣ войти въ его положеніе и желали подольше сохранить его для себя. Мѣсяцъ пребыванія въ Les Avants остается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Конспиративныя приготовленія къ отъѣзду въ Россію. Нашъ домикъ въ двѣ небольшія комнаты стоялъ одиноко прилегая къ скалѣ; впереди разстилалась зеленая поляна, а кругомъ тѣсной стѣной окружалъ могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая, воздухъ былъ напоенъ весной, всѣ склоны горъ усѣяны цвѣтущими бѣлыми нарцисами, распространившими упоительный аромат; кругомъ полная величественная тишина природы, которая успокаивала душу, какъ бы отрывая ее отъ земли. В. З. и я, мы занимали одну комнату; съ утра она уходила гулять въ горы, а я часа три писала мои записки о студенчествѣ въ Цюрихѣ и о времени пропаганды организаціи 50-ти на московскихъ фабрикахъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Я спѣшила закончить эту работу до отъѣзда въ Россію. Другую комнату занимали А. М. Эпштейнъ, а днемъ ею пользовались, какъ общей пріемной. Мушкетеры—Сергій Кравчинскій, Стефановичъ, Дейкъ спали на чердакѣ, представлявшемъ собою прекрасно провѣтриваемый чистый сѣноваль. Несмотря на близость горной гостиницы, мы стряпали дома, гостиница намъ была не по карману. Всего больше труда доставалось студенткѣ А. М. Эпштейнъ, которая избѣгала всякой помощи съ нашей стороны, увѣряя, что намъ нужно отдохнуть, что намъ предстоитъ трудный путь, а она остается на мѣстѣ. Все время до обѣда домикъ былъ почти пустъ, но къ обѣду собирались всѣ—кто съ овощами, кто съ фруктами, кто съ провизіей на завтрашній день, которую приходилось запасать внизу въ Montreux; стола не выносили, потому что не было достаточно ни скамеекъ, ни стульевъ, а усаживались на лужайкѣ передъ домою и обѣдали по походному, разостлавъ скатерть на травѣ. Въ дурную погоду обѣдали въ кухнѣ. За обѣдомъ каждый дѣлился своими впечатлѣніями, слышались шутки, смѣхъ. Всѣхъ радовала полная безусловная свобода, въ какой мы жили: ни города, ни его стѣсненій, а въ особенности ни духу шпіонскаго, что предвѣщало намъ удачную переправу въ Россію.

Зунделевичъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Зунделевича (вполнѣдствіи былъ осужденъ по процессу 16-ти на вѣчную каторгу), который уже выѣхалъ за нами и былъ еще занятъ выполненіемъ другихъ порученій. Мы заочно знали его, какъ человѣка очень крупнаго по энергіи, дѣятельнаго и цѣннаго въ организаціи, а при личномъ знакомствѣ, онъ очаровалъ насъ товарищеской простотой, искренностью и задумчивостью. Мы сразу стали съ нимъ друзьями. Сергій Кравчинскій, проживъ въ Les Avants дней десять, получилъ спѣшную телеграмму и уѣхалъ въ Бернъ. Черезъ нѣсколько

дней мы узнали, что у него преждевременно родился сынъ и про- живъ дня два умеръ отъ слабости. Мы были всѣ очень огорчены этимъ. Тревожная переправа черезъ границу два-три мѣсяца назадъ отразилась, быть можетъ, на здоровьѣ матери и на жизни ребенка. Черезъ нѣкоторое время Сергѣй, вмѣстѣ съ женой своей еще слабой, поблѣднѣвшей и грустной, пріѣхалъ къ намъ въ Les Avants. Наше пребываніе въ Les Avants близилось къ концу. Пріѣхалъ Зунделевичъ, и хотя я просила его остаться еще нѣсколько дней и дать мнѣ кончить мою работу, но онъ настаивалъ, что нужно спѣшить, говорилъ, что насъ ждутъ со дня на день.

Обратная поездка въ Россію моя, Стефановича и другихъ. Пришлось повиноваться. Дня черезъ два мы, т. е. В. И. Засуличъ, Стефановичъ, Дейчъ и я, простились съ Сергѣемъ, его женой и А. М. Эпштейнъ и утромъ, почти безъ вещей, какъ бы идя на обыкновенную прогулку, пѣшкомъ спустились въ Montreux и оттуда никѣмъ незамѣченные съ первымъ поѣздомъ на Бернъ уѣхали въ Россію. Никто не провожалъ насъ. Сергѣй дошелъ съ нами только до конца обрамленной лѣсомъ дороги и, крѣпко обнявъ каждого, долго стоялъ одинокій, провожая насъ взглядомъ. «Пусть мнѣ напишутъ, если я буду тамъ нуженъ»,—сказалъ онъ мнѣ—я общалась... Но его берегли и не рѣшались вызвать, а кто знаетъ, можетъ быть онъ внесъ бы своей могучей индивидуальностью единеніе и братство въ разбредавшуюся революціонную среду, и на почвѣ нравственнаго единенія сумѣлъ бы примирить крайніе оттѣнки мнѣній въ общемъ дружномъ синтезѣ. Но этого не случилось. Высокая оцѣнка боевыхъ силъ Сергѣя Кравчинскаго затмевала передъ товарищами его изумительную силу нравственную, благодаря которой ему удавалось сближать украинофила Драгоманова, анархиста Кропоткина, шестидесятника-землевольца Жуковскаго, итальянскаго революціонера Каферио и французскаго коммунара Лефрансэ—людей не только различныхъ политическихъ взглядовъ, но и различной культуры. Только нечаевца-Ткачева онъ сторонился, считая въ революціи всѣ жанры хорошими, кромѣ якобинскаго и самодержавнаго. Его всѣ любили, всѣ ему вѣрили. А Сергѣю хотѣлось, очень хотѣлось ѣхать, и не будь съ нимъ за границей большой жены, вся судьба его сложилась бы вѣроятно иначе. Правда, ему, какъ и очень многимъ пришлось бы вѣроятно умереть на эшафотѣ, но развѣ лучше та ужасная смерть, какая выпала на его долю послѣ 17-ти лѣтъ безотраднато томительнаго изгнанія, въ безплодной тоскѣ по великому дѣлу и въ вѣчномъ исканіи скуднаго куска хлѣба?!..

Сергѣй не поѣхалъ; мы, отъѣзжавшіе, были спокойнѣе и счастливѣе его. Намъ ѣхало, считая Зунделевича, пять человекъ сразу. Перебраться была намъ задача не легкая. Мы ѣхали день и ночь безъ остановки, сначала въ третьемъ классѣ, стараясь ни костюмомъ, ни русской рѣчью не обращать на себя вниманіе. Зунде-

левичъ давалъ практическіе совѣты, у него былъ уже опытъ. Пожалуйста, не нахлобучивайте на глаза шляпу, говорилъ онъ намъ, а то мнѣ съ вами будетъ исторія, какъ съ О. Ковалекъ, которую перевозилъ прошлую осень. Она такъ конспиративно закрывала лицо шляпой, что ей стали заглядывать уже подъ шляпку и тѣмъ очень смущали меня. Рѣшено было перебраться двумя партіями, сначала я со Стефановичемъ, а потомъ В. Засуличъ съ Дейчемъ. По Германіи, для сокращенія расходовъ, а отчасти и для конспираціи, Зунделевичъ засадилъ насъ въ вагонъ 4-го класса. Вагоны были переполнены рабочими преимущественно еврейскимъ пролетаріатомъ и женщинами торговками, ѣхавшими съ большими корзинами овощей въ ближайшіе города и мѣстечки; дальнихъ пассажировъ было очень немного. Каждый разъ послѣ остановки вагонъ набивался сразу такъ, чтодохнуть было невозможно. Зунделевичъ успѣлъ, впрочемъ, какъ-то занять для насъ мѣсто у стѣны, гдѣ поставилъ какой то чемоданчикъ для сидѣнья, котораго я у него раньше не видѣла. Оказалось, онъ такъ спокойно относился къ предстоящей переправѣ, что успѣлъ забѣжать въ магазинъ бѣлья и платя въ Берлинѣ и набралъ тамъ «возмутительно дешево», какъ онъ увѣрялъ, разныхъ воротничковъ, манишекъ, жилетовъ и проч. А вдругъ у васъ все это отнимутъ, шутили мы. «Нѣтъ, это везти не опасно, а вотъ бумаги и книги, за это можетъ нагорѣть и я не знаю, какъ я переправлю и переправлю ли еще вашу тетрадку», сказалъ онъ мнѣ. Я просила дать мнѣ ее съ собой, но онъ наотрѣзъ отказалъ, говоря, что это можетъ сгубить всѣхъ. Прѣздъ въ 4-мъ классѣ очень утомилъ насъ: было неимоვნю жарко; выходить изъ вагоновъ съ высокими подножками товарнаго вагона было очень трудно, а намъ на дорогу Зунделевичъ запасъ еще въ Берлинѣ соленыхъ консервовъ буйволинаго мяса; это въ свою очередь возбуждало такую жажду, которая подчасъ была неимоვნю мучительна. Мы шути говорили Зунделевичу, что онъ нарочно подвергаетъ насъ этому маленькому искусу, чтобы все дальнѣйшее показалось намъ пустяками.

Совмѣстный переходъ границы въ Россію. Дѣйствительно, переходъ за границу произошелъ крайне просто, но совѣтъ не такъ, какъ перебиралась я изъ Россіи. Было часовъ 5 дня; нарядивъ Стефановича въ еврейскій картузь и давъ мнѣ покрыться большимъ платкомъ, Зунделевичъ предупредилъ заранѣе, что намъ придется пройти черезъ караулку пограничнаго солдата и что я должна фигурировать, какъ еврейка, не знающая по русски. Стефановичу разрѣшалось говорить, но по возможности съ еврейскимъ акцентомъ. Мы прошли съ версту по опушкѣ молодой березовой рощи, по какой то узкой тропинкѣ, которая привела насъ къ пограничной караулкѣ; мы шли гуськомъ—впереди Зунделевичъ, за нимъ Стефановичъ, за Стефановичемъ я; первый вошелъ Зунделевичъ, непринужденнымъ жестомъ открывъ дверь; посрединѣ пустой деревянной избы стоялъ качаясь на ногахъ очень

пьяный солдатъ и держалъ въ рукахъ—въ одной почти выпитую бутылку водки, въ другой стаканъ. Я замѣтила въ эту минуту, что и у Зунделевича изъ кармановъ выглядывали горлышки двухъ бутылокъ. Солдатъ ступилъ, шатаясь, шага два намъ на встрѣчу, всматриваясь съ любопытствомъ въ лицо Стефановича, а потомъ и мое. Да неужто жъ ты еврей? спросилъ онъ Стефановича. Тотъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вмѣшался Зунделевичъ и сказалъ: да что ты не помнишь его что-ль, онъ еще недавно былъ у тебя, это мой родственникъ.— Э чортъ съ вами; на, выпей; и онъ, разливая водку на грязный полъ, подаль стаканъ Стефановичу; тотъ отхлебнулъ.— Да ты пей все, крикнулъ солдатъ и потрясъ въ воздухъ бутылкой.— Выпьетъ, отвѣтилъ Зунделевичъ; а вотъ мы тебѣ принесли сладкой, хорошей, не твоей зеленой чета; Зунделевичъ вынулъ изъ кармана бутылку съ какой то красной жидкостью и затѣйливомъ ярлыкомъ; незамѣтно выплеснувъ водку изъ стакана Стефановича, онъ налилъ туда дрянной наливки и подаль солдату.— «Теперь пусть пьетъ его жена», сказалъ солдатъ, указывая на меня.— Нѣтъ, послѣшилъ вмѣшаться Зунделевичъ, она больна и не пьетъ. Солдатъ не настаивалъ, а укоризненно посмотрѣвъ на меня, самъ осушилъ стаканъ до дна, всасывая жидкость съ какимъ то присвистомъ.— Ну, ступайте, махнулъ онъ намъ рукой и обнявъ, обѣ бутылки, грузно сѣлъ на скамью у стола. Мы вышли и благополучно миновали всѣ три пограничныхъ кордона, для чего пришлось пройти еще версту или двѣ пѣшкомъ. Мы были наконецъ на настоящей русской землѣ, внѣ пограничной охраны.

Проводивъ насъ на поѣздъ, Зунделевичъ вернулся обратно, чтобы завтра переправить такимъ же способомъ В. Засуличъ и Дейча, что удалось ему также благополучно. Одного онъ не сдѣлалъ, о чемъ я очень жалѣла да и онъ самъ жалѣлъ, онъ такъ и не переправилъ моей рукописи; онъ поручилъ ее тамъ кому-то, рассчитывая скоро еще проѣхать и тогда уже взять ее. Но этого не случилось и рукопись, которую я писала подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, такъ и пропала. Для меня она была живою памятью прошлаго, послѣдней данью погибшимъ товарищамъ (сурово осужденнымъ по процессу 50-ти), у которыхъ кромѣ меня никого близкаго не было въ то время на волѣ. Но Зунделевичъ естественно думалъ тогда о живыхъ.

О. Любатовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бакунинскіе цареубійцы.

Николаю I едва ли не больше всѣхъ своихъ предшественниковъ пришлось испытать, что значить дрожь и лихорадка предсмертнаго страха. 14 декабря, идя на Сенатскую площадь, онъ не рассчитывалъ вернуться живымъ. Затѣмъ агенты учрежденнаго имъ для своей охраны III Отдѣленія не разъ доносили о заговорахъ на жизнь „обожаемаго монарха“. 7 сентября 1848 года, при проѣздѣ по Познани въ каретѣ, Николай I случайно не былъ убитъ выпущенными кѣмъ то чуть не пятнадцатью пулями ¹⁾.

Поэтому понятно, какъ страшились его тѣлохранители за жизнь ихъ императора, когда въ Европѣ грянулъ громъ революціи 1848 года. Были приняты всѣ мѣры для самой тщательной охраны. И вдругъ, среди этой напряженной ажитации, 6 іюня, въ руки шефа жандармовъ гр. Орлова, попадаетъ такое сообщеніе:

„Бывшій російскій чиновникъ, лишенный, за невозвращеніе изъ-за границы въ отечество, всѣхъ правъ состоянія, Михайль Бакунинъ, находясь нынѣ въ Брацлавѣ, въ Пруссіи, подкупилъ двухъ польскихъ выходцевъ, уроженцевъ Подольской губерніи, братьевъ Станислава и Антона Виговскихъ, изъ которыхъ первому 40 лѣтъ, а второму 32 года, отправиться въ Россію съ преступнымъ намѣреніемъ посягнуть на жизнь Государа Императора. Бакунинъ успѣлъ достать для нихъ паспорта, могущіе служить для путешествія по всей Россіи, и Виговскіе на платкахъ своихъ будутъ имѣть знакъ

С. М.

Р.

Кромѣ того, два другіе поляка, которыхъ имена неизвѣстны, отправятся въ Ригу, съ тою же преступною цѣлью, на случай ожидаемаго ими путешествія Его Императорскаго Величества въ означенный городъ“.

Не имѣя возможности не довѣрять нашему парижскому послу, поспѣшившему предупредить императорскаго оберъ-сторожа о грозящей опасности, Орловъ, забывъ свою сказочную лѣнь, энергично берется за дѣло.

Нѣсколько минутъ совѣщанія съ своей правой рукой—Дубельтомъ, и все сдѣлано, разговоръ предупрежденъ: немедленно всѣ писцы и чиновники III отдѣленія строчатъ отношенія и предписанія всѣмъ министрамъ, всѣмъ генераль-губернаторамъ, всѣмъ военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, всѣмъ начальникамъ округовъ корпуса жандармовъ.

¹⁾ Подробности этого мало извѣстнаго покушенія читатель найдетъ на стр. 137—138 майской книги „Рус. Старины“ 1880 года.

всѣмъ губернскимъ жандармскимъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, всѣмъ пограничнымъ жандармскимъ оберъ-офицерамъ.

Семьдесятъ пять бумагъ подписаль графъ и, исполнивъ свой долгъ вѣрнаго подданнаго, поспѣшили оповѣстить государя какъ объ опасности, такъ и о принятыхъ мѣрахъ...

А предписанія и отношенія летѣли по всѣмъ угламъ Россіи..

2 іюля министръ финансовъ, Вронченко, сообщилъ Орлову, что, по донесенію начальника Радзивилловскаго таможеннаго округа, отъ 21 іюня, братья Виговскіе находятся въ Лембергѣ и живутъ въ гостинницѣ „Россія“, да не одни, а съ эмиссаромъ Михаиломъ Бѣлковскимъ. Станиславъ при этомъ получилъ уже на имя Адама Буйницкаго паспортъ австрійскаго подданнаго для проѣзда въ государство Россію, а Антонъ все еще хлопочеть..

Снова летятъ *семьдесятъ пять* отношеній и предписаній съ увѣдомленіемъ о грозномъ приближеніи Виговскихъ къ отечественнымъ границамъ...

Черезъ мѣсяцъ въ III Отдѣленіе поступаетъ записка какого то усерднаго патріота, изъ которой приведу лишь самое существенное.

Оказывается, петербургскій генераль-губернаторъ, наэлектризованный предписаніемъ III Отдѣленія, разослалъ по всей губерніи циркуляръ, чтобъ зорко смотрѣли за всякими подозрительными личностями, „особливо поляками“. Такая грамота пришла и во всѣ сельскія управленія губерніи, „такъ что — сообщаетъ патріотъ — экземпляръ его видѣлъ въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Гостилицы г. Потемкина. И въ этомъ циркулярѣ описаны всѣ подробности о намѣреніи Виговскихъ. Отъ этого происходитъ, что даже между крестьянами могутъ распространиться свѣдѣнія и толки о томъ, что есть люди, которые посягаютъ на жизнь Государя Императора“.

Изъ этого усердный патріотъ выводилъ такое практическое заключеніе: „было бы полезно подробности подобныхъ бумагъ имѣть въ виду только въ управленіяхъ главныхъ начальниковъ, а низшимъ властямъ сообщать однѣ примѣты публикуемыхъ людей, по которымъ они, въ случаѣ появленія, тогутъ быть узнаны и задержаны“.

Этотъ совѣтъ очень одобрительно былъ принять Дубельтомъ, который немедленно объявилъ всѣмъ служащимъ III Отдѣленія и штаба корпуса жандармовъ, чтобъ впредь о замыслахъ знало высшее начальство, а о примѣтахъ злоумышленниковъ—всѣ предержавшія власти.

Прошелъ сентябрь, октябрь, а Виговскихъ все нѣтъ... Ихъ и совсѣмъ не было... Все оказалось ложной тревогой... ¹⁾

Михаилъ же Александровичъ Бакунинъ и слыхомъ не слыхалъ ни о какихъ Виговскихъ и въ то время, когда ему приписывали созданіе заговора и наемъ убійцы, съ свойственной энергіей хлопоталъ объ организаціи пражскаго славянскаго съѣзда...

Мих. Лемке.

¹⁾ Дѣло III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи № 2, 1 экспедиціи, 1848 г.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Окончаніе 1).

УШ. Сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ.

Какія общества находятся собственно въ Польшѣ, и въ какихъ мѣстахъ заведены ихъ отдѣленія, или отрасли?

Въ Польшѣ существуетъ тайное политическое общество, распространенное, по словамъ сочленовъ онаго, по всему Царству Польскому, Герцогству Познанскому, Австрійской Галиціи, Литовскимъ, Подольской, Волынской и Кіевской губерніямъ. Я не извѣстенъ о точныхъ мѣстахъ ихъ отдѣленій, но для трехъ послѣднихъ губерній было ихъ начальство или управа въ Житомирѣ, потому что изъ названныхъ трехъ губерній Волынская преимущественно избилуетъ членами сего общества. Предсѣдателемъ сего округа былъ, ради богатства своего, маршалъ дворянства графъ Мощинскій (показанія 13 января 1826 года, п. 8).

Какія и съ котораго времени имѣютъ сношенія между собою общества польскія и россійскія. чрезъ какія лица и какими средствами происходятъ оныя?

Бестужевъ-Рюминъ, познакомившись въ Кіевѣ съ Гродецкимъ, графомъ Олизаромъ и графомъ Хоткевичемъ, первый открылъ сообщеніе русскаго общества съ польскимъ. Онъ увѣдомилъ о семъ открытіи своемъ директорію южнаго округа и получилъ отъ нея разрѣшеніе продолжать сіи сообщенія и войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ, совѣщаясь обо всемъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ. На 1825-ый же годъ положено было, что я вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ буду продолжать сношенія съ тѣми депутатами польскаго общества, которые отъ ихъ директоріи назначены будутъ для сей цѣли во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года. Такъ и было исполнено. Польскіе депутаты были князь Яблоновскій и Гродецкій. Сіи сношенія происходили личными переговорами; причеиъ никакой переписки не было. (Тоже п. 10).

1) См. „Былое“, февраль, мартъ и апрѣль.

На какихъ условіяхъ заключенъ между обществами союзъ, чтобы совокупно дѣйствовать къ достиженію цѣли?

Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ состояла въ томъ, чтобы знать, что у поляковъ дѣлается и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать бы могли въ роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условій никакихъ еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительно мнѣніе и согласіе всего союза. Переговоры же только что начались и мало оныхъ происходило. Заключеніе условій не могъ я принять на свою отвѣтственность, ибо безъ предварительнаго согласія всего союза не могъ удостовѣрять о принятіи союзомъ и, при случаѣ, объ исполненіи условій; я только бы себя компрометировалъ, по окончаніи переговоровъ представивъ бы моему союзу на рѣшеніе и утвержденіе условій. Весь разговоръ мой съ польскими депутатами продолжался не болѣе одного часу и былъ только одинъ разговоръ. Предметы переговоровъ были: 1) Независимость Польши,—глухо сказано. Но о губерніяхъ Литовскихъ, Бѣлостокской, Подольской и Волынской не было даже ни единымъ словомъ упомянуто. 2) Взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны. 3) Одинаковый образъ правленія. 4) Поступить полякамъ съ Цесаревичемъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. 5) Увѣдомлять имъ насъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англіею и никакихъ не заключать имъ обязательствъ ни съ кѣмъ безъ предварительнаго нашего согласія. (Тоже, п. 11).

Какое имъ было обѣщано содѣйствіе и вознагражденіе?

Имъ ничего обѣщано не было, но въ переговорахъ было сказано о независимости Польши, но и то глухо, какъ уже объяснено. (Тоже, п. 12).

Кто именно были тѣ депутаты польскихъ обществъ, которые въ 1824 году въ Кіевѣ заключили съ южнымъ обществомъ условіе о содѣйствіи въ переворотѣ съ тѣмъ, что бы Польшѣ уступлены были завоеванныя у нея области, и кто употребленъ былъ къ сему договору со стороны общества?

Въ 1824 году сносился Бестужевъ-Рюминъ преимущественно съ Гродецкимъ. Имѣлъ также разговоры съ графомъ Хоткевичемъ и графомъ Оливаромъ. Условій не только въ 1824 году, но и въ 1825 году заключено не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, какъ уже неоднократно объяснялъ. Объ уступленіи Польшѣ завоеванныхъ областей никогда упоминаемо не было; но о независимости Польши было *глухо* говорено. Къ тому же не мы въ польскомъ обществѣ искали, но они въ нашемъ. (Тоже, п. 33).

Сверхъ названныхъ вами членовъ польскихъ обществъ, кто еще извѣстенъ вамъ изъ принадлежащихъ къ онымъ лицъ и по какимъ отношеніямъ?

Всѣ члены польскаго общества, которые мнѣ извѣстны или о которыхъ я слыхалъ, суть слѣдующіе: князь Яблоновскій и Гродецкій, съ коими я имѣлъ переговоры отъ лица русскаго общества; генераль Княжевичъ, генераль Хлопицкой, полковникъ Тернавскій, помѣщикъ Проскура, графъ Хоткевичъ и графъ Олизаръ, о коихъ мнѣ говорилъ Бестужевъ-Рюминъ; помѣщикъ Чарковскій, о коемъ я слышалъ отъ князя Волконскаго; графъ Мошинскій, о коемъ мнѣ говорилъ князь Яблоновскій; старикъ графъ Потоцкій, живущій близъ Бердичева, въ Бѣлиловкѣ, и шляхтичъ Рутковскій, о коихъ заключилъ я изъ словъ доктора Плесля, и наконецъ самъ докторъ Плесль. (Тоже, п. 34).

Въ началѣ 1825 года, южное общество писало ли къ директоріату Польскихъ (обществъ), укоряя оный въ недѣятельности и требуя смерти Цесаревича?

Въ 1824 году сношенія съ поляками происходили чрезъ Бестужева-Рюмина. Онъ написалъ такую бумагу и отдалъ ее князю Сергѣю Волконскому, прося его передать оную Гродецкому. Князь Волконскій, прочитавъ сію бумагу и посовѣтовавшись съ Василіемъ Давыдовымъ, на мѣсто того, чтобы отдать сію бумагу Гродецкому, представилъ оную директоріи южнаго края. Директорія истребила сію бумагу, прекратила сношенія Бестужева съ поляками и передала такую бумагу мнѣ и князю Волконскому. Такимъ образомъ сія бумага не дошла до поляковъ. Бестужевъ же объяснялъ, что его Гродецкій о томъ просилъ. (Тоже, п. 35).

Кромѣ Бестужева-Рюмина, были ли употребляемы вами для переговоровъ съ польскими обществами докторъ Плесль, шляхтичъ Рутковскій, кн. Сергѣй Волконскій и нѣкто Мошинскій; въ чемъ состояли сдѣланныя имъ порученія, и какія получены чрезъ нихъ отзывы?

Князь Сергѣй Волконскій былъ назначенъ вмѣстѣ со мною для переговоровъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сверхъ того видѣлся онъ въ Бердичевѣ на ярмаркѣ прошлаго лѣта съ графомъ Мошинскимъ, который ему болѣе ничего не сказалъ, какъ только то, что польское общество приобрѣло нѣсколько членовъ въ Минскомъ полку изъ числа офицеровъ поляковъ. Графъ Мошинскій былъ назначенъ отъ польскаго общества, а полковникъ Швейковскій отъ нашего, для сношенія о Литовскомъ корпусѣ, дабы взаимно давать знать о приобрѣтеніи членовъ въ общество изъ офицеровъ Литовскаго корпуса. Симъ единственно ограничивалось ихъ порученіе. Мы же въ семь корпусѣ никого не имѣли. Шляхтичъ Рутковскій, повѣренный въ дѣлахъ графа Мечислава Потоцкаго, живущій въ Тульчинѣ, никакихъ сношеній не имѣлъ ни со мною, ни съ кѣмъ другимъ изъ членовъ русскаго общества. Съ докторомъ Плеслемъ я не имѣлъ прямыхъ сношеній отъ лица польскаго и русскаго обществъ, но узналъ отъ него, что члены, съ коими я сіи сношенія имѣлъ въ Кіевѣ, намѣреваются прибыть въ окрестности Линець, моей полковой штабъ-

квартиры, для продолженія переговоровъ. Однако же они не прѣзжали. Сіе было въ декабрѣ прошлаго года. (Тоже, п. 36).

Точно ли въ *Англии* принимали участіе въ намѣреніяхъ тайныхъ европейскихъ обществъ, и до какой степени содѣйствовали и поддерживали онѣя деньгами изъ Англии?

Тотъ же самый князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что польское общество находится въ сношеніи съ Англіею, отгуда деньги получаетъ и что имъ также оружіе обѣщаютъ, но до какой степени имъ изъ Англии содѣйствовали, деньгами поддерживали и въ нихъ участіе принимали, о томъ онъ ничего не объяснялъ; а потому и я ничего болѣе о томъ не знаю и не могу объяснить (тоже, п. 15).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ, вы приводите весьма кратко слышанное отъ кн. Яблоновскаго и Гродецкаго, что польское общество находится въ сношеніяхъ съ Англійскимъ правительствомъ, отъ коего получаетъ деньги, но умалчиваете о подробностяхъ сихъ сношеній и о лицахъ, чрезъ которыхъ онѣя происходятъ, тогда какъ сами же рассказывали г-ну Юшневскому то же, но гораздо яснѣе, и именно, что въ дѣлѣ тайнаго общества принимаетъ искреннее участіе Англійскій кабинетъ и обѣщаетъ въ нужномъ случаѣ оказать содѣйствіе. Объясните положительно и безъ малѣйшей утайки все, что вамъ извѣстно о сношеніяхъ въ связи польскихъ обществъ съ Англіею, и какой именно кн. Яблоновскій и кто такой Гродецкій, съ которыми вы сносились?

Князь Яблоновскій сказывалъ мнѣ, что Англійское правительство находится съ польскимъ тайнымъ обществомъ въ сношеніи, снабжаетъ ихъ деньгами и обѣщаетъ снабдить также и оружіемъ. Какимъ же образомъ и чрезъ какія лица сіе происходитъ, онъ мнѣ ничего не рассказывалъ, а потому и я ничего о томъ не могу сообщить, ибо ничего, кромѣ сказаннаго, не знаю. Весь мой разговоръ съ княземъ Яблоновскимъ не болѣе часу продолжался и потому нельзя было обо всемъ узнать въ подробности. Я Юшневскому тоже самое говорилъ, ни болѣе, ни менѣе, да и приведенныя слова Юшневскаго въ 43-мъ пунктѣ (т. е. въ этомъ пунктѣ вопросовъ) то же самое заключаютъ. Гродецкій служилъ въ гражданскомъ департаментѣ главнаго суда въ Кіевѣ, а князь Яблоновскій жительствуетъ въ Варшавѣ, но который это Яблоновскій, опредѣлить и описать незнаю (тоже, п. 43).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ вы видѣлись на послѣднихъ Кіевскихъ контрактахъ въ квартирѣ кн. Сергѣя Волконскаго на Печерскѣ и который требовалъ отъ васъ, чтобы указать взаимно въ Варшавѣ и въ Петербургѣ по одному лицу изъ высшаго чина, ибо польскіе члены, съ коими они должны имѣть переговоры, суть высшихъ чиновъ? Какой вы сдѣлали на предложеніе его рѣшительный отзывъ и по собственному ли вашему соображенію, или съ согласія прочихъ предсѣдателей Тульчинской думы?

Князь Яблоновскій и Гродецкій были тѣ члены тайнаго польскаго общества, съ которыми я видѣлся на послѣднихъ контрактахъ въ Кіевѣ въ домѣ князя Волконскаго на Печерскѣ. Упоминаемое предложеніе дѣлалъ князь Яблоновскій и дѣлалъ предложеніе, а не требованіе, говоря, что такое назначеніе можетъ ускорить переговоры и заключеніе условій. Я ему отвѣчалъ, что наше общество назначило для переговоровъ съ польскимъ обществомъ князя Волконскаго и меня, и что мы также довольствуемся ими, то есть княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сего отвѣта я не могъ не дать, ибо изъ высшихъ лицъ государственной службы никто къ обществу не принадлежалъ. (Тоже, п. 44).

Точно ли цѣль польскихъ обществъ была возстановленіе Польши въ прежнемъ ея видѣ, и на семъ ли только условіи означенныя общества обѣщали содѣйствовать намѣренію общества южнаго, какъ вы сами рассказывали о томъ г. Юшневскому? Черезъ кого объявлена была сія цѣль польскаго общества, кто заключилъ съ ними означенное условіе и по общему ли согласію всѣхъ южныхъ членовъ, или только по усмотрѣнію предсѣдателя думы?

Подробный отвѣтъ на сей вопросъ находится въ 11 пунктѣ (см. выше, стр. 249).

Не мы просили содѣйствія у поляковъ, но они просили нашего. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ними было за правило принято поставить себя къ нимъ въ такое отношеніе, что мы въ нихъ ни малѣйше не нуждаемся, но что они въ насъ нужду имѣютъ; что мы безъ нихъ обойтись можемъ, но они безъ насъ успѣть не могутъ; и потому никакихъ условій не предписывали они намъ, а напротивъ того показывали готовность на всѣ наши требованія согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши. Говоря же о сей независимости, было о Польшѣ упомянуто *глухо* и ни слова не было сказано о губерніяхъ литовскихъ, Подольской и Волынской. Сіе весьма извѣстно г. Юшневскому, ибо обо всемъ этомъ совѣщался я съ нимъ въ подробности и не иначе дѣйствовалъ, какъ по общему согласію. По окончаніи переговоровъ прежде заключенія условій были бы статьи оныхъ представлены мною на сужденіе и рѣшеніе всего союза, какъ южнаго такъ и сѣвернаго округовъ (тоже, п. 45).

Въ присутствіи южныхъ членовъ: Лорера, Поджіо, Фохта и Старскаго вы читали на французскомъ языкѣ списокъ членамъ польскихъ обществъ, съ подробнымъ описаніемъ каждаго изъ нихъ, въ числѣ коихъ первымъ былъ наименованъ генераль баронъ Хлопицкій, а послѣ тутъ же разсуждали, что сей Хлопицкій есть главнѣйшій польскій патріотъ, и что южные члены всѣхъ польскихъ знаютъ, а сіи послѣдніе изъ южныхъ никого не знаютъ. Объясните съ искренностію, какъ имена и званія, такъ характеры и дѣйствія всѣхъ значившихся въ томъ спискѣ польскихъ членовъ?

Упоминаемый списокъ былъ составленъ Бестужевъ-Рюминнымъ

со словъ знакомыхъ ему поляковъ и содержалъ имена однихъ только четырехъ членовъ польской директоріи, а именно: генераловъ Княжевича и Хлопицкаго, полковника Тернавскаго и помѣщика Проскуры. Въ семь спискѣ былъ описанъ Хлопицкій: умнѣйшимъ, твердѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ и притомъ имѣющимъ наиболѣе вліянія въ обществѣ. Тернавскій—съ тѣми же качествами, но въ меньшей мѣрѣ. Княжевичъ—человѣкомъ немолодымъ, основательнымъ и хранителемъ бумагъ въ Дрезденѣ. Проскура-же былъ описанъ, какъ человѣкъ худой нравственности, хотя и не безъ способностей.

Справедливо, что поляки о нашей директоріи ничего не знаютъ, ибо мы имъ изъ нашихъ членовъ никого не называли и ни о чемъ значеніи въ союзѣ ничего не говорили. А дабы еще лучше отъ нихъ скрыть всѣ подробности, до нашего общества относящіяся, и болѣе дать себѣ простору въ переговорахъ съ ними, было имъ сказано, что наша директорія находится въ Петербургѣ. (Тоже, п. 50).

Былъ ли показанъ въ семь спискѣ генералъ *Клицкій*, о которомъ говорили вы нѣкоторымъ вашимъ членамъ, и въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ вы находились?

О генералѣ Клицкомъ я никогда ни слова не слыжалъ, въ первый разъ о его имени и существованіи узнаю, и никогда никому изъ нашихъ членовъ о немъ не говорилъ. (Тоже, п. 51).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ въ маѣ 1825 года желали вы видѣться въ Бердичевѣ и нарочно туда ѣздили, но возвратясь говорили съ неудовольствіемъ, что его тамъ не застали? Въ чемъ состояли тѣ переговоры, которые вы надѣялись имѣть съ симъ польскимъ членомъ, и съ которымъ вы, вѣроятно, видѣлись, ѣздивши неоднократно въ Бердичевъ?

Я ожидалъ видѣться въ Бердичевѣ на ярмаркѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ княземъ Яблоновскимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него мнѣ подастъ письмо. Сношенія между польскимъ и русскимъ обществами начались въ Кіевѣ, а въ Бердичевѣ на ярмаркѣ должны были продолжаться. Я въ Бердичевѣ не могъ быть, да и князь Яблоновскій туда не пріѣзжалъ, и потому никакихъ переговоровъ и не было. Я ни разу въ Бердичевѣ ни одного польскаго члена не видалъ. (Тоже, п. 55).

Въ 33 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 249) вы увѣряете, что съ поляками никакихъ условий постановляемо не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, а объ уступкѣ Польшѣ завоеванныхъ областей никогда и упоминаемо не было; въ 45-мъ же пунктѣ (выше, стр. 252) дополняете, что сношенія съ поляками вѣдены были такъ, что они не имѣли ничего требовать и считали за милость всякое снисхожденіе.

Послѣдующія показанія свидѣтельствуютъ противное: а) Сергѣй

Муравьевъ-Апостоль и Бестужевъ-Рюминъ говорятъ, что послѣдній изъ нихъ въ 1823 году сдѣлалъ предложеніе, чтобы для открытія сношеній съ поляками обѣщать имъ независимость и возвращеніе завоеванныхъ губерній, каковое тогда же директоріею было одобрено; и поручено ему Бестужеву, начать самыя сношенія.

б) Бестужевъ поясняетъ, что онъ съ Гродецкимъ заключилъ договоръ, въ которомъ со стороны Россіи была обѣщана Польшѣ уступка губерній Гродненской, части Волынской, Виленской и Минской, а Польша обязывалась, между прочимъ, отнять у Цесаревича всѣ средства возвратиться въ Россію; дѣйствительность чего подтверждаетъ и подполковникъ Поджіо, видѣвшій у васъ письменный отчетъ Бестужева, въ которомъ именно сказано, что со стороны южнаго общества требовано было истребить Цесаревича, а съ польской стороны было обѣщано исполнить въ томъ же году (1824).

в) Подполковнику Поджіо вы сами рассказывали, что южное общество, признавая независимость Польши, уступаетъ ей всѣ завоеванныя области, Минскую, Волынскую, Гродненскую, Подольскую, Могилевскую и даже Витебскую, и что общество, распространяемое въ Литовскомъ корпусѣ, и въ сей губерніи составлено съ тою цѣлью, чтобы отвратить препятствія въ успѣхѣ революціи.

г) Маіоръ Лореръ показываетъ слышанное отъ васъ, что поляки согласились не препятствовать южному обществу, только на условіи объ уступкѣ имъ завоеванныхъ областей.

д) По словамъ князя Волконскаго и подполковника Поджіо, Бестужеву-Рюмину за сношенія его съ поляками въ началѣ 1824 года изъявлена была отъ директоріи признательность чрезъ Юшневскаго; слѣдовательно договоръ его былъ одобренъ.

е) Бестужевъ-Рюминъ дополняетъ, что по бездѣйствію польскаго общества (въ 1824 году) вы изъявили ему подозрѣнія свои, что оно можетъ измѣнить южному, и при началѣ революціи возвести Цесаревича на престолъ Россіи и получить отъ него независимость въ знакъ признательности или избрать его королемъ по конституціи 8-го мая, и что сіи подозрѣнія ваши служили поводомъ къ письму его, Бестужева, на имя Гродецкаго, въ которомъ напоминалось полякамъ о ихъ обѣщаніи на счетъ Цесаревича, но которое было удержано княземъ Волконскимъ.

ж) Капитанъ Никита Муравьевъ утверждаетъ, что сѣверные члены роптали противъ васъ за обѣщанную полякамъ уступку завоеванныхъ областей, но вы на сіе отозвались: „Что-жъ дѣлать? слово сказано и перемѣнить нельзя; впрочемъ, такъ хотѣло южное общество“.

з) Князь Волконскій, участвовавшій съ вами въ сношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ въ 1825 году, свидѣтельствуетъ, что въ переговорахъ вашихъ съ ними положено было между прочимъ: 1) заточить всѣхъ тѣхъ членовъ Императорской фамиліи, кои при началѣ революціи будутъ находиться въ Польшѣ, и отвратить всѣ покушенія къ ихъ освобожденію, 2) уступить Польшѣ завоеванныя отъ нея губерніи.

и) Наконецъ, обзорніе карты, найденной вмѣстѣ съ Русскою Прав-

дою и надписанной вашею рукою о областяхъ, которыя должны были составить собственно Россію, удостовѣряеть, что, за исключеніемъ нѣкоторой части, всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши, означены внѣ границъ государства и слѣдовательно въ понятіи преобразователей почитались уже уступленными Польшѣ.

Въ 1823-мъ году Бестужевъ-Рюминъ, узнавъ о существованіи польскаго общества, сдѣлалъ предложеніе войти съ ними въ сношеніе и обѣщать имъ независимость. Когда получилъ онъ на то разрѣшеніе, тогда говорилъ я самъ лично ему, чтобы онъ отнюдь не терялъ изъ виду выгодность нашего положенія въ отношеніи къ полякамъ и имъ давалъ чувствовать, что мы безъ нихъ очень можемъ обойтись, но они безъ насъ никакъ. Постановленіе себя въ сіе соотношеніе къ полякамъ упрасивалъ я безпрестанно Бестужева никогда изъ виду не теряя и о томъ всегда говорилъ и другимъ членамъ, между прочимъ Юшневскому, Волконскому, Давыдову. Вящимъ тому доказательствомъ служить, что князь Яблоновскій, когда я ему сказалъ, что мы готовы признать независимость Польши, возразилъ, что коль скоро мы на сіе согласны, то они всѣ прочія наши требованія готовы исполнить, какъ и когда мы захотимъ. Еще тому доказательствомъ служить, что онъ сейчасъ готовность изъявилъ исполнить мое требованіе не имѣть ни съ кѣмъ сношеній безъ нашего вѣдома. Князь Волконскій не можетъ не помнить сего. Таковыя статьи явно изображаютъ ту нашу поверхность надъ ними, о коей я докладывалъ комитету прежде.

Бестужевъ-Рюминъ условился съ Гродецкимъ въ образѣ сношеній, и о семъ въ отчетѣ своемъ главнѣйше говорилъ, а что политическіе предметы самими поляками не считались рѣшительными *условіями* въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, тому служить доказательствомъ и то, что князь Яблоновскій и Гродецкій мнѣ и князю Волконскому говорили, что со дня нашего свиданія считаютъ они *сношенія* дѣйствительно начавшимися, причемъ еще Гродецкій отзывался, что всегда опасался вѣтренности Бестужева. Я сіе тогда же пересказалъ Юшневскому, Давыдову и князю Барятинскому. Самъ Бестужевъ неоднократно говорилъ, что онъ ведетъ сношенія съ поляками болѣе въ видѣ *частнаго, личнаго* знакомства и дружества, нежели официальнымъ образомъ отъ общества къ обществу. Наконецъ, и мое свиданіе съ кн. Яблоновскимъ кончилось тѣмъ, что мы предназначили для дальнѣйшихъ переговоровъ видѣться въ Бердичевѣ съ нимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него присланъ будетъ, дабы тогда уже положительнѣе устроить взаимныя соотношенія и предметы соглашенія обоихъ обществъ, послѣ свиданія кн. Яблоновскаго съ его директорією. Доказательствомъ, что какъ я, такъ и поляки не считали условія уже заключенными, служить предложеніе ихъ назначить лицъ изъ высшихъ званій для заключенія условій. Впрочемъ я полагаю, что сіе разногласіе между нами и

другими показаніями о семъ предметѣ суть нѣкоторымъ образомъ одинъ споръ въ значеніи выраженія *условіе*.

О благодарности, изъявленной Бестужеву, ничего не могу сказать, ибо я при томъ не находился.

Касательно границъ, говорилъ мнѣ самъ Бестужевъ неоднократно, что онъ о нихъ и объ уступкѣ губерній *избѣгаетъ* съ поляками говорить и разсуждать, дабы не произвелъ сей предметъ непріятныхъ впечатлѣній, и въ отчетѣ Бестужева ни слова не было упомянуто о томъ, какія губернія и части уступаются. Точно такъ и во время моего разговора съ кн. Яблоновскимъ не было ни о какой губерніи упомянуто, а было сказано глухо о независимости Польши. Я очень твердо о семъ помню, ибо сей предметъ, по важности своей обращалъ особенное мое вниманіе. Къ тому же и говорили болѣе кн. Яблоновскій да я, а кн. Волконскій и Гродецкій весьма мало. Князь Яблоновскій даже спрашивалъ, кому желаемъ мы поручить набраніе членовъ въ Литовскомъ корпусѣ: имъ ли поручить, или предоставить себѣ оное; на что отвѣчалъ я, что и они могутъ искать пріобрѣтенія членовъ и мы будемъ искать. Сей отвѣтъ отклонялъ всякую намеку на уступку и удержку сихъ губерній. Ежели же рѣшено было въ сношеніяхъ съ поляками, или даже только говорено объ уступкѣ имъ Литвы, то и Литовскій корпусъ не подлежалъ бы сомнѣнію. Посему и утверждалъ я, что объ уступкѣ губерній не было полякамъ говорено. Но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ означены. Не знаю, не говорилъ ли Бестужевъ чего Гродецкому или другимъ о семъ, но мнѣ онъ всегда подтверждалъ, что *избѣгаетъ* о семъ говорить. Я однакоже не полагаю, чтобы онъ говорилъ, потому что Гродецкій при нашемъ свиданіи съ кн. Яблоновскимъ о томъ не упоминалъ.

Поджію я не могъ говорить объ уступкѣ Волынской, Подольской, Витебской и Могилевской губерній, ибо и на картѣ моей есть доказательство противному, онъ чрезвычайно часто несправедливо показываетъ.

Маіоръ Лореръ ошибается совершенно, ибо я говорилъ ему, что опредѣленіе границъ между Россією и Польшею послужить поводомъ по моимъ догадкамъ ко многимъ затрудненіямъ съ польскимъ обществомъ и что догадки сіи основывалъ я на разныхъ словахъ доктора Плесля, съ коимъ однакоже отъ лица общества никакого сношенія никогда не имѣлъ.

Въ сужденіи о семъ предметѣ съ Никитою Муравьевымъ не произносилъ я никогда приведенныхъ имъ словъ, а изъяснялъ ему всѣ причины, побудившія насъ вступить съ поляками въ сношеніе и предполагать уступить имъ тѣ губерніи и уѣзды, которыя на картѣ означены внѣ черты Россійскихъ границъ.

Что же касается до опасенія въ ненадежности поляковъ для насъ, о которой упоминаетъ Бестужевъ, то сіе опасеніе дѣйствительно существовало и было общее насъ всѣхъ. Оно послужило

поводомъ не къ письму Бестужева къ Гродецкому, которое княземъ Волконскимъ было остановлено, а дерикторією уничтожено по тому первому предложенію полякамъ, о которомъ упоминалось въ отчетѣ Бестужева, и которое сдѣлано было также и для того, чтобы изъ образа ихъ сужденій при семъ случаѣ положительнѣе усмотрѣть можно было, въ какомъ духѣ ихъ общество составлено. Въ нашихъ же совѣщаніяхъ съ кн. Яблоновскимъ было упомянуто о Цесаревичѣ такимъ образомъ, чтобы при началѣ революціи они его задержали, дабы не послѣдовало отъ него противудѣйствія, и съ нимъ бы поступили, такъ какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. (показанія 6 апрѣля, п. 20).

IX. О различныхъ тайныхъ обществахъ.

Какія именно различныя тайныя общества существуютъ въ Россіи съ котораго времени, гдѣ имѣютъ они свои управы или думы и въ особенности южному или сѣверному обществамъ принадлежать отдѣленія въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, и кто именно къ каждому обществу принадлежитъ изъ лицъ вамъ извѣстныхъ?

Кромѣ нашего общества, о коемъ объяснилъ я въ 1-мъ пунктѣ¹⁾, слышалъ я о существованіи *Зеленой Лампы*, *Русскихъ Рыцарей*, *Свободныхъ Садовниковъ*, *Соединенныхъ Славянъ*, *Кавказскаго и Малороссійскаго* обществъ. О точныхъ ихъ мѣстахъ пребыванія, статутахъ, времени учрежденія, управахъ и думахъ ничего не знаю²⁾.

Что же касается до отдѣленій тайнаго общества въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, то никогда ни отъ кого не слышалъ, чтобы наше общество изъ южнаго или же изъ сѣвернаго округа тамъ отдѣленія свои имѣло. Ежели кто изъ нашихъ сочленовъ тамъ управы учредилъ, то я о томъ совершенно неизвѣстенъ, и никогда о томъ ничего не слышалъ, какъ уже прежде объяснилъ (показанія 13 января 1826 года, п. 7).

Объясните съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что вамъ извѣстно о существованіи, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими тѣхъ обществъ, которыя находятся въ Россіи подъ названіями: 1) *Свободные Садовники*, 2) *Русскіе Рыцари* и 3) *Зеленая лампа* и прочія?

Бестужевъ-Рюминъ мнѣ сказывалъ, что онъ слышалъ отъ

¹⁾ См. Былое, февраль, стр. 140.

²⁾ На первомъ допросѣ въ Петербургѣ Пестель на такой вопросъ отвѣтилъ: Слышалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ *Русскіе Рыцари* и *Зеленая лампа*. О членахъ и подробностяхъ ничего не слышалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаютъ. О первомъ слышалъ отъ г. Орлова, а о второмъ за давностію времени никакъ не упомяну, кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о томъ зналъ.

поляковъ, съ коими сношенія имѣлъ, что существуетъ въ Россіи тайное общество подъ названіемъ *Свободныхъ Садовниковъ*, съ коими будто бы они находились въ сношеніи, но болѣе ни слова о томъ не упоминали. Тѣмъ и мое свѣдѣніе ограничивается.

О тайномъ обществѣ, подъ названіемъ *Русскихъ Рыцарей*, говорилъ мнѣ генераль Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ графъ Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я однакоже не читалъ. Болѣе о Русскихъ Рыцаряхъ ничего не знаю.

О *Зеленой Лампѣ* никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1817 или 1818 годахъ, но тогда же было мнѣ сказано, что князь Сергѣй Трубецкой имѣетъ свѣдѣніе о семь обществѣ. Я впоследствии никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что ея общество было весьма незначущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно (тоже п. 42).

Было ли заведено въ *Малороссіи* тайное общество Новиковымъ? что вамъ извѣстно о другомъ, тамъ же основанномъ обществѣ Лукашевичемъ, о коемъ сами вы рассказывали членамъ своего общества, и не сіе ли послѣднее есть то многочисленное общество въ Малороссіи, которое помышляетъ объ отдѣленіи сего края отъ Россіи и готово отдаться въ покровительство поляковъ, или другое, и какое именно?

Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить; по крайней мѣрѣ не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія. Общество же, основанное, какъ я слышалъ, Лукашевичемъ, есть то самое, которое помышляло по словамъ поляковъ о независимости Малороссіи и готово было отдаться въ покровительство Польши, какъ о томъ мною объяснено въ прежнихъ показаніяхъ¹⁾. Болѣе же ничего о семь обществѣ не знаю и не слыхалъ. При семь говорилъ я полякамъ, что Малороссійское общество никогда не успѣетъ въ своей цѣли, ибо Малороссія на вѣки съ Россіею пребудетъ неразрывною и никакая сила не отторгнетъ Малороссіи отъ Россіи (тоже, п. 39).

Въ чемъ именно заключаются тѣ свѣдѣнія, кои южное общество имѣло о составѣ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ тайнаго общества, существующаго въ отдѣльномъ *Кавказскомъ корпусѣ*?

Князь Сергѣй Волконскій ѣздилъ въ 1824 году лѣтомъ на Кавказъ и тамъ познакомился съ Якубовичемъ, а потомъ и съ

¹⁾ Слышалъ я отъ поляковъ, съ коими разговоръ имѣлъ объ обществѣ, и кои уже упоминалъ, что таковое существуетъ многочисленное въ *Малороссіи*, съ коими они будто бы въ союзѣ находятся, что сіе общество желаетъ независимости Малороссіи и готово на сей конецъ принять покровительство Польши, когда сія успѣетъ приобрести для себя независимость.

Изъ членовъ сего малороссійскаго общества никто не былъ названъ. (Первый допросъ въ Петербургѣ).

Тимковскимъ, теперешнимъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Отъ нихъ двухъ узналъ онъ, что въ Кавказскомъ корпусѣ существуетъ тайное политическое общество съ революціонными намѣреніями. Изъ членовъ сего общества назвали они ему Воейкова, адъютанта генерала Ермолова, говоря, что онъ одинъ изъ главныхъ членовъ. О генералѣ Ермоловѣ сказывали они, что онъ объ обществѣ ничего не знаетъ, но членамъ онаго покровительствуетъ чрезъ стараніе тѣхъ лицъ, Ермолову приближенныхъ, кои суть члены общества. Въ примѣръ они приводили Каспійскій баталіонъ, между чинами коего открыто было большое злоупотребленіе въ вывозѣ за границу мѣди; но все дѣло прикрито по той причинѣ, что обвиняемыя лица вступили въ тайное общество. Объ устройствѣ общества говорили они, что оно состоитъ изъ перваго совѣта, втораго совѣта и третьей степени. Въ первомъ совѣтѣ восемь членовъ, во второмъ 16, а въ третьей степени прочіе члены. О цѣли Кавказскаго общества сказывали они, что оно ожидаетъ революціи въ Россіи, дабы содѣйствовать оной, или смотря на обстоятельства, служить убѣжищемъ при неудачѣ, или отдѣлится Грузію отъ Россіи, дабы основать особое государство, или при конечной неудачѣ отступить съ Кавказскимъ корпусомъ на Хиву и Туркестанъ, покорить тѣ мѣста и въ оныхъ основать новое государство. Давали чувствовать, что ихъ общество весьма склонно къ введенію новой династіи Ермоловыхъ, что ихъ сила очень значительна, ибо располагать могутъ всеми войсками Кавказскаго корпуса, который неограниченно преданъ Ермолову. Князь Волконскій предлагалъ имъ войти въ сношеніе съ нашимъ обществомъ, и именно съ южнымъ округомъ. Они на сіе отзывались, что они уже въ сношеніи съ тайнымъ обществомъ въ Петербургѣ, но съ какимъ, того не говорили, что впрочемъ о семъ предложеніи доведутъ до свѣдѣнія начальства ихъ общества и что ежели послѣдуетъ на то согласіе и разрѣшеніе, то увѣдомятъ о томъ князя Волконскаго или Василя Давыдова, чрезъ Якубовича, который тогда намѣревался въ скорости ѣхать въ отпускъ въ Россію. Послѣ сего оставилъ князь Волконскій Кавказъ и съ тѣхъ поръ ни Якубовичъ, ни Тимковскій никакого ни о чемъ не давали извѣстія. (Тоже, п. 40).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ вы упоминаете, что о *кавказскомъ обществѣ* прямого свѣдѣнія не имѣете, а слышали, что оно существуетъ, и даже называли вамъ нѣкоторыхъ членовъ его, какъ то: Якубовича, Воейкова и Тимковскаго, и что общество сіе хочетъ Грузію отдѣлить отъ Россіи и начать новую династію Ермоловыхъ, но о подробностяхъ, до онаго касающихся, умалчиваете, тогда какъ сами же давали читать г-ну Юшневскому отчетъ князя Волконскаго, сочиненный Давыдовымъ, о состояніи помянутаго общества, и слѣдственно имѣете на сей счетъ ясное понятіе. Объясните положительно, въ чемъ именно заключаются прямыя намѣренія кавказскаго общества, его дѣйствія, средства и сношенія съ другими тайными обществами, съ вѣдоми ли генерала Ермо-

*

лова таковое существуетъ, кто именно члены его и гдѣ находятся? Ясное, насчетъ кавказскаго общества, показаніе тѣмъ болѣе обязаны вы сдѣлать, что кромѣ отъѣзжа г. Юшневскаго, свидѣтельствуется еще полковникъ Аврамовъ, что вы находились въ сношеніяхъ съ тѣмъ обществомъ; и потому объясните: какого рода, когда и чрезъ кого происходили оныя?

Я утверждалъ и нынѣ повторяю, что прямого свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ я никакого не имѣю, ибо никогда не видался ни съ однимъ изъ членовъ сего общества, а что я о томъ слышалъ, все то уже объяснилъ. Юшневскій имѣетъ точно тѣ же свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ, какія имѣю и я: ибо мы оба сія свѣдѣнія почерпнули изъ одного и того же источника, писемнаго отчета князя Волконскаго, который къ директоріи представленъ былъ, слѣдовательно одинаковымъ образомъ, какъ мнѣ, такъ и Юшневскому. Что же касается до свидѣтельства полковника Аврамова, якобы я самъ находился въ сношеніяхъ съ кавказскимъ обществомъ, то оное свидѣтельство есть совершенно ложное. (Тоже, п. 46).

При отъѣздѣ Поджіо на кавказскія воды, вы поручили ему узнать тамъ подробно о существованіи тайнаго общества въ *Кавказскомъ корпусѣ*. Поясните: что именно сообщилъ вамъ по сему предмету Поджіо по его возвращеніи съ кавказскихъ водъ?

Поджіо не видался со мною по возвращеніи своемъ съ Кавказскихъ водъ и никакого извѣстія не было мнѣ сообщено о кавказскомъ обществѣ ни прямо, ни чрезъ чье либо посредство. (Показанія 6 апрѣля, п. 44).

Въ отвѣтахъ вашихъ, объясняя составъ южнаго и сѣвернаго общества, вы называете только двѣ думы: Петербургскую и Тульчинскую, и управы Каменскую и Васильковскую; но изъ нѣкоторыхъ показаній замѣчается, что тайное общество состояло изъ слѣдующихъ вентъ: 1) Сѣверной (Vente du Nord) въ Петербургѣ, 2) Средней (Vente du Centre) въ Москвѣ, 3) Полуденной (Vente du midi), 4) Западной (Vente de l'ouest) и 5) Кавказской (Vente du Caucase). Притомъ подполковникъ Поджіо показываетъ, что въ 1824 году вы намѣревались основать *восточную* управу и поручить оную въ его начальство.

Здѣсь объясните: 1) Дѣйствительно ли тайное общество имѣло 5 выше наименованныхъ вентъ; гдѣ именно существовали изъ нихъ полуденная, западная и кавказская, и кто въ нихъ начальствовалъ?

2) Подлинно ли убитый въ Грузіи генераль Лисаневичъ принадлежалъ къ тайному обществу? не онъ ли былъ начальникъ кавказской венты, и кто суть извѣстные вамъ члены оной? и

3) Была ли основана вами управа восточная и кто къ ней принадлежалъ?

Я доносилъ комитету и нынѣ честь имѣю подтвердить, что по моимъ свѣдѣніямъ, общество раздѣлялось на сѣверный и южный округъ, и что южный состоялъ изъ Тульчинской, Каменской и

Васильковской управы, а сколько управъ имѣлъ сѣверный, къ коему мы причисляли и московскихъ членовъ, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Слово *Вентъ* не было у насъ въ употребленіи, равно какъ и наименованіе управъ: сѣвальною, среднею, полуденною, западною и кавказскою.

На Кавказѣ не имѣли мы никакой управы, а узнали чрезъ кн. Волконскаго о существованіи тамъ особаго общества. Если петербургское общество завело гдѣ нибудь управы внѣ столицы, то сіе послѣдовало уже послѣ моего отбытія изъ Петербурга въ 1824 году и намъ о томъ ничего не было сообщено.

Генераль Лисаневичъ къ обществу никогда не принадлежалъ, а Бестужевъ-Рюминъ вздумалъ увѣрять въ томъ нѣкоторыхъ членовъ, имъ принятыхъ.

Здѣсь называемая восточная управа, которой впрочемъ никогда не предполагалось дать сіе названіе, есть та самая, о которой я уже объяснялъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января (выше, стр. 257), что Поджіо, отправляясь въ Орелъ и надѣясь тамъ видѣться съ какими то князьями Голицыными, предложилъ объ учрежденіи въ Орлѣ чрезъ ихъ посредство особой управы; но возвратился, ихъ не выдавши и ничего по сему не сдѣлавъ.

При семъ честь имѣю доложить, что не я вознамѣрился сію управу учредить: я не зналъ князей Голицыныхъ, ниже о пребываніи ихъ въ Орлѣ; и потому не имѣлъ въ виду возможности учредить управу въ Орлѣ. Все сіе сообщилъ мнѣ Поджіо въ то время, когда онъ дѣлалъ предложеніе объ учрежденіи управы въ Орлѣ. (Показанія 6 апрѣля, п. 11).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1825 года вы сказывали Бестужеву-Рюмину, что существуетъ многочисленное тайное общество подъ предводительствомъ Булгари, и что средоточіе онаго въ *Харьковѣ*, а отрасли въ обѣихъ столицахъ. Объясните: когда, отъ кого, гдѣ и какія именно свѣдѣнія вы получили о семъ обществѣ?

Капитанъ Майборода, ѣздивши въ Москву, захалъ въ деревню къ матери генерала Шеншина и оттуда привезъ извѣстіе, что генераль Шеншинъ пріѣзжалъ въ *Харьковъ*, тамъ арестовалъ Булгари и между его бумагами нашель доказательства о существованіи тайнаго общества, коего Булгари былъ членомъ и которое свои имѣло отрасли въ обѣихъ столицахъ (показанія 6-го апрѣля, п. 41).

Когда подполковникъ Поджіо отъѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ нѣкоторыя губерніи, то вы поручили ему развѣдать въ *Орлѣ* о происшедшемъ бунтѣ въ одномъ эскадронѣ расположеннаго тамъ кирасирскаго полка; но Поджіо сего не сдѣлалъ.

Объясните: отъ кого вы узнали о семъ бунтѣ, когда, въ какомъ эскадронѣ, какого именно полка и по какому случаю произошелъ оный?

Я ни о какихъ подробностяхъ сего бунта не зналъ, но слышалъ, что въ одномъ эскадронѣ какого-то кирасирскаго полка былъ бунтъ, что сей эскадронъ былъ раскассированъ, и что главнокомандующій 1 арміи, назначивъ многихъ солдатъ изъ сего эскадрона въ жандармскій полкъ, получилъ отъ Государя Императора за сіе назначеніе бунтовавшихъ въ жандармы изъявленіе Высочайшаго неудовольствія. Сколько припомнить могу, то говорилъ мнѣ сіе Бестужевъ, отъ котораго всѣ почти свѣдѣнія о 1 арміи я получалъ. Впрочемъ не ручаюсь, чтобы и не полковникъ Аврамовъ мнѣ о томъ рассказывалъ. Твердо не помню (тоже, п. 43).

Общество подъ названіемъ *соединенныхъ славянъ* не принадлежало ли къ южному, гдѣ находилась управа или дума его, въ какихъ сношеніяхъ было оно съ прочими обществами и кто именно составлялъ главное число членовъ его?

Тайное общество соединенныхъ славянъ не принадлежало къ южному округу Союза Благоденствія и никакихъ съ нимъ сношеній не имѣло. Все, что мнѣ о семъ обществѣ извѣстно, я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина, и оно заключается въ томъ, что артиллерійскій офицеръ 3 корпуса, по имени, кажется, Борисовъ, не знаю которой роты и бригады, былъ принятъ въ сіе общество въ Петербургѣ, и возвратившись изъ столицы пріобрѣлъ между другими офицерами до 15 или 16 членовъ въ общество соединенныхъ славянъ. Именъ сихъ офицеровъ я не знаю. Бестужевъ открылъ сіе отдѣленіе общества соединенныхъ славянъ и перевелъ ихъ всѣхъ въ наше общество въ Васильковскую Управу. Вотъ все, мнѣ извѣстное (показанія 13 января, п. 41).

Сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что онъ слышалъ о существованіи тайнаго общества подъ названіемъ *соединенные славяне*. Въ семъ обществѣ принимались, будто бы, какъ русскіе, такъ и поляки. Средоточіе онаго неизвѣстно, или не было объявлено; но должно, кажется, быть въ Петербургѣ. Сношеній съ симъ обществомъ, какъ и со всѣми выше названными, союзъ благоденствія, то есть наше общество никакихъ не имѣло, сколько мнѣ извѣстно, и въ достовѣрности всего вышесказаннаго самъ утверждать не могу, но объявляю объ ономъ все то, что слышалъ. Существованіе соединенныхъ славянъ считаю однакоже вѣрнымъ, ибо изъ сего общества перешли въ наше нѣкоторые члены, между прочимъ, нѣкоторые артиллерійскіе офицеры третьяго корпуса, коихъ имена я не любопытствовалъ узнавать, но кажется, что нѣкто изъ нихъ назывался Борисовъ и что онъ въ Петербургѣ былъ принятъ въ *соединенные славяне*, а потомъ прочіихъ принялъ. Повторяю, однако же, что сіе говорено безъ собственной своей удостовѣренности, ибо никого изъ нихъ самъ не видалъ и не знаю. А также не знаю чина и мѣстопробыванія Борисова. (первый допросъ въ Петербургѣ).

Какія тайныя общества, одну и ту же цѣль имѣющія, существуютъ

въ Германіи, Венгріи, Италіи, Франціи и другихъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ, подъ какими названіями и кто извѣстенъ изъ членовъ каждаго?

Членъ тайнаго польскаго общества князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что существуютъ таковыя же тайныя общества въ *Германіи, Венгріи и Италіи*, съ коими ихъ общество будто бы въ сношеніи находится; но ихъ членовъ, именъ, статутовъ и подробностей ничего не сообщилъ; слишкомъ мало было на то времени. Вотъ все, что я о сихъ обществахъ знаю. О Франціи же никакихъ свѣдѣній не имѣю.

Князь Яблоновскій тутъ предложилъ намъ ввести насъ въ прямое сношеніе съ германскимъ обществомъ; на что я ему сказалъ, что сего не нужно, что сношенія съ Германіею могутъ происходить чрезъ Польшу, ибо Германія отъ насъ далека. Онъ однако же продолжалъ, что будетъ о томъ говорить германскому обществу. Послѣ же того нѣ было до сихъ поръ никакого уже болѣе отъ него извѣстія. Я имѣлъ надежду подробнѣе и обстоятельнѣе узнать о всѣхъ сихъ предметахъ при будущихъ свиданіяхъ, но таковыхъ впоследствии не было ни единого (тоже п. 13).

Съ котораго времени, чрезъ кого, и какими способами общества сіи сообщались съ обществомъ дрезденскимъ въ Европѣ?

Я не слыхалъ, чтобы въ Дрезденѣ существовало особое тайное общество, но только что въ семь городѣ находится часть польской директоріи съ бумагами польскаго общества, дабы оныя сохранять тамъ въ лучшей безопасности. Какими же средствами производились сношенія польскаго общества съ прочими въ Европѣ, того не знаю. Да и коротко слишкомъ было время моего свиданія съ княземъ Яблоновскимъ, чтобы успѣть можно было о всѣхъ сихъ подробностяхъ узнать. Къ тому же видѣлись мы тогда съ нимъ въ первый разъ и неловко было на первый случай много ему дѣлать вопросовъ, показывающихъ одно только любопытство, тѣмъ болѣе, что со стороны поляковъ все еще видна была нѣкоторая къ русскимъ недовѣрчивость (тоже п. 14).

Съ какими порученіями тайнаго общества отправился во Францію членъ онаго полковникъ графъ Полиньякъ, и имѣло ли общество отъ него какія увѣдомленія или нѣтъ?

Полковникъ графъ Полиньякъ отправился во Францію по собственнымъ своимъ дѣламъ и получилъ при семь случаѣ порученіе отъ общества узнать, существуетъ ли во Франціи какое либо тайное общество и потомъ насъ о томъ увѣдомить. Онъ писалъ одинъ разъ къ Василию Давыдову, но ничего не упоминалъ объ обществѣ, такъ что не имѣемъ мы никакого извѣстія о томъ. (Тоже, п. 38).

Нѣкоторымъ членамъ южнаго общества вы сказывали, что оно находится въ сношеніяхъ, кромѣ польскихъ, еще съ *французскими* тай-

ными обществами. Поясните съ точностію: какого рода, когда и чрезъ кого происходили сіи сношенія?

Южное общество никогда никакихъ не имѣло сношеній съ французскими тайными обществами, а члены, сіе показывающіе, ошибаются, полагая, вѣроятно, сіи сношенія заведенными, потому что графъ Полиньякъ, отъѣзжая во Францію, принялъ порученіе узнать, существуютъ ли тайныя общества во Франціи. Но отвѣта о семъ отъ него не получено (тоже, п. 45).

Х. Арестъ.

Въ половинѣ ноября 1825 года вы вручили поручику Крюкову 2-му тайныя бумаги свои для сохраненія въ Тульчинѣ, а 27-го того же мѣсяца вы присылали его же, Крюкова, въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ извѣстіемъ, что правительство узнало о существованіи тайнаго общества. Между тѣмъ изысканія со стороны правительства начались не прежде половины декабря; слѣдовательно вы имѣли свѣдѣнія о семъ за мѣсяць ранѣе.

Объясните чистосердечно: а) Что именно побудило васъ къ сокрытію бумагъ въ половинѣ ноября, когда правительство не принимало еще никакихъ мѣръ, и когда извѣстность его объ обществѣ составляла неприкаемую тайну? и

б) Когда, отъ кого и какимъ образомъ въ концѣ ноября Вы получили то извѣстіе, которое чрезъ Крюкова 2-го сообщили Сергѣю Муравьеву?

Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующія. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь изъ Таганрога и въ скорости потомъ поѣхалъ начальникъ Главнаго штаба къ г. Главнокомандующему на встрѣчу, не дождавшись его прибытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Г. Главнокомандующій, пріѣхавъ, казался очень пасмуренъ. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали мы, что сей фельдъегерь привозилъ извѣстіе о болѣзни Государя Императора (показанія 6 апрѣля, п. 33).

Князь Барятинскій, въ продолженіе ноября и въ самомъ началѣ декабря 1825 года неоднократно посылалъ къ вамъ изъ Тульчина съ раз-

ными извѣстіями свитскихъ офицеровъ: Крюкова 2-го, Заикина и Загорецкаго.

Поясните: кто именно изъ офицеровъ сихъ пріѣзжалъ къ вамъ въ означенное время, какія чрезъ нихъ и отъ кого сообщены были вамъ свѣдѣнія, и особенно, когда дѣйствительно узнали вы отъ князя Волконскаго о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, и что именно при семъ случаѣ еще сообщилъ вамъ Волконскій?

О пріѣздѣ Крюкова объяснился я въ предыдущемъ пунктѣ.

Заикинъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о болѣзни Государя Императора и на возвратномъ пути долженствовалъ онъ захватить въ Немировѣ, дабы оттуда взять съ собою мои бумаги въ Тульчинѣ; объ исполненіи же сего не имѣлъ я уже свѣдѣній.

Загорекій ни съ какимъ извѣстіемъ не пріѣзжалъ, и не отъ кн. Бяратинскаго, а самъ собою заѣзжалъ; когда изъ Махновки, гдѣ былъ на рекогносцировкѣ, возвращался въ Тульчинъ.

Отъ кн. Волконскаго узналъ я 28-го или 29-го ноября о кончинѣ Государя Императора чрезъ письмо, доставленное ко мнѣ Азовскаго полка маіоромъ Дреперномъ, который однакоже не былъ членомъ тайнаго общества. Кромѣ извѣстія о кончинѣ Государя Императора не содержало письмо кн. Волконскаго никакого другаго извѣщенія (тоже, п. 34).

При свиданіи вашемъ съ Давыдовымъ и Волконскимъ въ декабрѣ 1825 года вы обѣщали снестись съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы онъ по извѣстной рѣшимости его не началъ дѣйствій безвременно.

Поясните: когда и чрезъ кого имѣли вы вслѣдствіе сего сношеніе съ С. Муравьевымъ и какой получили отъ него отвѣвъ?

Послѣ возвращенія моего отъ кн. Волконскаго до времени моего арестованія не имѣлъ я никакого удобнаго случая для сношенія съ Муравьевымъ и долженъ былъ очень быть осторожнымъ. ибо мои подозрѣнія объ извѣстности правительству объ обществѣ усилились чрезвычайно въ сіе время тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ главной квартиры присланъ былъ адъютантомъ для присутствованія при присягѣ. Посему и отъ Муравьева отвѣва не имѣлъ (тоже п. 37).

За нѣсколько дней до арестованія вашего князь Волконской послалъ къ вамъ чрезъ капитана Фохта письмо, до дѣйствій общества касавшееся, которое по словамъ Фохта доставлено вамъ въ то самое время, когда озабочены были отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ.

Поясните: какого содержанія было сіе письмо Волконскаго, и что вы отвѣчали ему на оное?

Сіе письмо содержало родъ лексикона, составленнаго кн. Волконскимъ для дальнѣйшей переписки со мною. Я ему на сіе письмо ничего не отвѣчалъ и передъ отъѣздомъ въ Тульчинъ сжегъ оное (тоже, п. 38).

Означенный же Фохтъ привозилъ къ вамъ письмо отъ Волконскаго

въ августѣ 1825-го, а вы поручали ему, Фохту, доставить такое же отъ васъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу.

Объясните: въ чемъ заключались письма, какъ полученное вами отъ Волконскаго, такъ и посланное съ Фохтомъ къ Муравьеву?

Сіе письмо было не отъ князя Волконскаго, но отъ Давыдова и содержало извѣстіе объ открывшихся сношеніяхъ съ Бошнякомъ. Мое же письмо къ Сергѣю Муравьеву содержало приглашеніе, чтобы онъ или Бестужевъ пріѣхали въ Линцы по случаю важнаго извѣстія, которое имѣю имъ сообщить. Извѣстіе же сіе было то самое, о которомъ Давыдовъ писалъ ко мнѣ чрезъ Фохта (тоже, п. 39).

Комитетъ имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія, что во время нахождения вашего подъ арестомъ у генерала Байкова, князь Волконскій видѣлся и говорилъ съ вами.

Поясните откровенно: въ чемъ именно заключались разговоры ваши съ княземъ Волконскимъ въ сіе время?

К. Волконскій, нашедъ меня у генерала Байкова, имѣлъ только время мнѣ сказать: Prenez courage. На что я отвѣтилъ: Je n'en manque pas; ne vous inquiétez pas.

Онъ продолжалъ: Le Bégne (то есть: кн. Барятинскій) est aussi arrêté. Болѣе же ни слова (показанія 6 апрѣля, п. 40).

При осмотрѣ нашемъ здѣсь найденъ былъ при васъ ядъ.

Объясните чистосердечно: когда, гдѣ и отъ кого именно получили и для чего имѣли при себѣ оный?

Во время войны, видя часто жестокія раны и страданія тѣхъ, которые неминуемо должны были умереть, особенно непріятелей, лежащихъ на мѣстѣ сраженія, возымѣлъ я желаніе имѣть при себѣ ядъ, дабы посредствомъ онаго, ежели смертельнымъ образомъ раненъ буду, избавиться отъ жестокихъ послѣднихъ мученій. Сія мысль особенно во мнѣ усилилась во время Лейпцигскаго сраженія. И потому по взятіи города нашель я сей ядъ въ одной аптекѣ и далъ за него червонецъ. Я его все время хранилъ секретно, никому ни слова о томъ не говоря, и когда отбѣзжалъ въ Тульчинъ, то взялъ съ собою, и потомъ сюда привезъ. Употребить хотѣлъ я его для самого себя на случай, что успѣю сохранить оный и такія бы встрѣтились обстоятельства, перенесенію коихъ я бы смерть предпочиталъ, то есть пытка или что либо тому подобное; разсуждая, что ежели пытокъ болѣе не существуетъ, то сей ядъ никому никакого вреда не сдѣлаетъ. (Тоже, п. 47).

Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда ¹⁾.

Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Пестель*.

Обстоятельства, принадлежащія къ силѣ вины, суть:

1. *Участіе въ учрежденіи начальнаго тайнаго общества.*

Онъ былъ въ числѣ *основателей* первоначальнаго тайнаго общества, подъ названіемъ *Союза Спасенія*, или *Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, и писалъ уставъ для онаго.

Въ образованномъ потомъ *Союзѣ Благоденствія* оставался кореннымъ членомъ, завелъ въ Тульчинѣ управу, и въ собраніи коренной Думы (въ Петербургѣ) излагалъ мнѣніе о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія. По его увѣренію, всѣ присутствовавшіе единогласно избрали правленіе республиканское. Мысль о семъ родѣ правленія Пестель перевесъ на югъ и сообщилъ Тульчинскимъ членамъ, въ видѣ рѣшенія коренной Думы, имѣвшей законодательную власть союза.

2. *Учрежденіе общества.*

Когда объявлено было уничтоженіе Союза Благоденствія (1821) онъ рѣшился продолжать оный съ нѣкоторыми перемѣнами. По его предложенію Тульчинскіе члены согласились остаться въ семъ обществѣ, и приняли республиканскую цѣль его, съ упраздненіемъ престола и съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои были бы тому препятствіемъ. Въ это время Пестель сдѣлался начальникомъ или предсѣдателемъ Тульчинской думы, съ полною надъ членами властію.

Онъ написалъ уставъ для республиканскаго правленія, подъ именемъ *Русской Правды*, объяснялъ оный въ собраніяхъ членовъ, и согласилъ принять его. Въ 1822 году въ Кіевѣ избранъ первымъ директоромъ южнаго общества.

На совѣщаніяхъ, происходившихъ (въ 1823 году) въ Кіевѣ и Каменкѣ, предлагалъ южнымъ членамъ и сочленамъ ихъ введеніе въ государствѣ республиканскаго правленія посредствомъ военной революціи и учрежденіе временнаго правленія. Тамъ же были одобрены и два революціонные способа къ достиженію цѣли: одинъ, чтобы начать переворотъ въ столицѣ съ содѣйствіемъ арміи, а другой, чтобы начать таковой въ арміи, съ помощію сѣвернаго общества.

3. *Привлеченіе товарищей.*

Въ Союзѣ Благоденствія Пестель пригласилъ между прочими Краснокутскаго; а преобразовавъ общество въ Тульчинѣ, привлекъ къ оному Никиту Муравьева, въ званіи третьяго начальника думы,

¹⁾ См. „Былое“, февраль, стр. 183.

князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя Муравьева-Апостола, Вадковскаго, Свистунова, Депперадовича, Лорера и Лемана.

4. *Привлеченіе рядовыхъ.*

Поручилъ двумъ ротнымъ командирамъ привлекать къ себѣ лучшихъ нижнихъ чиновъ и стараться направить ихъ къ цѣли общества.

Зналъ и одобрялъ дѣйствія С. Муравьева и Бестужева на привлеченіе бывшихъ Семеновскихъ солдатъ и полагалъ на нихъ надежду.

5. *Рѣчи и сочиненія, какъ средства къ привлеченію.*

Силою слова вливалъ въ своихъ сообщниковъ духъ преобразования до такой степени, что никто изъ нихъ не могъ ему противорѣчить; а многихъ изъ нихъ, читая отрывки изъ Русской Правды, еще болѣе прилѣплялъ къ своимъ мнѣніямъ.

6. *Сочиненія возмутительныя.*

При началѣ революціи предполагалъ выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ.

Зналъ о политическомъ катехизисѣ Никиты Муравьева.

Поручилъ Лихареву написать замѣчанія о военныхъ поселеніяхъ, а Заикину съ Вобрищевымъ-Пушкинымъ мнѣніе о квартирмейстерской части.

7. *Возбужденіе къ мятежу, словесное и письменное.*

Раздѣлялъ рѣшительное намѣреніе общества о началіи мятежныхъ дѣйствій въ 1826 году, и увѣрялъ сѣверное общество чрезъ Трубецкаго, что самъ откроетъ таковыя въ арміи.

Условился съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ начать возмущеніе и ранѣе 1826-го года, если обстоятельства сего потребуютъ.

Умышлялъ арестовать главную квартиру 2-й арміи 1-го января 1826 года, при вступленіи въ карауль съ полкомъ своимъ, и поручилъ свитскимъ офицерамъ при началѣ дѣйствій задержать главнокомандующаго и начальника штаба, а командиру артиллерійской роты быть готовымъ къ движенію.

Намѣревался, при совершеніи переворота, принудить синодъ и сенатъ: а) объявить временное правленіе, составленное изъ членовъ общества и облеченное неограниченною властью, в) дать оному всеобщую присягу, с) обнародовать два манифеста отъ синода и сената, что временное правленіе займется постепеннымъ введеніемъ конституціи, главныя основанія коей должны быть приложеніемъ къ манифестамъ (Русская Правда); всѣ же мѣста по временному правленію, министерствамъ и арміи занять членами общества.

Съ 1823 года вошелъ въ сношенія съ сѣвернымъ обществомъ, чрезъ бывшихъ въ Петербургѣ южныхъ членовъ и самъ лично старался водворить тамъ преступныя свои намѣренія, соединить оба общества и направить ихъ къ началію мятежныхъ дѣйствій, и замышлялъ учредить въ Петербургѣ особое общество.

8. *Оружіе.*

Зналъ о умыслахъ Сергѣя Муравьева съ товарищами: а) 1823-го года въ лагерѣ при Бобруйскѣ—овладѣть особами покойнаго государя и нынѣ царствующаго императора и барономъ Дибичемъ и в) 1825-го года въ лагерѣ при Лещинѣ—арестовать генераловъ Рота и Толя; въ обоихъ же случаяхъ—возмутить войска и идти въ Москву.

9. *Предательство государства.*

Съ 1823 года (черезъ Бестужева и Муравьева) открылъ сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ, а въ 1825-мъ и самъ производилъ переговоры съ присланными изъ Варшавы княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ, общалъ Польшѣ независимости и уступку завоеванныхъ областей, и требуя отъ нея содѣйствія въ революціи, одинаковаго образа правленія и поступленія съ Цесаревичемъ такъ, какъ русское злоумышленное общество поступитъ съ прочими великими князьями. А между тѣмъ черезъ Бестужева же требовалъ отъ поляковъ истребленія его высочества Цесаревича.

10. *Умысль на царубійство.*

На совѣщаніяхъ (1823 г.) въ Кіевѣ и Каменкѣ предлагалъ членамъ и доказывалъ необходимость истребленія государя и всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи, рассуждалъ о средствѣ исполненія сего ужаснаго злодѣянія, черезъ партію рѣшительныхъ людей подѣ названіемъ (cohorte perdue), а послѣ (1824) съ хладнокровіемъ считалъ по пальцамъ самую жертву императорской фамиліи.

Для сего же преступнѣйшаго предпріятія, онъ намѣревался составить особенную партію заговорщиковъ внѣ общества, такъ чтобы дѣйствіе ея не могло служить для онаго укоризною. По собственному признанію его, истребленіе императорской фамиліи полагалось началомъ революціи.

Одобрилъ и готовность содѣйствовать заговору о покушеніи на жизнь Государя въ лагерѣ при Бѣлой церкви (1824), поручивъ свитскимъ офицерамъ заготовить армейскими мундирами, и снабдивъ одного изъ нихъ духовымъ ружьемъ.

Зналъ о намѣреніяхъ, или планахъ заговорщиковъ посягнуть на жизнь покойнаго государя:

а) въ 1816-мъ году на Царскосельской дорогѣ съ партіею въ маскахъ.

в) въ 1817-мъ году въ Москвѣ, когда вызвался Якушкинъ.

с) въ 1824-мъ году въ Петербургѣ, когда замышлялъ о царубійствѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль.

и д) въ 1825-мъ году въ лагерѣ при Лещинѣ, откуда полагали отправить царубійца въ Таганрогъ и гдѣ вызвался на сіе Артамонъ Муравьевъ.

Сверхъ того (въ 1820 г.) былъ въ частномъ собраніи членовъ, гдѣ въ первый разъ говорено было о царубійствѣ, и гдѣ Пестель доказывалъ, что безначаліе и беспорядокъ, отъ сего произойти

долженствующіе, легко можно отвратить учрежденіемъ временнаго правительства.

11. *Вызовъ на цареубійство.*

Подполковникъ Поджіо утверждалъ слышанное отъ Пестеля, что сей послѣдній поручалъ князю Борятинскому набрать 12 человекъ отважнѣйшихъ (для истребленія); но ни Пестель, ни Борятинскій не признались и не уличены.

12. *Убѣжденіе или нарядъ на цареубійство.*

Равномѣрно Никита Муравьевъ показывалъ, что Пестель намѣревался, по совершеніи умышеннаго истребленія Императорской фамиліи, самыхъ заговорщиковъ, оное исполнившихъ, предать мщенію правосудія, какъ убійцъ; но Пестель отрекся и не уличенъ.

13. *Дѣйствительное совершеніе убійства.*

Въ дѣйствительныхъ убійствахъ не участвовалъ.

Н. П. Сильванскій.

Крестьянскія воспоминанія о П. И. и Б. И. Пестель.

(изъ села Стажковъ Вязниковскаго уѣзда Владимирской губ.)

Община, въ которой я родился и живу, носитъ и до сего времени названіе Пестелевой. Официально по уставной грамотѣ пишется бывшая Г-жи Оттъ. Путемъ опроса стариковъ выяснилось, что Г-жа Оттъ была сестра или близкая родственница Пестелей, къ которой за смертью ихъ и перешли крестьяне вмѣстѣ съ землей. Въ 1888 году въ первый разъ мнѣ пришлось прочитать о Декабристахъ, я заинтересовался и сталъ спрашивать стариковъ, знаютъ ли они, кто были ихъ господа Пестели. Одинъ изъ самыхъ старыхъ и грамотный объяснилъ, что нашего барина Павла Ивановича Пестеля вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ и другими повѣсилъ Николай I за то, что они хотѣли освободить крестьянъ, а Борисъ Ивановичъ Пестель былъ Владимирскимъ губернаторомъ. Тутъ уже присоединились сообщать и другіе крестьяне, помнящіе крѣпостное право. Какое крѣпостное право, тогда мы жили лучше, чѣмъ теперь, говорили крестьяне. У насъ не было никакой барщины, насъ ни чѣмъ не тѣснили, живи какъ хочешь, были мы на оброкѣ, да и тотъ плохо платили, однѣ недоимки были за нами. Вотъ когда накопилось за нами много недоимокъ, а барамъ денегъ нѣтъ да нѣтъ, тогда братья Пестели потребовали къ себѣ нашего бурмистра Тихона, котораго у насъ, надѣясь на баръ, плохо боялись. Конечно, Тихонъ поѣхалъ съ книгами, гдѣ писались недоимки, и сталъ объяснять разныя причины, по которымъ плохо платятъ оброкъ. Это было приблизительно въ 1815 году. Въ комнатѣ, гдѣ давалъ отчетъ Тихонъ своимъ господамъ, топились печка; тогда братья Пестели распорядились, чтобы бурмистръ бросалъ книги въ печку. Тихонъ отъ радости перепугался и положилъ съ краю. Тогда подошелъ Павелъ Ивановичъ Пестель и ногой швырнулъ ихъ въ самый огонь, приговаривая: „вотъ такъ ихъ, подальше“. Потомъ наказали бурмистру передать мужикамъ, что недоимки сгорѣли, и чтобы больше этого не было. Возвратившись домой, Тихонъ разсказалъ объ этомъ крестьянамъ, конечно всѣ были довольны и хвалились своими господами на зависть сосѣдямъ, гдѣ были порядки суровые. Оставшуюся за надѣломъ землю г-жа Оттъ отдала бесплатно всю крестьянамъ, притомъ говорила, чтобы мы добромъ поминали своихъ помѣщиковъ. Память о Пестеляхъ жива еще въ нашей общинѣ

и старики съ гордостью передають потомству исторію съ недоимками и о бесплатно полученной землѣ. Слова, что мы бывшіе Пестелевы, сейчасъ часто слышатся съ селѣ и намъ молодымъ крестьянамъ теперь ясно, почему это до сихъ поръ не забывается. Во времена ужаснаго крѣпостного права нашимъ предкамъ жилось лучше чѣмъ теперь. Даже теперь, если заглянуть въ сборники оцѣночно-экономическаго бюро Владимірскаго земства по Вязниковскому уѣзду, то у общинъ бывшихъ Пестелей все есть десятины пслторы-двѣ лишней земли противъ другихъ крестьянъ сосѣдей.

Крестьянинъ И. В. Маіоровъ.

9 марта.
1906 г.

Антонъ Антоновичъ
КОСТЮШКО-ВАЛЮЖЕНИЧЪ.

Разстрѣлянъ въ Читѣ 2 марта 1906 года
подъ фамиліей Григоровича.

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ КОСТЮШКО-ВАЛЮЖЕНИЧЪ¹⁾.

(Воспоминанія).

Я знала Костюшко почти съ его дѣтства; онъ былъ товарищемъ моего сына въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ. Всегда отзывчивый на все хорошее и справедливое, онъ былъ прекраснымъ товарищемъ, не смотря на то, что, благодаря выдающимся способностямъ, шель первымъ и въ старшихъ классахъ былъ фельдфебелемъ.

Происходилъ онъ изъ военной среды, но чѣмъ становился старше, тѣмъ болѣе критически относился къ ней. Его заветной мечтой было поступить по окончаніи корпуса въ одинъ изъ институтовъ для высшаго образованія; но судьба рѣшила иначе. Въ послѣднія каникулы умеръ его отецъ, средства къ жизни измѣнились, пришлось поступить въ Павловское военное училище, чтобы скорѣе встать на ноги и заботиться о семьѣ. Жизнь въ училищѣ съ ея нелѣпыми требованіями, военной выправкой, была очень тяжела для такого пылкаго юноши, какимъ былъ Костя²⁾. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ въ отпускъ внѣ себя отъ всего происходящаго вокругъ него. Я смягчала, какъ могла, училищные нравы, объясняя ихъ необходимостью военной дисциплины, и старалась всѣми силами успокоить его на нѣсколько училищныхъ дней до слѣдующаго отпуска; онъ часто говорилъ, что если бы не отпуска два раза въ недѣлю, не вынести бы ему военного режима.

Въ это время у меня бывало очень много учащейся моло-

¹⁾ Въ газетахъ было сообщено, что генераломъ Рененкампомъ казненъ въ числѣ другихъ въ Чатъ техникъ Григоровичъ. Вскорѣ оказалось, что фамилія Григоровичъ не настоящая, и что подъ этой фамиліей жилъ бѣжавшій политическій каторжанинъ, осужденный за участіе въ известной „Романовской“ исторіи въ Якутскѣ, членъ Р. С. Д. Р. партіи А. А. Костюшко-Валюженичъ. Ставъ себѣ задачею содѣйствовать всѣми силами сохраненію памяти всѣхъ борцовъ, погибшихъ за великое дѣло освобожденія и обновленія Россіи. „Былое“ съ особою готовностью плетъ навстрѣчу желанію одного изъ товарищей по „Романовѣ“ покойнаго Костюшко помѣстить на своихъ страницахъ портретъ казеннаго борца, а также воспоминанія о немъ близкаго ему лица. *Ред.*

²⁾ Такъ называлъ его мой сынъ въ корпусѣ, и это названіе сохранилось за нимъ на всю жизнь: такъ звали его товарищи по корпусу и училищу, такъ звали его въ тюрьмѣ и въ дашевой Якутской ссылкѣ, такъ буду называть и я его въ моихъ воспоминаніяхъ.

дежи, спорили, шумѣли, говорили о борьбѣ съ гнетущимъ зломъ, мечтали о будущемъ, о свѣтлыхъ дняхъ свободы.

Во всѣхъ этихъ разговорахъ принималъ участіе и Костя, всегда сильно волновавшійся и жадно вслушивавшійся во все, что говорилось. Какъ онъ всегда оттягивалъ свое возвращеніе въ училище до послѣдней минуты, какъ точно было высчитано, сколько минутъ требовалось пробѣжать съ третьей линіи Васильевскаго острова на Петербургскую сторону! За два года его училищной жизни, мы такъ привыкли къ нему, такъ полюбили его, что онъ сталъ совершенно своимъ человѣкомъ. Какъ дорогое воспоминаніе этого времени, у меня осталась его карточка съ надписью: «Благодаря Вамъ, дорогая О. Ив., и всему Васъ окружающему и Петербургъ мнѣ сдѣлался милъ, и двухлѣтнее пребываніе въ немъ оставило не одни мрачныя воспоминанія».

Кончилъ онъ училище вторымъ, лишь только потому, что *хотѣлъ* быть первымъ, и вышелъ въ Москву въ Несвижскій гренадерскій полкъ, выбравъ его за простоту формы. Велико было удивленіе товарищей и ближайшаго начальства, что онъ пренебрегъ правомъ сдѣлать блестящую карьеру гвардейскаго офицера, но Костя думалъ иначе. Помню я, какъ въ день производства, 11 августа 1896 года, вся молодежь, только что надѣвшая новенькіе мундиры, чувствуя себя теперь взрослыми людьми, устремилась во всевозможные лѣтніе сады и театры, гдѣ сидѣла и кутила рядомъ съ своимъ вчера еще строгимъ начальствомъ,—а нашъ милый юный офицеръ сидѣлъ у меня весь вечеръ и рисовалъ мнѣ планы своей будущей жизни.

Сколько честнаго, хорошаго было въ его словахъ! Какъ хотѣлъ онъ быть полезнымъ и какъ вѣрилъ въ свои силы, надѣясь, что, живя близко къ солдатамъ, онъ внесетъ имъ много свѣта, постарается развить некультурную массу и т. п. На мои замѣчанія, что при военной постановкѣ дѣла такая культурная задача очень трудна, онъ отвѣчалъ полнымъ недовѣріемъ.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ службы онъ понялъ, что я была права, и говорилъ много объ этомъ въ своихъ письмахъ. Убѣдившись, что не можетъ исполнять свой долгъ такъ, какъ онъ его понималъ, Костя рѣшилъ выйти въ запасъ, хотя зналъ, что это сдѣлать очень трудно, ибо за казенное образованіе каждый офицеръ обязанъ отслужить три года въ полку; но тутъ случай помогъ ему. Однажды онъ гдѣ то познакомился съ почтеннымъ старичкомъ-докторомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ Москвѣ. рассказалъ ему про свое стремленіе къ наукѣ, желаніе вырваться изъ военной среды; между прочимъ сообщилъ о томъ, что въ училищѣ у него была трахома глазъ. Вотъ за это обстоятельство и ухватился добрый старикъ, научилъ, что и какъ надо сдѣлать, чтобы добиться увольненія. И вотъ черезъ годъ послѣ производства Костюшко уже былъ студентомъ сельско-хозяйственнаго института въ Новой Александріи. Пока онъ жилъ въ Москвѣ, онъ успѣлъ устроить свою семью: опредѣлилъ сестеръ въ гим-

назю, отдавалъ матери все свое жалованье, не позволяя себѣ даже тратить на извозчика, Костя бѣгалъ всегда пѣшкомъ въ свои казармы на другой конецъ города; въ крайнемъ случаѣ, пользовался конкой.

Первый годъ въ Институтѣ жить было еще труднѣе: средствъ не было, приходилось бѣгать по грошовымъ урокамъ, питаться впроголодь, но это нисколько не угнетало Костю, и на Рождество онъ пріѣхалъ веселый и бодрый, какъ всегда; знакомился со многими (теперь уже самостоятельно) студентами, курсистками, знакомился съ Петербургомъ, жаловался лишь на то, что приходилось мало заниматься, такъ какъ массу времени отнимали уроки, которые составляли его единственный источникъ существованія. На второмъ курсѣ стало легче; получивъ стипендію, онъ сначала усердно принялся за занятія, особенно за химію; но наступилъ 99-й годъ, начались студенческія волненія; конечно, и онъ участвовалъ въ нихъ. Вскорѣ у него былъ сдѣланъ обыскъ, несмотря на то, что ничего не было найдено,—Костя попалъ подъ надзоръ полиціи; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ ему удалось поѣхать въ Москву делегатомъ отъ студентовъ Института, собрать нужныя свѣдѣнія и вернуться благополучно, привезя съ собою много нелегальной литературы. Въ маѣ мѣсяцѣ Костя былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія.

Надо было думать о заработкѣ и вмѣсто каникулярнаго отдыха (каникулы онъ обыкновенно дѣлилъ между своей и моей семьей) пришлось все лѣто работать. Чтобы лучше познакомиться съ экономическими условіями жизни рабочихъ, онъ взялъ мѣсто десятника при постройкѣ моста въ Самарѣ и жилъ въ Покровской слободѣ среди рабочаго люда. Многому онъ тутъ научился, многое понялъ и впервые ясно представилъ себѣ цѣль своей будущей дѣятельности. Мнѣ очень жаль, что письма его этого періода не сохранились у меня.

Осенью онъ пріѣхалъ отдохнуть въ Кременчугъ, гдѣ я временно жила, и очень скоро по пріѣздѣ заболѣлъ острымъ мышечнымъ ревматизмомъ. Лѣтняя работа по колѣно въ водѣ не прошла даромъ. Но ни болѣзнь, ни нужда не сломили энергіи этого недюжиннаго человѣка, и онъ бодро шелъ по намѣченному пути. Болѣзнь уложила его на два мѣсяца, но лишь прошелъ періодъ острыхъ болей, у его постели сталъ собираться порядочный кружокъ учащейся молодежи. Это былъ годъ массовыхъ увольненій, съ запретомъ жизни въ столицахъ, потому тутъ были студенты разныхъ учебныхъ заведеній; всѣ они полюбили Костю; были тутъ и его товарищи по институту; у одного изъ нихъ Д. ¹⁾, уже окончившаго и служащаго въ земствѣ, онъ въ это время и жилъ. Я ежедневно навѣщала Костю, и иногда прямо удивлялась выносливости и жизнерадостности этого человѣка. Эту зиму

¹⁾ Д. въ декабрѣ 1905 года сосланъ въ Архангельскую губернію за участіе въ освободительномъ движеніи.

онъ много читалъ: все, что можно было достать въ Кременчугскихъ бібліотекахъ,—все перебивало у него. Кромѣ того, онъ изучалъ французскій языкъ; въ послѣдствіи, въ тюрьмѣ, онъ изучилъ его настолько, что могъ писать свободно длинныя письма; тамъ же онъ совершенствовался въ нѣмецкомъ и началъ занятія англійскимъ. Въ февралѣ мы разстались: я уѣхала въ Петербургъ, онъ отправился репетиторомъ куда-то въ деревню Полтавской губерніи. Послѣ этого мы больше съ нимъ не видѣлись, знали только другъ о другѣ изъ переписки. Осенью хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, онъ поступилъ въ Екатеринославское горное училище; каникулы провелъ на Брянскомъ заводѣ, увлекался тамъ сильно работой,—прямо съ восторгомъ иногда описывалъ ее,—и все звалъ насъ пріѣхать къ нему, полюбоваться на доменную печь, про которую говорилъ, какъ про живое существо; нравилась она ему своею мощью. Вообще онъ не любилъ слабыхъ людей, самъ былъ съ большою силой воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ много теплаго чувства было у него. Помню, въ одинъ изъ его пріѣздовъ я была больна; какъ онъ ухаживалъ за мною, съ чисто сыновней заботливостью проводилъ ночи у моей постели, чередуясь съ моими дѣтьми!

Въ январѣ 1902 года Костя былъ арестованъ за пропаганду среди рабочихъ и Екатеринославскую демонстрацію. Арестъ не былъ для него неожиданностью, онъ ждалъ его и за двѣ недѣли передъ тѣмъ отправилъ домой въ Москву письма и карточки, чтобы никого не вмѣшивать. Въ тюрьмахъ Екатеринославской и потомъ Ново-Московской онъ просидѣлъ полтора года и затѣмъ сосланъ въ Якутскую область, но не смотря ни на что, письма его были всегда бодрья, полныя надежды на лучшія времена. Въ ссылку за нимъ послѣдовала его жена, совсѣмъ юная женщина. Онъ очень поэтично описывалъ свою жизнь въ улусѣ, рыбную ловлю и т. п. Участвуя въ Романовской исторіи въ Якутскѣ, былъ раненъ, опять попалъ въ тюрьму, судимъ, приговоренъ къ каторгѣ и 29 августа 1905 года бѣжалъ. Я долго ничего о немъ не знала, и вдругъ въ январѣ этого года получается письмо изъ Читы, какъ всегда бодрое; между прочимъ, онъ писалъ: «Какъ жилъ, что дѣлалъ, писать не стоитъ; надѣюсь, судьба опять сведетъ, тогда все расскажу».

Письмо было послано въ ноябрѣ, но гдѣ-то лежало. Я сейчасъ же написала ему, но въ то время, когда я радовалась, что человекъ—борецъ за правду и свободу—вырвался изъ тюрьмы,—онъ уже опять былъ въ когтяхъ Рененкампа. Вотъ какъ описываетъ мнѣ мать со словъ его жены послѣдніе дни жизни ея сына въ Читѣ: «Пріѣхалъ онъ туда въ ноябрѣ ¹⁾ и сожалѣлъ, что не засталъ начала митинговъ. Сотрудничалъ въ газетѣ «Забайкалье», получая 100 р. въ мѣсяцъ, и занимался агитаціей среди

¹⁾ Послѣ побѣга товарищи такъ его изолировали, что и вѣсть о 17 октября не скоро дошла до него.

солдаты, которые видѣли въ немъ не агитатора только, но близкаго человѣка — друга. Потому онъ былъ начальникомъ дружины». Сообщая далѣе о планахъ какъ Костюшко, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, а также объ ихъ арестѣ, авторъ разсказа продолжаетъ: «одна женщина послѣ суда принесла всѣмъ бороды для удобства побѣга, но ихъ перехватили; рабочіе и солдаты гарнизона увѣряли ее, что не дадутъ разстрѣлять, помогутъ бѣжать, но это имъ не удалось. Смертная казнь была совершена 2 марта. Жена слышала, какъ онъ сказалъ солдатамъ: «Солдаты, за васъ мы погибаемъ, и вы же насъ будете разстрѣливать».

Итакъ, благодаря дикой реакціи, погибъ еще одинъ талантливый, сердечный человѣкъ, борясь до послѣдней минуты своей жизни за свободу своей родины. Миръ праху твоему, мой любимый, дорогой Костя!

О. Г.

Мартынъ Лангансъ ¹⁾.

(изъ воспоминаній).

Моя первая встрѣча съ Мартыномъ Лангансомъ была въ 1878 г. Давно это было: только что кончился процессъ 193, первый, послѣ Декабристовъ, такой крупный по числу привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Лангансъ просидѣлъ въ Предварилкѣ больше года и былъ судомъ оправданъ, или скорѣе причисленъ къ категоріи административно караемыхъ полицейскимъ надзоромъ. Но здоровье его всегда слабое, съ большой склонностью къ груднымъ заболѣваніямъ, сильно пошатнулось отъ продолжительнаго тюремнаго заключенія. У насъ на хуторѣ въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ. работалъ въ то время съ нами и жилъ ближайшій другъ и товарищъ по гимназіи Ланганса—Николай Прохоровичъ Макавѣевъ, тоже только что освобожденный по процессу 193. Рѣшено было пригласить на хуторъ Ланганса на поправку, включить его въ нашу народническую колонію. Къ тому же и домъ уже нашъ былъ къ этому времени оконченъ, и Лангансу не предстояло жить, какъ жили мы все лѣто въ простой избѣ. То было время народническихъ поселковъ: такъ горячо вѣрилось, что только въ общей жизни съ крестьянами, жизни полной такого же чернаго труда, такихъ же лишеній, какъ и ихняя, и заключается секретъ довѣрчивыхъ взаимныхъ отношеній, возможность сближенія, пропаганды... Эта заветная цѣль давала силы и землю пахать, и стирать, никогда раньше не бывавши и въ кухнѣ, и мыть бѣлье, съ восторгомъ видѣть, какъ грубѣютъ руки, какъ ноги привыкаютъ къ тяжелымъ сапогамъ. Макавѣевъ, какъ натура экспансивная, особенно былъ увлеченъ нашей хуторской работой и всѣ дни проводилъ то за плугомъ, то за топоромъ, ѣздилъ съ крестьянами лѣсъ рубить, пилъ водку для ближайшаго единенія, но послѣ каждой народнической выпивки страдалъ мучительными мигренями.

Домъ былъ уже готовъ, оставались только внутреннія подѣлки,

¹⁾ См. Процессъ 20-ти народолюбцевъ въ январ. кн. „Былого“.

и Макавѣвъ постоянно говорилъ: «вотъ Мартынъ прійдетъ, онъ вѣдь столяръ у насъ!»

Онъ пріѣхалъ худой, болѣзненный, съ сухимъ кашлемъ, разрывающимъ ему грудь, и сразу все какъ будто не то стало: умные пытливые глаза Ланганса какъ будто заглянули намъ въ душу и спросили: «а чѣмъ это вы тутъ забавляетесь?» И всѣмъ намъ почувствовалась какая-то неудовлетворенность, двойственность.

Лангансъ и не критиковалъ ничего, онъ подчинился нашему трудовому режиму, работалъ, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, рубилъ ихъ, съ плотниками дворовыя постройки помогалъ достраивать, но дѣлалъ все это безъ нашего упоенія, безъ всякаго самообмана. Мы старались къ книжкамъ не притрогиваться; какъ иногда бывало ни хотѣлось читать, но вѣдь читать казалось чересчуръ дворянскимъ занятіемъ, читали только вслухъ крестьянамъ, опредѣленныя книги и жадно слѣдили за впечатлѣніемъ, увы! очень часто совершенно безнадежнымъ. Лангансъ наоборотъ привезъ съ собой нѣсколько серьезныхъ книгъ и, когда не хотѣлось работать, спокойно читалъ ихъ, а безъ газетъ не могъ прожить и дня; въ дружбу къ крестьянамъ не навязывался, но сразу завоевалъ себѣ ихъ уваженіе. Остроумный и наблюдательный онъ высказывался всегда рѣзко и беспощадно о правительствѣ, но надъ приемами пропаганды Макавѣва жестоко издѣвался; онъ видѣлъ всю трудность того пути, которымъ мы пошли, доказывалъ горячо, что такому народничанью, какъ наше «грошъ дѣна». «Вѣдь крестьяне смѣются, глядя, какъ ты пахешь землю. А въ это время ты могъ бы быть гораздо полезнѣе въ городѣ, въ партіи». Въ противоположность Макавѣву онъ не восторгался народомъ, онъ не скрывалъ отъ себя ни его пороковъ, ни его темноты. Но любилъ онъ его какой-то мучительной, страстной любовью. Часто ѣздили мы съ Лангансомъ по сосѣднимъ селамъ, лечили больныхъ. У одного сапожника намъ приходилось перевязывать гнойную рану на ногѣ: сколько мягкой ласки проявлялось у Ланганса при этомъ уходѣ за больными, какъ тепло становилось бѣдняку около этого будущаго террориста, умѣвшаго безъ всякаго внѣшняго лиризма обогрѣть cadaго своей любящей душой.

Лангансъ принадлежалъ къ партіи Народной Воли и считалъ, что ея политическія задачи и были особенно необходимы для того времени, его постоянно тянуло въ городъ къ иной совершенно работѣ, къ другой болѣе живой средѣ, чѣмъ наша тихая идиллія въ лѣсу. Но его здоровье было такъ плохо, что намъ удалось уговорить его перезимовать у насъ.

Между тѣмъ съ наступленіемъ осени приходилось подвести итоги нашей лѣтней идилліи: у насъ былъ домъ, амбаръ, прекрасная конюшня, слишкомъ хорошія для имѣнія въ 15 десятинъ. Съ поля мы собрали нѣсколько пудовъ чуднаго золотистаго проса, бураковъ и капусты, но все это едва ли могло про-

кормить насъ всю зиму и не давало денегъ ни на чай, ни на сахаръ; приходилось мужу моему идти въ «отхожіе промыслы» въ статистику; мнѣ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ тоже страшно было всю зиму работать на открытомъ воздухѣ, и первая его простуда заставила насъ взять въ домъ работницу. Страшно огорчало насъ все это, Макавѣевъ одинъ продолжалъ ту же физическую работу. Но это было уже не то: мы правда по прежнему всѣ ѣли за обѣдомъ изъ одной миски деревянными ложками, по прежнему каждый прохожіе и проезжіе крестьянинъ свободно заходили къ намъ и закутить и побесѣдовать, но разочарованіе мало-по-малу все больше закрадывалось въ душу. Съ появленіемъ толстой румяной Акулины все хозяйство пошло какъ по мановенію волшебной палочки и у всѣхъ вдругъ оказалась масса свободнаго времени, зазвучало снова фортепьяно, Лангансъ любилъ страстно музыку и часами слушалъ Бетховенскія сонаты. Появились журналы, длинные осенніе вечера незамѣтно летѣли въ общихъ чтеніяхъ, спорахъ. Лангансъ спорилъ хорошо: бывало глаза такъ лихорадочно блестятъ, а доводы, доказательства спокойно неопровержимо побиваютъ противника, устраниаютъ всякую ложь и ставятъ правду въ голомъ, неприкрашенномъ видѣ. Онъ былъ революціонеръ-фанатикъ, послѣдователенъ до конца разъ принятой идеѣ.

Въ его рассказахъ часто вставало его дѣтство въ деревнѣ Херсонской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Болѣзненно-чуткая душа мальчика подмѣчала малѣйшую несправедливость по отношенію къ крестьянамъ и рабочимъ и рѣзко реагировала на нее. Потомъ въ гимназій вокругъ Ланганса собирается кружокъ гимназистовъ, въ его рукахъ и бібліотека, онъ руководитель общихъ чтеній, его послѣдовательность, цѣльность подчиняетъ ему товарищей. Теченіе 70-хъ годовъ захватываетъ Ланганса и его друзей Макавѣева, Дическула и др. Зачѣмъ кончать гимназію? самообразование даетъ лучшія настоящія знанія; зачѣмъ дипломъ, когда надо не карьеру дѣлать, а идти «въ народъ». Лангансъ бросаетъ гимназію, поступаетъ къ первому попавшемуся ремесленнику, учится ремеслу, и вотъ и агруженные Хитрой механикой и т. п. «нелегалщиной» пошли они по селамъ Екатеринославщины и Херсонщины «на пропаганду» и очутились очень скоро въ тюрьмѣ.

Теперь Лангансъ уже не вѣрилъ въ пользу расплывчатого народничанья, онъ видѣлъ необходимость сосредоточить всѣ силы въ борьбѣ съ правительствомъ, въ созданіи партійной сильной организаціи. Онъ часто дразнилъ меня нашей хуторской идилліей и хотя нашъ хуторъ нравился ему, но онъ конечно не могъ «въ позорной лѣни высокой подвигъ позабыть.» А тутъ какъ громомъ поразило его извѣстіе о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ на Жилианской въ 1879 г. Лангансъ поспѣшно собрался и отправился въ Кіевъ, куда ему по его поднадзорному состоянію совершенно невозможно было ѣхать. Когда черезъ мѣсяцъ я при-

Мартынъ Рудольфовичъ
ЛАНГАНСЪ.

ѣхала въ Киевъ, я уже не застала его на волѣ: съ цѣлой партией Киевскихъ и Одесскихъ политическихъ онъ былъ увезенъ въ Московскую пересыльную тюрьму. Высылка была такая спѣшная, что у большинства заключенныхъ не было ни денегъ, ни бѣлья. Пришлось догонять ихъ, зная, что всѣ этапы тогда оставивались на нѣсколько дней въ Мценскѣ. Въ Орлѣ у меня не было ни души знакомыхъ, а между тѣмъ, только Орловскій губернаторъ могъ разрѣшить мнѣ свиданіе съ Лангансомъ и передачу ему для всей партіи денегъ. Два дня пришлось ждать приема и къ радости моей тогдашній губернаторъ Боборыкинъ, милостиво разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ «иностраннымъ подданнымъ Мартыномъ Лангансомъ». Прямо отъ губернатора поѣхала я поѣздомъ въ Мценскъ. Лѣтній день клонился къ вечеру, когда я пріѣхала къ исправнику, которому должна была предъявить разрѣшеніе губернатора. Исправникъ спалъ! Какъ долго пришлось мнѣ ждать, пока рѣшились домашніе прервать его послѣобѣденный сонъ. Наконецъ ко мнѣ вышелъ довольно добродушный пожилой военный и сталъ убѣждать меня отложить свиданіе на другой день. Это было невозможно, и начальство сдалось и поѣхало со мной. Вотъ и тюрьма: стоитъ она за городомъ на высокомъ шпилѣ, вся бѣлая, какая то неприступная, но въ этотъ теплый лѣтній вечеръ, облитая луной, она не лишена была какой то суровой трагической красоты.

Черезъ нѣсколько минутъ я была въ глубинѣ тюрьмы; въ такую то полутемную длинную комнату привели Ланганса, и мы усѣлись втроемъ съ жандармскимъ офицеромъ за небольшимъ столикомъ.

Лангансъ былъ веселъ, сыпалъ остротами и показался мнѣ очень возбужденнымъ; его частыя покашливанья, лихорадочный румянецъ—все обнаруживало начало той страшной грудной болѣзни, которая потомъ и свела его въ могилу. Партія, съ которой онъ шелъ, была дружная, со многими изъ нихъ Лангансъ былъ въ дружбѣ, какъ напр. Павелъ Рябковъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что его скоро освободятъ, какъ иностраннаго подданнаго; «и тогда—заграницу махнемъ», незамѣтно сказалъ мнѣ Лангансъ, и по всему его настроенію видна была увѣренность въ будущемъ и непреклонная вѣра въ свое дѣло, свой путь борьбы.

Скоро летятъ минуты тюремныхъ свиданій, жандармскій офицеръ торопилъ насъ, юморъ Ланганса очевидно начиналъ его раздражать. Приходилось наскоро проститься, передать деньги, бѣлье, книги и уйти «на волю», а тамъ за этими желѣзными дверями оставить томиться въ клѣткѣ талантливаго полнаго жизни человѣка, чья дѣятельность могла принести такъ много пользы дѣлу народнаго освобожденія...

Лангансъ дѣйствительно былъ освобожденъ, и осенью 1880 г. я уже получила отъ него письмо изъ Кенигсберга, онъ устроился у своего дяди, типичнаго мелкаго промышленника нѣмца.

Мартынь съ обычнымъ коморомъ описывалъ окружавшую его мѣщанскую обстановку. Понятно, что онъ изображалъ въ ней путника, заброшеннаго къ полинезійцамъ, и не могъ остаться дома у своихъ «чужихъ» родственниковъ. Чуть немного возстановились его силы, онъ уже бросаетъ Кенитсбергъ, нелегальнымъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и весь отдается работѣ. Теперь онъ въ кружкѣ Кобозева, подготовившемъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, затѣмъ онъ вмѣстѣ съ друзьями принимаетъ (хотя и не непосредственное) участіе въ событіи 1-го Марта, и въ концѣ этого же мѣсяца онъ съ Кобозевой-Якимовой нелегально бѣглецами прѣѣзжаютъ въ Кіевъ, подъ видомъ купцовъ богомольцевъ, причемъ Якимова останавливается въ Лаврской гостинницѣ. Это былъ мучительный моментъ для партіи Народной Воли, разгромъ ея лучшихъ силъ, бѣгство оставшихся въ живыхъ, горькое сознаніе недозрѣлости общества, неспособнаго овладѣть положеніемъ. Лангансъ пришелъ ко мнѣ, прося дать пріютъ Якимовой, за которой шпіоны ходили чуть не по пятамъ. Въ суетѣ всякихъ конспирацій, дѣловыхъ порученій Лангансъ спокойно давалъ свои распоряженія, холодно обдуманно взвѣсивая опасность, изыскивая способы довести до конца свое дѣло, спасти его, передавъ въ новыя надежныя руки. Страшная нравственная усталость свѣтилась въ его глазахъ. Въ Царскомъ Саду есть скамейка надъ обрывомъ, передъ ней открывается чудная перспектива Днѣпра, далекихъ лѣсовъ, луговой берегъ Днѣпра. Лангансъ ненавидѣлъ сантиментальность, но природа всегда производила на него сильное впечатлѣніе. Тутъ, скрытный, сдержанный Мартынь какъ будто далъ спастъ наружной оболочкѣ холоднаго расчетливаго политика-революціонера и далъ заглянуть въ свою душу: страшное, бездонное горе наполняло ее: образы казенныхъ любимыхъ товарищей и реакція, наглая, торжествующая реакція, хватающая все живое, все благородное, не давала ему покоя. У Ланганса не было личной жизни: дѣло родины, ея свобода составляла цѣль его жизни, товарищи—затѣняли ему семью, онъ любилъ ихъ самоотверженно своей голубино-чистой нѣжной душой.

Въ этотъ же день у Ланганса было назначено конспиративное засѣданіе. Я умоляла его устроить его на моей квартирѣ. Никогда о себѣ не думающій, Мартынь въ настоящую минуту занятъ былъ только безопасностью Якимовой-Кобозевой, моя квартира не казалась ему достаточно безопасной, къ тому же она должна была у меня ночевать, а засѣданіе могло скомпрометировать этотъ послѣдній пріютъ.—Нѣтъ, нѣтъ, строго говоритъ Мартынь: засѣданіе назначено у Фанни и надо туда идти, а то выйдетъ путаница. Мы вернемся къ вамъ часамъ къ 10, вѣдь можно?

Они не вернулись: на квартирѣ Фанни всѣ были взяты и отвезены въ Кіевскій острогъ. Напрасно добивалась я свиданія съ бѣднымъ моимъ другомъ, тщетно передавались ему въ тюрьму

тонкія желѣзныя пилки—побѣга не удалось устроить, и Лангансъ и Якимова были перевезены въ Петербургъ. Якимова родила въ тюрьмѣ сына; затѣмъ она была сослана въ каторжныя работы на Кару, а мальчикъ былъ воспитанъ семьей д-ра Мартынова. Лангансъ погибъ вскорѣ послѣ суда въ Петропавловской крѣпости. Его слабое здоровье сократило для него мучительную пытку медлительнаго умиранія. Не дожилъ онъ до той свободы родины, къ которой рвался всю свою жизнь; для завоеванія этой желанной свободы онъ отдалъ всѣ лучшія силы своей талантливой возвышенной души.

С. Русова.

Историческая библиографія.

П. И. Пестель. *Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію.* СПб. 1906 г.

Въ то недавнее время, когда надъ всею русскою литературою тяготѣлъ цензурный гнетъ, не избавлена была конечно отъ него и историческая наука. Извѣстно, что такіе научные труды, какъ второй томъ «Исторіи Екатерины II» В. А. Бильбасова, не были допущены цензурнымъ вѣдомствомъ къ свободному обращенію. Сочиненіе Мордовцева по исторіи крестьянскихъ волненій въ Саратовской губерніи («Наканунъ воли» 1890 г.) было уничтожено. Извѣстно, что и нѣкоторыя литературныя произведенія, которыми числилась уже болѣе чѣмъ столѣтняя давность, не были избавлены отъ преслѣдованія: такъ еще очень недавно было уничтожено сдѣланное г. Картавовымъ изданіе книги Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Точно также были недоступны публикѣ и конституціонные проекты, какъ напр. проектъ Сперанскаго 1809 г.

Въ концѣ царствованія имп. Александра II академикомъ А. Ф. Бычковымъ былъ приготовленъ къ изданію въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», состоящаго подъ предсѣдательствомъ государя, только что упомянутый планъ государственныхъ преобразованій Сперанскаго, но съ восшествіемъ на престолъ Александра III оглашеніе его въ печати было признано Историческимъ Обществомъ неудобнымъ. Лишь 17 лѣтъ позднѣе, въ 1899 г., мнѣ удалось получить разрѣшеніе А. Ф. Бычкова на напечатаніе снятой имъ копій проекта Сперанскаго въ трудахъ другого Историческаго Общества, не Императорскаго, а состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ (см. «Историческое Обозрѣніе» т. X).

Еще болѣе строгій запретъ лежалъ надъ «Русскою Правдою» Пестеля: она осталась недоступною даже для историка царствованія Александра I, М. И. Богдановича, печатавшаго свой трудъ по повелѣнію имп. Александра II. Только въ первой половинѣ 1880-хъ гг. «Русская Правда», хранящаяся въ Государственномъ Архивѣ, была распечатана, съ разрѣшенія Александра III, для

академика Дубровина, который уже тогда приступилъ къ изученію исторіи тайнаго общества декабристовъ. Однако годы шли, а трудъ академика Дубровина, отчасти въ виду обширности матеріаловъ, все не выходилъ въ свѣтъ. Послѣ удачной попытки сдѣлать доступнымъ для общества планъ Сперанскаго, я обратился къ Н. Θ. Дубровину съ предложеніемъ напечатать въ «Историческомъ Обзорѣнн» трудъ Пестеля, но онъ отвѣчалъ, что, разрѣшая ему изученіе всего дѣла о декабристахъ, въ томъ числѣ и «Русской Правды» Пестеля, Александръ III взялъ съ него слово не печатать его историческаго изслѣдованія въ журналахъ по частямъ, а издать его сразу отдѣльною книгою.

Но если до поры до времени Н. Θ. Дубровинъ считалъ себя связаннымъ взятымъ съ него словомъ (въ 1904 г. онъ, впрочемъ, приступилъ къ изложенію исторіи тайнаго общества декабристовъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ»), то ужъ по крайней мѣрѣ имѣлъ возможность снять полную копию «Русской Правды» Пестеля. Послѣдующіе изслѣдователи были лишены и этого права. Къ изученію дѣла о декабристахъ сихъ поръ допущены лишь немногіе ученые, всякій разъ съ разрѣшенія государя. 10 Марта 1903 г. мнѣ также было дозволено снимать «дѣлами декабристовъ, и въ томъ числѣ «Русскою Правдою» Пестеля, съ обязательствомъ ограничиться выписками, не снимая съ нея полной копии». Такимъ образомъ въ архивномъ дѣлѣ есть разныя мѣрки: академику генералу Дубровину можно снимать полную копию «Русской Правды», изслѣдователю же, не пользующемуся особыми прерогативами, это не дозволяется. Самодержавный режимъ даже и въ области исторической науки былъ вѣренъ себѣ: онъ награждалъ монополіями лишь въ благонамѣренности которыхъ былъ увѣренъ.

Смерть академика Дубровина въ 1904 г. остановила почти въ самомъ началѣ печатаніе его очерковъ по исторіи декабристовъ. Его бумаги поступили въ рукописное отдѣленіе бібліотеки Академіи Наукъ, и П. Е. Щеголеву пришла благая мысль воспользоваться существованіемъ въ этихъ бумагахъ копии «Русской Правды», чтобы напечатать замѣчательное произведеніе Пестеля и такимъ образомъ обойти тяготѣвшее до тѣхъ поръ надъ нимъ запрещеніе. Мысль эта нынѣ осуществлена г. Щеголевымъ и запретъ, лежавшій надъ этимъ памятникомъ, подорванъ.

Напечатаніе «Русской Правды» является своего рода торжествомъ русской исторической науки: уничтожено одно изъ ограниченій, тяготѣвшихъ надъ нашими историками. Какимъ стѣсненіямъ приходится подвергаться русскимъ изслѣдователямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. По ходатайству Академіи Наукъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи мнѣ изучать дѣла о декабристахъ и документы послѣдующаго времени по исторіи общественныхъ идей до вступленія на престолъ Александра III, хранящіеся въ Департаментѣ Полиціи, мнѣ было разрѣшено изученіе матеріаловъ эпохи Николая I; рукописи же времени

Александра II остались для меня недоступными. Это ограниченіе распространяется не только на тѣ дѣла, которыя были *начаты* при Александрѣ II, но даже и на *окончаніе* дѣлъ, тянувшихся со времени Николая I. Такимъ образомъ, получивъ дѣло о какомъ либо лицѣ, имѣвшемъ несчастье обратить на себя вниманіе III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи, и доведя изученіе его въ хронологическомъ порядкѣ до восшествія на престолъ Александра II, я нахожу остальную часть дѣла *зашнурованною* специально для того, чтобъ помѣшать мнѣ съ нимъ ознакомиться! Когда мы будемъ имѣть министра внутреннихъ дѣлъ не изъ среды отличившихся совсѣмъ особаго рода благонамѣренностью чиновниковъ, а изъ представителей господствующей партіи въ Государственной Думѣ, историки получатъ конечно право изучать всѣ законченныя и сданныя въ архивѣ дѣла безъ всякихъ ограниченій.

При существующихъ порядкахъ, которые дѣлаютъ снятіе полныхъ копій съ документовъ, имѣющихъ даже 80-лѣтнюю давность, монополиею лишь привилегированныхъ ученыхъ, изданіе «Русской Правды», вопреки этимъ ограниченіямъ, должно, какъ мы уже сказали, считаться торжествомъ исторической науки. Къ сожалѣнію это торжество значительно испорчено... по винѣ издателя.

«Русская Правда», конституціонный проектъ П. И. Пестеля, говоритъ г. Щеголевъ, «издается нами по списку, сдѣланному покойнымъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и хранящемуся въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ. *Списокъ представляетъ точное воспроизведеніе подлинника*». Послѣднія слова не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что г. Щеголевъ или свѣрилъ списокъ Дубровина съ подлинникомъ, или воспользовался его существованіемъ для того, чтобы издать собственную копію «Русской Правды». Какъ бы то ни было, издатель ручается за точность «воспроизведенія подлинника». Посмотримъ, такъ ли это.

Нужно прежде всего замѣтить, что въ книгѣ, изданной г. Щеголевымъ заключаются два труда Пестеля: собственно «Русская Правда», изъ которой, вмѣсто предполагавшихся 10 главъ, имѣются въ подлинной рукописи лишь введеніе и первыя 5 главъ, и затѣмъ болѣе ранній трудъ Пестеля «Записка о государственномъ управленіи», изъ котораго сохранились лишь нѣкоторыя тетради и который имѣетъ гораздо меньшій интересъ, сравнительно съ главнымъ трудомъ Пестеля. «Русская Правда», въ изданіи г. Щеголева, занимаетъ 144 стр., остальные 100 стр. заняты «Запискою о государственномъ управленіи». Мои замѣчанія будутъ относиться почти исключительно къ изданію «Русской Правды».

Въ § 5 третьей главы «Русской Правды» мы находимъ у г. Щеголева пропускъ. На стр. 62 (строка 17 сверху) послѣ словъ «отдѣльнаго сословія», пропущено слѣдующее мѣсто: «Сіе

относится до блага только духовенства, ибо черное отрекается от всего свѣта, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ всѣхъ правъ рос. гражданства, поступая на совсѣмъ особое положеніе. Сверхъ того, поелику духовенство есть часть правительства, то и могутъ исполнять духовныя должности одни только рос. граждане; иностранцы же не могутъ къ тому быть допускаемы».

На стр. 200 изъ словъ подлинника: «свободное» *книгопечатаніе, свободное* вѣроисповѣданіе» набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 221, мѣсто, касающееся вопроса о бракѣ, напечатано такимъ образомъ: «1) Что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ на одной степени родства, и коихъ притомъ линіи родства сходятся въ одну точку въ первой восходящей степени, 2) *что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ въ разныхъ степеняхъ родства и коихъ притомъ линіи родства сходятся въ второй восходящей степени, считая отъ лица въ нижней степени состоящаго, и 3) что всѣмъ прочимъ родственникамъ бракъ дозволяется*»... Все набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 223: «при расторженіи брака должна половина движимаго *и недвижимаго* имущества»... Набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 231 п. 11: «Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ по точнымъ словамъ закона, безъ всякаго толкованія словъ *закона*». Послѣднія пять словъ пропущены.

На стр. 241 (строка 16 сверху) пропущены слова: «за сіи влады не будетъ гражданамъ ростовъ выдаваться». На той же страницѣ (14 строка снизу) пропущены слова: «Единовременные же влады должны всегда въ деньгахъ состоять». На стр. 242 (2 строка сверху) также пропущено нѣсколько словъ.

Менѣе важные пропуски мы могли бы указать еще на 38 страницахъ изъ 144 стр. «Русской Правды».

На стр. «Русской Правды»: 50—51, 61—65, 88, 206—207 періоды и параграфы расположены не въ томъ порядкѣ, какой указанъ Пестелемъ. На 23 страницахъ «Русской Правды» находимъ расположеніе нѣкоторыхъ словъ не въ томъ порядкѣ, какъ указано авторомъ.

Весьма много словъ напечатано невѣрно; укажемъ болѣе важныя, искажающія смыслъ ошибки: на стр. 54 (2 стр. снизу) напечатано: «*пользоваться* русскимъ», вмѣсто: «*признаваться* русскимъ»; на стр. 81: «*первый курсъ*» вмѣсто «*полный курсъ*»; на стр. 199: «образование *провинцій*» вмѣсто «образование *правленія*»; далѣе, на той же страницѣ: «*распространяется* по волостямъ», т. е. по *различнымъ* единицамъ, а должно быть: «*распредѣляется* по волостямъ, т. е. по *политическимъ* единицамъ»; на стр. 207: «не оставаясь въ ихъ зависимости» вмѣсто «не отдаваясь въ ихъ зависимость»; на стр. 208: «*сильнѣйшею природою* государства» вмѣсто «*сильнѣйшею подпорою* государ-

ства»; стр. 219: «съ *размѣнными* вещами» вмѣсто «съ *различными* вещами»; на стр. 226 (строка 7 сверху) напечатано «*въ залогъ*» вмѣсто «*въ займы*»; на стр. 243 и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: «мѣстнаго собранія» вмѣсто «намѣстнаго собранія». Ошибки менѣе важныя мы могли бы указать на 65-ти страницахъ изъ 144 страницъ «Русской Правды».

«Записку о государственномъ управленіи» я не свѣрять цѣликомъ съ подлинникомъ, но и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя я провѣрилъ, нашлись и пропуски, искажающіе смыслъ (напр. на стр. 158 напечатано: «полковой блюститель (аудиторъ) и всѣ прочіе полковые чиновники», тогда какъ вмѣсто союза и должны были быть слова: «а *присяжными*»), и ошибки, искажающія смыслъ (напр. на стр. 102, 6 строка снизу, напечатано «иногда» вмѣсто «никогда») и неправильное расположеніе періодовъ одинъ относительно другого (на стр. 144 вслѣдствіе этого утрачена важная мысль о благотѣльномъ влияніи сокращенія срока службы на эмансипацію крестьянъ и распространеніе просвѣщенія).

Изъ тѣхъ набросковъ Пестеля, которые переплетены вмѣстѣ съ «Русскою Правдою» и не вошли въ изданіе г. Щеголева, безусловно заслуживаетъ напечатанія неоконченная замѣтка подъ заглавіемъ «Дѣлежъ земель», такъ какъ она имѣетъ очень большое значеніе для характеристики его взглядовъ на аграрный вопросъ. Кроме того слѣдовало бы отмѣтить, что предъ отдѣленіемъ вторымъ «Записки о государственномъ управленіи» (стр. 163 изд. г. Щеголева) есть особый листъ, на которомъ мы находимъ слѣдующее заглавіе: «Краткое умозрительное обзорѣніе государственнаго правленія» (вѣроятно лишь вариантъ заглавія: «Записка о государственномъ управленіи»). «Сочиненіе Русскаго Гусара. 1820». Хронологическая дата устанавливаетъ время, когда Пестель работалъ надъ этимъ болѣе раннимъ, сравнительно съ «Русскою Правдою», произведеніемъ. Затѣмъ, интересно и заслуживаетъ напечатанія находящееся на томъ же листѣ оглавленіе 10 главъ «Гражданскаго Судебника», составленіе котораго, какъ видно, тогда задумывалъ Пестель.

Каковъ же общій выводъ относительно изданія г. Щеголева? Я полагаю, что достаточно доказалъ всю его неудовлетворительность. Я думаю, что издатель нравственно обязанъ *проверить* вновь по подлиннику все свое изданіе и приложить къ нему списокъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, давъ возможность получить этотъ списокъ и тѣмъ, кто ранѣе купилъ изданіе «Русской Правды». Мы понимаемъ, что этотъ обширный списокъ ошибокъ можетъ сильно повредить репутаціи г. Щеголева, какъ издателя историческихъ памятниковъ, но тутъ ему приходится уже пенять на себя. Не оправданіемъ, но нѣкоторымъ объясненіемъ, можетъ служить желаніе издателя какъ можно скорѣе познакомить широкіе круги читателей съ замѣчательнымъ трудомъ самаго выдающагося изъ декабристовъ; но именно уваженіе къ памяти

этого страдальца за идею политической свободы обязывало г. Щеголева воздержаться от его вредной поспѣшности. Я считаю своимъ долгомъ высказать г. Щеголеву всю правду, потому что цѣню его, какъ талантливаго изслѣдователя. Будемъ ждать отъ него продолженія научныхъ работъ (хотя я не всегда согласенъ съ нимъ въ томъ, что онъ считаетъ нужнымъ въ нихъ выдвигать) и будемъ очень рады, если онъ воздержится отъ такихъ предпріятій, какъ разобранное мною изданіе. Повторяю, уваженіе къ памяти Пестеля должно было бы обязать издателя его труда быть болѣе внимательнымъ, теперь же г. Щеголеву остается или заново перепечатать трудъ Пестеля, или приложить къ своему изданію длиннѣйшій списокъ поправокъ ¹⁾.

В. Семевскій.

В. АКИМОВЪ (*Махновецъ*). Очеркъ развитія социаль-демократіи въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой.

Социаль-демократія для всякаго, кто пожелалъ-бы руководствоваться западно-европейскимъ пониманіемъ этого слова,—есть политическая партія, берущая на себя руководство политической борьбой рабочаго класса. Въ Россіи же, гдѣ рабочій классъ долгое время не принималъ участія въ политической борьбѣ, социаль-демократической партіей именовались объединенные кружки интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ, занимавшіеся пропагандой и агитаціей въ рабочей средѣ. Образование такихъ кружковъ, а тѣмъ болѣе ихъ планомѣрно объединеніе, было до чрез-

¹⁾ По поводу рецензіи В. И. Семевского на мое изданіе „Русской Правды“ могу сказать слѣдующее. Замышляя издать „Русскую Правду“ по списку, хотя бы и не совершенному, я не имѣлъ въ виду *задачу научнаго, академическаго изданія*. Мнѣ казалось и важнымъ и интереснымъ возможно скорѣе познакомить широкіе круги общества съ трудомъ Пестеля. Списокъ Дубровина для этой цѣли совершенно достаточенъ: несмотря на нѣкоторыя отступленія, онъ даетъ полное представленіе о „Русской Правдѣ“. Въ этомъ смыслѣ онъ „точно воспроизводитъ подлинникъ“. В. И. Семевскому извѣстны условія работы въ Архивѣ при существованіи отмѣченныхъ имъ же ограниченій. Насколько эти условія позволяли, я свѣрилъ списокъ по подлиннику и по сдѣланнымъ мной выпискамъ, но, имѣнно не полагаясь на доброкачественность свѣрки, я *вовсе не указалъ* въ предисловіи, что списокъ свѣренъ съ подлинникомъ, а ограничился только общей характеристикой списка. Думаю, что мое изданіе въ разрядъ неудовлетворительныхъ никакимъ образомъ занесено быть не можетъ; оно даетъ, во-первыхъ, хорошее представленіе о трудѣ Пестеля, а во-вторыхъ значительно облегчить работу будущему ученому издателю „Правды“, ибо представляетъ результаты нѣкотораго изученія рукописи, о которой нельзя сказать, что она легко поддается разбору и не заключаетъ спорныхъ для чтенія мѣстъ. Впрочемъ, получивъ нынѣ возможность проверить „Правду“ по подлиннику, (а возможность эта *открыта именно моимъ изданіемъ*), я имѣю въ виду въ особомъ дополненіи исчерпать всѣ особенности подлинника и исправить всѣ неточности изданія.

вычайности затруднено полицейскимъ режимомъ, создававшимъ всяческія препоны проникновенію пропагандистовъ и ихъ литературы въ рабочіе круги. Для обхода этихъ препонъ, требовался аппаратъ, особая тайная организація «профессиональныхъ революціонеровъ», которая ошибочно многими понималась какъ партія. За партію же эту организацію принялъ и В. Акимовъ, который вмѣсто очерка развитія тайной организаціи для пропаганды соц.-демократическихъ идей и для руководства *отдѣльными* проявленіями рабочаго движенія—иногда экономическаго, иногда политическаго—пытается дать исторію развитія несуществовавшей партіи, вслѣдствіе чего получилась чрезвычайная запутанность и, главное, схоластичность построеній.

Отсутствіе открытой политической партіи отнюдь не означаетъ отсутствія политической жизни и движенія, подобно тому, какъ отсутствіе профессиональныхъ союзовъ не означаетъ отсутствія экономическаго движенія. Въ Россіи было и политическое, и экономическое движеніе рабочихъ. Русская интеллигенція не только социаль-демократическая, но и социалистическая иныхъ оттънковъ не могла, конечно, не сливаться тѣмъ или инымъ путемъ съ этими движеніями. Но въ ходѣ развитія этого сліянія нельзя установить рѣшительно никакой закономѣрной зависимости одного движенія—рабочаго, отъ другого—интеллигентскаго, или наоборотъ. И то и другое движеніе, не находясь по условіямъ дѣйствительности въ прямыхъ и зависимыхъ между собою отношеніяхъ, опредѣлялись часто совершенно случайными, внѣ ихъ лежащими обстоятельствами. Въ 1892 году городской голова города Вильны, въ пику ремесленной управѣ расклеилъ по городу объявленіе о старомъ законѣ Екатерины II (о 12 час. рабочемъ днѣ) и это ничтожное на первый взглядъ обстоятельство дало толчокъ крупному движенію ремесленнаго пролетаріата. А между тѣмъ до этой «пики» соц.-дем. интеллигенція работала въ пролетарскихъ кругахъ западнаго края, читая рабочимъ естественную исторію и другія научныя вещи, мечтала о рабочемъ движеніи, не имѣя возможности его создать. То, что легко далось ремесленному головѣ, не давалось работникамъ-социалистамъ, много разъ ломавшимъ головы надъ созданіемъ «широкаго рабочаго движенія». Вотъ почему схоластикой вѣетъ отъ стремленія В. Акимова установить «теорію стадій развитія» социаль-демократической партіи. Вмѣсто того, чтобы написать *исторію развитія рабочаго движенія въ Россіи* и слѣдовательно, исторію развитія въ немъ предпосылокъ для образованія рабочей социаль-демократической партіи, Акимовъ своей «исторіей стадій» пытается установить внутреннюю закономѣрность въ развитіи попытокъ интеллигенціи *содѣйствовать* рабочему движенію. Но такой внутренней закономѣрности нѣтъ, и «теоріи» различныхъ фракцій социаль-демократіи стоятъ въ гораздо большей связи съ общимъ ходомъ всей русской и въ особенности политической жизни, чѣмъ съ рабочимъ движеніемъ. Наоборотъ, въ большин-

ствѣ случаевъ можно констатировать полную «независимость» соц.-дем. тайныхъ организацій отъ хода рабочаго движенія. Поэтому, нельзя принять ни съ оговорками, ни безъ оговорокъ и основной мысли г. Акимова, съ точки зрѣнія которой написана вся книга,—о теоріи стадій. «Первоначально,—пишетъ г. Акимовъ,—движеніе слабо проявлялось на поверхности общественной жизни, не было массовымъ. Сознательнымъ идеологамъ пролетаріата оставалось лишь самимъ готовиться для будущей борьбы и заниматься подготовкою отдѣльныхъ рабочихъ, чтобы создать кадры сознательныхъ социаль-демократовъ для того момента, когда въ нихъ будетъ нуждаться массовое движеніе. Это былъ періодъ культивированія отдѣльныхъ личностей въ кружкахъ, стадія кружковщины. Потомъ, когда стихійное недовольство массъ ихъ экономическимъ положеніемъ привело ихъ въ движеніе, социаль-демократы быстро измѣнили свою тактику и сумѣли стать вожаками пролетаріата въ этой его борьбѣ. Это была стадія экономизма. Далѣе, когда эта борьба развилась, рабочіе увидѣли, что они лишены элементарныхъ правъ... Пролетаріатъ, въ процессѣ борьбы, пришелъ къ сознанію правовыхъ (интересовъ). Социаль-демократія являлась передовымъ отрядомъ пролетаріата и въ эту стадію,—стадію общественно-правовой борьбы рабочаго класса, которая получила названіе «такъ называемаго экономизма». Къ началу 1901 г. движеніе въ разныхъ концахъ Россіи стало принимать единообразный характеръ; борьба съ правительствомъ за права личной и общественной свободы поставила передъ пролетаріатомъ задачу борьбы противъ правительства, задачу борьбы противъ участія во власти, политической борьбы. Это была стадія «искризма». Акимовъ устанавливаетъ затѣмъ, что черезъ эти четыре стадіи—какъ черезъ дѣтскія болѣзни—прошли всѣ центры русскаго рабочаго движенія въ Вильнѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Изъ этого Акимовъ выводитъ обязательность ихъ для движенія вообще; между тѣмъ многіе центры движенія совсѣмъ не переживали послѣдовательно этихъ стадій, сразу, минуя кружки, начинали съ экономической борьбы или (какъ это было въ 1905 году) съ политической стачки; слѣдовательно, «стадіи» нельзя разсматривать какъ присущія соц.-демократіи или рабочему движенію формы развитія. Первая стадія, о которой говоритъ г. Акимовъ,—стадія кружковщины,—вовсе не является фазисомъ развитія рабочаго движенія: это лишь приемъ социаль-демократической интеллигенціи, путемъ котораго она ознакомлялась съ положеніемъ, нуждами рабочихъ, заводила связи въ рабочей средѣ, подготавливала отдѣльныхъ сознательныхъ рабочихъ. Напротивъ, вторая стадія,—стадія массовой пропаганды и агитаціи,—является фазисомъ развитія рабочаго движенія. Долгое время стачки рабочихъ носили случайный характеръ; вскорѣ послѣ голоднаго 1891—2 г. разрозненные стачки начали уступать мѣсто единому рабочему движенію. Социаль-демократическая интеллигенція и сознательные ра-

бочіе заняли въ немъ руководящую роль, занялись экономической агитаціей и политической массовой пропагандой. Такимъ образомъ, первая и вторая стадіи г. Акимова—явленія различныхъ порядковъ. Третья стадія—такъ называемого экономизма—искусственно обособлена отъ второй. Теоретиковъ или практиковъ грубаго экономизма никогда въ русскомъ рабочемъ движеніи не существовало, и это дѣленіе—плодъ не движенія, а партійныхъ распрей, доводящихъ до абсурда всякую тѣнь разногласія. Стадія массовой агитаціи и пропаганды съ дальнѣйшимъ ростомъ рабочаго движенія должна была естественно привести рабочій классъ къ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ. Но этотъ фазисъ рабочаго движенія въ книжкѣ г. Акимова не затронуть. Въмѣсто него онъ говоритъ о стадіи искризма, чисто-интеллигентской затѣѣ. Подъ влияніемъ полицейскихъ преслѣдованій среди социаль-демократической интеллигенціи появилась идея созданія, подъ именемъ партіи, организациі профессиональныхъ революціонеровъ. Корень этой организациі былъ въ полицейскихъ порядкахъ страны. Конечно, такая организациія не имѣетъ ничего общаго съ рабочей партіей, вырастающей изъ рабочаго движенія, какъ слѣдствіе его развитія. Невѣрно и наименованіе этой организациі рабочей социаль-демократической партіей. Акимовъ не замѣчаетъ этого и продолжаетъ говорить о партіи, хотя *сама партія, какъ цѣлое, какъ дѣйствующее лицо съ опредѣленной фізіономіей, съ опредѣленными и планомерными политическими дѣйствіями ни разу не появлялась въ книгѣ г. Акимова. Мы видимъ «стадіи», видимъ распри,—за кулисами этихъ распрей—мелькомъ упоминаемое рабочее движеніе, но самой партіи, объ исторіи которой идетъ рѣчь,—мы такъ и не видѣли.*

Запутавшись въ своихъ стадіяхъ, Акимовъ не привелъ исторіи партіи къ тому, къ чему, напр., привелъ её А. Н. Потресовъ (Этюды о русской интеллигенціи), который анализомъ условій партійной работы подъ надзоромъ полиціи показалъ, что само существованіе партіи было невозможно, а всѣ попытки ея организациі—были сплошной трагедіей русской интеллигенціи.

Невѣрно построивъ свой анализъ «попытокъ» организациі партіи и сосредоточивъ все свое вниманіе не на условіяхъ организациі рабочей партіи вообще и русской въ частности, не давъ въ этомъ направленіи рѣшительно никакихъ руководящихъ принциповъ, Акимовъ довольно удачно—въ предѣлахъ эмпирическихъ обобщеній—демонстрировалъ исторію борьбы организационныхъ принциповъ, борьбы, раздиравшей все время нашу интеллигенцію. Но во всей книжкѣ мы не находимъ даже намека на тотъ единый организационный принципъ социаль-демократической рабочей партіи, который естественно выдвигается всѣмъ ходомъ развитія рабочаго движенія. Этого принципа нѣтъ ни въ четырехъ стадіяхъ Акимова, ни въ его анализѣ интеллигентскихъ распрей; его можно вывести не изъ случайнаго историче-

скаго сочетанія условій, а лишь изъ анализа внутренней законности развитія рабочаго движенія въ разныхъ историческихъ обстановкахъ.

Мы думаемъ, что только тогда, когда изъ исторіи развитія русскаго рабочаго движенія выростетъ принципъ организаціи русской социальдемократической партіи,—тогда, и только тогда начнется ея исторія. Акимовъ-же писалъ о до-историческомъ періодѣ, въ задачи котораго входила не организація единой рабочей партіи, а пропаганда и агитація въ рабочемъ классѣ для популяризаціи социальдемократическихъ идей. Это была нужная и важная работа, какія-бы ошибки въ ней ни были допущены; она требовала созданія нелегальнаго аппарата, приспособленнаго не для политической борьбы, а для обхода основного ала русской жизни, аппарата полицейскаго. Не кричать «вы обезславили имя социальдемократіи», а утверждать, что ея еще и не было въ Россіи, слѣдовало-бы всякому историку русской социальдемократіи. Не только грандіозные размѣры русскаго рабочаго движенія, но и вся обстановка, въ которой оно совершается, говорятъ за то, что обнажается все яснѣй и яснѣй принципъ образованія дѣйствительной рабочей социальдемократической партіи, активными и крупными участниками которой сдѣлаются тѣ, которыя «унизили и обезславили» то, чего не существовало... Ихъ многолѣтняя работа, ихъ невольная специализація на вопросахъ русскаго рабочаго движенія придвинетъ и уже придвинула именно ихъ къ тѣмъ слагающимся молодымъ организаціямъ пролетаріата, которыя явятся основой для организаціи партіи. И не къ организаціи «авангарда», не къ пересмотру своихъ «разногласій» нужно призывать. Нужно звать всѣхъ желающихъ идти объ руку съ русскимъ рабочимъ движеніемъ къ признанію всѣхъ «разногласій» удѣломъ прошлаго и къ упорной работѣ на пользу того будущаго, которое начнетъ исторію русской социальдемократической партіи. Легенда о существованіи партіи въ прошломъ должна быть уничтожена во имя созданія здоровой партіи въ будущемъ. Само рабочее движеніе отъ этого только выиграетъ. Историкъ нѣмецкой социальдемократіи, Мерингъ, пишетъ: «Я чувствовалъ, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представленій, которыя близки сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной неизбѣжности такихъ преданій и представленій, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но ему меньше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ падать её. Историческое повѣствованіе, которое остановилось-бы осторожно предъ той или иной легендой, какъ-бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ самымъ признало-бы себя лишеннымъ всякой цѣнности. Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся армій создавать себѣ легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному совѣту Мольтке, искусственно поддерживать такіа

легенды и ореолы въ качествѣ необходимаго элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротивъ, безпрестанная самокритика». (Мерингъ, Ист. нѣм. соц. дем., стр. 380—81). Ни Акимову, ни другимъ историкамъ нѣтъ надобности создавать легенды о четырехъ стадіяхъ; нужно изучить само рабочее движеніе въ условіяхъ русской жизни, тогда и до-историческій періодъ социалдемократіи предстанетъ въ иномъ видѣ.

Суммируемъ сказанное: если-бы Акимовъ задался цѣлью написать исторію социал-демократическихъ кружковъ и ихъ попытокъ къ сближенію съ рабочимъ классомъ,—что фактически въ своей книгѣ онъ только и сдѣлалъ,—то его работа представляла бы несомнѣнно цѣнное пособіе для изученія исторіи нашего *интеллигентскаго* революціоннаго движенія. Но борясь съ окутавшими нашу соц.-демократію предрасудками, самъ Акимовъ не только не отдѣлался отъ нихъ въ процессѣ анализа, но даже нагромоздилъ новые. Отсюда не только всѣ дефекты его книги, но и отсутствіе въ ней всякой *научной* цѣнности. Тѣмъ не менѣе, книга Акимова, какъ первый опытъ собранія въ одно цѣлое многихъ *фактовъ* изъ жизни существовавшихъ въ различныя времена и въ различныхъ городахъ соц.-дем. кружковъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Такіе *сборники* безусловно необходимы для будущаго историка, который сдумаетъ сдѣлать то, чего не сдумѣлъ сдѣлать Акимовъ,—*синтезировать и осветить научнымъ свѣтомъ* заключенный въ подобныхъ сборникахъ сырой матеріалъ.

Въ заключеніе фактъ изъ «исторіи» нашего времени: книга Акимова конфискована, и ея авторъ, равно какъ и издательница привлечены къ судебной отвѣтственности. Вотъ это уже не изъ области легендъ или фикцій, а изъ самой доподлинной дѣйствительности.

Е. Кускова.

Книгоиздательство «Свѣточъ». Серия: «Избранныя произведенія политической литературы».

В. Г. Бѣлинскій—*Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. И. С. Тургеневъ.—Порогъ. (Не вошедшее въ собраніе сочиненій «стихотвореніе въ прозѣ»)*.

Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю было написано, какъ извѣстно, авторомъ въ половинѣ 1847 года, и съ тѣхъ поръ т. е. почти въ теченіи *шестидесяти* лѣтъ оставалось для «широкой публики» запретнымъ плодомъ. Какъ палеонтологъ иногда по одной случайно сохранившейся кости бываетъ въ состояніи возстановить цѣлый образъ какого нибудь давно исчеза-

нущаго съ поверхности нашей планеты животнаго, такъ одинъ этотъ фактъ, исчезни какимъ нибудь чудомъ тысячи другихъ ему подобныхъ и несравненно болѣе возмутительныхъ, послужилъ бы для будущаго историка Россіи XIX вѣка неотразимымъ доводомъ для составленія безпощаднаго обвинительнаго акта противъ всей эпохи, продолжавшейся отъ царствованія Николая I до нашихъ дней. И потомство—судья сказало бы на такой обвинительный актъ: да, вершители судебъ Россіи названной эпохи виновны и не заслуживаютъ снисхожденія. И если бы великая русская Революція имѣла своимъ результатомъ *только* возвращеніе русскому народу похищенныхъ у него темными силами произведеній мысли и чувства его великихъ писателей, то и тогда потомство безъ сомнѣнія привѣтствовало бы ее кликами: осанна! осанна! Но Революція принесетъ съ собою, конечно, далеко не одинъ только этотъ результатъ...

Письмо Вѣлинскаго къ Гоголю неоднократно печаталось за границею, но въ Россіи оно никогда не появлялось не только въ отдѣльномъ изданіи, но не было даже приведено полностью въ многотомномъ, доступномъ лишь специалистамъ, сочиненіи Барсукова «Жизнь и труды Погодина». Честь изданія этого историко-литературнаго памятника,—притомъ изданія маленькаго, дешеваго, а слѣдовательно доступнаго всему народу, отдѣльною брошюрою,—принадлежитъ всецѣло нашему извѣстному историку русской литературы С. А. Венгеру.

«Порогъ»—это чудное произведеніе другого великаго русскаго писателя, было похищено у русскаго народа все тѣми же его врагами. Теперь и оно возвращено народу по принадлежности. Мы не будемъ пересказывать содержанія глубоко-проникновеннаго и дивно-художественнаго произведенія Тургенева,—оно, конечно, теперь извѣстно всѣмъ,—и скажемъ лишь нѣсколько словъ о предисловіи къ нему С. А. Венгерова, съ которымъ мы нѣсколько не согласны. Намъ непонятно, почему С. А. Венгеръ утверждаетъ, что Степнякъ (С. М. Кравчинскій), «писавшій свои очерки приблизительно въ 1883 году, не зналъ «Порога», *ставшаго извѣстнымъ значительно позже*». (Стр. 6. Курсивъ нашъ). Мы утверждаемъ обратное: мы утверждаемъ, что въ революціонной средѣ «Порогъ» былъ уже извѣстенъ именно въ 1883 и даже 1882 году. Раскрываемъ статью П. Л. Лаврова «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества» и читаемъ такія строки: «я имѣю основаніе думать, что судъ, приговоръ и казнь 3 апрѣля (Перовской и ея товарищей В. Б.) произвели на него (Тургенева) сильное впечатлѣніе и что подъ этимъ впечатлѣніемъ написано имъ стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», которое не вошло и не могло войти въ составъ того, что было напечатано въ слѣдующемъ году въ «Вѣстникѣ Европы», *но было мнѣ прочитано имъ летомъ 1882 г., вмѣстѣ съ тремя другими, тамъ напечатанными*». («Вѣстникъ Народной Воли» № 2, стр. 141). Ни откуда не слѣдуетъ, что Тургеневъ взялъ слово съ Лаврова хранить молчаніе о «Порогѣ». Затѣмъ 25 сентября 1883 года въ

самомъ Петербургѣ въ типографіи «Народной Воли» былъ напечатанъ листокъ озаглавленный «И. С. Тургеневъ». (По поводу его смерти). Къ этому листку полностью приложено и стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», изъ чего уже несомнѣнно слѣдуетъ, что произведеніе это было извѣстно въ революціонной средѣ уже въ 1883 году, а вовсе не «значительно позже» того. Авторомъ листка «Тургеневъ» было лицо нынѣ здравствующее и хорошо извѣстное, какъ С. А. Венгерову, такъ и пишущему эти строки. Листокъ «Тургеневъ» вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему «Порогомъ» перепечатанъ въ сборникѣ Базилевскаго «Литература партіи Народной Воли» (стр. 951—954).

Это маленькое указаніе на неточность нѣкоторыхъ соображеній С. А. Венгерова касательно «Порога» отнюдь, конечно, не уменьшаетъ цѣнности выпуска имъ въ свѣтъ замѣчательнаго произведенія Тургенева, которому мы желаемъ самаго широкаго распространенія.

В. Богучарскій.

«Эмма». Романъ Швейцера, переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Тверской и К^о. 1906 г. Ц. 1 рубль.

Большинство русскихъ интеллигентовъ съ юности помнятъ эту книгу, если не по содержанію, то хоть по названію. Романъ Швейцера всегда значился въ тѣхъ завѣтныхъ литографированныхъ, а еще чаще даже просто рукописныхъ каталогахъ систематическаго чтенія, которые такъ хорошо знакомы намъ всѣмъ. Вѣдь наше умственное воспитаніе шло между двумя списками, — съ одной стороны это «нелегальныя» программы самообразованія, въ центрѣ которыхъ всегда стояли социальныя вопросы, а съ другой полицейскій index, гдѣ, пожалуй, исходной точкой брались тѣ-же социальныя вопросы. Оба списка состояли въ незаконномъ, но фатальномъ родствѣ и оба оказывали свое вліяніе на молодые умы. Разъ запрещено, значить надо во что бы то ни стало достать и прочитатъ. Не знаю хорошенько, попала-ли «Эмма» въ index. Въ статьѣ Богучарскаго, «Цензурныя взысканія» (Энцикл. Слов.), этой книги нѣтъ въ числѣ запретныхъ. Тамъ названъ другой романъ Швейцера «Люцинда». Но почему-то въ моихъ воспоминаніяхъ «Эмма» осталась какъ запретный плодъ, на ряду съ «Что дѣлать» и «Свѣтловымъ». Эти тайно читавшіяся книги были своего рода этапами для пробуждающагося сознанія. Утопическія перспективы наполняли жизнь захватывающимъ, жгучимъ интересомъ, отъ котораго душа росла и расширялась, требовала подвига, уже тянулась къ какому-то еще песовсѣмъ сознанному, но властному служенію. И мысль, пробу-

жденная яркостью новыхъ художественныхъ впечатлѣній, начинала работать рѣзче и отчетливѣе. У многихъ жизнь стерла потому эту яркость, этотъ порывъ. Но, къ счастью русскаго народа и къ гордости русской интеллигенціи, далеко не всѣ позволили тираннической дѣйствительности кастрировать свой духъ. Эти «безсмысленные мечтатели» съ ревнивой заботливостью затаили въ себѣ завязь идеализма, заложенную въ нихъ первыми книжными откровеніями. У насъ принято говорить на тему о нехудожественности тѣхъ романовъ, которыми мы всѣ зачитывались. Но это несправедливо. «Свѣтловъ» «Что дѣлать?», «Одинъ въ полѣ не воинъ», это, конечно, не дѣльные литературныя произведенія, не вѣчные спутники. Но въ нихъ есть свой артистизмъ, то, что мнѣ хочется назвать эстетикой общественности. Въ этомъ ихъ сила и ихъ своеобразный импрессионизмъ, оставившій неизгладимый слѣдъ на развитіи столькихъ изъ насъ. По правдѣ сказать, въ романѣ Швейцера этой эстетики маловато. Слишкомъ грубы его приемы, слишкомъ примитивно его отрицаніе всего, что не входитъ въ непосредственный кругъ его проповѣди. Кругъ этотъ очень тѣсенъ—пропаганда производительныхъ товариществъ. Романъ написанъ въ 60-хъ годахъ. Авторъ горячій послѣдователь Лассала, и многое въ его взглядахъ покажется устарѣлымъ. Но возможно, что «Эмма» всетаки найдетъ большой кругъ читателей, такъ какъ въ ней говорится о столкновеніи рабочихъ и съ капиталистами и съ властью, о рабочихъ союзахъ, объ уличной революціи. И тонъ, и взгляды устарѣли. Но борьба не устарѣла.

Вергескій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Илья Гуревичъ. Кто виноватъ въ распятіи Иисуса Христа? ц. 20 к.

П. И. Пестель. Русская правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоизд. „Культура“ ц. 1 р.

В. Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Книгоизд. „Русское Богатство“ ц. 75 к.

В. Зомбартъ. Путеводитель по социалистической литературѣ ц. 6 к.

Политическая энциклопедія подъ редакц. Л. З. Слонимскаго т. I.

Н. Рязановъ. Двѣ правды: народничество и марксизмъ. Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи. „Библиотека марксизма“ ц. 20 к.

Возрожденіе. Сборникъ статей 1905 г. Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема ц. 65 к.

Ф. А. Оларъ. Великая французская революція ц. 70 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К^о“.

Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи т. I ц. 1 р. 40 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К^о“.

Н. Погровскій. М. Е. Салтыковъ какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ ц. 1 р. 25 к.

А. Ягодинъ. Лѣтопись 1904—1905 г. т. I ц. 1 р.

Послѣднія слова казненныхъ. Книгоизд. „Современникъ“ ц. 20 к.

Арнольдъ Ариэль. Красное знамя. Москва.

Пр. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Книгоизд. „Просторъ“ т. I ц. 75 к.

Ник. Морозовъ. Изъ стѣнъ неволи. Книгоизд. „Д. Рѣчь“ ц. 25 к.

Анри Мишель. Задачи французской демократіи ц. 10 к. М. изд. Мягкова.

Н. А. Рубакинъ. „Воля Аллаха“ или Абдуль, и еще Абдуль ц. 15 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

А. Нѣмцовскій. Разказы изъ жизни рабочихъ ц. 10 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

Э. Вандервельде. Программа бельгійской рабочей партіи ц. 13 к. Книгоизд. „Колоколь“.

Лиссагаръ. Исторія коммуны 1871 г. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 80 к.

А. Дивильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 10 к.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. Полный переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ примѣч. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 руб.

Еохъ Готфридъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управления. Пер. съ нѣм. О. Волькенштейнъ. Ред. З. Авалова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 р. 50 к.

Вахъ Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Вып. 1-ый. Изд. С. Скирмунта. ц. 1 руб.

В. Базаровъ и И. Степановъ. Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Т. I-ый происхожденіе современной Германіи. Изд. 2-ое С. Скирмунта. Спб. ц. 1 р. 50 к.

Изданія Комитетовъ Р. С. Д. Р. партіи: Самарскаго, Московскаго (Рабочій Листокъ № 4 и др. изд.), Кіевскаго, Кубанскаго, а также Армавирской Группы и Гродненской военной организаціи. Получень также № 2 „Партійныхъ извѣстій“.

Партія С. Р-въ: Отклики Народной Борьбы №№ 1 и 2, различные изданія Центр. К-та, Кавказскаго Союза партіи и В. О-ціи (прокл. по поводу покушенія на жизнь Дубасова).

Сіонистско-Соціал. Раб. партіи (майскій листокъ).

Цен. К-та Вунда (прокл. о Госуд. Думѣ).

Гродненскаго К-та Вунда (прокл.).

Извѣстія Федеративнаго Совѣта Харьковскихъ К-въ Р. С. Д. Р. П. за 1905 г. (№№ 2, 4 и 5. Очень просимъ дослать остальные №№).

№ 4 газеты „Забайкальскій рабочій“ (орг. Читинскаго К-та Р. С.

Д. Р. П.) отъ 3 января 1906 г. (Въ виду чрезвычайной важности этого изданія,—убѣдительно просимъ прислать намъ комплектъ №№ „Забайкальскаго Рабочаго“).

Старыя изданія: Процессъ 193-хъ. Изд. Вол. Рус. типогр. 1878 г. „Рабочая Газета“ № 3 за 1881 г., „Черный Передѣлъ“ № 3 (мартъ 1881 г.), „Рабочая Мысль“ 1898, 1899 и 1900 гг. (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, а также „Отдѣльное приложеніе къ „Рабочей Мысли“); „Наше Время“ № 2 (1898); „Листокъ Работника“ № 5 (1898); „Соц. Дем. Раб. Библиотека“ № 1 (1900); „Къ учащейся молодежи“ (брош. 1895 г.), нѣсколько прокл. „Союза борьбы за освоб. раб. класса“; прибавленіе къ № 2 „Рабочаго Знамени“, „Листокъ Краснаго Креста“ № 5 (1900), бюллетени съ описаніемъ разныхъ событій въ учебныхъ заведеніяхъ въ разное время, много заграничныхъ брошюръ преимущественно 1900—1905 года и проч.

Карточки: А. И. Желябова (гимназической его поры), Н. Н. Колодкевича, Вл. Дебагаріо-Мокріевича (тюремная), Бранднера (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.), Павла Орлова, Вл. Избицкаго, Зунделевича, Сѣраковскаго, Пустовойтовой, С. Г. Нечаева, кн. П. В. Долгорукова (эмигр. 60-хъ годовъ), Горскаго (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.).

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр. 2 линия, д. 11).

Товарищъ-предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Финлянд. ж. д.).

Секретарь—В. Ф. Яковлевъ-богучарскій (Ред. жур. „Былое“. Спасская ул., д. 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ; В. Л. Бурцевъ; П. И. Вейнбергъ; С. А. Ветеровъ; В. В. Водовозовъ; Е. Н. Водовозова-Семевская; В. П. Водовозовъ; Е. С. Волкова; А. С. Зарудный; Д. А. Клеменць; В. Ф. Коммисаржевская; В. Г. Короленко; Н. С. Кудринъ; Л. П. Купріянова; П. Н. Милковъ; В. А. Мякотинъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; В. А. де-Плансонъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Римскій-Корсаковъ; И. Е. Рѣпинъ; М. П. Сажинъ; кн. Г. Д. Сидоменовъ-Эристовъ; Л. Н. Стахевичъ; О. Н. Флоровская; Л. Э. Шипко; П. Е. Щеголевъ; С. А. Щепотьевъ.

Пожертванія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 8 марта по 3 мая 1906 г. въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ г-на Б.—20 р.; отъ М. К.—3 р.; А. Н. Г.—3 р.; инженера Петрулевича—25 р.; В. А. де-Плансонъ—25 р.; г-жи Яновичъ—100 р.; А. А. Г.—5 р.; Е. Н. Андреевой—10 р.; М. М. Тагеръ—5 р.; неизвѣстнаго—25 р.; Д. В. Волкова—3 р.; А. Смирнова—2 р.; Ар. и Жг.—8 р.; Вальчанъ—7 р.; М. П. Славскаго—5 р.; А. Р.—3 р.; Кузьмина—5 р.; Аносова—10 р.; Шевалева—3 р.; чрезъ редакцію „Русскаго Богатства“—5 р. 85 к.; Н. И. Карѣва гонораръ за статью въ „Современности“—17 р. 16 к.; А. Д. Ткачева—5 р. 50 к.; Шерстобитова—50 р.; нижнихъ чиновъ—4 р. 15 к.; Кіевскаго присяжнаго повѣреннаго—3 р.; И. Я. Р. и М. С. Т.—6 р.; чрезъ редакцію „Міра Божьяго“ отъ псевдонима „Новичекъ“—25 р.; Буронской и В. Халтуринной—3 р.; членовъ Чугуевской общественной библиотеки—

8 р.; г-жи Криживицкой—100 р.; Л. И. и О. И. изъ Суджи—10 р.; В. Д. Ушневой—3 р.; Н. С. Т.—1 р. 50 к.; А. В.—1 р.; А. И. Сентъ-Илеръ—3 р.; чрезъ редакцію „XX Вѣка“—100 финскихъ марокъ. Итого 518 р. 16 к. и 100 герм. марокъ; а съ прежде поступившими всего: 1.885 р. 85 к. и 100 германск. марокъ деньгами и процентными бумагами 4.006 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ жертвователей. Приемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Н. Анненскій.

4 мая 1906 г.

III.

Для составленія альбома Шлиссельбуржцевъ послѣ напечатанія послѣдняго отчета въ Комитетъ поступили портреты слѣдующихъ лицъ: Арончика, Минакова, Клименко, Гершковича, Савелія Златопольскаго, Логовскаго и Шварца. Объяванъ портретъ Игната Иванова (просятъ поспѣшить высылкой. Карточка Игната Иванова гимназистомъ получена, но она очень выцвѣтшая). Получена также гимназическая группа, въ которой находится Исаевъ. Совсѣмъ не имѣется портретовъ Тихоновича (офицеръ, служилъ въ Кіевѣ), Ник. Рогачева (артил. офицеръ), Генералова (изъ области Войска Донскаго), Немоловскаго, Чепегина, Васильева и Лукасинскаго. Комитетъ убѣдительно проситъ розыскать и выслать ему портреты этихъ лицъ.

О полученіи всѣхъ вышеназванныхъ портретовъ Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Вогучарскій.

ОТЧЕТЪ

Общества Помощи Политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ за
апрѣль 1906 г.

Остатокъ на 1-е апрѣля 1906 г. 1567 р. 14¹/₂ коп.

Приходъ:

	РУБ.	КОП.
Черезъ „Н. Ж.“	274	65
„ ред. газ. „Двадцатый Вѣкъ“	106	30
Отъ концерта	592	74
Черезъ „Н. Ж.“ для ком. по амнистии.	30	—
Отъ П. А. П. черезъ С. П. Елисѣева для амнистированныхъ	100	—
Специально для Л—на	15	—
Отъ А. Ф. С.	10	—
„ Д. С.	25	—
„ Г.	5	—
Черезъ Н. А. С. отъ Х.	5	—
Отъ Ф.	3	—
По листу отъ ред. „Былое“ на пере- сылаемыхъ	2	—
Отъ лоттереи Е. М.	78	80
„ Я. Я. Гуревича	88	—
Для заключенной Р.	8	—
Отъ продажи книгъ	12	04
„ „ открытыхъ писемъ.	5.	—
<hr/>		
Итого приходъ	2927	67 ¹ / ₂

Расходъ:

	РУБ.	КОП.
Тюрьмы	597	—
Семьи.	727	—
Высылаемымъ и высланнымъ	364	—
Освобожденнымъ	181	—
Провизія	18	10
Одежда	35	80
Книги высылаемымъ	10	15
Спеціальныи расходъ	70	—
Передано въ ком. по амнистiи.	130	—
Разные расходы	10	24
Ссуда	244	—
<hr/>		
Всего расхода	2387	65
Остатокъ на 1-е мая 1906 г.	540	02½

ВОЗЗВАНІЕ

общества вспомошествованiя политическимъ сосыльнымъ и заключеннымъ.

Вся страна въ напряженномъ ожиданiи амнистiи. Ужасы тюремнаго режима стоять у всѣхъ передъ глазами. Одна мысль о страданiяхъ заключенныхъ, въ настоящiй моментъ обострившихся трепетнымъ ожиданiемъ свободы, леденитъ сердце cadaго. Амнистiя—все еще вопросъ будущаго, а между тѣмъ каждый лишнiй день за рѣшеткой уноситъ здоровье, можетъ быть, жизнь заключенныхъ. Въ такой моментъ облегчить такъ или иначе ихъ участь — долгъ cadaго. Помощь заключеннымъ сейчасъ должна быть полнѣе, интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо. вмѣстѣ съ тѣмъ ожиданiе амнистiи задержало притокъ пожертвованiй. Касса Краснаго Креста вновь пуста, а переполненныя тюрьмы, изголодавшiяся семьи заключенныхъ требуютъ изо дня въ день огромныхъ затратъ.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе апрѣля въ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію раб. Дмитріева по 129 ст. уг. ул. въ раздачѣ нижнимъ чинамъ л.-гв. Преображенскаго полка прокламаціи „Горе побѣдителямъ“, изданной россійской социаль-демократической партіей. Палата приговорила Дмитріева къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

2) Въ Саратовѣ, 10 апрѣля. Смертная казнь убійцѣ генерала Саврова, а также покушавшемуся на жизнь вице-губернатора Кнолля замѣнена каторгой — первой безсрочной, второму на 20 лѣтъ. Послѣ объявленія объ утвержденіи приговора, убійца генерала Сахарова назвалась суду Анастасіей Алексѣвной Буценковой.

3) Въ Ригѣ, 11 апрѣля. Временнымъ военнымъ судомъ приговорены за вооруженное нападеніе на туккумское лѣсничество Розе и Дрейманъ къ 8, Шауманъ къ 9, Вепре къ 3 годамъ каторги.

Окружный судъ приговорилъ крестьянина Шнаге къ 12 годамъ каторги за убійство въ минувшемъ августѣ городского Пуевича.

4) Въ Сызрани, 11 апрѣля. Бросившій въ Самарѣ въ генерала Сергѣева бомбу, крестьянинъ Жуковъ *приговоренъ* здѣшнимъ *военнымъ судомъ къ разстрѣлянію.*

5) Въ Одессѣ, 11 апрѣля. Помилованъ по Высочайшему повелѣнію Жуковъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни за возстаніе и покушеніе на жизнь начальника батальона Давыдова съ нанесеніемъ ему ранъ штыкомъ и рядъ другихъ преступленій. Приговоръ былъ утвержденъ командующимъ войсками. Четыре его товарища, по ранѣе состоявшемуся приговору, казнены. Жуковъ помилованъ по ходатайству Давыдова.

6) Въ Варшавѣ, 12 апрѣля выѣздною сессіей варшавской судебной палаты съ сословными представителями разсматривались дѣла Хылевскаго, Скржипеца и Маевского, обвиняемыхъ по 129 статьѣ улож. о нак. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ, съ зачетомъ предварительнаго заключенія, второй въ тюрьму, но такъ какъ предварительное заключеніе покрыло срокъ наказанія, то освобожденъ, третій оправданъ.

7) Въ Тифлисъ, 12 апрѣля. Приговоренному военнымъ судомъ въ городѣ Поти къ смертной казни крестьянину Чигогидзе, обвиняемому въ убійствѣ на станціи Чіатуры капитана Тарасова, намѣстникъ замѣнилъ казнь каторжными работами на двадцать лѣтъ.

8) Въ Петербургѣ, 12 апрѣля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушались при закрытыхъ дверяхъ дѣла по обвиненію въ политической агитаціи среди войскъ крест. Вихмана, бывшаго рядового л.-гв. гусар. полка Погребняка и конторщика Байкова. Вихманъ и Погребнякъ оправданы. Байковъ присужденъ къ заключенію на 4 мѣс. въ тюрьмѣ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

9) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына надворнаго совѣтника А. Чернявскаго въ томъ, что онъ въ первыхъ числахъ декабря 1905 г., вечеромъ, на углу Офицерской и Англійскаго проспекта распространялъ среди проходившей публики экземпляры № 8 „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатов“. Обвиненіе къ Чернявскому предъявлено было по 1 и 2 п.п. 129 ст. уг. ул.

Приговоромъ палаты Чернявскій присужденъ на 1 годъ и 4 мѣсяца заключенія въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

10) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію мѣщан. Е. Тудера въ томъ, что онъ распространялъ брошюры, призывавшія къ ниспроверженію существующаго строя. Обвиненіе къ Тудеру предъявлено было по 2 и 5 п.п. 129 ст. уг. ул.

Приговоромъ палаты Тудеръ присужденъ въ крѣпость на годъ и 4 мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

11) Въ Тифлисъ. Поступившее къ генераль-губернатору *ходатайство военного суда, приговорившаго* Глонти, убійцу кассира контрольной палаты Малиновскаго, *къ смертной казни, смягчить наказаніе по случаю несовершеннолѣтія* приговореннаго *оставлено* генераломъ Тимофеевымъ *безъ послѣдствій*.

17-го апрѣля *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

12) Въ Одессѣ, 13 апрѣля. Анархисты Мокель и Дукельскій, требовавшіе отъ магазиновладѣльцевъ Миллеровъ сто рублей на приобрѣтеніе оружія, подъ угрозой взорвать бомбой магазинъ, приговорены военнымъ судомъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе. Крестьянинъ Юдинъ, распространявшій революціонныя изданія среди фабричныхъ рабочихъ, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года.

13) Въ Ригѣ, 13 апрѣля. Военнымъ судомъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки Залуцкій, Василь, Попе и Кублинскій за участіе въ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью низверженіе существующаго строя.

14) Въ Кіевѣ. За военный бунтъ саперъ 18 ноября приговорены судомъ, какъ главные виновники, *къ смертной казни разстрѣляніемъ: фельд-фебеля Коровина и Квашина и унтеръ-офицеръ Рябый*; — къ каторгѣ на 12 лѣтъ двое, на 8 лѣтъ трое, на 6 лѣтъ четверо, на 4 года 14 человекъ;

въ дисциплинарные батальоны на 3 года 17, на 2 года 27, на 1 годъ 19 человекъ. Поручикъ Пилькевичъ, подпоручикъ Черепановъ, прапорщикъ Кочергинъ и 10 нижнихъ чиновъ оправданы. Защитниками подается кассационная жалоба въ отношеніи приговоренныхъ къ казни Рябого, Коровина, Квашнина и 23 солдатъ къ каторжнымъ работамъ.

21 апрѣля командующій войсками утвердилъ приговоръ въ отношеніи саперъ, приговоренныхъ къ каторгѣ на разные сроки и замѣнилъ смертную казнь присужденнымъ къ ней унтеръ-офицеру Рябому—безсрочной каторгой, фельдфебелю Коровину—каторгой на двадцать лѣтъ, фельдфебелю Квашнину—на 15 лѣтъ. Съ другой стороны приговоръ въ отношеніи оправданныхъ офицеровъ переданъ на разсмотрѣніе кассационнаго присутствія по протесту прокурора.

15) Въ Варшавѣ, 14 апрѣля.—Крестьянинъ Яроновскій приговоренъ вчера военнымъ судомъ къ *смертной казни чрезъ повѣшеніе* за покушеніе на убійство военного чина.

16) Въ Петербургѣ, 14 апрѣля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына титулярнаго совѣтника С. П. Кліодта, крестьянина И. Н. Аникина и губернскаго секретаря Г. В. Петрова въ томъ, что они распространяли среди войскъ брошюры, призавшія къ ниспроверженію существующаго строя.

Кліодтъ приговоренъ къ заключенію на 4 мѣсяца, а Аникинъ и Петровъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

17) Тамъ же, 14 апрѣля, особымъ присутствіемъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію крестьянъ И. Родикова и Е. Чернигова въ томъ, что первый изъ вышеуказанныхъ лицъ хранилъ и публично распространялъ 10 декабря 1905 г. въ г. Петербургѣ, раздавая на улицѣ проходимъ сочиненія, возбуждающія къ ниспроверженію въ государствѣ общественнаго строя, а второй—въ томъ, что въ Петербургѣ хранилъ тѣ же сочиненія, съ цѣлью распространенія, зная ихъ содержаніе.

Родиковъ приговоренъ къ заключенію на 9 мѣсяцевъ, а Черниговъ—на 5 мѣсяцевъ въ крѣпость, но съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

18) Главнымъ военнымъ судомъ 15 апрѣля кассационныя жалобы крестьянъ Р. Вокера, Юг. Эргмана, Ав. Преймана *приговоренныхъ* Ревельскимъ временнымъ военнымъ судомъ къ *смертной казни*, и Р. Янберга приговореннаго къ 15 г. каторги *оставлены безъ послѣдствій*. Приговоръ пойдетъ на утверж. эстлянд. ген.-губерн. 24 апрѣля генераль-губернаторъ замѣнилъ: первымъ—казнь каторгой, а послѣднему каторгу—арестантскимъ отдѣленіемъ.

19) Въ Петроковѣ, 15 апрѣля. Выѣздной сессіей судебной палаты разсмотрѣны въ Петроковѣ политическія дѣла по обвиненію девяти лицъ по 129, 130, 131 и 132 статьямъ уголовного уложенія. Обвиняемые приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ и крѣпости отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Всѣмъ засчитанъ предварительный арестъ. Двое отбывшіе срокъ наказанія освобождены.

20) Въ Курскѣ, 15 апрѣля. На засѣданіи судебной палаты въ Дмитріевкѣ окончень разборъ громкаго дѣла о грабежахъ и сожженіи усадебъ крестьянами гламаздинской волости въ февралѣ 1905 года. 2 обвиняемыхъ приговорены въ арестантскія отдѣленія, 61 къ тюремному заключенію съ лишеніемъ правъ и 18 безъ лишенія правъ, 56 оправданы. Гражданскіе иски присуждены.

На судѣ выяснилось, что во время полицейскаго дознанія крестьяне подверглись сѣченію розгами, которое производилось по распоряженію бывшаго курскаго вице-губернатора, нынѣ и. д. минскаго губернатрора Курлова.

21) Въ Одессѣ, 17 апрѣля. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года крестьянина Дубину, 22 лѣтъ, обвинявшагося въ томъ, что, получивъ 4 января сего года въ Николаевѣ отъ группы анархистовъ-коммунистовъ взрывчатый снарядъ съ порученіемъ бросить въ николаевскаго градоначальника контръ-адмирала Загорянскаго-Киселя, онъ, дожидаясь проѣзда градоначальника, нечаянно уронилъ бомбу, чѣмъ вызвалъ взрывъ, которымъ у него и оторвало кисть правой руки.

22) Въ Елисаветградѣ, 17 апрѣля. Временный одесскій военный судъ приговорилъ черкаскаго мѣщанина Федора Завіонова, обвинявшагося въ убійствѣ съ цѣлью грабежа лавочника Лужанскаго, къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

23) Въ Ревелѣ, 18 апрѣля. Генераль-губернаторъ утвердилъ смертнй приговоръ военнаго суда по отношенію къ одному изъ семи крестьянъ, обвинявшихся въ убійствѣ помѣщика Баранова, замѣнивъ казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ, другимъ же замѣнилъ казнь: пятерымъ—каторжными работами на сроки отъ 5 до 15 лѣтъ, одному—тюремнымъ заключеніемъ.

24) Въ Варшавѣ, 18 апрѣля. Варшавскій военно-окружной судъ приговорилъ крестьянина Папая къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ за убійство комиссара по крестьянскимъ дѣламъ илжецкаго уѣзда, Борка.

25) Въ Петербургѣ, 18 апрѣля въ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о бывшемъ унтеръ-офицерѣ, нынѣ рядовомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка С. И. Щербаковѣ, обвинявшемся по 1 и 2 пп. 130 и 1 ч. 131 ст. угол. ул., т. е. въ непубличномъ распространеніи среди войскъ сочиненій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Военно-окружный судъ призналъ Щербакова виновнымъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

26) Въ Псковѣ, 19 апрѣля. По двѣнадцати политическимъ дѣламъ, разобраннымъ палатою 17—18 апрѣля большинство подсудимыхъ оправданы. Изъ обвинительныхъ приговоровъ самый строгій вынесенъ чиновнику Двинской почтовой конторы Витковскому, обвинявшемуся въ покушеніи на жизнь ящика въ цѣляхъ поддержанія почтово-телеграфной забастовки; онъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 4 года.

*

27) Въ Варшавѣ, 19 апрѣля. Военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Ментрана къ *смертной казни черезъ повѣшеніе* за вооруженное сопротивление чинамъ полиціи съ покушеніемъ на убійство ихъ.

28) Въ Ригѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Марковского за вооруженное нападеніе на частный домъ и грабежъ къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*.

29) Въ Севастополѣ, 18 апрѣля, въ севастопольскомъ военноморскомъ судѣ слушалось дѣло лейтенанта Вахтина и мичмана Винера, обвинявшихся въ бездѣйствіи и превышеніи власти во время ноябрьскаго возстанія во флотѣ,—дѣйствіяхъ, выразившихся въ допущеніи лейтенанта Шмидта на броненосецъ „Пантелеймонъ“. Судъ приговорилъ обоихъ къ заключенію въ крѣпости: Вахтина на 10 мѣсяцевъ, Винера—на 8, лишивъ ихъ нѣкоторыхъ правъ.

30) Въ Одессѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Каневского къ каторгѣ на 12 лѣтъ, крестьянина Лапуха и мѣщанина Тульчинскаго къ каторгѣ на 10 лѣтъ, по обвиненію въ разбойномъ нападеніи на контору торговаго дома „Леонъ Рабиновичъ“, съ цѣлью потребовать 2,000 руб. отъ имени группы анархистовъ-коммунистовъ. Обвиняемые были задержаны на улицѣ, убѣгая послѣ выстрѣла, произведеннаго въ нихъ въ конторѣ.

31) Въ Петербургѣ, по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на *сберегательную кассу* на Забалканскомъ пр., главный военный судъ кассационную жалобу оставилъ безъ послѣдствій и приговоръ поступилъ на confirmацию помощника командующаго войсками петербургскаго военнаго округа. Помощникъ командующаго нашель возможнымъ смягчить этотъ приговоръ. Третьякову смертная казнь замѣнена пожизненною каторгой, Семенову—20-лѣтней, Жохову, Калмыкову и Кубицкому—16-лѣтней каторгой, а Бурову 20-лѣтняя каторга—16-лѣтней.

32) Въ Варшавѣ, 21 апрѣля. Военно-окружной судъ приговорилъ четырехъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ за вооруженное нападеніе на гминное управленіе и похищеніе изъ кассы 3,000 рублей.

33) Въ Вильнѣ, 21 апрѣля. Судебная палата съ сословными представителями приговорила ювелирнаго ученика Азгуда, 17 лѣтъ, за распространеніе прокламацій къ ниспроверженію существующаго строя съ призывомъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, засчитавъ ему два мѣсяца предварительнаго заключенія.

34) Въ Елисаветградѣ, 21 апрѣля. Временный одесскій военно-окружный судъ, разсмотрѣлъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло объ утерѣ-офицерахъ 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка—Смоленскомъ, Недодаевѣ и Балуковѣ, обвинявшихся по 110 и 112 статьямъ 22 книги свода военныхъ постановленій, изд. 1869 г., въ устройствѣ солдатскихъ митинговъ и составленіи прокламацій, призывавшихъ къ неповиновенію начальству. Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ, Балуковъ оправданъ. Дѣло слушалось безъ защиты. Въ допущеніи гражданской защиты судъ отказалъ, а военнаго защитника по распоряженію суда не было.

35) Въ Харьковѣ, 22 апрѣля. Судебная палата оправдала пятнадцати-

лѣтнаго реалиста Скрипченко, убившаго пристава Колтуновскаго, и отдала его на попечение родителямъ. Защитнику Тауберу устроена овація. Общество съ облегченіемъ встрѣтило приговоръ.

22 апрѣля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ мѣщ. Товія Гурштейна, 27 л., *привореннаго* на основаніи военнаго положенія и 279 ст. XXII кн. св. воен. пост. одесскимъ военнымъ судомъ къ *смертной казни через повѣшаніе* за то, что Гурштейнъ, въ обществѣ съ другими лицами, напалъ на магазинъ Трояна, помѣщающійся въ г. Одессѣ, по Базарной ул., и, угрожая револьверомъ, силою отнять изъ рукъ хозяина магазина кассу съ 70 руб.

Главнымъ военнымъ судомъ *кассационная жалоба оставлена безъ послѣдствій.*

37) Въ Вильнѣ, 23 апрѣля, судебная палата приговорила крестьянина Бѣланскаго за храненіе прокламацій, найденныхъ у него, къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ.

38) Въ Петербургѣ, 21 апрѣля, особымъ присутствіемъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей разбиралось дѣло объ убійствѣ въ Колпинѣ агента охраннаго отдѣленія Павлова. Приговоромъ особаго присутствія Рута, Рейзмеръ, Яковлевъ и Кайскъ признаны виновными по 18, 1453 и 3 п. 1454 ст., т. е. въ предумышленномъ убійствѣ должностнаго лица во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей, и приговорены къ каторжнымъ работамъ—Рута на 10 лѣтъ, трое остальныхъ на 9 л. 8 мѣсяцевъ.

Метсъ признанъ по суду оправданнымъ.

39) Тамъ-же. Въ особомъ присутствіи суд. палаты слушались нѣсколько политическихъ дѣлъ—крестьянина Ив. Крамилина, обвинявшагося въ распространеніи среди солдатъ лейб.-гвардіи преображенскаго полка сужденій, возбуждающихъ къ неповиновенію и нарушенію воинской дисциплины и оскорбленію Величества, рабочаго александровскаго механическаго завода Шустова, за раздачу прокламацій на улицѣ 15 декабря прошлаго года, и рабочаго Маркинга, за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ неповиновенію начальству, выразившееся въ разговорѣ съ солдатомъ лейб.-гвардіи конногвардейскаго полка о стрѣльбѣ въ безоружныхъ.

Палата всѣхъ подсудимыхъ признала виновными и приговорила Крамилина и Шустова на 5 и на-6 мѣсяцевъ въ крѣпость, и Маркинга къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы.

40) Въ Елисаветградѣ, 24 апрѣля, военный судъ по дѣлу о желѣзнодорожникахъ на станціи Знаменка отвергъ военное положеніе и насильственное дѣйствіе. Шестеро оправданы, одинъ приговоренъ въ арестантскія отдѣленія на два года; двое въ тюрьму на 2 г. 6 мѣс.

41) Въ Варшавѣ, 24 апрѣля *приведенъ въ исполненіе приговоръ* военнаго суда о *повѣшеніи* Павла Ментрана за вооруженное сопротивленіе полиціи и покушеніе на убійство земскихъ стражниковъ.

42) Въ Ревелѣ, 24 апрѣля, по приговору военнаго суда *разстрѣляны* Ганстбелехтъ, обвинявшійся въ разгромѣ имѣнія и убійствѣ помѣщика Баронова.

43) Въ Вильнѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина

Екнана за распространіе прокламацій противоправительственнаго содержанія къ восьмимѣсячному заключенію въ крѣпости.

44) Въ Одессѣ, 24 апрѣля, военный судъ приговорилъ къ заключенію въ крѣпости на два мѣсяца съ лишеніемъ правъ завѣдующаго комендантскимъ отдѣломъ севастопольской крѣпости капитана Олонгрена, виновнаго въ бездѣйствіи власти, послѣдствіемъ чего явился побѣгъ важнаго государственнаго преступника, студента новороссійскаго университета Фельдмана, одного изъ главныхъ дѣятелей бунта на броненосцѣ „Потемкинъ“.

45) Въ Минскѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина Берку Кагана за храненіе литературы Бунда и большого количества типографскаго шрифта къ восьми-мѣсячному заключенію въ крѣпости.

46) Въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи суд. палаты слушались дѣла: 1) кр. В. Хрусталева по обвиненію въ оскорбленіи Величества и распространеніи противоправительственной литературы и 2) кр. Г. Евсѣва по обвиненію въ агитаціи среди войскъ. Палата приговорила Хрусталева къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣс. а Евсѣва на 3 м. обоихъ—съ зачетомъ предвар. заключенія.

47) Въ Кронштадтѣ, 25 апрѣля. Приказомъ главнаго командира балтійскаго флота объявлено, что Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу морского министра и ходатайству вице-адмирала Нивнова, Высочайше повелѣтъ соизволилъ 17-го апрѣля, нижнимъ чинамъ присужденнымъ военноморскимъ судомъ Кронштадтскаго порта за участіе въ беспорядкахъ 26 и 27 октября 1905 года къ ссылкѣ въ каторжныя работы и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, сократить сроки наказаній на половину, а матросу Буловскому — безсрочную каторгу замѣнить срочной на 25 лѣтъ.

48) Въ Одессѣ, 26 апрѣля. Крестьянинъ Рымша, 23 лѣтъ, за нападеніе 16 марта на еврейскую лавку, гдѣ, подъ угрозой смерти, забралъ восемь рублей, *приговоренъ* военнымъ судомъ къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*. Постановлено ходатайствовать о смягченіи наказанія.

49) Въ Вильнѣ, 26 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ рядового Анардовича за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей по службѣ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній.

50) Въ Вильнѣ, 28 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ фельдшера виленскаго военноокружнаго медицинскаго управленія Егорова за подстрекательство фельдшерскихъ учениковъ военнаго госпиталя къ отказу отъ своихъ фельдшерскихъ обязанностей и къ недопущенію госпитальныхъ врачей къ работѣ, — къ сдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ и три мѣсяца. Четверо фельдшеровъ, обвинявшихся въ соучастіи, за недоказанностью преступленія оправданы судомъ.

51) Въ Москвѣ, 28 апрѣля. Закончилось дѣло о возстаніи въ ростовскомъ гренадерскомъ полку. Военный судъ приговорилъ фельдфебеля Гадуна, вольноопредѣляющагося Ульянинскаго, писаря Агафоновъ и солдата Снѣгудскаго къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Затѣмъ приговорены одинъ нижній чинъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ, два на 10 лѣтъ и два на 4 года; трое приговорены въ исправительныя арестантскія отдѣ-

ленія на 3 года 6 мѣсяцевъ, 1 въ дисциплинарный батальонъ на 3 года, 6 въ тотъ же батальонъ на 2 года 6 мѣсяцевъ, 4 въ военную тюрьму на одинъ мѣсяцъ, 3 въ военную тюрьму на 2 мѣсяца, 2 къ аресту на 20 сутокъ, 8 оправданы.

52) Въ Москвѣ въ судебной палатѣ слушалось дѣло бывшего студента московскаго технического училища Якова Голицына, обвинявшагося въ произнесеніи рѣчи, направленной къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, устройству всеобщей политической забастовки и вооруженнаго возстанія, причемъ въ рѣчи былъ включенъ призывъ не останавливаться предъ возможностью человѣческихъ жертвъ. Признанный палатою виновнымъ Голицынъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 9 мѣсяцевъ.

53) Тамъ же, 29 апрѣля. Послѣ 12-дневнаго разбирательства въ военномъ окружномъ судѣ окончилось слушаніемъ дѣло о бунтѣ нижнихъ чиновъ 2-го гренадерскаго ростовскаго полка. Приговоромъ суда изъ 36 обвиняемыхъ восемь оправданы. 28 человѣкъ обвинены — кто въ явномъ возстаніи, кто въ сопротивленіи начальству, кто—въ неисполненіи долга службы и соотвѣтственно степени виновности приговорены: четверо—къ безсрочной каторгѣ, двое—къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, двое—къ 4 годамъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія, нѣсколько человѣкъ—къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ и заключенію въ тюрьму на сроки отъ 2 до 4 мѣсяцевъ и нѣсколько человѣкъ—простому аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ на 20 сутокъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 28 осужденныхъ—семнадцать вольноопредѣляющихся

54) Въ Екатеринославѣ, 29 апрѣля судебная палата приговорила Бѣляева за содержаніе на Дачной улицѣ тайной типографіи и сопротивленіе при арестѣ и проживаніе по фальшивому паспорту къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

55) Въ Екатеринославѣ, 29 апрѣля. Слушалось дѣло о безпорядкахъ въ Весело-Ивановскомъ рудникѣ, верхнеднѣпровскаго уѣзда. Палата оправдала 4 рабочихъ; трое приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ.

56) Въ Ревелѣ. Смертный приговоръ военно-полевого суда надъ известными эстскими общественными дѣятелями, адвокатами Темантомъ и Пятсомъ, какъ сообщаютъ ревельскія газеты, отмѣненъ, и дѣло ихъ снова будетъ разсматриваться въ военномъ или же окружномъ судѣ.

57) Въ Елисаветградѣ военно-окружнымъ судомъ разсмотрено *дѣло трехъ нижнихъ чиновъ* 136 таганрогскаго полка: Мартиніана Смоленскаго, Александра Балукова и Гавріила Недодаева, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи. Александръ Балуковъ по недостаточности уликъ признанъ по суду оправданнымъ, Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ.

58) Въ Читѣ временнымъ военнымъ судомъ при отрядѣ ген. Ренненкампа 10 марта разбиралось дѣло о насильственномъ освобожденіи изъ Акатуйской тюрьмы матросовъ съ транспорта „Прутъ“; *приговорены къ смертной казни 26 забайкальскихъ казаковъ*, писарей войскового хозяйственнаго управления и только что амнистированный въ октябрѣ 1906 г. Викторъ Курнатовскій. Въ срединѣ апрѣля *смертная казнь* по

Высочайшему повелѣнію *замѣнена* всеѣмъ осужденнымъ каторгой на разные сроки.

59) Въ Варшавѣ. Часовыми слѣдственной тюрьмы былъ данъ залпъ по группѣ заключенныхъ, распѣвавшихъ изъ оконъ камеръ революціонныя пѣсни. Одинъ тяжело раненъ.

60) Въ Одессѣ офицеромъ Тарасовымъ былъ данъ *приказъ* патрулю *стрѣлять* въ политическихъ заключенныхъ, стоявшихъ у окна камеръ. Убитъ заключенный Беккеръ, *тяжело раненъ* Лобанць; спустя 2 недѣли онъ умеръ.

О дѣятельности карательныхъ отрядовъ на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ находимъ въ апрѣльскихъ газетахъ слѣдующія сообщенія.

61) Въ селѣ Чокнари, кут. в. Доносчики довели до свѣдѣнія казачьяго офицера Ларіонова, что у рѣки Чишура сосредоточилась красная сотня. Ларіоновъ въ сопровожденіи 100 казаковъ отправился къ этому мѣсту. Въ духанѣ Ларіоновъ засталъ 11 лицъ, у которыхъ не оказалось никакого оружія. Ихъ всетаки арестовали и забрали. Когда все подѣхали къ р. Цкаль-Цители, казаки рѣшили *отрубить арестованнымъ головы, что и привели въ исполненіе* по отношенію пяти, а остальные шесть успѣли бѣжать.

62) Въ Прибалтійскомъ краѣ, мѣстный экзекуціонный отрядъ въ Смилтенѣ 18 апрѣля *застрѣлилъ* адзельнскаго усадьбовладѣльца Паркавѣка, сынъ котораго содержится подъ арестомъ.

63) Въ Гальсинѣ, 14 апрѣля драгунами *застрѣлены* два революціонера. Одинъ изъ нихъ пытался бѣжать, но безуспѣшно. Имена застрѣленныхъ—Никитинъ и Карклинъ; первый изъ нихъ былъ городовымъ въ Туккумѣ.

64) Въ ночь на 28 апрѣля отрядъ драгунъ долженъ былъ произвести обыскъ въ одной изъ усадебъ, расположенной въ 18 верстахъ отъ Туккума. Когда усадьба была окружена драгунами, то въ послѣднихъ были произведены выстрѣлы, при чемъ былъ раненъ въ лицо навывлетъ одинъ драгунъ. Усадьба была сожжена, владѣлецъ *разстрѣлянъ*.

65) Въ Огерѣ были *разстрѣляны* крестьяне Венгре и Руде, объявляемые въ неоднократныхъ вымогательствахъ и грабежахъ.

66) Изъ Маріенбурга, 16 апрѣля ушелъ отрядъ уланъ изъ числа командуемыхъ ген. Орловымъ. Передъ уходомъ, 14 апрѣля, *надъ тремя политическими былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ о смертной казни*. По уходѣ уланъ, сюда прибыли казаки.

67) 18 апрѣля въ Эссенгофѣ былъ *застрѣленъ* принадлежавшій къ ференской волости Энинъ, обвинявшійся въ поджогахъ.

68) Въ Кокенгаузенѣ (Пр. Кр.), какъ сообщаютъ „Balss“, экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляны* *мѣсничій имѣнія Шмидтъ съ сыномъ*. Наказаніе постигло Шмидтовъ за то, что они давали пріютъ революціонерамъ.

69) Въ Экенграфѣ. Начальнику мѣстнаго карательнаго отряда было сообщено, что у братьевъ М. находится значительный запасъ оружія. У М. былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдены ружье и револьверъ. Они, а также и отецъ ихъ, были арестованы и отвезены въ имѣніе Экенграфъ, гдѣ ихъ наказали плетью. Отца послѣ этого отпустили, а сыновей задержали. На другой день ихъ отвезли на разстояніе трехъ

версть отъ имѣнія и издалека произвели въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ. Несмотря на то, что братья М. были ранены восемью пулями, они остались живы и въ настоящее время находятся въ Ригѣ въ больницѣ.

70) По приказанію ген. Меллеръ-Закомельскаго въ янв. с. г. за непочтительныя выраженія по адресу офицеровъ его отряда на ст. Тайшетъ былъ арестованъ священникъ о. Иванъ, законоучитель желѣзно-дорожной школы. Изъ Тайшета отрядъ поѣхалъ на ст. Нижнеудинскъ, гдѣ о. Иванъ былъ повѣшенъ на самафорѣ.

Въ теченіе апрѣля находимъ въ газетахъ слѣдующія сообщенія о преслѣдованіяхъ печати и о приговорахъ по литературнымъ дѣламъ:

1) Въ Умани, изданіе газеты „Народная Польза“ приостановлено.

2) Въ Варшавѣ, по распоряженію военнаго генераль-губернатора конфискованъ третій номеръ юмористическаго журнала „Веселое Эхо“.

3) Въ Полтавѣ, конфискованъ номеръ социаль-демократической газеты „Колоколь“.

4) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 29 марта, приостановлено изданія журнала „Вольница“.

5) 31 марта по улицамъ Петербурга полиціей конфисковалась газета „Корреспондентъ“. 1 апрѣля газета совсѣмъ не вышла.

6) Въ Полтавѣ 4 апрѣля, конфискованъ номеръ народной газеты „Полтавскіе Думки“. Редакторъ Екатерина Гулькевичъ за статью объ окончаніи выкупной операци и критику манифеста 3 ноября привлекается къ суду по 129 статьѣ.

7) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редакторовъ газетъ 1) „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгово по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 10 газеты статьи: „Когда же конецъ?“. 2) „Наша Жизнь“ г. Водовозова по 2 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 412 статьи „Къ сѣзду социаль-демократической партіи. Проектъ аграрныхъ реформъ“ и 3) „Современная Жизнь“ г-на Сойкина по 6 ст. VIII отд. врем. пр. о печати за напечатаніе въ № 69 статьи „Массовка“.

8) Въ Елизаветградѣ 5 апрѣля, генераль-губернаторъ приостановилъ органъ конституціонно-демократической партіи „Новороссійскій Курьеръ“ за вредное направленіе на все время военнаго положенія.

9) Въ Керчи, распоряженіемъ прокурора окружнаго суда приостановлено изданіе газеты „Южный Вѣстникъ“.

10) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство предъ судебной властью о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ: 1) газеты „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгова по п. 8. ст. 5 отд. VIII врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 6 газеты статьи „Вопіющіе факты“; № 2) газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова— по 1 п. 129 ст. уг. улож., по 1040 ст. улож. о наказ., за напечатаніе въ №№ 404 и 411 газеты „Письма въ редакцію“ Александра Микеладзе и статьи „Судьи неправедные“ и 3) газеты „Корреспондентъ“ г. Калганова— по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 10 газеты статей „Извѣщеніе о партійномъ сѣздѣ“, „Къ предстоящему сѣзду р. с.-д. р. п.“ и „Революція и реформа“.

11) Тамъ же, за помѣщеніе въ № 3 журнала „Буреваль“ и № 2 жур-

нала „Анчаръ“ преступнаго содержанія рисунковъ, редакторы этихъ журналовъ гг. Турокъ и Смирновъ привлечены къ отвѣтственности: первый по 1040 ст. улож. о наказ. и второй по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. издан.

12) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлено изданіе газеты „Воля“, выходившей вмѣсто „Возрожденія“.

13) Въ Батумѣ, первый номеръ новой газеты „Гурія“ конфискованъ; редакторъ ея Давыдовъ (онъ же редакторъ „Черноморскаго Вѣстника“) арестованъ и высылается въ отдаленную губернію. Изданіе обѣихъ газетъ прервано.

14) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора закрыта армянская радикальная газета „Аршалуйсъ“ на время дѣйствія военнаго положенія.]

15) Въ Кіевѣ, Лашнюковъ, редакторъ христіанско-соціалистической газеты „Народъ“ привлекается къ отвѣтственности по 129 ст. за двѣ статьи, изъ коихъ одна „Кто убилъ Аврамова“, называетъ виновникомъ ужасающія правительственныя репрессіи. Кромѣ того за номеръ отъ 4 апр. Лашнюковъ привлекается по 103 статьѣ. Номеръ конфискованъ. Новиковъ, редакторъ газеты „Самодержавіе“ привлекается къ отвѣтственности по 1024 и 1040 ст.

16) Въ Варшавѣ, журналъ „Испожница Польска“ по распоряженію начальника края закрытъ на время военнаго положенія. Конфискованъ первый номеръ газеты „Квѣты Польскіе“.

17) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Современная Жизнь“, г. Сокинъ, привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угод. улож. за напечатаніе въ № 64 стихотворенія: „Не отступай предъ злобой дикой“.

18) Тамъ же, первый (выпускъ журнала „Освобожденная Мысль“, въ коемъ напечатаны „Рѣчи бунтовщика“ П. А. Кропоткина, распоряженіемъ судебной власти изъяты изъ обращенія къ публикѣ, а редакторъ-издатель журнала, Валерій Бродскій, привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п.п. 129 ст. угод. улож.

19) Во Владивостокѣ, 10 апрѣля прокурорскимъ надзоромъ, съ утвержденія временнаго генераль-губернатора Владивостока, преданы *военному суду*—бывшій поручикъ Перлашкевичъ и редакторъ газеты „Владивостокскій Листокъ“, по обвиненію въ умышленномъ искаженіи истины въ печати въ статьѣ о присягѣ, о смыслѣ и значеніи манифеста 17 октября, а также призывѣ населенія и войскъ къ неисполненію законовъ, противодѣйствию созыву государственной думы и переходу на сторону мятежныхъ партій.

20) Въ Варшавѣ, 10 апрѣля, редакторы журналовъ „Вендровецъ“ „Шутекъ“, „Веселе Эхо“ и „Квѣты Польскіе“ привлечены къ отвѣтственности, журналы закрыты.

21) Въ Харьковѣ, 11 апрѣля въ судеб. палатѣ слушалось заочное литературное дѣло профессора Гредескула. Прокуроръ отказался отъ обвиненія по 279 и 281 статьямъ улож. Гредескулъ приговоренъ къ пятнадцати рублямъ штрафа.

22) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по

обвиненію редакторовъ - издателей сатирическаго журнала „Пламя“ г. Клочкова и г. Гессена по 106 и 128 ст. уг. ул. Поводомъ къ привлеченію гг. Клочкова и Гессена послужили статьи: „Какъ мѣняется стиль“; „Въ койкѣ“ и „вниманію участливыхъ людей“. Судебная палата приговорила гг. Клочкова и Гессена къ 2-хъ-недѣльному заключенію въ крѣпость, при чемъ постановила закрыть навсегда журналъ и запретить имъ быть редакторами-издателями въ теченіе 5 лѣтъ.

23) Въ Нижнемъ Новгородѣ 12 апрѣля. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановленъ „Нижегородскій Листокъ“.

24) Въ Петербургѣ, законченное слѣдственнымъ производствомъ дѣло по обвиненію редактора и сотрудниковъ журнала „Современныя Записки“ по 129 ст. угол. улож., возвращено прокурорскимъ надзоромъ судебному слѣдователю для дослѣдованія и привлеченія редактора этого журнала г. Анненскаго къ отвѣтственности и по 1036 ст. улож. о наказ., въ виду того, что „Современныя Записки“ представляютъ собою не что иное, какъ продолженіе запрещеннаго журнала „Русское Богатство“. Данными, подтверждающими послѣднее обстоятельство прокурорскимъ надзоромъ выставлено: тождество обложекъ и шрифта упомянутыхъ журналовъ, а также и то, что оба журнала печатались въ одной и той же типографіи и при одномъ и томъ же составѣ сотрудниковъ.

25) Въ Одессѣ 12 апрѣля, профессоръ новороссійскаго университета Лысенковъ обвинялся въ распространеніи въ редактируемомъ имъ журналѣ „Свободная школа“ статей, возбуждающихъ къ бунтовщическому дѣйствію. Военный судъ приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на двѣ недѣли, безъ ограниченія правъ.

26) Въ Курскѣ 14 апрѣля, распоряженіемъ прокурора временно приостановленъ выходъ газеты „Курское Эхо“.

27) Въ Полтавѣ, противъ мѣстныхъ органовъ печати „Полтавщины“, „Колокола“, „Полтавскаго Дѣла“ и „Полтавскихъ Думокъ“ возбужденъ новый рядъ дѣлъ о нарушеніяхъ временныхъ правилъ о печати, а относительно „Думокъ“ и „Колокола“ еще особо по ст. 129 ул. о нак.

28) Въ Самарѣ, конфискованъ номеръ „Самарскаго Курьера“.

29) Въ Нижнемъ Новгородѣ, по распоряженію губернатора конфискованъ первый номеръ газеты „Судоходецъ“.

30) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ тифлискаго генераль-губернатора приостановлена газета „На поворотѣ“. Часть отпечатанныхъ номеровъ ночью конфискована. Редакторъ Мдивани долженъ въ семидневный срокъ покинуть предѣлы генераль-губернаторства.

31) Въ Петербургѣ, 15 апрѣля въ I отдѣленіи с.-петербургскаго окружнаго суда, согласно новому закону о преступленіяхъ печати, безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло редактора издателя еженедельной газеты „Современная Жизнь“, обвинявшагося по 6 ст. VIII отдѣла временныхъ правилъ о печати. Окружный судъ отвергъ обвиненіе по 6 ст., а призналъ Сойкина виновнымъ по 7 п. 8 ст. VIII отд. врем. прав., т. е. въ напечатаніи по неосмотрительности, и приговорилъ къ штрафу въ 100 руб.

32) Въ Вильнѣ, 13 апрѣля, освобожденному 11 числа послѣ трехмѣсячнаго заключенія редактору-издателю „Сѣверо-Западнаго Голоса“.

Радину, воспрещено пребываніе въ мѣстахъ сѣверо-западнаго края, находящихся на положеніи усиленной охраны.

33) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 13 истекшаго апрѣля, изданіе журнала „Вѣсть“ приостановлено. Къ редактору А. Б. Петрицеву предъявлено обвиненіе по 12 и 5 пп. 129 ст. улож. за напечатаніе въ № 1 журнала статей; „Крестьяне-крамольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“.

34) Тамъ же. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности редакторъ журнала „Земля и Трудъ“ г. Ивановъ по 181 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ № 2 журнала статьи „Что такое религія и въ чемъ сущность ея“ и журнала „Зеркало Россіи“ г. Эльсернъ по 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 стихотворенія „Красное Знамя“ и статьи „Офицеръ и толпа“.

35) Уголовныя преслѣдованія возбуждены противъ редакторовъ слѣдующихъ провинціальныхъ газетъ: „Костромская Рѣчь“ (въ Костромѣ), по п. 3 ст. 129 уг. ул.; „Смоленскій Вѣстникъ“ (въ Смоленскѣ), по п. 1 129 угол. улож., „Южный Край“ (въ Харьковѣ), по ст. 128 и п. 3 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Наканунъ“ (въ Харьковѣ), по пп. 1—4 и 2 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Харьковская Жизнь“, по пп. 1—4 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Заря“ (въ Екатеринодарѣ), по п. 6 ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Жизнь Крыма“ (въ Симферополѣ), по п. в. ст. 5 отд. VIII того же закона, „Новый Крымъ“ (тамъ же) по пп. 1 и 2 ст. 129 улож.; „Glos Kijowsci“ (въ Кіевѣ), по п. в. ст. 5. от. VIII зак. 24 ноября 1905 г.

36) Въ Ярославлѣ, губернаторскій чиновникъ Голицынъ велѣлъ убрать въ газетныхъ и книжныхъ кіоскахъ портреты общественныхъ дѣятелей: Шаховскаго, Петрункевича, Долгорукова, Родичева и другихъ. Онъ заявилъ, что у него теперь власти въ два раза больше, и онъ все можетъ сдѣлать съ книжными торговцами.

37) Въ Читѣ, 18 апрѣля, по дѣлу газеты „Забайкалье“ по обвиненію по статьѣ 129 улож. о каз. привлечены: редакторъ, секретарь Михайловъ, сотрудникъ Балакинъ.

38) Въ Петербургѣ, въ типографію Гольдберга, помѣщающуюся на Лиговской улицѣ, явились чины участковой полиціи и произвели обыскъ. Конфисковано незначительное количество номеровъ только что отпечатаннаго перваго номера журнала „Зеркало Россіи“.

39) Въ Либавѣ, 19 апрѣля, запрещена мѣстная новая латышская газета „Тагадне“.

40) Въ Харбинѣ, 19 апрѣля, газета „Молодая Россія“ приостановлена.

41) Въ Петербургѣ, 19 апрѣля, въ особомъ присутствіи судебной палаты, безъ участія сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя журнала „Митингъ“ А. И. Волькенау въ томъ, что онъ въ № 4, редактируемаго имъ журнала помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Замѣтки, наблюденія и шутки перомъ“, заключающую въ себѣ дерзостное неуваженіе къ верховной власти.

А. И. Волькенау признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двухнедѣльному заключенію въ крѣпость съ лишеніемъ правъ редактиро-

вать въ теченіе 5 лѣтъ періодическія изданія. Журналъ „Митингъ“ палата постановила закрыть навсегда.

42) Въ Москвѣ, въ судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Жало“ пом. прис. повѣреннаго Власова, обвинявшагося въ дерзновенномъ неуваженіи верховной власти, допущенія явнаго глумленія надъ императорскими регаліями и манифестами, отъ высочайшаго имени исходящими, выразившихся въ рядѣ каррикатуръ и стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ и единственномъ номерѣ этого журнала. Этотъ номеръ былъ конфискованъ въ количествѣ 17 тысячъ экземпляровъ, но большое количество номеровъ успѣло уже попасть въ продажу. Палата признала Власова виновнымъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

43) Въ Петербургѣ, по иниціативѣ цензурнаго комитета издат. брошюры „Настоящее политическое положеніе и виды будущаго“ сочиненіе Парвуса г. Рутенбергъ привлекается къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

44) Въ Москвѣ конфискованъ и отбирался у разносчиковъ номеръ газеты „Современникъ“ въ виду напечатанной резолюціи большевиковъ социаль-демократической партіи.

45) Въ Петербургѣ, за напечатаніе въ № 41 газеты „Рѣчь“ статьи „Торопитесь“ привлекаются къ отвѣтственности редакторъ газеты г. Бужанскій и авторъ статьи г. Беренштамъ.

46) Тамъ-же, по распоряженію цензурнаго комитета конфискована брошюра „19 фѣвраля“. Къ автору брошюры г. Рязанову предъявляется обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож.

47) Уголовныя преслѣдованія возбуждены за послѣднее время противъ редакторовъ слѣдующихъ газетъ: „Крестьянская Газета“—по ст. 1036 улож. о нак. и пп. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; „Вятская Жизнь“—по п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; „Вечернее эхо“—попп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; „Сибирскія Вѣсти“—по отд. X и ст. 7 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Самарскій Курьеръ“—по ст. 182 ул. о нак., ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. и п. 1 ст. 129 уг. улож.; „Оренбургскій Листокъ“—по ст. 274, 1035, 1037 ул. о нак. изд. 1885 г. и ст. 6 разд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Оренбургскій Край“—по ст. 128 уг. улож. 1903 г. и пп. в. и г. ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Объявленій“ (приложеніе къ газетѣ „Оренбургскій Листокъ“) — по ст. 274 и 279 улож. о нак. изд. 1885 г.; „Голосъ Деревни“—по п. 2 ст. 129 угол. улож.; „Саратовскій Дневникъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож.; „Прикаспійская Газета“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Чилимъ“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Асхабадъ“—по ст. 5, лит. в, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Зеравшанъ“—по пп. в. и г, ст. 5, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 128 уг. улож.; „Приамурье“—по ст. 107 уг. ул.; изд. 1903 г.; „Дальній Востокъ“—по ст. 1014, 1024 и 1029 улож. о нак. „Владивостокскій Листокъ“—по 2 ч. ст. 103 уг. улож. и ст. 1014, п. 3 ст. 1029, 1032, 1035 и 1036 того же улож. и лит. 6 п. 5 VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Союза Союзовъ“—по ст. 1025, 1028, 133 и 280 улож. о нак. и пп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; „Владивостокъ“—по ст. 280

и 1072 улож. о нак.; „Природа и люди Дальняго Востока“—по ст. 280 ул. о нак. ст. 133 уг. улож. и п. 5 лит. в. VIII отд. зак. 24 ноября 1905 г.; „Дальній Востокъ“—по ст. 1024 ул. о нак.; „Востокъ“—по 1024 ст. улож. о нак., ст. 73 уст. о ценз. и печ. и лит. в. п. 4 VIII ст. зак. 24 ноября 1905 г.; „Байкаль“ по ст. 128 и 129 угол. улож.; „Кавказскій Рабочій Листокъ“—по ст. 128 и пп. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.; „Елизаветпольскій Вѣстникъ“—по ст. 14 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г., ст. 128 и пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож.; „Патара Газети“—по п. 2 и ст. 5 уг. улож.; „Новое Обзорѣніе“, „Возрожденіе“, „Тифлисскій Листокъ“, „Иверія“, „Цюобисъ Пурцели“—всѣ по ст. 1358⁸ ул. о нак.; „Схиви“—по п. 1 ст. 129 уг. улож., ст. 4 отд. VIII зак. 24 нояб. 1905 г. и ст. 1358⁸ улож. о нак.; „Мшакъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 1358⁸ ул. о нак.; „Аршалуйсъ“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож. и 1358⁸ улож., о нак.; „Арачь“—по п. 2 ст. 129 угол. ул.; „Ашхатанкъ“—по ст. 1028 ул. о нак. и п. 2 ст. 129 уг. улож. и „Гантиада“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.

48) Въ Петербургѣ, полиціей произведены обыски въ типографіяхъ Меркушева, Березина и въ типографіи глухонѣмыхъ. Арестованы только что отпечатанные номера журналовъ „Соціалистическая бібліотека“ и „Вильна Украина“. Въ типографіи Березина произведена конфискація № 10 газеты „Корреспондентъ“.

49) По распоряженію администраціи въ Москвѣ изъята изъ продажи брошюра переводъ извѣстной статьи французскаго журнала „Revue“ о русскихъ финансахъ, почтавшейся въ извлеченіяхъ во всѣхъ газетахъ и надѣлавшей много шума.

50) Въ Черниговѣ, мѣстный губернаторъ запретилъ играющей тамъ драматической группѣ постановку пьесы Чирикова „Еврей“ и всѣхъ пьесъ Горькаго. Губернскою земскою управѣ губернаторъ циркулярно предложилъ не допускать въ народныя бібліотеки такихъ газетъ, какъ „Русскія Вѣдомости“ и „Биржевыя Вѣдомости“ и замѣнять ихъ патристическими газетами; въ противномъ случаѣ бібліотеки будутъ закрыты.

51) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова по п. 1 129 ст. за напечатаніе въ № 414 статьи „Объ активномъ выступленіи“.

52) Тамъ-же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. отд. VIII врем. прав. о печати редакторъ газеты „Страна“ за напечатаніе въ № 35 газеты „статья противоправительственнаго характера“ и по п. „г“ статьи отд. VIII вр. пр. о печати редакторъ газеты „Рѣчь“ за напечатаніе въ № 28 „статья преступнаго содержанія“.

53) Конфискованъ номеръ журнала „Голосъ Жизни“.

54) По предписанію администраціи, въ Москвѣ изъяты изъ продажи брошюры: „Эрфуртская программа“ Каутскаго, „Изъ исторіи революціонныхъ движеній“ Туна и „Современный социализмъ“ Энгора. Издатель послѣдней брошюры Гранатъ и владѣлецъ типографіи, гдѣ она печаталась, привлекаются къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

55) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакто-

ровъ журналовъ: 1) „Отклики Современности“ г. Малышева по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 1 журнала статей „О казакахъ“. „Знаменіе времени“; 2) „Вѣсть“—г. Петрищева по 1, 2 и 5 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 5 статей „Крестыяне-кромольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“ и 8) „Вильна-Украина“—г. Шабленко по 1 и 2 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе цѣлаго ряда статей преступнаго характера.

56) Въ Тобольскѣ, редакторъ-издательница „Сибирскаго Листка“ М. Н. Костюрина привлечена къ судебной отвѣтственности за статью, помѣщенную въ одномъ изъ номеровъ „Сибирскаго Листка“ по 129 ст.

47) Въ Петербургѣ. По инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ автора книги „Дневникъ карійца“ г. Стефановича по 128 ст. угол. улож. Книга эта конфискована.

48) Въ Москвѣ. Четвертая книжка журнала „Правда“ конфискована.

49) Въ Курскѣ. Редакторъ-издательница газеты „Курское Эхо“ г-жа Березовская, за напечатаніе въ газетѣ статьи „Акафистъ земскимъ начальникамъ“, приговорена къ шестидневному домашнему аресту.

50) Въ Екатеринодарѣ. Редакторъ еженедѣльной газеты „Земля и Народъ“ привлекается къ отвѣтственности.

51) Въ Костромѣ, предъявлены три обвинительные акта: бывшей редакторшѣ „Листка“ Андрониковой, редактору „Голоса“ Покровскому и „Рѣчи“ Кедрову; первымъ двумъ въ оскорбленіи барона Остенъ-Сакена, послѣдному въ помѣщеніи статьи, возбуждающей противъ полиціи и казаковъ.

52) Членъ сумскаго окружнаго суда Ф. Соллогубъ, согласно указу высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената, привлекается къ отвѣтственности по 2-му и 4-му пунктамъ 129 ст. уг. ул. за статью, напечатанную имъ въ газетѣ „Сумскій Голосъ“. Въ обвинительномъ актѣ Соллогубу, между прочимъ, ставится въ вину то, что въ февралѣ 1905 г. онъ отъ имени сумскаго литературнаго общества послалъ въ редакція пріостановленныхъ газетъ „Наша Жизнь“ и „Наши Дни“ сообщеніе, съ выраженіемъ сочувствія и печали по поводу того, что двумя честными органами стало меньше.

Дѣло „Сумскаго Голоса“ слушалось 21 апрѣля въ харьков. суд. палатѣ. Всѣ оправданы, кромѣ Соллогуба, приговореннаго къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

53) Въ Петербургѣ, 22-го апрѣля у газетчиковъ и въ кіоскахъ отбирался полиціей № 1 еженедѣльнаго журнала „Народная жизнь“, издающагося и редактируемаго А. Е. Звенигородскимъ.

54) Тамъ же. Главнымъ управленіемъ по деламъ печати, 20 апрѣля, возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ редактора-издателя журнала „Народная Жизнь“ А. Е. Звенигородскаго за напечатаніе въ № 1 этого журнала статей подъ загл. „Народъ и Дума“ и „Что дѣлать съ землей?“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ относительно первой статьи п. 1 ст. 129 угол. улож. и относительно послѣдней—п. 2 той же статьи угол. улож.,—съ примѣненіемъ къ № 1 названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 2) противъ редактора-издателя журнала „Ясная Поляна“

петергофскаго мѣщанина Василя Алексѣевича Максимова, за напечатаніе въ № 2 этого журнала статьи подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣятелямъ“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго п. 3 статьи 129 угод. улож.

1-й выпускъ „Ясной Поляны“—серіи сочиненій графа Л. Н. Толстого въ день выхода въ свѣтъ усердно *конфисковался* полиціей какъ у газетчиковъ, такъ и въ книжныхъ магазинахъ.

55) Въ *типографію Шмидта*, помѣщающуюся на Звенигородской улицѣ, 23 апрѣля явилась полиція и произвела тщательный обыскъ. Конфискованъ только что отпечатанный пятый № приложенія къ „Дневнику“, редактируемому и издаваемому г. Малыхъ.

56) *С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія* противъ Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина, редактировавшихъ брошюру подъ заглавіемъ „Проектъ основнаго закона о землѣ“, и „Что нужно крестьянамъ?“—изданіе Н. Ѳ. Новожилова (складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“, типографія С. М. Муллеръ)—по п. 2 ст. 129 угод. улож.

57) *Московскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія* противъ редакторовъ газеты „Путь“—по п.п. 2 и 3 ст. 129 угод. улож. и п.п. в и г ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года; „Народное Дѣло“—по п.п. 1, 2 и 3 ст. 129 угод. улож. „Калужанинъ“—по п. в ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 года; „Мысль“—по п. 1 ст. 129 угод. улож.; и журнала „Семь дней“—по 3 п. ст. 129 угод. улож.

58) Въ Тифлисѣ. Редактору-издателю пріостановленной 22 апрѣля газеты „Весенній Потокъ“, Яшвили, генераль-губернаторомъ воспрещено жительство въ тифлискомъ и борчалинскомъ уѣздахъ. Пріостановлена послѣ перваго же нумера газета „Обзоръ“, выходявшая вмѣсто „Возрожденія“.

59) Въ Самарѣ. Самарскій окружный судъ разсматривалъ *дѣло редактора-издателя „Самарской Газеты“ С. И. Костерина*.

Г. Костерину между прочимъ была поставлена въ вину статья подъ заглавіемъ „1905 г.“. С. И. Костеринъ приговоренъ къ штрафу въ 50 руб.

60) Въ Екатеринославѣ, 22 апрѣля, ночью въ типографіи *обѣихъ частныхъ газетъ* нагрянула полиція, конфисковала всѣ номера. Причина—отчетъ о засѣданіи родительскаго совѣщанія педагогическаго комитета коммерческаго училища о ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя училище постановлено военнымъ положеніемъ, о возмутительныхъ арестахъ директора Синявскаго и преподавателя Моргунова, объ обыскахъ среди учащихся.

61) Въ Тифлисѣ, 22 апрѣля. Постановленіемъ тифлискаго генераль-губернатора изданіе газеты „Кавказскія Вѣсти“ пріостановлено на одну недѣлю, за напечатаніе не соответствующей истинѣ замѣтки о правительственныхъ распоряженіяхъ.

62) Дѣло редактора и издателя газеты „Верхнеудинскій Листокъ“ І. Сипайло и Рейфовича находящихся въ тюрьмѣ по порученію прокурора палаты передано *военному прокурору при карательномъ отрядѣ ген. Ренненкампфа*.

63) *Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати 22 апрѣля возбуждены уголовныя преслѣдованія:* 1) противъ издательницы-редактора журнала „Дневникъ“ Маріи Александровны Малыхъ, за напечатаніе въ приложеніи къ „Дневнику“ № 5 статьи подъ заглавіемъ „Г. К. Плехановъ о задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 128 угол. улож. съ примѣненіемъ къ „Приложенію“ названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1906 года, 2) противъ редактора-издателя журнала „Всемирный Вѣстникъ“ надворнаго совѣтника Сергѣя Сергѣевича Сухонина, за напечатаніе въ № 1 означеннаго журнала статей графа Л. Н. Толстого подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣятелямъ“ и „Единственное средство“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленія предусмотрѣннаго п. 3 ст. 128 угол. улож. и 3) по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ журналовъ „Вѣстникъ Рабочаго“ г-жи Шуръ-Смѣсовой за напечатаніе въ № 1 журнала статей: „Армія и бюрократія“ и „Революція и реакція“.

64) Въ Петербургѣ, 26 апрѣля. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газ. „Рабочая жизнь“ Андреева по 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Андреева къ 2-хъ мѣсячному заключенію въ крѣпость.

65) Въ Ярославлѣ, 27 апрѣля. Въ 2 часа ночи въ типографію, гдѣ печаталась „Сѣверная Мысль“ явилась полиція и объявила постановленіе окружного суда о приостановкѣ изданія газеты.

66) Въ Читѣ, 26 апрѣля. Редакторъ А. Г. Солдатова газеты „Забайкалье“ оправдана. Секретарь Адрианъ Михайловъ и сотрудникъ Балакинъ осуждены, первый—на годъ, второй—на 8 мѣсяцевъ крѣпости.

67) Въ Гельсингфорсѣ, 27 апрѣля. Главное управленіе по дѣламъ печати рѣшило возбудить законное преслѣдованіе противъ вышедшаго пробнаго номера газеты „Viesti“.

68) Въ Одессѣ, 25 апрѣля. Генераль-губернаторомъ приостановлена на двѣ недѣли газета „Южное Обозрѣніе“.

69) Въ Петербургѣ. По иниціативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе по 5 п. 129 ст. угол. улож. противъ автора брошюры „Постоянное войско и милиція“ Э. Пименовой.

70) Въ Москвѣ. По распоряженію администраціи, сегодня конфискованъ № 42 газеты „Путь“, въ кототомъ были помѣщены фотографіи, изображающія жизнь Спиридоновой въ тюрьмѣ, которыя удалось сдѣлать одному американскому фотографу.

71) Тамъ же. Сборникъ противъ смертной казни (подъ редакціей прив.-доц. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова) задержанъ цензурой. Одновременно цензурный комитетъ началъ судебное преслѣдованіе по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ и авторовъ нѣкоторыхъ статей, основанное на ст. 147 ценз. устава. Особенное вниманіе цензуры привлекли статьи: Владимірова, Кузьмина-Караваева, Н. Бердяева, Булгакова и Гольдовскаго, а изъ беллетристическаго отдѣла—В. Немировича-Данченко и Р. М. Хинъ.

2) Въ Варшавѣ, 26 апрѣля военно-окружной судъ приговорилъ редактора прекратившагося „Курьера Пораннаго“ къ мѣсячному аресту
вылог № 5.

за помѣщеніе въ газетѣ взятой изъ русскихъ газетъ замѣтки о броженіи въ войскахъ варшавскаго гарнизона.

73) Въ Петербургѣ, 28 апрѣля. Въ сенатѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора сатирическаго журнала „Стрѣлы“, г. Кноровскаго, на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ былъ присужденъ къ 2-хъ-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

74) Тамъ же. Въ правительствующемъ сенатѣ 28 апрѣля слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора газ. „Начало“ д-ра Герценштейна на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ за рядъ статей, напечатанныхъ въ упомянутой газетѣ, былъ присужденъ на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

75) Въ Москвѣ конфискованъ и арестованъ къ выпуску первый номеръ „Крестьянской Газеты“.

76) Въ Кіевѣ распоряженіемъ начальника края конфискованъ и запрещенъ къ продажѣ въ Кіевѣ и кіевск. уѣздѣ еврейскій юморист. журналъ „Дерь Шейгець“, въ рисункахъ и статьяхъ котораго высмѣивались бюрократія и министры.

78) Въ Петербургѣ конфискованъ № 2 „Приказчика“ № 5 „Печатнаго Вѣстника“, оба органа профессион. раб. прессы.

79) Тамъ же главное управленіе по дѣламъ печати возбудило и датайство о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности редактора журнала „Социалистическая бібліотека“ Хновенко по 128 и 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 журнала статьи „Предисловіе“. Номеръ журнала конфискованъ.

80) Въ Тифлисі, 15 апрѣля. Генераль-маіоръ Тимофѣевъ издалъ слѣдующій приказъ: „Предлагаю редакторамъ тифлисскихъ газетъ прекратить печатаніе въ редактируемыхъ ими изданіяхъ и перепечатываніе изъ иногороднихъ газетъ всего, что касается распоряженій военнаго начальствующихъ, въ особенности секретныхъ приказовъ по военному вѣдомству и главному штабу. Независимо сего, я запрещаю совершенно помѣщеніе извѣстій о дѣйствіяхъ какъ различнхъ войсковыхъ отрядовъ, карательныхъ и иныхъ, такъ и о дѣйствіяхъ административныхъ лицъ, пока извѣстія не появятся въ официальныхъ органахъ. Виновныя редакціи будутъ немедленно закрываться, а редакторы высылаются изъ предѣловъ генераль-губернаторства“. Этимъ приказомъ мѣстныя газеты поставлены въ безвыходное положеніе и намѣрены обратиться съ протестомъ къ намѣстнику.

81) Тифлисскій генераль-губернаторъ издалъ слѣдующее распоряженіе: „Мною замѣчено, что приостановленныя постановленіями моими на все время дѣйствія военнаго положенія періодическія изданія возрождаются вновь подъ другими названіями и за подписью другого редактора, а многія и за подписью редакторовъ приостановленныхъ газетъ. Усматривая въ такихъ возрожденіяхъ обходъ моихъ распоряженій, объявляю, что впредь при закрытіи газетъ я вынужденъ буду примѣнять къ редакторамъ и издателямъ ихъ предоставленное мнѣ право запрещенія отдѣльнымъ лицамъ жительства въ предѣлахъ генераль-губернаторства.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI + 240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Бажанова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА—подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Ж У Р Н А Л Ъ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДВИЖЕНІЮ ВЪ РОССІИ).

Адресъ редакціи и конторы—Спасскій пер., д. Б, кв. 1.

Вышелъ № 1-ый. Въ немъ помѣщены;

«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Томъ первый 1825—1876 гг. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ скоромъ времени выйдетъ № 2: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ». Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спасскій, 5)

поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

- 1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вендейцами.
3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ совѣтъ 500. 5) Клятва въ націонал.
собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

- 1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“.
5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Везумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

- 1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

- 1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;

Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А.
Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спасскій переулокъ, д. 5.

„Библиотека Освободительной Борьбы“

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

Складъ изданія: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ», Невскій, 60.

Вышли №№ 2 и 3 «Библиотеки Освободительной Борьбы».

СОДЕРЖАНІЕ № 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

СОДЕРЖАНІЕ № 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданій тамъ же гдѣ и брошюры «Шлиссельбургскіе мученики».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣдѣнъ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая библіографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій, В. Я. Богучарскій; А. К. Вороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатовскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Игосевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнборгъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; Г. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милюковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовскій; Г. Ф. Осоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригона; А. В. Тьрковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шинко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и вѣдѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **И. С. Джабадари** («Въ невольѣ») и **О. С. Любатовичъ** («Далекое и недавнее») въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предложены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостолъ** (историко-психологическій этюдъ); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Виташевскій**—Централка. (Изъ воспоминаній); **М. В. Новорусскій**—Въ Шлиссельбургѣ. (Изъ воспоминаній); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; (о Липецкомъ сѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ сѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **Г. Ф. Осмоловскій**—Изъ воспоминаній (о Карійской каторгѣ); **Л. Василевскій** (**Плохоцкій**)—Процессъ «Пролетаріатцевъ» въ Варшавѣ; **В. Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. (Автобіографія рабочаго, сосланнаго въ каторгу въ 1875 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **С. А. Ивановъ**—Возникновеніе и падежъ Дурноселовки (эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ); **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; Д-тъ.—Арестъ **С. Г. Нечаева** въ Цюрохѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы братьевъ Критскихъ, **П. А. Мартыанова**, **Н. А. Серно-Соловьевича** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ); неизданныя стихотворенія **И. С. Никитина** и **Т. Г. Шевченко**; Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ процессъ 17-ти народовольцевъ: Богдановичъ, Буцевичъ, Грачевскій, Корба, Сав. Златопольскій и др.), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осипскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **Н. И. Колодкевича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Буцевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Ц. А. Морозова**, **Х. Гершковича**, виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

О П Е Ч А Т К И:

На стр. 3 напечатано: рѣчь **В. Н. Фигнеръ**, произнесенная 27 января; слѣдуетъ читать: 27 сентября.

На стр. 266 строка 20 сверху напечатано: *Le Bègne*, слѣдуетъ читать: *Le bègne*.

БЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 6 ІЮНЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

200

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Неизданныя стихотворенія Т. Г. Шевченко I. Поэма «Еретикъ»	1
2. Въ Шлиссельбургской крѣпости. Первые шаги. М. В. Новорусскаго	6
3. Возникновеніе и паденіе Дурноселовки (<i>Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ</i>). С. А. Иванова	33
4. Тайное общество братьевъ Критскихъ М. К. Лемке.	41
5. Карійская трагедія (<i>Изъ воспоминаній</i>). Г. Ф. Осмоловскаго	59
6. Питомецъ воспитательнаго дома. Автобіографія В. Герасимова	81
7. Къ дѣлу Фомы Кочуры.	102
8. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881 г. О. С. Любатовичъ. Окончаніе.	108
9. Въ неволѣ. Воспоминанія. И. С. Джабадари. Окончаніе.	157
10. Убійство имп. Павла. Неизданная страничка изъ записокъ Рунича	178
11. Автобіографія П. М. Драгоманова.	182
12. Хаймъ Гершковичъ. Матеріалы для біографіи.	214
13. Нѣкоторыя данныя о «Письмѣ Исп. Комитета къ Александру III». А. П. Прибылевой-Корба.	234
14. Отчетъ о процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.	237
15. Дополнительные свѣдѣнія о процессѣ 20-ти. М. Ф. Фроленко	296
16. Историческая бібліографія. (<i>Сочиненія Пушкина. Томъ второй. Изданіе Академіи Наукъ</i>). Н. Лернера.	301

17. Книжки и другія изданія, поступившія въ редакцію	306
18. Своденныя летописи	310
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. Дялю Я. <i>А. Гусковъ (1863)</i> —39; <i>Къ стѣлу П. Н. Мышкина</i> — <i>50</i> ; <i>Статейка Пущкина на Карамзина</i> —155; <i>Вызов С. В. Балмашева</i> —233; <i>По поводу объявле-</i> <i>нія Испол. Комитета Р. С.-Р. партіи.</i>	294
20. Объявленія	328

Въ этой книгѣ помѣщены портреты Н. К. Сигида, М. П. Белевскій, Т. И. Лебедевой, Геси Гельфангъ, Ханка Гершвицъ, С. В. Балмашева (въ офицерской формѣ) и факсимильныя изображенія Испол. Комитета Р. С.-Р. партіи.

Татьяна Ивановна
ЛЕБЕДЕВА.

Неизданныя стихотворенія Т. Г. Шевченко.

I. ПОЭМА „ЕРЕТИКЪ“.

Поэма «Еритыкъ або Иванъ Гусъ» до сихъ поръ въ полномъ видѣ была неизвѣстна. Она была написана до ссылки Шевченко, и потомъ Шевченко могъ возстановить только часть этой поэмы. Окончаніе же считалось утеряннымъ навсегда. Но въ бумагахъ Шевченко, отобранныхъ у него при арестѣ, среди другихъ неизвѣстныхъ намъ стихотвореній, находится и эта поэма въ полномъ видѣ и съ датой. Вмѣстѣ со многими другими стихотвореніями поэма находится въ начисто переписанной самимъ Шевченко и, очевидно, приготовленной имъ къ печати книгѣ стихотвореній. Книга эта озаглавлена «Три літа». Значительнѣйшая часть входящихъ въ эту книгу стихотвореній намъ извѣстна, но извѣстные стихи заключаютъ въ себѣ любопытные варианты. Почти всѣ произведенія имѣютъ точныя даты, сильно колеблющія общепринятую хронологію творчества Шевченко. Имѣя въ виду напечатать все неизвѣстное намъ до сихъ поръ изъ бумагъ Шевченко, на первый разъ останавливаемся на поэмѣ объ Иванѣ Гусѣ. Поэма носитъ названіе «Еритыкъ» и посвящена Шафарику. Не приводя извѣстной намъ части поэмы, отличающейся отъ рукописной весьма незначительными вариантами, даемъ только неизвѣстный конецъ. Извѣстная намъ до сихъ поръ часть поэмы заканчивалась на рѣшеніи конклава созвать Констанцкій соборъ. Съ описанія Констанцаго собора и начинается неизвѣстная, впервые печатаемая нами часть поэмы. Правописаніе подлинника нами точно сохранено.

.....
.....
.....

Якъ та галычъ поле крилы
Ченьци повалылы,
До Констанця; степы, пляхи
Мовъ сарана вкрилы
Бароны, Герцоги, и Дюки
Псари, Гирольды, шинкари
И Трубадуры, (Кобзари)
И шляхомъ висько мовъ гадюки.
За Герцогинями нимота
Хто въ соколами на рукахъ
Хто тишки, верхи на ослахъ
Такъ ажъ кишыть! все на охоту
Мовъ гадъ у ірїй поспиша!
О чеху! де твоя душа??
Дывись шо сылы повалыло
Мовъ Сарацына воювать
Або великого А т и л у!

У Празї глухо гомонять,
И Цесаря, и Вичеслави
И той соборъ тысячеглавы
У голосъ лають! не хотятъ
Пускать въ Констанць Ивана Гуса!
«Живъ богъ! жива душа моя!
Браты я смерти не боюся!
Я докажу отымъ змямъ
Я вырву ихъ не сыте жало!..
И чеги Гуса провожалы
Мовъ диты батька...

Задзвонили у Констанци
Рано въ уси дзвоны.
Збиралыся кардиналы
Гладки та червони
Мовъ бугаи въ загороду
И прылативъ лава.

И три папы, и баронство
И винчани главы:
Зибралыся мовъ іуды
На судъ нечестивый
Противъ Христа. Свары, гоминь,
То реве, то вые
Якъ та орда у табори,
Або жида въ школи...
И, всимъ разомъ зацпило!..

Мовъ кедръ середъ поля—
Ливанского,—у кайданахъ,
Ставъ Гусъ передными!
И окинувъ нечестывихъ
Орлимы очима.
Затрусилысь, побилилы
Мовчки озирали
Мученыка.—«Чого мене
Чи на прю позвалы?
Чи дывиця на кайданы??..
«Мовчи чеше смилый...»
Гадюкою зашипилы
Звиремъ заревилы.
«Ты ертыкъ! ты ертыкъ!»
Ты сіешъ росколы!
Усобица розвіваєшь
Святійшой воли—
Не прыймаешъ!... «Одно слово!»
Ты богомъ проклятый!
Ты ертыкъ! ты ертыкъ!..
Ревилы прелаты
Ты усобныкъ!.. «одно слово
Ты всимы проклятый!..
Подывився Гусъ на Папы
Та й выйшовъ зъ палаты!..
«Поборолы! поборолы!..
Мовъ обеленилы.
Автодафе! автодафе!..
Гуртомъ заревилы.

И цилу ничъ бенкетовалы
Ченьци, Бароны... вси пилы
И пьяни Гуса прокляналы
Ажъ поки дзвоны загулы.
И свить наставъ... Идутъ молыця
Ченьци за Гуса. Зъ загоры
Червоне сонце ажъ горыть,
И сонце хоче подывиця
Що будуть зъ праведнымъ творить?!

Задзвонили въ уси дзвоны
И повелы Гуса
На Голгофу у кайданахъ
И нестрепенувся...
Передъ огнемъ ¹⁾, ставъ на ёму
И молитву діе.

«О Господы милосердый
Шо я за подіавъ
Оцымъ людымъ? твоимъ людымъ!
За що мене судять!
За що мене ровпинають!
Люды! добри люды!
Молитесь! неповинни
И зъ вами те буде!
Молитесь! люти звири
Прыйшли въ овнихъ шкурахъ
И пазори розпустыли...
Ни горы, ни муры
Не сховають. Розилъется
Червонее море
Крови! крови, зъ дитей вашихъ,
О горе! о горе!
Онъ де воны! въ ясныхъ ризахъ
Ихъ люти очи... «палы! палы!
Уже крови... «палы! палы!..»
Крови! крови хочуть!
Крови вашей!.. и дымомъ
Праведного верило.
«Молитесь! молитесь
Господы помилуй
Просты ты имъ бо не знаютъ!..»
Та й нечуты стало!
Мовъ собаки коло огню ²⁾
Кругомъ ченьцы стали.
Боялыся шобъ невылизъ
Гадыною зъ жару
Та не повисъ на корони
Або на тіари.
Погасъ огонь, дунувъ виторъ
И попилъ розвіавъ.
И бачилы на тіари
Червоного змія.
Прости люде. Пишлы ченьцы.
Й те Деиш спивалы
Розійшлыся по трапезахъ
И трапезувалы

¹⁾ Первоначально: „костромъ“.

²⁾ Первоначально: „кругомъ костра“.

И день и ничь, ажъ попухлы.
Малою симьєю
Зійшлысь чехи. Взялы земли
Зь пидь костра, и знею
Пишлы въ Прагу. Отакъ Гуса
Ченьци осудыли
Запалилы... та божого
Слова не спалилы,
Невгадалы шо вилытыть
Орель изъ захмары
Замись гуся и розклюе
Высоку тіару.
Байдуже имъ, розлетилысь
Мовъ тін вороны
Зь кровавого того свята.
Ченьци и Бароны
Розвернулысь у будынкахъ
И гадки не мають
Бенкетують, та инколы
Те деиш спивають.
Все зробили... постривайте
Онъ надъ головою
Старый Жижка зь Таборова
Махнувъ булавою.

10 октября
1846
С. Марьянское.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾).

Первые шаги.

I.

Камера, гдѣ я очутился, была довольно просторная, шаговъ въ 10 по діагонали, почти совершенно пустая и очень сумрачная. Въ одномъ углу помѣщалась круглая желѣзная печь, крашенная охрой, которая топилась съ коридора; у одной стѣны стоялъ маленький деревянный столикъ, покрытый буро-желтымъ лакомъ, и прикрѣпленный къ ней наглухо желѣзными крючками. У противоположной стѣны помѣщалась желѣзная кровать, вращавшаяся на шарнирахъ, вдѣланный въ стѣну, и опиравшаяся на полъ только двумя ножками. Благодаря такому устройству, ее можно было поднимать и опускать, какъ любую крышку ящика. Поднявши ее вертикально (ребромъ), можно было защелкнуть за крюкъ, вдѣланный въ стѣну нарочно для этого, и замкнуть въ такомъ положеніи на замокъ. На кровати находился мочальный матрацъ, довольно новый, покрытый черно-сѣрымъ одѣяломъ съ синими полосами. Простыня и наволочки—изъ тонкаго холста. Наконецъ, въ углу неизбѣжный стульчакъ въ видѣ опрокинутого конуса, и возлѣ него, на высотѣ стола, желѣзная эмалированная раковина, а надъ нею мѣдный кранъ водопровода. На стѣнѣ приклеенная хлѣбомъ висѣла инструкция, замѣняшая намъ сводъ законовъ, гдѣ между прочимъ съ особенною заботливостью были выставлены 50 розогъ и смертная казнь, какъ наказанія, налагаемая—первое въ административномъ порядкѣ, второе—въ судебномъ. Эта инструкция, теперь извѣстная въ печати, мѣнялась затѣмъ нѣсколько разъ ²⁾. Но ни одну изъ нихъ не дерзнулъ подписать своимъ именемъ сочинитель ея, какъ бы стыдясь своего произведенія, достойнаго быть занесеннымъ на мраморъ.

¹⁾ Предлагаемые вниманию читателей очерки жизни въ Шлиссельбургской крѣпости принадлежатъ М. В. Новорусскому, просидѣвшему въ этой крѣпости 18½ лѣтъ, и представляють непосредственное продолженіе напечатаннаго въ апрѣльской книгѣ „Былого“ очерка: „Какъ я попалъ въ Шлиссельбургъ“.

²⁾ Инструкция напечатана въ мартовской книжкѣ „Былого“, стр. 149.

морную доску. На подоконникъ къ рамѣ была какъ-то прицѣплена маленькая деревянная икона въ 4×3 д. Висѣть ей на гвоздикѣ не полагалось, такъ какъ самый маленькій гвоздикъ могъ дать заключенному или опасную идею, или опасное орудіе.

Больше въ камерѣ не было рѣшительно ничего. Стѣны были выбѣлены известкой, и только снизу, на высотѣ 1 арш. отъ полу, выкрашены коричневой краской. Полъ былъ асфальтовый, ничѣмъ не крашеный, и потому не только грязный, но и не отмываемый: благодаря крайней шероховатости его поверхности, тщетны были всѣ усилія придать ему приличный видъ. Окно было большое, въ 9 стеколъ (по 3 въ рядѣ); начиналось оно на высотѣ моего роста и кончалось у самаго потолка, точнѣе—у вершины свода, такъ какъ потолокъ былъ сводчатый. Сильно скошенный подоконникъ былъ вычерненъ. Рамы толстыя, массивныя, двойныя; за ними, конечно, рѣшетка, стекла матовыя; все это пропускало слишкомъ мало свѣта. А такъ какъ, сверхъ того, противъ самаго окна, саж. въ 4 отъ него возвышалась крѣпостная стѣна, которая позволяла видѣть только самый маленькій клочекъ неба,—къ тому же окна были на сѣверъ,—то неудивительно, что въ этомъ склепѣ царилъ постоянный мракъ. И яркое весеннее солнце, которое рѣзало глаза при выходѣ на дворъ, ухитрилось заглянуть ко мнѣ въ окно только на $\frac{1}{2}$ часа, да и то около 7 часовъ вечера. Въ пасмурные дни читать было почти совсѣмъ невозможно. Для вентиляціи служили два маленькія отверстія въ стѣнѣ; а затѣмъ въ окнѣ открывалась форточка, которая была сдѣлана изъ одного средняго верхняго стекла, но открывалась она не настежь, а только подъ угломъ, и притомъ всегда жандармами, такъ какъ достать ее самому не было возможности. Лѣтомъ можно было держать ее открытой всю ночь. Но прежде, какъ я слышалъ отъ Поливанова, Соколовъ затворялъ ее даже днемъ при наступленіи грозы и на просьбу не дѣлать этого отвѣчалъ:

«Да, тебя убьетъ громомъ, а я отвѣчай!»

Очевидно, осматривать въ такомъ жилищѣ было нечего, а развлекаться чѣмъ-нибудь—тѣмъ болѣе, такъ что я всецѣло былъ предоставленъ себѣ и своимъ думамъ. И если бы я въ силахъ былъ воспроизвести хоть приблизительно вѣрно эти думы перваго дня заточенія и стенографировать ихъ, понадобилось бы для этого много страницъ. Но теперь я совершенно отказываюсь отъ всякой попытки сдѣлать это, въ полной увѣренности, что это творчество, каково бы оно ни было, будетъ чистѣйшимъ вымысломъ. Единственное занятіе, которому можно было предаваться невозбранно, было хожденіе изъ угла въ уголъ. Но и то было затруднено длиннымъ халатомъ да башмаками, по величинѣ весьма похожими на тѣ, въ которыхъ теперь помѣщаютъ Вите въ карикатурахъ. И какъ ни примитивно это удовольствіе, справедливость требуетъ сказать, что оно было великимъ благомъ, которому всей душой завидуетъ человѣкъ, прикованный къ стѣнѣ,

или къ тачкѣ, какъ былъ прикованъ напр. Н. П. Щедринъ. Онъ говорилъ мнѣ, что, когда наконецъ его расковали (кажется, черезъ 6 недѣль), онъ не могъ достаточно набѣгаться по камерѣ, и не могъ надивиться, какъ это люди, свободно ходящіе, не испытываютъ ни малѣйшаго удовольствія отъ этой свободы.

II.

Изъ внѣшнихъ объектовъ исключительнымъ центромъ моего вниманія былъ, конечно, Соколовъ, извѣстный теперь и въ печати подъ именемъ Ирода. Я не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня черезчуръ неприятное впечатлѣніе. Потому ли, что я еще не успѣлъ нажать естественнаго чувства антипатіи жертвы къ своему палачу, или потому, что я вообще не особенно наблюдателенъ въ отношеніи людей, дружить съ которыми мнѣ никогда не придется, но только Матвей Ефимычъ не произвелъ на меня такого отталкивающаго впечатлѣнія, какъ на Поливанова и тѣхъ, кто переносилъ его заботы и вниманіе въ Алексѣевскомъ рavelинѣ. Конечно, сразу было видно человѣка жестокаго и бездушнаго. Но я понималъ, что отдавая къ нему «въ каторжныя работы», меня вовсе не хотѣли поручать его «отеческому» попеченію, съ тѣмъ чтобы онъ воздѣйствовалъ на мою испорченную натуру мѣрами кротости и человѣколюбія. Атмосфера бездушія и явной злобности царилъ всецѣло и въ Петропавловской крѣпости. Это—первое, что поражало тогда новичка, только что попавшаго подъ замокъ. Виновень ты или невинень, выпустятъ тебя административно, или оправдаютъ по суду, взять ли ты по террористическому дѣлу, или за храненіе у себя книжки «преступнаго содержанія», именуемой «Сказкою о 4-хъ братьяхъ»,—стража въ своемъ отношеніи къ узнику не дѣлала разницы. Она третиговала его не какъ «врага общественнаго порядка», до понятія о которомъ она сама еще не доросла, а какъ врага своего собственнаго благополучія, и потому, кромѣ злорадныхъ и мстительныхъ взглядовъ, которые ты постоянно чувствовалъ на себѣ, ты не могъ ожидать съ ихъ стороны ничего другого. Поэтому, попавши въ Шлиссельбургъ, я не замѣтилъ здѣсь существенной перемѣны, за исключеніемъ того, что унтера были только нѣмыми статистами, а дѣятельнымъ лицомъ, имѣвшимъ право обращаться ко мнѣ членораздѣльную человѣческую рѣчь, былъ одинъ единственный Матвей Ефимычъ (докторъ и начальникъ управленія—не въ счетъ). Быть можетъ поэтому, на фонѣ такого всеобщаго не только бездушія, но и безгласія, человѣкъ, отъ котораго я слышалъ членораздѣльную рѣчь, не казался мнѣ настоящимъ звѣремъ. Явной грубости съ его стороны я тоже не встрѣчалъ. Изъ его отношенія ко мнѣ, равно какъ и изъ множества другихъ фактовъ, можно было сдѣлать весьма вѣроятное заключеніе, что положеніе каждаго изъ насъ въ Шлиссельбургѣ нѣсколько варьировалось въ зависимости отъ тѣхъ индивидуальных инструкцій, которыя были даны

язъ департамента добавочно. И тѣ, кто имѣлъ честь навлечь на себя неудовольствіе Петра Николаевича ¹⁾ во время личныхъ «интимныхъ» сношеній съ нимъ, долго еще потомъ чувствовали на себѣ его тяжелую десницу, незримо тяготѣвшую въ нашихъ стѣнахъ.

Наконецъ, надо еще оговориться разъ навсегда, что я попалъ туда въ сравнительно легкія времена. Мои товарищи, явившіеся въ Шлиссельбургъ еще въ 1884 г., прожили здѣсь уже три года, безконечныхъ, унылыхъ и тяжкихъ три года, и прожили не всѣмъ бесплодно. Кое что уже было «завоевано» съ одной стороны, или «даровано» съ другой, кое что смягчено вообще; и потому всей жестокости геніальнаго режима, изобрѣтеннаго на страхъ врагамъ, мнѣ испытать не пришлось. Какъ на самый яркій признакъ этого смягченія, могу указать на то, что Соколовъ въ это время уже избѣгалъ обращаться на «ты» и ухитрялся говорить всегда въ безличной формѣ и въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ. Когда оторвалась какъ-то пугавица отъ штановъ и я спросилъ иголку и нитку, чтобы пришить ее, онъ кратко отвѣтилъ:

— Нельзя. Нужно штаны снять, дать,—починять!

III.

Въ 12 часовъ отворилась форточка въ двери (величиной, примѣрно, въ полъ-листа почтовой бумаги большого формата), и мнѣ подали обѣдъ, кажется, изъ щей и каши. Не скажу, чтобы ошудивилъ меня примитивностью своихъ качествъ и своего состава. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я уже получалъ нѣчто подобное. Затѣмъ въ новгородской семинаріи, гдѣ живутъ не лишенные правъ, а воспитывается надежда Россіи и опора «исконныхъ началъ», насъ кормили часто такой мерзостью, которой не позавидовалъ бы изголодавшійся каторжникъ. А потому, мой желудокъ, вынесшій семинарское продовольствіе безъ ущерба для себя, относился съ полной снисходительностью къ стряпнѣ Матвея Ефимыча, установленной особами высокаго ранга специально для того, чтобы укротить непокорную и строитивую душу.

Пользуясь случаемъ, я обратился къ Соколову съ вопросомъ, нельзя ли мнѣ получить какую-нибудь книгу, и полагается ли здѣсь прогулка. Онъ обѣщалъ дать книгу завтра утромъ, а на счетъ прогулки сказалъ, что съ этимъ нужно нѣсколько дней повременить.

Въ 4 часа такъ же неожиданно открылась форточка, и мнѣ дали кружку чаю и кусокъ сахару. Чай былъ безвкусенъ, съ запахомъ «вѣбника», но зато горячій. Въ 7 часовъ, вмѣсто ужина, я получилъ немного какой-то размазни. А въ 9 часовъ внесли мѣдную керосиновую лампу, и Соколовъ предупредилъ, что она должна

¹⁾ Дурново.

горѣть всю ночь. Воздухъ спертый и плохо вентилируемый наполнялся за ночь еще запахомъ керосиновой гари. Этой послѣдней выдачей тюремный день былъ законченъ, никто меня больше не беспокоилъ, самоуглубленію предоставлялся полнѣйшій и неограниченный просторъ, и я сразу же вступилъ въ самую суть жизни, руководимой правиломъ Соколова:

«Сиди себѣ смирно, и никто тебѣ слова не скажетъ!»

Такъ кончился первый день моей каторжной жизни. Я забылъ еще упомянуть о главномъ содержаніи, наполнявшемъ его и послѣдующіе дни, привыкнуть къ которому было не легко. Это—поминутное заглядываніе дежурнаго въ глазокъ. Заглядывали, конечно, и въ Петропавловской крѣпости, и въ Предварилкѣ, но изрѣдка, и потому тамъ не обращалъ на это вниманія. Здѣсь же это заглядываніе было, можно сказать, непрерывнымъ. И бѣсило же оно тогда на первыхъ порахъ! Думалось, что и практиковалось-то оно не столько въ интересахъ надзора, сколько въ интересахъ мученія, чтобы заключенный ни на минуту не могъ забыться и вообразить себя вольнымъ человѣкомъ, вырвавшимся изъ ихъ рукъ. Только во время ходьбы и можно было забыть на время объ этомъ непрошенномъ свидѣтелѣ твоихъ вздоховъ, да и то подходя къ самой двери часто невольно замѣчалъ за стеклышкомъ устремленный на тебя глазъ. Во время же чтенія, особенно при вечерней абсолютной тишинѣ, крадущіеся къ двери шаги соглядатая выводили изъ себя самымъ рѣшительнымъ образомъ. Представте себя на мѣстѣ напр. школьника, который выбралъ себѣ укромный уголокъ и углубился въ книгу. Затѣмъ его надзиратель ровно черезъ каждыя 2 мин. подкрадывается къ нему на цыпочкахъ и заглядываетъ молча къ нему. Много ли нужно времени, чтобы довести его до блага каленія? У нашихъ дамъ была еще маленькая защита, но и ее онѣ отвоевали, кажется, не вдругъ. Онѣ нарѣзали себѣ ножницами кружковъ изъ сукна и затыкали глазокъ на время каждый разъ, какъ имъ это требовалось. Но къ чему человѣкъ не привыкаетъ? Черезъ какой-нибудь годъ я уже относился совершенно равнодушно къ такимъ подглядываніямъ и рѣдко обращалъ на нихъ вниманіе, тѣмъ болѣе, что они дѣлались замѣтно рѣже.

IV.

Такъ, «сиди себѣ смирно, и никто тебѣ слова не скажетъ». Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ осуществить этотъ идеалъ Матвея Ефимыча. Вмѣсто каторжныхъ работъ, подневольныхъ уроковъ, спусканія въ нѣдра земли и цѣлодневныхъ напряженій въ сырыхъ или промерзлыхъ шахтахъ, тебѣ досталось на долю одно «смирное сидѣнье». Эту великую милость и подчеркивалъ Шебеко въ разговорѣ, кажется, съ Тригони, которому онъ бросилъ съ негодованіемъ: «Какъ! Вы были приговорены къ смертной казни, а теперь лежите на мягкомъ матрацѣ, да еще жа-

дуетесь!» Что значит это «смирное сидѣнье» въ переводѣ на языкъ ощущений, понятный каждому, можно уразумѣть изъ всѣмъ доступнаго опыта: каждому приходилось сидѣть нѣсколько секундъ неподвижно предъ фотографическимъ аппаратомъ, пусть-ка онъ попробуетъ, принявши такую позу, сохранить ее неизмѣнно въ теченіе цѣлаго часа. Организмъ молодой и дѣятельный имѣетъ такую же настоятельную потребность въ осуществленіи всевозможныхъ двигательныхъ актовъ, какую имѣетъ онъ и въ пищѣ. И обреченный на полную неподвижность и бездѣятельность, онъ испытываетъ такія же серьезныя страданія, какъ и тогда, когда его принуждаютъ къ непосильной дѣятельности. Напомню кстати, что пѣніе, шумъ, стукъ, разговоры,—цѣлый рядъ двигательныхъ процессовъ, строго запрещался инструкціей. Жизненная энергія, не находя цѣлесообразнаго исхода, вся уходитъ на поддержаніе себя въ хроническомъ состояніи самоограниченія, и процессъ, совершающійся при этомъ, аналогиченъ непрерывному, но длительному самоумерщвленію. Если человѣкъ рѣшается на самоубійство, онъ совершаетъ это въ минуту аффекта, т. е. повышеннаго душевнаго состоянія. Наше же насильственное самоумерщвленіе обязательно должно было вызвать только пониженные аффекты, и каковы они были, догадливый читатель легко опредѣлитъ, если сумѣетъ живо представить себя самого точно въ такомъ же положеніи.

V.

Размѣры зданія, куда меня помѣстили (это былъ, конечно, нашъ знаменитый «сарай») и количества камеръ въ немъ я не могъ опредѣлить сразу, но подозрѣвалъ, что кромѣ меня да Лукашевича, шага котораго я слышалъ въ сосѣднемъ № 9, должны быть еще товарищи. Но какъ ни старался я уловить звуки, указывающіе на ихъ присутствіе, мнѣ не удавалось это. Толстая обитая желѣзомъ дверь захлопывалась плотно, какъ пробка, массивныя стѣны, должно быть въ 1½ арш. толщиною, были непроницаемы для звуковъ. Къ тому же ориентироваться во всякомъ новомъ помѣщеніи подобнаго рода крайне трудно. Поэтому мнѣ не удалось открыть здѣсь слѣдовъ пребыванія еще хоть одной души, и я остановился на мысли, что мы съ Лукашевичемъ здѣсь только одни. Уже много лѣтъ спустя отъ дежурныхъ мы узнали, что наши товарищи, приговоренные къ казни, сидѣли здѣсь 3 дня вмѣстѣ съ нами, и что они были казнены и, значитъ, выведены изъ камеръ на дворъ въ 2 часа ночи, когда мы крѣпко спали сномъ невинныхъ младенцевъ, которыхъ не могутъ тревожить никакія житейскія заботы. Дворъ, на которомъ ихъ казнили, примыкалъ вплотную къ зданію нашей тюрьмы, но окна нашихъ камеръ выходили въ противоположную отъ него сторону, а между камерами и этимъ дворомъ шель довольно ши-

рокій корридоръ, благодаря чему всѣ подготовительныя къ казни работы на немъ не были для насъ слышны.

Должно быть, на другой день послѣ казни дверь моей камеры отворилась въ 10 часовъ, и Соколовъ лаконически произнесъ:

— На прогулку.

Я молча взялъ блинообразную фуражку безъ козырька изъ арестантскаго сукна съ чернымъ крестомъ наверху и вышелъ изъ камеры. Впереди шелъ Соколовъ, за нимъ унтеръ, далѣе я, а за мной еще унтеръ. Такая процессія неизмѣнно совершалась каждый день во все правленіе Соколова. Но послѣ его ухода младшій помощникъ, замѣнявшій его, очевидно тяготился лишнимъ движеніемъ и потому сталъ ограничиваться тѣмъ, что смотрѣлъ на это шествіе издали. А когда и это стало надоедать, предоставилъ «конвоировать арестанта» однимъ унтерамъ. Дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ отношеніи состоялъ въ томъ, что исчезъ и одинъ унтеръ (передній), а слѣдовалъ только задній, за движеніемъ же наблюдалъ со стороны вахмистръ, къ которому перешелъ ключъ и право открывать и закрывать двери. Наконецъ, исчезъ и задній спутникъ, и шествіе по двору совершалось безъ всякаго конвоя, но на глазахъ у унтеровъ. Для этой цѣли они обзавелись уже скамьями (нашей же работы) и спокойно сидѣли среди двора, то грѣясь на солнцѣ, то прячась въ тѣнь, то бесѣдуя другъ съ другомъ, то читая газету, которую въ послѣдніе 3 года быстро прятали въ рукавъ, если проходилъ вблизи нихъ,—очевидно изъ опасенія, какъ бы проходящій не вырвалъ ее у него. Бывало, наконецъ, въ моменты наивысшаго либерализма, что дежурныхъ нигдѣ не было видно, и проходя по двору, не стоило особаго труда перепрыгнуть черезъ невысокую кирпичную стѣну, отдѣлявшую тюремный дворъ отъ остальной крѣпостной площади, и очутиться тамъ въ компаніи жандармскихъ женъ и дѣтей, и въ объятіи часового съ ружьемъ, который неизмѣнно стоялъ тамъ за стѣной у воротъ, ведущихъ въ нашъ дворъ. Такъ же непрерывно стояли, надъ нашимъ дворомъ, смѣняясь каждыя 2 часа, три часовыхъ съ ружьемъ на верху крѣпостной стѣны, причемъ одинъ исключительно надъ «сараемъ», другой въ противоположномъ концѣ на угловой башнѣ и 3-й какъ разъ надъ нашими огородами. Передъ нимъ вся наша жизнь была какъ на ладони, къ нему же летѣло и всякое наше слово, сказанное не шепотомъ. Такъ какъ вся система надзора была построена на взаимномъ шпионствѣ, причемъ никто изъ лицъ стражи отъ низшихъ до высшихъ чиновъ не имѣлъ права говорить съ нами наединѣ, то и часовому вмѣнялось также въ обязанность слѣдить за нашими разговорами съ унтерами, которые окружали насъ всюду, но оружія не носили. Соблазнъ же перепрыгнуть черезъ кирпичную стѣну конечно предусматривался. Въ виду этого напр. сточная труба съ крыши кордегардіи спускалась не на нашъ дворъ, какъ бы слѣдовало по расположенію крыши, а прихотливо изгибалась и перекидывалась черезъ

стѣну наружу. А ротмистръ Гудзь, правившій нами въ самое либеральное время, каждую весну безпокоился и приказывалъ отрыть отъ стѣны снѣгъ, слежавшійся сугробами въ плотную массу, способную выдержать человѣка и настолько высокую, что съ поверхности ея иногда такъ же легко можно было прыгнуть на крышу стѣны, какъ на спину лошади.

Такъ, я тронулся въ путь церемоніальнымъ маршемъ, прямо на тотъ дворъ, на которомъ только что совершено было смертоубійство въ присутствіи, между прочимъ, П. Н. Дурново, нарочно приѣзжавшаго сюда изъ Петербурга для этой цѣли. Дворъ, довольно обширный, имѣлъ совершенно пустынный видъ. Изъ каменистой почвы, сплошь усыпанной плитнякомъ и известковымъ мусоромъ отъ многократныхъ вѣковыхъ построекъ, кое гдѣ пробивалась убогая ранняя зелень. Ничто не напоминало о только что совершившейся здѣсь трагедіи. Впослѣдствіи, когда весь этотъ дворъ мы превратили въ культурный видъ и заняли всю площадь его подъ садовыя и огородныя насажденія, мы узнали, что эшафотъ стоялъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ трудами М. Ф. Фроленко были посажены яблони, и гдѣ онѣ стоятъ, можетъ быть, и до сего дня. Быстро прошли мы этотъ т. н. «старый» дворъ, образованный высокими крѣпостными стѣнами, и вышли на новый, который, какъ я сказалъ, отдѣлялся отъ свободнаго крѣпостнаго населенія невысокой кирпичной стѣной. Здѣсь меня тотчасъ подвели къ первой деревянной двери; я вошелъ въ нее и былъ стремительно запертъ задвижкой.

Мѣсто, гдѣ я очутился, именовавшееся официально «дворикомъ», а у насъ въ просторѣчьи «стойломъ», или «клѣткой», представляло изъ себя треугольную площадку, сплошь усыпанную пескомъ и обнесенную заборомъ въ 4 арш. высоты. (См. приложенный планъ двориковъ). Вдоль самой длинной стороны этого треугольника можно было сдѣлать шаговъ 15. Заборы были двойные,—одна сторона изъ 2¹/₂ дюймовыхъ досокъ, сложенныхъ горизонтально, другая изъ 1 дюймовыхъ, прибитыхъ вертикально. Между этими двумя стѣнками былъ пустой промежутокъ вершка въ 2. Благодаря такому устройству, не видно было ни малѣйшихъ щелей, въ которыя могъ бы украдкой заглянуть предательскій лучъ солнца. На землѣ было буквально—хоть шаромъ покати. Только посрединѣ высилась небольшая куча песку, и въ ней торчала *деревянная* лопата. Эту кучу можно было пересыпать на другое мѣсто, а завтра опять на прежнее. Трудъ этотъ, впрочемъ отнюдь не обязательный, очевидно, долженъ былъ служить моціономъ, а въ силу своей явной безсмыслицы и нелѣпости, могъ стать полнымъ эквивалентомъ ваторжнаго труда. Какое, впрочемъ, что я нерѣдко занимался этой совершенно дѣтской забавой и, чтобы придать ей хоть какой-нибудь смыслъ, старался создать изъ песку какія-нибудь скульптурныя фигуры. Всѣ онѣ, разумѣется, тщательно уничтожались тотчасъ послѣ моего ухода,

дабы гуляющей здѣсь послѣ меня товарищъ не могъ прочесть въ нихъ какой-нибудь таинственный и преступный смыслъ.

Прогулка продолжалась примѣрно 1³/₄ ч. Я видѣлъ въ зенитѣ небо и облака, купался въ солнечныхъ лучахъ и чувствовать, какъ обвѣваетъ меня кругомъ весенній вѣтерокъ. Все это было и отраднo, и грустнo. Отраднo потому, что доставляло непосредственное пріятное впечатлѣніе; грустнo потому, что слишкомъ интенсивно напоминало свободныя небеса, свободныя солнечныя лучи и свободное дыханіе весны, которое было когда-то такъ живительно и богато надеждами... И это воспоминаніе—о такъ недавно минувшемъ и уже навѣки невозвратномъ—наводило подчасъ такое уныніе и жгучую боль, какъ и созерцаніе могилы, въ которой ты схоронилъ все, что любилъ больше всего на свѣтѣ. Въ подобныя минуты холодная и мрачная камера казалась пріятнымъ убѣжищемъ, куда не проникали раздражающіе отзвуки жизни и гдѣ съ безнадежностью положенія наилучше гармонировали безысходныя и беспросвѣтныя стѣны.

И какъ будто бы легче дышу
Въ моей камерѣ душной и тѣсной.“

Такъ оканчиваетъ Вѣра Николаевна одно изъ поэтическихъ своихъ стихотвореній, описывающихъ то же настроеніе.

Въ остальномъ прогулка давала столь же мало ощущеній и наблюденій, какъ и камера. Впослѣдствіи я узналъ, что подобныхъ клѣтокъ устроено шесть, нумеровались онѣ по порядку и всѣ расходились радіусами изъ общаго центра, гдѣ были расположены входныя двери. Чертежъ этого учрежденія прилагаю здѣсь. Непосредственно же надъ входными дверями устроена была вышка, маленькая галлерей, гдѣ постоянно тогда дежурили 2 унтера. Отъ ихъ глазъ не укрывалось ни одно наше движеніе, а отъ глазъ часового—ни одно движеніе унтера. Разъ какъ-то, уходя домой, я заранѣе взялъ горсть песку, чтобы вычистить въ камерѣ раковину. Очевидно, это было замѣчено и «доложено», потому что когда мы шли домой, на дорогѣ Иродъ остановилъ меня и спросилъ:

— Что въ рукѣ?

— Песокъ.

— Зачѣмъ?—Я объяснилъ.

— Нельзя. Дадутъ для этого толченаго кирпича.

VI.

Я забылъ сказать, что на другой же день моего пребыванія, я получилъ, согласно обѣщанію, книгу. Это былъ Гизо, «Сущность христіанства» (если не ошибаюсь). Будучи разочарованъ такимъ приношеніемъ, я попросилъ дать мнѣ каталогъ. Изъ него я узналъ, что въ бібліотекѣ есть «Исторія государства Россійскаго» Соловьева, попросилъ ее и получивши на другой день засѣлъ надъ нею надолго (кажется, 29 томовъ). Тогда же мнѣ

дали аспидную доску, наклееную тонкимъ слоємъ на картонъ и потому очень легкую. Обыкновенная же въ рамѣ считалась, должно быть, опаснымъ орудіемъ. Затѣмъ потянулись однообразные дни за днями, похожіе другъ на друга, какъ 2 капли воды и безъ малѣйшихъ переменъ. Начиналась та самая унылая, монотонная и совершенно безсмысленная канитель, которая давила хуже кошмара и отъ которой подчасъ съ радостью бѣжалъ бы въ настоящіе рудники, та самая безжизненная, безрадостная и безнадежная канитель, подавленный которою одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ,

Что родъ мукъ измѣнить
Есть часто предѣлъ всѣхъ желаній.

Такъ прошло у меня недѣли три. Только разъ какъ-то дверь открылась въ неурочное время, и Соколовъ произнесъ:

— Мыться!

Я вышелъ и, пройдя по корридору въ другой конецъ зданія, увидалъ комнату, гдѣ помѣщалась ванна. Я хотѣлъ было уже устремиться туда, какъ былъ остановленъ:

— Надо постричься!

Я невольно улыбнулся, вспомнивши, какъ въ древности насильно «постригали» въ монахи, сѣлъ на подставленный табуретъ и былъ тотчасъ обработанъ наголо ловкимъ артистомъ своего дѣла, который при этой операціи не употреблялъ гребенки и потому оставилъ мою голову съ видомъ только что остриженной овцы: гдѣ была голая кожа, а гдѣ топорщились рѣдкіе кустики волосъ. Когда мы послѣ этого увидались съ Лукашевичемъ и показали другъ другу свои головы, то долго смѣялись надъ такой работой. Если хотѣли уязвить насъ ею, то ошиблись въ расчетѣ: насъ это только смѣшило, какъ невольный маскарадъ. И я до сихъ поръ не могу рѣшить, была ли у нихъ какая-нибудь сознательная цѣль въ этомъ уродованіи головы, или же они только возмещали себя такимъ образомъ за невозможность брить насъ по каторжному положенію. Послѣ неоднократныхъ попытокъ сопротивленія этому бритью со стороны политическихъ въ разныхъ мѣстахъ, наши власти уже не рѣшались продѣлать такой опытъ у насъ, въ полной увѣренности, что эти люди, которыхъ они сами считали отборными, не допустятъ надъ собой явнаго надругательства. Дальнѣйшій прогрессъ здѣсь, какъ и во всемъ, совершался постепенно. На второй уже годъ дежурный держалъ въ рукѣ гребенку, но пользовался ею очень рѣдко. А на третій, кажется, началъ стричь по настоящему. Почти всѣ они, въ качествѣ солдатъ, умѣли стричь какъ слѣдуетъ, въ чемъ послѣ мы вполне убѣдились ¹⁾.

¹⁾ Въ видѣ курьеза расскажу кстати, что когда, уже въ либеральныя времена, однажды стригъ меня довольно добродушный унтеръ, я рассказалъ ему, подъ влияніемъ естественной ассоціаціи идей, что я во дни оны былъ постриженъ въ семинаріи и посвященъ въ стихарь. Онъ съ интересомъ выслушалъ и весьма глубокомысленно замѣтилъ:

— Да, вотъ живъ-то человѣческая: куда оно шло, и куда пришло!

Послѣ ванны, которая, какъ и все здѣсь, принималась на глазахъ двухъ жандармовъ, мнѣ дали въ придачу къ тому костюму, который я получилъ въ первый же день, холщевые штаны и такую же куртку, длиной до талии и съ сѣрымъ тузомъ на спинѣ. Ванна дѣлалась въ это время разъ въ мѣсяцъ, по субботамъ. бѣлье же насильное мѣнялось еженедѣльно, а спальное—дважды въ мѣсяцъ. Во время ванны въ камерѣ производился тщательный обыскъ, при которомъ отбиралась всякая щепочка, которую подобралъ украдкой на дворѣ съ тѣмъ, чтобы пользоваться ею какъ зубочисткой, и которую тщательно спряталъ у себя въ какую-нибудь щель. Нюхъ у нихъ на это былъ необыкновенный и искусство изумительное. Эти обыски, какъ и весь режимъ, съ теченіемъ времени все слабѣли и слабѣли, пока совсѣмъ не прекратились. Нерегулярно по камерамъ конечно шарили до конца, но, какъ кажется, больше въ поискахъ за сахаромъ и проч. свѣдьями, чѣмъ за чѣмъ-нибудь подозрительнымъ, отыскать которое въ массѣ накопленныхъ вещей уже не было возможности. Въ послѣдніе три года я тщательно пряталъ у себя перочинный ножичекъ (издѣліе П. Л. Антонова). Но случилось однажды, когда я шелъ въ ванну карридоромъ, онъ провалился въ дырявомъ кармазѣ штановъ и покатился по полу. Вахмистръ, который шелъ слѣдомъ за мной, наклонился, поднялъ его и молча подаль мнѣ.

Должно быть, въ первые же дни заключенія я получилъ еще карандашъ и тетрадь сѣрой бумаги въ $\frac{1}{4}$ листа, пронумерованную и съ надписью на оборотѣ рукой дежурнаго: «итого въ сей тетради пронумерованныхъ 12 л.» Исписанную тетрадь нужно было сдать, чтобы получить новую. Понятно, въ какой степени это помогало развитію писательскаго таланта и ученыхъ занятій. Сособенно, если принять во вниманіе, что книгу можно было имѣть только одну, а чтобы получить другую, нужно было сдать первую. Понятно также, что я тотчасъ же сталъ хлопотать, чтобы тетради можно было оставлять у себя. Хлопотали, навѣрное, объ этомъ и другіе, и, кажется, вскорѣ это было разрѣшено, судя по тому, что у меня сохранилась тетрадь съ лѣта этого года. Сколько предъ этимъ было сдано, я не помню. Сначала стали давать и вторую, и третью, безъ затрудненія, но если начиналъ брать чашто, просили сдать хоть что-нибудь. Помню, между прочимъ, что я перевелъ какъ-то съ нѣмецкаго книжку Гюка «Путешествіе въ Монголію и Тибетъ», и переводъ сдалъ жандармамъ, вѣроятно, на уничтоженіе. Впрочемъ, они говорили, что отсылаютъ ихъ въ департаментъ.

Писаніе карандашемъ было тоже сопряжено съ немалыми затрудненіями. Очинивали его дежурные, и, значить, нужно было ждать раздачи обѣда, чаю либо ужина, чтобы привести писательное орудіе въ годный видъ. И я первымъ долгомъ, конечно, постарался отыскать въ камерѣ какую-нибудь твердую шероховатую поверхность, о которую можно было бы потереть карандашъ и тѣмъ заострить его хоть немножко. Чернила выдали намъ

послѣ спеціальной просьбы (и, вѣроятно, неоднократно) передъ какимъ-то высокимъ посѣтителемъ. Это было уже болѣе, чѣмъ черезъ годъ. У меня какъ разъ подъ 19 сентября 1888 г. значится въ дневникѣ: «Получилъ чернила! Радъ несказанно, точно хлѣба дали послѣ двухлѣтняго поста! Вотъ что значить родиться и жить чернильной душой!»

VII.

Изъ жизни въ «сараѣ» я помню еще только свиданіе со священникомъ. Въ инструкціи было сказано, что за хорошее поведение, на ряду съ чтеніемъ книгъ и чаемъ, заключеннымъ разрѣшаютъ «бесѣды со священникомъ».

Недѣли 3 спустя послѣ своего водворенія, я пригласилъ его въ надеждѣ встрѣтить живого человѣка среди этихъ ходячихъ манэкеновъ. О двѣ его прихода Соколовъ предупредилъ меня, и я ждалъ. Дверь открылась, вошли два жандарма и стали по бокамъ вплотную. Поздоровавшись со священникомъ, мы сѣли на кровать, а противъ насъ столбами стали два вѣрныхъ стража. Немного всторонѣ стоялъ самъ Иродъ. Очевидно, никакая бесѣда, при такой обстановкѣ, не могла идти сносно, и мы скоро разстались. Впослѣдствіи я слышалъ отъ товарищей, которые бывали здѣсь въ первые годы на исповѣди, что она производилась въ пустой камерѣ, дверь которой оставалась непритворенной, а глазокъ дверной—постоянно открытымъ. Въ теченіе всей жизни тамъ я нѣсколько разъ въ разное время видѣлся съ этимъ священникомъ, уже не при такой обстановкѣ, видѣлся и наединѣ, и считаю долгомъ заявить, что никогда съ его стороны не встрѣчалъ такого пренебрежительнаго отношенія къ свѣтскимъ книгамъ и свѣтскимъ интересамъ, о какомъ передалъ М. Ю. Апенбреннеръ со словъ покойнаго Юрковскаго. Приходить безъ зова при мнѣ онъ не имѣлъ права, такъ же какъ и докторъ. А потому выходило, что льготой, о которой говорилось въ инструкціи, можно было пользоваться только послѣ спеціальнаго каждый разъ обращенія къ Ироду. И несмотря на то, что этотъ священникъ былъ мѣстный старожилъ (служилъ болѣе 40 л.), и притомъ ни по возрасту, ни по характеру не могъ возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія, наша мѣстная администрація относилась къ его визитамъ въ тюрьму съ большимъ неудовольствіемъ. Все таки лишній глазъ! А они считали себя до такой степени полными хозяевами положенія, и такъ привыкли дѣйствовать безъ всякаго контроля, что готовы были счесть священника за соглядатая. И я самъ слышалъ, кажется въ эпоху Плеве, какъ у нашего вахмистра (весьма похожаго на Чеховскаго унтера Пришибеева) сорвалось вдогонку ему негодующее: «Шляется тутъ»... и еще что-то въ такомъ родѣ.

VIII.

Просидѣлъ я въ «сараѣ», кажется, не больше мѣсяца. Туда привели на карцерное положеніе Грачевскаго, о чемъ мы узнали уже позже. Въ тотъ же день Соколовъ предупредилъ меня.

— Тутъ есть одинъ сумасшедшій, такъ прошу не отвѣчать, если онъ закричитъ, либо что...

Крикковъ никакихъ не было, но на другой или 3-й день, должно быть во избѣжаніе могущихъ быть осложнений, а вѣрнѣе, во исполненіе предписанія изъ Петербурга—приготовить мѣсто для судившихся въ это время по процессу Лопатина, Соколовъ отворилъ неожиданно дверь передъ обѣдомъ и сказалъ:

— Нужно перейти въ другое мѣсто.

Я ввзялъ свое имущество, т. е. шапку, книгу, аспидную доску и халатъ, и послѣдовалъ за нимъ въ сопровожденіи обычныхъ спутниковъ. Мы пошли тѣмъ же путемъ, какимъ ходили на прогулку, на новый дворъ, и здѣсь въ новое красное зданіе, на которое прежде я каждый день любовался, задавая вопросъ: не тюрьма ли это? Съ перваго раза оно поразило меня, такъ сказать, своимъ изяществомъ. Вестибюль посреди зданія съ двумя чугунными гранеными колоннами и ажурными прикрасами, деревянная двери обычнаго типа, направо отъ входа лѣстница во второй этажъ, просторная, съ блестящими лакированными перилами, калориферы за дверью съ претензіей на художественность, свѣтлый корридоръ и, наконецъ, свѣтлая камера, маленькая какъ игрушечка и вся залитая свѣтомъ. Это послѣднее впечатлѣніе въ сильнѣйшей степени грѣшило субъективизмомъ. Свѣтлой она показалась мнѣ только по сравненію съ мрачнымъ склепомъ, который я только что покинулъ. Окно, точно такого же размѣра, какъ и тамъ, пропускало свѣтъ на втрое меньшее пространство, выходило на открытую площадь и было въ этотъ часъ уже освѣщено солнцемъ. Матовыя стекла, разсѣивающія свѣтъ, такъ и сверкали сплошнымъ сіяніемъ. Познакомившись современемъ основательно съ количествомъ свѣта, проникавшаго въ нее, я никакъ не могъ понять, почему это первое впечатлѣніе было такъ сильно. вмѣстѣ съ богатствомъ свѣта, казалось, отъ этой камеры вѣяло какой-то жизнерадостностью. Это былъ тоже № 8, какъ и тотъ, въ которомъ я жилъ въ «сараѣ». Сѣвши въ эту камеру, я съ небольшими перерывами просидѣлъ здѣсь безотлучно 17½ лѣтъ и только въ ноябрѣ 1904 г. окончательно переселился въ верхній этажъ. Лукашевича привели вслѣдъ за мной и посадили опять рядомъ въ № 9.

Зданіе тюрьмы состояло сплошь изъ желѣза и камня. И камера, особенно запертая желѣзной дверью, могла быть названа въ буквальномъ смыслѣ каменнымъ мѣшкомъ, куда не могли проникнуть не только домашніе грызуны, но и домашніе insects, составляющіе необходимую принадлежность подобнаго рода жи-

лицъ. Для того, чтобы добыть ихъ для коллекціи, я долженъ былъ специально обращаться за ними къ унтерамъ, и за таракановъ даже предлагалъ вознагражденіе. Изъ дерева были сдѣланы только рамы да подоконники — горизонтальные на корридорѣ и наклонные въ камерахъ. Наклонъ былъ сдѣланъ подь острымъ угломъ, какъ и въ «сараѣ», въ тѣхъ видахъ, чтобы заключенный не могъ удержаться на подоконникѣ при своихъ преступныхъ попыткахъ поглядѣть за окно. Впослѣдствіи конечно, мы исправили эту архитектурную фантазію и устроили на этомъ откосѣ горизонтальныя полки для цвѣточныхъ горшковъ, отчего судьбы отечества ни капли не пострадали. Въ камерѣ столъ и стулъ (точнѣе сидѣнье) были желѣзные. Впослѣдствіи, я узналъ, что во многихъ другихъ камерахъ они были деревянные, точно такой же конструкціи, какъ и въ «сараѣ». Зданіе двухъэтажное, не менѣе 12 арш. высоты (до крыши), около 18 арш. ширины и 45 длины. По срединѣ его проходилъ широкій сплошной корридоръ, не раздѣленный этажами, по обѣ стороны его расположены камеры, правильно одна надъ другой. На верхній этажъ вела широкая отлогая лѣстница, со ступеньками изъ плитняка, а для входа въ камеры этого этажа служили только узкія галлерей, тянувшіяся въ видѣ балконовъ по обѣ стороны корридора, какъ разъ на той высотѣ, гдѣ долженъ быть помостъ (или полъ), раздѣлявшій оба этажа. Взамѣнъ этого помоста, отъ пола одной галлерей до пола другой была натянута веревочная сѣтка, тянувшаяся сплошь во весь корридоръ и предохранявшая идущихъ по галлерей отъ соблазна броситься внизъ головой. Благодаря такому устройству, дежурный, стоявшій внизу корридора, видѣлъ разомъ всѣ двери нижняго и верхняго этажа, равно какъ и всякаго идущаго гдѣ бы то ни было по корридору. Но излишество надзора всюду было таково, что, несмотря на всѣ эти удобства, конечно, общія для всѣхъ тюремъ новѣйшей конструкціи, придуманныя какой-то криминальной головой (разумѣется, на тлетворномъ западѣ!), въ видахъ сокращенія стражи,—у насъ такого сокращенія совѣтъ не полагалось, и вначалѣ стояло 2 унтера на верхней галлерей и 2 внизу, не считая находившихся въ запасѣ въ дежурной комнатѣ. Сверхъ того, когда приходили выпускать на прогулку, Соколовъ являлся къ двери съ двумя новыми конвойными унтерами, и это сложное шествіе трогалось тогда на глазахъ четырехъ корридорныхъ дежурныхъ. Меня вначалѣ очень забавляла эта «гипертрофія» надзора (маленькій сколокъ съ общей гипертрофіи русской власти), и тотъ явный страхъ, которымъ были продиктованы подробности охраны, направленные противъ безоружныхъ, запертыхъ, изолированныхъ и обезсиленныхъ голодомъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы сидѣли на островѣ, окруженномъ широкимъ воднымъ пространствомъ, гдѣ теченіе было настолько быстрое, что зимой часто не покрывалось льдомъ. Островъ окруженъ громадной крѣпостной стѣной, съ единственнымъ входомъ, который былъ постоянно запертъ и охраняемъ. Внутри крѣпости

*

мы были отгорожены новой стѣной, входъ въ которую былъ также запертъ (*второй замокъ*) и охраняемъ. Наружная дверь тюрьмы также запиралась (*третій замокъ*), за нею слѣдовали рѣшетчатыя двери, ведущія на нашъ корридоръ, которыя запирались на ночь (*четвертый замокъ*). Наконецъ, дверь камеры была постоянно заперта (*пятый замокъ*), причемъ она запиралась двумя ключами (на одинъ или на два оборота), и ключъ, заправшій на два оборота, находился всегда въ квартирѣ смотрителя, даже и потомъ въ эпоху либерализма. Побѣгъ былъ невыслѣдимъ при такихъ условіяхъ, вооруженное сопротивление, пока не было инструментовъ, тѣмъ болѣе. Безоружные же не могли быть страшны уже по тому одному, что въ двухъ шагахъ отъ тюрьмы стояла кордегардія, откуда по тревожному звонку моментально могли явиться 12 солдатъ въ полномъ вооруженіи. «Ну,—думалось при видѣ такой обстановки,—и страху же нагнала на нихъ эта ничтожная горсточка людей, сильныхъ только рѣшимостью да вѣрностью своимъ принципамъ!»

Планъ верхняго этажа здѣсь я прилагаю. Кромѣ главной большой лѣстницы, для сообщенія между этажами служила желѣзная винтовая, помѣщавшаяся въ южномъ концѣ зданія. Всѣхъ камеръ въ этомъ зданіи было 40. Внутреннее убранство совершенно аналогичное тому, какъ въ «сараѣ», только вмѣсто круглой печи былъ маленькій калориферъ общепотребительнаго типа въ зданіяхъ съ водянымъ нагрѣваніемъ. Внутренній видъ камеры я не могу описать лучше, какъ приведу отрывокъ собственнаго стихотворенія того времени—мой первый опытъ поэтическаго творчества, и, какъ подобаетъ ученику классической школы, — въ гекзаметрахъ:

«Клѣтокъ какихъ-то десятка четыре надѣлаи прочныхъ,
Точно расчетъ былъ на то, что не мало людей имъ придется
Здѣсь продержатъ до тѣхъ поръ, какъ возстанутъ народы.
Если бы самыя боги, съ престоловъ Олимпа сошедши и,
Очи свои искрометныя въ этотъ чертогъ устремили,
Диву бы дались они, созерцая премудрость строенья:
Каждый покой пополамъ раздѣляется синей каймою,
Черному низу границу давая отъ бѣлаго верху,—
Такъ сохранять темница, иль яма еще и понѣнѣ.
Въ мракъ погруженный по шею ходитъ здѣсь узникъ,
Пропастъ бездонную съ вѣчной могилой всегда вспоминая.
Сверху же, точно совсѣмъ невзначай, отбѣлили изрядно,
Тѣмъ обозначивъ невинность сердечную здѣсь заключенныхъ.
Надвое также и жгучіе помыслы голову рѣжутъ:
Долу опущенный взоръ на страданье отчизны наводитъ.
Участь подобную также мучителямъ алымъ прорекая:
Бездна разверзлась и жадно готовится темное царство
Въ нѣдра свои поглотить...
Кверху глаза обращая, затворникъ ужъ мыслить иное:
Свѣтъ и отрада, привалы свободы и братскія чувства
Рано иль поздно проникнутъ повсюду и къ намъ въ эти стѣны... и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, не безъ нѣкоторой дозы игривости чья-то фантазія раздѣлала внутренность нашей камеры, выкра-

Транс.
 Вездна в страна на добри мисли.

40.	Андрей	39.	Вера Н. Григор	38.	Марија	37.	Смара Глеба	36.	Анастас Стефан	35.	Анастас	34.	Серафим Марија	33.	Анастас	32.	Вера Марија						
20.	Смара Глеба	21.	Марија Вера Н.	22.		23.	Катерина	24.		25.	Марија	26.	Анастас	27.	Серафим Марија	28.	Анастас	29.	Серафим	30.	Анастас	31.	Вера Марија

в. Копје брзо во брзина мисли

сивши сажей на маслѣ не только полъ, но и стѣны до высоты 2 арш. При полномъ отсутствіи мебели, особенно если кровать заперта на крюкъ, камера превращалась въ настоящій катафалкъ (какъ ихъ въ мое время дѣлали), а бѣлый сводчатый потолокъ долженъ былъ соответствовать серебрястой парчѣ, служившей украшеніемъ его сверху. Если же припомнить при этомъ, что нѣкоторые знатные посѣтители, облеченные властью вязать и рѣшить, кратко и выразительно заявляли, указуя перстомъ въ черный полъ: «Здѣсь... могила!» то неудивительно, что отдѣлка этого жилища была задумана въ полномъ соответствіи съ высокими намѣреніями, одушевлявшими тогда его строителей. И если этотъ катафалкъ, при первомъ впечатлѣніи, показался мнѣ игрушкой, вѣявшей жизнерадостностью, то можно себя представить, чѣмъ вѣяло отъ камеры «сарая», изъ котораго я былъ изведенъ къ счастью очень скоро.

Порядокъ жизни здѣсь былъ точно такой же, какъ и въ той тюрьмѣ. Время выдачи утренняго и вечерняго чая затѣмъ въ теченіе года колебалось, а обѣдъ и ужинъ неизмѣнно всю жизнь подавался въ одно и то же время. Раздача же лампъ (до введенія электрическаго освѣщенія, кажется въ 1895 г.) совершалась въ зависимости отъ астрономическихъ перемѣнъ года. Вводя меня въ новую камеру, Соколовъ предупредилъ, что «здѣсь, вѣроятно, будутъ стучать, такъ прошу не отвѣчать». Но хотя стуконъ никакихъ я еще не слыхалъ, однако сразу же почувствовалъ, что я попалъ въ общежитіе. Зданіе, строенное на цементѣ, твердѣющимъ до прочности кирпича, представляло изъ себя сплошной камень, прекрасно передающій звуки. Большой корридоръ служилъ резонаторомъ этихъ звуковъ, и по количеству дверей или форточекъ, отворявшихся на прогулку и для раздачи обѣда, скоро можно было опредѣлить число своихъ товарищей по несчастью. Правда, случилось это не сразу. Вначалѣ напр. я слышалъ шагъ у себя надъ головой, но не могъ еще рѣшить, было ли это прямо надо мной, справа, или слѣва. Впослѣдствіи же мои уши приобрѣли такую же утонченность, какъ осязаніе у слѣпыхъ, и я напр. прислушавшись могъ опредѣлить безошибочно, сидитъ ли въ данную минуту жившая надо мной Вѣра Николаевна, или лежитъ. Сидящій человекъ, какъ бы неподвиженъ онъ ни былъ, непремѣнно сдѣлаетъ изрѣдка движеніе ногой, шорохъ которой по полу я уже легко улавливаю. Если же никакіе звуки не доходили до меня, то я рѣшалъ, что В. Н. либо лежитъ, либо ея нѣтъ дома.

IX.

Вскорѣ послѣ моего перевода совершался обычный обходъ заключенныхъ начальникомъ управленія (кратко, но неправильно его звали комендантомъ), повторявшійся тогда аккуратно разъ въ мѣсяцъ. Дверь отворялась, обыкновенно послѣ обѣда, стремительно

врывались въ нее 2 унтера, становились по бокамъ почти плечомъ къ плечу, затѣмъ глаза усматривалъ въ дверяхъ мундирныя фигуры, входившія по рангу: Смотритель (Соколовъ) докторъ и полковникъ (тогда Покрошинскій). Послѣдній нѣсколько разъ при своихъ визитахъ задавалъ мнѣ неизмѣнно одинъ и тотъ же рядъ вопросовъ. Отвѣты всегда были тѣ же, и потому діалогъ этотъ врѣзался въ моей памяти:

— Прогулка совершается?

— Совершается.

— Пишши достаточно?

— Достаточно.

— Заключенный не боленъ?

— Не боленъ.

Слѣдовало нѣкоторое движеніе, отдаленно напоминавшее поклонъ, и посѣтители удалялись. Въ первый же или второй его визитъ, я освѣдомился, не могу ли я написать роднымъ извѣстіе о себѣ. Полковникъ отвѣчалъ: «Никакъ нельзя» и видя, должно быть, мое огорченіе, прибавилъ:

— Быть можетъ, можно будетъ... современемъ... когда-нибудь...

Говорилось это, однако, тономъ, обозначающимъ полную безнадежность.

Недавно только мнѣ пришлось удостовѣриться, сколько горькихъ и безплодныхъ слезъ было пролито моими родителями единственно оттого, что они не имѣли никакой вѣсти обо мнѣ и считали меня уже погибшимъ. Во всѣхъ нашихъ политическихъ процессахъ самое жестое было то, что наряду съ болѣе или менѣе виновными карались и безусловно невинные.

Такое же точно огражденіе себя посредствомъ живой ширмы изъ 2 унтеровъ практиковалось неизмѣнно при посѣщеніи чиновныхъ персонъ—все время нашего заключенія. И чѣмъ выше былъ рангъ посѣтителя, тѣмъ стремительнѣе вторгались унтера и тѣмъ нагляднѣе выступало на ихъ лицахъ, что они «рады стараться». У меня, кажется, только одинъ Зволянскій, посѣтившій насъ еще въ званіи вице-директора департамента полиціи, былъ безъ такихъ предосторожностей, и притомъ подходилъ прямо ко мнѣ, не останавливаясь у порога, на приличной дистанціи, какъ это дѣлали другіе. Мѣстная администрація, хорошо присмотрѣвшись къ намъ, современемъ вывела изъ употребленія эти предосторожности, какъ совершенно ненужныя и ничему не помогавшія. Но высшее начальство, которымъ онѣ и были изобрѣтены, никогда не рѣшалось заглядывать къ намъ безъ такихъ «предварительныхъ гарантій», и онѣ вновь выдвигались на сцену изъ стараго архива всякій разъ, какъ пріѣзжалъ кто-нибудь изъ Петербурга, вплоть до послѣдняго визита, который мы видѣли тамъ (фонъ-Валь при Плеве). Когда у насъ были уже мастерскія, то о визитахъ высшихъ властей насъ предупреждали и въ часы работъ не пускали въ рабочія камеры, а оставляли въ спальнѣ безоружными. Только генералъ Петровъ, многократно

посѣщавшій насъ, (и въ качествѣ начальника штаба, и въ качествѣ директора), былъ смѣлѣе и зашелъ ко мнѣ какъ-то прямо въ столовую, разумѣется съ многочисленной свитой и двумя «столпниками».

На эту тему я имѣлъ года черезъ 2 откровенный разговоръ съ младшимъ помощникомъ Степановымъ, котораго мы звали Классикомъ за то, что, по его словамъ, онъ учился когда-то въ гимназiи. Онъ долго исправлялъ должность смотрителя послѣ ухода Соколова, и, по мягкости натуры, а главное, по приверженности къ Бахусу, позволялъ себѣ нарушить иногда «порядокъ», соблюдавшійся Соколовымъ, какъ святыня. Онъ заходилъ, будучи въ подпитiи, въ камеры для частныхъ разговоровъ и, между прочимъ, жалуясь на свою судьбу, кажется С. Иванову, декламировалъ:

«Суждены намъ благіе порывы,
А свершить намъ ничто не дано...»

Пришелъ онъ какъ-то и ко мнѣ, выгналъ дежурныхъ за дверь, сѣлъ на кровать, закурилъ, предложилъ и мнѣ и началъ бесѣду на тему, что ему жаль меня, и что онъ очень хорошо знаетъ меня по письмамъ, которыя здѣсь получаютъ на мое имя (и разумѣется, мнѣ не передаются). Тутъ-то я и сказалъ ему прямо, что онъ всетаки боится меня. Онъ, разумѣется, энергично запротестовалъ, а когда я прямо спросилъ, почему же онъ не смѣетъ заходить ко мнѣ безъ свиты, онъ не отвѣтилъ ничего. Вѣроятно, онъ не смѣлъ признаться, что это запрещаетъ имъ ихъ инструкция.

X.

Кажется, недѣли черезъ 3 послѣ того, какъ я былъ переведенъ въ новую тюрьму, меня пустили въ огородъ. Удивительно унылое впечатлѣніе производили наши «пески», особенно среди лѣта, когда зелень всюду энергично вылѣзала изъ земли, даже среди булыжника новой мостовой, окружавшей нашу тюрьму поясомъ арш. въ два шириной. Здѣсь ее тщательно искореняли ежегодно и неумолимо вплоть до послѣдняго лѣта.

Но такъ же тщательно искоренялась тогда зелень и на песчаномъ полу нашихъ стойлъ, чтобы она не мѣшала жандармскому оку слѣдить за нашими преступными ухищреніями, упорно и неослабно стремившимися къ тому, чтобы своему другу, сосѣду или товарищу оставить какую-нибудь конспиративную вѣсточку о себѣ. Можетъ быть, на городского жителя эта безпощадная война съ растительностью не производила такого удручающаго впечатлѣнія. Но на меня, проводившаго всякое лѣто въ деревнѣ, это намѣренное превращеніе мѣста твоего отдохновенія въ унылую пустыню дѣйствовало особенно угнетающе. Предусмотрѣно было, кажется, все, чтобы лишить тебя самаго невиннаго и самаго

естественнаго удовольствія, щедро и бесплатно расточаемаго самой природой.

Но скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что я былъ неправъ въ столь рѣшительныхъ сужденіяхъ. Однажды, отправившись на прогулку, я только что направилъ свои шаги къ привычнымъ стойламъ, какъ Соколовъ остановилъ меня и указалъ идти направо къ двери новаго забора. Я вошелъ въ нее и былъ прямо пораженъ. Это былъ огородъ. Клѣтка была немного больше клѣтокъ съ «песками», только въ видѣ продолговатаго четырехугольника и съ заборами немного ниже тѣхъ. По размѣрамъ этотъ огородъ былъ также похожъ на стойло, но такъ какъ онъ былъ весь наполненъ зеленью, то ласкалъ взоры своимъ видомъ, точно я былъ путникъ, попавшій въ оазисъ послѣ томительной Сахары. Зелень была огородная, привычная и совсѣмъ не претендующая на художественность. Но извѣстно вѣдь, что изголодившемуся и хлѣбъ можетъ показаться слаще меда. А если прибавить къ этому, что у самаго забора было посажено нѣсколько кустиковъ флокса, реведы и настурціи, то всякій пойметъ безъ добавленій, что восторгъ мой былъ полный. Очевидно, огородъ былъ наградой за поведеніе, или льготой, которую начальство могло дать, могло и отнять. А рѣзкій контрастъ веселаго зеленаго царства и печальной пустыни песковъ долженъ былъ только усугубить впечатлѣніе кары или благодѣянія. Но зачѣмъ давали цвѣты въ самыя тяжкія времена нашей жизни, я и до сихъ поръ не въ силахъ донять. Ужъ не былъ ли это даръ самоудовлетворенія со стороны мучителя на могилу замученной имъ жертвы? Или, съ обычною бюрократическою изворотливостью вносились эта статья въ нашъ бюджетъ на всякій случай, чтобы пустить пыль въ глаза кому слѣдуетъ и когда это удобно? Я помню то удивленіе, которое выразилъ министръ И. Н. Дурново, при своемъ визитѣ въ 1889 году, увидавши въ камерѣ въ кружкѣ съ водой нѣсколько цвѣтковъ флокса:

И цвѣточки?!—произнесъ онъ, наполовину вопросительно, наполовину недоумѣнно. И дѣйствительно, на пустынномъ фонѣ мрачной камеры видъ свѣжихъ живыхъ цвѣтовъ особенно рѣзко бросался въ глаза.

— Да, да!—подхватилъ тутъ, выскочившій изъ толпы свиты Петръ Ник. Дурново,—у нихъ и цвѣты есть!—какъ будто все остальное, кромѣ цвѣтовъ, у насъ также имѣлось. Сказано было это тономъ знатока всѣхъ мелочей нашей жизни, можетъ быть, имъ же и предусмотрѣнныхъ.

XI.

Не помню, была ли въ первой инструкціи (онѣ неоднократно потомъ мѣнялись) указана въ числѣ льготъ, даруемыхъ за хорошее поведеніе, и прогулка вдвоемъ. Если не была, то, вѣроятно, я и безъ того дѣлалъ соответствующій запросъ Соколову. Говорили

послѣ, будто онъ разрѣшалъ только тѣмъ, кто его попроситъ. Какъ бы то ни было, недѣль черезъ 6 строгаго одиночнаго заключенія (не считая 2 мѣсяцевъ до суда), я получилъ свиданіе съ Лукашевичемъ. Оно допускалось на прогулкѣ, продолжавшейся, какъ я ска- залъ, 1³/₄ ч., но только три раза въ недѣлю. При первомъ же ви- зитѣ полковника, я просилъ его разрѣшить намъ свиданіе каждый день, и получилъ отказъ, выраженный въ нѣсколько игривой формѣ. Онъ совѣтовалъ сберечь, а не расточать «умственный капиталъ!» (при этомъ наглядный жестъ около лба), такъ какъ онъ еще понадобится въ будущемъ.

Совѣтъ этотъ, по крайней мѣрѣ для меня и въ то время, былъ болѣе чѣмъ неумѣстенъ, потому что эти свиданія вели не къ тратѣ, а именно къ пріобрѣтенію умственнаго капитала. Лукашевичъ, и по своимъ дарованіямъ, и по развитію, и по богатству свѣдѣній особенно въ невѣдомой для меня области естествознанія, стоялъ неизмѣримо выше меня, и общеніе съ нимъ доставляло мнѣ не только истинное духовное наслажденіе, но и неизмѣримую пользу. Часто онъ сообщалъ мнѣ обширныя свѣдѣнія изъ области новыхъ для меня наукъ (къ числу которыхъ относилась тогда даже и политическая экономія); часто мы просто спорили съ нимъ объ общихъ вопросахъ міровоззрѣнія, при чемъ я, знакомый въ главныхъ чертахъ со всѣми философскими точками зрѣнія, самъ придерживался еще спиритуализма и шагъ за шагомъ, упорно отстаивалъ позиціи его отъ нападокъ своего постоянного оппонента.

Затѣмъ мы не разъ читывали (конечно дома) послѣдовательно однѣ и тѣ же книги, обсуждали при свиданіи прочитанное и разбирали автора по косточкамъ съ такой тщательностью, съ какой можно дѣлать это только при полномъ досугѣ и при отсутствіи всего, что можетъ отвлекать умъ отъ интересовъ этого дня. И книги, заслуживавшія вниманія, мы тогда не просто читали, а читали непремѣнно дважды, съ выписками и съ обязательными перерывами для размышленій. Думается, что отъ такого чтенія немногихъ бывшихъ тогда въ нашемъ распоряженіи книгъ мы выигрывали несравненно больше, чѣмъ потомъ отъ многотченія, явившагося ближайшимъ результатомъ сравнительнаго обилія книгъ и желанія не упустить изъ виду ни одной изъ нихъ, къ какой бы области вѣдѣнія она ни относилась. Такъ, помню, какъ мы «разнесли» тогда напумѣвшій въ свое время трактатъ *Васильчикова* «О землевладѣніи», гдѣ авторъ, стоя на почвѣ самобытности, наговорилъ о Россіи много субъективнаго, вродѣ того, что социальный вопросъ есть болѣзнь только Запад. Европы, а въ Россіи онъ, благодаря надѣленію крестьянъ землею, въ принципѣ уже разрѣшенъ. Тогда вѣдь въ модѣ было утверждать, что капитализмъ въ Россіи не имѣетъ почвы. Теперь, по выпискамъ, которыя сохранились у меня полностью въ тетрадахъ, я могъ бы точно воспроизвести, что служило въ первые годы предметомъ моего интереса, и что, въ частности, служило предметомъ для

обмѣна мыслей между мною и Лукашевичемъ. Пожалуй, я перечислю авторовъ, которые тогда мною были читаны. Кромѣ *Васильчикова*, *Соловьева*, *Костомарова* и *Шлоссера*, *Андреевскій*, «Государственное право»; *Мышь*, «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и Городовое Положеніе», *Пухта*, «Римское гражданское право», *Таганцевъ*, «уголовное право», *Коркуновъ*, «Теорія права», *Фостеръ*, «Физиологія человѣка», *Тьеръ*, «О собственности», *Лохвицкій*, «Обзоръ современныхъ конституцій», *Гельвальдъ*, «Земля и народы», *Герингъ*, «Цѣль въ правѣ», и др.

До какой степени сильна въ человѣкѣ потребность въ общеніи съ себѣ подобнымъ, понять это какъ слѣдуетъ можетъ только человѣкъ, лишенный этого общенія. Точно также мы и здоровье свое начинаемъ цѣнить, какъ великое благо, только утративши его. Особенно же сильно сказывалась эта потребность на первыхъ порахъ, когда постоянное одиночество не наложило еще на тебя печать нелюдимости, и когда во всѣхъ фибрахъ твоего существа еще отдавались отзвуки жизни и общественныхъ отношеній, мавившіе тебя къ себѣ и раздражавшіе съ такою-же силой, съ какой желудокъ раздражается отъ продолжительной пустоты. Поэтому-то и наслажденіе, получавшееся отъ свиданія, было аналогично насыщенію. Но въ то же время оно часто сопровождалось и чувствомъ неудовлетворенности; вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, которыми было обставлено, и потому еще болѣе обостряло желаніе поколебать или совсѣмъ разрушить тѣ преграды, которыя воздвигла администрація противъ этого законнѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій. Ниже будетъ указано, какъ мы обходили или разрушали эти преграды. Что же касается чисто психологической стороны дѣла, то я не думаю, чтобы я, пережившій на себѣ эти муки страстныхъ стремленій къ себѣ подобному, могъ прибавить своимъ описаніемъ хоть что-нибудь къ весьма обширной литературѣ противъ одиночныхъ тюремъ вообще. Можетъ быть, эта литература и повліяла уже въ послѣднее время на нашихъ юристовъ, ограничившихъ строгое одиночество всего нѣсколькими мѣсяцами.

XII.

Мое описаніе, я чувствую, скользитъ по поверхности и касается только внѣшности. Читатель, жаждущій драматическихъ нотъ, будетъ очень разочарованъ. Откровенно говоря, я и не берусь возсоздать теперь то настроеніе и самочувствіе, которое я переживалъ въ первые мѣсяцы заточенія. Попытка воспроизвести ихъ обязательно грѣшила бы противъ истины. Помню, что внутри все ныло, какъ это бываетъ напр., у того, кто перенесъ утрату самаго дорогого для него и самаго любимаго человѣка. Помню также, какъ эта ноющая боль медленно и постепенно ослабѣвала, точно проходила застарѣлая болѣзнь. Навѣрное, аналогичное чувство переживалось и большинствомъ другихъ товарищей,

судя, по тѣмъ ноткамъ грусти, тоски и горечи, которыя преобладали въ нашихъ поэтическихъ опытахъ. Мы какъ будто даже не замѣчали этихъ нотъ,—до такой степени онѣ были нашей нормальной стихіей. Въ значительной степени вызывались онѣ не столько самымъ фактомъ лишенія свободы и всѣхъ прочихъ житейскихъ радостей, сколько сознаниемъ бесплодности принесенныхъ жертвъ, полнаго торжества враждебныхъ намъ силъ и вытекающей отсюда безнадежности нашего положенія. *Главное* утѣшеніе было, конечно, у каждого. «Идея на штыки не уловляется», «прогрессъ не можетъ быть задавленъ» и т. д. Но утѣшеніе это было чисто отвлеченное. Мы были не просто побѣжденные, которыми свойственны и нагѣвы подобные классическому: «На рѣкахъ вавилонскихъ». Мы были послѣдніе изъ побѣжденныхъ, и на волѣ оставили полное затишье, которое при самыхъ оптимистическихъ расчетахъ не давало надежды на близость какого-нибудь переворота. Когда въ первый же годъ нужно было опредѣлить день Пасхи и я откопалъ гдѣ-то въ церковной книгѣ Пасхалію съ нужными свѣдѣніями, я выписалъ себѣ въ тетрадь дни Пасхи на всѣ годы по 1901 г. На этомъ году я остановился, говоря себѣ: «Дальше жить я не намѣренъ. Двадцатый вѣкъ не можетъ вывести позора безправія, и такъ ли, этакъ ли, продлится родинѣ свободу». Надежда, очевидно, была, но растянулась на весьма продолжительный періодъ, въ теченіе котораго нужно было переносить всѣ эти лишенія. А это для изнервничавшагося человѣка казалось подчасъ совершенно невыполнимымъ. И когда напр., еще въ 1889 г. я сталъ утѣшать М. П. Шебалина, смотрѣвшаго тогда на свѣтъ Божій очень меланхолически, что ему остается жить здѣсь всего 7 лѣтъ, точно опредѣленныхъ (его срокъ), онъ съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ мнѣ: «Семь лѣтъ, семь лѣтъ! Неужели Вы думаете, что здѣсь можно выжить столько лѣтъ?!»

Наконецъ, эта надежда всетаки не носила характера такой прочной увѣренности, съ какой явились къ намъ недавно представители новаго движенія, оставившіе его не при послѣднемъ издыханіи, а въ моментъ наивысшаго подъема. Вотъ почему Гершуни, не пережившій нашего настроенія, какъ только познакомился съ нашей музой, обозвалъ всѣхъ нашихъ поэтовъ нытиками.

Когда будутъ собраны воедино всѣ эти стихотворенія, читатель найдетъ въ нихъ все, чего недостаетъ у меня. Пока же я рекомендую ему прочесть или припомнить «Отрывокъ изъ воспоминаній» Поливанова, и сдѣлать необходимое обобщеніе. Здѣсь у него уловлена, такъ сказать, вся квинтъ-эссенція строгаго одиночнаго заточенія: исканіе развлеченій, привязанность ко всякому живому существу (пауку даже), изобрѣтательность въ отыскиваніи путей къ общенію съ товарищами, горячая любовь къ ближайшему сосѣду собесѣднику, бывшему единственной отградой и утѣшеніемъ въ тяжкія минуты; боль и мука за другихъ, стра-

дающих и умирающих на твоих глазах; душевная пытка отъ сознанія невозможности облегчить ихъ послѣднія минуты; наконецъ,—и это самое главное,—жизнь прошлымъ, воспомина- ние о пережитомъ, оживавшемъ иногда съ яркостью галлюцина- цій, сожалѣнне о невозвратномъ, и особенно о тѣхъ ошибкахъ, которыя когда-нибудь были сдѣланы и поправить которыхъ уже теперь невозможно; и, какъ вѣнецъ всего,—мысль о самоубійствѣ, какъ единственномъ выходѣ изъ безвыходнаго положенія.

Подобно тому, какъ голодающій живетъ на счетъ веществъ и запасовъ, отложенныхъ ранѣе въ тканяхъ его тѣла, такъ и голо- дающій мозгъ. т. е. не получающій воспріятій извнѣ, точно жвачку пережевываетъ все то, что когда-нибудь было воспріято имъ. И, Боже мой, чего-чего онъ только не припоминаетъ! Ничтожныя встрѣчи и разговоры, пейзажи, въ которыхъ нѣтъ ничего зани- мательнаго, сцены и столкновения, на которыхъ никогда не обра- щалъ вниманія,—все это настойчиво вылѣзаетъ изъ какихъ-то тайниковъ и выплываетъ на поверхность сознанія. Гонишь этихъ гостей насильно, какъ ненужныхъ и нежелательныхъ, а они упорно стоятъ передъ глазами, или уходятъ только затѣмъ, что- бы уступить свое мѣсто другимъ, столь же назойливымъ, и столь же мало желательнымъ. Читаешь книгу, и если мысль вяло ра- ботаетъ, между строкъ,—точно на книгу положилъ кто рису- вокъ,—выплываетъ какая-нибудь поляна, берегъ рѣки, опушка лѣса, лугъ или ручей, которые какъ-то разъ въ жизни видѣлъ и забылъ въ слѣдствіе мимолетности впечатлѣнія.

Все это у Поливанова набросано съ тѣмъ болѣе захватываю- щимъ интересомъ, что этотъ процессъ у него переходилъ въ на- стоящую душевную болѣзнь. На границѣ этой болѣзни стояли всѣ мы, одни ближе къ ней, другіе дальше. Не даромъ попечи- тельное начальство не разрѣшало намъ книгъ по психіатріи. И опытный психологъ безъ всякаго труда сумѣетъ построить а ріогі прецессъ душевнаго разложенія, выходя изъ тѣхъ ненормаль- ныхъ условій, въ которыя мы были поставлены. Вѣдь и стави- ли-то насъ въ нихъ не для душевнаго оздоровленія! Я тѣмъ на- стойчивѣе обращаю вниманіе читателя на «Отрывокъ» Полива- нова, что все, что касается внутреннихъ переживаній, нахожу слыханнымъ у него совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ для лицъ однородной душевной организаціи. И если-бы я могъ писать въ такомъ же родѣ, мнѣ пришлось бы повторяться. Одно было только у меня утѣшеніе, котораго Поливановъ сначала былъ со- вершенно лишенъ,—книги. Затѣмъ, періодъ остраго страданія отъ одиночества у меня былъ очень короткій, такъ какъ съ до- пущеніемъ парной прогулки одиночество ощущалось несравненно слабѣе.

М. Новорусскій.

14 Марта. 1906 г.

Выборгъ.

Дѣло Я. А. Ушакова.

(1863 г.)

Въ 1862 г. для разслѣдованія дѣятельности воскресныхъ школъ была учреждена особая слѣдственная коммиссія. Въ этой коммиссіи давалъ также показаніе мѣщанинъ Михаилъ Митрофановъ, который, между прочимъ, говорилъ, что какъ-то разъ онъ приглашенъ былъ къ преподававшему въ школѣ географію Хохрякову на квартиру для получения учебника; при вторичномъ посѣщеніи Хохрякова онъ засталъ у него большое количество гостей и среди нихъ поручика Ушакова, приглашающаго его придти къ нему на уроки географіи. Послѣ того Митрофановъ нѣсколько разъ посѣщалъ поручика Ушакова, отъ котораго для прочтенія получилъ „Колоколъ“ № 93 за 1861 г. Крестьянинъ же Андреевъ показалъ, что Ушаковъ давалъ ему „Молодую Россію“ и „Подвигъ офицера варшавской телеграфной станціи Александра“ и что онъ читалъ предъ учениками воскресной школы статью изъ „Колокола“ о продажѣ англичанамъ изъ Имперіи корабельной рощи, поясняя, что такимъ образомъ англійскій флотъ увеличивается на нашъ матеріалъ. Крестьянинъ Антоновъ свидѣтельствовалъ, что Ушаковъ читалъ статью о капитанѣ Александровѣ, называя его хорошимъ человѣкомъ за его рѣшимость пожертвовать собою для избавленія цѣлага народа.

При обыскѣ Ушакова у него была найдена рукопись, озаглавленная „Октябрь 1860 года“. Она распадалась на нѣсколько частей. Въ первой части, посвященной вопросу о будущей жизни и ученію Іисуса Христа, Ушаковъ, между прочимъ, писалъ: „Зачѣмъ онъ ввелъ въ обманъ миллионы людей, зачѣмъ училъ рабству, а не свободѣ, зачѣмъ потворствовалъ властямъ“. Во второй части излагалось мнѣніе Ушакова о русской арміи; здѣсь онъ приходилъ къ убѣжденію, что положеніе нашего солдата жалко, и писалъ: „законъ нашъ тѣмъ строже, чѣмъ менѣе разрушитель его понималъ свой проступокъ; безъ всякаго права отнимаютъ гражданина отъ семейнаго счастья и обращаютъ въ солдата; по волѣ, прихоти или глупости одного человѣка сотни этихъ существъ обязаны передъ закономъ жертвовать своею жизнью“. Въ третьей части, объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи, Ушаковъ писалъ: „Кажется, въ настоящее время всѣ признали, какъ математическую истину, что положеніе крѣпостныхъ было отчаянное и даже правитель-

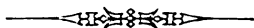
ство, наперекоръ всегдашнему своему принципу, рѣшило принять подъ свое покровительство слабого, конечно не числомъ, а правами и рѣшить дѣло не въ пользу дворянъ. Это чуть-ли не первый примѣръ въ исторіи нашего крѣпостного состоянія. Зато, какъ дворянство возненавидѣло А. за его справедливость въ этомъ дѣлѣ. Да и подумали ли онъ хорошенько, на что рѣшился. Этимъ дѣломъ онъ первый вынулъ камень изъ своего самодержавнаго трона; онъ, можетъ, и не вѣдаетъ, что этимъ дѣломъ разбудилъ народъ, который до сихъ поръ находился въ летаргическомъ снѣ, что съ нимъ шутить и издѣваться надъ нимъ скоро будетъ нельзя, что онъ, почувявъ въ себѣ силу, заговорить о своихъ нуждахъ и потребуетъ удовлетворенія ихъ, что этотъ народъ никогда уже не погрязнетъ въ старомъ, дикомъ невѣжествѣ, и горе будетъ тогда А., ежели онъ самъ не поведетъ его впередъ; если онъ захочетъ остановить эту массу или скомандовать „маршъ назадъ“; тогда не спасетъ его никакая дворня, и онъ сдѣлаетъ себя или своего сына жертвою необдуманнаго поступка, зачѣмъ самъ первый вынулъ камень изъ своего самодержавнаго трона. Но если А. явится достойнымъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаетъ новое поколѣніе, если онъ явится вождемъ его, то народъ создастъ ему тронъ изъ своей приверженности, крѣпче тѣхъ, на которыхъ сидѣли его предки и никакая враждебная сила не свергнетъ его. Не будетъ надобности ему клеймить живого безсовѣстнымъ тиранствомъ и пятнать себя кровью невинныхъ жертвъ чтобы устоять во что бы то ни стало на посту своемъ, не запятнать себя кровью своихъ подданныхъ, приносящихъ ему въ жертву и золото въ голову, и честь свою; не будетъ надобности держать вокругъ себя ~~людей~~ низкихъ, корыстолюбивыхъ, малодушныхъ, отдѣляющихъ его отъ народа, подобно тому, какъ облака отдѣляютъ солнце отъ всего живого на землѣ; онъ будетъ представителемъ не дворянства, не чиновничества, не аристократіи, а всей націи и всей нашей огромной Россіи съ ея безчисленными племенами“. Далѣе Ушаковъ чрезъ нѣсколько строчекъ продолжаетъ: „Николай былъ представителемъ чиновничества и отдалъ на копы Россію, зато тридцать лѣтъ сгибались передъ нимъ благородныя чиновничьи шеи и тридцать лѣтъ народъ страдалъ отъ крайняго деспотизма, начиная отъ царскаго до становаго и квартальнаго. А. предстоитъ видная роль: онъ можетъ быть представителемъ цѣлаго народа. Но въ этомъ дѣлѣ нельзя ему быть двоюдушнымъ; нельзя оставаться въ партіи ни дворянства, ни аристократіи, ни чиновниковъ и быть за народъ; надо отвергнуть старый хламъ, выбирать новыхъ людей съ новыми идеями, приняться за работу. Но возможно ли чиновнику въ 42 года выбить изъ головы ненужную, вредную дрянъ, которую такъ старательно вбивали ему въ голову? Каждый шагъ впередъ нашего общества будетъ казаться нашему самодержавному правленію шагомъ къ гибели. Найдутся и интриганы, которые изъ своекорыстныхъ видовъ еще болѣе очернятъ невинное общество; не общество здѣсь виновато, а виновато время, толкающее исторію впередъ, несмотря ни на какіе вопли людей, разстающихъ со старымъ порядкомъ вещей. Не сегодня такъ завтра придетъ необходимость прогресса, и, если правительство вздумаетъ бороться съ нимъ, то это все равно будетъ, какъ если чело-

вѣкъ умирающій усиливается поддерживать свою жизнь на нѣсколько часовъ какими-нибудь медицинскими пособіями. Если правительство захочетъ бороться съ движеніемъ общества впередъ, то все равно будетъ, что намъ оспаривать силу законовъ природы. Капли воды, замерзшія въ трещинахъ гранита, разрушаютъ его, и ничѣмъ нельзя остановить дѣйствія замерзающей воды". Найдены были у Ушакова и еще другія рукописи болѣе незначительнаго содержанія.

Ушакову во время его арестованія было 22 года. Онъ происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи и былъ выпущенъ въ 1859 г. изъ кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, а въ 1862 г. переведенъ въ 16-й стрѣлковый батальонъ, откуда былъ прикомандированъ къ Николаевской Инженерной Академіи.

Военный судъ приговорилъ Ушакова къ смертной казни. Августѣйшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній призналъ приговоръ правильнымъ. Генераль-Аудиторіатъ также полагалъ подвергнуть Ушакова смертной казни.

Высочайшая конфирмація 21 февраля 1863 г. гласила: „Поручива Ушакова, вмѣсто смертной казни, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на четыре года на заводахъ“ ¹⁾.

¹⁾ Вслѣдствіи рядомъ Высочайшихъ милостей участь Ушакова была облегчена. Ему были возвращены права, и по спеціальному Высочайшему указу онъ былъ восстановленъ въ правѣ занимать мѣста по выбору. Въ убѣжденіяхъ же Ушакова произошла радикальная перемѣна. Нынѣ Ян. Ав. Ушаковъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта по выбору. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій онъ произнесъ сильную рѣчь, направленную противъ освободительнаго движенія вообще и противъ амнистіи въ частности. Ушаковъ, получившій цѣлый рядъ помилованій, высказался рѣшительно и рѣзко противъ какой-либо амнистіи. См. замѣтку т. Павлова въ газетѣ „Рѣчь“ отъ 9 мая с. г.

Ред.

Возникновеніе и паденіе Дурноселовки.

(Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-ыхъ годовъ).

Съ конца 60-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ область Кубанскаго войска начался значительный приливъ переселенцевъ изъ губерній внутренней полосы Россіи. Часть пришлыхъ рабочихъ, направлявшихся туда на лѣтнія земледѣльческія работы, оставалась и по окончаніи ихъ на новыхъ мѣстахъ, осѣдая въ качествѣ постоянныхъ сельскихъ батраковъ, или же приспособляясь къ другимъ деревенскимъ и городскимъ промысламъ. Благодаря рѣдкости населенія и земельному приволью, еще царившему тогда въ тѣхъ мѣстахъ, нѣкоторымъ изъ этихъ пришельцевъ удавалось обзавестись собственнымъ хозяйствомъ на заарендованныхъ съ этою цѣлью частныхъ и въ особенности свободныхъ войсковыхъ земляхъ. Вслѣдъ за первыми переселенцами потянулись, какъ это всегда бываетъ, многіе другіе и, такимъ образомъ, на земляхъ преимущественно войсковыхъ выростали постепенно цѣлыя слободы, населенныя выходцами изъ губерній внутренней Россіи. Плодородіе еще дѣвственной почти почвы, благоприятныя климатическія условія и въ особенности сравнительный земельный просторъ помогали новоселамъ устроиться болѣе или менѣе удовлетворительно на своихъ новыхъ мѣстахъ.

Въ это время, то есть приблизительно въ концѣ 60-ыхъ или въ самомъ началѣ 70-ыхъ годовъ, основалось въ числѣ многихъ другихъ и одно изъ подобныхъ поселеній въ Ейскомъ Отдѣлѣ Кубанской области. Прихотливая народная фантазія окрестила новую слободу страннымъ наименованіемъ «Дурноселовки». Точно первые основатели ея предвидѣли дальнѣйшія событія и печальную судьбу, ожидавшую ихъ колонію. Вся короткая исторія ея не является какимъ-либо исключительнымъ явленіемъ въ мрачной лѣтописи русской переселенческой эпопеи. Но разгромъ колоніи сопровождался крестьянскимъ движеніемъ, не совсѣмъ обычнымъ по упорной стойкости пассивнаго сопротивленія, осложненнаго еще вдобавокъ однимъ любопытнымъ инцидентомъ, разыгравшимся, въ связи съ мѣстными событіями на другомъ концѣ Россіи—на берегахъ Невы, что и придаетъ всей этой исторіи нѣкоторое особенное значеніе и специальный интересъ.

Населеніе новой слободы быстро возросло и къ началу 80-ыхъ годовъ достигало уже крупной цифры 2—2¹/₂ тысячъ душъ. Дурноселовцы поселились на войсковыхъ земляхъ, снимавшихся ими, на свою бѣду, лишь по краткосрочнымъ контрактамъ—на два, на три года. Войсковое управленіе по тѣмъ или другимъ соображеніямъ не соглашалось заключить условіе на болѣе продолжительное время, можетъ быть, приберегая на всякій случай камень за пазухой противъ своихъ арендаторовъ. Впрочемъ, для успокоенія имъ было на словахъ обѣщано своевременно возобновлять истекавшіе контракты, что, дѣйствительно, и имѣло мѣсто уже нѣсколько разъ съ момента возникновенія Дурноселовки. Слобода понемногу обстроилась, переселенцы обзавелись скотомъ, распахали пашни, постепенно увеличивая, въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія, и размѣры арендумой ими земельной площади. До поры до времени все шло благополучно и, казалось, обѣщало новому поселенію мирное развитіе и благополучіе. Правда, постоянное хоть и небольшое повышеніе арендной платы, съ чѣмъ по необходимости приходилось мириться дурноселовцамъ, наводило ихъ на мысль о непрочности ихъ положенія, и они не разъ пробовали хлопотать о припискѣ къ Кубанскому казачеству, но попытки эти не имѣли успѣха. По экономическимъ соображеніямъ казачество очень рѣдко и неохотно принимаетъ въ свои ряды новыхъ членовъ, да и по законамъ это является очень сложною процедурою. Неоднократное возобновленіе аренды успокаивало переселенцевъ, привыкавшихъ понемногу смотрѣть на это, какъ на свое право, и возможность какой-либо катастрофы, вродѣ насильственнаго выселенія съ обработанной и обстроенной земли, представлялась имъ совсѣмъ невѣроятной. Можно предполагать, что и на самомъ дѣлѣ войсковое управленіе ограничилось бы лишь постепеннымъ увеличеніемъ арендной платы, которую кряхтя и выплачивали бы дурноселовцы, и—не вмѣшайся третьи заинтересованныя лица—дѣло не дошло бы до крупнаго столкновенія. Но успѣхъ переселенцевъ давно уже привлекалъ вниманіе и дразнилъ аппетиты мѣстныхъ кулаковъ, породивъ у нихъ идею эксплуатировать этотъ успѣхъ въ свою пользу и попытаться оттягать себѣ львиную его долю. Случай къ этому скоро представился.

Въ 1883-емъ г. истекалъ срокъ аренды. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовалось нѣсколько мѣстныхъ крупныхъ кулаковъ-предпринимателей. Заручившись содѣйствіемъ кой кого изъ лицъ войсковаго управленія, они втихомолку заключили съ нимъ арендный контрактъ на большой участокъ войсковой земли, включившій въ себя и территорію, занятую дурноселовцами. Дѣло было обдѣлано очень скоро, подъ покровомъ полной тайны и безъ вѣдома и предупрежденія прежнихъ съемщиковъ. Сдача земли въ другія руки мотивировалась войсковымъ управленіемъ, приличія ради, нѣкоторыми культурно-хозяйственными соображеніями: новые арендаторы имѣли, будто бы, въ виду поднять областное

коневодство, занявшись разведеніемъ и пастьбой лошадиныхъ табуновъ, между прочимъ, и на поляхъ, распаханыхъ дурноселовцами. Главною же цѣлью этой затѣи являлось ни что иное, какъ полное закабаленіе послѣднихъ въ томъ разчетѣ, что они, подъ угрозой выселенія съ обработанной и устроенной ими земли, подчинятся всѣмъ условіямъ, какія только заблагоразсудить предъявить имъ кулацкая жадность и изобрѣтательность.

Между тѣмъ, въ виду истекавшаго въ 1883-ьемъ г. срока аренды, дурноселовцы, ничего не подозрѣвавшіе о нависшей надъ ними бѣдѣ, выбрали по обыкновенію нѣсколько человекъ для заключенія съ войсковымъ управленіемъ новаго условія. Но, явившись туда, уполномоченные услыхали неожиданное извѣстіе, что всѣ земли, снимавшіяся ими въ теченіе многихъ лѣтъ, сданы въ другія руки и потому для переговоровъ объ арендѣ они должны обращаться уже не къ войсковому управленію, а къ новымъ арендаторамъ. Но условія, предъявленные послѣдними, оказались невозможны: что-то вродѣ годовыхъ, чуть ли даже не полугодовыхъ контрактовъ при повышенной до нельзя арендной цѣнѣ съ обязательствомъ работать у новыхъ хозяевъ по фиксированной таксѣ, очень низкой и несоотвѣтствующей высотѣ мѣстной заработной платы. Въ результатѣ получалась своего рода барщина, при которой дурноселовцамъ предстояло обратиться въ закабаленныхъ батраковъ, пользуясь дешевымъ трудомъ которыхъ, ловкіе дѣльцы и расчитывали вести свое хозяйство. Наконецъ, въ пользованіе крестьянъ уступалась только часть снимавшейся ими до тѣхъ поръ земли, чѣмъ предприниматели обезпечивали для себя необходимое количество дешевыхъ рабочихъ рукъ, не занятыхъ въ собственномъ хозяйствѣ. Въ случаѣ же несогласія на предъявленные условія новые хозяева земли требовали очищенія участковъ, занятыхъ переселенцами.

Принесенныя извѣстія упали какъ снѣгъ на голову ничего не подозрѣвавшимъ дурноселовцамъ. Но сначала они отнеслись къ нимъ съ полнымъ недоверіемъ. Нѣтъ такого закона, толковали они, по которому можно было бы сгонять народъ съ земли, на которой онъ живетъ уже годы. Мы вспахали и застроили ее, платили за нее деньги и впередъ согласны платить. Какъ же можно сдавать ее въ другія руки? Да и земля-то эта лишняя, казакамъ ненужная,—иначе не сдавало бы ее войско. Кромѣ насъ никто и владѣть ею не можетъ. Мысль крестьянская слишкомъ далека отъ формальной казуистики и въ подобныхъ вопросахъ противопологаетъ обыкновенно идеѣ современнаго юридическаго права частной собственности на землю свое собственное традиціонное на нее возрѣніе. Въ концѣ концовъ дурноселовцы рѣшили, что произошла какая-то ошибка, недоразумѣніе. Стоитъ только выяснитъ у начальства дѣло и все пойдетъ по-старому. Были выбраны новые уполномоченные, снова и не разъ побывавшіе въ войсковомъ управленіи съ предложеніемъ даже высшей цѣны противъ той, за которую земля была сдана теперь. Ника-

кого удовлетворительнаго результата они, однако, не добились, получая на всё свои предложенія и просьбы категорической отвѣтъ, что дѣло уже рѣшено окончательно и нарушить новое только что заключенное условіе нельзя,—пусть вступаютъ въ соглашеніе съ новыми арендаторами. А послѣдніе, чувствуя свою силу, стояли на своемъ, ничего не уступая, и грозили насильственнымъ выселеніемъ въ случаѣ отказа дурноселовцевъ согласиться на ихъ требованія.

Слобода заволновалась. Невозможно было уже обольщаться никакими надеждами какъ-нибудь уладить дѣло, и передъ всѣми вставалъ вопросъ, если не о жизни и смерти, то, во всякомъ случаѣ, о неизбѣжности полнаго разоренія. Предстояло что-нибудь изъ двухъ: или закрѣпить себя предлагаемыми условіями, затянувъ этимъ мертвую петлю на своей шеѣ, или же бросить свое налаженное уже хозяйство и идти куда глаза глядятъ въ поискахъ земли и хлѣба. Утопающій хватается за соломинку. И народная мысль, ища выхода и спасенія отъ нагрянувшей бѣды, опять пошла обычнымъ традиціоннымъ путемъ. Дурноселовцы заговорили, что мѣстное начальство, закупленное богачами, очевидно, держитъ ихъ руку. Отъ него не добиться справедливости. Нужно идти выше и искать правды и защиты у самого царя.

Выразителемъ этого общаго настроенія и горячимъ пропагандистомъ идеи обращенія къ царю, явился человекъ, выдвинутый обстоятельствами минуты на первое мѣсто изъ самой крестьянской среды въ качествѣ вожака поднимавшагося движенія. Это былъ отставной солдатъ, отслужившій свой срокъ въ одномъ изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ, человекъ еще не старый, грамотный и бывалый, обладавшій большимъ запасомъ находчивости и энергіи, какъ это оказалось впоследствии. Имени и фамиліи его я теперь не припомню. Будемъ называть его Петровымъ.

Подъ влияніемъ агитаціи Петрова вопросъ о посылкѣ въ Петербургъ ходока съ прошеніемъ къ самому царю былъ рѣшенъ очень скоро въ утвердительномъ смыслѣ. Да и что, кромѣ этого универсальнаго для крестьянской мысли средства, оставалось дурноселовцамъ? Волна острыхъ и активнѣйшихъ аграрныхъ движеній не охватила еще тогда крестьянскую Россію¹⁾, а всё мирныя и такъ называемыя законныя средства были уже испробованы. Предварительно они обращались во всё возможные инстанціи, но вездѣ получали отказъ съ ссылкой на статьи закона, подтверждающія права новыхъ арендаторовъ.

Выборъ дурноселовцевъ, воплотивъ естественно, остановился на

¹⁾ Впрочемъ въ это время уже начинались кое гдѣ случаи массовыхъ активнѣйшихъ аграрныхъ движеній. Такъ, весной и лѣтомъ 1883-го или 1884-го года произошло крупное крестьянское движеніе, охватившее одинъ изъ округовъ Донской области и направленное противъ земельной эксплуатаціи крестьянъ казаками. Въ этомъ движеніи принимало участіе до 15 тысячъ крестьянъ, успѣвшихъ создать за непродолжительный періодъ этого движенія (длывшагося впрочемъ вѣскольکو мѣсяцевъ) своего рода военную организацію. Казаковъ оказалось недостаточно для подавленія волненія, и туда были двинуты два пѣхотныхъ полка изъ Харькова.

Петровъ. Онъ человекъ грамотный, бывалый, знаетъ Петербургъ и самого царя видалъ на смотрахъ и парадахъ. Лучше всякаго другого сѣмъетъ онъ добраться до царя и разъяснить ему ихъ дѣло. Петровъ не отказывался. Тотчасъ же было составлено прошеніе на высочайшее имя, собраны деньги на дорогу ходуку и Петровъ отправился въ Петербургъ искать у царя правды и защиты для крестьянскаго міра.

Дурноселовцы не ошиблись въ своемъ выборѣ. По приѣздѣ въ Петербургъ Петровъ не растерялся и повелъ дѣло осмотрительно и ловко. Онъ и не пробовалъ даже обивать пороги разныхъ канцелярій и сановниковъ, а рѣшилъ такъ или иначе самолично добраться до царя. Съ этою цѣлью прежде всего разыскалъ онъ своихъ старыхъ сослуживцевъ по полку, изъ которыхъ нѣкоторые оказались служащими въ дворцовомъ управленіи и придворномъ конюшенномъ вѣдомствѣ. Имъ онъ рассказалъ о дѣлѣ, которое привело его въ Петербургъ и, найдя сочувствіе, разузналъ у нихъ о порядкахъ и обычаяхъ дворцовой жизни. Заручившись содѣйствіемъ этихъ мелкихъ, но для данной цѣли очень полезныхъ людей, Петровъ началъ караулить случай для подачи своего прошенія непосредственно въ руки самого царя. Такой случай скоро представился. Дворцовые знакомцы сообщили ему о предстоявшей скоро царской охотѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Обстановка охоты очень благопріятствовала замысламъ Петрова и онъ рѣшилъ воспользоваться ею для выполненія своего плана. Получивъ точныя свѣдѣнія о днѣ, часѣ и мѣсяцѣ охоты и предварительно побывавъ тамъ для выбора удобной позиціи, Петровъ отправился туда наканунѣ назначеннаго дня и засѣлъ заблаговременно въ засаду въ намѣченномъ уже мѣстѣ, въ кустахъ около дороги, по которой долженъ былъ проѣхать царскій поѣздъ. Дѣло было зимою, приблизительно въ началѣ января 1884-го г., и ему пришлось порядочно померзнуть въ ожиданіи, такъ какъ въ свою засаду онъ забрался еще съ ночи. Наконецъ, въ назначенное время показался охотничій поѣздъ. Выждавъ минуту, когда царскія сани поравнялись съ мѣстомъ его засады, Петровъ выскочилъ изъ кустовъ на дорогу и бросился на колѣни съ прошеніемъ въ поднятыхъ рукахъ. Лошади, испуганныя неожиданнымъ появленіемъ человѣческой фигуры, шарахнулись въ сторону и понесли. Сани опрокинулись и Александръ III вылетѣлъ на дорогу, повредивъ себѣ при паденіи ногу.¹⁾ Поднялся страшный переполохъ. Царская свита и конвой набросились на Петрова, принятаго ими за злоумышленника. По его разсказу, его платье въ нѣсколько минутъ обратилось въ лохмотья, и ему порядочно досталось отъ усердія царскихъ охранителей. Досталось бы, навѣрное, и болѣе, если бы Александръ III, поднятый и усаженный снова въ сани и успокоенный очевиднымъ отсутствіемъ

¹⁾ Въ началѣ 1884-го г. въ газетахъ дѣйствительно появилось официальное сообщеніе о несчастномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто во время царской охоты подъ Петербургомъ. Въ сообщеніи говорилось о паденіи Александра III изъ саней, при чемъ онъ вывихнулъ ногу.

какой-либо опасности, не распорядился прекратить расправу и подать ему отнятое у Петрова прошение. Царскій поѣздъ тотчасъ же повернулъ назадъ, а за нимъ слѣдомъ повели и нашего ходока, получившаго назидательный урокъ политическаго воспитанія и мудрости. Прямо съ неудавшейся царской охоты онъ попалъ подъ тюремный замокъ. Начались допросы и разслѣдованіе, производившееся, къ счастью Петрова, не съ обычной канцелярской волокитой, а ускореннымъ маршемъ, такъ какъ слѣдствіе велось на глазахъ самого царя, пожелавшаго лично ознакомиться съ сущностью дѣла. Вся подкладка его была слишкомъ проста, показанія Петрова очень ясны, подтверждаемыя текстомъ отобраннаго у него прошенія, такъ что никакихъ сомнѣній и подозрѣній о наличности злоумышленія быть не могло, тѣмъ болѣе, что тщательный обыскъ не открылъ никакихъ слѣдовъ оружія ни при немъ, ни на мѣстѣ преступленія. Благодаря всему этому дѣло окончилось для Петрова сравнительно благополучно. Очень скоро, кажется черезъ нѣсколько дней, ему была объявлена царская резолюція, въ которой говорилось, что, нисходя къ еѹ непониманію, ему прощается дерзновенная попытка непосредственнаго обращенія къ самому царю, и онъ будетъ отправленъ на родину для водворенія по мѣстожительству; что же касается самаго дѣла, о которомъ говорится въ прошеніи,—для разбора и рѣшенія такихъ дѣлъ существуютъ судебныя и другія учрежденія, въ которыя и надлежитъ обращаться, не утруждая ими особу самого государя. Для подачи прошеній на высочайшее имя установленъ извѣстный порядокъ, въ которомъ эти прошенія принимаются и докладываются государю.

Таковы были результаты, которыхъ добился крестьянскій ходокъ поѣздкой въ Петербургъ и непосредственнымъ обращеніемъ къ самому царю. Во исполненіе царской резолюціи онъ былъ тотчасъ же отправленъ ускореннымъ порядкомъ въ Екатеринодаръ, областной городъ Кубанской области, для немедленнаго водворенія по его мѣстожительству. При иныхъ обстоятельствахъ екатеринодарская администрація, вѣроятно, не особенно постѣснялась бы съ безпокойнымъ искателемъ правды и ему бы, пожалуй, не сдобровать. Но теперь, въ виду полученнаго категорическаго предписанія изъ Петербурга съ ссылкой на высочайшее повелѣніе, мѣстная администрація не рѣшилась предпринять по отношенію къ крестьянину-ходоку какихъ-либо исключительныхъ мѣропріятій, и онъ тотчасъ же былъ водворенъ въ Дурноселовкѣ еще до истеченія зимы 1884-го г.

Подневольное возвращеніе Петрова изъ столицы и постигшая его тамъ полная неудача краснорѣчиво говорили за себя, разбивая всѣ иллюзіи и упованія дурноселовцевъ. Традиціонное народное міровоззрѣніе потерпѣло рѣшительный ударъ. Непреложная дѣйствительность разрушила наивную крестьянскую вѣру въ царя, не оставляя уже никакого сомнѣнія въ томъ, что и у высоты престола, до котораго они доходили, не найти имъ желав-

ной правды и защиты. Изъ Петербурга Петровъ возвратился сильно измѣнившимся, растерявъ по дорогѣ всё свои наивныя иллюзіи и вѣрованія. Подъ вліяніемъ всего пережитаго имъ за послѣднее время, въ немъ произошелъ переворотъ, и процессъ разложенія старыхъ понятій происходилъ быстро и послѣдовательно. У себя онъ явился снова въ роли агитатора, но уже съ рѣчами иного характера. Онъ докладывалъ, что крестьянамъ нечего искать посторонней защиты, что нигдѣ и ни у кого она не найдутъ и только сами могутъ постоять за себя и за свое право. Подъ вліяніемъ ли этой агитаціи или потому, что безысходность положенія толкала дурноселовцевъ въ этомъ направленіи, но они рѣшили не уступать и держаться крѣпко за землю и за то, что они считали своимъ правомъ.

Между тѣмъ срокъ старой аренды уже истекъ, и новые хозяева земли настойчиво осаждали начальство съ требованіями ввести ихъ въ фактическое владѣніе ею, то есть, иными словами, требовали немедленнаго выдворенія дурноселовцевъ. И тогда началась развязка драмы, затянувшаяся, впрочемъ, кажется, болѣе чѣмъ на мѣсяць. Въ слабоду наѣзжало разное начальство, убѣждая дурноселовцевъ или согласиться на предложенныя условія или уходить, куда глаза глядятъ. Но они упорно стояли на своемъ, заявляя, что согласны платить войску аренду въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она назначена для новыхъ сѣмщиковъ, но въ кабалу къ нимъ не пойдутъ и землю, на которой потрудились столько лѣтъ, не бросать. Тогда было приступлено къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ воздѣйствія энергичнымъ, впрочемъ, относительно, по сравненію съ тѣми, которыя практикуются теперь въ такомъ широкомъ масштабѣ. Потому ли, что Россія не переживала тогда время пресловутыхъ свободъ, и г. Дурново состоялъ еще не министромъ, а готовился лишь къ роли директора департамента полиціи, изучая только подготовительный курсъ своей будущей специальности, или потому, что къ дѣлу имѣлъ вѣкоторое непосредственное отношеніе самъ Александръ III, но до поголовнаго сѣченія (не отмѣннаго еще тогда, какъ теперь, высочайшимъ указомъ), пулеметовъ и пушекъ дѣло не дошло. Въ Дурноселовку нагрянули казаки въ сопровожденіи разнаго начальства и приступили подъ наблюденіемъ послѣдняго къ дѣлу разрушенія—принялись ломать въ избахъ печи, снимать крыши и вообще приводить жилища въ негодное для обитанія состояніе. Зима была еще на исходѣ, и начальство намѣревалось выморозить дурноселовцевъ, какъ таракановъ. Но послѣдніе не сдались и продолжали оставаться въ полуразрушанныхъ жилищахъ, пріютившись въ нихъ подъ наскоро устроенными навѣсами и тому подобными прикрытіями отъ непогоды. Тогда дѣло разрушенія было продолжено. Снова нагрянули казаки еще въ большемъ числѣ и начали разрушать до тла не только жилища, но и всё вообще постройки слободы. Кое гдѣ при этомъ имѣли мѣсто отдѣльныя стычки съ казаками, въ которыхъ дѣйствующими лицами явились, впрочемъ, почти исключительно женщины, но серъ-

езныхъ столкновеній не произошло. Дурноселовка, какъ слобода, перестала существовать, обратившись въ полномъ смыслѣ слова въ безпорядочную груду развалинъ. Спыхватившееся начальство старалось при этомъ разыскать и арестовать Петрова, котораго начало считать главнымъ виновникомъ оказываемаго сопротивленія, но его старательно укрывали односельчане, и найти Петрова среди воцарившагося хаоса было очень трудно. Тѣмъ же менѣе продолжать жить на развалинахъ было невозможно, и дурноселовцы покинули свои разоренныя гнѣзда, но ушли недалеко и тутъ же рядомъ, за околицей слободы, разбили временный лагерь, смастерили шалаши, кое гдѣ повырнули землянки и расположились бивакомъ, какъ бы зарывшись въ той землѣ, за которую они такъ упорно боролись. Происходило что-то почти небывалое въ исторіи русскихъ крестьянскихъ движеній, что-то исключительное по своей упорной хотя и пассивной силѣ сопротивленія. Взять дурноселовцевъ холодомъ не удалось, и начальство рѣшило сломить ихъ упорство голодомъ. Лагерь протестантовъ былъ окруженъ казачьими пикетами, и всякій доступъ къ нимъ извнѣ былъ прекращенъ. Желаящимъ не препятствовали выходить изъ лагеря за казачью цѣпь, но обратно уже не пропускали и сейчасъ же подъ казачьимъ конвоемъ отправляли за границу Кубанской области. Между тѣмъ уцѣлѣвшіе при разгромѣ слободы запасы привизіи истощались, а новой получить было неоткуда. Началась весна съ ея дождями и сыростью. появились эпидемическія болѣзни, находившія на почвѣ недоѣданія благопріятныя условія для своего развитія. Дурноселовскій лагерь грозилъ обратиться въ гнѣздо заразы для всего округа. Въ виду этого было рѣшено приступить къ немедленной ликвидаціи этого дѣла, и тогда разыгрался послѣдній актъ этой драмы. Дурноселовцевъ подѣлили на партіи, которыя подъ казачьимъ конвоемъ направлялись за границы области съ запрещеніемъ для высылаемыхъ возвращаться обратно и селиться въ ея предѣлахъ. А для того, чтобы отнять у дурноселовцевъ всякую возможность возвращенія на старыя мѣста, было разослано распоряженіе, запрещающее кому бы то ни было подъ угрозой крупнаго штрафа нанимать ихъ на работы въ предѣлахъ области.

При послѣднемъ разгромѣ дурноселовскаго лагеря разыскали и Петрова. Онъ былъ арестованъ и отправленъ въ екатеринбургскую тюрьму, гдѣ и находился еще осенью 1884-го г. въ ожиданіи административной ссылки въ Сибирь. О дальнѣйшей судьбѣ его я не слышалъ.

Такимъ образомъ Дурноселовка, оправдывая названіе, прекратила свое существованіе, и ея жители разбрелись въ разные стороны, растворясь въ громадномъ морѣ трудового бродячаго люда. Ихъ видали впослѣдствіи въ Грушевкѣ и на другихъ кояхъ Донецкаго бассейна и, навѣрное, не одинъ изъ нихъ пополнить собою ряды бродячей босяцкой Россіи.

С. А. Ивановъ.

Тайное общество братьевъ Критскихъ.¹⁾

I.

13 августа 1827 года московскій военный генераль-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, получалъ отъ бригаднаго генерала Фриша рапортъ съ весьма важнымъ сообщеніемъ. На другой день въ Петербургъ летѣлъ, сломя голову, фельдъегерь съ донесеніемъ на имя начальника штаба Его Императорскаго Величества—гр. Дибича.

Кн. Голицынъ сообщалъ, что стоявшіе 11 августа въ караулѣ на главной кремлевской гауптвахтѣ Сибирскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Боданъ и прапорщикъ Ковалевскій объявили своему полковому командиру, что къ нимъ на гауптвахту приходилъ студентъ Лушниковъ. «Сперва онъ разспрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ караульныхъ гренадеровъ, каковъ ихъ ротный командиръ, которые отозвались, что они имъ довольны и его любить, то послѣ сего означенный студентъ, подойдя къ штабсъ-капитану Бодану, старался познакомиться и по нѣкоторомъ привѣтствіи, просилъ, какъ его, такъ и Ковалевскаго войти съ нимъ въ короткія связи, объявляя секретъ, и просилъ въ ономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительна какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца 22 числа, въ день коронаціи сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки и такъ же у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь».

Когда объ этомъ узналъ московскій военный комендантъ, генераль Веревкинъ, то онъ приказалъ офицерамъ «притворно согласиться и стараться всячески вывѣдовать и узнавать всѣхъ сообщниковъ и сколько возможно секретнѣе». Труды услужливыхъ

¹⁾ Все ниженазложенное заимствовано мною изъ двухъ дѣлъ архива бывшаго III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи: №№ 269 I эксп. 1827 г. 203 и I эксп. 1828 г. Гораздо короче и не вездѣ вѣрно дѣло братьевъ Критскихъ изложено было въ VII книжкѣ, выпускъ 1-й „Полярной Звѣзды“ Герцева нынѣ здравствующимъ П. А. Ефремовымъ. Кромѣ этого о дѣлѣ нигдѣ ничего не было напечатано.

офицеровъ увѣнчались успѣхомъ, что видно изъ конца голицынскаго донесенія: «Сего числа объявили, что означенный студентъ живеть въ Кремлѣ, у дяди своего, эскутора кремлевской экспедиціи, и что сего дня обѣщали прійти къ нимъ въ Хамовническія казармы съ товарищемъ, какимъ-то Критскимъ, и хотѣль имъ показать какія-то бумаги и на образецъ приготовленный кинжалъ».

Въ ночь съ 14 на 15 августа Верекинъ явился съ своими адъютантами и военнымъ карауломъ на квартиру братьевъ Критскихъ, а затѣмъ и Лушниковъ, арестовалъ всѣхъ и развезъ по съѣзжимъ домамъ.

На другой же день кн. Голицынъ составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особую слѣдственную комиссію изъ Верекина, генераль-адъютанта Храповицкаго, оберъ-полицеймейстера Шульгина, состоявшаго при генераль-губернаторѣ стат. сов. Тургенева и начальника московскаго (II) округа корпуса жандармовъ, генерала Волкова.

Комиссія въ тотъ же день начала свою работу осмотромъ бумагъ, захваченныхъ у арестованныхъ «злоумышленниковъ». Ничего особеннаго, однако, не было найдено, кромѣ одной записки, отобранной у Лушниковъ изъ кармана. Внизу ея перомъ написана была печать съ девизомъ: *«Вольность и смерть Тирану»*...

16-го былъ сдѣланъ первый допросъ Лушникову. Это былъ молодой человѣкъ, сынъ землемѣра Симбирской губерніи, сначала учившійся въ симбирской гимназіи и въ 1828 г. пріѣхавшій въ Москву для поступленія въ университетъ. Туда, однако, онъ сразу не попалъ, благодаря слабому знанію латыни, и остался ожидать слѣдующаго года. По сообщенію Волкова, «при допросѣ онъ не устоялъ противъ убѣжденій членовъ комиссіи и письменно признался въ мечтательности предпріятій дѣйствовать къ учрежденію конституціи» и назвалъ троихъ братьевъ Критскихъ своими сообщниками. Петръ Критскій, служившій канцеляристомъ въ 7-мъ департаментѣ сената, тоже молодой человѣкъ, 21 года, показалъ сразу большую выдержку и никакихъ показаній не далъ. На другой день Лушниковъ обрадовалъ комиссію еще большей откровенностью. По крайней мѣрѣ, Волковъ пишетъ Бенкендорфу: «Онъ не скрываетъ, кажется, ничего и горько оплакиваетъ безумную дерзость, съ каковою позволялъ себѣ выраженіе оскорбительныхъ для Правительства и для самой Высочайшей особы Государя Императора мыслей, даже въ стихахъ, имъ сочиненныхъ». Не пожалѣлъ Лушниковъ и другихъ: въ этотъ день онъ выдалъ архитекторскаго помощника кремлевской экспедиціи Данила Тюрина (19 лѣтъ) и студента университета Николая Попова (18 лѣтъ), жившаго тогда въ отцовскомъ имѣніи Воронежской губерніи.

Разумѣется, было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ ихъ арестованіи.

Спрошенный впервые 19 августа младшій изъ Критскихъ,

Василій (17 лѣтъ), студентъ университета, «признавшись въ вольномыслии, изъяснился во всемъ почти согласно съ Лущниковымъ, представляя замыселъ свой въ видѣ мечты легкомысленной молодости».

Третій Критскій, тоже студентъ, Михаилъ (18 лѣтъ), сначала прибѣгалъ «ко многимъ околичностямъ», а потомъ подалъ странное письменное сознание. Арестованный 19-го числа Тюринъ признался въ умыслѣ. «Признание его болѣе рѣшительно, нежели прочихъ, коихъ, кажется, превосходить онъ основательностью. Онъ сказалъ, что въ составъ плана ихъ входило и покушение на жизнь Государя Императора»...

На другой день Тюринъ «раскрылъ точнѣе другихъ существо предпріятія. Будучи, такъ сказать, основателями общества, въ маломъ кругу единомышленниковъ заключавшагося, они надѣялись распространить его умноженіемъ членовъ. При предположеніихъ къ покушенію на жизнь государя императора Тюринъ спорилъ, что это не можетъ быть благомъ для отечества; соглашались отложить сіе на десять лѣтъ и избрать по жеребью изъ среды себя съ тѣмъ, чтобы исполнитель злодѣянія сокрылъ сообщниковъ самоубійствомъ»...

Когда, такимъ образомъ, въ рукахъ слѣдственной комиссіи, разумѣется, не стѣснявшейся въ средствахъ для побужденія къ сознанию, были довольно опредѣленные данныя, старшій Критскій, 25 августа, послѣ сложенного упорства, попросилъ позволить ему дать письменно подробныя показанія. Разрѣшеніе было дано, и комиссія нашла въ словахъ Петра Критскаго все главное слоднымъ съ уже извѣстнымъ.

Теперь ей оставалось допросить еще нѣсколькихъ человѣкъ: канцеляриста Алексѣя Салтанова (20 лѣтъ), служившаго съ Петромъ Критскимъ въ Сенатѣ и названнаго имъ и братомъ Василіемъ; коллежскаго регистратора московскаго опекунскаго совѣта Алексѣя Матвѣева (24 лѣтъ), названнаго Лущниковымъ и Василіемъ Критскимъ; ими же названнаго архитекторскаго помощника кремлевской экспедиціи, коллежскаго регистратора Петра Таманскаго (17 лѣтъ) и названнаго Василіемъ Критскимъ студента университета Алексѣя Рогова (22 лѣтъ).

Арестъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, въ связи съ сдѣланными уже раньше, не могъ не стать извѣстнымъ даже и въ тогдашней Москвѣ... Начались разговоры. Волковъ, точно исполняя инструкціи своего патрона, Бенкендорфа, внимательно прислушивался къ общественному мнѣнію и, поскольку могъ его уловить, формулировалъ его такъ:

«Одни говорятъ,—доносилъ онъ шефу жандармовъ,—что это остатки послѣдствій 14 декабря и что уповательно должно быть въ связи съ сосланными. Другіе приписываютъ оное къ броженію ихъ и ложному понятію истиннаго образованія. Въ одномъ домѣ говорили: «Какъ-то и гдѣ будутъ этихъ бездѣльниковъ наказывать?» «Я думаю,—сказалъ нѣкто,—что ихъ повѣсятъ, да и хо-

рошо бы было; это послужило бы примѣромъ нонѣшнимъ ученымъ. Вотъ вамъ просвѣщеніе! Если-бъ кончили воспитаніе Критскихъ русскою грамотою да ариметикою и пошли они по той же дорогѣ, по которой шелъ отецъ ихъ, кондитеръ, то этого бы имъ и въ голову не пришло». «Нѣтъ,—сказалъ другой,—я бы не сталъ ихъ вѣшать; это слишкомъ коротко; а сколько есть въ Москвѣ перекрестковъ, то на всякомъ давалъ бы имъ по нѣсколько ударовъ розгами или плетьюми, чтобъ подолбе прожили и подолбе промучились, а между тѣмъ и всякой бы то увидѣлъ». «А что,—спросилъ одинъ,—какъ вы думаете, допрашиваютъ ли ихъ, напримѣръ, вотъ такъ (показывая, какъ сѣкутъ)?» «Я думаю, что не безъ этого,—отвѣчали,—вѣдь въ Петербургѣ ихъ¹⁾ славно драли, а безъ того правды всей не узнаютъ. Должно полагать, что ихъ завелось гнѣздо, которое надобно вовсе разорить».

Пока москвичи такъ или иначе комментировали открывшееся въ ихъ средѣ тайное общество, комиссія продолжала свое дѣло. Допросъ Таманскаго, Рогова, Салтанова и Матвѣева не далъ сколько-нибудь интереснаго матеріала. Выяснилось только, что первые двое хотя и не принадлежали къ «злому умыслу, но слышали nepозволительныя сужденія и сами позволяли себѣ вольныя слова», а послѣдніе даже и этого не дѣлали.

На очныхъ ставкахъ Михайлъ Критскій отрицалъ показаніе Тюрина о царевубійствѣ, а Василій—подтверждалъ. Схваченный на пути въ Москву изъ имѣнія, Поповъ «скоро остановился въ отвѣтахъ, пришелъ въ слезное раскаяніе, признался въ соучастіи съ Критскими, и утвердительно объявилъ, что «общество ихъ заключалось только въ шести лицахъ»: трое Критскихъ, Лушниковъ, Тюринъ и онъ. Потомъ Поповъ подалъ пространное письменное сознаніе. Еще день—и Михайлъ Критскій призналъ справедливость показаній Тюрина и Лушникова, а Поповъ назвалъ Николая Тюрина, мальчика 16 лѣтъ, сначала казавшагося годнымъ въ члены общества, а потомъ отклоненнаго «по легкомыслію». Его приказано было арестовать вмѣстѣ съ чиновникомъ Петромъ Пальминымъ (22 лѣтъ), жившимъ въ имѣніи матери, въ Тамбовской губерніи, и съ канцеляристомъ Алексѣемъ Шахларевымъ (19 лѣтъ), товарищемъ по службѣ Даниила Тюрина. Тогда же, въ половинѣ сентября, Лушниковъ оговорилъ подпорщика 6-го карабинернаго полка Порфирія Курилова (18 лѣтъ) въ произношеніи дерзкихъ словъ противъ правительства и государя, но Куриловъ совершенно этого не призналъ.

Пальминъ, названный Матвѣевымъ, какъ передавшій ему «дерзновеннѣйшіе стихи», показалъ, что получилъ ихъ отъ поэта Александра Полежаева.

Рѣчь шла объ извѣстномъ стихотвореніи Рылѣва. «Ахъ, гдѣ тѣ острова», написанномъ имъ вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ.

¹⁾ Подразумѣвались декабристы.

Вниманіе комиссіи было обращено главнымъ образомъ на нѣ-
сколько среднихъ строфъ:

Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
.....
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо;
Какъ
Воцарился по ней
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Вѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...

Шахларевъ ничего интереснаго не показалъ и обнаружилъ свою
неприкосновенность къ обществу.

Наконецъ, къ 17 сентября комиссія сочла свою миссію болѣе
или менѣе законченной, и кн. Голицынъ послалъ Бенкендорфу
записку о ея дѣйствіяхъ по 15-е число. Изъ нея мы видимъ,
что удалось узнать отъ допрошенныхъ въ теченіе мѣсячной ра-
боты.

II.

Прибывъ изъ Симбирска въ Москву въ 1826 г. и не посту-
пивъ въ университетъ, Лушниковъ сталъ скучать и искать инте-
ресныхъ знакомствъ. Такимъ оказалось семейство Критскихъ. Съ
первыхъ свиданій въ январѣ 1827 года разговоры ихъ приняли
вполнѣ опредѣленный оттѣнокъ протеста противъ давившаго
Россію деспотизма. «Направленіе ихъ къ преступному умыслу
взяло начало свое изъ объясненій Лушникова съ Василиемъ
Критскимъ при свиданіи въ день страстной пятницы, на берегу
Москвы-рѣки. Говорили они тогда о всеобщемъ употребленіи въ
Россіи иностранныхъ языковъ и обычаевъ и сожалѣли, что рос-
сіяне чуждаются своего отечественнаго. Разговоръ сей былъ по-
вторенъ между ними черезъ нѣсколько дней при бытности Ми-
хаила Критскаго. Сей послѣдній, выхваляя конституціи Англій
и Гишпаній, представлялъ несчастнымъ тотъ народъ, который
состоитъ подъ правленіемъ монархическимъ, и называлъ великими
преступниковъ 14 декабря, говоря, что они желали блага своему
отечеству». Все это привлекло Лушникова. Послѣ многихъ сви-
даній, ему было открыто «тайное желаніе видѣть Россію подъ
конституціоннымъ правленіемъ съ увѣреніями пожертвовать для
того самую жизнь». Лушниковъ заявилъ себя Критскимъ ихъ
единомышленникомъ, но въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ,

видя малочисленность членовъ. Нѣсколько времени спустя, его познакомили съ Даниломъ Тюринымъ, находившимъ необходимымъ «стараться о приобрѣтеніи членовъ и, ежели время усилить ихъ, то принять рѣшительныя мѣры въ разсужденіи» государя: если не дастъ конституцію добровольно, то принудить силою. Наконецъ свели его и съ Поповымъ. Въ маѣ 1827 г. присоединился и Петръ Критскій.

Въ такомъ составѣ онѣ неоднократно совѣщались о ходѣ и развитіи своего общества и предполагали вербовать членовъ среди студенчества, а предсѣдателемъ, по предложенію Михаила Критскаго, избрать А. С. Пушкина. На послѣднее возражалъ Лушниковъ, говоря, что «Пушкинъ нынѣ преданъ большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества». Впрочемъ, обѣ мысли были затѣмъ отвергнуты.

Какъ-то Михайлъ Критскій заговорилъ о царевубійствѣ. Тюринъ находилъ это бесполезнымъ.

— Смерть государя утратить прочихъ особъ царствующей фамиліи и заставить ихъ удалиться въ Германію,—продолжалъ Михайлъ.

— Напротивъ того, примутъ строгія мѣры, такъ что даже и одно неосторожное слово будутъ ссылатъ въ Сибирь,—возражалъ Тюринъ.

— Тѣмъ лучше,—не успокаивался его оппонентъ,—потому что народъ тогда ожесточится.

Въ другой разъ происходилъ такой разговоръ:

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Лушниковъ Михайлъ при братѣ Василии, Поповѣ и Тюринѣ,—до корня или съ корнемъ? То есть лишить ли жизни всю императорскую фамилію или оставить наслѣдника.

— Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуетъ сихъ жертвъ, то я готовъ на все, но для чего губить царя-младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ.

— Вотъ хорошо,—возразилъ Василій,—не можетъ быть вреденъ!

— Къ тому-же,—прибавилъ Поповъ,—за наслѣдника вступишь всякій вѣмецъ, какъ за родную кровь свою.

— Ты долженъ слѣпо слѣдовать нашимъ совѣтамъ,—сказалъ наконецъ, Тюринъ,—какъ тайнамъ Евангелія.

Потомъ Михайлъ, показывая на царскіе портреты въ календарѣ, сказалъ:

— «Смотри на этихъ тирановъ и напITYвай душу твою кровавою местью!»—и, вынувъ два ружья, охотничій ножъ и турецкій ятаганъ, прибавилъ: «Вотъ у насъ есть для нихъ и гостинцы!»

Затѣмъ Василій спросилъ Лушниковъ: «Хочетъ ли онъ жертвовать своею жизнью для спасенія отечества?» 1) «Да!» сказалъ

1) Василій отрицалъ этотъ вопросъ, потому что не сомнѣвался въ рѣшимости Лушниковъ.

Лушниковъ и—«тревожимый совѣсть, хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія, но, ослѣпленный ложными доводами Критскихъ о мпимой любви къ отечеству», остался твердъ. Немудрено, что на вопросъ комиссіи, «почему царевубійство было отсрочено на десять лѣтъ», Лушниковъ отвѣчалъ: «Потому что всякому хотѣлось пожить и для родныхъ, и дабы видѣть плоды своего предпріятія»... Очевидно, не всѣ такъ объясняли свое рѣшеніе.

Лѣтомъ, незадолго до ареста, Михаилъ Критскій ¹⁾ подалъ мысль написать прокламаціи и разбросать ихъ по городу. Сначала мысль эта была одобрена, а потомъ найдена опасной и отвергнута. Зато рѣшено было пользоваться удобствомъ мѣстожителства Критскихъ и Лушникова въ Кремлѣ, ходить по дворцовому корридору и бесѣдовать съ караульными солдатами. Такъ, Лушниковъ ¹помнитъ одного изъ часовыхъ, назвавшего себя Франкомъ, котораго онъ распропагандировалъ и утѣшалъ надеждою на лучшее будущее ²⁾.

Затѣмъ какъ-то Лушниковъ вздумалъ написать прокламацію къ московскимъ гражданамъ въ томъ смыслѣ, что пора утвердить конституціонное правленіе. Когда онъ подѣлился этой мыслью съ Критскими, Василій сказалъ ему: «Мысль хороша, но предпріятіе опасно, ибо могутъ дознаться по почерку руки. А хорошо бы было достать или самимъ сдѣлать буквы для печатанія». Но это предложеніе семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ показалось такъ утопично, что Тюринъ призналъ за лучшее и гораздо менѣе опасное выравнивать прокламацію перомъ подъ печать. Рѣшено было такъ и сдѣлать, и именно въ день празднованія годовщины коронаціи (22 августа), и при томъ положить прокламацію на пьедесталѣ памятника Мину и Пожарскому. Порученіе это должно было быть выполнено по жребію между двумя младшими Критскими и Лушниковымъ. Петръ въ этомъ не участвовалъ, потому что тогда еще не вполне вошелъ въ общество. Друзья надѣялись на поддержку своего предпріятія со стороны обиженного Николаемъ генерала Алексѣя Петровича Ермолова, на симбирскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Баратаева и на генерала Ивашева, отца декабриста... Василій показалъ даже, что у нихъ была надежда имѣть Ермолова во главѣ своего общества.

Петръ Критскій показалъ, между прочимъ, что «любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію возбудились въ немъ наиболѣе отъ чтенія твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ сего было, что погибель преступниковъ 14 де-

¹⁾ Онъ это отрицалъ, а Василій приписывалъ такое предложеніе самому Лушникову.

²⁾ Оказалось, это былъ рядовой Астраханскаго гренадерскаго полка Фравкъ Кухверюкъ. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй четыре раза черезъ тысячу и потомъ навсегда послать на работы въ Бобруйскую крѣпость. По этому поводу не могу не напомнить читателямъ одну очень любопытную и крайне характерную для Николая I резолюцію, положенную имъ на рапортѣ генералъ-губернатора Западной Сибири, гр. Строганова, просившаго разрѣшенія повѣсить пойманную, наконецъ, разбойничью шайку: «Слава Богу, смертная казнь еще не введена въ Россіи и не мнѣ ее вводить; прогнать виновныхъ сквозь строй въ 1000 чел. восемь разъ»...

кабря родила въ немъ негодованіе. Сіе открылъ онъ братьямъ своимъ, которые были съ нимъ одинаковыхъ мыслей. Въ замыслахъ, не исключая и самаго покушенія на жизнь государя императора, участвовалъ, думая, впрочемъ, что сами по себѣ вшестеромъ они ничего не сдѣлаютъ, а между тѣмъ время откроетъ имъ глаза».

Михаилъ Критскій не признался ни въ чемъ, кромѣ вольномыслія и участія въ намѣреніи метать жребій для убійства императора черезъ десять лѣтъ.

Даніиль Тюринъ призналъ источникомъ своего вольномыслія Критскихъ и Лушниковъ. При этомъ онъ сознался, что если бы жребій убить Николая I выпалъ на него, то онъ еще раньше рѣшилъ не осуществить его и отречься отъ общества.

Поповъ тоже считалъ своими учителями Критскихъ. «Мысль моя насчетъ жизни государя въ одно время была ужасна, что показывается письмо мое къ Критскимъ; но никогда она не продолжалась и не тяготила мою совѣсть. Расканіе всегда оную искореняло». Въ указываемомъ письмѣ Поповъ увѣрялъ, что усиливаетъ горящій въ нихъ всѣхъ пламень ненависти къ государю. Мысль его была изображена такъ: *А. Н. М. М. К.* На каждую изъ буквъ сверху, отъ буквы *Н* падала стрѣла. Это должно было символизировать мщеніе народа Александру I, Николаю I, Маріи Павловнѣ, Михаилу Павловичу и Константину Павловичу...

Николай Павловичъ, внимательно прочитавъ отчетъ комиссіи, пожелалъ узнать, какое образованіе получили шестеро главныхъ обвиняемыхъ. Очевидно, судя по ихъ отвѣтамъ, предполагалось оказать то или иное воздѣйствіе по министерству народнаго просвѣщенія, которое всегда отдувалось боками школы и цензуры за всякую внутреннюю смуту.

Свѣдѣнія, полученныя отъ арестованныхъ для отвѣта государю, и для насъ небезынтересны.

Петръ Критскій началъ ученье у нѣкоего Сумарокова, потомъ до 10 лѣтъ наставникомъ его былъ казанскій профессоръ Ероховъ, затѣмъ онъ поступилъ въ московскую губернскую гимназію, откуда черезъ полтора года перешелъ въ пансіонъ Горна, а затѣмъ въ московскій университетъ на отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, которое кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ.

Михаилъ изъ рукъ Сумарокова попалъ къ какому-то Калинину, потомъ къ Горну и готовился у Винкельмана поступить въ университетъ, который при арестѣ уже оканчивалъ. По той же образовательной дорогѣ шелъ Василій.

Лушниковъ кончилъ сибирскую гимназію и, какъ мы уже знаемъ, готовился по латинскому языку, для поступленія въ университетъ, у студента духовной академіи Покровскаго.

Поповъ первой грамотѣ учился у священника, потомъ у родственника, преподавателя латинскаго языка воронежской гимназіи, Вилинскаго, затѣмъ, кончивъ гимназію, поступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ былъ подѣ судомъ «за незаконную и тайную»

продажу переломленной казенной ложки и по окончаніи дѣла исключень съ выдачею документовъ». Послѣ этого поступилъ на нравственно-политическое отдѣленіе московскаго университета.

Тюринъ училсѣ сначала дома, а потомъ въ кремлевской архитектурской школѣ.

Такимъ образомъ, всѣ, кромѣ одного, были людьми или кончившими или заканчивавшими высшее образованіе. Разумѣется, для Николая I этого было достаточно, чтобы приказать министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену смотрѣть за гимназіями и университетами въ оба.

Между тѣмъ, слѣдственная коммиссія заканчивала свои занятія. Лупниковъ назвалъ еще книгопродавца, купеческаго сына Ивана Кольчугина, а по указаніямъ другихъ, кромѣ него, пришлось привлечь еще четырехъ служащихъ въ кремлевской экспедиціи: кол. рег. Алексѣя Тимофѣева, канцеляристовъ Александра Носова и Александра Пашкова и тит. сов. Алексѣя Гонбурцева.

Здѣсь мы остановимся только на показаніяхъ двоихъ изъ нихъ, какъ наиболѣе интересныхъ. Остальныя будутъ упомянуты ниже, въ приговорѣ.

«Данила Тюринъ показалъ, что при прогулкѣ его одинъ разъ въ кремлевскомъ саду съ Михайломъ Критскимъ присоединился къ нимъ Гонбурцевъ. Они, желая сдѣлать его единомышленникомъ, начали обнаруживать мысли свои, говорили о притѣсненіи низшаго народа русскаго и чрезвычайно деспотическомъ обращеніи съ солдатами. Когда же дошелъ разговоръ до бывшихъ обществъ, то всячески старались доказать ему, что люди, находившіеся въ тѣхъ обществахъ, истинно добродѣтельные, желавшіе блаженства своей родинѣ; что они неоспоримо заслуживаютъ вѣчную славу и что наказаны чрезвычайно жестоко. Тюринъ, присовокупляя еще мысль о конституціи, сказалъ Критскому:

— Отчего самъ государь не вздумаетъ ограничить свою власть?

— Вотъ прекрасно! — возразилъ Критскій. — Онъ захочетъ быть связаннымъ! Да къ тому же ему лестно, что глупый бородатый народъ почитаетъ его почти Богомъ, а тогда не будетъ въ такомъ уваженіи.

— Положимъ, что такъ, — прервалъ его Тюринъ, — но добродѣтельному человѣку, кажется, лучше всѣхъ почестей: не имѣть ни малѣйшаго права дѣлать зло съ полнымъ, однако же, правомъ дѣлать добро.

— Да что говорить — сказалъ Критскій — этого не можетъ быть!

Гонбурцевъ больше молчалъ и почти не спорилъ, — по словамъ Тюринна, и наоборотъ — по словамъ Михайла Критскаго, не соглашался съ ними.

Тимофѣева Тюринъ обвинялъ въ томъ, что когда было говорено о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, то онъ соглашался съ этимъ. Однажды онъ сказалъ, что ему не нравится наслѣд-

ственный престолъ. «Хорошо, если государь умнѣйшій человѣкъ, на примѣръ, какъ Петръ Великій, а то какой нибудь безсмысленный, вертитъ государствомъ, какъ хочетъ».

III.

Наконецъ, въ началѣ декабря московскій фельдъегерь повезъ въ Петербургъ окончательный докладъ слѣдственной комиссіи. 21 декабря Николай I подтвердилъ въ измѣненномъ видѣ проектъ приговора. Ознакомимся съ нимъ въ окончательномъ видѣ.

Во главѣ стояли *трое Критскихъ, Лушниковъ, Поповъ и Даниилъ Тюринъ*. «Сія шесть человѣкъ, составивъ между собою тайное общество, умышляли на жизнь Его Величества Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи, предполагая сіе въ дѣйствіе произвести не иначе, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, а между тѣмъ было у нихъ условіе: стараться умножать членовъ, изыскивать средства для преобразования государства, ввести конституціонное правленіе, возбуждать негодованіе солдатъ противъ правительства, приготовляться къ бунту и, написавъ прокламаціи къ московскимъ жителямъ, положить оную на монументѣ Минина и Пожарскаго. Сверхъ того изъ нихъ Лушниковъ, Петръ Критскій и Поповъ произносили къ портретамъ Государя Императора дерзкія и оскорбительныя слова; при томъ Лушниковъ былъ ожесточенъ до такой степени, что дерзнулъ на портретѣ блаженной памяти Государя Императора выколоть глаза». Резолюція Николая: «Лушниковъ и Петра Критскаго отправить въ Шварцгольскую крѣпость. Михаила и Василія Критскихъ отправить въ Соловецкій монастырь. Попова и Тюрина отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Салтановъ—«Имѣлъ разговоръ съ Критскими и соглашался съ ними, что въ Россіи войско содержится строго и что неприятельской уронъ описывается, а о нашемъ умалчивается, разумѣя сіе о персидской войнѣ. Впрочемъ, Салтановъ не сознался, чтобы когда либо слышалъ отъ Критскихъ возмутительныя противъ правительства слова». Резолюція: «Отправить на службу въ Оренбургъ».

Матвѣевъ—«Соглашался при разговорѣ съ Лушниковымъ въ томъ, что въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, что весьма дурно служить чиновникомъ и что должно перемѣнить правленіе: совѣтовалъ Критскимъ быть осторожными, произносилъ вольныя слова противъ нравственности и правительства и читалъ, безъ всякаго, впрочемъ, умысла, дерзкіе стихи. Но когда Критскіе говорили о вольности народа и объ ограниченіи власти Государя Императора, то Матвѣевъ отъ сего удерживалъ ихъ». Резолюція: «Простить».

Таманскій—«Слышалъ разговоръ Лушниковъ, что въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, что несправедливо наказаны пре-

ступники за возмущеніе 14 декабря, притомъ самъ признавалъ необходимымъ ввести конституцію и что лучше было бы тѣхъ преступниковъ разстрѣлять; но это было, по словамъ Таманскаго, только разсужденіе, не имѣющее, впрочемъ, никакого основанія, при уликѣ же его Василиемъ Критскимъ въ произношеніи дерзкихъ словъ, что надобно возвести на тронъ и государя русскаго, Таманскій отозвался, что сказалъ сіе самъ Критскій; а какой на то былъ отвѣтъ его, Таманскаго, не помнитъ». Резолюція: «Отослать на службу въ Пермь».

Роговъ—«Слышалъ, что Критскіе имѣютъ образъ мыслей весьма вольный и несоотвѣтственный кореннымъ законамъ; что Василій Критскій часто судилъ о правительствѣ и начальникахъ, что сіи послѣдніе нехороши и не должны быть иностранцы; разсуждая же Роговъ съ Критскимъ о политическомъ правѣ, говорилъ и о конституціяхъ Юстиніана, что ими управлялась Римская имперія, не зная о злоумышленіи Критскихъ». Резолюція: «Велѣтъ избрать родъ службы и отправить, гдѣ быть подѣ строгимъ присмотромъ».

Николай Тюринъ—«Слышалъ разговоры злоумышленниковъ, будто бы не было отъ роду у насъ закона, чтобы вѣшали, а Государь выдумалъ; что варварское наше правительство за бездѣлицу радо человѣка до смерти убить; что хотѣли они нѣмцевъ и французовъ, нелюбя ихъ, изгнать, а справясь о родѣ государя, въ какой оной земли, ужасно досадовали, что иностранцы русскими правятъ и что умныхъ всѣхъ сослали въ Сибирь; когда же Критскіе предлагали Тюрину, чтобы былъ онъ сообщникомъ ихъ, то онъ тогда о семъ промолчалъ». Резолюція: «Отправить на службу въ Вятку».

Шахларевъ—«Не зная, что Лушниковъ былъ членомъ тайнаго общества и слыша отъ него слѣдующій вопросъ: «Желаешь ли ты счастья своему отечеству и имѣешь ли столько твердости, чтобы для достиженія сего, въ случаѣ нужды, пожертвовать даже своею жизнью?» отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія», ибо какой изъ вѣрныхъ подданныхъ не захочетъ умереть за Государя и отечество. Послѣ чего Шахларевъ старался вывѣдать отъ Лушникова тайну его сердца съ тѣмъ, чтобы, донеся начальству, получить названіе Вѣрнаго¹⁾, для чего даже рѣшился произнести дерзкія на счетъ Государя выраженія; однако, изъ невразумительныхъ словъ Лушникова ничего не могъ понять. Притомъ Шахларевъ говорилъ Лушникову, что Его Величеству царствовать два года, основываясь въ томъ на имѣвшейся у него книгѣ въ 1801 году, сочиненной на 200 лѣтъ, въ коей сказано (безъ означенія державы), что вступившій въ нынѣшнемъ году государь долженъ царствовать три года». Резолюція: «Простить».

Пальминъ—«Имѣлъ у себя вышеупомянутые дерзкіе стихи,

¹⁾ Февидно, Шахлареву не давали покоя лавры выдавшаго декабристовъ Шервуда, награжденнаго Николаемъ I прозваніемъ „Вѣрный“.

полученные имъ отъ бывшаго студента Полежаева, который выдавалъ оныя за сочиненіе Рылѣева; при томъ Пальминъ, по просьбѣ артиллерійскаго офицера Бредихина, вписалъ сіи стихи въ тетрадь его, не размышляя о худыхъ послѣдствіяхъ. Полежаевъ объявилъ, что зналъ о содержаніи тѣхъ стиховъ, но это не онъ сочинилъ, и передавалъ ли онъ ихъ Пальмину, не помнитъ». Резолюція: «Отправить на службу въ Вологду».

Кольчугинъ—«Оговоренъ Лушниковымъ въ томъ, что когда онъ, спрашивая у Кольчугина о цѣнѣ книги подъ заглавіемъ: «Думы» Рылѣева, и выхваляя геній его, сожалѣлъ объ участи Рылѣева, то Кольчугинъ сказалъ сіи слова: «То, за что онъ погибъ, увѣковѣчить его память; слѣдственная комиссія выставила ихъ дураками; они бы по нашему, по-просту, изъ-за уголка». Когда же Лушниковъ сказалъ Кольчугину иронически: «Пойти помолиться за царя и поставить за него свѣчку», то и Кольчугинъ примолвилъ: «Да ужъ и отъ меня поставьте сальную». Кольчугинъ противъ сего оговора ни въ чемъ не сознался. Потомъ на очной ставкѣ съ Лушниковымъ объяснялъ, что не помнитъ, былъ ли разговоръ о Рылѣевѣ; если же вышеозначенные вопросы были порывистые, то основаны не на другомъ чемъ, какъ на однихъ только разговорахъ. Всѣ тѣ вопросы вырвались по молодости лѣтъ и справедливы, а слова: «По нашему бы, по-просту, изъ-за уголка» такъ же могли вырваться, но безъ цѣли и безъ мыслей, и какъ оныя слова, такъ и вопросы могутъ быть извинительны, прося снисхожденія у присутствующихъ». Резолюція: «Простить, держа подъ строгимъ присмотромъ».

Гонбурцевъ, Тимофѣевъ, Носовъ и Пашковъ—«Оговорены Данииломъ Тюринымъ въ произношеніи при разговорѣ съ нимъ дерзкихъ выраженій и въ слышаніи отъ него, Тюрина, таковыхъ на счетъ Государя Императора, правительства, притѣсненія солдатъ въ военномъ поселеніи и крестьянъ; но всѣ сіи оговоренныя лица ни въ какомъ злоумышленіи и въ знаніи объ ономъ не сознались, показывая изъ нихъ нѣкоторые, что, слыша неприличные разговоры Тюрина, всегда опровергали оныя, или, почтя то шуткою и легкомысленностью, вовсе отъ него удалялись». Резолюція: «Всѣхъ простить, но изъ кремлевской экспедиціи уволить и употребить на службу внѣ Москвы».

Канцеляристъ Иванъ *Мейенъ*—«Оговоренъ также Данииломъ Тюринымъ въ произношеніи дерзкихъ выраженій на счетъ правительства, но въ семъ Мейенъ сдѣлалъ отрицаніе, а сознался въ томъ только, что когда были взяты по сему дѣлу Критскіе, то, повстрѣчавшись, онъ, Мейенъ, съ Тюринымъ въ саду, безъ всякаго намѣренія, шутя говорилъ ему: «Что, тебя еще не взяли за то, что ты былъ знакомъ съ Критскими²⁾». Резолюція: «Простить» ¹⁾.

¹⁾ Подпоручикъ Кярловъ признавъ бытъ слѣдственной комиссіей не принадлежащимъ обществу и не знавшимъ о преступныхъ его намѣреніяхъ. Почему онъ не включенъ въ докладъ—неизвѣстно.

IV.

21 ноября 1827 года Николай I положилъ всё вышеприведенныя резолюціи.

19 декабря Михаила и Василя Критскихъ отправили въ Соловецкій монастырь, 21-го—Попова и Данила Тюрина въ Шлиссельбургъ, а 24-го—Лушникова и Петра Критскаго въ Шварцгольмскую крѣпость. Остальные изъ не получившихъ прощеніе ждали отправленія. Наконецъ, 9 января увезли Салтанова, Таманскаго, Николая Тюрина и Пальмина. Вскорѣ выѣхали и Гонбурцевъ, Тимофѣевъ, Носовъ и Пашковъ.

За исключеніемъ четырехъ послѣднихъ, никому не было разрѣшено повидаться и попрощаться съ родителями и родственниками.

Пальминъ прожилъ въ Вологдѣ меньше мѣсяца и, послѣ ужасныхъ страданій, бывшихъ послѣдствіемъ простуды въ дорогѣ, 8 февраля 1828 г. умеръ.

Лушниковъ и Петръ Критскій, проживъ очень недолго въ Шварцгольмской крѣпости, въ маѣ 1828 г. были переведены въ Кексгольмскую. Черезъ годъ, по соображеніямъ чисто военнаго характера, они были перевезены въ Нейшлотскую крѣпость, гдѣ для нихъ были приготовлены два спеціальныя каземата.

Родителей и потомъ никто не счелъ долгомъ увѣдомить о судьбѣ сыновей, а послѣднимъ не дали права написать самимъ.

Долго крѣпился старикъ Лушниковъ, но, наконецъ, рискуя по Николаевскимъ временамъ службой, въ февралѣ 1831 года обратился къ Бенкендорфу съ вопросомъ, гдѣ его сынъ и за что наказанъ?—Бенкендорфъ приказалъ отвѣтить, что молодой Лушниковъ «живъ и здоровъ», писать ему можно черезъ III Отдѣленіе, но ни адреса, ни вѣны сына отцу такъ и не сообщили. Въ апрѣлѣ 1834 г. Николай I приказалъ облегчить участь Лушникова и отправить его въ Ревельскую арестантскую роту. Переписка отца съ нимъ кое какъ наладилась. Въ серединѣ 1836 года оренбургскій генераль-губернаторъ, по просьбѣ служившаго у него отца Лушникова, ходатайствовалъ о переводѣ сына въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ своего отдѣльнаго корпуса, но получилъ отказъ. Въмѣсто Оренбурга Лушникова перевели матросомъ въ 10 флотскій экипажъ; въ апрѣлѣ 1837 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, и только въ октябрѣ 1839-го переведенъ въ 3-й линейный Оренбургскій батальонъ. Въ мартѣ 1841 г. ему дали чинъ коллежскаго регистратора съ оставленіемъ, однако, на службѣ въ Оренбургѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію генераль-губернатора и въ мартѣ 1847 года получилъ отставку по болѣзни... Но двадцать лѣтъ наказанія не вполнѣ удовлетворили правительство. За Лушниковымъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ и воспрещенъ выѣздъ изъ предѣловъ губерніи. Только по манифесту 26 августа 1856 года онъ былъ освобожденъ отъ надзора и получилъ право повсемѣстнаго жительства.

Не успѣлъ Василий Критскій прїѣхать въ Соловецкїй монастырь, какъ сообразили, что надо исправить ошибку государя и не помѣщать братьевъ въ одномъ мѣстѣ. Василия сейчасъ же увезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, на мѣсто Попопа, посланнаго на смѣну его въ Соловки. Мать Критскихъ, по второму мужу Григорьева, неотступно просила московскаго жандарма, генерала Волкова, сказать ей, гдѣ ея сыновья. Волковъ запросилъ Бенкендорфа. Послѣдній поручилъ отвѣтъ своему помощнику, Мордвинову, а тотъ, не справившись хорошенько, сообщилъ, что двое младшихъ въ Соловкахъ, а Петръ въ Нейшлотѣ... Переписка была разрѣшена, какъ и Лушникову, черезъ III Отдѣленіе. 21 мая 1831 года Василий Критскій умеръ въ шлиссельбургскомъ казематѣ «отъ изнурительной лихорадки», а въ октябрѣ несчастная мать, вичего не подозрѣвая, подала прошеніе о прощеніи своихъ сыновей. Николай написалъ: «Оставить безъ послѣдствій... Черезъ два года она снова просить, Николай I снова отказываетъ. Смерть Василия все еще скрывалась. Даже Бенкендорфъ узналъ о ней лишь черезъ четыре года и только въ январѣ 1836-го освѣдомилъ объ этомъ мать...

Петръ Критскій въ апрѣлѣ 1834 года былъ переведенъ въ Свеаборгскую арестантскую роту съ приказаніемъ перевести его потомъ въ полевой полкъ, если того «по поведенію заслуживать будетъ». Въ это время Михаилъ былъ переведенъ рядовымъ въ Мингрелію, въ 5-й Черноморскій батальонъ, а затѣмъ и Петръ—въ 5-й Финляндскій линейный батальонъ. Переводъ Михаила изъ Соловокъ произошелъ благодаря совершенно случайной ревизіи этой «святой обители» жандармскимъ подполковникомъ Озерек-ковскимъ, вызванной беспорядками въ ея «благочестивыхъ» стѣнахъ. Критскаго настоятель монастыря аттестовалъ «живущимъ во все время смирно»¹⁾.

Михаилъ вскорѣ былъ убитъ въ сраженіи съ лезгинцами, о чемъ мать узнала только черезъ годъ. Петръ въ сентябрѣ 1839 года произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ срединѣ 1841 года Григорьева въ третій разъ просить о прощеніи уже послѣдняго своего сына, но Николай I рѣшаетъ иначе: «Перевести въ 6-й корпусъ». И только въ слѣдующемъ году, по четвертой просьбѣ восьмидесятилѣтней старухи, Петра уволили въ отставку и возвратили ему чинъ коллежскаго регистратора. Въ столицу, однако, онъ вѣзжать не могъ. Въ іюлѣ 1855 года, въ виду коронаціи, Критскій просилъ разрѣшить ему жить въ Москвѣ, такъ какъ иначе безъ помощи специалистовъ рисковалъ остаться слѣпымъ. Разрѣшеніе было дано.

Въ 1832 году мать братьевъ Тюриныхъ обратилась къ Бенкендорфу съ просьбой исходатайствовать имъ прощеніе. На запросъ

¹⁾ Я не буду распространяться о жить-бытьѣ въ Соловецкой тюрьмѣ, интересующіеся найдутъ о ней много интереснаго въ статьяхъ М. А. Колчина въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. X—XII и 1888 г. I—II и А. С. Пругавина—въ „Правдѣ“.

вятскаго губернатора о Николаѣ получился отвѣтъ, что опредѣленный сначала въ губернское правленіе, а затѣмъ... кварталнымъ надзирателемъ въ самой Вяткѣ, онъ вполне заслуживаетъ милости. Въ октябрѣ государь положилъ резолюцію: «Согласенъ и, сообразно просьбѣ самого Николая Тюрина, (его перевели въ московскій военно-рабочій батальонъ. О Данилѣ, какъ видимъ, у правительства не было и рѣчи. Онъ обреченъ былъ на долгое крѣпостное заключеніе. Въ декабрѣ 1838 г. ужъ шлиссельбургскій комендантъ, ген.-лейт. Заборинскій I, самъ просилъ Бенкендорфа о прощеніи «приносящаго раскаяніе въ сдѣланномъ имъ въ молодыхъ лѣтахъ поступкѣ» Данила. Бенкендорфъ спросилъ Заборинскаго, не желаетъ ли Тюринъ поступить рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ? Тюринъ не выразилъ на это согласія, благодаря слабому здоровью. Но на это не обратили вниманія, и въ началѣ 1839 г. онъ былъ переведенъ туда рядовымъ.

Прошло еще два года. Онъ оказалъ подвиги храбрости въ сраженіяхъ, гдѣ погибъ одинъ изъ Критскихъ, а прощенія все не было. Сестра его, Вѣра, просила государя о милости, но тщетно. Наконецъ, сердце ея не выдержало. Въ мартѣ 1840 г. она пишетъ Бенкендорфу письмо, полное трагизма и отчаянія. Привожу его полностью, исправивши лишь слегка орфографію подлинника.

«Сіятедьнѣйшій графъ! Милостивый Государь! Александръ Христофорычъ! Осмѣлюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, оправдайте меня противъ Государя! Я написала въ просьбѣ Государю, что я знаю вину братьевъ. Ваше Сіятельство, вотъ что я знала. 1826 года я была съ просьбой у князя Юсупова, князь дерзнулъ мнѣ предложить за мое безчестіе 50 тысячъ, я ему сказала не надо милліона, мнѣ должно молиться за Государя! ¹⁾ Въ 1827 году братьевъ взяли, князь прислалъ мнѣ сказать, ежели согласусь быть его, то онъ моихъ братьевъ освободить. Я приказала сказать, что не согласна; братьевъ сослали—на меня напала тоска. Я прибѣгнула къ тайнству покаянія и все рассказала на исповѣди. Ваше Сіятельство, ежели вамъ угодно узнать, правду ли я пишу,—я исповѣдалась десять лѣтъ у Николая Явленнаго, что на Арбатѣ; теперь этотъ священникъ архимандритъ, онъ живъ, ваше сіятельство, я много разъ подавала просьбы Государю, просила на бѣдность; мнѣ изъ комитета даютъ 25 руб. въ годъ. Чѣмъ жить? Осмѣлюсь прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, доложите Государю! не дайте умереть голодною смертію, заставьте за себя во всю жизнь молиться, Ваше Сіятельство; матушка не имѣетъ вдовьяго жалованья изъ воспитательнаго дома; вы въ силахъ положить матушкѣ вдовье жалованье; самъ Богъ васъ награждаетъ. Вотъ наше состояніе: домъ, который развалился, жильцовъ нѣтъ, нечѣмъ жить, едва мы не умираемъ съ голоду. Ваше Сіятельство, войдите въ наше ужасное положеніе: требуютъ за домъ двѣсти рублей казенныхъ податей, а намъ ѣсть нечего.

¹⁾ Кн. Н. Б. Юсуповъ былъ начальникомъ кремлевской экспедиціи дворцоваго строенія.

Ваше Сіятельство, на васъ вся надежда, не дайте умереть съ голуду. Я содержу престарѣлую матушку. Ваше сіятельство, осмѣлюсь напомнить вамъ о моемъ братѣ Даниилѣ, скажите ради Бога, живъ ли онъ или умеръ? Удостоите увѣдомить, дабы ваше сіятельство во всю мою жизнь буду молиться за васъ, чтобъ Богъ продлилъ драгоцѣнные дни ваши для блага отечества, преданности съ каковыми имѣю честь быть, Милостивый Государь, Ваше Сіятельство всепокорнѣйшая служница *Впра Тюриня*».

Конечно, III Отдѣленію нужно было сдѣлать одно изъ двухъ: или начать дѣло противъ кн. Юсупова, или, строго слѣдуя Николаевскому правилу, признать Тюрину... сумасшедшей. Разумѣется остановились на второмъ. Дубельтъ прямо написалъ: «Нѣкоторые выраженія того письма, будто князь Юсуповъ предлагалъ ей за безчестіе 50 тысячъ рублей и обѣщалъ освободить ея братьевъ, если она продается ему, заставляють заключить объ умственномъ ея разстройствѣ»... Только послѣ второго прошенія Тюриней на имя Бенкендорфа, въ декабрѣ 1840 г. ей было сообщено, что Даниилъ живъ, но не сказано, гдѣ онъ. Въ 1843 г. онъ былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ Коломну подъ надзоръ, гдѣ впервые и увидѣлся съ пріѣхавшей туда сестрой. Въ 1855 году Тюринъ переѣхалъ въ Одессу, поступивъ въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ Юж. края Россіи. 26 августа 1856 г. коронаціоннымъ манифестомъ объ амнистіи онъ былъ освобожденъ отъ надзора.

Поповъ до 1835 г. прожилъ въ душномъ, смрадномъ, сыромъ и холодномъ казематѣ Соловецкаго монастыря. Произошло это, какъ я уже говорилъ, по представленію Озерецковскаго. Въ вѣдомости объ узникахъ, поданной Озерецковскому настоятелю тюремнаго монастыря, Поповъ аттестуется, какъ «иногда оказывающій грубости, во нравѣ вздорный». Поповъ былъ переведенъ рядовымъ въ Мингрелію. Что съ нимъ было послѣ, изъ дѣла не видно.

Таманскій, какъ самый молодой, послѣ Николая Тюриня, оказался особенно счастливымъ: пермскій губернаторъ прислалъ прекрасную аттестацію его за три года, и въ январѣ 1832 г. онъ былъ прощенъ совершенно.

Въ одинъ день съ нимъ получилъ прощеніе и Салтановъ. Въ мартѣ 1830 г. мать его, вдова, просила государя о прощеніи единственнаго своего кормильца. Запрошенный по этому поводу оренбургскій генераль-губернаторъ, гр. Сухтеленъ, отвѣчалъ, что еще предшественникъ его опредѣлилъ Султанова въ оренбургскій уѣздный судъ, а затѣмъ за усердную службу перевелъ въ свою канцелярію. Прошеніе матери полагалъ бы удовлетворить. Но Салтановъ самъ не вполне воспользовался прощеніемъ: онъ добровольно остался на службѣ при гр. Сухтеленѣ, сѣздивъ ненадолго къ матери въ Москву.

Что случилось съ Роговымъ, и куда онъ былъ отправленъ въ 1828 г.—изъ дѣла не видно.

Гонбурцевъ, Тимофѣевъ и Носковъ, прїѣхавъ въ Рязанскую губернію, не могли найти себѣ службы, потому что ихъ формуляры были испорчены записью Высочайшей кары. Тогда они обратились съ просьбой къ Волкову, чтобъ тотъ помогъ имъ опредѣлиться хоть куда-нибудь. Волковъ написалъ Бенкендорфу—и мѣстному начальству было внушено, что всѣ трое не лишены права на продолженіе государственной службы.

Относительно Пашкова ничего неизвѣстно.

V

Дѣло Критскихъ не нуждается въ комментаріяхъ. Царствованіе Николая I тѣмъ и отличительно, что каждый его документъ дышетъ кровью, потоки которой текли въ типши многочисленныхъ застѣнковъ... Вникните теперь въ дѣло братьевъ Критскихъ и попробуйте отдать себѣ отчетъ, за что погибло столько людей? За что было разбито столько молодыхъ жизней? Только за разговоры въ болѣе или менѣе тѣсной компаніи, только за скрыто выраженное неудовольствіе системой кнута и тріадою православія, самодержавія и народности. Люди не только ничего не совершили преступнаго, но даже не предприняли тѣхъ шаговъ, безъ наличности которыхъ, по здравому смыслу и основамъ права, ихъ нельзя обвинять въ *покушеніи*, даже въ твердо выраженномъ *намѣреніи*... И за это Шлиссельбурги, Швартольмы, Соловки!

Мих. Лемке.

Къ дѣлу И. Н. Мышкина.

Въ февральской книгѣ „Былого“ напечатана статья М. Р. Попова „Къ биографіи И. Н. Мышкина“. Въ ней разсказана исторія послѣднихъ дней Мышкина и его смерти. Мы имѣемъ возможность привести показаніе Ипполита Никитича Мышкина, данное имъ 30 декабря 1884 г. въ Шлиссельбургской тюрьмѣ начальнику жандармскаго управленія полковнику Покрошинскому.

„Зовутъ меня Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, ссыльно-каторжный государственный преступникъ, вѣроисповѣданія православнаго, отъ роду имѣю 37 лѣтъ; далѣе на спросъ поясняю, что 25 декабря я, дѣйствительно бросилъ тарелку въ офицера-смотрителя въ 7 часовъ вечера; тарелка эта лежала у меня на столѣ. Когда былъ спрошенъ смотрителемъ о причинѣ моего проступка, отвѣтилъ, что хочу смертной казни. Я не сдѣлалъ это съ намѣреніемъ оскорбить смотрителя, чтобы въ этомъ былъ поводъ къ достиженію смертной казни. Причины побудившія меня желать смертной казни, согласно требованія выражаться короче, слѣдующія: 1) изгладить зло, проистекшее помимо моей воли для всѣхъ политическихъ преступниковъ изъ-за моего участія къ побѣгу; 2) содѣйствовать вообще къ гуманному рѣшенію тюремнаго вопроса; 3) насмѣшки надо мною, что я вель себя въ послѣднее время хорошо исключительно подѣ устрашающимъ (вліяніемъ смертной казни Минакова; и 4) показать рѣзкое противорѣчіе между требованіями христіанской нравственности и отношеніемъ къ политическимъ заключеннымъ. Послѣ того, какъ я кинулъ тарелку, меня били жандармы даже тогда, когда я связанный лежалъ на полу; причеиъ представляю клокъ волосъ, вырванный изъ бороды. Въ числѣ насмѣшекъ и оскорбленій, слышанныхъ отъ смотрителя, я считаю нужнымъ привести слова: „Если тебѣ невыносима жизнь, то вѣшайся, и чортъ тебя дери“. Подробное развитіе указанныхъ выше четырехъ причинъ моего поступка я отлагаю до судебного разбирательства, такъ какъ, по словамъ коменданта, это теперь не идетъ къ дѣлу. Говоря о побѣгѣ, я имѣлъ въ виду покушеніе на побѣгъ въ Сибири. Я ранѣе, еще въ августѣ мѣсяцѣ, просилъ смертной казни, но просьба моя не была уважена. Относительно насмѣшекъ, какъ сказано въ 3-мъ пунктѣ моего показанія, поясняю, что офицеръ-смотритель не дѣлалъ лично, то-есть глазъ-на-глазъ, никакихъ насмѣшекъ относительно того, что я вель себя въ послѣднее время хорошо исключительно подѣ устрашающимъ вліяніемъ смертной казни Минакова; но, кажется, въ концѣ сентября или октября я слышалъ въ этомъ родѣ насмѣшки въ корридорѣ около моей камеры и не могу утвердительно сказать, былъ ли въ числѣ говорившихъ смотритель.“

Карійская трагедія.

(Изъ воспоминаній).

I.

Посѣщенія разнаго высшаго начальства были, пожалуй, единственнымъ развлеченіемъ Карійской каторги. Суета начиналась задолго. Ремонтировались крыши, бѣлились стѣны казенныхъ зданій, выравнивались дороги, осматривались лошади и экипажи подъ почетнаго гостя и его свиту. Тюремная, горная и военная администраціи трепетали авансомъ. Да и какъ было не трепетать? За каждымъ служащимъ, отъ высшаго до самой мелкой сошки, водились грѣшки. Кара заключала въ себѣ два источника богатствъ: золото и ссыльно-каторжныхъ. Золото добывалось изъ земли, а затѣмъ приблизительно одна четверть его торжественно отправлялась собственнику, т. е. кабинету его величества, а три четверти въ Китай, обогащая попутно цѣлую организованную армию посредниковъ. Но золото—капризный источникъ: надо умѣть его найти. Второй источникъ—болѣе вѣрный. Для содержанія нѣсколькихъ тысячъ каторжниковъ требуется не мало продуктовъ и матеріаловъ, которые надо купить, доставить и потомъ раздѣлить. Какъ ни ничтоженъ арестантскій паекъ, а обогащается имъ тюремная администрація, вѣроятно, всего свѣта. Любой смотритель каторжной тюрьмы въ нѣсколько лѣтъ становится обыкновенно не только зажиточнымъ, но и богатымъ, а жалованьишко имъ въ былыя времена полагалось прямо нищенское. Какъ же тутъ не трепетать, ожидая большое начальство? Трепетали буквально всѣ. Надо еще замѣтить, что Карійская администрація, за рѣдкими исключеніями, состояла изъ офицеровъ и чиновниковъ съ подмоченной репутаціей. Были судившіеся за разныя некрасивыя дѣла, но помилованные, были состоявшіе подъ слѣдствіемъ, но избѣгшіе суда, были и такіе, которыхъ послали на Кару, какъ въ послѣднее прибѣжище, гдѣ ихъ будутъ терпѣть до перваго случая. Однимъ словомъ, компанія — первый сортъ. По опыту знали они всѣ, что большое начальство любитъ торжественную встрѣчу, хорошее угощеніе, наружный блескъ помѣщеній, веселый

и бодрый видъ нижнихъ чиновъ и арестантовъ, опять хорошее угощеніе и торжественныя проводы. Сообразно съ этимъ выработался и соотвѣтствующій церемоніаль. Торжественная встрѣча съ почетнымъ карауломъ, ординарцами и т. п. аксессуарамъ, приличное угощеніе, отдохновеніе, представленіе начальниковъ отдѣльныхъ частей, опять угощеніе и отдохновеніе. Посѣщеніе тюремъ обыкновенно начиналось на другой день по приѣздѣ. Хотя часъ посѣщенія той или другой тюрьмы приблизительно опредѣлялся, но смотрителя и командиры казачьихъ сотенъ отъ промысла до промысла на высокихъ мѣстахъ разставляли махальныхъ. Тюрьма блеститъ чистотой, арестанты въ новыхъ, выданныхъ на время посѣщенія, халатахъ. Смотритель въ полной формѣ нервно прохаживается у воротъ, сотенный командиръ производитъ безпрерывную репетицію рапортованія караульнаго начальника. Наконецъ, гдѣ-то кричатъ: «Сяль, сяль!» т. е. особа на ближайшемъ промыслѣ сѣла уже въ экипажъ. Всѣ замираютъ въ томительномъ ожиданіи. Вдали виднѣтся пыль. Впереди мчатся конные казаки, потомъ экипажъ съ начальствомъ; у подножки полицей-мейстеръ на лихомъ конѣ, въ видѣ тѣлохранителя, потомъ опять казаки, а за ними съ десятокъ экипажей со свитой и мѣстными заправилами. Все это сытое, самодовольное, послѣ хорошаго завтрака съ выпивкой и въ ожиданіи параднаго обѣда, съ тостами, рѣчами, музыкой и обильными возліянiями. Быстрая ѣзда въ удобныхъ экипажахъ, короткія остановки на каждомъ промыслѣ для быстрого обхода тюремъ, казармъ и лазаретовъ,—одинъ изъ пріятныхъ эпизодовъ триумфальнаго объѣзда ввѣреннаго края...

Въ августѣ 1888 года такое триумфальное путешествіе по ввѣренному краю совершалъ приамурскій генераль-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ. Карійское начальство встрѣтило его чествомъ. Тюремный инспекторъ Д. Ф. Коморскій, завѣдывавшій въ то время уголовной каторгой, сумѣлъ показать товаръ лицомъ, и баронъ приходилъ въ восхищеніе, цѣловался, жалъ руки, благодарилъ. Ревизія (такія увеселительныя поѣздки называются ревизіями) сошла блистательно, и у барона и его свиты остались бы о Карѣ самыя теплыя воспоминанія, если бы не одинъ непріятный инцидентъ. Въ женской политической тюрьмѣ въ селеніи Усть-Кара безсрочная каторжанка Е. Н. Ковальская не встала при посѣщеніи генераль-губернатора и на замѣчаніе послѣдняго отвѣтила «дерзко».

Въ то время политическія каторжанки содержались на Карѣ въ трехъ помѣщеніяхъ: на Усть-Карѣ въ одномъ зданіи—Е. Н. Ковальская, М. П. Ковалевская, М. В. Калюжная, и Н. С. Смирницкая; въ другомъ:—С. А. Лешернъ, А. П. Корба, П. С. Ивановская, М. Ананьина и А. В. Якимова; на нижнемъ промыслѣ въ тюремномъ лазаретѣ—Е. И. Россиякова и С. Н. Богомолецъ. Каторжане политическіе помѣщались въ особой политической тюрьмѣ, въ двухъ верстахъ отъ Нижняго промысла. Человѣкъ десять политическихъ каторжанъ находились на Нижнемъ про-

мысль въ такъ называемой вольной командѣ, т. е. числились каторжанами, получали паекъ и арестантское платье, но жили на волѣ въ домикахъ, прибрѣтенныхъ тюремной артелью. Готовую пищу и другіе продукты они получали изъ тюрьмы. Всѣми политическими каторжанами завѣдывалъ особый жандармскій офицеръ, независимый отъ мѣстной тюремной администраціи, но подчиненный забайкальскому губернатору и приамурскому генералъ-губернатору. Въмѣсто тюремныхъ надзирателей, въ политическихъ тюрьмахъ дежурили жандармскіе унтеръ-офицеры; они же по два раза въ день посѣщали квартиры политическихъ вольнокомандцевъ. Въ экономическомъ отношеніи мужская политическая тюрьма и вольная команда составляли одну потребительную артель. Получавшіяся отъ родныхъ деньги составляли общую собственность и шли на улучшеніе пищи. Исполнительная власть по экономическимъ дѣламъ въ тюрьмѣ принадлежала выборному старостѣ; онъ же велъ переговоры съ жандармскимъ офицеромъ и смотрителемъ по другимъ текущимъ тюремнымъ дѣламъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ тюрьма или поручала представительство тому же старостѣ, или же выбирала особаго представителя. Кромѣ старосты, тюрьма выбирала библиотекаря, на котораго возлагалось иногда также завѣдываніе конспиративными дѣлами, т. е. тайными сношеніями съ вольной командой и женской тюрьмой. Въ вольной командѣ былъ свой староста, который являлся агентомъ тюрьмы: получалъ у жандармскаго офицера деньги, производилъ закупки по заказамъ изъ тюрьмы, завѣдывалъ артельнымъ имуществомъ: домами, лошадьми, коровами; вольно-командскій библиотекарь, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, также завѣдывалъ конспираціями: устраивалъ сношенія съ тюрьмами и съ внѣшнимъ міромъ. Женская тюрьма жила въ экономическомъ отношеніи своей особой жизнью, но, благодаря оживленнымъ письменнымъ сношеніямъ, находилась въ близкомъ единеніи съ мужской тюрьмой и вольной командой. Такимъ образомъ, вся политическая каторга, вмѣстѣ съ добровольно послѣдовавшими женами нѣкоторыхъ каторжанъ, составляла одинъ большой организмъ. Администрація знала это и *volens-nolens* должна была считаться съ неприятымъ для себя обстоятельствомъ. Если бы правительству пришло въ голову всѣхъ политическихъ каторжанъ разсовать по одиночкѣ между уголовными, то часть товарищей быстро закончила бы самоубійствами и помѣшательствами, часть бѣжала бы и, наконецъ, болѣе слабые духовно потеряли бы человѣчскій образъ, слившись во многихъ отношеніяхъ съ уголовными. Если администрація не производила такого эксперимента, то только потому, что знала, что сибирскіе тюремщики недобросовѣстны и невѣжественны, а уголовныя тюрьмы распушены.

Недѣли черезъ 1¹/₂—2 послѣ посѣщенія барона Корфа стало извѣстно, что разсерженный сатрапъ прислалъ съ дороги приказаніе отправить Ковальскую въ Верхнеудинскую тюрьму и содержать ее тамъ въ строгой одиночкѣ. Жандармскій офицеръ,

завѣдывавшій политическими тюрьмами, подполковникъ Масковъ явился въ тюрьму, гдѣ жила Ковальская, на разсвѣтъ. Ковальскую взяли прямо съ постели, увезли на телѣгѣ въ пустой казенный домъ, гдѣ, въ присутствіи офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ, долго обыскивали и переодѣвали во все казенное, причемъ издѣвались надъ ней, потомъ уложили въ лодку и отправили въ Срѣтенскъ съ конвойными. Сожительницы Ковальской по тюрьмѣ въ видѣ протеста объявили голодовку. Извѣстіе быстро проникло въ мужскую тюрьму и, попятно, всполошило всѣхъ. Часть заключенныхъ настаивала на немедленномъ и рѣзкомъ протестѣ; а другая часть, соглашаясь, что за подобнымъ возмутительнымъ насиліемъ и надругательствомъ долженъ послѣдовать рѣзкій протестъ всѣхъ товарищей, находила необходимымъ предварительно провѣрить всѣ подробности факта. Извѣстіе шло отъ Ковалевской, Калюжной и Смирницкой, которая видѣли только, какъ Ковальскую взяли изъ тюрьмы. Самое ужасное, — переодѣваніе въ присутствіи пьяныхъ офицеровъ, тюремщиковъ и солдатъ, — происходило въ другомъ концѣ селенія, слѣдовательно извѣстно было заключеннымъ съ чужихъ словъ. Сходки въ тюрьмѣ были очень бурныя, но большинство склонялось къ необходимости провѣрить извѣстія.

Если не ошибаюсь, тюремнымъ старостой въ то время былъ Н. В. Яцевичъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ, вольно-командному библіотекарю, переписку по этому дѣлу пришлось вести съ нимъ. Разбирая полученную изъ тюрьмы «почту», я нашель объемистое письмо на свое имя. Передавая содержаніе письма Ковалевской объ увозѣ Ковальской, Яцевичъ сообщалъ, что тюрьма поручаетъ мнѣ произвести возможно скорѣе и тайно отъ администраціи провѣрку подробностей происшествія. Указывалось, между прочимъ, лицо, сообщившее въ женскую тюрьму всѣ подробности переодѣванія и увоза Ковальской.

Усть-Кара находилась въ 18 верстахъ отъ Нижняго промысла при впаденіи рѣчки Кары въ Шилку. Это было сравнительно большое селеніе, связывавшее Карійскій районъ каторги съ вѣдшимъ міромъ. Здѣсь были женскія тюрьмы, большіе склады и мастерскія тюремнаго вѣдомства, частные магазины: населеніе состояло изъ уголовныхъ вольно-командцевъ и крестьянъ. Политическіе вольно-командцы могли ѣздить туда за покупками для тюрьмы съ разрѣшенія жандармскаго офицера. Посовѣтовавшись со своими сожителями по избушкѣ, вольно-командскимъ старостой П. Т. Лозяновымъ и В. Е. Гориновичемъ, я на другой день отправился на Усть-Кару. Изъ разговора съ лицомъ, сообщившимъ въ женскую тюрьму о переодѣваніи Ковальской, я узналъ, что онъ присутствовалъ по обязанности при выносѣ Ковальской изъ тюрьмы, провожалъ нѣкоторое время телѣгу, въ которой ее везли, но затѣмъ ему приказано было вернуться къ тюрьмѣ; при переодѣваніи и отправкѣ Ковальской онъ не присутствовалъ и знаетъ объ этомъ съ чужихъ словъ. Разыскалъ я

домъ, въ которомъ переодѣвали Ковальскую, и уголовную каторжанку, которая помогала надзирательницѣ въ переодѣваніи. Домъ на берегу Шилки, былъ сравнительно большой, хорошо обставленъ и предназначался для проживанія пріѣзжаго начальства; въ немъ временно жилъ между прочимъ и баронъ Корфъ со свитой. Нашель я и другихъ свидѣтелей отдѣльныхъ эпизодовъ увоза Ковальской. Изъ всего этого у меня составила такая картина. Съ вечера на Усть-Карѣ появились подполк. Масюковъ и комендантъ, капитанъ Архиповъ. Прежде всего они распорядились приготовить къ утру лодку и лошадей, которыя должны были тянуть ее бечевой вверхъ по Шилкѣ. Затѣмъ они почти всю ночь пьянствовали вмѣстѣ съ уголовнымъ зрителемъ Бобровскимъ и сельскимъ старостой Киргизовымъ. На разсвѣтъ у воротъ помѣщенія, гдѣ содержались Ковалевская, Ковальская, Смирницкая и Калюжная, появилась телѣга, а затѣмъ Масюковъ, Архиповъ, Бобровский, Киргизовъ, нѣсколько жандармовъ и ночныхъ сторожей (изъ уголовныхъ арестантовъ). Дежурному жандарму приказано было безъ шума открыть калитку и входную въ тюремное помѣщеніе дверь. Открыть совсѣмъ безшумно двѣ двери не удалось: проснулась Смирницкая и стала кричать. Жандармы, вошедшіе уже во дворикъ, поспѣшно вышли. Масюковъ растерялся. Но не растерялись Бобровский и Киргизовъ. Они вбѣжали въ камеру Ковальской, которая только что проснулась, завернули ее въ одѣяло и вынесли на улицу. Тюрьму заперли. Ковальскую положили на телѣгу, приказали двумъ сторожамъ держать ее за руки и въ такомъ видѣ повезли на берегъ Шилки.

Около пустого казеннаго дома ждала уже надзирательница и съ десятокъ казаковъ съ ружьями. Ковальскую внесли въ очень маленькую комнатку, въ которой находились кровать и столикъ. Здѣсь былъ уже приготовленъ полный арестантскій костюмъ. Переодѣвала Ковальскую надзирательница съ помощью арестантки и двухъ сторожей-арестантовъ, которые держали Ковальскую за руки, застегивали рубаху и т. п. Во время всей этой процедуры Ковальская нѣсколько разъ лишалась чувствъ. Къ камеркѣ прилегалъ небольшой корридорчикъ, а за нимъ большая комната, въ которой, находились Масюковъ, Архиповъ, Бобровский и ночевавшій въ этомъ домѣ въ ожиданіи парохода, тюремный чиновникъ Глуховцевъ. У открытой двери изъ этой большой комнаты въ корридорчикъ стоялъ казакъ съ ружьемъ. Дверь въ камеру была открыта, и казаку было видно, что тамъ дѣлалось. Могло быть видно также тѣмъ изъ бывшихъ въ большой комнатѣ, кто подходилъ бы къ казаку. По словамъ сторожей и арестантки, къ казаку никто не подходилъ. Переодѣтую Ковальскую усадили въ лодку и увезли съ двумя конвойными, а Масюковъ съ компаніей распорядились подать самоваръ и недопитую за ночь водку.

На Усть-Карѣ мнѣ пришлось заночевать. Возвращаясь на другой день, я встрѣтилъ быстро ѣхавшихъ Масюкова, И. В.

Калюжнаго и Ѳ. И. Рехневскаго съ жандармами. Очевидно, Масюковъ, по требованію тюрьмы, рѣшилъ дать свиданіе съ голодавшими, чтобы упросить ихъ прекратить пока голодовку, такъ какъ мужская тюрьма беретъ на себя требовать удовлетворенія за оскорбленіе товарища. Подѣлившись съ товарищами по вольной командѣ собранными свѣдѣніями, я къ вечеру принялся составлять подробный докладъ тюрьмѣ, какъ вдругъ въ нашей избушкѣ появился жандармъ съ встревоженнымъ и испуганнымъ видомъ.

— Въ тюрьмѣ бунтъ, требуютъ васъ и Лозянова,—обратился онъ ко мнѣ и передалъ записку.

Въ запискѣ Н. В. Яцевичъ просилъ Лозянова и меня сейчасъ же притти въ квартиру смотрителя. Тамъ насъ встрѣтилъ совершенно разстроенный Масюковъ.

— Въ тюрьмѣ бунтъ,—началь онъ.—Меня обвиняютъ въ томъ, что я умышленно передѣлывалъ Ковальскую при мужчинахъ, самъ присутствовалъ при этомъ, позволялъ отпустить на ея счетъ пошлыя шуточки... Мнѣ не вѣрять... Я старикъ уже, наконецъ офицеръ... Тюрьма желаетъ поручить вамъ слѣдствіе надо мной... Что-жъ, допрашивайте меня, допрашивайте всѣхъ... Моя совѣсть чиста... Сейчасъ вы увидите съ Яцевичемъ и Рехневскимъ... Я ничего противъ этого не имѣю... Производите слѣдствіе... Я принималъ присягу, мнѣ не вѣрять...

Немного погода пришли изъ тюрьмы Яцевичъ и Рехневскій. Яцевичъ сталъ намъ передавать, что тюрьмѣ извѣстно объ улозѣ Ковальской. Масюковъ поминутно вмѣшивался, опровергалъ нѣкоторыя подробности. Мнѣ пришлось то подтверждать его слова, то поправлять его. Между прочимъ онъ настаивалъ, что не только не присутствовалъ при передѣлваніи Ковальской, но даже пробылъ недолго въ большой комнатѣ и вышелъ на крыльцо. Я подтвердилъ, что Масюковъ дѣйствительно вышелъ на крыльцо и разговаривая съ помощникомъ смотрителя простоялъ, пока вывели Ковальскую изъ дома.

— Вѣрно!.. обрадовался Масюковъ,—вы даже и это знаете?

Я невольно улыбнулся, и у меня какъ-то вырвалось: «Да ужъ если надо разузнать, повѣрьте, не хуже васъ разузнаемъ».

Дальше разговоръ сдѣлался общимъ. Масюковъ волновался, оправдывался, спорилъ съ Лозяновымъ и Рехневскимъ, благодаря чему мнѣ удалось передать Яцевичу самое существенное изъ того, что я узналъ на Усть-Карѣ. Въ заключеніе было рѣшено, что на другой день я и Лозяновъ ѣдемъ на Усть-Кару и допрашиваемъ кого нужно, а изъ тюрьмы опять поѣдутъ просить голодающихъ повременить. Разстались мы съ Масюковымъ очень любовно, но на другой день утромъ онъ заговорилъ съ нами въ нѣсколько иномъ тонѣ. При поразительной ограниченности и безхарактерности, онъ повялъ все таки, что попалъ въ совсѣмъ дурацкое положеніе. Завѣдывающему политическими ссылъ-каторжными, жандармскому подполковнику, пришлось передъ каторжниками стать въ положеніе обвиняемаго, ждать результа-

Марія Павловна
КОВАЛЕВСКАЯ.

Надежда Константиновна
СИГИДА.

товъ слѣдствія и затѣмъ резолюціи тюрьмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать, что тюрьма ставитъ вопросъ серьезно и ни передъ чѣмъ не остановится. Можетъ выйти крупная исторія, и ему во всякомъ случаѣ не сдобровать. Надо замѣтить, что Масюковъ — когда-то богатый помѣщикъ и лихой гусарь, прокутившійся въ пухъ и прахъ, въ жандармы попалъ изъ отставки буквально изъ-за куска хлѣба и то лишь благодаря чьей-то сильной протекціи. До Кары былъ начальникомъ желѣзнодорожнаго жандармскаго отдѣленія въ Россіи и вызвался на Кару ради большихъ прогоновъ и подъемныхъ и другихъ льготныхъ условій службы въ отдаленной мѣстности. Живя на Карѣ, вдали отъ непосредственнаго начальства, онъ сталъ по старой памяти покучивать и поигрывать въ картишки. Къ несчастью, на рукахъ у него были всегда чужія деньги: наши и казенныя. Господа карійскіе офицеры составили даже постоянную компанію для обыгрыванія Масюкова.

На другой день Масюковъ встрѣтилъ меня и Лозянова очень сухо и, избѣгая смотрѣть намъ въ глаза, сталъ выражать негодованіе, что мы вчера поставили его при нижнихъ чинахъ въ унижительное положеніе, допрашивали его... Особенно вы,—обратился онъ ко мнѣ,—производили мнѣ инквизиторскій допросъ, старались сбить... Ну что же, производите слѣдствіе надо мной, старымъ офицеромъ... За свои дѣйствія я отвѣчаю только передъ своимъ начальствомъ...

Мы ушли домой, а немного погодя Лозяновъ пошелъ одинъ и заявилъ Масюкову, что послѣ сказаннаго имъ мы отказываемся отъ порученія, о чемъ и передадимъ тюрьмѣ съ подробнымъ изложеніемъ причинъ. Масюковъ встрепнулся, засуетился и сталъ увѣрять Лозянова, что онъ искренно желаетъ, чтобы мы произвели слѣдствіе и просить насъ сдѣлать это поскорѣе.

— Снимите съ меня, ради Бога, это тяжкое обвиненіе,—упрашивалъ онъ Лозянова.—Я убѣжденъ, что вы безпристрастно относитесь къ дѣлу и не захотите ввести тюрьму въ заблужденіе.

Вотъ тутъ и разсудите! Помню, Лозяновъ объяснялъ эти скачки въ мысляхъ Масюкова очень просто. Въ первое наше посѣщеніе Масюковъ недавно проснулся, еще не завтракалъ и былъ подъ исключительнымъ впечатлѣніемъ вчерашняго неприятнаго для него разговора. Потомъ онъ позавтракалъ и принялъ обычный докладъ неглупаго, тактичнаго и не злого по натурѣ вахмистра Голубцова. Между прочимъ, въ самомъ началѣ исторіи Масюковъ отказался притти въ тюрьму и даже принять у себя на квартирѣ двухъ представителей изъ боязни личнаго оскорбленія. Голубцовъ уговорилъ его, поручившись на свой страхъ за безусловную его неприкосновенность. Прослуживши нѣсколько лѣтъ при тюрьмѣ сперва обыкновеннымъ жандармомъ, дежурившимъ въ тюремномъ корридорѣ, а потомъ вахмистромъ, Голубцовъ болѣе или менѣе вѣрно разбирался и въ настроеніи всѣхъ заключенныхъ, и въ характерахъ отдѣльныхъ лицъ.

Нѣсколько дней еще мы вели слѣдствіе: допрашивали жандармовъ, надзирательницу, передопрашивали нѣкоторыхъ спрошенныхъ мною раньше. Предполагая вполне основательно, что жандармамъ и надзирательницѣ указано, что говорить и о чемъ молчать, мы должны были производить оцѣнку ихъ показаній изъ сопоставленія съ показаніями другихъ лицъ, допрошенныхъ нами безъ вѣдома Масюкова. Помню, что въ одномъ случаѣ, мы должны были даже устроить очную ставку. Обсудивъ затѣмъ, вмѣстѣ съ В. Е. Гориновичемъ, всѣ данныя, мы пришли къ выводу, что факта намѣреннаго издѣвательства, а тѣмъ болѣе надругательства надъ Ковальской не было. Масюковъ, исполняя порученіе начальства—увести Ковальскую съ Кары, безъ всякихъ разумныхъ основаній скрылъ это отъ Ковальской и ея подругъ, допустилъ зрителя уголовной тюрьмы распоряжаться захватомъ и передѣваніемъ Ковальской и, совершенно безъ всякой надобности, допустилъ участие мужчинъ въ передѣваніи. Въ тюрьму мы отослали всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ, со своимъ мотивированнымъ заключеніемъ, а официально изложили свое заключеніе Яцевичу и Рехневскому въ присутствіи Масюкова. Послѣдній, выслушавъ наше заключеніе, заявилъ, что скрылъ онъ предписаніе увести Ковальскую, такъ какъ имѣлъ основаніе встрѣтить активное сопротивленіе со стороны Ковальской и ея подругъ; что, можетъ быть, онъ ошибся въ своемъ опасеніи и въ такомъ случаѣ сожалѣеть о происшедшемъ и готовъ извиниться передъ тюрьмой.

Часть тюрьмы (если не измѣняетъ мнѣ память,—большинство) считала, что извиненіемъ Масюкова инцидентъ исчерпывается; другая часть, а съ нею вмѣстѣ и сожительницы Ковальской, настаивали на требованіи удаленія Масюкова. Въ концѣ концовъ отъ мужской и женской тюремъ поданы были заявленія объ удаленіи Масюкова, причемъ, кажется, указанъ былъ и крайній срокъ. А пока что, вся женская тюрьма отказалась входить въ какія-либо сношенія съ Масюковымъ и не принимала даже проходившія черезъ руки Масюкова письма и посылки. Масюковъ самъ настоятельно просилъ, чтобы его перевели куда-нибудь.

Вся эта исторія, въ надлежащемъ, конечно, освѣщеніи, была извѣстна губернатору, генералъ-губернатору и въ Петербургѣ. Казалось бы, по здравому смыслу, что Масюкова во всякомъ случаѣ слѣдовало убрать. Но то были времена, когда правительство, похоронивъ въ Шлиссельбургѣ остатки активных народовольцевъ, распоясалось во всю. Убрать Масюкова—значить сдѣлать то, чего желаютъ заключенные, т. е. уступить имъ, а «сильное» правительство не должно уступать никому, а тѣмъ болѣе каторжникамъ.

II.

Заявленіе заключенныхъ было отправлено по начальству, но жизнь политическихъ каторжанъ не входила въ свою колею. Въ

4-хъ верстахъ отъ Нижняго промысла, на такъ называемой Новой тюрьмѣ было приспособлено особое зданіе для женской политической тюрьмы, и всѣхъ женщинъ, кромѣ Россиковой и Богомолецъ, скоро перевели туда. Масюковъ, выждавъ нѣкоторое время, попробовалъ посѣтить новую женскую тюрьму, но его не приняли. Прибыли изъ Петербурга сперва осужденныя по дѣлу Лопатина Н. М. Салова и Г. Н. Добрускина, а затѣмъ по дѣлу Оржиха—Н. К. Сигида и Е. Н. Тринидатская. Новыя каторжанки также отказались получать письма и посылки. Прибывали и въ мужскую тюрьму новыя заключенныя. На заявленіе каторжанъ объ удаленіи Масюкова полученъ былъ отъ начальства рѣзкій отказъ. вмѣстѣ съ тѣмъ упорно стали говорить, что политическія тюрьмы на Карѣ будутъ упразднены, а заключенныхъ переведутъ въ новостроющуюся тюрьму въ Акатуевскій рудникъ и помѣстятъ тамъ вмѣстѣ съ уголовными, причемъ жандармы будутъ упразднены и политическіе будутъ во всемъ сравнены съ уголовными. Отъ вновь прибывшихъ товарищей тюрьма узнала объ ужасной Якутской бойнѣ.

Настроеніе въ женской тюрьмѣ было очень тяжелое. Отказъ убрать Масюкова обрекалъ всѣхъ на лишеніе переписки на совершенно неопредѣленное время. Кому приходилось жить въ тюрьмѣ и ссылкѣ, тотъ знаетъ, что невозможность почему-либо сноситься хотя бы письменно съ родными и близкими чувствуется сильнѣе, чѣмъ всякія другія лишенія. Высшее начальство знало про все это и, конечно, злорадствовало. Нужны какія-нибудь исключительныя обстоятельства, чтобы заставить правительство тревожиться даже по поводу голодовокъ, не говоря уже о такихъ формахъ пассивнаго протеста, какъ отказъ отъ переписки. Вывести женскую тюрьму изъ тяжелаго положенія взяла на себя недавно прибывшая на Кару Надежда Константиновна Сигида. Она рѣшила, что если кто либо изъ заключенныхъ нанесетъ Масюкову личное оскорбленіе, то послѣдняго непременно уберутъ. Рѣшеніе свое она и привела въ исполненіе. 31 августа 1889 г. она вызвалась подъ какимъ-то предлогомъ къ Масюкову и ударила его. Въ женскую тюрьму она уже не вернулась. Ее увезли на Усть-Кару и помѣстили тамъ въ одиночной камерѣ при женской уголовной тюрьмѣ.

Считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду руководиться собственной памятью и нѣкоторыми сохранившимися у меня документами. Въ качествѣ товарища, завѣдывавшаго въ вольной командѣ сношеніями между тюрьмами и вольной командой, я, разумѣется, въ свое время зналъ во всѣхъ подробностяхъ все, что происходило въ тюрьмахъ. Но минуло уже 16 лѣтъ со времени этой ужасной трагедіи, и многое стерлось въ моей памяти. Не думаю, чтобы въ настоящихъ моихъ воспоминаніяхъ были грубыя ошибки въ объясненіи причинной связи между отдѣльными фактами: общій ходъ всѣхъ событій для меня ясенъ и сейчасъ. Надѣюсь, что

*

оставшіяся въ живыхъ свидѣтельница (А. П. Корба, П. С. Ивановская, А. В. Якімова, Н. М. Салова и Г. Н. Добрускина) подѣлятся также своими воспоминаніями.

Я, напримѣръ, не могу вспомнить, при какихъ условіяхъ, вслѣдъ за Сигидой, сперва Ковалевская, а потомъ Калюжная и Смирницкая потребовали и добились перевода въ Усть-Карійскую женскую уголовную тюрьму. Насколько помню, этому предшествовала голодовка всѣхъ заключенныхъ женщинъ. У меня сохранилась копія слѣдующей записки М. В. Калюжной къ смотрителю отъ 3 сентября 1889 года: «Мы (Ковалевская, Калюжная и Смирницкая) считаемъ нужнымъ, чтобы начальство имѣло ясное представленіе о нашихъ желаніяхъ: считаемъ нужнымъ предупредить, что если мы трое, какъ получившія личное оскорбленіе отъ г. Масюкова, будемъ, изъяты изъ подъ его вѣдома и переведы въ какую-нибудь тюрьму, то остальная женская тюрьма сочтетъ себя удовлетворенной, и товарищи обѣщаютъ тамъ прекратить всякія дѣйствія противъ г. Масюкова при условіи, если онъ не будетъ являться въ тюрьму; въ противномъ же случаѣ мы не ручаемся, что настоящій протестъ тюрьмы не окончится самымъ печальнымъ образомъ для насъ всѣхъ».

Ковалевскую перевели раньше другихъ, кажется, потому, что у нея появились признаки остраго умопомѣшательства. На Усть-Карѣ она отказывалась отъ пищи. Тюремный врачъ Гурвичъ выразилъ намѣреніе накормить ее насильно, и она ударила его. Ковалевскую, Калюжную и Смирницкую помѣстили въ одну камеру съ уголовными арестантами, а Сигиду держали въ одиночкѣ въ другомъ зданіи. Почему-то мнѣ не удавалось сразу завести съ ними переписку. Сперва я списался съ Сигидой. Заводя сношенія съ почему-либо отдѣльнымъ заключеннымъ товарищемъ, я прежде всего, конечно, снабжалъ его письменными принадлежностями. Сигида долго, повидимому, мечтала о возможности отправить своимъ роднымъ письмо. Послѣ моей первой записки она очень скоро прислала большое письмо, съ просьбой переслать его роднымъ, въ Таганрогъ.

Исполнить порученіе Сигиды у меня была возможность, и письмо, несомнѣнно, дошло бы до Таганрога. Но меня останавливало такое соображеніе. Н. К. родилась и всю свою предыдущую жизнь прожила въ Таганрогѣ; тамъ она училась въ гимназіи, а потомъ была учительницей городского училища. Арестъ тайной народовольческой типографіи, — хозяйкой которой оказалась Н. К. мѣстная учительница, — надѣлалъ въ свое время много шума въ сравнительно небольшомъ городѣ. Бывали случаи, когда письма съ Кары, посланныя тайно отъ администраціи, даже въ большихъ городахъ, доставлялись адресату не почтальономъ, а околоточнымъ при бумагѣ. Хотя такіе случаи были рѣдки, и большая часть писемъ проходила благополучно, но, очевидно, въ почтовыхъ конторахъ существовали списки подозрительныхъ фамилій, о которыхъ иногда вспоминали чиновники. Все это я написалъ

Н. К.-ф. Въ отвѣтъ я получилъ отъ нея записку, которую привожу цѣликомъ, такъ какъ это—последняя, предсмертная ея записка. «Правда, Г. Ф., рискованно посылать письмо съ такимъ адресомъ, особенно теперь, въ виду случившейся со мной исторіи. Но у меня нѣтъ другого адреса. Я думаю подождать нѣкоторое время, пока я получу приговоръ и пока все это немного утихомирится. Тогда можно будетъ послать, а теперь положительно невозможно посылать, такъ какъ и переписка мнѣ запрещена. Хорошо было бы, если бы пока не отправляли его. Мнѣ необходимо только, чтобы оно *было отправлено*, но *когда*,—это все равно, хоть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и то не бѣда. Прошлый разъ я поторопилась и не сообщила вамъ этого. Будете писать, потрудитесь, пожалуйста, написать мнѣ: отправлено ли или нѣтъ. Когда вы уѣзжаете на поселеніе? Попривѣтствуйте и пожмите крѣпко руки всѣмъ, всѣмъ роднымъ товарищамъ. Оставайтесь здоровы, всего вамъ хорошаго. Н. Сигида (Домашніе мои—люди очень благонадежные)».

Скоро установились сношенія и съ остальными тремя заключенными на Усть-Карѣ. Переписку со мной вела М. В. Калужная. Тюремная администрація, въ вѣдѣніе которой попали политическія женщины, не знала, какъ держать себя съ ними. Сперва ихъ посадили въ общую женскую камеру, потомъ, по ихъ просьбѣ, перевели отдѣльно отъ уголовныхъ, потомъ, вѣроятно, по предписанію свыше, опять помѣстили въ общей. Завѣдующій тюремнымъ райономъ и смотритель обращались съ ними прилично. Освободившись отъ Масюкова и жандармовъ, онѣ чувствовали себя какъ бы выпущенными на волю: свободно ходили по двору и даже выходили изъ тюрьмы съ уголовными женщинами, подъ конвоемъ, за водой и за дровами. Гуляя какъ-то по двору, Калужная въ щель между палаями увидала, что жандармъ прошелъ въ тюремную контору. Калужная страшно испугалась. Ей представилось, что получено распоряженіе возвратить ихъ въ вѣдѣніе Масюкова, и что жандармъ пришелъ съ этимъ извѣстіемъ. Она ушла въ камеру, ничего не сказала подругамъ, весь день провела въ тревогѣ и не выходила изъ камеры. Потомъ оказалось, что жандармъ приносилъ какія-то забытыя имъ вещи. У меня сохранилась слѣдующая, относящаяся къ тому времени записка М. В. Калужной въ женскую политическую тюрьму. «Писала я вамъ маленькія записочки, все пробовала пути, да ничего не вышло. Теперь сношенія, кажется, установились, и буду часто писать. Бѣда только, что настроеніе не подходящее. Вотъ уже полторы недѣли мы живемъ подъ страхомъ: приведутъ или не приведутъ въ исполненіе распоряженіе Корфа наказать Сигиду 100 ударами розогъ. Было нѣсколько дней, когда это казалось несомнѣннымъ, теперь же можно надѣяться, что нѣтъ: здѣшнее начальство завело переписку и считаетъ это опаснымъ; докторъ отказывается присутствовать. Мы трое живемъ вмѣстѣ, Сигида отдѣльно. Положеніе не ахти какое. Наше еще такъ-сякъ,

ея же еще хуже: у нея болѣли сильно зубы, а теперь, очевидно, что-то новое. Она уже не встаетъ. Мы не можемъ видѣть ея. Книгъ намъ не даютъ. Сначала было позволили покупать бумагу и писать письма, теперь отняли и то, и другое. Все-таки мы успѣли отправить письма на почтовой бумагѣ и отъ своего имени (Ага!) ¹⁾ Сначала сидѣли въ общей камерѣ съ бабами, гдѣ мы застали М. П. (Ковалевскую). Изолированію насъ много содѣйствовала болѣзнь ея. Вамъ, навѣрно, сообщали, что она опять сходила съ ума. Сколько пришлось пережить, знаетъ одинъ Богъ. Если увидимся, расскажу. Теперь оставили въ отдѣльной камерѣ на условіи, что освѣщеніе на нашъ счетъ. Говорили, что и дровъ не будутъ давать, но пока даютъ. Мы сами, по собственному желанію, ходимъ за дровами и за щепой на волю. Я одинъ разъ ѣздила далеко, далеко за водой, т. е. не ѣздила, а съ бабами везла на себѣ бочку. Запираютъ насъ въ 5 часовъ. Ложусь рано и валяюсь въ кровати, такъ какъ необходимо экономить свѣтъ. Что касается денегъ, такъ въ настоящее время мы имѣемъ всего 1 р. 46 к.; когда будемъ имѣть еще, неизвѣстно. Ковалевскій писемъ не выдаютъ. Вообще есть много хорошаго и много дурного. Работа совсѣмъ не идетъ. Начальство у насъ прекрасное. Это вы должны принять къ свѣдѣнію, такъ какъ скоро вы будете подъ его началомъ. Жандармское вѣдомство на Карѣ упраздняется. Вашу тюрьму переведутъ на Усть-Кару, въ то зданіе, гдѣ была женская тюрьма до перевода ея. Тамъ всего одна камера. Мы уже ходатайствовали, чтобы сдѣлали двѣ. Туда же, кажется, переведутъ Россикову и Богомолецъ и «можетъ быть» возвратятъ насъ. Пока простите. Совсѣмъ не настроена писать. Когда придется увидѣться, матеріала будетъ много.

Незадолго до полученія этой записки, во всѣхъ тюрьмахъ, гдѣ содержались политическіе, и въ вольной командѣ при необычной обстановкѣ, т. е. подъ охраной вооруженныхъ солдатъ и жандармовъ, было объявлено, что по распоряженію генераль-губернатора въ виду постоянного непослушанія и оскорбленій должностныхъ лицъ, политическіе ссыльно-каторжные будутъ подвергаться телесному наказанію властью коменданта до 50 ударовъ розгами и властью генераль-губернатора до 100. Въ мужской тюрьмѣ большинство сочло это объявленіе пустой угрозой. вмѣстѣ съ объявленіемъ этого распоряженія по Карѣ прошелъ слухъ, что пришло предписаніе наказать Сигиду розгами. По провѣркѣ оказалось, что такое предписаніе дѣйствительно пришло, но завѣдующій тюремнымъ райономъ, въ вѣдѣніи котораго она находилась, донесъ въ тюремное управленіе (находившееся въ Нерчинскомъ заводѣ), что считаетъ это распоряженіе невыполнимымъ. Между прочимъ въ предписаніи было сказано, чтобы Сигида была наказана въ присутствіи врача, но безъ предварительнаго освидѣтель-

¹⁾ Политическіе ссыльно-каторжные могли писать роднымъ только на бланкѣхъ открытыхъ писемъ, въ третьемъ лицѣ, т. е. отъ имени жандармскаго офицера.

ствования. Врачъ Гурвичъ написалъ областному медицинскому инспектору, что Сигиду онъ лечилъ, знаетъ, что она больна, и не должна поэтому быть подвергнута тѣлесному наказанію; кромѣ того врачъ указывалъ, что по закону онъ не обязанъ присутствовать при наказаніяхъ въ административномъ порядкѣ. Медицинскій инспекторъ отправился съ этимъ рапортомъ къ Забайкальскому губернатору Хорошихину. Губернаторъ, получившій уже извѣстіе объ отказѣ завѣдующаго тюремнымъ райномъ высъчь Сигиду, прочитавъ рапортъ Гурвича, вскипѣлъ:

— Вашъ докторъ, должно быть, социалистъ, если онъ противится волѣ генераль-губернатора!

Тѣмъ же не менѣе губернаторъ вновь запросилъ телеграммой бар. Корфа, который отвѣтилъ, что воля его непреклонна. Вслѣдствіе этого изъ Читы было предписано послать изъ тюремнаго правленія чиновника, который исполнилъ бы волю бар. Корфа безъ разсужденій. Такимъ оказался помощникъ завѣдующаго Нерчинской каторгой Бобровскій, тотъ самый Бобровскій, который въ августѣ 88 года, будучи смотрителемъ уголовной тюрьмы на Карѣ, выхватилъ Ковальскую изъ камеры.

Явившись 4 ноября въ камеру, гдѣ содержалась Сигида, Бобровскій, сорвавъ у ней съ лица повязку, произнесъ: «ничего, выдержать!» и велѣлъ увести ее въ тюремную контору.

Мы, жившіе тогда въ вольной командѣ товарищи, имѣли полную возможность узнать во всѣхъ подробностяхъ, какъ приводилась въ исполненіе непреклонная воля барона Корфа, но каждый, кто прочтетъ эти строки, пойметъ, *почему* мы даже избѣгали говорить съ посторонними объ этомъ ужасномъ событіи. Впослѣдствіи я узналъ, что Сигиду не раздѣвали и что Бобровскій и другой тюремный чиновникъ при началѣ сѣченія ушли въ другую комнату. Сигиду, бывшую въ глубокомъ обморокѣ, отнесли въ ту камеру, гдѣ помѣщались ея подруги, и сдали имъ на руки.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ тюремный чиновникъ, находившійся въ томъ же зданіи во время сѣченія Сигиды, говорилъ мнѣ, что всѣ почувствовали, что совершилось что-то ужасное. Завѣдующій тюремнымъ райономъ нервно бросилъ неоконченную работу и ушелъ домой.

Бобровскій, обыкновенно большой говорунъ и циничный хвастунъ, молча, ни на кого не глядя, прошелъ черезъ канцелярію и также ушелъ домой.

Ковалевская, Калюжная и Смирницкая за нѣсколько дней до 4 ноября почему-то опять были переведены въ общую женскую камеру и всѣ трое заняли отдѣльный уголокъ. Женскія уголовныя тюремныя камеры всегда шумѣе мужскихъ: пѣсни, ссоры изъ за пустяковъ, циничной руганью уснащаются самые мирные разговоры. Подруги уложили Сигиду на нары, помѣстились подлѣ и стали приводить ее въ чувство. Арестантки сразу притихли и во все послѣдующее время вели себя, какъ будто въ камерѣ находился покойникъ. Дѣтоубійцы, отравительницы мужей, лю-

бовниковъ и соперницъ, старыя бродяжки плакали и ходили по камерѣ на ципочкахъ. Калюжная попросила помочь ей завѣсить ихъ уголь простыней, и десятки рукъ бросились помогать.

Вслѣдствіе перемѣщенія изъ камеры въ камеру сношенія съ заключенными на Усть-Карѣ не удавалось сдѣлать правильными и быстрыми. 5 ноября на Нижнемъ промыслѣ прошелъ слухъ, что на Усть-Карѣ наказывали политическую, но провѣрить этотъ слухъ не было возможности. Ожидая записокъ, я не выходилъ изъ дому, и товарищи по вольной командѣ время отъ времени навѣдывались ко мнѣ. 6-го вечеромъ, кромѣ моего тогдашняго сожителя Ф. Я. Давиденко, были у меня В. В. Рехневская, П. Т. Лозяновъ и Н. Л. Геккеръ, когда, наконецъ, я получилъ почту, состоявшую изъ короткой записки М. В. Калюжной: «Сигиду выскли, дали 100 розогъ и перевели въ общую». Принесшій записку уголовный дополнилъ, что Сигида, кажется, уже умерла и что сегодня утромъ, т. е. 6-го ноября, начальство и докторъ съ фельдшерами ходили въ женскую тюрьму и долго тамъ пробыли.

Послѣ ухода принесшаго записку, мы не обмѣнялись между собою ни однимъ словомъ по поводу извѣстія. Кто-то спросилъ меня, удастся ли мнѣ завтра же дать знать въ мужскую и женскую тюрьмы. Затѣмъ, такъ же молча, всѣ ушли. Я сталъ готовить записки въ тюрьмы, потомъ пробовалъ читать, но скоро бросилъ. Спустя нѣкоторое время я услышалъ, что на улицѣ нѣсколько человекъ понукаютъ крикомъ лошадей или быковъ. Жизнь этого уголка Нижняго промысла, растянувагося вдоль Кары, была мнѣ хорошо извѣстна. Если кто-либо изъ сосѣдей ѣздилъ за дровами или сѣномъ, то обыкновенно съ такимъ расчетомъ, чтобы вернуться до наступленія сумерекъ, а между тѣмъ было уже темно. Я вышелъ на улицу. Избушка моя находилась у крутого подъема къ тюремному лазарету. Съ трудомъ въ темнотѣ я разглядѣлъ двое большихъ дровней, запряженныхъ быками. Въ дровняхъ виднѣлась какая-то поклажа, укрытая какъ будто кошмой. Кромѣ бычниковъ, виднѣлись еще двое, въ папахъ и башлыкахъ. Быки, повидимому, прошли уже порядочный путь, устали и съ трудомъ поднимались на гору. Оставалось предположить, что изъ Усть-Кары везутъ для лазарета какія-нибудь вещи или продукты и почему-то запоздали.

Я вернулся въ избушку, легъ, пробовалъ читать, но скоро задулъ свѣчу и заснулъ. Спалъ я недолго и проснулся отъ сильного стука въ ставень. Я вскочилъ, накинулъ на себя шубу и открылъ дверь. Оказалось, служительница лазарета—арестантка принесла записку отъ товарища С. Ильяшенко, находившагося тогда въ лазаретѣ. «Только что,—писалъ Ильяшенко.—привезли съ Усть-Кары Марусю (Ковалевскую), Калюжную и Смирницкую. Маруся уже безъ сознанія. Онѣ отравились и отказываются отъ противоядія. Сигида уже умерла». Арестантка добавила, что Ковалевская, должно быть, уже умерла. Помѣстили ихъ въ отдѣльной камерѣ; докторъ Гурвичъ и аптекаръ Вольпесъ упрасивали

ихъ принять лекарство, но онѣ упорно отказываются. На мгновение у меня мелькнула мысль сейчасъ же сообщить объ этомъ товарищамъ. Но я быстро одумался. О какой-либо помощи съ нашей стороны несчастнымъ мученицамъ не могло быть и рѣчи. Прежде всего насъ ни въ какомъ случаѣ не впустили бы въ лазаретъ. А если бы и впустили, то врядъ ли просьбы товарищей возымѣли бы дѣйствіе. При такихъ условіяхъ, сообщить товарищамъ новую печальную новость вслѣдъ за извѣстной уже было бы непростительной съ моей стороны жестокостью, тѣмъ еще болѣе, что товарищи условились провести этотъ вечеръ у В. В. Рехневской и Н. Д. Люри, которыя просили не оставлять ихъ однѣхъ...

Возвращенія Давиденко домой я не слыжалъ. Проснулся я опять отъ новаго сильнаго стука.

— Что такое?—спрашивалъ проснувшійся Давиденко.

Я наскоро сообщилъ ему о привозѣ отравившихся и, что, вѣроятно, принесли опять записку изъ лазарета. Пока я зажигалъ свѣчу и одѣвался, послышался снаружи тревожный голосъ Лозянова.

— Гряша, отвори, пожалуйста, поскорѣе!

Лозяновъ былъ неузнаваемъ: искаженное лицо, наскоро наброшенный пиджакъ и въ опоркахъ на босую ногу. Говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Только что ко мнѣ пришелъ Геккеръ весь въ крови и просилъ револьверъ, чтобы дострѣлиться. Его револьверъ оказался негоднымъ, и онъ только искалѣчилъ себя... Не знаю, что дѣлать... Совѣтуйте, что-нибудь...

— Гдѣ же Геккеръ?

— Я оставилъ его у себя въ избушкѣ и убѣждалъ къ вамъ.

Мы наскоро одѣлись и вышли. По дорогѣ зашли къ товарищу В. С. Ефремову, разбудили его и рѣшили револьвера не давать и, если состояніе Геккера не опасное, то обратиться за медицинской помощью.

Въ избушкѣ Лозянова Геккера не оказалось: онъ кое-какъ доложилъ обратно въ свою избушку. Онъ былъ въ сознаніи и пульсъ почти нормальный. Я и Лозяновъ отправились на квартиру доктора. Съ большимъ трудомъ мы достучались и добились, чтобы его разбудили. Д-ръ Гурвичъ сперва наотрѣзъ отказался итти и предлагалъ отвезти Геккера въ лазаретъ. Только послѣ того, какъ мы заявили, что не уйдемъ, пока онъ не согласится итти къ Геккеру, онъ заявилъ, что безъ вѣдома жандармскаго офицера онъ не можетъ пойти. Тогда мы рѣшили, что я пойду къ Масюкову. Я ушелъ, а Лозяновъ остался, пока не убѣдился, что Гурвичъ одѣвается и распорядился запрягать.

Дорогой я вспомнилъ, что въ квартирѣ Масюкова въ послѣдніе дни учреждена была «чрезвычайная» охрана изъ жандармовъ и солдатъ. Я рисковалъ потратить много времени на переговоры. Поэтому я направился къ квартирѣ жандармскаго вахмистра Помелова.

Начинало уже разсвѣтать, пока я, разбудивъ вахмистра, и объяснивъ ему въ чемъ дѣло,—возвращался обратно.

Спустя полчаса къ избушкѣ Геккера прибыли сперва нѣсколько вооруженныхъ жандармовъ, а затѣмъ д-ръ Гурвичъ съ смотрителемъ. Рана Геккера оказалась не опасной. Геккеръ просилъ, чтобы его отправили въ мужскую тюрьму, но Гурвичъ заявилъ, что Масюковъ ни за что на это не согласится и предлагалъ помѣститься въ лазаретъ. Мы уговорили Геккера согласиться на послѣднее, и Давиденко увезъ его въ лазаретъ.

На утро я собралъ товарищей и заявилъ, что не считаю себя вправѣ скрывать отъ мужской тюрьмы событія прошедшей ночи, но не рѣшаюсь сообщить о томъ же въ женскую тюрьму. Представленные мною затѣмъ основанія были признаны товарищами серьезными, и мы порѣшили въ женскую тюрьму пока не сообщать.

Около 5 часовъ мнѣ сообщили, что Ковалевская скончалась. Подлѣ Калюжной и Смирницкой дежурили фельдшера и сидѣлки-арестантки. Когда К. и С. просили пить, имъ подавали, по инструкціи врача стаканъ съ противоядіемъ, но онѣ отстраняли рукой и произносили шепотомъ. «Не надо, пожалуйста, не надо». Часовъ около 10 вечера Калюжная начала метаться. Смирницкая съ помощью сидѣлки подползла къ подругѣ и стала нѣжно гладить ея голову, пока Калюжная не скончалась. Къ утру умерла и Смирницкая.

На другой день къ вечеру я получилъ изъ мужской тюрьмы записку, изъ которой узналъ, что группа товарищей рѣшила отравиться. Хотя я былъ отчасти подготовленъ къ этому, но не въ силахъ уже былъ овладѣть собой, бросился искать Лозянова и засталъ его съ другими товарищами у Н. Д. Люри. Вѣроятно, своимъ видомъ я испугалъ всѣхъ. Лозяновъ вышелъ вмѣстѣ со мной и прочиталъ записку. Немного погодя вышелъ еще кто-то и сказалъ, что Над. Дм. очень встревожена. Мы условились не говорить ей всего и постараться ее успокоить. Удалось это намъ только отчасти. Видаясь и переписываясь съ мужемъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ, она знала о настроеніи заключенныхъ. Немного погодя я передалъ ей записку отъ мужа. Почти до утра затѣмъ мы сообща составляли и переписывали во многихъ экземплярахъ сообщенія въ разныя мѣста о происшествіяхъ послѣднихъ дней на Карѣ.

Съ понятной тревогой ждали мы дальнѣйшихъ извѣстій изъ мужской тюрьмы. Мы видѣли, что тюремная администрація проявляетъ необычную суету: докторъ и фельдшера ѣздятъ въ тюрьму и обратно. За 9-тилѣтнее пребываніе на Карѣ у насъ завязались и поддерживались близкія, дружескія отношенія съ многими изъ сидѣвшихъ еще въ тюрьмѣ.

На другой, кажется, день утромъ во дворѣ своей избушки я съ В. В. Рехневской пилилъ чурбаки на полѣнья, а Давиденко кололъ ихъ. По дорогѣ къ лазарету показался жандармъ, при оружіи и съ разносной книгой въ рукахъ. Я замѣтилъ, что онъ

как-то тревожно осматривался. Слѣдомъ за нимъ медленно двигались наши тюремныя дровни, сопровождаемые двумя уголовными арестантами, состоявшими для услугъ при нашей тюрьмѣ. Въ дровняхъ что-то лежало, прикрытое одѣяломъ. Когда я разглядѣлъ все это, то выскочилъ въ ворота, подбѣжалъ къ дровнямъ и сталъ открывать одѣяло. Арестанты, боясь, должно быть ответственности, ухватились за одѣяло и стали кричать. Подбѣжалъ жандармъ. Но я уже открылъ одѣяло и увидаль мертваго С. Н. Бобохова. Подбѣжалъ Давиденко. Перепуганный жандармъ все выкрикивалъ мою фамилію. Мы съ Давиденко прикрыли опять Бобохова одѣяломъ и отошли. Тутъ только я замѣтилъ, что Витольда Викентьевна почти что въ обморокъ. Все это произошло очень быстро. Мы ввели ее въ избушку, и когда она успокоилась, сказали ей, въ чемъ дѣло. Изъ троихъ, бывшихъ во дворѣ, я только стоялъ лицомъ къ дорогѣ. Когда я увидаль жандарма и дровни, направлявшіяся отъ нашей тюрьмы къ лазарету, я сразу сообразилъ, что это везуть покойника. Желаніе, удостовѣриться, кого именно изъ товарищей везуть, явилось у меня мгновенно, и я выскочилъ, не предупредивши В. В. Услышавъ затѣмъ крики и увидавъ борьбу, В. В. подумала, что я хочу что-то отнять... Немного погодя изъ лазарета пришли сказать, что на разсвѣтъ привезли изъ тюрьмы И. В. Калюжнаго. Онъ еще хрипѣлъ и скоро скончался... Въ мужской тюрьмѣ приняли ядъ 16 чело-вѣкъ, но ядъ оказался испорченнымъ, и умерли только двое: Бобоховъ и Калюжный.

Само собою разумѣется, между Карой, Читой, Хабаровскомъ (мѣстопробываніе барона Корфа) и Петербургомъ пошелъ обмѣнъ телеграммами. Скоро на Кару понаѣхало всякое начальство: Иркутскій жандармскій полковникъ фонъ-Плотто, забайкальскій областной прокуроръ Лазаревскій и областной военно-медицинскій инспекторъ Щегловъ. Съ послѣднимъ пріѣхала А. М. Сухомлина, мужъ которой находился въ тюрьмѣ. Давая разрѣшеніе Аннѣ Марковнѣ поѣхать на Кару, губернаторъ Хорошихинъ сказалъ между прочимъ: «А все книги, книги виноваты. Люди сидѣли взаперти, занимались только чтеніемъ: конечно, всякія глупости придуть въ голову... Если бы занимались физическимъ трудомъ, ничего бы этого не было»...

Отравившихся вскрывали и похоронили за тюремнымъ лазаретомъ, на южномъ склонѣ горы, служившемъ кладбищемъ для Нижне-Карійскаго промысла. Говорили тогда, что прокуроръ Лазаревскій хотѣлъ самостоятельно начать слѣдствіе, но бар. Корфъ телеграммой приказалъ ему выѣхать въ Читу.

Въ декабрѣ на Кару пріѣхаль губернаторъ Хорошихинъ. Обойдя камеры мужской тюрьмы, онъ вызвалъ заключенныхъ въ корридоръ и, отгородившись отъ нихъ вооруженными жандармами и солдатами, обратился съ рѣчью. Прежде всего онъ сказалъ, что пріѣхаль на Кару случайно: инспектировалъ казачьи станицы и заѣхаль по дорогѣ. Затѣмъ заявилъ, что правительству дорога

жизнь каждого подданного, хотя бы даже и лишенного правъ состоянія, но правительство не можетъ допустить, чтобы его агенты оскорблялись безнаказанно... Въ наказаніи Сигиды не участвовала личная воля губернатора и генераль-губернатора... Правительство не намѣрено безъ серьезныхъ основаній прибѣгать къ такой мѣрѣ, какъ тѣлесное наказаніе. Содержаніе этой рѣчи передавалъ мнѣ Н. В. Яцевичъ, выпущенный въ январѣ 1890 года изъ тюрьмы въ вольную команду.

Въ августѣ 1890 г. кончился срокъ моего пребыванія въ каторжныхъ работахъ, и я отправленъ былъ по этапу съ партіей уголовныхъ на поселеніе въ Якутскую область. Между Нерчинскомъ и Читою на дорогѣ я увидѣлъ мелькомъ Е. Н. Ковальскую, которую везли подъ конвоемъ на тройкѣ изъ Верхнеудинской тюрьмы въ Нерчинскіе рудники....

III.

Въ моемъ распоряженіи имѣются нѣкоторые матеріалы для біографіи несчастныхъ карійскихъ мученицъ.

Надежда Константиновна *Сигида*, въ дѣвичество Малоксіано, родилась въ Таганрогѣ въ 1863 г., умерла 26-ти лѣтъ. Отецъ занимался торговлей. Семья, кромѣ родителей, состояла изъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Образование Н. К. получила въ мѣстной гимназіи. Когда Н. К. была въ старшихъ классахъ, отецъ разорился, и по окончаніи курса ей пришлось своимъ трудомъ содержать всю семью. Частные уроки и занятія въ городской школѣ поглощали все время, не оставляя ни мѣлѣйшаго досуга. Въ 1884 или 5 году она обвѣнчалась съ служившимъ въ мѣстномъ окружномъ судѣ Сигидой, продолжая учительствовать и содержать всю семью. Въ концѣ 85 года въ Таганрогѣ устроена была тайная типографія, хозяйкой которой состояла Н. К. Въ самомъ началѣ 86 года типографію арестовали. Н. К. содержалась сначала въ мѣстной тюрьмѣ, а затѣмъ въ Петропавловской крѣпости и въ Домѣ предварительнаго заключенія. Послѣ ареста Н. К., семья ея пришла въ крайне бѣдственное состояніе. Отецъ захворалъ и былъ помѣщенъ въ городскую больницу; младшаго брата взяли изъ гимназіи. Отецъ Н. К. умеръ, о чемъ она скоро узнала. Смерть отца произвела на нее очень сильное впечатлѣніе: по ночамъ изъ ея камеры въ Домѣ предварительнаго заключенія слышались страшныя истерическія рыданія. Въ концѣ 87 г. Н. К. была присуждена къ 8 годамъ каторжныхъ работъ. Мужа ея, вмѣстѣ съ другими осужденными, увезли въ Харьковскую централку для отправки затѣмъ на Сахалинъ, а Н. К. вмѣстѣ съ Е. Н. Тринидатской—на Кару. Въ моментъ прибытія въ женскую политическую тюрьму она получила извѣстіе о смерти мужа въ Харьковской централкѣ.

Выше я упоминалъ, что Н. К. незадолго до своей смерти при-

слала мнѣ письмо къ своимъ роднымъ. Отправить его по почтѣ я считалъ неудобнымъ и хранилъ у себя. Послѣ ея смерти, я былъ озабоченъ вполне понятнымъ желаніемъ во что бы то ни стало доставить письмо по адресу. Я обратился за совѣтомъ въ женскую тюрьму, и заключенныя уполномочили меня вскрыть это письмо и на всякій случай снять съ него копію. На подлинномъ письмѣ я вкратцѣ изложилъ печальную исторію ея пребыванія на Карѣ. Сдѣлалъ я это, имѣя въ виду, что рано или поздно ея братья и сестры узнаютъ по слухамъ и, по обыкновенію,—въ болѣе ужасномъ видѣ. Считаю себя вправѣ огласить теперь это письмо.

«Надя, Ваня, Люба, Катя, словомъ, кто будетъ читать это письмо, прочтите только одну страничку маманямъ, дальше будетъ правда, которую лучше отъ нихъ скрыть. Дорогіе родные мои! Успокойтесь, не печальтесь, не мучьтесь: я совершенно здорова и бодра; если не писала вамъ, то потому, что все это время переписка намъ была запрещена, да и не знаю, скоро ли и надолго ли будетъ разрѣшена; словомъ, тысячу разъ повторяю, будьте покойны, если и не будете получать долгое время отъ меня никакихъ извѣстій; вѣдь здѣсь можетъ быть въ одинъ мѣсяцъ тысяча перемѣнъ: могутъ вдругъ запретить переписку, а потомъ черезъ нѣкоторое время опять разрѣшить, какъ это и бывало нѣсколько разъ здѣсь на Карѣ. Помните, дорогіе родные мои, что у меня много, много силъ и бодрости, что я живу глубокою вѣрою и надеждою обнять васъ всѣхъ, всѣхъ дорогихъ моихъ, да испросить прощенія за всѣ муки и боли, какія я нанесла вамъ неволью. Голубочку мамочку умоляю простить, простить все, все мнѣ. Цѣлую тебя, родную, не плачь, родная: я бодрая, крѣпко бодрая. Оставайтесь съ Богомъ всѣ здоровы и бодры по-моему. На слѣдующемъ листѣ кто будетъ читать, выдумайте маманямъ, такъ какъ тамъ пишу правду».

«Дорогія мои сестры: Катичка, Любочка и неоцѣненныя добрыя, честныя дѣточки мои Ванюшечка, Лекончикъ, Надя и другой Ванюша съ Гришей, пишу вамъ правду, что это время было со мною: знаю, мои дорогіе, что хоть и жаль вамъ будетъ меня, хоть и поплачете, но зато же приободритесь и возрадуетесь за меня, за мою глубокую вѣру и преданность святой правдѣ и добру. Вы и сами должны были ожидать, что не сойду я съ того пути, на какой стала, что распрошусь, если надо будетъ, даже навѣки и съ волей, и съ вами, родными, дорогими, знаю, что своею твердостью, бодростью, выносливостью поддерживаю въ васъ и силы, и бодрость, и великую глубокую вѣру въ святую правду и добро; горько вамъ будетъ минутами за меня, горько, правда, я это знаю, такъ же горько, какъ и мнѣ бываетъ минутами горько, больно за васъ, за васъ, моихъ сироточекъ бѣдненькихъ; но вѣдь это только временами, а зато какая бодрость, какая сила, какая вѣра и надежда на все святое, доброе будетъ вѣчно у васъ при воспоминаніи обо мнѣ. Вѣрю въ это, и пишу вамъ правду: сейчасъ я, родные мои, нахожусь въ неизвѣстности; но думаю, во

всякомъ случаѣ, что срокъ каторги будетъ увеличенъ, или, если не увеличенъ, то не буду выпущена въ «вольную команду», а просижу всѣ восемь лѣтъ въ тюрьмѣ, а тогда уже поѣду на поселеніе. Въ «вольную команду»—это значить не буду выпущена изъ тюрьмы по окончаніи трети моего срока, т. е. послѣ двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ отъ утвержденія приговора, жить на волѣ вблизи тюрьмы и пользоваться совершенной свободой. Я, значить, должна была бы жить уже не въ тюрьмѣ, а на волѣ съ мая мѣсяца, такъ какъ приговоръ былъ утвержденъ въ январѣ. Теперь уже навѣрно знаю, что этого не будетъ; что же именно меня ждетъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ я ко всему готова, и вы надѣйтесь на мои силы, что все, все снесу бодро и не безпокойтесь, если не будете получать отъ меня писемъ; это значить переписка запрещена, но я жива, здорова, бодрая, живу любовью къ святому дѣлу, вѣрою, надеждой на счастливое, хоть и не скорое будущее: не смущаюсь, если даже мнѣ его и не придется дожидаться, довольно для меня глубокой вѣры въ будущее; довольно, родные мои, чтобы выдержать всѣ невзгоды, чтобы жить этимъ будущимъ, переноситься въ счастье и земной рай тѣхъ счастливцевъ, которые будутъ жить полные добра, мира и любви, а это будетъ, навѣрное будетъ; при мысляхъ объ этомъ я все, все забываю: горечь, боль и мракъ настоящаго; за мракомъ и горечью я все таки вижу свѣтъ и отраду и не падаю духомъ. Не падайте же и вы, родные, никогда духомъ, вѣрьте въ силу человѣческой души и боритесь бодро, бодро, неустанно со всѣми невзгодами и мрачными, дикими силами. Поборите, родные, ихъ; не удастся, можетъ, вамъ добить ихъ, а все же надломить—надломите ихъ; вѣрьте только въ побѣду великихъ силъ и будете вѣчно счастливы. Много, много я бы еще говорила, да не время, когда-нибудь другой разъ, а теперь скажу, что я за оскорбленіе одной изъ товарокъ (какое именно оскорбленіе—послѣ, если удастся, напишу подробно), какое нанесъ ей комендантъ, при разговорѣ съ нимъ дала ему пощечину, за что перевезена въ другую тюрьму и посажена въ секретную; что дальше будетъ, не знаю пока. Во всякомъ случаѣ я бодрая и очень, очень довольна, что теперь я могу еще и на дѣлѣ показать вамъ, что значило мое прошеніе о помилованіи, которое, быть можетъ, могло васъ омрачить¹⁾, хотя и увѣрена, что вы хорошо знали меня и Акима и поняли насъ; догадались о мотивахъ, которые руководили нами (но все же мнѣ еще и тогда хотѣлось вамъ сказать, какъ я глубоко вѣрю въ то дѣло,

¹⁾ Н. К. Сигда по суду была приговорена къ смертной казни. Ее, в ѣкоторыхъ другихъ участникахъ ея процесса, уговорили подать прошеніе о помилованіи. Н. К. не придавала значенія этой подачѣ прошенія, считая тогда ее за простую формальность. Вслѣдствіи она всю жизнь глубоко мучилась воспоминаніемъ объ этомъ своемъ шагѣ. Ея товарищамъ стоило всегда огромныхъ усилій хоть нѣсколько успокоить ее, но в самые теплые отношенія къ Н. К. со стороны всѣхъ окружавшихъ ее товарищей никогда не изгладили изъ ея памяти о поданномъ ею прошеніи о помилованіи, о которомъ она вспоминаетъ и въ этомъ предсмертномъ письмѣ.

за которое многого, многого лишилась и многое, многое перенесла бодро, не говоря уже о томъ довольствѣ, что своею пощечиною я отомстила оскорбленіе, дала знать, что расправляться и оскорблять насъ мы не допустимъ. Будьте же, дѣточки мои, Ванюшечка, Лелечка, Надя, бодры, любите, родные мои, всею душою всѣхъ, всѣхъ людей, любите правду, любите добро; помните и слѣдуйте, голуби мои, всѣмъ, всѣмъ моимъ совѣтамъ и будете вы счастливы, и будетъ хорошо. Не знаю, скоро ли получите это письмо, но когда получите, то напишите мнѣ такъ: «Твоего письма мамѣ прочитали страничку, а то все сами». Это будетъ мнѣ доказательствомъ, что вы говорите объ этомъ письмѣ. Пока будьте же бодры, любите другъ друга и не забывайте меня. Крѣпко, крѣпко всѣхъ обнимаю и горячо цѣлую».

Марія Павловна *Ковалевская*, въ дѣвичество въ Воронцова, родилась въ августѣ 1849 г., въ Екатеринославской губ., въ имѣніи своего отца, помѣщика средней руки. Семья состояла изъ четырехъ сестеръ и одного брата (извѣстный экономистъ В. В.). М. П. была младшей и очень рано лишилась матери. Сверстниками и друзьями ея дѣтства были братъ и сестра Лидія Павловна Топоркова. Десяти лѣтъ М. П. вмѣстѣ съ сестрой Лидіей, была отдана въ Одесскій институтъ, гдѣ и оставалась до окончанія курса. Жила нѣкоторое время въ своей деревнѣ, а потомъ въ Харьковѣ у тетки. 18-ти лѣтъ вышла замужъ за Ник. Вас. Ковалевского, учителя гимназіи въ Курскѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ. У М. П. было трое дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталась дочь Анна Николаевна. Въ 70-хъ годахъ сестра М. П. привлеклась по дѣлу 193-хъ, и арестъ ея вызвалъ обыскъ у М. П. По рассказамъ М. П., въ это время она была еще далека отъ революціоннаго движенія и только искала людей, которые познакомили бы ее съ стремленіями революціонеровъ. Въ февралѣ 79 г. мы ее видимъ уже среди арестованныхъ въ Кіевѣ за вооруженное сопротивленіе. Осуждена была въ каторжныя работы на 14 лѣтъ 10 мѣсяц., вмѣстѣ съ Н. А. Армфельдъ, В. Дебагоріемъ-Мокрѣвичемъ, Р. А. Стеблинъ-Каменскимъ, Брандтнеромъ и др.

Надежда Семеновна *Смирницкая*, родилась въ 1851 или 2 году въ Кіевской губ. въ семьѣ священника. Въ раннемъ дѣтствѣ лишилась отца и вмѣстѣ съ старшей сестрой воспитывалась у дѣдушки—протоіерея въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Кіевской губ. Въ 70-хъ годахъ Н. С. встрѣчали въ Кіевѣ въ народническихъ кружкахъ молодежи. Въ 79 году Н. С. была выслана административно, въ Вологодскую губ., откуда бѣжала въ 80 г. съ Ив. Вас. Калюжнымъ, Андр. Аван. Франжоли, Завадской и Вл. Серпинскимъ. Послѣ побѣга, вмѣстѣ съ И. В. Калюжнымъ поселилась въ деревнѣ, въ Донской области съ цѣлями революціонной пропаганды. Затѣмъ переѣхала въ Москву, гдѣ и была арестована въ 82 году по народовольческому дѣлу. Въ 83 г. по процессу 17-ти присуждена къ 15 г. каторги. По натурѣ Н. С. была крайне застѣнчива, замкнута и необщительна.

Марія Васильевна *Калужная* родилась въ 1864 г. въ г. Лебединѣ Харьковской губ., въ богатой мѣщанской семьѣ. Позднѣе семья переѣхала въ г. Ахтырку той же губерніи, гдѣ М. В. и провела свое дѣтство. Отецъ занимался казенными подрядами, былъ женатъ два раза и имѣлъ большую семью: трехъ сыновей отъ перваго брака и двухъ сыновей и трехъ дочерей отъ второго. Марія Вас. и Ив. Вас. отъ второго брака. Мать ихъ—дворянка, дочь офицера. Отецъ сильно пилъ, разорился и скоро умеръ. Училась М. В. въ харьковской гимназій на средства брата Ивана. Послѣ высылки Ив. В. въ Вологодскую губ. у М. В., бывшей уже тогда въ высшихъ классахъ, вышла какая-то исторія съ гимназическимъ начальствомъ, и она была исключена. Недолгое затѣмъ время была въ гимназій въ Ромнахъ (Полтавской губ.), но курса не окончила. Въ концѣ 82 или началѣ 83 г. въ Одессѣ устроена была Дегаевымъ тайная народовольческая типографія ¹⁾, и М. В. вошла туда въ роли кухарки. Типографія просуществовала недолго. Послѣ ареста типографіи М. В. увезли въ Петербургъ и держали 6 или 7 мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости. Потомъ ее выслали къ матери въ Ахтырку, откуда она скоро скрылась и пріѣхала въ Одессу. Марія Васильевна была одной изъ жертвъ Дегаева. Чтобы замаскировать предательство Дегаева, жандармы намѣренно распустили слухъ, что М. В. дала обширныя показанія, приведшія къ аресту многихъ. Узнала объ этомъ М. В. очень поздно и стрѣляла въ главнаго виновника этой клеветы—жандармскаго полковника Кашанскаго. За покушеніе на его жизнь она была присуждена къ 20-лѣтней каторгѣ. Одна изъ подружекъ ея по Карѣ, сообщая приведенныя выше краткія біографическія свѣдѣнія, закончила: «Судьба Маши съ начала и до конца въ высшей степени печальна, Въ ея жизни врядъ ли найдется много свѣтлыхъ точекъ. Кара ее доканала. Если она смогла прожить здѣсь 3 года, то только благодаря сильной привязанности къ брату и Смирницкой и своей исключительной способности заниматься при всякихъ условіяхъ, лишь бы былъ отдѣльный уголь. Исторія и языки—ея любимые предметы. Языками (франц., нѣм. и англ.) стала заниматься только на Карѣ, изучала ихъ грамматически и знала уже довольно основательно. М. В. обладала прекраснымъ сценическимъ голосомъ, который здѣсь, особенно въ послѣдній годъ, портился съ удивительной быстротой. Ослабленіе памяти, на которое М. В. часто жаловалась, и видимый упадокъ голоса дѣйствовали на нее крайне тяжело».

Г. Ф. Осмоловскій.

¹⁾ Объ этой типографіи и роли Дегаева см. въ 5-омъ № „Былого“ статью А. А. Спасского.

Питомецъ воспитательнаго дома.

Посвящаю милому и дорогому другу Сережѣ.

I

Какъ извѣстно, въ Петербургѣ существуетъ воспитательный домъ на Гороховой улицѣ у Краснаго моста, въ который отдають на воспитаніе законныхъ и незаконныхъ дѣтей. 14 января 1852 г., спустя двѣ недѣли послѣ моего рожденія, въ этотъ домъ попалъ и я; туда принесла меня родная мать, какъ это я узналъ впоследствии.

Въ этомъ домѣ я пробылъ не болѣе двухъ недѣль, такъ какъ дѣтей обыкновенно не оставляютъ тамъ, а отдають на воспитаніе по русскимъ и чухонскимъ деревнямъ.

Такимъ образомъ я попалъ въ Финляндію къ одному бѣдному крестьянину: сюда меня привезли 30 января 52 года, т. е. спустя двѣ недѣли, какъ мать оставила меня въ воспитательномъ домѣ. Здѣсь мнѣ жилось плохо, такъ какъ меня кормили не грудью, а коровимъ молокомъ. Трехъ лѣтъ я лишился той женщины, которую я называлъ матерью или названною матерью. По смерти ея я остался на рукахъ у овдовѣвшаго старика.

На седьмомъ году моей жизни ко мнѣ пріѣзжала изъ Петербурга нѣсколько разъ моя родная мать и привозила мнѣ разные подарки. Она не умѣла говорить на чухонскомъ языкѣ, а я не умѣлъ по-русски.

Помню только, какъ она гладила меня по головѣ и плакала, и ея слезы оставили во мнѣ на всю мою жизнь глубокое горькое впечатлѣніе... Съ тѣхъ поръ я ея не видалъ.

Когда мнѣ было семь лѣтъ, я лишился перваго своего воспитателя, этого добраго старика, и остался совершенно одинъ.

Я попалъ къ доктору въ лазаретъ. Лазаретъ—это госпиталь,

¹⁾ Эта статья принадлежитъ Василію Герасимову и представляетъ его автобіографію. Герасимовъ — одинъ изъ первыхъ рабочихъ-соціалистовъ въ Россіи. Въ 1875 году по процессу В. Дьякова и А. Сяракса Герасимовъ былъ обвиненъ въ пропагандѣ на фабрикѣ Чешера и среди солдатъ 1.-гв. московскаго полка и приговоренъ къ шести годамъ каторги. Этотъ процессъ изложенъ въ первомъ томѣ сборника „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“.

Настоящая автобіографія была написана по просьбѣ Вѣры Павловны Рогачевой въ 1887 году въ Иркутскѣ, когда Герасимовъ былъ на пути изъ Новобѣлгородской центральной тюрьмы на каторгу. Герасимовъ посвятилъ свои записки маленькому сыну Рогачевой. Нами онъ печатается съ подлинной рукописи, предоставленной въ наше распоряженіе Е. П. Карповымъ.

Редакція.

который принадлежит къ воспитательному дому, и въ немъ помѣщаются больныя дѣти.

Здѣсь живетъ докторъ, которому препорученъ надзоръ не только надъ тѣми питомцами, которые находятся на излеченіи у него въ лазаретѣ, но и надъ всѣми, живущими въ окрестностяхъ, по деревнямъ. Послѣднимъ онъ дѣлаетъ смотръ разъ въ мѣсяць, при чемъ слѣдить, какъ за здоровьемъ дѣтей, такъ и за тѣмъ, чтобы воспитатели ихъ обращались съ ними прилично.

Проживъ у доктора около недѣли, я былъ отправленъ въ другую деревню, гдѣ докторъ подыскалъ мнѣ новаго воспитателя въ лицѣ одного богатаго крестьянина; семья этого второго моего воспитателя состояла только изъ мужа и жены; оба они были ко мнѣ очень добры. Но я здѣсь пробылъ недолго,—крестьянинъ, взявшій меня, погорѣлъ, и докторъ опять помѣстилъ меня на новое мѣсто, къ одному доброму пастору... Пасторъ училъ меня грамотѣ. Мнѣ было 11 лѣтъ, когда однажды утромъ разбудила меня сестра пастора и объявила роковое извѣстіе, что меня отправляютъ въ Петербургъ, и что я долженъ съ ними проститься навсегда. Меня стали одѣвать въ дорожную одежду.

Я опять въ лазаретѣ.

Въ лазаретѣ много дѣтей и воспитателей; всѣ они плачутъ и прощаются. Меня провожали жена пастора и его четыре сына, которые были моими друзьями. Они со слезами просили господина доктора оставить меня еще у нихъ хоть на одинъ годъ, но докторъ сказалъ, что оставить не можетъ, такъ какъ на генеральномъ смотрѣ я уже былъ отмѣченъ самимъ Безобразовымъ и засмѣявшись прибавилъ: «что Васѣ пора жениться, и поэтому, молъ, его надо увезти къ русскимъ». Намъ стали садить въ телѣгу. Жена ректора подошла ко мнѣ и стала давать наставленія, чтобы я не учился врать, красть, курить табаку, пить вино и т. п. Наконецъ, мы разстались... Прощайте добрые люди...

Я долженъ отдать справедливость финляндцамъ за ихъ чело-вѣческое обращеніе съ питомцами: этотъ народъ въ высшей степени добродушный. Хотя я былъ проказникъ и упрямъ, но наказанъ былъ всего лишь два раза, и то слабо, а виновать я былъ много. Однажды, напримѣръ, съ злымъ умысломъ я пошелъ топтать рожь, но за мною шла дѣвушка, которая, замѣтивъ мою продѣлку, хотѣла схватить меня; но я отчаянно сопротивлялся ей и укусилъ ее за грудь и, вырвавшись, спрятался въ одномъ старомъ погребѣ, но меня скоро нашли и тутъ-же наказали. Другой разъ дѣло было такъ. Я ушелъ въ сосѣднюю деревню и тамъ остался ночевать; вся деревня искала меня всю ночь по лѣсу; за это, когда я явился домой, то получилъ нѣсколько ударовъ прутикомъ по спинѣ отъ названной матери. Бываетъ иногда, что ихъ родныя дѣти жалуются на то, что родители обращаются съ питомцами лучше, чѣмъ съ ними, но на это обыкновенно имъ отвѣчаютъ: «Вы наши родные, вы всегда при насъ будете, а онъ чужой—сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ».

Дорогой мнѣ было скучно, хотя насъ было много мальчиковъ

и дѣвушекъ и всѣ были одного возраста. Мы ѣхали ночью, потому что наше начальство боялось побѣговъ. Днемъ же спали или разсуждали о томъ, куда насъ отправятъ и какъ будемъ жить у новыхъ русскихъ воспитателей.

Мы пріѣхали въ воспитательный домъ. Здѣсь намъ объявили, что мы будемъ отправлены въ городъ Нарву на Кренгольмскую мануфактуру, гдѣ мы, согласно съ контрактомъ, заключеннымъ нашимъ начальствомъ съ хозяиномъ этой фабрики, должны прослужить десять лѣтъ.

II.

На фабрику мы прибыли въ первыхъ числахъ іюля 1864 г. здѣсь насъ помѣстили въ седьмой казармѣ; дѣвушекъ въ верхнемъ этажѣ, а насъ въ нижнемъ. Я, вмѣстѣ съ 30-ю другими мальчиками, попалъ въ № 3. Какъ только мы размѣстились въ своемъ новомъ жилищѣ, къ намъ явился учитель и произвелъ намъ нѣчто вродѣ экзамена, заставляя насъ молиться по православному обряду. Но такъ какъ я молиться по православному не умѣлъ, то онъ, наградивъ меня нѣсколькими пощечинами, и объявилъ, что если я завтра не буду хорошо молиться, то получу розги.

По уходѣ учителя я долго зубрилъ при помощи одного изъ русскихъ питомцевъ молитвы, стараясь избавиться отъ наказанія, которымъ грозилъ мнѣ учитель. Выучивъ молитвы, я подошелъ къ своей кровати и оглянулся. Комната наша была довольно обширная; посреди ея стояла русская печка; къ одной изъ стѣнъ былъ привѣшенъ большой мѣдный рукомоиникъ, а вдоль стѣнъ стояли наши койки. Койки наши были желѣзные; на нихъ соломенные тюфяки и такія же подушки, простыни, наволочки и сужонныя одѣяла. Разсмотрѣвъ все это, я легъ на свою кровать, но мнѣ долго не спалось на своей новой постели. Воспоминаніе за воспоминаніемъ пробуждалось въ моей памяти. Я вспомнилъ о тѣхъ добрыхъ воспитателяхъ, съ которыми я такъ неожиданно долженъ былъ разстаться; вспомнилъ о своей родной матери, о ея ласкахъ и тѣхъ горячихъ слезахъ, которыя она проливала, когда пріѣзжала ко мнѣ. Предо мной пронеслось все мое прошлое... Но что же будетъ дальше?—думалъ я. Суровый приемъ, оказанный намъ на первыхъ порахъ, угрозы учителя и тѣ пощечины, которыми онъ меня наградилъ при первой же встрѣчѣ, не порождали розовыхъ надеждъ, и будущее мнѣ рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Мнѣ было грустно...

И какъ хотѣлось мнѣ хоть еще разъ увидѣть своихъ добрыхъ воспитателей, свою родную мать, какъ хотѣлось горячо, горячо прижать ихъ къ своей наболѣвшей груди, разсказать имъ о своемъ безвыходномъ положеніи, подѣлиться съ ними своимъ горемъ. Но, увы! Ихъ не было... И я заплакалъ горькими, дѣтскими слезами...

На другой день, утромъ я всталъ съ тяжелой головой. Убравши свою постель, я пошелъ на дворъ. Здѣсь было много

*

мальчиковъ и дѣвушекъ; съ послѣдними намъ строго воспрещалось говорить или имѣть какія-нибудь отношенія. Всѣ мы были печальны и скучны, нигдѣ не было видно дѣтской веселости.

На этомъ же дворѣ помѣщалось, кромѣ нашей, еще шесть другихъ казармъ, въ которыхъ жилъ вольный народъ.

Насъ изъ Финляндіи было 200 человекъ: 100 мальчиковъ и 100 дѣвушекъ; русскихъ было столько же; всѣхъ вмѣстѣ—400 человекъ. На третій день насъ повели на фабрику и дали намъ черные номера. Черными у насъ назывались номера, населенные прядильщиками; назывались они такъ въ отличіе отъ бѣлыхъ номеровъ, гдѣ жили ткачи, которые вслѣдствіе условій работы могли одѣваться и содержать свои номера значительно чище первыхъ. Мы почти всѣ попали въ черные номера, т. е. въ прядильщики, только четверо счастливыхъ попали въ ткачи. Мнѣ дали черный номеръ—№ 107-й; съ этихъ поръ я сталъ ходить на работу.

На работу насъ поднимали въ 4 часа утра. Я работалъ на ватерныхъ машинахъ, и мнѣ приходилось стоять все время на одной ногѣ, что было очень утомительно. Этотъ адскій трудъ продолжался до 8 часовъ вечера.

Измученные этой работой до полного истощенія силъ, мы принуждены были въ 9 часовъ вечера идти еще въ школу, гдѣ насъ учили или, вѣрнѣе сказать, мучили до 11 часовъ. Въ школѣ насъ обучали письму, чтенію и ариѳметикѣ. Но, конечно, ученіе наше шло очень плохо: до ученія ли намъ было въ этотъ поздній часъ; тѣмъ болѣе шло оно плохо, что нашъ учитель принадлежалъ къ типу тѣхъ педагоговъ, которые признаютъ кулакъ да розгу лучшими средствами для воспитанія дѣтей. Мы очень боялись учителя; бывали случаи, что нѣкоторые изъ насъ попадали въ обморокъ, когда учитель набрасывался на нихъ съ поднятыми кулаками. Усталые, измученные, дрожа каждую минуту въ ожиданіи толчковъ и затрепичъ, мы ровно ничего не выносили изъ школы. Я помню, напримѣръ, какъ одинъ ученикъ дѣлалъ у насъ вычитаніе такъ: 2—2=2. И этотъ ученикъ учился уже 8 лѣтъ.

По праздникамъ и по воскресеньямъ къ намъ пріѣзжалъ священникъ и училъ насъ Закону Божію.

По воскреснымъ днямъ и по вечерамъ, по окончаніи работъ, я не смѣлъ выйти куда безъ билета, который долженъ былъ брать у учителя. Онъ, выдывая билетъ, обыкновенно говорилъ: «Смотри, я отпускаю тебя на часъ; если ты просрочишь, то—въ карцеръ или розги». Въ карцеръ сажали на хлѣбъ и на воду, а розогъ давали отъ 25 до 100. Розгами били въ казармѣ, и при этой операціи находились: учитель, управляющій Александръ Егоровичъ Фрей и десятникъ, а наказывали сторожа. На фабрикѣ же наказывали директоръ и его помощникъ Василій Васильевичъ Тринкинъ. Эти лица были настоящіе тираны; особенно отличался Тринкинъ и учитель. На фабрикѣ наказывали плетями. Въ конторѣ постоянно у дверей стоялъ палачъ Голяницевъ, который билъ по приказанію начальниковъ. Я привожу нѣсколько

фактовъ, какъ били меня самого. Одинъ разъ я нечаянно сломалъ щетку, за что получилъ 25 ударовъ плетью, другой разъ—50 ударовъ за то, что проѣхалъ на подъемной машинѣ съ 4 этажа въ третій; меня били такъ сильно, что на моей спинѣ не осталось бѣлаго мѣста,—вся—была черная какъ сапогъ. Въ карцерѣ я сидѣлъ нѣсколько разъ; такъ, однажды я попалъ туда за то, что не успѣлъ на повѣрку. Не стану говорить о томъ, сколько я головомоекъ получилъ отъ десятниковъ и отъ другихъ... Скажу только, что на фабрикѣ мастера и подмастерья явно убивали дѣтей. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ подмастерье билъ одну дѣвушку, которая на другой же день слегла въ больницу и тамъ умерла. Дѣтей ставили часа на два на колѣни на осколки старыхъ кирпичей и на соль, таскали за волосы, били ремнями... Словомъ сказать, дѣлали съ ними все, что только хотѣли.

Пища у насъ была самая скверная; каждый день одни щи и по маленькому куску говядины, а кашу варили только разъ въ недѣлю, въ субботу вечеромъ. Иногда намъ варили горохъ. Изъ-за него разъ у насъ вышла цѣлая исторія. Однажды сварили намъ его съ червями; мы пошли къ Фрею и просили его дать намъ на ужинъ селедокъ, такъ какъ горохъ мы ѣсть не можемъ; но онъ отказалъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, мы рѣшились отправиться къ исправнику, но тутъ вышло еще хуже: насъ отпороли на славу. Лѣтомъ было особенно плохо, такъ какъ капуста была гнилая, мясо тухлое, хлѣбъ заплѣснѣвшій.

Одежда наша состояла изъ пальто, полушубка, сапогъ, башмаковъ и шапки, вотъ и весь нарядъ. Бѣлья намъ давали двѣ пары на полгода, перемѣняли его намъ каждую субботу; но несмотря на это, бѣлье у насъ было всегда грязно, такъ какъ верхней одежды у насъ для работы не было и нужно было работать въ одномъ бѣльѣ. Въ первый же день по прибытіи на фабрику бѣлье наше загрязнялось до того, что не было и признака, чтобы оно мылось хотя когда-нибудь. Мы ходили грязные и оборванные. Лѣтомъ мы еще кое-какъ перебывались съ этой одеждой, но зимою намъ было невыносимо холодно, такъ какъ одежда у насъ была рваная, а полушубокъ не покрывалъ и колѣнъ; а между тѣмъ казарма, въ которой мы жили, отстояла отъ фабрики почти на цѣлую версту: вотъ тутъ-то и пробиралъ морозъ.

Я еще не говорилъ ничего о нашемъ хозяинѣ Орестѣ Теоодоровичѣ Кольбе; это былъ въ полномъ смыслѣ деспотъ. Однажды мнѣ пришлось попасть къ нему въ когти. Это было вотъ какъ. Разъ, по окончаніи работъ, я пошелъ съ товарищемъ въ мелочную лавку; мы тамъ купили хлѣба, масла и еще чего-то, не помню. Лавочникъ, какъ это водится, далъ намъ по папиросѣ и мы, закуривши, вышли изъ лавки; но какъ на грѣхъ, на встрѣчу намъ попался хозяинъ, который, увидѣвъ насъ, подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ: питомецъ ли я? Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ сильно разсердился. «Такой молокососъ, а куришь», закричалъ онъ и, обругавъ меня непечатнымъ словомъ,

схватилъ меня за волосы и началъ бить по щекамъ. Не ограничившись этимъ, онъ подозвалъ сторожа и велѣлъ на другой день привести меня въ контору, но подумавъ немного, приказалъ сторожу отвести меня къ Фрею и посадить въ карцеръ. Управляющій, узнавъ въ чемъ дѣло, удивился и пожалѣлъ меня, но ничѣмъ дѣла поправить не могъ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. На другой день я по ошибкѣ былъ вызванъ въ контору и, узнавъ отъ писаря, что онъ меня не вызывалъ, я пошелъ было назадъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно наткнулся на Тринкина. Я испугался не на шутку и хотѣлъ увильнуть отъ этой неприятной встрѣчи, но было уже поздно. Какъ только я поравнялся съ нимъ, онъ накинулся на меня и сильно побилъ. Вотъ какъ дорого обшлась мнѣ эта злополучная папириска.

Но жаловаться было некому; да и не зачѣмъ... Инспекторъ воспитательнаго дома, господинъ Безобразовъ, пріѣзжалъ только разъ въ году и то никакихъ жалобъ не принималъ.

Въ 68 году, около Рождества, я маслилъ большой шкафъ вагтерной машины и попалъ въ нее рукой. Ушибъ былъ настолько силенъ, что меня отправили въ больницу, гдѣ я пролежалъ четыре мѣсяца. По выходѣ изъ госпиталя меня по моей просьбѣ перевели въ ткацкую. Здѣсь мнѣ было немного лучше; я работалъ на двухъ станкахъ и зарабатывалъ отъ 18-ти до 22-хъ рублей въ мѣсяцъ. Изъ этихъ денегъ хозяину платилъ за свое содержаніе 8 рублей, а остальнымъ покрывалъ долгъ, получая на руки лишь 5 к. съ рубля. Долгу къ этому времени у меня набралось до 136 рублей.

При поступленіи на фабрику директоръ положилъ жалованья намъ по 4 рубля; изъ этихъ денегъ намъ давали лишь 8 к. въ мѣсяцъ, т. е. по 2 к. съ рубля. За такое жалованье я жилъ цѣлыхъ четыре года. До шестнадцати лѣтъ съ меня хозяинъ бралъ за содержаніе 6 рублей 50 копѣекъ. Поэтому я оставался долженъ ему каждый мѣсяцъ по 2 р. 50 к., а иной разъ и больше, такъ какъ съ насъ часто брали штрафъ за разныя провинности и эти штрафныя деньги присчитывались къ долгу. Когда мнѣ наступилъ двадцатый годъ, съ меня хозяинъ сталъ брать за содержаніе по 10 рублей въ мѣсяцъ.

Такимъ-то образомъ и составилъ мой долгъ, на покрытіе котораго шелъ почти весь мой заработокъ. Черезъ три года мнѣ удалось выплатить все, что я долженъ былъ хозяину. Но положеніе мое послѣ этого не особенно улучшилось, такъ какъ мнѣ всетаки не выдавали на руки весь мой заработокъ, а только 10 копеекъ съ рубля, остальные деньги шли въ ссудосберегательную кассу, и я могъ ихъ тратить лишь подъ контролемъ хозяина. Изъ этихъ денегъ я могъ покупать себѣ одежду, пищу и другія необходимыя вещи. Теперь я ходилъ постоянно въ чистомъ бѣльѣ, одежда у насъ грязнилась мало, такъ какъ въ ткацкой работа была чистая.

Въ 69 году, на третій день Троицы, на нашей фабрикѣ случилось ужасное событіе. Съ моста свалилось въ рѣку 150 человѣкъ женщинъ; нѣкоторыхъ удалось вытащить, но, какъ говорили, 75 изъ нихъ пропали безъ слѣда. Обстоятельства этого происшествія были слѣдующія: Кренгольмская мануфактура считается самою большою фабрикою въ Россіи, здѣсь въ то время работало болѣе 12 тысячъ вольнаго народа. По окончаніи работъ хозяинъ каждый вечеръ производилъ строгій обыскъ рабочимъ, опасаясь, чтобы они не унесли чего-нибудь съ собой изъ фабрики. Обыскъ этотъ производился на мосту, черезъ который проходили на фабрику. Мостъ этотъ стоялъ у самыхъ большихъ пороговъ рѣки, по срединѣ которой стояла фабрика. Помимо моста на фабрику никакого прохода не было, такъ какъ она, находясь на срединѣ рѣки, была окружена со всѣхъ сторонъ водой. Мостъ былъ деревянный и существовалъ уже съ 48 года. Поперекъ моста стояли четыре рогатки, сквозь которыя въ четыре ряда проходилъ народъ: чрезъ первыя двѣ рогатки проходили мужчины, а чрезъ остальные двѣ—женщины. Женщинъ обыскивали сторожики, а насъ мужчинъ—сами сторожа. На третій день Троицы въ 69 году, случилось, что сторожики куда-то пропали и поэтому женщинамъ пришлось ждать довольно долго; а между тѣмъ съ фабрики приходили все новыя и новыя толпы женщинъ и становились въ ряды. Ожиданіе длилось долго. Наконецъ, женщины вышли изъ терпѣнія, заднія нажали на переднихъ, которыя, прижатые къ периламъ, налегли со всей тяжестью на эту гнилую, хрупкую преграду, сломили ее и начали падать въ рѣку. Между тѣмъ заднія, не зная о случившемся, продолжали напирать... Всѣхъ упавшихъ въ рѣку, какъ я уже говорилъ, было болѣе 150-ти и около половины изъ нихъ были убиты. Какъ бы вы думали,—было за это что-нибудь хозяину? Нѣтъ, онъ никакой отвѣтственности не подвергся. Это событіе возбудило сильное негодование въ народѣ.

Въ 71 году повторился подобный же случай. У насъ строился новый четырехэтажный корпусъ: онъ былъ уже готовъ, и оставалось только додѣлать карнизъ: крутомъ его высились лѣса, на которыхъ находилось до 800 человѣкъ рабочихъ. Лѣса эти, вѣроятно, были построены очень непрочо, такъ какъ въ одинъ прекрасный день они рухнули и всѣ работавшіе на нихъ полетѣли внизъ. Многие убились до смерти, многие были покалѣчены на всю жизнь. Но хозяину, однако, и на этотъ разъ ничего не было. Народное негодование еще болѣе усилилось.

Хотя мы теперь были уже на возрастѣ, но тѣлесное наказаніе къ намъ примѣнялось еще съ полной силой. Кто плохо работалъ, того мастеръ билъ по лицу. Иногда эти побои были очень жестоки: такъ, однажды, онъ ударилъ съ такой силой одного питомца, что у того сдѣлались нарывы въ ушахъ, онъ слегъ въ больницу и умеръ.

Дѣло было такъ. У одного питомца, Антона Дмитріева, по-

портилась машина и потому работа его получалась плохого качества и попадала въ бракъ. Мастеръ, не разобравъ въ чемъ дѣло, општрафовалъ Дмитріева на три рубля и такъ сильно избилъ, что у него сдѣлались нарывы, отъ которыхъ онъ сильно страдалъ. Въ это самое время пріѣхалъ къ намъ Безобразовъ, и Дмитріевъ жаловался ему, но его превосходительство Безобразовъ не обратилъ никакого вниманія на его заявленіе. Послѣ отъѣзда инспектора болѣзнь Дмитріева усилилась, и онъ слегъ въ больницу... Черезъ двѣ недѣли его не стало... Въ кассѣ у него осталось 175 рублей заработанныхъ денегъ; изъ этой суммы онъ завѣщалъ 50 рублей—на бѣдныхъ, 30 рублей—на похороны, остальные же отказалъ своей названной матери. На другой день докторъ вскрылъ черепъ и, вынувъ головной мозгъ, убѣдился, что смерть послѣдовала отъ побоевъ. Онъ донесъ объ этомъ хозяину, и по этому поводу было назначено нѣчто вродѣ домашняго «слѣдствія». Это, какъ и надо было ожидать, кончилось полнымъ оправданіемъ мастера, который не только не заплатилъ за свой поступокъ, но даже остался служить на фабрикѣ, продолжая истязать питомцевъ. По этому поводу мы еще разъ жаловались, когда пріѣхалъ къ намъ его превосходительство Безобразовъ, но онъ и на этотъ разъ не обратилъ никакого вниманія на нашу просьбу; жаловались, ему также на пищу, но и изъ этого ничего не вышло. Онъ сказалъ, что было бы намъ въ обѣдъ похлебать что-нибудь тепленькое, а вечеромъ можно ѣсть и хлѣбъ съ водой.

Въ казармѣ житье стало невыносимо: за все розги, да розги. Изъ тѣхъ дѣтей, которые пріѣхали со мною въ Нарву, въ живыхъ уже нѣтъ и половины. Холодъ и голодъ свели ихъ въ преждевременную могилу. Были у насъ протесты и бунты, но они не улучшали нашего положенія и обыкновенно кончались поркой. Случались и побѣги, но напрасно: бѣжавшихъ привозили назадъ изъ Петербурга и жестоко наказывали. Но такъ какъ побѣгъ былъ единственный исходъ изъ нашего невыносимаго положенія, то я, несмотря на печальную участь своихъ предшественниковъ, рѣшился бѣжать.

Дѣло было такъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 70 года мнѣ попались худыя основы, и потому я не могъ сдѣлать назначенный мнѣ урокъ; мнѣ поставили штрафъ 2 рубля, я отправился къ главному мастеру и показалъ ему основы, объяснивъ, что я не виновать, что при такомъ плохомъ матеріалѣ скоро работать нельзя. Онъ согласился со мною, но когда пришло время призывать въ контору для объясненія причинъ дурной выработки, въ числѣ другихъ позвали и меня. Здѣсь главный подмастерье сталъ рекомендовать меня директору, какъ человѣка нерадиваго, и потому, не смотря на всѣ мои оправданія, директоръ велѣлъ взыскать съ меня штрафъ. Это окончательно взбѣсило меня и послужило послѣдней каплей, переполнившей мое терпѣніе. Прійдя изъ конторы къ станкамъ, я снялъ ремни и, разыскавъ въ прядильной

своего товарища Алексѣя Егорова, уговорилъ его бѣжать со мною въ Петербургъ. Это былъ самый добродушный человѣкъ, какихъ я только видѣлъ на своемъ вѣку; но онъ въ то же время былъ самый несчастливый. За все пребываніе на Нарвской фабрикѣ, онъ получилъ 2000 ударовъ розгами. Такого человѣка легко было подбить на побѣгъ, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ временемъ, о которомъ я пишу, онъ только что понесъ незаслуженную кару, и это еще болѣе усилило раздраженіе его противъ фабричнаго начальства. Дѣло происходило такъ. Разъ онъ былъ шаферомъ на одной свадьбѣ и гулялъ тамъ до перваго часу. На другой день утромъ онъ пошелъ къ доктору, потому что у него болѣла грудь; докторъ, замѣтивъ, что отъ него пахнетъ водкой, денесъ объ этомъ управляющему. Это «преступленіе» послѣднему показалось настолько серьезнымъ, что онъ, явившись на фабрику, избилъ Егорова столь сильно, что тотъ долго не могъ ничего сѣсть. Онъ оштрафовалъ его на три рубля и, кромѣ того, въ тотъ же день вечеромъ по окончаніи работъ велѣлъ дать ему 40 розогъ. Я былъ въ то время десятникомъ, а Егоровъ былъ у меня въ десяткѣ и поэтому я видѣлъ, какъ его наказывали. Это было ужасно! Ему назначено было сорокъ розогъ. Онъ стоналъ подъ ударами палачей... Управляющій и учитель присутствовали при совершеніи этой операціи и хладнокровно разговаривали о чемъ-то между собой. «Вы хотите убить меня», прокричалъ Егоровъ. «Дать ему еще десять», спокойно приказалъ управляющій и продолжалъ прерванный разговоръ. Сторожа были рады. Пользуясь тѣмъ, что на нихъ не обращаютъ вниманія, они вмѣсто десяти придали двадцать, и Егоровъ получилъ такимъ образомъ 60 ударовъ розгами. Наконецъ, эта сцена кончилась... Егоровъ не могъ встать съ полу и лишь при нашей помощи кой какъ добрался до своей кровати; его спина была вся въ лоскутьяхъ.

Вечеромъ того же дня, какъ меня оштрафовали на 2 рубля, мы надѣли новое чистое платье и, приготовившись такимъ образомъ въ путь, легли спать подъ одѣяло, чтобы учитель или сторожъ, которые ходятъ ночью на повѣрку, не замѣтили-бъ нашихъ приготовленій къ побѣгу. На другой день утромъ мы благополучно уѣхали въ Петербургъ.

III.

По пріѣздѣ на станцію, мы наняли извозчика и поѣхали въ воспитательный домъ. Пріѣхавъ къ воротамъ, мы были опрошены часовымъ, который, узнавъ отъ насъ, что мы питомцы, велѣлъ какому-то солдату провести насъ въ управленіе. Здѣсь насъ встрѣтилъ директоръ, онъ снялъ съ насъ допросъ, и мы подробно рассказали ему, какъ было дѣло. Директоръ, покачавъ головой, спросилъ насъ, жаловались ли мы Безобразову? Получивъ утвердительный отвѣтъ, директоръ попросилъ насъ сѣсть и подождать Безобразова. Ждать намъ пришлось довольно долго. Безобразовъ

явился лишь къ шести часамъ вечера. Мы подробно объяснили ему о своемъ побѣгѣ и о причинахъ, вызвавшихъ насъ на этотъ поступокъ. На первыхъ порахъ Безобразовъ отнесся къ намъ сурово и грозилъ розгами, но эти отношенія скоро измѣнились къ лучшему. Егорова повели къ главному доктору, который, осмотрѣвъ его исполосованную спину, подтвердилъ справедливость нашихъ словъ. Начальство стало относиться къ намъ съ большимъ довѣремъ и, вѣроятно, подъ влияніемъ доктора приняло нѣкоторое участіе въ нашемъ безысходномъ положеніи. Насъ повели въ отдѣленіе, гдѣ были наши братья - питомцы. Здѣсь намъ дали ужинать, а послѣ ужина уложили спать.

На слѣдующее утро мы попросили своихъ новыхъ товарищей показать намъ обстановку воспитательнаго дома и рассказать намъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Надо замѣтить, что тамъ было много взрослыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ, взятыхъ обратно изъ деревень въ воспитательный домъ. Къ нимъ-то мы и обратились съ своей просьбой. Трое изъ нихъ были съ Егоровымъ изъ одной деревни и потому хорошо знали его. Это намъ было, какъ говорится, съ руки. Они согласились на нашу просьбу, и мы отправились. Но, чтобы подробно рассмотреть домъ, намъ нужно было прибѣгнуть къ хитрости, такъ какъ въ нѣкоторыя его отдѣленія, какъ напримѣръ въ женское, мужчинъ не пускали. Чтобы избѣжать этого препятствія, я одѣлся столяромъ, а Егоровъ слесаремъ и каждый изъ насъ несъ инструменты соответствующаго ремесла. Вооружившись такимъ «паспортомъ», мы смѣло отправились въ отдѣленіе взрослыхъ дѣвицъ. У дверей, ведущихъ въ это «святое мѣсто», стоялъ часовой, который, увидя насъ, спросилъ, куда и зачѣмъ? Мы идемъ на «работу», отвѣчали мы для большей убѣдительности показали ему свои инструменты. Часовой, не подозрѣвая обмана, позвонилъ въ колокольчикъ, и насъ пропустили. Это было часовъ въ 8 утра, и наше начальство еще спало. Сестры наши были очень рады, когда увидѣли насъ. Мы сами рекомендовали имъ себя какъ бѣглецовъ, и онѣ сожалѣли, что насъ постигла такая печальная участь. Этихъ дѣвушекъ здѣсь учатъ грамотѣ и разному рукодѣлію. Распростившись со своими сестрами, мы отправились въ палату своихъ маленькихъ братьевъ-дѣтей. Дѣтямъ здѣсь довольно уютно; для каждаго ребенка есть особенная кормилица. Кормилица должна кормить ребенка и держать его постоянно въ чистотѣ, за это она получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ. Мальчикамъ въ воспитательномъ домѣ живетъ довольно хорошо, дѣвушкамъ же значительно хуже. Онѣ сидятъ взаперти день и ночь, и у всѣхъ дверей, ведущихъ въ ихъ отдѣленіе, стоятъ часовые. На прогулку дѣвушекъ въ городъ пускаютъ лишь одинъ разъ въ недѣлю и то съ мальчиками, которые за ними смотрятъ, какъ тюремные надзиратели за арестантами. Кормятъ и одѣваютъ въ воспитательномъ домѣ прилично.

На третій день къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Нарвы

вашъ хозяинъ г. Кольбе и насъ опять призвали на допросъ. Кольбе спросилъ моего товарища, кто видѣлъ, какъ ему дали 60 ударовъ. Егоровъ указалъ на меня, и я подтвердилъ справедливость его словъ. Тогда намъ объявили, что завтра мы ѣдемъ назадъ въ Нарву и что Безобразовъ, отправляющійся съ нами, разберетъ наше дѣло на мѣстѣ.

На другой день мы приѣхали въ Нарву. Я не стану описывать, какой допросъ былъ здѣсь, скажу только, что на этотъ разъ намъ удалось выиграть наше дѣло: насъ перестали наказывать, уничтожили билеты, прибавили 50 рублей награды тѣмъ, кто хорошо работалъ, а мнѣ возвратили штрафъ (2 рубля) и заплатили тѣ деньги, которыя я издержалъ на дорогу въ Петербургъ. Съ десятниковъ меня впрочемъ уволили. Главный результатъ, котораго мы добились, заключался въ томъ, что розги и плети окончательно вывелись изъ употребленія на нашей фабрикѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ наказанія, назначаемыя намъ за разныя провинности, сводились къ карцеру и штрафу. Вообще, положеніе наше улучшилось значительно. Мнѣ дали опять мои станки и я сталъ снова работать.

Черезъ два мѣсяца меня пустили на вольныя харчи, и я сталъ ходить обѣдать къ одному рабочему. Содержаніе мнѣ обходилось въ 16 рублей въ мѣсяцъ: 6 руб. платилъ хозяину, 8 руб. за харчи и 2 рубля шли на чай.

IV.

Я уже выше говорилъ о негодованіи народа за погибшихъ женщинъ и каменщиковъ. Было еще много и другихъ причинъ, за что народъ ненавидѣлъ хозяевъ, но онъ все терпѣлъ и, какъ говорится, ждалъ у моря погоды. Такъ дѣло протянулось до 72 года, когда терпѣніе рабочихъ, наконецъ, лопнуло и они рѣшились устроить стачку.

Дѣло было такъ. Наша фабрика, Кренгольмская мануфактура, существуетъ съ 1858 года. Со времени ея открытія работа тамъ происходила при слѣдующихъ условіяхъ: начиналась она въ половинѣ шестого утра и продолжалась до 8 часовъ вечера. На обѣдъ давали 1½ часа; работа была поштучная; куски были по 45 аршинъ длины, и за кусокъ, т. е. за штуку, платили 50 к.; за ломку машинъ не штрафовали ткачей. Большой выработки не требовали, а только поощряли ее, давая тому, кто могъ сработать 25 кусковъ въ мѣсяцъ, награду отъ 5 до 10 рублей. При этихъ условіяхъ работа продолжалась недолго. Уже въ 60 году хозяева, видя, что ткачи выучились отлично работать, начинаютъ вводить одну прижимку за другой. Они уничтожили награды, убавили 5 копеекъ съ куска, чрезъ нѣсколько времени еще 5 к. Это прогрессивное уменьшеніе платы за кусокъ хозяинъ хотѣлъ продолжать дальше, но мастеръ ему это отсоветовалъ, говоря, что рабочіе не станутъ работать, а можно, молъ,

того же самого достигнуть на другой манеръ—увеличить длину куска на 5 аршинъ. Эта продѣлка такъ понравилась хозяевамъ, что въ 72 году куски уже были въ 60 аршинъ длины. вмѣстѣ съ тѣмъ на обѣдъ стали давать только чай, а работу начинать въ 5 часовъ утра; за всякую ломку машинъ стали штрафовать. Рабочіе давно замѣтили всѣ эти продѣлки и только ждали удобнаго случая, чтобы заявить свой протестъ.

Въ 72 году у насъ была сильная холера, такъ что каждый день умирало 45—50 ч. Съ больными начальство обращалось безчеловѣчно. Такъ, на примѣръ, одного рабочаго тащили въ покойницкую будку, но на пути оказалось, что онъ былъ еще живъ. Такихъ примѣровъ было много, и они естественно усиливали негодованіе рабочихъ. Но сигналомъ къ стачкѣ, какъ это часто бываетъ, послужилъ сравнительно мелкій фактъ. Дѣло въ томъ, что директоръ, вѣроятно, ради гигиеническихъ цѣлей, приказалъ отворить на фабрикѣ всѣ окна и при этомъ заявилъ, что если кто запретъ окно, то тотъ подвергнется пятирублевому штрафу. Въ фабрикѣ стало такъ холодно, что не было никакой возможности работать. Мы цѣлою толпой направились къ директору. Директоръ встрѣтилъ насъ довольно ласково и спросилъ о причинѣ нашего прихода. Мы прежде всего заявили нашъ протестъ насчетъ оконъ, на что директоръ очень вѣжливо отвѣтилъ, что онъ желалъ намъ только одного добра и ради нашей же пользы велѣлъ провентилировать фабрику, но что, если намъ это не нравится, то онъ прикажетъ затворить окна. Но мы этимъ не удовлетворились. Мы значительно расширили свои требованія и стали настаивать, чтобы хозяинъ возстановилъ тѣ условія работы, которыя существовали при основаніи фабрики. Директоръ задумался. Минуть черезъ десять онъ вышелъ къ намъ и объявилъ, что такъ какъ онъ такой же подневольный человѣкъ, какъ и мы, то онъ отъ себя многого сдѣлать не можетъ, что пока онъ намъ разрѣшитъ только начинать работу позднѣе на $\frac{1}{4}$ часа, прибавить намъ на обѣдъ 15 минутъ и дозволить носить съ собой завтракъ на фабрику, что намъ строго запрещалось. О нашихъ же требованіяхъ онъ обѣщался объявить хозяевамъ. Въ заключеніе онъ просилъ насъ подождать недѣлю; мы согласились и отправились на работу.

Миновала недѣля, а отвѣта отъ нашихъ хозяевъ все еще не было. Вновь мы собрались толпой и придя къ директору стали требовать своихъ правъ. Но на этотъ разъ директоръ совершенно измѣнилъ свою тактику; онъ закричалъ на насъ, говоря, что мы должны быть довольны тѣмъ, что уже получили отъ него, и приказалъ намъ идти работать. Но рабочіе отказались повиноваться его приказанію, продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Директоръ разсердился и ушелъ, оставивъ насъ въ конторѣ. Между тѣмъ движеніе наше разрасталось все больше и больше. До сихъ поръ въ стачкѣ участвовали одни ткачи, но въ этотъ день прядильщики, узнавъ наши требованія, остановили свои ма-

шины и присоединились къ намъ. Такимъ образомъ мы всѣ вмѣстѣ, ткачи и прядильщики, дожидались въ конторѣ. Часовъ въ 12 къ намъ явилось начальство: директоръ и жандармскій полковникъ съ жандармами. Они просили насъ заявить имъ о своихъ требованіяхъ, что и было нами исполнено. Послѣ этого Кольбе сталъ просить насъ идти на работу, обѣщая дать намъ 2 часа на обѣдъ, а объ остальномъ извѣститъ насъ черезъ недѣлю. Мы согласились ждать. Черезъ недѣлю къ намъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Ревеля губернаторъ. Онъ прошелъ по фабрикѣ и давалъ намъ рукой знакъ слѣдовать за нимъ въ контору. Мы остановили станки и отправились вслѣдъ за нимъ. Губернаторъ просилъ насъ выбрать изъ своей среды сорокъ человѣкъ, чтобы переговорить съ нимъ о нашемъ дѣлѣ. Мы исполнили эту просьбу, и губернаторъ удалился съ нашими выборными въ директорскую контору, а мы остались въ хозяйской конторѣ въ ожиданіи результата переговоровъ. Черезъ нѣкоторое время совершенно неожиданно для насъ къ намъ снова явился губернаторъ и, принявъ суровый видъ и топнувъ ногой, закричалъ на насъ грознымъ голосомъ: «Маршъ на работу», но въ отвѣтъ на это раздались свистки, насмѣшки... Губернаторъ сильно разгѣввался, говоря, что онъ поѣдетъ въ Петербургъ и, приведи три полка солдатъ, накажетъ всѣхъ бунтовщиковъ. Но все было напрасно—рабочіе смѣялись на его угрозы. Губернаторъ, видя, что это не помогаетъ, перемѣнилъ свой тонъ и сталъ насъ разсрашивать о причинахъ нежеланія идти работать.

Мы заявили ему о своихъ желаніяхъ и потребовали освобожденія нашихъ выборныхъ, которые были заперты въ конторѣ, такъ какъ мы боялись, чтобы они не были арестованы. Послѣднее наше требованіе было немедленно исполнено. Отпуская нашихъ выборныхъ, губернаторъ просилъ ихъ уговорить другихъ рабочихъ идти на работу. Просьба ихъ подѣйствовала, и мы ушли работать, между тѣмъ выборные остались, чтобы совѣщаться съ губернаторомъ. Къ вечеру совѣщанія кончились, и наши выборные объявили намъ тѣ льготы, на которыя согласился и губернаторъ. Правила, данныя намъ, были слѣдующія: 1) ткачъ долженъ сработать въ день 90 аршинъ полотна на двухъ станкахъ, т. е. 45 арш. со станка, 2) работа должна начинаться утромъ въ $\frac{1}{4}$ шестого, но рабочіе могутъ приходиться и въ $\frac{1}{2}$ шестого, не подвергаясь штрафу; 3) на обѣдъ давать $1\frac{1}{4}$ —съ 12 до $1\frac{1}{4}$, но мы могли приходиться и въ $\frac{1}{2}$ второго; 4) за поврежденіе машинъ не взыскивать штрафа; 5) завтракъ дозволить носить на фабрику. Этими новыми правилами мы остались довольны. Но Кольбе они не понравились и онъ, желая повредить нашему дѣлу, подкупилъ десять человѣкъ прядильщиковъ и, давъ имъ по 10 рублей, заставляя ихъ подписать какую-то бумагу. Дѣло это велось, конечно, въ глубочайшей тайнѣ, но ткачамъ однако удалось вовремя провѣдать о немъ. Ткачи, первые узнавшіе объ измѣнѣ, бросились въ трактиръ, гдѣ собрались предатели. Но имъ не

удалось захватить врасплох измѣнниковъ, которые, замѣтивъ ихъ приближеніе, успѣли уничтожить бумагу, содержаніе которой такъ и не узнали.

Этотъ случай послужилъ поводомъ къ возобновленію стачки.

На другой день утромъ мы выбрали шесть человѣкъ и отправили ихъ въ городъ къ жандармскому полковнику. Полковникъ, выслушавъ ихъ, велѣлъ имъ придти къ себѣ въ 6 часовъ вечера, но когда они явились въ назначенное время, полковникъ принялъ ихъ сурово и велѣлъ арестовать одного изъ нихъ; остальные пять человѣкъ заявили полковнику, что онъ долженъ арестовать и ихъ, что они не оставятъ своего товарища и не уйдутъ безъ него.

Полковникъ арестовалъ и ихъ. Всѣ они были посажены въ тюрьму. Объ этомъ происшествіи на фабрикѣ узнали только на второй день. Тотчасъ же всѣ машины были остановлены, и рабочіе бросились къ Кольбе и стали требовать освобожденія товарищей. Онъ сперва объявилъ, что ничего не знаетъ объ ихъ судьбѣ, но потомъ, послѣ долгихъ нашихъ требованій, прибавилъ, что товарищи наши не возвратятся. Услышавъ это, мы немедленно всѣ ушли съ фабрики съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться на работу до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ арестованныхъ товарищей.

Послѣ обѣда мы всѣ собрались у моста, черезъ который ходили на фабрику. Уже было 2 часа, когда къ намъ явилось начальство. То были: Кольбе, исправникъ и директоръ. Они стали уговаривать насъ идти на работу, но мы отказались исполнить ихъ просьбу до возвращенія арестованныхъ товарищей. По уходѣ начальства, мы рѣшились идти въ городъ, чтобы требовать освобожденія нашихъ выборныхъ.

Когда мы пришли туда, то увидѣли своихъ товарищей. Они сидѣли въ полиціи. Мы стали требовать, чтобы ихъ выпустили, но намъ отказали, и жандармскій полковникъ, явившійся къ намъ, заявилъ, что они будутъ отправлены въ Ревель. Такъ какъ уже наступилъ вечеръ, и рабочіе чувствовали усталость, то они не стали ломать полицію и воротились домой.

На возвратномъ пути изъ города насъ встрѣтилъ мальчикъ, который сообщилъ намъ, что хозяинъ съ жандармами, воспользовавшись нашимъ отсутствіемъ, били женщинъ и дѣтей и посадили ихъ въ карцеръ и подвалы, заставляя ихъ работать. Мы поспѣшили къ нимъ на выручку. Слова, сказанныя мальчикомъ, оправдались.

Это возмутило насъ всѣхъ до крайности, и мы, не помня себя отъ гнѣва, начали бить все, что только попало подъ руки. Первымъ пострадалъ карцеръ, потомъ подвалы, гдѣ были посажены женщины; затѣмъ мы проникли въ хозяйскій домъ и переломали тамъ мебель, выбили окна. Мы искали хозяина, но не могли найти; какъ потомъ мы узнали, онъ спрятался въ городѣ.

Для нашего усмиренія скоро явились войска... Мы пригото-

вились къ защитѣ и раздѣлили свои силы на три партіи: первая партія состояла изъ 2000 человекъ и должна была отправиться на вокзалъ и слѣдить тамъ, чтобы арестованныхъ товарищей не увезли въ Ревель; вторая партія должна была стоять на мосту и не пускать никого на фабрику; она состояла изъ 4.000 человекъ; наконецъ, третья партія состояла изъ 6.000 человекъ и обязана была охранять женщинъ и дѣтей отъ солдатъ.

Такъ мы провели ночь...

На другой день солдаты, по приказанію начальства, стали гнать насъ на работу. Начались схватки между нами и солдатами. Хотя солдатъ былъ цѣлый полкъ, но такъ какъ имъ не приказано было стрѣлять, то они не могли съ нами справиться. Ихъ били камнями, ломали ихъ ружья... Схватки продолжались цѣлый день.

Вечеромъ къ намъ опять пріѣхалъ губернаторъ и съ нимъ еще полкъ солдатъ. На третій день губернаторъ сталъ производить слѣдствіе. На слѣдствіе привлекли тѣхъ, кого замѣтили во время схватки съ солдатами, привлекли сорокъ выборныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, и другихъ выборныхъ, шесть арестованныхъ въ городѣ и двухъ измѣнниковъ, державшихъ сторону хозяина. Черезъ 7 дней слѣдствіе кончилось.

Послѣдствія были слѣдующія: 1) Кольбе вѣчно было оставить Нарву навсегда; 2) фельдшеръ, который дурно обращался съ больными во время холеры, тоже долженъ былъ оставить Нарву; 3) введены были тѣ правила, которыя далъ губернаторъ въ первый разъ намъ, и о которыхъ я уже говорилъ; 4) 63 человека были арестованы и отданы подъ судъ, въ числѣ ихъ были арестованные въ городѣ. Изъ нихъ суду были преданы только 26 человекъ. Дѣло ихъ разбиралось въ старомъ судѣ въ Ревелѣ. Трое изъ нихъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ на восемь лѣтъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ питомецъ Николай Богдановъ; ему оставалось всего 16 дней до выхода изъ разряда питомцевъ. Черезъ 16 дней онъ былъ бы вольнымъ человекомъ, но онъ ударилъ часового и за это пошелъ на каторгу.

Остальныхъ подсудимыхъ сослали въ Архангельскую губернію, нѣкоторыхъ на одинъ годъ, другихъ—на полгода.

Ткачи, несмотря на аресты, хотѣли продолжать стачку, но прядильщики ввязались за работу, и ткачи, должны были послѣдовать ихъ примѣру.

Фабрика простояла только недѣлю.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 72 года меня послѣдній разъ посадили въ карцеръ за то, что я цѣлыхъ трое сутокъ не работалъ и не ночевалъ дома; это была послѣдняя кара, постигшая меня на Нарвской фабрикѣ. На этотъ разъ я дѣйствительно былъ виноватъ.

Дѣло было такъ. Я былъ приглашенъ однимъ питомцемъ на его свадьбу въ качествѣ шафера. Пошелъ я на эту свадьбу, безъ дозволенія учителя. Учитель обидѣлся и послалъ за мною сто-

рожа съ приказаніемъ явиться домой, но я не обратилъ вниманія на его приказаніе. Прогулялъ я на свадьбѣ трое сутокъ. На четвертый день утромъ на квартиру жениха явились 4 сторожа. Они объявили мнѣ, что ихъ прислалъ самъ хозяинъ, чтобы меня отвести домой. Меня сейчасъ же засадили въ карцеръ.

На этотъ разъ я тамъ просидѣлъ цѣлую недѣлю, но теперь мнѣ здѣсь было не такъ плохо. Тотъ рабочій, у котораго я былъ на харчахъ, приносилъ мнѣ пищу съ воли. Рядомъ со мной въ другомъ карцерѣ сидѣла одна дѣвушка, воспитанница. Ее посадили тоже за свадьбу. Мы постоянно бесѣдовали, и намъ не было скучно.

1 января 73 года я былъ на свободѣ. Простившись со всѣми старыми друзьями, я уѣхалъ изъ Нарвы, можетъ быть, навсегда.

Егоровъ выпелъ на волю однимъ годомъ раньше меня и женился на одной швеѣ. Онъ остался жить въ Нарвѣ...

Теперь я вольный...

V.

По приѣздѣ моемъ въ Петербургъ у меня была небольшая сумма, которую я заработалъ еще въ Нарвѣ. Изъ кассы я получилъ 250 рублей, да при выходѣ на волю получилъ съ воспитательнаго дома 81 рубль наградныхъ, всего—331 рубль. Благодаря этимъ деньгамъ я могъ не сгѣша присмотрѣться къ быту петербургскихъ рабочихъ и подыскать себѣ прибыльное занятіе. Съ этой цѣлью я переходилъ съ фабрики на фабрику. Къ этому же времени относится мое первое столкновеніе съ социалистами. Переходя съ мѣста на мѣсто и толкаясь между рабочимъ людемъ, я узналъ отъ послѣдняго, что за Невской заставой была школа, гдѣ главную роль игралъ С. Я желалъ попасть въ эту школу, но это мнѣ не удалось, такъ какъ С. былъ вскорѣ арестованъ, и его школа прекратила свое существованіе. Такимъ образомъ мнѣ на этотъ разъ не удалось ближе сойтись съ социалистами, ученіе которыхъ въ то время сильно интересовало меня. Но случай скоро помогъ мнѣ удовлетворить моему любопытству.

Лѣтомъ 74 года, я жилъ на дачѣ Базунова. Здѣсь я познакомился съ Дьяковымъ и скоро сошелся съ нимъ. По вечерамъ и воскреснымъ днямъ у насъ часто собирались сходки рабочихъ. Я быстро усвоилъ идеи социалистовъ и горячо отдался ихъ дѣлу.

Ихъ идеи мнѣ были не чужды. Брошенный родными, принужденный съ малыхъ лѣтъ скитаться по чужимъ людемъ, переносить всевозможныя невзгоды, я сознавалъ все несовершенство существующаго строя. Я видѣлъ, какъ гибли мои братья и сестры на Кренигольской мануфактурѣ, и я не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ ихъ гибели. Я приведу здѣсь одинъ фактъ, который произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе. Въ 64 г. вмѣстѣ со мной на фабрику была привезена одна дѣвушка, которая воспитывалась въ 17 верстахъ отъ нашей деревни. Ее звали

Ольгой. На фабрику она приѣхала красивымъ и вполне здоровымъ ребенкомъ. Въ первое время по приѣздѣ я потерялъ ее изъ виду и только спустя три недѣли я встрѣтилъ ее случайно, когда шелъ на работу. Я былъ пораженъ страшной переменой, которая произошла въ ней за эти 20 дней. Отъ прежней Ольги не осталось и слѣда. Она страшно исхудала, вмѣсто яркаго румянца на щекахъ у нея выступили черныя пятна, щеки ея впали, ея прекрасные волосы были въ беспорядкѣ, ея глаза потускнѣли, и у нея такъ сильно болѣли ноги, что она едва могла ходить... Платье ея было грязно, на головѣ не было платка...

Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что она недолго проживетъ при этихъ условіяхъ, недолго будетъ мучиться.

И дѣйствительно, спустя двѣ недѣли послѣ нашего свиданія, ея не стало... Вотъ вамъ одинъ фактъ, но я могъ бы привести ихъ сотню. Въ часы досуга я часто задумывался надъ этими фактами, проводя параллель между условіями окружавшими насъ и условіями, при которыхъ жили наши хозяева фабриканты, питающіеся нашей кровью, заѣдающіе нашу жизнь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Я сознавалъ ненормальность, несправедливость этого порядка вещей... Я только не зналъ, какъ выйти изъ этого положенія, чѣмъ замѣнить его?

По совѣту Дьякова я оставилъ работу и все свое время посвятилъ на пропаганду между рабочими, среди которыхъ у меня было обширное знакомство. Кромѣ этого я часто ходилъ въ Московскій полкъ, гдѣ между солдатами велась дѣятельная пропаганда. Дѣло наше шло успѣшно, но нѣсколько промаховъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ насъ, скоро погубили его. Среди насъ оказались шпіоны, которые доносили на насъ правительству... Эти лица были слѣдующіе: Матвѣй Тарасовъ, Павелъ Александровъ, Никифоръ Кондратьевъ, бомбардиръ Антонъ Андреевъ и его братъ Яковъ Андреевъ. Узнавъ, что меня уже ищутъ, я хотѣлъ уѣхать въ Выборгъ, но на станціи Финляндской желѣзной дороги былъ арестованъ сыщикомъ Назаровымъ. При мнѣ нашли книги революціоннаго содержанія и фальшивый паспортъ. Это было 11 апрѣля 75 года. На первыхъ порахъ меня помѣстили въ III Отдѣленіи. Скоро арестовали и моихъ товарищей: Дьякова, Срякова и Александрова.

О тюремной жизни я не буду много говорить.

Черезъ три недѣли слѣдствіе по нашему дѣлу кончилось, и меня перевели въ Литовскій замокъ.

Здѣсь съ меня сняли мое платье и надѣли арестантское. Когда я получилъ свой новый костюмъ, надзиратель помѣстилъ меня въ секретную, на темную половину. На другой день я узналъ, что въ томъ же помѣщеніи сидятъ Дмоховскій, Долгушинъ, Папинъ, Плотниковъ и другіе. 16 іюля того же 75 года меня привезли въ Сенатъ на судъ. Здѣсь я встрѣтилъ своихъ друзей. Насъ было восемь человекъ: Дьяковъ, Сряковъ, Ельцовъ, Вячеславовъ, Янсонъ, Зайцевъ, Александровъ и я. На дру-

гой день вечеромъ намъ прочитали приговоръ. Меня приговорили въ каторжную работу на 9 лѣтъ, Дьякова на 10 лѣтъ, Сирякова на 6 лѣтъ, Александрова на 9 лѣтъ, Янсона и Зайцева въ арестантскія роты на одинъ годъ и на 9 мѣсяцевъ, Вячеславова и Ельцова подъ арестъ—одного на 10 дней, а другого на 7 дней.

Послѣ суда меня привезли обратно въ Литовскій замокъ. Здѣсь меня посадили вмѣстѣ съ Малиновскимъ, но съ нимъ я сидѣлъ недолго. Меня перевели въ Домъ предварительнаго заключенія.

Черезъ мѣсяцъ я снова былъ переведенъ въ Литовскую тюрьму и былъ посаженъ на свѣтлую половину. Октября 25 меня въ первый разъ заковали въ кандалы и на другой день повезли на эшафотъ. Мы ѣхали втроемъ: Дьяковъ, я и Александровъ; на груди у насъ были привѣшены черныя доски, на которыхъ было написано: «За государственное преступленіе». Съ нами ѣхали два палача и священникъ. Прибывъ на эшафотъ, палачи отвязали намъ руки и ноги, которыя были связаны ремнями, и помогли намъ спуститься на землю. Къ намъ подошелъ священникъ и, сказавъ намъ вмѣсто наставленія: «Вы люди грамотные и знаете сами, что творите», поднесъ намъ крестъ. Затѣмъ къ намъ снова приступили палачи и, взявъ насъ за руки, повели на эшафотъ. Здѣсь былъ секретарь Сената и товарищ оберъ-прокурора, который насъ обвинялъ. Секретарь прочиталъ приговоръ суда. Палачи подвели насъ къ позорнымъ «столбамъ» и приковали къ нимъ. Мы стояли недолго. Дьяковъ хотѣлъ закричать: «Долой деспотизмъ, да здравствуетъ социальная революція!» Но не успѣлъ онъ разинуть рта, какъ забили барабаны, и палачи схватили насъ и потащили въ карету. По приѣздѣ въ тюрьму съ меня сняли кандалы. Я былъ посаженъ съ Дьяковымъ, а на прогулку насъ пускали всѣхъ вмѣстѣ. 4 февраля 76 года намъ обрили половину головы, заковали въ кандалы и отправили въ Харьковскую центральную тюрьму. Насъ везли почью, по одному. Черезъ четверо сутокъ я прибылъ въ Харьковъ. Пробывъ тутъ три дня, я былъ повезенъ въ Новоборисоглѣбскую центральную тюрьму. Я приѣхалъ туда 14 февраля 76 года.

Въ приемной меня раздѣли, обыскали, смѣрили мой ростъ и записали примѣты. Затѣмъ мнѣ дали каторжную одежду и постилку, на который я долженъ былъ спать. Постилка эта 1½ аршина длиной и ½ аршина шириной. Получивъ все это, я былъ отведенъ въ камеру. Прежде всего, что поразило меня здѣсь—это отсутствіе постели. Я спросилъ у надзирателя: гдѣ постель? Онъ съ улыбкой указалъ на мою постилку и объявилъ мнѣ, что больше ничего не полагается. По уходѣ надзирателя я сталъ стучать въ стѣну, желая узнать, кто сидитъ рядомъ. Но отвѣта не было. На досугъ я измѣрилъ свою камеру. Она имѣла 3½ шага длины и два шага въ ширину. Въ тотъ же вечеръ я

узналъ, что вмѣстѣ со мною сидятъ Папинъ, Плотниковъ и Александровъ, привезенный туда одновременно со мною.

Въ это время изъ политическихъ въ Андреевской тюрьмѣ, кромѣ насъ никого не было. Сношенія между нами всетаки были постоянныя.

Жизненные условія были самыя отвратительныя, какія только можно себѣ представить. Одинокое заключеніе, невыносимое само по себѣ, отягчалось еще болѣе отсутствіемъ книгъ, которыхъ намъ сперва не давали. Пища была очень плохая. Утромъ намъ давали 2¹/₂ фунта хлѣба, на приварокъ къ обѣду полагалось всего 1¹/₂ копейки, на ужинъ намъ давали только маленькую кружку квасу. Гуляли мы по одному ¹/₂ часа въ день. Смотритель былъ человѣкъ порядочный, и потому тюремная администрація обращалась съ нами довольно деликатно. Черезъ годъ и четыре мѣсяца насъ перевели въ Новобѣлгородскую, такую же каторжную тюрьму. Дорогой мы шли вмѣстѣ, намъ было довольно весело, но это продолжалось недолго.

По прибытіи на мѣсто насъ опять посадили по одному въ камеру, и жизнь наша потекла по прежней однообразно-сучной колѣѣ.

Послѣ заточенія насъ на новомъ мѣстѣ, намъ дали нѣкоторыя льготы. Мы могли говорить другъ съ другомъ, и я могъ узнавать всѣхъ своихъ товарищей. Но не всѣ изъ насъ выдержали 1¹/₂ года нашей каторжной жизни... Дьяковъ былъ чуть живъ, Малиновскаго и Гамова не стало... Они умерли. Осенью 77 года къ намъ скоро привезли новыхъ товарищей, и мы узнали отъ нихъ много новаго. Намъ дозволили даже носить пищу съ воли, и мы пользовались этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ, благодаря Настасьѣ Васильевнѣ Дмоховской, матери одного изъ моихъ товарищей, жившей около нашей тюрьмы. Эта женщина обладала доброй душой. Она употребляла всѣ свои силы, чтобы только помочь намъ и съ этой цѣлью ѣздилла нѣсколько разъ къ харьковскому губернатору и въ Петербургъ. Но это золотое время длилось недолго. Благодаря усиліямъ смотрителя, дѣлавшаго на насъ постоянные допросы харьковскому губернатору, скоро лишили насъ всѣхъ льготъ, а Настасью Васильевну выслали въ Харьковъ.

Смотритель Грацилевскій былъ настоящій звѣрь. Онъ обращался съ нами очень грубо и жестоко: онъ, напримѣръ, за то, что я не хотѣлъ встать на повѣрку по прибытіи моемъ въ эту тюрьму, на третій же день посадилъ меня на хлѣбъ на воду, давая лишь ¹/₄ фунта хлѣба въ день. Такъ я просидѣлъ три дня.

Я не буду описывать всѣхъ страданій, которыя мы выносили за время нашего пребыванія въ стѣнахъ харьковскихъ каторжныхъ тюремъ. О нихъ довольно краснорѣчиво говоритъ масса нашихъ товарищей, нашедшихъ въ этихъ стѣнахъ преждевременную могилу или сошедшихъ съ ума. Наши страданія еще

болѣе усилились благодаря тому обстоятельству, что мы не знали, на какой срокъ мы были посажены въ эту смертельную тюрьму. Смотритель Литовскаго замка, при отправленіи Долгушина и его товарищей въ центральную тюрьму, сказалъ имъ, что они будутъ сидѣть тамъ вѣчно. Наше тюремное начальство и харьковскій губернаторъ, отвѣчая на наши вопросы, говорили, что имъ неизвѣстно, какъ долго продлится наше заключеніе, и мы думали, что будемъ сидѣть безъ срока, вѣчно! Только спустя пять лѣтъ, когда кончился срокъ Папину, и онъ былъ отправленъ въ Сибирь, наши подозрѣнія разсѣялись, и мы стали питать надежду выйти когда-нибудь изъ опостылѣвшей тюрьмы.

10 октября 80 года намъ объявили, что насъ всѣхъ черезъ трое сутокъ увезутъ. Для насъ это было совершенно неожиданно, и мы такъ обрадовались, что даже забыли спросить, куда насъ везутъ. Да, впрочемъ, для насъ было безразлично, куда бы ни отправили, лишь бы только вырваться изъ ненавистой тюрьмы. Черезъ три дня мы дѣйствительно были уже на пути въ Харьковъ. Насъ помѣстили въ Орловской губерніи, въ городѣ Мценскѣ, въ такъ называемую, вторую политическую тюрьму.

Здѣсь намъ было довольно льготно. 18 мая 81 года насъ увезли въ Сибирь.

До Томска я ѣхалъ благополучно, но здѣсь заболѣлъ и принужденъ былъ остаться. Товарищи же мои поѣхали дальше на Красноярскъ. Въ Томскѣ, впрочемъ, я остался не одинъ. Кромѣ меня здѣсь остался еще Александръ Осиповъ (тоже централистъ) и Вѣра Павловна Рогачева съ маленькимъ своимъ сыномъ Сережей. Сережѣ только что пошелъ тогда второй годъ. Я сильно подружился съ Сережей, съ этимъ маленькимъ ангеломъ и моимъ первымъ другомъ. Онъ уже второй разъ путешествуетъ въ Сибирь вмѣстѣ съ своей матерью. Теперь онъ былъ сильно боленъ, и мать отчаялась въ его выздоровленіи.

Въ Томскѣ мы прожили не больше двухъ недѣль. Здоровье Сережи поправилось, несмотря на гигиеническія условія, при которыхъ намъ пришлось тамъ жить.

Мы помѣщались въ мѣстной пересыльной тюрьмѣ, и тамъ было такое громадное количество блохъ, что отъ нихъ не было покоя ни днемъ, ни ночью. Скоро пріѣхала новая партія политическихъ, и въ этой партіи былъ братъ Рогачевой, Карповъ, высланный административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Съ нимъ ѣхала его жена и маленькій сынъ. Въ первый день насъ не соединили съ пріѣхавшими товарищами, но такъ какъ мы сидѣли въ смежныхъ камерахъ, то могли переговариваться съ ними. Это почему-то не понравилось начальству, и насъ хотѣли перевести въ другую камеру. Мы протестовали, но насъ перевели силой. Впрочемъ на другой день начальство одумалось и помѣстило всѣхъ насъ въ одну камеру. Дня черезъ

два насъ отправили въ Красноярскъ, гдѣ мы догнали партію, съ которой ѣхали до Томска. Въ Красноярскѣ мы пробыли двѣ недѣли, а затѣмъ отправились въ Иркутскъ. Мой маленькій другъ Сережа остался въ Красноярскѣ по болѣзни. Онъ, вѣроятно, не перенесъ бы того дальняго пути, какой намъ предстоялъ.

Прощай мой другъ, цѣлую тебя...

Тамъ еще остался Карповъ съ женой и нѣкоторые другіе изъ моихъ товарищей.

Въ Иркутскъ мы пріѣхали 21 сентября 1881 года.

Василій Герасимовъ.

Къ дѣлу Фомы Кочуры.

(Покушеніе на убійство Харьковскаго губернатора, 1902 г.).

I.

Обвинительный актъ.

26-го іюля 1902 г., около 10-ти часовъ вечера, въ саду „Тиволи“, въ гор. Харьковѣ, возлѣ двери у входа въ закрытый театръ этого сада неизвѣстный человѣкъ въ крылаткѣ и соломенной шляпѣ выстрѣлилъ изъ револьвера въ Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго, когда онъ, послѣ прогулки въ саду во время второго антракта, передъ входомъ въ театръ остановился у двери съ предсѣдателемъ губернской земской управы Гордѣнко и его женою Ольгою Гордѣнко. Пуля пролетѣла мимо князя Оболенскаго, слегка контузивъ его шею. Тотчасъ-же послѣ выстрѣла Ольга Гордѣнко быстро и крѣпко схватила за руки стрѣлявшаго, но онъ, по показанію Ольги Гордѣнко, еще разъ выстрѣлилъ. Послѣ второго выстрѣла подбѣжали находившіеся въ саду приставъ Сивилловъ, околоточный надзиратель Шпиговъ и кандидатъ на полицейскія должности Клименко, схватили стрѣлявшаго и общими силами свалили его на землю; въ это время неизвѣстный выстрѣлилъ изъ револьвера и ранилъ въ ногу Харьковскаго полицеймейстера Безсонова, принимавшаго участіе въ задержаніи стрѣлявшаго. Полицейскій надзиратель Рудичъ вырвалъ револьверъ изъ руки неизвѣстнаго и, при обыскѣ его въ отдѣльномъ кабинетѣ сада, нашелъ въ боковомъ карманѣ задержаннаго пакетъ съ надписью: „Приговоръ Харьковскому губернатору, князю Оболенскому“. При задержаніи неизвѣстнаго въ саду были найдены два боевыхъ патрона отъ отобраннаго револьвера и гильза.

Изложенныя обстоятельства подтверждаются показаніями свидѣтелей по дѣлу: Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго, жены предсѣдателя управы Ольги Гордѣнко, полицеймейстера Безсонова, пристава Сивиллова, околоточнаго надзирателя Шпигова, кандидата на полицейскія должности Клименко и полицейскаго надзирателя Рудича, въ тѣхъ частяхъ, чему каждый изъ нихъ былъ свидѣтелемъ.

Привлеченный по дѣлу къ отвѣтственности за покушеніе на пре-

умышленное убійство Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго и за покушеніе на убійство полицеймейстера Безсонова, неизвѣстнаго званія чловѣкъ при допросѣ 30-го іюля объяснилъ слѣдующее: „Я—членъ боевой организаціи партіи социалистовъ - революціонеровъ, но назвать имя, отчество и фамилію свои не желаю. По постановленію боевой организаціи я хотѣлъ убить выстрѣломъ изъ револьвера Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго за тѣ дикія жестокости, которыя онъ примѣнялъ по отношенію къ крестьянамъ. Наша партія звала крестьянъ на борьбу, и наша нравственная обязанность—защищать ихъ отъ насилія и беззаконія высшихъ властей. Какъ членъ боевой организаціи, я считалъ нужнымъ стоять за крестьянъ. Лично я князя Оболенскаго не зналъ. Убійство наша партія считаетъ способомъ нежелательнымъ борьбы, но до тѣхъ поръ, пока правительство не дастъ намъ возможности вести социалистическую пропаганду и добиться улучшенія участи трудящихся массъ мирнымъ путемъ и до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ имѣть возможности защищать себя отъ насилія и беззаконія высшихъ властей свободнымъ закономъ, наша партія не сложитъ оружія. Этотъ приговоръ, который партія подписывала Оболенскому, онъ самъ себя подписалъ, когда началъ съѣчь крестьянъ, и царь узаконить его, выразивши ему благодарность“. Затѣмъ, на допросѣ 7-го августа, признавая себя виновнымъ въ томъ, что онъ 29-го іюля, съ цѣлью лишить жизни Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго, произвелъ въ него выстрѣлъ, и, продолжая скрывать свое имя, отчество и фамилію, неизвѣстнаго званія чловѣкъ объяснилъ, что револьверъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ, былъ заряженъ 8 патронами съ отравленными стрихниномъ нарѣзными пулями. Патроны эти и револьверъ онъ, обвиняемый, получилъ отъ боевой организаціи. Стрѣляя въ губернатора, цѣлился въ шею, но губернаторъ сдѣлалъ въ тотъ моментъ полуоборотъ, почему онъ, обвиняемый, промахнулся. Когда же онъ попытался произвести второй выстрѣлъ, то въ револьверѣ обнаружилась какая-то неисправность; тогда онъ, обвиняемый, выбросилъ два патрона и хотѣлъ еще стрѣлять, но въ это время губернатора заслонила часть публики. Во время борьбы при задержаніи полицейскими, онъ, обвиняемый, выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера и случайно ранилъ полицеймейстера, такъ что умышленно въ него, съ цѣлью лишить жизни, онъ, обвиняемый, не стрѣлялъ.

Покушавшійся на жизнь Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго неизвѣстнаго званія чловѣкъ былъ предъявленъ 10-го августа 1902 г. отдѣльнаго корпуса жандармовъ ротмистру Заварзину, товарищу прокурора Кіевскаго окружнаго суда Васильеву, крестьянину Максиму Ящуку и вахмистру Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія Кочановскому, и всѣ эти лица признали въ предъявленномъ крестьянина села Лозановки, Ташлыкской волости, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Фому Корнѣева Кочуру, онъ же Кочуренко, по ремеслу столяръ.

Послѣ этого на допросѣ 13-го августа покушавшійся на жизнь Харьковскаго губернатора назвалъ себя, что онъ Фома Корнѣевъ

Кочура (Кочуренко), 26-ти лѣтъ, крестьянинъ вышеупомянутаго села Лозановки.

Когда на предварительномъ слѣдствіи была предъявлена фотографическая карточка Фомы Кочуры родному его брату, крестьянину Алексѣю Кочурѣ, то послѣдній призналъ, что на этой карточкѣ изображенъ его родной братъ Фома Кочура, котораго онъ видѣлъ послѣдній разъ осенью 1901 г. въ г. Екатеринославѣ.

При осмотрѣ отобраннаго у Кочуры револьвера, изъ котораго были произведены выстрѣлы въ Харьковскаго губернатора, а также и при осмотрѣ найденныхъ въ саду двухъ патроновъ отъ этого револьвера оказалось: одинъ патронъ съ пулей въ никкелевой оболочкѣ совершенно гладкой круглоконической формы, а другой патронъ—съ такой же пулей, но съ нарѣзками на никкелевой оболочкѣ; въ щеляхъ нарѣзковъ видна застывшая темная масса. На револьверѣ начертаны слова: „За пролитую крестьянскую кровь. Боевая организація. Смерть царскому палачу“.

Изъ протокола осмотра пакета, отобраннаго при обыскѣ Кочуры въ саду „Тиволи“, съ надписью: „Приговоръ Харьковскому губернатору князю Оболенскому“, и изъ самаго приговора видно, что текстъ этого приговора слѣдующій: „Боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ. С.-Петербургъ. 22-го іюля 1902 г. № 2. Приговоръ Харьковскому губернатору князю Оболенскому. Съ перваго же дня назначенія на постъ губернатора князь Оболенскій направлялъ свою дѣятельность къ подавленію земскаго самоуправления самымъ бессмысленнымъ угнетеніемъ крестьянъ и рабочихъ. Еще въ бытность свою Херсонскимъ губернаторомъ князь Оболенскій прославился преслѣдованіемъ частныхъ лицъ и обществъ, желавшихъ придти на помощь голодающимъ крестьянамъ. При возникновеніи крестьянскихъ беспорядковъ въ Харьковской губерніи, князь Оболенскій, пользуясь неограниченной властью, примѣнялъ къ крестьянамъ, искавшимъ хлѣба, такія звѣрскія мѣры, которыя мыслимы лишь въ дикой странѣ, управляемой неограниченнымъ деспотомъ. Ужасающія избиенія безоружныхъ крестьянъ плетьюми и розгами, отдача трудящагося населенія въ полное распоряженіе казаковъ, поражающій произволъ, вопіющее насиліе, положенные княземъ Оболенскимъ въ основу своей административной дѣятельности, выдвинули передъ боевой организаціей партіи социалистовъ-революціонеровъ, принявшей на себя охрану интересовъ борющейся, трудящейся массы, вопросъ о необходимости прекращенія административной дѣятельности князя Оболенскаго, какъ безусловно вредной и опасной для трудящагося населенія. Лишенная, въ силу условій русскаго государственнаго режима, возможности смѣстить и призвать къ общественному суду князя Оболенскаго за всѣ, совершенныя имъ преступленія, глубоко возмущенная наглымъ вызовомъ, брошеннымъ всей мыслящей и трудящейся Россіи Николаемъ II, выразившимъ князю Оболенскому за его расправу надъ крестьянами высочайшую благодарность, Боевая организація находитъ себя вынужденной выполнить лежащій на ней гражданскій долгъ и смѣстить кн. Оболенскаго, какъ поддерживаемаго царемъ, единственнымъ оставшимся въ ея распоряженіи средствомъ —

смертью. Приведеніе въ исполненіе приговора поручается члену Боевой организаціи“.

Передъ химическимъ изслѣдованіемъ во врачебномъ отдѣленіи Харьковскаго губернскаго правленія вещества въ нарѣзкахъ пули вышеуказаннаго патрона отъ револьвера, найдено при осмотрѣ, что самая пуля имѣетъ крестообразный продольный каналъ, который наполненъ какимъ-то веществомъ бѣловато-грязноватаго цвѣта, и кромѣ этого канала, оказалось вокругъ пули много другихъ нарѣзокъ, повидимому, слѣданныхъ напильникомъ; на нихъ подозрительнаго какого-либо вещества не замѣчено. При тщательномъ осмотрѣ посредствомъ увеличительнаго стекла вещества, находящагося въ каналѣ пули, оказалось, что поверхность вещества состояла изъ тонкаго слоя бѣлаго воска, а за этой пленкой найденъ мелкій кристаллическій порошокъ бѣлаго цвѣта, въ видѣ минеральной соли. При химическомъ изслѣдованіи этого порошка оказалось, что, находящееся въ каналѣ пули вещество есть принадлежащій къ сильно дѣйствующимъ ядовитымъ органическимъ веществамъ стрихнинъ, который, при количествѣ, имѣвшемся въ каналѣ пули, войдя въ кровь, несомнѣнно долженъ причинить смерть.

По заключенію врача-эксперта, произведеннымъ 29-го іюля выстрѣломъ въ Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго причинена ему легкая контузія, выразившаяся въ кратковременной припухлости и гипереміи кожи шеи; контузія эта должна быть отнесена къ разряду легкихъ поврежденій въ здоровьи.

При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи Харьковскаго полицмейстера Безсонова оказалось, что у него въ области лѣваго колѣннаго сустава находится огнестрѣльная рана; общее направленіе пулевого канала этой раны спереди назадъ и нѣсколько сверху внизъ; выходное отверстіе канала раны ниже входнаго—пальца на два (поперечныхъ). Въ виду положенія раны въ области связокъ, врачомъ-экспертомъ, при освидѣтельствованіи 11-го августа, найдено, что пока невозможно опредѣлить тѣхъ послѣдствій, какія эта рана можетъ дать для функціи ноги въ будущемъ, и что заключеніе о степени тяжести раненія можетъ быть дано лишь по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого освидѣтельствованія. Признаковъ отравленія стрихниномъ у Безсонова не было, но это обстоятельство, по мнѣнію врачей-экспертовъ, не можетъ служить доказательствомъ того, что рана причинена именно пулей съ гладкой поверхностью, не отравленной стрихниномъ, такъ какъ при быстротѣ полета пули и при условіи, что пуля не разорвалась, ядъ легко могъ не попасть въ кровь.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Кочура (онъ-же Кочуренко, Кочуръ) происходитъ изъ крестьянъ села Лозановки, Ташлыкковской волости, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, родился 7-го іюля 1877 г.; подъ судомъ не былъ.

На основаніи вышеизложеннаго, крестьянинъ Фома Кочура (онъ-же Кочуренко) обвиняется: 1) въ томъ, что, состоя членомъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, которая, будучи возмущена дѣйствіями Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго при усмирении

въ 1902 г. волненій крестьянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи, постановила, для прекращенія безусловно вредной и опасной, по взгляду этой партіи социалистовъ-революціонеровъ, административной дѣятельности Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго, лишить его жизни, онъ, Кочура, 29-го іюля 1902 г., около 10-ти часовъ вечера, въ саду «Тиволи», въ гор. Харьковѣ, во исполненіе этого приговора боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, съ намѣреніемъ лишить жизни Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, заряженнаго патронами съ отравленными стрихниномъ пулями, но во время перваго выстрѣла князь Оболенскій повернулся, и пуля пролетѣла мимо него, слегка контузивъ шею его, а при второмъ выстрѣлѣ пуля не задѣла князя Оболенскаго, и 2) въ томъ, что, когда послѣ вышеозначенныхъ двухъ выстрѣловъ полицейскіе чины задержали его, Кочуру, и повалили на землю, то онъ, Кочура, сопротивляясь и желая освободиться отъ державшихъ его, съ намѣреніемъ лишить жизни принимавшаго участіе въ задержаніи его, Кочуры, Харьковскаго полицеймейстера Безсонова, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, заряженнаго патронами съ отравленными пулями, причинивъ Безсонову рану въ лѣвую ногу

За эти преступныя дѣянія, предусмотрѣнные, каждое, ст. 279 кн. XXII. С. В. П. 1869 г., изд. 3-е., крестьянинъ Фома Кочура (онъ-же Кочуренко), на основаніи ст. 17 п 18 Положенія о мѣрахъ къ охраненію Государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Приложеніе 1 къ ст. 1 прим. 2. Уст. о предуп. и престѣч. прест., т. XIV Св. Зак., изд. 1890 г.), преданъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа Кіевскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени.

Кіевъ. 7-го сентября 1902 года.

II.

Письмо, полученное княземъ Оболенскимъ съ приглашеніемъ посѣтить садъ «Тиволи», гдѣ и было сдѣлано покушеніе на его убійство.

«Что вы со мной сдѣлали, князь? Я сгораю отъ стыда, презираю себя, но я не могу съ собой совладать. Какой дьявольской силой Вы приворожили меня, и какой фатумъ преслѣдуетъ меня! Я видѣла Васъ два мѣсяца тому назадъ проѣздомъ на Кавказъ, видѣла мелькомъ и долгое время не могла отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, которое Вы произвели на меня. Теперь я ѣхала домой успокоенная и вчера опять увидѣла Васъ. Князь! Вы, я слышала, избалованы женщинами, но Вы знаете женскую душу и поймете, что я должна испытывать теперь, забывая свое положеніе, свою молодость, свою красоту—къ чему излишняя скромность?—и, простите за вульгарность, бросаая на шею незнакомому мужчине. Но я не могу, не могу уѣхать, князь, къ моему несчастному мужу, котораго еще недавно такъ любила, не успокоившись. Я съ ума сойду, если не увижусь съ Вами, князь! Вы должны снять съ меня этотъ кошмаръ. Я Васъ не знаю, но вѣрю Вамъ и думаю, что Вы пощадите меня. Я хотѣла заѣхать къ Вамъ, но не рѣшилась. Если горе незнакомой Вамъ женщины, покой которой Вы невольнo нарушили.

хотя сколько-нибудь может тронуть Васъ, я прошу—успокойте меня и разсѣйте туманъ, который сводитъ меня съ ума. Я вѣрю въ Ваше рыцарское сердце и увѣрена, что Вы не злоупотребите внушеннымъ Вами чувствомъ. Помните, князь, передъ Вами—не авантюристка, а честная свѣтская женщина, жившая два года счастливо въ семейной жизни. Я рѣшилась сегодня инкогнито заѣхать въ закрытый театръ сада «Тиволи». Во время перваго или втораго антракта я пройду мимо Вашей ложи съ бѣлой розой въ рукѣ и сяду во второмъ ряду. Я буду одѣта въ черномъ, съ чернымъ-же зонтикомъ. Если Вы положите перчатку на барьеръ ложи, а если Вы будете въ креслахъ—на колѣно, то это будетъ знакъ, что Вы готовы со мной увидѣться. Меня здѣсь никто не знаетъ, и Вы можете или съ кѣмъ-нибудь въ театрѣ-же переслать мнѣ записку, гдѣ мы можемъ встрѣтиться, или Вы пригласите меня въ ложу, или-же... я уже сама не знаю; придумайте сами, я не въ состояніи теперь ничего соображать. Князь, князь, пожалуйте меня, не злоупотребляйте моимъ несчастнымъ къ Вамъ чувствомъ.

Кн. Ц.

Письмо, должно было замаскировать князя Оболенскаго, который прїѣхалъ, согласно письму, въ увеселительный садъ, гдѣ, однако, нашелъ не сгоравшую отъ любви таинственную незнакомку, а члена боевой организаціи съ заряженнымъ револьверомъ. Письмо было представлено кн. Оболенскимъ слѣдственной власти для выясненія вопроса о томъ, написано ли оно рукою Кочуры. По сличеніи почерковъ, оказалось, что оно написано не Кочурою. Мы печатаемъ это письмо, какъ одинъ изъ „документовъ“, находящихся при дѣлѣ.

Далекое и Недавнее.

(Окончаніе)

III.

Пріѣздъ мой и Стефановича въ Петербургъ. Черезъ сутки мы, т. е. я и Стефановичъ, были уже въ Петербургѣ и безъ труда разыскали товарищей, которые почти всѣ въ это лѣтнее время (конецъ іюня 1879 г.) проживали въ Лѣсномъ. Однако, въ моментъ нашего пріѣзда они почти всѣ были въ провинціи. На квартирѣ въ Лѣсномъ мы застали тогда только Софью Иванову, осужденную по дѣлу демонстраціи 6-го декабря и бѣжавшую недавно изъ Архангельской губерніи. Она передала мнѣ запечатанный конвертъ, оставленный для меня Морозовымъ; въ конвертѣ была записка, гдѣ говорилось безъ объясненій: «Если пріѣдешь до 17-го іюня, то поѣзжай сейчасъ же въ Липецкъ и жди въ такіе-то часы въ паркѣ; если пріѣдешь послѣ 17-го и до 24, то поѣзжай въ Воронежъ и жди тамъ-то». Я опоздала, кажется, однимъ днемъ, пріѣхала 24-го и не могла попасть не только въ Липецкъ, но и въ Воронежъ. Пришлось остаться въ Лѣсномъ, гдѣ для меня, неподалеку отъ квартиры Софьи Ивановой и Квятковскаго, была нанята комната. Стефановичъ у котораго остановился и вскорѣ нанялъ себѣ комнату также въ Лѣсномъ. Дня черезъ два-три стали съѣзжаться всѣ бывшіе на съѣздахъ.

Пріѣздъ участниковъ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ и другихъ въ Петербургъ. Пріѣхали Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Алекс. Михайловъ, Фроленко, Ширяевъ, Баранниковъ, Опанина и другіе. Лѣсной оживился.

Ф. Юрковскій («Сашка-инженеръ»). Скоро пріѣхали также Поповъ (Родионычъ), Щедринъ, Е. Ковальская и другіе, а черезъ нѣкоторое время и Юрковскій, устроившій незадолго дѣло Херсонскаго казначейства, независимо отъ организаціи «Земли и Воли», къ которой онъ и не принадлежалъ. Узнавъ о грандіозномъ захватѣ денегъ компаніей Юрковскаго и объ ихъ критическомъ положеніи, Зунделевичъ спѣшно поѣхалъ на югъ, въ надеждѣ помочь имъ укрыться, но тѣ колебались выпустить изъ своихъ рукъ деньги; а на утро Алешки, такъ называлось мѣстечко, гдѣ они укрылись, были отцѣплены войсками: деньги всѣ были захвачены; Юрковскій едва-едва успѣлъ спастись самъ и привезъ въ Петербургъ только одну десятирублевку изъ денегъ, взятыхъ

въ Херсонскомъ казначействѣ, которую долго хранили потомъ какъ достопримѣчательность. Приѣхавъ въ Петербургъ, Юрковскій посѣдѣлъ очень многихъ и разъ чуть было не попался въ руки полиціи, за то, что вскочилъ на ходу въ поѣздъ, проходившій изъ Удѣльной въ Лѣсной; онъ отдѣлался дешево, благодаря бывшимъ при немъ документамъ, но почему-то скоро уѣхалъ и затѣмъ былъ арестованъ. Юрковскій былъ человекъ очень оригинальный и крупный по энергіи, но у него былъ одинъ недостатокъ—онъ пилъ; это такъ рѣдко наблюдалось въ революціонной средѣ, что нельзя его не отмѣтить, какъ исключеніе.

Окончательное распаденіе «Земли и Воли». По приѣздѣ вышеназванныхъ лицъ, въ Лѣсномъ подъ открытымъ небомъ нѣсколько разъ собирались члены вновь сформировавшагося на Липецкомъ сѣздѣ Исполнительнаго Комитета отдѣльно, и отколовшіеся члены бывлой организаціи «Земли и Воли» отдѣльно. Стефановичъ велъ очень дѣятельные переговоры между тѣми и другими, и многіе надѣялись, что онъ поможетъ сплоченію и предотвратитъ готовящійся расколъ, но надежды эти не оправдались; напротивъ, нѣкоторые обвиняли даже, что Стефановичъ подлил масла въ огонь, ускорилъ окончательный разрывъ. Когда послѣ другихъ въ Петербургъ приѣхала С. Перовская, страстно желавшая повліять примирительно, то уже было совсѣмъ поздно; разрывъ совершился окончательно, и вчерашніе товарищи стали сторониться другъ друга, какъ чужіе. Каждая партія пошла своей дорогой. Стефановичъ сдѣлался главою мертворожденной организаціи «Чернаго Передѣла», съ нимъ остались и его друзья—Вѣра Засуличъ и Дейчъ; я примкнула, естественно, къ Липецкимъ товарищамъ, которые даже заочно были въ этомъ увѣрены, приглашая меня на Липецкій сѣздъ. Но и Перовская, по принципу еще горячая народница, не примкнула къ «Черному Передѣлу», она пошла съ тѣми, кто обнажилъ мечъ на защиту народа и его апостоловъ. Къ нимъ же, т. е. къ Исполнительному Комитету «Народной Воли», примкнула и Вѣра Фигнеръ (Филиппова), другая горячая народница, только что работавшая въ одномъ изъ поселеній «деревенщиковъ», созданныхъ первымъ составомъ организаціи «Земли и Воли» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, а также Якимова и Софья Иванова.

«Черный Передѣлъ». Разрывъ «Чернаго Передѣла» съ Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли» можно объяснить въ общемъ не столько принципами, сколько темпераментами. Такъ, хотя большинство примкнувшихъ къ «Черному Передѣлу» старыхъ членовъ «Земли и Воли» занималось почти исключительно культурной мирной дѣятельностью, въ программу этой организаціи входило всетаки и бунтарство, или—какъ раньше называли на сѣверѣ—вспышко-пускательство; слѣдовательно, въ идеѣ насиліе имъ не было чуждо. Мало того, люди, примкнувшіе къ «Черному Передѣлу», не только оправдывали насильственные дѣйствія по отношенію къ властямъ, но—чего народовольцы не допускали—

обманъ по отношенію къ массамъ, увлекаемымъ въ бунтъ. Конечно, люди такихъ взглядовъ не должны были бы возмущаться систематической борьбой съ правительствомъ и переубійствомъ, какъ насиліемъ. И сама ссылка на то, что переубійство обостряетъ реакцію тоже не существенна; вѣдь землевольцы и ихъ преемники, чернопередѣльцы, не боялись же обострить реакцію, ставя въ программу мелкіе бунты, хотя она въ этихъ случаяхъ неизбежна именно въ народѣ, тогда какъ переубійство отражается главнымъ образомъ въ городахъ. Этотъ общій недостатокъ идейнаго оправданія раскола, созданнаго «Чернымъ Передѣломъ», чувствовали даже лица, оставшіяся въ его рядахъ; такъ Гюс. Аптекманъ тогда же въ своемъ открытомъ письмѣ прямо указывать на это и увѣщевалъ товарищей объединиться вновь. Черезъ два года самъ Стефановичъ созналъ свою ошибку, но было поздно: «Народная Воля» потеряла тогда лучшія, самыя крупныя и опытыя силы свои; «Черный Передѣлъ» былъ безсиленъ влить новую жизнь въ остатки когда-то мощной организаціи Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», ему самому не доставало этой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1879 и началѣ 1880 г. «Черный Передѣлъ» не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности въ народѣ, потому что такая дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ была невозможна, и раньше онъ не прибавилъ многого къ тѣмъ сѣменамъ революціоннаго социализма въ рабочей средѣ, которыя заложены были дѣятелями процессовъ 50-ти, 193-хъ, Долгушина и другихъ болѣе мелкихъ, а отчасти даже народовольцами. Типографія «Земли и Воли», которую съ такою любовью помогали устраивать Сергѣй Кравчинскій и которая содержалась тамъ опытной и преданной дѣлу хозяйкой, какъ М. К. Крылова, типографія, цѣлый годъ изумлявшая всю Россію свободнымъ выходомъ подпольной «Земли и Воли» въ самомъ Петербургѣ, — уступленная «Черному Передѣлу», очень скоро погибла въ его рукахъ, и послѣ ряда различныхъ неудачъ, Стефановичъ, Дейчъ, Плехановъ и Вѣра Засуличъ уѣхали обратно за границу.

Организація «Чернаго Передѣла», объясняя свои неудачи жаловалась на «Народную Волю», парализовавшую, будто бы, ея дѣятельность; напротивъ, единоборство «Народной Воли» съ правительствомъ, приковывая къ себѣ всѣ взоры, явилось какъ бы прикрытіемъ для чернопередѣльцевъ. Сравнивая «Черный Передѣлъ» съ «Народной Волей», правительство стало считать его въ то время совсѣмъ мирной партіей и слабѣе преслѣдовало ее, и она погибла скорѣе отъ собственнаго истощенія, тогда какъ народовольцы погибли всѣ, что называется, съ оружіемъ въ рукахъ, въ послѣднихъ схваткахъ съ правительствомъ. Перекочевавъ за границу, нѣкоторые крупные представители «Чернаго Передѣла» — какъ Плехановъ, Дейчъ и другіе — выступили тамъ въ качествѣ марксистовъ и социаль-демократовъ и, оставаясь на свободѣ, довольно дѣятельно вели книжную пропаганду въ Россіи.

Постановленіе приговора Александру II. Лѣтомъ 1879 года

прошелъ мѣсяцъ и даже больше въ безплодныхъ переговорахъ съ зарождавшимся «Чернымъ Передѣломъ» въ надеждѣ воссоединить вновь распавшуюся организацію «Земли и Воли». Эти переговоры не мѣшали однако Исполнительному Комитету «Народной Воли» идти своей дорогой. Такъ, на одномъ изъ собраній Исполнительнаго Комитета, происходившемъ подѣ открытымъ небомъ въ Лѣсномъ, и гдѣ присутствовалъ между прочимъ прѣхавшій на одинъ, на два дня въ Петербургъ Гольденбергъ, и о которомъ онъ почему-то умалчиваетъ въ своихъ показаніяхъ, былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать намѣченные предприятия противъ генераль-губернаторовъ, или же сосредоточить всѣ силы на одномъ лицѣ государя? Рѣшено было всѣ удары направить на послѣдняго... Эту задачу фактически и осуществляли вплоть до 1-го марта 1881 г.

Когда это рѣшеніе состоялось, большинство стало разѣзжаться на дѣло, посвятивъ предварительно нѣсколько дней на обсужденіе основныхъ положеній программы Исполнительнаго Комитета. Къ сожалѣнію, у собравшихся не было достаточно свободного времени, чтобы окончательно закончить и оформить эту программу, хотя всѣ понимали, что программа—знамя, и что только она одна на смѣну погибавшихъ можетъ собрать новыхъ борцовъ. Но силъ было еще такъ много, практическія задачи такъ на стоятельны и, наконецъ, сама программа была уже достаточно намѣчена на Липецкомъ съѣздѣ, что никто не думалъ, что обстоятельства такъ скоро измѣнятъ ее. Кромѣ того всѣ еще были подѣ впечатлѣніемъ недавняго раскола въ «Землѣ и Волѣ» и рады были тѣсному единенію на практической задачѣ, которая требовала такихъ богатырскихъ усилій, что немногіе задумывались о будущемъ, о необходимости заранѣе крѣпко поставить свое знамя, чтобы оно, какъ маякъ, свѣтило будущимъ поколѣніямъ.

Петербургъ понемногу пустѣлъ: уѣхалъ Ширяевъ, уѣхалъ Баранниковъ, уѣхалъ Желябовъ, Перовская и другіе, кто въ Москву, кто на югъ для выполненія той задачи, которая поставлена была послѣднимъ рѣшающимъ собраніемъ въ Лѣсномъ. Въ Петербургѣ остались тѣ, кто былъ занятъ литературнымъ, типографскимъ или динамитнымъ дѣломъ.

Редакція газеты «Народная Воля». Морозовъ, счастливый тѣмъ, что ему вмѣстѣ съ Михайловымъ и другими удалось провести на Липецкомъ съѣздѣ болѣе активную программу дѣйствій, весь отдался широкимъ замысламъ и работалъ съ изумительной энергіей. Каждый день съ утра онъ спѣшилъ въ Петербургъ, цѣлыми днями бѣгалъ по городу и, какъ редакторъ будущей «Народной Воли», собиралъ рукописи, матеріалы для хроники и равные другіе необходимые для газеты документы, помогая вмѣстѣ съ Квятковскимъ устраивать новую типографію, (старая была уступлена «Черному Передѣлу»), только что привезенную Зунделевичемъ изъ-за границы. Нужно замѣтить, что первые номера

«Народной Воли», отличавшіеся замѣчательнымъ разнообразіемъ и оригинальностью содержанія, обязаны этимъ достоинствомъ главнымъ образомъ Морозову, его неутомимому труду редактора, труду, который поглощалъ почти все его время и мѣшалъ собственной литературной работѣ. Трудъ приѣма и редактированія рукописей весь почти лежалъ на немъ, и только въ отсутствіи его, во второй половинѣ ноября 1879 года, рукописи собирали другіе.

Левъ Тихомировъ. Другой редакторъ «Народной Воли», Левъ Тихомировъ, недавно вернувшійся въ Петербургъ, былъ тяжелъ на подъемъ и предпочиталъ отдавать свое время только кабинетной работѣ, выглаживая свою первую передовую статью и нѣсколько разъ переиначивая ее, послѣ очень тщательной филтровки по указанію Морозова и другихъ товарищей, что ему было, конечно, и неприятно и тяжело. Нужно сказать, что хотя Тихомировъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, теоретическіе взгляды его были очень шатки,—они не имѣли ярка опредѣленной чеканки. Онъ искалъ всегда вдохновенія извнѣ, но, какъ человекъ самолюбивый, искалъ этого вдохновенія не въ той сферѣ, гдѣ онъ вращался ежедневно,—хорошо понимая, что такая идейная неустойчивость могла повредить его престижу,—но тамъ, гдѣ онъ былъ гостемъ.

Вообще въ нашей средѣ Тихомировъ уклонялся формулировать свои взгляды. Разъ помню однако,—это было у Опанькиной, приыкавшей раньше къ якобинствующему кружку набатовцевъ («Набатъ» издавался нечаевцемъ Ткачевымъ за границей), но по выходѣ замужъ за Баранникова (подъ именемъ Кошурникова) примкнувшей на Липецкомъ съѣздѣ къ нарождавшейся «Народной Волѣ»,—Тихомировъ сидѣлъ у нея и кого-то ждалъ; у меня тоже было тамъ дѣло. Завязался разговоръ, говорили о народѣ, о террорѣ, о революціонныхъ перспективахъ вообще. Тихомировъ, помню, былъ почему-то необычно сообщителенъ въ этотъ день и сказалъ въ разговорѣ: «Я не вѣрю вообще въ успѣхъ революціоннаго дѣла».—«Почему же въ такомъ случаѣ вы работаете въ революціонномъ кругу?» спросила я. «А потому, что въ немъ мои старые товарищи», былъ отвѣтъ. Въ нашей средѣ Л. Тихомирова звали старикомъ. И въ самомъ дѣлѣ этотъ худой, съ бритымъ, ради конспираціи, по департаментски подбородкомъ и англійскими баками человекъ, съ маленькими выцвѣтшими сѣрыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался старикомъ, хотя ему врядъ ли было за тридцать и, глядя на него въ эту минуту, мнѣ было безконечно его жаль съ его опустѣлой душой. Впослѣдствіи, когда я коротала дни въ безсрочной ссылкѣ на берегахъ Лены, по Сибири разнесся слухъ, что Тихомировъ просилъ пощады у правительства и вернулся въ Россію съ семьей. Я знала, что онъ не лгалъ ради самосохраненія; я знала, что онъ давно молчаливо носилъ нравственную смерть въ своей душѣ, но я знала также, что если онъ купилъ себѣ свободу цѣною своего личнаго достоя-

нія, цѣною своего имени, то вѣрныя его чести свобода и жизнь товарищей не войдутъ въ эту цѣну, не пострадаютъ; я знала, что Тихомировъ не можетъ быть ни Гольденбергомъ, ни Дегаевымъ, и не ошиблась; а сколько могъ бы онъ вернуть изъ административной ссылки если не на эшафотъ, какъ Дегаевъ вернулъ барона Штромберга, то въ каторжную тюрьму!.. Исторія всетаки это должна знать, помнить и быть справедливой... Горше доли, какъ доля Тихомирова, придумать трудно!..

Андрей Желябовъ. Совѣмъ другой типъ представлялъ собою Желябовъ. Это былъ характеръ и характеръ сильный. Встрѣча моя съ нимъ въ Лѣсномъ и Петербургѣ была не первой встрѣчей; я знала его еще въ 1875 году въ Одессѣ, гдѣ онъ жилъ тогда, отпущенный на поруки послѣ дознанія по дѣлу, получившему впослѣдствіи наименованіе процесса 193-хъ. Мы встрѣчались тогда изрѣдка—за нимъ могли слѣдить—and обмѣнивались подпольной литературой; иногда онъ заглядывалъ въ переплетную Эйтнера, гдѣ я одно время жила, и гдѣ собирались иногда члены южно-русскаго рабочаго союза (Заславскаго). Но все это было урывками. Теперь (лѣтомъ 79 г.) я встрѣтилась съ нимъ уже не мелькомъ, а какъ товарищъ по организаціи, котораго мнѣ такъ восторженно рекомендовали многіе. Дѣйствительно, Желябовъ словно выросъ за это время отдыха; въ самомъ дѣлѣ, онъ возмужалъ и умственно и физически. Это былъ высокій, стройный брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ, прекрасной окладистой темной бородой, большимъ лбомъ и выразительными глазами, рѣчь его была горяча и порывиста, голосъ пріятный и сильный; въ немъ были всѣ задатки народнаго трибуна, но въ немъ не чувствовалось той глубины проникновенія въ душу человѣческую, какая присуща была въ такой высокой мѣрѣ Сергѣю Кравчинскому и Валерьяну Осинскому; можетъ быть, ему не доставало этого потому, что въ то время Желябовъ еще мало страдалъ, но и его страданія были близки, очень близки, и ему пришлось ихъ выпить полную чашу до дна. Въ описываемую же минуту все существо его было проникнуто какимъ-то радостнымъ свѣтомъ и великой надеждой. Его возмущалъ разрывъ чернопредѣльцевъ, ссылавшихся на то, что террористическая борьба съ правительствомъ, принятая, какъ система, на Липецкомъ съѣздѣ, повредить, будто бы, дѣятельности въ народѣ. «Я покажу имъ, что они просто не хотятъ дѣйствовать; я покажу, что «Народная Воля», занятая борьбой съ правительствомъ, будетъ работать и въ народѣ». И дѣйствительно, Желябовъ сумѣлъ организовать рабочія боевыя дружины даже въ такое время, когда большая доля его энергіи была посвящена захватывающей борьбѣ съ правительствомъ. Но на это нужна была именно его энергія, а такая энергія присуща очень немногимъ.

Такой же непоколебимой вѣрой и любовью къ простому люду была проникнута и Перовская.

С. Перовская, какъ террористка. Еще вся потрясенная без-

плодными усиліями, потраченными на сношенія съ заключенными Центральной харьковской тюрьмы, гдѣ томились ея товарищи, и въ ихъ числѣ обоготворяемый ею сынъ народа и крупный ораторъ Мышкинъ, безсильная вырвать ихъ на свободу, разобщенная полицейскими насиліями съ народомъ, которому она отдала всю душу, которому несла мирное слово свободы и правды, она вся отдалась теперь борьбѣ, предпринятой ея товарищами противъ государя, какъ верховнаго вершителя невзгодъ всей Россіи. Когда Желябовъ отправился для этой цѣли на югъ, она первая предложила себя въ хозяйки домика на полотнѣ желѣзной дороги въ Москвѣ, гдѣ во второй половинѣ ноября 1879 г. ожидался пріѣздъ государя, и безтрепетной рукой дала сигналъ сомкнуть электрическую цѣпь. Вернувшись черезъ вѣскольکو дней въ Петербургъ, прямо съ вокзала она пришла, ломно, на одну изъ конспиративныхъ квартиръ партіи. Въ эту минуту тамъ были я, Геся Гельфманъ, осужденная по процессу 50 и только что бѣжавшая изъ ссылки, и Грачевскій, принадлежавшій къ организаціи лицъ, судившихся по процессу 50-ти, но осужденный по процессу 193-хъ и также недавно бѣжавшій изъ ссылки. Перовская была вообще крайне сдержанна, но когда она осталась одна съ нами женщинами, она вся взволнованная торпливо, прерывающимся голосомъ, стоя съ намыленными руками передъ умывальникомъ, стала рассказывать, какъ она изъ-за мелкой заросли высматривала поѣздъ; она говорила также, что динамита оказалось мало, такъ какъ очень много ушло на предпріятіе на югъ и сожалѣла, что не сосредоточили его въ Москвѣ. Когда она говорила все это, ея лицо дышало глубокимъ страданіемъ, и она вся дрожала, то ли отъ холода, охватывавшаго ея обнаженныя мокрыя руки или отъ тяжелаго чувства неудачи и долго сдерживаемаго волненія, и мнѣ нечѣмъ было утѣшить ее. Я чувствовала также, что эта неудача возьметъ не мало жертвъ изъ нашей среды, и не ошиблась.

Арестъ Квятковскаго. На другой день послѣ описанной встрѣчи, утромъ къ намъ, т. е. на квартиру, которую я занимала съ Морозовымъ (на Знаменской площади), приходитъ С. Перовская и торпливо сообщаетъ, что сейчасъ бѣжить предупредить Квятковскаго, такъ какъ узнала, что у него сегодня будетъ обыскъ, — а можетъ быть и былъ уже, — съ грустью прибавляетъ она. Я вызвалась сама пойти вмѣсто нея, но она упорствовала, и Морозовъ сказалъ, что онъ сейчасъ сбѣгаетъ къ М. Н. Ошаниной, жившей тутъ же близко на Николаевской и тогда еще ни въ чемъ раньше не привлекавшейся и незапятнанной передъ жандармами, и пошлетъ ее къ Квятковскому. Пока Морозовъ ходилъ къ ней, мы съ Перовской остались дома: мы обѣ волновались, разговоръ не клеился. Квятковскій былъ однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и дѣятельныхъ товарищей нашихъ, это была бы очень крупная незамѣнимая потеря для дѣла. Старая нетерпѣливомъ и зная, что каждая секунда грозитъ гибелью не одному Квятковскому, но

многимъ, я молча надѣла шляпу и сказавъ Перовской, что иду къ Квятковскому и быстро вышла, не позволивъ ей остановить меня. Я поручила ей только сказать Морозову, чтобы онъ на всякій случай очистилъ нашу квартиру отъ всего нелегальнаго и самъ ушелъ бы изъ нея.

Засада въ квартирѣ Квятковскаго и мой арестъ въ ней.
Когда я вошла на лѣстницу дома, гдѣ жилъ Квятковскій, я тщателью оглядѣлась кругомъ, но ничего подозрительнаго не нашла; со двора знака не было видно, но сильно замерзшія стекла мѣшали его разглядѣть. Я позвонила, дверь слишкомъ поспѣшно отперли — передо мной стояла осанистая фигура старшаго городского «Я, кажется, ошиблась,—проговорила я,—мнѣ сказали, что здѣсь живетъ портниха». — «Нѣтъ, сударыня, портниха живетъ не здѣсь, а напротивъ; заходите, заходите»,—настойчиво приглашалъ онъ. Я увѣряла, что я ошиблась, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего, но городской стоялъ на своемъ; пришлось повиноваться. Онъ ввелъ меня въ комнату занимавшуюся Евгеніей Фигнеръ; комната эта представляла полную картину погрома; все было перевернуто вверхъ дномъ; на кровати валялись частью связанные, частью разбросанныя кипы послѣдняго (2-го) номера «Народной Воли». Въ квартирѣ, ни Евгеніи Фигнеръ, ни Квятковскаго уже не было, только на звукъ моего голоса изъ двери кухни выглянуло миловидное молодое лицо прислуги Квятковскаго, простой деревенской придурковатой, но очень хорошей бабенки. Городовой грубо толкнулъ ее назадъ въ кухню и тѣмъ, быть можетъ, избавилъ меня отъ немедленнаго признанія ею за хорошую знакомую ея хозяйевъ Прохodia мимо открытой двери пріемной, куда въ первую минуту хотѣлъ было ввести меня городской, а потомъ раздумалъ, я увидѣла, что въ ней и въ прилегавшемъ кабинетѣ Квятковскаго все также было перерыто; кое гдѣ валялись какіе-то мѣдные цилиндры, свертки проволоки и прочее, а также много кипъ того же номера «Народной Воли». Нѣсколько минутъ я послушно сидѣла въ комнатѣ Фигнеръ, чтобы не раздражать городского, потомъ я стала жалобно просить его отпустить меня домой, иначе мужъ мой очень-де разсердится и, пожалуй, побьетъ меня. Городовой скоро смилостивился и повелъ меня, но не домой, а въ участокъ. Когда мы спускались съ лѣстницы, на нее поднималась Ошанина. Я безмолвно пропустила ее мимо, не здороваясь, и только проводила ее взглядомъ, когда она подымалась по лѣстницѣ выше квартиры Квятковскаго; очевидно, видя меня въ обществѣ городского, она поняла все и не зашла къ Квятковскому, и, слѣдовательно, поспѣшить сейчасъ же предупредить Морозова и другихъ товарищей. Это придавало мнѣ новыя силы. Я рѣшила подольше поводить полицію, прежде, чѣмъ указать свою квартиру, гдѣ я знала, ничего уже не найдутъ и, можетъ быть, освободятъ меня. Въ участокѣ, куда меня привелъ городской, я сдѣлала видъ, что до того взволнована, что ничего не въ силахъ понимать, ни куда идти. Околоточный рѣзко обошелся со мною,

но далъ часъ времени одуматься и сказать свой адресъ. Я осталась въ холодной пустой канцеляріи и, забившись въ уголь деревяннаго дивана, дѣйствительно думала свою тяжелую думу. Мнѣ было тяжело потерять свободу, купленную такой дорогой цѣной и потерять такъ случайно не на прямомъ дѣлѣ; я не хотѣла мириться съ этимъ. Меня сильно заботила также мысль о Морозовѣ, которому я моею торопливостью причинила, конечно, большую горе. Но я ни минуты не могла допустить, чтобы этотъ человекъ, только что рисковавшій своей головой, работая въ Московскомъ подкопѣ, остался цѣлый день дожидаться меня въ нашей квартирѣ, зная куда я ушла, зная, наконецъ, отъ Опаниной, что я арестована. Но все же, хотя прошло часа три съ моего выхода изъ дому, я медлила указать адресъ и когда околоточный, по истеченіи часа, пришелъ ко мнѣ съ угрозами сейчасъ же заточить въ Петропавловскую крѣпость, я указала адресъ, но не свой, а первый пришедшій на умъ, совсѣмъ въ другой части города. Меня повезли сначала въ эту новую часть и откомандировавъ новый составъ полицейскаго конвоя, на что потребовалось время, доставили, наконецъ, къ указанному мною дому. Въ нанованной мною квартирѣ на мое счастье проживалъ, оказывающійся какой-то генераль, хотя адресъ, данный мною былъ совершенно вымышленный. Полиція замаялась, а я съ своей стороны стала умолять не беспокоить, говорила, что изъ страха къ мужу, я обманула ихъ и разыграла передъ моими провожатыми сцену тяжелого нервнаго припадка. Околоточный растерялся и повезъ меня обратно въ часть, гдѣ снова я получила отерочку для отдыха съ формальнымъ приказаніемъ быть готовой къ 6-ти часамъ вечера, чтобы въ послѣдній разъ ѣхать со мной на квартиру или же прямо въ тюрьму.

И въ самомъ дѣлѣ я нуждалась въ отдыхѣ; вся эта комедія, разыгрываемая цѣлый день подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ о погибшихъ товарищахъ, о горѣ тѣхъ, кто еще остался свободенъ, все это такъ истомило меня физически, что я едва волочила ноги. Но мнѣ предстояла еще послѣдняя и самая рѣшительная сватка. Когда пробило 6 часовъ вечера, т. е., когда прошло по меньшей мѣрѣ часовъ 7 съ момента моего ареста, я, наконецъ, сообщила адресъ дома, гдѣ жила, сказавъ, что номеръ квартиры и фамилію сообщу, когда подъѣдемъ къ дому, такъ какъ мнѣ не хочется, чтобы предупредили мужа раньше, чѣмъ онъ самъ меня увидитъ. Околоточный согласился. Мы ѣхали почти цѣлый часъ изъ Измайловскаго полка, гдѣ мы были, въ Александроневскую часть; тутъ опять прошло нѣкоторое время, пока назначили новый штатъ полицейскихъ конвойныхъ и, наконецъ, мы подъѣхали къ дому, гдѣ я жила. Взглянувъ на окна, вижу, что знака нѣтъ; слѣдовательно квартира очищена, но я съ тяжелымъ чувствомъ подымалась на лѣстницу. Околоточный торопится, «гдѣ же, гдѣ?» спрашиваетъ онъ. Вотъ мы, наконецъ, передъ нашей дверью, я поввонила; дверь сейчасъ же отворилась, и на порогѣ я, къ ужасу моему, вижу Моро-

зова. Я чуть не упала, но мгновенно собрала послѣднія силы, овладѣла собой, бросилась къ нему, какъ взволнованная жена, и стала просить его не сердиться за мое позднее возвращеніе въ такомъ обществѣ, объясняя, что я надѣялась упротить полицію отпустить меня, и потому долго не возвращалась. Морозовъ также очень хорошо сыгралъ свою роль, взволнованно спрашивая:

«Какъ же это ты, что съ тобой случилось, гдѣ ты была?»

«Вашу жену арестовали на квартирѣ московскихъ взрывателей—заявилъ ему околоточный—и вы извините, насъ конечно; намъ придется сдѣлать у васъ обыскъ».

«Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Морозовъ и ввелъ въ квартиру,—но это невѣроятно, какъ могло это случиться», какъ бы про себя твердилъ онъ.

Я объясняла ему, что ошиблась дверью къ портнихѣ. Морозовъ шепнулъ мнѣ:

«Не безпокойся, я былъ предупрежденъ Опаниной и нарочно остался.» Начался обыскъ; все тщательно перерыли въ обѣихъ нашихъ комнатахъ, но, конечно, ничего не нашли. Закончивъ обыскъ они сказали Морозову: «Прислуга ваша свободна и можетъ выходить куда угодно, но васъ и супругу вашу мы должны подвергнуть домашнему аресту, пока выяснится, какъ попала она туда, гдѣ ее арестовали».

Морозовъ заявилъ, что ему выходить пока нѣтъ надобности, и полиція ушла, оставивъ для охраны одного городского въ нашемъ корридорѣ.

Побѣгъ мой и Морозова изъ-подъ домашняго ареста. Въ комнатахъ мы были одни и стали спѣшно совѣтоваться, какъ бы вырваться изъ этого опаснаго плѣна. Планъ сейчасъ же былъ найденъ. Мы позвали къ себѣ хозяйку, отъ которой нанимали комнату, и попросили ее позвать въ кухню городского и напоить его чаемъ. Соблазнъ для городского, только что пришедшаго съ холоду, былъ великъ, и послѣ минутнаго колебанія онъ послѣдовалъ за хозяйкой, а мы подъ шумъ звяканья посуды и нѣкоторой суеты, поднятой гостепріимной хозяйкой, накинули лѣтнія пальто и, тихо отперевъ дверь, поспѣшно спустились по лѣстницѣ во дворъ, проскользнули мимо дворника, какъ прислуга выбѣгающая въ лавочку, и очутились на улицѣ. Покруживъ по Гончарной и Невскому, мы выбрались на Пески, а оттуда уже на извозчикѣ на Николаевскую въ квартиру М. Н. Опаниной.

Николай Саблинъ. Велико было изумленіе всѣхъ, кого мы тамъ застали. М. Н. Опанина бросилась ко мнѣ и спросила: «Какъ, вы свободны, неужели и Квятковскій свободенъ?».. Мнѣ пришлось разочаровать ее; я описала картину погрома квартиры Квятковского и наскоро рассказала дальнѣйшую исторію дня, мою одиссею по участкамъ, самоотверженный поступокъ Морозова и наше спасеніе. Этотъ рассказъ, прислонившись спиною къ камину, молча слушалъ Саблинъ, старый товарищъ Морозова еще съ эпохи пропаганды въ народѣ и обладавшій, какъ и Морозовъ, крупнымъ

поэтическимъ талантомъ. «О, дружба,—воскликнулъ онъ,—велика твоя сила», и опять замолкъ и нахмурился словно, думая какую-то думу. Въ эту минуту серьезное, уже не юношеское, гладко выбритое ради конспираціи лицо Саблина напоминало лицо почтеннаго католическаго патера; такъ мы и звали иногда въ шутку этого въ сущности жизнерадостнаго и обыкновенно веселаго человѣка. Но, кто знаетъ, можетъ быть, передъ его внутреннимъ взоромъ, какъ безсознательное видѣніе, пронеслось въ эту минуту предчувствіе собственной судьбы. Годъ съ чѣмъ-то спустя, подобно Квятковскому, тогда уже казненному, Саблинъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Гесей Гельфманъ на конспиративной квартирѣ (послѣ 1-го марта) и, хорошо зная предстоящую ему участь, пустилъ себѣ пулю въ високъ, не желая продѣлывать неизбежную въ такихъ случаяхъ трагикомедію суда и казни... Это была моя послѣдняя встрѣча съ Саблинымъ.

Въ типографіи «Народной Воли». Нашъ арестъ и побѣгъ, изъ обязательной для всѣхъ осторожности, принудили меня и Морозова нѣкоторое время не показываться на улицѣ; однимъ словомъ, намъ пришлось подвергнуться карантину, а такъ какъ лучшаго мѣста для карантина не было, какъ квартира типографіи «Народной Воли», откуда почти никто не выходилъ и куда заходилъ самое большее одинъ изъ товарищей разъ, или два въ недѣлю, то мы, не теряя ни минуты, въ тотъ же вечеръ отправились въ типографію. Всѣ встрѣтили насъ тамъ съ распростертыми объятіями, такъ истомились они своимъ затворничествомъ, такъ рѣдки были тамъ гости.

Николай Бухъ, Софья Иванова, Л. Цуккерманъ, Птичка и М. Грязнова. Хозяиномъ и хозяйкой квартиры типографіи были Николай Бухъ и Софья Иванова, а работали тамъ, кромѣ нихъ, знакомый мнѣ по заграничѣ Лейзеръ Цуккерманъ, другой рабочій по прозвищу Птичка (за его высокій тонкій какъ бы птичій голосъ) ¹⁾ и въ качествѣ номинальной прислуги М. В. Грязнова, перешедшая сюда вмѣстѣ съ Птичкой по наслѣдству изъ старой типографіи «Земли и Воли». Собственно болѣе живыми и общительными членами этой типографской артели были послѣдніе трое.

Софью Иванову я знала давно, еще со времени общаго сидѣнья въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ 1876—77 годахъ. Она была вообще довольно живого и веселаго характера, но въ описываемое время (конецъ ноября 1879 г.) она переживала тяжелое личное горе и была не совсѣмъ здорова, такъ что она казалась молчаливой и грустной.

Николай Бухъ, ея номинальный супругъ по квартирѣ, былъ человѣкъ вообще крайне замкнутый; раньше я встрѣчалась съ нимъ нѣсколько разъ на общихъ товарищескихъ собраніяхъ, онъ бывалъ нѣсколько разъ по дѣлу и у насъ съ Морозовымъ на

¹⁾ Рабочій Лубкинъ.

квартирѣ, гдѣ происходили первое время редакціонныя собранія, а также другія дѣловыя встрѣчи.

Кибальчичъ. Тамъ у насъ бывалъ Кибальчичъ, Богородицкій (черезъ котораго велись сношенія съ крѣпостью) и другіе, но молчаливѣе Буха я не помню никого, равнѣ Кибальчича, которому иногда приходилось, бывало, оставаться у насъ по часу и больше, поджидая кого нибудь; но онъ всегда былъ такъ поглощенъ какой-то думой, что не было ни малѣйшей возможности расшевелить его, заставить разговариваться. На самые простые вопросы онъ отвѣчалъ разсѣянно, часто невпопадъ и побившись съ нимъ минутъ десять-двадцать, я оставляла его одного «считать звѣзды», а сама уходила къ себѣ въ комнату. Его не только не занималъ разговоръ, но не занимали также газеты и журналы, лежавшіе обыкновенно у него на столѣ, онъ никогда ихъ не развертывалъ, не трогалъ, а сидѣлъ всегда молча и о чемъ то думалъ. Такимъ же почти былъ и Бухъ, но съ нимъ мнѣ всегда приходилось встрѣчаться въ обществѣ другихъ, и его молчаливость не такъ бросалась въ глаза.

Наиболѣе сообщительнымъ изъ всѣхъ, проживавшихъ въ типографіи «Народной Воли», былъ Лейзеръ Цуккерманъ. Это былъ настоящій типографскій работникъ, работавшій раньше въ заграничныхъ русскихъ типографіяхъ въ Женевѣ и специально привезенный Зунделевичемъ для «Народной Воли» изъ-за границы. Когда, бывало, вечеромъ работа кончалась, и всѣ собирались въ довольно просторной задней комнатѣ за вечерней закуской и самоваромъ, Лейзеръ шутилъ и смѣялся, чаще всего изображая сцены изъ жизни простого еврейства, пересыпая русскія фразы съ еврейскими. Соль его разсказовъ больше всѣхъ, казалось ему, оцѣнивала я, такъ какъ я встрѣчала евреевъ за границей и, благодаря привычкѣ къ нѣмецкому языку, ухо мое легче улавливало смыслъ словъ еврейскаго жаргона, очень близкаго къ простонародному нѣмецкому. Это случайное обстоятельство сближало насъ; Цуккерманъ видѣлъ во мнѣ самага близкаго ему товарища, и иногда въ свободныя минуты, когда мы заняты бывали фальцовкой уже отпечатанныхъ листовъ (кромѣ 3-го номера «Народной Воли» въ это время набиралось еще безцензурное изданіе Некрасовскаго «Пиръ на весь міръ»), Цуккерманъ знакомилъ меня, напѣвая въ полголоса, съ древними заунывными еврейскими напѣвами, которымъ я старалась подражать къ великой его радости, или разсказывалъ различные эпизоды изъ жизни Іисуса Христа, какъ рисуетъ его Талмудъ въ его отношеніяхъ къ Богоматери; это были подробности незнакомыя обычной христіанской исторіи; Цуккерманъ, раньше, чѣмъ отдаться дѣлу революціонной печати, готовился быть раввиномъ. Онъ прошелъ полный курсъ высшей еврейской школы, сотрудничалъ въ еврейской газетѣ, издававшейся на древнееврейскомъ языкѣ въ Берлинѣ, и помѣщалъ тамъ, какъ мнѣ говорили, прекрасные талантливые стихи. Его внѣшность, его манера держать себя, не да-

вали однако возможности сразу оцѣнить его при поверхностномъ знакомствѣ. Его привычка шутить надъ самимъ собой какъ бы умаляла въ другихъ уваженіе къ нему, и я знавала людей, которыхъ онъ прямо шокировалъ. Между тѣмъ, подѣ этой малоимпонирующей внѣшностью жила прекрасная чуткая поэтическая душа, готовая на беззавѣтное самоотреченіе. Какъ назвать въ самомъ дѣлѣ его прїѣздъ изъ-за границы въ Петербургъ, гдѣ у него кромѣ Зунделевича, очень скоро арестованнаго, не было ни одной знакомой души, гдѣ прямо съ вокзала онъ заперъ себя въ типографію «Народной Воли», откуда только по четвергамъ, во время прихода полотеровъ, его отправляли на прогулку, да и то онъ не зналъ, какъ убить это время, безцѣльно бродя по незнакомымъ ему улицамъ. Онъ самъ признавался мнѣ, что чувствовалъ себя на улицахъ Петербурга, какъ въ пустынѣ. Онъ не думалъ еще въ то время, какъ близокъ часъ, когда, послѣ многолѣтнихъ мытарствъ по тюрьмамъ, судьба заброситъ его въ другую уже настоящую пустыню—въ Якутскую область, гдѣ ему суждено было найти свою безвременную могилу въ волнахъ негостепріимной Лены. Попавъ въ Якутскую область послѣ Берійской каторжной тюрьмы, Цуккерманъ съ первой же весной покончилъ съ собой, бросившись въ рѣку. Такъ кончила жизнь эта прекрасная одинокая душа, беззавѣтно искавшая правды, только правды.

Другой его сотоварищъ по работѣ въ типографіи «Народной Воли», Птичка, былъ убитъ при сопротивленіи во время обыска въ этой типографіи (въ Саперномъ переулкѣ). Выше средняго роста, худой, съ тонкой шеей и едва пробивающимися усами, онъ казался очень молодымъ, хотя на самомъ дѣлѣ ему было не менѣе 25 лѣтъ; онъ вышелъ изъ рабочихъ и принадлежалъ къ типу скромныхъ, но отважныхъ тружениковъ, которымъ сознание осуществляемаго ими великаго дѣла свободы давало нечеловѣческія силы нести добровольное безотрадное затворничество. Птичка какъ и Л. Цуккерманъ жили безвыходно въ типографіи не прописанными, а потому изъ осторожности обречены были на полное затворничество. Напротивъ, хозяйинъ и хозяйка квартиры могли свободно выходить; такъ, Софья Иванова нерѣдко бывала въ квартирѣ Квятковскаго, а также у меня съ Морозовымъ и у другихъ товарищей, но этимъ правомъ и они старались пользоваться по возможности рѣдко и вели съ виду самый скромный образъ жизни средней чиновничьей семьи.

Пятый членъ типографской семьи. М. В. Грязнова, молодая дѣвушка лѣтъ 24, изъ простой мѣщанской семьи, взяла на себя роль прислуги. Это была ея роль такъ сказать официальная, передъ дворникомъ, на самомъ же дѣлѣ она предпочитала такъ или иначе работать вмѣстѣ съ другими въ печатномъ дѣлѣ, смазывая краской шрифтъ въ станкѣ или накладывая на шрифтъ смоченные листы бумаги, прокатывая ихъ валикомъ, но не стирать въ кухнѣ, что она очень не любила. Это была дѣвушка съ

хорошимъ вѣрвымъ сердцемъ, но очень болѣзненно нервная; въ ней подмѣчали также ложный стыдъ за свою малообразованность и гордость человѣка, терпѣвшаго униженіе не разъ въ жизни. Эта дѣвушка оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Она страдала и страдала вдвойнѣ. Въ описываемую минуту насъ было три женщины въ типографіи: С. Иванова, Грязнова и я, такъ что общими усиліями у насъ обѣдъ стряпался почти незамѣтно и, когда часа въ три на столѣ появлялась большая мѣдная кострюля съ дымящимися щами или какимъ-нибудь супомъ, всѣ весело бросали работу и спѣшили къ столу. Иногда, кромѣ супа, бывало и второе мясное блюдо, но не всегда; иногда же въ какихъ-нибудь особыхъ случаяхъ—удачно законченнаго печатнаго листа, или какихъ-нибудь добрыхъ вѣстей изъ города, на столѣ появлялась и небольшая бутылка англійской водки, почему-то непременно желудочной англійской, которую пили желающіе по небольшой рюмкѣ. Бесѣда за столомъ почти всегда была оживленная, нерѣдко веселая и шумливая; несмотря на затворничество, у каждого было что поразсказать, и часы отдыха пролетали незамѣтно. Почти всегда первымъ вставалъ изъ-за стола и принимался за работу неизмѣнно молчаливый Бухъ, за нимъ и другіе. Несмотря на положеніе невольныхъ гостей, мы съ Морозовымъ участвовали также въ работахъ; я умѣла даже набирать, такъ какъ еще студенткой въ Цюрихѣ участвовала вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ женскимъ кружкомъ (Фритчей) въ наборѣ первыхъ номеровъ издаваемаго П. Л. Лавровымъ журнала «Впередь!»

Программа Исполнительнаго Комитета. Въ описываемую минуту шелъ наборъ 3-го номера «Народной Воли», гдѣ должна была выйти программа Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Послѣ Липецкаго съѣзда, гдѣ были намѣчены основныя положенія, программа эта, какъ я уже сказала, обсуждалась на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ петербургской квартирѣ Квятковскаго, хозяйкой которой была въ то время не Евгенія Фигнеръ, не состоявшая членомъ организаціи, а Вѣра Фигнеръ (Филиппова), уѣхавшая послѣ этихъ собраній на югъ и помѣстившая на квартиру, вмѣсто себя, сестру свою Евгенію, которая и была впослѣдствіи арестована съ Квятковскимъ.

Базисомъ программы должны были оставаться положенія, выработанныя Морозовымъ, Михайловымъ и Квятковскимъ на Липецкомъ съѣздѣ, а здѣсь она подвергалась какъ бы второму чтенію. При обсужденіи присутствовали тогда Тихомировъ, Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Фроленко, Зунделевичъ, Якимовъ, Баранниковъ, Колоткевичъ, Шираевъ, М. Н. Опанина, Вѣра Фигнеръ, я и еще нѣкоторые; каждый параграфъ возбуждалъ пренія; разногласіе происходило главнымъ образомъ на почвѣ вопроса о томъ, ставится ли главной цѣлью Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» дезорганизація правительства посредствомъ партизанской террористической борьбы съ нимъ, дабы такимъ образомъ принудить правительство, предоставить самому

народу, свободно и безпрепятственно выразить свою волю (Народную Волю) и переустроить свою распатавшуюся политическую и экономическую жизнь на новыхъ, самимъ народомъ выношенныхъ началахъ справедливости равенства и свободы, или же, пользуясь тѣмъ же методомъ борьбы названная организація должна стремиться сначала, путемъ политическаго заговора, захватить въ свои руки власть, декретировать народу конституцію сверху и уже тогда вручить народу свою власть. Первая формулировка, приближительная конечно—я пишу на память—была принята на Липецкомъ съѣздѣ; вторая была внесена въ Петербургѣ главнымъ образомъ Л. Тихомировымъ и Опаниной.

Разногласія въ Исполнительномъ Комитетѣ, вызванныя Тихомировымъ. И вотъ теперь, послѣ Московскаго взрыва, послѣ ареста Квятковскаго, одного изъ инициаторовъ Липецкой программы, послѣ того какъ сношенія между членами организаціи были крайне затруднены, когда стали уже извѣстны предательскія показанія Гольденберга, сковавшія свободу тѣхъ, кто раньше былъ скомпрометированъ очень мало, Тихомировъ вздумалъ вмѣсто созыва общаго собранія, разнести, въ своей формулѣ, программу Исполнительнаго Комитета по домамъ сочновъ и собрать такимъ образомъ голоса. Нужно сказать еще, что передъ самымъ арестомъ Квятковскаго были приняты еще новые члены, какъ-то: Грачевскій, Н. Оловяникова (сестра Опаниной), А. П. Корба и другіе, которые не присутствовали раньше при обсужденіи программы, а слѣдовательно, могли и не знать даже первоначальной формулировки Липецкаго съѣзда. Занятые текущими настоятельными дѣлами товарищи давали свои голоса Тихомирову часто только по товарищескому довѣрію. Морозовъ, самый горячій защитникъ Липецкой программы, въ силу обстоятельствъ находившійся въ типографскомъ карантинѣ, не могъ конечно такъ же свободно видѣться и говорить съ товарищами, какъ Тихомировъ, такъ что мы узнали о домашнемъ голосованіи только *post factum*, когда Тихомировъ заручился согласіемъ большинства. Такой приемъ съ его стороны и Морозовъ, и я сочли неправильнымъ и въ нравственномъ отношеніи чреватымъ самоуправствомъ, способнымъ разложить товарищество и лишить его необходимаго взаимнаго довѣрія. Меня въ особенности удручала эта сторона дѣла, въ этомъ я видѣла надвигающуюся гибель всего революціоннаго дѣла и въ этомъ смыслѣ написала письмо къ товарищамъ, которое успѣли прочесть очень немногіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ яковинскій отгѣнокъ, приданный Тихомировымъ программѣ Исполнительнаго Комитета, являлся какъ бы возрожденіемъ нечаящины, какъ политической программы, давно потерявшей нравственный кредитъ въ революціонномъ мірѣ и грозившей нравственной смертью всей организаціи и всему революціонному движенію. Въ самомъ дѣлѣ, революціонная идея только тогда животворна, когда она является антитезой всякаго общественнаго, государственнаго, или личнаго принужденія, царскаго или яко-

бинскаго все равно. Узкій кругъ честолюбцевъ можетъ, конечно, смѣнять одно насиліе другимъ, одну власть другою; но ни народъ, ни общество не пойдутъ за нимъ сознательно, а только сознательное движеніе вноситъ новыя основы въ жизнь.

Всѣ эти соображенія пришлось изложить уже послѣ того, какъ программа была отдана въ наборъ, а задержать ея выходъ—значило задержать весь номеръ, правильное же появленіе номеровъ «Народной Воли» было, такъ сказать, равносильно появленію адмиральскаго флага на броненосцѣ, знаменующаго его готовность къ бою. Все это Тихомировъ бралъ, конечно, въ расчетъ, увѣренный, что нельзя не примириться съ совершившимся фактомъ. Онъ ошибся только въ одномъ: фактъ, конечно, нельзя было не признать, но этотъ фактъ не только далъ неправильную окраску одному изъ наиболѣе яркихъ періодовъ революціонной борьбы, но сообщилъ и ложное направленіе будущему (см. «Подготовительную работу партіи Нар. Воли», составленную въ началѣ 80 г.) и гораздо больше, чѣмъ измѣна Гольденберга и правительственные погромы, распаталъ внутри дружную семью людей, сошедшихся по свободному почину для борьбы на жизнь и смерть. Правда, по инерціи люди шли неуклонно къ главной, ранѣ намѣченной цѣли (цареубійству), и 1-е марта совершилось; но когда люди перваго состава Исполнительнаго Комитета почти всѣ погибли, приблизительно въ одно время съ этимъ послѣднимъ мощнымъ ударомъ, Комитетъ второго состава свершить уже ничего не могъ, несмотря на то, что пріѣхавшій лѣтомъ 81 г. изъ-за границы Стефановичъ объединилъ съ Комитетомъ жалкіе остатки «Черваго передѣла», несмотря на то, что въ численномъ отношеніи людей было еще не мало.

Поступокъ Тихомирова былъ опротестованъ Морозовымъ и мною; намъ обѣщали собрать общее собраніе и, чтобы не быть скованными условіями типографскаго быта, мы посѣщали нанять себѣ по новому паспорту новую квартиру въ другой части города далеко отъ той, гдѣ жили раньше, и скоро распростились съ обитателями типографіи Сапернаго переулка, съ которыми такъ успѣли сжиться за три недѣли, проведенныя тамъ.

Мы переѣхали на новую квартиру не задолго до Рождества и послѣ того еще два раза встрѣтились всѣ вмѣстѣ съ большинствомъ бывшихъ въ Петербургѣ товарищей. Одинъ разъ это было на встрѣчѣ новаго года (1880 г.), устроенной на новой конспиративной квартирѣ, нанятой послѣ ареста Квятковскаго. Тамъ были многіе: Фроленко, Колоткевичъ, Желябовъ, Ал. Михайловъ, Морозовъ, Грачевскій, Ширяевъ, Исаевъ (Тихомирова не помню въ этотъ день), Т. Лебедева, Якимова (Баска) Геся Гельфманъ, Перовская, Оловяннаякова и другіе. Присутствующіе избѣгали касаться недавно всплывшихъ тяжелыхъ жгучихъ вопросовъ; мы перекидывались шутками, пѣли, разговаривали.

Особенно рельефно запала мнѣ въ память сцена приготовленія жженки: на кругломъ столѣ посрединѣ комнаты поставили

чашу (суповую), наполненную кусками сахара, лимона и специй, облитых ромомъ и виномъ. Когда ромъ зажгли и потушили свѣчи, картина получилась волшебная; трепетное пламя, то вспыхивая, то замирая, освѣщало суровыя лица обступившихъ его мужчинъ; ближе всѣхъ къ чашѣ стояли Колоткевичъ и Желябовъ; Морозовъ вынулъ свой кинжалъ, за нимъ другой, третій, ихъ положили скрестивъ на чашу и безъ предупрежденія, по внезапному порыву грянулъ могучій торжественный напѣвъ извѣстной гайдамацкой пѣсни: «Гой не дивуйтесь, добрые люди, що на Украинѣ повстанье».—Звуки пѣсни ширились и росли, къ ней приставали все новые и новые голоса, а трепетное пламя мерцало, вспыхивая красноватымъ отблескомъ, какъ бы закаляя оружіе на борьбу и на смерть... Когда жженка была готова, зажгли снова свѣчи и разлили по стаканамъ горячій напитокъ. Наступалъ 1880 годъ... Что сулилъ онъ собравшимся, что сулилъ онъ Россіи?.. Когда пробило 12 часовъ, стали чокаться, кто жалъ сосѣду руку, кто обмѣнивался товарищескимъ поцѣлуемъ; всѣ пили за свободу, за родину, всѣ желали, чтобы эта чаша была послѣднею чашею неволи... Кто-то предложилъ попробовать спиритическое гаданье; въ одну минуту со смѣхомъ и шутками изготовили большой листъ бумаги съ четкими буквами, перевернули на нее блюдечко и сѣли за столъ. Первымъ былъ вызванъ духъ Императора Николая I-го, его спросили, какою смертью умретъ его сынъ, Александръ II. Блюдечко долго неопредѣленно блуждало и наконецъ получился странный отвѣтъ—отъ отравы... Этотъ отвѣтъ расколодилъ всѣхъ, онъ показался лишеннымъ всякаго вѣроятія, такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ знали, что готовится дворцовый взрывъ, а всѣмъ вообще было извѣстно, что ядъ не былъ тѣмъ оружіемъ, которое употребляла бы организація Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Этотъ неудачный отвѣтъ расколодилъ настроеніе; гаданье бросили. Кто-то запѣлъ опять какую-то малороссійскую пѣсню, другіе пробовали напѣвать революціонную молитву польскую, еще кто-то—положенные на музыку стихи: «Я видѣлъ рабскую Россію передъ святыней алтара гремя цѣпями склонивши выю, она молилась за царя»... и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ—французскую Марсельезу. Пѣли не громко, съ осторожностью, несмотря на общепринятый обычай на Руси весело и шумно встрѣчать новый годъ. Такъ прошелъ вечеръ. Пора было расходиться. Всѣмъ сразу выйти было опасно, а потому расходились по двое и въ одиночку, чтобы не привлечь вниманіе дворника, лежавшаго какъ обыкновенно поперекъ калитки на улицу.

Черезъ нѣкоторое время послѣ новаго года собрались мы всѣ еще одинъ разъ—это было уже дѣловое собраніе; нѣкоторыхъ, не вступившихъ еще въ члены организація, здѣсь не было (такъ не было Геси Гельфманъ и Исаева). Письмо мое товарищамъ, посланное изъ типографіи, въ которомъ я высказывала опасеніе потерять нравственную связь между товарищами, если образъ

дѣйствій Тихомирова войдетъ въ обычай, было прочитано нѣкоторыми и произвело, какъ говорили мнѣ, хорошее впечатлѣніе. Хотя программа была уже напечатана, на очередь поставлено было всетаки обсужденіе ея. Предстояло также переизбрать нѣкоторыхъ членовъ распорядительной комиссіи. Во время дебатовъ Тихомировъ уклонялся отъ прямого отвѣта по вопросу о якобинизмѣ (о захватѣ власти и декретированіи сверху) Морозовъ потребовалъ поставить на баллотировку признаніе Липецкой программы обязательной для организациі, какъ программы, принятой не келейно, а свободно. Эта постановка вопроса, въ виду совершившагося факта домашняго принятія программы въ тихомировской формулировкѣ, была, конечно, безнадежна, но Морозовъ, высоко цѣня идейную сторону революціоннаго движенія, считалъ своей нравственной обязанностью это сдѣлать; и когда изъ собравшихся, значительное большинство признавая въ душѣ всю некорректность тихомировскаго поступка, стало всетаки на сторону совершившагося факта, Морозовъ заявилъ, что онъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязательства защищать такую программу въ публикѣ. Я, съ своей стороны, заявила также, что по натурѣ своей могу дѣйствовать только свободно, а разъ Исполнительный Комитетъ въ программу свою внесъ задачу (захвата власти), которая противорѣчитъ самой основѣ моихъ убѣжденій, а въ организационной практикѣ прибѣгаетъ къ приемамъ самовластья, чреватымъ взаимнымъ недовѣріемъ, то я также возвращаю себѣ свободу дѣйствій. Кто-то, кажется Грачевскій, считая, вѣроятно, мое заявленіе сдѣланнымъ сгоряча и помня, что я указывала главнымъ образомъ на вредъ тихомировскаго самовластнаго образа дѣйствій въ организациі, чтобы показать мнѣ свое сочувствіе, предложилъ меня въ Распорядительную Комиссію; я конечно отказалась, на что Тихомировъ злобно заявилъ: «Напрасно отказываетесь, Васъ еще не выбрали, да и не выберутъ». На этотъ разъ однако въ Распорядительную Комиссію не случайно, конечно, а въ цѣляхъ нравственнаго оздоровленія Распоряд. Комиссіи, попала первая женщина; это была Софья Перовская. Ея энергія исторія обязана въ значительной мѣрѣ актомъ 1-го марта, за который она поплатилась жизнью, а Тихомировъ съ тѣхъ поръ (съ начала 80 г.) хотя и продолжалъ быть номинально однимъ изъ распорядителей дѣлъ Исполнительнаго Комитета, однако послѣ февральскаго взрыва мало-помалу сталъ отстраняться отъ дѣлъ организациі и все больше и больше лгнулъ къ легальнымъ литературнымъ сферамъ, отдавая свое время почти исключительно легальной литературѣ, работая въ журналахъ подъ именемъ Кольцова.

Вообще послѣ февральскаго взрыва весь 1880 годъ прошелъ для организациі малодѣятельно въ смыслѣ натиска на главную цитадель. Либеральныя вѣянія и заигрыванія Лорисъ-Меликова съ прессой отразились и на революціонной средѣ. Партія «Народной Воли» дала цѣлый годъ молчаливаго перемирія, хо-

тя и не разоружалась; снаряды, заложенные подъ руководствомъ Желябова подъ одинъ изъ мостовъ въ Петербургѣ, знаменуютъ уже, что революціонеры еще раньше 1-го марта извѣрились въ лицемѣрныя обѣщанія Лорисъ-Меликова.

А какъ было имъ не извѣриться? Лорисъ Меликовъ дѣйствовалъ на два фронта—въ сторону легальной печати онъ давалъ всякія надежды, впрочемъ, въ очень расплывчатой формѣ,—въ сторону революціонеровъ организовывалъ самую предательскую шпіонскую армію, развращая общество и молодежь, завлекая въ тайные агенты людей всѣхъ сферъ и даже студентовъ. Либеральныя вѣянія Лорисъ-Меликова только разслабили бдительность старыхъ членовъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», и такіе цѣнные бойцы, какъ Желябовъ, позволяли себѣ появляться на многочисленныхъ студенческихъ сходкахъ, гдѣ они попадали, конечно, на примѣту шпіонамъ, и къ концу 1880 года и въ началѣ 1881 г. наиболѣе дѣятельные члены организаціи были такимъ образомъ выслѣжены и одинъ за другимъ перехватаны, такъ что 1-е марта было послѣдней лебединой пѣснью «великаго» Исполнительнаго Комитета, какъ называли нѣкоторые Комитетъ перваго состава.

Провалъ типографіи «Народной Воли». За это время организація понесла тяжелую утрату; въ половинѣ января была арестована типографія «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ со всѣми ея обитателями, съ которыми мы еще такъ недавно дѣлили кровь и легко могли погибнуть вмѣстѣ. Судьба спасла насъ. О гибели типографіи пришелъ сообщить намъ Желябовъ на нашу новую квартиру. Квартира эта была въ первомъ этажѣ окнами во дворъ и я изъ окна замѣтила высокую фигуру Желябова, всматривавшагося почему-то слишкомъ внимательно въ нашъ знакъ. Я подошла къ стеклу, чтобы разсѣять его сомнѣніе и онъ вошелъ къ намъ. Онъ былъ видимо взволнованъ. Горе наше было велико, когда мы узнали объ участи типографіи «Народной Воли», объ арестѣ всѣхъ, о вооруженномъ сопротивленіи и о смерти Птички. Желябовъ съ опаской шелъ къ намъ, думая не прослѣдили ли и насъ, тогда еще не знали причины погрома типографіи, но все было благополучно.

Послѣ ареста типографіи «Народной Воли» мы, т. е. Н. А. Морозовъ и я рѣшили временно уѣхать за границу. Морозовъ взявъ безсрочный отпускъ изъ организаціи, задумалъ изложить тамъ на свободѣ взгляды, получившіе признаніе на Липецкомъ съѣздѣ, что и исполнилъ впоследствии въ своей брошюрѣ «Террористическая борьба», не касаясь конечно внутренней организаціонной тайны происхожденія новой редакціи программы Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», т. е. описаннаго мною раскола. Мнѣ также нужно было временно уѣхать; я была серьезно нездорова, я недавно сильно надорвалась, неся на пятый этажъ въ квартиру Якимовой тяжелую бутылъ съ какой-то жидкостью; я ужасно обезсилѣла послѣ

этого, а для революціонной работы нужны силы, хорошія силы. Намъ удалось получить заграничный паспортъ и уѣхать за границу только въ первыхъ числахъ февраля 1880 г. наканунѣ февральскаго взрыва во дворцѣ.

Желябовъ очень упрашивалъ насъ остаться и не ѣхать, но мы уже рѣшили, это было необходимо по многимъ причинамъ и какъ ни тяжело было отказать его товарищеской просьбѣ, но отказать пришлось. Это была моя послѣдняя встрѣча съ Борисомъ (Желябовымъ), такъ мы его звали. Когда я вернулась въ Россію въ началѣ 1881 года, Желябовъ уже былъ атестованъ, а потомъ вскорѣ (въ апрѣлѣ) и казнень. Простились мы по товарищески очень сердечно. «Спѣшите,—сказалъ онъ,—на дняхъ совершится»; и дѣйствительно, едва мы успѣли доѣхать до Берлина, какъ насъ догнала вѣсть о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ...

Халтуринъ. «Неудача, опять неудача!» было нашимъ первымъ восклицаніемъ; напротивъ, заграничныя газеты впервые кажется отозвались о русской революціонной партіи съ большимъ почтеніемъ; нѣкоторыя видѣли въ этомъ взрывѣ проявленіе обширнаго дворцоваго заговора, не подозрѣвая, какъ сравнительно просто былъ совершенъ этотъ актъ. Недостатокъ силы матеріальной и численной восполнялся въ этой борьбѣ изумительнымъ самоотреченіемъ и личной отвагой. Кто подумалъ бы, что найдется человѣкъ, какъ Халтуринъ, который больше мѣсяца рѣшится спать на подушкѣ, скрывающей подъ собою динамитъ: кто подумалъ бы, что этотъ человѣкъ, выносившій такъ продолжительно эту пытку, болѣя отъ удушливыхъ газовъ, которые, несомнѣнно для другихъ, онъ вдыхалъ каждую ночь, кто подумалъ бы, что тотъ же человѣкъ, встрѣтивъ однажды одинъ на одинъ Александра II въ его кабинетѣ, гдѣ Халтурину приходилось дѣлать какія-то поправки, не рѣшится убить его сзади просто бывшимъ въ его рукѣ молоткомъ, какъ это сдѣлалъ бы всякій обыкновенный убійца, не рискуя быть пойманнымъ. Да, глубока и полна противорѣчій человѣческая душа. Считаая Александра II величайшимъ преступникомъ противъ народа, Халтуринъ въ то же время невольно чувствовалъ обаяніе его добраго обходительнаго обращенія съ рабочими и разъ какъ-то, оставшись одинъ въ царскомъ кабинетѣ, онъ даже взялъ себѣ на память какую-то бездѣлушку съ его стола, которую показывалъ нѣкоторымъ товарищамъ, но по ихъ настоятельному совѣту снесъ обратно въ кабинетъ и положилъ на мѣсто. Да, такія противорѣчія даетъ только жизнь, неподражаемый творецъ ничтожнаго и могучаго, великаго и малаго...

IV.

Мой второй прїѣздъ за границу. Въ Женевѣ, куда мы прїѣхали съ Морозовымъ, мы застали все ту же компанію, кака я проживала тамъ въ концѣ 1878 года и началѣ 1879-го. Тамъ

были С. Кравчинскій, Драгомановъ, Крапоткинъ, Засуличъ, Дейчъ, Стефановичъ. Колонія нѣсколько обновилась, впрочемъ, временно пребывавшимъ тамъ (собственно не въ Женевѣ, а въ Кларагѣ, куда скоро почти всѣ переѣхали) редакторомъ-издателемъ журнала «Дѣло» К. М. Станюковичемъ, проживавшимъ тамъ со своей симпатичной милой семьей. Онъ писалъ въ то время одинъ изъ своихъ большихъ романовъ «Два брата», гдѣ, правда, въ очень общихъ штрихахъ изображаетъ пропагандиста-революціонера.

К. М. Станюковичъ. Станюковичъ, человекъ очень живой, впечатлительный, талантливый и симпатичный, слылъ кажется за очень неуживчиваго въ легальной литературной сферѣ; но къ намъ всѣмъ онъ относился всегда крайне любезно и хорошо. Такъ онъ далъ переводную работу Кравчинскому, въ которой по приѣздѣ приняла участіе и я, продолжая переводить начатый имъ романъ «Спартакъ», который и былъ помѣщенъ въ 1881 г. въ «Дѣлѣ», пока Морозовъ писалъ свою «Террористическую борьбу» и другія работы. У Станюковича, очень гостеприимнаго хозяина и интереснаго собесѣдника, мы бывали часто. Общество его милой, поэтически настроенной жены было также очень приятно. Это была настоящая хорошая русская семья, дружная и привѣтливая, съ прекрасно воспитанными дѣтьми, которые, какъ живой цвѣтникъ окружали ихъ. Я не порывала этого знакомства и послѣ, а въ Сибири, въ Томскѣ, куда онъ былъ сосланъ послѣ 1-го марта за сношенія съ Тихомировымъ и куда послѣдовала за нимъ и его семья, мы сошлись еще ближе. Тамъ, въ долгіе зимніе вечера, онъ рассказывалъ бывало намъ иногда въ комическомъ видѣ, что дѣлалъ нѣкоторые литераторы послѣ 1 марта. Передъ совершеніемъ этого акта они были предупреждены, что на дняхъ произойдетъ нѣчто, и готовились къ предстоящему политическому событію. Всѣ прогрессивнаго направленія газеты и журналы условились единодушно стать на защиту свободы.

Многіе, и въ томъ числѣ Станюковичъ, написали заранѣе составленныя воззванія и, собравшись въ редакціи одного большого журнала, ждали событій... Событіе совершилось, и у литераторовъ опустились руки. Не видя возстанія, котораго почему-то ожидали эти близорукіе политики, они не рѣшились сами, какъ представители общественнаго мнѣнія, заявить мирнымъ словомъ тѣ требованія, о которыхъ только что мечтали и для проведенія которыхъ декретами въ проектъ ими были даже намѣчены члены временнаго правительства. Вышло такъ, что всѣ сразу заговорили о томъ, что преступно губить лучшіе журналы и газеты, что это будетъ мальчишествомъ, а не выраженіемъ общественнаго мнѣнія и порѣшили выразить свой протестъ молчаніемъ. Такъ и промолчали они замѣчательный актъ новѣйшей русской исторіи!

Гартманъ и Гамбетта. Его чуткому уму и сердцу видѣлись симптомы недобрые... Такъ, старые товарищи наши по

Исполнительному Комитету, взволнованные вѣстью объ арестѣ Гартмана ¹⁾ въ Парижѣ, прислали мнѣ деньги и письмо съ просьбой съѣздить въ Парижъ и похлопотать тамъ передъ французскимъ правительствомъ объ освобожденіи Гартмана. Первымъ министромъ Франціи былъ тогда знаменитый Гамбетта. Порученіе Исполнительнаго Комитета я лично, по болѣзни, исполнить не могла и передала его Сергѣю Кравчинскому. Онъ поѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ эмигрантомъ Н. Жуковскимъ и только послѣ многихъ усилій получилъ аудіенцію у Гамбетты. Гамбетта принималъ ихъ очень недоброжелательно и сурово, хотя и сообщилъ, что въ силу законовъ Франціи, а не въ силу сочувствія имъ, какъ представителямъ революціонной партіи, Гартманъ будетъ высланъ изъ предѣловъ Франціи на ближайшую границу и попадетъ слѣдовательно въ Англію, а не въ Германію, чего мы боялись. Намъ ничего больше, конечно, и не было нужно... Но отношеніе Гамбетты къ нашимъ представителямъ, Гамбетты, мечтавшаго уже тогда о союзѣ съ Россіей, показывало намъ, что этотъ выдающійся политикъ, передъ которымъ были открыты міровыя карты, зналъ цѣну Лорисъ-Меликовскому либерализму и не видѣлъ въ немъ залога побѣды русской свободы...

Возращеніе Н. Морозова въ Россію. Закончивъ свою литературную работу въ Кларанѣ, Н. Морозовъ рѣшилъ вернуться въ Россію. Былъ уже январь мѣсяцъ 1881 года... Я простилась съ Морозовымъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, какого раньше не знала; я жила въ Женевѣ, этой клоакѣ шпионовъ, и, чтобы не привлечь къ нему вниманіе, не могла даже проводить его на поѣздъ...

Арестъ Н. Морозова. Черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ мнѣ передали, что меня просятъ зайти въ театръ гдѣ передадутъ мнѣ какія-то извѣстія отъ Морозова. Эта таинственность удивила и взволновала меня—почему нѣтъ письма мнѣ лично... Я пошла и сидѣла взволнованная, разсѣянно слушая какую-то оперу. Въ антрактѣ ко мнѣ подошелъ Мендельсонъ, сынъ извѣстнаго банкира и товарищъ Варынскаго и Длусскаго; онъ въ сбивчивыхъ выраженіяхъ объяснилъ, что пришло нехорошее извѣстіе, что Морозовъ, кажется, арестованъ, хотя не навѣрно... Я чуть не упала отъ горя и, шатаясь, какъ во снѣ, кое-какъ добралась до дому. Плачъ моей дѣвочки, проснувшейся, когда я безъ достаточной осторожности вошла въ комнату, привелъ меня въ себя. Я успокоила и накормила ее, но какой ядъ давала я ей съ моимъ молокомъ и гдѣ я взяла бы другого! Всю ночь плакалъ ребенокъ, я носила его на рукахъ по комнатѣ, прижимая къ груди. Въ головѣ у меня было какъ-то тяжело и пусто, пусто.

Предложеніе Сергѣя Кравчинскаго и мое рѣшеніе. Часовъ въ 8 утра ко мнѣ постучались; я молча отворила дверь; на порогѣ стоялъ блѣдный какъ полотно Сергѣй Кравчинскій, оче-

¹⁾ Гартманъ—участникъ взрыва 19 ноября 1879 года въ Москвѣ.

видно, только что прїѣхавшїй съ утреннимъ побѣдомъ изъ Кларана. При одномъ взглядѣ на него я поняла, что онъ все знаетъ. «Слушай, Ольга, я поѣду, я самъ освобожу его» сказалъ онъ мнѣ. Я горячо запротестовала. «Мало одной гибели,—говорилъ я,—ты хочешь еще сгубить и себя». «Нѣтъ, я поѣду сама, я, какъ женщина, проберусь легче и, можетъ быть, смогу что-нибудь сдѣлать для него». Сергѣй уговаривалъ меня отъѣхать, увѣрялъ, что уже распорядился послать туда одну знакомую, которая сдѣлаетъ все, что можно, но я рѣшила безповоротно настояла на своемъ. «А дочь твоя»,—указалъ онъ на ребенка, какъ на послѣдній аргументъ. «Дочь мою я все равно уже кормить не могу, я оставлю ее пока тебѣ и твоей женѣ, а потомъ мы рѣшимъ, какъ устроить ее, я надѣюсь вернуться скоро». Сергѣй больше не возражалъ и уѣхалъ дѣлать свои распоряженія, а я стала наскоро собиратья, чтобъ свезти ребенка въ Кларанъ и затѣмъ ѣхать дальше. У меня не было еще денегъ на поѣздку въ Россію, не было паспорта; старѣй употреблѣть было рискованно. Паспортъ я достала въ тотъ же день у одной очень симпатичной русской студентки, которая мнѣ ссудила его только на проѣздъ съ тѣмъ, чтобы я не жила по немъ въ Россіи; я это обѣщаніе исполнила и при всѣхъ опасностяхъ и невзгодахъ сберегла его незапятнаннымъ и вручила ей черезъ знакомыхъ въ 1882 г., уже сидя въ тюрьмѣ. Деньги помогъ мнѣ достать Герасимъ Романенко, эмигрировавшїй изъ Одессы студентъ-юристъ, талантливый человѣкъ и древосходный товарищъ, очень расположенный къ Морозову и ко мнѣ. Онъ въ тотъ же день досталъ у одной очень состоятельной студентки 1.000 франковъ безъ всякихъ условій и вручилъ ихъ мнѣ.

Такъ я была готова въ путь. Я тщательно уложила вещи моей бѣдной дѣвочки въ особый чемоданъ, и оставила себѣ только маленькій шелковый платочекъ ея, которымъ обыкновенно покрывала ей голову. Этотъ платочекъ да фотографическая карточка Морозова, снятая передъ его отъѣздомъ были единственной памятью, оставшейся мнѣ отъ проплаго...

Въ Кларанъ я поѣхала одна съ ребенкомъ. Утромъ рано я была у Сергѣя Кравчинскаго, который съ замѣчательной предупредительностью досталъ уже кроватку для моей дѣвочки и доставилъ ее въ чистой свѣтлой комнаткѣ, куда онъ меня ввелъ и оставилъ, одну. Я долго стояла какъ олушѣлая посреди комнаты; усталый ребенокъ спалъ на моихъ рукахъ; его личико, съ порозовѣвшими отъ сна щеками, было спокойное и младенчески прекрасно... Когда я наконецъ рѣшилась опустить его въ кроватку, онъ открыла глаза, большіе, серьезные, спокойные; еще объятые сномъ... Я не могла вынести этого взгляда. Боясь разбудить ребенка, не смѣя поцѣловать его, я тихо вышла изъ комнаты; я не знала, не хотѣла вѣрить, что вижу въ послѣдній разъ мою дѣвочку. Я думала вернуться, но этому не суждено было сбыться... Я этого не понимала. Сердце мое отупѣло отъ горя.

Когда мое пребываніе въ Россіи затянулось, Сергѣй, не имѣя возможности непосредственно и правильно сноситься со мной, самъ рѣшилъ участь моей дочери, какъ ему казалось лучше. Его бродячая жизнь эмигранта не могла обезпечить вѣрнаго и покойнаго пріюта ребенку и однажды, долго не получая извѣстій обо мнѣ, онъ рѣшилъ уступить давно выраженному желанію С. Подолинскаго, предложившаго взять къ себѣ моего ребенка, чтобы воспитать вмѣстѣ со своими дѣтьми.

Сергѣй Подолинскій. С. Подолинскій былъ вѣрнымъ другомъ и поклонникомъ П. Л. Лаврова; я знала его еще въ пору моего студенчества въ Цюрихѣ, когда онъ такъ любилъ бывало кататься съ нами на лодкѣ по озеру и вести со мною, тогда еще 18-ти лѣтней дѣвочкой, бесѣды о философскихъ и научныхъ вопросахъ. Впослѣдствіи онъ женился, на одной кievской барышнѣ, во послѣ рожденія ея третьяго ребенка, разошелся съ женой, оставивъ всѣхъ дѣтей у себя. Увозя своего послѣдняго ребенка изъ Кларана, онъ просилъ С. Кравчинскаго, уступить ему и моего. Сергѣй Кравчинскій послѣ нѣкотораго колебанія согласился; правда, дѣти росли бы безъ матери, но Подолинскій самъ былъ врачъ и очень мягкій человекъ, а крупныя средства давали возможность дать имъ прекрасное образованіе. Дѣвочкѣ моей было уже полгода, когда Сергѣй Кравчинскій вручилъ ее Подолинскому. Ей не пришлось прожить и двухъ недѣль у своего новаго пріемнаго отца: эпидемическій менингитъ, косившій въ то время дѣтей на югѣ Франціи, стубилъ и мою дочь, она умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ Подолинскаго и похоронена на кладбищѣ въ Montpellier, гдѣ у него была вилла. Самого Подолинскаго тоже скоро не стало; пережитая имъ драма съ женой подкосила его душевныя силы, онъ впалъ въ тяжелое душевное разстройство и умеръ скоро въ Парижѣ, гдѣ впослѣдствіи надѣлалъ много шума процессъ его матери съ его женой изъ-за уцѣлѣвшаго старшаго ребенка.

Да, грѣшно революціонерамъ заводить семью; какъ войны подъ градомъ пуль, они—мужчины и женщины—должны стоять одинокими, но въ молодости какъ-то забывается, что жизнь революціонеровъ считается днями и часами, а не годами...

V.

Мой вторичный пріездъ изъ-за границы. Разставшись съ ребенкомъ, простившись съ ближайшими друзьями, я незамѣтно ни для кого выѣхала сейчасъ же въ Россію. Меня до Берна проводилъ Романенко, ухаживая за мною, какъ нянька. Я была какъ во снѣ. Дорогой Романенко не разъ уговаривалъ меня придать лицу болѣе веселый видъ, хотя бы ради конспираціи. «Вотъ увидите, — говорила я въ мое оправданіе, — несмотря на мой невеселый видъ, я проѣду благополучно; по правдѣ говоря, мнѣ теперь все равно, что бы со мной ни случилось; лунатики не падаютъ, а проходятъ

*

тамъ, гдѣ спотыкаются зрячіе люди». Такъ и вышло, я проѣхала вполне благополучно, взявъ изъ Берлина билетъ 2-го класса въ скоромъ поѣздѣ: это не была прихоть, на самомъ дѣлѣ я была больна. Оторвавъ сразу ребенка отъ груди, я не смогла дорогой убить молоко, да и не думала объ этомъ. Молоко вызвало воспаление и лихорадку. Такъ я пріѣхала въ Петербургъ, чтобы встрѣтиться съ О. Кутузовой (Кафiero), выѣхавшей почти одновременно со мной изъ Кларана и обѣщавшей помочь мнѣ въ дѣлѣ освобожденія Морозова. Я должна была также повидаться со старыми товарищами по Исполнительному Комитету, которые, я знала, продолжаютъ, несмотря на мое разногласіе, по-прежнему хорошо относиться ко мнѣ и обращались еще не такъ давно ко мнѣ съ порученіемъ по поводу Гартмана, о которомъ я говорила выше.

Гриневецкій. Кромѣ Кутузовой, мнѣ нужно было взять себѣ на подмогу въ Сувалки, гдѣ подъ именемъ Лакъера сидѣлъ Морозовъ, кого-нибудь изъ мужчинъ, и за этимъ-то я обратилась къ старымъ товарищамъ. Это было въ концѣ января или въ началѣ февраля 1881 года, т. е., когда организація понесла уже очень крупныя потери. Повидавшись съ нѣкоторыми болѣе близкими мнѣ лицами, я съ дѣловымъ предложеніемъ обратилась къ Гриневецкому, какъ знавшему Западный Край и какъ къ человѣку рѣшительному и замѣчательно хорошему товарищу; онъ согласился, но на другой день сообщилъ, что ему поручено другое дѣло, болѣе отвѣтственное и что онъ, при всемъ желаніи, ѣхать со мной не можетъ; я не спрашивала, какое это отвѣтственное дѣло, тѣмъ болѣе, что отъ Вѣры Фигнеръ, съ которой я нѣсколько разъ видѣлась въ эти дни, я знала, что партія, извѣрившись въ обѣщанія правительства, готовится скоро къ новому удару. Мнѣ пришлось взять съ собою одного очень молодого человѣка, который, по словамъ Гриневецкаго, зналъ Западный край и могъ быть мнѣ полезнымъ.

Условившись съ этомъ молодымъ человѣкомъ встрѣтиться въ квартирѣ однихъ молодыхъ дѣвушекъ, въ числѣ которыхъ была кажется его сестра, я на прощанье повидалась съ Гесей Гельфманъ, моимъ старымъ товарищемъ по процессу 50-ти. Я знала, что она ведетъ переписку съ Колоткевичемъ, отцомъ ея будущаго ребенка. Колоткевичъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, сношенія съ которой поддерживались вплоть до ареста Перовской (въ мартѣ 1881 года), даже съ Алексѣевскимъ равелиномъ, гдѣ сидѣлъ тогда Нечаевъ, умѣвшій передавать одно время на волю даже цѣлыя писанныя имъ прокламаціи, изъ которыхъ, кажется, ни одна не была напечатана. Я поручила Гесѣ Гельфманъ слѣдить, не привезутъ ли Морозова въ крѣпость.

Геса Гельфманъ. Геса была грустна и выглядѣла не совсемъ здоровой, но личное горе свое она топила въ непрерывныхъ хлопотахъ, налагаемыхъ нелегальной жизнью революціонера. Вообще въ то время мало было видно веселыхъ лицъ, въ нашей средѣ. Каждый день уносилъ кого-нибудь, оставшіеся были по-

давлены этими потерями и напрягали послѣднія силы на послѣдній ударъ... ударъ этотъ скоро свершился... Геся Гельфманъ была однимъ изъ участникомъ его и словно предчувствовала, что доживаетъ послѣдніе дни своей свободы; а какъ недолго вообще она пользовалась ею... Осужденная по процессу 50-ти въ 1877 году, какъ посредница по сношеніямъ между собою будущихъ товарищей ея по процессу, занимавшихся въ 1875 году пропагандой и организаціей молодежи и рабочихъ въ различныхъ городахъ Имперіи, Геся Гельфманъ, какъ непривилегированная, была осуждена на заключеніе въ рабочемъ домѣ въ Петербургѣ. Когда въ августѣ 1878 года я бѣжала изъ Сибири, Геся Гельфманъ томилась еще въ рабочемъ домѣ; я пореписывалась съ нею и разъ даже пришла подъ окно Литовскаго замка, гдѣ она сидѣла съ Топорковой; моя свобода ихъ радовала. Только черезъ годъ, лѣтомъ 79 г. Геся была освобождена изъ рабочаго дома и отправлена подъ надзоръ полиціи въ Старую Руссу. Въ концѣ 1879 г., кажется въ октябрѣ, она бѣжала изъ Старой Руссы, и тутъ только мы встрѣтились съ нею впервые послѣ нашего осужденія. Она говорила мнѣ, что чувствуетъ себя крайне утомленной послѣ такого продолжительнаго заключенія, что ей хотѣлось бы отдохнуть; но это было такое горячее время, всѣ были такъ увлечены напряженной борьбой, что общій водоворотъ захватилъ и ее. Она была вообще челоукомъ очень впечатлительнымъ и всегда готовымъ на жертву. Вся ея жизнь—сплошная жертва... она умѣла любить. Не забуду я нашу встрѣчу въ Кіевѣ. Квартира Геси Гельфманъ служила намъ для письменныхъ сношеній и для встрѣчъ. Когда лѣтомъ 1875 года я проѣздомъ изъ Одессы въ Москву и Тулу зашла въ Кіевъ на квартиру Геси Гельфманъ, ея не было дома. Мнѣ пришлось долго ждать, я была очень утомлена съ дороги и хотя съ Гесей совсѣмъ еще не была знакома, но съ прототою и довѣрчивостью молодости, прилегла къ ней на постель и заснула. Не знаю долго ли я спала, но я проснулась отъ поцѣлуя. Вся охваченная еще сномъ, я открыла глаза. Надо мною наклонилась молодая кудрявая женская головка, привѣтливая и улыбающаяся, сіяющая неимовѣрной добротой. «Вы Гельфманъ?» спросила я: «Да, я—Гельфманъ, я долго смотрѣла на васъ,—продолжала она,—на ваше спокойное, спокойное лицо, и я полюбила Васъ сразу и не удержалась—поцѣловала». Мы стали съ тѣхъ поръ друзьями. Она впоследствии рассказала мнѣ всю свою жизнь. Она дочь зажиточнаго еврея фанатика, жившаго въ городѣ Мозырѣ; отецъ не далъ ей никакого образованія, и она всѣмъ обязана себѣ, своей энергіи. 17-ти-лѣтней дѣвочкой, отецъ, не спрашивая ея, рѣшилъ выдать ее замужъ. Ей приготовили приданое; свадьба назначена была на завтра; старыя женщины хотѣли уже взять ее, чтобъ продѣлать надъ нею отвратительныя обрядности, требуемыя старымъ еврейскимъ обычаемъ, но въ ней возмутилась стыдливость, она рѣшилась бѣжать. Заручившись содѣйствіемъ какой-то русской подруги, она ночью бѣжала къ ней, захвативъ

свои драгоценности, а потомъ перебралась въ Кіевъ, гдѣ, поступила на акушерскіе курсы, чтобъ жить честнымъ трудомъ. Въ Кіевѣ она сблизилась съ прогрессивной молодежью и познакомилась въ 1875 г. съ однимъ изъ членовъ организаціи лицъ, осужденныхъ по процессу 50-ти, съ Александрой Хоржевской (кончившей дни самоубійствомъ въ Сибири), а потомъ и со мной. Я не стану рассказывать ея дальнѣйшую судьбу, она общеизвѣстна. Арестованная вмѣстѣ съ Саблинымъ (покончившимъ съ собой) на квартирѣ, гдѣ сходились участники 1 марта 1881 г., она была присуждена къ смертной казни, и только беременность отсрочила эту казнь, и обрекла ее на другую болѣе ужасную, которой нѣтъ имени. Пять мѣсяцевъ томилась она подъ угрозой казни, и только передъ самыми родами ей объявили помилованіе. Они дали ей родить ребенка, но обставили этотъ ужасный актъ такой пыткой, примѣръ которой не знала исторія: ее перевели для родовъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія, дали ей тамъ довольно большую камеру, но въ камеру поставили несмѣняемыхъ часовыхъ. Не одну женщину, и не бывшую въ такомъ положеніи, свели съ ума, безсмѣнной стражей въ тюремной камерѣ; этому приему обязана своимъ умопомѣшательствомъ на примѣръ Елизавета Оловяникова. Какія муки пережила несчастная Геса Гельфманъ, это не подѣ силу воображенію даже средневѣковаго палача. Она съ ума не сошла, организмъ ея былъ слишкомъ крѣпокъ, она родила живого ребенка; она смогла даже дать ему грудь. Ребенокъ былъ ея, никакой законъ, охраняющій материнское право даже въ каторжницѣ, не могъ отнять его; но кто думалъ въ то время руководствоваться закономъ! Черезъ нѣсколько дней, у Геси Гельфманъ отняли ночью ребенка и на утро свезли въ воспитательный домъ и бросили тамъ, не взявъ ни номера ни квитанціи; между тѣмъ многіе предлагали взять на воспитаніе этого ребенка. Мать не выдержала и очень скоро умерла. Такъ кончила жизнь Геса Гельфманъ, бѣжавшая изъ дома отца, возмущенная старымъ обычаемъ, возмущенная поправнымъ правомъ женщины, чтобы погибнуть жертвой неслыханнаго насилія надъ чувствомъ женщины, человѣка и матери.

Подробности послѣднихъ дней ея жизни я узнала въ 1882 г. отъ надзирательницъ Дома Предварительнаго Заключенія и отъ прокурора, къ которому я тогда, уже арестованная, обратилась съ просьбой дать мнѣ на воспитаніе ребенка Геси Гельфманъ; прокуроръ сказалъ мнѣ, что ребенокъ въ воспитательномъ домѣ, и о его судьбѣ никому ничего неизвѣстно, а женщины дополнили вышеописанныя подробности.

Я понимаю, что врага, въ особенности врага борющагося съ оружіемъ въ рукахъ, можно убить, уничтожить, но подвергать его пыткамъ, губить его ни въ чемъ неповинное дитя, это, это уже не по-христіански,—могла бы сказать и вѣроятно думала въ свои послѣднія минуты жизни еврейка Геса Гельфманъ...

Когда я прощалась съ Гесей Гельфманъ въ февралѣ 1881 го-

да, я не знала еще, что это наша послѣдняя встрѣча, но мнѣ надо было спѣшить. Молодой человѣкъ, съ которымъ мнѣ предстояло ѣхать въ Сувалки, попросилъ меня переждать одну ночь въ близкомъ ему семействѣ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ я и ночевала. Видя мое нездоровье, эти добрыя молодыя дѣвушки уговорили меня полѣчиться и утромъ проводили меня въ лѣчебницу, гдѣ я получила нужный совѣтъ и лѣкарство. Съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхала въ Сувалки вмѣстѣ съ моимъ молодымъ спутникомъ, а Кутузова уѣхала раньше туда, чтобы осмотрѣть позиціи и кое что вывѣдать. Ей, давно отвыкшей отъ Россіи, такъ не почастливилось, что она, кажется, сейчасъ же была арестована, гдѣ и какъ, я сейчасъ не припомню, и выслана, кажется на родину въ Тверскую губернію. Мнѣ пришлось начать дѣло съ однимъ моимъ молодымъ спутникомъ. Онъ былъ еще очень молодъ, кажется, едва кончилъ гимназію, и я конечно не могла рѣшиться подвергать его большому риску. Задача очень осложнялась; въ Сувалкахъ у насъ не было ни души знакомой, и молодой человѣкъ былъ такъ неопытенъ, такъ неконспиративно держалъ себя, думая вѣроятно, что я такая же легальная барышня, какъ и онъ, такъ обращалъ на себя вниманіе своими слишкомъ либеральными замѣчаніями при постороннихъ, что прямо сердилъ меня; конспиративной выдержки въ немъ совсѣмъ не было. Онъ былъ новичекъ въ полномъ смыслѣ слова, горячій, самоотверженный, но совсѣмъ неумѣлый. Пробраться въ замокъ можно было только черезъ тюремныхъ служителей; я, какъ женщина, сама сблизиться съ ними не могла, я не могла заводить ихъ въ трактиръ и поить тамъ, а молодой человѣкъ тоже не умѣлъ и не могъ этого сдѣлать. Только черезъ двѣ недѣли мы узнали, что Лакьера-Морозова ¹⁾ въ Сувалскомъ замкѣ нѣтъ; намъ говорили, что его увезли въ Ковно, другіе—въ Минскъ, и тѣ и другіе, кажется, вралі. Въ Ковно тѣ же неимовѣрныя трудности завести сношенія съ замкомъ, то же отсутствіе какихъ-либо знакомствъ. Мой спутникъ отъ скуки сталъ ходить въ общественную читальню, несмотря на мое предупрежденіе, что въ читальнѣ можно нарваться на шпиона. Я металась въ безсильной тоскѣ, скрывая свое горе отъ своего спутника. Отъ бабъ и торговекъ, съ которыми я пыталась лично завести сношенія, ничего путнаго я узнать не могла; такъ бесплодно шло время; я ждала случая, цѣлый мѣсяцъ билась я... февраль былъ уже на исходѣ.

Отзвукъ 1-го марта въ провинціи. Разъ, проснувшись утромъ, замѣчаю на улицахъ необычное волненіе, вездѣ по угламъ улицъ стоятъ кучки людей, о чемъ-то говорятъ, качаютъ раздумчиво головами; я поняла, что совершилось нѣчто, но что?.. Выхожу изъ дому, по улицамъ безумно мчатся курьеры; еще вчера, 1-го марта вечеромъ, домъ губернатора былъ освѣщенъ какъ для бала, то и дѣло сновали туда экипажи, хотя большого

¹⁾ Морозовъ былъ арестованъ погд фамиліей Лакьера.

сѣзда не было видно. Очевидно, то былъ совѣтъ. Въ толпѣ ходить смутные слухи,—государь убитъ, Петербургъ взорванъ и проч. Къ полудню 2-го марта появляются объявленія о смерти Александра II и о восшествіи на престолъ Александра III, народъ сзывался въ синагоги, въ костелы на присягу.

Оставаться намъ дольше въ Ковно было бесполезно; не было никакихъ данныхъ, чтобы Морозовъ былъ тамъ; я не знала, подъ какимъ именемъ онъ арестованъ, но мнѣ извѣстно было, что съ нимъ былъ паспортъ Лакъера, и я наконецъ сама пришла прямо въ замокъ и спросила у письмоводителя, нѣтъ ли у нихъ арестанта по имени Лакъера, перевезеннаго изъ Сувалокъ, не говоря, что это политическій. Мнѣ отвѣчали, что нѣтъ: по лицу и по тону, по его отношенію ко мнѣ я видѣла, что онъ говоритъ правду, и поняла, что вообще у нихъ, поводимому, политическихъ не было, иначе моимъ появленіемъ заинтересовались бы болѣе. Мы рѣшили ѣхать въ Вильно, гдѣ у насъ были знакомые, чтобы узнать подробности политическихъ событій и взять оттуда нѣкоторыя рекомендаціи въ Минскъ. Неопытность моего спутника дала свои плоды. Когда мы сѣли въ поѣздъ, за нимъ стали нахально слѣдить шпионъ въ синихъ очкахъ, котораго, оказывается, хорошо зналъ уже мой спутникъ, встрѣчая его въ читальнѣ, гдѣ по его словамъ, онъ всегда терся возле него. Дорогой насъ однако не тронули, но слѣдили по пятамъ. По пріѣздѣ въ Вильно, я предложила моему спутнику остановиться въ разныхъ гостиницахъ и совѣтовала ему, взявъ номеръ, незамѣтно скрыться, такъ какъ я видѣла, что его непременно возьмутъ, а онъ, хотя и былъ легальнымъ, жилъ въ Ковно по фальшивому паспорту. Но онъ не послушался, рѣшился остаться на ночь въ гостиницѣ и на утро ѣхать въ Петербургъ; онъ не послушался также моего совѣта, если ѣхать, такъ ѣхать сейчасъ же—онъ хотѣлъ кого-то повидать въ Вильно. Я видѣла, что онъ идетъ къ пропасти, но онъ былъ слишкомъ упрямымъ; спасти его я не могла, дѣлать его участь было бы глупо, а потому, какъ только я остановилась въ гостиницѣ, я сейчасъ же заказала самоваръ и, не запирая номера побѣжала незамѣченная по одному знакомому адресу; мнѣ съ готовностью общали пріютъ; вмѣстѣ съ юнымъ гимназистомъ изъ этой семьи я вернулась въ гостиницу; онъ незамѣтно взялъ мой чемоданъ, а я, оставивъ рубль на столѣ, вышла отдѣльно отъ него и, поблуждавъ и покруживъ по городу, благополучно добралась къ моимъ новымъ знакомымъ (это было очень симпатичное еврейское семейство, фамилію котораго, какъ мимолетное знакомство, къ сожалѣнію, я забыла). На утро мы узнали, что мой спутникъ арестованъ ночью, въ его гостиницѣ. Его упрямство обошлось ему не дешево, онъ попалъ въ Сибирь, гдѣ провѣлъ нѣсколько лѣтъ въ административной ссылкѣ... Послѣ этого ареста мнѣ являться на вокзалъ тоже было рискованно, и потому дня черезъ два мнѣ удалось пробраться въ Минскъ въ рабочемъ вагонѣ, куда усадилъ меня одинъ русскій рабочій за

Геся ГЕЛЬФМАНЪ.

долго до поѣзда и заперъ на ключъ; мнѣ пришлось просидѣть такъ чуть не полдня, пока наконецъ вагонъ прицѣпили, и мы поѣхали. Рабочій, провожавшій меня, вошелъ ко мнѣ только, когда поѣздъ тронулся въ путь. Въ Минскѣ я уже не была одна, и это облегчало мою задачу. Я вскорѣ узнала, что Морозова (Лакъера) нѣтъ и въ минской тюрьмѣ, и что онъ увезенъ въ Петербургъ, какъ говорили, прямо изъ Сувалокъ. Я страшно устала отъ этихъ безплодныхъ поисковъ, но все же не хотѣла мириться съ моей неудачей и рѣшила ѣхать въ Петербургъ. Но по прежнему опыту я знала, что съ фальшивымъ паспортомъ тамъ жить свободно нельзя, а потому осталась въ Минскѣ, чтобы найти себѣ нужные документы. Это не скоро можно было сдѣлать. Въ ожиданіи паспорта мнѣ пришлось вращаться въ кругу мѣстной радикальной молодежи, а отчасти встрѣчаться и съ рабочими. Всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта. Многіе приходили ко мнѣ и спрашивали, почему молчить Россію, что дѣлать, не устроить ли какой-нибудь демонстраціи, какого-нибудь вооруженнаго нападенія, на то или другое лицо или учрежденіе. Я говорила имъ на это: «Товарищи, сочитайте свои силы, вѣдь ихъ у васъ, я увѣрена, очень немного, и вмѣсто великаго, я боюсь, вы сдѣлаете только смѣшное»; и они признавались, что сознательныхъ силъ крайне мало, и умолкали; они начинали понимать, что отдѣльные слабыя вспышки принесутъ не свободу, а новый гнетъ... Въ Минскѣ мнѣ пришлось провести не менѣе мѣсяца, такъ что я попала въ Москву уже въ апрѣлѣ.

Привозъ въ Москву шрифта для новой типографіи. По просьбѣ моихъ минскихъ знакомыхъ я захватила съ собой въ Москву большой чемоданъ со шрифтомъ для новой типографіи «Н. В.». Отказать мнѣ не хотѣлось, хотя это была рискованная для меня задача, но я рѣшила ее очень просто. Я приобрѣла очень нарядную шляпу со свѣтлыми бантами и цвѣтами, купила новую вязанную лѣтнюю накидку и одна, безъ провожатыхъ, поѣхала на вокзалъ съ этимъ громоздкимъ большимъ, довольно старымъ кожанымъ чемоданомъ, внутри котораго переложенный тряпьемъ лежалъ шрифтъ связанный плитками. Носильщику я велѣла нести этотъ чемоданъ въ багажъ; когда онъ его поднялъ, то даже ахнулъ, такъ было тяжело. «Что у Васъ, барышня, въ чемоданѣ?» спросилъ онъ меня. «Это разная домашняя металлическая посуда»,—сказала я, и посмотрѣвъ на меня, на мой веселый нарядный видъ, онъ успокоился и повѣрилъ. Мы сдали багажъ, причемъ я сама стояла возлѣ него съ носильщикомъ, и я благополучно пріѣхала въ Москву, гдѣ и остановилась прямо въ гостиницѣ,—у меня былъ уже прекрасный паспортъ.

Въ Москвѣ мнѣ совѣтовали не ѣздить въ Петербургъ, пока не затихнетъ первый натискъ реакціи; «тамъ изъ нелегальныхъ никого почти нѣтъ,—говорили мнѣ,—и все равно ничего пока нельзя сдѣлать въ тюрьмѣ». Но я рѣшила всетаки ѣхать и, передавъ

квитанцію отъ чемодана со шрифтомъ А. П. Корба и предупредивъ ее, чтобы за полученіемъ его шла непременно женщина, я рѣшила остаться въ Москвѣ не надолго, чтобы повидать только своихъ родныхъ—отца моего и его младшихъ дѣтей.

Свиданіе съ отцомъ. Отца я не видала со времени моего суда, т. е. съ 1877 года и теперь, разузнавъ его адресъ, отправилась къ нему въ Петровскій паркъ, предупредивъ, въ которомъ часу буду у него. Восемь лѣтъ, т. е. со времени моего отъѣзда студенткой въ Цюрихъ, я не жила больше въ родномъ домѣ. Родного дома у насъ впрочемъ уже и не было, не было и родной семьи. За годъ до моего отъѣзда въ Цюрихъ, отецъ женился на нашей гувернанткѣ, когда не прошло и двухъ лѣтъ со смерти моей матери ¹⁾. У него народилась новая семья, а старая разбрелась: сестра моя Вѣра пріѣхала вслѣдъ за мной въ Цюрихъ, сестра Татьяна, какъ только подросла, стала жить отдѣльно и теперь жила въ консерваторскихъ квартирахъ, учась пѣнію, а самая младшія Клавдія только что вышла замужъ за бывшего управляющаго отца моего, едва ей исполнилось 16 лѣтъ; старшій братъ гдѣ-то служилъ управляющимъ. Отецъ остался одинъ съ новой семьей; въ дѣлахъ ему не повезло. Разорившись во время русско-турецкой войны, вслѣдствіе общаго застоя въ дѣловыхъ операціяхъ, отецъ вынужденъ былъ остановить производство и продать свое подмосковное имѣніе (на Сѣтуни), гдѣ у него былъ большой кирпичный заводъ, приносящій крупный доходъ. Ему пришлось опять, какъ въ молодости, поступить въ Московскій межевой департаментъ Сената, гдѣ онъ служилъ и раньше, и теперь онъ жилъ уже не въ своемъ обширномъ домѣ, построенномъ имъ на Сѣтуни (въ 7 верстахъ отъ Москвы), а на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ.

Съ грустнымъ чувствомъ переступала я отцовскій порогъ послѣ такой долгой разлуки. Я застала всю семью за неряшливо накрытымъ обѣденнымъ столомъ; никакихъ слѣдовъ прежняго комфорта и порядка. Отца окружало человѣкъ пять маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было лѣтъ восемь, остальные всѣ моложе. Зная, что я бѣжала изъ ссылки и пришла нелегально, отецъ, завидѣвъ меня, выслалъ дѣтей играть въ садъ; за ними вышла и мачеха моя Марія Ивановна, урожденная Соловьева. Я осталась одна съ отцомъ. Онъ взялъ меня за обѣ руки и, всматриваясь въ лицо, сказалъ: «Боже, какъ измѣнилась, только глаза остались тѣ же». Я обвила рукою его шею и долго отъ волненія ничего не могла сказать... «Да, продолжалъ онъ съ грустью, когда я овладѣла собой, я иногда обвиняю себя, что не счумѣлъ удерживать тебя, не заперъ тебя, если бы это понадобилось, когда, пом-

¹⁾ Моя мать, Марья Петровна Люботовичъ, урожденная Теряева, дочь золотопромышленника, имѣвшая золотые прѣски въ Сибири виѣсть съ Зотовымъ. Она училась въ лучшихъ французскомъ пансіонѣ въ Москвѣ и была подругой дочерей писателя Лажечникова, въ домѣ котораго встрѣчала и другихъ писателей, чему она была обязана своимъ рѣдкимъ для того времени развитіемъ.

нишь, лѣтъ пять или шесть назадъ ты такъ же тайкомъ забѣжала ко мнѣ въ Москвѣ и призналась, что работаешь на московской фабрикѣ и ведешь пропаганду». «Я предупредила тогда тебя потому, чтобы ты не слишкомъ страдалъ, когда узналъ бы о моей судьбѣ отъ постороннихъ, но запретить меня ты бы не могъ, я и отъ тебя бѣжала бы такъ же, какъ потомъ бѣжала изъ Сибири. Оставимъ это, тебѣ не въ чемъ упрекать себя,—отвѣтила я;—моя судьба уже предрѣшена, и въ ней ни ты, ни даже я сама не властны. Береги себя для другихъ дѣтей, ты утомленъ и грустенъ, это не хорошо»... «Да, и мной пережито не мало», какъ бы про себя сказалъ отецъ и подойдя къ окну распахнулъ его. «Какъ здѣсь душно—замѣтилъ онъ—если ты не устала, пойдемъ пройти по парку», и мы пошли бродить. Онъ откровенно объяснилъ мнѣ, какъ произошло его разоренье, какъ онъ, оберегая свою честь, долженъ былъ все отдать кредиторамъ, какъ въ эту пропасть пошли даже тѣ случайные 8 тысячъ, которыя выиграны были на выигрышный билетъ, подаренный мнѣ дѣдушкой до моего совершеннолѣтня и которыя отецъ берегъ для меня, несмотря на мое осужденіе. Мнѣ было безконечно жаль отца, которому эти признанія, я видѣла, стоили тяжелой борьбы. Я слышала мелькомъ о полученіи этого выигрыша отъ него же, еще сидя въ тюрьмѣ, и теперь надѣялась, что, можетъ быть, что-нибудь уцѣлѣло для моей осиротѣлой дѣвочки, о смерти которой я тогда еще не знала, такъ какъ я просила Сергѣя Кравчинскаго увѣдомить меня о ней въ Петербургъ по адресу одной родственницы жены его Фани; въ моемъ бездомномъ бродячемъ житѣи я и писемъ получать не могла. Когда отецъ узналъ, что у меня есть ребенокъ и что я оставила его за границей, онъ сильно взволновался. Какъ человѣкъ умный и хорошо образованный (онъ получилъ образованіе въ Межевомъ Институтѣ)¹⁾, онъ прекрасно понималъ, конечно, что въ моемъ нелегальномъ положеніи ребенокъ мой легальнымъ быть не можетъ, но онъ всетаки страдалъ за меня и за ребенка, онъ страдалъ моимъ горемъ и невозможностью помочь мнѣ. Упрекать меня онъ не хотѣлъ... «Эхъ, отчего ты не родилась у меня мальчикомъ», черезъ минуту услышала я грустный, слишкомъ знакомый мнѣ съ дѣтства возгласъ, который бывало заставлялъ меня, маленькой дѣвочкой, долгіе часы молиться потихоньку Богу, чтобы онъ передѣлалъ меня въ мальчика... Теперь я поняла отца, я поняла, что на мои плечи легла не только трудная жизненная ноша человѣка, но и ноша женщины...

Мы бродили съ отцомъ до сумерекъ, говорили о событіяхъ дня, о будущемъ; онъ также страдалъ душой за родину, ждалъ для нея свободы, но не оправдывалъ насильственныхъ средствъ. «Нужно переродить наше общество нравственно,—говорилъ онъ,—

¹⁾ Мой отецъ былъ между прочимъ ученикомъ знаменитаго Бѣлинскаго, который преподавалъ въ то время въ Межевомъ Институтѣ.

посмотри нашихъ общественныхъ дѣятелей, нашихъ думцевъ и земцевъ, ими руководятъ больше интересы личные, интересы тщеславія... Такъ нельзя возродить Россіи». «Я отъ нихъ ничего крупнаго, хорошаго и не жду», былъ мой отвѣтъ... Давно уже стемнѣло, паркъ уже опустѣлъ; отецъ проводилъ меня до моей гостиницы, и мы разстались... Невесело было на душѣ.

Софья Бардина, На другой день, когда я собиралась уже выѣхать въ Петербургъ, ко мнѣ зашелъ кто-то изъ старыхъ товарищей по Исполнительному Комитету (помнится, Вѣра Фигнеръ) и сообщилъ, что мужъ Сони Бардиной—Шаховъ—въ Москвѣ и хочетъ меня видѣть. «А сама Соня, неужели ея нѣтъ здѣсь?» спросила я. «Нѣтъ, ея, кажется, еще нѣтъ», былъ отвѣтъ. Свиданіе мужъ Бардиной почему-то назначилъ на улицѣ. Я его совсѣмъ не знала (онъ былъ учителемъ въ Ишимѣ Тобольской губерніи, куда была сослана Бардина, и никогда въ революціонномъ движеніи участія не принималъ). Мнѣ описали его наружность, а я условилась надѣть какую-то ленту вмѣсто знака, чтобы онъ узналъ меня. Свиданіе состоялось въ этотъ же день. Онъ первый узналъ меня и подошелъ. Съ первыхъ же словъ я увидѣла, что имѣю дѣло съ человѣкомъ совсѣмъ не нашего круга, что мнѣ говорить съ нимъ просто не о чемъ. А какъ сильно стучало мое сердце, съ какой надеждой ждала я его; неужели, думалось мнѣ, Соня Бардина, мой старый вѣрный товарищъ, неужели она близко. Но господинъ, который представился мнѣ, какъ ея мужъ, не говорилъ мнѣ прямо гдѣ она; онъ спрашивалъ меня только, можно ли безопасно жить въ Москвѣ и Петербургѣ, но утверждалъ, что Сони въ Москвѣ нѣтъ, хотя для чего-то упрашивалъ, чтобы я пошла къ нему въ гости. Я отвѣтила, что въ Москвѣ и Петербургѣ можно было безопасно жить только тѣмъ, кого не слишкомъ ищутъ и, если Соня только-что бѣжала, я прошу его передать ей, чтобы она себя поберегла и временно пожила бы за границей. Такъ мы разстались, и я уѣхала въ Петербургъ. Софья Бардина бѣжала изъ ссылки еще не задолго до 1-го марта 1881 года и жила нѣсколько времени въ Казани, гдѣ бессмысленная и неумѣлая конспиративность мѣстныхъ народовольцевъ и чернопередѣльцевъ возмущала и волновала ее и держала въ тискахъ, въ чемъ отчасти, можетъ быть, былъ виноватъ и ея мужъ. Я только потомъ въ Сибири узнала также отъ М. Чикоидзе, осужденнаго вмѣстѣ со мной и Бардиной по тому же процессу 50-ти, что въ тотъ моментъ, въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1881 года, когда я видѣлась съ мужемъ Бардиной, въ Москвѣ были Чикоидзе и сама Бардина, при чемъ Чикоидзе очень просилъ Вѣру Фигнеръ устроить ему свиданіе и съ Бардиной, и со мной, но Вѣра Фигнеръ почему-то не передала этого желанія мнѣ и не сказала ему, что я въ Москвѣ. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что моменты нашего пребыванія въ Москвѣ не совсѣмъ, вѣроятно, совпадали; какъ бы то ни было, мнѣ никто даже не сказалъ, что Чикоидзе, мой старый товарищъ, бѣжалъ изъ Сибири и нахо-

дятся въ Россіи; я объ этомъ узнала только встрѣтившись съ нимъ въ одной арестантской партіи въ 1883 году, когда его высылали обратно, уже не на поселеніе, а на каторгу, за побѣгъ изъ ссылки (по приговору Сибирскаго полиц. суда), послѣ которой ему не суждено было увидѣть Россію; онъ умеръ въ Сибири... Такъ Чикоидзе, съ неимоверными усиліями пробравшійся съ береговъ Лены въ Москву въ 1881 году, затерялся среди новыхъ, незнакомыхъ ему, мало оберегавшихъ его товарищей, которые, по его словамъ, какъ-то очень скоро по пріѣздѣ, поручили ему свезти въ провинцію какіе-то тюки съ разрозненными и, слѣдовательно, даже безполевыми листами «Народной Воли» куда-то въ Харьковъ или Бѣлостокъ, гдѣ онъ сейчасъ же и попался, незнакомый съ измѣнившимися полицейскими условіями того времени. Между тѣмъ мы, т. е. Бардина, Чикоидзе и я могли бы общими усиліями значительно освѣжить революціонное дѣло; осужденные по процессу 50-ти, мы были раньше членами очень тѣсной, а потому дружной и сильной организаціи, крѣпкой своимъ идейнымъ и нравственнымъ единеніемъ; наша организація еще въ 1875 г. положила первые зачатки революціоннаго объединенія городскихъ рабочихъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; она въ зародышѣ предначертала въ своей программѣ дальнѣйшій ходъ революціоннаго движенія отъ мирной пропаганды до дезорганизаціи правительства терроромъ, до вооруженнаго сопротивленія властямъ (выстрѣлъ и сопротивленіе князя Цицианова, поддержанное Вѣрой Люботовичъ). Эта организація, какъ мнѣ говорилъ Ал. Михайловъ и многіе другіе, послужила дальнѣйшимъ организаціямъ (Земль и Воля) примѣромъ тѣснаго сплоченія революціонныхъ силъ; наша организація въ короткое время охватила революціонной пропагандой большинство крупныхъ фабрикъ Москвы, а также и нѣкоторые провинціальныя города, какъ Одессу, Кіевъ, Тулу, Иваново-Вознесенскъ и другіе; эта организація не дала изъ своей среды ни одного предателя, она была обязана этимъ принципу полной свободы и равенства членовъ ея, который легъ въ ея основу. Каждый членъ—интеллигентъ или рабочій, мужчина или женщина,—не по выбору, а по очереди, въ силу каждому присущей обязанности и права, исполнялъ опредѣленное время административныя обязанности; члены администраціи были посредниками и только; власти у нихъ не было никакой, и у насъ такъ высоко на примѣрѣ цѣнилась непосредственная работа въ народѣ, такъ высоко стоялъ принципъ обязательности простаго рабочаго труда для каждаго члена, что въ администрацію всѣ шли неохотно, и какъ ни коротко было время нашей пропаганды (меньше года), она оставила очень замѣтные слѣды въ народѣ, и наше наслѣдіе было использовано пришедшими послѣ насъ; такъ, первымъ рабочимъ, выкинувшимъ впервые красный флагъ «Земли и Воли» во время демонстраціи 6-го декабря на Казанской площади въ 1876 году въ Петербургѣ, былъ Яковъ Потаповъ (воспитанный членомъ на-

шей организаціи И. Ж—мъ), раньше привлекавшійся къ дозна-нію въ Кіевѣ по нашему процессу (50-ти); имя члена нашей организаціи рабочаго Петра Алексѣева, сказавшаго свою знаменательную рѣчь въ Сенатѣ, извѣстно всѣмъ даже теперь. А тогда, въ 1881 году, насъ еще лично помнила рабочая Москва; это мнѣ говорили простые рабочіе, когда въ 1881 году я провела нѣсколько дней въ московской тюрьмѣ; насъ помнила тогда интеллигентная Россія, и все это использовать намъ самимъ не пришлось; судьба разбросала насъ, и мы гибли въ одиночку, скованные нашей разобщенностью.

Смерть Бардиной. Бардина, отправившись временно за границу, застала тамъ только чернопередѣльцевъ, забывшихъ старое духовное родство съ нами. Революціонное движеніе въ то время уже дифференцировалось на два теченія, и мы, объединявшіе въ нашей программѣ свободную организацію народа, мирную проповѣдь и вооруженный протестъ, мы оказались какъ-то не вполне подѣ-стать ни тѣмъ, ни другимъ. У Бардиной не оказалось за границей ни одного близкаго человѣка, но это было бы ничего—у нея не оказалось и физическихъ силъ. Одинокая, всѣми забытая, провела она нѣсколько мѣсяцевъ въ женевскомъ госпиталѣ и убѣдившись въ Женевѣ (въ 1883 году), какъ Хоржевская въ Томскѣ (въ 1886 году), какъ Бетя Каминская въ Петербургѣ (въ 1877-мъ), какъ Батюшкова (въ 1892)¹⁾, что потерянныхъ силъ не вернуть, она покончила съ собой, какъ кончали жизнь древніе стоики, предпочитая свободу въ смерти, рабству въ жизни...

Татьяна Лебедева. И странное дѣло, люди сильные, испытанные, какъ Бардина, Чикондзе, Т. Лебедева одинокими бродили по Руси и за ея рубежомъ, а какой-нибудь Дегаевъ вращается въ самомъ центрѣ конспиративнаго круга и выдаетъ всѣхъ и вся. Я не могу забыть трагической фигуры Лебедевой. Безпріютная и одинокая, бродила она по Петербургу лѣтомъ 1881 г., негодующая и возмущенная. Она была оторвана отъ всѣхъ и преслѣдуемая полиціей ходила, какъ приговоренная къ смерти, пока почти добровольно не отдалась властямъ, отправившись на вокзалъ, безсильная спастись отъ преслѣдующей ее полиціи. Искать пріютъ у людей легальныхъ и съ положеніемъ, въ то время страшнаго общаго перепуга, было нельзя, у молодежи, всегда готовой на жертву, пристанище было опасное и для нея и для нихъ. Послѣ мая мѣсяца 1881 года изъ нелегальныхъ въ Петербургѣ проживали только Тихомировъ, Лебедева и я. Тихомировъ давно уже всѣхъ сторонился и не хотѣлъ помочь Т. Лебедевой, хотя и могъ; знакомства его были обширны, онъ былъ петербуржцемъ еще со студенческой скамьи и жилъ почти безвыѣздно въ этомъ городѣ; но, очевидно, онъ не считывалъ въ то время на христіанскія чувства своихъ знакомыхъ. Я не помню, гдѣ и какъ я встрѣтилась тогда съ Лебедевой, но когда узнала

¹⁾ Всѣ перечисленныя женщны принадлежали къ процессу 50-ти.

ея положеніе, предложила ей пріютъ у себя, но пріютъ этотъ не былъ надеженъ и вотъ почему.

Имѣя вполнѣ легальный паспортъ, я вела довольно обширныя знакомства больше въ студенческомъ кругу и кромѣ того вела переписку съ Морозовымъ, сидѣвшимъ уже въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, передавая ему письма черезъ жену А. И. Иванчина-Писарева, сидѣвшаго въ то время также въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. За всѣми лицами, посѣщавшими заключенныхъ, могли слѣдить и хотя я передавала письма не непосредственно, а черезъ М. П. Лешернъ, но все же за абсолютную неуязвимость положиться было нельзя. Кромѣ того, посѣщая нѣсколько разъ студентку Розу Личкусъ, двоюродную сестру жены Сергѣя Кравчинскаго, на адресъ которой я ждала увѣдомленія о моемъ ребенкѣ, я разъ чуть было не была захвачена тамъ. Я только что вошла къ ней часа въ 2 дня и съ тупымъ недоумѣніемъ читала переданную ею мнѣ Розой телеграмму, очень туманно составленную, роковой смыслъ которой я какъ-то не умѣла понимать. Раздался звонокъ, я смотрѣла съ площадки парадной лѣстницы внизъ и черезъ стекла подъѣздной двери вижу полицію. Я смотрю съ недоумѣніемъ и ничего не понимаю; Роза выбѣгаетъ, сама смотритъ и взволнованно говорить: «Ступайте скорѣй, это съ обыскомъ». Я, какъ была, въ лѣтнемъ ситцевомъ платьѣ, не захвативъ ни шляпы, ни накидки, выхожу съ телеграммой въ рукѣ на заднюю лѣстницу и спускаюсь во дворъ; на лѣстницѣ встрѣчаю чью-то горничную, тоже съ непокрытой головой, какъ и я; это даетъ мнѣ рѣшимость выйти такъ на улицу; полиціи у воротъ поставить еще не успѣли, и я ушла. Со мной было всего нѣсколько копеекъ денегъ для конки; я покупаю за 10 коп. маленькій платочекъ въ рядахъ бливъ Кирочной (Роза Л. жила на Кирочной) и, покрывши имъ голову, иду пѣшкомъ въ Новую Деревню, гдѣ я жила въ маленькой чердачной комнаткѣ. Дорогой разражается неимоверный ливень и ураганъ съ крупнымъ градомъ; въ одно мгновеніе меня промокло до костей; я прячусь подъ навѣсъ какого-то подъѣзда, чтобы переждать бурю, которая прямо валила съ ногъ. Ураганъ промчался скоро, но я вся измокшая, безъ шляпы, съ облежавшимъ мнѣ ноги мокрымъ платьемъ, не знала какъ показаться моей хозяйкѣ. Но она, завидѣвъ меня въ такомъ жалкомъ положеніи, сама подсказала: «Что буря унесла у Васъ шляпу?» спросила она и тѣмъ избавила меня отъ необходимости придумывать объясненіе. Да, судьба мнѣ покровительствовала даже въ несчастіи, въ эту минуту не только придумывать объясненіе, но я не могла просто говорить.

Я не знаю, какъ я не схватила горячки; я цѣлые часы просидѣла не передѣваясь надъ роковой телеграммой, я наконецъ поняла, что дочери моей нѣтъ въ живыхъ. Я не плакала, я отупѣла отъ горя; меня спасла въ то время еще не покидавшая надежда устроить побѣгъ Н. Морозова. Я уже дѣлала нѣкоторыя

приготовленія къ этому и списывалась съ нимъ о планѣ, но я всетаки потеряла на время прирожденную мнѣ предусмотрительность; мысль о смерти ребенка туманила мнѣ голову; идя на улицѣ, или сидя въ конкѣ, я безъ муки не могла встрѣчать маленькихъ дѣтей; ихъ веселыя милыя лица терзали мнѣ сердце, напоминая мою погибшую дочь; это мѣшало мнѣ свободно всматриваться въ людей, проникать ихъ чувства и мысли.

Владиміръ Дегаевъ. Разъ какъ-то, одна изъ молодыхъ знакомыхъ моихъ, кажется студентка Никитина (съ ней и съ другою подругой ея, юной, горячей, самоотверженной и крупно одаренной З. Зацѣпиной я тогда чаще другихъ видалась) сообщила мнѣ, что меня очень хочетъ видѣть молодой Владиміръ Дегаевъ, съ которымъ онѣ говорили въ общихъ чертахъ, и который-де готовъ ради Морозова на самое рискованное дѣло. Владиміра Дегаева я почти не знала, но я знала его семью, состоявшую изъ матери, двухъ сестеръ и брата Сергѣя, гдѣ, по рекомендаціи Вѣры Фигнеръ, прожила даже нѣсколько дней во время моего пріѣзда въ Петербургъ въ концѣ января и первыхъ числахъ февраля 1881 года и не разъ бесѣдовала со старшимъ братомъ его, Сергѣемъ Дегаевымъ, тогда почему-то все тащившимъ меня на студенческую сходку, куда я впрочемъ не пошла съ нимъ, и уговаривавшимъ даже меня остаться на нѣсколько дней до студенческаго акта, гдѣ онъ, вѣроятно, зналъ, что будетъ исторія съ министромъ Сабуровымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ маѣ 1881 года, я къ нимъ какъ-то не собралась, но слышала, что старшій братъ былъ арестованъ, но выпущенъ и находился въ какой-то ученой экспедиціи въ Архангельскѣ. Когда вмѣстѣ съ вышеупомянутыми студентками я встрѣтилась гдѣ-то за городомъ подъ открытымъ небомъ съ Владиміромъ Дегаевымъ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги для освобожденія Морозова, очень разсыпался въ уваженіи и любви всей семьи къ нему (Морозовъ зналъ Дегаева раньше) и задалъ мнѣ естественный вопросъ, гдѣ онъ теперь сидитъ и есть ли съ нимъ сношенія; я сказала что есть и что онъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Этого было достаточно, чтобы черезъ нѣсколько дней Морозова перевезли въ крѣпость. Когда я написала ему слѣдующее письмо, мнѣ его вернули и сказали, что онъ уже въ крѣпости; я такъ и не знаю, получилъ ли онъ предыдущее, гдѣ я увѣдомляла его о смерти дочери. Такъ кончились мои безплодныя усилія вырвать его изъ тюрьмы. Предательство завершило всѣ другія неудачи.

Я сама оставалась однако свободной, хотя послѣ ареста Розы Личкусъ, въ особенности послѣ того, какъ старшая сестра ея Александра настояла черезъ посредниковъ, чтобы я повидалась съ ней, и мнѣ отказать ей было неловко, хотя свиданіе это было совсѣмъ ненужное (она хотѣла передать мнѣ шляпу и накидку), и я отъ него нѣсколько разъ отказывалась, за мной, мнѣ показалось, стали слѣдить, что принудило меня для испытанія пере-

ѣхать изъ Новой Деревни совсѣмъ въ противоположную сторону— на Охту, гдѣ я опять поселилась за нѣсколько рублей въ мѣсяцъ. Тамъ было то удобство, что въ городъ приходилось переѣзжать на яликѣ черезъ Неву, и шпиона всегда можно было замѣтить. Въ городѣ за мною слѣдили во многихъ мѣстахъ, я это видѣла, но ко мнѣ на Охту шпионы еще не проникали.

Арестъ Татьяны Лебедевой. Я прожила почти мѣсяцъ спокойно; мы встрѣчались нѣсколько разъ съ Татьяной Лебедевой; отъ нея я узнала, что сношенія съ крѣпостью погибли послѣ ареста Перовской, при которой нашли адресъ унтеръ-офицера, черезъ котораго велись эти сношенія; Богородскій былъ также арестованъ, и надеждъ завести переписку съ крѣпостью пока не было. Лебедева жаловалась мнѣ, что безконечно истомилась вѣчнымъ преслѣдованіемъ по пятамъ полиціи; что иногда ей приходила мысль самой отдаться въ ея руки, такъ она устала и такъ ненужно теперь ея существованіе. На товарищей она не надѣялась, имъ самимъ было скверно, да ихъ, старыхъ товарищей, здѣсь и не было, кромѣ Тихомирова, который не хотѣлъ даже принять ее. Эти рѣчи приводили меня въ ужасъ; нужно было что-нибудь предпринять, я боялась, что она покончитъ съ собой, и предложила перебраться ко мнѣ, и хотя я, кажется, въ городѣ и сама была на примѣтѣ, но у меня въ захолустьи еще не замѣчена. Мы условились, что она придетъ ко мнѣ; я научила ее, какъ переѣхать черезъ рѣку на яликѣ; она почему-то этого не сдѣлала и отправилась кружнымъ путемъ черезъ Литейный мостъ; она была такъ утомлена и физически и душевно, что малѣйшее новое непривычное усиліе, незнакомый путь, были ей уже не посиламъ и она поѣхала на извозчикѣ до какого-то мѣста, а потомъ пошла ко мнѣ пѣшкомъ. Это было уже къ вечеру, но еще свѣтло. Я сидѣла на балкончикѣ своего чердака и наблюдала улицу. Я увидала Т. Лебедеву очень издалека и къ моему горю замѣтила, что она не одна, а за ней идетъ упорно какой-то субъектъ, слѣдя за всѣми ея движеніями; такъ она зашла въ лавочку и онъ за нею, она остановилась и онъ также—это былъ плохой знакъ. Дѣлать было нечего, она едва передвигала ноги и зашла всетаки ко мнѣ, идти дальше у нея, очевидно, не было силъ. Я сообщила ей мое наблюденіе, она согласилась, что это подозрительно, и пожалѣла, что не исполнила моего совѣта. Эту ночь она провела у меня, но на утро опять ушла въ городъ, и ко мнѣ часовъ въ 12 этого же дня, въ пустую комнату рядомъ вдругъ переѣхавъ какой-то жилецъ, молодой человѣкъ какъ бы изъ приказчиковъ, и съ нимъ женщина съ истрепаннымъ и наглымъ лицомъ, значительно старше его. Эти новые жильцы, убравши свой скарбъ, безцеремонно постучались ко мнѣ подъ какимъ-то предлогомъ и старались завести знакомство. Я выдавала тамъ себя за частную учительницу, и они разспрашивали у кого учу, за какую плату и прочее. Я насилу отдѣлалась отъ нихъ и пошла

въ городъ сообщить эту новость. Т. Лебедева получила какъ разъ въ этотъ день письмо изъ Москвы отъ товарищей, гдѣ ее звали выбраться изъ Петербурга. У нея другого выхода не было; но какъ спасти ее отъ шпионовъ, которые преслѣдовали ее по пятамъ? Тутъ было пушено все: и проходные дворы, и пассажъ, гдѣ у меня былъ знакомый магазинъ, черезъ который можно было выйти незамѣтно, но ничто не помогло, и когда она подѣхала къ вокзалу, ее схватили; я сама провожала ее издали и видѣла всю эту сцену, беспомощная помочь ей. Вернулась я домой поздно: мои новые сосѣди, переѣхавшіе на дачу, глядя на осень (это было въ концѣ августа или началѣ сентября) напились и шумѣли, переругиваясь другъ съ другомъ; изъ ихъ отношеній видно было, что это не семья, а мошенническое сообщество. Я понимала, что мнѣ нужно было подумать и куда-нибудь убраться, пока есть время. Но сдѣлать это сейчасъ же не могла; черезъ нѣсколько дней послѣ того, совершенно неожиданно для меня пріѣхалъ въ Петербургъ Герасимъ Романенко, о пріѣздѣ котораго въ Россію я даже не знала, и настоялъ черезъ знакомыхъ, чтобы я встрѣтилась съ нимъ и уговорилъ не ждать покорно гибели здѣсь, а перебраться въ Москву, гдѣ теперь собрались многіе; я согласилась, предпочитая погибнуть, какъ говорится, съ оружіемъ въ рукахъ; но я не ждала ничего крупнаго въ революціонномъ отношеніи въ это время, такъ какъ проѣздомъ въ Москвѣ весной я слышала такія рѣчи: «Александръ III долженъ погибнуть уже не отъ руки революціонеровъ, а отъ руки самого народа». Я знала народъ, была въ его средѣ простой работницей и понимала, какъ несбыточны еще такія надежды, и я съ грустью смотрѣла на воровъ приготовлявшихся воззваній «Къ народу», «Къ обществу», «Къ офицерамъ» и проч., которыя, я знала, не найдутъ сколько-нибудь широкаго отклика; правда, кое гдѣ возникали еврейскіе беспорядки, и революціонеры считали это симптомомъ назрѣвающаго революціоннаго чувства; но такое уродливое и дикое проявленіе этихъ чувствъ, по моему, совсѣмъ не давало надеждъ на будущее, потому что знаменовало разнuzданность страстей, а не сознательное стремленіе къ свободѣ и правдѣ. Но я всетаки согласилась поѣхать въ Москву, не зная еще, что буду тамъ дѣлать; мало того, я почти увѣрена была, что ничего большого сдѣлать не придется, но мнѣ не для кого и не для чего было беречь свою свободу: дѣло свободы русской, я чувствовала, отсрочено на долго, на долго; революціонеры не выносили ее еще въ себѣ, и ей не быть скоро...

Мой вторичный пріѣздъ въ Москву и арестъ. Прежде, чѣмъ ѣхать въ Москву, я по совѣту Романенко выдержала нѣсколько дней карантинъ въ квартирѣ одного присяжнаго повѣреннаго, его товарища по университету, и затѣмъ, чтобы не быть схваченной на вокзалѣ, какъ Лебедева, они проводили меня двѣ стациі на почтовыхъ, ѣдучи какъ будто на охоту. Но и эти предо-

сторожности не спасли. Пока я сидѣла взаперти, полиція вѣроятно, не знала, въ какой квартирѣ я нахожусь, но какъ только я вышла, за мною опять стали слѣдить. Въ одномъ вагонѣ со мною оказались опять какой-то сыщигъ съ женой, которые старались сблизиться со мной и уговорили остановиться въ одной гостиницѣ; я притворно согласилась; но когда мы приѣхали вечеромъ въ Москву, я нарочно затерялась въ толпѣ и, взявъ извозчика, отправилась совсѣмъ въ другую часть города. У меня уже не было настоящего паспорта, какъ въ Петербургѣ, и въ гостиницѣ пришлось предъявить фальшивый. Когда на другое утро ко мнѣ зашелъ Романенко (также вернувшійся въ Москву съ другимъ поѣздомъ), а затѣмъ и Вѣра Фигнеръ, я сообщила имъ о моихъ провозахъ. Вѣра Фигнеръ обѣщала устроить до-смотръ за моей гостиницей и дня черезъ два зашла и сказала, что за мной очень аккуратно слѣдилъ Богдановичъ и нашея, что я отъ шпионовъ свободна; это обрадовало меня, но не совсѣмъ убѣдило. Я все-таки однако стала выходить, а ко мнѣ заходилъ Романенко и Вѣра Фигнеръ. Но дни мои уже были сочтены; я не прожила и пяти дней въ Москвѣ; однажды днемъ, недалеко отъ моей гостиницы (на Большой Лубянкѣ) ко мнѣ подошелъ агентъ, проживавшій у меня на Охтѣ послѣ посѣщенія Т. Лебедевой, грубо остановилъ меня и сталъ кричать и звать полицію. Я хотѣла укрыться въ случившуюся тутъ же парикмахерскую, но парикмахеръ, развѣвшійся нѣмецъ, стоявшій на порогѣ, оттолкнулъ меня. Я опять очутилась на улицѣ, собралась толпа, вѣкоторые старались оттереть меня отъ сбѣжавшихся городовыхъ, но мнѣ укрыться было некуда, извозчика не было, и меня наконецъ взяли... О моемъ арестѣ я печалилась не много, но я боялась, что кого-нибудь заберутъ у меня; такъ и случилось. Въ мой опустѣвшій номеръ зашелъ на другой день Романенко, и его тамъ арестовали; по счастью другіе узнали довольно скоро, и больше никто не пошелъ...

Такъ кончилось мое земное странствіе въ одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ русской исторіи. Въ Москвѣ оставались люди, ихъ было не мало; приѣхавшій Стефановичъ помогъ объединить остатки «Народной Воли», съ послѣдними пережитками «Чернаго Передѣла», но это не спасло движенія; ему не хватало ясно формулированной задачи дня; ему не хватало естественнаго единства дѣйствій, возможнаго только при общности чувствъ и настроеній, а этого-то и не было. Надежда на народное возстаніе, навѣянная, вѣроятно, вліяніемъ Стефановича и легальныхъ круговъ, раздѣлялась въ глубинѣ сердца очень немногими, а потому и не создала активнаго почина; молчалъ народъ, молчало лишенное инициативы общество, охваченное полной протраціей, а революціонный кругъ, подточенный тайнымъ предательствомъ и нравственной разобщенностью, терялъ силы на вынужденную самозащиту, безсильный перейти къ широкому дѣйствию и ис-

пользовать величайшій міровой актъ, совершенный имъ. Литература наша плохо воспитала общество и еще хуже народъ; не было яснаго сознанія, не было смѣлаго почина, не было открытаго голоса земли, свободнаго и независимаго, не подтасованнаго, чуждаго своекорыстнымъ интересамъ. Революціонеры свалили тяжелый камень, замыкавшій входъ въ темницу, но узники испугались и не знали куда идти; такъ и остались они еще четверть вѣка въ своемъ подземельи, продолжая коснѣть въ смрадѣ рабства и нравственнаго разложенія.

Между тѣмъ тамъ, наверху, чутко прислушивались къ голосамъ снизу; тамъ чувствовали все величіе историческаго момента и кто знаетъ, будь свободный смѣлый широкій починъ снизу, онъ избавилъ бы Россію отъ многихъ невзгодъ нынѣ. Это убѣжденіе я вынесла изъ отношенія властей ко мнѣ, тогда арестованной, а слѣдовательно уже безвредной для нихъ. Нужно сказать, что когда меня черезъ два дня послѣ ареста отправили въ Петербургъ, то съ перваго же допроса я поразила властей (допрашивалъ прокуроръ палаты Добржинскій) полнымъ равнодушіемъ къ своей участи. Я не говорила моего имени просто изъ прищипа, но они знали кто я, такъ какъ московскій жандармскій адъютантъ Дудкинъ узналъ меня лично—онъ отправлялъ насъ въ Сибирь—и конечно сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ. При предъявленіи свидѣтелямъ—квартирной хозяйкѣ, гдѣ я жила съ Морозовымъ и откуда вмѣстѣ съ нимъ спаслась, прислугѣ Квятковскаго и проч.—я не проявляла ни малѣйшаго интереса, какъ будто это было скучное постороннее мнѣ дѣло; я молчала, но не мѣшала обвинять меня.

Прокуроръ С.-Петербургской палаты Муравьевъ. Я заявила только, что принадлежу къ террористической фракціи революціонной партіи, что принимала нравственное участіе въ царевубійствѣ, и просила причислить меня къ предстоящему процессу 22-хъ, но давать какія-либо разъясненія отказалась. Это вѣбъсило прокурора палаты Муравьева (впослѣдствіи министра юстиціи), который однажды самъ присутствовалъ на моемъ допросѣ: онъ попытался и со мной, какъ это онъ, говорятъ, дѣлывалъ съ другими, грознымъ окрикомъ и угрозами заставить меня затрепетать, но я посмотрѣла на него такимъ изумленнымъ спокойнымъ взоромъ, что онъ осѣкся, и съ тѣхъ поръ я его больше не видала.

Товарищъ прокурора палаты Добржинскій. Прокуроръ Добржинскій, продолжавшій слѣдствіе и вызывавшій по обязанности дальнѣйшихъ свидѣтелей съ Окты и проч., не оскорбился моимъ равнодушіемъ къ слѣдствію, а сталъ относиться ко мнѣ вдумчиво; не видя противодѣйствія обвиненію очень серьезному,—по 249 ст. Улож.—вѣчная каторга и даже смертная казнь,—напротивъ, видя съ моей стороны желаніе во что бы ни стало быть судимой, въ немъ пропало все рвеніе слѣдователя, и онъ заинтере-

ресовался мной просто какъ человѣкомъ. Это понятно; передъ нимъ проходило такъ много людей и людей очень крупныхъ, уже отдавшихъ и теперь отдававшихъ свою свободу и жизнь за идею, что эта идея не могла не заинтересовать его, и онъ хотѣлъ уловить ее въ ея различныхъ выразителяхъ. Онъ сталъ говорить со мною не какъ съ обвиняемой, а какъ съ любопытнымъ для него человѣкомъ. Я тоже не считала нужнымъ скрывать даже передъ врагомъ своихъ политическихъ взглядовъ; мы говорили не о лицахъ, а объ идеяхъ и общезвѣстныхъ фактахъ, т. е. о томъ, о чемъ можно говорить съ каждымъ, предупредивъ Добржинскаго, что говорю не отъ партіи, а отъ себя лично. «Скажите,—говорилъ онъ,—чѣмъ возмущилъ противъ себя государь Александръ II, такой добрый, гуманный, давшій свободу крестьянамъ—рабамъ?»— «А тѣмъ—отвѣчала я,—что 19 февраля онъ сдѣлалъ только то, что могли сдѣлать безъ него и сами помѣщики, какъ это было въ другихъ земляхъ и чего, пожалуй, безъ нихъ онъ не смогъ бы сдѣлать, а то, что было только въ его собственныхъ царскихъ рукахъ—гражданская политическая свобода всего русскаго народа, всѣхъ его классовъ, это сокровище онъ предательски убивалъ во всю свою жизнь и, убивая свободу, онъ убивалъ душу народную; онъ, какъ скупецъ, заперъ свободу въ подземелье подъ десятью печатями, охраняя ее висѣлицами и разнузданностью опричниковъ. Вотъ и возстали мстители за поруганную свободу, и Александръ II палъ отъ ихъ руки. Это была роковая неизбежная логика исторіи. Его жалъ какъ человѣка, но какъ властитель онъ виноватъ. Видя свой тронъ колеблющимся, царь призвалъ на защиту его Лорисъ-Меликова, годнаго скорѣе въ начальники охраннаго отдѣленія, чѣмъ въ диктаторы, и тѣмъ самъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Диктаторъ гонялся за революціонерами, заигрывалъ съ легальной литературой, кроилъ жалкіе проекты совѣщательнаго Совѣта, вродѣ теперешняго Государственнаго Совѣта, вмѣсто народнаго представительства, а рокъ исторіи шелъ своимъ неотвратимымъ шагомъ и... совершился. Никто не вѣрилъ сыщику, никто не вѣрилъ извѣстному предателю, препровождавшему въ просверленныхъ судахъ въ Турцію мусульманъ, горцевъ Кавказа, бросавшихъ имущество и вѣками насиженные земли, чтобы предательски погибнуть на пути». И странно мнѣ было говорить такъ съ моими врагами, но я говорила съ ними, какъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ жизни, какъ человѣкъ, порвавшій счеты съ землей; они это чувствовали, они чувствовали, что для меня уже нѣтъ ни друзей, ни враговъ, а есть одно великое горе, горе родины, близкой намъ всѣмъ. И странное дѣло, я подмѣтила и въ нихъ отзвукъ неподдѣльнаго чувства къ народному горю. Они тоже были утомлены борьбой, утомлены кровью, которую они проливали.

— Скажите, на чемъ помирилась бы революціонная партія на какихъ условіяхъ она отказалась бы отъ террора; нельзя ли

установить перемирие хотя бы до коронации?—спрашивалъ меня Добржинскій...

— На условіяхъ свободы слова и собраній для народа, на условіяхъ общей амнистіи для осужденныхъ, сказала я, предупредивъ, что я говорю конечно не отъ партіи, а свое личное мнѣніе.

— Напишите письмо государю и изложите то, что говорили намъ, предложилъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, я писать государю не стану, въ моемъ положеніи человѣка не свободнаго писать государю нельзя—не зная меня, онъ невѣрно истолкуетъ мои мотивы, и это не приведетъ ни къ чему, отвѣчала я.

— Нѣтъ, ваше имя знакомо государю, и онъ внимательно отнесется къ вашему письму...

Я всетаки отказалась, боясь, что это письмо ляжетъ только пятномъ на мое имя, что въ революціонномъ кругу его сочтутъ за преклоненіе передъ царскою властью, и ничего не поправитъ. Черезъ нѣсколько дней совершилось покушеніе Санковскаго и Мельникова. Прокуроры были потрясены. Вопреки обычаю политическихъ слѣдователей, Добржинскій, вытребовавъ меня для предъявленія какому-то свидѣтелю, сообщилъ мнѣ фактъ этого новаго покушенія. «Очевидно,—сказалъ онъ,—партія начала опять свои дѣйствія». «Знайте,—сказала я,—что это не дѣйствіе партіи, а больше того, это взрывъ стихійнаго народнаго гнѣва; Санковскій и Мельниковъ совсѣмъ не принадлежатъ къ именамъ извѣстнымъ въ партіи. Для васъ это, конечно, еще хуже; вы видите, сколько бы вы ни боролись, а политическія условія создаютъ, невѣдомо откуда и какъ, все новыхъ и новыхъ мстителей». Добржинскій задумался; на этомъ разговоръ и оборвался. Въ тотъ же вечеръ за мною пришелъ жандармскій офицеръ и куда-то повезъ меня. Я знала, что это не въ другую тюрьму (я сидѣла еще при жандармскомъ правленіи) потому что въ тюрьму не перевозятъ безъ вещей, а мои вещи остались въ той же камерѣ. «Куда же везутъ меня?» съ изумленіемъ спрашивала я себя и не могла найти отвѣта. Офицеръ упрямо молчалъ и не внушалъ мнѣ довѣрія. Воображеніе подсказывало пытку.

Начальникъ жандармскаго управленія Судейкинъ. Офицеръ, провожавшій меня, былъ, какъ я потомъ узнала, Судейкинъ. Онъ и раньше нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ въ камеру, велъ разговоры о нелегальной литературѣ, которую онъ очень недурно зналъ, но которую понималъ вкривъ и вкось, на что я ему нѣсколько разъ и указывала. Его внѣшность совсѣмъ не соответствовала тому представленію, которое раньше сложилось у меня по наслышкѣ. Высокій, стройный, еще молодой, онъ былъ полонъ энергіи и самоувѣренности. «Я не извергъ,—говорилъ онъ обыкновенно,—я по убѣжденію борюсь съ вами, революціонерами», и пытался обосновывать свои взгляды теоретически, но по моему очень слабо, что, кажется, замѣчалъ и онъ самъ. Онъ былъ чело-

вѣкомъ несомнѣнно умнымъ, но теоретически не очень развитымъ. Можетъ быть, если бы я съ перваго раза знала, съ кѣмъ мнѣ приходится говорить, я бы отнеслась къ нему сурово, но я видѣла въ немъ просто жандармскаго офицера, а между ними, какъ это ни странно, я встрѣчала порядочныхъ людей, а не только тупыхъ закоренѣлыхъ изверговъ. Судейкинъ былъ человѣкомъ смѣлымъ и прямымъ, что заставляло забывать его мундиръ. Но въ ту минуту, какъ онъ везъ меня куда-то вечеромъ въ каретѣ, я смотрѣла на него подозрительно. Въ 1881 году о пыткахъ ходили слухи, говорили, что пытали Рысакова, Тимофея Михайлова и другихъ, но я почему-то безотчетно не вѣрила этимъ слухамъ, а теперь?... «Но куда же, куда везутъ меня?»... Сквозь замешія стекла кареты я не узнавала улицъ. Переѣздъ былъ невеликъ, но я томилась невѣдѣніемъ, и онъ показался мнѣ длиннѣе. Когда мы вышли изъ кареты, я увидѣла обширный дворъ, какого-то мнѣ незнакомаго зданія; но это ничего не говорило мнѣ. Впоследствии я узнала, что это знаменитый домъ у цѣпнаго моста, гдѣ раньше помѣщалось Третье отдѣленіе, переименованное въ 1881 году въ Департаментъ государственной полиціи. Меня привели въ какую-то залу и оставили одну. Хоть бы уйти, мелькнула мысль—но куда, я зданія совсѣмъ не знала.

Директоръ Департамента государственной полиціи фонъ-Плеве. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ какой-то человѣкъ и ввелъ меня въ обширный дѣловой кабинетъ съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ икленчатой мебелию. Изъ-за стола поднялся плотный представительный господинъ съ умнымъ, нѣсколько откинутымъ назадъ лбомъ и выразительными глазами. «Директоръ Департамента—Плеве», отрекомендовался онъ, протягивая мнѣ руку, и попросилъ сѣсть. Я сѣла и вопросительно посмотрѣла на него. «Простите, сказалъ онъ мнѣ, что я побеспокоилъ васъ, но я хочу предложить вамъ еще разъ то, что совѣтовалъ вамъ сдѣлать Добржинскій; напишите государю искреннее письмо, ваши чувства и мысли. Государь любитъ народъ и весь проникнуть желаніемъ сдѣлать все возможное для блага его».—«Нѣтъ, въ моемъ положеніи писать государю я не могу», отвѣчала я, и онъ на минуту смолкъ, видя бесполезность настаивать. Затѣмъ онъ, перемѣнивъ разговоръ, сталъ спрашивать, что говорятъ о завершившихся уже процессахъ. «Правда, насъ называютъ извергами, но зато никто не можетъ обвинить насъ въ судебныхъ ошибкахъ», говорилъ онъ. «Нѣтъ, вы ошибаетесь и ошибаетесь очень серьезно; вотъ хотя бы взять доктора Веймара,—сказала я,—онъ осужденъ за участіе въ Мезенцевскомъ дѣлѣ и въ дѣлѣ Соловьева, между тѣмъ ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не участвовалъ. Лошадь «Варваръ» была куплена имъ за долго раньше для освобожденія Крапоткина, а револьверъ, которымъ стрѣлялъ Соловьевъ, купленъ былъ не для Соловьева, а значительно раньше для другого лица и для цѣли самозащиты». Это указаніе крайне взволно-

вало Плеве. «Неужели это такъ, неужели это такъ?» переспрашивала онъ. «Мнѣ нѣтъ нужды извращать вамъ истину, — сказала я, — тѣмъ болѣе, что докторъ Веймаръ уже осужденъ и мое указаніе судьбы его не измѣнитъ»... Плеве сообщил мнѣ дальше, что теперь Третьяго отдѣленія больше не будетъ, что дѣло политическихъ слѣдствій будетъ поставлено на строго законную почву и что это, по его мнѣнію, гарантируя отъ произвола, значительно успокоитъ общество; кромѣ того онъ увѣрялъ, что государь противъ смертныхъ казней, и что больше казней не будетъ. Это не было правдой; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ осужденъ Сухановъ и затѣмъ казненъ. Говоря о казняхъ, я замѣтила, что казни вредятъ самому правительству, создавая мученичество, а мученичество вызываетъ поклоненіе и невольное подражаніе. «Я смотрю на государственныхъ преступниковъ, какъ на честолюбцевъ, — замѣтилъ онъ на это, — неправда ли, вѣдь каждый мечталъ попасть трибуномъ въ парламентъ?» — «Я ни отъ кого этого не слыхала, — замѣтила я; — ну хорошо, если положимъ мужчины могутъ мечтать объ роли въ парламентѣ, а женщины, какъ вы думаете, мечтаютъ о томъ же?» спросила я. Плеве очень сконфузился и сказалъ, помолчавъ «Ну женщины другое дѣло». И онъ смолкъ; мы простились, и мѣсяцъ опять отвезли въ жандармское управленіе. На другой день Добржинскій говоритъ мнѣ: «Я уполномоченъ сообщить вамъ, что мы можемъ освободить васъ на честное слово, если вы возьметесь переговорить съ партіей «Народной Воли» и узнать на какихъ приемлемыхъ условіяхъ она можетъ пріостановить свои террористическія дѣянія. Такъ напримѣръ, удовлетвовалась ли бы она широкой амнистіей». Я отвѣчала, что врядъ ли, амнистія — цѣль только эгоистическая для партіи, она захочетъ навѣрно и какихъ-нибудь общихъ мѣръ, какъ свободы слова и собраній, дабы народъ могъ свободно высказать свои желанія. «Возьмитесь переговорить съ партіей; если требованія не будутъ чрезмерными, государь удовлетворитъ ихъ», сказалъ Добржинскій. На мои возраженія, что выйдя на честное слово и сносясь съ партіей, я могу сгубить ее, такъ какъ за мной могутъ слѣдить, Добржинскій сказалъ: «Ну, если вы этого боитесь, снесите съ партіей черезъ границу, поѣзжайте за границу». Я попросила подумать; я сейчасъ же рѣшила для себя, что въ виду моихъ нѣсколько натянутыхъ отношеній съ партіей, послѣ тихомировскаго инцидента съ программой партіи, лично мнѣ братья за это не слѣдуетъ, но я понимала, что изъ этихъ переговоровъ можетъ выйти очень благотѣльный результатъ для пострадавшей родины нашей, и мнѣ страстно захотѣлось попытаться все возможное. Я вспомнила, что одновременно почти со мной арестованъ Г. Романенко, что его отношенія къ партіи, какъ человѣка еще свѣжаго въ ней, совершенно нормальныя и потому рѣшила передать эту миссію ему; онъ былъ человѣкъ хорошо образованный и умный и, мнѣ казалось, тактичный. Я сообщила Добржинскому,

что его предложеніе гораздо легче выполнить мужчине и потому я прошу дать мне свиданіе безъ свидѣтелей съ Романенко и позволить переговорить съ нимъ. Свиданіе это мне дали черезъ нѣсколько часовъ. Романенко былъ неимоверно удивленъ, но онъ слишкомъ хорошо зналъ меня и вѣрилъ мне, чтобы сомнѣваться. Я второпяхъ передала ему сущность и условія порученія; я въ особенности указывала ему, что я не преувеличивала силу партіи, напротивъ, видя и безъ того сильный престижъ партіи я говорила, что партія сильна не числомъ, а идеей и въ особенности ничѣмъ не грозила отъ имени партіи. Только на такой почвѣ, казалось мне, возможно было придти къ какому-нибудь благому результату; если бы на примѣръ кромѣ общей амнистіи дали бы свободу слова и собраній, это оздоровило бы нравственно страну и естественно привело бы въ послѣдствіи къ политической свободѣ. Я говорила съ Романенко торопливо и волнуясь, было поздно, времени было немного. Не знаю, моя ли то вина, что я не умѣла объяснить суть моихъ разговоровъ съ Добржинскимъ и Шлеве, или Романенко, какъ человекъ въ дѣятельности еще не очень опытный, слишкомъ рѣзко поставилъ большія требованія, или сталъ играть на угрозахъ, но переговоры сейчасъ же порвались и почему я не знаю; Добржинскій отвѣчалъ мне уклончиво. Меня скоро увезли въ крѣпость и оттуда я написала письмо Сергѣю Кравчинскому, конечно не на его настоящее имя. Это удалось мне сдѣлать потому, что при мне нашли письма Сергѣя Кравчинскаго о моемъ ребенкѣ, гдѣ онъ увѣдомлялъ о его смерти и убѣждалъ меня. Письмо это онъ подписалъ «твой братъ Сергѣй». Такъ я и назвала его своимъ братомъ. Въ официальномъ письмѣ я писала ему только о себѣ, но между строкъ при помощи крупинки одного химическаго вещества я написала ему о всѣхъ бывшихъ у меня переговорахъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, они возобновятся и что-нибудь изъ нихъ выйдетъ. Я до сихъ поръ не знаю, прочелъ ли Сергѣй то, что было написано между строкъ химически: очень можетъ быть, что изъ тюрьмы онъ химическаго письма не ожидалъ и не догадался смочить его реактивомъ. Но на открытый текстъ я очень скоро получила отвѣтъ и получила отъ него на память итальянскій словарь, который я до сихъ поръ сохранила, несмотря на всѣ превратности моей дальнейшей судьбы.

Черезъ два года, уже въ Иркутскѣ, гдѣ я сидѣла проездомъ въ дальнѣйшую ссылку, куда, вопреки моему настойчивому требованію, меня отправили безъ суда, такъ какъ уже раньше я была осуждена и лишена всѣхъ правъ состоянія по процессу 50-ти, я получила отъ Сергѣя Кравчинскаго еще письмо и прекрасно засушенный букетъ эдельвейсовъ, какъ память о Швейцаріи, память о быломъ. Эдельвейсы были наклеены на черномъ картонѣ, рельефно выступая своими безжизненными бѣлоснѣжными головками, они казались мне эмблемой смерти... Десять

лѣтъ спустя въ Лондонѣ, шагая въ разсѣянности черезъ полотно желѣзной дороги, мой бѣдный братъ Сергѣй погибъ раздавленный поѣздомъ, погибъ такъ ужасно, такъ безвременно. Могилы Перовской, Геси Гельфманъ, Кибальчича, Желябова и другихъ, погибшихъ на эшафотѣ, въ стѣнахъ Плиссельбурга, центральной Харьковской тюрьмы и далекой Кары, стерты съ лица земли, но дѣла ихъ будутъ долго жить въ памяти народной, какъ и ихъ имена, отертые когда-то съ могильныхъ крестовъ, будутъ запечатлѣны крупными буквами на страницахъ исторiи.

О. Любатовичъ-Джабадари.

Тифлисъ 30 марта 1906 г.

Эпиграммы Пушкина на Карамзина.

Во всѣхъ изданіяхъ произведеній Пушкина съ 1880 г. печатаются двѣ эпиграммы на Н. М. Карамзина, относящіяся къ 1818—1819 гг. (точнѣе опредѣлить время ихъ созданія не представляется возможности):

I.

Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести клята.

II.

„Послушайте: я вамъ скажу про старину,
„Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое
И, наконецъ,—про Грознаго царя“....
— И, бабушка! затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью-богатыря.

Первая эпиграмма впервые была напечатана въ сборникѣ М. П. Погодина „Утро“, ч. III, М., 1859; вторая—въ „Сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ П. В. Анненковымъ“ т. VII, стр. 99 и 100. Потомъ обѣ онѣ были напечатаны М. П. Погодинымъ въ біографіи Карамзина („Н. М. Карамзинъ“, ч. II, М., 1866 г., стр. 204). Автографовъ не существуетъ, и нѣтъ указаній, были ли они когда-нибудь.

Молва приписывала Пушкину еще при его жизни оскорбительную эпиграмму на Карамзина. 28 апрѣля 1825 г. А. И. Тургеневъ, который любилъ Пушкина, писалъ князю П. А. Вяземскому, что чувствуетъ къ Пушкину „омерзение“ за то, что онъ „поднялъ руку на отца-Карамзина“ („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, т. III, Спб., 1899 г., стр. 117). По смерти Карамзина, послѣдовавшей 22 мая 1826 г., Вяземскій обратился къ Пушкину, въ письмѣ изъ Петербурга отъ 12 іюня 1826 г., съ упрекомъ, что онъ „грѣшилъ иногда эпиграммами противъ Карамзина“ („Русск. Архивъ 1879 г., II, 478), но поэтъ отвѣтилъ ему 10 іюля, что написалъ на Карамзина только одну эпиграмму. „Моя эпиграмма—говоритъ Пушкинъ—остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь?“ Въ своей статьѣ.

о Карамзинѣ поэтъ рассказываетъ, что ему приписали одну эпиграмму на Карамзина. Статью эту („Сочиненія Пушкина“, ред. П. А. Ефремова. т. V, Спб., 1908, стр. 389—392), отъ которой дошли до насъ отрывки, начинающіеся словами:... „[запечат]лѣны печатью вольномыслия“, почему-то принято считать „остатками автобіографіи“ Пушкина и относить къ 1825 или 1826 г., тогда какъ, по уцѣлѣвшимъ наброскамъ, она, несомнѣнно, представляетъ собою воспоминанія поэта о недавно умершемъ Карамзинѣ и относится къ срединѣ 1826 г. „Читая—писалъ Пушкинъ 10 іюля князю П. А. Вяземскому— въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто на одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти!“ (Впоследствии, подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти своего лучшаго друга барона А. А. Дельвига, Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу 21 января 1831 г.: „вотъ первая смерть, мною оплаканная; Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій“) Въ замѣткахъ, набросанныхъ на поляхъ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина (2-ое изданіе Русскаго [Н. В. Гербеля] 1870 г.), кн. П. А. Вяземскій, хранившій, конечно, въ памяти отвѣтъ Пушкина, рѣшительно отмѣтилъ противъ эпиграммы „Въ его исторіи...“: „я убѣжденъ, что стихи не Пушкина“ („Старина и Новизна“, кн. VIII, М., 1904, стр. 4).

Что эпиграммъ на Карамзина ходило въ свое время въ свѣтъ нѣ сколько, видно изъ приведенныхъ словъ Пушкина: „другія [эпиграммы] сколько знаю, глупы и бѣшены“. П. А. Ефремовъ (op. cit., VIII стр. 123) сообщаетъ еще одну эпиграмму, приписывавшуюся Пушкину, въ которой знаменитый историкъ названъ „хамомъ“. Изъ всѣхъ извѣстныхъ отзывовъ Пушкина о Карамзинѣ должно вывести заключеніе, что Пушкинъ не могъ назвать „хамомъ“, проповѣдникомъ „самовластья“ и цѣнителемъ „прелестей кнута“ человѣка, въ трудѣ котораго видѣтъ, по словамъ его упомянутой статьи, „не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“. Если даже отбросить панегирический тонъ этихъ словъ, все-же будетъ ясно, что первая эпиграмма, если не совсѣмъ глупая, то, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія Пушкина „бѣшенная“, принадлежитъ не ему, и вносить ее въ собранія его твореній не слѣдуетъ. Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли авторъ второй эпиграммы, добродушной, веселой, „острой и ничуть не обидной“? Можетъ быть и эта эпиграмма не пушкинская, а подлинная, принадлежащая Пушкину, которую самъ поэтъ признавалъ своею, не дошла до насъ. Это вполне возможно, и вторую эпиграмму, въ виду отсутствія точныхъ данныхъ, позволяющихъ считать ее шуткой Пушкина, если и можно печатать въ собраніяхъ его произведеній, то развѣ съ осторожной оговоркою, что она ему приписывается.

Н. Лернеръ.

ВЪ НЕВОЛѢ.

(Окончаніе).

Не весело встрѣтила Илью новая жизнь на каторгѣ; не одни только жестокіе нравы томили его, а все, весь этотъ неуловимый ensemble, сотканный изъ минимальныхъ частныхъ, самихъ по себѣ ничтожныхъ, почти незамѣтныхъ, но окрашивающихъ весь строй его существованія въ какой-то сплошной форменный цвѣтъ сѣраго арестантскаго сукна. Это—жизнь безъ просвѣта, безъ яркаго, хотя бы минутнаго отблеска... Ни книгъ, ни работы, ни дѣла; вѣчный полумракъ дня, смѣняющійся тѣмъ же полумракомъ ночи съ ея неугасаемой лампой. Днемъ — тупая боль голоднаго желудка, не успѣвшаго еще свыкнуться съ порціей чернаго недобоваримаго хлѣба, замѣнявшаго ему и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Здоровый, молодой организмъ не успѣлъ еще истощиться настолько, чтобы довольствоваться этой скудной пищей, и нерѣдко къ обѣду у Ильи не оставалось уже ни кусочка хлѣба и, чтобы утолить грызущій его голодъ, онъ подбиралъ мелкія крошки, рассыпанныя на столѣ. Ночью—мучительный сонъ на голыхъ доскахъ; скорченные, спутанные цѣпями и одеревѣвшіе отъ холода члены—и ни клочка хотя бы соломы, какая всегда найдется къ услугамъ послѣдней бездомной собаки... Когда ночь бывала слишкомъ холодна, и ему становилось не втерпеть отъ стужи, онъ вскакивалъ со своего деревяннаго, жесткаго ложа и быстро начиналъ ходить взадъ и впередъ по камерѣ до тѣхъ поръ, пока усиленное движеніе не согрѣвало его застывшіе члены. Случалось, что такимъ образомъ цѣлую ночь ему не удавалось заснуть; какъ длинна она казалась тогда ему, съ какимъ томленьемъ ждалъ онъ разсвѣта... Но вотъ занимается, наконецъ, утро. Вносятъ воду и хлѣбъ; Илья наскоро обтираетъ себѣ тѣло холодной водой, надѣясь вызвать этимъ усиленный притокъ крови къ кожѣ и, подкѣпившись кускомъ чернаго хлѣба, начинаетъ свой новый каторжный день.

Такъ продолжалъ онъ жить и хотя медленно чахъ, но не болѣлъ. Поразительна выносливость человѣка; животное не выдержало бы и десятой доли того, что выносить человѣкъ и, тѣмъ онъ

духовно сильнѣе, тѣмъ дольше длится его агонія, если онъ не захочетъ прервать ее насильственно. Прослѣдимъ же до конца поучительную картину этой агоніи...

Однажды въ воскресенье, часовъ въ 11 утра, старшій надзиратель спрашиваетъ Илью:

— Желаетъ видѣть батюшку?

— Пусть заходитъ, пожалуй,—отвѣчаетъ онъ.

Черезъ минуту дверь отворилась и на порогѣ появилась фигура тюремнаго священника. Тихой, неторопливой поступью направляется онъ къ Ильѣ и, подойдя совсѣмъ близко, протягиваетъ ему руку и говорить:

— Здравствуйте, я пришелъ навѣстить скорбящихъ; это нашъ долгъ, завѣщанный намъ Евангеліемъ Господа Нашего Иисуса Христа.

— Благодарю васъ,—промолвилъ Илья.

— Ну, какъ вамъ живется?—спросилъ присаживаясь священникъ.

— Эхъ, батюшка, ничего хорошаго я не скажу вамъ объ этомъ. Я счастливъ только въ тѣ минуты, когда забываю, что живу; лучше поговоримъ о другомъ.

— Есть ли у васъ книги?—поспѣшилъ переменить разговоръ священникъ.

— Нѣтъ; объ этомъ-то собственно я и хотѣлъ поговорить съ вами. Смотритель сказалъ мнѣ, что здѣсь дозволяется читать только духовныя книги; и я желалъ бы знать, какія именно изъ книгъ духовнаго содержанія можно достать здѣсь?

— Смотритель ошибается, здѣсь есть довольно большая бібліотека изъ книгъ по разнымъ научнымъ отдѣламъ. Вы можете заняться здѣсь исторіей, философіей, математикой; для этого тутъ найдется достаточно матеріала, если вы чувствуете склонность къ научному чтенію. Но одна наука, безъ книгъ духовнаго содержанія, не можетъ доставить вамъ того утѣшенія и спокойствія, въ которомъ такъ нуждается каждый узникъ, особенно же въ одиночномъ заключеніи.

— Нѣтъ, батюшка, я съ вами не согласенъ. Я не ищу утѣшенія ни въ чистой наукѣ, ни въ созерцаніи Бога; для меня весь смыслъ и успокоеніе въ жизни — найти цѣль своего земнаго существованія. Это дается только при помощи своего внутренняго міра, который живетъ въ каждомъ изъ насъ; усваивая науку и богословіе, философію и опытъ жизни, нашъ внутренній міръ своеобразно перерабатываетъ все это, смотря по цѣли жизни. Кто позналъ эту цѣль, тотъ нашелъ себѣ утѣшеніе и душевное спокойствіе, все равно въ тюрьмѣ ли онъ или на волѣ.

— Знаете, для меня это ново,—замѣтилъ священникъ.—Скажите, вы нашли эту цѣль?

— И да и нѣтъ; да, потому, что въ общемъ я ее постигъ, нѣтъ, потому, что путь къ ней загроможденъ, извилистъ и труденъ; кто знаетъ, быть можетъ, не хватитъ моихъ силъ, и я по

гибну на полдорогѣ, но все таки я умру со спокойной совѣстью, что прожилъ не безъ цѣли.

— Я боюсь, не гордыня-ли говорить вашими устами. Быть можетъ, настанетъ минута, и вы увидите, что задача ваша не подъ силу гордому уму человѣка, тогда вы почувствуете потребность того утѣшенія, какое можетъ дать намъ одно только слово Божіе. Когда минута эта настанетъ, обратитесь ко мнѣ и я, какъ служитель его алтаря, буду молиться за васъ. — Произнеся эти слова, священникъ поклонился и вышелъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, по совѣту священника, смотритель послалъ Ильѣ каталогъ тюремной библиотеки. Жадно пробѣжавъ его глазами, Илья весь вспыхнулъ отъ радости; онъ нашелъ тамъ не мало любимыхъ книгъ, съ которыми онъ издавна привыкъ совѣтываться въ минуты раздумья. Давно неизвѣданное чувство счастья охватило его; не имѣя силъ сдержать его напыва, онъ въ волненіи зашагалъ по камерѣ, твердя почти вслухъ: «Теперь я спасенъ; у меня будетъ та умственная пища, безъ которой трудно поддержать силы и бодрость; я съумѣю быть счастливымъ даже здѣсь, на каторгѣ!»

Въ эту минуту восторга онъ искренно вѣрилъ, что для счастья ему ничего другого не надо.

Вскорѣ выдали Ильѣ и письменныя принадлежности. Онъ весь отдался книгамъ. Читалъ, думалъ, взвѣшивалъ прочитанное и затѣмъ набрасывалъ свои мысли на страницы зашнурованной тетрадки, листы которой были скрѣплены подписью смотрителя въ опасенія, чтобы онъ не вырвалъ лоскутка бумаги для какой-нибудь тайной записки. Умственная работа въ тиши уединенія занимала его съ ранняго утра до глубокой ночи; правда, ему не давали лампы въ камеру, и весь длинный зимній вечеръ пришлось бы бродить безъ дѣла, если бы ему не пришла въ голову мысль ставить высокую ночную парашу возлѣ двери и, стоя на ней, съ книгой въ рукѣ, примащиваться такъ, чтобы лучи, отбрасываемые рефлекторомъ лампы, падали на книгу и, освѣщая ея страницы, давали бы возможность читать. Такъ протастивалъ Илья по нѣскольку часовъ ежедневно, пока руки и ноги не принимались дрожать отъ неестественнаго напряженія и не начинало рѣзать глаза отъ слишкомъ яркаго блеска металлическаго рефлектора. Тогда усталый, но спокойный и полный думъ, онъ ложился спать. Постель свою онъ также съумѣлъ нѣсколько усовершенствовать. Снявъ коты и онучи, онъ ихъ клалъ въ шапку, устраивая такимъ образомъ нѣчто вродѣ подушки; холщевая постилка служила теперь ему одѣяломъ, а голыя ноги, которыхъ не могла прикрыть эта постилка, онъ запрятывалъ въ спущенные, суконные штаны. Но какъ онъ ни ухитрялся, узкая постилка всетаки не могла защитить всего тѣла — то обнажалась спина, то грудь. Въ холодныя ночи, когда и эта усовершенствованная постель слишкомъ плохо исполняла свое назначеніе, Илья бывало вскопичить, потреть, потреть себѣ черезчуръ озябшія мѣста да и ля-

жетъ опять, ожидая разсвѣта; но уже не съ той безнадежностью, съ какой онъ ждалъ его раньше—день его начинался теперь не томительной пустотой, а трудомъ.

Рано утромъ по общей командѣ, онъ убиралъ свою камеру, завтракалъ кускомъ хлѣба съ холодной водой и садился за книги, работая безъ перерыва до 12 часовъ дня. Къ этому времени ему подавали цѣлый бачекъ пустыхъ, но горячихъ щей съ кое-гдѣ плавающими листками сѣрой, затхлою капустою и нѣсколькими, почти микроскопическими, кусочками ржаваго сала, вѣсомъ въ общей сложности не больше золотника. Въ первое время, когда бывало кусочки этого ржаваго сала попадали ему на языкъ, онъ съ отвращеніемъ выплевывалъ ихъ; но наголодавшись выучился ихъ собирать и ѣсть, подавляя брезгливость. Къ щамъ подавалось еще нѣсколько ложекъ каши-размазни, носившей въ тюрьмѣ названіе дубовой; она варилась изъ плохо ободраннаго ячменя и изобиловала мякиной и мышиннымъ пометомъ, который нерѣдко преобладалъ по количеству надъ крупой. Эту кашу онъ тоже ѣлъ сначала тщательно выбирая пометь, но потомъ, видя безплодность своихъ попытокъ, глоталъ не глядя, лишь бы утолить голодъ.

Послѣ обѣда по правиламъ полагалась прогулка во дворѣ, длившаяся съ полчаса; Илья выходилъ рѣдко; ему неприятно было ходить по узкой тропинкѣ съ надзирателемъ, который неотвязно торчалъ возлѣ него, какъ живая эмблема неволи. И онъ спѣшилъ вернуться скорѣй къ себѣ въ камеру, чтобы опять застѣсть за свои книги или шагать на просторѣ по своей кельѣ.

Такъ текла ровно и монотонно жизнь Ильи на каторгѣ. Отъ дикихъ, нелѣпныхъ сценъ съ надзирателями онъ избавлялъ себя тѣмъ, что совсѣмъ пересталъ говорить съ ними, довольствуясь лишь односложными *да* или *нѣтъ*. Смотритель рѣдко заглядывалъ къ нему съ того самаго вечера, когда впервые пришелъ знакомить его съ каторжнымъ режимомъ. Правда, каждыя двѣ недѣли Илью водили въ баню и совершали надъ нимъ установленный каторжный туалетъ, который по-прежнему возмущалъ его и выводилъ на время изъ того состоянія забытья, въ которомъ онъ жилъ, отмежевавъ себѣ какой-то своеобразный міръ, гдѣ мечты и думы, переплетаясь между собой, создавали ему своеобразную иллюзію жизни. За эту иллюзію онъ крѣпко держался, быть можетъ, безсознательно чувствуя, какъ мало нужно, чтобы развѣять ее и обнажить передъ нимъ безотрадную реальность.

А время шло незамѣтно хорона день за днемъ; нечѣмъ было вспомнать ихъ, не на чемъ остановиться, и Илья началъ мало-по-малу терять сознаніе времени; долгіе дни незамѣтно расплывались въ долгіе годы и, утопая въ вѣчности, какъ бы теряли свое протяженіе.

Но такъ-какъ реальный міръ не признастъ абсолютовъ, то нельзя создать и абсолютнаго одиночнаго заключенія, какъ бы ни стремились къ тому фантазирующіе администраторы. Не одна

Илья томился въ описываемой нами тюрьмѣ, онъ это зналъ, да и не могъ не знать, хотя бы а priori. Ихъ жизнь, какъ и его, текла пока такъ-же мертво и беззвучно; но это только до поры до времени, пока хватало запаса здоровья и силъ, пока истощенный мозгъ и нервы не отказывались работать нормально; однимъ словомъ, пока тюрьма не дала еще себя знать; а она даетъ себя знать тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе истощаются физическія и нервныя силы. Разъ онъ истощились, заключенный теряетъ душевное равновѣсіе и заявляетъ о предстоящей агоніи въ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ кричащихъ формахъ...

Нѣкоторые изъ товарищей Ильи скоро дожили и до этого; бѣдствіе, постигшее ихъ, не могло не отразиться на чуткомъ, еще сохранившемся Ильѣ.

ГЛАВА VII.

Въ одно свѣтлое весеннее утро Илья рано проснулся, чувствуя во всемъ тѣлѣ какую-то особенную бодрость. Освѣживъ по обыкновенію лицо холодной водой, онъ принялся за свой скудный утренній завтракъ, задумчиво слѣдя за переливами свѣта, весело игравшаго въ верхнихъ стеклахъ его окна. Внезапно подъявшійся необычный шумъ въ корридоръ вывелъ его изъ этой задумчивости; до него долетали какіе-то безсвязные крики многихъ голосовъ. Старый узникъ поспѣшно отбросилъ недоѣденный кусокъ хлѣба и весь превратился въ слухъ.

— Ну, пусти же меня, говорю тебѣ, пусти, злодѣй! Руки прочь! Чего столпилась вокругъ меня эта бѣсовская сила?! Гдѣ мои рукописи; кто ихъ укралъ? Подайте сейчасъ, или я васъ всѣхъ размозжу... уничтожу!—кричалъ чей-то голосъ, какъ-то бо- лѣзненно обрываясь на верхнихъ нотахъ и переходя не то въ крикъ, не то въ подавленное рыданіе.

— Ну, полно тебѣ, полно,—успокаивалъ старшій голосомъ, дрожавшимъ отъ какого-то суевѣрнаго страха.

— Чѣмъ же мы, братику мой милый, господинъ ты мой хорошій, чѣмъ же мы-то виноваты? Вѣдь намъ приказано отобрать у тебя бумаги; кабы не начальство, нешто мы своей волей стали бы ихъ у тебя отбирать? Успокойся, братику,—причиталъ младшій надзиратель, утѣшая узника.

Чуя недоброе, Илья прильнулъ глазомъ къ стеклу наблюдательнаго оконца, которое, по забывчивости, надзиратель не прикрылъ клапаномъ поутру. Въ корридоръ, неподалеку отъ камеры Ильи, стоялъ худой изможденный узникъ съ блуждающими, налитыми кровью глазами; надзиратели тѣсной толпой окружали его и, какъ бы объятые какой-то непонятной паникой, жались къ стѣнѣ, словно пригвожденные къ ней воспаленнымъ взоромъ безумца.

— Гдѣ же мои рукописи?—все болѣе и болѣе возбуждаясь

кричалъ узникъ.—Я ихъ долженъ прочесть моему народу. Вамъ мало того, что вы заселили весь чердакъ какими-то алыми духами, которые читаютъ мои мысли и по ночамъ крадутъ ихъ у меня, вы ухитрились похитить даже то, что я успѣлъ увѣковѣчить на бумагѣ. Отдайте сейчасъ, или я прокляну васъ, и это проклятіе будетъ преслѣдовать ваше племя изъ вѣка въ вѣкъ!—Голосъ узника дрогнулъ и оборвался какимъ-то дикимъ мучительнымъ стономъ.

Прячась отъ его безумнаго, полного укоризны взгляда, надзиратели инстинктивно столпились всѣ за его спиной и едва онъ успѣлъ бросить имъ свое проклятіе, какъ нѣсколько сильныхъ, мускулистыхъ рукъ схватили его за плечи и, втолкнувъ въ ближайшую камеру, быстро захлопнули за нимъ тяжелую дверь.

И долго еще раздавались оттуда среди тишины раздражающіе стоны безумца, напоминая предсмертный ревъ раненаго лѣснаго звѣря. Но надзиратели, счастливые тѣмъ, что Богъ помогъ имъ убраться по-добру по-здорову, бросили несчастнаго на произволъ судьбы...

— Чистое наказанье Божье,—плакался хохоль-надзиратель обращаясь къ старшему,—вотъ служба-то наша! Что же, бѣдняго совѣмъ безъ разсудка, а тутъ приходится тѣснить его. Бѣ у меня кусокъ хлѣба, ни въ жисть не пошелъ бы сюда; оборонь Богъ! Вѣдь съ этакимъ будешь возжаться, самъ съ ума спатишь. Вотъ скоро брить его придется, ну... какъ ты къ нему подступишься?—въ волненіи ударялъ себя по колѣну хохоль, проходя въ ужасъ отъ одного представленія минуты бритья.—Уже въ прошлый разъ,—продолжалъ надзиратель,—онъ не давался; смотритель велѣлъ силой—правило, говорить, такое, безъ этого нельзя,—ну, насѣли на него пятеро, растянули бѣднягу на койкѣ и держать, а голову-то свѣсили черезъ край; лицо все налилось, по синѣло, изъ носу кровь потекла, а ты тутъ брей! Какъ руку-то не дрогнуть, того гляди, человѣка зарѣжешь.

Прислушиваясь къ этому говору, Илья стоялъ у оконца нѣмой отъ ужаса. Старшій надзиратель, раздраженный причитаніями хохла, въ волненіи запегалъ по корридору. Проходя мимо камеры Ильи, онъ вдругъ замѣтилъ, что клапанъ наблюдательнаго оконца не опущенъ, и яростно набросился на хохла, словно ища выхода непонятной ему самому, дико бушевавшей въ немъ злобѣ.

— Эй ты, корридорный, ты что это дѣлаешь, подлая ты тварь этакая, растворилъ клапанъ и ходишь, какъ индейскій пѣтухъ! Не хочешь служить, такъ за ворота! Ишь нюни-то распустилъ, съ злобынымъ презрѣніемъ кричалъ онъ, сердито хлопывая клапанъ.

Долго не могъ придти въ себя Илья, нѣмой и невольный свидѣтель всѣхъ этихъ потрясающихъ сценъ. То, будто куда-то перываясь, онъ вскакивалъ со скамьи, то останавливался посреди камеры, крѣпко сжимая руками свою голову, точно силился что-то уловить, что-то припомнить. Какой-то холодный, леденящій

туманъ окуталъ его мозгъ, выѣдая мысли и оставляя взамѣнъ одно ощущеніе неувимой пустоты. «Неужели такихъ много, неужели это—конечный удѣлъ всѣхъ?»—мучительно вырѣзывался вопросъ, всплывая какъ огненная точка изъ этого ледяного тумана. Какъ во снѣ припоминались ему послѣднія рѣчи хохла. И все существо его охватило неудержимое, страстное желаніе что-нибудь узнать, что-нибудь вывѣдать отъ него. Онъ прислушивается,—шаговъ старшаго уже не слышно; онъ, вѣроятно, ушелъ докладывать смотрителю о случившемся, и хохоль остался, должно быть, одинъ въ корридорѣ. Илья осторожно стучитъ въ дверь.

— Что тебѣ, братику? — отворяя фортку спрашиваетъ хохоль.

— Ты одинъ въ корридорѣ? — взволнованно спрашиваетъ Илья.

— Нема никого, всѣ черти разбѣжались.

— Скажи, много-ли здѣсь такихъ, какъ вотъ тотъ, что сейчасъ кричалъ въ корридорѣ?—спросилъ Илья, глядя на старика умоляющимъ взглядомъ.

Хохоль съ минуту колебался, но потомъ махнулъ рукой и заговорилъ:

— Эхъ, братику, не мало, не мало,—и тяжело вздохнувъ, продолжалъ:

— И что у насъ за порядки, оборони Богъ! Вѣдь тутъ не тюрьма, милый, а суцкая больница и сумасшедшій домъ! Тебѣ-то вотъ не видать, а я вѣдь всѣхъ вижу; какъ вспомнишь, чѣмъ они были и чѣмъ теперь стали, такъ просто диву дашься: и не узнать ихъ. Одни какъ свѣча стаяли, кожа да кости остались, другихъ и совсѣмъ похоронили, царство небесное имъ, бѣднягамъ; остальные тоже хмурятся, загрустили. Ну, и что за заисть-то ихъ, милый ты мой, господинъ ты мой хорошій, ну—хотя бы вотъ того, что сейчасъ въ № 6 посадили? Бѣсть онъ по многу и безъ разбору, и безъ времени, а что проку-то въ томъ? Сколько въ желудокъ ни вали, а головы не поправить; заскучалъ бѣдняга, загрустилъ; парень молодой, а горя-то, видно, не меньше моего испыталъ; сидитъ онъ въ одиночкѣ, свѣта Божьяго не видя, и долить его грусть-тоска, глотаегъ онъ слезы горькія, а утереть ихъ некому; некому его утѣшить, некому его ободрить—кругомъ все чужое... Ну, вотъ я хоть про себя скажу—случится какая непріятность, такая беретъ печаль, словно безъ ума ходишь, готовъ утопиться. И давно бы меня не было, давно бы я въ землѣ сырой лежалъ, да семья спасаетъ—выплачешь горе женѣ, дѣтокъ обласкаешь, забудешь все и миришься съ горькой долей...

— Хохоль прослезился и, отирая рукавомъ слезы, продолжалъ:

— А пуще всего дивуешься, какъ нравъ-то у нихъ измѣнился; бывало прежде, случится ли что, обороняться ли, всѣ разомъ, дружно; выставлять, бывало, противъ нихъ цѣлый взводъ,

*

а они смѣло подставляютъ грудь и кричатъ: «Чего же ждать, палите!..» Бѣдовый былъ народъ; нынче не то, да и понятно, братику, пѣшій конному не товарищъ; умирающему-то и голоса не хватаетъ да и силъ нѣтъ; онъ и бродитъ какъ осенняя муха и думается ему—можетъ солнце проглянеть, отогрѣетъ его и силушки дастъ; да гдѣ тутъ, знамо, умирающему не вѣсть что мерещится!.. А тѣ, что съ тоски да грусти попутались, тѣ никого уже не слушаютъ; они никого вѣдь и не видятъ, чего же ждать отъ попутавшагося. Ну, а остальные, они тоже призадумались: видно ихъ одна судьба ждетъ... Только съ пятокъ, не больше, найдется такихъ, къ примѣру, какъ ты, что молодцами еще смотреть. Помоги имъ Христось!..

— А что за рукописи онъ требоваль?—спросилъ Илья.

— Какія, братику, рукописи! Это у него только въ умѣ, а бумаги то вѣдь пустыя. Видишь-ли что онъ сдѣлалъ: сидѣлъ-сидѣлъ надъ бумагой и думаетъ, что мысли на бумагу перевелъ, такъ докторъ объясняетъ; бумагу онъ—за пазуху, а какъ вывели гулять, онъ и бросился къ тюремной оградѣ, да давай кусочки бѣлой бумаги за ограду кидать и приговариваетъ: «Ужо я вамъ покажу, кто я таковъ, узнаетъ народъ своего пророка»... И пошелъ, и пошелъ; Богъ его знаетъ, чего только онъ не наговорилъ: гдѣ тутъ все упомянуть. Ну, забили тревогу, схватили его и приказали запереть... Да, удивительно, право, какъ это недолго расудка лишиться! А другой,—продолжалъ хохоль,—такъ тоже вродѣ этого; только ничего уже не поймешь у него. Этого, говорятъ, страсть какъ уменъ былъ; ну, думалъ, думалъ и какой-то центуръ выдумалъ; выдумалъ его, да и крикнулъ: «Вотъ я этого самый центуръ и есть. Я, говорить, центуръ, а всѣ прочіе вокругъ меня должны вертѣться», значить и зрителя вокругъ себя хочеть закрутить... Просто чудеса рассказываютъ, а понять трудно...

Послышались шаги.

— Ну, будетъ, братику, кто-то идетъ,—сказалъ хохоль и топливо заперъ фортку.

Рассказъ хохла произвелъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе на Илью; онъ зналъ, что бѣдствие велико, но какъ-то не представлялъ себѣ его во всей ужасающей реальности; онъ судилъ по себѣ и думалъ, что то относительное душевное спокойствіе, которое онъ сохранилъ на каторгѣ, обще почти всѣмъ заключеннымъ. Бесѣда хохла, въ связи съ той угнетающей картиной тюремныхъ условій, гнетъ которыхъ онъ испытывалъ на самомъ себѣ, заставила его глубже призадуматься о завтрашнемъ днѣ. Мысль о томъ, что не сегодня, завтра смерть или потеря сознания вырветъ еще многихъ изъ его среды, ни на минуту не покидала его съ тѣхъ поръ. День и ночь томился онъ надъ вопросомъ, какимъ бы способомъ вырваться имъ изъ этого заколдованнаго круга. Вникая глубже въ свое личное положеніе, онъ и въ немъ находилъ не мало безотраднато; онъ подмѣчалъ замѣтное физическое истощеніе, голова все чаще и чаще отказывалась

работать, а порой даже совѣмъ не вязались мысли. «Я совѣмъ зарылся въ книги», упрекалъ онъ себя. Высокое чувство товарищества, всосанное имъ съ молокомъ матери, не давало ему покоя; онъ не въ силахъ былъ оставаться безстрастнымъ созерцателемъ всего того, что происходило въ стѣнахъ общей тюрьмы. Увлеченный этимъ чувствомъ, онъ постарался завязать кое съ кѣмъ изъ товарищей тайную переписку, пытался ободрить ихъ и просилъ ихъ о томъ же. Но этого было мало. Еще съ большей страстью жаждалъ онъ обнять ихъ, пожать имъ дружески руку и посмотреть воочию, что съ ними случилось. Онъ теперь осыпалъ себя горькими упреками за то, что съ самаго начала поставилъ себя плохо. «Отчего бы мнѣ не подойти къ форточкѣ каждый разъ, какъ приглашаютъ гулять, отчего самовольно не отворить ее и не сказать товарищу-узнику два-три дружескихъ слова?»—спрашивалъ онъ себя, —«положимъ, это строго воспрещено, но надо попробовать, можетъ быть и удастся. А какъ пріятно обнять товарища, съ которымъ цѣлые годы страдаешь за одной общей стѣной... Wir sind so nah und doch so weit,»—думалъ Илья.

Глава VIII.

Настало лѣто, а Илья все еще не могъ исполнить своего зачатнаго намѣренія. Однажды, спустя часа два послѣ обѣда, началась обычная прогулка.

— Будешь гулять?—спросилъ его старшій.

— Пожалуй, пойду,—съ напускной холодностью отвѣтилъ Илья.

Дверь отворилась, Илья надѣлъ шапку и, собираясь выйти, внимательно оглядѣлся кругомъ. Старшій сидѣлъ въ дальнемъ концѣ корридора, у выходной двери, повидимому мало обращая на него вниманія; Илья направился въ противоположную сторону. Надзиратель, поджидавшій у дверей камеры, чтобы вести его гулять, молча смотрѣлъ ему вслѣдъ, не подозрѣвая, что изъ этого выйдетъ. Подойдя къ послѣднему, самому дальнему номеру, Илья быстро отворилъ форточку и, просунувъ туда голову, расцѣловался съ пріятелемъ.

— Голубчикъ, Илья, здравствуй, какими судьбами!—говорилъ тотъ, задыхаясь отъ волненія и неожиданности.

Илья, торопясь, перебивая себя, заговорилъ съ нимъ объ общихъ невзгодахъ; но не успѣлъ онъ толкомъ сказать нѣсколько словъ, какъ двое младшихъ надзирателей, подъ предводительствомъ старшаго, очутились вонѣ него.

— Такъ, вотъ какого гулянья тебѣ захотѣлось?! Маршъ отсюда, прочь отъ форточки, кандальникъ!—скомандовалъ старшій.

Илья не шелохнулся, продолжая говорить съ пріятелемъ, который, предвидя крайне непріятный исходъ этой сцены, отвѣчалъ разсѣянно, невпопадъ, охваченный все возрастающимъ волненіемъ.

— Тебѣ вѣдь, душа каторжная, говорить, не слышишь?!—

гремѣлъ снова старшій. Но видя, что брань не дѣйствуетъ, схватилъ Илью за воротникъ и сильно встряхнулъ его, чтобы дать почувствовать ослушнику свою богатырскую силу.

Илья почему-то не ожидалъ этого; много онъ вынесъ, но прямого, непосредственно личнаго насилія, онъ еще никогда не испытывалъ; онъ вспыхнулъ, готовый поставить на карту все.

Весь дрожа отъ гнѣва и напрягая послѣдніе остатки когда-то мощныхъ силъ, онъ схватилъ надзирателя за грудь. Наступила пауза... Два врага, готовые вступить въ единоборство, смотрѣли въ упоръ въ глаза другъ друга, одинъ—съ сознаниемъ авторитета своей физической силы, другой—своего человѣческаго достоинства.

— Руки прочь, не смѣешь хватать меня за мундиръ!—яростно прохрипѣлъ старшій.

— Каторжной куртки не промѣняю на твой мундиръ!—съ презрѣніемъ выговорилъ Илья.

— Пусти, кандалникъ, а то застрѣлю тебя, какъ собаку!—крикнулъ въ бѣшенствѣ старшій и, выхвативъ свободной рукой револьверъ, прицѣлился въ голову Илья.

— Стрѣлай, негодяй,—съ еще большимъ презрѣніемъ отвѣтилъ Илья.

Товарищи Илья прислушивались къ этой сценѣ съ замирающимъ сердцемъ; не успѣлъ онъ вымолвить своего послѣдняго ужаснаго слова «стрѣлай», какъ въ корридорѣ грянулъ какой-то необычный грохотъ, и нѣсколько форточекъ вылетѣло вонъ подъ ударами досокъ, служившихъ узникамъ изголовьемъ.

— Стой, не смѣть стрѣлять!—раздался повелительный крикъ отовсюду.

Ошеломленный этимъ неожиданнымъ громовымъ кликомъ, старшій выпустилъ изъ рукъ Илью и, растерянно пряча револьверъ за поясъ, крикнулъ нетвердымъ голосомъ надзирателямъ:

— Бѣги, братцы, во дворъ, бей тревогу.

Илья былъ спасенъ.

Оставшись одинъ въ корридорѣ, весь блѣдный, дрожа отъ неулегшагося еще гнѣва, Илья поспѣшно вошелъ въ свою камеру и, прихлопнувъ дверь за собой, машинально присѣлъ на койку.

Забили тревогу. Изъ караульнаго дома бѣгомъ спѣшать солдаты и врываются шумной волной въ корридоръ. Офицеръ поспѣшно разставляетъ ихъ шпалерами въ два ряда у дверей каждой камеры. Вскорѣ является и блѣдный, взволнованный смотритель.

— У каждой фортки поставить по два солдата! Кто будетъ бить въ дверь, въ того стрѣлять безпощадно!—громко командуетъ онъ.

Но заключеннымъ не было теперь ни нужды, не охоты разбивать двери. Правда, нѣсколько минутъ тому назадъ они дѣлали это, но то былъ актъ хотя рефлективный, но единственно

возможный въ ихъ положеніи, чтобы спасти Илью отъ пули старшаго.

Видя, что укрощать некого, стрѣлять тоже не понадобится, отпустили черезъ нѣкоторое время солдатъ и тутъ же въ корридорѣ принялись производить слѣдствіе по поводу случившагося.

Опросъ свидѣтелей убѣдилъ ихъ въ томъ, что всякому и безъ слѣдствія было ясно; т. е. что протестъ былъ вызванъ единственнымъ вполне естественнымъ побужденіемъ спасти товарища, который стоялъ безоружнымъ передъ дуломъ револьвера. Окончивъ опросъ надзирателей и заключенныхъ, смотритель вошелъ къ Ильѣ; онъ былъ необыкновенно вѣжливъ съ нимъ, но говорилъ по-своему въ третьемъ лицѣ.

— Не можетъ-ли № 7 показать что-либо въ объясненіе печальнаго происшествія и въ защиту себя?—спросилъ онъ.

— Вѣдь вы же допросили всѣхъ; этого вполне достаточно, и возражать противъ ихъ показаній я не буду,—отвѣтилъ Илья, которому тяжело было говорить о случившемся.—Да и что же сказать мнѣ въ защиту себя?—продолжалъ онъ.

Я могу только напомнить, что тамъ, гдѣ сами лица, облеченныя властью, не исполняютъ закона, они тѣмъ самымъ теряютъ нравственное право требовать отъ насъ гораздо менѣе важнаго—исполненія случайныхъ правилъ, идущихъ притомъ въразрѣзъ съ закономъ. Я осужденъ на каторгу на заводы; по закону меня могутъ держать въ тюрьмѣ только треть срока, да и то не въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ—выпускать въ вольныя команды. Насъ же томятъ здѣсь годы, не справляясь со сроками и съ назначеннымъ по закону наказаніемъ; надъ нами экспериментируютъ, попирая основы человѣческой природы, вотъ и приходится намъ пожинать плоды этихъ жестокихъ экспериментовъ.

— Не слѣдуетъ говорить такъ,—возразилъ смотритель.—Я въ этомъ не виноватъ; я слушаюсь приказаній и не могу входить въ разборъ ихъ. Тѣ категоріи осужденныхъ, относительно которыхъ мнѣ предоставлено руководствоваться закономъ, не могутъ пожаловаться на меня; они работаютъ, а потому питаются лучше и очень недолго сидятъ въ одиночномъ заключеніи; вы—дѣло совсемъ другое; вѣроятно, законъ, осудившій васъ, считаютъ слишкомъ мягкимъ и находятъ нужнымъ усилить его кару административными распоряженіями. Во всякомъ случаѣ, это дѣло не мое, и въ настоящую минуту рѣчь идетъ только о сегодняшнемъ происшествіи, и поднимается вопросъ о сопротивленіи властямъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей; а такое сопротивленіе на каторгѣ влечетъ за собой строгое наказаніе и настолько строгое, что по нашему тюремному уставу надзиратель можетъ застрѣлить любого изъ заключенныхъ, кто окажетъ ему сопротивленіе силой..... Вотъ въ чемъ дѣло-то!

— Послушайте,—сказалъ Илья,—оставьте меня въ покоѣ; при настоящихъ условіяхъ я не въ состояніи продолжать съ вами

бесѣду; дѣлайте какъ хотите и что хотите,—заклучилъ онъ голосомъ человѣка, только-что пережившаго сильное нервное потрясеніе.

Смотритель ушелъ, сказавъ многозначительно:

— Хорошо, только ужъ послѣ на меня не пенять, если разговоръ будетъ суровъ.

Илья переживалъ мучительныя минуты; ему было больно и какъ-то не по себѣ, когда онъ вспоминалъ ту дикую схватку, въ которой онъ участвовалъ. Такая борьба была не по немъ; до сихъ поръ ему знакома была только борьба нравственная, а теперь вдругъ пришлось пустить въ ходъ руки. «Какъ это случилось? Почему на насиліе старшаго я отвѣтилъ тѣмъ же? Развѣ нельзя было защитить себя однимъ упрекомъ, словами укоризны или презрѣнія? Но развѣ эти люди способны понимать что-нибудь кромѣ реальности кулака? Развѣ старшій не уничтожилъ бы меня,—думалъ Илья,—если бы я не оказалъ ему физическаго сопротивленія? Развѣ онъ упустилъ бы случай убить меня съ санкціи тюремнаго устава, если бы его не ошеломило своеобразное сопротивленіе возмущенныхъ товарищей? Вѣдь убилъ же тотъ же самый старшій двухъ арестантовъ за ничтожное сопротивленіе, оказанное ему при заковѣ въ кандалы? Ужели же я не имѣлъ нравственнаго права, ограждая свою жизнь, отвѣтить на насиліе насиліемъ? Правда, я могъ бы подчиниться его первому приказанію и, рабски повинувся грубому велѣнію, немедленно отойти отъ фортки; много шансовъ, что дальнѣйшая дикая сцена была бы устранена, но въ томъ-то и вопросъ,—разсуждалъ онъ далѣе,—могъ-ли я это сдѣлать? Вѣдь видѣлся съ товарищемъ по несчастью, обнять его, поговорить, утѣшить его и себя, все это не прихоть, отъ которой я воленъ отказаться. Жажда видѣть человѣка, подѣлиться съ нимъ снѣдающей насъ общей скорбью, вѣдь это не капризь, а насущная, органическая потребность, ставшая непреоборимой послѣ нѣсколькихъ лѣтъ одиночнаго заключенія, когда я начинаю чувствовать, что физическія силы мнѣ измѣняются, мозгъ отказывается работать, и во мнѣ остается одно только ноющее изстрадавшееся, истерзанное, но все еще не въ конецъ разбитое сердце... Я молча терпѣлъ, пока могъ; нѣтъ больше силъ терпѣть, и вотъ я хочу продлить свою жизнь на нѣсколько минутъ, сказать живому человѣку, быть можетъ, послѣднее слово, а меня грозятъ убить. О Боже, Боже, гдѣ же исходъ въ этой ужасной борьбѣ!»...

Съ каждымъ наступающимъ днемъ усиливались душевныя муки Ильи; ряды товарищей рѣдѣли, и самъ онъ, казалось, медленно увядалъ. Умственный трудъ пересталъ удовлетворять его; самыя пустыя книги давались ему тяжело; онъ чувствовалъ, какъ все ближе и ближе надвигалась непроглядная туча умственнаго отупѣнія. Одно сознаніе, что онъ становится умственнымъ калѣжкой, приводило его въ отчаяніе; онъ становился апатиченъ и махнулъ на все рукой, не находя выхода изъ этой безысходно-

сти... «Нѣтъ спасенія, погибла жизнь, погибла», твердилъ онъ себѣ въ эти минуты отчаянія.

ГЛАВА IX.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ Илья, лежа на койкѣ, задумчиво глядѣтъ на слабо освѣщенную стѣну своей кельи, гдѣ, какъ бы трепеща въ предсмертныхъ судорогахъ, скользя послѣдній лучъ заходящаго солнца; по мѣрѣ того, какъ солнце садилось все ниже и ниже, лучъ этотъ постепенно выходилъ изъ поля зрѣнія и, наконецъ, блеснувъ послѣдній разъ, исчезъ совсѣмъ. «Такъ исчезну и я», подумалось Ильѣ. Смутныя и мрачныя мысли толпились тогда въ его головѣ, и самъ онъ не могъ дать себѣ въ нихъ отчета. Стукъ отворившейся форточки вывелъ его изъ этой задумчивости; онъ приподнялся и, увидавъ добродушную физиономію хохла, подошелъ къ двери.

— Слышь, братику,—скороговоркой зашепталь тотъ,—сегодня послѣдній номеръ именинникъ; я принесъ ему тайкомъ бумаги и немножко махорочки; онъ всѣмъ вамъ сдѣлалъ по сигарочкѣ и просилъ покурить за его здоровье; а вотъ тебѣ и спичка, ежели потухнетъ, дамъ другую.—Хохоль протянулъ папироску и спичку и поспѣшно ушелъ.

Это необычное угощеніе изумило Илью; онъ торопливо развернулъ папиросу, разсыпая табакъ по полу. На клочкѣ бумаги было что-то нацарапано, и онъ съ трудомъ разобралъ слѣдующее:

«Намъ два исхода: погибнуть медленной, но неизбѣжной смертью или спасти себя, рискуя умереть сейчасъ. Наша твердая рѣшимость умереть, быть можетъ, заставитъ ихъ задуматься и обратить вниманіе на наше положеніе. Если нѣтъ, днемъ раньше, днемъ позже—все равно, въ той или другой формѣ, близкой гибели не миновать. Начнемъ же всѣ голодать съ завтрашняго утра».

Долго стоялъ Илья, неподвижный какъ изваяніе, съ этой запиской въ рукѣ. Потомъ, какъ бы стряхнувъ съ себя это оцѣпенѣніе, онъ зашагалъ по камерѣ, обхвативъ обѣими руками свою голову, точно силился выхватить изъ нея хоть одну свѣтлую мысль. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ той пассивной формѣ смерти, какую ему предлагали; онъ искалъ другого исхода и къ ужасу своему не находилъ.

— Какъ же это въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ себѣ,—я хочу жить, а мнѣ предлагаютъ самоубійство! Зачѣмъ?.. И что такое самоубійство? Это—позорное бѣгство съ поля битвы. Согласенъ, что битва здѣсь самая неравная, самая жестокая и невыгодная для насъ; но разъ жизнь толкнула меня въ этотъ мрачный омутъ, я долженъ продолжать борьбу, какъ могу и чѣмъ могу... Нѣтъ,—шепталь онъ,—надо разстроить этотъ безумный планъ...

Вдохновленный этой мыслью, Илья бросился было къ двери,

стукнулъ разъ, другой, но рука его, точно обожженная, опустилась, какъ бы отказываясь повиноваться его волѣ...

— Поздно,—шепчетъ онъ упавшимъ голосомъ,—поздно; не измѣнить мнѣ рокового рѣшенія, этого смертнаго приговора самимъ себѣ. Исхода нѣтъ, я обреченъ, такъ умру же я со всѣми вмѣстѣ; на міру и смерть красна!..

Раннее утро. Илья спитъ глубокимъ сномъ, лежа на своей голой кровати; во снѣ онъ выглядитъ не живымъ человѣкомъ, а тѣнью, покончившей всѣ счеты съ землей. Онъ рѣшился, твердо рѣшился; трудно было только мысленно примириться со смертью, а разъ примиришься съ ней, на душу нисходитъ какой-то безмятежный покой...

Щелкнула фортка.

— Эй ты, получай хлѣбъ! Не вылежался за ночь, что-ли?— кричитъ ему старшій.

— Не надо,—отвѣчаетъ ему, встрепенувшись Илья.

— Ну, не надо, такъ не надо! Что они опалѣли всѣ, что ли сегодня: никто хлѣба не беретъ,—бранился старшій, злобно хлопывая фортку.

Настало обѣденное время; обѣда никто не принимаетъ; слышны шумъ; надзиратели отворяютъ двери, вносятъ обѣду и ставятъ его на столъ, насмѣшливо приговаривая: захочешь, такъ поѣшь!

Запахъ пищи мучительно раздражаетъ голодающаго; нѣкоторые до того волнуются, что выбрасываютъ пищу за фортки и при этомъ случайно обрызгиваютъ спующихъ по корридору надзирателей; надзиратели приходятъ въ неистовство, ругаются и злятся.

Заносятъ обѣду и Ильѣ; онъ коротко отказывается.

— Ну, это твое дѣло, это я очень даже понимаю,—говоритъ ему оторопѣвшій надзиратель,—а вотъ нѣкоторые, такъ совсѣмъ опалѣли; на голову выливаютъ, вотъ оно что!

Илья грустно призадумался надъ этими словами.

Да, вотъ она, всюду и вездѣ сказывается натура человѣка. инстинктивно возмущающаяся противъ неестественнаго насилія надъ своимъ собственнымъ существомъ. Эти люди, путемъ размышленія, пришли къ необходимости самоубійства, а бессознательная природа протестуетъ и кричитъ въ нихъ и не хочетъ поддаться этому рѣшенію; вотъ откуда эти судороги, это возмущеніе; они хотятъ жить, а ихъ вынуждаютъ умереть... Проклятая, роковая безысходная альтернатива!..

Насталъ второй день; шумныхъ сценъ уже не повторялось. Въ тюрьмѣ царилъ гробовая тишина. Даже надзиратели какъ-то притихли, стараясь заглушать свои шаги; да и ходить-то имъ было некуда—ихъ служба сама собой упразднилась.

Илья отказался не только отъ пищи, но и ничего не пить; онъ зналъ хорошо, что употребленіе воды можетъ служить значительнымъ подспорьемъ для поддержанія жизни, а рѣшившись умереть съ голоду, онъ уже не считалъ себя вправѣ принимать

какія бы то ни было мѣры для продленія своего существованія.

— Ты по крайней мѣрѣ воды хоть испилъ бы,—говорилъ Илья надзиратель.

— Не надо,—неизмѣнно отвѣчалъ на это Илья.

Убийственно тяжело тянется время. Проходитъ второй, третій день, неизмѣримые какъ вѣчность; роковая цѣль приближается... Но увы, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы ихъ агонія заставила вдуматься кого-нибудь въ то положеніе, которое вынудило ихъ добровольно подвергнуть себя одной изъ невыразимыхъ, ужаснѣйшихъ пытокъ. Правда, Илья подмѣчалъ какую-то особенную сдержанность въ надзирателяхъ, какую-то странную неловкость въ ихъ движеніяхъ, когда они на ципочкахъ заносили пищу и, не доходя до стола, тутъ же около двери ставили её, спѣша убрать нетронутую вчерашнюю; но рядомъ съ этимъ, онъ подмѣчалъ въ нихъ и какую-то затаенную злобу. Ихъ бѣсило то, что они безсильны сопротивляться этому нѣмому и вмѣстѣ съ тѣмъ вопіющему протесту со стороны заключенныхъ. Вѣдь до сихъ поръ вся функція сводилась лишь къ тому, чтобы всякое сопротивление отражать силой, одной только грубой физической силой, презирая нравственное чувство человѣческаго достоинства. И вотъ передъ ними развертывается и растетъ невиданная доселѣ форма сопротивления, противъ которой уже нельзя дѣйствовать ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми они вооружены духовно и матеріально. Это приводитъ ихъ въ ярость, они чуютъ въ этомъ протестѣ присутствіе какой-то новой, непостижимой для нихъ силы, которая тѣмъ ненавистнѣе имъ, чѣмъ менѣе доступна ихъ пониманію, и раздраженіе ихъ растетъ все сильнѣе и сильнѣе, не находя выхода наружу.

— Ишь ты, дьяволы, молчатъ, словно истуканы! Что имъ ни говори, потчуй ихъ, брани—они все одно твердятъ: не хочу, не хочу... Чего же ихъ благородія хотять?—ворчалъ старшій, и въ голосъ его слышалась иронія ненависти.

А въ кельяхъ продолжалъ царить зловѣщій покой. Въ воздухѣ чувствовался какой-то специфическій, непріятный запахъ желудочныхъ кислотъ, которыя, не затрачиваясь на процессъ пищеваренія, скоплялись въ желудкахъ голодающихъ, и пропитывали выдыхаемый ими воздухъ чѣмъ-то тлетворнымъ. Этотъ отвратительный острый, съ гниlostнымъ оттѣнкомъ запахъ, напоминалъ запахъ мертвецовъ. Всякій непосвященный, войдя туда, въ ужасѣ отшатнулся бы и бѣжалъ изъ этой тюрьмы, напоминающей моргъ; но если бы у него хватило силъ остаться тамъ еще нѣсколько минутъ и прислушаться, то онъ скоро уловилъ бы звукъ чуть слышнаго позвякиванья кандаловъ при каждой, едва замѣтной перемѣнѣ положенія усталыхъ членовъ голодающими, а иногда и скребущій звукъ покашливанія, вырывающійся изъ воспаленнаго горла кого-нибудь изъ нихъ. Непосвященный понялъ бы тогда, что онъ ошибся, что онъ попалъ

не въ моргъ, а... пусть читатель самъ подыщетъ подходящее названіе этому мѣсту, у меня его нѣтъ.

Четвертый день склоняется къ вечеру; голодающіе по-прежнему лежатъ неподвижно нѣмые. Но вотъ со двора распахнулась дверь, и стража пришла въ волненіе. «Смотритель идетъ, смотритель идетъ», шепотомъ передаютъ они другъ другу.

— Что, не берутъ пищи?—спрашиваетъ смотритель старшаго.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣчаетъ тотъ.

— Отворяй!—приказываетъ смотритель, останоавливаясь у ближайшаго номера.

Замокъ щелкнулъ, дверь отворилась, и передъ взорами начальника предстало ужасное зрѣлище: весь полъ камеры испачканъ вылитыми щами, которые насильно подавались голодающему, чтобы, раздражая запахомъ пищи, усилить и безъ того невыносимыя муки его и тѣмъ заставить восторжествовать присутствующую каждому человѣку природу животнаго надъ усиленіемъ его воли. Голодающій, не имѣя уже силъ вставать и выбрасывать обѣдъ за форточку, разливалъ его тутъ же, возлѣ себя на полу, а мириады мухъ, носясь надъ этимъ моремъ, неистово жужжали на всѣ лады, точно торжествуя наступленіе своего царства; душливый зловонный воздухъ, дополняя это зрѣлище, окончательно ошеломилъ смотрителя. Взглянувъ на койку и видя передъ собой почти трупъ, уже не пригодный служить объектомъ каторжной педагогіи, онъ окончательно растерялся и, какъ всѣ растерявшіеся люди, накинулся на перваго, кто подвернулся подъ руку.

— Ты для чего, каналья, поставленъ здѣсь?—громогласно вопрошалъ онъ, обращаясь къ старшему.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— На то, негодяй, чтобы вотъ здѣсь, въ камерѣ больнаго было чисто! Чтобы ты мылъ полъ, чтобы ты параша въ чистотѣ держалъ! Тебѣ любо только командовать, да деньги за то получать и на эти деньги объѣдаться! Ишь, морда-то какъ растолстѣла!—неистово кричалъ смотритель, все болѣе и болѣе приходя въ ярость и поднося кулакъ къ поблѣднѣвшему лицу старшаго.

— Молчишь?! Отвѣчай же, каналья, зачѣмъ въ камерѣ не чисто?

— Ваше высокоблагородіе, вы сами приказали, чтобы всегда онъ самъ наблюдалъ за чистотой камеры,—докладывалъ растерявшійся старшій, указывая на неподвижнаго узника.

— Молчать негодяй! Я сказалъ, что это твоя обязанность: тащи сію минуту швабру и деготь; мой полъ, осмаливай парашу. Я тебѣ покажу!—наступалъ разсвирѣпѣвшій начальникъ въ почтительно, по неуклонно отступавшаго шагъ за шагомъ старшаго.

Когда старшій окончательно скрылся за дверью, смотритель снимаетъ фуражку и осторожно подходитъ къ узнику. Нагнув-

пясь надъ его изголовьемъ, онъ что-то тихо начинаетъ говорить ему, что-то обѣщаетъ, въ чемъ-то увѣщаетъ и просить согласиться принимать пищу.

Такъ переходить онъ изъ камеры въ камеру...

— Ну, каково живется?—спрашиваетъ онъ мягкимъ слащавымъ голосомъ, но уже болѣе развязно, заходя къ Ильѣ.—Вотъ какіе мерзавцы,—жалуется онъ,—ничего-то мнѣ не докладываютъ. Ну, что подѣлаешь съ этими остолопами?! Я сейчасъ только узналъ въ чемъ дѣло, право!... Я желалъ бы знать, однако,—продолжалъ этотъ дипломатъ вкрадчивымъ тономъ,—не могу ли я какъ-нибудь помочь общему горю? Въ чемъ причина этого ужаснаго рѣшенія, обрекающаго всѣхъ на неминуемую смерть? Если есть какія-нибудь требованія, надо сказать, зачѣмъ доводить дѣло до такого ужаснаго самоистязанія. Можетъ быть, требованія исполнимы, тогда нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Конечно, я увѣренъ, никто изъ голодающихъ не предъявитъ несбыточныхъ желаній; всякій хорошо понимаетъ, что нельзя требовать отъ насъ, какъ представителей исполнительной власти, совершеннаго освобожденія отъ заключенія, ибо по закону мы не вправе уничтожить силу судебныхъ приговоровъ. Отъ насъ можно требовать только, чтобы мы не превышали власти при исполненіи этихъ приговоровъ и, въ строгихъ предѣлахъ строгой законности, облегчали тяжелую участь заключенныхъ. Съ этой послѣдней стороны я, конечно, понимаю васъ и могу даже сказать напередъ, каковы могутъ быть ваши требованія: уничтоженіе одиночнаго заключенія, переписка и свиданія съ родными, разрѣшеніе получать періодическія изданія, устройство мастерскихъ, какъ средство заработка, для улучшенія слишкомъ скудной казенной пищи... Не такъ-ли?... Если мои догадки вѣрны, то я могу поручиться честнымъ словомъ, что все это будетъ исполнено, и незачѣмъ вамъ мучить и убивать себя.

Во все время этой заученной дипломатической рѣчи начальникъ не переставалъ слѣдить за выраженіемъ измученнаго лица безмолвно внимавшаго ему узника и, подмѣтивъ проблескъ какого-то свѣта въ его глазахъ, онъ понялъ, что произвелъ впечатлѣніе. Спѣша теперь довершить дѣло и укрѣпить довѣріе къ себѣ, онъ увлекся и торопливо продолжалъ:

— Да, увѣряю васъ, я всегда стремился отстаивать законъ; вотъ лучшее доказательство: былъ у насъ какъ-то года три тому назадъ прелюбопытный случай; кончается срокъ одному изъ заключенныхъ вашей-же категоріи; я даю знать объ этомъ куда слѣдуетъ и спрашиваю, какимъ путемъ отправить его на поселеніе? За два дня до окончанія срока получю отвѣтъ, короткій и ясный: «Отправлять такого-то, имя рекъ, никуда не слѣдуетъ, а содержать его по-прежнему въ одиночномъ заключеніи впредь до особаго распоряженія». Я, разумѣется, выхожу изъ себя. Каково-же въ самомъ дѣлѣ мое положеніе? Законъ обязываетъ меня не держать заключеннаго въ каторжной тюрьмѣ ни одного

лишняго дня, а тутъ административное приказаніе—ждать особаго распоряженія, которое, Богъ вѣсть, когда-то еще получитъ. Я спѣшу телеграфировать—«Нельзя ждать, срокъ кончился, законъ требуетъ немедленнаго освобожденія»... Получаю отвѣтъ—«Повинуйтесь приказаніямъ властей».—Но я твердъ и упоренъ, я не уступаю и посылаю другую телеграмму, пишу: «Противъ закона идти не могу, прошу снять съ меня всякую отвѣтственность, или донести министру». На это приходитъ уже телеграмма изъ министерства, которая приказываетъ мнѣ повиноваться своему начальству, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней—подробный, объяснительный ордеръ, изъ котораго я понялъ въ чемъ суть.... Ну, вотъ чуть было по неопытности не слетѣлъ съ мѣста, защищая вашего брата! Надѣюсь, этого достаточно, чтобы не сомнѣваться въ искренности моихъ обѣщаній,—закончилъ смотритель и, встряхнувъ головой, какъ бы въ знакъ побѣды, онъ прошелся взадъ и впередъ по камерѣ.

Онъ и не замѣтилъ, какъ по мѣрѣ разсказа, лицо заключеннаго все болѣе и болѣе омрачалось.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ увѣренный въ побѣдѣ дипломатъ,—согласны бросить это ужасное самоистязаніе? Я съ своей стороны обѣщаю исполнить все въ предѣлахъ законности.

Илья долго лежалъ молча съ сурово сжатыми бровями, какъ бы не находя словъ.

— Я откажусь отъ голодной смерти,—промолвилъ онъ наконецъ,—только въ томъ случаѣ, если вы подтвердите свои обѣщанія, собравъ насъ всѣхъ вмѣстѣ, хотя бы на примѣръ въ моей камерѣ.

Нѣтъ, этого никакъ нельзя сдѣлать сейчасъ,—заявилъ, нѣсколько смутившись, смотритель.

— А, нельзя?! Такъ и не обѣщайте попусту,—съ горькой улыбкой отвѣтилъ Илья.—Лучше оставьте меня и дайте умереть спокойно....

При этихъ словахъ смотритель почувствовалъ, что весь его дипломатическій маневръ раскрытъ и, понявъ, что исхода нѣтъ, онъ порывисто выбѣжалъ изъ камеры, точно его что-то обожгло тамъ.

Изъ описанной бесѣды со смотрителемъ Илья вынесъ глубокое убѣжденіе, что ничто, даже сама голодная смерть, не въ силахъ измѣнить существующихъ тюремныхъ условій.

Между тѣмъ озадаченный и пойманный на словѣ смотритель принялся осаждать начальство запросами, что ему дальше дѣлать съ узниками. А тѣмъ временемъ онъ поспѣшилъ смѣнить весь штатъ надзирателей, не исключая старшаго, и приказалъ имъ обращаться съ узниками не какъ съ арестантами, а какъ съ людьми, которые болѣютъ и лѣчатся у себя на дому.

Какъ истые русскіе люди, надзиратели выполняли приказаніе начальства съ усердіемъ не по разуму и изображали изъ себя лакеевъ въ полицейскомъ мундирѣ. Они дошли до того, что отда-

вали честь умирающимъ, говоря: «Не прикажете-ли подать самоваръ? не изволите-ли приказать подать обѣдъ?» а на отрицательный отвѣтъ голодающаго дѣлали ему подъ козырекъ и говорили: «Слушаю-съ»

Все это приказное лакейство возмущало Илью до глубины души; онъ не могъ смотрѣть на нихъ безъ глубокаго отвращенія и горькаго смѣха человѣка, хорошо понимающаго причину этой внезапной переменны въ обращеніи, которое еще болѣе оскорбляло его чувство человѣческаго достоинства.

Онъ лучше готовъ бы былъ переносить по-старому грубое *ты* и ругань, лишь бы не быть свидѣтелемъ этихъ смѣшныхъ и горькихъ сценъ. Онъ зналъ хорошо, что все это холопство внушено извнѣ, и раздайся новый кличъ начальника, тѣ же лакейскія души превратятся въ борзыхъ собакъ и готовы будутъ завтра же тащить его за ноги и за волосы въ карцеръ. Вѣдь это столько разъ бывало раньше, такъ можно ли было сомнѣваться, что впредь не повторится того-же...

Прошло еще двое сутокъ. Грызущія физическія муки, которыя онъ испытывалъ въ первые дни голода, давно уже прекратились. Теперь, лежа почти безъ движенія, онъ чувствовалъ только невыразимое утомленіе и слабость, но не страдалъ; напротивъ, на обострившихся чертахъ его исхудалаго, покрытаго восковою блѣдностью лица, легла уже печать того загадочнаго покая, какимъ поражаютъ насъ лица мертвецовъ. Скрестивъ безсиленные руки, онъ лежитъ на спинѣ, и только слабое дышаніе, едва замѣтно вздымая его иссохшую грудь, напоминаетъ еще о тлѣющей искрѣ жизни.

Но, чу! тихій шопотъ раздается за дверью. Эти невнятные звуки по привычкѣ бередаютъ еще слухъ больнаго; но ему тяжело повернуть голову, и онъ съ усиліемъ напрягаетъ глазныя мышцы по направленію къ звукамъ. Еле слышно отворяется дверь, и осторожно на цыпочкахъ подходитъ къ Ильѣ высокая фигура сѣдого тюремнаго доктора. На морщинистомъ лицѣ старика лежитъ печать какой-то невыразимой грусти. Что ему нужно здѣсь, зачѣмъ онъ пришелъ тревожить покой умирающаго? Старикъ останавливается въ глубокой задумчивости передъ скорбнымъ ложемъ больнаго и долго всматривается въ его восковое лицо; затѣмъ, какъ бы придя въ себя, беретъ руку Ильи и крѣпко, крѣпко сжимаетъ ее въ своей. Эта тонкая, прозрачная рука поражаетъ его холодомъ ооченности; онъ ищетъ пульса и не находитъ; беретъ другую руку, и лицо его выражаетъ еще большее смущеніе. Тогда онъ становится на колѣни и прижимаетъ ухо къ сердцу Ильи; тянутся долгія минуты, а старикъ продолжаетъ стоять на колѣняхъ, весь погруженный въ какую-то тяжелую думу; нѣсколько прядей его сѣдыхъ волосъ спустилось на его высокой лобъ, застала глаза; но онъ этого не замѣчаетъ; а горькія слезы тихо струятся по морщинистымъ щекамъ старика, падая крупными, горячими каплями на окошечныя руки больнаго.

Эти сердечныя теплыя слезы вселяютъ на минуту какую-то новую мощь въ ослабѣвшее тѣло Ильи; онъ порывисто приподымается, беретъ морщинистую руку сѣдого доктора и безмолвно, но крѣпко, крѣпко жметъ ее, влагая въ это рукопожатіе всю силу своего чувства. Эти первыя святыя слезы человѣчности, оросившія передъ смертью скорбный путь страдальца, наполнили истомленную душу его неизъяснимымъ блаженствомъ и заставили прозвучать стройнымъ аккордомъ тѣ нѣжныя струны, которыя, казалось, давно были порваны въ его груди.

По уходѣ доктора, усталый, но съ улыбкой тихаго счастья на губахъ, онъ закрываетъ глаза и скоро засыпаетъ.

Сонъ его въ эту ночь не такъ тяжелъ и мятеженъ, какъ часто бывало прежде. Сознаніе дремлетъ въ немъ, но задѣтыя струны продолжаютъ звучать и во снѣ. И видится ему, что надъ его изголовьемъ склоняется мать съ улыбкой безпредѣльной любви на устахъ, какъ бывало въ свѣтлые дни далекаго дѣтства. Но отчего эти прекрасныя дорогія черты полны теперь невыразимой скорби. Вотъ простираетъ она надъ головой сына свои дрожащія руки, какъ бы благословляя, а губы ея шепчутъ слова страстной молитвы за него, и въ этой молитвѣ слышатся и вопль, и жалоба, и укоры небу. И душу спящаго охватываетъ давно незнакомое и какое-то свѣтлое чувство спокойной грусти.

Наступило воскресное утро; Илья лежитъ въ полузабытьи, весь еще подъ обаяніемъ мимолетнаго видѣнія ночи; кругомъ тишина... Но вотъ кто-то вдругъ, съ давно уже непривычнымъ шумомъ, отворяетъ его дверь, и камеру его наводняютъ какіе-то люди въ разнообразныхъ мундирахъ. Илья открываетъ вѣки и съ изумленіемъ смотритъ на этихъ незнакомыхъ пришлецовъ, какъ бы желая прочесть на ихъ лицахъ, съ какими цѣлями пришли они нарушить его предсмертный покой.

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ нѣмой вопросъ больного, изъ толпы медленно выдѣляется сухошавая, тщательно выбранная фигура и съ нѣскольکو нѣмецкимъ акцентомъ заявляетъ Илья:

— Мы пришли положить конецъ вашему упорству.

Илья молча ваглядываетъ на него, и въ этомъ взглядѣ слышится все то невыразимое возмущеніе и презрѣніе, какое онъ чувствуетъ въ эту минуту къ нему.

— Нѣтъ,—тихо но твердо говоритъ онъ наконецъ, собравъ свои силы—вамъ это не удастся.

— Мы употребимъ силу, если вы не согласитесь принять пищу добровольно. Эй,—обратилась бритая физиономія къ сопровождавшимъ его надзирателямъ,—свяжите больного; а вы,—приказалъ онъ фельдшерамъ,—разведите питательный экстрактъ для искусственнаго кормленія!

Этотъ приказъ, какъ ударъ молота прозвучалъ въ сердцѣ Ильи; онъ не ожидалъ такого насилія надъ умирающимъ, почти трупомъ. Недавняя сцена насильственнаго бритья головы сумасшедшаго встала передъ нимъ во всей ея потрясающей реаль-

ности, и онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ надзирателей и фельдшеровъ, бросившихся было исполнить этотъ приказъ.

— Такъ вы силой хотите заставить меня жить?! Хорошо, я буду жить,—сказалъ онъ, и въ голосѣ его звучало что-то загадочное.

Ему успѣшили подать обѣдъ.

Прошло два года. Въ одинъ изъ ясныхъ осеннихъ дней у воротъ тюремной ограды стояла почтовая тройка. Наскучивъ ожиданіемъ, кони нетерпѣливо били землю копытами, весело звеня колокольцами.

Скрипнула калитка, и на порогѣ ея, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, показалась высокая, нѣскольکو сгорбленная фигура, закутанная въ длинный арестантскій халатъ.

— На волю, что-ли, милый?—обратился къ нему съ вопросомъ ящикъ.

— Въ Сибирь,—отвѣтилъ сгорбленный человѣкъ и, закашлявшись, сталъ придерживать рукой свою грудь, словно боясь, какъ бы она не разорвалась отъ кашля.

Съ усиліемъ передвигая ноги, онъ началъ взбираться въ повозку; полы халата его распахнулись и позволили лучше разглядѣть его лицо; съ трудомъ узнали бы мы въ немъ знакомаго намъ Илью. Какъ измѣнилось это когда-то свѣжее молодое лицо! Въ его короткихъ, недавно только пощаженныхъ бритвой волосахъ блестяли уже кое-гдѣ серебряныя нити; всѣ черты осунулись и обстрились, а кожа приняла специфическій тюремный сѣроватый цвѣтъ. Одни глаза только блестяли прежней энергіей и жизнью...

Не успѣли отъѣзжающіе порядкомъ усѣться, какъ кони рванули и вихремъ понесли ихъ впередъ. Такъ проскакали они деревню, проѣхали поле, и взмыленные кони начали убавлять свой бѣгъ, подтѣвжая къ ложбинѣ. Передъ спускомъ ящикъ внезапно осадилъ тройку и сталъ тормозить колеса. Илья встрепенулся и успѣшилъ сойти на землю, пользуясь этой остановкой. Отойдя нѣскольکو шаговъ отъ повозки, онъ съ какимъ-то трепетомъ оглянулся назадъ, словно не вѣря, что ненавистное зданіе тюрьмы навсегда скрылось изъ его глазъ. И когда онъ увидѣлъ, что кругомъ разстилается просторъ широкаго поля, а мрачныя стѣны, гдѣ онъ похоронилъ столько силъ, столько лучшихъ лѣтъ своей жизни, давно потонули въ синей дали, изъ его глазъ брызнули слезы...

И. Джабадари.

Убийство Императора Павла ¹⁾.

(Неизданная страничка из записокъ Рунича).

Записки Д. П. Рунича были напечатаны дважды и каждый разъ съ пропусками о печальныхъ мартовскихъ событіяхъ 1801 г. Эту недостающую страницу, пополняющую рассказъ Н. А. Саблукова ²⁾, я печатаю по принадлежащей мнѣ рукописи ³⁾, заполученной мною изъ того же источника, которымъ пользовался и В. В. Тимошукъ, напечатавшій переводъ записокъ Д. П. Рунича въ «Русской Старинѣ» за 1901 г.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1906 г., мая 10.

«Ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался 1800-й годъ, т. е. конецъ его, кромѣ возвращенія князя и графа Зубовыхъ въ Петербургъ. Графъ былъ назначенъ въ это время директоромъ Кадетскаго Инженернаго Корпуса. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ императора Павла, фаворитъ князь Зубовъ и его братъ графъ Валеріанъ были сосланы въ свои земли Владимірской губерніи и ввѣрены личному присмотру моего отца. Они не имѣли права покидать деревни. Окружной частный приставъ долженъ былъ зорко слѣдить за ихъ походами и замѣчать, сколько времени оставались въ ихъ домѣ тѣ, которые посѣщали ихъ. Неожиданное возвращеніе ихъ поколебало твердый духъ моего отца, душевно преданнаго своему государю, который удостаивалъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ. Онъ тотчасъ же подумалъ, что состоялся заговоръ, грозящій жизни Павла. Но скоро узнали о немилости графовъ Растопчина и Аракчеева. Оба были преданы государю; оба могли подавить всякое предпріятіе, угрожавшее безопасности особы монарха; оба были недосыгаемы для какого-либо подкупа.

¹⁾ Помѣщая рассказъ Рунича объ убійствѣ Павла I, редація не дѣлаетъ къ нему никакихъ комментариевъ, имѣя въ виду въ будущемъ еще не разъ вернуться къ этому эпизоду и освѣтить его въ особой статьѣ.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“. Мартъ 1906 г.

³⁾ „Охранный каталогъ“ А. Титова № 2851, вып. 4-й, Москва 1889 г.

Чтобы не повредить цѣли, необходимо было отстранить ихъ съ пути. Императоръ, увѣренный въ ихъ преданности, былъ однако увлеченъ этой апатіей, которая обыкновенно называется рокомъ. Они впали въ немилость и были отдалены отъ всякаго сношенія съ государемъ.

Графъ Паленъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ былъ во главѣ заговора. Съ податливымъ характеромъ, тонкій и хитрый, онъ безъ затрудненія добился милости Павла; къ несчастію, императоръ былъ очень доверчивъ. Его прежній «Тристанъ», оберъ-штальмейстеръ графъ Кутайсовъ, со всей своей армянской пронырливостью не видѣлъ дальше своего носа. Это былъ человѣкъ тщеславный и сладострастный; все свободное время, которое оставалось отъ службы государю, онъ проводилъ съ своей любовницей, актрисой Шевалье, или съ своими прекрасными рысаками. Не только онъ не видѣлъ ничего, не предугадалъ ничего, но онъ даже оставилъ безъ вниманія предостереженіе, полученное имъ въ день убійства своего государя, присланное неизвѣстнымъ, уличавшимъ заговорщиковъ и указывавшимъ часъ, въ который заговорщики проникнуть въ замокъ. Кутайсовъ положилъ бумагу въ карманъ, отправляясь къ Шевалье, и вспомнилъ о ней лишь тогда, когда узналъ объ убіеніи императора и своемъ собственномъ арестѣ. Утверждаютъ, что наканунѣ императоръ, заслышавъ о заговорѣ противъ его особы, говорилъ объ этомъ Палену; тотъ, не смутившись отвѣчалъ, что ему это извѣстно, что онъ даже предложилъ себя въ члены этой партіи, чтобы взять въ руки заговорщиковъ и блистательно разрушить ихъ намѣреніе. Павелъ ему повѣрилъ. И въ вечеръ, наканунѣ смерти государя, Паленъ спокойно сидѣлъ въ приемной государыни и расточалъ свои любезности болѣе, чѣмъ когда-либо.

Главными руководителями заговора были: Паленъ и три брата Зубовы. Множество другихъ лицъ присутствовало при убійствѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были осыпаны милостями государя!

Замокъ-крѣпость Св. Михаила, рвы и подъемные мосты не оградили Павла отъ смерти! Онъ былъ уже въ постели, когда услышалъ, что стучатся въ дверь. Это былъ Аргамаковъ, адъютантъ Преображенскаго полка, шефомъ котораго былъ государь. Какъ адъютантъ, онъ имѣлъ право являться къ государю во всякое время дня и ночи; въ случаѣ пожара или другого важнаго происшествія онъ долженъ былъ тотчасъ являться къ государю. Заговорщики, всѣ выпивши, съ Паленомъ во главѣ, слѣдовали за нимъ. Стража Преображенскаго полка смѣнилась семеновцами. Несчастный гусарь, караулившій у наружной двери кабинета, былъ застигнутъ и убитъ. Наемный убійца Аргамаковъ поступался въ дверь, давая знать о себѣ. Павелъ, ничего не подождавъ, отворилъ и, пораженный видомъ убійцы, потерялъ голову и мужество и бросился спрятаться за ширмы, тогда какъ былъ

*

еще для него якорь спасенія: потайная дверь, ведшая прямо въ апартаменты императрицы. Заговорщики, судя по собственному признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, не видя императора, растерялись; но Яшвилъ, грузинскій князь, или Богъ знаетъ, кѣмъ онъ былъ, приблизился къ ширмамъ, за которыми увидалъ скрывающуюся жертву. Мужество вернулось къ Павлу, и онъ старался затѣять переговоры: онъ предложилъ уступить престолъ своему сыну, только бы ему оставили жизнь. Минута замедленія могла разрушить всѣ планы, и заговоръ могъ разстроиться. Николай Зубовъ замѣтилъ, что всякое обѣщаніе со стороны государя не обезпечивало ихъ завтрашнее существованіе. Схвативъ прессы-паше, онъ направилъ ударъ въ високъ Павлу; ударъ былъ такъ силенъ, что ошеломилъ его и выбилъ одинъ глазъ изъ орбиты; тогда подручные убійцы бросились на Павла и задушили его съ помощью шарфа Аргамакова. Пришлось отрѣзывать языкъ у корня, когда балъзамировали тѣло, такъ какъ не было никакой возможности вложить его обратно въ ротъ. Чтобы скрыть рану на вискѣ, тѣло было положено на парадное ложе съ шляпою на головѣ. На слѣдующій день восшествіе на престолъ императора Александра I было объявлено манифестомъ, въ которомъ говорилось, что покойный императоръ скоропостижно скончался отъ удара!

Таковъ былъ конецъ самодержца, не оцѣненного ни матерью, ни народомъ! Онъ состарѣлся въ политическомъ дѣтствѣ, въ которомъ держала его мать во время своего царствованія; не успѣвъ онъ войти на престолъ, который ему принадлежалъ гораздо ранѣе, чѣмъ онъ занялъ его, какъ сошелъ мученикомъ съ него послѣ четырехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ царствованія!

Клевета ничего не щадила, чтобы очернить нравственный характеръ Павла I. Названія тирана, сумасброда, сумасшедшаго были ему расточаемы до и послѣ смерти. Праздновали эту смерть: цѣловались, узнавъ о ней; старались очернить его память, выдумывая ужасы, о которыхъ онъ даже не помышлялъ. Однако, пусть скажетъ исторія, какія были тиранства, злодѣянія, ужасы, въ которыхъ его упрекали даже мертвого. Онъ вошелъ на престолъ послѣ 34-хъ-лѣтняго царствованія своей матери, которая не только отдаляла его въ продолженіе всего этого времени отъ государственныхъ дѣлъ, но даже и послѣ себя мыслила у него отнять всѣ права. Онъ молчалъ какъ преданный сынъ и даже никогда не подумалъ присвоить себѣ державный скипетръ, ему принадлежавшій и взятый его матерью въ ущербъ ему.

Онъ испытывалъ всякія непріятности, горести, обиды. Но никогда онъ не ропталъ, не жаловался. Онъ зналъ, что неестественныя отзывы о немъ были распространены по всей имперіи этими единомышленниками его матери, которые растрчивали государственные доходы, злоупотребляли своею властію, торговали своею совѣстью и продавали правосудіе. Онъ видѣлъ, что преклонность лѣтъ Екатерины дѣлала изъ нея игрушку ея любимцевъ, тер-

пѣвшихъ всякія злоупотребленія, чтобы составить себѣ партію. Вступивъ на престолъ, онъ рѣшился прекратить эти злоупотребленія. Онъ былъ строгъ, но справедливъ; жестокъ, но всегда великодушенъ и щедръ. И если онъ былъ жертвой заговора, этотъ заговоръ не былъ дѣломъ какого-нибудь Катона изъ Утики и еще меньше слѣдствіемъ народнаго голоса: во всякой странѣ найдутся Равальяки! Утверждаютъ, что Павелъ всегда держалъ у себя на глазахъ въ своемъ бюро копію духовнаго завѣщанія несчастнаго Людовика XVI-го».

Автобіографія М. П. Драгоманова.

Предлагаемыя автобіографическія замѣтки мы печатаемъ по точной копій съ подлинной рукописи М. П. Драгоманова, хранящейся у М. Павлика во Львовѣ. Первая часть ихъ была написана въ 1883 году для А. Туна, который подготавливалъ тогда свою книгу—«Исторія революціоннаго движенія въ Россіи» и при составленіи ея пользовался рукописью Драгоманова, вторая же часть относится къ началу 1889 года и предназначалась для фольклориста Леона Сихлера. Цѣликомъ на русскомъ языкѣ эти замѣтки печатаются теперь впервые. Только въ переводѣ на украинскій языкъ онѣ уже были изданы М. Павликомъ въ книгѣ—«Михайло Петрович Драгоманов (1841—1895), його юбилей, смерть, автобіографія і спис творів», Львів, 1896. Кромѣ того отрывки изъ нихъ на русскомъ языкѣ приведены въ предисловіи Б. Кистяковского къ недавно вышедшему въ Парижѣ второму тому «Собранія политическихъ сочиненій» М. П. Драгоманова. Рукопись печатаемыхъ замѣтокъ представляетъ изъ себя черновую и не была обработана самимъ авторомъ для печати. Мы не считали себя вправѣ подвергать ихъ стилистической обработкѣ и устранять нѣкоторыя неправильности въ языкѣ. Воспроизводя эти замѣтки въ печати вполне точно, мы думаемъ, что недостатокъ формы обильно искупается въ высшей степени интереснымъ содержаніемъ ихъ.

Реданція.

I.

Я родился въ сентябрѣ 1841 г. въ г. Гадячѣ, Полтавской губерніи. Отецъ мой, какъ и мать, принадлежали къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ, вышедшимъ изъ украинской казацкой старшины. Мой отецъ, какъ многіе тогдашніе украинскіе *паничи*, въ молодости служилъ въ Петербургѣ, гдѣ самоучкой развилъ нѣкоторыя познанія, пріобрѣтенныя въ училищѣ на родинѣ, и пустился въ литературу; дядя, офицеръ, принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, Соединенныхъ Славянъ. Воротившись на родину въ концѣ 30-ыхъ годовъ,—съ идеями, представлявшими смѣшеніе

христіанства съ философіей XVIII в. и якобинства съ демократическимъ цезаризмомъ,—отець мой не нашель себѣ мѣста въ канцелярско-дворянскомъ строѣ уѣздной жизни николаевского времени и, женившись, больше сидѣлъ дома и читаль книги, если не хлопоталь по процессамъ разнаго мелкаго люда, вродѣ крестьянъ (изъ бывшихъ казаковъ), которые отыскивали себѣ свободу, рекрутъ, неправильно взятыхъ въ армію, и вообще всякихъ утѣсненныхъ. За это его терпѣть не могли мѣстные чиновники и большая часть помѣщиковъ. Страсть къ чтенію и къ своего рода политикѣ съ дѣтства перешла ко мнѣ отъ отца, по указанію котораго я, еще будучи ученикомъ гадячскаго уѣзднаго училища (1849—1853), перечиталь почти всѣ интересныя книги въ его библиотекѣ, преимущественно путешествія и историческія сочиненія (въ томъ числѣ два раза «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина). Въ 1853 г. я поступилъ въ полтавскую гимназію, гдѣ особенно усердно занимался латинскимъ языкомъ, интересуясь римскою исторіей; греческаго языка у насъ не учили, но я съ большимъ упоеніемъ читаль Гомера Gillis'a и «Истор. Греціи» въ переводѣ. Я былъ въ 5-омъ классѣ, когда началась агитація объ эмансипаціи крестьянъ, которая наполнила всю мою душу. Съ того же времени я подпаль подъ вліяніе новаго учителя исторіи, который даваль мнѣ читать Герцена и вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваль, что для того, чтобы упрочить въ себѣ гуманныя и либеральныя идеи, надо много учиться и читать на *иностранныхъ языкахъ* историческія и политическія сочиненія, такъ какъ, говорилъ онъ, на русскомъ языкѣ правительство можетъ, если захочетъ, запретить всю литературу. Съ нѣкоторыми товарищами я сталъ читать выходившихъ тогда въ переводѣ Шлоссера, «Ист. XVIII в.», Маколея, Прескота, и въ оригиналѣ Гизо, — сталъ учиться по-вѣмецки. Мы основали рукописный журналъ, котораго я былъ редакторомъ. Въ 1859 году, при самомъ окончаніи моего курса гимназіи, случилось у меня столкновение съ надзирателемъ гимназическаго пансіона, за которое я былъ присужденъ къ исключенію изъ гимназіи, «съ тѣмъ, чтобъ впредь никуда не принимать». Попечитель, Н. И. Пироговъ, предложилъ совѣту гимназіи замѣнить мнѣ исключеніе простымъ увольненіемъ, послѣ котораго я могъ быть принятъ въ кіевскій университетъ. Я очень обязанъ моему отцу, который развилъ во мнѣ интеллектуальные интересы, и съ которымъ у меня не было нравственнаго разлада и борьбы, — вещь очень рѣдкая въ Россіи и теперь, а прежде и тѣмъ болѣе. Очень я благодаренъ и гимназіи, въ которой мнѣ посчастливилось попасть на: 1) хорошаго латиниста, который придаваль больше значенія литературѣ, чѣмъ мелочамъ грамматики, 2) недурного натуралиста, благодаря которому я не нашель новизны въ томъ *реализмѣ*, о которомъ молодежь въ Россіи много спустя говорила, какъ о чемъ-то исключительномъ и противоположномъ гуманизму, 3) прекраснаго учителя исторіи, который преподаваль намъ курсъ новой исторіи до самаго 1859 г. (до

итальянской войны), разъяснивъ намъ фактично смыслъ реформации, голландской и англійской революціи, философіи XVIII вѣка, принципа либерализма и національностей, наконецъ социализма (по поводу 1848 г.), благодаря чему мы вступили въ университетъ съ возможностью ориентироваться среди того Sturm und Drang, какой тогда начинался въ русской молодежи. На счастье, и въ университетъ я попалъ въ попечительство Н. И. Пирогова, который допустилъ въ Кіевѣ de facto академическую свободу, похожую на европейскую.

Съ самаго поступленія въ университетъ, осенью 1859 г., я попалъ въ кружокъ студентовъ, которые основали первыя *воскресныя школы* въ Россіи (я не считаю Остзейскихъ губ.). Я описалъ эти школы, какъ вообще все свое участие въ дѣлѣ народнаго образованія, въ своей брошюрѣ «*Народні школы на Украіні*». Тутъ я скажу коротко, что многіе изъ насъ приступили къ дѣлу съ цѣлью политической пропаганды, но скоро увидѣли невозможность ея среди дѣтей (изъ разныхъ мастерскихъ и прислуги) и ея непрактичностью даже среди взрослыхъ, но неграмотныхъ, и усердно увлеклись педагогической стороной дѣла. Изъ кружка студентовъ, занимавшихся воскресными школами, вышло нѣсколько учебниковъ и популярныя книги, но въ 1862 г. правительство закрыло воскресныя школы и тѣмъ дало новый толчекъ революціонному настроенію молодежи, особенно въ столицахъ.

Въ Кіевѣ нашему кружку нашлось новое педагогическое дѣло. Тутъ само правительство, въ виду противодѣйствія польской пропаганды, рѣшилось основать по селамъ школы, а для подготовленія для нихъ учителей,—Педагогическую школу въ Кіевѣ. Но денегъ правительство на это дѣло дало крайне мало (10.000 р. на 3 губ.). Тогда М. А. Туловъ,—умный человекъ, оказавшійся въ школьной администраціи Кіевского Округа—обратился къ студентамъ, которые заявили себя въ воскресныхъ школахъ, и человекъ 6 изъ нихъ согласились давать уроки въ «Временной Педагогической Школѣ» бесплатно. Я былъ въ числѣ этихъ студентовъ и преподавалъ русскую исторію. Совѣтъ этой школы,—въ которомъ приняли участіе и нѣкоторые молодые учителя гимназій, былъ въ 1862—63 гг. комитетомъ, который фактически распоряжался дѣломъ насажденія первыхъ русскихъ народныхъ школъ въ Западной Украіні. По обстоятельствамъ дѣла, было признано Кіевской школьной администраціей допущеніе и народнаго языка при началѣ обученія, и предположено было составить *Читальникъ* (Lesebuch) такъ, чтобы онъ представлялъ постепенный переходъ отъ народнаго украинскаго языка къ (велико) русскому и потомъ къ церковно-славянскому. Въ пользу этого принципа высказалась тогда большая часть педагогическихъ совѣтовъ гимназій Кіевского Учебнаго Округа, которымъ министерство поручило рассмотреть проектъ устава училищъ. Принципъ этотъ былъ почти принятъ и въ министерствѣ (Головнинъ). Но въ это

время въ высшихъ кругахъ возникла борьба между двумя партіями: одни хотѣли отдать народныя школы попамъ и Синоду, другіе—свѣтскому министерству. Характерно, что этотъ вопросъ примѣшался къ вопросу объ улучшеніи быта (матерьяльнаго) духовенства. Конечно, защитники поповской школы выставляли ее, какъ охрану Россіи отъ революціонной пропаганды. Кіевскіе попы напали на нашу Педагогическую Школу, какъ на такую, въ которой преподають «нигилисты» и «украинскіе сепаратисты». Поповъ поддерживали «Московскія Вѣдомости». Кончилось тѣмъ, что министерство, «чтобъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію», удалило изъ Педагогической Школы преподавателей студентовъ (замѣнивъ ихъ учителями гимназій, платными), какъ разъ въ то время, когда эти студенты, окончивъ курсъ (лѣтомъ 1863 г.), получили официально право быть учителями даже въ гимназіяхъ. Между такими былъ и я, вторично оторванный безъ всякаго резона отъ любимаго дѣла, да еще въ то время, когда я мечталъ, испробовавши еще разъ свой курсъ на практикѣ, печатать его!

Чтобъ закончить обзоръ времени своего студенчества, я долженъ сказать еще о двухъ важныхъ не для одного меня обстоятельствахъ: объ отставкѣ Пирогова въ 1861 г. и о польскомъ возстаніи 1863 г.

Деспотическое правительство Россіи не могло терпѣть чисто конституціоннаго порядка, устроеннаго Пироговымъ въ Кіевск. Учебн. Округѣ и университетѣ, и несмотря на то, что царь два раза одобрилъ планы учебнаго управленія, предложенные ему Пироговымъ, послѣдній былъ отставленъ весною 1861 г. Весь педагогическій міръ Кіева и его округа и болѣе образованная часть публики рѣшились заявить знаменитому ученому свое сочувствіе. Въ Кіевѣ ему было устроено два банкета, на которыхъ первый разъ въ Россіи появились сочувственныя телеграммы. На первомъ банкетѣ, данномъ представителями школъ, я былъ однимъ изъ депутатовъ отъ студентовъ и произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что реформы Пирогова, замѣна дисциплины солдатской— нравственною и ограниченіе произвола начальниковъ (которые прежде били учениковъ въ классахъ полѣнами дровъ) законностию,—внесли болѣе порядка въ школы, чѣмъ его было прежде. Рѣчь моя вызвала одни изъ самыхъ шумныхъ апплодисментовъ и была очень расхвалена въ описаніи банкета, изданномъ профессорами университета (подъ редакціей проф. Шульгина, потомъ ректора официальнаго «Кіевлянина» и моего политическаго противника). Брошюра Шульгина быстро разошлась въ двухъ изданіяхъ, но въ газетахъ рѣчь мою не было дозволено перепечатывать (одинъ *Катковъ* напечаталъ ее въ своей двухнедѣльной газетѣ «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника»),—а ректоръ университета проф. Бунге (тогда одинъ изъ либеральнѣйшихъ профессоровъ, теперь министръ финансовъ) получилъ замѣчаніе отъ министерства за то, что дозволилъ мнѣ произнести рѣчь—въ пользу законности и педагогическаго авторитета!!

Для меня лично выступленіе мое на банкетѣ Пирогову имѣло большія послѣдствія: оно подтолкнуло во мнѣ инстинкты политическіе и въ то же время познакомило меня съ кружкомъ либеральныхъ профессоровъ и дало мнѣ возможность расширить свои научныя занятія, преимущественно по всеобщей исторіи, въ которой я занимался сначала преимущественно Римомъ, заинтересовался соціальной борьбой послѣднихъ временъ республики и появленіемъ христіанства, а затѣмъ и религіозной исторіей древняго міра вообще. Въ 1862 г. Шульгинъ, проф. всеобщей исторіи, выходя въ отставку, рекомендовалъ меня совѣту университета, какъ будущаго кандидата въ профессора, и предложилъ отпустить меня по окончаніи курса за границу.

Польское движеніе имѣло большое вліяніе на мое политическое воспитаніе. Рожденный на лѣвомъ берегу Днѣпра, я не имѣлъ нагляднаго понятія о полякахъ, и сочувствовалъ имъ, какъ жертвамъ русскаго деспотизма, хотя всетаки, какъ украинецъ, не совсѣмъ забылъ о томъ, какъ и Польша притѣсняла Украину (еще въ дѣтствѣ я прочелъ «Исторію Малой Россіи» Баятыша-Каменскаго). Приѣхавъ на правый берегъ Днѣпра, въ Кіевъ, я увидѣлъ, что поляки здѣсь—аристократія, а не народъ, и былъ пораженъ тѣмъ, что даже студенты-поляки бьютъ своихъ слугъ ходятъ въ «костелы», гдѣ усердно стоятъ на колѣняхъ (мнѣ студенты-«русскіе», или «православные» всѣ были горячіе демократы, а въ религіи—атеисты). Выѣсть съ тѣмъ мнѣ бросилась въ глаза нетерпимость поляковъ относительно русскіихъ, въ особенности малороссовъ, или украинцевъ.

Послѣдніе составляли въ Кіевѣ уже въ 1859 г. особый національный кружокъ, хотя собственно огромное большинство «православныхъ» студентовъ Кіевскаго университета (около 500 душъ съ вольнослушателями) были родомъ украинцы. Этотъ кружокъ заботился о развитіи украинскаго языка и литературы и желалъ самостоятельнаго положенія украинской націи передъ польскою и великорусскою (рускою). Но въ деталяхъ политическія и соціальныя стремленія украинцевъ были тогда очень разнообразны и даже не совсѣмъ ясны. Были, конечно, среди тогдашней украинской молодежи мечты объ установленіи на Украинѣ чего-либо, вродѣ старой казацкой республики и о возстаніи крестьянъ, вродѣ описанной въ поэмѣ Шевченка Гайдамачины 1768 г., но большинство не было такъ радикально и болѣе увлекалось литературными и національно художественными интересами, а также и педагогическими, такъ какъ всѣ украинцы стояли за народный языкъ въ школахъ. Такъ какъ русское правительство тогда не препятствовало украинскимъ публикаціямъ и не мѣшало пробовать учить по-украински въ школахъ и церквахъ, то особой вражды къ русскому правительству въ тогдашнихъ украинскіихъ кружкахъ не было, и даже кружки эти были менѣе радикальны въ политическомъ отношеніи, чѣмъ «русскіе» кружки безъ спеціальной украинской окраски. Иное было отно-

неніе украинцевъ къ Польшѣ. Польскія претензіи на владѣніе правобережной Украйной страшно возмущали украинцевъ, которые, по реакціи, готовы были, подобно галицкимъ русинамъ 1848 г., сойтись съ царскимъ правительствомъ для борьбы съ поляками.

Самъ украинець родомъ, и видя въ Кіевѣ многое изъ того, о чемъ въ остальной Россіи понятія не имѣли, я во многомъ раздѣлялъ стремленія и идеи украинскихъ націоналистовъ, но во многомъ они мнѣ казались реакціонными: я не могъ раздѣлять пренебреженія ихъ къ русской литературѣ, которую считалъ болѣе развитою теперь, чѣмъ украинская, и болѣе полною обще-европейскихъ интересовъ¹⁾; не нравилась мнѣ и рѣзкость въ отношеніи украинцевъ къ полякамъ, а мысль о какомъ бы то ни было союзѣ съ царскимъ правительствомъ противъ поляковъ казалась мнѣ возмутительною и ошибочною. Меня, и нѣкоторыхъ другихъ, такъ думающихъ, украинцы брали *космополитами*, — слово, которое мы принимали за похвалу.

Между тѣмъ польское возстаніе приближалось къ Кіеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имѣютъ право на З. Украйну, потому что въ ней дворянство, или, какъ тогда стали говорить, «интеллигенція», польское. Реакція этимъ польскимъ стремленіямъ давала силу среди кіевской «православной» молодежи—украинцамъ. Кредитъ «космополитовъ» падалъ по мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ, что соотвѣтственные стиличные кружки безусловно становились на сторону поляковъ.

Видя ошибки «космополитовъ» и не раздѣляя многого въ стремленіяхъ украинцевъ, я сталъ охладѣвать къ «политикѣ» студенческихъ кружковъ, пересталъ ходить на сходки и весь свой политическій жаръ вкладывалъ въ уроки русской исторіи въ Временной Педагогической Школѣ. Впрочемъ педагогическій интересъ сблизилъ меня съ украинцами. Когда я узналъ, что они предположили изданіе популярныхъ книгъ, то поступилъ въ ихъ корпорацію (громаду), которая тотчасъ же выбрала меня въ комиссію для редакціи такихъ книгъ. Это было весною 1863 г., какъ разъ во время попытки польскаго возстанія около Кіева.

Но тутъ произошло нѣчто такое, что возможно только въ Россіи. Реакціонеры и государственные централисты, которыхъ органомъ стали «Московскія Вѣдомости» Каткова, сражаясь съ поляками, напали и на украинцевъ, усмотрѣвъ въ ихъ стремленіяхъ, даже чисто литературныхъ, сепаратизмъ, и объявили все украинское движеніе дѣломъ польской интриги. Правительство распорядилось запретить печатаніе на украинскомъ языкѣ книгъ духовныхъ (начиная отъ евангелія), а также популярно-научныхъ и педагогическихъ. Такъ прекратилась и работа той громадской комиссіи, въ которую я попалъ.

¹⁾ Я гораздо больше находилъ воспитательнаго въ политическомъ отношеніи въ „Колоколѣ“ и „Современникѣ“, чѣмъ въ „Основѣ“.

Между тѣмъ я кончилъ курсъ, уѣхалъ на вакаціи, и, воротившись, узналъ, какъ я рассказывалъ выше, что я удаленъ и изъ Педагогической Школы. Надо было искать новой работы и для духа и для тѣла, такъ какъ дѣло о моей поѣздкѣ за границу затягивалось въ долгій ящикъ: въ филологическомъ факультетѣ либеральная партія между профессорами (одинъ изъ членовъ которой, Шульгинъ, рекомендовалъ меня) ослабѣла, а консерваторы не благоволили ко мнѣ. Чтобы подвинуть свое дѣло, я рѣшилъ, по совѣту Шульгина, представить диссертацию pro venia legendi изъ своихъ работъ по римской исторіи,— объ *«Императоръ Тиберіи»*. А чтобы чѣмъ-нибудь кормиться и имѣть возможность воспитывать брата и сестру (отецъ мой передъ тѣмъ умеръ), я взялъ предложенную мнѣ должность учителя географіи во 2-ой Кіевской гимназіи.

Диссертацию свою я защищалъ въ началѣ 1864 г. Она произвела на публику и на профессоровъ довольно странное впечатлѣніе. Въ ней я, не зная вовсе новѣйшей заграничной литературы по вопросу, на основаніи однихъ классиковъ, набрелъ на мысль, что имперія римская не была вовсе паденіемъ римскаго міра послѣ республики, а была своего рода прогрессомъ, если не въ политическомъ, то въ социальномъ и въ культурномъ отношеніи. Ту же мысль я развилъ и въ пробной лекціи *«О состояніи женщины въ первый вѣкъ римской имперіи»*, въ которой я выступилъ противъ авторитета Ювенала, какъ въ книгѣ о Тиберіи—выступалъ противъ авторитета Тацита. Позже, въ 1869, г., я развилъ эти мысли болѣе систематично въ книгѣ *«Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацитъ»* (моя магистерская диссертация). На томъ, какъ отнеслись къ моимъ первымъ ученымъ опытамъ мои недавніе товарищи и профессора, я первый разъ испробовалъ то, какъ не привыкла публика въ Россіи къ объективности и ко всякаго рода сложнымъ вопросамъ и къ сложнымъ формуламъ. Либералы (въ томъ числѣ и проф. Шульгинъ) были скандализованы моимъ, такъ сказать, имперіализмомъ, а также социализмомъ; консерваторы приветствовали было меня на диспутѣ за мою критику римской республики, но обидѣлись моей критикой Ювеналова консерватизма въ женскомъ вопросѣ. Подобное случалось со мной и послѣ во всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ моей литературной карьеры, къ чему я не скоро и не легко привыкъ.

Во всякомъ случаѣ факультетъ и совѣтъ К. Университета допустили меня въ приватъ-доценты и даже поручили мнѣ съ 1865 г. чтеніе обязательныхъ для студентовъ лекцій, т. е. на правахъ штатнаго доцента, обѣщавъ послать меня на свой (а не министерскій) счетъ за границу, по выдержаніи мною магистерскаго экзамена. Но справится ли мнѣ съ этимъ экзаменомъ было не легко, такъ какъ обстоятельства навалили на меня тогда много разной работы. Я уже говорилъ, что долженъ былъ воспитывать брата и сестру; за послѣднюю я долженъ былъ давать уроки въ

пансіонѣ, въ которомъ она училась. Кромѣ того въ 1864 г. умерла мать моей невѣсты, и я долженъ былъ жениться раньше, чѣмъ расчитывалъ. Я оучился такимъ образомъ сразу человѣкомъ съ семействомъ въ 3 дупи, имѣя всего 600 р. въ годъ отъ университета. Только спустя нѣкоторое время университетъ прибавилъ мнѣ до 1.000 р. и потомъ до 1.200 р.,—но зато прибавилась и моя семья. Надо было добывать деньги газетной и журнальной работой. Я сталъ писать корреспонденціи, литературныя критики, а послѣ и передовыя статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (ред. Коршъ, послѣ устранимый гр. Толстымъ). Чаще всего я писалъ о политическомъ положеніи т. наз. Юго-Западнаго Края (Кіевск. генер.-губернаторства), стараясь разсвѣять туманъ, какой о немъ нагнали въ публику тенденціи аристократически-польскія и бюрократически-московскія. Со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. редакція мнѣ предложила писать о славянскомъ вопросѣ и—«вести полемику съ московскими газетами». Я написалъ тогда не мало фельетоновъ и передовыхъ статей, въ которыхъ старался разсматривать російско-польскія и вообще славянскія дѣла съ точки зрѣнія демократически-федеральной. Конечно, я не разъ затрогивалъ и украинскій вопросъ, тѣмъ болѣе, что въ это время я больше сблизился съ кіевскимъ украинофильскимъ кружкомъ,—сильно порѣдѣвшимъ съ 1863 года,—и вновь подошелъ къ украинскому педагогическому вопросу.

Въ 1865 г. введено было на лѣвомъ берегу Днѣпра земство, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ тамъ на очередь вопросъ о народныхъ школахъ. Черниговскіе земцы, между которыми было нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и съ украинскими тенденціями, обратили вниманіе на необходимость употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ школахъ. Тѣмъ часомъ и въ Кіевскомъ ген.-губернаторствѣ увидѣли (даже самъ ген.-губернаторъ Безакъ) необходимость оживить народныя школы, замершія послѣ 1863 г., подъ давленіемъ восторжествовавшего тогда клерикализма, котораго даже въ учебномъ вѣдомствѣ представителемъ былъ новый попечитель кн. Ширинскій-Шихматовъ. Почти въ одно время и пр. Шульгинъ, который сталъ съ 1864 г. редакторомъ офиціознаго журнала «Кіевлянинъ» (въ 1865—1866 державшійся идей хотя монархическаго, но довольно радикальнаго демократизма) и черниговцы предложили мнѣ писать о школьномъ вопросѣ на Украинѣ. Я и написалъ нѣсколько статей объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—между прочимъ: «*Земство и мѣстный элементъ въ обученіи*» и «*О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка*». Въ послѣдней статьѣ (см. № 93, «С.-П.В.» 1866) я между прочимъ разобралъ непригодность для всякихъ, а особенно украинскихъ, школъ «Книги для чтенія въ школахъ кіевского учебнаго округа», изданной кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, вмѣсто той, которая какъ я вспоминалъ выше, составлялась въ 1863 г. учителями Вр. Пед. Школы

Книга кн. Ш.-Ш. начиналась съ церковнославянской части, потому давала статьи на русскомъ официальномъ языкѣ, потомъ народныя пѣсни и рассказы—великорусскіе, и ни слова—украинскаго. Я предлагалъ начинать съ украинскаго элемента и восходить постепенно къ русскому, и въ этомъ усмотрѣнъ былъ моими критиками (особенно въ «Моск. Вѣд.») и самимъ кн. Шир.-Ш. мой *сепаратизмъ*. На бѣду же моя статья была помѣщена 6-го апрѣля 1866 г., а 4-го апр. Каракозовъ стрѣлялъ въ царя. Катковъ самымъ серьезнымъ образомъ увидѣлъ связь между моею статьей и выстрѣломъ Каракозова (см. № «Моск. Вѣд.», кажется, отъ 17 апр. 1866 г.). Кн. Ш.-Ш. пригласилъ меня для объясненій и затѣмъ донесъ министру (новому, гр. Тостому), что «привать-доцентъ Др-овъ принадлежитъ къ партіи украинофиловъ». Министръ приказалъ было предложить совѣту кievскаго университета обсудить, насколько я могу оставаться преподавателемъ въ университетѣ, но кн. Ш.-Ш., не надѣясь на вѣрный успѣхъ, предложилъ отъ себя «ограничиться пока надзоромъ за мною». Надзоръ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ и былъ причиною того, что когда я получилъ въ 1870 г. степень магистра и былъ выбранъ совѣтомъ университета въ шт. доценты и отправленъ за границу отъ университета,—почетитель (новый) и рѣшился конфирмовать мой выборъ и, по сношенію съ министромъ, отложилъ конфирмацію до моего возвращенія въ 1873 г.,—слѣдствіемъ чего было между прочимъ то, что я не получалъ всей суммы денегъ, которую обыкновенно выдаютъ въ Россіи командированнымъ за границу молодымъ ученымъ¹⁾. Теперь я долженъ сказать, что доносъ кн. Ш.-Ш. имѣлъ своимъ послѣдствіемъ окончательное прикрѣпленіе мое къ украинскому направленію, такъ какъ я, по естественной реакціи занялся болѣе старательно изслѣдованіемъ украинскихъ вопросовъ, сначала педагогическаго, потомъ и національнаго вообще. Впрочемъ около того времени образовались и другія нити, привязавшія меня къ украинскому движенію.

Занимаясь древней исторіей, я обратилъ особенное вниманіе на религію и міеологию арійскихъ народовъ. Отъ древнихъ народовъ я перешелъ къ новымъ и здѣсь остановился и на народныхъ преданіяхъ и словесности славянъ и между ними, конечно, украинцевъ. Въ 1867 г. я съ нѣсколькими пріятелями положилъ предпринять изданіе сборниковъ украинской народной словесности, накопившихся у разныхъ лицъ изъ періода увлеченія соби-

¹⁾ Не безынтересно прибавить и то, что на такое отношеніе ко мнѣ начальства имѣла вынѣ и рецензія на мою магистерскую диссертацию, представленная въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ профессоромъ Билъбасовымъ (потомъ редакторъ „Голоса“) и Модестовымъ (потомъ либеральный сотрудникъ втой хамелеонской газеты) и срезюмировававъ затѣмъ Билъбасовымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова. Ученые рецензенты мои упрекали меня между прочимъ за похвальное упоминаніе о статьѣ Чернышевскаго («О причинахъ впаденія Рима», рецензія на Гизо, «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», въ русск. переводѣ) и даже какъ-то истолковали одно мѣсто въ моей книгѣ въ смыслѣ восхваленія царевубійства).

раніємъ этнографическаго матеріала въ недавніе годы. Кстати же это были бы почти единственныя украинскія изданія, не запрещенныя тогда русскою цензурою. Скоро мы издали двѣ книжки сказокъ и двѣ пѣсенъ, а въ 1869 г. я, вмѣстѣ съ проф. Антоновичемъ, заступъ за составленіе свода украинскихъ политическихъ пѣсенъ съ историческимъ комментариемъ, первые два тома которыхъ изданы были въ Кіевѣ въ 1874 г. и 1875 г. подъ заглавіемъ: «*Историческія пѣсни малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова*», т. I (пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, X—XV вв.; пѣсни вѣка казацкаго: А) Борьба съ турками и татарами XV—XVI в.) т. II (пѣсни вѣка казацкаго: В) Борьба съ поляками до см. Богдана Хмельницкаго 1657 г.). Теперь я продолжаю это изданіе одинъ въ Женевѣ подъ заглавіемъ: «*Політичні пісні укр. народу XVIII—XIX ст.*», и выдалъ пока въ 1883 г. первый выпускъ: «*Запорозці 1709—1740*». (Въ 1881 г. я выдалъ резюмэ полит. пѣсенъ XIX ст. подъ заглавіемъ «*Нові українські пісні про громадські справи*»).

Изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности, а особенно политическихъ пѣсенъ, которыя представляютъ собою политическую исторію украинскаго народа, рассказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности украинскаго вопроса въ Россіи и Австро-Венгріи. Изслѣдованіе же пѣсенъ о борьбѣ украинцевъ съ турками, сравнительно съ такими же пѣснями народовъ балканскихъ, заставляло меня вдуматься въ т. наз. восточный вопросъ,—а все вмѣстѣ приводило меня къ мысли о необходимости широкой постановки федерально-демократическаго вопроса во всей восточной Европѣ. Мнѣ казалось, что украинцы, а въ частности кіевляне, должны сыграть важную роль въ этомъ дѣлѣ, но для этого, я думалъ, необходимо имъ побольше политическаго образованія, больше знакомства съ западно-европейской политической наукою, а также съ исторіей и положеніемъ и своей родины, и западныхъ славянъ. На несчастіе, именно историко-филологическій факультетъ въ Кіевѣ былъ особенно неудовлетворителенъ по составу своихъ профессоровъ, именно по тѣмъ кафедрамъ, какія были необходимы по моему идеалу. Я началъ пропагандировать между знакомыми студентами, какъ свой идеалъ, такъ и необходимость приготовляться къ занятію соответственныхъ кафедръ. Но пропаганда моя мало приносила плодовъ между прочимъ потому, что молодежь въ Россіи въ послѣдніе годы отлила отъ гуманитарныхъ наукъ къ естественнымъ и если подъ конецъ и стала вновь интересоваться общественными вопросами, то исключительно экономическими да и здѣсь бросалась на простыя формулы социализма, мало обращая вниманія на сложные вопросы ихъ осуществленія и приложенія въ каждой странѣ.

Въ 1869 г., въ Кіевъ долетѣли отголоски петербургскихъ студенческихъ волненій, произведенныхъ кружкомъ Печаева, какъ

потомъ оказалось, распространявшаго среди молодежи вѣсть, что въ 3. Европѣ 2.000.000 интернаціоналистовъ готовы востать и поддержать социальную революцію въ Россіи. Но для начала этой революціи нечаевцы подбивали студентовъ требовать корпорационныхъ правъ и учреждений: кассъ, сходокъ, столовыхъ. Имѣя земляковъ и пріятелей среди студентовъ, я хотя и радовался пробужденію движенія въ молодежи послѣ сна, который овладѣлъ ею послѣ 1863 г., но старался всячески противодѣйствовать студенческому политиканству, какъ совершенно безплодному. Я совѣтовалъ студентамъ никакихъ демонстрацій не дѣлать, ни о какихъ корпорацияхъ петицій не подавать, (такъ какъ изъ того не вышло бы ничего, кромѣ ни для чего не нужныхъ исключеній и ссылокъ), а просто устроить себѣ кружки и корпораціи и при этомъ главнымъ образомъ для самообразованія и для изученія своей родины (по провинціямъ); вообще же я совѣтовалъ студентамъ смотрѣть на себя не какъ на дѣятелей, а какъ на приготовляющихся къ дѣятельности и пока не считалъ для студентовъ полезнымъ браться за какую-либо общественную работу, кромѣ пробъ обученія рабочихъ въ маленькихъ частныхъ школахъ (по необходимости, тайныхъ). Я былъ очень доволенъ, что кіевскіе студенты послѣ долгихъ споровъ рѣшили никакихъ петицій о студенческихъ корпоративныхъ правахъ не подавать, но съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что заведенныя и въ Кіевѣ тайныя студенческія корпораціи занялись болѣе кассами, столовою, чѣмъ самообразованиемъ и изученіемъ своей страны. Однако съ этого времени въ Кіевѣ образовалось нѣсколько кружковъ и съ такими цѣлями. Въ одинъ изъ нихъ приглашенъ былъ и я, и прочелъ тамъ рефератъ «О положеніи женщины въ украинской народной семьѣ». Послѣ этого реферата я имѣлъ интересное столкновение съ петербургскимъ делегатомъ, поднявшимъ въ кружкѣ вопросъ о женщинахъ. Делегатъ укорялъ меня, зачѣмъ я говорю объ Украинѣ, какъ о чемъ-то особенномъ, когда въ Россіи теперь настаетъ вопросъ «о соединеніи силъ для борьбы съ общимъ врагомъ»,—т. е. правительствомъ. (Столкновение это,—начало моихъ препирательствъ съ великорусскими революціонерами централистами и всероссійскими яacobинцами,—рассказано мною въ книгѣ *«Историческая Польша и Великорусская Демократія»*). Изъ другихъ рефератовъ въ кружкѣ помню—изложеніе *«Капитала»* Маркса, сдѣланное недавно окончившимъ студентомъ, потомъ моимъ близкимъ другомъ, Н. Зиберомъ.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ за границу, на 2 года, но остался 3. Пріѣхалъ я прежде всего въ Берлинъ, черезъ Варшаву и Познань. Въ Варшавѣ я увидѣлъ наглядно «обрусеніе», а въ Познани—«обпрусеніе». Въ Берлинѣ я прожилъ 8 мѣсяцевъ въ самый разгаръ войны съ Франціей. Я посѣщалъ лекціи (особенно Моммсена) и бібліотеку, въ которой я занимался римской и церковной исторіей (я тогда обрабатывалъ статьи, изъ

которыхъ двѣ: «Духовное господство», и «Борьба за духовную власть и свободу совѣсти въ XV—XVII в.»,—были напечатаны въ «Знаніи» и въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—но первая глава моей работы: «Церковь и государство въ Римской имперіи» не была пропущена цензурою въ «Знаніе» и погибла въ петербургскихъ цензурно-редакціонныхъ архивахъ). Остальное время я посвящалъ знакомству съ большимъ европейскимъ городомъ и его жизнию, особенно политическою. Особенно часто я бывалъ на собраніяхъ рабочихъ, гдѣ меня поражали три вещи: чистота костюмовъ рабочихъ, ихъ начитанность и то, что о социальномъ вопросѣ говорятъ не самые бѣдные, а самые богатые (и конечно, самые образованные) рабочіе. Я эти обстоятельства припоминалъ особенно тогда, когда, пріѣхавши въ Цюрихъ въ 1873 г., я засталъ тамъ много молодыхъ людей изъ Россіи, въ томъ числѣ и кievскихъ знакомыхъ, которые толковали о готовности къ социальной революціи русскихъ крестьянъ, особенно голодныхъ самарцевъ.

Немногія сношенія съ высшими классами берлинскаго населенія, не исключая студентовъ и профессоровъ, не внушили мнѣ симпатіи къ пруссакамъ: кромѣ грубости манеръ¹⁾ меня неприятно поражала національная нетерпимость, именно тотъ Uebermuth, который тогда нѣмецкая пресса усматривала въ отношеніяхъ всѣхъ народовъ къ нѣмцамъ. Особенно этотъ Uebermuth и Rauehass проявлялся въ отношеніи къ славянамъ и въ частности къ русскимъ. Въ Лейпцигѣ я нашелъ больше мягкости, но первыя слова, которыя мнѣ сказалъ одинъ молодой профессоръ, были: «Мы съ русскими будемъ друзьями, пока они не придутъ отнимать у насъ—Богемію!» Изъ Лейпцига я поѣхалъ въ Баутценъ, Прагу²⁾, Вѣну,—и сталъ знакомиться съ славянами и, въ частности, съ нашими соплеменниками—галичанами. При этомъ я собиралъ въ разныхъ библіотекахъ матеріалы для сравнительнаго комментарія къ «Историческимъ пѣснямъ Малорусскаго народа». Какъ эти матеріалы, такъ и впечатлѣнія мои отъ славянскихъ земель мнѣ пришлось сводить въ Гейдельбергъ и во Флоренціи среди занятій древностями.

Въ Гейдельбергѣ (осенью 1871 г.) я написалъ статью: «Восточная политика Германіи и обрусеніе», которая напечатана была въ №№ 2—5 «Вѣстника Европы» 1872 г. Точкою отправленія моего была мысль, что послѣ объединенія Италіи, паденія Наполеона, объединенія Германіи,—слѣдующій историческій моментъ долженъ быть—паденіе Турціи и абсолютизма въ Россіи. Этотъ процессъ, который можно назвать эмансипаціей славянъ,—усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что германская раса дви-

¹⁾ Я замѣтилъ, что въ Берлинѣ только одни социаль-демократы отличались вѣжливостью.

²⁾ Въ Прагѣ я былъ во время переговоровъ чеховъ съ гр. Гогенвартомъ, о паденіи котораго я узналъ въ Вѣнѣ.

жется на Востокъ, гдѣ стремится господствовать надъ славянами. Русскій абсолютизмъ, на который многие въ славянствѣ смотрятъ какъ на освободителя и конкурента воинственному германизму, есть въ сущности сознательный и бессознательный союзникъ послѣдняго, особенно тогда, когда онъ, желая подражать Пруссіи, пробуетъ «обрусеніе» западныхъ провинцій Россіи, подобно тому, какъ Пруссія германизируетъ свои восточныя провинціи. Между тѣмъ это обрусеніе уже потому невозможно, что оно не можетъ опереться на колонизацію; оно только ослабляетъ мѣстные народныя элементы и дѣлаетъ ихъ менѣе способными противодѣйствовать чужому напору съ запада: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Зап. Украинѣ—польскому, а въ самой Польшѣ—нѣмецкому. Выводъ: всѣхъ политики централизаціи и обрусенія во всей западной половинѣ Россіи приличнѣе политика самоуправленія областей и національностей, основанная на демократическомъ принципѣ. Такая политика дастъ Россіи особенную силу и въ Восточномъ вопросѣ. Эти мысли я подкрѣплялъ въ моей статьѣ разборомъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, содѣланныхъ Германіи захватъ бассейна Вислы, а Австріи — Дуная и Балканъ, обзоромъ отношенія поляковъ и великорусскихъ централистовъ къ возрожденію литовскому, бѣлорусскому и украинскому,—отношенія русскія либераловъ, славянофиловъ и правительства къ польскому вопросу,—въ концѣ я сдѣлалъ проектъ либерально-демократическихъ реформъ въ Польшѣ. Въ 1875 г. я развилъ тѣ же мысли другими фактами въ статьѣ «Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ» (тоже Вѣстн. Евр.), въ которой между прочимъ показалъ, что т. наз. «польская интрига», т. е. подчиненіе польскимъ помѣщикамъ и ихъ агентамъ,—евреямъ, украинскаго населенія—есть не что иное, какъ плодъ русской консервативной политики со временъ Екатерины II.

Тѣсно связаны съ этими статьями мои сочиненія о русинахъ (украинцахъ) въ Галиціи. Я написалъ нѣсколько статей объ этомъ предметѣ еще въ Россіи, а потомъ въ Флоренціи въ 1872 г. написалъ большую статью, которую редація «В. Евр.» раздѣлила на *два* (*Русскіе въ Галиціи* и *Литературное движеніе въ Галиціи* «В. Евр.» 1873 г.). Познакомившись съ галичанами въ Вѣнѣ и войдя въ переписку съ львовскими литераторами молодой, или народной, или украинской партіи¹⁾, я замѣтилъ, что какъ въ мнѣніяхъ, какія имѣютъ въ Россіи относительно галицкихъ партій, такъ и въ понятіяхъ самихъ галичанъ существуетъ много недоразумѣній. Такъ напр. «старую» партію считаютъ «русскою», или «московскою», а «молодую»—украинскою, — по ихъ литературнымъ и политическимъ стремленіямъ. Между тѣмъ въ сущности обѣ партіи—прежде всего австро-рутенныя клерикальнаго пошиба и въ литературѣ и въ политикѣ. Затѣмъ

¹⁾ Въ 1873 г. при помощи моихъ кievскихъ друзей, возобновлено было изданіе изданаго «Правда», и я получалъ приглашеніе писать въ нее.

старая партія хотя и говорить о единствѣ литературнаго языка съ Россіей, на самомъ дѣлѣ даже не знаетъ русской литературы, особенно новой, такъ что въ этомъ отношеніи ближе къ Россіи партія украинская, которая, зная по крайней мѣрѣ хоть русскую литературу объ Украинѣ и писанія на украинскомъ языкѣ, все же вошла въ нѣкоторое моральное общеніе съ образованными людьми въ Россіи. Я замѣтилъ кромѣ того, что галичане, несмотря на свое болѣе западное положеніе, въ идейномъ отношеніи болѣе отстали отъ Европы, чѣмъ россияне, и что въ этомъ отношеніи партія «Московская» болѣе отстала, чѣмъ украинская, которая заимствовала нѣкоторыя новоевропейскія стремленія (демократизмъ, антиклерикализмъ) отъ украинской литературы изъ Россіи. Изложивъ все это въ своихъ статьяхъ, я составилъ планъ: распространить въ Галиціи украинское направленіе посредствомъ новой русской (великорусской) литературы, которая своимъ свѣтскимъ и демократическимъ характеромъ подорветъ въ Галиціи клерикализмъ и бюрократизмъ и обратитъ молодежь къ демосу, а такъ какъ демосъ тамъ украинскій, то украинское національное самосознаніе получится тамъ само собою. Планъ этотъ я изложилъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ галицкомъ обзорѣніи «Правда» (на укр. яз.)—«*Литература російська, великоруська, українська і галицька*» (1873) и потомъ развивалъ его въ разныхъ статьяхъ въ газетѣ «*Кіевскій Телеграфъ*» (1875) и въ львовской москвофильской студенческой газетѣ «Другъ» (1875—76), которая постепенно сдѣлалась въ моемъ смыслѣ украинофильскою.

Всѣ эти статьи мои приобрѣли мнѣ очень много враговъ въ галичанахъ обѣихъ партій,—да и сами російскіе украинофилы не совсѣмъ были довольны моими идеями и планомъ своеобразнаго «обрусенія» галичанъ,—но все же мнѣ удалось убѣдить ихъ устроить русскую бібліотеку въ Вѣнѣ (при обществѣ «Січ»), послать много русскихъ книгъ въ Львовъ (гдѣ онѣ по большей части достались обществу «Просвіта»). Потомъ, когда меня удалили отъ профессорства, и когда студенты кіевскіе предложили мнѣ прощальный банкетъ, я попросилъ ихъ употребить лучше деньги на покупку книгъ о Россіи (съ Украиной) для бібліотеки студенческаго общества «Союзъ» въ Черновцахъ (въ Буковинѣ). Смѣло могу сказать, что ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько «московскихъ» (русскихъ) книгъ, какъ я, украинскій «сепаратистъ». Я могъ считать свой планъ удавшимся, когда въ 1876 г. два студенческія общества въ Львовѣ, украинофильское «Дружескій лихварь» и москвофильское «Академическій кружокъ», рѣшили соединиться,—и когда москвофильскій, въ сущности рутенскій,—«Другъ», напечатавъ, по моему указанію, нѣсколько статей на чистомъ «московскомъ» языкѣ (что должно было, между прочимъ, показать, что языкъ галицкихъ общеруссовъ вовсе не похожъ на настоящій «московскій» (русскій) языкъ), въ то же время призналъ, что

прежня писанія галицкихъ псевдообщеруссовъ—безобразная макароническая мѣшанина,—и объявилъ, что основою живой литературы въ Галиціи, можетъ быть только народный языкъ,—т. е. украинскій. вмѣстѣ съ тѣмъ «Другъ» заявлялъ желаніе изучать народную жизнь, особенно экономическую, которую совсѣмъ пренебрегали прежнія галицкія партіи, видѣвшія всю причину бѣдности народа «въ пьянствѣ и лѣности». Изъ редакторовъ «Друга» вышли потомъ первые галицкіе социалисты, которые во всякомъ случаѣ первые подняли въ Галиціи экономическіе вопросы, а также вопросъ о соединеніи демократій русинской и польской.

Но я забѣгаю уже впередъ. Возвращаюсь къ 1873 г. Въ началѣ этого года, еще въ Италіи, я получилъ изъ Цюриха литографированную программу «Впередъ», а лѣтомъ, по дорогѣ въ Россію, прожилъ мѣсяца 1½ въ Цюрихѣ, гдѣ нашелъ не мало своихъ кievскихъ знакомыхъ, бывшихъ студентовъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ редакціей «Впередъ». Цюрихскіе русскіе раздѣлялись тогда на *бакунистовъ*, или анархистовъ, державшихся программы Alliance Socialiste, и на *лавристовъ*, которыхъ идеи представляли сходство съ идеями интернационалистовъ фракціи Маркса или нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Мнѣ казалось, что обѣ программы еще преждевременны для Россіи, въ которой даже социалистамъ прежде всего надо добиваться политической свободы. Само собою разумѣется, что мои идеи найдены были въ Цюрихѣ отсталыми и даже, мои кievскіе знакомые увѣряли, что въ Россіи, за время моего отсутствія (2½ года!) успѣла образоваться рабочая партія вродѣ европейскихъ. Другіе говорили, что все хрестыянство, начиная съ голодавшихъ тогда самарцевъ, готово къ возстанію. Впрочемъ, одиъ кievлянинъ, очень близкій къ редакціи «Впередъ», разъ признался мнѣ въ пріятельской бесѣдѣ, что такъ (и ?) убѣжденъ, что «первый вопросъ въ Россіи будетъ вопросъ конституціи, а что то, о чемъ мы тутъ говоримъ въ Цюрихѣ, при насъ и останется». На мой вопросъ о томъ, почему же онъ этого не высказываетъ на сборахъ у Лаврова и зачѣмъ въ «Впередъ» говорится другое, я получилъ отвѣтъ, что если это высказать, то вся молодежь упадетъ отъ «Впередъ», никто не захочетъ ни писать въ немъ, ни перевозить его, а изъ «либераловъ» партіи дѣйствія теперь не составишь.

Понятно, что мнѣ все это не понравилось, равно какъ и отношеніе «Впередъ» къ украинскому вопросу (разобранное мною въ «Исторической Польшѣ и Великорусской демократіи»). Да и вообще я убѣдился, что всѣ любезности впередцевъ ко мнѣ объясняются расчетомъ, что, при моей, еще тогда не подорванной популярности въ Галиціи, я могу помочь имъ въ перевозкѣ ихъ изданій въ Россію. Эту перевозку я и постарался имъ облегчить, а въ дальнѣйшія отношенія рѣшилъ не пускаться и вести свою работу самостоятельно.

Я очень хотѣлъ остаться въ Вѣнѣ и начать свое изданіе на

русскомъ и украинскомъ языкахъ. Но прїѣхавши въ Вѣну, засталъ молодыхъ галичанъ хотя и подвинувшимися съ 1871 г., все же мало еще европейцами, и рѣшилъ ѣхать въ Россію, тѣмъ болѣе, что надо-же было приняться за изданіе «Историческихъ пѣсенъ украинскаго народа», и кромѣ того вообще осмотрѣться въ Россіи. Дорогой я увидѣлъ Галицію и тамошнихъ украинофиловъ. Я съ нимъ не сошелся, такъ какъ они тогда находились подъ вліяніемъ свящ. Качалы, который, по реакціи противъ старыхъ рутенцевъ, такъ долго служившихъ партіи австро-нѣмецкихъ централистовъ,—присталъ къ партіи магнатско-клерикальныхъ федералистовъ вродѣ кн. Юр. Чарторыйскаго. Я находилъ этотъ союзъ совсѣмъ страннымъ для поклонниковъ Шевченка, и первымъ моимъ дѣломъ по прїѣздѣ изъ Львова въ Кіевъ была редакція деклараціи (которую подписало 45 кіевскихъ украинцевъ) противъ брошюры Качалы «Политика Русиновъ» и противъ обѣихъ галицкихъ партій. Декларация наша гласила, что основой нашей политики могутъ быть только: въ культурѣ—раціонализмъ, въ политикѣ—федерализмъ, въ соціальныхъ вопросахъ—демократизмъ.

Въ Кіевѣ я засталъ большое оживленіе украинцевъ. Старшіе (б. ч. учителя гимназій) составляли зерно новооткрытаго юго-западнаго отдѣла русскаго географ. общества, молодые, студенты, собирались въ кружки и работали надъ словаремъ, подумывали и о популярныхъ книжкахъ. Но не понравилось мнѣ въ кіевскихъ украинофилахъ многое: во-первыхъ уступчивость официальному міру и заигрываніе съ консервативными кругами,—а въ молодежи даже вражда къ «радикаламъ», какъ тогда звали соціалистовъ; во-вторыхъ—большая отсталость отъ европейскихъ идей научныхъ и политическихъ, и претензія рѣшать всѣ вопросы однимъ національнымъ духомъ, какъ у московскихъ славянофиловъ. Къ моему удивленію студенты украинскаго кружка, даже болѣе способные и ученые, не знали иностранныхъ языковъ, и потому, воображая быть самостоятельными отъ «московской» цивилизаціи, но самомъ дѣлѣ не могли стать выше ея, а становились даже ниже русскихъ радикаловъ, которые тоже неспособны были черпать идеи прямо изъ Европы, но все же читали Милля, Маркса, Лассалья, и т. д. хоть въ русскихъ переводахъ. Все это мнѣ казалось тѣмъ болѣе ненормально, что, по моему, наибольшая часть національныхъ отличій Украйны отъ Московіи объясняется тѣмъ, что Украйна до XVIII столѣтія была болѣе связана съ З. Европой и хоть съ замедленіемъ (благодаря татарамъ) но все же шла за одно съ З. Европой въ общественномъ и культурномъ прогрессѣ. Пребываніе въ З. Европѣ окончательно убѣдило меня, что именно европеизмъ,—или космополитизмъ, который не отрицаетъ частныхъ національныхъ варіацій общихъ идей и формъ,—и есть лучшая основа для украинскихъ автономныхъ стремленій, и что теперь всякая научная, какъ и политическая дѣятельность должна быть основана на интернаціональномъ фундаментѣ.

Послѣднюю мысль я проводилъ въ своихъ университетскихъ

лекціяхъ, въ рефератахъ и дебатахъ географическаго общества, въ статьяхъ и бесѣдахъ съ молодежью,—конечно, въ каждой сферѣ соответственнымъ образомъ. Въ лекціяхъ и рефератахъ я напиралъ на сравнительный методъ. Въ университетѣ я читалъ курсъ древней исторіи, который началъ съ обзора историографіи, потомъ перешелъ къ первобытной культурѣ и далѣе къ Древнему Востоку (отставка застала меня на Ассиріи). Въ географическомъ обществѣ я читалъ рефераты о точкахъ соприкосновенія между народными пѣснями украинскими и западно-европейскими. (Одна изъ моихъ работъ: «*Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ*» напечатана въ II т. «Записокъ Юго-Зап. Отд. Р. Геогр. Общ.»; другая—большая, резюмэ которой я представилъ на кievскомъ археологическомъ конгрессѣ 1874 г.—«*Пѣсни и сказанія о кровосмѣшеніи*» [Эдипъ въ славянской народной словесности и сказаніе о разлученныхъ братьяхъ и сестрахъ]—до сихъ поръ не могла найти себѣ издателя въ Россіи). Сравнительный комментарий я внесъ и въ «*Историческія пѣсни малорусскаго народа*», первый томъ котораго я издалъ вмѣстѣ съ проф. Антоновичемъ къ Археолог. конгрессу 1874 г. Въ политическую ампію въ Кіевѣ я сначала вмѣшивался мало, будучи занятъ учебной работой и дѣлами галицкими. При встрѣчахъ съ молодежью «*Фидикальною*» и украинскаго направленія, я всегда говорилъ, что не понимаю ихъ раздѣленія, такъ какъ, по обстоятельствамъ Украйны, «здѣсь плохой тотъ украинофилъ, который не сталъ радикаломъ, и плохой тотъ радикалъ, который не сталъ украинцемъ».

Мало-по-малу обстоятельства таки втянули меня въ политику, и самаго неприятнаго для меня характера. Я уже сказалъ, что попечитель отложилъ утвержденіе меня шт. доцентомъ до моего возвращенія изъ-за границы. Я пріѣхалъ къ 1 сент. 1873 г. и засталъ въ Кіевѣ самого министра, гр. Толстого, который пробылъ въ Кіевскомъ округѣ до 2-хъ мѣсяцевъ, ревизуя его. Все это время попечитель не утверждалъ меня, боясь, какъ бы я на вступительной лекціи или на приемѣ не сдѣлалъ чего-либо неприятнаго гр. Толстому. Наконецъ гр. Толстой уѣхалъ, и я былъ утвержденъ. Но въ концѣ пребыванія гр. Толстого его поклонники устроили ему демонстрацію—обѣдъ съ рѣчами,—которыя были напечатаны въ «Кіевлянинѣ» съ прибавкою похвальныхъ словъ отъ редактора Шульгина, тѣмъ болѣе странныхъ, что этотъ Шульгинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда газета его зависѣла отъ генераль-губернатора (ген. Безака), а не отъ министерства нар. проsv., часто выступалъ противъ школьной политики гр. Толстого¹⁾. На этомъ дѣло не стало: «Московскія Вѣдомости» напи-

¹⁾ Политика эта вообще реакціонно-аристократическая, въ частности отличалась стремленіемъ задержать ростъ элементарныхъ народныхъ школъ, такъ что министерство нар. проsv. въ концѣ 60-хъ г.г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ напр. не хотѣло даже расходовать тѣхъ 170—180.000 р., которыя ген. губ. Безакъ ассигновалъ ему на нар. школы въ Юго-зап.

сали статью по поводу кievскаго обѣда, въ которой вспомнили о томъ, какъ противъ гр. Толстого будто-бъ-то искусственно поднималась (врагами Россіи) агитація въ обществѣ, но какъ теперь общество начинаетъ цѣнить систему гр. Толстого—доказательство обѣдъ, данный въ Кіевѣ, «матери городовъ русскихъ, откуда дважды пошло въ Россію просвѣщеніе».

Такая подтасовка, обидная для Кіева, меня сильно возмутила, и я написалъ замѣтку, въ которой указывалъ, что «М. В.» неправильно представили смыслъ кievскихъ рѣчей гр. Т—ому. Такъ, напрасно было-бы принимать одного изъ ораторовъ ректора Бунге за поклонника классицизма, когда онъ въ свое время писалъ статьи въ пользу реального образованія. Изъ всѣхъ ораторовъ только тайный совѣтникъ Юзефовичъ¹⁾ прямо восхвалялъ гр. Т—ого за то, что будто-бы этотъ спасъ школы отъ разложенія, но этотъ же самый Юзефовичъ на банкетѣ Пирогова защищалъ школу того времени отъ упрековъ въ разложеніи и доказывалъ превосходство этой школы надъ прежнею. Моя замѣтка, помѣщенная въ 12 № «Вѣстника Европы», конечно, вызвала противъ меня гнѣвъ реакціонныхъ кружковъ Кіева и редактора «Кіевлянина». Прямо напасть на меня лично сначала стѣснились, а потому начали нападать на К. географическ. общество, котораго я былъ дѣятельнымъ членомъ. Это общество стали называть украинофильскимъ кагаломъ, который, подъ флагомъ науки, проводитъ политическій сепаратизмъ. Нападенія (въ «Кіевлянинѣ», «Голосѣ», «Русск. Вѣстникѣ») стали сильнѣе, когда начались въ Россіи массовые аресты социалистовъ, въ 1874 г. Это случилось какъ разъ въ то время, когда въ Кіевѣ происходилъ археологическій конгрессъ, на которомъ украинскій кружокъ игралъ видную роль. Какъ только разнесся слухъ объ арестахъ, сейчасъ же появилась въ «Кіевлянинѣ» статья пріѣхавшаго на конгрессъ редактора галицкой газеты «Слово», органа старой партіи (Площанскаго), въ которой я представленъ былъ вреднымъ для русско-славянскаго единства, польско-революционнымъ агентомъ. Вслѣдъ за тѣмъ «Кіевлянинъ» самымъ безсовѣстнымъ образомъ искавилъ мои рефераты на конгрессѣ, приписавъ мнѣ мысль, что между украинской и великорусской нар. словесностью не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ украинцы—арійцы, а великоруссы—туранцы²⁾. Кіевскія клеветы на меня перепугали петербургскую цензуру, такъ что она вырѣзала изъ Вѣстн. Европы

край изъ специальныхъ средствъ края. Фактъ этотъ, опубликованный наконецъ въ «Кіевлянинѣ», подвергъ было гр. Т—ого ироническимъ замѣчаніямъ въ печати и даже въ официальныхъ кругахъ.

¹⁾ Еще въ 1847 г. предавшій Костомарова и др.

²⁾ Насколько это безсовѣстная клевета на меня, прежде всего какъ на ученаго, это можетъ видѣть всякій, кто прочтетъ мои работы: «Историч. пѣсни малорусскаго народа»,—«Къ вопросу о сгѣдахъ великорусскаго эпоса въ Малороссіи»,—«Малорос. нар. преданія и рассказы» и др. Что касается до теоріи о туранизмѣ великоруссовъ, то теорія эта, пущенная полякомъ Духанскимъ, была мною опровергаема даже въ Зап. Европѣ, въ статьѣ «Il movimento letterario ruteno in Russia e Gallizia», напечатанной въ «Riviste Europa» 1873 г.

(сент.—окт. 1875) большую статью мою: «Десять лѣтъ украинской беллетристики»,—въ которой я старался показать, что украинское движеніе сильно не тогда, когда оно гоняется за поверхностнымъ націонализмомъ и мечтами о государственной самостоятельности, но когда оно имѣетъ въ виду общечеловѣчскіе интересы культуры и соціальныя интересы демоса. Послѣ я успѣлъ гораздо яснѣе провести эту же мысль въ статьяхъ «Новожелтское и провансальское движеніе во Франціи» (В. Е. 1875. авг. и сент). Другая статья моя (и моей жены) «Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи», помѣщенная въ «В. Е.» въ август. книжкѣ 1875 г., успѣла проскочить раньше кievскихъ доносовъ и начала было возбуждать толки въ педагогическ. мірѣ, но послѣ доносовъ эти толки должны были замолкнуть.

Понемногу я сталъ чувствовать и административныя когти. Меня пригласилъ попечитель и заявилъ, что министръ недоволенъ мною, такъ какъ я будто бы заявилъ на вступительной лекціи, что буду читать исторію въ социалистическомъ направленіи. Оказалось, что г. министръ или тотъ доносчикъ, который ему сообщилъ о моей лекціи (говорятъ, профессоръ Х.) привнесъ слово социологія за социализмъ. Въ отвѣтъ на доносъ я послалъ свою лекцію въ «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.», гдѣ она и была напечатана подъ заглавіемъ «Положеніе и задачи науки древней исторіи». Затѣмъ мнѣ не дозволено было читать публичныя лекціи о первобытной культурѣ. Наконецъ, въ маѣ 1875 г., въ концѣ семестра, попечитель объявилъ мнѣ желаніе министра, чтобы я оставилъ кievскій университетъ. Я спросилъ о причинѣ. Попечитель сказалъ мнѣ, что я въ заграничныхъ изданіяхъ проповѣдываю «отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи и присоединеніе ея къ Польшѣ». Я отъ души разсмѣялся и обѣщалъ представить попечителю польскія рецензіи на мои заграничныя публикаціи («Il movimento ruteno» и «Литература російска» и пр.), рецензіи, въ которыхъ меня прямо называютъ московскимъ агентомъ. Подать въ отставку и тѣмъ признать обвиненія, абсурдныя и несправедливыя, я отказался, замѣтивъ, что министръ, какъ всякій начальникъ въ Россіи, можетъ уволить меня безъ прошенія, по 3-му пункту, какъ говорятъ въ Россіи.

Вслѣдъ за тѣмъ я уѣхалъ на вакаціи въ Галицію, Буковину и Венгрію, причеиъ повезъ съ собою маленькую сумму денегъ, собранную пріятелями, въ помощь герцеговинцамъ, тогда только начавшимъ свое знаменитое возстаніе. Это, я увѣренъ, было первое пособіе для герцеговинцевъ, явившееся изъ Россіи. Во время поѣздки моей по Галиціи я былъ на русинскомъ митингѣ въ Галичѣ, конечно, только въ качествѣ зрителя, но тамошніе «москвофилы» послали въ Кіевъ проф. Гогоцкому телеграмму, будто я провозгласилъ отдѣленіе Украины отъ Россіи и союзъ ея съ Польшей. Телеграмма эта была передана въ министерство. Между тѣмъ министръ гр. Толстой, получивъ отъ кievскаго попечителя мой отвѣтъ на предложеніе подать въ отставку, доложилъ

обо мнѣ царю, представивъ меня, конечно, сепаратистомъ. Царь распорядился: вновь предложить мнѣ подать прошеніе объ отставкѣ изъ кievскаго университета и затѣмъ не принимать меня въ южные университеты (харьковскій и одесскій), но не закрывать мнѣ университеты сѣверные, великорусскіе. вмѣстѣ съ тѣмъ царь назначилъ комиссію (изъ министра нар. проsv. гр. Толстого, мин. вн. д. Тимашева, шефа жандармовъ Потапова и т. с. Юзефовича) для разслѣдованія украинскаго движенія и прінятія мѣръ противъ него. О назначеніи такой комиссіи царь самъ объявилъ въ Кіевѣ въ началѣ сентября 1875 г.

Хотя приказаніе царя обо мнѣ было получено въ Кіевѣ еще въ началѣ августа, однако рѣшили не объявлять его мнѣ, пока царь не пробѣдетъ. Какъ только это совершилось, 7 сент. 1875 г., попечитель вновь предложилъ мнѣ подать въ отставку. Я вновь отказался, и былъ уволенъ по 3-му пункту, что равносильно удаленію отъ всѣхъ видовъ государственной службы. Отъ назначенной царемъ комиссіи можно было ожидать новыхъ репрессалій противъ украинской литературы, а потому надо было пріять мѣры къ продолженію ея за границей. Я сталъ готовиться къ выѣзду въ Австрію и оставался только, чтобъ окончить начатыя работы: 1) «*Малорусскія народныя преданія и рассказы*», — 2) «*Повісті О. Федьковича*» (изъ Буковины) с переднимъ словомъ про галицко-руське письменство 3) «*Про Украинскіхъ козакиъ, татаръ та туркиъ*». Последнее—популярная брошюрка по поводу герцеговинскаго возстанія, имѣвшая цѣлью связать агитацію по восточному вопросу съ національными украинскими традиціями. Кіевскіе же и одесскіе украинцы того времени сильно интересовались сербскимъ возстаніемъ какъ по своимъ славянскимъ симпатіямъ, такъ и потому, что ждали, что это возстаніе будетъ имѣть такое-же значеніе, какое имѣло греческое возстаніе въ 20-е годы, а именно разорветъ Dreikaiserbund (апологія съ легитимистическимъ Свящ. Союзомъ) и подниметъ политическую агитацію на Востокъ Европы и въ Россіи (Въ цензурной формѣ я выразилъ эту мысль въ замѣткѣ въ «*Кіевскомъ Телеграфѣ*» при первой вѣсти о началѣ герц. возстанія, которую передалъ мнѣ пріятель-украинецъ, жившій тогда въ Прагѣ для печатанія полнаго собранія сочиненій Шевченка). Кіевскіе и одесскіе украинцы еще съ осени 1875 (задолго до Черняева) составили комитеты для отправленія въ Герцеговину волонтеровъ. Въ Одессѣ впрочемъ въ комитетѣ участвовали и «радикалы» (Желябовъ), которые тамъ больше сближались съ украинцами.

Въ началѣ 1876 г. я явился къ кievск. ген.-губ. кн. Дондукову-Корсакову, просить паспорта за границу, съ тѣмъ что, (располагая, если его не дадутъ, ѣхать безъ паспорта. Отъ кн. Д.-К. я узналъ, что паспорта онъ мнѣ дать не можетъ, такъ какъ осенью 1875 г. онъ получилъ отъ шефа жандармовъ по приказу царя изъ Ливадіи распоряженіе взять меня подъ строжайшій надзоръ полиціи съ предоставленіемъ ему, Д.-К., права во всякое

время выслать меня въ любое мѣсто въ отдаленныхъ губерніяхъ. Кн. Д.-К. впрочемъ заявилъ мнѣ, что онъ ничего не имѣетъ противъ меня и потому пошлетъ въ Петербургъ депешу о дозволеніи мнѣ выдать паспортъ. Черезъ 3 дня дозволеніе было получено, и я выѣхалъ черезъ Галицію и Венгрію въ Вѣну, гдѣ сталъ готовиться къ изданію укр. сборника «Громада» (Die Gemeinde).

Между тѣмъ комиссія по укр. вопросу собралась и въ маѣ 1876 г. постановила: запретить украинскія изданія, спектакли и концерты, закрыть кievское отдѣленіе геогр. общества (которое передъ тѣмъ только что получило 2 серебряныхъ медали отъ главнаго петерб. общества и благодарность императора за производство однодневной переписи въ Кіевѣ и въ 2¹/₂ года напечатало 4 тома матерьяловъ), воспретить жительство въ украинскихъ губерніяхъ и въ столицахъ Драгоманову и Чубинскому (послѣдній сдѣлалъ, по порученію петербургск. геогр. о-ва, статистико-этнографическую экспедицію въ Юго-Западный край, собралъ матерьяловъ на 7 огромныхъ томовъ, изданныхъ петербургскимъ геогр. о-вомъ, и особенно хлопоталъ объ основаніи геогр. общ. въ Кіевѣ, коего и былъ вице-предсѣдателемъ. Впрочемъ, по ходатайству кн. Д.-К. Ч—ому было позволено остаться на 1/2 года въ Кіевѣ и потомъ онъ поступилъ на службу въ Петербургъ). Такимъ образомъ я косвенно былъ осужденъ на эмиграцію. Въ то же время австрійское правительство стало конфисковать украинскія брошюры соціально-демократическаго содержанія,—а потому я рѣшилъ перенести изданіе «Громады» въ Женеву, куда и переселился осенью 1876 г.

Тутъ я издалъ съ тѣхъ поръ 5 томовъ «Громады» и нѣсколько популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, не считая беллетристики и монографій разныхъ авторовъ, а также нѣсколько брошюръ на русскомъ языкѣ; кромѣ того двѣ книжки «Громады» издано было въ 1881 г. мною вмѣстѣ съ С. Подолинскимъ и галичаниномъ М. Павликомъ, да двѣ монографіи объ укр. нар. словесности («Нові українські пісні про громадські справи» и «Політичні пісні укр. народа») изданы мною отдѣльно. Кромѣ того я написалъ нѣсколько статей объ Украинѣ и ея политико-соціальныхъ вопросахъ въ «le Travailleur», въ «Revue Socialiste», и брошюру «La littérature oukrai niennne proscrite par le gouvernement russe» (1878), которую потомъ я передѣлалъ по итальянски для «Rivista minima» 1881 г. въ значительно увеличенномъ видѣ подъ заглавіемъ «La letteratura di una nazione plebea».

Планъ литературно-политической работы я себѣ поставилъ такой: 1) прежде всего дать какъ можно больше матерьяла для изученія Украини и ея народа, его культурныхъ начинаній и стремленій къ свободѣ и равенству, 2) Какъ этимъ матерьяломъ, такъ и изложеніемъ западно-европейскихъ либеральныхъ и соціально-демократическихъ идей, способствовать организаціи въ Украинскихъ земляхъ въ Россіи и Австріи политическихъ круж-

ковъ, которые бы взялись за освобожденіе народа культурное, политическое и социальное.

Будучи социалистомъ по своимъ идеаламъ ¹⁾, я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній. Такъ какъ Украина,—моя родина, раздѣлена на двѣ части—Австрійскую и Россійскую, и такъ какъ въ первой существуетъ извѣстная политическая свобода, которой въ Россіи нѣтъ, то, по моему, дѣятельность социалистовъ въ каждой части должна быть разная: въ Австріи возможно приступать къ организаціи собственно социалистической партіи изъ рабочихъ и крестьянъ русиновъ, въ союзѣ съ поляками и евреями; въ Россіи же нужно прежде всего добиться политической свободы; социалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же политическую свободу въ Россіи украинская нація, по моему мнѣнію, можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма.

Сообразно этимъ убѣжденіямъ я установилъ себѣ такое раздѣленіе литературной работы ²⁾: 1) Писать по-украински все, имѣющее непосредственное отношеніе къ Украинѣ и къ распространенію въ ней социалистическихъ идей. 2) Писать по-русски разные вещи политически-либеральнаго и федеральнаго характера, слѣдя за всѣми событіями, которыя волнуютъ публику въ Россіи ³⁾.

Первой цѣли служить у меня преимущественно «Громада», второй—брошюры и статьи въ русскихъ журналахъ, а теперь особенно газета «Вольное Слово».

Сербо-болгарское движеніе и потомъ война съ Турціей давали мнѣ, конечно, удобный поводъ для проведенія либеральныхъ идей на русскомъ языкѣ. Я попробовалъ излагать ихъ въ Россіи

¹⁾ Прибавлю: социалистомъ западно-европейской школы, но не русскимъ выгилитомъ,—название, которымъ я, встрѣчая его въ газетахъ въ приложеніи къ себѣ, оскорбляюсь сильно. Я вложилъ въ IV томѣ „Громады“, въ статьѣ „Шевченко, українофіли і соціалізмъ“ свой взглядъ на антикультурный элементъ и націоналистическое самоослѣпленіе у русскихъ революціонеровъ и народниковъ школы Бакунина и Лаврова, восхитавшихся Ст. Разиннымъ и Пугачевымъ, великорусскимъ расколомъ и т. п.

²⁾ Такъ какъ въ газетахъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ по поводу разныхъ процессовъ не разъ говорилось обо мнѣ, какъ о шефѣ или членѣ разныхъ революціонныхъ организацій въ Женевѣ, и о моихъ агентахъ, то немалымъ считаю прибавить, что выѣхавъ изъ Россіи за границу для литературной работы, я положилъ себѣ правиломъ ни въ какихъ практическихъ заговорахъ не участвовать и ограничиться одною литературною дѣятельностью. Для заговоровъ и практической агитаціи я не чувствовалъ въ себѣ способностей, а кромѣ того думалъ, что эмиграція не даетъ для этого ни удобства, ни права.

³⁾ Конечно, я при случаѣ стараюсь писать и на другихъ языкахъ, если вижу возможность распространять этимъ свои идеи. Такъ, кромѣ разныхъ брошюръ и статей я съ радостью сотрудничалъ у Редлю при составленіи книгъ очерка Европейской Россіи, потому что тутъ былъ мнѣ случай познакомить европейскую публику съ Украиной и помочь изложить географію всей Россіи съ федеральной точки зрѣнія.

и послалъ изъ Женевы въ 1876 г. въ петербургскую газету «Молва» статью «*Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ*», въ которой пробовалъ высказать, что только свободная Россія можетъ освободить балканскихъ славянъ. Но газета была за мою статью запрещена на 8 мѣсяцевъ, и тогда я сталъ проводить свою мысль въ брошюрахъ, издаваемыхъ въ Женевѣ: «*Турки внутренніе и вѣнскіе*» (1876 ¹⁾), «*Внутреннее рабство и война за освобожденіе*» (1877), «*До чего довоевались?*» (1878). Во второй изъ этихъ брошюръ я изложилъ minimum политическихъ реформъ въ Россіи, который повторилъ и въ брошюрѣ «*До чего довоевались?*», написанной преимущественно для офицеровъ арміи.

Мои политическія брошюры сначала вызвали неудовольствіе русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, но брошюра: «*До чего довоевались?*» была, наконецъ, перепечатана петербургской тайной типографіей и принята за границу, какъ прокламація «Исполнит. Комитета р.-соц.-рев. партіи», а я самъ зачисленъ былъ газетными репортерами въ русскіе нигилисты и террористы, въ то самое время, какъ мой критикъ, «русскій социалистъ-революціонеръ народникъ» Як. Стефановичъ, поражалъ меня въ «Общинѣ», какъ «конституціоналиста» и противника р. соц.-р-овъ.

Я дѣйствительно постепенно все больше и больше становился противникомъ русскихъ революціонеровъ. Кромѣ ихъ великорусскаго централизма и антикультурныхъ тенденцій, народническихъ иллюзій, макіавелизма средствъ (вродѣ подложныхъ манифестовъ Я. Стефановича и др., покушеній на кражи банковъ, казначействъ и почтъ, съ убійствомъ сторожей) меня раздѣляло съ ними и возведеніе политическаго убійства, или какъ они говорили «террора», въ принципъ революціонной борьбы, тогда какъ я смотрѣлъ на этотъ терроръ только какъ на естественное, хотя и патологическое, послѣдствіе террора самого правительства. Противъ всего этого я возставалъ въ брошюрахъ, начиная съ *Листка «Громады»* въ 1878 г., въ которомъ я разобралъ первую террористическую прокламацію «Смерть за смерть»,—потомъ въ брошюрѣ «*Терроризмъ и свобода*», (1880 г.), «*Le tyranicide en Russie et l'Action de l'Europe Occidentale*». Впрочемъ, въ послѣднее время сами террористы русскіе и ихъ адвокаты приблизились къ моей точкѣ зрѣнія (рѣчи Желябова и Суханова въ ихъ процессахъ, книга Stepniak—*La Russie Souterraine*, статья Кропоткина въ *Fortnightly Review* и др.) По нѣкоторымъ признакамъ и письмамъ, которыя я имѣю отъ нѣкоторыхъ русскихъ революціонеровъ, по статьѣ одного изъ нихъ въ «*Вольномъ Словѣ*» (№ 52—53; «*Пропаганда и заговоръ въ арміи*») я

¹⁾ Въ видѣ письма къ издателю «Новаго Времени», А. С. Суворину, съ которымъ я нѣкогда сотрудничалъ въ либеральныхъ «С.-Пет. Вѣдомостяхъ» Корша, и который въ 1876 г. приглашалъ меня вести въ «Новомъ Времени» отдѣлъ иностранной политики на весьма выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи условіяхъ. Предложенія этого я не принялъ, а затѣмъ «Новое Время» стало задѣвать меня и напало на меня за статью въ «Молвѣ».

вижу, что многіе изъ нихъ начинаютъ уступать въ мою сторону и по вопросу о федерализмѣ. Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ придется сломать еще не одно копые съ русскимъ якобинизмомъ, какъ и съ русскимъ царизмомъ.

Скажу въ заключеніе: мнѣ во всю мою жизнь приходится полемизировать со многими, съ разными партіями въ одно время. Не проходитъ почти недѣли, чтобъ я не встрѣчался съ направленною противъ меня статьею, вышедшею изъ лагеря національнаго: московскаго, польскаго, нѣмецкаго, — консервативнаго, какъ и революціоннаго; мнѣ достается даже отъ украинофиловъ (особенно галицкихъ ¹⁾). Ничто такъ не противно мнѣ, какъ полемика. Послѣ написанія каждой полемической статьи, я нѣсколько дней чувствую себя больнымъ. Передъ тѣмъ какъ вступить въ полемику съ какимъ-либо кружкомъ и даже лицомъ, я почти всегда испробывалъ всякіе способы мирнаго соглашенія и брался за печатную полемику только тогда, когда видѣлъ, что соглашеніе невозможно, а особенно когда наталкивался на *шауваіе foі* и неискренность моего антагониста. Веду я полемику только до тѣхъ поръ, пока это кажется мнѣ нужнымъ для выясненія мнѣнія противника и моего. Послѣ того я умолкаю и терплю безъ возраженій все, особенно личныя на меня нападки. А надо сказать, что въ своей долготѣней полемикѣ съ разными лагерями я ни разу не встрѣтился съ противникомъ вполне добросовѣстнымъ, т. е. такимъ, который бы изложилъ вѣрно мои мнѣнія, да потомъ и опровергалъ бы ихъ своими аргументами, особенно фактическими. Нѣтъ, — мнѣ судьба посылала всегда такихъ противниковъ, которые начинали съ того, что извращали самымъ безцеремоннымъ образомъ мои мнѣнія, а кончали клеветами на мою личность. Мнѣ это вдвойнѣ грустно, такъ какъ я желалъ бы самъ чему-нибудь научиться у моихъ противниковъ, но я утѣшаю себя тѣмъ, что, значить, дѣло, которому я служу, правое, если противъ него не нашелся за столько лѣтъ добросовѣстный противникъ.

Женева 1883 г.
22 марта.

II.

Мнѣ не много остается добавить о томъ, что дѣлалъ я послѣ написанія вышележащей замѣтки, которую пр. Тунъ срезюмировалъ въ своей книгѣ «*Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland*», — впрочемъ съ нѣкоторыми ошибками.

Въ маѣ 1883 г. прекратилось изданіе газеты «Вольное Слово»,

¹⁾ Они меня называли прежде „обрусителемъ“, а потомъ даже агентомъ русск. прав., который посланъ за границу, чтобъ скомпрометировать укр. дѣло социализмомъ.

основанной въ августѣ 1881 г. обществомъ «Земскій Союзъ» съ цѣлью пропаганды началъ либерально-политической реформы и административной децентрализаціи въ Россіи. Я принималъ дѣятельное участіе въ этой газетѣ, помѣстивъ въ ней много статей, изъ которыхъ наибольшая: «Историческая Польша и Великорусская демократія» вышла и отдѣльною книгою (1882 г.). Въ ней я подвергъ историческому и критическому обзору революціонныя движенія въ Россіи съ 60-хъ годовъ въ связи съ польскимъ и украинскимъ вопросомъ и вообще вопросомъ политической свободы и децентрализаціи въ Россіи и закончилъ ее программой политической и административной реформы Россіи на началахъ автономіи земскихъ единицъ—общинъ, уѣздовъ, губерній, или областей. Въ рамкахъ этой автономіи я полагалъ и разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ Россіи, высказываясь такимъ образомъ противъ всякихъ сепаратизмовъ и даже націонализмовъ на австро-венгерскій ладъ за такое разрѣшеніе національнаго вопроса, какое напр. существуетъ въ Швейцаріи (гдѣ ни вся страна, ни даже кантоны вовсе не раздѣлены по расовому принципу) и какое вырабатывается въ Бельгіи (между фламандцами и валлонами). Статья моя печаталась въ «Вольномъ Словѣ» въ 1881 г. въ то время, какъ въ «Земскомъ Союзѣ» вырабатывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наша программы сошлись въ основахъ. Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено спеціальнымъ делегатомъ «З. С.» принять на себя редакцію «В. Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность высказаться разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи, высказать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста социальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ социалистической, такъ и болѣе консервативной, *всѣ* отгѣнки въ постановкѣ социальнаго вопроса въ Зап. Европѣ и Америкѣ, чтобъ такимъ образомъ отклоняться отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу. (Больше о «Земск. Союзѣ» и «Вольн. Словѣ» я говорю въ статьѣ своей «Земскій либерализмъ въ Россіи 1858—1883 г.», которая въ настоящую минуту печатается въ № 1 газеты «Свободная Россія»). Но въ маѣ 1883 г. «Вольн. Сл.» прекратилось вслѣдствіе распадѣнія «Земскаго Союза» подъ вліяніемъ разочарованія тѣхъ его членовъ, которые рассчитывали на возможность добиться созванія Земскаго Собора ко времени коронаціи Александра III и скучали долговременной агитаціей въ обществѣ, отъ которой я только и ожидалъ благопріятнаго результата.

Въ 1883 г. лѣтомъ мнѣ было доставлено изъ Россіи нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ

программъ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе яacobинскимъ централизмомъ («Народной Воли» 1881 — 1882 г. «Календарь Нар. Воли» на 1883 г., гдѣ рѣзко осуждалось «Вольн. Слово», выставляемое какъ органъ, враждебный русск. револ. движенію и даже игнатъевскій) и сближались съ моими идеями въ пунктѣ федерализма. Въ концѣ іюня прибылъ въ Женеву делегатъ двухъ изъ этихъ кружковъ съ цѣлью выработать вмѣстѣ со мною программу для основанія политическаго общества «Вольный Союзъ», которое бы задалось цѣлью агитаціи въ этомъ духѣ преимущественно на Украинѣ, но не упуская изъ виду и всей Россіи. Изъ долгихъ разговоровъ съ этимъ делегатомъ, а также съ другимъ, который принадлежалъ къ «народовольческой» организаціи, но дѣйствовалъ на югѣ, имѣлъ украинскія симпатіи и готовъ былъ присоединиться къ «В. Союзу», — я увидѣлъ, что между мною и этими делегатами полного согласія нѣтъ: они не желали, по моему, въ такой степени, какъ я, сосредоточенія дѣятельности «В. Союза» на Украинѣ, а слишкомъ скоро хотѣли раскинуть его работу на всю Россію;—въ то же время они находили ненужнымъ усложненіемъ дѣла мое вниманіе къ Австрійской Руси, а еще болѣе къ политикѣ западно-славянской; кромѣ того, они считали нужнымъ даже въ ту минуту солидарныя отношенія съ кружкомъ русскихъ революціонеровъ (народовольцевъ), которыхъ я считалъ морально уже отжившими, а также опасными по ихъ переугтанности съ agents provocateurs (скоро обнаружившаяся двойная роль Дегаева, агента полиціи и «Народной Воли» въ одно время вполне подтвердила мои опасенія); наконецъ, мои собесѣдники скучали долговременной подготовительной дѣятельностью для постановки вопроса о политической реформѣ Россіи согласно нашимъ идеямъ, а хотѣли больше всего поскорѣе заманифестовать себя какимъ-нибудь громкимъ казусомъ, вродѣ «народовольческихъ» предпріятій, но только съ федерально-украинскою окраскою.

По всему этому выработка программы подвигалась довольно медленно, наконецъ, въ концѣ августа программа была окончена, сущность ея была напечатана и отвезена делегатами въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ «вольносоюзниковъ» (между прочимъ именно по связямъ ихъ съ «народовольцами»),— и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ. Впрочемъ, наши политическіе друзья пожелали, чтобъ я все таки выпустилъ печатную программу «Вольнаго Союза», что я и сдѣлалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что идеи ея найдутъ себѣ, хоть постепенно, сочувствіе въ разныхъ общественныхъ элементахъ въ Россіи, особенно на Югѣ и Востокѣ. Я только считалъ теперь нецѣлесообразною форму моей книжки, которая соотвѣтствовала уставу политическаго общества,—но перебивать ее уже было поздно. Но какъ мало я рассчитывалъ на непосредственное одобреніе моей книжки, видно изъ того, что я кончилъ ее словами Ренана: «Le moyen d'avoir raison dans

L'avenir est, à certaines heures, de savoir se résigner à être démodé.

И дѣйствительно, послѣ 1883 г. я сталъ *démodé* даже у большей части прежнихъ друзей. У такъ называемыхъ русскихъ революціонеровъ я получилъ репутацію отъявленнаго врага; въ то же время, подъ вліяніемъ правительственнаго давленія и разочарованій, затихла въ Россіи и либеральная агитація, и у т. наз. либераловъ я сталъ считаться за челоѣка наивнаго и при томъ опаснаго, по причинѣ радикальнаго и даже «революціоннаго» характера своего либерализма. Реакціонное направленіе и отвращеніе ко мнѣ проникло и въ украинскіе кружки. Даже то, что я имѣю основаніе считать хоть отчасти за результатъ агитаціи, въ которой я принималъ участіе, а именно нѣкоторое цензурное попущеніе въ Россіи украинскому слову съ 1881—1882 г. ¹⁾,—поворачивалось противъ меня, такъ какъ въ украинофильскихъ кружкахъ явилась идея, что теперь не нужно раздражать правительство противъ украинской литературы въ Россіи заграничными радикальными и вообще политическими публикаціями. Въ кружкахъ этихъ появилась даже сознательная реакція всякой политической постановкѣ украинскаго вопроса и желаніе представлять его только какъ дѣло *культурное*. Такая постановка вопроса была ничуть не лучше того, какъ передъ тѣмъ русскіе революціонеры-народники думали сдѣлать социальную революцію безъ политики и даже безъ науки, тѣмъ болѣе что и украинофильскіе «культурники» хотѣли работать для украинской культуры, чуждаясь не только политики»,—но и новоевропейской культуры, такъ какъ, напр., доказывали необходимость привлеченія на свою сторону духовенства православной церкви!

При такомъ направленіи въ украинскихъ кружкахъ, тамъ не нравились не только мои политическія публикаціи, но и изданіе мною поэмы Шевченка «*Марія*». Я напечаталъ ее въ 1882 г. отдѣльной брошюркой въ оригиналѣ, но латинскими буквами, преимущественно для тѣхъ украинцевъ въ Галиціи да отчасти и въ Россіи, которые не знаютъ такъ наз. кириловскаго алфавита и оставляются совсѣмъ безъ украинскаго чтенія со стороны патриотовъ-русиновъ, которые считаютъ русинами только православныхъ да уніатовъ, а потомъ переиздалъ въ великорусскомъ переводѣ въ 1885 г. Въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ, въ которой Шевченко обработалъ въ своеобразной рационалистической формѣ евангельскую легенду,—я попробовалъ популярно изложить результаты свѣтской историко-литературной критики «Новаго Завѣта» и палестинской цивилизаціи. Рядомъ съ этимъ антиполитическимъ консерватизмомъ поднялись въ украинофильскихъ кружкахъ тенденціи, если не сепаратистическія,—которые требовали извѣстной политической смѣлости,—то націона-

¹⁾ Въ то время гр. Игнатьевъ даже допустилъ было въ Россіи галицко-украинскую газету «Дѣло».

листически - партикулярнистическія: антагонизмъ противъ всего великорусскаго, въ томъ числѣ и противъ русскаго радикализма и даже либерализма,—прорывавшіеся въ анонимныхъ корреспонденціяхъ въ галицкія изданія фразами, въ которыхъ можно было усмотрѣть своего рода «политику», — но австро-полонофильскую. И эту ягеллонско-австрійскую политику одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей московскаго славянофильства въ Россіи, проф. В. Ламанскій,—приписывалъ мнѣ, между тѣмъ какъ именно въ это время въ галицкихъ изданіяхъ всѣхъ фракцій, въ томъ числѣ и украинофильскихъ, усилились нападенія на меня и мои идеи! Последнее объясняется тѣмъ, что въ это время въ галицко-русскихъ кругахъ получило рѣшительное преобладаніе направленіе консервативно-клерикальное (Подробности и объясненіе этого см. въ моемъ листѣ «*Наканунъ новыхъ смутъ*». Женева. 1886). На этотъ разъ галицкія нападки на меня сопровождались заявленіями, что де «Др-овъ теперь утратилъ всякое сочувствіе и въ россійской Украинѣ». Эти заявленія основывались какъ на слухахъ о настроеніи украинскихъ кружковъ въ Россіи, такъ и на любезности вліятельныхъ россійскихъ украинофиловъ галицкимъ консерваторамъ и клерикаламъ, которые дошли до того, что одинъ украинскій литераторъ помѣстилъ даже въ «Вѣстникѣ Европы» панегирикъ новопоставленному станиславскому епископу Пелешу, ультрамонтану, котораго передъ тѣмъ «Дѣло» провозгласило, именно послѣ его ультрамонтанской рѣчи въ сеймѣ, представителемъ національной политики всѣхъ русиновъ, т. е. не только въ Австріи, но и въ Россіи.

Не имѣя средствъ на періодическое изданіе и тяготясь повтореніемъ одного и того же, я рѣшился ограничиться категорическимъ протестомъ противъ извращенія моихъ мнѣній, а для противодѣйствія реакціи въ средѣ украинофиловъ продолжать изданіе «*Политическихъ пѣсенъ украинск. народа*», а также подвинуть выходъ полнаго, стереотипнаго, изданія поэзіи Шевченка, которое затѣялъ одинъ мой пріятель, работавшій въ типографіи «Громады», и къ которому я относился нѣсколько равнодушно, такъ какъ считалъ сочиненія Шевченка съ идейной стороны уже «пунктомъ пережитымъ». Теперь же я убѣдился, что не только для галицкихъ, но и для россійскихъ украинофиловъ, даже для ученѣйшихъ изъ нихъ, нужно еще не мало умственнаго труда, чтобъ догнать даже Шевченка.

Вслѣдствіе этихъ соображеній я отправилъ въ то же изданіе, въ какомъ явилась статья г. Ламанскаго о моемъ и другихъ украинофиловъ ягеллонско-австрійскомъ сепаратизмѣ («*Извѣстія славянскаго общества*» въ Петербургѣ), письмо, въ которомъ заявлялъ, ссылаясь и на «Вольный Союзъ», что мои стремленія состоятъ въ желаніи *политической реформы всей Россіи* на началахъ свободы и децентрализаціи, и что эти стремленія находятся въ гармоніи съ идеями старыхъ украинофиловъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства (Костомарова, Шевченка и др.). Въ 1885 г.

я выпустилъ II вып. изданія «Політичні пісні українскаго народу XVIII—XIX столѣтій» (пѣсни изъ послѣднихъ временъ автономіи Гетманства Малороссійскаго и Слободской Украины въ 1709—1765 г.г.) и такъ какъ недостатокъ средствъ не позволилъ намъ выпустить изданіе поэзіи Шевченка къ 25-лѣтней годовщинѣ его смерти (26 февр. 1886 г.), а между тѣмъ консервативно-клерикальныя манифестаціи галицкихъ украинофиловъ не переставали, то я долженъ былъ напечатать въ львовской рабочей газетѣ, «Ргаса» (1886, № 3—4) открытое письмо: «25-літні роковини смерти Шевченка а галицькі народовці», перепечатанное и по-польски въ газетѣ «Kurjer Lwowski», № 62. Въ этомъ письмѣ я напоминалъ заявленіе 45 кievскихъ украинофиловъ 1873 г. и, указывая на обстоятельства, въ какихъ находится украинскій народъ, заключалъ о несоотвѣтствіи какого-бы то ни было консерватизма, а особенно клерикализма, даже съ его національными интересами, и о необходимости прежде всего полной *лаицизаціи* украинской *политики*. Вскорѣ затѣмъ я открылъ публичную подписку на изданіе полного изданія «Кобзаря» Шевченка, подписку, о которой не захотѣли допустить вѣсти въ своихъ газетахъ и личкіе официальные поклонники Шевченка, которые около ~~этого~~ времени приступили къ изданію «Кабваря», еще болѣе очевидному отъ радикализма, особенно религіознаго, чѣмъ допущеніе цензурою въ Россіи.

За всѣ такія заявленія и изданія я получилъ формальный выговоръ отъ бывшихъ своихъ украинскихъ друзей изъ Россіи, которые дошли до того, что прямо назвали даже мое изданіе «Політ. пісні укр. народу» и полного собранія поэзіи Шевченка для нихъ *вредными* (*шкодливими*). Вслѣдствіе такого отношенія, къ этимъ изданіямъ украинцевъ, я до сихъ поръ не могъ издать ни III вып. «Пол. пѣсенъ укр. народа» (который долженъ былъ обнимать и интереснѣйшія пѣсни о концѣ запорожья въ 1775 г.), ни поэзіи «украинскаго батька» Шевченка. Больше для апелляціи къ послѣдующему времени, чѣмъ для убѣжденія моихъ современниковъ, земляковъ и пріятелей, я написалъ небольшую статью (24 стр.) «*Наканунъ новихъ смутъ*», въ которой изложилъ свой взглядъ на положеніе политико-соціальныхъ задачъ въ Россіи и въ частности на Украинѣ съ Галиціей при теперешнемъ состояніи Европы,—а самъ рѣшился сосредоточить свою личную работу во время наступившаго реакціоннаго антракта въ Россіи и Галиціи, на окончаніи нѣкоторыхъ археологическихъ работъ, которыя входили въ мой замыселъ составить очеркъ исторіи цивилизаціи на Украинѣ. Къ моему большому утѣшенію небольшой кружокъ украинцевъ, не одобрявшій реакціоннаго настроенія своихъ товарищей, предложилъ мнѣ около этого времени составить исторію украинской литературы въ томъ духѣ, въ какомъ написана мною статья о Шевченкѣ въ IV томѣ «Громады».

Предложеніе это, впрочемъ, имѣло въ виду только новѣйшую

литературу на украинск. языкѣ въ XIX ст., но я предложилъ расширить работу и составить исторію украинской литературы въ 3-хъ отдѣлахъ:

- 1) Судьба украинскаго языка въ связи съ исторіей національнаго самосознанія и общественной дѣятельности съ IX по XIX ст.
- 2) Устная (народная) словесность на Украинѣ.
- 3) Письменность на украинскомъ народномъ языкѣ съ XVI по XIX в.

Изъ этихъ отдѣловъ второй требовалъ предварительной спеціальной разработки, можно сказать совсѣмъ наново, такъ какъ до сихъ поръ даже ученѣйшіе украинскіе изслѣдователи народной словесности (напр. Костомаровъ) совсѣмъ не примѣняли къ ней европейскаго сравнительнаго метода и смотрѣли на произведенія ея, какъ на вполнѣ самобытный продуктъ мѣстной національной почвы. Поэтому я долженъ былъ предпринять рядъ монографическихъ работъ преимущественно о сказкахъ, новеллахъ, апологахъ, легендахъ и историческихъ преданіяхъ украинскихъ, сравнительно съ folk-loge разныхъ народовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ монографій я успѣлъ напечатать въ разныхъ изданіяхъ, но желая найти имъ больше публики въ Россіи, я долженъ былъ скрывать свое авторство подъ разными псевдонимами. Искать же для себя публики въ Россіи я считалъ нужнымъ какъ для того, что только здѣсь я могъ вызвать вниманіе къ деталямъ своего матерьяла, а затѣмъ желаніе собирать его и разрабатывать дальше, а также для того, что я считалъ необходимымъ посредствомъ приложенія космополитическаго сравнительнаго метода хоть къ одной части культурнаго украинскаго матерьяла противодействовать ограниченно-националистическому настроенію украинофильскихъ кружковъ, которое развилось въ нихъ въ связи съ общей въ Россіи «самобытнической» реакціей. Нѣкоторыя изъ своихъ фольклористическихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ парижской «*Mélanges*», я считалъ возможнымъ подписать своимъ именемъ и наконецъ сталъ здѣсь печатать (съ № 9 1888 г.) примѣчанія къ переводу «*Болгарскихъ религиозныхъ легендъ*», сдѣланному моей дочерью, Лидіей, которая теперь (9-го янв.) повѣнчалась въ Болгаріи съ тамошнимъ молодымъ ученымъ Иваномъ Шипмановымъ. Работу надъ болгарскими религиозными легендами я предпринялъ потому, что онѣ поразительно сходны съ украинскими и потому, что Богумильская Болгарія представляетъ мостъ для перехода множества легендъ съ Востока въ Европу, особенно въ славянскую,—такъ что изслѣдованіе болгарскихъ легендъ составляетъ необходимую предварительную работу для пониманія folk-loge и на Украинѣ.

Пока я работалъ около folk-loge, нѣкоторыя лица и кружки въ Галиціи и Россіи приблизились къ политическимъ идеямъ, которыя я излагалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, и стали предлагать мнѣ сотрудничество въ ихъ изданіяхъ. Такъ въ галицкомъ сборникѣ «Ватра» (1887) я напечаталъ замѣтку «*Изъ исторіи вирши*

*

на *Украинь*» съ указаніемъ на вліяніе западныхъ протестантскихъ идей на релігіозную поэзію украинскаго народа. Въ 1888 г. въ галицкомъ сборникѣ «Товарищъ», изданномъ университетской молодежью, я напечаталъ нѣсколько замѣтокъ о невѣжествѣ и сервилізмѣ въ галицкой прессѣ подъ общимъ заглавіемъ «*Смі і горе*», а также критическую статью на одну этнографическую брошюру о великоруссахъ и бѣлоруссахъ, въ которой авторъ-украинофилъ суммарнымъ образомъ представляетъ великоруссовъ народомъ дикимъ и нехристіанскимъ, сравнительно съ гуманно-христіанскою расою украинцевъ. Редакція «Товарища» назвала мою статью: «*Науковий методъ въ этнографіи*». Я нахожу это навваніе нѣсколько претенціознымъ, хотя я и поставилъ въ статьѣ этой нѣкоторые общіе вопросы, наприм., о различіи между національными особенностями чертъ дѣйствительно расовыхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ, отъ историческихъ, перемѣняющихся временемъ. Кромѣ научныхъ цѣлей, статья моя имѣла цѣль политическую: противодѣйствіе тенденціозно-пессимистическому представленію великоруссовъ и подновленію теоріи Духинскаго, которую офіціальные галицкіе украинофилы стали съ нѣкотораго времени распространять въ своей популярной литературѣ, думая тѣмъ служить интересамъ украинской національности. Мнѣ было пріятно увидѣть, что и одинъ изъ украинофильскихъ журналовъ въ Галиціи, «Заря», сдѣлалъ сочувственный отзывъ о моей статьѣ.

Лѣтомъ 1888 г., довольно неожиданно для себя, я получилъ отъ одного изъ украинофиловъ, съ которымъ наиболѣе расходился въ понятіяхъ, предложеніе «стать во главѣ» возобновленнаго имъ изданія львовской «Правды» и прежде всего написать для нея программную статью. Я отвѣтилъ заявленіемъ о значительномъ нашемъ несогласіи и предложеніемъ написать свою программу съ тѣмъ, чтобъ редакція помѣстила свои возраженія на нее. Но онъ настаивалъ на своей просьбѣ, говоря, что онъ знаетъ, къ кому обращается, и если теперь просить меня о программѣ для «Правды», такъ значитъ отказывается отъ прежнихъ ошибокъ. Спустя нѣкоторое время и одинъ галицкій народовецъ, который долженъ былъ взять на себя ближайшее завѣдываніе «Правдой», обратился ко мнѣ съ подобной же просьбой. Я послалъ ему программу,—но съ просьбою собрать комитетъ и рассмотреть ее въ немъ и, въ случаѣ несогласія съ моими идеями, отложить печатаніе моей статьи или отмѣтить несогласія. На это я получилъ извѣстіе, что самъ редакторъ и его товарищъ вполне согласны съ моей статьей и уже напечатали ее, съ исключеніемъ двухъ только фразъ, подписавъ ее—Издательство «Правды». Но получивъ № 1 «Правды», я увидѣлъ послѣ моей программы вещи, діаметрально противоположныя ей. По моему настоянію редакція оговорила нѣкоторыя вопіющія противорѣчія, объяснивъ ихъ поспѣшностью, — но въ дальнѣйшихъ №№-хъ напечатала также, и при томъ даже въ статьяхъ редакціонныхъ, вещи, несо-

гласныя съ программой, — такъ что я отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ изданіи отклонился... Но зато «Заря» одобрила мою программу, а популярная газета «Батьковщина», — которую львовскіе народовцы сочли возможнымъ передать подъ редакцію моему другу Павлику, напечатала изложеніе этой программы. Въ то же время и львовскій украинофильскій органъ «Дѣло» предложилъ мнѣ писать ему правильныя корреспонденціи о россійско-украинскихъ дѣлахъ, но я отклонилъ это предложеніе между прочимъ и потому, что «Дѣло» никакъ не соглашается отказаться отъ клерикализма въ политикѣ.

Между тѣмъ кружокъ русскихъ эмигрантовъ, лица, принадлежавшія къ разнымъ фракціямъ «русскихъ соціальныхъ революціонеровъ», предположили издавать «либеральную газету» съ принципами, близкими къ тѣмъ, какіе я проводилъ въ своихъ публикаціяхъ, и пригласили къ сотрудничеству и меня. Я предложилъ для газеты имя «Свободная Россія», которое предлагалъ еще издатель «Вольнаго Слова», и далъ для перваго №-ра двѣ статьи: «*Земскій либерализмъ въ Россіи*» (1858—1883) и «*Самодержавіе, мстное самоуправленіе, и независимый судъ*». Газета должна появиться на-дняхъ.

Въ то же время кружокъ польскихъ демократовъ въ Галиціи обратился ко мнѣ съ предложеніемъ быть посредникомъ для выработки соглашенія съ украинцами. Я отвѣтилъ соображеніемъ, что въ Россіи соглашеніе поляковъ и украинцевъ не приведетъ ни къ чему безъ общероссійской либеральной программы... Но это дѣло еще не выяснилось, а потому пока должно быть тайной для публики.

Для библиографической полноты я долженъ упомянуть, что 25 янв. 1889 г. помѣщена въ римской «*Revue internationale*» моя статья «*La question de la liberté religieuse en Russie*», писанная по поводу полемики г. Побѣдоносцева съ «*Alliance Evangelique*», а также переговоровъ русскаго правительства съ Ватиканомъ. Въ статьѣ этой я доказываю, что мнѣнія г. Побѣдоносцева вовсе не раздѣляются образованнымъ обществомъ въ Россіи, не исключая и такихъ славянофиловъ, какъ И. Аксаковъ, — что въ Россіи всего болѣе терпятъ за религію не «иностранныя исповѣданія», а русскіе сектанты, — что обязательная полонизація католицизма въ Россіи введена была окончательно послѣ присоединенія западныхъ губерній къ Россійской имперіи, и что наибольшей терпимостью и свободой (употребленіе живыхъ языковъ въ религіозной жизни) эти края пользовались въ XVI в., когда составляли литовско-русское княжество и когда тамъ распространялись реформаціонныя идеи, — что религіозный миръ и нормальное употребленіе живыхъ народныхъ языковъ въ этихъ краяхъ могутъ установиться только съ установленіемъ въ Россіи общей религіозной свободы и автономіи.

1889.

Февраля 10.
Женева.

М. Драгомановъ.

Хаимъ Гершковичъ.

Хаимъ Гершковичъ, 19-лѣтній юноша, по распоряженію С.-петербургскаго генераль-губернатора, нынѣ дворцоваго коменданта Д. Ф. Трепова, былъ преданъ военному суду за вооруженное сопротивленіе, оказанное имъ полиціи 30 іюня 1905 года. Свое званіе, фамилію и лѣта Гершковичъ открылъ уже послѣ окончанія предварительнаго слѣдствія, на судѣ. Военный судъ не нашелъ нужнымъ устанавливать личность и лѣта подсудимаго, и 18 іюля Гершковичъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а 20 августа этотъ 19-лѣтній юноша былъ повѣшенъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Онъ умеръ, какъ герой.

Гершковичъ принадлежалъ къ партіи социалистовъ-революціонеровъ; правда, онъ не былъ крупнымъ, выдающимся революціонеромъ, но онъ отдалъ дѣлу освобожденія народа всю свою вѣру, всю свою энергію и жизнерадостность. Ему еще не было двадцати лѣтъ, а онъ уже въ своей короткой жизни насчитывалъ болѣе двухъ лѣтъ томленія въ русскихъ тюрьмахъ и болѣе полугода жизни въ ссылкѣ.

Онъ выросъ въ ужасающей обстановкѣ нищеты и бѣдности, не получилъ никакого образованія, но былъ необыкновенно интеллигентенъ, имѣлъ душу, чуткую и къ запросамъ совѣсти, и къ красотѣ жизни. Передъ смертью онъ писалъ своей матери о томъ, какъ онъ любитъ жизнь, о томъ, что хорошая музыка вызываетъ у него невольную слезу. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ арестомъ, занимаясь специально-революціонной работой, Гершковичъ началъ писать беллетристическія произведенія, обнаруживавшія тонкую, интимную наблюдательность и... малограмотность. Онъ былъ необыкновенно трогательный и пылкій человѣкъ. Матеріалы, печатаемые нами, рисуютъ его личность въ привлекательныхъ чертахъ, и его образъ останется въ нашей памяти необыкновенно свѣтлымъ и чистымъ.

Мы предлагаемъ документы по его процессу, поражающему отсутствіемъ правосудія, исторію его жизни, имъ самимъ написанную, предсмертныя его письма и разсказъ о послѣднемъ днѣ его жизни.

I.

Обвинительный актъ по дѣлу о лицѣ неизвѣстнаго званія, составленъ 12 іюля 1905 года помощникомъ военнаго прокурора, подполковникомъ Чуксановымъ.

Актъ слѣдующаго содержанія:

«30 іюня с. г., въ гор. С.-Петербургѣ, при производствѣ полиціею обыска въ домѣ № 119, по набережной Фонтанки, выстрѣлами изъ револьвера были ранены помощникъ пристава штабсъ-капитанъ Страховичъ и дворникъ дома Владиміровъ.

На произведенномъ по этому поводу предварительномъ слѣдствіи, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, младшій помощникъ пристава 4 уч. Спасской части, штабсъ-капитанъ Страховичъ показалъ, что 30 минувшаго іюня онъ, согласно ордера С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія отправился въ девятомъ часу вечера въ домъ № 119, по набережной Фонтанки, въ квартиру инженеръ-технолога Крюгера для производства обыска по политическому дѣлу у проживавшей въ комнатѣ, въ той квартирѣ, дочери священника Кохомской. Когда свидѣтель съ понятными, старшимъ дворникомъ упомянутаго дома Владиміровымъ и околоточными надзирателями Ивановымъ и Колотовкинымъ поступали въ квартиру Крюгера, то дверь имъ открыла сожительница послѣдняго, Куровская, которой свидѣтель объяснилъ о цѣли своего прихода. На это Куровская, сказавъ, что Кохомской нѣтъ дома, предложила ему пройти въ комнату послѣдней, послѣ чего сама прошла изъ передней въ столовую, а онъ, свидѣтель, послѣдовалъ за нею. Но, войдя въ столовую, Куровская объявила свидѣтелю, что безъ мужа не можетъ допустить его къ производству обыска, и позвала инженера Крюгера, который въ это время находился въ залѣ и игралъ на піанино. Крюгеръ вошелъ въ столовую черезъ переднюю, и свидѣтель передалъ ему ордеръ Охраннаго Отдѣленія. И вотъ въ то время, когда Крюгеръ, читая ордеръ, приблизился къ окну, находящемуся влѣво отъ передней, а онъ, свидѣтель, слѣдуя за Крюгеромъ, повернулся къ тому окну бокомъ, раздался выстрѣлъ, которымъ онъ, свидѣтель, и былъ раненъ въ затылокъ. Что было съ нимъ послѣ того, и какъ онъ вышелъ изъ квартиры, свидѣтель не помнитъ.

Околоточные надзиратели Ивановъ, Колотовкинъ, крестьянинъ Владиміровъ, и бывшіе при производствѣ обыска понятными крестьяне Калачъ и Ивановъ, удостовѣрили, что 30 минувшаго іюня, въ девятомъ часу вечера, они, вмѣстѣ съ помощникомъ пристава, штабсъ-капитаномъ Страховичемъ пришли на квартиру инженеръ-технолога Крюгера въ домѣ № 119, по Фонтанкѣ, для производства обыска. Когда штабсъ-капитанъ Страховичъ, войдя въ столовую, передалъ ордеръ Охраннаго Отдѣленія Крюгеру и послѣдній сталъ его читать, то находившійся въ это время въ столовой какой-то неизвѣстный, прилично одѣтый молодой

человѣкъ быстро поднялъ правую руку и выстрѣлилъ изъ револьвера, цѣлясь почти въ упоръ въ голову стоявшаго рядомъ съ Крюгеромъ шт.-капитана Страховича. Штабсъ-капитанъ Страховичъ покачнулся въ сторону; а неизвѣстный, по словамъ Колотовкина, Владимірова и Калача, вторично выстрѣлилъ въ помощника пристава. Послѣ того злоумышленникъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ нихъ, свидѣтелей, когда они въ испугѣ бросились къ выходу и столпились у наружныхъ дверей. Этими выстрѣлами былъ раненъ Владиміровъ въ правую лопатку и правую руку на вылетъ. Когда свидѣтели выбѣжали на дворъ, то вслѣдъ за ними вышелъ изъ квартиры и штабсъ-капитанъ Страховичъ, котораго Колотовкинъ отвелъ въ пріемный покой. Околоточный надзиратель Ивановъ побѣжалъ на телефонъ, чтобы дать знать въ полицейскій участокъ о случившемся, а дворникъ Владиміровъ побѣжалъ въ Обуховскую больницу на перевязку. Когда онъ вернулся обратно, то увидѣли стрѣлявшаго въ нихъ неизвѣстнаго человѣка на крышѣ зданія подъ окнами квартиры инженера Крюгера, выходящими на второй дворъ, куда онъ спустился изъ окна квартиры на связанныхъ полотенцахъ.

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей дворянка Куровская и инженеръ-технологъ Крюгеръ, подтвердивъ изложенное въ частяхъ до нихъ относящихся, удостовѣрили, что послѣ перваго же выстрѣла Куровская бросилась въ свою комнату, куда вслѣдъ за нею пришелъ и Крюгеръ. Свидѣтели видѣли, какъ полицейскіе и дворники бросились къ выходу изъ квартиры, а неизвѣстный выстрѣлилъ въ нихъ нѣсколько разъ изъ револьвера. По словамъ свидѣтелей, они поселились въ домѣ № 119, по Фонтанкѣ, въ апрѣлѣ настоящаго года и въ томъ же мѣсяцѣ, по объявленію, у нихъ сняла комнату дочь священника Кохомская. Къ послѣдней заходили какіе-то мужчины и женщины, но ни съ кѣмъ изъ нихъ свидѣтели не были знакомы. Точно также не знаютъ они и молодого человѣка, который стрѣлялъ въ помощника пристава. Онъ заходилъ къ Кохомской до 30 іюня два раза, а въ этотъ день пришелъ къ ней, въ ея отсутствіе, часовъ въ 8 вечера.

Спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы, крестьянка Алексѣева показала, что живетъ прислугою у инженера Крюгера. По приходѣ 30 іюня полиціи, она выходила изъ кухни лишь для того, чтобы запереть дверь на задвижку. Когда же раздался первый выстрѣлъ, она была до того напугана, что не рѣшилась выйти изъ кухни до тѣхъ поръ, пока къ ней не пришли господа, съ которыми она пошла въ участокъ. Стрѣлявшаго у нихъ въ квартирѣ неизвѣстнаго молодого человѣка она не знаетъ, но помнитъ, что онъ раза три заходилъ къ Кохомской.

Городовой же Бурмистровъ удостовѣрилъ, что 30 іюня, около 9 часовъ вечера, онъ, вызванный по телефону, прибылъ вмѣстѣ съ другими 5 городовыми въ домъ № 119 по Фонтанкѣ. Здѣсь полицеймейстеръ приказалъ задержать имъ злоумышленника, стрѣ

лявшего въ помощника пристава Страховича. Чтобы исполнить это приказаніе, они вошли въ помѣщавшуюся подъ квартирой инженера Крюгера, во второмъ этажѣ, квартиру, куда злоумышленникъ, спустившійся изъ квартиры Крюгера на крышу зданія сараевъ, проникъ черезъ открытое окно. Войдя въ одну изъ комнатъ, онъ увидѣлъ сидѣвшаго у окна прилично одѣтаго молодого человѣка, державшаго въ каждой рукѣ по револьверу. На требованіе свидѣтеля сдаться, сопровождавшееся угрозою стрѣлять въ противномъ случаѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ бросилъ револьверы на крышу сарая, послѣ чего былъ взятъ городовыми и сведенъ ими къ полицеймейстеру. Брошенные имъ револьверы оказались: одинъ пистолетомъ Браунинга, заряженнымъ одною обоймою, а другой шестизаряднымъ, безкурковымъ, небольшой величины и мелкаго калибра, безъ патроновъ. Въ карманахъ же задержаннаго были найдены двѣ обоймы съ патронами Браунинга.

Какъ видно изъ протокола осмотра мѣста свершенія преступленія, квартира, занимаемая въ домѣ № 119, по Фонтанкѣ, инженеръ-технологомъ Крюгеромъ, состоитъ изъ четырехъ комнатъ, передней и кухни. Входъ въ квартиру одинъ. Въ передней три двери. Вправо отъ входа дверь ведетъ въ кухню, влѣво въ столовую и прямо отъ входа въ зало. Столовая сообщается дверью съ заломъ и черезъ двѣ двери съ двумя комнатами, изъ которыхъ одну занимаетъ самъ квартирохозяинъ, а въ другой проживала Кохомская. Въ столовой два окна: одно выходитъ на первый дворъ, а другое на задній дворъ, надъ крышею сараевъ. Такое же окно, выходящее на крышу сараевъ, имѣется и въ залѣ. Къ послѣднему окну оказалось привязаннымъ полотенце съ оторваннымъ концомъ. На крышѣ упомянутаго зданія, подъ окномъ, обнаружены лежавшія связанными 5 полотенецъ, къ одному изъ которыхъ привязанъ конецъ полотенца, оторванный отъ прикрѣпленнаго къ окну. Въ передней на стѣнкѣ, смежной съ кухней, виситъ деревянная вѣшалка, въ которой найдено пулевое отверстіе, величиною въ крупную горошину. Въ деревѣ вѣшалки найдена свинцовая, безъ оболочки, деформированная пуля.

При производствѣ судебно-медицинскихъ освидѣтельствующихъ помощника пристава Страховича и дворника Владимірова были обнаружены: у Страховича рана въ затылочной области, идущая сверху внизъ и проникающая толщю кожи, при чемъ въ мѣстѣ раны ни вдавленія въ кость, ни трещинъ не найдено, но обнаружено поврежденіе надкостницы. У Владимірова — рана около внутренняго края правой лопатки, длиною около 2 и шириною около 1½ сантиметровъ и двѣ кругловатыхъ раны, около 1½ сантиметра въ діаметрѣ каждая, составляющія, по мнѣнію производившаго освидѣтельствованіе врача, входное отверстіе одной раны.

По заключенію врача, раны какъ у Страховича, такъ и у Владимірова нанесены огнестрѣльнымъ оружіемъ и относятся къ разряду легкихъ.

Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго неизвѣстнаго званія чловѣкъ, стрѣлявшій въ помощника пристава Страховича и дворника Владимірова, не пожелалъ назвать себя и отказался отвѣчать на какіе бы то ни было вопросы, относящіеся къ его личности. По существу же предъявленнаго къ нему обвиненія не призналъ себя виновнымъ, при чемъ объяснилъ, что стрѣлялъ 30 іюня сего года въ должностныхъ лицъ, пришедшихъ въ квартиру инженера Крюгера для производства обыска безъ намѣренія кого-либо изъ нихъ убить, но лишь съ цѣлью прогнать изъ ихъ квартиры, и отвѣтить насиліемъ на то насиліе, которое они произвели, войдя въ ту квартиру для обыска.

На основаніи изложеннаго, задержанный 30 іюня сего года и отказавшійся назвать свое званіе и фамилію, обвиняется въ томъ, что 30 іюня сего года, въ гор. С.-Петербургѣ, находясь въ квартирѣ въ домѣ № 119, по Фонтанкѣ, и узнавъ, что помощникъ пристава штабсъ-капитанъ Страховичъ и старшій дворникъ дома Владиміровъ явились въ ту квартиру по распоряженію Охраннаго Отдѣленія для производства обыска по политическому дѣлу у дочери священника Кохомской, къ которой, какъ къ знакомой, онъ, обвиняемый, и пришелъ, онъ, желая воспрепятствовать этому обыску и съ намѣреніемъ лишить штабсъ-капитана Страховича и дворника Владимірова жизни, произвелъ въ нихъ изъ заряженнаго боевыми патронами револьвера нѣсколько выстрѣловъ, которыми Страховичъ былъ раненъ въ голову, а Владимірову были нанесены двѣ раны: одна въ правую лопатку, а другая въ правую руку; дѣяніе это, въ виду послѣдовавшаго распоряженія С.-Петербургскаго генераль-губернатора о передачѣ настоящаго дѣла, на основаніи ст. 17 и 18 Положенія объ усиленной охранѣ, на разсмотрѣніе Военнаго Суда для сужденія по законамъ военнаго времени, предсмотрѣно 18 ст. упомянутаго Положенія и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3-е».

Засѣданіе Военно-окружнаго суда состоялось 18 іюля, конечно, при закрытыхъ дверяхъ, и не въ обычномъ мѣстѣ, зданіи главнаго военно-суднаго управленія, а почему-то въ Петропавловской крѣпости. Предсѣдательствовалъ ген.-лейт. баронъ Остенъ-Сакенъ, а судьями были полковники гвардейскихъ полковъ столицы: измайловскаго—Соколѣвъ, московскаго—Баранкѣвъ, преображенскаго—графъ Лорисъ-Меликовъ, гренадерскаго—Буторовъ. Обвиняль—помощникъ военнаго прокурора подполковникъ Чуксановъ и защиталь—прис. пов. В. И. Добровольскій. На судѣ Гершковичъ заявилъ, что онъ житель города Одессы, 19 лѣтъ отъ роду, рожденъ въ іудейской религіи, нынѣ въ всякой религіи, находился въ заключеніи въ тюрьмѣ, по политическимъ процессамъ, дважды, разъ—одинъ годъ, а другой—тринадцать мѣсяцевъ, кромѣ того былъ высланъ въ Архангельскую губернію на 5 лѣтъ, но оттуда бѣжалъ черезъ Швецію въ Лондонъ, проживъ въ Архангельской губерніи только полгода; изъ Лондона прибылъ въ Россію.

Несмотря на то, что заявление Гершковича открывало по дѣлу новыя обстоятельства и дѣло должно бы было быть направлено къ дослѣдованію, Судъ отказался отъ изслѣдованія вопроса о возрастѣ Гершковича. «Обращаясь къ опредѣленію—гласить мотивированный приговоръ суда—свойства совершеннаго нынѣ именуемымъ себя жителемъ Одессы Хаймою Гершковичемъ преступнаго дѣянія и слѣдующаго ему по закону наказанія, Петербургскій военно-окружной судъ находитъ, что преступное дѣяніе это является вооруженнымъ сопротивленіемъ чинамъ полиціи, при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, во время котораго одному изъ нихъ, помощнику пристава штабсъ-капитану Страховичу была нанесена рана въ голову, и независимо отъ этого были нанесены двѣ раны прибывшему съ полицією дворнику дома Владимирову и что за учиненіе этого преступнаго дѣянія, въ виду передачи настоящаго дѣла по распоряженію С.-Петербургскаго генераль-губернатора, на основаніи § 17 и 18 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, Приложение I къ ст. 1-й (примѣчаніе 2) устава о предупрежденіи преступленій на разсмотрѣніе военнаго суда,—въ виновному должна быть примѣнена 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3-е, или, иначе сказать, виновный долженъ быть подвергнутъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія смертной казни, а посему и принимая во вниманіе все вышеизложенное, а также, что, хотя личность называвшаго себя жителемъ города Одессы Хаймой Гершковичемъ, не установлена съ достаточною точностью, а равно не установлено, что ему болѣе 19-ти лѣтъ отъ роду, какъ онъ объ этомъ заявляетъ, но такъ какъ эти обстоятельства, по мнѣнію суда, нисколько не могутъ вліять по закону ни на составъ совершеннаго имъ преступнаго дѣянія, ни на степень его виновности, ни на мѣру наказанія, Петербургскій Военно-окружной судъ призналъ необходимымъ опредѣлить ему то наказаніе, которое указано въ 279 ст. XXII кн.; т. е., по лишеніи его всѣхъ правъ состоянія, смертную казнь, причемъ таковую постановилъ совершить чрезъ повѣшеніе его.

На основаніи всего вышеизложеннаго Петербургскій Военно-окружной судъ *постановилъ*: именующаго себя въ настоящее время жителемъ города Одессы Хаймою Гершковичемъ за вооруженное сопротивленіе помощнику пристава штабсъ-капитану Страховичу при исполненіи этимъ послѣднимъ обязанностей по службѣ съ нанесеніемъ ему при этомъ выстрѣломъ изъ револьвера раны въ голову, а также за пораненіе двумя выстрѣлами бывшаго при штабсъ-капитанѣ Страховичѣ дворника Владимірова, на основаніи § 18 Приложенія I къ ст. 1-й (примѣчаніе 2-е) устава о предупрежденіи преступленій томъ XIV свода зак., а также 2, 10, 12 и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подверг-

нуть его, именующагося жителемъ города Одессы Хаймою Гершковичемъ, смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Вещественныя по дѣлу доказательства, осколокъ пули и кусокъ дерева со вдавленной въ него пулей, какъ не имѣющія никакой цѣнности, по вступленіи приговора въ законную силу, уничтожить.

Судебныя по дѣлу издержки, если таковыя окажутся, взыскать съ имущества осужденнаго, а при несостоятельности его, въ силу 1155 ст. XXIV кн. С. В. П., принять на счетъ казны.

Настоящій приговоръ по вступленіи его въ законную силу, согласно 19 ст. Положенія о мѣрахъ къ сохраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, представить на утвержденіе С.-Петербургскаго генераль-губернатора».

19 іюля приговоръ въ окончательной формѣ былъ объявленъ Гершковичу, а его защитникомъ была подана кассационная жалоба въ Главный военный судъ, и этотъ судъ допустилъ вопіющія нарушенія законности. При разсмотрѣніи дѣла въ Главномъ военномъ судѣ Гершковичъ даже *не былъ доставленъ въ судъ*, и Главный военный судъ, оправдывая себя, ссылался на то обстоятельство, что доставленіе обвиняемаго въ засѣданіе суда зависитъ не отъ него, а отъ администраціи. Главный военный судъ кассационную жалобу отклонилъ.

С.-Петербургскій генераль-губернаторъ, а нынѣ дворцовый комендантъ Д. Ф. Треповъ утвердилъ приговоръ. Гершковичъ не только самъ отказался отъ подачи прошенія о помилованіи, но также обязалъ и своего защитника не возбуждать подобнаго ходатайства.

II.

Въ крѣпости Гершковичъ написалъ очеркъ своей жизни и нѣсколько писемъ. Очеркъ еще не появлялся въ печати. Приведемъ его цѣликомъ.

«Трудное дѣло для человѣка писать о тѣхъ причинахъ и явленіяхъ, которыя заставили его сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть, а не инымъ. Трудно потому, что на человѣка имѣютъ часто вліяніе факты совсѣмъ маловажные, факты, на которые даже вниманія не обращаешь. А между тѣмъ вліяніе этихъ мелкихъ фактовъ и явленій, порою имѣетъ рѣшающее значеніе для всего хода и направленія развитія человѣка. Человѣкъ, какъ и всякое другое существо, есть дитя среды. Человѣкъ, какъ социальная единица, есть дитя социальной среды главнымъ образомъ. Это, конечно, установленный фактъ, и о немъ распространяться не стоитъ, тѣмъ болѣе что я пишу не научный трактатъ какой-

нибудь, а простыя отрывочныя замѣтки о себѣ. Но я пишу для того, чтобы дальнѣйшимъ доказать, что если я именно есть такой, а не иной человѣкъ, то я вовсе не виноватъ въ томъ или очень мало виноватъ. Не знаю, насколько это мнѣ удастся. Однако попытаюсь.

Родился я въ бѣдной еврейской семьѣ. Отца своего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ едва минуло 8 мѣсяцевъ. Го́да два до смерти его уволили съ мѣста въ хлѣбной конторѣ, которое онъ занималъ много лѣтъ, въ качествѣ низшаго служащаго или даже простаго рабочаго. Съ тѣхъ поръ онъ остался безъ всякаго мѣста. Больной, съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, онъ отъ частой голодовки и недоѣданія во время безработицы совсѣмъ разстроился здоровьемъ, заболѣлъ катаромъ желудка и отъ него же и умеръ. Понятно, что отъ больныхъ, истощенныхъ родителей здоровое дитя не могло народиться, и я родился больнымъ и хилымъ со страшно развитой англійской болѣзнью, отъ которой долго не могъ выздоровѣть. Послѣ смерти отца мать осталась съ тремя малыми дѣтьми и старухой-бабушкой рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію, но дѣтей вѣдь нужно было кормить. И она нанималась на работу по 20—30 к. въ день. мыла полы, стирала бѣлье, бѣлила комнаты. Но и такой работы не часто можно было доставать. Понятно, что всѣмъ намъ приходилось голодать. Часто дѣти питались однимъ чернымъ солдатскимъ хлѣбомъ съ квасомъ, а мать и этого не позволяла себѣ и по цѣлымъ днямъ совершенно не ѣдала. Отъ этого она начала страдать хроническими обмороками, которые повторялись каждый день, и отъ которыхъ съ большимъ трудомъ удавалось привести ее въ чувство. При такихъ обморокахъ обыкновенно поднимался нами страшный плачь, крикъ, на который сбѣгался весь дворъ, биткомъ набитый такими же бѣдняками, какъ и мы. Въ такихъ условіяхъ началась моя жизнь, въ такихъ условіяхъ провелъ я первые 3—4 года. Особенно запомнился мнѣ фактъ. Мнѣ тогда шелъ 4-й годъ. При жизни отецъ, обыкновенно, на Пасху занимался печеньемъ мацы. Это продолжалось каждый годъ, до послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни, когда у него уже не было ни средствъ для этого дѣла, ни силъ. Въ послѣдній разъ онъ занимался приготовленіемъ мацы съ однимъ компаньономъ, отчаяннымъ негодяемъ, который его обобралъ, какъ липку, поддѣлалъ фальшивые векселя и потомъ бросилъ. При жизни отецъ съ нимъ судился, но умеръ до окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Потомъ мать продолжала тяжбу черезъ сиротскій судъ, надѣясь получить съ него рублей 200—300, которые онъ дѣйствительно былъ долженъ. Но у противника были хорошіе защитники, было много средствъ въ то время, когда мать ничего этого не имѣла, притомъ была страшно занята добываніемъ хлѣба для своихъ дѣтей и была въ судейскомъ дѣлѣ совершенно неопытна. Такъ что въ концѣ концовъ она тяжбу проиграла, и ее приговорили заплатить судебныя издержки, которыхъ она совершенно не имѣла. Тогда нача-

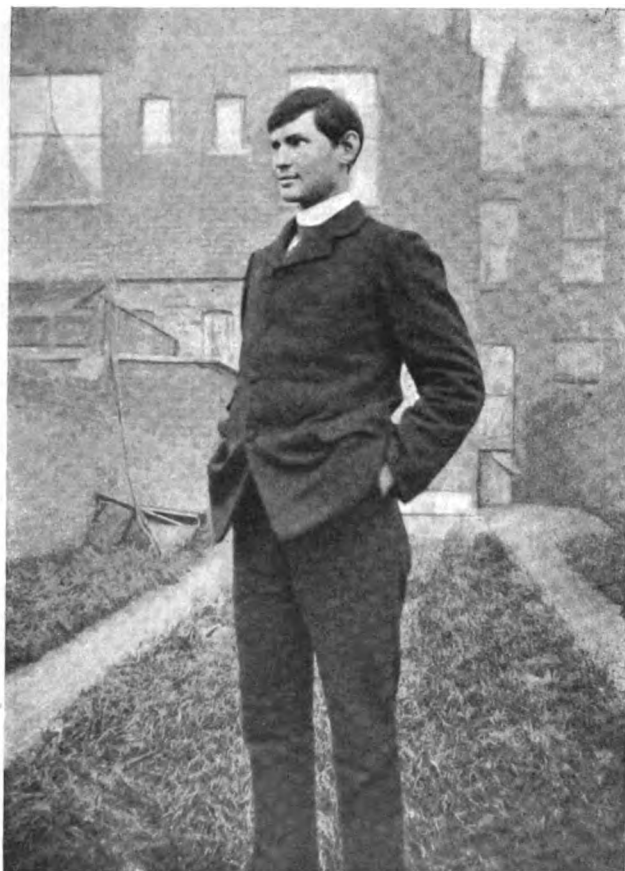
лась исторія съ описываньемъ нашего жалкаго имущества. Нѣсколько разъ она откупалась на время взятками, которыя давала помощнику пристава, но имущество всетаки описали и продали. Помню ужасную картину, когда пріѣхали забрать это имущество. Мать лежала тогда въ страшномъ обморокѣ, мы, дѣти рыдали навзрыдъ и на насъ глядя рыдалъ весь дворъ, а въ это время какіе-то чужіе неизвѣстные мужчины выносили послѣднюю кровать, оставляя только одни подушки на голомъ полу. Эта картина глубоко врѣзалась въ мою память и позже, когда я выросъ и началъ вдумываться въ жизнь, въ окружающую и свою, она имѣла сильное вліяніе на развитіе во мнѣ непобѣдимой ненависти и отвращенія къ нуждѣ, къ страданіямъ, къ униженіямъ, и къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ я впослѣдствіи увидѣлъ причину этихъ униженій. Въ первое время послѣ смерти отца мы оставались на попеченіи бабушки. Но она вскорѣ умерла. И наблюденіе за нами, двумя младшими дѣтьми, осталось на старшую сестру, 10-ти лѣтнюю дѣвочку, которая въ то время должна была заниматься хозяйствомъ и помогать матери въ торговлѣ на базарѣ. Мать уже начала торговать на базарѣ. Понятно, какое наблюденіе было за нами. Нерѣдко грозила опасность скатиться съ высокихъ грязныхъ лѣстницъ и разбиться на смерть, въ особенности мнѣ, младшему. Но жизнь меня всетаки пощадила, хотя она не малый процентъ дѣтей бѣдняковъ уничтожаетъ такимъ образомъ. Она меня оставила для того, чтобы сдѣлать впослѣдствіи вѣчнымъ рабомъ, вьючнымъ животнымъ, чтобы работать, работать и работать безъ конца, безъ отдыха, не зная ни свободы, ни счастья, ничего. Такой жизнью живутъ всѣ бѣдняки.

Возьмите всѣ эти милліоны людей, добывающихъ богатство, роскошь, добро и волю для другихъ. Спросите ихъ были ли они свободны въ своей жизни хоть на мигъ? Знали ли они когда-нибудь, что такое воля? Чувствовали ли они себя свободными хоть разъ въ жизни дѣлать, работать, что хотѣлось бы работать, что нравилось бы работать, когда хочется работать? Нѣтъ! Никогда! Они всегда находились и находятся подъ ярмомъ. Они должны работать, когда хочется спать, кушать. Должны кушать, когда сыты, должны спать, когда хочется жить, бодрствовать. Ни единого шага нѣтъ у нихъ свободнаго. Жизнь вмѣсто того, чтобы быть свѣтлой, радостной и вольной, каковой она могла бы быть, становится страшной невозможной, полной униженій, нужды, страданій и слезъ. Она становится ужасной. И люди, вмѣсто того, чтобы благословлять, проклинаяютъ ее. Оттого такъ многочисленны и часты у насъ и самоубійства.

Однако, вернусь къ прерванному разсказу своей жизни. Съ трехъ лѣтъ меня отдали въ хедеръ. Это былъ специальный хедеръ для сиротъ. Въ немъ было человѣкъ 50—60 дѣтей. Всѣ грязныя, оборванныя, едва начавшія жить, но уже хорошо знакомыя съ дѣйствительностью жизни, и главнымъ образомъ съ наиболѣе скверными, съ наиболѣе порочными и мерз-

кими сторонами ея. Старшія дѣти учились отъ взрослыхъ людей, а младшія учились отъ старшихъ дѣтей... И такимъ образомъ все, что было наиболѣе мерзкаго въ жизни, все, что породило нужда, униженія и угнетенія,—все это было извѣстно этимъ дѣтямъ и комментировалось ими на разные лады. Учились въ хедерѣ не особенно много. Да и некогда было. Рѣдко какой мальчикъ оставался тамъ старше 8—9 лѣтъ. Жизнь, которая гнала этихъ дѣтей въ хедеръ, когда они были еще настолько малыми, что за ними нуженъ былъ какой-нибудь присмотръ, когда ихъ негдѣ было держать вѣчно занятымъ родителямъ,—та же жизнь гнала этихъ дѣтей, когда они подростали, на фабрику, въ душную мастерскую, на базаръ, гдѣ они поработались на долгое время и начинали тянуть свою проклятую лямку, полную муки, тоски, колотушекъ и побоевъ. Я тоже началъ рано работать. Мнѣ едва минуло 7 лѣтъ, какъ я уже ходилъ на фабрику, гдѣ лѣтомъ и зимой, съ ранняго утра и до поздней ночи сидѣли десятки мальчиковъ и дѣвочекъ и клеили спичечныя коробки. Они вкладывали въ эти коробки свои дѣтскія силы, свою дѣтскую жизнь, свои дѣтскія души. А хозяева на ихъ счетъ строили свое благополучіе. Дѣтскія игры, дѣтская рѣзвость, дѣтская веселость не были доступны этимъ маленькимъ работникамъ. Часто, въ поздніе лѣтніе вечера, когда я голодный, утомленный возвращался съ работы домой и проходилъ мимо грязнаго, вонючаго переулка, гдѣ мы жили, который вѣчно кишѣлъ, какъ муравейникъ, оборванными, грязными дѣтьми, копающимися въ лужахъ въ грязь, мнѣ завидна становилась даже ихъ жизнь. Мнѣ также хотѣлось беззаботно играть, валяться въ лужахъ, въ грязи. Но утомленіе, голодь брали свое, и я уходилъ домой и тамъ, покушавъ кое чего, засыпалъ какъ мертвый. Зеленое поле, свѣтлое небо, лѣтнее солнце, которое доступно крестьянскимъ дѣтямъ,—мнѣ даже не было знакомо. И я впервые познакомился съ полемъ, когда мнѣ минуло 17 лѣтъ, и меня подъ конвоемъ перевозили изъ Одесской въ Воронежскую тюрьму. Тогда только увидѣлъ я, черезъ рѣшетчатое окно вагона, настоящее широкое, безконечное поле. На коробочной фабрикѣ я проработалъ недолго—ужъ слишкомъ безцѣльна эта работа. За цѣлую недѣлю такой работы я получалъ 15 к. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это фактъ. Меня рѣшили отдать на чайную фабрику Высоцкаго. Тамъ я работалъ цѣлыхъ 3 года. И вдругъ появился законъ о воспрещеніи работать на фабрикѣ дѣтямъ младше 11-ти лѣтъ. Мнѣ еще не было 11-ти лѣтъ, а потому я остался за бортомъ. Я поступилъ въ мастерскую къ столяру въ ученье. Но слабое здоровье не выдержало эту тяжелую работу и я за 3 года лежалъ разъ 5 въ больницѣ, такъ что столярному ремеслу научиться не могъ. Однако за это время духовно я сильно развивался. Братъ мой къ тому времени окончилъ ученье въ слесарной мастерской и началъ учиться. Свободные вечера отъ работы онъ проводилъ въ чтеніи, въ посѣщеніи лекцій въ народ-

ной аудиторин и т. д. И это дало мнѣ толчекъ къ занятіямъ. Я началъ читать. Читалъ главнымъ образомъ по беллетристикѣ. Въ 13 лѣтъ я уже былъ довольно развитой мальчикъ. Я уже былъ тогда знакомъ со многими русскими классиками. Читалъ переводные романы, напр. Шпильгагена. Особенно увлекался я романомъ послѣдняго «Одинъ въ полѣ не воинъ». Чтеніе Тургенева, Григоровича, Толстого и другихъ имѣло на меня громадное вліяніе. Они направили мою мысль въ извѣстную сторону. Окружающая меня жизнь была до того страшна, что у меня явилась страшная потребность въ иной, болѣе свѣтлой жизни. Этой жизни въ дѣйствительности я не находилъ. Зато я ее себѣ создавалъ въ своихъ мечтахъ. Мой братъ въ это время познакомился съ рабочимъ движеніемъ и началъ принимать въ немъ горячее участіе. Вопросы о переустройствѣ жизни, объ уничтоженіи того страшнаго давящаго мрака, объ уничтоженіи нужды, неволи и гнета обсуждались имъ на разные лады. Эти-то его разговоры съ товарищами западали мнѣ глубоко въ сердце. Хотя я былъ еще настолько молодъ, что все понимать я не могъ, но кое-что изъ того, что тамъ говорилось, крѣпко залетало въ мою голову и гнало мои мысли и мечты въ одну сторону. Я помню какъ посылаемый хозяиномъ по какому-нибудь дѣлу, я ходилъ по улицамъ и мечталъ все, представляя себя хозяиномъ, владѣльцемъ большой фабрики, гдѣ рабочимъ живется хорошо, они работаютъ 8 часовъ и т. д. и т. д. Въ это время я увлекался толстовствомъ. Меня тогда страшно мучило мое нравственное несовершенство. Много грязи, много мерзости было во мнѣ въ то время. Эта грязь, хотя и была дѣтская, наивная, впитанная мною невольно изъ самой среды, въ которой я воспитывался, и которую я даже впитывалъ какъ нѣчто хорошее, была очень сильна. Много и упорно я старался искоренить ее. На жизнь и на скверныя стороны у меня устанавливался тоже особый взглядъ. Я думалъ, что люди дѣлаютъ все нехорошее только потому, что темны неразвиты. Помню, часто, когда мнѣ приходилось ходить по загороднымъ улицамъ, гдѣ жили почти одни православные и за мною гнались русскіе мальчики съ крикомъ: «жидъ», «жидъ», «бей его» или же меня такъ кто-нибудь оскорблялъ,—я спѣшилъ уходить и не отвѣчать, въ глубинѣ души ихъ не обвиняя, но только на душѣ становилось тоскливо, страшно и хотѣлось, чтобы уже скорѣе настало время, когда не будетъ такихъ темныхъ и злыхъ людей. Постепенно я началъ понимать причину, почему эти люди темны. Понялъ, что эта темнота народа, главнымъ образомъ очень желательна богатымъ и господствующимъ, потому что при темнотѣ народъ не понимаетъ причины своего ужаснаго положенія. Онъ видитъ причину тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ существуютъ такія же страданія и нужда, какъ у него, какъ напр. въ еврействѣ. И если въ народѣ накопилось много ненависти и злобы на угнетателей, то ее можно направить совершенно въ иную сторону, а потомъ обвинить тѣ же невинныя жертвы, на которыя была

Хаимъ ГЕРШКОВИЧЪ.

направлена эта ненависть и злоба, въ ихъ, якобы, виновности. Я въ это время началъ знакомиться съ социалистической литературой, какъ легальной, такъ и нелегальной. Прочелъ Беллами, прочелъ другіе такіе же романы, и—главное—нелегальная литература показала и убѣдила меня, что можетъ существовать на землѣ другая, счастливая и хорошая жизнь, что люди всегда, во всѣ времена не могли мириться съ гнетомъ и порабощеніемъ... А единственнымъ средствомъ ихъ борьбы была революція, возстаніе, т. е. опять таки сила. Только сила можетъ побѣдить силу. Я видѣлъ, что борьба порабощеннаго человѣчества еще не закончилась успѣхомъ, потому что всегда, послѣ одного какого-нибудь гнета, устанавливалась другая форма гнета, быть можетъ, болѣе мягкая, болѣе современная, но это еще не значитъ, что этотъ мягкій гнетъ менѣе тягостенъ, чѣмъ прежній, самый варварскій, самый ужасный. Но можетъ быть, что люди, которые жили подъ тѣмъ гнетомъ, не страдали такъ отъ него, какъ мы страдаемъ отъ нашего, болѣе легкаго гнета. И извѣстно, что чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ страдаетъ и мучается хоть малѣйшимъ угнетеніемъ. Изъ этого стало мнѣ ясно, что нужно поставить себѣ цѣли самыя широкія, то-есть: полное уничтоженіе всякаго гнета и всякаго порабощенія на землѣ, и только къ этой цѣли идти. Я видѣлъ, что, хотя борьба угнетеннаго человѣчества еще не кончилась побѣдой, но это еще не значитъ, что она не можетъ кончиться побѣдой. Много фактовъ есть въ жизни, которые указываютъ на полную возможность и не только возможность, но даже и на полную несомнѣнность этой побѣды.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, арестовали моего брата; этотъ арестъ еще дальше толкнулъ меня въ направленіи революціонномъ. Я началъ мечтать о борьбѣ, мечтать о томъ счастливомъ времени, когда сумѣю отдать всю свою жизнь русской революціи. Я началъ искать возможность сдѣлать хоть что-нибудь полезное этому дѣлу. Мнѣ помнятся слова одного товарища моего брата, который говорилъ: «чтобъ сидѣть въ тюрьмѣ—надо быть достойнымъ». Эти слова глубоко врѣзались въ мою душу. Я считалъ тюрьму за великую честь для человѣка, честь, которой не всякій достоинъ. Одновременно съ тѣмъ я началъ пропагандировать свои, довольно еще смутныя идеи. Я старался всѣми силами убѣдить своихъ товарищей и знакомыхъ въ необходимости борьбы и т. д. На 16-мъ году, послѣ долгихъ мольбъ, меня товарищи приняли въ число членовъ Южной революціонной группы. Они находили, что я еще слишкомъ молодъ для этого, но я чувствовалъ, что не молодъ, что успѣлъ за короткое время своей жизни такъ узнать жизнь, какъ многіе старые люди не знаютъ ея.

На 17-мъ году меня арестовали на демонстраціи. Я просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ, потомъ меня выслали на родину. Я говорю выслали, потому что во время полученія приговора, я находился въ воронежской тюрьмѣ, куда меня выслали за безо-

рядки въ одесской тюрьмѣ. Въ тюремной жизни я принималъ дѣятельное участіе: неоднократно голодалъ, стучалъ въ двери, ломалъ мебель и т. д. Изъ Воронежской тюрьмы меня освободили на Пасху 1903 года, какъ разъ въ то время, когда происходилъ знаменитый погромъ въ Кишиневѣ. О немъ я узналъ на вокзалѣ желѣзной дороги, когда веселый, радостный ѣхалъ домой. Какое-то толстый жандармъ сообщилъ своему пріятелю: «Слыхалъ, въ Кишиневѣ жидовъ бьютъ». Эти слова ударили меня, какъ обухомъ по головѣ. Вѣдь я никогда не различалъ человѣка по религіи. А воспитавшись на русскихъ книгахъ, я страдавія крестьянъ и вообще русскихъ рабочихъ еще ближе принималъ къ сердцу... Я видѣлъ людей, страдающихъ отъ тѣхъ же причинъ, что и еврейскіе люди, которымъ нужно соединиться для единой борьбы противъ единыхъ враговъ, ибо не только у еврейскаго и русскаго народа есть одни и тѣ же враги, но и у всего поработеннаго человѣчества есть одинъ и тотъ же врагъ. Этотъ врагъ есть господствующіе со всѣми атрибутами своей защиты, какъ войска, духовенство, полиція, жандармерія и т. д. Противъ всѣхъ ихъ нужно соединиться для борьбы. Чтобы побѣдить его, нужна сила, а сила рабочаго народа въ солидарности.

Впослѣдствіи я убѣдился, кто истинный виновникъ всѣхъ погромовъ. Я рѣшилъ разъ навсегда бороться съ этимъ источникомъ всѣхъ мерзостей и гадостей нашей жизни. Часто, уже въ послѣднее время, въ Петербургѣ, я ходилъ по многолюднымъ шумнымъ улицамъ и вглядывался въ лица прохожихъ. Видѣлъ лица угрюмыя, задумчивыя, полныя тоски, полныя заботы, на которыхъ свѣтилось страданіе и нужда, и думалъ: будетъ время, когда не будетъ этихъ угрюмыхъ, унылыхъ лицъ, когда человѣкъ не будетъ видѣть въ другомъ человѣкѣ своего врага, своего противника, который отнимаетъ у него кусокъ хлѣба, и у котораго онъ стремится отнять кусокъ хлѣба, а будутъ люди-братья. И жизнь будетъ веселой, радостной, счастливой, она будетъ праздникомъ для человѣка, короткимъ праздникомъ, на который онъ является на мигъ, чтобы исчезнуть навсегда. За эту жизнь стоитъ отдать не только одну жизнь, но тысячи жизней. И если мнѣ придется отдать за этотъ свѣтлый идеалъ будущаго свою жизнь, я вовсе не буду несчастливъ, а наоборотъ, очень счастливъ».

Къ этой автобіографіи добавляемъ слѣдующее письмо къ матери.

Дорогая мамочка!

Я тебѣ уже писалъ одно письмецо, передъ судомъ; не знаю, получила ли ты его. Оно пошло, вѣроятно, черезъ Департаментъ полиціи, а это очень долгая исторія. Если ты получила его, то, навѣрно, уже знаешь обо мнѣ, о судѣ и приговорѣ. Приговоръ та-

кой, какъ я ожидалъ. Да и можно ли было чего-либо иного ожидать отъ нихъ? Ты понимаешь, кто это «они». Ты ихъ не мало уже знаешь, не мало перемучилась, перестрадала изъ за «нихъ». Но оставимъ теперь говорить о нашихъ врагахъ. Они знакомы всему русскому народу, и не мало о нихъ уже было говорено. Я пишу тебѣ, быть можетъ, послѣднее письмо, а потому нужно использовать, какъ слѣдуетъ, т. е. говорить о важномъ, о томъ, что мучаетъ и волнуетъ меня и что хочется, что необходимо сказать. Это вопросъ о моей смерти и твоёмъ отношеніи къ ней. Хотя адвокатъ мой и подалъ кассационную жалобу, хотя и мотивовъ къ ней больше, чѣмъ достаточно, хотя и приговоръ еще не утвержденъ генераль-губернаторомъ, т. е. Треповымъ,—я всетаки увѣренъ въ своей смерти, развѣ только революція или какія-нибудь другія важныя политическія событія спасутъ меня. Все возможно. Всякій знаетъ, что русская революція не за горами, и что ее никакія смертныя казни и разстрѣлы не остановятъ. И я вѣрю въ это. Я буду вѣрить въ это даже въ послѣднюю свою минуту, когда палачъ уже одѣнетъ петлю на мою шею. Съ этой вѣрой я и умру. И смерть моя будетъ легка, я бы сказалъ, сладка, если бы это можно было сказать относительно смерти. Вѣрь мнѣ, дорогая—я вполне спокоенъ. Удивительно спокоенъ! Ну, что значить моя смерть, моя жизнь въ сравненіи съ тѣмъ великимъ грядущимъ, которое идетъ, за которое уже отдано столько тысячъ, сотенъ тысячъ, быть можетъ, даже болѣе молодыхъ и лучшихъ жизней, чѣмъ моя. Ты себѣ не представляешь, какое счастье можетъ принести смерть. Это не потому, что я не люблю жизнь, что она мнѣ страшна, противна, и я жажду избавленія отъ нея. Нѣтъ, наоборотъ. Я люблю жизнь. Я люблю ее такъ, какъ только можетъ любить молодой 19-ти-лѣтній человѣкъ, полный энергіи, вѣры, силы и т. д. и т. д. И если бы была возможность, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ остался жить. Но такъ какъ возможности пока не предвидится, то не будемъ о ней говорить. Я говорю, что смерть можетъ доставить и даже доставляетъ великое удовольствіе вотъ въ какомъ отношеніи. Это, такъ сказать, въ отношеніи моральномъ. Въ отношеніи сознанія своихъ нравственныхъ силъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ пойми. Я умираю за что? За великое дѣло освобожденія, освобожденія не только русскаго народа, но и всего человѣчества. Я умираю за то, что не хотѣлъ быть рабомъ, вѣчно тянуть свое ярмо и смотрѣть, какъ рядомъ со мной также тянуть его миллионы людей, миллионы, которые могли бы быть свободны, которые имѣютъ право на свободу и на все окружающее, какъ всякій живой человѣкъ имѣетъ правъ на это. У меня было настолько силъ, что я не побоялся смерти, что перенесъ 2 раза тюрьму и ссылку, и что я явился на судъ передъ своими палачами спокойнымъ, гордымъ и смѣлымъ, и такимъ же спокойнымъ и гордымъ пойду на эшафотъ. Развѣ мало счастья доставляетъ это удовольствіе? Я хотя и всегда отличался твердымъ характеромъ, но всетаки хорошее пѣніе, хорошая за-

душевная музыка могли иной разъ вызвать у меня слезу. Но теперь, дорогая, когда мнѣ придется разставаться навсегда со столькимъ милымъ и дорогимъ, у меня не явилась ни одна слеза, ни одно малодушное чувство, хоть на мигъ—это правда, дорогая, сущая правда! Я все это говорю не потому чтобы похвастаться, а для того, чтобы ты увидѣла, что я вполне спокоенъ и даже счастливъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты также взглянула на мою смерть моимъ взглядомъ. Ты бы тогда не такъ плакала и горевала. Я знаю, какъ тяжела для тебя будетъ моя смерть. Я знаю, что она тебя убьетъ. Но, дорогая, если бы ты знала, какъ мнѣ больно за твои слезы и страданія, какъ страшно горько вспомнить о нихъ, ты бы тогда не такъ убивалась и горевала. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ твои слезы? Развѣ ты ими меня спасешь? Зачѣмъ убиваться, когда ты, старуха, можешь еще увидѣть очень великое, счастливое и радостное—это болѣе или менѣе счастливую родину. Это то, за что твои дѣти сидѣли въ тюрьмахъ, были изгоняемы и отдавали свою жизнь. Дорогая моя, умоляю тебя, не плачь, не горюй! И прости мнѣ всѣ твои тяжкія мученія и страданія, въ которыхъ я былъ причиной. Ты вѣдь знаешь, какъ я люблю тебя. Ты знаешь, что если я тебѣ и причинилъ что-нибудь горькаго, то безсознательно или невольно. Какъ хотѣлось бы прижать тебя крѣпко, крѣпко къ своей груди... Ну, прощай!

Твой Хаимъ.

III.

Гершковичъ былъ казненъ въ Шлиссельбургской крѣпости въ одинъ день съ рабочимъ Александромъ Васильевымъ, осужденнымъ на смерть за убійство околочнаго надзирателя. Васильевъ (вовсе не революционеръ) былъ преданъ военному суду также по приказанію петербургскаго генераль-губернатора, а нынѣ дворцоваго коменданта Д. Ф. Трепова. Просьба о помилованіи, обращенная родными Васильева на высочайшее имя, была отклонена, и приговоръ былъ утвержденъ Д. Ф. Треповымъ. О послѣднемъ днѣ Васильева и Гершковича близкій свидѣтель жизни Шлиссельбургской крѣпости (авторъ статьи въ майской книгѣ «Былого» — «Послѣдній день Каляева») передаетъ слѣдующее:

«Несчастный 1905 годѣ со своимъ обиліемъ смертныхъ приговоровъ рѣзко сказался въ Шлиссельбургской крѣпости. Долго не могло изгладиться гнетущее чувство, вызванное казнью Каляева, послѣ которой всѣ въ Шлиссельбургской крѣпости какъ-то присмирѣли, словно стыдно было смотрѣть другъ другу въ глаза; у каждаго легла эта смерть тяжелымъ бременемъ на душу; даже тѣ, кому не пришлось при ней присутствовать, все же не могли не переживать ее въ умѣ, мысленно слѣдя за каждымъ моментомъ развитія этого ужаса; не было силъ оторвать свои мысли и чувства отъ всего того, что относилось къ долженствовавшей

совершиться по разъ установленному порядку казни. Со дня казни Каляева прошло около 3-хъ мѣсяцевъ, и снова стали носиться слухи, что въ крѣпость опять привезутъ осужденныхъ «для приведенія приговора въ исполненіе», т. е. еще разъ придется переживать картину лишенія жизни человѣка безжалостной рукой палача. Страстно хотѣлось думать, что казнь будетъ замѣнена заточеніемъ, хотѣлось чуда, но чуда не произошло...

Въ началѣ августа стало извѣстно, что рабочій Александръ Васильевъ за убійство околоточнаго и неизвѣстный, оказавшійся Гершковичемъ, за вооруженное сопротивленіе при арестѣ, приговоренные къ смертной казни, будутъ привезены въ крѣпость.

По странной случайности, казни Васильева и Гершковича, какъ и казни Каляева, предшествовала буря на Невѣ, только на этотъ разъ буря была сильнѣе, да и длилась не однѣ, а трое сутокъ, вслѣдствіе чего запоздало прибытіе полицейскихъ пароходовъ съ осужденными, и палачъ жилъ въ крѣпости трое сутокъ.

Палачъ пріѣхалъ въ августѣ уже не на полицейскомъ, какъ это было при казни Каляева, а на пассажирскомъ пароходѣ и, какъ окончившій срокъ своей каторги, онъ пріѣхалъ уже безъ конвоя. Въ крѣпости онъ въ виду того, что ему не было разрѣшено ходить по крѣпости, долженъ былъ сидѣть безвыходно въ пріютившей его и на этотъ разъ такъ называемой дежурной комнатѣ; здѣсь онъ сидѣлъ цѣлый день у окна, разсказывалъ солдатамъ о своихъ похожденияхъ, давая полную возможность желающимъ поглазѣть на это своего рода диво XX вѣка, разглядывать себя съ головы до ногъ; видимо ему даже доставляло удовольствіе, что онъ можетъ быть предметомъ любопытства для досужихъ зѣвакъ.

Васильева и Гершковича привезли на 2-хъ полицейскихъ пароходахъ около 11 часовъ утра 19 августа. Первымъ сведенъ былъ на пристань Васильевъ, его провели въ комнату въ манежѣ, въ которой провелъ свой послѣдній день Каляевъ; Гершковича, за отсутствіемъ другого подходящаго помѣщенія, провели въ аптеку, хотя обычно въ аптеку помѣщались только тѣ, кого привозили для заточенія въ тюрьмѣ, а не приговоренные къ смертной казни. Хотя Васильевъ и Гершковичъ пріѣхали одновременно, но другъ друга они не видѣли и, по всей вѣроятности и не узнали, что въ ту ночь было повѣшено двое, а не одинъ. Казнены Васильевъ и Гершковичъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и Каляевъ, то есть на маленькомъ дворѣ за зданіемъ манежа возлѣ входа въ солдатскую баню.

Послѣдній день передъ казнью въ отношеніи соблюденія формальности проходить, вѣроятно, всегда по разъ установленному обычаю, а потому казни Васильева и Гершковича сопровождались тѣми же формальностями, какъ и казнь Каляева. При казни присутствовали тѣ же лица, что и у Каляева. Оба осужденные провели день 19 августа подъ надзоромъ тюремныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, обѣдъ и чай получили съ тюремной кухни. Ва-

сильевъ въ теченіе дня бесѣдовалъ со своими стражами и рассказалъ имъ грустную исторію о томъ, какъ онъ очутился въ положеніи приговореннаго къ смерти, Гершковичъ же, въ сильно возбужденномъ состояніи, большую часть дня быстро ходилъ по комнатѣ, куря одну за другой папиросы и написалъ длинное письмо своей матери.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь безхитростный рассказъ Васильева объ исторіи его преступленія, послѣ суда онъ обращался съ просьбой о помилованіи, но она, какъ ему было о томъ прочтено предъ казнью помощникомъ секретаря, была оставлена безъ послѣдствій. На видъ это былъ безобидный юноша 20 лѣтъ отъ роду, хорошо сложенный и вполне здоровый на видъ, ничего не имѣвшій общаго съ революціонной дѣятельностью, а любившій просто лишнее выпить, а выпивши — поскандальить или, какъ принято выражаться, нарушить общественную тишину и спокойствіе; вотъ за это-то нарушеніе тишины ему и приходилось попадать въ участокъ, гдѣ убитый имъ околоточный, по его словамъ, разбивалъ ему въ кровь лицо и «сворачивалъ на сторону скулы». Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ «отрешленій» Васильевъ, будучи сильно озлобленъ на околоточнаго, прибилъ ему камнемъ голову, за что и отсидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ. По выходѣ изъ тюрьмы его столкновенія съ околоточнымъ не прекратились, а вслѣдствіе того, что, благодаря заключенію въ тюрьмѣ, Васильевъ остался безъ мѣста, они, стали пожалуй, еще болѣе обостренными и кончились тѣмъ, что Васильевъ, встрѣтивъ своего врага съ компаніей пьяныхъ, какъ и онъ, товарищей, убилъ его, въ чемъ и сознался, не желая, чтобы страдали другіе, и не ожидая, что ему за это грозитъ смертная казнь.

Объ ожидавшей его смерти онъ, вѣроятно, старался днемъ не думать, потому что когда, согласно установленному правилу, товарищъ-прокурора объявилъ ему, что ночью онъ будетъ казненъ, Васильевъ страшно разстроился, разволновался и весь какъ-то затрясся. Послѣ прокурора къ нему вошелъ священникъ, у котораго Васильевъ исповѣдался и причастился; затѣмъ онъ написалъ почти-что подъ диктовку, потому что все еще былъ сильно взволнованъ, письмо къ роднымъ; письмо было коротенькое и содержало въ себѣ только извѣщеніе о томъ, что онъ умираетъ. Покончивъ съ письмомъ, Васильевъ обратился къ бывшимъ при немъ со словами: «Меня зовутъ Александръ, помолитесь обо мнѣ».

О томъ, что его казнятъ ночью, Васильевъ узналъ очень незадолго до казни, такъ что едва успѣлъ приготовиться къ смерти, однако же онъ сумѣлъ настолько успокоиться, что когда къ нему вошелъ смотритель тюрьмы, чтобы вывести его къ мѣсту казни, и палачъ завязалъ ему вазадъ руки, несчастный уже совершенно владѣлъ собой. Стоя на эшафотѣ онъ еще разъ поцѣловалъ крестъ и, обращаясь къ стоявшимъ возлѣ эшафота солдатамъ, сказалъ: «Простите меня, братцы!»

Христіанская кончина Васильева произвела ошеломляющее

впечатлѣніе на простыя сердца солдатъ; растроганные, они по собственному побужденію и такъ сказать вопреки воинской дисциплинѣ, безъ команды о томъ, обнажили свои головы, когда подвѣяли гробъ съ тѣломъ его, чтобы нести за крѣпость для погребенія, и долго послѣ его смерти не могли они примириться съ мыслью о его казни, и долго недоумѣвали, зачѣмъ и почему поѣсили Васильева.

Васильевъ казненъ былъ первымъ, и умеръ въ 5-мъ часу утра; гробъ съ его тѣломъ былъ вынесенъ на время казни Гершковича въ сарай, гдѣ стоялъ другой гробъ, въ который положено было тѣло Гершковича, который былъ казненъ, вторымъ, и умеръ въ началѣ 6-го часа. Обѣ казни продолжались немного болѣе часа. Оба гроба опущены одновременно въ одну общую для обоихъ могилу.

Гершковичу тоже было незадолго до казни объявлено, что онъ ночью будетъ казненъ; Гершковичъ спокойно выслушалъ слова прокурора и сказалъ: «прекрасно». Вскорѣ послѣ этого за Гершковичемъ зашелъ въ аптеку смотритель тюрьмы и перевелъ его въ комнату, которую покинулъ Васильевъ, уйдя на эшафотъ; такимъ образомъ и Гершковичъ пробылъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ, изъ которой шелъ на казнь Каляевъ.

Для того, чтобы попасть въ эту печальной памяти комнату, помѣщающуюся, какъ уже упоминалось, въ зданіи манежа, Гершковичу пришлось пройти по двору, потому что аптека, въ которой онъ провелъ день, помѣщается въ стѣнѣ, образующей ворота крѣпости, и находится налѣво отъ входа въ крѣпость. Черезъ дворъ до зданія манежа Гершковичъ шелъ твердымъ шагомъ съ высоко поднятой головой и куря папиросу. Послѣ того, какъ съ Васильевымъ было все покончено, смотритель тюрьмы въ сопровожденіи палача повелъ Гершковича къ мѣсту казни, причемъ палачъ завязалъ по обычаю и ему назадъ руки, только ужъ не такъ крѣпко, какъ онъ это продѣлалъ съ Васильевымъ, которому ссадилъ на руки веревкой кожу. Возмущенный врачъ, увидѣвъ это при осмотрѣ тѣла Васильева, сказалъ палачу: «Чего же ты, сволочь, кожу-то людямъ сдираешь?»

И Васильеву, и Гершковичу не читали подробнаго приговора въ окончательной формѣ, какъ было во время казни Каляева, а прочли только краткую резолюцію суда. Гершковичъ выслушалъ спокойно это чтеніе и затѣмъ, стоя уже подъ висѣлицей съ петлей на шеѣ, воспользовался оплошностью палача, не накинувшаго ему сразу на голову капюшонъ, и обратился къ стоявшимъ возлѣ эшафота со словами:

«Вы пришли посмотреть, какъ я буду умирать? Я умру спокойно, но скоро настанетъ время, когда народъ»...

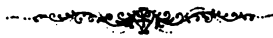
«Дѣлай свое дѣло!» прервалъ его слова окрикъ коменданта.

Палачъ въ одинъ мигъ накинулъ на лицо капюшонъ и затянулъ петлю; рѣчь Гершковича осталась не договоренной, но

произнесены были послѣднія слова Гершковичемъ спокойнымъ ровнымъ и громкимъ голосомъ.

Въ теченіе какого-нибудь часа, не стало двухъ молодыхъ жизней. Гершковичу было 19 лѣтъ.

Быль 6-й часъ утра, солнце ярко свѣтило и обѣщало ясный день, въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ вѣтеръ чуть шелестилъ листву деревьевъ. Вдругъ совершенно неожиданно мертвая тишина нарушена была отчаяннымъ, дикимъ и громкимъ крикомъ ворона, ему сталъ вторить цѣлый хоръ собравшихся на колокольнѣ крѣпостной церкви галокъ и воронъ; первоначальный крикъ былъ до того пронзителенъ и неожиданъ, что показался какимъ-то таинственнымъ возмущеннымъ голосомъ и могъ вселить ужасъ и не суевѣрному человѣку ¹⁾».

¹⁾ Могила Васильева и Гершовича тамъ же, гдѣ и могила Калыева, т. е. волеѣ Королевской башни. Всего казнено въ Шлиссельбургской крѣпости съ 1884 г. 13 человѣкъ; изъ нихъ: двое Мышкинъ 26 января 1885 г. и Минаковъ 21 сентября 1884 г. расстрѣляны, а остальные 11 человѣкъ повѣшены: Рогачевъ и Штромбергъ 10 октября 1884 г., Андреевскій, Генераловъ, Осипановъ, Ульяновъ и Шевыревъ 8 мая 1887 г., Балашевъ 3 мая 1902 г., Калыевъ 10 мая 1905 г. и Васильевъ и Гершковичъ 20 августа 1905 г.

Степанъ Валерьяновичъ
БАЛМАШЕВЪ.

Съ карточки, снятой сейчасъ же послѣ ареста.

Казнь С. В. Балмашева.

О казни Балмашева извѣстно слѣдующее. День передъ казнью онъ провель въ канцеляріи Шлиссельбургской крѣпости; былъ уже слабъ и болѣзненъ на видъ, весь день провель, просматривая «Ниву». Къ ночи переведенъ былъ въ старую тюрьму и помѣщенъ въ камерѣ; здѣсь крѣпко заснулъ. Въ 4-му часу ночи былъ разбуженъ ротмистромъ Правоторовымъ, бывшимъ въ 1902 г., смотрителемъ тюрьмы; объявленіе товарища прокурора объ ожидающей его смерти видимо очень взволновало его, ибо не ожидалъ смерти; отъ исповѣди и причастія отказался, подошелъ къ окну и нѣсколько времени провель молча, смотря на небо; затѣмъ обернулся и сказалъ: «я готовъ».

На казнь шель, предшествуемый священникомъ, съ завязанными назадъ руками. Казнь была совершена во дворѣ за старой тюрьмой, напротивъ оконъ изъ камеры Іоанна Антоновича. Въ то время дворъ этотъ не былъ перегороженъ заборомъ, это сдѣлано въ 1903 г. для прогулокъ Кочуръ и Чепегину. Эшафотъ возвышался воулъ забора, раздѣляющаго теперь дворъ на 2 части. Похороненъ Балмашевъ тутъ-же въ десяти шагахъ отъ стѣны.

Вѣшалъ Балмашева тотъ же палачъ, который повѣсилъ въ 1905 году Каляева, Гершковича и Васильева.

N. N.

На портретѣ, воспроизводимомъ нами, Балмашевъ изображенъ въ той самой офицерской формѣ, въ которой онъ явился въ Комитетъ Министровъ и произвелъ выстрѣлъ въ Д. С. Сипягина.

Нѣкоторыя данныя о «Письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III».

1 марта, часа въ четыре пополудни, Исполнительный Комитетъ собрался на конспиративной квартирѣ у Вознесенскаго моста. Всѣ были глубоко взволнованы важностью только что совершившагося историческаго событія и тѣхъ задачъ, которыя предстояло немедленно выполнить Комитету.

Предстояло тотчасъ опубликовать извѣщеніе о фактѣ 1-го марта. Тихомировъ, который исполнялъ, такъ сказать, роль статсъ-секретаря Комитета, удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ имъ была написана прокламація Комитета, помѣченная 1 марта.

Въ то время, какъ онъ писалъ, Комитетъ обсуждалъ вопросъ о воззваніи къ народу. Обсужденіе продолжалось и послѣ того, какъ Тихомировъ прочелъ прокламацію, и она была одобрена Комитетомъ и отправлена для напечатанія въ типографію «Народной Воли».

Послѣ того, какъ были выяснены основы воззванія къ народу и намѣчены главные пункты его, составить его взялись совмѣстно нѣсколько лицъ, насколько я помню,—Перовская, Исаевъ и Богдановичъ.

2 и 3 марта Исполнительный Комитетъ для своихъ совѣщаній собрался на той же квартирѣ у Вознесенскаго моста. Кромѣ неотложныхъ практическихъ дѣлъ ему въ эти дни приходилось рѣшать дальнѣйшіе вопросы о выпускѣ воззваній. Прокламація къ крестьянству, извѣстная впослѣдствіи подъ сокращеннымъ названіемъ «Ко всему народу русскому», была принята Комитетомъ въ одномъ изъ ближайшихъ собраній и помѣчена 2 марта.

Возникъ вопросъ объ обращеніи къ обществу, въ которомъ должны были быть выяснены сложные мотивы, приведшіе къ событію 1-го марта, и вслѣдъ затѣмъ явилась мысль замѣнить подобное воззваніе обращеніемъ къ новому правительству. Оно должно было дать правительству ясное представленіе объ ошибочности политики, практиковавшейся въ царствованіе Александра II, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть ему путь для замѣны прежняго образа дѣйствія инымъ, мирнымъ и свѣтлымъ, результатомъ котораго были бы народовластіе и свобода Россіи.

Немедленно въ собраніи Комитета поднялся вопросъ, стоитъ ли обращаться къ правительству, есть ли малѣйшая надежда на то, что предложенія Комитета будутъ имъ приняты. Никто изъ членовъ Комитета не питалъ такой увѣренности; всѣмъ упорство русскаго правительства было хорошо извѣстно; всѣ знали, что отреченіе отъ византизма можно вырвать у него только силой. Тѣмъ не менѣе Комитетъ рѣшилъ обратиться къ правительству, открывая для него возможность съ честью закончить борьбу, завязавшуюся между нимъ и русской революціонной партіей, за которой стояли если не самолично всѣ жители страны, то несомнѣнно, жизненные интересы всего народа. Обществу же такимъ образомъ доставлялся случай стать судьей обѣихъ борющихся сторонъ.

Порученіе Комитета взялись исполнить два лица—Грачевскій и Тихомировъ. Чтеніе обоеихъ произведеній въ Комитетѣ состоялось на конспиративной квартирѣ въ Коломнѣ. Собраніе происходило днемъ 7—8 марта. На немъ присутствовали: С. Л. Перовская, Сухановъ, Т. Ив. Лебедева, Исаевъ, Грачевскій, Фроленко, Тихомировъ, и хозяйка квартиры: С. Златопольскій и я. В. Н. Фигнеръ въ этотъ день не могла придти, такъ какъ дѣла задержали ее дома. Присутствовавшіе не одни составляли тогдашній Исполнительный Комитетъ. Нѣкоторые изъ его членовъ находились въ то время въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи.

Первымъ читалъ свой проектъ обращенія къ правительству Грачевскій. У него изложеніе причинъ, приведшихъ къ 1 марта, было выполнено обстоятельно и недурно. Въ общемъ же проектъ его не получилъ одобренія Комитета.

Тихомировъ придавалъ обращенію къ правительству форму письма, которая была найдена удачною, самое изложеніе большинствомъ присутствовавшихъ было признано удовлетворительнымъ, и выборъ Комитета окончательно оставовился на произведеніи Тихомирова. Во время преній, однако, были указаны перемѣны, которыя должны были произойти въ текстѣ, и сдѣланы нѣкоторыя возраженія, касавшіяся между прочимъ требованій, выставленныхъ въ концѣ письма. Особенно горячее участіе въ преніяхъ принимали Перовская и Сухановъ¹⁾.

На этомъ же собраніи Комитетъ поручилъ Тихомирову прочесть письмо Н. К. Михайловскому, какъ одному изъ редакторовъ партійнаго органа «Народной Воли». Существенныхъ измѣненій безъ согласія Комитета Михайловскій не могъ внести въ

¹⁾ По воспоминаніямъ М. Ф. Фроленко, арестованнаго еще 17 марта. т. е. вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ письма Исп. Ком., Сухановъ говорилъ ему, что онъ сначала относился не совсемъ одобрительно къ его содержанію, кажется, за недостаточное развитіе той части письма, которая касается причинъ, вызвавшихъ событіе 1-го марта. Но, однажды, ему пришлось присутствовать на чтеніи письма среди офицеровъ. Онъ видѣлъ дѣйствіе его на нихъ и съ тѣхъ поръ сталъ рѣшительнымъ его поклонникомъ. Въ новомъ для него освѣщеніи оно казалось ему совершенствомъ. „Оно кратко, сильно, выразительно,—говорилъ Сухановъ,—во всемъ соблюдена мѣра, и оно написано съ чувствомъ собственного достоинства“. Словомъ, лучшаго письма не могло быть.

текстъ «письма», да онъ ихъ и не предложилъ. По словамъ Тихомирова, Николай Константиновичъ далъ лестный отзывъ о рукописи и сдѣлалъ въ ней лишь одну или двѣ стилистическія поправки, которыя были охотно приняты Комитетомъ при второмъ чтеніи «Письма», которое состоялось на другой день (или черезъ день) послѣ перваго чтенія, на квартирѣ у Вознесенскаго моста, гдѣ происходили засѣданія Комитета въ первыхъ числахъ марта, и хозяиномъ которой былъ Гр. Исаевъ. Эта квартира имѣетъ свою громкую исторію благодаря значенію, которое выпало на ея долю въ тревожные мѣсяцы начала 1881 года.

При второмъ чтеніи, кромѣ выше перечисленныхъ лицъ, бывшихъ при первомъ чтеніи, присутствовала также Вѣра Николаевна Фигнеръ, но не было Перовской. Ея арестъ произошеть утромъ 10 марта, этимъ днемъ помѣчено «Письмо Исп. Ком. къ Ал. Ш».

На второмъ собраніи Комитетомъ была принята окончательная редакція «Письма», послѣ чего Грачевскій отнесъ рукопись въ типографію «Народной Воли» (на Подольскую ул.), хозяиномъ которой онъ состоялъ. Съ тѣхъ поръ типографія работала день и ночь, печатая въ большомъ количествѣ, какъ «Письмо», такъ и воззваніе «Ко всему народу русскому».

Одинъ экземпляръ «Письма» былъ особенно тщательно отпечатанъ на веленовой бумагѣ и вложенъ въ конвертъ, на которомъ значились титулъ и имя Александра III. Письмо было опущено въ почтовый ящикъ, находящійся на Казанской площади у Думы.

Была еще одна конспиративная квартира, связанная съ исторіей письма Исп. Ком., она помѣщалась въ Коломнѣ. Въ виду того, что ея исторія можетъ представить нѣкоторый интересъ для читателей «Былого», освѣщая до известной степени внутреннюю жизнь тогдашнихъ революціонеровъ, я рѣшаюсь посвятить ей здѣсь нѣсколько строкъ. Исторія ея такова.

За нѣсколько дней до 1-го марта Савелій Златопольскій и я заняли помѣщеніе въ гостиницѣ на Загородномъ проспектѣ противъ Технологическаго института. 2 или 3 марта мы начали искать квартиру для собраній Исполнительнаго Комитета. Подходящая квартира скоро была найдена, и тотчасъ Златопольскій и я поселились въ ней. Она помѣщалась въ верхнемъ этажѣ двухэтажнаго дома и имѣла ходъ съ улицы. Златопольскій выдавалъ себя за книготорговца изъ Кіева, а меня за свою супругу. Мебель была куплена въ дешевомъ магазинѣ, и вскорѣ послѣ того квартира начала функционировать.

Первое собраніе Комитета въ ея стѣнахъ было то, на которомъ Тихомировъ впервые читалъ «Письмо къ Александру III».

А. Прибылева-Корба.

Отчетъ о процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году.

О процессѣ Ал. Михайлова и его товарищей мы говорили уже въ 1 № «Былого» (1906 г., первое изданіе, стр. 232—308). Въ настоящее время мы снова возвращаемся къ этому замѣчательному процессу и, надѣемся, намъ еще не разъ придется говорить о немъ. Если о процессѣ Квятковскаго (1880 г.) и Желябова (1881 г.) правительство опубликовало еще довольно обстоятельные отчеты, то о процессѣ А. Михайлова было совершенно запрещено говорить въ печати, и о немъ не было дано ничего, кромѣ очень краткаго «правительственнаго сообщенія». Существовало даже опасеніе, что всѣ свѣдѣнія о немъ погибли навсегда.

Въ настоящее время, кромѣ разнаго рода матеріаловъ о процессѣ А. Михайлова, мы имѣемъ обвинительный актъ по этому дѣлу (см. 1 № «Былого») и довольно обстоятельный отчетъ о ходѣ судебного разбирательства въ Сенатѣ, который и печатаемъ въ этомъ номерѣ «Былого». Отчетъ составленъ однимъ изъ лицъ, все время присутствовавшимъ на процессѣ. Мы печатаемъ этотъ документъ безъ всякихъ измѣненій: пусть читатели и изслѣдователи имѣютъ подъ рукою его такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ подъ пера безпристрастнаго свидѣтеля, заносившаго на бумагу все, что онъ видѣлъ и слышалъ на судѣ. Со временемъ къ этому отчету будутъ подысканы дополненія и коментаріи; будетъ оцѣнено по достоинству отношеніе первоприсутствующаго ко всѣмъ подсудимымъ и въ особенности къ Тетеркѣ, преданному, честному, умному рабочему, котораго Дейеръ хотѣлъ не только засудить, но и пытался издѣваться надъ нимъ; будетъ объяснено, почему подсудимые держались такъ или иначе... Это—дѣло будущихъ изслѣдователей, которые, конечно, поймутъ всю важность печатающагося у насъ документа. Процессъ 20-ти народовольцевъ разбирался во время упадка дѣятельности партіи Народной Воли, но для правительства эта партія по-прежнему была партіей, съ которой оно считалось, какъ съ грознымъ и сильнымъ врагомъ. Спустя 5—6 мѣсяцевъ послѣ процесса 20-ти, правительство вынуждено было вести знаменитые свои переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли,

о чемъ мы надѣмся скоро обстоятельно разсказать на страницахъ «Былого».

Изъ участниковъ процесса Сухановъ былъ 2 марта разстрѣлянъ; Михайловъ, Баранниковъ, Колоткевичъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Лангансъ, Исаевъ—умерли въ 1883—84 г.г. еще въ Александровскомъ рavelинѣ; Терентьева погибла загадочной смертью тогда же въ Петропавловской крѣпости; Лебедева умерла въ 1889 г., не выходя съ каторги. Изъ переведенныхъ изъ Александровскаго рavelина въ Шлиссельбургскую крѣпость Арончикъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ 1888 г., и только трое, Морозовъ, Тригопи, Фроленко,—вышли на свободу въ 1905 г., т. е. послѣ 20 слишкомъ лѣтъ заточенія!.. Якимова и Фриденсовъ отбыли срокъ каторги, были освобождены и въ данное время снова находятся въ тюрьмѣ по новому дѣлу. Златопольскій послѣ долгаго пребыванія на каторгѣ живетъ теперь на поселеніи въ Читѣ, Люстигъ—въ Крыму, Емельяновъ, какъ «колонистъ», вышелъ съ каторги и живетъ въ Сибири. Одинъ Меркуловъ не отбывалъ наказанія и прямо изъ тюрьмы попалъ на службу въ Департаментъ Полиціи... Привлекавшійся по этому дѣлу Тычининъ еще до суда умеръ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, кажется, бросившись съ 4-го этажа, когда его вели на прогулку. Ел. Оловяникова сошла съ ума и жива до сѣ поръ, Тырковъ тоже временно психически захворалъ, а потомъ на 20 лѣтъ административнымъ порядкомъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Въ слѣдующихъ номерахъ «Былого» мы надѣмся помѣстить новыя карточки участниковъ процесса 20-ти, рѣчи нѣкоторыхъ адвокатовъ, біографическіе матеріалы и письма подсудимыхъ комментаріи къ обвинительному акту и отчету о судѣ и т. д.

Ред.

Дѣло о *Михайловѣ, Колоткевичѣ, Тригопи, Баранниковѣ, Сухановѣ, Люстигѣ, Клѣточниковѣ, Фроленко, Исаевѣ, Емельяновѣ, Фриденсовѣ, Меркуловѣ, Златопольскомѣ, Арончикѣ, Тетеркѣ, Морозовѣ, Лангансѣ, Терентьевой, Лебедевой, Якимовой.*

Въ составъ Особаго Присутствія вошли сенаторы: первоприсутствующій *Дейеръ*, сенаторы: Газенвигель, Лего, Манассеинъ, Сеницынъ и Вѣлостокскій, сословные представители: Московскій губерпскій предводитель дворянства графъ Бобринскій, Богородскій уѣздный предводитель дворянства Н. Ф. Самаринъ, Ярославскій городской голова Вахрамѣевъ, и Красносельскій, Царско-Сельскаго уѣзда, волостной старшина Шалберовъ, при исполняющемъ обязанности оберъ-секретаря *Поповъ*.

Обвиняли: прокуроръ С.-Петербургской судебной палаты *Муравьевъ* и прокуроръ С.-Петербургскаго окружнаго суда *Острооскій*.

Засѣданіе 9 февраля 1882 г. Открыто въ 11 ч. 5 м.

Первоприсутствующій производитъ опросъ подсудимыхъ, при чемъ подсудимые Якимова, Лебедева, Колодкевичъ, Баранниковъ, Исаевъ, Фроленко, Михайловъ на вопросъ о занятіяхъ заявили, что они занимаются революціонными дѣлами и состоятъ агентами 3-й степени Исполнительнаго Комитета, а подсудимая Терентьева на тотъ же вопросъ отвѣтила, что она служитъ свободному слову.

Прочитаны свѣдѣнія о томъ, что Оловяникова и Тычининъ, привлекавшіеся по этому же дѣлу, во время производства дознанія сошли съ ума, и потому дальнѣйшее производство относительно нихъ приостановлено.

Прочитаны имена вызванныхъ свидѣтелей.

Подсудимый *Михайловъ* проситъ разрѣшенія сдѣлать заявленіе сначала отъ имени всѣхъ подсудимыхъ, затѣмъ—хотя бы только отъ своего имени. Первоприсутствующій не разрѣшаетъ ему, угрожая вывести изъ залы засѣданія и говоря, что для всякихъ заявленій онъ будетъ въ послѣдствіи имѣть время.

Разрѣшено Герарду спросить въ качествѣ свидѣтеля Котляревскаго, не спрошеннаго на дознаніи и заявленнаго только въ этомъ засѣданіи.

Приступлено къ чтенію обвинительнаго акта, которое продолжалось до 2¹/₂ ч.

Въ 2¹/₂ ч. первоприсутствующій приказалъ удалить подсудимыхъ и объявилъ перерывъ на 1¹/₂ ч.

Засѣданіе возобновлено въ 3 ч. 10 м.

По распоряженію первоприсутствующаго введенъ одинъ подсудимый *Баранниковъ* (онъ средняго роста, брюнетъ, съ черными глазами, такую же небольшою окладистою бородою; говоритъ очень спокойно, хладнокровно рассказываетъ) и на вопросъ первоприсутствующаго рассказываетъ объ убійствѣ генерала Мезенцева:

«Признаю себя виновнымъ въ участіи въ этомъ убійствѣ. Я между прочимъ выстрѣлилъ по направленію полковника Макарова, но не съ цѣлью попасть въ него, а только для того, чтобы этимъ выстрѣломъ произвести смущеніе и дать возможность убійцѣ и себѣ самому скрыться отъ преслѣдованія.

«Я долженъ сказать, что кучеромъ, правившимъ лошадей, на которой мы уѣхали, былъ не Адрианъ Михайловъ, осужденный за это, а другое лицо. Причинъ, побудившихъ убить Мезенцева, было много; онѣ изложены въ прокламаціи, изданной послѣ этого убійства. Между ними помню слѣдующія: 1) крайне суровое, жестокое обращеніе съ заключенными въ крѣпости; 2) весьма усилившіяся административныя высылки: людей совершенно незаконно высылали, хотя они ничего, ни съ какой точки зрѣнія, преступнаго не сдѣлали; 3) приговоръ по дѣлу 193 лицъ былъ по личной инициативѣ Мезенцева, измѣненъ; напримѣръ поселеніе замѣнено каторжными работами, людей оправданныхъ высылали административнымъ порядкомъ. Были еще и другія

причины. Кто собственно задумалъ преступленіе, не считаю возможнымъ сказать. Самъ я лично Мезенцева вовсе не зналъ, никогда съ нимъ не сталкивался и всего раза два видѣлъ его».

Стороны, въ виду признанія подсудимаго Баранникова, отказываются отъ допроса свидѣтелей по этому дѣлу. Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи подсудимаго Баранникова и приводѣ подсудимаго Михайлова.

Михайловъ (средняго роста, худощавый блондинъ съ большой окладистой мягкой бородой и усами, выраженіе пріятное, интеллигентное; говоритъ тихо, нѣсколько запинаясь) на вопросъ первоприсутствующаго, объ участіи въ преступленіи 2-го апрѣля, проситъ позволенія прежде отвѣта посоветоваться со своимъ защитникомъ; первоприсутствующій разрѣшаетъ ему. Михайловъ тихо разговариваетъ съ защитникомъ Кедринимъ. «Да,—я признаю, что принималъ участіе въ переговорахъ и покушеніи 2 апрѣля. Но прежде чѣмъ рассказывать болѣе подробно о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, я бы просилъ, чтобы были прочтены показанія людей, оговорившихъ ¹⁾ меня въ этомъ дѣлѣ: т. е. Гольденберга, Кобылянского, Квятковского и др.; тогда уже мнѣ гораздо удобнѣе будетъ дать и свое показаніе».

Особое Присутствіе постановило прочесть часть показанія Гольденберга относительно покушенія 2 апрѣля, а также показанія Кобылянского, Квятковского, Зунделевича. По прочтеніи ихъ Михайловъ объясняетъ свое участіе въ переговорахъ о покушеніи, которое въ сущности въ немногѣмъ отличается отъ только что прочитанныхъ. . . . «Я чувствую себя стѣсненнымъ въ защитѣ уже однимъ тѣмъ, что судъ происходитъ при особыхъ совѣтѣхъ условіяхъ, каковы, напримѣръ, отсутствіе гласности суда, особый составъ суда и т. п. . . .

Партія встрѣтила весьма сильное противодѣйствіе со стороны правительства своему стремленію къ народу и даже вообще стремленію къ саморазвитію, напримѣръ, хотя бы въ университетѣ, въ студенческихъ кружкахъ. . . Я самъ видѣлъ и знаю, какъ у людей, ни въ чемъ неповинныхъ, производили обыски, учреждали за ними надзоръ, наконецъ, высылали ихъ административнымъ порядкомъ, Богъ знаетъ куда».

Первоприсутствующій: «Эти люди были невинны, конечно, только съ Вашей точки зрѣнія; вообще же, вѣроятно, они были, такъ или иначе, замѣшаны, вредны для правительства».

Михайловъ: «Нѣтъ; весьма многихъ изъ нихъ я лично очень хорошо зналъ; они ровно ни въ чемъ не были виноваты; они не принадлежали ни къ какой партіи; они зачастую даже не раздѣляли нашихъ убѣжденій, и между тѣмъ ихъ высылали. Такъ вотъ потому, что правительство стало на путь такого жестокаго и несправедливаго преслѣдованія всѣхъ, партія невольно вынуждена была дѣйствовать противъ правительства; первоначально

¹⁾ Это выраженіе относится, конечно, только къ одному Гольденбергу.

Александр Иванович
БАРЯННИКОВЪ.

же партія старалась уклоняться отъ столкновенія съ нимъ... Вообще, жестокости и крайнія утѣсненія со стороны правительства привели партію къ сознанію необходимости встрѣчи съ нимъ... Ко времени покушенія 2 апрѣля я самъ собственно не вполне еще былъ убѣжденъ въ полезности и необходимости цареубійства... Я признаю пользу отъ покушенія, чѣмъ бы оно ни кончилось—удачею или нѣтъ. Хуже того, какъ было, быть не могло;—такъ мы думали. Послѣдствія, однако, не оправдали этого послѣдняго заключенія»...

Михайловъ говорилъ въ продолженіи 1 час. 5 м..

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи Михайлова и о приводѣ Терентьевой.

Терентьева (небольшого роста, блондинка, моложавая, неправильныя черты лица) на вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ кражѣ изъ Херсонскаго губернскаго казначейства сказала: «Я безъ своихъ товарищей въ судебномъ засѣданіи принимать участія не буду».

Первоприсутствующій: «Вы не желаете отвѣчать на наши вопросы?»

Терентьева: «Не желаю!» (садится).

Первоприсутствующій обращается къ прокурору съ вопросомъ о томъ, что онъ находитъ нужнымъ прочитать и, вообще, какія слѣдственные дѣйствія произвести для доказательства виновности подсудимой Терентьевой, въ виду ея нежеланія давать объясненія. Прокуроръ проситъ прочитать показанія неявившихся свидѣтелей, осужденныхъ уже государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства—Якова Погорѣлова и Татьяны Морозовой.

Начинается чтеніе показаній.

Терентьева: «Г. предсѣдатель, я не желала бы оставаться здѣсь. Нельзя ли мнѣ удалиться?»

Первоприсутствующій: «Если вамъ не угодно оставаться здѣсь, вы можете уйти».

Терентьева уходитъ. Чтеніе продолжается.

Прокуроръ: «Показанія, которыя я просилъ прочесть, очень длинны, между тѣмъ далеко не всѣ мѣста изъ нихъ существенны для обвиненія; въ виду этого я просилъ бы позволенія указать на тѣ именно мѣста, которыя для меня важны,—тогда чтеніе значительно сократилось бы».

Первоприсутствующій совѣтуется съ членами Присутствія.

Особое Присутствіе находитъ, что такъ какъ у подсудимой Терентьевой нѣтъ защитника, то оно само должно заботиться объ охраненіи ея интересовъ и потому не считаетъ возможнымъ удовлетворить желаніе прокурора о прочтеніи только нѣкоторыхъ мѣстъ показаній и постановляетъ прочесть ихъ всѣ цѣликомъ.

Чтеніе показанія длится до 5³/₄ ч. Перерывъ объявленъ на 1¹/₂ ч. Засѣданіе возобновлено въ 7 ч. 40 м.

Продолжаютъ чтеніе показанія Погорѣлова о Херсонской кражѣ

При этомъ прочитано и показаніе самой Терентьевой, данное ею при дознаніи, написанное на показаніяхъ Погорѣлова, при предъявленіи ихъ ей. Прочитаны 2 показанія Морозовой о томъ же. Болѣе ничѣмъ прокуроръ не пожелалъ дополнять слѣдствія по этому дѣлу.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ Меркулова, Фроленко, Колодкевича, Лебедевой.

Присяжный повѣренный *Кишинскій*: «Я хотѣлъ бы сдѣлать небольшое заявленіе. Во время этого перерыва я отправился въ тюрьму къ подсудимому Баранникову, и меня не пустили къ нему, говоря, что свиданія съ подсудимымъ, по распоряженію г. первоприсутствующаго, прекращены. Вѣроятно, здѣсь произошло какое-нибудь недоразумѣніе, которое слѣдовало бы выяснить: врядъ ли вы, г-нъ первоприсутствующій, дѣйствительно сдѣлали подобное распоряженіе, такъ какъ и законъ, и практика суда дозволяютъ намъ видѣться съ подсудимыми».

Первоприсутствующій: «Я, дѣйствительно, сдѣлалъ подобное распоряженіе. Въ объясненіе я считаю нужнымъ сказать, что стою здѣсь совершенно на законной почвѣ: о правѣ свиданія защитника съ подсудимыми упоминаетъ только ст. 569 уст. угол. суд., а эта статья помѣщена въ томъ отдѣлѣ устава, гдѣ говорится о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ предсѣдателя; такъ какъ затѣмъ эта статья ницѣ не повторена, то, на мой взглядъ, она и относится только ко времени до судебного слѣдствія, а когда началось судебное слѣдствіе, то она теряетъ силу. Полагимъ, практика судебная до сего времени толковала иначе эту статью и распространяла ея дѣйствіе и на дальнѣйшее время, но это, конечно, не можетъ быть обязательно для меня. Вызвано же мое распоряженіе слухомъ, дошедшимъ до меня, о томъ, что присяжные повѣренные при своихъ свиданіяхъ съ подсудимыми сообщаютъ имъ о томъ, что происходитъ на судѣ въ ихъ отсутствіе. Находя подобныя дѣйствія неблаговидными, я, для сохраненія чести сословія присяжныхъ повѣренныхъ, и при томъ стоя, какъ я уже сказалъ, на законной почвѣ, и сдѣлалъ указанное распоряженіе».

Присяжный повѣренный *Герардъ*, который поднялся уже во время послѣднихъ словъ первоприсутствующаго: «Я, г. первоприсутствующій, также всю жизнь свою забочусь о сохраненіи чести нашего сословія; она мнѣ, конечно, гораздо ближе, чѣмъ Вамъ. Поэтому я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Меня крайне удивляетъ прежде всего, какимъ образомъ до г. первоприсутствующаго могли дойти сколько-нибудь основательные слухи о томъ, что говорятъ присяжные повѣренные съ подсудимыми; вѣдь свиданія эти происходятъ наединѣ, такъ что никто не можетъ слышать, о чемъ говорить».

Первоприсутствующій: «Я вовсе не хочу входить въ обсужденіе того, насколько основательны дошедшіе до меня слухи: я знаю только, что они дошли».

Герардъ: «Этого мало. Если бы даже слухи, дошедшіе до г. первоприсутствующаго и были вполне основательны, то я хотѣлъ бы узнать, что такое неблагоприятное, преступное сдѣлали присяжные повѣренные, если даже они и сообщали подсудимымъ о томъ, что происходило въ ихъ отсутствіе на судѣ. Вамъ, безъ сомнѣнія, г. первоприсутствующій, извѣстна статья уст. уг. суд., которая прямо обязываетъ Васъ, какъ предсѣдателя суда, сообщать подсудимымъ все, что происходило безъ нихъ на судѣ. Если Вы, г. первоприсутствующій, обязаны дѣлать это, то какая же тутъ вина, если присяжные повѣренные дѣлаютъ это?»

Первоприсутствующій: «Я не хочу вступать въ обсужденіе и этого вопроса. Распоряженіе это сдѣлано, оно и должно оставаться въ силѣ».

Герардъ: «Позвольте узнать, надолго ли приостановлены наши свиданія?»

Первоприсутствующій. «Навсегда! Они прекращены совсѣмъ! Вы можете разговаривать съ подсудимыми во время самаго засѣданія».

Присяжный повѣренный *Спасовичъ*: «Въ виду сдѣланнаго распоряженія, я ходатайствую передъ Особымъ Присутствіемъ о разрѣшеніи мнѣ хотя одного еще свиданія съ подсудимымъ, котораго я защищаю, именно послѣ того, какъ намъ будутъ предъявлены вещественныя доказательства, взятые у подсудимаго. До сихъ поръ мы еще ихъ не видали, и я не могъ поэтому и переговорить объ нихъ съ подсудимымъ, а между тѣмъ это представляется для меня весьма важнымъ».

Первоприсутствующій: «Объ этомъ Вы будете имѣть время заявить послѣ, при предъявленіи вещественныхъ доказательствъ».

Послѣ этого приступлено къ продолженію судебного слѣдствія.

Меркуловъ (небольшаго роста, худощавый шатенъ, круглое лицо съ только-что пробивающимися усами и бородой; говоритъ очень быстро, такъ что трудно понять, и другіе подсудимые просятъ нѣсколько разъ первоприсутствующаго останавливать его, чтобы онъ говорилъ разборчивѣе) на вопросъ первоприсутствующаго объ участіи въ приготовленіяхъ къ взрыву на Одесской желѣзной дорогѣ рассказываетъ съ самаго начала своего участія въ дѣлахъ партіи о знакомствѣ съ Желябовымъ, о томъ, какъ тотъ подговорилъ его на царубійство при помощи метательныхъ снарядовъ): «Колодкевичъ объяснилъ мнѣ, что Фроленко поступилъ сторожемъ на Одесской желѣзной дорогѣ вмѣстѣ съ какою-то женщиной, которая оказалась Лебедевой... Я долженъ былъ отвезти въ будку необходимую мебель, и въ это время со мною отправилась туда и Лебедева, такъ какъ она сама не знала дороги въ будку; кромѣ того я еще нѣсколько разъ бывалъ въ будкѣ, носилъ туда хлѣбъ, рыбу и т. п. Затѣмъ, въ послѣдствіи уже, Колодкевичъ же сказалъ мнѣ, что надо изъ будки взять

*

динамитъ, я отправился и унесъ его; динамита, было немногo больше пуда».

Колодкевичъ (весьма солиденъ, высокаго роста, очень худощавъ, продолговатое лицо, черные волосы, такая же большая борода, черные глаза и темные очки, самъ блѣдный) на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я принималъ участіе въ предполагаемомъ взрывѣ»...

Фроленко (болѣе средняго роста, худощавъ, но крѣпкій, русый съ небольшою, довольно жидкою бородкою и усами, острый носъ, небольшіе подвижные глаза; говорить спокойно, не много) на вопросъ первоприсутствующаго говорить: «Да, я жилъ на Одесской жел. дорогѣ. Рѣшеніе произвести взрывъ въ этомъ мѣстѣ было принято уже раньше, но гдѣ именно—не могу сказать. Я занялъ мѣсто сторожа съ цѣлью взорвать поѣздъ, но приготовленій никакихъ еще тамъ не было сдѣлано; сначала потому, что было неудобно приступитъ къ работѣ, такъ какъ я жилъ не одинъ, а съ другими сторожами, а потомъ потому, что узналъ, что государь вовсе въ томъ мѣстѣ не поѣдетъ»...

Лебедева (небольшаго роста, съ черными волосами, круглое лицо, симпатичная, далеко разставленные глаза, очень маленькія ~~руки~~, говорить совершенно спокойно, серьезно) на вопросъ первоприсутствующаго: «Я взяла изъ Харькова динамитъ и батареи и поѣхала съ ними въ Одессу. Узнавши, что Фроленко уже поселился сторожемъ въ будкѣ желѣзной дороги, я поѣхала тоже туда; при распредѣленіи обязанностей на мою долю приходилось, между прочимъ, замкнуть токъ батареи при проходѣ поѣзда»...

Меркуловъ на вопросъ защитника Лебедевой сообщилъ, что онъ также при своихъ пріѣздахъ въ будку никакихъ приготовленій къ предполагававшемуся взрыву не видалъ.

Первоприсутствующій распорядился увести подсудимыхъ и вмѣсто нихъ ввести подсудимыхъ: *Якимову, Исаева и Тетерку*.

Якимова (небольшаго роста, блондинка, неправильныя черты лица, довольно полная, одна прядь волосъ спускается на одну сторону лица почти до самаго глаза; говорить спокойно, по временамъ улыбается) на вопросъ первоприсутствующаго объ ея участіи въ покушеніи на Лозово-Севастопольской ж. д. подъ г. Александровскомъ: «Да, я принимала участіе въ этомъ покушеніи, но болѣе подробныхъ, чѣмъ при дознаніи, объясненій по этому поводу давать не желаю. Я признаю то, что сказано объ этомъ въ обвинительномъ актѣ»...

Тетерка (средняго роста, худощавый, лицо сморщенное, съ жидкою бородой и усами, всклооченные волосы; одѣтъ въ тулупъ; рассказываетъ спокойно, стараясь выразиться болѣе изысканнымъ, сравнительно съ простонароднымъ, языкомъ) на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я признаю свое участіе въ этомъ дѣлѣ». Далѣе на вопросъ первоприсутствующаго рассказываетъ, какъ было дѣло, и кто принималъ въ немъ участіе.

Исаевъ (средняго роста, плотный, блондинъ, круглое лицо

небольшая борода и усы, наружность симпатичная, говорить быстро и смѣло) на вопросъ первоприсутствующаго: «Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что я показалъ на предварительномъ слѣдствіи, и болѣе ничего говорить не желаю».

Первоприсутствующій распорядился увести подсудимыхъ и вмѣсто нихъ ввести Михайлова, Арончика, Исаева, Баранникова и Морозова.

Михайловъ: «Я прошу разрѣшить мнѣ видѣться попрежнему съ моимъ защитникомъ, иначе я буду весьма стѣсненъ въ своей защитѣ».

Первоприсутствующій: «Этотъ вопросъ уже обсуждался здѣсь. Я не разрѣшаю этого».

На вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ подкупѣ на Московско-Курской ж. д. и покушеніи 19 ноября Михайловъ рассказываетъ согласно съ тѣмъ, что показалъ при дознаніи. Затѣмъ проситъ прочесть относящееся сюда показаніе Гольденберга.

Баранниковъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я принималъ участіе въ приготовленіи къ этому покушенію». Затѣмъ рассказываетъ о производствѣ дѣла... «Но кто были участники—сказать не могу»...

Исаевъ: «Я также признаю свое участіе».

Морозовъ (больше средняго роста, очень худощавый, темно-русый, продолговатое лицо, мелкія черты лица, большая шелковистая борода и усы, въ очкахъ, очень симпатиченъ; говорить тихо, медленно) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю своего участія въ этомъ покушеніи»...

Арончикъ (средняго роста, плотный, шатень, остриженъ коротко подъ гребенку, широкое лицо, темная, довольно большая борода, нѣтъ еврейскаго типа) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ этомъ покушеніи». Далѣе старается выяснить свое alibi.

Переходятъ къ допросу свидѣтелей, которые приводятся къ присягѣ.

Свидѣтельница *Никифорова* — неувѣрена въ личности Арончика.

Свидѣтель *Моисѣевъ*, библиотекарь въ г. Орлѣ, подтверждаетъ рассказъ Арончика о порядкахъ въ тамошней библиотекѣ.

Свидѣтель *Кудрявцевъ*, швейцаръ въ Славянскихъ номерахъ въ Москвѣ, отзывается запамятованіемъ.

Свидѣтель *Макаровъ*, служащій тамъ же,—тоже.

Свидѣтель *Ивановъ*, дворникъ д. Барышова, не призналъ точно Арончика за жившаго у нихъ Силантьева. По его мнѣнію, на этого послѣдняго скорѣй похожъ подсудимый Михайловъ.

Свидѣтель *Тарасовъ*, содержатель номеровъ въ Орлѣ, совершенно подтверждаетъ всѣ показанія Арончика объ его номерахъ.

Свидѣтельница *Фролова*, квартирная хозяйка, показываетъ, что Хитрово (Морозовъ) все время съ 4 сентября по 25 ноября

79 года безвыѣдно жилъ у нея въ Петербургѣ, и что она не могла бы не знать, если бы онъ уѣзжалъ куда-нибудь.

Исаевъ, на вопросъ первоприсутствующаго, въ отмѣну показанія, даннаго при дознаніи, говоритъ, что онъ не помнитъ хорошо, можетъ быть, это былъ и не Морозовъ, кого онъ видѣлъ въ Москвѣ; при дознаніи же онъ назвалъ Морозова только основываясь на показаніи Гольденберга, которому прежде вѣрилъ, теперь же больше не вѣрить.

Читается показаніе Гольденберга относительно покушенія 19 ноября.

Михайловъ: «Я желаю дать объясненіе относительно показанія Гольденберга». Далѣе указываетъ различныя неточности въ этомъ показаніи. Между прочимъ отрицаетъ, чтобы Морозовъ пріѣзжалъ въ Москву и принималъ какое бы то ни было участіе въ тамошнемъ покушеніи.

Присяжный повѣренный *Рихтеръ* дѣлаетъ заявленіе Особому Присутствію, обращая его вниманіе на то мѣсто показаній Гольденберга, гдѣ говорится о Морозовѣ, а также и на показаніе свидѣльницы Фроловой.

Баранниковъ: «Морозовъ не принималъ участія въ этомъ покушеніи. Его тамъ вовсе не было». Далѣе указываетъ еще на нѣкоторыя неточности показанія Гольденберга.

Присяжный повѣренный *Буймистровъ* дѣлаетъ заявленіе суду, обращая вниманіе на показаніе свидѣтеля о мѣстѣ пребыванія Арончика во время совершенія покушенія.

Присяжный повѣренный *Кедринъ*: «Я хочу сдѣлать небольшое заявленіе по поводу состоявшагося распоряженія о недопущеніи защиты къ подсудимому. Я прошу Особое Присутствіе разрѣшить мнѣ одно послѣднее свиданіе съ слѣдующею дѣлю: при такихъ условіяхъ я не считаю возможнымъ продолжать оставаться защитникомъ; я считаю своимъ долгомъ совсѣмъ отказаться отъ защиты. Но, конечно, я не могу этого сдѣлать, не предупредивши первоначально самого подсудимаго, и вотъ для этого то я и прошу разрѣшить мнѣ это свиданіе».

Присяжный повѣренный *Кишенскій*: «Я вполне присоединяюсь къ этому заявленію и прошу разрѣшить и мнѣ свиданіе также съ этою дѣлю». Прочіе присяжные повѣренные, повидимому, хотѣли также присоединиться. Очевидно, въ виду этого первоприсутствующій заявилъ: «Я отмѣняю свое распоряженіе и предоставляю вамъ видѣться съ подсудимыми, но надѣюсь, что вы не употребите во зло этого разрѣшенія и будете помнить присягу, которую вы приносили при поступленіи въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ».

Подсудимыхъ въ это время уже увели.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ ч. ночи.

10-е Февраля. Засѣданіе открыто въ 11¹/₄ ч. дня.

Первоприсутствующій приказываетъ ввести подсудимаго Исаева.

На вопросы первоприсутствующаго объ участіи его въ преступленіи 5 февраля (взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ) Исаевъ рассказываетъ дѣло подробно: «Приготовленіемъ динамита я, дѣйствительно, занимался по порученію Исполнительнаго Комитета, но для чего именно нуженъ былъ тогда динамитъ—не зналъ: мнѣ этого не говорили; точно также не зналъ, что именно моя мина находилась въ Зимнемъ Дворцѣ... Самъ я о взрывѣ этомъ узналъ уже изъ газетъ... Жилъ я, дѣйствительно, на Б. Подъяческой съ двумя женщинами, но кто эти женщины—сказать не желаю».

Первоприсутствующій распорядился привести, кромѣ Исаева, подсудимыхъ Якимову, Меркулова и Златопольскаго.

Съ согласія сторонъ первоприсутствующій освободилъ свидѣтеля и эксперта кн. Гедройца и Ивановскаго.

Прочитано заявленіе подсудимаго Михайлова, заключающее просьбу о томъ, чтобы ему разрѣшено было присутствовать при судебномъ слѣдствіи по дѣлу 1-го марта. Особое Присутствіе постановило имѣть это заявленіе въ виду.

На вопросъ первоприсутствующаго о своемъ участіи въ подкормкѣ на Итальянской ул. въ г. Одессѣ Меркуловъ подробно рассказываетъ все дѣло.

На тотъ же вопросъ Исаевъ также признаетъ свое участіе и дополняетъ рассказъ Меркулова.

Якимова на тотъ же вопросъ: «Да, я была тамъ и принимала участіе.»

Златопольскій (средняго роста, худощавое лицо, желтое, съ рябинами, худое, русый, довольно длинные волосы и борода, въ выраженіи нѣсколько еврейскій типъ) на вопросъ первоприсутствующаго: «Нѣтъ, я не признаю своего участія въ этомъ преступленіи. Дѣло въ томъ, что я вовсе не тотъ, за кого меня принимаютъ. Быть можетъ, здѣсь играетъ роль случайное сходство. Былъ, дѣйствительно, механикъ Левъ, но это не я».

Исаевъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Дѣйствительно, приходилъ какой-то человекъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ этимъ, но чтобы это былъ навѣрно Златопольскій, я сказать не могу. Кромѣ того онъ вообще мало принималъ участія въ работахъ».

Меркуловъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Я хорошо зналъ Златопольскаго, я видѣлъ его по крайней мѣрѣ 20—30 разъ, а то и больше. Это положительно то самое лицо».

Переходятъ къ допросу свидѣтелей.

Свидѣтель *Лехштейнъ*: «Я не могу хорошо признать человека, приходившаго заказывать нарѣзки на трубахъ,—не помню точно».

Исаевъ: «Нарѣзывать трубы заказывалъ Саблинъ».

Свидѣтель *Залтесскій* указалъ на Златопольскаго какъ на человека, котораго онъ видѣлъ въ Кишиневѣ въ концѣ ноября и декабрѣ 80 г. и который назывался Львомъ.

Златопольскій: «Въ Кишиневѣ я не былъ, но что я—Левъ, это

вѣрно, и не понимаю, зачѣмъ нужно это доказывать: меня, дѣйствительно, такъ зовутъ».

Свидѣтель *Малаховскій*, служитель больницы въ Одессѣ, рассказываетъ о пребываніи Исаева въ больницѣ съ оторванными пальцами.

Златопольскій: «Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы опровергнуть оговоры Меркулова. Я могъ бы сдѣлать указаніе на настоящаго механика Льва, но такъ какъ онъ самъ не сознается, то я также не считаю себя въ правѣ сдѣлать это».

Первоприсутствующій распоряжается удаленіемъ этихъ подсудимыхъ и приводомъ подсудимыхъ Меркулова, Исаева, Тетерки, Михайлова и Баранникова.

На вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ приготовленіяхъ къ царевубійству лѣтомъ 80 г. въ Петербургѣ Меркуловъ признаетъ свое участіе и рассказываетъ подробно обо всемъ дѣлѣ.

Исаевъ на тотъ же вопросъ: «У меня въ это время была рана на руку; я былъ въ Одессѣ. Я, если бы и хотѣлъ, не могъ бы участвовать въ этомъ дѣлѣ».

Меркуловъ: «Объ Исаевѣ и его участіи въ этомъ дѣлѣ я ничего не знаю».

Тетерка на тотъ же вопросъ: «Да, я признаю свое участіе». Дальше рассказываетъ болѣе подробно.

Михайловъ на тотъ же вопросъ: «Я не принималъ участія въ этомъ предпріятіи».

Баранниковъ на тотъ же вопросъ: «Да, я принималъ участіе, но не совсѣмъ такъ, какъ рассказываетъ Меркуловъ. Я зналъ о замышлявшемся покушеніи, выѣзжалъ вмѣстѣ на взморье, гдѣ обсуждалось окончательно это дѣло; въ закладкѣ же мины не участвовалъ. Когда потомъ старались вынуть динамитъ обратно, я участвовалъ».

Меркуловъ: «Кромѣ мины подъ Каменнымъ мостомъ, это предпріятіе должно было быть обставлено еще и металъщиками, которые съ заготовленными снарядами должны были находиться возлѣ моста, на случай неудачи главнаго взрыва подъ мостомъ. Такихъ металъщиковъ, сколько я помню, должно было быть четыре, и Михайлову предназначалось завѣдываніе ими и размѣщеніе ихъ на назначенныхъ постахъ. У него самого снарядъ долженъ былъ быть вдѣланъ въ высокую шляпу, такъ чтобы онъ взорвался, когда Михайловъ при проѣздѣ Государя бросилъ бы вверхъ шляпу».

Прокуроръ проситъ занести это показаніе Меркулева въ протоколъ, какъ содержащее новыя данныя.

Меркуловъ: «Прежде я давалъ болѣе сдержанныя показанія, не желая особенно оговаривать себя самого и другихъ; въ настоящее время я больше не хочу выгораживать ни себя, ни другихъ, которые побудили меня на преступленіе. Я нахожу, что всѣ, кто участвовалъ, должны равно и платиться и никого не очху выдѣлять. Передъ этимъ приготовленіемъ въ разныхъ мѣстахъ устраивались

сходки, на которыхъ присутствовали различныя лица, и гдѣ обсуждали подробности предполагавшагося. Кромѣ того всѣми путями старались привлечь рабочихъ и простолюдиновъ къ участию въ предпріятіяхъ партіи; съ этою цѣлью для нихъ устраивали пирушки, угощали водкой, давали денегъ, приглашали женщинъ и т. п.

Баранниковъ и *Михайловъ* вскакиваютъ.

Михайловъ: «Я попросилъ бы Васъ, г. первоприсутствующій, выяснитъ послѣднее, указанное Меркуловымъ, обстоятельство, т. е. когда, гдѣ и какіе рабочіе привлекались къ участию въ партіи водкой и другими подобными средствами».

Меркуловъ: «Я могу указать на себя, Тетерку, Окладскаго. Намъ старались привлечь къ партіи, но въ то же время намъ не довѣряли; къ организаціи, собственно, мы не принадлежали и ничего о ней не знали».

Тетерка: «Это неправда, что сказалъ Меркуловъ, что будто насъ привлекали къ партіи водкой, пирушками и т. п. Ничего этого не было. Я при своей дѣятельности руководствовался не деньгами, не пирушками, а просто злобой ко всему меня окружавшему. Людямъ, благодаря которымъ я попалъ въ партію, я, несмотря на грозящую мнѣ отвѣтственность, всегда буду благодаренъ».

Михайловъ на вопросъ защитника Меркулова: «Съ Меркуловымъ я вообще былъ мало знакомъ, встрѣчался съ нимъ только на улицѣ. Сходокъ же въ это время никакихъ не было».

Тетерка: «Я также ни о какихъ сходкахъ въ это время не знаю. Я изъ участниковъ этого предпріятія зналъ только Желябова и Прѣснякова и съ ними только и имѣлъ дѣло».

Приводятъ свидѣтеля лейтенанта Смирнова.

Свидѣтель *Смирновъ* рассказываетъ о минахъ, найденныхъ подъ Каменнымъ мостомъ: «Отыскать ихъ было весьма трудно, такъ какъ ихъ снесло теченіемъ довольно далеко и занесло иломъ. Приготовлены онѣ были очень тщательно, такъ что, хотя мы ихъ нашли спустя весьма долгое время, но онѣ сохранились еще хорошо, и динамитъ въ нихъ только въ немногихъ мѣстахъ нѣсколько подмокъ».

Присяжный повѣренный *Соколовъ* проситъ разрѣшенія предложить свидѣтелю *Смирнову* нѣсколько вопросовъ о подсудимомъ *Сухановѣ*.

Свидѣтель *Смирновъ* на вопросы защитника *Суханова* и прокурора: «Я не могу сказать, чтобы хорошо зналъ *Суханова*, но мы съ нимъ встрѣчались въ обществѣ и были знакомы; насколько я его зналъ, онъ былъ хорошимъ человѣкомъ; служба его шла, пожалуй, не совсѣмъ удачно, хотя офицеръ онъ былъ очень работящій, свѣдущій и усердный. На *Амурѣ* съ нимъ была какая-то исторія, онъ былъ даже отданъ подъ судъ, он оправданъ; кажется, за то, что сдѣлалъ что-то не по формѣ; впрочемъ, я хорошо этого не знаю».

Перерывъ на 2¹/₄ ч.

Засѣданіе возобнавлено въ 3 ч. 2 м.

Первоприсутствующій сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ Меркулова, Фроленко, Лебедевой и Фриденсона.

(Дѣло о подкопѣ подъ Кишиневское казначейство).

Присяжный повѣренный Спасовичъ просить допустить къ присутствованію во время слѣдствія по предстоящему дѣлу и подсудимаго Тригопи, который по обвинительному акту является какъ бы къ нему прикосновеннымъ. Особое Присутствіе не находитъ этого нужнымъ, предлагая впослѣдствіи выяснитъ его участіе въ этомъ дѣлѣ.

На вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства Меркуловъ рассказываетъ подробно, какъ онъ вмѣстѣ съ супругами Мироненко (Фроленко и Лебедевой) жилъ на квартирѣ близъ казначейства и какъ они начали подкопъ; яму вырыли въ 3—4 аршина глубиною и отъ нея начали уже галлереею аршина 1½ длиною. Фриденсонъ былъ здѣсь очень недолго и уѣхавши не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, хотя поѣхалъ по порученію Фроленко искать другого казначейства, гдѣ удобнѣе было бы сдѣлать подкопъ, такъ какъ здѣсь все обваливалось... Около 20 февраля пришли извѣстія изъ Петербурга, что подкопа дѣлать не нужно.

Фроленко на тотъ же вопросъ первоприсутствующаго: «Я, дѣйствительно, жилъ въ Кишиневѣ съ цѣлью сдѣлать подкопъ, но подробности я сообщу послѣ, когда будетъ производиться слѣдствіе объ организаціи партіи и принадлежности къ ней».

Лебедева: «Я также признаю свое участіе въ этомъ предпріятіи, но въ виду того, что главный виновникъ отложилъ свои объясненія, я поступлю такъ же».

Фриденсонъ (небольшого роста, толстое лицо, черные волосы и довольно длинная борода, еврейскій типъ; держитъ себя свободно): «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ. Я не принималъ никакого участія въ этомъ покушеніи и даже не зналъ о немъ. Въ Кишиневѣ я былъ совершенно случайно и пробылъ тамъ всего однѣ сутки».

По просьбѣ защитника Лебедевой читается протоколъ осмотра мѣстности подкопа и квартиры Мироненко. По просьбѣ прокурора читается выписка изъ книги для пріѣзжающихъ въ Швейцарской гостиницѣ въ Кишиневѣ, гдѣ значитъ, что въ этой гостиницѣ останавливался Коморскій (Фриденсонъ).

Фриденсонъ: «Живя въ Москвѣ я находился подъ надзоромъ полиціи—это меня сильно беспокоило. Всѣ сколько-нибудь выдающіяся политическія событія, какъ взрывъ 19 нояб., 5 февр. и даже гораздо менѣе важныя, всѣ вели къ неприяностямъ для меня; это-то въ концѣ концовъ и заставило меня жить подъ чужимъ именемъ, и этимъ объясняется, что въ Кишиневѣ я останавливался подъ именемъ Коморскаго».

Первоприсутствующій распоряжается увести подсудимыхъ и привести на ихъ мѣсто подсудимыхъ Исаева, Колодкевича, Ба-

ранникова, Фроленко, Тригони, Суханова, Емельянова, Меркулова, Ланганса, Якимовой, Лебедевой, а также и Михайлова, согласно его просьбѣ.

(Дѣло 1-го марта 1881 г.).

Емельяновъ (очень моложавый, темнорусый, лицо блѣдное, безъ усовъ и бороды, средняго роста, худощавый, говоритъ громко, отдѣляя каждое слово) на вопросъ первоприсутствующаго объ участіи его въ злодѣяніи 1-го марта: «Я отрицаю фактъ своего участія въ этомъ преступленіи».

Сухановъ (больше средняго роста, очень худой, продолговатое лицо, мертвенно-блѣднаго, зеленоватаго цвѣта, совершенно свѣтлые желтоватые волосы, длинныя и жидкіе; борода жидкая, маленькая, усы тоже; въ рince-nez, говоритъ тихо, но спокойно): «Я, дѣйствительно, работалъ въ подкопѣ на Малой Садовой; работалъ тамъ два раза въ февралѣ. Кромѣ того я же снаряжалъ и самую мину, заложенную тамъ, и собиралъ метательные снаряды. Гдѣ я занимался этимъ—указать не желаю. При собираніи снарядовъ присутствовалъ Кибальчичъ. Когда я бывалъ въ подкопѣ, видалъ тамъ Кобозева, другихъ участниковъ не знаю».

Исаевъ: «Да, я признаю обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, и больше къ нимъ ничего добавлять не желаю».

Якимова: «Да, я признаю, что по порученію Исполнительнаго Комитета, я, подъ именемъ Кобозевой, поселилась въ лавкѣ на Малой Садовой, чтобы вести подкопъ подъ улицу... Назвать другихъ участниковъ я не желаю; работа продолжалась мѣсяца 2... Послѣ 1-го марта я выѣхала, такъ какъ продолжать подкопъ не предстояло надобности, также по приказанію Исполнительнаго Комитета».

Меркуловъ: «Да, я признаю, что принималъ участіе въ этомъ преступленіи»... Дальше рассказываетъ сначала о переговорахъ съ Тригономъ въ Одессѣ по Кишиневскому дѣлу, затѣмъ о приѣздѣ въ Петербургъ и поступленіи своемъ въ лавку Кобозева за молодца; за неумѣніе рѣзать сыръ, мнѣ отказали... Нѣсколько разъ работалъ въ подкопѣ съ Сухановымъ, Лангансомъ, Фроленко... Тригони видѣлъ работающимъ. Тамъ же видѣлъ Исаева и Колодкевича»: Дальше рассказываетъ о поѣздкѣ въ Парголово для пробы метательныхъ снарядовъ.

Тригони (небольшого роста, худощавъ, но съ очень широкими плечами, черный, острый, выдающійся носъ, не густая, но довольно большая борода и усы): «Въ подкопѣ я самъ никогда не работалъ, но зналъ случайно отъ Желябова о готовящемся; въ лавку Кобозева заходилъ одинъ разъ, чтобы узнать адресъ Желябова».

Лебедева: «Признаю себя виновной въ томъ, что знала о готовящемся преступленіи, и на квартирѣ Перовской занималась набиваніемъ динамитомъ цилиндра для мины на Малой Садовой. Въ подкопѣ сама не была».

Колодкевичъ: «Показанія г-на Гольденберга о Липецкомъ съѣздѣ

и объ Исполнительномъ Комитетѣ совершенно невѣрны... Я получилъ приглашеніе ходить вмѣстѣ съ Баранниковымъ въ лавку Кобозева въ опредѣленные дни, вести тамъ подкопъ; это было мною исполнено; въ другіе дни ходили, вѣроятно, другія лица—это было совсѣмъ не мое дѣло, я даже и не узнавалъ, кто это; я только исполнялъ порученіе Исполнительнаго Комитета... Въ Липецкѣ вовсе не было избрано никакого Исполнительнаго Комитета, не было также вовсе постановлено рѣшенія и о систематическомъ преслѣдованіи царевубійства, не было вовсе никакого соглашенія. Всѣ всегда дѣйствовали по порученію Исполнительнаго Комитета. Здѣсь, напримѣръ, есть лица, которыхъ я въ первый разъ вижу и фамилій которыхъ даже не слыхалъ».

Баранниковъ: «Да, я принималъ участіе въ работѣ въ лавкѣ Кобозева. Относительно условій, при которыхъ я работалъ, я вполне подтверждаю показаніе Колодкевича».

Лангансъ (болѣе средняго роста, худой, продолговатое худое лицо, острый носъ, очень длинные рыжеватые волосы, большая рыжеватая же борода, говорить тихо, имѣетъ видъ нѣмецкаго поэта, напоминаетъ также изображеніе *Ж. Х.*; его лицо вообще трудно забыть разъ видѣвши): «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ какомъ бы то ни было участіи въ этомъ преступленіи. Въ 79 г. я былъ административно высланъ за границу; былъ я сначала въ Германіи, затѣмъ въ Румыніи, но такъ, какъ я родился и воспитывался въ Россіи, то тамъ, за границей, я чувствовалъ себя совершенно чужимъ и не могъ даже достать себѣ никакихъ занятій, а средствъ между тѣмъ у меня не было. Въ виду этого, не желая жить на средства эмигрантовъ, я рѣшилъ вернуться въ Россію, съ тѣмъ чтобы жить здѣсь, литературнымъ трудомъ, къ которому я всегда чувствовалъ склонность. Я избѣгалъ Петербурга, гдѣ полиція была осторожна, хотѣлъ поселиться въ Москвѣ, но не имѣлъ тамъ ни знакомыхъ, ни рекомендаціи и потому пріѣхалъ около середины августа 80 г. въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ адресъ одного знакомаго студента; проживъ около мѣсяца въ Петербургѣ, я черезъ этого студента познакомился еще кое съ кѣмъ, досталъ себѣ паспортъ, а затѣмъ и рекомендацію въ Москву и съ этимъ и поѣхалъ туда. Здѣсь я по этой рекомендаціи добылъ себѣ урокъ у одного очень хорошаго почтеннаго семейства. Черезъ мѣсяць занятій семейство это пригласило меня переселиться къ нему ради дешевизны и удобства, но я отказался сначала, сказавши имъ всю правду, т. е. что я живу подъ чужимъ именемъ, что я нелегальный человекъ, и что принятіе меня въ домъ сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Однако это ихъ не остановило, а напротивъ, въ виду именно этого, они еще настойчивѣе уговаривали меня принять ихъ приглашеніе, говоря, что для меня безопаснѣе жить у нихъ, чѣмъ на отдѣльной квартирѣ. Я переѣхалъ къ нимъ, занимался съ дѣтьми, и кромѣ этого занимался литературой. Въ Москвѣ однажды встрѣтился я съ Якимовой и предложилъ ей познакомиться съ этимъ семействомъ, гдѣ намъ возможно будетъ

съ нею встрѣчаться. Такимъ образомъ я проживалъ все время въ Москвѣ. Здоровье мое всегда было весьма слабое, я страдалъ грудью, у меня бывало хромохарканье. Въ февралѣ 81 г. я по совету докторовъ собрался ѣхать на югъ для восстановленія здоровья. Я отправился въ Кіевъ—черезъ Харьковъ. Въ Кіевѣ у меня вышли всѣ деньги, но у меня были тамъ знакомые, черезъ которыхъ я рассчитывалъ достать и денегъ, и работы. Въ день моего ареста я встрѣтился тамъ съ Якимовой, и такъ какъ она, повидимому, была сильно утомлена, предложилъ ей зайти къ моей знакомой Фанни Морейнисъ, гдѣ и былъ арестованъ».

Исаевъ на вопросъ первоприсутствующаго: «Я этого Ланганса вовсе не знаю. Знакомства съ нимъ не признаю».

Фроленко на вопросъ первоприсутствующаго: «Хотя я и показалъ раньше, что встрѣчалъ Ланганса въ подкѣпѣ, но назвалъ видѣнную мною тамъ личность Лангансомъ только со словъ Меркулова, этого же Ланганса я не знаю и тамъ не видалъ».

Меркуловъ самъ признаетъ не совсѣмъ вѣрнымъ свое прежнее показаніе: «Емельяновъ былъ мнѣ извѣстенъ подъ именемъ Сугубнаго».

Присяжные повѣренные *Спасовичъ, Соколовъ, Александровъ* предлагаютъ Меркулову вопросы относительно подсудимыхъ, которыхъ защищаютъ.

Сухановъ на вопросъ защиты Лебедевой: «Лебедеву я не знаю и вмѣстѣ съ нею не работалъ».

Перерывъ въ 5 часовъ.

Засѣданіе возобновлено въ 7 ч. 25 м.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій (приблизительно такъ): «Подсудимый Михайловъ! Вы обвиняетесь въ принадлежности къ тайному обществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, для каковой цѣли сообщество прибѣгало къ агитациіи среди рабочихъ, убійствамъ должностныхъ лицъ, заговорамъ и, наконецъ, неоднократнымъ покушеніемъ на царубійство, закончившимся смертью нынѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II. Признаете ли вы себя виновнымъ въ этомъ преступленіи?»

Михайловъ: «Вопросъ, предложенный Вами, г. первоприсутствующій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру сообщества. Я—членъ не сообщества, но партіи Народной Воли и агентъ 3-й степени Исполнительнаго Комитета, который руководитъ организаціей Народной Воли».

Первоприсутствующій: «Въ законѣ нѣтъ для такого общества, къ какому вы принадлежали, названія «партія»; въ законѣ есть для этого терминъ «сообщество» и его я буду употреблять».

Михайловъ (для объясненій его выводятъ на середину залы; при немъ становятся два жандарма и жандармскій офицеръ): «Я считаю нужнымъ изложить исторію возникновенія партіи. Пар-

тѣй я называю группу людей, исповѣдующихъ извѣстные взгляды и убѣжденія; сообщество же—понятіе болѣе тѣсное. Въ сообществѣ всѣ стремятся при помощи всѣмъ извѣстныхъ средствъ, достигнуть извѣстныхъ цѣлей, всѣ являются дѣйствующими членами. Въ партіи же не всѣ дѣйствуютъ. Есть люди только исповѣдующіе извѣстныя убѣжденія, есть дѣятельные члены, есть руководящія извѣстные органы. Партія Народной Воли есть только часть болѣе обширной партіи, группы людей, именующихся социальнореволюціонной партіей. Группа Народной Воли выдѣлилась около лѣта 1879 г. Выдѣленіе это произошло отчасти въ связи съ Липецкомъ съѣздомъ, хотя и произошло оно совершенно естественно, благодаря тѣмъ условіямъ, при которыхъ партія приходилось дѣйствовать. Лѣтомъ 1879 г., въ связи съ покушеніемъ Соловьева, подѣ влияніемъ и другихъ болѣе или менѣе рѣзкихъ событій и малой плодотворности при данныхъ условіяхъ дѣятельности въ самомъ народѣ, многіе члены партіи стали признавать необходимою борьбу непосредственно съ правительствомъ уже по инициативѣ партіи; раньше этого предполагали и хотѣли подготовить къ этому и затѣмъ двинуть на это народъ; теперь признали подобную задачу невыполнимою. Такая мысль высказывалась во многихъ кружкахъ, и вотъ ко времени Липецкаго съѣзда многіе члены партіи рѣшили собраться и обсудить этотъ вопросъ. Въ 79 г., приблизительно около 17—21 іюня, и состоялся съѣздъ въ Липецкѣ. Съѣздъ имѣлъ характеръ собранія людей болѣе или менѣе единомышленныхъ, но вовсе не представлялъ собою съѣзда всѣхъ социалистовъ. Здѣсь прежде всего рѣшено было добиваться народоправленія, необходимаго для прогресса, счастья, благоденствія для Россіи, и партія должна была способствовать этому переходу власти изъ рукъ теперешняго правительства въ руки народа. Когда рѣшили такимъ образомъ на счетъ необходимости такого перехода власти, естественно затѣмъ возникъ вопросъ о средствахъ, къ которымъ для этого должна была прибѣгнуть партія. Прежде всего, конечно, мы обратились къ разсмотрѣнію того, нѣтъ ли какихъ-либо мирныхъ, законныхъ средствъ, которыми бы могли воспользоваться, и по всестороннемъ разсмотрѣніи этого вопроса намъ пришлось отвѣтить на него отрицательно; такихъ средствъ не оказалось. Тогда только уже было признанъ необходимымъ путь революціонный до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не станетъ возможнымъ и путь легальный, путь убѣжденія, т. е. до тѣхъ поръ, пока мы не добьемся нѣсколько большей свободы; рѣшено было дѣйствовать силами партіи и организаціи при помощи всего общества и возможною посредствѣ и содѣйствіемъ народа. Средствами признаны были: пропаганда партійныхъ идей, агитація среди рабочихъ и народа, разрушительная террористическая дѣятельность, удаленіе болѣе вредныхъ для народа людей, организація тайныхъ обществъ вокругъ одного центра, усиленіе связей въ обществѣ, войскѣ, народѣ, организація и совершеніе переворота при достиженіи обществомъ извѣстной силы; далѣе уже предполагалось начать агит-

тацію соціалістическую, т. е., путемъ убѣжденія провести какъ можно болѣе социальныхъ реформъ. Среди другихъ средствъ стояло царевубійство, но не на почвѣ личной мести за кого-нибудь или за что-нибудь, а только какъ одно изъ многихъ другихъ средствъ. Послѣдовательный рядъ покушеній на жизнь покойнаго императора показываетъ только, что партія въ данное время окружающими условіями была приведена къ признанію этого средства наиболѣе пригоднымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ для даннаго времени. Такимъ образомъ на Липецкомъ сѣздѣ собственно было рѣшено только выдѣленіе партіи Народной Воли, такъ какъ другіе члены и организаціи не признавали необходимымъ то, что таковымъ казалось намъ. Неправильно г. прокуроръ называетъ насъ соціально-революціонною партіей,—то, въ чемъ мы обвиняемся, можно ставить въ вину только партіи Народной Воли, а никакъ не всей соціально-революціонной партіи, хотя, правда, большая ея часть и принадлежитъ сюда.

Кромѣ такого выдѣленія партіи никакихъ собственно практическихъ рѣшеній на этомъ сѣздѣ принято не было, на примѣръ: объ учрежденіи Исполнительнаго Комитета, систематическомъ преслѣдованіи царевубійства и т. п.; все это Гольденбергъ выдумалъ самъ. Насколько я знаю, Гольденбергъ игралъ въ партіи роль исполнительнаго агента и потому не могъ даже сообщить всѣхъ подробностей организаціи, какъ ему самому неизвѣстныхъ. Самъ я лично присутствовалъ на сѣздѣ подъ фамиліей Безхмѣнова, но никакъ не могу признать, чтобы я былъ членомъ Распорядительнаго Комитета.

Воспитывался я въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи; по окончаніи курса поступилъ въ Технологическій Институтъ, но пробылъ тамъ только мѣсяца 3—4. Въ институтѣ въ это время были введены стрѣнительныя правила, стали запрещать студентамъ то, что прежде было дозволено, лишать ихъ нѣкоторыхъ прежде принадлежавшихъ имъ, правъ; все это вынудило безпорядки и волненія среди студентовъ, въ которыхъ я лично, впрочемъ, принималъ мало участія; затѣмъ всѣхъ болѣе или менѣе прикосновенныхъ исключили изъ института на 6 лѣтъ, и вскорѣ послѣ того я былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину. Отсюда я чрезъ нѣсколько времени подалъ прошеніе, кажется, Министру Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разрѣшено было вернуться въ Петербургъ. Послѣднее время я сталъ заниматься изученіемъ общественныхъ наукъ, познакомился съ различными социальными теоріями. По возвращеніи въ Петербургъ я еще болѣе сталъ заниматься этими предметами и ближе познакомился съ ними. Я хотѣлъ теперь оступить въ Горный Институтъ и выдержалъ туда экзаменъ, но по неимѣнію вакансій не былъ принятъ. Въ это время познакомился съ партіей и скоро близко сошелся съ ней, въ то время еще съ партіей Земли и Воли.

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Лизогубъ былъ тоже членомъ партіи Земли и Воли. Онъ былъ очень богатый чело-

вѣкъ, у него было около 120 тысячъ. Сначала онъ мало помогалъ партіи. Я не думаю даже, чтобы какое-нибудь предпріятіе партіи было совершено на его деньги, напр., убійство Мезенцева. Тѣмъ не менѣе онъ былъ арестованъ и затѣмъ, на мой взглядъ, совершенно невинно, казненъ. Передъ тѣмъ онъ передалъ полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ Дриго, своему управляющему, которому вообще довѣрялъ; но Дриго не имѣлъ къ партіи никакого отношенія и обманулъ довѣріе Ливогуба, такъ какъ сталъ просто переводить его деньги на свое имя. По приказанію Ливогуба, Дриго долженъ былъ передавать деньги различнымъ членамъ партіи въ томъ числѣ и мнѣ; меня съ нимъ познакомилъ Зунделевичъ, Дриго неохотно исполнялъ мои требованія, но все же долженъ былъ подчиняться ради Ливогуба. Требованія же мои состояли въ томъ, чтобы Дриго, въ виду близкаго суда надъ Ливогубомъ и вѣроятнаго его осужденія, ликвидировалъ бы возможно скорѣе всѣ его дѣла, перевелъ бы его имущество въ деньги и передалъ намъ; таково было желаніе Ливогуба. Дриго общался, но всячески затагивалъ дѣла и въ то же время я узналъ, что онъ больше хлопочетъ о переводѣ денегъ и имѣнія на себя, чѣмъ объ интересахъ партіи. Тогда я написалъ объ этомъ Ливогубу, гдѣ жаловался на Дриго. Въ отвѣтъ на эту жалобу я получилъ письмо отъ Ливогуба, въ которомъ онъ поручалъ Дриго непременно въ возможно скоромъ времени передать мнѣ всѣ его деньги, въ противномъ случаѣ заявилъ, что будетъ считать Дриго мошенникомъ и отниметъ у него довѣренность. Предъявить это письмо Дриго я уже не могъ, такъ какъ онъ по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ партіей былъ въ это время уже арестованъ. Во время ареста Дриго отказался отъ всякой принадлежности къ партіи, просилъ избавить его отъ приходящихъ къ нему членовъ партіи, указалъ на нѣсколькихъ лицъ, между прочимъ далъ и мой адресъ и сообщилъ гдѣ и какъ можно меня найти; но я, вообще человекъ довольно осторожный, по нѣкоторымъ признакамъ догадался объ этомъ и успѣлъ скрыться. Во всякомъ случаѣ, денегъ отъ Дриго я такимъ образомъ не получилъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ вступилъ въ соглашеніе съ III-мъ Отдѣленіемъ и ему между прочимъ за указанія о социалистахъ и выдачу ихъ была обѣщана часть имѣній Ливогуба»...

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Въ Петербургѣ я жилъ въ послѣднее время подъ фамиліей Поливанова. При арестѣ у меня дѣйствительно между прочимъ былъ найденъ и динамитъ. Я не знаю, почему въ обвинительномъ актѣ сказано, что съ моимъ арестомъ получились указанія на вновь готовящееся преступленіе? Динамитъ, револьверы и кинжалы находили и находятъ всегда у всѣхъ почти членовъ партіи. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ мой арестъ могъ возбудить мысль о новомъ замыслѣ. Правда, прокурору Добржинскому я говорилъ на его вопросы о дальнѣйшихъ планахъ партіи, что, вѣроятно, дѣло и дальше пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ шло, такъ какъ условія

жизни, вызвавшія движеніе, не измѣнились. Видь Поливанова, найденный при мнѣ, подложный» (6 ч. 22 м.).

Фроленко на тотъ же вопросъ первоприсутствующаго о принадлежности къ тайному сообществу: «Я также принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-ей степени Исполнительнаго Комитета. Въ 79 г. я, подобно многимъ другимъ, рѣшился способствовать передачѣ власти въ руки самого народа. Признавая для достиженія этой цѣли необходимымъ прежде всего организацію сильной партіи, я передалъ себя вполнѣ въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета; съ этихъ поръ Комитетъ могъ уже поручать мнѣ какія угодно дѣла, назначать, куда ему представлялось нужнымъ,—я считалъ долгомъ подчиняться и не могъ даже спрашивать, зачѣмъ меня назначаютъ и къ чему должна привести моя работа. Въ Липецкѣ, какъ это совершенно вѣрно сообщалъ Михайловъ, не было никакого настоящаго съѣзда социалистовъ. туда просто собрались люди болѣе или менѣе единомышленные для принципиальныхъ разговоровъ. Показанія Гольденберга объ этомъ съѣздѣ невѣрны; впрочемъ, и вообще показанія Гольденберга весьма неточны.

Когда я жилъ въ Одессѣ, то тамъ получилъ приказаніе Исполнительнаго Комитета поступить на Одесскую желѣзную дорогу въ качествѣ сторожа, что я и исполнилъ. Сначала я жилъ тамъ одинъ, затѣмъ Комитетъ же прислалъ ко мнѣ Лебедеву. Никакихъ приготовленій къ взрыву поѣзда ни до ея пріѣзда, ни послѣ сдѣлано еще не было, такъ какъ сначала я жилъ не одинъ, а въ общей казармѣ съ другими рабочими, да къ тому же еще не было извѣстно поѣдетъ ли государь по этой линіи или нѣтъ. Наконецъ, въ ноябрѣ Комитетъ велѣлъ мнѣ уѣхать оттуда, и я тогда оставилъ мѣсто сторожа. Никакого предварительнаго сговора между мною и Лебедевой не было, равно какъ и послѣ мы не условливались въ предстоящей намъ работѣ, такъ что я думалъ даже, что я самъ долженъ буду замкнуть токъ гальванической батареи при проходѣ поѣзда и только здѣсь уже отъ Лебедевой услыхалъ я, что это будто бы было ея дѣло.

Въ Кишиневѣ я поѣхалъ также по порученію Исполнительнаго Комитета. По дорогѣ я заѣхалъ къ Лебедевой, которая должна была жить со мною, и съ нею вмѣстѣ пріѣхалъ въ Кишиневъ. Здѣсь намъ были указаны двѣ квартиры, болѣе или менѣе подходящія для предполагаемой цѣли, и выборъ между нами былъ уже предоставленъ мнѣ. Остановившись на одной изъ нихъ, я прежде всего изслѣдовалъ грунтъ и, найдя его крайне неудобнымъ, донесъ объ этомъ Комитету и затѣмъ ждалъ его распоряженія. Выѣхалъ изъ Кишинева также по приказанію Исполнительнаго Комитета. По тому же приказанію я затѣмъ, пріѣхавши въ Петербургъ, принималъ участіе въ дѣлѣ 1-го марта, работая въ подкопѣ на Малой Садовой.

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Объ освобожденіи Дѣйча, Стефановича, Бохановскаго я не могу сказать ничего по-

ваго; все это вѣрно изложено въ обвинительномъ актѣ. Я, дѣйствительно, поступилъ туда сторожемъ и затѣмъ, прослуживши нѣсколько времени и добившись извѣстнаго довѣрія, освободилъ ихъ. Я слышалъ, что будто-бы смотритель тюрьмы подозрѣвался въ содѣйствіи мнѣ и даже это имѣло для него нѣкоторыя неприятныя послѣдствія. Я считаю своимъ долгомъ заявить, что это неправда, смотритель тутъ ровно не при чемъ, и его совершенно невинно подозрѣваютъ; вообще среди тюремной администраціи у меня не было помощниковъ.

Арестованъ я былъ подъ именемъ Капустина».

Колодкевичъ: «Я принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-й степени Исполнительнаго Комитета. Я не буду подробно рассказывать теперь о задачахъ и организаціи партіи, такъ какъ объ этомъ уже говорилъ Михайловъ, и къ его объясненіямъ я вполне присоединяюсь.

Воспитывался я въ Черниговской гимназіи и по окончаніи тамъ курса поступилъ въ Нѣжинскій лицей, но пробылъ здѣсь не долго и перешелъ въ Новороссійскій Университетъ со спеціальною цѣлью заняться химіей. Этому предмету я посвящалъ 2 года своего пребыванія въ Одессѣ, а затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ въ Кіевскій Университетъ. Здѣсь я дошелъ до 4-го курса, когда былъ уволенъ изъ Университета за привлеченіе меня къ дознанію по одному политическому дѣлу. Послѣ этого я привлекался къ дознанію дѣйствительно довольно много разъ, но, такъ какъ сидѣть въ тюрьмѣ мнѣ вовсе не казалось любопытнымъ, то я всякій разъ успѣвалъ скрыться. Впрочемъ, и въ тюрьмѣ мнѣ также приходилось побывать. Последнее время съ ноября 80 г. я проживалъ въ Петербургѣ по паспорту Петрова и принималъ участіе по порученію Исполнительнаго Комитета въ преступленіи 1-го марта, о чемъ я уже говорилъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что при моемъ задержаніи у меня найдены разныя революціонныя изданія, я не знаю можно ли называть разными изданіями тѣ 2 книжки и 1 рукопись, которыя были у меня взяты, но что онѣ, дѣйствительно, были отобраны у меня,—это я признаю».

Морозовъ: «Я считаю террористическій способъ дѣйствій цѣлесообразнымъ для достиженія свободы слова, печати и публичныхъ собраній, но я не признаю себя принадлежащимъ къ какому-нибудь тайному сообществу. Объ Липецкомъ сѣздѣ я не хотѣлъ бы говорить, такъ какъ мои товарищи уже разъяснили этотъ вопросъ. Показанія Гольденберга обо мнѣ вообще несправедливы, и я никогда не былъ членомъ Исполнительнаго Комитета. Жилъ я, дѣйствительно, подъ чужой фамиліей, потому что зналъ, что хотя меня и освободили послѣ процесса 193-хъ, къ которому я привлекался, но тѣмъ не менѣе хотѣли выслать административнымъ порядкомъ».

Родился я въ Ярославской губерніи и воспитывался во 2-ой Московской гимназіи, изъ которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія

къ дознанію. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что при мнѣ при задержаніи было найдено много брошюръ и сочиненій революціоннаго характера; я считаю нужнымъ замѣтить, что онѣ найдены въ одномъ общемъ помѣщеніи съ моими товарищемъ, съ которымъ я былъ вмѣстѣ задержанъ, такъ что нельзя приписывать ихъ всѣ мнѣ. При мнѣ собственно найдены только по одному или по два экземпляра «Террористическая борьба» и книжки стихотвореній; сочиненія эти, дѣйствительно, написаны мною и напечатаны первое въ Лондонѣ¹⁾, второе въ Женевѣ. «Террористическая борьба» написана мною за границую, и я ни съ кѣмъ изъ моихъ товарищей не совѣщался и не разговаривалъ, когда ее писалъ, и потому она можетъ быть вмѣнена въ вину только лично мнѣ.

Въ Петербургѣ я жилъ подъ фамиліей Хитрово съ своей женой Ольгой Любатовичъ».

(На вопросъ первоприсутствующаго). «Да мнѣ хорошо было извѣстно, что Ольга Любатовичъ государственная преступница, бѣжавшая съ мѣста ссылки».

Акимова: «Я принадлежу къ партіи Народной Воли и состою агентомъ 3-ей степени Исполнительнаго Комитета²⁾. Въ качествѣ такого агента я получала отъ Комитета различныя порученія, которыя и исполняла, но иногда даже не знала, къ чему должно привести то или другое предпріятіе. Ранѣе я привлекалась къ процессу 193-хъ, а передъ тѣмъ просидѣла 2 года 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, затѣмъ была оправдана и выпущена на свободу, но зная, по примѣру многихъ другихъ, что это не спасло бы меня отъ административной высылки, я съ этихъ поръ стала жить уже нелегально. Въ это время посѣтила разъ моихъ родныхъ, вскорѣ послѣ того какъ была выпущена послѣ процесса 193-хъ, но, разумѣется, никто изъ моихъ родныхъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, чѣмъ я занимаюсь».

Фриденсонъ: «Я не отрицаю своей солидарности съ идеями, высказываемыми членами партіи, но не признаю себя принадлежащимъ къ партіи. Съ партіей я знакомъ только по ея литературѣ. Я самъ довольно много изучалъ политическія и экономическія науки, и въ это же время мнѣ случалось читать произведенія партіи. Правда, съ нѣкоторыми членами партіи я и лично былъ нѣсколько знакомъ, встрѣчался съ ними. Сочиненіями и личными знакомствами я въ значительной мѣрѣ обязанъ Рейнштейну, который снабжалъ меня изданіями и знакомилъ съ различными людьми».

Далѣе Фриденсонъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Рейнштейномъ, и затѣмъ о своихъ убѣжденіяхъ; говоритъ онъ хорошо, гладко. Читается его программа организацій, найденная у него въ квартирѣ и названная почему-то прокуроромъ «революціонною».

¹⁾ Брошюра „Террористическая борьба“ была помѣчена Лондономъ, но напечатана была въ Женевѣ.

²⁾ По уставу партіи члены Исп. Ком. публично могли выступать только какъ агенты 3-й степени.

Баранниковъ: «Обо всемъ, что касается организаціи, задачъ и стремленій партіи, къ которой я принадлежу, я не считаю нужнымъ говорить, такъ какъ объ этомъ достаточно уже говорили Михайловъ, Фроленко и Колодкевичъ, и я совершенно согласенъ съ ними; отъ себя я прибавлю весьма немного.

На Липецкомъ съѣздѣ я былъ подѣ фамиліей Кошурникова. Воспитывался я въ Орловской гимназіи. По окончаніи курса хотѣлъ поступить въ университетъ, но по желанію родителей, былъ опредѣленъ въ Павловское Военное Училище. Здѣсь я не могъ долго оставаться и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ, оставивши записку директору, гдѣ сообщилъ, что я лишаю себя жизни; то же просилъ сообщить и матери. Я пріѣхалъ въ Ростовъ и долго пробылъ здѣсь, на югѣ, вращаясь постоянно между артелями рабочихъ съ цѣлью пріобрѣсти недостающія мнѣ необходимыя спеціальныя свѣдѣнія для работы и агитаціи среди народа; между прочимъ поступилъ я въ кузницу къ одному кузнецу, настоящему простолюдину-кузнецу и у него прожилъ весьма долго, и здѣсь же изучилъ кузнечное дѣло. Въ мартѣ 77 г. я получилъ приглашеніе поступить въ члены партіи Земли и Воли, которое и принялъ. Вскорѣ послѣ этого я отправился въ Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи и поступилъ работникомъ на одну ферму, но здѣсь скоро замѣтилъ, что за мной слѣдятъ съ цѣлью арестовать, и скрылся. Здѣсь же я познакомился съ Квятковскимъ, находившимся въ такихъ же условіяхъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Нижній Новгородъ, а оттуда въ Петербургъ. Впослѣдствіи я подѣ именемъ Кошурникова же женился на Ошаниной, но скорѣ съ ней развѣхался.

Златопольскій говоритъ очень тихо; отрицаетъ всякую принадлежность свою къ партіи, знакомство свое съ Колодкевичемъ объясняетъ чисто частнымъ личнымъ дѣломъ, не имѣющимъ ничего общаго съ замыслами партіи.

Тетерка, на вопросъ первоприсутствующаго: «Да, я признаю себя террористомъ-народникомъ.»

Первоприсутствующій: «Что-же это значитъ террористъ-народникъ?»

Тетерка: «Это значитъ, что, когда у меня нѣтъ работы среди народа, то я долженъ принимать участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ.»

Первоприсутствующій: «Что-же значитъ слово террористъ?»

Тетерка: «Террористъ, это человекъ, стремящійся непосредственно къ убійству.»

Первоприсутствующій: «Зачѣмъ?»

Тетерка: «Этого нельзя сказать, это бываетъ весьма различно.»

Первоприсутствующій: «Лучше вы не употребляйте такихъ словъ, которыхъ, очевидно, не понимаете.»

Тетерка: «Я употребляю ихъ такъ, какъ понимаю.»

Первоприсутствующій: «Почему вы принимали участіе въ различныхъ предпріятіяхъ партіи? что васъ побудило?»

Тетерка: «Я дѣлалъ это по приказанію другихъ».

Первоприсутствующій: «Такъ что вы сами не понимали, что дѣлали?»

Тетерка: «Отчасти понималъ, отчасти нѣтъ».

Первоприсутствующій: «Чѣмъ вы занимаетесь?»

Тетерка: «У меня нѣсколько специальностей».

Первоприсутствующій: «Что это значитъ?»

Тетерка: «То-есть, я плотникъ, и столяръ, и маляръ и вообще могу заниматься тѣмъ, что въ данное время нужно».

Первоприсутствующій: «И убивать можете?»

Тетерка: «Я еще собственно никогда никого не убилъ».

Дальше Тетерка сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ своей жизни. «Федоровъ былъ первымъ, кто объяснилъ мнѣ, какъ нужно жить рабочему человѣку. Онъ первый доказалъ мнѣ, что намъ лучше жить дружно, помогать другъ другу, что тогда и работа пойдетъ лучше и выгоднѣе; онъ же объяснилъ мнѣ, что кромѣ водки и разврата есть и другія лучшія удовольствія жизни, онъ меня научилъ грамотѣ и выучилъ читать книги. Потомъ я самъ увидалъ, когда работалъ въ плотничьей артели, что дружно жить и работать гораздо лучше. Я очень благодаренъ этимъ людямъ, они мнѣ много хорошаго сдѣлали. Въ Кіевѣ я познакомился съ Желябовымъ. Онъ также обучалъ меня, давалъ читать книги. Потомъ уже я принималъ участіе въ различныхъ дѣлахъ партіи. Въ Харьковѣ я поступилъ въ мебельную мастерскую исключительно уже для пропаганды».

Первоприсутствующій: «Что значитъ это слово?»

Тетерка: «Это значитъ распространять между рабочими тѣ убѣжденія, которые мнѣ передалъ Федоровъ, какъ нужно жить рабочимъ, чтобы имъ лучше было, и тѣ, которые я самъ узналъ изъ книгъ. Въ Харьковѣ рабочіе живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ Одессѣ; имъ и платятъ меньше, и работы гораздо больше, и труднѣе, чѣмъ въ Одессѣ, да и живутъ недружно. Изъ Харькова я пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь я исполнялъ различныя порученія, между прочимъ рѣзалъ печати для партіи, принималъ участіе и въ другихъ дѣлахъ партіи».

Первоприсутствующій: «Зачѣмъ вы купили сани и лошадь?»

Тетерка: «У меня въ то время не было другой работы, хоть я ее и искалъ, а затѣмъ и партія нуждалась съ своимъ человѣкъ, который имѣлъ бы лошадь и умѣлъ на ней ѣздить».

Присяжный повѣренный Чичаговъ: просить первоприсутствующаго вопросами выяснитъ молодость и дѣтство Тетерки.

Первоприсутствующій предлагаетъ вопросы.

Тетерка: «Я—казацкій сынъ. . . . Послѣ смерти отца я, съ маленькой сестрой и самъ еще совѣмъ маленькій, остался при матери. Мать переѣхала въ Одессу и вскорѣ вышла замужъ; жизнь моя была незавидная, съ 8 лѣтъ я старался уже жить на свои средства. Обыкновенно рабочіе кромѣ пьянства и разврата не имѣють другихъ удовольствій, а я съ 18 лѣтъ, когда

вступилъ въ сношенія съ партией, не имѣлъ надобности въ такихъ развлеченіяхъ».

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи подсудимыхъ.

Засѣданіе закрыто въ 10¹/₄ час.

Засѣданіе 11-го Февраля (12¹/₂ ч. дня).

Первоприсутствующій вызываетъ всѣхъ подсудимыхъ и предлагаетъ каждому изъ нихъ изложенный вчера вопросъ о принадлежности къ тайному сообществу.

Тригони: «Будучи социалистомъ по убѣжденіямъ, я также признавалъ необходимымъ для достиженія какихъ-нибудь социальныхъ улучшеній прежде всего политическую свободу. Поэтому я признаю себя виновнымъ по первому пункту программы партіи «Народной Воли».

По окончаніи гимназій я поступилъ въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ и кончилъ курсъ а затѣмъ записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Съ Желябовымъ я былъ знакомъ начиная съ 4-го класса гимназій, гдѣ мы были вмѣстѣ; затѣмъ вмѣстѣ же перешли въ университетъ, гдѣ и пробыли до удаленія его оттуда за участіе въ какой-то студенческой исторіи. Послѣ этого я долго не видался съ нимъ и встрѣтился впервые уже въ Петербургѣ въ 80 г. Вообще я съ нимъ былъ хорошо, близко знакомъ, но террористическихъ разговоровъ мы съ нимъ никогда не вели. Въ Петербургѣ я бывалъ также и у Люстига, моего крымскаго хорошаго знакомаго, встрѣчался у него и съ нѣкоторыми другими изъ здѣсь теперь сидящихъ. Между нами тамъ происходили свободные, быть можетъ, даже нѣсколько революціоннаго характера, разговоры, но никогда не было высказываемо какихъ-нибудь определенныхъ террористическихъ намѣреній. Въ Одессѣ жилъ въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Богацкаго, занимался дѣлами, которыя онъ мнѣ поручалъ. При этомъ я считаю своимъ долгомъ заявить, что если даже Особое Присутствіе найдетъ мою дѣятельность преступною, то во всякомъ случаѣ вся вина должна остановиться на мнѣ и присяжный повѣренный Богацкій тутъ ровно не при чемъ: я съ нимъ вовсе даже не былъ знакомъ, убѣжденій и взглядовъ моихъ онъ совсѣмъ не зналъ, и между нами существовали только официальные отношенія патрона къ своему помощнику. Занимаясь понемногу адвокатурой, я въ то же время черезъ рабочаго Панова поддерживалъ сношенія съ рабочими, такъ какъ меня интересовало начавшееся среди нихъ движеніе. Поэтому-то у меня дѣйствительно и происходилъ разговоръ съ Меркуловымъ, о которомъ онъ говорилъ, въ квартирѣ для работавшихъ въ Кишиневѣ, но я тогда ему отказалъ во всякомъ участіи въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ самого Меркулова я совсѣмъ не зналъ, онъ мнѣ ровно ничего не объяснилъ для кого

и для чего нужна была квартира, да и вообще я вовсе не желалъ принимать въ этомъ случаѣ какого-нибудь активнаго участія. Въ Петербургъ я пріѣхалъ по приглашенію одного знакомаго, который предлагалъ мнѣ ѣхать съ однимъ своимъ знакомымъ семействомъ за границу въ качествѣ учителя для дѣтей, а такъ какъ я давно уже хотѣлъ побывать за границей, то и принялъ охотно предложеніе. Дѣло это совсѣмъ устроилось, и я долженъ былъ уже на другой день уѣхать, такъ что и вещи у меня уже были приготовлены, когда меня вдругъ арестовали. Въ лавкѣ Кобозева я былъ только одинъ разъ и то зашелъ туда совершенно случайно, гуляя съ Желябовымъ и проходя мимо, такъ какъ Желябову нужно было что-то сказать Кобозеву. Работой же тамъ, въ подкопѣ, я никогда не занимался. Найденные у меня номера «Народной Воли» и замѣтки о кружковой революціонной дѣятельности принадлежать не мнѣ, а оставлены у меня Желябовымъ. Мнѣ кажется, что вообще слѣдствіе мнѣ придало слишкомъ преувеличенное значеніе, и это нѣсколько объясняется тѣмъ, что меня, повидимому, почему-то смѣшиваютъ съ какимъ-то «Милордомъ»; быть можетъ, и есть или былъ какой-нибудь «Милордъ», но кто это—неизвѣстно и во всякомъ случаѣ названіе это ничего не имѣетъ общаго со мной».

(На вопросъ первоприсутствующаго): «Люстига я хорошо знаю еще по Крыму, видалъ у него Желябова и нѣкоторыхъ другихъ, но никогда не считалъ его сколько-нибудь близко стоящимъ къ дѣлу».

По просьбѣ прокурора читаются найденныя у Тригопи рукописи «О мѣстной центральной группѣ» и «Общія начала организаціи».

По просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Спасовича читается письмо, начинающееся со слова «Милордъ», и затѣмъ удостоверяется тождество найденной у Тригопи рукописи «Начала организаціи» съ такою же, найденною у Колодкевича.

Меркуловъ: «Да, я признаю свою виновность».

Отецъ мой былъ солдатомъ. Когда онъ умеръ, мнѣ было только 7 лѣтъ, и мать отдала меня для обученія столярному ремеслу, а сама вскорѣ послѣ того куда-то уѣхала и бросила меня, такъ что я послѣ того уже больше ея не видалъ. У моего хозяина я работалъ довольно долго, но, наконецъ, онъ обанкротился и убѣжалъ, такъ что я остался совсѣмъ одинъ и даже безъ документовъ, такъ какъ онъ мнѣ ихъ не возвратилъ. Тутъ мнѣ приходилось терпѣть и отъ полиціи. Вскорѣ я познакомился съ социалистами и попалъ въ ихъ кружокъ».

Присяжный повѣренный *Шнеуръ* проситъ первоприсутствующаго вопросами выяснить знакомство Меркулова съ идеями партіи.

Меркуловъ: «Я хорошенько не понималъ и не понимаю и теперь, чего собственно они хотѣли. Меня увлекъ Желябовъ. Я, дѣйствительно былъ недоволенъ и хозяиномъ, и полиціей, а та-

кому рабочему не трудно доказать, что виновать во всемъ этомъ не хозяинъ, а государь. Когда я къ нимъ поступалъ, они меня не соблазняли тѣмъ, что я ничего не буду дѣлать, только исполнять ихъ порученія,—нѣтъ, я, напротивъ, почти все время работалъ и послѣ поступленія къ нимъ занимался мастерствомъ или работой на фабрикахъ, какъ и прежде; только когда у меня совсѣмъ не было работы, я получалъ отъ нихъ деньги и то очень мало, такъ что случалось даже иногда, что дня два ничего не ѣлъ».

Михайловъ: «Я попросилъ бы позволенія дать нѣкоторыя разъясненія по вопросу о принадлежности къ партіи Тетерки и Меркулова и о той роли и значенія, которыя они тамъ имѣли».

Особое Присутствіе нашло это излишнимъ и отказало.

Исаевъ: «Я признаю себя принадлежащимъ къ партіи Народной Воли и исповѣдую тѣ принципы, которые изложены были Михайловымъ, Фроленко, Колодкевичемъ, Баранниковымъ».

По окончаніи курса въ Могилевской гимназіи я поступилъ въ Петербургскій университетъ на естественный факультетъ, гдѣ и пробылъ 2 года, а затѣмъ перешелъ въ Медицинскую Академію. Такъ какъ я еще въ гимназіи былъ замѣшанъ въ одну исторію и обвинялся въ пропагандѣ среди народа, то во время всего моего пребыванія въ Петербургѣ у меня постоянно происходили обыски, различнаго рода преслѣдованія, притѣвленія. Во время одного изъ такихъ обысковъ у меня нашли 3 фунта шрифта, такъ какъ я въ то время занимался переплетнымъ мастерствомъ. Съ этого времени обыски еще участились, такъ что я никогда положительно не могъ считать себя спокойнымъ. Въ виду этого, и раздѣляя вполне высказанныя уже убѣжденія, я почувствовалъ непримиримую вражду къ правительству и предложилъ свои услуги партіи Народной Воли. Ея дѣятельность я, въ настоящее время, считаю наиболѣе цѣлесообразной. Мнѣ поручили заняться приготовленіемъ динамита, и я изучилъ дѣло теоретически и практически по всѣмъ имѣющимся источникамъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ партіи я принималъ участіе главнымъ образомъ съ технической стороны. Въ Могилевской губерніи я никогда не занимался пропагандой, такъ какъ положеніе народа тамъ такъ ужасно, что никакая пропаганда тамъ невозможна, немислима даже. На нелегальное положеніе я перешелъ въ 79 г. Между прочимъ я дѣйствительно жилъ на Б. Подъяческой, но съ кѣмъ,—не хочу назвать, равно какъ не желаю сообщать и того, что я тамъ дѣлалъ. Арестованъ былъ на улицѣ послѣ знаменитаго распоряженія петербургскаго градоначальника хватать всѣхъ и каждого безъ разбора, и былъ доставленъ въ полицію къ градоначальнику. Такъ какъ я не хотѣлъ назвать своего имени, то меня выставили здѣсь на видное мѣсто и стали представлять всѣмъ петербургскимъ дворникамъ съ цѣлью узнать мое имя и адресъ; мнѣ грозили запереть меня навѣки въ подземный казематъ, старались соблазнить прощеніемъ и т. п.; на

ночь посадили меня съ двумя городовыми, которые все время меня ругали, не давали спать, били».

Первоприсутствующій: «Это къ дѣлу не относится».

Исаевъ: «Какъ вамъ угодно. Тогда спрашивайте, что тамъ вамъ нужно. У Люстига былъ всего 2 раза, а послѣ того, какъ отъ него былъ вять печатный станокъ, ни разу даже его не видалъ. Вещи, найденныя у меня признаю за мои».

Сухановъ (ужасно взволнованъ, говорить какъ бы захлебываясь, защитники нѣсколько разъ подаютъ ему воды): «Да, я признаю себя виновнымъ. Начавшееся движеніе и дѣятельность партіи я понималъ такимъ образомъ, что партія сознаетъ крайне тяжелое экономическое положеніе русскаго народа, положеніе настолько тягостное, что не даетъ даже возможности улучшаться; помочь этому и составляло, какъ я это понимаю, задачу партіи. Но нельзя прямо непосредственно улучшить экономическое положеніе,—необходимо раньше добиться хоть какого нибудь улучшения въ положеніи политическомъ, получить хоть нѣсколько политической свободы, чтобы затѣмъ уже приложить свои силы на пользу народа. Къ этому партія и должна была стремиться. Ближайшею, слѣдовательно, цѣлью стремленій и усилій партіи должно было быть достиженіе политической свободы, политическихъ правъ, представительнаго правленія. Только тогда уже можно было бы говорить о дальнѣйшихъ реформахъ и, конечно, прежде всего слѣдовало бы подумать о самыхъ необходимыхъ, самыхъ неотложныхъ нуждахъ, позаботиться, такъ сказать, объ устояхъ дальнѣйшаго. А устои эти слѣдующіе, по крайней мѣрѣ, имѣ представлялись такими: 1) коренное измѣненіе системы податей, 2) широкая организація земскаго самоуправленія и 3) общее и даровое обученіе. Это совершенно необходимо, и это должно быть ближайшею задачею, такъ какъ только это можетъ улучшить матеріально бытъ народа, можетъ, такъ сказать, дать хлѣбъ народу, а именно хлѣбъ то и нуженъ и изъ-за него то и началось, и идетъ все дѣло; династическій же вопросъ совершенно чуждъ партіи.

Впрочемъ все это я говорилъ только за самого себя. Я такъ думаю. Къ партіи я примкнулъ активно весьма недавно и не знаю хорошенько, быть можетъ, члены партіи и иначе смотрятъ на это, но я такъ смотрѣлъ, такъ понималъ, это было цѣлью для меня. Тяжело народу нашему—это всѣмъ извѣстно: земли у него нѣтъ, хлѣба нѣтъ; и обученіе тоже необходимо ему. Повторяю, династическій вопросъ вовсе не касается партіи; ей необходимо было поставить нѣкоторыя условія, такія, чтобы народъ, весь народъ, получилъ возможность развиваться, улучшать свое положеніе. Это и все. Проповѣдованіе общности имущества, отрицаніе собственности, семейнаго начала и т. п.,—этого ничего ровно нѣтъ въ партіи; чужая собственность, напимѣръ, для всѣхъ членовъ партіи—вещь священная, гораздо болѣе священная, чѣмъ для другихъ людей. Я собственно очень недолго участвовалъ въ

дѣлахъ партіи, ни къ какой организаціи я не принадлежалъ, такъ что все, что я говорю, это я говорю не какъ чловѣкъ партіи, а какъ посторонній. Это мое личное мнѣніе. Я являюсь въ этомъ случаѣ какъ бы голосомъ изъ публики. Партія и образовалась и избрала извѣстный путь подѣ влияніемъ текущихъ грустныхъ событій, не сама по себѣ. Когда я проѣзжалъ черезъ Сибирь, я видѣлъ цѣлыя массы, сотни, тысячи людей, ссылаемыхъ туда административно, несчастныхъ, измученныхъ и когда я спрашивалъ, за что ихъ ссылаютъ, мнѣ говорили, что не знаютъ; ихъ ссылали такъ, ни за что. Я видѣлъ мальчиковъ лѣтъ 17—18, которыхъ цѣлыми вагонами увозили туда... Я самъ все это видѣлъ, своими глазами... тяжело это. Террористическій путь не выбранъ партіей, но его вынудили, натолкнули, чтобы послѣ въ мутной водѣ ловить рыбу. Посмотрите, напр., на эти студенческія исторіи, безпорядки: развѣ могутъ они сколько-нибудь вредить государству, быть ему опасными, а между прочимъ ихъ всякій разъ старательно превращаютъ чуть ли не въ бунтъ студентовъ, молодежь арестуютъ, исключаютъ, высылаютъ. Вотъ здѣсь то, въ такомъ образѣ дѣйствій и лежатъ причины, побудившія партію вступить на путь террора.

Воспитывался я первоначально въ гимназій, затѣмъ въ Морскомъ Училищѣ; кончилъ здѣсь курсъ и вышелъ въ офицеры. Кромѣ того вполнѣдствіи я былъ еще въ Кронштадтскихъ минныхъ классахъ, гдѣ также кончилъ курсъ».

Первоприсутствующій: «Отчего вы, чловѣкъ, получившій извѣстное образованіе, не вложили своего труда въ разработку интересовавшихъ васъ вопросовъ законнымъ путемъ, напр., въ литературѣ?»

Сугановъ: «Я—не литераторъ и думаю, что я и неспособенъ къ этому. Затѣмъ я больше занимался науками естественными и математическими, это—мои любимые предметы, моя спеціальность, такъ что если я мечталъ сдѣлать что-нибудь для науки, то именно въ этой отрасли. Правда, и экономическіе вопросы интересовали меня, я болѣе или менѣе изучалъ и этотъ предметъ. Я читалъ Васильчикова, Янсона, читалъ доклады губернаторовъ, въ которыхъ прямо говорится, что подати у насъ превышаютъ платежныя силы. У насъ вообще есть довольно много прекрасныхъ вещей, но это только на бумагѣ, а на практикѣ болѣе занимаются ловлей и преслѣдованіемъ политическихъ преступниковъ, которыхъ зачастую сами же придумываютъ.

Самъ я пришелъ къ сознанию необходимости того пути, которымъ шелъ совсѣмъ случайно. Вѣдь, странно собственно, что чловѣкъ такого сословія, какъ я, офицеръ, находится здѣсь. Я вовсе не желаю оправдываться передъ вами: надо мной тяготеетъ такое тяжелое обвиненіе, и я самъ такъ сознаю всю тяжесть его, что страшно мнѣ было бы думать объ оправданіи, или снисхожденіи; нѣтъ, я хотѣлъ бы только объяснить, какъ все это вышло, какъ я дошелъ до этого.

Отецъ мой былъ докторомъ. Въ городѣ, гдѣ мы жили, всѣ его очень любили и уважали, «нашъ» докторъ, говорили про него всегда жители; когда я много лѣтъ спустя пріѣзжалъ туда, меня встрѣчали всегда очень радушно и называли—«сынъ нашего доктора». Отецъ по смерти оставилъ по себѣ очень хорошую память, и я дорожилъ его именемъ. Въ домѣ у насъ и между собою и къ другимъ всегда были самыя хорошія, честныя отношенія; въ такомъ направленіи и воспитывала меня мать. Когда я вышелъ въ офицеры, меня очень скоро послѣ того отправили съ эскадрой на Амуръ; при этомъ мнѣ предлагали назначить меня распорядителемъ (казначеемъ) на томъ суднѣ, гдѣ я служилъ; но я, слышавши не разъ о различныхъ злоупотребленіяхъ и непріятностяхъ, сопряженныхъ съ этою должностію, постоянно отказывался отъ этого. Но меня все же назначили; судно наше должно было выступить въ 10 час, а въ 9, не предупредивши меня, мнѣ принесли приказъ о моемъ назначеніи, такъ что отказаться я уже не могъ. Помня завѣтъ отца и матери, я считалъ обязанностію исполнять добросовѣстно, какъ я понималъ это, всѣ возложенныя на меня порученія. Здѣсь начался цѣлый рядъ безпрестанныхъ недоразумѣній между мною и командиромъ. Наконецъ, на одной изъ стоянокъ дѣло дошло до серьезной непріятности между нами. Мы должны были принять большой грузъ каменнаго угля и кокса. Командиръ сообщилъ мнѣ, что хочетъ отдать поставку этого угля хозяину гостиницы, гдѣ мы стояли, за его любезное къ намъ отношеніе. Я возразилъ на это, что лучше въ такомъ случаѣ сдѣлать хозяину какой-нибудь подарокъ, а поставку вести обыкновеннымъ путемъ, и отказался вообще отъ этого. Несмотря на это, однажды ночью, въ мое отсутствіе, уголь былъ привезенъ и нагруженъ на судно. Уголь оказался очень дурнымъ и поставленъ былъ по крайне дорогимъ цѣнамъ, а между тѣмъ командиръ его принялъ, и даже консулъ утвердилъ цѣны. Я не могъ согласиться на это и считалъ своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Но прежде я пошелъ къ командиру и просилъ его перемѣнить распоряженіе, говоря, что иначе я долженъ буду сообщить объ этомъ. Командиръ сначала испугался, сказалъ, что подумаетъ, просилъ подождать, но потомъ, переговоривши съ товарищами, не только не отмѣнилъ распоряженія, но даже подалъ на меня рапортъ адмиралу, обвиняя меня въ неповиновеніи и неуваженіи къ начальству. Меня отдали подъ судъ. Хотя по суду меня оправдали, и даже адмиралъ по моей просьбѣ назначилъ слѣдственную комиссію, которая признала всѣ мои показанія справедливыми, но съ этихъ поръ мнѣ уже было не житье во флотѣ: меня начали переводить съ судна на судно, товарищи смотрѣли на меня косо; пріѣхалъ новый командиръ, меня начали травить, какъ звѣря. Здѣсь теперь мнѣ худо, но тогда было гораздо хуже. Меня всѣми путями преслѣдовали, гнали взыскивали, обращались, какъ съ мошенникомъ, воромъ, назначали на такія мѣста и давали такія пору-

ченія, которыя вообще считается унижительнымъ, позорнымъ исполнять офицеру, а прежній командиръ отдѣлался только тѣмъ, что ему дали другое судно. Послѣ этого я рѣшилъ болѣе не заниматься распорядительской частью. По суду меня хотя и оправдали, но все равно послѣ подвергли дисциплинарному взысканію на 1 годъ; это мнѣ было все равно, такъ какъ я вообще не карьеристъ, но, во всякомъ случаѣ, жизнь моя на Амурѣ стала уже невыносимою, и я выпросилъ себѣ переводъ въ Кронштадтскій флотъ. Когда я пріѣхалъ въ Кронштадтъ, молва, пущенная обо мнѣ, уже достигла сюда раньше меня, и меня встрѣтили здѣсь весьма нерадушно. Трудны были условія моей жизни. Я не человекъ идеи, и всѣ окружающія впечатлѣнія на меня сильно дѣйствовали. Въ 79 году арестовали мужа моей сестры, за что—я не знаю; знаю только, что онъ былъ самый мирный человекъ, а между тѣмъ его всетаки выслали. На сестру это очень сильно подѣйствовало, она заболѣла, у нея сдѣлались преждевременные роды. Все это не могло не подѣйствовать также сильно и на меня. Я сталъ искать выхода изъ тяжелыхъ окружающихъ условій и не могъ найти другой дѣятельности, гдѣ можно бы было работать и жить; тогда я согласился принять участіе въ дѣлахъ партіи, зная очень хорошо, къ чему это поведетъ и чѣмъ все это кончится. Я не обращалъ вниманія, на службѣ я или нѣтъ. Я понимаю, что я далъ присягу, но мнѣ это вовсе не казалось сравнительно такимъ важнымъ».

Перерывъ съ 2 ч. 10 м. до 2 ч. 55 м.

Терентьева: «Я не признаю себя виновною въ приписываемыхъ мнѣ преступленіяхъ такъ, какъ они формулированы въ обвинительномъ актѣ. Такъ, я не признаю себя виновной въ тайной кражѣ изъ Херсонскаго казначейства. Вообще въ обвинительномъ актѣ изложено весьма неточно. Я еще съ гимназіи сочувствую дѣламъ партіи, изложеннымъ всего лучше въ «Письмѣ къ Императору Александру III». По тѣмъ же побужденіямъ я принимала участіе въ Херсонскомъ покушеніи, такъ какъ деньги, находящіяся тамъ, принадлежать, по моему мнѣнію, всему народу и могли быть взяты для дѣла народа. Часть денегъ, взятыхъ мною, я увезла совсѣмъ не тайно, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, потому что ѣхала я на пороходѣ съ ними днемъ, въ большомъ обществѣ, совершенно явно. По выходѣ изъ гимназіи я занималась тѣмъ, что давала уроки; жила въ это время на счетъ своихъ родныхъ, а не на средства революціоннаго фонда, такъ какъ эти деньги употребляются только на дѣла въ пользу народа. Съ тѣхъ же поръ, какъ я жила на конспиративныхъ квартирахъ и дѣйствовала по порученію Исполнительнаго Комитета, я, дѣйствительно, жила на средства революціоннаго фонда и считала себя вправѣ тратить эти деньги (народныя) на себя, такъ какъ была глубоко убѣждена въ пользѣ для народа своей дѣятельности. Жила я въ Петербургѣ на разныхъ квартирахъ, подѣ различ-

ными именами и признаю то, что сказано объ этомъ и о моемъ арестѣ въ обвинительномъ актѣ».

Исаевъ: «Въ обвинительномъ актѣ сказано, что на квартирѣ Терентьевой былъ найденъ снарядъ той же системы, что и 1-го марта. Это невѣрно: снарядъ, дѣйствительно, былъ найденъ, но совсѣмъ иной системы».

Первоприсутствующій по ошибкѣ обращается съ вопросомъ о принадлежности къ тайному сообществу вторично къ Якимовой.

Якимова: «Меня уже спрашивали; впрочемъ, если хотите, я расскажу еще разъ».

Первоприсутствующій: «Нѣтъ, это я ошибся. Садитесь».

Лангансъ: «Я никогда не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какому тайному сообществу. Я—соціалистъ по своимъ убѣжденіямъ. Въ Россіи, я думаю, найдется, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ такихъ же убѣжденій, какъ я, и я о нихъ-то и говорилъ какъ о партіи, къ которой принадлежу, точно такъ же, какъ говорятъ о либералахъ, консерваторахъ, славянофилахъ и т. п.; здѣсь нѣтъ и рѣчи ни о какомъ тайномъ сообществѣ, и къ тайному сообществу я и не принадлежу, хотя и раздѣляю убѣжденія соціалистовъ».

Я бы желалъ нѣсколько болѣе подробно сообщить біографическія свѣдѣнія о себѣ. По окончаніи курса въ Херсонской гимназій, я поступилъ въ Технологическій Институтъ. Пробывши здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, я задумалъ измѣнить систему изданія лекцій; насъ въ это время сильно эксплуатировалъ одинъ полякъ. Я предложилъ товарищамъ издавать лекціи сообща; это вышло и дешевле и много лучше. Вскорѣ въ институтѣ начались волненія среди студентовъ. Студенты желали имѣть свою бібліотеку, буфетъ, выборныхъ депутатовъ отъ курсовъ для участія въ комиссіи раздачи пособій недостаточнымъ студентамъ; начались сходки, и начальство вскорѣ уступило, согласившись на требованія студентовъ. Впрочемъ, изъ этого представительства ничего не вышло: дѣло и послѣ шло, какъ и раньше. Мнѣ въ это время въ Петербургѣ было очень трудно жить: средствъ у меня не было и единственнымъ источникомъ существованія былъ одинъ урокъ, за который я получалъ 10 руб. въ мѣсяцъ. Усиленные занятія, плохія условія жизни, дурной климатъ,—все это сильно изнурило мое, и безъ того слабое здоровье, и я, не дождавшись даже экзаменовъ, долженъ былъ уѣхать на югъ, въ Херсонъ. Здѣсь я прожилъ годъ, давая уроки. Въ это время я предложилъ кое кому устроить здѣтъ бібліотеку для чтенія недостаточнымъ юношамъ, такъ какъ таковой въ Херсонѣ не было. Мысль эта понравилась; бібліотека возникла и стала быстро процвѣтать. Книги въ ней были исключительно только легальныя; впрочемъ въ то время и вообще на югѣ не слышно еще даже было о нелегальныхъ сочиненіяхъ. Что сдѣлалось съ этой бібліотекой потомъ, я не знаю. Черезъ годъ я получилъ приглаше-

ніе въ Одессу, затѣмъ мѣсто учителя русскаго языка и словесности въ 4-хъ классномъ реальномъ училищѣ, принадлежащемъ лютеранской общинѣ. Я принялъ это мѣсто и переѣхалъ въ Одессу, но недолго оставался здѣсь. Занятія эти оказались для меня крайне изнурительными: классовъ было очень много, уроковъ у меня была цѣлая масса, это очень утомляло, и я вскорѣ совсѣмъ лишился голоса. Въ это послѣднее время я много занимался и познакомился съ литературой русскою и иностранною.

Теперь я уже могъ составить себѣ болѣе или менѣе определенное представленіе о социализмѣ, какъ о наукѣ. Это было въ 73 г. И прежде, и теперь, благодаря строгости цензуры, въ обществѣ всегда всегда вращается много много запрещенныхъ книгъ; мнѣ также попадались онѣ въ руки, и я такимъ образомъ ознакомился съ сочиненіями Лассалья, Маркса, Шефле и многихъ другихъ. Я составилъ себѣ понятіе о западномъ социализмѣ, и ученіе это мнѣ нравилось, какъ въ высшей степени гуманное, предоставляющее всѣмъ людямъ одинаковыя права; любовь же къ человечеству была мною восана, могу сказать, съ молокомъ матери. О матери моею у меня осталось самое теплое воспоминаніе: она была очень добрая женщина, и оказывала много помощи сосѣднимъ крестьянамъ; быть можетъ, здѣсь-то и родилась моя любовь къ социализму. Въ это время во мнѣ родилось стремленіе къ самовоспитанію. Въ среднихъ классахъ общества вообще труду физическому придается весьма мало значенія, а я теперь хотѣлъ прежде всего поставить себѣ физическій трудъ серьезною задачею, не развлеченіемъ только. вмѣстѣ съ однимъ своимъ товарищемъ, Маковымъ, я выбралъ себѣ бочарный трудъ, какъ болѣе подходящій къ моимъ силамъ. И вотъ мы рѣшили устроить мастерскую. Къ тому же мнѣ вообще хотѣлось теперь поближе познакомиться съ народомъ, но ни о какихъ революціонныхъ идеяхъ въ это время я вовсе и не думалъ. Я нанялъ рабочаго, и мы устроили мастерскую въ Екатеринославской губерніи. Мастерская пошла блистательно, работа удавалась, сбытъ тоже устроился очень хорошо, такъ что все шло отлично. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Жилъ я въ это время подъ своимъ именемъ. Вдругъ я былъ арестованъ. Арестъ мой произошелъ благодаря совершенно случайному обстоятельству. Невдалекѣ отъ моей мастерской жилъ нѣкто Франжоли, съ которымъ я былъ знакомъ и у котораго бывалъ довольно часто. Съ нимъ мы разговаривали о всевозможныхъ предметахъ, въ томъ числѣ, конечно, и о социальныхъ ученіяхъ. Однажды, у этого Франжоли пробылъ нѣсколько дней братъ его знакомаго, Костюринъ, 17-лѣтній мальчикъ, случайно вывихнувшій себѣ въ это время ногу. Этотъ-то молодой мальчикъ впоследствии почему-то и оговорилъ и меня, и Франжоли, и насъ обоихъ арестовали. Въ это время всему придавали политическій характеръ; такъ взглянули и на мою мастерскую и немедленно же обвинили меня въ участіи съ тайномъ сообществѣ. Черезъ полгода молодой Костюринъ измѣнилъ свое показаніе,

заявивъ, что онъ неправильно оговорилъ насъ; тогда его арестовали самого и посадили въ тюрьму на 1½ года, а меня, несмотря на то, что Костюринъ отказался отъ своихъ словъ, единственно только и уличавшихъ меня, держали 3½ года въ тюрьмѣ и затѣмъ привлекли къ процессу 193-хъ. У меня не было найдено ничего преступнаго, книги только легкаго содержанія; сосѣдніе крестьяне дали обо мнѣ самые хорошіе отзывы, да и пропаганды никакой вообще не оказалось, такъ что судъ, конечно, меня оправдалъ, но 3½ года я всетаки просидѣлъ въ тюрьмѣ. По выходѣ изъ тюрьмы я, недѣли черезъ 2—3, уѣхалъ въ Одессу. Грудь у меня всегда была слабая, за время заключенія развились кровохарканье, которое теперь замѣтно усилилось, и доктора послали меня на южный берегъ Крыма. По возвращеніи въ Одессу я поступилъ корректоромъ въ газету «Правда», но здоровье не позволяло продолжать это занятіе; я сталъ искать другой работы и, наконецъ, получилъ урокъ у помѣщика Берендса. У этого помѣщика я прожилъ мѣсяца 3—4. Наконецъ, здоровье мое настолько разстроилось, что мнѣ приходилось серьезно подумывать о немъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ одному Кіевскому профессору, но къ несчастью по моему паспорту мнѣ между прочимъ было запрещено жить и въ Кіевѣ. Все же въ концѣ концовъ я рѣшился поѣхать туда только на одинъ день, посоветоваться съ докторомъ. Но едва я пріѣхалъ сюда и остановился у своего знакомаго Рябкова, какъ меня арестовали. Это было 28 апрѣля 79 г. Въ полиціи меня предъявили 2-мъ городовымъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, и одинъ изъ нихъ заявилъ, что это, навѣрное, я стрѣлялъ въ государя 2-го апрѣля. Впрочемъ, мнѣ вскорѣ удалось доказать имъ, что я не имѣю никакого отношенія къ этому дѣлу, и они оставили меня тогда въ покоѣ, но зато заподозрили въ томъ же Рябкова. 30-го апрѣля меня отправили административнымъ порядкомъ въ г. Мценскъ, гдѣ я и просидѣлъ 7-мѣсяцевъ, а Рябкова, исключительно только за знакомство со мною сослали административнымъ же порядкомъ въ Восточную Сибирь. Черезъ 7½ мѣсяцевъ меня безъ всякихъ объясненій переслали въ Пруссію.

Вотъ вся моя, если хотите, революціоннаядѣятельность».

Лебедева. «Я признаю, что принадлежу къ партіи Народной Воли, во главѣ которой стоитъ Исполнительный Комитетъ, а я состою его агентомъ; въ качествѣ такого агента я, дѣйствительно, принимала участіе въ предпріятіяхъ партіи, перечисленныхъ въ обвинительномъ актѣ. Такъ я поселилась на одной желѣзной дорогѣ въ качествѣ сторожихи, жены Фроленко, съ цѣлью взорвать поѣздъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать государь, и при этомъ повторяю, на мою долю участія приходилось замкнуть токъ батареи при самомъ проходѣ поѣзда. Я не понимаю, почему Фроленко какъ бы отрицаетъ это и говоритъ, что онъ самъ долженъ былъ исполнить это: онъ по своей служебной обязанности даже и не могъ бы исполнить этого, такъ какъ по инструкціи всѣ служащіе

должны были быть на линіи, а токѣ слѣдовало замкнуть въ будкѣ. Затѣмъ я принимала участіе въ приготовленіи динамита и въ Кишиневскомъ предпріятіи. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что отъѣздъ нашъ изъ Кишинева произошелъ вовсе не изъ боязни преслѣдованій со стороны полиціи, а просто потому, что въ это время пришло распоряженіе Исполнительнаго Комитета прекратить работу. Паспорты у насъ были совсѣмъ хороши, доказательствомъ чему можетъ служить то, что мы съ этими же самыми паспортами жили затѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, я узнала о производящихся приготовленіяхъ къ дѣлу 1 марта. Личное мое участіе въ этомъ дѣлѣ было крайне ничтожно, такъ что, собственно говоря, я могла бы и не касаться этого вопроса. Исполнительный Комитетъ не могъ, конечно, мнѣ, какъ женщинѣ, предоставить работу въ подкѣпѣ, или въ дѣлѣ съ метательными снарядами; къ тому же ко времени моего пріѣзда все это было уже готово, и я только по собственной инициативѣ, помимо Исполнительнаго Комитета добровольно помогала Перовской. Этимъ сознаниемъ я хочу опровергнуть показаніе Гольденберга, будто бы я не сочувствовала царевубійству; напротивъ, въ данное время я вполне сознательно и совершенно добровольно принимала въ немъ участіе.

Воспитывалась я въ Николаевскомъ Институтѣ и по окончаніи тамъ курса получила кандидатскій дипломъ, равняющійся женскому университетскому диплому. По выходѣ оттуда я поселилась у брата и занималась уроками, отнимавшими у меня почти цѣлый день. Воспитаніе, полученное мною въ Институтѣ, дало мнѣ, конечно, очень мало умственнаго развитія, и я старалась чтеніемъ и занятіями пополнить недостающее мнѣ. Частые уроки отнимали очень много времени, къ тому же и самый трудъ такого рода я считала недостаточно производительнымъ; мнѣ хотѣлось работать на болѣе широкомъ поприщѣ. Я стала искать себѣ мѣста народной учительницы, но мнѣ повсюду отказывали, находя подозрительнымъ, что женщина, имѣющая дипломъ высшаго учебнаго заведенія, дающій, слѣдовательно, болѣе правъ, стремилась сдѣлаться народной учительницей. Поэтому мнѣ всячески препятствовали, выдумывали для отказа различныя причины, между прочимъ придумали вѣдуть потребовать отъ меня, несмотря на мой дипломъ, еще свидѣтельство на званіе сельской учительницы. Наконецъ, мнѣ удалось получить мѣсто учительницы въ школѣ, въ одномъ благотворительномъ заведеніи, но и здѣсь я пробыла очень недолго, такъ какъ съ самаго же начала ко мнѣ начали относиться крайне недоброжелательно; начались всевозможныя придирки, за каждымъ моимъ шагомъ подозрительно слѣдили, черезъ мѣсяцъ я должна была уже уйти отсюда. Въ это время уже началось петербургское движеніе 74 г. Нѣкоторые изъ дѣятелей пріѣхали въ Москву, и здѣсь я познакомилась съ Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Перовскою и нѣкоторыми другими. Исходя изъ того же желанія помочь народу, мы нѣсколько раз-

лично смотрѣли на тотъ путь, которымъ слѣдовало идти все время, путь акушеровъ, докторовъ. Они смотрѣли на это нѣсколько шире и рѣшили превратиться въ простолудиново и въ такомъ видѣ уже идти въ народъ. Съ этихъ поръ я кореннымъ образомъ перемѣнила образъ жизни, порвала со всѣмъ, прекратила всякія сношенія съ семьей и переѣхала въ меблированныя комнаты (на Моховой). Я не желала еще уѣзжать изъ Москвы, такъ какъ чувствовала нѣкоторые пробѣлы въ своемъ образованіи и осталась, чтобы пополнить ихъ и свести больше знакомствъ. Съ этою послѣднею цѣлью я приняла къ себѣ на храненіе студенческую бібліотеку, и у меня ради этого собиралось много молодежи. Первоначально въ бібліотекѣ были только легальныя книги, но затѣмъ, благодаря расширяющимся знакомствамъ, я получила, наконецъ, возможность достать и хранить массу нелегальныхъ сочиненій. Народу собиралось у меня очень много, такъ что мнѣ даже оставалось мало времени для собственныхъ занятій. Все это въ концѣ концовъ обратило вниманіе полиціи, я была арестована и просидѣла 8 мѣсяцевъ въ заключеніи, пока братъ не ваялъ меня на поруки. Теперь я на основаніи слова, даннаго мною брату, совершенно оставила путь, на который было вступила и почти 2 года прожила у брата въ деревнѣ, не поддерживая никакихъ отношеній ни съ кѣмъ изъ прежнихъ знакомыхъ и не занимаюсь ничѣмъ запрещеннымъ. Къ концу этого времени, во время послѣдней турецкой кампаніи, я стала готовиться къ испытанію на званіе сестры милосердія, выдержала его, получила свидѣтельство и начала искать себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь санитарномъ отрядѣ. Это было не легко, но, наконецъ, меня таки приняли къ д—ру Малахову, и я уже должна была отправиться, какъ вдругъ, какъ разъ наканунѣ отъѣзда, меня арестовали, немедленно отправили въ Петербургъ и привлекли къ процессу 193-хъ. По суду меня признали виновною и присудили къ ссылкѣ на поселеніе, но вмѣнили въ наказаніе прежнее содержаніе въ тюрьмѣ и выпустили изъ-подъ ареста. Теперь уже я опять вернулась на прежній путь, вступила въ сношенія съ молодежью и приняла участіе въ начавшемся движеніи. Процессъ Засуличъ произвелъ здѣсь извѣстное броженіе, послѣ чего начались массами аресты и высылки, и почти всѣхъ моихъ знакомыхъ разослали по разнымъ мѣстамъ. Мнѣ самой удалось остаться. Послѣдовавшее затѣмъ убійство Мезенцова повлекло за собою новые обыски и аресты, и въ это время была арестована и я. Но меня продержали только 2 дня и выпустили, все же впрочемъ съ этого времени я уже не чувствовала себя безопасной: мнѣ ежеминутно грозила административная высылка, и потому теперь я порѣшила совершенно покончить со своею легальною жизнью и уѣхала въ Москву уже подъ чужимъ именемъ. Здѣсь я по-прежнему посѣщала различные студенческіе кружки, и здѣсь же впервые познакомилась съ Рейнштейномъ. Это былъ человекъ для меня въ то время очень интересный; у него всегда

былъ большой складъ различныхъ подпольныхъ изданій, русскихъ и заграничныхъ, масса поддѣльныхъ документовъ, которыми онъ снабжалъ нуждающихся, печатей; все это указывало на его близкія связи съ социалистами, и все это интересовало меня. Я постаралась съ нимъ сблизиться; къ тому же онъ прельщалъ меня, какъ ловкій энергичный пропагандистъ, дѣятель среди рабочихъ. Онъ уговаривалъ и меня принять участіе въ этой пропагандѣ, убѣждалъ, что совѣстно такъ жить и безучастно смотрѣть на совершающееся вокругъ угнетеніе низшихъ классовъ. Между прочимъ онъ хотѣлъ устроить въ Москвѣ тайную типографію и пригласилъ меня принять въ ней участіе, на что я и согласилась, какъ вдругъ получила извѣстіе, что онъ—шпіонъ. Я тотчасъ же выѣхала и скрылась изъ Москвы, а затѣмъ узнала, что его убили.

Я поѣхала въ Саратовъ. Здѣсь жили въ это время совсѣмъ другіе люди. Они подъ видомъ учителей, волостныхъ писарей, докторовъ и т. п., занимая легальное положеніе, занимались пропагандой, старались работать на пользу народа. Я приняла участіе въ ихъ работѣ, но уже видно было, что дѣятельность ихъ не особенно производительна, такъ какъ во всякомъ случаѣ никогда не могла избавить людей отъ всѣхъ тяжелыхъ окружающихъ ихъ условій. Въ это время произошло покушеніе 2 апрѣля, и я вскорѣ увидѣла уже новое направленіе въ партіи. Вызванна затѣмъ Перовской въ Харьковъ, я здѣсь узнала о происшедшемъ раздѣленіи партіи и рѣшила примкнуть къ партіи террористовъ. Рѣшеніе это было принято мною совершенно сознательно и добровольно.

О дальнѣйшемъ я уже разказывала, прибавлю только нѣсколько словъ: Сухановъ сказалъ, что онъ меня совсѣмъ не знаетъ. Онъ, вѣроятно, позабылъ; я, дѣйствительно, мало знаю его, но все же я ему помогала при снаряженіи мины для Малой Садовой и при собираніи метательныхъ снарядовъ».

Емельяновъ: «Я никакъ не могу признать своей принадлежности къ партіи. Я, дѣйствительно, былъ знакомъ съ нѣкоторыми членами партіи, но самъ никогда къ ней не принадлежалъ. Во второй половинѣ 79 г. у одного изъ своихъ товарищей я познакомился съ Кибальчицемъ. Черезъ него я получалъ различные подпольныя изданія, которыя меня, конечно, какъ и всякаго другого, интересовали. Вообще отношенія съ Кибальчицемъ у меня были очень близкія, дружественныя, онъ часто бывалъ у меня и нерѣдко помогалъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ по химіи и высшей математикѣ. Вскорѣ я былъ посланъ отъ училища за границу для усовершенствованія въ своей специальности—работѣ по дереву. Отношенія съ Кибальчицемъ такимъ образомъ прекратились. За границей я пробылъ недѣлю: по совѣту докторовъ я долженъ былъ оставить свои прежнія занятія и въ ноябрѣ вернулся въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ и поступить въ Лѣсной Институтъ. Я прожилъ около мѣсяца у

знакомыхъ, а затѣмъ нанялъ себѣ квартиру на Новой улицѣ и поселился здѣсь. Мнѣ хотѣлось возобновить знакомство съ Кибальчицемъ, но я долго не могъ найти его и, наконецъ, только въ декабрѣ, на одномъ студенческомъ балѣ, я случайно встрѣтился съ нимъ. Я просилъ его бывать у меня по-прежнему и сообщить мнѣ свой адресъ; адресъ свой онъ мнѣ далъ, но ко мнѣ ходить отказался, сказавши, что онъ нелегальный и не желаетъ меня компрометировать своими посѣщеніями. Почему онъ нелегальный,—я не зналъ, равно какъ не зналъ и его отношеній къ партіи. Я сталъ бывать у него, бралъ у него нѣсколько разъ для прочтенія разныя революціонныя изданія и просилъ его познакомиться меня съ другими членами партіи. Онъ меня познакомилъ, напримѣръ, съ Саблинымъ, видѣлъ я у него также и Желябова, но разговоровъ съ ними никогда особыхъ не имѣлъ. Саблина я также приглашалъ къ себѣ, съ намѣреніемъ получать и отъ него запрещенныя изданія, но онъ также отказался, сказавши, что переѣзжаетъ на другую квартиру. По порученію Кибальчича я былъ разъ у Саблина въ Телѣжной улицѣ, принесъ ему книгу, животную химію Одисинга. Саблинъ въ это время былъ дома и одинъ. Затѣмъ къ нему пришелъ человекъ, похожій на Меркулова, но я съ нимъ не разговаривалъ. Послѣ сюда же пришелъ и Рысаковъ, и Саблинъ меня съ нимъ познакомилъ, назвавши меня Иваномъ, а затѣмъ Сугубымъ, а Рысакова—Николаемъ. Но и съ Рысаковымъ, какъ и съ Меркуловымъ, я не разговаривалъ, а говорилъ только съ Саблинымъ о литературѣ и пробылъ у него часа 1½. Уходя я сообщилъ Саблину свой адресъ и больше никогда у него не былъ. Рысакова послѣ этого я видѣлъ еще одинъ разъ въ кухмистерской, Меркулова же не видалъ ни разу; Кибальчича встрѣтилъ 4 марта около лавки Кобозева, въ числѣ любопытныхъ, стоявшихъ тамъ. За границей я также встрѣчался съ нѣкоторыми эмигрантами на улицѣ или въ cafѣ, напр., съ Драгомановымъ, но никогда съ ними не разговаривалъ. Арестованъ я былъ 14 апрѣля 81 г. День 1 марта я провелъ такимъ образомъ: съ 10 ч. утра и до 2 ч. я пробылъ въ кабинетѣ для чтенія Комарова, куда часто заходилъ читать газеты и журналы, а затѣмъ отправился домой переодѣться, чтобы идти обѣдать къ знакомымъ; здѣсь маленькій сынъ хозяйки сообщилъ мнѣ о происшествіи 1-го марта, и я вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на улицу и спрашивалъ у газетчика и у дворника, нѣтъ ли правительственнаго сообщенія о происшествіи. Затѣмъ отправился на Екатерининскій каналъ къ мѣсту происшествія, которое уже было огорожено рогатками; отсюда пошелъ опять въ кабинетъ Комарова прочесть правительственное сообщеніе, такъ какъ газетчики продавали его очень дорого, а въ 9 ч. вечера я вернулся домой. 14 апрѣля утромъ я пошелъ къ знакомымъ и пробылъ тамъ до 5—6 ч. вечера; оттуда вышелъ на Невскій прогулять и здѣсь замѣтилъ двухъ лицъ, которые слѣдили за мной. Я могъ бы легко уйти и скрыться отъ нихъ, но не сдѣлалъ

*

этого, потому что не сознавалъ за собою никакого проступка. Одинъ изъ слѣдившихъ, когда я пришелъ домой, справился обо мнѣ у дворника, а черезъ 2 часа послѣ того у меня сдѣланъ былъ обыскъ, и меня арестовали. Меня оговариваетъ только Рысаковъ; но если даже указанные имъ примѣты и подходятъ нѣсколько къ моей наружности, зато дальнѣйшія подробности, которыя онъ рассказываетъ, якобы, обо мнѣ, уже нисколько не подходятъ, будто я хорошо знаю толкъ въ оружіи, знакомъ съ какою-то княжной, какимъ-то Шульцемъ; въ оружіи я ровно ничего не понимаю и ни съ какой княжной, ни съ какимъ Шульцемъ не знакомъ.

Перерывъ отъ 5 ч. 10 м. до 7 ч. 30 м.

Первоприсутствующій задаетъ вопросъ Арончику о принадлежности къ партіи.

Арончикъ: «Нѣтъ, я не признаю себя виновнымъ въ этомъ (т. е. въ принадлежности къ партіи). Если тайнымъ сообществомъ называть извѣстную группу лицъ, имѣющихъ извѣстную программу дѣйствій, то къ такому сообществу я никогда не принадлежалъ и никогда ни съ кѣмъ не соглашался ни на какія дѣйствія. Я даже долженъ заявить, что я никогда не раздѣлялъ и не раздѣляю даже и принципиальныхъ убѣжденій фракцій Народной Воли или Чернаго Передѣла. Въ основѣ и той, и другой фракцій лежитъ стремленіе произвестъ революцію въ Россіи; но моему же мнѣнію, революція вообще можетъ явиться только какъ слѣдствіе извѣстныхъ условий, а сдѣлать ее нельзя; вотъ почему я и не раздѣляю взглядовъ ни той, ни другой партіи. вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ признать, что, по своимъ убѣжденіямъ, я—соціалистъ, но, повторяю, не революціонеръ.

Я желаю коснуться фактовъ, уличающихъ меня. При одномъ изъ покушеній меня обвиняютъ даже, какъ содержателя конспиративной квартиры. Уже на судебномъ слѣдствіи раньше я старался опровергнуть это обвиненіе, никакъ не могу признать его и теперь. Въ обвинительномъ актѣ вообще мои показанія переданы не совсѣмъ точно и потому, быть можетъ, иногда представляются противорѣчивыми, между тѣмъ этого вовсе нѣтъ».

Далѣе онъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни и о своемъ знакомствѣ съ нѣкоторыми членами партіи.

Люстигъ (худой, средняго роста, нѣмецкій типъ, продолговатое, худое лицо, бѣлокурые, длинные, прямые волосы, жидкіе усы и борода, которую онъ все время пощипываетъ; вообще очень кроткій видъ) заявилъ:

«Я никогда не принадлежалъ и никто меня никогда не приглашалъ къ участию въ какой-нибудь партіи. Печатный станокъ, дѣйствительно, у меня былъ, и деньги я получалъ нѣсколько разъ по просьбѣ Тарасова (Тараса?), въ которомъ я, по предъявленіи мнѣ карточки, узналъ Желябова. Однажды въ обществѣ своихъ знакомыхъ въ

апрѣлѣ 79 г. я познакомился съ Петровымъ и заинтересовался имъ; впоследствии, когда я былъ арестованъ, я узналъ, что это Михайловъ. Онъ былъ весьма интересный, очень образованный человѣкъ. Я самъ много занимался политической экономіей и вообще экономическими науками и знаю всѣ классическія сочиненія по этому предмету. Въ военной службѣ я былъ только для отбыванія воинской повинности и, какъ только мнѣ можно было выйти въ отставку, я вышелъ. Въ то же время, приблизительно, я познакомился и съ Полозовымъ (Морозовъ). Самъ я вообще домосѣдъ и никуда не хожу въ гости, но у меня всегда бывало много народу, различныхъ убѣжденныхъ люди, которые меня почему-нибудь интересовали. Своихъ убѣждений я никогда не скрывалъ, но никогда ихъ, правда, никому и не навязывалъ. Когда я познакомился съ Петровымъ и Полозовымъ, я имъ также сообщилъ свой адресъ и просилъ ихъ заходить ко мнѣ. Слѣдующее лѣто, я, уже будучи въ отставкѣ, прожилъ въ Крыму, у матери и только въ августѣ приѣхалъ въ Петербургъ и поселился на Литейной въ меблированныхъ комнатахъ. Въ сентябрѣ ко мнѣ зашелъ Морозовъ; онъ познакомилъ меня съ Грачевскимъ, а затѣмъ съ Сазиковымъ (онъ оказался Саблинымъ). Затѣмъ всѣ эти лица посѣщали меня, кромѣ Морозова, про котораго мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ за границу. Знакомая моя, Кузьмина, съ которою я впоследствии жилъ, была больна въ это время и лежала въ клиникѣ Вилье. Мы условились съ нею, что по выздоровленіи ея будемъ жить вмѣстѣ и, дѣйствительно, наняли съ нею 2 меблированныя комнаты на Литейной. Здѣсь тѣ же лица продолжали посѣщать меня, и Михайловъ однажды привелъ съ собою Тарасова (Желябова). Тарасовъ заинтересовалъ меня, какъ уроженецъ юга, мой землякъ, но, впрочемъ, и вообще онъ былъ весьма симпатиченъ. Уже раньше я замѣтилъ, что лица эти, хотя они мнѣ этого не говорили, преслѣдуются администраціей, и что фамиліи и имена ихъ вымышленныя, поэтому я подъ конецъ не считалъ даже нужнымъ обременять свою память этими фамиліями и даже часто не спрашивалъ ихъ.

Однажды какъ-то зашла у насъ рѣчь о революціонномъ движеніи, замѣчаемомъ въ извѣстной части общества. Желябовъ по этому поводу сообщилъ мнѣ, что партія Народной Воли выработала программу, въ которой требуетъ призыва выборныхъ депутатовъ, свободы сходовъ, свободы слова и печати. При этомъ нѣкоторые другіе сообщили мнѣ, что они также считаютъ своею обязанностью пропагандировать эти идеи. Отсюда я уже вывелъ заключеніе, что они что-то вообще пропагандируютъ, но въ какихъ они отношеніяхъ между собою, составляютъ ли какое-нибудь общество, или о какомъ-нибудь отношеніи ихъ къ Исполнительному Комитету—этого ничего я не зналъ; они мнѣ не говорили. Разъ какъ-то, напр., я спросилъ у нихъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ чего-нибудь объ участіи Гартмана въ московскомъ покушеніи (тогда объ этомъ писали въ газетахъ), и они

мнѣ отвѣтили, что ничего не знаютъ. Въ февралѣ я переѣхалъ на другую квартиру, и здѣсь меня также посѣщали все тѣ же лица и кромѣ того еще Кибальчичъ, Баранниковъ, а изъ женщинъ какая-то Елизавета Алекс., Екатерина Дмитриевна, Софія Павловна (Перовская) и Вѣра Николаевна, затѣмъ еще и Тригоновъ, мой знакомый по Крыму. Когда я былъ еще въ Кронштадтѣ, то тамъ познакомился съ Сухановымъ, онъ также бывалъ у меня, но я о какихъ социальныхъ теоріяхъ мы съ нимъ не разговаривали, а бесѣдовали больше о физикѣ и другихъ естественныхъ наукахъ. Кромѣ того у меня бывало еще много другихъ лицъ, различныхъ офицеровъ, товарищей по Технологическому Институту и др. Никакихъ особыхъ террористическихъ разговоровъ у меня на квартирѣ не было, разсуждали обо всемъ, о чемъ вездѣ разсуждаютъ, а такъ какъ послѣднее время вообще много говорили о террористахъ, то и мы, дѣйствительно, бесѣдовали иногда о нихъ. Сговаривались ли заранѣе нелегальные собраться у меня и разсуждали ли они о чемъ-нибудь между собою,—этого я не знаю: очень можетъ быть, что да, а можетъ быть, и нѣтъ; во всякомъ случаѣ, мнѣ это было неизвѣстно. Что у меня вообще было много знакомыхъ, это свидѣлствуется массой карточекъ, отобранныхъ у меня. Здѣсь мнѣ ставятъ въ вину знакомство съ этими людьми, а при этомъ не говорятъ, что они составляли только очень незначительную часть всѣхъ вообще моихъ знакомыхъ. Я познакомился со всѣми сколько-нибудь интересовавшими меня людьми, а, если кто-нибудь меня не интересовалъ, былъ для меня неподходящимъ, съ тѣмъ я не знакомился. Татьяна Кузьмина была всегда у меня: кромѣ того у нея всегда работала портниха и вообще всегда бывали посторонніе люди, такъ что при нихъ неудобно было имѣть какія-нибудь сходки, да и самый домъ также, по самому своему положенію, былъ вовсе неудобенъ для этого. Всѣ лица, посѣщавшія меня, должны были непременно всегда проходить мимо дворника и потому лица нелегальныя вообще рѣдко у меня бывали, и только Желябовъ бывалъ чаще другихъ. Геся Гельфманъ была только одинъ разъ и только въ качествѣ фельдшерницы для больной Кузьминой. Однажды Желябовъ сообщилъ мнѣ, что онъ далъ мой адресъ кому-то для присылки ему денегъ. Хотя мнѣ и было извѣстно тогда, что онъ нелегальный, но я не зналъ за нимъ ничего особаго и не считалъ себя вправѣ не соглашаться на его просьбу принять для него эти деньги. Въ июлѣ меня пригласили на фабрику Русско-американской резиновой мануфактуры и дали здѣсь жалованья 35 р. Я переселился на фабрику и тутъ уже никто изъ нелегальныхъ у меня не былъ, кромѣ Желябова и рѣдко Кибальчича. Здѣсь я прожилъ до ноября. За это время я еще нѣсколько разъ получалъ и передавалъ деньги Желябову и Кибальчичу изъ разныхъ городовъ, такъ что всего я получилъ и передалъ около 1900 р.—25 р. изъ Старой Руссы я, дѣйствительно, тоже получилъ, но это мои собственные деньги, которыя я получилъ отъ моего товарища

Котляревскаго за посланную ему электрическую машину. Изъ Одессы же я никогда никакихъ 50 р. не получалъ, это—ошибка. Въ ноябрѣ мнѣ увеличили жалованье до 75 р. и я снова поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Кузьминой; здѣсь опять у меня бывало много народу, но квартира эта была весьма неудобна: хозяинъ, постоянно пьяный, буйствовалъ, шумѣлъ и потому въ январѣ уже я отсюда переѣхалъ. Однажды Желябовъ какъ-то пришелъ ко мнѣ съ Фриденсономъ, и это было единственный разъ, что я видѣлъ Фриденсона. Затѣмъ однажды Желябовъ же попросилъ меня принять на время со станціи желѣзной дороги ящики съ печатнымъ станкомъ. Я сначала не хотѣлъ на это согласиться, и даже говорилъ Желябову, что это не совсѣмъ удобно, такъ какъ за моей квартирой, повидимому, слѣдятъ, (однажды въ мое отсутствіе приходилъ какой-то господинъ и подъ видомъ доктора осмотрѣлъ всю мою квартиру), но Желябовъ сказалъ, что другой квартиры никакой нѣтъ, что ящики не будутъ оставаться, а тотчасъ же раскупорятся и вещи будутъ взяты. Онъ меня увѣрялъ еще, что если у меня и найдутъ эти вещи, то врядъ ли я буду строго отвѣчать за это, да и я самъ также полагалъ и теперь даже считаю, что врядъ ли это преступленіе. Поэтому я согласился, и Желябовъ сказалъ, что за ящикомъ онъ самъ пошлетъ. Я предупредилъ Кузьмину, что завтра привезутъ ящикъ и кто-нибудь послѣ зайдетъ за нимъ, и больше не думалъ объ этомъ дѣлѣ. Теперь мнѣ очень жаль, что я такъ подвелъ Кузьмину. На другой день, возвратясь со службы, я уже не засталъ никакихъ слѣдовъ ящика, и Кузьмина сказала мнѣ, что Кибальчичъ и еще кто-то приходили и, раскупоривъ ящикъ, увезли оттуда вещи. Вскорѣ послѣ этого я замѣтилъ, что во мною упорно стала слѣдить полиція. Я сообщилъ объ этомъ знакомымъ, и нелегальные съ тѣхъ поръ перестали меня посѣщать, а легальные продолжали. Задержали меня довольно оригинально. Пришелъ ко мнѣ въ контору приставъ и пригласилъ въ участокъ на десять минутъ, чтобы прочесть какую-то бумагу. Я просилъ его сообщить мнѣ, если онъ желаетъ меня арестовать, чтобы я могъ сказать объ этомъ въ конторѣ и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, но онъ меня началъ увѣрять, что ничего подобнаго нѣтъ, что просто нужна какая-то справка. Въ участкѣ я увидалъ какого-то штатскаго господина, заявившаго мнѣ, что меня просить къ себѣ градоначальникъ по какому-то техническому вопросу. Когда меня привезли къ градоначальнику, то онъ закричалъ на меня, что, если я тотчасъ не сознаюсь, то меня сейчасъ же казнятъ. Это меня нѣсколько возмутило»...

Первоприсутствующій: «Это не относится къ дѣлу»...

Люстигъ: «Нѣтъ, мнѣ кажется, что очень относится къ дѣлу, такъ какъ этимъ же давленіемъ легко объясняется неправильность показаній Татьяны Кузьминой.

На новые вопросы первоприсутствующаго, Люстигъ сказалъ:

«Я не могъ считать преступными людей только потому, что

они живутъ нелегально, уклоняясь отъ административной высылки, такъ какъ я очень хорошо зналъ, что часто и людей совершенно невинныхъ, даже оправданныхъ судомъ, высылали, какъ это было, на примѣръ, послѣ процесса 193-хъ. Также я не могу признать преступнымъ разговоръ о выборѣ депутатовъ отъ общества, или о свободѣ слова, печати и т. п. Это все такіе предметы, о которыхъ почти ежедневно говорится и въ цензурной печати».

Клѣтчиковъ (худой, средняго роста, желтый, жидкіе волосы, небольшая жидкая окладистая борода, короткіе усы, все лицо сильно сѣживается книзу, темныя очки, видъ чахоточнаго). «Мое обвиненіе основано исключительно только на моихъ собственныхъ показаніяхъ. Кромѣ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ уликъ противъ меня, и я теперь считаю нужнымъ заявить, что эти показанія даны были подъ сильнымъ давленіемъ извнѣ, людей допрашивающихъ. При дознаніи, я, сравнительно съ другими подсудимыми, находился въ исключительномъ положеніи: я попалъ въ руки своихъ враговъ, людей относившихся ко мнѣ съ особою злобою, и я могъ ожидать отъ нихъ для себя особенно жестокаго отношенія. Я преувеличивалъ свои вины и клеветалъ на себя, чтобы только какъ-нибудь добиться привлеченія къ суду и не подвергнуться административной высылкѣ; такъ, на примѣръ, это совсѣмъ невѣрно, чтобы я руководствовался при своей дѣятельности корыстными цѣлями: у меня были другіе мотивы, хотя, съ другой стороны, я не революціонеръ по убѣжденіямъ. Меня давила мелкая неинтересная провинціальная жизнь, я чувствовалъ бесполезность своего существованія, и я искалъ какого-нибудь общественнаго дѣла; къ тому же я хорошо зналъ, что мнѣ недолго осталось жить, и вотъ я хотѣлъ хоть послѣдніе дни посвятить какому-нибудь хорошему, полезному дѣлу. Мысль моя остановилась на бывшемъ III-мъ Отдѣленіи: я нисколько не сомнѣвался въ громадности приносимаго имъ вреда и рѣшился по мѣрѣ силъ противодействовать ему. Я зналъ, что это очень трудно; находясь всю жизнь въ средѣ людей мнѣ крайне не-симпатичныхъ, я долженъ былъ притворяться ихъ единомышленникомъ, смотрѣть на нихъ, какъ на пріятелей, а съ другой стороны, сотоварищи мои, социалисты, смотрѣли на меня также съ недоверіемъ; но это отвратительное положеніе удовлетворяло меня, такъ какъ мнѣ казалось, что теперь именно я приношу пользу обществу. Я всею душою ненавидѣлъ III-е Отдѣленіе. Это—ужасное учрежденіе, и я считалъ себя правымъ, даже передъ правительствомъ, такъ какъ, наконецъ, даже и правительство признало негоднымъ это учрежденіе и рѣшило закрыть его. Всѣ относятся съ полнѣйшимъ омерзѣніемъ къ этому учрежденію, и, дѣйствительно, люди, здѣсь служащіе,—самой низкой нравственности».

Первоприсутствующій: «Остановитесь! Это не относится къ дѣлу».

Клѣточниковъ: «Значитъ, я не могу и характеризовать это учрежденіе?»

Первоприсутствующій: «Нѣтъ, это совсѣмъ излишне».

Клѣточниковъ рассказываетъ о своемъ поступленіи и службѣ въ III-мъ Отдѣленіи приблизительно согласно съ обвинительнымъ актомъ:

«Конечно, для того, чтобы дѣятельность моя приносила пользу, мнѣ необходимо были нужны помощники, люди, находящіеся внѣ, черезъ которыхъ я могъ бы сообщать свои свѣдѣнія, предупредить о готовящихся обыскахъ, арестахъ, высылкахъ. Какіхъ убѣждений были эти люди, для меня это было рѣшительно все равно, такъ какъ я вовсе не имѣлъ въ виду оказывать помощь ихъ или какой-нибудь иной партіи, а просто хотѣлъ помочь вообще всѣмъ людямъ, преимущественно молодежи, студентамъ, уберечься отъ жестокихъ, несправедливыхъ преслѣдованій, губящихъ совершенно даромъ столько силы; для этого мнѣ вовсе не нужно было имѣть такимъ помощникомъ социалиста: всякій порядочный русскій человѣкъ считаетъ себя врагомъ III-го Отдѣленія и всякій помогъ бы мнѣ; что эти люди были социалисты—этого я довольно долго не зналъ. Они же держали себя со мною крайне осторожно, что я объяснялъ себѣ тѣмъ, что они были уже сильно скомпрометированы, какъ политическіе преступники, или же, напротивъ, что они люди совсѣмъ чистые въ политическомъ отношеніи и которые поэтому опасались моихъ дѣйствій. Въ обвинительномъ актѣ сказано между прочимъ, что я, будто бы, принужденъ былъ продолжать свою дѣятельность, опасаясь возмездія съ ихъ стороны въ случаѣ прекращенія ея. Это совсѣмъ невѣрно: у меня не было никакого основанія ожидать такого возмездія, а не бросалъ я своего дѣла потому, что считалъ его полезнымъ. Такимъ образомъ, повторяю, причина, заставившая меня поступать такъ, какъ я поступалъ,—это стремленіе служить на пользу общества. Я долженъ сказать, что я не единичное лицо въ III-мъ Отдѣленіи съ такими взглядами. У меня есть данныя предполагать, что, кромѣ меня, тамъ есть и еще люди, сообщающіе имъ нужныя свѣдѣнія».

Далѣе стали допрашивать свидѣтелей.

Свидѣтельница *Кутузова* рассказываетъ о томъ, какъ она доставила *Клѣточникову* мѣсто въ III-мъ Отдѣленіи.

Свидѣтель *Кириловъ*, чиновникъ III-го Отдѣленія, о службѣ *Клѣточникова*: «Службой его я вообще былъ доволенъ». *Кириловъ* рассказываетъ между прочимъ одинъ случай. Въ домѣ *Мурузи* производили обыскъ у двухъ студентокъ; ровно ничего подозрительнаго не нашли; раньше объ ихъ жизни не имѣли никакихъ свѣдѣній и между прочимъ все же обѣихъ выслали и держали въ изгнаніи полтора года. «Я очень хорошо помню этотъ случай,—прибавляетъ свидѣтель *Кириловъ*,—такъ какъ, когда была

назначена комиссія о пересмотрѣ дѣлъ о всѣхъ высланныхъ, то ихъ тогда же вернули».

Свидѣтель *Гуль*, сослуживецъ Клѣточникова, показываетъ объ его службѣ: «Самъ я занимался съ 60-хъ годовъ отдѣломъ телеграммъ. Въ это время телеграммъ было немного, и я занимался ими одинъ. Въ 74 г. число ихъ увеличилось, и я долженъ былъ уже имѣть помощника, а въ 79 г., когда телеграммъ была уже цѣлая масса, мнѣ было уже мало одного помощника: должны были помогать и другіе, въ томъ числѣ и Клѣточниковъ».

Свидѣтель *Цвѣтковъ* (сослуживецъ Клѣточникова) показываетъ также объ его службѣ.

Михайловъ: «Я познакомился съ Клѣточниковымъ въ 77 г. и встрѣчался потомъ съ нимъ и въ 78 г. Относительно нашей партіи я никогда ничего ему не говорилъ. Намъ часто приходилось бесѣдовать съ нимъ о дѣлѣ III-го Отдѣленія, какъ о губителѣ всякаго прогресса и интеллигенціи. Не помню хорошо, у кого впервые возникла мысль о помѣщеніи его туда: у него или у меня. Денегъ я ему за доставленіе свѣдѣній никогда никакихъ не платилъ».

Баранниковъ: «У меня съ Клѣточниковымъ были совершенно такія отношенія, какъ пояснилъ Михайловъ».

Арончикъ: «Я познакомился съ Клѣточниковымъ черезъ Квятковскаго, но вообще мало зналъ его. Иногда Клѣточниковъ оставялъ у меня пакеты, которые я долженъ былъ передавать Квятковскому. Какого рода были у нихъ отношенія,—я не знаю».

Колоджевичъ: «Я собственно знаю Клѣточникова очень мало. Видѣлъ его только раза три. Ничего новаго о немъ кромѣ того, что сказалъ Михайловъ, сказать не могу».

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 20 м.

Засѣданіе 12 февраля.

Присутствуютъ всѣ подсудимые.

Допросъ свидѣтелей.

Свидѣтель *Казимировъ*, дворникъ дома № 37 въ Б. Подъяческой: «Съ января мѣсяца по 28 апр. 80 г. у насъ въ домѣ жилъ нѣкто Еремѣевъ съ двумя женщинами, нанимая небольшую квартиру изъ 4-хъ комнатъ, платили 30 р. въ мѣсяцъ».

По просьбѣ прокурора Исаевъ встаетъ, но Казимировъ заявляетъ, что онъ не похожъ на Еремѣева. То же самое съ Якимовой и Лебедевой. Потомъ Якимову онъ призналъ за одну изъ жившихъ съ Еремѣевымъ женщинъ, а Лебедеву не призналъ за Поликарпову. Поликарпова пріѣхала уже въ мартъ.

Лебедева заявляла, что по поводу проживанія на квартирѣ по Б. Подъяческой объясненій никакихъ давать не желаетъ.

Свидѣтель *Михайловъ*, служитель въ гостиницѣ «Москва», рассказываетъ о Золотницкомъ, въ которомъ признаетъ Арончика: «Жилъ въ № 39 съ 14 февраля 81 г. Жилъ одинъ. Въ это

время въ гостиницѣ стоялъ и Фесенко-Навроцкій (Саблинъ), и онъ заходилъ къ Золотницкому; заходила также и Геся Гельфманъ».

Свидѣтель *Стуленковъ*, служащій въ гостиницѣ «Москва»; «Золотницкій пріѣхалъ вмѣстѣ съ Фесенко-Навроцкимъ 13 февраля и занялъ № 39. Кто къ нему приходилъ—не знаю».

Читается выписка изъ книги о пріѣзжающихъ гостиницы «Москва», гдѣ говорится о пріѣздѣ Золотницкаго и Фесенко-Навроцкаго.

Свидѣтель *Заказниковъ*, служащій въ гостиницѣ «Москва», *Колобковъ*—дворникъ, *Чернышевъ* свидѣтельствуютъ о времени пріѣзда Золотницкаго и Фесенко-Навроцкаго.

Свидѣтельница *Фельдманъ*, содержательница квартиры на Новой ул., гдѣ жилъ Емельяновъ: «Емельяновъ жилъ очень скромно, никто у него не бывалъ; ничего ровно подозрительнаго за нимъ не замѣчалось. У него даже никогда не было заперто ни одного ящика, и комната, и всѣ помѣщенія въ ней всегда стояли открытыми. 1 марта онъ еще днемъ принесъ телеграмму о происшествіи. Ни наканунѣ, ни въ самый день 1 марта, ни послѣ, онъ нисколько не былъ взволнованъ».

Свидѣтель *Котляревскій*: «Я знаю Люстига уже лѣтъ 8. Познакомился съ нимъ въ Технологическомъ Институтѣ. Когда онъ былъ военнымъ, онъ служилъ въ Кронштадтѣ, но пріѣзжалъ въ Петербургъ, и я видался съ нимъ здѣсь. Въ 80 г. я часто бывалъ у него, видѣлъ у него много людей; разговаривали мы объ разныхъ предметахъ, о чемъ вообще говорятъ, но я никогда не могъ бы принять тѣхъ, кого у него видѣлъ, за какихъ-нибудь таинственныхъ или опасныхъ, крайне радикальныхъ людей. Люстигъ желалъ занять такое же мѣсто, какъ я занимаю по земскому страхованію. Изъ числа подсудимыхъ могу признать за нѣсколько знакомое лицо Златопольскаго, но не могу навѣрно сказать, чтобы я его тамъ встрѣчалъ».

Свидѣтель *Люстигъ*: «По выходѣ изъ военной службы, братъ мой первое время не имѣлъ занятій, и я ему давалъ кой-какую работу, переписку. Затѣмъ я доставилъ ему мѣсто кассира на Россійско-Американской мануфактурѣ, гдѣ онъ и жилъ и, какъ мнѣ лично извѣстно, работалъ очень усердно. Прежде онъ получалъ отъ меня 50 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того я въ теченіе этого времени передалъ ему еще 150 р. Татьяну Кузьмину я не зналъ и не видѣлъ, но слышалъ объ ней. По праздникамъ братъ мой всегда обѣдалъ и проводилъ время у меня; я самъ на квартирѣ у него за послѣднее время не бывалъ. Кузьмина, какъ хорошая работница, могла также заработать рублей 40—50.

Я попрошу позволенія прибавить еще нѣсколько словъ отъ себя».

Первоприсутствующій: «Извольте».

Свидѣтель *Люстигъ*: «Я хочу сообщить Особому Присутствію Правительствующаго Сената только то, что изъ неоднократныхъ

разговоровъ моихъ съ братомъ, я положительно могъ вывести заключеніе, что онъ ничего общаго съ партіей не имѣлъ, что онъ даже по именамъ участниковъ не зналъ и вообще много есть такого, что совершенно ясно указываетъ на его непричастность къ дѣламъ партіи».

Свидѣтель *Федоровъ*: «Экспертизы метательныхъ снарядовъ я не производилъ. Динамитъ, найденный въ разныхъ мѣстахъ, весь одного и того же состава. Въ частной квартирѣ приготовить динамитъ даже 1—2 пуда очень трудно; при этомъ выдѣляются азотныя пары, нужна масса льду, постоянная опасность взрыва. Отличить заграничный динамитъ отъ нашего нельзя, но такой динамитъ, какъ найденный у подсудимыхъ, въ Россіи не допускается».

Свидѣтельница *Моссюро*, содержательница номеровъ, гдѣ жилъ Тригони: «Тригони жилъ съ 11 февраля по день ареста». Въ Терентьевой она признала женщину, приходившую къ Тригони и пребывшую у него нѣкоторое время. «Откуда пріѣхалъ Тригони, навѣрное не знаю, но дѣвушка слышала отъ извозчика, что съ вокзала желѣзной дороги. Тригони, кажется, собирався уѣхать, но бѣлье его было не готово».

Перерывъ съ 2 ч. 5 м. по 2 ч. 50 м.

Свидѣтель *Яковлевъ*, дворникъ дома по Подольской ул.: «Ничего подозрительнаго на квартирѣ Пришибиныхъ не замѣчалось». Терентьеву призналъ за двоюродную сестру Пришибиныхъ, жившую вмѣстѣ съ ними. Въ квартирѣ при обыскѣ нашли диванъ, всѣ 4 ножки котораго стояли на подушкахъ, и заряженную гранату прямо противъ двери, со шнуркомъ идущимъ отъ нея къ двери».

Присяжный повѣренный *Герардъ* предъявляетъ квартирную книжку Люстига, чтобы показать, что Татьяна Кузьмина не могла такъ показывать о переѣздахъ Люстига съ квартиры на квартиру, какъ это значитъ въ ея показаніи.

Подсудимый *Люстигъ* весьма сильно опровергаетъ показаніе Кузьминой. Несмотря на неоднократныя заявленія, ему никогда не предъявляли при дознаніи показаній Кузьминой и тѣмъ лишили его возможности въ настоящее время совершенно опровергнуть ихъ. Такихъ показаній Кузьмина давать не могла, это писалъ кто-нибудь другой вмѣсто нея. Приводитъ въ пользу этого предположенія цѣлый рядъ доказательствъ: литературная форма показаній, которой не могло быть у Кузьминой, употребленіе въ показаніи ключекъ подсудимыхъ, которыхъ она никогда даже и не знала и т. п.

По просьбѣ сторонъ читаются:

- 1) Показанія Гольденберга о Липецкомъ сѣздѣ.
- 2) Показанія Татьяны Кузьминой.
- 3) Показанія Николая Богородскаго.

4) Показаніе Гольденберга о Харьковских сходкахъ, приготовленіяхъ къ Одесскому взрыву и характеристика подсудимой Лебедевой.

5) Письменные документы (вещественныя доказательства, найденныя у подсудимыхъ Морозова, Исаева, Колодкевича и др.).

6) По просьбѣ Исаева, читается письмо Исполнительнаго Комитета къ Императору Александру III (читаетъ самъ Дейеръ).

Первоприсутствующій: «Объявляю судебное слѣдствіе оконченнымъ».

Перерывъ съ 5 ч. 30 м. по 7 ч. 50 м.

Приводятъ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій: «Г. прокуроръ, ваше слово!»

Муравьевъ: «Гг. сенаторы, гг. сословные представители!... Беру на себя смѣлость утверждать, что этимъ процессомъ окончательно нарушится тайна дѣятельности людей, тайныхъ людей, принявшихъ на себя столько же громкое, сколько хвастливо-лживое наименованіе партіи Народной Воли, теперь извѣстныхъ подъ именемъ террористовъ-революціонеровъ... Для закона и, слѣдовательно, для васъ важно знать только то, что именно они совершили... Въ ряду доказательствъ лучшее—сознаніе... Ихъ сознаніе вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла и можетъ быть принято, какъ основаніе для признанія ихъ виновности... Послѣ сознанія слѣдуетъ оговоръ... оговоръ по преступленіямъ государственнымъ имѣетъ свои особенности, носить въ себѣ особый характеръ достовѣрности... Лицо, обвиняемое въ государственномъ преступленіи, сознающее, оговаривающее другихъ и въ то же время говорящее, что остается при своихъ убѣжденіяхъ, находится въ особомъ, отличномъ отъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ положеніи... Гольденбергъ, Рысаковъ оговорили другихъ, желая привести борьбу на путь болѣе мирный...

Всѣ подсудимые обвиняются прежде всего въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго строя... Для доказательства ихъ виновности въ этомъ преступленіи необходимо доказать: 1) наличность въ данномъ сообществѣ указанныхъ въ законѣ признаковъ... 2) принадлежность каждаго отдѣльнаго подсудимаго къ этому сообществу... Признаки принадлежности къ сообществу: 1) революціонное прошлое... 2) конспиративная дѣятельность... нелегальность, имѣніе запрещенныхъ вещей и изданій, вещественныя доказательства».

Перерывъ съ 8 ч. 55 м. до 9 ч. 25 м.

Муравьевъ: «Заниматься конспиративной дѣятельностью, невозможно подъ своимъ христіанскомъ именемъ... нужно скрывать... отсюда масса подложныхъ паспортовъ... Но жить надо, особенно по двое, по трое, имѣть особыя квартиры... На В. Подъяческой выдѣлываютъ динамитъ Исаевъ, съ нимъ Якимова и Лебедева. Конспира-

тивныя занятія... конспиративныя сношенія... обыски дають соотвѣтственные результаты... Важнѣе и характернѣе данныя, благодаря которымъ можно установить мѣсто, принадлежавшее каждому подсудимому въ сообществѣ... здѣсь должны быть организаторы, пристанодержатели, укрыватели, люди для посылокъ, хранители денегъ, рабочіе и т. д. и т. д... Интересенъ вопросъ о центральной группѣ, о пресловутомъ Исполнительномъ Комитетѣ. По словамъ подсудимыхъ, они не члены его, а только исполнители, агенты 3-й степени и такихъ изъ числа нашихъ подсудимыхъ 8 (Лебедева и др.). Можно ли этому вѣрить? Вездѣ мы видимъ, что они сами дѣлають все, сами работаютъ... Гдѣ же Исполнительный Комитетъ? Гольденбергъ былъ дѣятельнымъ членомъ партіи, и ему можно, мнѣ кажется, вѣрить, а онъ многихъ изъ здѣсь сидящихъ называетъ членами Исполнительнаго Комитета. Подсудимымъ важно, интересно доказать, что главныхъ дѣятелей здѣсь нѣтъ... Они, надо имъ отдать справедливость, больше заботятся о будущности своего сообщества, чѣмъ о самихъ себѣ... Но все же изъ дѣятельности ихъ можно, мнѣ кажется, вывести заключеніе, что руководившіе члены этого Исполнительнаго Комитета находятся теперь на скамьѣ подсудимыхъ...

Нѣсколько словъ о роли каждаго: руководители извѣстны: Александръ Михайловъ, Фроленко, Колодкевичъ, Баранниковъ, Якимова, Лебедева, старавшаяся вопреки Гольденбергу доказать, что она вполнѣ сочувствуетъ царевубійству... Терентьева и сюда же надобно причислить и техника Исаева и подсудимаго Суханова... Есть и писатель Морозовъ... Затѣмъ рядъ подсудимыхъ, такъ сказать, рядовыхъ: Арончикъ, Лангансъ, Фриденсонъ... рядъ подсудимыхъ, проживавшихъ легально: Златопольскій, Тригона. Еще двѣ группы подсудимыхъ по 2 человекъ въ каждой: 1) Тетерка, Меркуловъ, 2) Люстигъ, Клѣточниковъ. Первые—это тѣ рабочіе, которыхъ такъ хотѣлось имѣть партіи, на которыхъ направлялась пропаганда и которые, говоря технически «распропагандировались»... Не самъ Тетерка дошелъ до скамьи подсудимыхъ, его довели тѣ, кто привелъ сюда же и другого рабочего человекъ—Меркулова... Пускалось въ ходъ все: и пирушки, и катанья, и всякія угощенія... Да, отвѣтственность нравственная, если не юридическая, падаетъ на руководителей... Пристанодержателемъ подсудимыхъ является Люстигъ... Нельзя имъ было обойтись и безъ своего агента среди враговъ, а врагомъ они признають правительство... Такимъ агентомъ былъ подсудимый Клѣточниковъ... Самое ясное, самое яркое доказательство принадлежности къ сообществу есть тотъ рядъ дѣяній, въ которыхъ они обвиняются и къ разсмотрѣнію ихъ я теперь перейду»... (10 ч. 40 м.).

Островскій говорить: 1) объ убійствѣ Мезенцева, 2) о покушеніи 2 апрѣля, 3) о кражѣ въ Херсонскомъ казначействѣ и 4) о покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 25. м.

Засѣданіе 13 февраля открыто въ 12¹/₄ ч дня.

Муравьевъ: «Рѣшеніе непременно совершить царубійство было принято на Липецкомъ сѣздѣ, и планъ окончательно составленъ на Харьковскихъ сходкахъ... Изысканія Баранникова и Михайлова на желѣзныхъ дорогахъ затѣмъ Меркулова и Попова(?)... Главными пунктами покушеній избраны были 3 мѣста: Одесса и Одесская желѣзная дорога, Александровскъ и Москва. Одесса должна была быть первымъ мѣстомъ... Фроленко имѣлъ поселиться сторожемъ на желѣзной дорогѣ и, дѣйствительно, поселился... Изъ Харькова пріѣхала и привезла съ собою 1¹/₂ пуда динамита Татьяна Лебедева. По словамъ Гольденберга, она ѣхала какъ-бы неохотно, но Лебедева протестуетъ противъ этого, и мы охотно вѣримъ ей, что она ѣхала совершенно сознательно и добровольно совершать царубійство... Лебедева изображала жену сторожа... Печальная честь сомкнуть гальваническую цѣпь выпала на долю Лебедевой. Совершить покушеніе это ей не удалось, такъ какъ государь императоръ тамъ не поѣхалъ, и она должна была остаться при однихъ приготовленіяхъ; помѣшала бурная погода на морѣ... Фроленко не хотѣлъ отдавать динамитъ, ему самому хотѣлось быть участникомъ перваго покушенія... Такимъ образомъ покушеніе на Одесской дорогѣ не удалось... Покушеніе подъ Александровскомъ... Московское покушеніе.. Покушеніе 5 февраля, покушеніе въ Одессѣ (весной 1880 г.)... За этимъ слѣдуетъ большой перерывъ,—нужно было собраться съ силами»...
Перерывъ отъ 1 ч. 5 м. до 1 ч. 20 м.

Первоприсутствующій: «Г-жа Терентьева! Я въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ замѣчаніе, чтобы вы не разговаривали. Если вы будете продолжать, я принужденъ буду удалить васъ изъ залы».

Терентьева: «Я вовсе не разговаривала. Это приставъ вамъ совсѣмъ невѣрно передалъ».

Первоприсутствующій: «Не оправдывайтесь»...

Терентьева: «Позвольте мнѣ объяснить»...

Первоприсутствующій: «Ничего!».

Терентьева: «Позвольте!»...

Первоприсутствующій: «Ничего, садитесь!»

Терентьева: «Я считаю это за дерзость съ Вашей стороны».

Муравьевъ о преступленіи въ мартѣ 81 г. «Доказательства—оговоръ Рысакова и Меркулова... Сознаніе... Другія данныя дѣла... Соучастники стали собираться въ Петербургѣ... Здѣсь составлялся преступный планъ... Главный дѣятель Желябовъ... Техническая часть была поручена Кибальчичу, Исаеву, Суханову и, пожалуй, Лебедевой... Сухановъ, который собиралъ и снаряжалъ метательные снаряды и который собственными своими руками приготовлялъ снарядъ, заложенный въ подкопѣ на Малой Садовой... Въ этой работѣ помогала ему Лебедева, которая наполняла

цилиндръ динамитомъ... Устой Суханова: отмѣна податей, устройство колонизаціи, даровое обученіе, расширеніе земскаго самоуправления,—все задачи почти легальныя, о которыхъ можно разсуждать, и которыя не имѣютъ ровно ничего общаго съ тѣмъ, что онъ дѣлалъ»...

Муравьевъ въ этотъ разъ говорилъ 40 минутъ,—всего онъ говорилъ 3 ч. 50 мин.; Островскій говорилъ 45 минутъ.

Перерывъ отъ 2 и до $2\frac{3}{4}$ ч.

Первоприсутствующій: «Слово принадлежитъ защитнику подсудимаго Меркулова, присяжному повѣренному—Шнеуру».

Шнеуръ говорилъ отъ $2\frac{3}{4}$ ч. до 3 ч. 1 м. (16 мин.).

Кедринъ—отъ 3 ч. 1 м. до 3 ч. 42 м. (41 мин.).

Рычковъ—отъ 3 ч. 42 м. до 3 ч. 58 м. (16 мин.).

Королевъ—отъ 3 ч. 58 м. до 4 ч. 49 м. (51 мин.).

Кишенскій—отъ 4 ч. 49 м. до 5 ч. 2 м. (13 мин.).

Перерывъ отъ 5 ч. до 7 ч. 25 м.

Чичаговъ—отъ 7 ч. 28 м. до 7 ч. 48 м. (20 мин.).

Спасовичъ—отъ 7 ч. 48 м. до 8 ч. 52 м. (1 ч. 4 мин.).

Соколовъ—отъ 8 ч. 52 м. до 9 ч. 6 м. (14 мин.).

Рихтеръ—отъ 9 ч. 6 м. до 9 ч. 42 м. (36 мин.).

Михайловъ—отъ 9 ч. 42 м. до 10 ч. 7 м. (25 мин.).

Граціанскій отъ 10 ч. 7 м. до 10 ч. 38 м. (31 мин.).

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. 40 м.

Засѣданіе 14 февраля въ воскресенье открыто въ $12\frac{1}{4}$ ч.

Александровъ говорилъ отъ 12 ч. 16 м. до 1 ч. 47 м. (1 ч. 31 мин.).

Перерывъ отъ 1 ч. 47 м. до 2 ч. 30 м.

Буймистровъ говорилъ отъ 2 ч. 33 м. до 3 ч. 49 м. (1 ч. 16 мин.).

Кейкуатовъ—отъ 3 ч. 49 м. до 4 ч. 21 м. (32 мин.).

Турчаниновъ говорилъ отъ 4 ч. 21 м. до 4 ч. 59 м. (38 мин.).

Перерывъ отъ 5 ч. до 7 ч. 20 м.

Герардъ говорилъ отъ 7 ч. 22 м. до 8 ч. 10 м. (48 мин.).

Нечаевъ—отъ 8 ч. 10 м. до 8 ч. 12 м. (2 мин.).

Первоприсутствующій: «Подсудимая Якимова! Что вы можете сказать въ свою защиту?».

Якимова: «Я только могу возстановить истину относительно отдѣльныхъ показаній. Такъ, названіе руководительницы ко мнѣ никакъ не можетъ быть приложимо, ибо ничѣмъ, кромѣ показанія Гольденберга, это не подтверждается. Я никогда не была членомъ Исполнительнаго Комитета. Всѣ дѣянія, въ которыхъ я обвиняюсь, я исполняла по порученію Исполнительнаго Комитета. Арестована я была подъ именемъ Валерьяновой, и это лицо существуетъ, но не имѣетъ ничего общаго съ нашей партіей».

Терентьева: «Я также отказываюсь отъ чести быть руководительницей. Я даже не считаю себя вправѣ признать себя и

агентомъ Исполнительнаго Комитета. Говоря о Херсонскомъ казначействѣ, обвиненіе сдѣлало предположеніе, что я деньги эти взяла себѣ. Это мнѣ показалось весьма обиднымъ, и, хотя я не указала, кому я ихъ передала, но это потому, что я не считаю себя вправѣ сдѣлать этого».

Колодкевичъ: «Я скажу только нѣсколько словъ относительно показаній Гольденберга. Онъ въ свои показанія вноситъ весьма странную черту. Ни одно общество никогда не разсуждаетъ такъ, какъ говоритъ Гольденбергъ про Липецкій сѣздъ. Онъ говоритъ, что сѣхались туда разные люди и начали разсуждать о практическихъ дѣлахъ. Странно. Этого никогда не бываетъ: нельзя, не зная другъ друга, разсуждать помимо теоріи о практическихъ предпріятіяхъ. Возьмите какое-нибудь промышленное, торговое общество, и здѣсь никогда не могутъ практическія рѣшенія предшествовать теоретическимъ разсужденіямъ. Затѣмъ, Гольденбергъ разсуждая о Харьковскихъ сѣздахъ говорить, что тамъ я и Желябовъ совѣщались о царубійствѣ; между тѣмъ, по его же словамъ, я въ это время былъ въ Одессѣ; дальше тотъ же Гольденбергъ говоритъ, что тамъ ни о чемъ практическомъ не разсуждали. Гдѣ-же правда? Не можетъ вообще быть, чтобы въ Харьковѣ обсуждали и рѣшали Одесское покушеніе. Такія же противорѣчія найдемъ мы и въ разсужденіяхъ о Липецкомъ сѣздѣ. Здѣсь Гольденбергъ говоритъ, что былъ избранъ Исполнительный Комитетъ, т. е. опять практической результатъ раньше теоретическаго обсужденія. Вотъ Морозова, напр., я въ первый разъ вижу! Какъ же могъ я съ нимъ разсуждать о какихъ-нибудь практическихъ мѣрахъ? Затѣмъ эта Распорядительная Комиссія! Ее онъ помѣщаетъ то туда, то сюда. Сначала говоритъ, что она должна засѣдать въ Петербургѣ, а затѣмъ оказывается, что комиссія эта разгвѣзается. Кто же, наконецъ, завѣдуетъ всѣми дѣлами? Я собственно не знаю отношеній Гольденберга къ Исполнительному Комитету, но думаю, что врядъ ли онъ былъ его членомъ, потому, что иначе врядъ ли могли-бы быть его показанія такъ безтолковы; потому-то я не знаю, можно ли придавать его показаніямъ ту силу, которую за ними признаетъ обвинительная власть. Кромѣ того, въ 78 г. я уже читалъ прокламаціи отъ Исполнительнаго Комитета, такъ что онъ, слѣдовательно, существовалъ гораздо раньше».

Фроленко: «Къ тому, что говорили здѣсь другіе, я лично ничего ни имѣю прибавить».

Муравьевъ: «Обвинительная власть не находитъ нужнымъ возражать защитѣ».

Первоприсутствующій: «Подсудимый Меркуловъ! Какія вы можете дать суду объясненія въ свою защиту, кромѣ того, что уже сказалъ вашъ защитникъ?»

Меркуловъ: «Я ничего не могу прибавить. Я прошу только снисхожденія».

Тетерка: «Я также ничего не имѣю».

Якимова: «Я хочу сказать, что во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ я принимала участіе, я, дѣйствительно, всегда совершенно сознательно, безъ всякаго посторонняго вліянія на»...

Первоприсутствующій: «Судъ не можетъ допустить говорить ничего, служащаго къ вашему обвиненію. Садитесь!»

Тригони, Люстигъ, Лебедева, Клѣточниковъ, Терентьева, Морозовъ, Сухановъ, Фриденсонъ также отказываются прибавить что-нибудь къ рѣчамъ своихъ защитниковъ.

Колоджевичъ: «Я бы хотѣлъ указать суду на причины, толкнувшія меня на этотъ путь. Я не стану говорить про увлеченія, про личныя обстоятельства, я скажу только про тѣ силы, которыя меня толкнули сюда и которыя лежатъ вѣ меня и независимо отъ моей личности. Защита не могла говорить объ этомъ, такъ какъ она этого и не знаетъ, да ей и дѣла до этого нѣтъ. Я же хочу коснуться этого вопроса и думаю, что это будетъ не безынтересно для суда. Сила, толкнувшая меня, лежитъ въ томъ строѣ, среди котораго мы живемъ, и изученіе этого государственнаго строя привело меня въ концѣ концовъ сюда. Безвыходное положеніе нашего народа и условія, породившія и даже теперь какъ бы узаконившія это положеніе, неестественны—это есть эксплуатація привилегированнымъ меньшинствомъ, безправнаго большинства. Надо заглянуть глубже въ исторію, чтобы понять это. Здѣсь именно, въ исторіи, видишь процессъ развитія этой эксплуатаціи. Наблюдая надъ природою первобытныхъ народовъ, мы видимъ, что первою причиною власти была физическая сила»...

Первоприсутствующій: «Не предлагайте намъ научнаго доклада, а представьте только то, что ближе относится къ настоящему дѣлу и, что можетъ служить къ вашей защитѣ».

Колоджевичъ: «Я хотѣлъ только разсмотрѣть весь историческій ходъ развитія и показать такимъ образомъ, какимъ путемъ партія наша пришла къ сознанію необходимости стать въ то положеніе, въ которомъ она теперь находится».

Первоприсутствующій: «Хорошо; только начните отъ времени болѣе близкаго къ намъ, а не отъ первобытныхъ народовъ».

Колоджевичъ: «Это вовсе не будетъ такъ длинно».

Первоприсутствующій: «Но все же я прошу васъ говорить только о современномъ положеніи».

Колоджевичъ: «Иначе я не могу говорить». (Садится).

Златопольскій: «Я еще разъ заявляю, что обвиненіе ни въ малѣйшей степени ко мнѣ не относится».

Лингансъ: «Я хотѣлъ бы объяснить свое положеніе на судѣ. Мое положеніе, какъ иностранца, нѣсколько отлично отъ другихъ. Этимъ отчасти объясняется и мое поведеніе на судѣ. Относительно меня можетъ возбудиться вопросъ: дороги ли мнѣ интересы русскаго человѣка? Я въ Россіи прожилъ почти всю жизнь, русскій человѣкъ мнѣ знакомъ ближе, гораздо ближе, чѣмъ заграничный, и мнѣ очень дорого, чтобы никто изъ русскихъ людей

никогда не могъ упрекнутьъ меня въ томъ, чтобы русскіе люди и русскіе интересы мнѣ были не дороги. Напримѣръ, я никогда никакъ не могу рискнутьъ назвать людей, у которыхъ жилъ въ Москвѣ, чтобы не навлечь на нихъ какого-нибудь неудовольствія, тѣмъ болѣе, что относительно меня уже былъ такой случай, такъ какъ Рябковъ былъ высланъ только изъ-за меня. Я знаю, что въ Россіи административная высылка—явленіе довольно обыкновенное, напримѣръ, когда я сидѣлъ въ Мценской тюрьмѣ, мимо меня препроводили массу народа, между прочимъ извѣстнаго писателя Авдѣева. Правда, его послѣ вернули, но семью свою онъ все же разорилъ. Поэтому я считаю своимъ долгомъ поступить теперь честно и не называть людей, у которыхъ я былъ въ Москвѣ, хотя это и было бы важно для меня. Въ подкормъ же я не могъ работать просто потому, что я боленъ, слабъ грудью, харкалъ кровью».

Арончикъ повторяетъ нѣкоторыя свои признанія и объясненія, преимущественно относящіяся къ московскому покушенію.

Баранниковъ: «Я присоединяюсь къ своему защитнику и прошу имѣть въ виду то, что сказалъ мой защитникъ. Я повторяю только, что при убійствѣ Мезенцева я только присутствовалъ и никогда не покушался на жизнь Макарова, а выстрѣлилъ въ воздухъ, чтобы только дать возможность убійцѣ и себѣ самому скрыться отъ преслѣдованія».

Исаевъ: «Я прошу позволенія изложить истинныя задачи и цѣли партіи «Народной Воли».

Первоприсутствующій: «Это Вамъ не можетъ быть разрѣшено».

Фроленко: «Я ничего не могу добавить къ тому, что уже говорилъ».

Михайловъ: «Я хотѣлъ также коснуться исторіи и задачъ, преслѣдуемыхъ партией, но такъ какъ это не дозволяется, то я больше ничего сказать не имѣю».

Засѣданіе закрыто въ 9 ч. 20 м.

Засѣданіе 15-го февраля.

Засѣданіе открыто въ 1 ч. 35 м.

Первоприсутствующій дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ всѣхъ подсудимыхъ.

Первоприсутствующій: «Особое Присутствіе предположило поставить для разрѣшенія своего слѣдующіе вопросы». Читаетъ 62 вопроса о виновности подсудимыхъ во вступленіи въ преступное сообщество и совершеніи отдѣльных преступленій.

Герардъ, *Граціанскій*, *Ризтеръ*, *Кишинскій*, *Михайловъ* просятъ поставить еще нѣкоторые вопросы относительно защищаемыхъ ими подсудимыхъ.

Особое Присутствіе удаляется для обсужденія предложенныхъ

защитою вопросовъ и возвращается черезъ нѣсколько времени, при чемъ отказываетъ защитѣ, кромѣ одного вопроса, предложеннаго Герардомъ, одного—Граціанскимъ и одного—Рихтеромъ.

Особое Присутствіе подписываетъ поставленные вопросы и затѣмъ удаляется для разрѣшенія ихъ.

Въ то время, когда Особое Присутствіе вернулось, рассмотрѣвши предложенные защитою вопросы, первоприсутствующій сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ подсудимыхъ, но только что они были введены и заняли мѣста, какъ подсудимый Тетерка всталъ и ударилъ со всей силой Меркулова въ лицо кулакомъ. Меркуловъ кричитъ, утираетъ слезы и появившуюся кровь.

Тетерка: «Это мой товарищъ... я хочу объяснить»...

Первоприсутствующій: «Уведите подсудимаго!»

Къ Тетеркѣ подходятъ нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, но онъ самъ добровольно повинуется и уходитъ въ сопровожденіи жандармовъ. Всѣ взволнованы.

Перерывъ отъ 4 ч. дня до 7 ч. вечера.

Первоприсутствующій распоряжается привести всѣхъ подсудимыхъ.

Меркуловъ проситъ позволенія у первоприсутствующаго не присутствовать въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ по болѣзни. Первоприсутствующій разрѣшаетъ ему, и Меркуловъ удаляется.

Первоприсутствующій читаетъ отвѣты Особого Присутствія на поставленные вопросы. На всѣ вопросы, кромѣ 2-хъ (относительно участія Михайлова и Исаева въ покушеніи къ царубійству въ Петербургѣ подъ Каменнымъ мостомъ) отвѣтъ: «Да, виновенъ!»

Муравьевъ требуетъ для всѣхъ подсудимыхъ, на основаніи признанной судомъ виновности ихъ, смертной казни.

Особое Присутствіе поставило для разрѣшенія вопросъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть подсудимыхъ и затѣмъ удаляется для разрѣшенія его.

Въ 11 ч. 4 м. ночи Особымъ Присутствіемъ вынесена резолюція, на основаніи которой подсудимые: Михайловъ, Колодкевичъ, Сухановъ, Клѣточниковъ, Фроленко, Исаевъ, Емельяновъ, Тетерка, Лебедова, Якимова приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе; подсудимые: Баранниковъ, Арончикъ, Морозовъ, Лангансъ, Меркуловъ—къ безсрочной каторжной работѣ, а подсудимые: Тригопи, Люстигъ, Фриденсонъ, Златопольскій и Терентьева на 20 лѣтъ въ каторжныя работы, первые въ рудникахъ, а послѣдняя на заводы, причемъ относительно подсудимаго Люстига и Фриденсона Особое Присутствіе признало возможнымъ ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ имъ назначеннаго наказанія первому на 4 года каторжной работы на заводѣ, а второму на 10 лѣтъ въ крѣпости.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 20 м.

Со слѣдующаго дня защита снова была лишена права (по административному распоряженію) свиданія наединѣ съ подсудимыми и видѣлась всегда въ присутствіи жандармскаго офицера.

25 февраля въ 12 ч. 25 м. въ залу засѣданія были приведены всѣ подсудимые, собрались защитники, и въ присутствіи прокурора Островскаго, подъ предсѣдательствомъ сенатора Бѣлостоцкаго, секретаремъ былъ прочитанъ приговоръ въ окончательной формѣ. Сенаторъ Бѣлостоцкій сообщилъ подсудимымъ, что имъ дается 2-хъ недѣльный срокъ для подачи кассационныхъ жалобъ. Подсудимые пожелали имѣть копію съ приговора. Присяжный повѣренный Александровъ хотѣлъ сдѣлать заявленіе о томъ, что защита лишена права свиданія наединѣ съ подсудимыми, но сенаторъ Бѣлостоцкій заявилъ, что онъ не можетъ входить въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ, явился только съ специальною цѣлью прочтенія приговора и ни на что иное не уполномоченъ.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ кассационная жалоба была подана только Клѣтчиковымъ. Разматривалась она въ общемъ собраніи Уголовнаго и Гражданскаго Кассационнаго департаментовъ. Сенату подъ предсѣдательствомъ сенатора Черноглазова, докладывалъ Рѣпинъ. Заключение давалъ оберъ-прокуроръ сената Беръ. Поддерживалъ жалобу присяжный повѣренный Михайловъ. Жалоба оставлена безъ послѣдствій. Просьбу о помилованіи подалъ подсудимый Сухановъ (присоединился къ матери), Люстигъ и Фриденсонъ.

17-го марта государь императоръ повелѣлъ всѣмъ подсудимымъ, приговореннымъ къ смертной казни, кромѣ Суханова, замѣнить это наказаніе безсрочными каторжными работами, а подсудимому Суханову замѣнить смертную казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ въ Кронштадтѣ.

По поводу „Объявленія Исп. Ком. Р. С. Р. партіи“.

Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы даемъ фотографическій снимокъ съ очень рѣдкой прокламаціи Исп. Комитета. Это—прокламація не Исп. Комитета партіи Народной Воли, образовавшагося въ половинѣ 1879 года послѣ Липецкаго и Петербургскихъ съѣздовъ, а Испол. Комитета, организованнаго въ началѣ 1878 г. тѣми «новаторами»-революціонерами, которые тогда прокладывали, дѣйствительно, «новый путь» въ русскомъ революціонномъ движеніи, и чьи завѣты впоследствии были сформулированы и проведены въ жизнь представителями Народной Воли. Въ составъ этого Исп. Комитета входили между прочимъ Осинскій, казненный въ 1879 г., Попко, умершій на Карѣ 1885 г., Сентянинъ, оказавшій вооруженное сопротивленіе и умершій въ тюрьмѣ до суда, Ивичевичъ, смертельно раненный при вооруженномъ сопротивленіи, и т. д. Это были горячіе защитники того «новаго пути», на которомъ потомъ работали Морозовъ, какъ литераторъ, какъ практики—А. Михайловъ, Желябовъ и др.

На «Объявленіи» была приложена въ первый разъ печать Исп. Комитета, которая нами тоже воспроизведена. Она въ оригиналѣ была отпечатана красной краской. Ту же печать мы видѣли и на прокламаціяхъ партіи «Народной Воли» въ 1880 и 1881 г. г.

Ред.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

О Т Ъ

Исполнительнаго Комитета Русской Соціально Революціонной партіи.

Новый путь, принятый въ послѣднее время Русской Соціально-Революціонной Партіей и выразившійся въ убійствахъ: барона фонъ-Гейкинга, ростовскаго шпіона Никонова и другихъ аналогичныхъ фактахъ, подальше поведеть къ появленію значительнаго количества подметныхъ писемъ угрожающаго содержания, какъ должностнымъ, такъ и частнымъ лицамъ, не рѣдко подъ фирмою Исполнительнаго Комитета, отъ имени котораго были совершены вышесказанные факты.

Нравственная отвѣтственность, принятая нами за наши дѣйствія, заставляетъ насъ заявить публикѣ, что авторы этихъ угрожающихъ писемъ не имѣютъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, а часто и съ Революціонной партіей, ничего общаго. Самимъ же этимъ авторамъ считаемъ нужнымъ объявить: Революціонерамъ,—что исходящія отъ нихъ угрозы должны исполняться ими самими и подъ ихъ отвѣтственностью, проходницамъ,—что мы будемъ преслѣдовать ихъ, какъ своихъ злѣйшихъ враговъ.

Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ недоразумѣній, всѣ исходящія отъ насъ заявленія будутъ на бланкахъ Исполнительнаго Комитета и за его печатью.

Дополнительныя свѣдѣнія о процессѣ 20-ти.

Въ январской книгѣ «Былогъ» были сообщены данныя къ исторіи процесса 20. М. Ф. Фроленко, одинъ изъ участниковъ процесса, сообщилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ примѣчаній.

Къ 264—265 стр. „Былого (1906 г. № 1) Меркуловъ для того, чтобы выгородить себя, очень запутанно говорить о работахъ въ подкопѣ подъ Малую Садовую улицу и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ совершался. По его словамъ выходить, что онъ только видѣлъ, какъ другіе переодѣвались для работы, носилъ отъ Желябова мѣшки и бутылъ въ лавку Кобызева, и только. На самомъ дѣлѣ, когда я тамъ бывалъ, было такъ.

Не задолго до закрытія лавки приходили только тѣ, чья была очередь работать въ данный разъ. Затѣмъ Богдановичъ уходилъ, лавка запиралась въ обычное время. Якимова и очередные работники оставались. Послѣ того, какъ лавка была заперта, условлено было, чтобы никто изъ своихъ не приходилъ, и это выполнялось. Тогда, и только тогда начинались работы. Дѣлалось такъ потому, что изъ лавки была дверь въ комнату хозяевъ. Стоило открыть эту дверь, и всякій увидать бы подкопъ: проломъ въ стѣнѣ былъ сдѣланъ сейчасъ же около двери. Стѣна же, якобы, отъ сырости вся была обдѣлана деревянными щитами. На ночь одинъ щитъ отнимался, и тогда начинались работы. Знать работающихъ могла лишь хозяйка и тѣ, кто самъ работалъ. Лишнихъ людей не оставляли, такъ какъ комната невелика, да и не было надобности лишняго человѣка подвергать опасности быть арестованнымъ. Меркуловъ потому и зналъ про нѣкоторыхъ, что самъ работалъ съ ними, про другихъ же зналъ только по слухамъ. Онъ такъ усердствовалъ въ работѣ на первыхъ порахъ, что растеръ ладонь, и у него образовалась рана; его на время замѣнилъ другой. Правило работать по ночамъ было нарушено, кажется, только въ концѣ, когда закладывали мину и засыпали подкопъ спѣшно землей. Тогда, мнѣ говорили, работали и днемъ. Самъ же я при этомъ не былъ.

Къ стр. 268 и 281. Т. И. Лебедева, хотя и бывала на квартирахъ Желябова, Перовской, Исаева, но не жила съ ними. У нея бывали свои квартиры. Одну изъ нихъ ей пришлось бросить со всеми вещами, но это осталось не открытымъ. Обвинитель помѣстилъ ее на эти квартиры, вѣроятно, основываясь на ея показаніяхъ. Сама Т. Лебедева говорила

про квартиру Перовской, что она тамъ проводила большую часть своего времени, а на квартирѣ Исаева занималась приготовленіемъ динамита и нитроглицерина. На судѣ дворникъ изъ дома, гдѣ жилъ Исаевъ, не призналъ ее. Кромѣ того генераль, экспертъ, завѣдующій военными мастерскими, гдѣ готовится динамитъ, на вопросъ председателя,—можно-ли это дѣлать въ маленькой квартирѣ,—не колеблясь заявилъ, что немисливо. Судьи поэтому отвергли обвиненіе, взятое на себя Т. И. Лебедевой, но въ данномъ случаѣ ошиблись, какъ и экспертъ. Дѣло происходило такъ, какъ это показала Лебедева. Дѣйствительно, она не жила на квартирѣ Исаева, дворникъ ее не зналъ, но она ходила на эту квартиру и работала тамъ, несмотря на страшныя головныя боли, несмотря на слабое вообще свое здоровье. Это привело ее къ тому, что она тогда слегла, и у нея открылся тифъ, къ счастью, въ легкой формѣ.

Къ стр. 278. Колодкевичъ дѣйствовалъ въ Кіевѣ. Тамъ я его засталъ въ 1875 г. зимой въ кружкѣ кіевскихъ революціонеровъ—Чайковцевъ. Тамъ онъ велъ пропаганду среди рабочихъ послѣ. Тамъ онъ участвовалъ въ очищеніи квартиры Стефановича и какъ находящійся уже на счету у полиціи, былъ взятъ и сидѣлъ въ кіевской тюрьмѣ одновременно со Стефановичемъ. Выпустили его послѣ бѣгства Стефановича.

Изъ Кіева же онъ былъ приглашенъ и на Липецкій съѣздъ. Въ Харьковѣ онъ, конечно, могъ наѣздомъ принимать участіе въ дѣлахъ, но состоять ему въ кружкѣ харьковскихъ революціонеровъ не было нужды.

Къ стр. 291. Приводили насъ на судъ такъ. Въ Предварилкѣ есть длинный корридоръ, сообщающійся узкими темными переходами съ залами Окружнаго Суда. Насъ сначала собирали на этомъ корридорѣ, ставя между двухъ жандармовъ съ пашками наголо. Жандармами командовалъ офицеръ и былъ еще одинъ офицеръ. Обыкновенно перваго, кого приводили, ставили въ началѣ корридора, втораго вслѣдъ за нимъ и т. д.

Поэтому позже выводимые, проходя мимо тѣхъ, кто былъ ранѣ приведенъ, здоровались, заговаривали съ ними, передавали имъ записки. Офицеръ выходилъ изъ себя, стараясь не допускать особенно разговоровъ и передачъ. Изъ-за разговоровъ и выходили съ офицерами постоянныя столкновенія. Болѣе разумные офицеры скоро перестали на нихъ обращать вниманіе, но одинъ, помню, маленький, шустренькій, довелъ насъ до того, что мы ему пригрозили поднять вмѣсто разговоровъ—просто крикъ. Онъ унялся. Когда всѣ оказывались на мѣстѣ, офицеръ командовалъ, и мы, спускаясь, поднимаясь въ полутемнотѣ шли въ судъ. Тамъ я не замѣчалъ особенно много ни жандармовъ, ни казаковъ. Насъ помѣщали въ двухъ загородкахъ и при входѣ ставили по одному жандарму. Въ задней загородкѣ полъ и скамья были выше, чѣмъ въ передней. На первой скамѣ посадили ближе къ суду Меркулова, потомъ шли Тетерка, Тригони, Лебедева, Якимова, Фриденсонъ и Люстигъ. На второй Сухановъ, Морозовъ, Лангансъ, Левъ Златопольскій, Колодкевичъ, Исаевъ, Баранниковъ, Михайловъ, Терентьева, Емельяновъ.

Терентьева стала разговаривать съ сосѣдями. Ее перевели къ Су-

ханову и, когда она и тутъ продолжала разговаривать, председатель, дѣйствительно, пригрозилъ, что ее не будутъ приводить на судъ или выведутъ,— что-то въ этомъ родѣ, но угрозы не привелъ въ исполненіе. Относительно Баранникова, я что-то забылъ, но помню хорошо, что Листигъ все почти время разговаривалъ тихо со своимъ защитникомъ черезъ рѣшетку своей загородки, и его никто не останавливалъ. Емельяновъ хохоталъ до упаду надъ нѣкоторыми фразами въ рѣчахъ защитниковъ, и тоже—ничего. Вообще, со стороны председателя я не замѣтилъ особенной придирчивости. Хотя слухъ и шелъ, что онъ будетъ насъ ругать въ заключительной рѣчи, но ничего подобнаго не было. У меня объ немъ осталось лишь одно впечатлѣніе,—это то, что онъ былъ умный, находчивый слѣдователь—и только. Злобы же особенной не замѣтилъ въ немъ.

Къ стр. 292. О заявленіи суду мы не сговаривались. И когда всталъ Михайловъ и сказалъ, что онъ хочетъ заявить что-то, то поднялись за нимъ не всѣ, а только человекъ 5—6, а именно, Колодкевичъ, Исаевъ, Баранниковъ, я—про насъ четверыхъ я хорошо помню—и еще, кажется, кто-то одинъ. Большая часть не понимала въ чемъ дѣло и сидѣла въ недоумѣніи. Вставшіе за Михайловымъ не знали тоже, что онъ хочетъ заявить, а если и встали, то только, чтобъ поддержать товарища, вспомнивъ, что на большомъ процессѣ нѣкоторые протестовали противъ суда. И теперь, видя, что другіе сидятъ, скоро почувствовали себя очень неловко, тѣмъ болѣе, что ясно было, что никто изъ насъ ранѣе и не думалъ о протестѣ, судя хотя-бы по тому, что почти всѣ мы взяли себѣ защитниковъ. Этой неловкостью я только и объясняю, что мы такъ быстро уступили.

Къ стр. 293. Обвинительный актъ читался въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ, но разборъ дѣла производился по группамъ. Въ нашемъ процессѣ соединилось нѣсколько отдѣльныхъ дѣлъ и притомъ изъ разныхъ временъ. Тутъ было и Херсонское дѣло 79 г., по которому обвинялась одна лишь Терентьева; тутъ было и дѣло Мезенцова съ однимъ Баранниковымъ изъ временъ Земли и Воли; тутъ были дѣла Михайлова и о Соловьевскомъ дѣлѣ, и о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ,—все это не относилось къ большинству подсудимыхъ, и потому всѣ такія дѣла разбирались отдѣльно. Благодаря этому мнѣ удалось провести нѣсколько дорогихъ по воспоминанію часовъ рядомъ съ Т. И. Лебедевой, когда мы при разборѣ Одесскаго и Кишиневскаго дѣла, отвѣтивъ на заданные намъ вопросы, все остальное время тихо болтали, сидя на первой скамьѣ, забывъ и про судъ и про все, что было вокругъ насъ...

Къ стр. 296. Сухановъ, желая выяснитъ причины, побудившія его стать въ ряды революціонеровъ, прежде всего разсказалъ про одно свое плаваніе на военномъ суднѣ къ восточнымъ берегамъ Сибири и про обнаруженную имъ при этомъ плаваніи большую кражу каменнаго угля начальствомъ этого судна. Кража подтвердилась, но Суханову предложили перейти въ другое мѣсто, т. е. наказали. Онъ пошелъ объясняться къ адмиралу или тамъ еще къ кому, не помню хорошо. Тотъ его благодарилъ за обнаруженіе кражи, наговорилъ много лестнаго за рвеніе, но все-таки наказалъ, а воръ остался ненаказаннымъ. Суха-

новъ и развивалъ ту мысль, что у насъ мелкихъ воровъ наказываютъ, а на крупныхъ сквозь пальцы смотрять, онъ приводилъ примѣры изъ морской жизни, гдѣ простыхъ матросовъ били нещадно за растрату пустяшнаго казеннаго имущества, а крупныя мошенничества оставались безнаказанными.

Къ стр. 298.

Про Тетерку помню, какъ онъ заявилъ, что онъ социалистъ и что, когда онъ переѣхалъ изъ Одессы въ Харьковъ, то сильно поразился отсталостью Харькова и дешевизною платы за работу въ немъ. „Какъ, если бъ кто изъ Парижа въ провинцію попалъ!“ добавилъ онъ, чтобы лучше выразить разницу между Одессой и Харьковомъ. Это сравненіе и вызвало невольную общую улыбку. О террористической борьбѣ онъ мало зналъ, да и не хотѣлъ о ней говорить, а не потому что не могъ, какъ мало интеллигентный.

Къ стр. 303.

Михайловъ, какъ членъ уже сформировавшейся партіи Народной Воли, имѣлъ въ виду программу этой партіи, гдѣ царевубійство стояло въ ряду другихъ средствъ, а не занимало исключительнаго положенія. Гольденбергъ же имѣлъ въ виду лишь Липецкій съѣздъ и поводъ къ нему. Поводомъ же къ съѣзду Воронежскому и Липецкому было разногласіе среди членовъ Земли и Воли относительно вопроса о царевубійствѣ. Политическій терроръ, который вели члены партіи Земли и Воли противъ отдѣльных членовъ правительства, какъ Мезенцевъ, Кропоткинъ и т. д., не вызывалъ большихъ споровъ. Но, когда появился Соловьевъ, и зашла рѣчь о покушеніи на Александра II, то тутъ выступила рѣзко разница во взглядахъ между городскими и деревенскими членами партіи, и такъ какъ городскіе, послѣ неудачи покушенія Соловьева, не бросили его мысли, а стали набирать новыхъ охотниковъ: чтобы довести дѣло до конца, то и надо было всѣмъ имъ собраться, устроить организацію, распредѣлить роли. Не всѣ, вѣдь, способны и годны на одно и то же. Липецкій съѣздъ и занялся этими вопросами. Практическихъ вопросовъ ему и не нужно было рѣшать: это уже было дѣломъ тѣхъ, кто бралъ на себя ту или другую роль, но изъ этого не значитъ что онъ и не касался этихъ вопросовъ. Съѣздъ ставилъ задачи, а рѣшать ихъ предоставлялъ группамъ. Онъ для того и организацію устраивалъ, чтобы повести борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Для этого проведено было нѣсколько новыхъ лицъ въ члены партіи Земли и Воли, чтобы повліять и на рѣшеніе общаго съѣзда членовъ въ Воронежѣ. Изъ-за этого вопроса, т. е. объ Александрѣ II, и на Воронежскомъ съѣздѣ не могли столкнуться и потомъ раздѣлились на двѣ самостоятельныя партіи. Гольденбергъ поэтому былъ вполне правъ, когда смотрѣлъ на съѣздъ, подчеркивая, главнымъ образомъ, вопросъ о царевубійствѣ, но онъ упустилъ изъ виду, что большая партія не можетъ вся уйти въ одно дѣло, что даже и для одного этого намѣченнаго дѣла нужна разнообразная дѣятельность: нужна типографія и литераторы, нужны деньги, нужны паспорта и т. д. Поэтому на ряду съ боевой группой, Липецкій съѣздъ выдѣлилъ изъ себя и другія группы, которыя и явились потомъ ядромъ для будущей организаціи цѣлой партіи Народной Воли. Но

устраивая новую организацію для борьбы, съѣздъ, конечно, затрагивалъ и программные вопросы. Ихъ тоже надо было рѣшить; ихъ и рѣшали, положивъ, такимъ образомъ, начало новой программѣ. Такъ какъ на это и на организацію ушла большая часть времени, лучше сказать все, то понятно, что Михайловъ, развивавшій и толковавшій больше о программныхъ вопросахъ,—это и ставилъ на первое мѣсто, забывъ первоначальную причину съѣзда, забывъ, что въ 1879 г. дѣло только начиналось, и что программа партіи окончательно была выработана позже, когда уже произошелъ раздѣлъ, когда Гольденбергъ былъ уже въ тюрьмѣ.

Къ стр. 305.

Михайловъ говоритъ, что, отвѣчая на вопросъ Добржинскаго о приготовленіяхъ къ покушенію на жизнь Александра II, онъ только въ общемъ смыслѣ удовлетворилъ его любопытство. Однако, надо замѣтить, и это, можетъ быть, послужило Добржинскому, чтобы навести уши, чтобы поднять сыскъ на ноги, въ результатѣ чего были дальнѣйшіе аресты, и намъ передавали, что жандармы всполошились, именно благодаря этой бесѣдѣ. Это и доказываетъ, что самое безобидное показаніе въ рукахъ III-го Отдѣленія часто вело къ большимъ и вреднымъ результатамъ...

Меня сильно огорчаетъ, что память мнѣ измѣняетъ, и я еще не могу воспроизвести рѣчи, сказанной Т. И. Лебедевой. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе не только на насъ, но и на судей. Одно время мнѣ казалось, что потому *ѿ* председатель отложилъ свою мысль ругать насъ, что прослушалъ правдивую, просто и умно разсказанную повѣсть о томъ, какъ само правительство толкнуло ее и Перовскую въ терроръ и заставило своими гоненіями бросить всѣ ихъ работы мирнаго, культурнаго свойства. Для рѣчей насъ вызывали на средину залы, передъ судьями. Многие отказывались выходить предпочитая говорить съ мѣста. Т. И. Лебедева вышла съ открытой, скромно причесанной головой, въ изящномъ черномъ платьѣ стояла она передъ судьями и не спѣша, не смущаясь, съ одухотвореннымъ лицомъ толково произносила свою рѣчь. Всѣ смолкли, вслушивались, и подъ конецъ всѣмъ стало ясно, что такому живому искренно и такъ горячо стремящемуся къ общему благу человѣку другого выхода, какъ терроръ, и не было.

М. Фроленко.

Историческая библиографія.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи
Наукъ. Томъ второй. Спб. 1905.

Нельзя сказать, что академическое изданіе сочиненій Пушкина подвигается съ значительной быстротой. Первый томъ вышелъ въ 1899 г., въ красные дни пушкинскаго юбилея, а второй, помѣченный 1905 годомъ, появился лишь черезъ семь лѣтъ. Какъ извѣстно, редакторская работа распредѣлена между двумя лицами: В. И. Сазитовымъ, который готовитъ къ печати переписку Пушкина, и В. Е. Якушкинымъ, редактирующимъ изданіе произведеній поэта. Такимъ образомъ, предъ нами начало работы г. Якушкина. Во второй томъ вошли всѣ стихотворенія Пушкина 1818, 1819 и 1820 г.г., «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій плѣнникъ», и все это, неизвѣстно для чего, снабжено общимъ заглавіемъ, условнымъ, фальшивымъ и ненужнымъ,—«Лирическія стихотворенія»: не подойдутъ же подъ эту рубрику антологическія пьесы, эпиграммы... Особое вниманіе удѣлено тексту Пушкина; это главное достоинство академическаго изданія. Стихи печатались по тому тексту, который признавался для даннаго произведенія наиболѣе авторитетнымъ. Г. Якушкинъ отлично дѣлалъ, избѣгая модернизациі пушкинскаго правописанія и сохраняя его орфографію, что весьма помогаетъ изученію рѣчи Пушкина, его произношенія; такъ, пушкинская «тма» не замѣнена тьмою; «щастье» не измѣнено въ счастье; «Глупость» и «Умъ», какъ олицетворенія (въ эпиграммѣ на М. Т. Каченовскаго), не измѣнены въ абстрактные умъ и глупость, съ строчной буквы, какъ это сдѣлалъ въ своемъ изданіи г. Ефремовъ (т. I. Спб., 1903 г., 377). Въ эпиграммѣ: «Холопъ вѣнчаннаго солдата»... г. Якушкинъ передаетъ второй стихъ такъ: «благодари свою судьбу», согласно какимъ-то «многочисленнымъ спискамъ»; между тѣмъ близкій другъ Пушкина кн. П. А. Вяземскій передаетъ этотъ стихъ («Старина и Новизна», т. VIII, 36): «*благослови* свою судьбу». Г. Якушкину слѣдовало, заботясь о совершенствѣ текста, признать показаніе Вяземскаго болѣе авторитетнымъ источникомъ, чѣмъ какіе-то

списки, прибавляющіе къ легкому и граціозному четверостишію Пушкина еще пятый стихъ, тяжелый, грубо-ругательный и нарушающій гармонію всей эпиграммы; надо замѣтить, что г. Якушкинъ этого стиха не исключилъ, несмотря на то, что и кн. Вяземскій сомнѣвается въ принадлежности его Пушкину, и всякому легко бросается въ глаза нелѣпость этого придатка. «Основная задача академическаго изданія сочиненій Пушкина — полнота», гласитъ предисловіе. Въ интересахъ этой полноты г. Якушкинъ предпринялъ трудную, но — увы! — бесплодную работу: передать до мелочей пушкинскіе варианты даже безконечно-исчерканные, испещренные множествомъ помарокъ и поправокъ черновики, сохранившіеся въ рукописяхъ поэта. Этимъ г. Якушкинъ думаетъ осуществить высказанное еще Вѣлинскимъ пожеланіе — «чтобы не пропала ни одна строка Пушкина». Слѣдуетъ помнить, что Вѣлинскій говорилъ никакъ не о тѣхъ «строкахъ», которыя такъ занимали г. Якушкина: въ его время еще не были напечатаны — цѣлый рядъ прозаическихъ статей, множество лирическихъ стихотвореній; «Мѣдный Всадникъ» былъ напечатанъ съ искаженіями, сдѣланными В. А. Жуковскимъ, многое было опубликовано Анненковымъ уже по смерти Вѣлинскаго, и понятно, о чемъ говорилъ великій критикъ. У г. же Якушкина, какъ говоритъ онъ, «въ примѣчаніяхъ не только приводятся черновые варианты отдѣльныхъ стиховъ или отдѣльныхъ выраженій, но всякая черновая, насколько возможно, дается въ ея цѣломъ видѣ». Но при этомъ, замѣчаетъ тутъ же г. Якушкинъ, «немало словъ, мѣстъ осталось неразобранными, не могутъ не встрѣчаться мѣста, неточно прочтенныя (особенно въ наиболѣе сложныхъ черновыхъ). Г. Якушкинъ приводитъ всѣ разобранныя Пушкинымъ слова, подставляетъ на мѣсто слова пропущенныя и недостающія; иныя слова помѣщаетъ съ оговоркою, что за вѣрность чтенія не ручается, такъ какъ они разобраны «предположительно». Сотни страницъ въ огромномъ, пухломъ томѣ заняты выписанными изъ черновики поэта зачеркнутыми и перечеркнутыми стихами въ такомъ родѣ:

(Не спитъ лишь плѣнникъ онъ *нерзб.*)
(И) (О) (*нерзб.*) (Вв... *нерзб.* скаль)
(Онъ) (слышитъ) (поздній) ранній крикъ орловъ
(Слѣтъѣль) (*нерзб.*) (*нерзб.*) (ключъ) *нерзб.*
(Потокъ токъ *нерзб. нерзб.*)

(Скобки обозначаютъ, что данное слово или мѣсто въ подлинникѣ зачеркнуто, а *нерзб.* ставится на мѣстѣ вовсе неразобранныхъ словъ). И такъ сотни страницъ! Спрашивается, для чего это нужно? Извѣстно, какъ трудно читать пушкинскіе черновики; лучшее доказательство — поминутныя указанія г. Якушкина, что такого-то слова онъ совсѣмъ не разобралъ, а такое-то предположительно передаетъ такъ-то. Разумѣется, изслѣдователи пушкин-

скаго языка, занимающіеся пушкинскимъ глоссаріемъ или фонетикой, которыхъ интересуеть каждое слово, не стануть обращаться, къ такому источнику, какъ якушкинская передача, а будутъ вынуждены взяться за изученіе подлинныхъ рукописей; что же до такъ называемой «широкой» публики, то она не станетъ читать безконечной вереницы неразобранныхъ или «предположительно» разобранныхъ словъ. Другое дѣло,—если бы въ книгѣ было приложено точное фототипическое или цинкографическое воспроизведеніа пушкинскихъ черновиковъ, и всякій имѣлъ бы возможность провѣрить утвержденія г. Якушкина.

И въ другихъ отношеніяхъ работа г. Якушкина изобилуеть весьма существенными недостатками, подрывающими значеніе его редакціи. «Гвоздь» всякаго критическаго изданія составляютъ комментаріи. Издавая такого писателя, какъ Пушкинъ, да еще въ монументальномъ по формѣ и академическомъ изданіи, необходимо прежде всего обставить его богатыми примѣчаніями. Прекрасный образецъ такой работы оставилъ покойный редакторъ изданія Пушкина Л. Н. Майковъ, снабдившій своими примѣчаніями I томъ разбираемаго изданія. Пользуются заслуженной популярностью примѣчанія С. А. Венгерова къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, дающія богатый критическій и библиографическій матеріалъ; извѣстны примѣчанія справочно-біографическаго и библиографическаго характера, которыми В. И. Саитовъ снабдилъ собраніе сочиненій К. Н. Батюшкова и «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ». Майковскія примѣчанія къ I тому невольно приходятъ на память, когда читаешь II томъ академическаго «Пушкина»; сравненіе его работы съ работой г. Якушкина напрашивается само собою, и не наша вина, что выводъ оказывается не въ пользу г. Якушкина. Майковъ, трудъ котораго обличалъ глубокую эрудицію автора и блисталъ научно-литературнымъ изяществомъ, не набрасывался съ египетскимъ рвеніемъ на мелочи исчерканныхъ черновиковъ но зато освѣщаль текстъ точными историческими справками, давалъ подробныя свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ, съ которыми Пушкину приходилось сталкиваться, дѣлалъ превосходный сравнительно-критическій анализъ. Г. Якушкинъ дальше изученія текста не пошелъ. Помышляя о полнотѣ текста, редакторъ въ то же время исключилъ одно слово изъ оды «Вольность»: «Когда на мрачную *Неву* звѣзда полуночи сверкаетъ»; изъ давно всѣмъ извѣстной, и даже напечатанной г. Сухонинымъ пьесы «Noël» («Ура! въ Россію скачетъ кочующій деспотъ...») исключены слова «царь», и «русскій царь». Есть пропуски въ эниграммѣ на А. С. Стурдзу («Холопъ вѣнчаннаго солдата...») Въ наши дни эти пропуски просто забавны, и въ серьезномъ изданіи ихъ не должно быть. Историко-біографическія примѣчанія г. Якушкина крайне незначительны. Такъ, о пріятелѣ Пушкина Ѳ. Ф. Юрьевѣ, къ которому поэтъ написалъ два посланія, г. Якушкинъ замѣчаетъ, что «Ѳ. Ф. Юрьевъ, лейбъ-уланъ, входилъ въ составъ того круга свѣтской веселящейся мо-

лодежи, съ которой сблизился Пушкинъ по выходѣ изъ лица» и къ компаніи Зеленой Лампы, причемъ г. Якушкинъ игнорируетъ напечатанную еще въ 1904 г. въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники» біографическую замѣтку о Юрьевѣ Б. Л. Модзалевскаго, установившаго дату одного изъ посланій къ Юрьеву. О М. А. Щербининѣ, которому Пушкинъ тоже написалъ стихи, г. Якушкинъ даетъ такіа свѣдѣнія: «М. А. Щербининъ, служившій въ военной службѣ, былъ членомъ общества Зеленой Лампы»; не лучше свѣдѣнія о Н. В. Всеволожскомъ. За подробными свѣдѣніями о немъ, о графѣ Ѡ. И. Толстомъ, о П. Б. Мансуровѣ г. Якушкинъ отсылаетъ къ тѣмъ примѣчаніямъ, которыя долженъ составить къ перепискѣ Пушкина В. И. Саитовъ. Этотъ пробѣлъ, такимъ образомъ, будетъ еще исправленъ. Но другой недостатокъ, болѣе существенный, уже не будетъ исправленъ. г. Саитовымъ, работа котораго совершенно иного характера. Это — отсутствіе критическаго аппарата, какъ разъ того, что составляло такую заслугу Л. Н. Майкова. Такъ, въ примѣчаніяхъ къ «Нерейдѣ» не упоминается о томъ, что эта пьеса вызвала прекрасное подражаніе Е. А. Баратынскаго («Есть гротъ: Наяда тамъ»...), что Бѣлинскій нѣсколько разъ говорилъ о «Нерейдѣ», видѣлъ въ этомъ «мраморномъ изваяніи, которое дышетъ музыкой, сочетаніе дивной гармоніи стиха съ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ»; а вѣдь г. Саитову не представится случая упомянуть объ этомъ. Л. Н. Майковъ не упустилъ бы случая по поводу элегии «Погагло дневное свѣтило»... поговорить о вліяніи Байрона на Пушкина, по поводу эпиграммъ на архимандрита Фотія и на князя А. Н. Голицына сказать нѣсколько словъ о мистицизмѣ въ тогдашнихъ правящихъ сферахъ; г. Якушкинъ объ этомъ и не заикнулся. Зато на собственные предположенія онъ не поспешилъ. Такъ, по поводу стиховъ «Въ альбомъ Е. Х. Сосницкой» онъ замѣчаетъ, что, «быть можетъ», пьеса имѣла отношеніе къ бенефису Сосницкихъ; разумѣется, всяко «быть можетъ», но для чего понадобилось такое предположеніе? Многія другія догадки г. Якушкина столь же вѣски. Такъ, г. Якушкинъ находитъ, что Майковъ, предполагая, что записка Пушкина къ Жуковскому (1819 г.) была написана лѣтомъ, ошибается, потому что французская повѣсть, о которой говорится въ запискѣ, была доставлена Жуковскому послѣ 9 іюля. Замѣтимъ, что рѣчь могла идти и о другомъ экземплярѣ повѣсти; «записка», говоритъ г. Якушкинъ, «не была написана лѣтомъ, а никакъ не раньше конца августа или начала сентября»; утвержденіе это не вѣрно, къ тому же, вѣдь, конецъ августа и начало сентября—еще лѣто. Оставляя въ сторонѣ обильную критическую и историческую литературу, г. Якушкинъ не брезгаетъ такими сомнительными данными, какъ рассказъ какого-то Распопова; что будто бы Пушкинъ, проѣзжая въ 1824 г. въ Михайловское черезъ Могилевъ-на-Днѣпрѣ, пировалъ тамъ съ гусарами и декламировалъ передъ ними свои стихи... Слишкомъ категорично двукратное утвержденіе г. Якушкина, что «Монахъ»

и «Русалка»—одно и то же стихотвореніе; можетъ быть, «Монахъ» — другая, не дошедшая до насъ пьеса Пушкина, которую онъ уничтожилъ по совѣту своего лицейскаго товарища, князя А. М. Горчакова («Русс. Арх.» 1883 г., III, 206; «Остафьевск. Арх.» I, 646; прим. В. И. Саитова; «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155, ст. В. П. Гаевского «Пушкинъ въ лицей и лицейскія его стихотворенія»). Безосновательно мнѣніе г. Якушкина, что знаменитая «Деревня» (1819 г.) написана Пушкинымъ въ іюлѣ: первое и малоопредѣленное показаніе о ней относится къ 26 августа. Такъ же и стихотвореніе «Домовому» отнесено къ іюлю 1819 г. на томъ основаніи, что Пушкинъ жилъ тогда въ деревнѣ; Пушкинъ жилъ въ деревнѣ не только въ іюлѣ, но и въ августѣ; да и можно ли считать пьесу, навѣянную деревенскими впечатлѣніями, написанной непременно въ деревнѣ? Неужлижую, тупую эпиграмму на Н. И. Гнѣдича («Съ тобою въ споръ я не вступаю...») можно было и не вносить въ собраніе сочиненій Пушкина; источникъ ея и точность передачи весьма сомнительны; къ тому же, она никакъ не вяжется со всѣмъ, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина къ переводчику Иліады, и печатать ее, какъ подлинную пушкинскую пьесу, слишкомъ неосторожно. Изъ двухъ напечатанныхъ г. Якушкинымъ эпиграммъ на Н. М. Карамзина первая никакъ не Пушкина, что видно изъ его собственныхъ словъ о томъ, что онъ написалъ на Карамзина одну эпиграмму, «острую, и ничуть не обидную»; вторая же эпиграмма можетъ быть вносима въ изданія Пушкина только какъ приписываемая ему (См. нашу замѣтку на стр. 155). Пьесу «Мнѣ бой знакомъ»... г. Якушкинъ почему-то считаетъ стоящею въ связи съ той опасностью, которой подвергся Пушкинъ изъ-за эпиграммъ на сильныхъ міра сего. И это предположеніе ничѣмъ не вызывается и не оправдывается. Это просто тѣ же мысли о наслажденіи опасностью, которыя Пушкинъ еще лучше и краше выразилъ въ послѣдствіи въ извѣстной пѣснѣ предсѣдателя «Пира во время чумы». Маленькую пьесу «Аптеку позабудь»... г. Якушкинъ потому лишь отказывается отнести къ врачу Рудыковскому, что ему ничего неизвѣстно о литературныхъ занятіяхъ Рудыковского. Въ пьесѣ говорится о «лавровыхъ вѣнкахъ». Что, если Рудыковский лѣчилъ, игралъ на скрипкѣ или писалъ красками? Для чего всѣ эти предположенія, все это ненужное «лукавое мудрствованіе»? По мнѣнію г. Якушкина, Пушкинъ, впервые пріѣхавшій въ Кишиневъ на службу 21 сентября 1820 г., могъ уже въ октябрѣ побывать въ Каменкѣ у Раевскихъ. Между тѣмъ, 5 октября Пушкинъ написалъ въ Кишиневѣ пьесу «Дочери Карагеоргія», въ концѣ октября тамъ же поссорился съ Θ. Θ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ («Русс. Архивъ» 1866 г. 1413—1416); въ концѣ октября или въ началѣ ноября онъ написалъ въ Кишиневѣ «Черную шаль»; несомнѣнно, онъ не могъ получить отпускъ въ Каменку, только что пріѣхавъ на службу. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, дѣйствительно «авторитетнаго современ-

ника» Пушкина, эпиграмма «Холопъ вѣнчаннаго солдата»... написана на А. С. Стурдзу, а не на А. А. Аракчеева, и естественнѣе было сравнить двухъ реакціонныхъ писателей — Стурдзу и А. Коцебу, чѣмъ писателя и—«фрунтового солдата»; г. Якушкинъ съ этимъ не хочетъ согласиться, потому что какіе-то «многочисленные списки» относятъ ее къ Аракчееву. О запискѣ Стурдзы, въ которой онъ оклеветалъ германскіе университеты, упоминаетъ П. Г. Каховскій въ своемъ письмѣ къ Николаю Павловичу («Былое» 1906 г., № 1, стр. 151). Понятно сближеніе Стурдзы съ Коцебу.

Есть у г. Якушкина и хронологическіе недочеты. Первоначально онъ отнесъ оду «Вольность», какъ и слѣдовало, къ 1819 г., а потомъ перенесъ ее въ 1817 г., потому что нашлась въ бумагахъ А. И. Тургенева подлинная рукопись Пушкина съ датой 1817 г. Пишущій настоящія строки видѣлъ эту рукопись. Она написана на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1817 г.; нужно помнить, что почти всегда бумага годомъ — двумя старше написаннаго на ней. Почеркъ — позднѣйшій, двадцатыхъ годовъ. Ясно, что Пушкинъ записалъ свою оду гораздо позднѣе, чѣмъ она создавалась, и по ошибкѣ помѣтилъ ее 1817 г. Ода «Вольность» проникнута конституціонными взглядами, которыхъ у Пушкина не было и по историческимъ условіямъ не могло быть въ 1817 г. Кругъ, въ которомъ вращался Пушкинъ, говорилъ о конституціи лишь въ 1818—1819 г.г., когда Александръ I далъ конституцію Польшѣ, и русское общество ждало того же для себя. Въ одѣ говорится объ А. Шенье, имени котораго Пушкинъ не зналъ (да и не могъ знать) въ 1817 г., потому что стихотворенія Шенье вышли въ свѣтъ лишь въ 1819 году. Въ августѣ 1819 г. кн. П. А. Вяземскій и А. И. Тургеневъ переписывались объ одѣ, какъ о новинкѣ. Ф. Ф. Вигель говоритъ, что она написана черезъ три года поелѣ выхода Пушкина изъ лицея («Записки» Вигеля, М., 1893, VI, 10), курсъ котораго Пушкинъ окончилъ въ 1817 г. Н. М. Карамзинъ сообщалъ И. И. Дмитріеву объ этихъ стихахъ только 19 апрѣля 1820 г. («Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву», Спб., 1866). Ошибка г. Якушкина слишкомъ ясна, чтобы еще больше доказывать ее. Посланіе «В. В. Энгельгардту» нужно печатать не за одой «Вольность», а передъ нею, потому что оно написано по выздоровленіи, которое относится къ началу іюля 1819 г. Пьесу «Погасло дневное свѣтло»... г. Якушкинъ помѣчаетъ: «Черное море, 1820, сентябрь». Элегія эта написана, по словамъ самого Пушкина, на кораблѣ во время переѣзда изъ Θεодосіи въ Юрзуфъ (письмо Пушкина къ брату 24 сентября 1820 г.), а переѣздъ этотъ былъ въ концѣ августа. Впервые она была напечатана съ приведенной г. Якушкинымъ помѣтой: «сентябрь», но эта помѣта, конечно, означаетъ не время созданія пьесы, указанное въ письмѣ Пушкина, а время ея передѣлки или переписки; г. Якушкинъ говоритъ, что въ книгѣ «Труды и дни Пушкина» (М., 1903, стр. 10) указана «невѣрность этой помѣты», — между тѣмъ, въ

«Трудахъ и дняхъ Пушкина» не помѣта отвергается, а лишь устанавливается точная дата. Такъ же элегію «Мнѣ васъ не жаль»... г. Якушкинъ помѣчаетъ, по рукописи Пушкина: «Юрзуфъ, 20 сентября», не указывая, что эта помѣта не устанавливаетъ времени созданія элегіи: 20 сентября 1820 г. Пушкина уже не было въ Юрзуфѣ. «Черную шаль» г. Якушкинъ печатаетъ съ помѣтой: «1820 г. 14 ноября», но не указываетъ, что это не дата пьесы, которая, по показанію И. П. Липранди («Русс. Архивъ» 1866 г., 1247), написана въ концѣ октября или началѣ ноября; въ началѣ ноября о ней въ Кишиневѣ говорили, какъ о «на дняхъ только написанной» («Русс. Арх.» 1866 г., 1133); 14 ноября, конечно, день переписки стихотворенія набѣло. Въ другомъ мѣстѣ г. Якушкинъ повторяетъ ошибку А. И. Тургенева, писавшаго въ 1819 г. кн. П. А. Вяземскому, что Пушкинъ привезъ изъ деревни шестую пѣснь «Руслана и Людмилы», тогда какъ это была не шестая а пятая пѣснь.

Не обошлось безъ опечатокъ, впрочемъ, незначительныхъ (напр., на стр. XVII, XIX, прим. 331, 335), и мелкихъ ошибокъ вродѣ ссылокъ (прим. стр. 45, 47, 127, 173, 174) на февральскую книжку «Русской Старины» 1884 г., вмѣсто мартовской. Единственная новинка—найденное И. А. Бычковымъ стихотвореніе «Что ты, дѣвица, грустна»..., первые два стиха котораго написаны В. А. Жуковскимъ. Это—шуточные стихи на день рожденія Е. М. Олениной, не отличающіеся особымъ поэтическимъ достоинствомъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько снимковъ съ рукописей поэта. Указатель именъ составленъ небрежно; нѣкоторыя имена-отчества указаны, другія—нѣтъ.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ работа г. Якушкина, повторяю, хороша тщательной передачей основного текста произведеній поэта; и въ процессѣ установленія точнаго пушкинскаго текста труду г. Якушкина принадлежитъ видное мѣсто.

Н. Лернеръ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію:

- Отъ Книгоиздательства „Земля“—5 брошюръ.
„ „ „Правда“—7 брошюръ.
„ „ „Колоколь“ (Мягкова)—5 брошюръ.
„ „ „Мысль“—6 брошюръ.
- А. Шеффле.** Квинтэссенція социализма СПб. 1906 г. ц. 25 к.
А. Менгеръ. Новое ученіе о нравственности. СПб. 1906 г. ц. 25 к.
Ө. Сологубъ. Стихи. V книга. Къ родинѣ. СПб. 1906 г. ц. 25 к.
В. Зомбартъ. Промышленный рабочий вопросъ СПб. 1906 г. ц. 25 к.
Жоресъ. Исторія французской революціи. Изд. „Правда“. Кіевъ, ц. 45 к.
К. Марксъ. Ницита философіи. Изд. „Новый міръ“. СПб. 1906 г. ц. 30 к.
„La Revue Slave“. Paris. 1906, avri-el. Prix. 2 fr. 50.
Ө. Сологубъ. „Тяжелые сны“, Изд. Об. Вольфъ. СПб. ц. 1 р. 25.
А. Пругавинъ. „Голодающее крестьянство“. Изд. Посредникъ. Москва. 1906 г. ц. 85 к.
Н. Г. Чернышевскій. Собр. соч. т. VI. Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПб. 1906 г.
„Забайкалье“ (газета, издававшая въ Читѣ Адр. Михайловымъ) № 213, 226—28, 231, 237, 240, 250, 253, 257, 265, 266 за 1905 г. № 2—6, 9—15 за 1906 г.).
„Забайкальскій Рабочій“ (Чита) № 3 и 5.
„Народъ“ (Пятигорскъ № 1—27 за ноябрь—декабрь 1905 г.).
- (Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на необходимость собрать и сохранить №№ періодическихъ изданій за конецъ 1905 и 1906 гг. прогрессивнаго направленія. Ихъ нѣтъ даже въ Петербургской Публичной Библіотекѣ, а современемъ они будутъ очень нужны для изслѣдователей событий русской жизни за эти годы).
- Изданія Барнаульской группы с.-д.; томскаго комитета С.-д.; сибирскаго союза—комитета с.-д.
- Періодическія изданія: 1) „Предвѣстники Зари“ 1905 № 4—3 г. Баку; 2) „Рабочая Газета“—(с.-д.) 1902 № 7—8 янв.; 3) „Голосъ труда“ (с.-д. и с.-р.) 1902 № 1; 4) „Голосъ Труда“ (с.-д. и с.-р.) 1902 № 2; 5) „Рабочій“ (с.-д.) 1905 № 2 (сент.); 6) „Рабочій (с.-д.) 1905 № 2 (авг.); 7) „Рев. Рос.“ (с.-р.) 1904 № 39 (перезданный въ Россіи); 8) „Раб. Знамя“ (с.-д.) 1898 № 1; 9) „Крест.

газета“ (п. с.-р.) 1905 № 3; 10) „Земля и воля“ (кр. союз п. с.-р.) № 1 (авг.); 11) „Крестьянское Дѣло“ № 1; 12) „Правда“ № 4 (с.-р.); 13) „Журналъ для учащихся“ 1904 № 1, г. Уфа (изд. гр. учащихся); 14) „Непримиримый“ 1901 № 1; 15) „Впередъ“ (изд. гр. Объединеніе учащихся) 1904 г. янв.

Брошюры: 1) „Исторія одного преступленія. Кишневскій погромъ“ (изд. с.-р.) 1904; 2) „Александръ III“ (изд. группы народовольцевъ) 1894; 3) „Задачи русс. раб. партіи“ (изд. группы рабочихъ революціонеровъ); 4) „Внутреннее Обзорѣніе за 1900 г.“ (с.-д.) Приложение къ газ. „Южный Рабочій“; 5) „19 февраля 1861—1901“ (с.-р.); 6) „Отвѣтъ русс. нео-марксистамъ“ 1 мая 1900 г.; 7) „Слово о правдѣ“ (с.-р.) 1903 г.; 8) „Рабочая Библиотека“ (с.-д.) № 1 1900 г.; 9) „Хитрая механика (поволжскій союзъ с.-р.) 1905; 10) „Хитрая механика“ (уральская типогр.) 1902; 11) „Воззваніе Воен. Орг. с.-р.“; 12) „О правдѣ и кривдѣ“; 13) „Рабочая Библиотека“ (с.-д.) № 4 1901; 14) „Ирландецъ Джонъ“ (с.-р.); 15) „Наши задачи“ (с.-р.); 16) „Нѣсколько разоблаченій о русс. финнофобахъ. г. Стокгольмъ“.

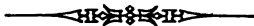
Изданія центр. комит. партіи С.-р. („Солдатская Газета“ № 1, 1906), южно-русскаго областнаго комитета С.-р. („Извѣстія“ № 2 май 1906), Вятскаго и Бакинскаго комитета С.-р.

Изданія Варшавской военно-революціонной организаціи („Солдатская доля“ № 9 и 10 и др.).

Группа товарищей Л. Надеждина (Е. О. Зеленскаго), желая приступить къ изданію біографіи покойнаго, просить всѣхъ товарищей, знавшихъ Евгенія Осиповича по революціонной работѣ или въ личной жизни, сообщить подробно свои воспоминанія или замѣтки. Всякаго рода матеріалъ просятъ направлять по адресу редакціи „Былого“.

Въ особенности важно было бы получить свѣдѣнія до 1900—1901 г.г.

Пожертвованіе. Въ редакцію поступило отъ „врача и пациентовъ изъ Харькова“ въ пользу семьи А. В. Ухтомскаго 25 руб.

Современная лѣтопись.

1.

Въ теченіе мая газетами зарегистрированы нижеслѣдующіе судебныя приговоры по политическимъ дѣламъ и смертныя казни:

1) Въ Петербургѣ, 3 мая, въ военно-окружномъ судѣ закончилось слушаніемъ дѣло объ убійствѣ Назарова, помощника директора Путиловскаго завода. Суду было предано 5 человѣкъ. Котловъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и *приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Бѣльскій и Романовъ признаны виновными въ соучастіи въ убійствѣ и *приговорены къ той же карѣ*. Студентъ Тимофѣевъ признанъ виновнымъ въ укрывательствѣ убійцы и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и преимуществъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 л. Анастасія Шарлаимова судомъ оправдана. Приговоръ подлежитъ утвержденію главнокомандующаго войсками петербургскаго округа. 20 мая главнымъ военнымъ судомъ кассационная жалоба по этому дѣлу оставлена безъ послѣдствій.

2) Въ Одессѣ, 3 мая, военный судъ *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе мѣщанку Куерделевскую*, стрѣлявшую въ городскихъ во время обыска въ ея квартирѣ. Подсудимая заявила въ судѣ, что она стрѣляла въ городскихъ, отвѣчая на насиліе насиліемъ. Приговоръ представляется на усмотрѣніе командующаго войсками.

3) Въ г. Шавли, въ засѣданіи военнаго суда, разбиралось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію литовца Глазго и еврея Фоскрупника въ вооруженномъ нападеніи на Шавельскую тюрьму съ цѣлью освобожденія политическихъ арестантовъ, съ покушеніемъ на убійство четырехъ стражниковъ. Покушеніе на убійство было отвергнуто судомъ, приговорившимъ подсудимыхъ къ отдачѣ на одинъ годъ въ арестантскія роты.

4) Въ Ригѣ, 5 мая, военно-полевой судъ вынесъ приговоръ по дѣлу 13 рабочихъ, обвинявшихся въ убійствѣ 11 декабря трехъ полицейскихъ. На судѣ подсудимые заявили, что отказываются отъ прежнихъ показаній, такъ какъ они даны подъ страшными пытками полицейскихъ, которые присутствовали въ сосѣдней комнатѣ, когда слѣдователь опрашивалъ ихъ въ участкѣ. Болѣе 50 свидѣтелей разнаго общественнаго положенія удостоуверили *alibi* подсудимыхъ.

Судь призналъ Виндеда, Таркша, Юліуса Калея, Андрея Калея, Ребока, Сипполя, Меера, Эрина, Эглита и Залмана виновными въ вооруженномъ нападеніи на полицейскихъ, сопровождавшемся убійствомъ трехъ полицейскихъ, и приговорилъ Эглита и Залмана къ 20 годамъ каторги, а *остальныя къ смертной казни черезъ повѣшеніе*; трое подсудимыхъ: Долговъ, Зауэль и Киркопъ оправданы; почти все осужденные несовершеннолѣтніе. Защитники подаютъ кассационную жалобу въ главный военный судъ и жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ въ 1-й департаментъ сената на неправильное преданіе подсудимыхъ военному суду на основаніи положенія усиленной охраны, каковое въ Ригѣ теперь не дѣйствуетъ.

15 мая Правительствующій Сенатъ оставилъ жалобу защитниковъ безъ послѣдствій.

11 мая прибалтійскій генераль-губернаторъ утвердилъ смертный приговоръ, не давъ хода кассационнымъ жалобамъ защитниковъ.

16 мая *приговоръ приведенъ въ исполненіе*: въ Усть-Двинскѣ 8 *человѣкъ разстрѣляно*.

5) Въ Вильнѣ, 3 мая, младшій фейерверкеръ Гауцъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ, за распространеніе прокламацій, къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

6) Въ Петербургѣ, 5 мая, военно-морской судъ вынесъ приговоръ по обвиненію машиниста 2 ст. 14 флотскаго экипажа Андрея Шеломенцева и студента петербургскаго университета Влад. Свицерскаго въ подстрекательствѣ матросовъ 14 флотскаго экипажа къ явному возстанію.

Приговоромъ суда В. Свицерскій оправданъ, а Шеломенцевъ признанъ виновнымъ лишь въ томъ, что въ числѣ другихъ не подчинился приказу начальства, и приговоренъ къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на 1½ года.

7) Въ Саратовѣ крестьянинъ Горнизонъ, несовершеннолѣтній, за призывъ крестьянъ къ насилію надъ помѣщиками присужденъ къ заключенію въ крѣпость на полгода.

8) Въ Петербургѣ, 5 мая, въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго Соколова въ распространеніи въ паровозныхъ мастерскихъ ст. Петербургъ, Николаевской жел. дороги, среди рабочихъ № 10 „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатов“, а также воззваній россійской социаль-демократической партіи. Палата приговорила Соколова къ 4-мѣсячному тюремному заключенію съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

9) Въ Варшавѣ, 8 мая, въ военномъ судѣ окончилось разсмотрѣніе дѣла о семи фабричныхъ рабочихъ, обвиняемыхъ въ обезоруженіи стражника, а также дѣло Формейстера и Свицерскаго, обвиняемыхъ въ вооруженномъ вымогательствѣ денегъ для революціонныхъ цѣлей. Первые 7 обвиняемыхъ, дѣло которыхъ разбиралось 4 дня, оправданы, *послѣдніе двое приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе*.

10) Въ Одессѣ, 8 мая, военнымъ судомъ Сара Деркачъ, за совершенное ею нападеніе на магазинъ съ цѣлью грабежа, причемъ она убила одного приказчика и другого ранила, *приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе*; соучастникъ ея, Новиковъ,—на четыре года каторги. Базьянъ

доставившій транспортъ револьверовъ, патроновъ, брешюръ и прокламацій,—на шесть лѣтъ каторги.

11) Въ Варшавѣ, въ особомъ присутствіи судебной палаты, слушались дѣла Шишковскаго, обвиняемаго въ распространеніи антиправительственныхъ прокламацій, и Кобылинскаго, обвиняемаго въ продажѣ на улицахъ сатирической газеты, заключавшей въ себѣ оскорбленіе величества. Оба приговорены къ заключенію въ крѣпости съ зачетомъ предварительнаго ареста: первый на одинъ годъ и второй—на шесть мѣсяцевъ.

12) Въ Ташкентѣ, 10 мая, приговоромъ военно-окружнаго суда по дѣлу о беспорядкахъ въ войскахъ 16 ноября, изъ 104 обвиняемыхъ, 6 приговорены къ каторжнымъ работамъ безъ срока, 15—въ дисциплинарные батальоны, 48—къ аресту на гауптвахтѣ, остальные оправданы. Относительно присужденныхъ къ безсрочной каторгѣ, судъ постановилъ ходатайствовать о сокращеніи сроковъ до 8 и 4 лѣтъ.

13) Въ Читѣ, 12 мая, послѣ восьмичасоваго совѣщанія, судъ вынесъ приговоръ по дѣлу генераловъ Холщевникова и Румшевича. Первый, признанный виновнымъ въ двухъ случаяхъ бездѣйствія власти и двухъ превышенія, причемъ одинъ случай бездѣйствія власти имѣлъ серьезные послѣдствія, приговоренъ на годъ и четыре мѣсяца крѣпости съ исключеніемъ изъ службы безъ потери чиновъ, но, ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ. Румшевичъ, признанный виновнымъ въ нарушеніи статьи свода военныхъ постановленій, приговоренъ къ выговору.

14) Въ Кіевѣ, въ судебной палатѣ, разбиралось дѣло крестьянина Костенко, обвиненнаго въ распространеніи прокламацій социаль-демократической партіи, призывавшихъ къ борьбѣ за учредительное собраніе. Костенко приговоренъ къ 8 мѣсяцамъ крѣпости.

15) Въ Чебоксарахъ, 13 мая, окружный судъ съ сословными представителями рассмотрѣлъ дѣло о произведенномъ крестьянами прошлою осенью въ имѣніи купца Курбатова разгромѣ маслобойни и увозѣ хлѣба. Привлеченъ 91 обвиняемый. Судъ призналъ всѣхъ виновными и приговорилъ: 9—къ восьми мѣсяцамъ тюрьмы, 78—къ четыремъ мѣсяцамъ безъ лишенія правъ, 4—къ двумъ мѣсяцамъ.

16) Въ Одессѣ военнымъ судомъ *ученикъ электротехническаго училища восемнадцатилѣтній Вейландъ* приговоренъ къ повышенію за разбойное нападеніе на квартиру купца Корелицкаго съ требованіемъ 500 рублей. Подсудимый отрицалъ участіе въ нападеніи и принадлежность къ анархистамъ-коммунистамъ. Единственной уликой была найденная въ квартирѣ Корелицкаго перчатка, сходная съ перчаткой подсудимаго.

17) Въ Вильнѣ, 15 мая, военно-окружный судъ приговорилъ лазаретнаго служителя Бѣлевича, за распространеніе воззваній къ ниспроверженію существующаго строя, къ лишенію нѣкоторыхъ правъ, преимуществъ по службѣ и одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца.

18) Въ Вильнѣ, 16 мая, судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей приговорила Таратута за храненіе взрывчатыхъ веществъ и принадлежность къ обществу, поставившему себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя, къ ссылкѣ на поселеніе съ лише-

ніомъ правъ. Подсудимый, въ своей рѣчи признавъ себя виновнымъ, отказался отъ защиты.

19) Въ Козельскѣ, за участіе въ аграрныхъ беспорядкахъ въ имѣніяхъ ген. Нестеровича и Ломачиной (Калужской губ.), 9 крестьянъ приговорены къ тюремному заключенію съ лишеніемъ правъ на сроки отъ двухъ лѣтъ до восьми мѣсяцевъ.

20) Пропаганда среди войскъ. 15 мая въ спб. судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію студента военно-медицинской академіи Данилевича, слушательницы женскаго медицинскаго института, дочери ст. сов. Кухаренко, и кр. Устиновичъ въ распространеніи среди войскъ сужденій, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя и къ нарушенію обязанностей службы воинскими чинами. Палата приговорила подсудимыхъ на годъ въ крѣпость, причемъ зачла г-жѣ Кухаренко время предварительнаго заключенія.

21) Въ Николаевѣ, 16 мая, военный судъ *приговорилъ къ смертной казни Захарченко*, обвинявшагося вмѣстѣ съ другими лицами въ рядѣ вооруженныхъ нападеній съ цѣлью грабежа. Судъ будетъ ходатайствовать о смягченіи участи Захарченко.

22) Въ Варшавѣ, 16 мая разсматривалось въ военномъ судѣ дѣло о крестьянинѣ *Марчевскомъ*, обвиняемомъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и покушеніи на убійство полицейскаго чина. *Подсудимый приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*

27-го мая *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

23) Въ Ярославлѣ, временный военный судъ приговорилъ Николая Шмакова за вооруженное сопротивленіе полиціи къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на 4 года; по обвиненію въ покушеніи на убійство чиновъ полиціи судъ его оправдалъ. Первый приговоръ военнаго суда по этому дѣлу отмѣненъ главнымъ военнымъ судомъ.

24) Въ Тифлисѣ, 10 мая, закончилось въ судебной палатѣ разсмотрѣніе политическаго дѣла по обвиненію четырехъ лицъ въ подготовкѣ заговоровъ и въ храненіи бомбъ. Дѣло это поставлено въ связь съ извѣстнымъ громкимъ дѣломъ о бомбахъ, найденныхъ лѣтомъ прошлаго года въ Авчалахъ. Трое приговорены къ ссылкѣ на поселеніе, одинъ оправданъ.

25) Въ Петербургѣ, въ судебной палатѣ, слушалось дѣло по обвиненію рабочаго Ларіонова въ убійствѣ своего товарища Никитина и въ покушеніи на убійство трехъ нижнихъ чиновъ полиціи. Палата приговорила подсудимаго къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 5 лѣтъ.

26) Тамъ же, въ военно-окружномъ судѣ слушалось при публикѣ дѣло о 10 рядовыхъ л.-гв. кирасирскаго его величества полка Бурьянъ, Кирилловъ, Кривоуховъ, Каргополовъ, Климовъ, Шаталовъ, Прудскомъ, Иваненко, Родіоновъ и Толпекинъ.

Всеѣ они обвинялись въ томъ, что, будучи недовольны своимъ вахмистромъ Бабакомъ, они, съ цѣлью добиться его удаленія, сговорились между собой заявить чрезъ своего взводнаго командира эскадрона недовольствіе свое на вахмистра и требовать его смѣщенія.

Судъ, признавъ въ своей резолюціи всеѣхъ подсудимыхъ виновными

въ соглашеніи для противодѣйствія, а Бурьяна—въ приписанныхъ лично ему преступленіяхъ, приговорилъ Бурьяна на 3 года въ дисциплинарный батальонъ; Кривоухова, Каргополова и Шаталова—на 1 годъ 6 мѣс. въ военную тюрьму; Кириллова, Прудскаго и Толпекина—на 1 годъ въ военную тюрьму; Климова и Родіонова—на 2 мѣс. въ военную тюрьму.

27) Тамъ же, въ военно-морскомъ судѣ, слушалось дѣло матроса гвардейскаго экипажа Понизенко, плававшего на одной изъ императорскихъ яхтъ, въ распространеніи прокламацій. Судъ призналъ Понизенко виновнымъ въ храненіи прокламацій и приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

28) Въ Вильнѣ, 19 мая, судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей приговорила мѣщанина Кагана и мѣщанку Шенкманъ за агитацію среди крестьянъ и распространеніе прокламацій противоправительственнаго содержанія къ заключенію въ крѣпости; перваго—на 1 годъ, вторую—на 8 мѣсяцевъ съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія съ декабря мѣсяца.

29) Въ Одессѣ, 20 мая, рядовой очаковского полка Гороховъ за заочное оскорбленіе величества приговоренъ военнымъ судомъ въ дисциплинарный батальонъ на два года съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ по службѣ.

30) Въ Читѣ, 22 мая, члены союза военнослужащихъ, дѣло которыхъ было рассмотрѣно военнымъ судомъ 19 мая, обвинялись по статьямъ 102, второй части, 101, 129, а также по 110 и 117 статьямъ воинскаго устава о наказаніяхъ. Суть обвиненія: организація союза съ цѣлью насильственнаго ниспроверженія существующаго строя, подготовленіе вооруженнаго возстанія, противоправительственная пропаганда, вооруженное возстаніе противъ начальства, нападеніе на карауль. Подсудимые признаны виновными въ неисполненіи общаго распоряженія начальства, (Статья 104 воинскаго устава о наказаніяхъ), а по остальнымъ обвиненіямъ оправданы.

31) „Приказомъ иркутскаго временнаго генераль-губернатора семь желѣзнодорожныхъ телеграфистовъ забайкальской и сибирской жел. дор. преданы военному суду и осуждены первые четыре на 5 лѣтъ въ каторгу, остальные—ниже. Приговоръ состоялся при такихъ существенныхъ нарушеніяхъ закона и правъ подсудимыхъ, что не можетъ быть признанъ въ силѣ судебного рѣшенія. Защитники ходатайствовали передъ военнымъ министромъ о предоставленіи подсудимымъ права подачи кассационной жалобы.

32) 4 марта ревельскій военный судъ приговорилъ 9 чел.: Окса, братьевъ Линаксъ- Рейсберга и др. къ смертной казни черезъ повѣшеніе за нападеніе 17 декабря 1906 г. на лавку одного крестьянина въ Ревельскомъ у. Наканунѣ приведенія приговора въ исполненіе, эстляндскій генераль-губернаторъ послалъ въ главный военный судъ бумагу, въ которой заявилъ, что подсудимые неправильно были преданы военному суду, такъ какъ военное положеніе было объявлено въ Ревелѣ только въ концѣ декабря. Главный военный судъ постановилъ 20 мая дѣло направить по подсудности, т. е. въ гражданскій судъ.

33) Въ Петербургѣ, въ военно-окружномъ судѣ, слушалось дѣло но-

вобранца Георгія Астафьевича Крылова по обвиненію по 1 ч. 131 ст. уголов. улож. за возбужденіе солдатъ къ нарушенію военной службы.

Судь приговорилъ Крылова къ лишенію воинскаго званія и къ ссылкѣ на поселеніе.

34) Въ Минскѣ, 23 мая, военный судъ приговорилъ трехъ нижнихъ чиновъ барановичскаго желѣзнодорожнаго батальона за нападеніе на военный патруль къ каторгѣ, одного на 6, двухъ на 8 лѣтъ.

35) Въ Дубно военнымъ судомъ два рядовыхъ, за распространеніе прокламацій въ войскахъ и революціонную пропаганду, приговорены къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь.

36) Въ Одессѣ, 24 мая, военнымъ судомъ мѣщанинъ Ваксманъ, за нападеніе на лавку Эльвштейнъ съ требованіемъ денегъ подъ угрозой смерти, приговоренъ къ каторгѣ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

37) На ст. Евгеніевской уссурійской ж. д. за январьскіе дни *притворены* военнымъ судомъ къ *смертной казни 9 нижнихъ чиновъ*.

38) Въ Одессѣ командующій войсками замѣнилъ безсрочной каторгой смертную казнь Товію Гуриштейну, осужденному военнымъ судомъ за разбойное нападеніе на магазинъ Трона

39) Въ Ригѣ, 28 мая, по дѣлу 36, *притворены къ смертной казни 7, рабочіе*: Захаровъ 30 лѣтъ, Шейнбергъ 20, помощникъ провизора Рубинштейнъ 22, желѣзнодорожный служащій Верба 22, за разбойное участіе въ ограбленіи патроновъ съ парохода на Двинѣ, по обвинительному акту „въ похищеніи патроновъ для подготовки вооруженнаго возстанія“, но квалифікація измѣнена прокуроромъ на судебномъ засѣданіи; рабочіе: Грунбергъ 21, Озолъ 21, Паэгле, 19, за нападеніе на конныхъ городскихъ. 9 оправданы. Фрадкинъ умеръ во время процесса. Остальные приговорены къ каторгѣ отъ 2 лѣтъ 8 мѣсяцевъ, до 15 лѣтъ за принадлежность къ сообществу, поставившему цѣлью насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи установленнаго основными законами образа правленія. Къ тюремному заключенію на 3 года приговоренъ рабочій Муллеръ 16 лѣтъ. Всѣ приговоренные въ возрастѣ отъ 17 до 24 лѣтъ, въ ихъ числѣ двѣ гимназистки 5 и 6 класса приговорены на 4 года каторги. Въ числѣ оправданныхъ Зединъ, оговорившій себя и другихъ. Защитники подаютъ кассационную жалобу.

40) По протесту прокурора главный военный судъ 27 мая по дѣлу Ивана Папая, приговореннаго варшавскимъ военнымъ судомъ къ 20 годамъ каторги (въ виду несовершеннолѣтія смертная казнь была замѣнена 20 г. каторги), *вычеркнулъ смягченіе и оставилъ одну смертную казнь*.

41) Въ Харьковѣ окружный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалъ дѣло объ ограбленіи экономіи Карецкаго. Изъ восьми обвиняемыхъ одинъ оправданъ, двое приговорены къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, а пятеро къ лишенію правъ состоянія и къ заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи.

42) Въ Дриссѣ, 27 мая, окружный судъ въ особомъ присутствіи съ сословными представителями 26 и 27 мая, разобравъ въ Дриссѣ впервые два аграрныхъ дѣла, приговорилъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ правъ 20 крестьянъ и постановилъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о смягченіи наказанія до 6 и

4 мѣсяцевъ тюрьмы безъ лишенія правъ. Побудительныя причины преступленія—нужда и невѣжество.

43) Въ Харьковѣ судебная палата, разсмотрѣвъ въ городѣ Дмитріевъ Курской губерніи, дѣло о разграбленіи экономіи генералъ-адъютанта Мейендорфа, приговорила изъ 30 обвиняемыхъ, 16 крестьянъ къ тюремному заключенію на сроки до 8 мѣсяцевъ, а одного въ арестантскія роты на полтора года.

44) Въ Симферополѣ, 27 мая, судебная палата приговорила по дѣлу о погромѣ экономіи Саблы Давыдова семь крестьянъ къ тюремному заключенію на разные сроки. Пять человекъ оправданы.

45) Въ Екатеринославѣ военный судъ приговорилъ рабочаго Шаринскаго за вооруженное нападеніе на магазинъ Будилова къ смерти, но постановилъ *ходатайствовать* передъ начальникомъ округа о *замѣнѣ смерти каторгой*.

46) Въ Минскѣ покушавшійся на городского мѣщанинъ Любаня приговоренъ палатой къ лишенію правъ и къ каторжнымъ работамъ на 3 года 4 мѣс.

47) Въ Одессѣ военный судъ приговорилъ къ ссылкѣ на поселеніе рабочаго Мелничанскаго, принадлежащаго къ совѣту рабочихъ депутатовъ Одессы и раздававшаго прокламаціи съ призывомъ содѣйствія вооруженному возстанію.

48) Въ Варшавѣ, 28 мая, приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ *повышеніе* уличенные въ погромъ гминной кассы рабочіе: *Аморей Новаковский, Эдуардъ Вейеровичъ, Александръ Доманскій, Іосифъ Яромскій*; девять остальныхъ судомъ оправданы.

49) Ревель 30 мая. Судъ приговорилъ къ *разстрѣлянню* крестьянина Петра Шумана, покушавшагося близъ Вольмарка на убійство дневальнаго казака Кирпиченко; другой обвиняемый оправданъ.

50) Тифлисъ. Приговоренному военнымъ судомъ къ смерти крестьянину Сигикишвили намѣстникъ *замѣнилъ казнь черезъ повышеніе разстрѣляннiемъ*.

51) Въ Бакинской тюрьмѣ часовымъ, рядовымъ 132-бѣндерскаго полка Вязинскимъ, *убитъ политическій заключенный*. Причина убійства—отказъ заключеннаго исполнить требованіе уйти отъ окна.

52) Въ Калугѣ надзиратель тюрьмы Амосовъ выстрѣломъ изъ револьвера *убилъ* арестанта Чубинскаго,

53) Изъ Прибалтійскаго края: Въ Огерѣ 22 апрѣля у Лемзали нечаянно встрѣтился съ нѣсколькими стражниками секретарь бывшаго новаго волостного правленія Кемеръ. Стражники, взглянувъ на какую-то имѣющуюся при нихъ фотографію, *нѣсколькими выстрѣлами уложили его на мѣсть*. Защищаясь, Кемеръ двухъ стражниковъ убилъ.

54) Въ Слампенѣ (Тук. у.), по словамъ „Muhsu Laiki“, 21-го мая разстрѣляны безъ какого бы то ни было предварительнаго слѣдствія батраки Берзинъ и Нейманъ, потому что на нихъ пало подозрѣніе, что они хранили у себя оружіе.

55) *За похищеніе сорока рублей—смертная казнь*. По словамъ латышской газеты „Balss“, главный военный судъ оставилъ безъ послѣдствій кассационную жалобу противъ постановленія временнаго виленскаго воен-

наго суда, по которому рабочій Марковский приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за похищеніе сорока рублей.

Приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованіе печати въ теченіе мая мѣсяца:

1) Въ Петербургѣ по инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе по 128 и 1 п. 129 ст. угол. ул. и 1024 ст. улож. о нак. противъ издателя брошюры „Царь-голодь“ г. Парамонова, а также противъ содержателя типографіи, гдѣ печаталась эта брошюра г. Фарбера.

2) Тамъ же опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 27 апрѣля наложенъ *арестъ на № 2 журнала „Соціалистическая бібліотека“* (статья Кропоткина „Завоеваніе хлѣба“) и на № 1 журнала „Народная Жизнь“. Редакторы журнала привлекаются къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

3) Въ Тифлисѣ. По распоряженію тифлискаго генераль-губернатора редакторъ пріостановленной газеты „Встань, спящій“, священникъ Брихничевъ, въ семидневный срокъ долженъ покинуть тифлисское генераль-губернаторство, впредь до снятія военнаго положенія.

4) Въ Харбинѣ, 4 мая. Военный судъ надъ редакторомъ „Харбинскаго Листка“ Ровенскимъ, за газетныя статьи, состоялся 2 мая, и онъ *приговоренъ къ восьми годамъ каторги.*

5) Въ Петербургѣ Комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 1 журнала „Соколъ“ за напечатаніе статьи „Всероссійское разореніе“; редакторъ журнала г-жа Малыхъ привлечена къ отвѣтственности по 107 ст. угол. улож.

6) Въ Казани, 3 мая, редакторъ „Волжскаго Вѣстника“ Кудрявцевъ приговоренъ судебной палатой къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца. Редакторъ „Волжскаго Листка“ Ушаковъ оправданъ окружнымъ судомъ Редакторъ „Вечерняго Эхо“ Стадырновъ приговоренъ къ аресту при полиціи на 10 дней. Редакторъ татарской газеты „Азадъ“ Апанаевъ—къ штрафу въ 25 рублей.

7) Въ Петербургѣ, 5-го мая, полиція, прибывшая въ помѣщеніе книгоиздательства г. Е. Д. Парамонова („Донская рѣчь“), предъявила соотвѣтственное предписаніе, *конфисковать 900 экземпляровъ 3-го номера еженедѣльнаго журнала „Народная Жизнь“, издающагося подъ редакцію А. Е. Звенигородскаго.* Одновременно произведенъ былъ и обыскъ въ типографіи, гдѣ также конфисковано до 1000 экземпляровъ названнаго журнала.

8) Тамъ же главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено *ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ журналовъ:*

1) „Буреваль“. г. Турокъ по 103, 107, и 108 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 журнала статей: „Телеграммы“ и „Критика и бібліографія“. „Пауки и мухи“. Переводъ Романова; и 2) „Арабески“ г-жи Фалъевой по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 статьи „Политическая ложь“. Номера журналовъ конфискованы.

9) Тамъ же опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 3 текущаго мая, пріостановлено изданіе журнала „Вѣстникъ рабочаго“ за напечатаніе въ № 1 журнала статей: „Революція и реакція“ и „Армія и

бюрократія“. Редакторъ журнала г-жа Шуръ-Смѣсова *привлечена къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. угол. улож.*

10) Тамъ же, 6 мая, въ помѣщеніе, занимаемое книгоиздательствомъ „Библиотека для всѣхъ“ (Аптекарскій пр., д. 10, кв. 1), *напрянула полиція и хотѣла конфисковать изданную въ январь брошюру Парвуса: „Настоящее политическое положеніе и виды будущаго“.* Послѣ продолжительнаго, но безуспѣшнаго обыска полиція ушла.

11) Тамъ же, 6 мая, въ *типографію Шака* (Загородный пр., № 21) явился старшій инспекторъ по типографіямъ съ отношеніемъ с.-петербургскаго градоначальника *конфисковать* печатавшуюся въ этой типографіи брошюру подъ заглавіемъ: „Амнистія“, сказка Ивана Ивановича, но ему пришлось разочароваться, такъ какъ брошюра еще не была отпечатана. Имѣвшіеся нѣсколько оттисковъ брошюры были конфискованы.

12) Въ Кіевѣ номеръ отъ 7 мая вечерняго изданія „Послѣднихъ Новостей“ конфискованъ, по распоряженію властей, за перепечатку изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ замѣтки: „Жоресъ о Государственной Думѣ“, въ которой усмотрѣно оскорбленіе величества. Газета приостановлена на время военнаго положенія. Редакторъ Брейтманъ привлекается къ отвѣтственности по 1136 ст. ул. о наказ.

13) Въ Варшавѣ, 9 мая, редакторъ приостановившейся еще два мѣсяца тому назадъ газеты „Западная Молва“, согласно ходатайству цензурнаго комитета, привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

14) Въ Благовѣщенскѣ мѣстныя газеты закрыты, запрещаютъ печатать даже однѣ телеграммы.

15) Въ Петербургѣ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство *о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ:* 1) „Дѣло Народа“ г. Ульянова по 1 и 2 пп. и 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. времен. прав. о печати за напечатаніе въ № 1 газеты статьи „Праздникъ державнаго труда“ и стихотвореній „Искусъ.“ и „Солнечный восходъ“, и 2) „Волна“ г. Ширяевой по 6 ст. VIII отд. времен. прав. о печати за напечатаніе въ № 7 газеты статьи „Всенародное празднованіе 1 мая“. Номера этихъ газетъ конфискованы.

16) Въ Феодосіи, 10 мая, временнымъ генераль-губернаторомъ газета „Жизнь Крыма“ запрещена.

17) Въ Симферополѣ, 11 мая, первый номеръ двухнедѣльнаго журнала „Первый Лучъ“, выходящаго подъ редакторствомъ студента Жадовскаго, конфискованъ администраціей.

18) Въ Тифлисѣ, 11-го мая, генераль-губернаторомъ приостановлены на время военнаго положенія газеты „Волна“ и „Новь“.

19) Въ Петербургѣ, 12 мая, около 10 часовъ вечера, въ редакцію газеты „Дѣло Народа“ было сообщено, что, согласно постановленію с.-петербургской судебной палаты, газета закрывается впредь до судебного приговора. Постановленіе принято въ экстренномъ засѣданіи палаты и основано на цѣломъ рядѣ „преступныхъ“ статей.

20) Въ Москвѣ первый номеръ газеты „Свѣточъ“, органа социаль-демократовъ, вчера, по распоряженію цензурнаго комитета, конфискованъ.

21) Въ Петербургѣ главное управленіе по дѣламъ печати возбу-

дило ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газеты 1) „Страна“ г.г. Ковалевскаго и Иванюкова по 5 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. 8 отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 70 газеты статей „Голосъ Военнаго“ и „Письмо Офицера“; 2) „Призывъ“ г. Азнаурова по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 77 статьи „VII конференція Бунда“; 3) редактора журнала „Вѣстникъ Свободы“ В. В. Водовозова по 1, 2 и 3 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 статей: „Постановленія второго съѣзда конституціонно-демократической партіи“ и „Постановленія депутатскаго съѣзда всероссійскаго крестьянскаго союза“; 4) редактора газеты „Дума“ г. Гинберга по 5 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 12 изъ другой газеты статьи: „Обращеніе офицера къ офицеру“; 5) редактора газеты „Рабочее Слово“ г. Тенсъ по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 30 статьи: „Желѣзнодорожная конференція“; 6) „Волна“ г-жи Шириевой по 128 и 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 18 газеты статьи „Игра въ парламентъ“ и замѣтокъ „Митинги“ и „Въ районахъ“; 7) „Современная Жизнь“ г. Зорина по 5 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст., VIII отд. врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 100 извлеченія изъ помѣщеннаго въ газетѣ „Дѣло Народа“ воззванія офицера; 8) противъ ред.-издательницы газ. „Невская Газета“ жены врача Л. О. Канцель, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 10 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 9) противъ ред.-издат. журнала „Народный Вѣстникъ“ сына чиновника А. Е. Звенигородскаго, по ст. 128 угол. улож.

22) Въ Елисаветградѣ, 12 мая, органъ к.-д. „Новороссійскій Курьеръ“ за вредное направленіе приостановленъ генераль-губернаторомъ на все время военнаго' положенія.

23) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены уголовныя прослѣдованія противъ редакторовъ слѣдующихъ газетъ:

1) „Современникъ“—по ст. 128 и пп. 1 и 6 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г., 2) „Путь“ по ст.ст. 182, 1028 и 1036 улож. о наказ., ст.ст. 107 и 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г., 3) „Новости дня“—по п. 2 ст. 129 угол. улож. и п. в. ст. 5 отд. VIII зак. 14 ноября 1905 г., 4) Москвичъ—по пп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож., 5) „Сѣверная Россія“—по пп. 1, 2, 3, и 5 ст. 129 угол. улож., 6) „Моментъ“—по ст. 129 угол. улож., съ примѣн. п. а ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1905 г., 7) „Мысль“—по ст. 128 и п. 1 ст. 129 угол. улож., 8) „Народное Дѣло“,—по п.п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож., и журналовъ: 1) „Голосъ Жизни“—по п.п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож. и ст. 1028 улож. о нак. и 2) „Печатникъ“—по пп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож., съ прим. п. а. ст. 9 отд. VII зак. 24 ноября 1905 г.

24) По опредѣленіямъ С.-Петербургской судебной палаты,—состоявшимся 8 мая, оставлены въ силѣ распоряженія С.-Петербургскаго комитета, по дѣламъ печати: 1) о наложеніи ареста на № 3 журнала „Знаніе—Сила, Сила—Знаніе“; 2) о наложеніи ареста на № 3 журнала на малороссійскомъ нарѣччіи „Вільна Україна“, 3) о наложеніи ареста на № 6 газеты „Волна“.

По опредѣленію С.-Петербургскаго окружнаго суда—оставлено въ

силѣ распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати о наложеніи ареста на № 4 редактируемаго В. И. Архангельскимъ журнала „Рабочій Миръ“.

25) Въ Петербургѣ, по представленію цензурнаго комитета, возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ владѣльца типографіи г. Лурье по 128 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе брошюры „9 января 1906 г. въ Германіи“. соч. Меринга.

26) Въ Петербургѣ комитетъ по дѣламъ печати возбудилъ ходатайство о привлеченіи по 1 п. 129 ст. угол. улож. г. Парамонова за изданіе брошюры „Революція 1848 года въ Вѣнѣ“.

27) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 13 мая, приостановлено изданіе газеты „Невская Газета“ за напечатаніе въ № 6 статьи: „Голодай, чтобъ они пировали“ и въ № 7 статей: „Революціонная тактика“, „Дума и грядущій конфликтъ“ и „Дума и рабочіе“.

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности по 1 и 2 пп. 129 ст. угол. улож. редакторовъ: „Рабочее Слово“ г. Тенса за напечатаніе въ № 27 газеты статьи „III—IV сѣздъ р. с.-д. р. п.“, и „Призывъ“ г. Азнаурова за напечатаніе въ №№ 73 и 74 статьи „Сѣздъ р. с.-д. р. п.“

28) Въ Москвѣ полиція нагрянула въ одну изъ большихъ московскихъ типографій—Булгакова. Произведенъ былъ долгій и тщательный обыскъ. Типографія была наполнена жандармами, полиціей и агентами сыска. По слухамъ, въ типографіи обнаружено печатаніе нелегальной газеты для военныхъ. У Булгакова, между прочимъ, зачастую печатали и черносотенныя произведенія и воззванія истинно-русскихъ людей. Типографія вчера же была запечатана, а владѣлецъ ея заключенъ въ тюрьму.

29) Въ Саратовѣ палатой приостановленъ „Народный Листокъ“ до суда.

30) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты приостановлена газета „Дѣло Народа“, редактируемая членомъ государственной думы Г. К. Ульяновымъ.

31) Въ Керчи номеръ газеты „Наканунъ“ конфискованъ 14 мая.

32) Въ Кіевѣ 13 мая, редакторъ „Кіевской Газеты“, Богдановъ, обвиненный по 1585 статьѣ уложенія о наказаніяхъ, приговоренъ къ 7 днямъ домашняго ареста.

33) Въ Петербургѣ, 15 мая, въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушались дѣла по обвиненію редакторовъ 1) журнала „Русское Богатство“ Владиміра Галактіоновича Короленко. 2) „Свободнаго Народа“ П. Н. Милюкова и И. В. Гессена по 129 ст. за помѣщеніе извѣстнаго „манифеста“ совѣта рабочихъ депутатовъ; 3) по обвиненію П. Н. Милюкова, какъ редактора „Народн. Свободы“, и П. Б. Струве, какъ автора, за рядъ статей, помѣщенныхъ въ этой газетѣ, по той же 129 ст. По всѣмъ тремъ дѣламъ палата вынесла оправдательный вердиктъ.

34) Въ Петербургѣ, по ходатайству главнаго управленія по дѣламъ печати привлекаются къ отвѣтственности редакторы газетъ: 1) „Народный Вѣстникъ“ г. Корнильевъ по 128 ст. уг. ул. и 6 ст. VIII отд. врем.

прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 3 статьи „О казакахъ“ и 2) „Волна“—г-жа Ширяева по 1 и 2 ш. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 19 статей: „Задачи и моменты“, „Крестьяне не ждутъ“ и „Дума переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

35) Въ Петербургѣ, 17 мая, въ спб. судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редакторовъ журнала „Рабочій Народъ“ В. В. Кирьякова и И. А. Сафонова по 129 ст. уг. ул. Поводомъ къ привлеченію гг. Кирьякова и Сафонова послужили статьи „Отъ редакціи“ и „Въ единеніи сила“, въ которыхъ прокуратура усмотрѣла призывъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія. Палата приговорила подсудимыхъ къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ, причеиъ постановила закрыть журналъ и воспретить имъ быть редакторами въ теченіе 5 лѣтъ.

36) Въ Владивостокѣ, 16 мая, въ военномъ судѣ слушалось дѣло бывшаго офицера Перлашкевича, отбывшаго на Сахалинѣ 16 лѣтъ каторги, освобожденнаго октябрьской амнистіей и привлеченнаго къ отвѣтственности за напечатаніе въ газетѣ „Владивостокскій Листокъ“ статей о присягѣ. Послѣ пятичасового совѣщанія судъ вынесъ приговоръ къ пожизненной ссылкѣ въ Якутскую область. Обвиненіе предъявлено по статьѣ 129, пунктъ 1 и 3.

37) Въ Казани номеръ татарской газеты „Азатъ“ конфискованъ.

38) Въ Петербургѣ, гл.авнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности по 1 и 2 ш. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе статьи „Постановленія и резолюціи объединеннаго съѣзда російской социаль-демократической рабочей партіи“—редакторовъ газетъ: 1) „Наша Жизнь“—г. Левина, 2) „Дума“—г. Винберга, 3) „Рабочіе Слово“—г. Тенсъ, 4) „Невской Газеты“—г-жи Канцель, и 5) „Волна“—г-жи Ширяевой.

39) Въ Тифлисѣ, въ ночь на 19 мая, передъ печатаніемъ органа Народной свободы, газеты „Кавказская Мысль“, выходящей взаиънъ приостановленнаго „Новаго Обзорѣнія“, она приостановлена.

40) Тамъ же, распоряженіемъ генераль-губернатора, вчера приостановлены три газеты: „Справедливость“, „Встанъ, Спящій“ и „Сатирическая крапива“. Вышедшіе номера газетъ отбирались полиціей.

41) Въ Петербургѣ, въ помѣщеніе склада *книгоиздательства* Н. Парамонова („Донская рѣчь“) *явилась полиція* и, предъявивъ соотвѣтствующее предписаніе, конфисковала 65 экземпляровъ только что выпедшаго изъ печати новаго изданія книги Туна „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“ съ предисловіемъ Л. Шишко. Книга Туна издана была въ Россіи еще мѣсяцевъ пять тому назадъ книгоиздательствомъ „Библиотека для всѣхъ“.

42) Въ Одессѣ военному суду преданъ поручикъ первой гренадерской артиллерійской бригады Левандовскій за напечатаніе въ газетѣ „Крымскій Курьеръ“ статьи подъ заглавіемъ „Старый прижимъ дѣйствуетъ“. Въ статьѣ выражено недоумѣніе по поводу приказа командующаго войсками барона Каульбарса о запрещеніи военнымъ участвовать въ освободительномъ движеніи. Статья заканчивается фразой: „У каждаго барона своя фантазія“.

43) Въ Петербургѣ постановленіемъ цензурнаго комитета *наложенъ*

арестъ на № 6 газеты „Волна“ за напечатаніе статьи „Первое мая“ отъ имени центрального комитета р. с.-д. р. п. Редакторъ газеты Е. И. Ширияева привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. и п. в ст. 1 отд. VIII врем. прав. о поврем. изд.

44) Въ Варшавѣ приостановленъ до суда очень распространенный во всемъ Царствѣ Польскомъ юмористическій журналъ „Черный Котъ“.

45) Въ Ростовѣ-на-Дону лучшія мѣстные газеты „Донское Слово“ и „Донская Молва“, распоряженіемъ градоначальника Драчевскаго, закрыты. Въ обѣихъ редакціяхъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, не давшій желательныхъ администраціи результатовъ.

46) Въ Симбирскѣ, 19 мая, редакторъ „Симбирскихъ Вѣдомостей“, находившійся уже подъ слѣдствіемъ по 129 статьѣ, снова привлекается къ отвѣтственности за помѣщеніе корреспонденціи объ избіеніи крестьянъ въ Цильнѣ. Съ него потребованъ дополнительный залогъ.

47) Въ Петербургѣ, 19 мая, въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора „Петербургской Газеты“ Н. С. Худекова по 1 п. 129 ст. угол. улож. Поводомъ къ привлеченію Н. С. Худекова къ отвѣтственности послужило напечатаніе имъ извѣстной резолюціи союза союзовъ по поводу ареста предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталева. Палата оправдала Н. С. Худекова.

48) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: „Волна“ г-жи Ширияевой по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 10 газеты статьи „Новый подъемъ“, и „Современная Жизнь“, г. Зарина по 4 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 94 газеты статьи „Впечатлѣніе дня“. Номера этихъ газетъ конфискованы.

49) Въ Петербургѣ, 20 мая, окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей оправданы редакторы журналовъ „Заноза“, „Дикарь“ и „Маски“.

50) Въ Томскѣ, 20 мая, вышелъ первый номеръ сатирическаго журнала „Ершъ“. Къ вечеру этотъ номеръ былъ арестованъ; къ редактору-издателю Попову предъявлено обвиненіе по 128 статьѣ.

51) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты приостановлено изданіе журнала „Вѣстникъ Свободы“ за напечатаніе въ № 3 статей: „Постановленія второго съѣзда конституционно-демократической партіи“ и „Постановленія депутатскаго съѣзда всероссійскаго крестьянскаго союза“. Къ редактору г. Водозову предъявлено обвиненіе по 1, 2 и 3 пп. 129 ст. угол. улож.

52) Сенатъ утвердилъ на-дняхъ приговоръ тифлисской судебной палаты, которымъ редакторъ-издатель газеты „Рабочій Листокъ“ Н. Тамашевъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ; точно также утвержденъ сенатомъ приговоръ и бывшаго редактора той же газеты Н. Элявы, по которому онъ также подвергается заключенію въ крѣпости на 1 годъ. Приговоры эти вступаютъ въ силу съ 1 іюня сего года.

53) Въ Ярославлѣ, 20 мая, окружный судъ рассмотрѣлъ четыре дѣла о нарушеніи временныхъ правилъ о печати. По первому дѣлу редакторъ приостановленной „Сѣверной Газеты“ Троицкій, оправданъ.

Редакторъ приостановленной „Сѣверной Мысли“, Крыловъ, по одному дѣлу оправданъ, по другому приговоренъ къ штрафу въ 100 рублей, въ случаѣ несостоятельности—къ аресту въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяць. Изданіе газеты воспрещено навсегда. По четвертому дѣлу редакторъ приостановленной „Сѣверной Области“, Ливановъ, оправданъ.

54) Въ Екатеринославѣ мѣстный цензоръ взялъ подъ свое крыло депутата Способнаго, конфисковавъ номеръ „Южной Зари“, гдѣ былъ напечатанъ протестъ рабочаго Цорна противъ рѣчи Способнаго въ защиту смертной казни и запрещенія стачекъ. Онъ привлекаетъ теперь къ отвѣтственности автора статьи вмѣстѣ съ редакторомъ газеты.

55) Въ Казани, 21 мая. Сегодняшній номеръ „Волжскаго Вѣстника“ конфискованъ.

56) Въ Петербургѣ, 24 мая. Въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушались слѣдующія литературныя дѣла: 1) редактора-изд. „Нашей Жизни“ Л. Ходскаго, по обв. по 51, 1 и 3 п. 129 ст. угол. улож. (возвращенное по протесту прокурора прав. сенатомъ для вторичнаго слушанія); 2) о ред. газ. „Вечерній Голосъ“ М. Ковтуновскомъ, обв. по 129 ст. угол. улож. и 3) о ред. газ. „Русь“ А. Зенгерѣ, обв. по 129 ст. угол. улож. Всѣ трое оправданы.

57) Тамъ же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекаются къ отвѣтственности редакторы газетъ: „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“ г. Бондаревъ по 2 ч. 103 и 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и 281 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ № 3 статей: „Стѣна“, и „О звѣздной палатѣ“, въ № 4—„Опасная игра“ и „Кто хочетъ войны“ и въ № 5 „О русской революціи“, „Сонъ“ и „Военная хитрость“; 2) „Народный Вѣстникъ“ г. Корнильевъ по 1 ч. 103 и 4 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 11 статей „Вопль Грузіи“, „Севастопольская катастрофа“, „Митинги и собранія“, „Разгромъ Грузіи“ и въ № 12—„Мысли социалиста велухъ“ и „Что думаютъ за границей. Франція“.

58) Тамъ же, за напечатаніе воззванія депутатовъ отъ рабочихъ въ государственной думѣ „Ко вѣмъ рабочимъ Россіи“ привлечены къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. редакторы газетъ: 1) „Современная Жизнь“—г. Сойкинь и 2) „Курьеръ“—г. Цедербаумъ.

59) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 24 текущаго мая, приостановлено изданіе газеты „Волна“ за напечатаніе въ №№ 18 и 19 статей и замѣтокъ „преступнаго“ характера.

60) Въ Тифлисѣ, 25 мая, по распоряженію генераль-губернатора приостановлена газета „Наша Мысль“, редакторъ ея арестованъ и будетъ высланъ въ административномъ порядкѣ, изъ предѣловъ генераль-губернаторства.

61) Въ Казани, 24 мая, „Вечернее Эхо“ конфисковано за перепечатку воззванія 14 членовъ государственной думы къ рабочимъ.

62) Въ Тифлисѣ, 25 мая, противъ редактора газеты „Встань Спящій“, священника Брихничева, возбуждено судебное преслѣдованіе по 128 статьѣ.

63) Въ Екатеринославѣ, 24 мая. Сегодняшній номеръ газеты „Южная

Заря" конфискованъ за помѣщеніе въ немъ письма-заявленія Плеханова: Поддержка рабочими думы.

64) Въ Симферополѣ, 24 мая, сотрудники „Южнаго Курьера“ Гарнисъ и Коганъ приговорены судебной палатой по 129 ст. угол. улож. къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ. Приносится кассационная жалоба.

65) Въ Читѣ, 14 мая. Сегодняшній номеръ газеты „Даль“ конфискованъ въ порядкѣ 9 пункта временныхъ правилъ о печати.

66) Въ Тулѣ редакторъ газеты „Тульская Жизнь“ привлеченъ къ ответственности по ст. 1038 и 1040 уложения о наказаніяхъ.

67) Въ Петербургѣ, *главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати* 26 мая возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи:

1) редактора-издателя газеты „Народный Вѣстникъ“ Корнильева по п. 1 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и п. 5 ст. 129 угол. улож. съ примѣненіемъ къ № 15 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 2) редактора-издателя газеты „Курьеръ“ С. И. Цедербаума, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 3 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 3) редактора газеты „Призывъ“ Ф. М. Азнаурова, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 88 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 4) редактора газеты „Дума“ А. В. Винберга, по п. 1 ст. 129 угол. улож.

68) Въ Полтавѣ, 26 мая. Къ редактору журнала „Наканунъ“, г-жѣ Зеленой, предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о нак. за напечатаніе резолюціи съѣзда социаль-демократической партіи.

69) Въ Рязани, 26 мая. Сегодня конфискованъ 141-й номеръ газеты „Рязанскій Вѣстникъ“ за перепечатаніе имъ помѣщеннаго въ газетѣ „Курьеръ“ открытаго письма Плеханова къ рабочимъ.

70) *С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати* 26 мая возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи:

1) редактора-издателя газеты „Народный Вѣстникъ“ С. М. Корнильева, по п. 1 ст. 129 угол. улож. и п. 6 ст. 129 того же улож., съ примѣненіемъ къ № 16 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 2) редактора газеты „Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“ С. И. Бондырева, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 7 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 3) редактора-издателя газеты „Впередъ“ Л. И. Струнскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 1 означеннаго изданія п. „а“ ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года.

71) Въ Ярославлѣ, 26 мая, конфискованъ № 20 „Северныхъ Откликовъ“. Въ Рыбинскѣ усиленно конфискуются различныя столичные газеты.

72) Въ Петербургѣ постановленіемъ петербургскаго комитета по дѣламъ печати *наложено арестъ*: 1) на брошюру подъ заглавіемъ „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, книгоиздательства „Молотъ“; 2) на брошюру подъ заглавіемъ: „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“; 3) на брошюру: „Правительство, дума и революція“.

73) Тамъ же *главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати* привлекается къ ответственности по 128 и 1 п. 129 ст. угол. улож. редакторъ журнала

„Голосъ Приказчика“ г. Кинць за напечатаніе въ № 6 стихотворенія „Ободришь, не падай духомъ“ и передовой статьи.

74) Въ Полтавѣ, 27 мая, редакторы газетъ „Полтавщина“ и „Колоколь“, привлечены прокуратурой къ отвѣтственности по 129-й статьѣ улож. о наказ., первый за напечатаніе воззванія рабочей группы въ государственной думѣ, а второй за напечатаніе резолюціи харьковскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ государственной думѣ.

75) Въ Харьковѣ, 28 мая, выпускъ газеты „Харьковская Жизнь“ приостановленъ, по распоряженію генераль-губернатора. „Слѣдующій номеръ этой газеты задержанъ въ типографіи.

76) Въ Ромнахъ, 28 мая, полиціей конфисковано прибавленіе къ газетѣ „Живое Слово“, въ которомъ напечатано воззваніе къ рабочимъ членовъ Государственной Думы.

77) Въ Полтавѣ конфискованъ номеръ газеты „Полтавскія Думки“. Редакторъ Екатерина Шулькевичъ привлечена къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

78) Въ Воронежѣ вышедшій первый номеръ газеты „Голосъ Труда“ конфискованъ.

79) Въ Харьковѣ, 28 мая, конфискованъ первый номеръ сатирическаго журнала „Злой Духъ“.

80) Въ Кіевѣ, 27 мая, вышелъ и конфискованъ первый номеръ малорусской газеты „Борьба“, конфискованы также номера петербургскихъ газетъ „Народный Вѣстникъ“ и „Курьеръ“.

81) Въ Кишиневѣ окружный судъ разсмотрѣлъ рядъ дѣлъ о нарушеніи правилъ о печати. Редакторъ „Колокола“ Пронинъ оправданъ, редакторъ „Обновленной Школы“ Катуль оштрафованъ на 25 руб., редакторъ „Бессарабской Жизни“ Захаровъ по 7-ми дѣламъ оправданъ, по 8-му оштрафованъ на 150 руб. Редакторъ „Друга“ Крушеванъ оправданъ.

82) Въ Петербургѣ особое присутствіе судебной палаты съ сословными представителями оправдало редактора-издателя „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Проппера и секретаря редакціи Кауфмана, привлечавшихся по 3 пункту 129 статьи за напечатаніе телеграммы московскаго центрального комитета союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и аналогичнаго воззванія. Отвѣтственный редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Бонди, привлечавшійся за перепечатку изъ „Самарскаго Курьера“ заявленія казаковъ 2-го Урупскаго полка, оправданъ.

83) Въ Ярославлѣ постановленіемъ окружнаго суда приостановлена газета „Сѣверные Отклики“ и конфискованъ номеръ съ письмомъ Плеханова къ рабочимъ.

Нѣсколько разъ въ теченіе мая въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Дѣло Народа“, „Народный Вѣстникъ“, „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“, „Курьеръ“, „Волна“, „Призывъ“, „Впередъ“; въ Полтавѣ нѣсколько разъ были конфискованы номера газетъ: „Колоколь“, „Полтавскія Думки“, „Наканунъ“; въ Казани—„Волжскій Вѣстникъ“.

84) Въ Петербургѣ редакторъ журнала „Неделя“ г. Китнеръ привлеченъ къ отвѣтственности за статью гр. Льва Толстого въ № 1.

Прокуроромъ окружнаго суда оставлено безъ удовлетворенія хода-

тайство главнаго управления по дѣламъ печати о привлеченіи къ отвѣтственности редактора журнала „Ясная Поляна“ г. Максимова по 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 2 журнала сочиненія Л. Н. Толстого „Къ политическимъ дѣятелямъ“.

Опредѣленіемъ судебной палаты наложенъ арестъ на брошюру „Обуховская оборона“ соч. Носкова, изд. „Библиотеки для всѣхъ“. Издатель г. Рутенбергъ привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож.

По распоряженію градоначальства наложенъ арестъ на № 18 газеты „Народный Вѣстникъ“, № 9 „Извѣстій крестьянскихъ депутатовъ“ и № 1 журнала „Поединокъ“.

85) Во Владивостокѣ, 25 мая, военнымъ судомъ слушалось дѣло редактора-издателя газеты „Владивостокъ“ Ремезова. Послѣ одиннадцатичасоваго совѣщанія судъ отвергъ обвиненіе по 129 ст. и призналъ Ремезова виновнымъ по 307 ст. и приговорилъ его къ 500 рублей штрафа. Ремезовъ освобожденъ изъ подъ стражи.

86) Въ Кіевѣ, 28 мая конфискованы „Курьеръ“, „Извѣстія Крест. Депутатовъ“ и „Народный Вѣстникъ“. Кіоски и разносчики дали подписку о непродажѣ этихъ газетъ во время военнаго положенія.

87) Въ Петербургѣ въ судебную палату *поступило* для разсмотрѣнія *дѣло редактора* журнала „Освобожденная Мысль“ В. Бродскаго. Обвиненіе предъявлено по 1 и 2 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ первомъ выпускѣ журнала соч. П. А. Кропоткина: „Рѣчи бунтовщика“.

30 мая въ судебной палатѣ слушались дѣла *по обвиненію редактора-издателя „Биржевыхъ Вѣдомостей“ С. М. Проппера и секретаря редакци* А. Е. Кауфмана по 3 п. 129 ст. за помѣщеніе 22 и 25 ноября прошлаго года телеграммы московскаго центральнаго бюро почтово-телеграфнаго союза и воззванія этого союза и *по обвиненію другого редактора* той же газеты В. А. Бонди по 1 и 5 пп. 129 ст. за перепечатку заявленія казаковъ 2-го урупскаго полка. Всѣхъ подсудимыхъ палата оправдала.

88) Въ Казани, 30 мая. Конфискованъ номеръ „Вечерняго Эха“ за статью „Пытки въ Ригѣ“, а также № 187 „Волжскаго Вѣстника“, въ которомъ, въ числѣ прочихъ статей, напечатано письмо Льва Толстого къ государю. Слѣдующій номеръ тоже конфискованъ.

89) Въ Петербургѣ, 30 мая, конфискованъ № 19 газеты „Народныи Вѣстникъ“ за помѣщенное въ номерѣ стихотвореніе „Двое“.

С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи:

1) Редактора газ. „Дума“ А. В. Винберга, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 25 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 2) ред.-издат. газ. „Впередъ“ М.-Л. И. Струнскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 2 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 3) редактора газ. „Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“ С. И. Бондырева, по ст. 128 угол. улож. и п. 1 ст. 129 того же улож., съ примѣненіемъ къ №№ 8 и 9 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 4) редактора газ. „Современная Жизнь“ отст. губ. секр. А. Е. Зарина по

п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 111 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 5) редактора газ. „Двадцатый Вѣкъ“ Н. Н. Долгова, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и ст. 103 ч. 2 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 58 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 6) ред.-изд. газ. „Народный Вѣстникъ“ С. М. Корнильева, по пп. 1, 3, и 5 ст. 129 уголовн. уложенія, съ примѣненіемъ къ № 18 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII зак. 24-го ноября 1905 года.

Конфискація произведеній печати. Конфискованы полиціей № 1 журнала „Поединокъ“, № 17 газеты „Народный Вѣстникъ“ и № 9 „Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигверъ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI + 240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ, Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами
(около 400 печ. лист.).

Издание М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Баженова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за слѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Вышли и раздаются подписчикамъ томы VII, VI, VIII, III, VI, I.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;

Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спасскій переулочъ, д. 5.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИЦЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

Складъ изданія: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Вышли №№ 2 и 3 «Библиотеки Освободительной Борьбы».

СОДЕРЖАНИЕ № 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

СОДЕРЖАНИЕ № 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданій тамъ же гдѣ и брошюры «Шлиссельбургскіе мученики».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ виѣпартийный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Автоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуриискій; В. Я. Богучарскій; А. К. Ворозданъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Вѣлюконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Игтгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Мануچارовъ; М. Маньковский; В. П. Малковецъ (Акимовъ); П. Н. Милуково-Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликъ-вскій; Г. Ф. Осоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Цантелъевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Святиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигверъ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хвѣжниковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховскій; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и известнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія воспоминаній **М. В. Новорусскаго** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предполагаемы къ помѣщенію между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостолъ** (историко-психологическій этюдъ); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Виташевскій**—Централка (Изъ воспоминаній); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ сѣздѣ народолюбцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ сѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **И. Л. Манучаровъ**—Мой процессъ; **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **Л. Василевскій** (Плохоцкій)—Процессъ «Пролетаріатцевъ» въ Варшавѣ; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о **С. Г. Нечаевѣ** и **М. А. Бакунинѣ**. Д-ъ.—Арестъ **С. Г. Нечаева** въ Цюрихѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы **Н. А. Серно-Соловьевича**, **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ); неизданныя стихотворенія **И. С. Никитина** и **Т. Г. Шевченко**; Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассационномъ процессѣ **И. П. Калаева**, процессъ 17-ти народолюбцевъ: **Богдановича**, **Буцевича**, **Грачевскаго**, **Корбы**, **Сав. Златопольскаго** и др.), письма **М. А. Бакунина** и др. извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осипскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **Н. И. Колодкевича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Буцевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, виды **Карійской** и **Акатуйской каторги**, и проч.